ДК
330 Финл.
Ф-60
Финл. окраина России.
в. 1
М., 1891

159

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

51

M
T1.745

№14390.

ФИНЛЯНДСКАЯ

ОКРАИНА РОССІИ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

№ 11330

ФИЛИАЛЬСКАЯ
ОРЛАНДА РОССІИ.

DK
330 Финляндия.
Ф.60

116
598.

ФИНЛЯНДСКАЯ ОКРАИНА РОССІИ.

Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ-называемаго „Финляндскаго вопроса".

Выпускъ первый.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ИЗДАЛЪ

Сергѣй Петровскій.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстн. бульв.
1891.

522718
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣдніе два-три года составляютъ, можно сказать, эпоху въ исторіи русско-финляндскихъ отношеній, эпоху рѣшительнаго поворота, отъ направленія издавна усвоеннаго ходомъ финляндскихъ дѣлъ благодаря почти всеобщему полному невѣдѣнію Русскихъ людей во всемъ касающемся Финской окраины Русскаго Царства, къ направленію которое тѣ же дѣла начинаютъ принимать благодаря проясненію русскихъ взглядовъ на сущность этихъ дѣлъ, благодаря успѣхамъ русскаго сознанія, уже не дающагося болѣе въ обманъ финляндскимъ политиканамъ.

Этотъ ростъ русскаго сознанія, уже принесшій добрые плоды и обѣщающій еще болѣе важные результаты въ будущемъ, является столь крупнымъ историческимъ фактомъ въ русской жизни что самъ по себѣ заслуживаетъ обстоятельнаго изученія. Интересно хронологически прослѣдить какъ развивалось это русское сознаніе, какъ восходило оно изъ степени въ степень, изъ силы въ силу, какъ боролось оно съ настойчивыми стараніями подавить его, затемнить, сбить съ толку.

Все это, конечно, не вполнѣ, но въ извѣстной мѣрѣ, находило себѣ выраженіе въ печатномъ словѣ,—и полное собраніе всего что̀ печаталось у насъ въ послѣдніе годы по разнымъ относящимся къ Финляндіи вопросамъ было бы несомнѣнно однимъ изъ важныхъ матеріаловъ для изученія послѣдовательнаго роста русскаго сознанія въ этой столь долго ускользавшей отъ него сферѣ Собрать книги и брошюры по означеннымъ вопросамъ не трудно, ихъ не особенно много; не составитъ также слишкомъ большаго труда собрать статьи по той же части печатавшіяся въ большихъ журналахъ. Но совсѣмъ иначе стоитъ дѣло по отношенію къ печати ежедневной, къ статьямъ появлявшимся въ газетахъ: просматривать вороха газетъ за нѣсколько лѣтъ трудъ слишкомъ кропотливый, и найденное можетъ не вознаградить ищущаго за время потраченное на

розыски. Чтобы облегчить трудъ изслѣдователя нужны сборники газетныхъ статей по интересующему его вопросу.

Именно по этимъ соображеніямъ, къ намъ давно уже обращались съ разныхъ сторонъ съ побужденіями выпустить въ свѣтъ особымъ хронологическимъ сборникомъ все что̀ печаталось по финляндскимъ дѣламъ и вопросамъ въ издаваемыхъ нами *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Предполагаемая книга есть первый выпускъ такого сборника, первыя страницы коего мы позволили себѣ украсить нѣсколькими статьями покойнаго издателя *Московскихъ Вѣдомостей*, незабвеннаго М. Н. Каткова, писанными въ 1883 и 1885 годахъ. Затѣмъ въ настоящій выпускъ вошли тѣ статьи и отзывы по финляндскимъ дѣламъ и вопросамъ которые печатались въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* съ самаго того времени какъ онѣ перешли въ наше завѣдываніе, то-есть въ 1888, 1889 и 1890 годахъ. Статьи, появившіяся въ нашей газетѣ въ 1891 году, должны, по нашему предположенію, составить второй выпускъ сборника.

Дабы помочь читателю оріентироваться въ довольно объемистой книгѣ, состоящей изъ множества статей весьма разнообразнаго содержанія, расположенныхъ приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ, мы предпосылаемъ имъ, вопервыхъ, подробное оглавленіе, вовторыхъ, азбучный указатель всѣхъ упоминаемыхъ въ статьяхъ лицъ.

Сергѣй Петровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе V
Оглавленіе VII
Азбучный указатель лицъ упоминаемыхъ въ книгѣ XV

1883—1885 годы.

М. Н. Катковъ по финляндскому вопросу 3
1. Изъ передовой статьи № 70 *Московскихъ Вѣдомостей* 1883 года 3
2. Изъ передовой статьи № 79 *Московскихъ Вѣдомостей* 1883 года 5
3. Изъ передовой статьи № 93 *Московскихъ Вѣдомостей* 1883 года 8
4. Передовая статья № 241 *Московскихъ Вѣдомостей* 1885 года 9
5. Передовая статья № 260 *Московскихъ Вѣдомостей* 1885 года 12

1888 годъ.

Программа Финляндскаго сепаратизма 17
Историческія права Финляндіи 21
Легенда о „Финляндскомъ государствѣ“. *W.* 24
1. Происхожденіе „Финляндскаго государства“ 24
2. Освященіе новыхъ судебъ „Финляндскаго государства“ 30
3. Поэтическія вольности и недомолвки финской легенды 34
4. Происхожденіе финской легенды и ея плоды 37
О денежныхъ дѣлахъ съ Финляндіей. *** 41
Возможность новаго финляндскаго захвата. *** 51
Гельсингфорсскія корреспонденціи *Московскихъ Вѣдомостей*. *** 53
1. По поводу кончины барона Бруна 53
2. Откуда пошли финляндскіе статсъ-секретари? 56
3. Еще шагъ: мы назадъ, они впередъ 59
4. Финляндское чиновничество 61

1889 годъ.

Гельсингфорсскія корреспонденціи *Московскихъ Вѣдомостей*. *** 67
5. Финляндское чиновничество 67
6. Какова сила финляндскаго чиновничества 69
7. Радѣтели соглашенія съ Финляндіей 73
8. „Съ согласія земскихъ чиновъ“ Финляндіи 75
По поводу *Всеподданнѣйшей Докладной Записки* графа Ѳ. Л. Гейдена .. 79
Всеподданнѣйшая Докладная Записка генералъ-губернатора Финляндіи ... 82
Гельсингфорсская корреспонденція *Московскихъ Вѣдомостей*. ** 85
9. Финляндія и ограниченіе власти 85
Отзывы русской печати по поводу „Всеподданнѣйшей Докладной Записки финляндскаго генералъ-губернатора“ 90
Финляндская „лойяльность“ и финляндскій сепаратизмъ 92
„Записка“ графа Гейдена и „основные законы“ Финляндіи 99
„Боргоскіе акты“ и „личная унія“ Финляндіи съ Россіей 109
Гельсингфорсская корреспонденція *Московскихъ Вѣдомостей*. *** 115
10. Нѣчто по поводу „Записки“ графа Гейдена 115
Яхта *Царевна* и воспоминанія 121
Отвѣтъ прокурору Финляндскаго Сената 125
1. Боргоскіе акты и финляндское публичное право 125
2. Финляндское публичное право и акты шестидесятыхъ годовъ 131
Письмо къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей, А. фонъ-Вейсенбергъ, прокурору Императорскаго Финляндскаго Сената* 140
Новая дерзость финляндскихъ сепаратистовъ 144
Финляндскія новости 145
1. Формы опубликованія постановленій 145
2. Финляндскія почтовыя марки 146
3. Русскіе подданные и Финляндскія желѣзныя дороги 146
4. Запретъ православнымъ быть учителями исторіи 147

1890 годъ.

Январь—Мартъ.

Кто сообщилъ *Готскому Альманаху* ложныя свѣдѣнія о Финляндіи 151
Новая книга К. Ф. Ордина. *(Покореніе Финляндіи.)* 153
Приступъ къ объединенію финляндскихъ учрежденій съ русскими 157
Финляндскій отпоръ почтовому объединенію 163
Финляндская оппозиція въ таможенномъ вопросѣ 166
Финляндская армія и ея особенности 171
1. Справка о составѣ, численности и привилегіяхъ финской арміи 171
2. Дополненіе къ справкѣ 174
3. Своеобразность дисциплины въ финской арміи 175
Финляндскія новости 178
5. Финляндскіе толки о петербургскихъ коммиссіяхъ 178
6. Въ чемъ укоряютъ себя Финляндцы 179
Петербургскія коммиссіи и финляндская лойяльность 180

Финляндскіе „герои“ прежняго времени и ихъ „подвиги“. *Финляндскій Обыватель*. 184
1. Робертъ-Генрикъ Ребиндеръ. 184
Келейность и таинственность финляндскаго законодательства. 186
Финляндцы на Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. 188
1. Финляндскій протестъ противъ барона О. А. Бюлера. 188
2. Финляндскія симпатіи и антипатіи. 189
3. Еще финляндскій куріозъ. 191
Финляндскій воинскій уставъ и воинская присяга. 193
1. Германскіе восторги отъ финляндской кавалеріи и § 18 *Формы Правленія 1772 года*. 193
2. Историческая справка объ изданіи „Устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“. 196
3. Дополненіе къ исторической справкѣ объ изданіи финляндскаго воинскаго Устава. 202
Финляндскій гнѣвъ на русскую печать и русскія власти. 203
1. Что такъ возмутило нашихъ добрыхъ сосѣдей? 203
2. Противъ чего протестуютъ и чѣмъ грозятъ финляндскіе публицисты. . . . 206
„Законность и терроризмъ“ (передовая статья газеты *Hufvudstadsbladet*). 213
Финляндскія новости. 216
7. Объединеніе финляндскихъ почтовыхъ учрежденій съ русскими. 216
8. Финляндскія заискиванія у русской печати. 217
Финляндскіе „герои“ прежняго времени и ихъ „подвиги“. *Финляндскій Обыватель*. 219
2. Сенаторъ-анонимъ 219
Письма о Финляндіи. *М. Петровъ*. 223
1. Письмо первое. 223
Какъ и когда измѣнилась въ Финляндіи присяга на вѣрноподданство. . . . 229
Финляндскія новости. 235
9. Издѣвательства надъ православнымъ духовенствомъ. 235
10. Какъ живется Русскимъ въ Финляндіи. 236
11. Почтовое объединеніе. 237
12. Растраты въ финляндскихъ почтовыхъ конторахъ. 238
13. Куріозное воззваніе. 239
Чего требуютъ отъ финляндскихъ генералъ-губернаторовъ. 240

1890 годъ.

Апрѣль—Іюнь.

Объединеніе монетной системы финляндской съ русскою. 245
„Реальная унія“ Финляндіи съ Россіей 249
Финляндскія новости. 254
14. По почтовому вопросу. 254
15. Предстоящій Финляндскій Сеймъ. 255
16. Еще о созывѣ Финляндскаго Сейма. 256
17. Финляндскій бюджетъ на 1890 годъ. 258
18. Положеніе Русскихъ въ Финляндіи. 258
19. Поѣздка финляндскихъ земцевъ въ Петербургъ. 259
20. Еще о петербургской поѣздкѣ финляндскихъ земцевъ. 259

21. Два слова о неудавшейся финляндской депутаціи ... 260
22. Финляндскій архіепископъ Ренваль ... 261

Русскій и финляндскій взгляды на военную тайну ... 262
Финляндское „Уголовное Уложеніе“ и государственныя преступленія ... 267
Пятидесятирублевый штрафъ и финляндскія возраженія ... 273
Какъ блюдутся въ Финляндіи русскія военныя тайны. *Отставной Морякъ*. 277
Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ 24 апрѣля 1890 ... 281
Московскія Вѣдомости по поводу даннаго имъ предостереженія ... 282
Финляндскія новости ... 285

23. Финляндскіе отзывы по поводу даннаго *Московскимъ Вѣдомостямъ* предостереженія ... 285
24. Почему Финляндцы измѣнили общерусскую присягу на вѣрноподданство. 287
25. По почтовому вопросу ... 288
26. По вопросамъ таможенному и монетному ... 289
27. „1 мая“ и стачки въ Финляндіи ... 289
28. Странное „предостереженіе“ ... 290
29. Quasi-русскій „протестъ“ противъ русской печати ... 291

О любви Финляндцевъ къ Русскимъ. *Бывшій Морякъ* ... 295
„Государственная измѣна“ и финляндское „Уголовное Уложеніе“ ... 297
Приложенія къ статьѣ „Государственная измѣна и финляндское Уголовное Уложеніе“ ... 303

1. Нѣсколько параграфовъ изъ финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“ ... 303
2. Сравнительная таблица наказаній за государственную измѣну ... 304
3. Русскіе и финляндскіе законы о государственной измѣнѣ ... 306

Имѣетъ ли силу закона финляндское „Уголовное Уложеніе“? ... 310
О сфабрикованномъ протестѣ „Русскихъ“ противъ русской печати. *Русскій* ... 316
Знакомство съ Россіей въ финляндскихъ школахъ. *Ю. Н. Верещагинъ* ... 318
Финляндскія новости ... 333

30. Права русскихъ врачей въ Финляндіи ... 333
31. Русскіе подданные и финляндскіе пароходы ... 334
32. Нѣмецкій совѣтъ финляндскимъ сепаратистамъ ... 335
33. Гейденовскія комиссіи ... 335
34. Генералъ-губернаторскій домъ и „капелка“ въ Гельсингфорсѣ ... 336
35. Какъ живется въ Финляндіи корреспондентамъ и сотрудникамъ *Московскихъ Вѣдомостей* ... 336

Отставка Л. Мехелина ... 338

1. Письмо къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей*. *Русскій* ... 338
2. По поводу отставки финляндскаго сенатора Мехелина ... 339
3. По поводу толковъ объ отставкѣ г. Мехелина. (Корреспонденція изъ Гельсингфорса) ... 343

Гельсингфорсскія демонстраціи ... 345

1. Неужели дошло до этого? ... 345
2. Патріотическое чествованіе Л. Мехелина ... 345
3. Финляндскій герой дня и новая уличная демонстрація въ Гельсингфорсѣ. 347

Финляндскія каррикатуры ... 349

1. Финляндія въ роли несчастной, истязуемой дѣвочки-мученицы ... 349
2. Финляндія какъ она есть, безъ маскарднаго костюма ... 350

Письма о Финляндіи. *М. Петровъ*. 352
2. Письмо второе 352
Гражданинъ давшій предостереженіе *Московскимъ Вѣдомостямъ*. 359
Газета г. Нотовича и рѣчи г. Мехелина 365
Русско-финляндскія отношенія въ области суда 369
Три документа: два русскіе и одинъ финляндскій 372
1. Исполнительный листъ № 3.041 372
2. Исполнительный листъ № 3.042 373
3. Рѣшеніе „Вазаскаго“ гофгерихта 373
Юридическій казусъ и князь Мещерскій 375
Русскій судъ подъ судомъ суда финляндскаго. *Юристъ* 379
Тюремный конгрессъ и финляндское „Уголовное Уложеніе“ 381
Финляндскія новости 384
36. Объединительныя реформы 384
37. Выборгская вывѣска и неудовольствіе финномановъ 384
38. Неудачное „открытіе“ газеты *Hufvudstadsbladet* 385
39. Брошюрка г. Бореніуса 386
Высочайшій Манифестъ 31 мая (12 іюня) 1890 года 387

1890 годъ.

Іюль—Сентябрь.

Финляндцы и представители Западной Европы 391
Письма о Финляндіи. *М. Петровъ*. 393
3. Письмо третье 393
Финляндскія новости: 398
40. Высочайшій Манифестъ и финляндская цензура 398
41. Офиціальныя сообщенія объ отставкѣ Л. Мехелина и А. фонъ-Вейсенберга и о новыхъ назначеніяхъ 399
42. Финляндскій органъ на русскомъ языкѣ 401
Финляндскіе судебные порядки. *Гельсингфорсскій Старожилъ* 402
Германскіе виды на Финляндію 405
Высочайшій Манифестъ подъ судомъ финляндской печати 408
Финляндскія новости: 416
43. Вопросъ о Валаамскомъ монастырѣ 416
44. Поѣздка генерала Безака въ Финляндію 418
45. Мѣры противъ выходокъ финляндской печати и „рѣчь“ г. Вестермарка. 418
46. Ожидаемое узаконеніе о постановкѣ памятниковъ 421
47. Предполагаемыя реформы по учебному вѣдомству 422
48. Травля корреспондентовъ русскихъ газетъ 422
Еще обращики финляндской лойяльности 424
Финляндскія новости 427
49. Узаконеніе о памятникахъ 427
50. Возвращеніе генерала Эрнрота къ своему посту 427
51. Первый шагъ къ объединенію финляндской монеты съ общегосударственною 428

52. Процесъ газеты *Östra Finland* ... 429
53. Выходки „патріотовъ“ противъ графа Ѳ. Л. Гейдена ... 430

Два письма къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей* ... 431

1. Финляндскіе публицисты-сыщики. *Ю. Верещагинъ* ... 431
2. Замѣтка по финляндскому вопросу. *Подписчикъ* ... 432

Русскій кредитный рубль въ Финляндіи ... 433
Судьбы православія въ Финляндіи ... 437
Съѣздъ православныхъ священниковъ въ Выборгѣ. N ... 442
Православіе въ Финляндіи и лютеранскія притязанія ... 448
О Православной Церкви въ Финляндіи ... 454
Финляндскія новости ... 456

54. Новые порядки въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ ... 456
55. Сепаратистская выходка противъ генерала Дена ... 457
56. Рѣчь графа Гейдена въ Куопіо. Парадные генералъ-губернаторскіе пріемы. „Финляндія больше не поетъ“ *Л. Л.* ... 458

Графъ Гейденъ въ Куопіо и неудавшійся сепаратистскій маневръ ... 461
Финская кавалерія ... 466
Финляндское „Уголовное Уложеніе“ ... 469
Сепаратистское воззваніе ко всеобщему протесту ... 473
Новая уличная демонстрація въ Гельсингфорсѣ ... 475
Девизъ финляндскаго вѣрноподданства ... 478

1890 годъ.

Октябрь—Декабрь.

Финляндское „Уголовное Уложеніе“ и русскіе юристы ... 483

1. *Юридическая Лѣтопись* и записка *По поводу предстоящаго особаго Уложенія для В. Кн. Финляндіи* ... 483
2. *Журналъ Уголовнаго и Гражданскаго Права* ... 487

Финляндскія Новости ... 490

57. Предостереженіе газетѣ *Uusi Suometar* ... 490
58. Вопросъ объ объединеніи „финской арміи“ съ русскою ... 490
59. Смерть барона Шерваль-Валлена ... 491

„Финскія“ и „русскія“ войска ... 492
Финляндская элементарная школа въ ея прошломъ и настоящемъ. *Ю. Н. Верещагинъ* ... 495
Приложенія къ статьѣ „Финляндская элементарная школа въ ея прошломъ и настоящемъ“: ... 512

1. Общія статистическія свѣдѣнія ... 512
2. Финляндскія частныя элементарныя школы за 1888—1889 учебный годъ. 512
3. Финляндскія казенныя элементарныя школы за 1888—1889 учебный годъ. 513

Съ Финляндской границы. (Корреспонденція.) *Ф. Г.* ... 515

Въ виду предстоящаго Финляндскаго Сейма 518
1. Финляндскіе сеймовые церемоніалы 518
2. Русскія права и рѣшенія Финляндскаго Сейма 522

Проповѣдники сепаратизма и Финскій простой народъ. *Финляндскій Уроженецъ* 527

Финляндскія новости: 531

60. Пересмотръ финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“ 531
61. Неблагопристойный поступокъ въ церкви 532
62. Начало сближенія „финской“ арміи съ русскою 533
63. „Николайстадъ“ или „Вааа“ 533

Вопросъ объ оздоровленіи финляндскихъ школъ 535
Финляндскіе сеймы и права „короны“ 540
Русскія колоніи въ Финляндіи. *Л. П.* 544
Первыя впечатлѣнія Русскаго въ Финляндіи. *Л. П.* 546
Письма о Финляндіи. *М. Петровъ* 549

4. Письмо четвертое и послѣднее 549

Финляндскія Новости: 554

64. Книжка финляндскаго профессора Данізльсона 554
65. Что дѣлается съ финляндскимъ „Уголовнымъ Уложеніемъ“ 556
66. По вопросамъ о таможенномъ и монетномъ объединеніи. *N. N.* 556

Офинляндившіеся Русскіе и неошведившіеся Финны. *Л. П.* 558
Изъ отзывовъ печати по финляндскимъ дѣламъ 561

1. „Отповѣдь финнофобамъ“ 561
2. Русскіе въ Финляндіи 563
3. Освѣженіе Финляндіи 563

Финляндскіе порты и желѣзныя дороги 565
Финляндскія новости 569

67. Толки объ отставкѣ финляндскаго сенатора Р. Монгомери 569
68. Нѣчто о финляндскихъ газетахъ 571
69. Забастовка типографщиковъ 573
70. Финляндская жалоба Англичанамъ 573

Изъ отзывовъ печати по финляндскимъ дѣламъ 575

4. Какъ Финляндія спасала Россію 575
5. „Либеральный“ совѣтъ финляндскимъ сепаратистамъ 577

Фабрикація финляндскаго „общественнаго мнѣнія“. *Не-сепаратистъ* 578
Мертворожденное Финляндское государство. *Б. Л.* 582
О финляндскомъ театрѣ. *W.* 593
Переводъ ротмистра Григоркова изъ „Конnаго“ въ „Финскій полкъ“ 594
Царское слово о „Финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи“ 597

1. Первая вѣсть о Высочайшемъ Манифестѣ 1 (13) декабря 597
2. Опубликованіе Высочайшаго Манифеста 1 (13) декабря въ „Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго“ 600

Высочайшій Манифестъ 1 (13) декабря 1890 603
Непонятное замалчиваніе Высочайшаго Манифеста 605
Русскій Сѣверъ и финляндскіе аппетиты. *Н. Ш.* 608

Русскія гимназіи въ Финляндіи. *Л. П.* 611
Финляндцы и русскій языкъ 614
Письмо пастора Бруберга и отвѣтъ Ю. Н. Верещагина 618
Финляндскія Новости 622

71. Отставка сенатора Монгомери 622
72. Заграничные друзья финляндскихъ притязаній 622
73. Общество распространенія сепаратистской лжи 623

Верховная власть и финляндскій Сеймовый Уставъ 624
Финляндская печать и русское цензурное право 628
Изъ отзывовъ печати по финляндскимъ дѣламъ 633

6. Добросовѣстность *Новостей* 633
7. Что̀ читать Финляндцамъ? 634
8. Таможенное объединеніе Финляндіи 634
9. Польскія и шведскія сочувствія финляндскому сепаратизму 635

Замѣченныя опечатки 636

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ.

Адлербергъ, графъ, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Стр. 43, 95, 240—242.

Александра Георгіевна, Великая Княгиня.—Стр. 351.

Александръ III Александровичъ, Государь Императоръ. — Стр. 84, 90, 97, 144, 201, 265, 313, 387, 388, 428, 502, 583, 597, 598, 603, 604.

Александръ II Николаевичъ, Императоръ.—Стр. 49, 71, 86, 94, 95, 98, 107, 120, 126, 128, 131, 134, 141, 144, 222, 231, 233, 240, 241, 246, 247, 288, 345, 386, 583, 601, 631, 632.

Александръ I Павловичъ, Императоръ. —Стр. 11, 25, 26, 29, 33, 35, 36, 38—42, 48, 52, 58—60, 78, 82, 83, 86, 88, 90, 93, 103, 107, 110—113, 124, 140, 142—144, 146, 156, 164, 165, 216, 219, 221, 230, 246, 250, 252, 253, 287, 292, 300, 327, 416, 434, 437, 438, 498, 522, 526, 538, 555, 567, 575, 576, 580, 583—588, 590.

Александръ Невскій, Святой, великій князь.—Стр. 121, 322.

Алексѣй Михайловичъ, царь.—Стр. 122.

Альквистъ, финляндскій профессоръ.—Стр. 152.

фонъ-Альфтанъ, финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265, 381.

Ангеръ, референдарій-секретарь.—Стр. 346.

Анна (Ингигерда), русская великая княгиня, норвежская королевна.—Стр. 121.

Анна Іоанновна, императрица.—Стр. 139.

Антоній, епископъ Выборгскій.—Стр. 438.

Анучинъ, московскій профессоръ.—Стр. 190, 191.

Аракчеевъ, графъ А. А., военный министръ.—Стр. 28, 86.

Арвидсонъ, финляндскій писатель.—Стр. 463.

Армфельтъ, баронъ Карлъ, шведскій генералъ-майоръ.—Стр. 197.

Армфельтъ, баронъ Густавъ-Морицъ, камеръ-юнкеръ шведскаго короля Густава III, затѣмъ графъ, русскій генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта.—Стр. 38, 48, 54, 59, 167, 197, 526.

Армфельтъ, графъ, финляндскій министръ-статсъ-секретарь.—Стр. 43, 46, 54, 70—72, 86, 89, 95, 104—106, 132, 136—138, 206, 491, 526, 625.

Арппе, Адольфъ-Эдвардъ, финляндскій сенаторъ.—Стр. 399.

Ассоновъ.—Стр. 401.

—

Багратіонъ, князь, генералъ.—Стр. 123.

Барклай-де-Толли, князь, генералъ.—Стр. 123, 164, 165, 170, 328.

Бастманъ, финляндскій чиновникъ.—Стр. 338.

Безакъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ.—Стр. 158, 418, 456, 457.

Беконсфильдъ, лордъ, англійскій премьеръ.—Стр. 585.

Бергелундъ, референдарій-секретарь.—Стр. 72, 265.

Бергъ, графъ, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Стр. 241.

Бергъ, Эдвардъ, финляндскій историкъ.—Стр. 187, 202, 242, 331, 367, 368, 495—501, 503.

Бернадотъ, король шведскій.—Стр. 88, 406.

Бинеманъ, балтійскій сепаратистъ.—Стр. 54.

Биронъ, герцогъ.—Стр. 91.

Бисмаркъ, князь.—Стр. 49, 85.

Блофіельдъ, Фритіофъ-Теодоръ, и. д. директора канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора.—Стр. 399, 400.

Блудовъ, графъ.—Стр. 70—71, 105.

Борениусъ, Генрикъ-Густавъ, помощникъ прокурора Финляндскаго Сената. Стр. 386, 440, 591.

Борисовъ, экспертъ при Кронштадтскомъ военно-морскомъ судѣ.—Стр. 278.

Борисъ Годуновъ, царь.—Стр. 42, 121.

Боткинъ, лейбъ-медикъ.—Стр. 179.

Бремеръ, финляндскій педагогъ.—Стр. 318.

Брубергъ, финляндскій пасторъ.—Стр. 618—620, 633, 634.

Бруноу А., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200.

Брунъ, баронъ, Ѳедоръ Антоновичъ, д. т. сов., финляндскій министръ-статсъ-секретарь.—Стр. 53, 54, 56, 60, 72, 383, 541, 600, 601.

Буксгевденъ, графъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, генералъ.—Стр. 110, 327.

Бьеркстенъ С., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Бьёрлинъ, финляндскій историкъ.—Стр. 326—329.

Бюлеръ, баронъ Ѳ. А., д. т. сов., почетный опекунъ, директоръ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Стр. 189—191.

Вазашерна, В., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 200, 265.

Вальдерзее, графъ, начальникъ прусскаго генеральнаго штаба.—Стр. 405, 406, 629.

Ванновскій, П. С., военный министръ.—Стр. 480.

Василій Шуйскій, царь.—Стр. 330.

Вассеръ, Израэль, финляндскій профессоръ.—Стр. 38, 86, 230, 586, 589.

Векстремъ, финляндскій чиновникъ, кассиръ.—Стр. 403, 404.

Велёпольскій, маркизъ.—Стр. 104.

Верещагинъ, Ю. Н.—Стр. 332, 340, 352, 422, 432, 511, 535, 577, 618—621, 633, 634.

Вестермаркъ, Дг.—Стр. 418, 420, 424, 462.

фонъ-Вейсенбергъ, Александръ-Бернгардъ, прокуроръ Финляндскаго Сената.—Стр. 126—128, 130—139, 142, 187, 337, 339, 340, 343, 344, 368, 384, 386, 399, 408, 475—477, 569, 572, 575, 582, 619, 629.

Викторія, королева англійская.—Стр. 251.

Вильгельмъ I, императоръ германскій.—Стр. 311, 470.

Вильгельмъ II, императоръ германскій.—Стр. 405, 407, 606, 629.

Винтеръ, Биргеръ, ст. сов., генералъ-директоръ таможеннаго вѣдомства въ Финляндіи.—Стр. 399, 400.

Виссаріонъ, епископъ Дмитровскій.—Стр. 361.

Владиміръ епископъ Нарвскій.—Стр. 441, 442, 445, 447, 450, 452—454.

Владиміръ Святой, Великій Князь.—Стр. 121.

Вригтъ, финляндскій фабрикантъ. — Стр. 347.

Вриклонскій (?), „иностранный членъ“ Тюремнаго Конгресса въ Петербургѣ.—Стр. 383.

Вяземскій, князь, Александръ, генералъ-прокуроръ.—Стр. 74.

Гаконъ Норвежскій, король шведскій.—Стр. 88.

Гаральдъ, король норвежскій.—Стр. 121.

фонъ-Гартманъ, В., т. сов., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200, 259, 260.

Гартманъ, германскій философъ.—Стр. 407.

Гастферъ, баронъ.—Стр. 198.

фонъ-Гелленсъ, Т., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200, 232.

Германсонъ, финляндскій профессоръ.—Стр. 165, 210, 410, 552.

Германъ, Преподобный, основатель Валаамскаго монастыря.—Стр. 416, 438.

Гейденъ, графъ Ѳ. Л., финляндскій генералъ-губернаторъ.—Стр. 68—70, 73, 79, 81, 97, 99, 115, 125, 132, 137, 157, 159, 178, 216, 245, 248, 259, 265, 266, 289, 297, 335, 336, 341—344, 400, 417, 420, 426, 430, 433, 458, 459, 461—465, 472, 480, 556, 566, 570, 574, 634.

Гейтель, Ф., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200, 232.

Гейтлинъ, І., референдарій-секретарь.—Стр. 200, 400.

Гладстонъ, англійскій государственный человѣкъ.—Стр. 61, 101, 622.

Годуновъ, **Борисъ**, царь.—Стр. 42, 121.

Голубцовъ, государственный казначей.—Стр. 48.

Горнъ, Эвертъ.—Стр. 330.

Горчаковъ, князь, канцлеръ.—Стр. 70, 105.

Горчаковъ, князь, посланникъ при Мадридскомъ дворѣ.—Стр. 55.

Грабовскій, польскій статсъ-секретарь.—Стр. 230.

Гранъ, корреспондентъ *Новостей*.—Стр. 255.

Гранитъ, финляндскій магистръ.—Стр. 11.

Гренротъ, Фридрихъ, чиновникъ Вазаскаго гоффгерихта.—Стр. 374.

Григорковъ, ротмистръ.—Стр. 533, 594, 595.

Гротенфельдъ, Dr.—Стр. 391.

Гумблотъ и Дункеръ, лейпцигская издательская фирма.—Стр. 54.

Гурко, І. В., генералъ.—Стр. 231.

Гурьевъ, министръ финансовъ.—Стр. 167.

Густавъ-Адольфъ, король шведскій.—Стр. 87.

Густавъ-Ваза, к. шведскій.—Стр. 87.

Густавъ III, король шведскій.—Стр. 37, 38, 122, 169, 311.

Густавъ-Адольфъ IV, король шведскій.—Стр. 88, 124, 163, 327.

Гутъ, Паулина, начальница гельсингфорсской женской гимназіи.—Стр. 613.

Даль, І. Д., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200, 232.

Дамбергъ, учитель русскаго языка въ гельсингфорсской Александровской гимназіи.—Стр. 612.

Данізльсонъ, Рихардъ финляндскій профессоръ.—Стр. 554, 555, 561, 573, 575—579, 582—591, 626, 628—630, 632.

Дёббельнъ, шведскій генералъ.—Стр. 329, 330.

Делагарди, Яковъ, шведскій полководецъ.—Стр. 330, 576.

Демидовъ, генералъ.—Стр. 328, 329.

фонъ-Денъ, генералъ, финляндскій сенаторъ, товарищъ финляндскаго министра-статсъ-секретаря.—Стр. 72, 157, 158, 398, 428, 433, 457, 458.

Доделль, тайный совѣтникъ.—Стр. 157.

Долгоруковъ, князь, генералъ.—Стр. 9, 10.

Доннеръ, финляндскій профессоръ.—Стр. 497, 499, 500, 509, 616.

Дубровинъ, петербургскій профессоръ.—Стр. 577.

Дункеръ, шведскій офицеръ.—Стр. 10.

Дункеръ и Гумблотъ, лейпцигская издательская фирма.—Стр. 54.

Духонинъ, М. Л., генералъ-лейтенантъ, комендантъ Выборгской крѣпости.—Стр. 75.

Дуркинъ, экспертъ при Кронштадтскомъ военно-морскомъ судѣ.—Стр. 278, 279.

—

Екатерина II Алексѣевна, императрица. — Стр. 41, 42, 74, 85, 122, 197, 327.

Елисавета Петровна, императрица.—Стр. 25, 38, 40, 41, 85, 122, 416, 437.

Елисавета Ярославна, русская княжна, королева Норвежская.—Стр. 121.

Еллинекъ, профессоръ Вѣнскаго университета.—Стр. 252.

—

Забугинъ, д. ст. совѣтникъ.—Стр. 157.

Закревскій, графъ, финляндскій генералъ-губернаторъ. — Стр. 70, 71, 86, 219—221, 230, 242.

Зигенъ (Нассау-), принцъ.—Стр. 122.

—

Иващенко, д. ст. совѣтникъ. — Стр. 157.

Игнатіусъ, К. Ф. финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265, 319, 394.

Иловайскій, Д. И. русскій историкъ и публицистъ.—Стр. 561.

Ингигерда (Анна), норвежская королева, русская великая княгиня.—Стр. 121.

—

Іернфельтъ, А. А., генералъ-майоръ, Куопіоскій губернаторъ.—Стр. 11.

Іоаннъ III Васильевичъ, царь.—Стр. 121.

Іоаннъ Грозный, царь. Стр. 88.

Іоаннъ, король шведскій.—Стр. 88.

Іоаннъ, протоіерей Кронштадтскій.—Стр. 418.

Іонаѳанъ, игуменъ Валаамскаго монастыря. Стр. 417.

—

Казанскій, М. Н., священникъ.— Стр. 235.

Калоніусъ, финляндскій профессоръ.— Стр. 30.

Калоніусъ, Георгъ-Генрикъ-Вилли, прокуроръ Финляндскаго Сената.—Стр. 399, 475, 589, 590.

Каменскій, графъ, Н. М.—Стр. 124.

Канкринъ, графъ, министръ Финансовъ.—Стр. 6.

Карлъ IX, король шведскій.—Стр.330.

Кастренъ, Р., финляндскій историкъ.—Стр. 36, 103, 185, 230, 589.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ.—Стр. 3, 95, 363, 407.

Клингспоръ, шведскій генералъ.—Стр. 329.

Кнорringъ, генералъ.—Стр. 123, 328.

Кнорringъ, финляндскій капельмейстеръ.—Стр. 346.

Княжевичъ, министръ Финансовъ.—Стр. 45, 246.

Колланъ, Э., финляндскій цензоръ.—Стр. 418.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ.—Стр. 219, 220.

Коркуновъ, Н. М., петербургскій профессоръ. – Стр. 249—253, 483, 484, 585.

Корнеліусъ, финляндскій педагогъ.—Стр. 324.

Коскиненъ, Ирье, финляндскій сенаторъ.—Стр. 54 — 56, 68, 69, 72, 93, 94, 114, 118, 120, 138, 140, 162, 267, 337, 339, 340, 342—344, 368, 386, 400, 406, 408, 410, 425, 426, 450, 552, 582.

Фонъ-Котенъ, Казиміръ, генералъ, финляндскій сенаторъ.—Стр. 498—500, 509, 510.

Краевскій, издатель *Гласа*.—Стр. 8.

Кульневъ, генералъ.—Стр. 123.

Курбскій, князь.—Стр. 538.

Куртенъ, вазаскій (николайстадскій) купецъ.—Стр. 259, 260.

Курьянъ, штабсъ-капитанъ флотскихъ штурмановъ.—Стр. 278.

—

Лагерборгъ, Карлъ Яльмаръ, финляндскій генералъ-почтъ-директоръ.—Стр. 289, 456.

Лагерборгъ, редакторъ *Nya Pressen*.—Стр. 289.

Ланбергъ, Ф., фискалъ Вазаскаго (Николайстадскаго) гофгерихта.—Стр. 373.

Лахтелинъ, финляндскій чиновникъ.—Стр. 238.

Леандеръ, Э., финляндскій магистръ.—Стр. 348.

Ленбладъ, Э., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200.

Лерхе, Ф., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Лефгренъ, Б., финляндскій магистръ философіи, издатель *Uusi Suometar*.—Стр. 490.

Лильстрандъ, Арво, ландканцлеистъ.—Стр. 373.

Линдель, кузнецъ.—Стр. 237.

Линдстрёмъ, финляндскій педагогъ.—Стр. 326.

Линдфорсъ, финляндскій педагогъ.—Стр. 322.

Лонденъ, финляндскій инженеръ.—Стр. 402.

Лупандеръ, І. Л., штабсъ-капитанъ.—Стр. 369, 370, 372—375, 379, 380.

Люткенъ, А., газетный корреспондентъ.—Стр. 179.

—

Макарій, митрополитъ Московскій.—Стр. 153, 351.

Манасеинъ, Н. А., министръ Юстиціи.—Стр. 80, 315, 601.

Маннергеймъ, баронъ Карлъ-Густавъ.—Стр. 27, 36, 70, 103, 111, 130.

Мартенсъ, Ф., петербургскій профессоръ.—Стр. 587.

Майновъ, В. Н., корреспондентъ *Новостей*.—Стр. 8, 432.

Меншиковъ, князь, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Стр. 70.

Меуерманъ, А., финляндскій публицистъ.—Стр. 239, 495, 496, 499, 502, 508.

Мехелинъ, Генрикъ-Леопольдъ-Станиславъ, финляндскій сенаторъ.—Стр. 17, 21, 22, 24—39, 54—56, 61, 69, 72, 80, 88, 92, 94, 98, 101, 108, 110, 112 114, 127, 140, 162, 200, 253, 265, 311, 331, 337—343, 345—348, 365—368, 381, 382, 385, 386, 391, 399, 400, 406, 408, 410, 424, 450, 495, 496, 509, 552, 569, 572, 582, 587, 589, 623, 629.

Мехелинъ М., финляндскій капельмейстеръ.—Стр. 343, 478.

Мещерскій, князь, издатель *Гражданина*.—Стр. 359, 361—365, 375—377, 379, 560, 634.

Милютинъ, графъ Д. А., Военный министръ.—Стр. 119, 199, 240, 241.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь.—Стр. 416.

Михайловскій-Данилевскій, военный историкъ.—Стр. 10, 329.

Моденъ, финляндскій педагогъ.—Стр. 324.

Моландеръ, Г., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 157, 200, 247.

Монгомери, Робертъ, финляндскій сенаторъ.—Стр. 54—56, 59, 69, 202, 339, 343, 344, 381, 382, 386, 400, 406, 408, 425, 569, 573, 582, 595, 622, 623, 629, 636.

де-Моріанъ, депутатъ Боргоскаго сейма.—Стр. 36, 103, 130.

Мошенбергъ, Илья, мѣщанинъ.—Стр. 369, 370, 373—375, 377, 379, 380.

Мясоѣдовъ, „иностранный (?!) членъ“ Тюремнаго Конгресса въ Петербургѣ.—Стр. 383.

Наполеонъ I, императоръ Французовъ.—Стр. 26, 58, 112, 156, 576, 583.

Нассау-Зигенъ, принцъ.—Стр. 122.

Невельскій, русскій герой.—Стр. 123.

Неовіусъ, финляндскій писатель. Стр. 634, 635.

Нессельроде, графъ, министръ Иностранныхъ Дѣлъ.—Стр. 230.

Николай I Павловичъ, императоръ.—Стр. 33, 70, 86, 89, 106, 144, 185, 212, 219—221, 230, 250, 288, 314, 315, 533, 534, 583, 630—632.

Нобель, нефтепромышленникъ.—Стр. 168.

Норденстамъ, I. М., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200.

Норменъ, О., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200.

Нотовичъ, издатель *Новостей*.—Стр. 8, 90, 365, 366, 560, 561, 628, 633, 634.

Ночито, италіянскій профессоръ.—Стр. 432.

Нюбергъ, А., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Нюкопъ, А., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200, 232.

—

Однеръ, шведскій историкъ.—Стр. 320.

Океръ-Бломъ, финляндскій сенаторъ.—Стр. 59.

Олафъ, король норвежскій.—Стр. 121.

Ольденбургскій, принцъ.—Стр. 179.

Ординъ, Кесарь Филипповичъ.—Стр. 24, 25, 27, 28, 31, 33, 35—40, 55, 104, 110, 127, 128, 132, 147, 153—156, 164, 189—191, 250, 300, 326, 327, 331, 338, 340, 349—351, 385, 386, 431, 459, 554, 555, 561, 573, 575, 577—579, 582—585, 590, 591, 626, 630.

Орловъ-Денисовъ, русскій военачальникъ.—Стр. 124.

Оскаръ II, король шведскій.—Стр. 405, 406.

—

Павелъ Александровичъ, Великій Князь.—Стр. 351.

Пальменъ, I. Ф., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 85, 200, 265, 311.

Пальмротъ, испр. долж. финляндскаго министра-статсъ-секретаря.—Стр. 200, 201, 241.

Петровскій, С. А., издатель *Московскихъ Вѣдомостей*.—Стр. 281, 359.

Петровъ, М.—Стр. 228, 357, 358, 397, 404, 553, 577.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ.—Стр. 25, 30, 40, 41, 122, 324, 416, 437.

Пехконенъ, представитель гельсингфорсскаго „Общества Рабочихъ".—Стр. 348.

Пиппингъ, I. Ф., референдарій-секретарь.—Стр. 232.

Прокопе, В., финляндскій сенаторъ.—Стр. 265.

Путята.—Стр. 72.

Пушкинъ, А. С. русскій поэтъ.—Стр. 612.

—

Радонежскій, педагогъ.—Стр. 324.

Ребиндеръ, Робертъ - Генрикъ, финляндскій министръ-статсъ-секретарь.—Стр. 38, 48, 54, 58, 59, 132, 184, 185, 212, 222, 230, 231, 437.

Ренваль, Абоскій архіепископъ.—Стр. 259—261.

Ренвельдъ, генералъ.—Стр. 152.

Рейнъ, финляндскій профессоръ.—Стр. 152.

Рейтернъ, министръ Финансовъ.—Стр. 247.

Ринкевичъ, писатель.—Стр. 10.

Риггенбахъ, Dr., Швейцарецъ.—Стр. 392.

Рожинскій.—Стр. 330.

Рокасовскій, баронъ Платонъ Ивановичъ, финляндскій генералъ - губернаторъ.—Стр. 45, 70, 71, 104—108, 136, 138, 241, 625.

Румянцевъ, графъ, канцлеръ.—Стр. 51, 58, 185.

Рунебергъ, финляндскій поэтъ.—Стр. 325, 346, 458.

Рунебергъ, предсѣдатель городскихъ уполномоченныхъ въ Гельсингфорсѣ.—Стр. 382.

Рябининъ, корреспондентъ *Новостей*.—Стр. 10, 11.

—

Салтыковъ, графъ, товарищъ министра Иностранныхъ Дѣлъ.—Стр. 58.

Самаринъ, Юрій Ѳ.—Стр. 223, 587, 624.

Сандельсъ, Самуилъ-Августъ, генералъ.—Стр. 9—11.

Сандманъ, Джонъ, членъ Вазаскаго (Николайстадскаго) гофгерихта.—Стр. 374.

Седергольмъ, Т., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Сергій, Преподобный, основатель Валаамскаго монастыря.—Стр. 416, 438.

Скальковскій, д. ст. совѣтникъ.—Стр. 158.

Скобелевъ, генералъ.—Стр. 75.

Скопинъ-Шуйскій, князь Михаилъ Васильевичъ.—Стр. 330.

Слотте, финляндскій крестьянинъ.—Стр. 259, 260.

Соловьевъ, С. М., историкъ.—Стр. 156, 330.

Соловьевъ, экспертъ при Кронштадтскомъ военно-морскомъ судѣ.—Стр. 278.

Сольманъ, И. Г., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Сольстрэмъ, финляндскій капельмейстеръ.—Стр. 346.

Сперанскій, графъ, М. М., финляндскій статсъ-секретарь.—Стр. 36, 54, 56, 58—60, 86, 103, 164, 165, 170.

Спренгтпортенъ, графъ, Георгъ-Магнусъ, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Стр. 39, 48, 55, 132, 138, 155, 164, 197, 327, 434, 522.

Стадіонъ, графъ, австрійскій министръ.—Стр. 562.

Стамбуловъ, глава Болгарскаго правительства.—Стр. 606.

Стасюлевичъ, издатель *Вѣстника Европы*.—Стр. 579.

Стеркъ и К°, банкирская фирма.—Стр. 48.

Стояновскій, тайный совѣтникъ.—Стр. 381.

Стренгъ, Э., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Сысоевъ, Евграфъ, надворн. совѣтникъ, переводчикъ.—Стр. 197.

—

Таганцевъ, Н. С. сенаторъ и профессоръ.—Стр 556, 569, 570.

Тегнеръ, шведскій профессоръ.—Стр. 623.

Тенгстрёмъ, епископъ Абоскій.—Стр. 110, 132, 555.

Тиленъ, Ѳ., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200, 232.

Тилло, Альфредъ Э., финляндскій чиновникъ.—Стр. 484.

Тимирязевъ, д. ст. совѣтникъ.—Стр. 157.

Тогенгренъ, Эрнстъ, членъ Вазаскаго (Николайстадскаго) гофгерихта.—Стр. 374.

Топеліусъ, финляндскій педагогъ.—Стр. 322, 324—326, 330, 576.

Тотлебенъ, генералъ.—Стр. 231.

фонъ-Троиль, С. В., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Тудеръ, К., финляндскій сенаторъ.—Стр. 74, 158, 265, 418.

Тучковъ, генералъ.—Стр. 9, 10, 124, 327.

—

Уггла, А., финляндскій капельмейстеръ.—Стр. 348.

Уварова, графиня П. С.—Стр. 188—190, 192, 351.

—

Фаландеръ, шведскій военачальникъ.—Стр. 10.

Фельманъ, И., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Фердинандъ, принцъ Кобургскій, женихъ князь Болгарскій.—Стр. 606.

Ферлингъ, финляндскій магистръ.—Стр. 11.

Филипповъ, Т. И., государственный контролеръ.—Стр. 362.

авъ-Форселлесъ, Э. финляндскій сенаторъ.—Стр. 200, 232.

Форсманъ, финляндскій профессоръ.—Стр. 383.

Форсманъ, Э., финляндскій сенаторъ.—Стр. 38, 200, 232.

Фойницкій, „иностранный членъ" Тюремнаго Конгресса въ Петербургѣ.—Стр. 383.

Фразеръ, капитанъ.—Стр. 401.

Франкенгейзеръ, майоръ, цензоръ.—Стр. 418.

Френкель, издатель *Hufvudstadsbladet*.—Стр. 418.

Фридрихъ Мекленбургскій, король шведскій.—Стр. 88.

Фришъ, Э. В., главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ.—Стр. 601.

авъ-Фростерусъ, Ш., Э., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Фурузльмъ, К., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200.

Фурузльмъ, Викторъ, финляндскій сенаторъ.—Стр. 500.

—

Хёккертъ, Германъ, начальникъ финляндскаго таможеннаго вѣдомства.—Стр. 289, 400.

Хмельницкій, Богданъ.—Стр. 223.

Хорнборгъ, Н. К., финляндскій сенаторъ.—Стр. 72, 265.

Христіерсонъ, референдарій - секретарь.—Стр. 400.

Христофоръ Датскій, король шведскій.—Стр. 88.

Хугбергъ, Эвенъ-Вильгельмъ, финляндскій сенаторъ.—Стр. 399.

Худынцевъ, А. Ф., подполковникъ флотскихъ штурмановъ.—Стр. 277—280.

—

Цилліакусъ, В., финляндскій сенаторъ.—Стр. 232.

—

Чичаговъ, адмиралъ.—Стр. 122.

—

Шернваль-Валленъ, баронъ, К. К. Э., финляндскій министръ - статсъ - секретарь.—Стр. 241, 491, 526.

Ширренъ, дерптскій профессоръ.—Стр. 54.

Штейнгель, финляндскій генералъ-губернаторъ.—Стр. 86, 586.

—

Эккартъ, Юлій, балтійскій публицистъ.—Стр. 54.

Эманъ, гельсингфорсскій бургомистръ.—Стр. 382.

Эминъ, д. ст. совѣтникъ, губернаторъ выборгскій.—Стр. 328.

Эрбеттъ, французскій делегатъ на Тюремномъ Конгрессѣ въ Петербургѣ.—Стр. 381.

Эрихъ Померанскій, король шведскій.—Стр. 88.

Эрнротъ, К., генералъ, финляндскій министръ-статсъ-секретарь.—Стр. 56, 151, 427, 428, 518, 598, 604.

Эрнстремъ.—Стр. 220.

Эрстремъ, Г., финляндскій сенаторъ.—Стр. 200.

—

Юрій Даніловичъ, князь.—Стр. 42.

—

Ярославъ Всеволодовичъ, князь Новгородскій.—Стр. 437.

Ярославъ Мудрый, великій князь.—Стр. 121.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь.—Стр. 42, 121, 437.

1883—1885

ГОДЫ.

М. Н. КАТКОВЪ

ПО

ФИНЛЯНДСКОМУ ВОПРОСУ.

1.

Изъ передовой статьи № 70 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1883 года.

Москва, 10 марта.

Присвоенныя Финляндіи торговыя привилегіи были всегда, и въ тридцатыхъ, и въ сороковыхъ годахъ, и въ болѣе позднее время, несомнѣнною аномаліей, но въ началѣ онѣ не имѣли на практикѣ важнаго значенія. Въ теченіе долгаго періода, ежегодный финляндскій безпошлинный привозъ оцѣнивался таможнями всего въ нѣсколько тысячъ рублей. Но вслѣдъ за изданіемъ либеральныхъ по отношенію къ иностранцамъ таможенныхъ тарифовъ 1850 и 1857 годовъ, было найдено своевременнымъ проявить либерализмъ на русскій счетъ и по отношенію къ Финляндіи. 20 декабря 1858 года было издано новое Положеніе о торговлѣ Имперіи съ Финляндіей, съ прямою цѣлію увеличить финляндскія привилегіи или, по офиціальному выраженію, „въ видахъ расширенія торговыхъ правъ Финляндіи“. Вслѣдствіе этого, финляндскій безпошлинный привозъ тотчасъ же утроился и учетверился, затѣмъ увеличился въ восемь и десять разъ, а по послѣднимъ офиціальнымъ даннымъ, онъ почти въ двадцать разъ крупнѣе прежняго *. Затѣмъ, въ послѣднее время обстоятельства повернулись особенно выгодно для возрастанія этого безпошлиннаго привоза въ почти безграничныхъ размѣрахъ.

„Бѣдные“ Финляндцы были въ особой модѣ въ то время, когда издавалось Положеніе, расширявшее ихъ торговыя привилегіи; на самыхъ убогихъ клавикордахъ разыгрывался тогда извѣстный романсъ „лайба плылъ, вѣтеръ былъ“, и это не мало помогло успѣшному сбору пожертвованій для голодающихъ Финляндцевъ, давшему милліонную сумму. Случись у нихъ новый голодъ, русская благотворительность и нынѣ, конечно, поспѣшила бы къ нимъ на помощь съ не менѣе щедрыми пожертвованіями. Но не хорошо то что подогрѣтыя тогда сочувствія къ нашимъ финляндскимъ сосѣдямъ, заслонивъ собою всѣ другія соображенія, помогли осуществить мѣру явно обид-

---

* Въ 1858 году этотъ привозъ оцѣненъ таможнями въ 584.198 руб.; въ 1859 — въ 1.742.966 р. въ 1860—въ 2.288.497 руб. въ 1869—въ 4.725.895 р. въ 1881 въ 10.388.956 р.

ную и убыточную для своихъ русскихъ населеній. Бѣдные смирные сосѣди были облагодѣяны, но при этомъ были забыты тѣ, о комъ у поэта вырвался изъ души скорбный стихъ:

Эта скудная природа,
Эти бѣдныя селенья,
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа...

По тенденціозной извращенности нашихъ ходячихъ либеральныхъ понятій, у насъ любятъ указывать на обѣднѣніе народа, но главнымъ образомъ въ видахъ внесенія смуты въ междусословныя отношенія, для пропагандированія идей въ родѣ раздѣла между нуждающимися сосѣдскихъ земель. Но тѣ же самые ходатаи за народъ прикидываются не понимающими какъ сильно задерживается подъемъ нашего народнаго благосостоянія суженіемъ сферы выгодныхъ примѣненій народнаго труда вслѣдствіе разнообразныхъ льготъ предоставленныхъ иностранному привозу множества предметовъ, которые могли бы вырабатываться у себя дома своими рабочими. Теперь въ ходу мысль о развитіи кустарныхъ промысловъ, о разслѣдованіи причинъ ихъ упадка, замѣчаемаго во многихъ мѣстностяхъ, объ изысканіи мѣръ къ ихъ поддержанію и распространенію. Этому нельзя не порадоваться, нельзя не пожелать успѣха добрымъ начинаніямъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, но несомнѣнно что одно изъ условій успѣха тутъ есть обезпеченіе нашимъ кустарямъ сбыта ихъ издѣлій, такъ чтобы Россія служила рынкомъ сбыта для своихъ русскихъ, а не сосѣдскихъ финляндскихъ кустарныхъ производствъ, и съ этой точки зрѣнія нельзя не обратить серіознаго вниманія на финляндскія привилегіи. Не съ расширеніемъ ли этихъ привилегій совпадаетъ по мѣстамъ начало упадка многихъ видовъ нашей кустарной промышленности?

„Россія для Русскихъ“ (не въ какомъ-либо племенномъ, но въ національно-политическомъ смыслѣ)—вотъ девизъ успѣха и для кустарной, и для всей вообще русской промышленности. Къ сожалѣнію, въ нашей торговой политикѣ долгое время преобладали—и, не знаемъ, утратили ли и нынѣ силу—стремленія служащія прямою антитезой этому девизу. Мы какъ будто поставили своею задачей пріискивать благовидные предлоги предавать Россію въ жертву чужой эксплуатаціи. Это сказывается и въ исторіи финляндскихъ привилегій и нашихъ къ нимъ отношеній. Эти привилегіи не умаляются, все растутъ въ силѣ и объемѣ: онѣ уже не тѣ какія были дарованы 20 декабря 1858, не тѣ какія значатся въ таможенномъ уставѣ по продолженію 1876 года; къ нимъ уже прибавилось не мало дополнительныхъ льготъ, между прочимъ въ 1881—1882 годахъ, то-есть какъ разъ въ тотъ періодъ, когда мы будто бы выступили открыто на путь поощренія русскихъ производствъ. На дѣлѣ эти поощренія оказываются сильнымъ побужденіемъ для Финляндцевъ ввозить къ намъ безпошлинно товары сбытомъ коихъ прежде они не занимались.

Говорятъ что у насъ господствуетъ какой-то абсолютизмъ, который нужно де замѣнить правовымъ порядкомъ. Но какихъ же еще ждать правовыхъ порядковъ, когда и безъ нихъ изданный въ Россіи законъ, для своего вступленія въ силу и для опредѣленія въ какой именно мѣрѣ дѣйствіе его можетъ быть допущено, требуетъ обоюднаго соглашенія между министромъ Финансовъ Имперіи и Финляндскимъ Сенатомъ. Теперь идутъ переговоры объ установленіи основаній для такого соглашенія. Увѣнчаются ли они лучшимъ успѣхомъ чѣмъ наши международные переговоры о соблюденіи пріобрѣтенныхъ русскою кровью правъ и выгодъ Россіи?

При такихъ отношеніяхъ къ возведеннымъ въ какое-то международное договорное право льготамъ дарованнымъ Финлянди, при такомъ широкомъ истолкованіи этихъ льготъ, чего можетъ ожидать себѣ отъ нихъ русская промышленность?

Могутъ ли быть оставлены въ силѣ, въ какой бы то ни было мѣрѣ, всѣ эти столь невыгодныя и обидныя для Русскаго народа привилегіи? По какимъ уважительнымъ причинамъ могли бы онѣ быть терпимы?

Финляндія выставляетъ себя совершенно отдѣльнымъ отъ Россіи государственнымъ организмомъ. У нея своя конституція, своя особая финансовая и торговая политика, своя особая денежная система, свой особый таможенный тарифъ. Почему же Русскій народъ долженъ въ чемъ-либо жертвовать своими интересами странѣ, живущей съ нимъ розною политическою и хозяйственною жизнью? Развѣ потому что Финляндія пользуется даровыми услугами разныхъ русскихъ учрежденій, содержимыхъ на русскія деньги, причемъ еще требуетъ, по слухамъ, чтобы въ русскихъ консульствахъ знали шведскій и финскій языки? Развѣ потому что входившая нѣкогда въ составъ Россіи и почти было уже обрусѣвшая Выборгская губернія, не послѣ пораженія, а послѣ побѣды, отдана Финляндіи, которая не замедлила изгладить въ ней слѣды прежняго господства? Или можетъ-быть потому что Финляндцы ведутъ себя смирно и не возмущаются противъ данныхъ имъ, въ ущербъ русскимъ интересамъ, привилегій?

Если Финляндіи необходимъ безпошлинный вывозъ ея произведеній въ Россію, ничто не мѣшаетъ ей вступить съ Россіей въ такую же тѣсную экономическую связь въ какой стоятъ между собой части Германской имперіи, въ какой стояли между собой государства входившія въ составъ Германскаго Таможеннаго Союза. Ихъ экономическому единенію не мѣшало даже то, что у каждаго государства былъ свой государь, а Великій Князь Финляндскій есть прирожденный Монархъ Русской Имперіи. На памяти живущаго поколѣнія была упразднена таможенная граница между Россіей и Царствомъ Польскимъ, со введеніемъ его въ общую русскую таможенную черту. То же самое, для обоюдной пользы, полагаемъ, слѣдуетъ сдѣлать и по отношенію къ Финляндіи. Иного правильнаго, разумнаго и безобиднаго рѣшенія возникшаго вопроса мы не можемъ себѣ представить.

2.

Изъ передовой статьи № 79 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1883 года.

Москва, 19 марта.

Въ одной финляндской газетѣ (*Wenäjän tullirajasta*) появилась пространная статья, перепечатанная и въ другихъ, но не для мѣстной публики, а для русской. Для объясненій съ Русскими не найденъ однако удобнымъ русскій языкъ, хотя авторъ знакомъ и съ баснями Крылова, и съ сочиненіями Гоголя, и съ выраженіями въ родѣ „тѣ же самовары въ тѣхъ же окнахъ“. Какъ видно, Финляндцамъ не приходится употреблять русскій языкъ даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они его знаютъ. Предпочтенъ международный, дипломатическій языкъ. Написанная на французскомъ языкѣ, статья озаглавлена „La frontière douanière entre la Russie et le Grand Duché de Finlande“ (Таможенная граница между Россіей и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ), и имѣетъ видъ полемики съ *Новымъ Временемъ*, но въ ней достается всѣмъ кто находитъ что границу между Россіей и Финляндіей слѣдуетъ или упразднить, включивъ Финляндію въ общую русскую таможенную черту, или сдѣлать не фиктивною, а дѣйствительною таможенною границей, примѣнивъ къ ней съ должною строгостію правило дѣйствующее на всемъ протяженіи русской таможенной линіи.

Всѣмъ кто такъ думаетъ дѣлается внушеніе какъ постыдно „Славянской расѣ, обладающей третьею частію Стараго Свѣта, не находить достаточно простора для развитія своей національности“, но подобно лакею Осипу въ Гоголевскомъ *Ревизорѣ* находив-

шему что „и веревка пригодится“, бросать жадные взоры на скудно одаренную Провидѣніемъ Финляндію, съ тѣмъ чтобъ и она „была поглощена въ безконечномъ дѣлѣ ассимиляціи“. За что хотите вы поступить такъ съ Финляндіей, спрашиваетъ авторъ статьи, ссылаясь на басню о Волкѣ и Ягненкѣ, чтобы приравнять русскія сужденія къ претензіямъ Волка что Ягненокъ мутитъ ему воду...

Этотъ ягненокъ бесѣдуетъ однако въ финляндской газетѣ совсѣмъ инымъ тономъ чѣмъ въ упомянутой баснѣ. „Таможенная граница“, объявляетъ онъ какъ ультиматумъ русскому Волку, „до такой степени необходима для нашего существованія что мы никогда, ни подъ какимъ условіемъ, не могли бы отъ нея отказаться“, даже „еслибы существованіе этой границы было противно интересамъ Россіи“. Это было бы, конечно, „бѣдственное столкновеніе“ (collision désastreuse), но что дѣлать! не финляндскіе же интересы могутъ отступить предъ русскими.

Впрочемъ, никакого столкновенія въ этомъ отношеніи между финляндскими и русскими интересами, какъ увѣряетъ финляндская газета, нѣтъ и быть не можетъ. Таможенная граница съ Финляндіей необходима де именно для Россіи, причемъ, пользуясь ею въ торговомъ отношеніи, не столько де Финляндія эксплуатируетъ Россію, сколько Россія Финляндію, такъ что не съ русской стороны можетъ быть ропотъ на *Русско-Финляндскій торговый трактатъ*, и если Финляндцы молчатъ и довольны имъ, то Русскіе могутъ этому только радоваться. „По отношенію къ Россіи“, говоритъ финляндская газета, „существующій регламентъ гласитъ: можно ввозить въ Финляндію все кромѣ того-то и того-то; но когда идетъ рѣчь о правахъ Финляндіи, регламентъ выражается такъ: все запрещено кромѣ такихъ-то и такихъ-то товаровъ.“ „Мы защищаемъ существующій порядокъ“, читаемъ въ той же газетѣ, „потому что онъ намъ кажется столь же выгоднымъ для Россіи, какъ и для Финляндіи.“

Можно сказать и напечатать что угодно: языкъ безъ костей, бумага все терпитъ.

Мы не знаемъ что это за „торговый трактатъ между Имперіей и Великимъ Княжествомъ“ (le traité de commerce entre l'Empire et le Grand-Duché). Сколько намъ извѣстно, торговыя отношенія между Имперіей и Финляндіей опредѣлены не дипломатическимъ путемъ, не актомъ международнаго обязательства, а просто Высочайшимъ повелѣніемъ 20 декабря 1858. Это было не уравновѣшеніе обоюдныхъ выгодъ, не право выговоренное Финляндіей, а оказанная ей, въ ущербъ Россіи, милость. Обоюдность льготъ Русскому ввозу въ Финляндію и финляндскому ввозу въ Россію только мнимая, а не дѣйствительная. Главную часть нашего отпуска въ Финляндію составляетъ хлѣбъ, и по этой статьѣ мы не нуждаемся ни въ какихъ льготахъ съ ея стороны: безо всякихъ льготъ Финляндія продовольствовалась бы русскимъ хлѣбомъ; пошлины на него были бы тягостью лишь для финляндскихъ потребителей, а не для русскихъ производителей. Если допустить что за безпошлинный пропускъ къ себѣ нашего хлѣба Финляндія въ правѣ требовать себѣ въ вознагражденіе безпошлиннаго пропуска ея товаровъ въ Россію, то пришлось бы, пожалуй, признать такое же право и за Англіей: она тоже не беретъ пошлинъ съ привознаго русскаго хлѣба, стало-быть и для ея издѣлій надо открыть безпошлинный пропускъ въ Россію. Но, можетъ-быть, бо́льшаго довѣрія заслуживаетъ утвержденіе что таможенная черта между Россіей и Финляндіей необходима для первой не менѣе чѣмъ для послѣдней?

Эту таможенную черту, говоритъ финляндская газета, признавалъ необходимою самъ графъ Канкринъ. Безъ нея де Россія не могла бы оградить себя отъ неизмѣримо-громаднаго наплыва контрабанды, ибо финляндскіе берега, тянущіеся на 2,000 верстъ, при множествѣ острововъ и удобныхъ пристаняхъ, слишкомъ открыты для контрабандистовъ, и русскій таможенный надзоръ не былъ бы въ состояніи бороться съ ними. А финляндскій надзоръ находитъ или не находитъ возможнымъ на этихъ берегахъ не допускать контрабаднаго привоза чаю, сахару, нашит-

ковъ, табаку и т. п.? Швеція и Норвегія находятся въ подобныхъ же условіяхъ, но это не мѣшаетъ тамъ дѣйствительности таможеннаго надзора: надо думать что трудность онаго съ успѣхомъ одолѣвается и въ Финляндіи. Или же финляндскій таможенный надзоръ на берегахъ не дѣйствителенъ? Въ такомъ случаѣ наши выгоды отъ необходимаго Финляндіамъ таможеннаго отъ насъ обособленія сводятся къ тому что это разграниченіе даетъ Финляндіамъ возможность брать пошлины съ русскихъ чаю, сахару, напитковъ и табаку при невозможности пресѣчь безпошлинный, контрабандный привозъ ихъ изъ другихъ странъ. Вѣдь признаніе невозможности оградить финляндскіе берега отъ наплыва контрабанды въ самыхъ широкихъ размѣрахъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе что Финляндія представляетъ собою обширный складъ всяческой контрабанды, для которой и открытъ въ Россію широкій и свободный доступъ предоставленіемъ этому, именуемому Финляндіей, контрабандному складу привилегій безпошлиннаго привоза!

Итакъ, что-нибудь одно: или таможенный надзоръ на береговой финляндской границѣ возможенъ, и въ такомъ случаѣ обращаются въ ничто всѣ возраженія противъ неудобствъ включить Финляндію въ общую съ Россіей таможенную черту; или этотъ надзоръ невозможенъ, и въ такомъ случаѣ нельзя допускать никакого безпошлиннаго привоза изъ Финляндіи, если не хотѣть подрыва русской промышленности финляндско-иностранною контрабандой.

Россіи, видите ли, стыдно думать объ упраздненіи *необходимой для существованія Финляндіи* таможенной границы и тѣхъ привилегій коими она пользуется. „Провидѣніе“, говоритъ авторъ статьи, „даровало великой Русской націи драгоцѣнныя преимущества, оно даровало ей неизмѣримыя плодоносныя поля, неисчерпаемыя минеральныя богатства, произведенія всѣхъ поясовъ земнаго шара; итакъ мы, убѣждены что просвѣщенная часть русской публики — (кому не лестно получить отъ финляндскаго публициста аттестатъ просвѣщенности, хотя бы цѣной пожертвованія русскими интересами?) — видитъ въ этомъ довольно матеріаловъ для работы и прогресса чтобы не завидовать немногимъ благамъ которыми мы, бѣдные обитатели окраинъ, владѣемъ благодаря труду...“ „Промышленность, покровительствуемая значительными тарифами, на территоріи которая простирается отъ Китая до Карпатовъ, отъ Ледовитаго Океана до южнаго берега Каспія“, замѣчаетъ далѣе тотъ же публицистъ, — „можетъ ли эта промышленность жаловаться что ей не достаетъ простора для развитія, или на то что иностранцы и, что еще куріознѣе, Финляндцы ее разоряютъ? Эта жалоба напоминаетъ намъ лошадь жалующуюся на тяжесть мухи которая на нее сѣла.“

Но бываютъ и такія мухи отъ которыхъ лошади спадаютъ съ тѣла. Это старый припѣвъ что русскому великану ни по чемъ потеря крови высасываемой приставленными къ нему съ разныхъ сторонъ піявками.

Финляндскій публицистъ возмущается противъ мнѣнія выставляющаго Финляндцевъ какими-то нищими живущими на счетъ Россіи. „Нѣтъ, господа“, говоритъ онъ, „мы не такъ богаты чтобы возбуждать вашу зависть, не такъ бѣдны чтобы заслуживать ваше сожалѣніе... Богъ даровалъ намъ стойкость духа и тѣла необходимую для обработки нашей почвы, благосклонные монархи благоволили даровать намъ *self government*, которое одно (seul) сдѣлало эту почву пригодною, не говоримъ къ обитанію, но къ обитанію достойному человѣка.“ Этимъ сказано что Финляндцы въ состояніи нести не только равныя, но и бо́льшія тягости сравнительно съ русскими населеніями, которымъ, по мѣстамъ, еще далеко до той достойной человѣка житейской обстановки какою пользуются Финляндцы.

Но дѣло тутъ не въ self government'ѣ, а въ томъ, что почти съ начала текущаго столѣтія Русскій народъ несъ на себѣ снятыя съ финляндскихъ плечъ тягости, — въ томъ, что „Финляндія была почти совершенно освобождена отъ тяжкаго бремени воинской повинности“ (какъ натуральной, такъ и денежной по военному бюджету). Забывая свое *seul* приставленное къ *self*

government'у, самъ финляндскій публицистъ не могъ не признать, что освобожденіе отъ воинской повинности „много содѣйствовало развитію его страны, что оно было, можетъ-быть, необходимымъ элементомъ этого развитія". Для русскихъ населеній такія льготы невозможны, онѣ и не требуются; но нельзя не пожелать чтобъ они были освобождены отъ барщины на чужихъ.

3.

Изъ передовой статьи № 93 „Московскихъ Вѣдомостей" 1883 года.

Москва, 2 апрѣля.

Нѣтъ такого анти-національнаго, вреднаго русскимъ интересамъ дѣла, которое не находило бы себѣ у насъ ревностныхъ защитниковъ, готовыхъ отстаивать его всячески, не разбирая средствъ. Всякая мѣра въ ущербъ Россіи, словомъ все что можетъ причинить ей вредъ и невыгоды, непремѣнно находитъ себѣ горячихъ приверженцевъ и усердныхъ заступниковъ. Это-то и называется у насъ либерализмомъ. Это не могло не обозначиться и по вопросу о финляндскихъ привилегіяхъ безпошлиннаго ввоза въ Россію.

Спеціальнымъ органомъ интригъ направленныхъ противъ всякаго русскаго интереса была въ теченіе многихъ лѣтъ газета *Голосъ*. Изданіе *Голоса* пріостановлено, но его вдохновители остались какъ были, а къ ихъ услугамъ, на мѣсто *Голоса* г. Краевскаго, не замедлилъ найтись другой органъ съ двойственною кличкой—*Новости* и *Биржевая Газета*, и съ редакторомъ-издателемъ Нотовичемъ. Вслѣдъ за запрещеніемъ газеты г. Краевскаго, г. Нотовичу дано разрѣшеніе выпускать его газету въ двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ одно служитъ замѣной запрещеннаго *Голоса*. Тотъ либерализмъ sui generis, которымъ дышала каждая строка *Голоса*, не имѣетъ повода сѣтовать на администрацію. Нуженъ былъ ему предлогъ для укора цензурныхъ властей въ стѣсненіи печати: этотъ предлогъ ему данъ. Нужно попрежнему продолжать проповѣдь предъ тою же аудиторіей: предоставлена полная къ тому возможность, да еще съ выгодой отдѣлаться отъ массы грязи годами наслоившейся на пріостановленной газетѣ. *Голосъ* умеръ, да здравствуютъ *Новости*, въ ихъ осьмнадцатирублевомъ изданіи. Перемѣнилось имя, но осталась сущность.

Теперь по вопросу о финляндскихъ таможенныхъ привилегіяхъ *Новости*, въ ихъ новой роли замѣнителя *Голоса*, играютъ уже первую скрипку. Въ своемъ № 86, отъ 31 марта, услужливо и съ горячимъ сочувствіемъ воспроизводятъ онѣ изъ „финской чрезвычайно распространенной газеты *Суометаръ*" почти дословно ту самую по-французски напечатанную статью, о которой мы говорили въ № 79 *Московскихъ Вѣдомостей* * и въ которой Россія сравнивается съ возовою лошадью, а Финляндія съ присѣвшею на нее мухой, тѣ же кто не желали бы видѣть Россію въ положеніи возовой лошади укоряются въ лакейской жадности и завистливости. Гельсингфорскій корреспондентъ „русскихъ" *Новостей*, г. Майновъ, идетъ при этомъ, однако, еще далѣе финляндскихъ публицистовъ въ выраженіи негодованія противъ нежелающихъ чтобы Русскій народъ несъ барщину на припущенниковъ пріютившихся подъ кровомъ ея могущественной державы: недовольные этою барщиной обзываются уже не Замоскворѣчьемъ и Сундучнымъ Рядомъ, но „Мамаями и Тамерланами всякаго прогресса", „политическими Держиморды" стремящимися „съ пѣной у рта предать потоку и разграбленію все путное"... Куріозно что все это печатается въ *Голосѣ* преобразившемся въ *Новости* уже послѣ того какъ въ газетахъ было сообщено о назначеніи, по Высочайшему повелѣнію, особой коммиссіи для обсужденія вопроса о финляндскихъ привилегіяхъ...

---

* См. выше, стр. 5.

4.

Передовая статья № 241 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1885 года.

Москва, 31 августа.

Нѣсколько дней тому назадъ, въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось извѣстіе о фактѣ до такой степени невѣроятномъ что мы не рѣшались сообщать его, ожидая опроверженій или разъясненій. Такихъ, однако, до сихъ поръ не послѣдовало, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ стали приходить такія подробныя свѣдѣнія объ этомъ чудовищномъ фактѣ что долѣе сомнѣваться въ его реальности становится невозможнымъ.

15 августа праздновалось торжественное открытіе памятника, предназначеннаго увѣковѣчить память о *пораженіи русскихъ войскъ*, и празднество это совершалось не гдѣ-нибудь за границей, а *въ Россіи!* Но этого мало: генералъ-губернаторъ разрѣшилъ еще въ прошломъ году какъ самую постановку враждебнаго Россіи памятника, такъ и всеобщую на него подписку, поставивъ лишь условіемъ чтобы на памятникѣ не было явно направленной противъ Россіи надписи, а на празднествѣ открытія этого памятника присутствовалъ губернаторъ, служащій въ чинѣ генералъ-майора въ той самой русской арміи, пораженіемъ которой восторгались ораторы, произносившіе съ устроенной у подножія памятника каѳедры похвальныя рѣчи „побѣдителямъ“.

Эта безобразная сцена происходила въ одной изъ Финляндскихъ губерній, въ такомъ, слѣдовательно, краѣ который своимъ процвѣтаніемъ никому такъ не обязанъ какъ именно Россіи, и отъ котораго Россія поэтому въ правѣ была бы ожидать доказательства благодарности за дарованныя ему безпримѣрныя привилегіи, а не того враждебнаго задора, которымъ въ послѣднее время вздумали щеголять его „патріоты“. Подъ вліяніемъ этого задора, Финляндскій Сенатъ, напримѣръ, осмѣлился отвергнуть Высочайшее повелѣніе о льготномъ проѣздѣ офицеровъ по желѣзнымъ дорогамъ, на томъ де основаніи что „Финляндія не обязана давать субсидіи русскимъ офицерамъ, *финляндскіе* (!) же офицеры ни въ какихъ подачкахъ не нуждаются!“ А въ то время когда, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, между Россіей и Англіей готова была вспыхнуть война, финляндскія газеты имѣли дерзость говорить о томъ что въ этой войнѣ Русская Финляндія будетъ держать строгій *нейтралитетъ!* Теперь же эти хвастуны зашли еще дальше и выставляютъ *вражду къ Россіи* дѣломъ „національнымъ“, воздвигая этой враждѣ гранитные памятники.

Финляндцамъ незаслуженныя привилегіи вскружили голову, и ими обуяла весьма обыкновенная психическая болѣзнь, именуемая маніей величія. Но почему русскія мѣстныя власти сочувствуютъ этой маніи и ее поощряютъ, ~~и~~ этого абсурда, конечно, никто никогда не пойметъ!

Но что же это, однако, за „пораженіе Русской арміи“, которое праздновали 15 августа финляндскіе маніаки? „Пораженіе при Виртѣ“, отвѣчаютъ они.

Намъ хорошо извѣстны какъ радостные, такъ и печальные дни въ исторіи нашей арміи, но „сраженія при Виртѣ“, кончившагося будто бы пораженіемъ нашихъ войскъ, никто въ Россіи не знаетъ. Если же мы развернемъ исторію Шведской кампаніи 1808 года и отыщемъ въ ней день 27 октября, къ которому Финны пріурочиваютъ свою „побѣду при Виртѣ“, то найдемъ слѣдующее:

Въ этотъ день должна была происходить при Индельсальмѣ атака позиціи шведско-финскаго шеститысячнаго отряда генерала Сандельса соединенными отрядами князя Долгорукова и генерала Тучкова, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи приблизительно столько же войска какъ Сандельсъ. Но между Тучковымъ и княземъ Долгоруковымъ происходили недоразумѣнія, въ виду того что князь былъ представленъ на мѣсто генерала Тучкова, но до официальнаго

своего назначенія находился подъ его командой. По плану, князь Долгоруковъ долженъ былъ атаковать съ авангардомъ шведскія позиціи и затѣмъ, получить подкрѣпленія отъ резерва стоявшаго въ распоряженіи генерала Тучкова. Въ полдень молодой князь Долгоруковъ двинулся со своимъ отрядомъ противъ болѣе чѣмъ двойныхъ силъ непріятеля, оттѣснилъ ихъ, геройски дрался до ночи, тщетно ожидая условленнаго подкрѣпленія, и, наконецъ, палъ, смертельно раненый, на полѣ битвы. Тогда его отрядъ, потерявъ одну треть своего состава, принужденъ былъ перейти обратно чрезъ взятый имъ мостъ. На слѣдующій день *генералъ Сандельсъ*, несмотря на полученныя имъ подкрѣпленія, *принужденъ былъ отступить и покинуть свою позицію* у Индельсальма, потрясенную геройскимъ натискомъ князя Долгорукова, а чрезъ два дня послѣ смерти этого молодаго, даровитаго и много обѣщавшаго генерала было получено предписаніе о назначеніи его начальникомъ отряда. Прошло еще нѣсколько недѣль, и шведскому владычеству въ Финляндіи былъ положенъ окончательный предѣлъ, такъ какъ еще раньше, весной того же 1808 года, Россія фактически овладѣла всею страной, взявъ крѣпости Або, Свеаборгъ и весь флотъ предназначавшійся для защиты финскихъ шхеръ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ это фактическое владѣніе было формально признано Швеціей при заключеніи Фридрихсгамскаго трактата, отдавшаго (какъ гласитъ 4-я его статья) „всѣ (финляндскія) провинціи *въ полную собственность и верховенство Россійской Имперіи*“ *.

Такимъ образомъ дѣло при Индельсальмѣ ни само по себѣ, ни въ общей связи съ остальными стратегическими событіями Шведской войны 1808 года, ничего особеннаго славнаго для исторіи Финляндіи не представляетъ. Изъ 6.000 человѣкъ, стоявшихъ подъ командой шведскаго генерала Сандельса, лишь 2.000 принадлежали финскому ополченію, дравшемуся не за освобожденіе своей отчизны, какъ гласитъ надпись на Индельсальмскомъ памятникѣ, а *противъ* освобожденія ея отъ жестокаго шведскаго ига, подъ которымъ Финны были не народомъ, а порабощеннымъ стадомъ. Кончилось это дѣло геройскою смертью русскаго князя Долгорукова и отступленіемъ на слѣдующій день генерала Сандельса со всѣми его Шведами и Финнами.

Насколько искусственна была агитація хлопотавшая о сооруженіи Индельсальмскаго памятника, лучше всего видно изъ того обстоятельства что разрѣшенная русскимъ генералъ-губернаторомъ „національная подписка“ на сооруженіе этого памятника привлекла всего болѣе капиталовъ изъ Швеціи, а не изъ Финляндіи, гдѣ „не всѣ одинаково сознаютъ значеніе Виртскаго боя“, какъ о томъ съ искреннимъ сожалѣніемъ говоритъ индельсальмскій корреспондентъ *Новостей*, нѣкто г. Рябининъ, сообщившій затѣмъ съ негодованіемъ что „собственники той самой мѣстности, откуда Фаландеръ и Дункеръ отразили въ штыки нападавшихъ (Русскихъ), запросили громадную цѣну за потребный для возведенія памятника участокъ“. „Пришлось поэтому“, продолжаетъ корреспондентъ, „избрать мѣсто которое, собственно говоря, не имѣло ровно никакого значенія.“

Вообще корреспонденціи *Новостей* объ открытіи этого памятника служатъ достойнымъ дополненіемъ этого невѣроятнаго дѣла. Читаешь и глазамъ не вѣришь что *такъ* именно могъ писать объ этомъ позорномъ для Россіи памятникѣ *Русскій* въ *русской* газетѣ. Съ какою радостію привѣтствуетъ онъ мысль „воздвигнуть монументъ на самомъ полѣ сраженія, у того самаго моста который былъ обагренъ кровью павшихъ здѣсь героевъ (!)“, отмѣчая при этомъ тотъ фактъ что „высшее правительственное лицо страны, генералъ-губернаторъ, со свойственною ему готовностью поддержать всякое благое (!) начинаніе, взглянулъ просвѣщенно (!) на дѣло и разрѣшилъ какъ самую постановку памятника, такъ и всеобщую въ странѣ на него подписку“. Съ какою гордостью сообщаетъ онъ что „въ числѣ почетныхъ гостей при открытіи памят-

---

* См. соч. Михайловскаго-Данилевскаго объ этой войнѣ и подробную статью о дѣлѣ при Индельсальмѣ г. Рипкевича въ *Новомъ Времени* (27 августа 1885 года).

ника былъ оберъ-гофмаршалъ двора его величества короля Оскара II, графъ Самуилъ-Августъ Сандельсъ, который хотѣлъ почтить память своего отца, народнаго героя (!) и побѣдителя при Виртѣ". Самое торжество г. Рябининъ описываетъ въ такихъ умильно-трогательныхъ, напыщенныхъ выраженіяхъ, какъ будто дѣло идетъ о какомъ-то великомъ историческомъ событіи. Всего болѣе „патріотическаго восторга" въ немъ возбудила музыка Куопіоскаго стрѣлковаго баталіона „грянувшая Бьернеборгскій маршъ, полная мощи и прелести музыка котораго невольно настраивала всѣхъ на торжественный ладъ, Саволакскую пѣсню и финляндскій народный гимнъ *Наша родина*, причемъ всѣ обнажили головы". Мы уже не говоримъ о томъ что г. Рябининъ таялъ отъ умиленія, слушая рѣчи произнесенныя съ каѳедры магистрами Ферлингъ и Гранитъ, восхвалявшими „въ горячемъ словѣ" людей, сражавшихся противъ Россіи, въ присутствіи представителя Императора Всероссійскаго, Куопіоскаго губернатора, генералъ-майора А. А. Іернфельта.

Если есть что-нибудь отрадное во всемъ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, то это, конечно, то единодушное негодованіе которое вызвано было этимъ глумленіемъ Финляндцевъ надъ Россіей въ большинствѣ русскихъ газетъ обратившихъ вниманіе на комедію 15 августа. Стоило только Императорскому правительству ступить нѣсколько шаговъ по завѣтной, вѣковой дорогѣ русской національной политики, какъ все находившееся въ загонѣ искренно-честное и истинно-русское ожило и встрепенулось, и разсѣялся удушливый чадъ желиберальнаго доктринерства и космополитизма. Даже *Новости*, помѣстившія на своихъ столбцахъ скандалезную индельсальмскую корреспонденцію, хоть немножко почувствовали неприличіе ея и постарались въ слѣдующемъ нумерѣ нѣсколько сгладить произведенное ею тяжелое впечатлѣніе; редакція космополитической газеты признаетъ, правда, что „Финны выполнили свой долгъ (!), и никто не откажетъ имъ въ дани уваженія за то что, принадлежа къ Шведскому государству, они храбро сражались противу русскихъ войскъ, когда шла война между ними и Швеціей", но все-таки считаетъ нужнымъ добавить: „позволительно сомнѣваться чтобы собственно финская отчизна выиграла что-нибудь отъ геройства ея сыновъ которое теперь увѣковѣчено памятникомъ; нынѣшнее положеніе Финляндіи свидѣтельствуетъ что отчизна эта не только ничего не потеряла, но очень много выиграла именно отъ тѣхъ побѣдъ русскихъ войскъ которыя въ концѣ концовъ загладили всѣ частныя неудачи русско-шведскихъ войнъ".

За то съ полною ясностью отозвались на финскій задоръ другія русскія газеты, въ особенности *Новое Время*, указавши, между прочимъ, на то обстоятельство что Финляндія по Фридрихсгамскому миру была передана безо всякихъ особыхъ правъ, привилегій и условій *„въ полную собственность, верховенство и державное обладаніе Имперіи Россійской"*, и что въ 1809 году Финляндцы присягнули „на вѣрное престолу Россійскому подданство". Всѣ же привилегіи Финляндіи, особое политическое устройство, всѣ ея автономныя учрежденія—только великодушный *даръ* Императора Александра, а вовсе не результатъ взаимнаго соглашенія Княжества и Имперіи, какъ двухъ равноправныхъ контрагентовъ, а именно это и стараются всегда доказать финляндскіе публицисты! Но да не забудутъ они свойства каждаго *дара*. Это свойство его живо было еще въ римскомъ правѣ, которое знаютъ и финскіе юристы; оно существуетъ и въ нашемъ правѣ: за „явное непочтеніе" и неблагодарность къ дарителю—даръ отбирается!...

5.

Передовая статья № 260 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1885 года.

Москва, 19 сентября.

„Финляндскій вопросъ“ долго не сходилъ со столбцовъ какъ русскихъ, такъ и финляндскихъ газетъ. Историческія справки о происхожденіи дарованныхъ Финляндіи политическихъ и экономическихъ привилегій чередовались со статистическими исчисленіями финансовыхъ выгодъ извлекаемыхъ Финляндцами изъ этихъ привилегій, въ прямой ущербъ торговлѣ и промышленности всей остальной Россіи; сцены изъ современной финляндской жизни, рисовавшія безцеремонное обращеніе „несчастныхъ“ жителей „бѣдной“ Финляндіи съ наивными ихъ „тиранами“, смѣнялись теоретическими разсужденіями о международномъ правѣ вообще и „персональной уніи“ въ особенности.

Большинство русскихъ періодическихъ изданій обнаруживали въ этой полемикѣ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, рѣдкое единодушіе и высказывали здравыя воззрѣнія на установившуюся ненормальность отношеній между Россіей и Финляндіей, противорѣчащихъ самымъ существеннымъ интересамъ Имперіи. Единственное исключеніе составляли петербургскія *Новости*, остерегавшіяся, однако, несмотря на свое сочувствіе финляндскому „европеизму“, слишкомъ открыто высказываться противъ тѣхъ ясныхъ и простыхъ требованій здраваго смысла которыя находили себѣ выраженіе въ другихъ газетахъ.

Все-таки, однако, финляндская заносчивость нашла себѣ горячаго и безусловнаго защитника въ одномъ русскомъ журналѣ, безъ обиняковъ объявившемъ что вызванное ею негодованіе русской публики представляетъ собою лишь *„самое низкопробное, жалкое хвастовство“*.

Журналъ этотъ—*Вѣстникъ Европы*, выступившій въ своей сентябрьской книжкѣ съ патетическою филиппикой направленною прямо *противъ Россіи* и напоминающею собою невѣроятныя произведенія нашей „либеральной прессы“, появлявшіяся въ такомъ изобиліи въ эпоху недавняго всеобщаго смятенія умовъ. Давно уже не встрѣчалось такой куріозной статьи даже въ наиболѣе безшабашныхъ газетахъ; она явилась какъ бы отголоскомъ того времени когда чуть не ежедневно съ эффектомъ печатались нелѣпости разчитанныя на то чтобы совершенно сбить съ толку читателей и увѣрить ихъ что Россія слаба, больна, стоитъ на краю гибели и можетъ быть спасена лишь публицистами засѣдавшими въ редакціяхъ „либеральныхъ“ газетъ и *дѣятелями* прятавшимися за спиной этихъ публицистовъ.

Вотъ для обращика мѣсто изъ этой удивительной статьи:

„То, что дѣлается и говорится теперь кругомъ насъ напоминаетъ иногда сцену на кладбищѣ въ Мейерберовскомъ *Робертѣ*. Мертвецы встаютъ изъ могилъ, подъ аккомпаниментъ „плохо забытыхъ“ мотивовъ; начинается длинный танецъ привидѣній, какъ бы старающихся припомнить прежнія позы и аттитюды. Къ числу такихъ *привидѣній* принадлежитъ *колоссальная фигура* раскинувшаяся *„отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“*—фигура все превозмогающая и преодолѣвающая одною своею колоссальностью. Она является то въ образѣ благодѣтельной волшебницы, то въ образѣ богатыря, однимъ своимъ видомъ наводящаго ужасъ на супостатовъ, то въ образѣ няни окруженной малолѣтками, балующей или карающей ихъ по „усмотрѣнію“. Подъ вліяніемъ этихъ *фантасмагорій* слабѣетъ чувство дѣйствительности, теряется умѣніе понимать самыя простыя вещи. *Личная связь* между государствами—форма давно выработанная исторіей и признанная политикой и правомъ—представляется чѣмъ-то чудовищнымъ, нелѣпымъ; естественные,

неизбѣжные ея результаты разсматриваются какъ аналогія, какъ капризъ, устранимый въ каждую данную минуту. Зрѣлость государственнаго организма измѣряется его величиной; небольшая страна—*только потому* что она небольшая—приравнивается къ ребенку которому можно и должно отъ времени до времени и пригрозить чтобъ онъ не забывался предъ взрослыми. Презрительное, высокомѣрное отношеніе къ Финляндіи—только одна изъ формъ той „мономаніи величія“, признаки которой опять начинаютъ обнаруживаться въ нашемъ обществѣ. Распространенію этой *болѣзни* всегда благопріятствуетъ остановка или поворотъ назадъ во внутренней жизни государства.“

Лѣтъ шесть, семь тому назадъ пришлось бы, вѣроятно, подробно разбирать кучу нагроможденную въ этихъ строкахъ петербургскаго журнала и доказывать ихъ софистическую фальшь; теперь, слава Богу, мы избавлены отъ этого труда. Теперь трудно представить себѣ русскаго человѣка, видѣвшаго и слышавшаго все что у насъ происходило и говорилось въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, который могъ бы придавать какое-либо значеніе этой болтовнѣ.

Кто же теперь, въ самомъ дѣлѣ, полагаетъ что Россія здорова только тогда когда она себя считаетъ слабою, жалкою и больною, и что она напротивъ того больна коль скоро чувствуетъ себя сильною, бодрою, здоровою, а не „привидѣніемъ“ надъ которымъ могутъ безнаказанно издѣваться какъ ея внѣшніе, такъ и внутренніе враги? Россія дѣйствительно страдала мономаніей болѣзни, вслѣдствіе непонятнаго для насъ навожденія, когда созывались консиліумы иностранныхъ и доморощенныхъ врачей для лѣченія мнимаго больнаго заморскими зеліями; но стоило лишь этому больному подняться со своего одра и ступить два, три шага какъ мгновенно разсѣялся туманъ, среди котораго такъ обильно плодились и развивались всевозможныя фантасмогоріи „либерализма“ и „конституціонализма“, „нигилизма“ и „соціализма“, и вмѣстѣ съ ними умолкли „научные“ авторитеты толковавшіе о безпомощномъ состояніи крѣпкаго и здороваго исполина.

Кто теперь допуститъ чтобы край завоеванный Россіей могъ на законномъ основаніи глумиться надъ ней? Кто повѣритъ что финляндскіе хвастуны находятся въ здравомъ умѣ, а Россія, отрезвляющая ихъ, страдаетъ *„мономаніей величія“* и проявляетъ *„самое низкопробное, жалкое хвастовство“*?

Изъ какого курса государственнаго права вычитали публицисты *Вѣстника Европы* о „личномъ соединеніи“ Финляндіи съ Россіей? Отдаютъ ли они себѣ отчетъ въ той случайной политической формѣ которая называется „личнымъ соединеніемъ“ Финляндіи съ Россіей? Финляндія пріобрѣтена русскою кровію и составляетъ неотъемлемую и существенную принадлежность Русскаго Престола. Не по праву, а единственно по изволенію Русской Верховной Власти, имѣетъ она отдѣльное отъ Россіи положеніе, изъ котораго ея шведскіе руководители вывели ничего ей добраго впереди не обѣщающую привилегію относиться къ Россіи какъ къ странѣ чужой, съ непріязнію и безсмысленнымъ нахальствомъ. Ей не помогутъ фальшивые голоса которые подзадориваютъ ее изъ Россіи; точно также не отъ кого-либо, не отъ русской печати, получитъ она, продолжая идти тѣмъ же путемъ, горькіе уроки, а отъ неизбѣжной силы вещей, которая отучитъ ее, между прочимъ, отъ попытокъ разразнивать Русскаго Царя съ Его народомъ. На этихъ дняхъ телеграфное агентство сообщало что при открытіи извѣстнаго памятника въ прославленіе мнимой побѣды Шведовъ надъ Русскими, играли,—какъ бы вы думали, что?—русскій народный гимнъ *Боже, Царя храни!*

Статья *Вѣстника Европы*, явившаяся такимъ внезапнымъ анахронизмомъ, пробудила задремавшее было во время лѣтнихъ жаровъ доктринерство *Русскихъ Вѣдомостей*. Газета обрадовалась этому отголоску „добраго стараго времени“ и отправилась вмѣстѣ съ *Вѣстникомъ Европы* въ походъ противъ „колоссальной *фигуры* раскинувшейся отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“. *Русскія Вѣдомости*, воодушевясь *Вѣстникомъ Европы*, поютъ

гимны „лойяльности“ Финляндцевъ, возмущаются при одной мысли о возможности упраздненія „финляндской конституціи“, предсказываютъ, что если Финляндія будетъ соединена съ Россіей „прочными узами“, то этимъ вызовется ея омертвленіе (!), такъ какъ придется (о, ужасъ!) ввести въ Финляндіи „*русскіе* порядки“, которые, конечно, не могутъ выдержать сравненія съ конституціей и т. д.

Возставшее изъ гроба и появившееся на страницахъ *Вѣстника Европы* и *Русскихъ Вѣдомостей* привидѣніе „либерала шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ“ имѣетъ ту хорошую сторону, что оно наглядно показало намъ пустоту и сумасбродность тѣхъ теорій которыми многіе изъ насъ такъ недавно еще увлекались; благодаря ему, мы можемъ измѣрить какое пространство мы прошли въ сравнительно короткое время. Если эта пора всеобщаго головокруженія прошла, то этимъ мы обязаны правительству, очнувшемуся, наконецъ, изъ той летаргіи во время которой у насъ всюду такъ быстро развелись столь разнообразныя формы смуты и безначалія, и проявившему признаки твердаго желанія приняться за водвореніе яснаго и опредѣленнаго порядка на мѣсто охватившаго насъ хаоса. „Общественное мнѣніе“, которымъ газеты извѣстнаго пошиба полновластно распоряжались, взявъ его въ свою аренду, и которое, какъ онѣ увѣряли, враждебно всякой правительственной иниціативѣ, оказалось, при первыхъ же намекахъ на ожидаемое появленіе правительства, на *его* сторонѣ, отвернувшись съ презрѣніемъ отъ морочившей публику прессы. Всѣ снова почувствовали почву подъ ногами, всѣ снова ощутили реальность своей національности, вѣры и исторіи, всѣ поняли что кончилось безмысленное время самоуничтоженія.

Бо́льшаго успѣха въ такое короткое время и ожидать было невозможно. Дѣло еще впереди, но все пойдетъ ладно, лишь бы только правительство сохранило бодрую и разумную иниціативу въ соединеніи съ неуклонною волей.

1888 ГОДЪ.

ПРОГРАММА

ФИНЛЯНДСКАГО СЕПАРАТИЗМА.

(Передовая статья № 37 *Московскихъ Вѣдомостей* 1888 года.)

Москва, 5 февраля.

Книга бывшаго гельсингфорсскаго профессора, нынѣ финляндскаго сенатора, Л. Мехелина, анализъ которой мы предлагаемъ читателямъ въ особой статьѣ «Легенда о Финляндскомъ государствѣ» *, заслуживаетъ того чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу этого литературнаго произведенія написаннаго на французскомъ языкѣ для просвѣщенія европейской публики. Знакомя съ современнымъ конституціоннымъ строемъ Великаго Княжества, она является вмѣстѣ съ тѣмъ политическою программой сѣверныхъ Мадьяръ, которымъ, повидимому, не даетъ покоя властная роль ихъ австрійскихъ соплеменниковъ въ пестромъ составѣ Габсбургской монархіи. Не новая въ основныхъ своихъ чертахъ, программа финскихъ сепаратистовъ заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія что она настойчиво и не безъ успѣха проводится въ жизнь и на этотъ разъ излагается не только ученымъ, но и сановнымъ авторомъ, занимающимъ видный постъ на службѣ Русскаго Государя.

Въ чемъ же заключается эта программа, проповѣдуемая и осуществляемая подъ сѣнію русскаго самодержавія?

Признаемся, въ данномъ случаѣ мы испытываемъ нѣкоторое смущеніе выговорить правду: такъ дико, дерзко и нагло звучитъ она! Ни мало, ни много, финская программа сводится къ полному отдѣленію Финляндіи отъ Россіи и къ умаленію власти Русскаго Императора до безправія шведскихъ королей половины прошлаго вѣка. Судите сами.

Увлекаемые мечтами о своей независимости и отдѣльности, политики Княжества уже теперь заходятъ такъ далеко что смѣло и открыто, печатно и на весь міръ, объявляютъ Финляндію самостоятельнымъ государствомъ, которое находится де только въ соединеніи съ Россіей, основанномъ на обоюдномъ договорѣ. Уже

* *Московскія Вѣдомости* 1888 года, №№ 36, 37, 38 и 42. См. въ этой книжкѣ стр. 24—40.

522719
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

теперь они утверждаютъ что финскія войска могутъ употребляться только въ предѣлахъ Финляндіи и только для ея защиты, въ томъ, вѣроятно, благородномъ разчетѣ что при этомъ условіи рыцарямъ Княжества, спрятаннымъ за спиной Россіи, никогда не пришлось бы обнажать своихъ воинственныхъ мечей. Уже теперь, въ пору международныхъ замѣшательствъ, когда на горизонтѣ показываются тревожные признаки возможной войны, какъ это было, напримѣръ, во время нашего недавняго столкновенія съ Англіей по Афганскому вопросу, финскіе политики начинаютъ толковать о нейтралитетѣ Великаго Княжества, не только дружественномъ, но даже строгомъ по отношенію къ Россіи, въ случаѣ если война дѣйствительно разразится. Наконецъ, уже теперь эти господа считаютъ приличнымъ торжественно праздновать мнимыя пораженія русскихъ войскъ и воздвигать памятники въ честь этихъ славныхъ событій, впрочемъ, съ разрѣшенія представителя Императорской власти...

Это ли не явныя тенденціи къ полному отдѣленію отъ Россіи? И какихъ еще нужно доказательствъ? Правда, возмутительныя тенденціи выражаются пока въ шутовской формѣ; но это происходитъ уже противъ воли и намѣреній финскихъ патріотовъ.

Другая половина программы исполняется съ неменьшимъ стараніемъ, хотя, конечно, съ большею осторожностью, внушаемою щекотливымъ характеромъ преслѣдуемой задачи. Эта осторожность не мѣшаетъ, однако, финскимъ сепаратистамъ печатно утверждать, со свойственною имъ дерзостью и историческою безцеремонностью, будто права Русскихъ Императоровъ въ отношеніи Княжества опредѣляются какимъ-то невѣдомымъ и неуловимымъ «актомъ соглашенія» между ихъ Державнымъ Предкомъ, покорителемъ страны, и государственными чинами Финляндіи, со всѣми послѣдствіями такого рода обоюдной сдѣлки, то-есть равноправностью сторонъ и взаимными обязательствами. Какія обязательства вытекаютъ отсюда для чиновъ Княжества, объ этомъ сепаратисты не любятъ распространяться, справедливо полагая что дѣйствія ихъ краснорѣчивѣе словъ; но за то они постоянно и настойчиво указываютъ на то что Императорская Власть должна, въ силу таинственнаго соглашенія, подчиняться шведской конституціи 1772 года, богатой всякими политическими вольностями. Мало того, интерпретируя со своей точки зрѣнія эту иноземную конституцію, отъ которой на ея родинѣ остались одни воспоминанія, они восходятъ къ средневѣковымъ шведскимъ законамъ (напримѣръ, ко «главѣ о королѣ» закона 1442 года), и извлекаютъ оттуда дикія и оскорбительныя статьи, осмѣливаясь прилагать ихъ къ священной особѣ Русскаго Государя.

И весь этотъ истлѣвшій хламъ выдается за дѣйствующее законодательство Великаго Княжества, опирающееся де на его «историческія» (!) права! Но хуже всего то что, при всемъ усердіи, эти удивительныя права до сихъ поръ еще не исчерпаны и въ будущемъ обѣщаютъ богатую жатву, къ которой сепаратисты, несомнѣнно, готовятся. Поэтому насъ нисколько не удивитъ если, для довершенія своихъ смѣлыхъ затѣй, они предложатъ нынѣ созванному Финляндскому Сейму, подъ видомъ кодификаціи, хотя бы, напримѣръ, законъ въ родѣ того что подпись Государя не дѣйствительна если она не утверждена скрѣпой финляндскаго статсъ-секретаря, который, въ свою очередь, обязательно долженъ быть кореннымъ Финляндцемъ по проис-

хожденію... Само собою разумѣется что такого рода законъ будетъ опять выдаваться за историческое право Финляндіи, что̀ такъ давно и ловко умѣютъ дѣлать въ Княжествѣ при помощи искуснаго подбора цитатъ и статей изъ правительственныхъ документовъ и старинныхъ законовъ Швеціи, утратившихъ тамъ свою силу, но, по волѣ судебъ, дѣйствующихъ въ нашемъ отечествѣ.

Какъ видитъ читатель, Финляндцы, благоденствующіе въ полномъ смыслѣ слова подъ такимъ владычествомъ, никѣмъ и ничѣмъ не вызываемые, сами затѣваютъ опасную игру и выступаютъ съ оскорбительными вызовами. Пусть же они не сѣтуютъ за возможныя послѣдствія своей бойкой политики, которая требуетъ неотложныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для огражденія нашего государственнаго достоинства. Въ ожиданіи этихъ спасительныхъ мѣръ, которыя обуздали бы расходившихся патріотовъ Княжества, мы приглашаемъ ихъ вернуться изъ области политическихъ мечтаній къ трезвой дѣйствительности и дать себѣ ясный отчетъ въ томъ какое мѣсто въ великомъ составѣ Русской Имперіи должна занимать Финляндія по праву а не въ силу лукаваго захвата. Мы имъ подскажемъ рѣшеніе вопроса.

Международное положеніе Финляндіи нынѣ, какъ и прежде, опредѣляется Фридрихсгамскимъ мирнымъ трактатомъ, по которому она, со всѣми своими жителями, ихъ правами и преимуществами, должна «состоять *въ собственности и державномъ обладаніи* Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяется», безо всякихъ оговорокъ и условій которыя давали бы Княжеству какія-либо права на особое положеніе. По прямому и безспорному смыслу этого трактата, который въ данномъ случаѣ есть единственный документъ рѣшающій вопросъ, Финляндія представляетъ простую провинцію, инкорпорированную Россіей, а не самостоятельное государство, существующее только въ воображеніи финскихъ сепаратистовъ. Если этой покоренной провинціи посчастливилось въ послѣдствіи, если, благодаря щедрымъ милостямъ Русскихъ Государей, она получила широкія автономныя права, то это нисколько не измѣняетъ ея международнаго положенія и не даетъ ей никакого основанія претендовать на государственную отдѣльность. Подобныя претензіи доказываютъ лишь то что милости ложно понимаются, что ими злоупотребляютъ и что, поэтому, ихъ не заслуживаютъ...

А между тѣмъ, милости оказанныя Финляндіи не только щедры, но по истинѣ безпримѣрны. Чрезъ семьдесятъ пять лѣтъ послѣ присоединенія, завоеванная силой оружія страна имѣетъ въ настоящее время: свой особый сеймъ, пользующійся законодательною властью, и свое мѣстное законодательство; свое особое административное устройство; свой бюджетъ, изъ котораго ни копѣйки нейдетъ на общегосударственныя нужды Имперіи; свою монетную систему, при которой русскій кредитный рубль размѣнивается всегда ниже противъ Парижской и Берлинской биржъ; свои таможни и таможенную политику и т. д. *Ничего подобнаго* не имѣла Финляндія *прежде*, при шведскомъ владычествѣ. Она, не составляя чего-либо отдѣльнаго, входила въ составъ Шведскаго королевства и несла общія тяготы наравнѣ съ другими провинціями. Своимъ настоящимъ счастливымъ положеніемъ она обязана единственно и исключительно благосклонному вниманію Самодержавной Власти къ нуждамъ покореннаго края. И хорошо же платятъ господа Финляндцы за это вниманіе!

Справедливость, впрочемъ, тре-

буетъ сказать что большинству мирнаго народа Финскаго чужды всякія бредни о государственной самостоятельности и, того болѣе, всякія поползновенія на умаленіе Верховной Власти, осыпавшей своими благодѣяніями обдѣленный природою край. Эти бредни—достояніе политической партіи, которая, бросая завистливые взоры въ даль, на корону Св. Стефана, оказываетъ, къ сожалѣнію, сильное вліяніе на текущія дѣла Княжества и, время отъ времени, позволяетъ себѣ непристойныя выходки. Пора, давно пора уняться этимъ господамъ, которые не доведутъ до добра своей счастливой родины.

„Историческія“ права Финляндіи.

(Передовая статья № 38 *Московскихъ Вѣдомостей* 1888 года.)

Москва, 6 февраля.

По поводу книги г. Мехелина, сановнаго сепаратиста Финляндіи, мы указали на бойкую программу мѣстной политической партіи, которая открыто и безнаказанно стремится къ отторженію Великаго Княжества отъ Россіи и къ умаленію правъ Императорской власти. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на тѣ средства которыя пускаются въ ходъ для достиженія этихъ дерзкихъ цѣлей.

Любимымъ конькомъ, на которомъ финскіе сепаратисты совершаютъ свои отважные наѣзды на наше государственное достоинство, служатъ «историческія» права Финляндіи, ограничивающія де полноту русскаго самодержавія. Но такъ какъ подобныхъ правъ никогда не существовало, то ихъ искусно поддѣлываютъ, выдавая фальшивую монету за настоящую.

Поддѣлка ведется съ завидною послѣдовательностью и настойчивостью и устремлена на одинъ объектъ: доказать что при завоеваніи Финляндіи было «обѣщано» побѣдителемъ сохранить странѣ не только права и привилегіи ея сословій, что справедливо, но и *конституціонный строй* который составлялъ не мѣстную особенность бывшей шведской провинціи, а общую форму правленія сосѣдняго королевства.

Но обѣщаніе побѣдителя есть добровольный и свободный актъ, результатъ котораго, съ юридической точки зрѣнія, представляетъ собою даръ подлежащій отобранію въ случаѣ, напримѣръ, явнаго непочтенія къ дарителю. Поэтому сепаратисты, понимая опасность занимаемаго ими вызывающаго положенія, утверждаютъ далѣе, въ противорѣчіе самимъ себѣ, что то было собственно не обѣщаніе, а «соглашеніе» Государя съ финляндскими сословіями, одинаково обязательное для обѣихъ договаривавшихся сторонъ.

Цѣль этого лукаваго маневра ясна и понятна: коль скоро доказано что Русскій Императоръ не только обѣщалъ, но и договорился съ сословіями присоединеннаго края сохранить въ немъ шведскую конституцію, эта послѣдняя становится для Него обязательною, принудительною. Отсюда уже сами собою раждаются «историческія» права Княжества и вытекающія изъ нихъ ограниченія Верховной Воли, связанной договоромъ.

Правда, даже при такомъ освѣщеніи достопамятной эпохи завоеванія Финляндіи, изъ ея прежнихъ

правъ никакъ не вытекаетъ основаній къ притязанію на государственную *отдѣльность* Княжества, о чемъ не было и помину при Шведскомъ владычествѣ, и что̀ составляетъ другую половину программы сепаратистовъ; но это притязаніе опирается уже на иное, дѣйствительно «солидное», основаніе: политическая самостоятельность и независимость страны выросла, на благодарной почвѣ русской довѣрчивости и русскаго невниманія къ своимъ интересамъ, изъ «сѣменъ независимаго національнаго существованія», «сознаніе» о которомъ, по завѣренію г. Мехелина, «не пробуждалось въ народѣ, пока продолжалось тѣсное его соединеніе со Швеціей». Этого ли еще мало для обоснованія государственной отдѣльности Княжества?

Но вернемся къ пресловутымъ «историческимъ» правамъ. Такъ какъ въ дѣйствительности никогда не было дано ни обѣщанія, ни, тѣмъ менѣе, обязательства сохранить странѣ шведскую конституцію, то сепаратистамъ, какъ мы сказали, оставалось лишь выдумать и поддѣлать то и другое.

И вотъ, несмотря на то что покореніе Финляндіи удалено отъ насъ всего на семьдесятъ пять лѣтъ съ небольшимъ, Финляндцы не только успѣли сочинить что̀ было имъ нужно, но и увѣрить въ правдѣ своей выдумки русское общество, русскую литературу, ученую и неученую, наши правительственные круги, даже Верховную Власть, которая временами довѣрчиво прислушивалась къ легендѣ о государствѣ Финляндскомъ.

Такой невѣроятный успѣхъ, конечно, достался не даромъ; пришлось потрудиться долго и много чтобы разрисовать фантастическими красками картину недавняго прошлаго. Въ этихъ цѣляхъ производилась въ теченіе по крайней мѣрѣ полустолѣтія обширная, чудовищная и едва ли не безпримѣрная историческая фальсификація, въ которой преемственно принимали участіе представители нѣсколькихъ поколѣній. О пріемахъ этой работы мы можемъ судить по книгѣ г. Мехелина, который, лишь одинъ изъ многихъ въ длинномъ ряду смѣнявшихся работниковъ. Одни историческіе акты и документы, подрывавшіе финскія претензіи и, по своей ясности и точности, не поддававшіеся произвольной интерпретаціи, замалчивались умышленно и систематически; другіе подвергались превратному толкованію, третьи подложно искажались при переводахъ съ русскаго языка на шведскій, четвертые прямо и просто сочинялись; наконецъ, все это сопровождалось искусственнымъ и фальшивымъ изображеніемъ прошлыхъ событій.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ ссылаемся на факты которые приводятся въ помѣщаемой нами статьѣ, посвященной анализу книги г. Мехелина. Можно догадываться что сложный трудъ исторической поддѣлки, сопровождавшійся мистификаціей русскаго общества и власти, производился не только литераторами и учеными, но и лицами состоявшими на службѣ и оказывавшими вліяніе на ходъ дѣлъ въ Княжествѣ: басня объ «историческихъ» правахъ Финляндіи, возводимой нынѣ въ достоинство особаго государства, слагалась, повидимому, не безъ участія различныхъ канцелярій наполненныхъ чиновниками финскаго происхожденія. Къ сожалѣнію, объ этой сторонѣ дѣла мы можемъ только догадываться, ибо работа происходила въ тиши кабинетовъ; а между тѣмъ именно эта сторона представляетъ особый интересъ.

Болѣе всего насъ интересуетъ въ данномъ вопросѣ роль финляндскаго статсъ секретаріата, на который воз-

ложены доклады Государю Императору по дѣламъ Финляндіи (кромѣ спеціально-военныхъ дѣлъ). Надобно думать что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ систематической фальсификаціи, разчитанной на довѣрчивое отношеніе къ ней; но если онъ ограничивалсялишь этимъ, то, полагаемъ, онъ не исполнилъ своего долга... Для устраненія догадокъ и, быть-можетъ, несправедливыхъ нареканій, было бы въ высшей степени желательно внести побольше свѣта съ русской стороны въ темную исторію финскихъ политическихъ вольностей.

Таково происхожденіе „историческихъ“ правъ Княжества, которыя въ настоящее время заслуживаютъ особаго вниманія.

По слухамъ, нынѣ созванный Сеймъ задумываетъ работу по кодификаціи финляндскихъ законовъ. Въ добрый часъ! Это полезное дѣло само собою поведетъ къ пересмотру и повѣркѣ историческихъ правъ Финляндіи, что, при должномъ вниманіи къ дѣлу, разъяснитъ многія недоразумѣнія и устранитъ претензіи во взаимныхъ отношеніяхъ Имперіи и ея автономной провинціи. Думаемъ что какъ то, такъ и другое одинаково въ интересахъ обѣихъ сторонъ.

Во всякомъ случаѣ, мы не должны оставлять важнаго дѣла затѣваемаго Сеймомъ безъ зоркаго глаза людей Русскихъ по рожденію и душою преданныхъ своей родинѣ, что всегда можно сдѣлать не задѣвая никакихъ правъ щепетильнаго княжества. Иначе предполагаемая кодификація, при испытанной ловкости финскихъ сепаратистовъ, обратится въ новый вредъ для Россіи на что уже есть достаточныя указанія.

Вообще болѣе внимательное и близкое отношеніе Русскихъ людей къ дѣламъ Финляндіи внушается соображеніями благоразумія и чувствомъ самообороны, ne quid respublica detrimenti capiat.

ЛЕГЕНДА
О
ФИНЛЯНДСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

1.

Происхожденіе Финляндскаго государства.

„Не было полушки, да вдругъ алтынъ".
Народная поговорка.

Читателю не разъ, вѣроятно, доводилось слышать о томъ что по свѣту ходитъ легенда о происхожденіи особаго „Финляндскаго государства", благополучно пребывающаго нынѣ въ „личной * уніи" съ Россіей. Эта легенда, широко распространенная и упорно распространяемая въ Великомъ Княжествѣ, гдѣ она выдается за историческую быль, не разъ получала тамъ литературную обработку; но къ намъ она долетала обыкновенно въ отрывочныхъ отголоскахъ, которые нерѣдко находили наивныхъ и довѣрчивыхъ слушателей. Теперь она является цѣликомъ предъ русскою публикой въ компетентномъ и авторитетномъ пересказѣ бывшаго гельсингфорскаго профессора права и теперешняго финляндскаго сенатора, Л. Мехелина: его французская монографія о государственномъ правѣ Финляндіи, написанная для назиданія Европы, недавно переведена на русскій языкъ К. Ф. Ординымъ, который снабдилъ свой переводъ цѣнными примѣчаніями и приложеніями *. Желая познакомить читателя съ любопытною финскою легендой, мы будемъ пользоваться этимъ полезнымъ переводомъ, появившимся, весьма кстати, ко времени открытія Финляндскаго Сейма.

Обзору дѣйствующей конституціи Великаго Княжества г. Мехелинъ предпосылаетъ „краткій историческій очеркъ", въ которомъ, на сорока страницахъ, съ достаточною подробностью разсказываетъ интересующую насъ легенду о происхожденіи „Финляндскаго

---

* По другому толкованію—„реальной".

* *Конституція Финляндіи. Précis du droit public du grand duché de Finlande* par **L. Mechelin**, membre du sénat impérial de Finlande, ancien professeur de droit à l'université d'Helsingfors. Переведена и дополнена примѣчаніями по русскимъ документамъ **К. Ординымъ**. Спб., 1888. Ц. 1 руб.

государства". А такъ какъ канвой для этой легенды послужили историческія событія, то само собою разумѣется что ученый и сановный авторъ обращается съ ними самымъ либеральнымъ образомъ, въ интересахъ цѣлостности и законченности фантастическаго повѣствованія. Комментаріи г. Ордина, напоминающіе будничную обстановку поэтизируемыхъ событій, правда, расхолаживаютъ нѣсколько непосредственное впечатлѣніе разсказа; но за то, съ другой стороны, они даютъ возможность судить о смѣломъ полетѣ, силѣ и широтѣ финскаго творчества...

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію самой легенды, замѣтимъ что вся она проникнута двумя основными и характерными положеніями, которыя слѣдуетъ напередъ принять во вниманіе: 1) Финляндія, какъ „самостоятельное государство", состоитъ только въ „соединеніи" съ Россіей, и 2) Русскій Государь, будучи конституціоннымъ монархомъ Финляндіи, ограниченъ въ своихъ верховныхъ правахъ „историческими правами" Княжества, съ представителями котораго Онъ находится въ „соглашеніи", въ качествѣ одного изъ контрагентовъ связанныхъ между собою договорными отношеніями. Эти основныя положенія проходятъ красною нитью по всему разказу бывшаго профессора, котораго мы приглашаемъ теперь послушать, предупреждая читателя, что, время отъ времени, будемъ перебивать ученое повѣствованіе, финляндскаго сенатора кое-какими попутными замѣчаніями.

Нынѣшняя Финляндія или, точнѣе, западная ея часть издавна принадлежала Швеціи и входила въ ея составъ. Уже съ половины XIV вѣка она ничѣмъ не не отличалась отъ остальныхъ шведскихъ провинцій: въ ней дѣйствовали „та же конституція, тѣ же гражданскіе законы, тотъ же финансовый строй".

Просимъ читателя обратить вниманіе на это обстоятельство, ибо оно играетъ въ послѣдствіи важную, хотя и двусмысленную роль въ „историческихъ правахъ" Финляндіи.

Правда, географическое положеніе страны выдѣляло ея провинціи въ особую группу, носившую съ конца XVI вѣка, даже въ офиціальныхъ документахъ, собирательное названіе „Великаго Княжества Финляндіи"; но, при всемъ томъ, никакого особаго государства не было: были только,—утверждаетъ г. Мехелинъ,—„сѣмена независимаго національнаго существованія", „сознаніе" коего, однако, „не пробуждалось въ народѣ, пока продолжалось тѣсное его соединеніе со Швеціей".

Вновь просимъ обратить вниманіе на слова автора: казалось бы, въ вопросѣ объ „историческихъ" правахъ Финляндскаго государства слишкомъ мало однихъ какихъ-то „сѣменъ національнаго существованія", да еще „не сознаваемаго народомъ"; но не даромъ же говорится, что смѣлость города беретъ: изъ этихъ сѣменъ выростаетъ позднѣе цѣлое дерево финляндской конституціи.

Съ основаніемъ Петербурга, Финляндія надолго становится театромъ борьбы между Россіей и Швеціей. Послѣ счастливыхъ войнъ Петра I и Елисаветы, окончившихся присоединеніемъ къ Имперіи Выборгской губерніи, императоръ Александръ I предпринимаетъ въ 1808 году новое нападеніе на Швецію, имѣя при этомъ въ виду заставить ее примкнуть къ континентальному союзу и присоединить къ Россіи остальную Финляндію. Намѣренія свои онъ выражаетъ во многихъ прокламаціяхъ, изъ которыхъ, по мнѣнію автора, „наиболѣе достоинъ вниманія" манифестъ отъ 5 (17) іюня того же года.

Замѣтимъ мимоходомъ, что манифестъ этотъ, о которомъ скажемъ ниже, только потому „наиболѣе достоинъ вниманія" что авторъ дѣлаетъ въ немъ передержку и вкладываетъ въ него такой смыслъ какого въ немъ нѣтъ. Но онъ проходитъ молчаніемъ другой, болѣе ранній, манифестъ отъ 20 марта 1808 года „о покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи", въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Страну сію, оружіемъ Нашимъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство." Прибавимъ что, во исполненіе этого манифеста, Финляндцы въ

томъ же году присягали по общей *русской* формѣ присяги на вѣрноподданство, причемъ присяжные листы были присланы изъ Петербурга — подробность, которая намъ пригодится въ послѣдствіи.

Точно также проходитъ авторъ молчаніемъ и то что почти одновременно съ приведеннымъ сейчасъ манифестомъ иностранные дворы были извѣщены о присоединеніи Финляндіи особою декларацією, а императоръ Наполеонъ I — особымъ письмомъ императора Александра, въ которомъ послѣдній прямо говоритъ что онъ „объявилъ Финляндію *русскою провинціей*“. Читатель, конечно, догадывается почему г. Мехелинъ опускаетъ эти важные документы: въ нихъ говорится о присоединеніи Финляндіи въ качествѣ простой провинціи, тогда какъ сановный авторъ разказываетъ легенду о возникновеніи самостоятельнаго Финляндскаго государства, которое своими древними правами ограничиваетъ прерогативы русской самодержавной власти. Съ этой точки зрѣнія ему гораздо любезнѣе манифестъ отъ 5 (17) іюня, который, какъ мы замѣтили, онъ эксплуатируетъ въ пользу своей легенды, съ явнымъ насиліемъ надъ его смысломъ. Весь манифестъ, отъ начала и до конца, написанъ на тему отеческаго „quos ego“, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться изъ его прочтенія. Если же вѣрить г. Мехелину, императоръ объявляетъ въ немъ что, присоединяя Финляндію къ Россіи, онъ „свято будетъ охранять законы и привилегіи страны“.

Какъ бы въ поясненіе, авторъ лукаво прибавляетъ, что „въ это время исходъ войны не былъ еще окончательно предвидѣнъ“. Выходитъ, такимъ образомъ, что Русскій Императоръ, желая, въ трудныхъ обстоятельствахъ, склонить на свою сторону Финляндцевъ, обѣщаетъ имъ обособленное положеніе ихъ страны. Въ дѣйствительности ничего подобнаго въ манифестѣ нѣтъ. „Въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и *единую* Имперію составляющихъ,“ — говорится тамъ, — „обыватели новоприсоединенной Финляндіи восприяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленій Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ.“

Вообще манифестъ, обращенный къ жителямъ непріятельской области только-что занятой нашими войсками имѣлъ цѣлью образумить и успокоить населеніе, поселивъ въ немъ убѣжденіе что „судьба страны рѣшена невозвратно“. О томъ что императоръ „свято *будетъ охранять* законы и привилегіи“ ея, въ манифестѣ совсѣмъ не говорится. Можно думать что къ этому ложному увѣренію г. Мехелина дала поводъ вскользь сказанная фраза, которую мы приведемъ дословно, въ связи съ предыдущею фразой: „Подъ сѣнію Престола Нашего покоются многочисленные народы, судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей вы пріобрѣли тѣмъ самымъ *равныя* права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ и *свято Нами хранимыхъ*, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается.“ Вотъ и все. Ясно что это никакъ не обѣщаніе вынужденное обстоятельствами, а простое указаніе на то что дѣлается. Но еслибы даже, вопреки ясному смыслу курсива, разсматривать фразу какъ обѣщаніе, то тамъ же поставлено и условіе требуемое имъ: „Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единственное возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно.“ Пусть г. Мехелинъ отвѣтитъ, хотя бы только за себя, выполняетъ ли онъ это требованіе манифеста своею книгой, полною сепаратистическихъ тенденцій?...

Къ концу 1808 года уже вся Финляндія была занята русскими войсками, но война еще продолжалась. Не дожидаясь окончанія враждебныхъ дѣйствій. Императоръ пожелалъ „войти въ *сношеніе* съ представителями Финляндіи для *установленія своей власти*“.

Понимаете, читатель, куда клонится дѣло? Лукавая фраза бросается вскользь, но она производитъ желаемый эффектъ: Русскій Государь хочетъ „установить свою власть“ и съ этою цѣлью вступаетъ въ „сношеніе съ представителями“ страны, то-есть, попросту, входитъ съ ними въ соглашеніе въ качествѣ одной изъ договаривающихся сторонъ...

Не такъ ли? И это послѣ того какъ вся Финляндія была покорена силой оружія и офиціально присоединена къ Имперіи? Шутите, г. финляндскій сенаторъ!

„По настоятельному повелѣнію (гм.!) императора, въ ноябрѣ 1808 года собралась въ Петербургѣ финляндская депутація, избранная дворянствомъ, духовенствомъ, горожанами и крестьянами. Императоръ“,—разсказываетъ далѣе тотъ же г. Мехелинъ,—„желалъ совѣщаться съ депутатами о положеніи и нуждахъ страны и о средствахъ облегчить ея затрудненія.“

Какъ же такъ? Вѣдь только-что говорилось что „сношенія“ съ представителями страны нужны для „установленія“ власти? Стало-быть, это вздоръ? На повѣрку выходитъ что дѣло шло вовсе не объ установленіи власти, въ чемъ не было никакой нужды, а просто о томъ что Государь хотѣлъ, въ интересахъ покоренной страны, посовѣтоваться съ депутатами какъ людьми свѣдущими.

„Депутація,“—продолжаетъ г. Мехелинъ,—„представила мемуаръ, содержавшій обзоръ *основныхъ законовъ о составѣ законнаго сейма* и объявленіе что она, депутація, не была компетентна ни для представленія собою страны, ни для обсужденія вопросовъ требующихъ соучастія государственныхъ чиновъ: лишь по созваніи сейма Его Величество могъ бы услышать голосъ народа.“

Здѣсь, въ немногихъ фразахъ, множество фальши и недомолвокъ. Такъ, прежде всего, мемуаръ составленный депутатами представлялъ собою въ дѣйствительности рядъ просьбъ обращенныхъ къ побѣдоносному императору, отъ усмотрѣнія котораго зависѣло, разумѣется, дать тотъ или другой исходъ этимъ просьбамъ. Сами депутаты не обманывались на этотъ счетъ, и старшій изъ нихъ, баронъ Маннергеймъ, заявилъ въ рѣчи къ Государю отъ общаго имени что они предаютъ „судьбу своихъ соотчичей великодушію побѣдителя“, какъ это прямо говорится въ офиціальномъ описаніи пріема депутаціи.

Мемуаръ,—утверждаетъ авторъ,—содержалъ въ себѣ „обзоръ основныхъ законовъ о составѣ законнаго сейма“. Не говоря уже о томъ что подобный „обзоръ“ могъ быть, по положенію вещей, только одною изъ просьбъ депутаціи, любопытно спросить, о какихъ „основныхъ законахъ“ и „законномъ составѣ“ сейма говоритъ авторъ? Значитъ ли это что Финляндія уже имѣла тогда свои особые „основные законы“ опредѣлявшіе составъ „законнаго“ сейма? Значитъ ли это что депутація просила Государя выслушать „голосъ народа“ отъ его представителей составлявшихъ, по конституціи, особое и самостоятельное собраніе? Такъ можно было бы думать на основаніи глухой фразы нашего автора; но недаромъ фраза эта глухая. Въ дѣйствительности никакихъ особыхъ основныхъ законовъ Финляндіи не существовало, точно также какъ не существовало никакого особаго финляндскаго сейма. Завоеванная страна управлялась прежде шведскими законами и, входя въ составъ королевства, наравнѣ съ другими провинціями посылала своихъ представителей въ Шведскій Сеймъ. Стало-быть, все о чемъ могли просить и просили депутаты, это—о созваніи *новаго, прежде не существовавшаго, мѣстнаго финляндскаго сейма*, причемъ указывали на примѣненіе шведскихъ законовъ къ этому исключительному случаю. Съ точки зрѣнія „историческаго“ права такой сеймъ менѣе всего могъ быть „законнымъ“, что, конечно, отлично понимаетъ бывшій профессоръ права: Разъ прекратилось вліяніе Шведскаго короля въ Финляндіи, занятой Русскими,—основательно замѣчаетъ г. Ординъ,—король не могъ болѣе „законно“ созвать сеймъ, и созванный помимо короля сеймъ не былъ „законнымъ“, тѣмъ болѣе что по конституціи король и сеймъ составляли непремѣнныя части одного цѣлаго, и какъ король безъ сейма, такъ и сеймъ безъ короля не могли имѣть „законнаго“ значенія.

Государь одобрилъ мнѣніе депутаціи и указомъ отъ 1 февраля созвалъ на 22 марта финляндскія сословія въ городъ Борго на сеймъ, „согласно законамъ и правиламъ“.

Какимъ, г. Мехелинъ? Опять темная фраза разчитанная на то чтобы ввести читателя въ заблужденіе. Поясникъ: согласно законамъ и прави-

ламъ примѣнявшимся къ созванію Шведскаго Сейма, которые въ данномъ случаѣ находили совершенно новое приложеніе, почерпавшее свою силу въ великодушномъ рѣшеніи Государя. Что это было дѣйствительно такъ, что сеймъ созывался не на основаніи „историческаго“ права, котораго не было, а только по милостивому соизволенію Государя, ясно, между прочимъ, изъ того что идея о сеймѣ то возникала, то оставлялась: императоръ колебался въ выборѣ рѣшенія. Что, далѣе, сейму такимъ образомъ созываемому придавалось только *совѣщательное* значеніе, что „представители“ приглашались только въ качествѣ *экспертовъ*, ясно изъ отвѣта Государя на представленіе вышеупомянутаго мемуара. „Большая часть предметовъ,“—говорилъ Государь,—„содержащихся въ вашей *просьбѣ* можетъ быть соотвѣтственнѣе *обсуждена* (а не рѣшена) на общемъ собраніи“; то-есть на предстоящемъ сеймѣ.

Къ открытію сейма Императоръ лично пріѣхалъ въ Борго и, въ день пріѣзда, 15 (27) марта 1809 года подписанъ знаменитый манифестъ, который Финляндцы кладутъ въ основу конституціонныхъ правъ Княжества. Вотъ подлинный русскій текстъ этого манифеста:

„Произволеніемъ Всевышняго, вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика *по конституціямъ ихъ* доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи.“

Какъ видитъ читатель, въ манифестѣ этомъ дѣйствительно говорится о „конституціяхъ“, но никакъ не въ смыслѣ конституціоннаго устройства Княжества. Какимъ же образомъ Финляндцы основываютъ на немъ свои притязанія? Очень просто, проще нежели можно было бы думать: шведское изданіе законовъ Княжества, въ переводѣ манифеста на шведскій языкъ, допускаетъ нѣсколько *невинныхъ неточностей*, совершенно извращающихъ его смыслъ. Не правда ли, какъ это просто и остроумно? Укажемъ только на одну такую неточность, особенно важную и поучительную: выраженіе манифеста „по конституціямъ ихъ“ переводится коротко и ясно: „по конституціи“. Казалось бы, велика ли разница? а между тѣмъ пѣль достигнута! „Слово конституція,“ говоритъ г. Ординъ, „по смыслу французскаго слова constitution, употреблялось въ прежнія времена на каждомъ шагу вмѣсто словъ установленіе, учрежденіе; съ пера Аракчеева сходили, напримѣръ, военныя конституціи. Въ этомъ смыслѣ манифестъ, говоря о „„состояніяхъ““ Княжества (сословіяхъ), упомянулъ о правахъ „„по конституціямъ ихъ““; то-есть по ихъ уставамъ и учрежденіямъ. Переводъ вмѣсто множественнаго числа поставилъ единственное „„по конституціи““,—и получилось совершенно опредѣленное, извѣстное понятіе, но уже, конечно, совсѣмъ не то которое выражено въ русскомъ документѣ.“ *

Но оставляя въ сторонѣ переводныя неточности, близкія къ понятію подлога, нельзя не признать что манифестъ отъ 15 (27) марта представляетъ собою выдающійся актъ въ исторіи Великаго Княжества: хотя о конституціи Финляндіи въ немъ не говорится, но имъ, несомнѣнно, утверждаются „религія, коренные законы, права и преимущества“ финляндскихъ сословій. Поэтому, манифестъ заслуживалъ бы, казалось, особаго вниманія со стороны ученаго историка Финляндскаго „государства“; а между тѣмъ г. Мехелинъ, приводя его цѣликомъ, разумѣется по искаженной редакціи шведскаго перевода, ни однимъ словомъ не проговаривается о значеніи важнаго документа и прямо переходитъ къ дальнѣйшему повѣствованію. Досказемъ за него недосказанное.

Сохраненіе прежнихъ правъ и преимуществъ, которыя обезпечивались знаменитымъ манифестомъ за финляндскими сословіями, было, очевидно, новымъ и свободнымъ актомъ милости

---

* См. въ № 4.261 *Новаго Времени* (9 января 1888 года) письмо К. Ордина, который подробно указываетъ и на другія неточности перевода.

Государя, которую онъ оказывалъ населенію покоренной области. Пусть этотъ актъ подсказанъ былъ политическими соображеніями, желаніемъ скорѣйшаго умиротворенія страны,—это ни мало не измѣняетъ его основнаго характера. Во всякомъ случаѣ о какомъ-либо договорѣ или „соглашеніи“, какъ хотѣли бы представить дѣло финскіе историографы, здѣсь не могло быть и рѣчи. Да и въ какомъ качествѣ могли бы договариваться Финляндцы? Въ качествѣ покоренныхъ? Но покоренные не договариваются, а отдаются на милость побѣдителя, что разъ навсегда слѣдовало бы запомнить финскимъ сепаратистамъ.

Два дня позднѣе, — повѣствуетъ г. Мехелинъ, — на торжественномъ собраніи въ каѳедральномъ соборѣ сословія привѣтствовали императора въ качествѣ Великаго Князя Финляндскаго, принесли присягу вѣрности новому государю и „утвердили вмѣстѣ съ тѣмъ ненарушимость конституціи“.

Какой конституціи? Вѣроятно, шведской, ибо другой пока не существовало. Ковычки принадлежатъ автору. Любопытно что, аккуратный въ цитатахъ и ссылкахъ, онъ умалчиваетъ на этотъ разъ откуда беретъ загадочныя и странныя слова. Есть, однако, основаніе думать что они взяты во всякомъ случаѣ не изъ офиціальныхъ документовъ. А слова эти, дѣйствительно, и загадочны, и странны: сеймъ, подвластный Императору и созванный только для совѣщанія, не могъ, разумѣется, ничего „утверждать“, и всего менѣе—конституціи.

„Церемонія“, — продолжаетъ г. Мехелинъ, — „заключилась рѣчью императора на французскомъ языкѣ, выражавшею признательность съ которою онъ принялъ знаки преданности и присягу представителей страны; она свидѣтельствовала что совершился *актъ соединенія*“(?).

Курсивъ опять принадлежитъ автору, и на этотъ разъ знаменателенъ. Какъ ученый юристъ, онъ употребляетъ техническое выраженіе которое обозначаетъ весьма многое; но онъ, не безъ основанія, употребляетъ его не досказывая своей фразы и предоставляя толковому читателю самому пополнить ее. Почему? Да, вѣроятно, потому что г. Мехелину стыдно показалось говорить явный вздоръ, не подготовивъ къ нему читателя исподоволь. Подъ „актомъ соединенія“ юристы понимаютъ соединеніе двухъ существующихъ и обыкновенно равноправныхъ государствъ въ одно политическое тѣло. Поэтому, фраза автора не можетъ означать ничего другаго какъ то что государство Русское соединилось съ государствомъ Финляндскимъ. Именно это и хотѣлъ сказать авторъ, судя по дальнѣйшему его изложенію. Совѣстясь здѣсь, на первыхъ порахъ, употреблять ясныя и точныя выраженія и замѣняя ихъ недосказанною фразой, онъ уже на слѣдующей страницѣ и далѣе начинаетъ называть Финляндію — risu teneatis — то „молодымъ государствомъ“, то „новымъ“.

Внимательный читатель въ полномъ недоумѣніи: откуда же взялось это „молодое“ и „новое“ государство? До сихъ поръ, слѣдуя изложенію самого автора, Финляндія была шведскою провинціей которую заняли русскія войска. Не дожидаясь окончанія войны, Государь выразилъ твердое намѣреніе навсегда присоединить занятую непріятельскую провинцію къ своей Имперіи и обѣщалъ жителямъ сохранить ихъ прежнія права и привилегіи, въ которыхъ, однако, не было и помину о какомъ-либо обособленномъ и самостоятельномъ политическомъ существованіи. Созванныя по свободному и великодушному почину побѣдителя для совѣщанія о положеніи и нуждахъ страны, сословія Княжества выразили знаки преданности новому государю и присягнули ему, а онъ отвѣчалъ на это любезною французскою рѣчью, и вотъ... явилось „государство“ Финляндское!

Признаемся, мы тутъ ничего не понимаемъ, кромѣ явнаго желанія г. Мехелина тенденціозно и беззастѣнчиво искажать историческіе факты; впрочемъ, это такъ и должно быть: вѣдь онъ пишетъ не исторію, а разсказываетъ мѣстную легенду... Въ дѣйствительности не только акты императора Александра I, но и тогдашніе финскіе дѣятели, которые были еще чужды всякихъ бредней о своей государственной отдѣльности, именовали Княжество просто „провин-

ціей“ Имперіи, что̀ совершенно отвѣчало его дѣйствительному положенію. Скажемъ болѣе, съ юридической точки зрѣнія положеніе Финляндіи во время открытія Боргоскаго Сейма, къ которому, по мнѣнію г. Мехелина, относится своеобразное возникновеніе государства Финляндскаго, было временное и переходное: война еще продолжалась, и счетъ былъ поданъ безъ хозяина, каковымъ являлся одинъ король Шведскій. Только онъ одинъ, какъ настоящій хозяинъ, могъ передать свои права на Финляндію Русскому Императору, а онъ пока еще не имѣлъ возможности сказать свое слово. Такъ въ это время смотрѣли на дѣло и сами Финляндцы. Извѣстный тогда финскій патріотъ и профессоръ, семидесятилѣтній старикъ Колоніусъ, въ печатной программѣ по случаю избранія ректора, горько оплакивалъ жестокое время когда подданные отрываются отъ законнаго владыки и выражалъ надежду что „король твердостью своею еще возстановитъ прежнее положеніе Финляндіи“: „Пока исходъ войны еще неизвѣстенъ“, — говорилъ старикъ, — „и пока не заключенъ такой миръ при которомъ повелитель самъ отказался бы отъ своего права, отъ воли подданнаго не зависитъ отказаться отъ своего долга, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны.“ Современные Финляндцы думаютъ, очевидно, иначе; но въ то время взглядъ Колоніуса встрѣтилъ большое сочувствіе.

Какъ бы, однако, тамъ ни было, но г. Мехелинъ утверждаетъ что „государство“ Финляндское уже возникло и существуетъ. Разказавъ легенду объ его чудесномъ происхожденіи, онъ обращается къ знаменитымъ въ исторіи Княжества „Боргоскимъ актамъ“, которыми „были освящены новыя судьбы Финляндіи“. Послѣдуемъ за нимъ.

2.

Освященіе новыхъ судебъ Финляндскаго государства.

„Не любо—не слушай“...

Народная поговорка.

Обратимся къ обзору „актовъ“ Боргоскаго Сейма, славныхъ въ конституціонной исторіи Великаго Княжества: ими де „освящались новыя судьбы Финляндіи“ и въ общемъ и цѣломъ намѣчалось будущее устройство новорожденнаго государства.

Императоръ предложилъ Сейму на разсмотрѣніе четыре вопроса: 1) объ организаціи внутренняго управленія страны, 2) о податяхъ и финансахъ, 3) о воинской повинности и 4) о монетной системѣ. „Резолюціи и мнѣнія Сейма по этимъ важнымъ предметамъ,“ — замѣчаетъ г. Мехелинъ, — „имѣли великое и благотворное вліяніе на веденіе дѣлъ молодаго государства.“

По вопросу объ *организаціи внутренняго управленія страны* былъ выработанъ проектъ Правительственнаго Совѣта, который долженъ былъ стать центральнымъ пунктомъ различныхъ отраслей администраціи. Государь утвердилъ этотъ проектъ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ февралѣ 1816 года, „желая уяснить мысль бывшую въ виду при учрежденіи Правительственнаго Совѣта“, повелѣлъ именовать его Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ, „безъ какого-либо измѣненія въ самомъ учрежденіи Совѣта и *еще менѣе въ конституціи страны*, силу которой Императоръ призналъ *навсегда какъ за себя, такъ и за своихъ преемниковъ*“.

Здѣсь мы опять лицомъ къ лицу съ вопросомъ о „признаніи конституціи“: г. Мехелинъ не пропускаетъ ни одного случая повторить лишній разъ ложное

увѣреніе. И вотъ, что тутъ особенно любопытно: высказывая его сначала неопредѣленно, робко и нерѣшительно, онъ, съ каждымъ новымъ шагомъ въ своемъ повѣствованіи, становится все смѣлѣе, настойчивѣе и развязнѣе. Такъ, постоянно имѣя въ виду шведскую конституцію (ибо никакой финляндской не существовало), авторъ застѣнчиво называлъ ее въ началѣ просто „конституціей“, теперь именуетъ уже „конституціей страны“, а въ послѣдствіи прямо и храбро будетъ указывать на шведскіе основные законы какъ „законодательный источникъ государственнаго права Финляндіи“. Кромѣ того, теперь онъ говоритъ уже о „преемникахъ“, за которыхъ будто бы Государь навсегда призналъ силу шведской конституціи, о чемъ ни разу не упоминалось ранѣе.

Дѣло, какъ видите, ведется тонко и ловко: конечный выводъ высказывается не вдругъ, а подготовляется постепенно, что придаетъ ему характеръ правдоподобія. Замѣтимъ что „преемники“, которые въ первый разъ появляются здѣсь въ изложеніи г. Мехелина, всецѣло остаются на его ученой совѣсти, такъ какъ о нихъ, по свидѣтельству г. Ордина, не встрѣчается ни одного слова въ Боргоскихъ „актахъ“. Но, если не о „преемникахъ“, прибавленныхъ для красоты слога, то, можетъ-быть, въ этихъ „актахъ“ говорится о „признаніи конституціи страны“, о чемъ, какъ мы уже знаемъ, не было рѣчи ранѣе? Ничуть; по крайней мѣрѣ, этого совсѣмъ не видно изъ словъ г. Мехелина, который, конечно, не пропустилъ бы подобнаго факта. Это „признаніе“, упоминаемое всегда подозрительно-неопредѣленно, онъ и на этотъ разъ основываетъ, повидимому, все на томъ же обѣщаніи Государя сохранить „права и преимущества“ какими пользовались прежде финляндскія сословія „по конституціямъ ихъ“, то-есть по ихъ уставамъ и учрежденіямъ, на что мы указывали говоря о манифестѣ 15 (27) марта 1809 года.

Мѣстное изданіе законовъ Княжества, какъ выше сказано, въ переводѣ этого манифеста на шведскій языкъ, передаетъ выраженіе „по конституціямъ ихъ“, однимъ словомъ „по конституціи“, совершенно извращая такимъ образомъ смыслъ документа. Вотъ этотъ-то переводный подлогъ и служитъ главнымъ основаніемъ нелѣпаго притязанія Финляндцевъ на шведскую конституцію! Но допустимъ на минуту никогда не существовавшій фактъ признанія иноземной конституціи и, возвращаясь къ Боргоскимъ „актамъ“, спросимъ: какое отношеніе имѣло учрежденіе Правительственнаго Совѣта, переименованнаго позднѣе въ Финляндскій Сенатъ, къ этой конституціи, въ которой кроются будто бы „историческія“ права Княжества? — Ровно никакого, ибо при шведскомъ владычествѣ Финляндія не имѣла ни особаго Совѣта, ни особаго Сената. Высшій судъ и органы центральнаго управленія, общіе всему королевству, находились въ Стокгольмѣ; на мѣстѣ же, въ странѣ, были только мѣстныя власти. Въ этомъ сознается самъ г. Мехелинъ. Сталобыть, даже съ точки зрѣнія шведской конституціи Финляндія не имѣла ни малѣйшаго права на особый Финляндскій Сенатъ, учрежденіе коего было новымъ проявленіемъ личнаго благоволенія Государя къ присоединенной области.

По второму вопросу, о *податяхъ* и *финансахъ*, Сейму предстояло не только удовлѣтворить потребностямъ даннаго времени, но и дать „прочныя основанія бюджету новаго государства“. Съ этою трудною задачей Сеймъ справился тѣмъ удачнѣе что императоръ снова оказалъ неожиданную милость, на которую сами Финляндцы, кажется, не разчитывали: онъ объявилъ, что денежныя средства Княжества будутъ употребляться только на его нужды, и даже для себя лично отказался отъ всякаго отчисленія изъ финляндскихъ суммъ.

„Объявленіе это,“ — замѣчаетъ авторъ, — „предупредило всевозможныя опасенія насчетъ независимости бюджета Великаго Княжества.“

Еще бы! Тутъ рѣчь шла даже болѣе нежели о „независимости бюджета“: Финляндія получала такую привилегію какой не только не имѣла при шведскомъ владычествѣ и по шведской конституціи, но о какой не могла и мечтать: прежде она несла общегосударственное бремя налоговъ наравнѣ съ другими провинціями Шведскаго коро-

левства, а теперь въ этомъ отношеніи она поступала въ даровые нахлѣбники Русской Имперіи! Понятно что „сословія выразили особымъ адресомъ признательность страны“ за милостивое объявленіе.

По третьему вопросу, о *воинской повинности*, Императоръ выразилъ желаніе сохранить старинную организацію военнаго ополченія (милиціи), объявивъ что „никакого обязательнаго рекрутства и никакой военной конскрипціи не будетъ въ Финляндіи“; сверхъ того, содержаніе линейныхъ войскъ въ Княжествѣ онъ принялъ на русскій счетъ. Чего бы, казалось, болѣе? Но коммиссія Сейма, разсматривавшая вопросъ о воинской повинности, была такъ увлечена великодушіемъ Государя что предложила ходатайствовать предъ нимъ чтобъ и милиціонная повинность была снята съ Финляндіи „на вѣчныя времена“. Сеймъ, однако, устыдился такого ходатайства, хотя нашелъ возможнымъ „изложить съ откровенностью неудобство пользоваться, еслибъ это случилось, народною милиціей внѣ Финляндіи, или для другихъ цѣлей, кромѣ защиты отечества“ (то-есть Княжества)! Трогательная откровенность! Первый Финляндскій Сеймъ, который г. Мехелину хотѣлось бы представить въ качествѣ учредительнаго собранія, является, въ его собственномъ изображеніи, въ роли беззастѣнчиваго просителя, который становится тѣмъ назойливѣе чѣмъ болѣе милостей ему оказываютъ!

Но насъ опять интересуетъ здѣсь другая сторона дѣла: въ какомъ отношеніи стояла къ данному вопросу шведская конституція, этотъ палладіумъ вольностей Княжества? При шведскомъ управленіи Финляндцы несли общую воинскую повинность со всѣми остальными жителями королевства, служили въ шведскихъ войскахъ и являлись всюду, куда призывалъ ихъ долгъ предъ королемъ и отечествомъ. Теперь, вступивъ въ составъ могущественной Имперіи, обезпечивавшей ихъ безопасность, они избавлялись отъ обязательнаго рекрутства и военной конскрипціи, отъ расходовъ по содержанію линейныхъ войскъ въ странѣ и, неся службу только въ народномъ ополченіи, находили возможнымъ просить, сверхъ того, чтобъ это ополченіе употреблялось лишь въ предѣлахъ Финляндіи и лишь для ея защиты! Согласитесь, г. Мехелинъ, что въ этихъ великихъ и богатыхъ милостяхъ „историческія права“ Княжества ни при чемъ“.

Наконецъ, по четвертому вопросу, *о монетной системѣ*, сословія пришли къ заключенію что русскій серебряный рубль долженъ быть принятъ въ качествѣ монетной единицы Финляндіи. Независимо отъ этого, они „рекомендовали“ учрежденіе особаго національнаго банка, для котораго испрашивали у государя, въ видѣ ссуды, милліонъ серебряныхъ рублей; предполагали, далѣе, установить отдѣльную финскую монету, учредить отдѣльный монетный дворъ и пр. Словомъ, финскіе аппетиты были въ то время сильно возбуждены, и затѣвалось весьма многое. Но такъ какъ всѣ эти затѣи не могли быть приведены въ исполненіе до заключенія мира, то пришлось на время отказаться отъ нихъ, ограничившись ходатайствомъ о созваніи новаго сейма. Однако, это ходатайство уважено не было, и сеймъ вторично не созывался. Нужно ли прибавлять что смѣлыя затѣи Финляндцевъ по этому четвертому вопросу, точно такъ же какъ и по тремъ предыдущимъ, не имѣли рѣшительно никакой опоры въ шведской конституціи? Сеймъ просто обращался съ назойливыми просьбами къ благодушному побѣдителю, причемъ обнаруживалъ большое безстыдство, чтобы не сказать хуже.

Таковы знаменитыя „резолюціи“ достопамятнаго Сейма, которымъ г. Мехелинъ придаетъ пышное названіе „Боргоскихъ актовъ“, и которые приличнѣе было бы назвать, „боргоскими челобитными и моленіями“. Созванный по волѣ Императора, котораго ничто къ тому не обязывало, самый Сеймъ, какъ уже сказано, носилъ только *совѣщательный* характеръ и по существу дѣла не могъ быть инымъ. Поэтому его резолюціи, въ лучшемъ случаѣ, представляли собой лишь *мнѣнія свѣдущихъ людей, которыхъ желали выслушать только по тѣмъ вопросамъ по которымъ хотѣли.* Никакого *обязательнаго* значенія для Русской Верховной Власти они не имѣли

и не могли имѣть уже по той простой причинѣ что самый Сеймъ, никогда прежде не существовавшій, возникъ единственно по доброй волѣ Государя и потому не располагалъ никакими самостоятельными правами. Такъ, между прочимъ, смотрѣлъ на дѣло и самъ Государь, что̀ ясно видно изъ его рѣчи произнесенной при закрытіи Сейма и обязательно приводимой г. Мехелинымъ: „Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, я *хотѣлъ знать желанія* народа насчетъ его истинныхъ нуждъ“; и далѣе: „Мнѣнія, вами теперь выраженныя, носятъ характеръ мудрости и любви къ отечеству. Я *приму ихъ въ соображеніе* въ важномъ дѣлѣ, которое *Я* теперь для вашего преуспѣванія *обдумываю*.“

Кажется, трудно обманываться насчетъ смысла этихъ знаменательныхъ словъ, краснорѣчиво подтвержденнаго послѣдующими событіями: свѣдущіе люди, во мнѣніяхъ которыхъ не встрѣчалось болѣе надобности, не созывались потомъ болѣе полустолѣтія, ни въ дальнѣйшее царствованіе императора Александра I, ни во все царствованіе императора Николая; законодательныя же функціи отправлялись за все это время исключительно государями. И если, несмотря на все это, Боргоскимъ „актамъ“ суждено было стать въ послѣдствіи основой конституціоннаго строя Княжества, то это всецѣло и единственно зависѣло отъ свободнаго соизволенія Верховной Власти, которую, впрочемъ, Финляндцы нерѣдко вводили въ заблужденіе ложными интерпретаціями дѣйствительныхъ государственныхъ актовъ, и которую нынѣ они стремятся связать какими-то мнимыми историческими правами...

Не такъ, разумѣется, смотритъ на Боргоскіе „акты“ г. Мехелинъ: онъ видитъ въ нихъ „освященіе новыхъ судебъ Финляндіи“. Съ одной стороны,—разсуждаетъ авторъ,—Императоръ не хотѣлъ употребить матеріальную силу чтобы „слить“ завоеванную страну съ Россіей (а, стало-быть, не создать самостоятельное государство), ибо это не отвѣчало ни его личнымъ взглядамъ, ни потребности немедленнаго умиротворенія, вызванной политическими интересами Имперіи: поэтому онъ „предпочелъ „„актъ соединенія““ *, утвердилъ конституцію страны (когда и какую?) и призвалъ представителей ея для основанія новаго порядка вещей“ (только никакъ не въ качествѣ законодателей). Съ другой стороны, предвидя исходъ войны и невозможность возврата къ прошлому, Финляндцы „не должны были колебаться (это побѣжденные-то!) идти на встрѣчу предложеніямъ императора Александра, дававшаго имъ самое формальное обѣщаніе сохранить прежнія учрежденія“ (въ числѣ которыхъ Финляндскаго государства, какъ извѣстно, не было): „въ Швеціи король былъ низвергнутъ; Шведское правительство не имѣло вліянія на Финляндію; финляндскія сословія, выбранныя и созванныя на основаніи закона (?), одни только могли съ полнымъ правомъ (?) представлять Финляндскій народъ. Поэтому власть (вонъ оно куда пошло!) которою они пользовались, связывая жителей страны присягою новому Государю (присяга уже была принесена) на основаніи конституціи, имъ утвержденной (?), была признана сколько императоромъ (этого еще не доставало!), столько и народомъ.“

Не станемъ разбирать многочисленныхъ обмолвокъ, натяжекъ и передержекъ, пестрящихъ приведенный отрывокъ: въ немъ что̀ ни утвержденіе, то либо вздоръ, либо ложь, въ чемъ достаточно убѣждаетъ предыдущее изложеніе. Еслибы, однако, читатель захотѣлъ ближе ознакомиться съ этою стороной разсужденій финляндскаго сенатора, мы рекомендовали бы ему обратиться къ интереснымъ примѣчаніямъ г. Ордина, комментирующимъ цитованный отрывокъ.

---

* Теперь самъ г. Мехелинъ ставитъ въ ковычкахъ эти слова, которыя прежде писалъ курсивомъ. Онъ какъ-будто хочетъ дать понять что вѣскія слова взяты имъ изъ документовъ, между тѣмъ какъ ихъ нѣтъ ни въ одномъ документѣ того времени.

3.

Поэтическія вольности и недомолвки финской легенды.

„Не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ.“
Народная пословица.

Подробно останавливался на Боргоскомъ сеймѣ и различныхъ манифестахъ, объявленіяхъ и рѣчахъ Императора, вызывавшихся часто положеніемъ минуты и не имѣвшихъ значенія для будущаго, г. Мехелинъ касается съ удивительною легкостью, какъ бы мимоходомъ и только ради полноты разказа, Фридрихсгамскаго мирнаго трактата 5 (17) сентября 1809 года, которымъ заключилась наша война со Швеціей. А между тѣмъ въ вопросѣ о происхожденіи Финляндскаго „государства“ трактатъ этотъ, опредѣлявшій новое международное положеніе Княжества, казалось бы, долженъ занимать первое мѣсто и имѣть рѣшающее значеніе. Это очевидно для каждаго простаго смертнаго, но игнорируется гельсингфорсскимъ профессоромъ права и финляндскимъ сенаторомъ. Почему? Да просто потому что названный трактатъ отъ начала и до конца опровергаетъ патріотическую точку зрѣнія ученаго и сановнаго автора. Въ немъ не только нѣтъ ни одного слова о Финляндскомъ „государствѣ“, но даже ни разу не упоминается названіе „Великаго Княжества“: въ немъ говорится только о „губерніяхъ и областяхъ“ отходящихъ къ Россіи. Иначе, конечно, и быть не могло, такъ какъ Финляндія не составляла какой-либо самостоятельной политической единицы. По той же причинѣ, еще менѣе могла идти рѣчь о какомъ-либо „соединеніи“ или „уніи“ Княжества съ Россіей:

„*Губерніи* сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами“,—гласитъ IV ст. трактата,—„будутъ отнынѣ состоять въ *собственности* и *державномъ обладаніи* Имперіи Россійской и *къ ней навсегда присоединяются.*“

Кажется, ясно. На языкѣ юридическомъ, знакомомъ г. Мехелину, такое присоединеніе называется не уніей, о которой онъ толкуетъ онъ, а *инкорпораціей*, что существенно различно, какъ прекрасно знаетъ это самъ „профессоръ права“. И какъ бы для того чтобы не оставлять уже никакого сомнѣнія насчетъ характера присоединенія и значенія Боргоскихъ „актовъ“, въ трактатѣ имѣется любопытная статья *шестая*, которую мы выпишемъ сполна:

„Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго Своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества*, то его шведское величество *тѣмъ самымъ* освобождается отъ священнаго, впрочемъ, долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія.“

Отчего бы нашему автору не привести этой статьи? По отношенію къ Финляндскому „государству“ она имѣетъ не только несомнѣнный историческій интересъ, но и практическое значеніе, какъ опорный пунктъ для установленія „историческихъ“ правъ Княжества...

Но посмотримъ какъ же самъ г. Мехелинъ относится ко Фридрихсгамскому мирному трактату.

„Условія мирнаго трактата между Россіей и Швеціей“, — пишетъ онъ, — „не касались политическаго положенія Великаго Княжества, уже регулированнаго Боргоскими актами.“

Какъ такъ? Трактатъ прямо указываетъ на *инкорпорацію*, ни однимъ словомъ не упоминая о Боргоскихъ „актахъ“.

„Ограничились“,—продолжаетъ г. Мехелинъ,—„лишь *признаніемъ*, въ ст. VI, *этого совершившагося факта* (то-есть Боргоскихъ „актовъ“), присовокупивъ что король Шведскій, *въ силу его*, видѣлъ себя освобожденнымъ отъ священнаго для него долга сдѣлать извѣстныя оговорки въ пользу его бывшихъ подданныхъ.“

Это даже не поэтическая вольность, которую можно было бы извинить разкащику финской легенды, а прямая и недостойная ложь. Какъ читатель только что видѣлъ, трактатъ признаетъ совершившимся фактомъ не Боргоскіе „акты“, которые будто бы устанавливаютъ унію между Финляндіей и Россіей, а то что *вѣра, права собственности* и *преимущества* обезпечены жителямъ завоеванной страны *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія* Императора. Эти драгоцѣнныя слова трактата подрываютъ всѣ ухищренія автора, который въ милостяхъ Государя хочетъ видѣть какой-то „актъ соглашенія“ его съ финляндскими сословіями.

Точно также ложно и дальнѣйшее утвержденіе г. Мехелина будто трактатъ опредѣляетъ „уступку финляндской территоріи *Императору*“. Такъ это должно бы быть для существованія „соединенія“ или уніи, но не такъ это было на дѣлѣ; уступка сдѣлана „*Имперіи Россійской*“. Но если первое утвержденіе является прямою и недостойною ложью, то это второе мы готовы признать лишь маленькою неточностію вызываемою условіями художественнаго творчества.

Бѣглою замѣткой о Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ оканчивается поэтическое сказаніе автора о происхожденіи Финляндскаго „государства“ и освященіи его судебъ. Такъ какъ г. Мехелинъ передаетъ мѣстную легенду сложившуюся на фонѣ историческихъ событій, то мы не должны относиться слишкомъ строго къ разнаго рода вольностямъ и недомолвкамъ, искаженію и подтасовкѣ дѣйствительныхъ фактовъ: все это обусловливается особенностями преслѣдуемой имъ художественной задачи. Слѣдя шагъ за шагомъ за его изложеніемъ, мы обращали вниманіе читателя на эту сторону дѣла; но сознаемся что, по недоступности историческихъ источниковъ, мы во многомъ должны были полагаться на показанія финскаго автора. На сколько такой пріемъ заслуживаетъ довѣрія,—предоставляемъ судить читателю: примѣчанія г. Ордина не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. И мы тѣмъ осторожнѣе и подозрительнѣе относимся къ нашему пріему что въ лицѣ г. Мехелина имѣемъ дѣло съ ловкимъ и опытнымъ разкащикомъ, который, приводя цѣликомъ или въ извлеченіяхъ различные документы второстепеннаго значенія и касаясь часто предметовъ несущественныхъ и побочныхъ, искусно обходитъ молчаніемъ самые капитальные вопросы и относительно ихъ оставляетъ своего читателя въ полномъ недоумѣніи. Это молчаніе, въ виду общаго характера и направленія книги, мы не только склонны, но, полагаемъ, и обязаны отнести на счетъ особыхъ условій художественной работы.

Такъ, изъ изложенія автора мы никакъ не могли понять въ чемъ собственно выразился и состоялъ „актъ соединенія“, или—какъ онъ называется позднѣе, при перечисленіи источникомъ государственнаго права Княжества—„актъ соглашенія между императоромъ Александромъ I и государственными чинами Финляндіи при открытіи Сейма въ Борго“. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не въ любезной же рѣчи Государя, которою онъ благодарилъ сословія за выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ? Мы думаемъ что молчаніе автора по этому важному и существенному вопросу означаетъ одно: ни „акта соединенія“, ни „акта соглашенія“ никогда не было; акты эти—поэтическая вольность, безъ которой не могла бы существовать самая легенда разказываемая г. Мехелинымъ. Мы тѣмъ увѣреннѣе высказываемъ наше мнѣніе что его подтверждаетъ и г. Ординъ.

Точно также остается безъ отвѣта въ изложеніи автора другой не менѣе важный вопросъ: на чемъ основываютъ Финляндцы свое право на примѣне-

ніе шведской конституціи вообще и, въ частности, закона о Формѣ Правленія 21 августа 1772 года, который цитируется какъ источникъ дѣйствующаго законодательства? Неужели на переводномъ подлогѣ и ложной интерпретаціи манифеста 15 (27) марта 1809 года, о которомъ мы уже достаточно говорили выше? Между тѣмъ право это болѣе нежели сомнительно.

„Когда наканунѣ Боргоскаго Сейма“,—разказываетъ г. Ординъ со словъ финскаго сепаратиста Р. Кастрена,—„зашла между Сперанскимъ и двумя депутатами, Маннергеймомъ и де-Моріаномъ, рѣчь о соблюденіи императоромъ Александромъ конституціонныхъ формъ 1772 года, то самъ Сперанскій объявилъ что на это нельзя согласиться, а депутаты не посмѣли дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ предложеній. Мысль о формѣ 1772 года была на столько не согласна съ господствовавшими тогда воззрѣніями, что вслѣдъ за ея выраженіемъ пронеслась даже, хотя и не подтвердившаяся, вѣсть что Александръ I намѣренъ былъ изъза нея распустить Сеймъ.“

Въ виду всего этого, намъ кажется что право Финляндіи на примѣненіе шведской конституціи и особенно упомянутаго закона о Формѣ Правленія, которымъ чувствительно ограничиваются прерогативы Верховной Власти, представляетъ собою поэтическую прикрасу легенды созданную финскимъ воображеніемъ. И любопытно какъ пользуются Финляндцы своимъ мнимымъ правомъ: они берутъ изъ шведской конституціи что имъ нравится, отбрасывая все то что не удовлетворяетъ ихъ избалованныхъ вкусовъ. При такомъ пользованіи, пресловутая конституція обращается въ своего рода волшебный ящикъ изъ котораго извлекаются самыя удивительныя и невѣроятныя вещи.

Не станемъ останавливаться на другихъ недоумѣніяхъ которыя вызываетъ въ читателѣ повѣствованіе г. Мехелина своими поэтическими вольностями и недомолвками. Несмотря, на эти особенности, его разказъ, пополненный примѣчаніями г. Ордина и документами, которые намѣренно опускаетъ финскій поэтъ и обязательно приводитъ русскій переводчикъ, позволяетъ придти къ слѣдующимъ важнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію выводамъ.

Финляндія была *не соединена* съ Россіей въ качествѣ *особаго государства*, а просто *присоединена* къ ней въ качествѣ *провинціи*, неотторжимой отъ остальной Имперіи, какъ это безспорно вытекаетъ изъ точнаго смысла манифеста объ ея покореніи и присоединеніи и Фридрихсгамскаго мирнаго трактата. Эти документы играютъ въ данномъ вопросѣ рѣшающую роль, не признать которой не осмѣливаются даже финскіе сепаратисты, предпочитающіе замалчивать въ своихъ цѣляхъ то чего, казалось бы, нельзя не коснуться. Съ точки зрѣнія этихъ документовъ, достаточныхъ по себѣ, но подтверждаемыхъ и другими актами, Финляндія заняла положеніе завоеванной области *инкорпорированной* Россіею.

Столь же носомнѣненъ и другой выводъ. Покоренная русскимъ оружіемъ, область никогда не вступала съ императоромъ Александромъ I ни въ какіе „акты соглашенія“, опиравшіеся на ея „историческія“ права, которые ставили бы ее въ положеніе самостоятельнаго контрагента при заключеніи обоюднаго договора. Ни такихъ правъ, ни такого договора никогда не существовало: все это ложно выдумано изобрѣтательными сепаратистами слагавшими финскую легенду. Права, какими надѣлилъ Финляндію великодушный побѣдитель, вытекали исключительно изъ его доброй воли и были свободнымъ выраженіемъ его благоволенія къ жителямъ покореннаго края. Вотъ почему, намъ кажется, болѣе чѣмъ неприлично ловить на словахъ своихъ державныхъ благодѣтелей, какъ это дѣлаютъ Финляндцы, лукаво истолковывать эти слова и затѣмъ предъявлять оскорбительныя ограниченія ихъ власти, почерпаемыя изъ шведской конституціи.

„Императоръ и Великій Князь“,—цитируетъ г. Мехелинъ якобы дѣйствующее законодательство,—„имѣетъ право управлять государствомъ, какъ говоритъ законъ, онъ и никто другой; онъ долженъ поддерживать, любить и сохранять справедливость и истину, но запрещать, удалять и уничтожать насиліе и

несправедливость; не посягать на жизнь, честь, личную свободу и интересы кого бы то ни было, если онъ законно не изобличенъ и не осужденъ; никого не лишать и не допускать лишать движимаго и недвижимаго имущества безъ слѣдствія и суда въ порядкѣ предписанномъ закономъ, и управлять страной по *главѣ о коронѣ* и по настоящему закону о *формѣ правительства*."

Напомнимъ читателю что этотъ странный средневѣковой законъ былъ возстановленъ въ Швеціи въ 1772 году, вскорѣ за ниспроверженіемъ Густавомъ III прежняго порядка правленія, которымъ значеніе королевской власти было умалено до послѣдней степени. Усиливъ свою власть посредствомъ государственнаго переворота, онъ, естественно, не затруднился подписать средневѣковой законъ которымъ подтверждались самыя элементарныя требованія добросовѣстности. Несмотря на такое происхожденіе закона, финскіе сепаратисты не стыдятся ссылаться „на эти", по справедливому выраженію г. Ордина, „въ сущности ни къ чему кромѣ оскорбленія не ведущія статьи, которыми Всероссійскому Вѣнценосцу даются указанія приличныя развѣ заурядному чиновнику",.. Это не только непристойно, но и не умно. Финляндія всѣмъ обязана русскимъ государямъ которые осыпали ее своими благодѣяніями.

4.

Происхожденіе финской легенды и ея плоды.

Vae victoribus!..

Разказавъ занимательную исторію происхожденія „государства" Финляндскаго, г. Мехелинъ почти не касается дальнѣйшихъ его судебъ и совсѣмъ не останавливается на возникновеніи тѣхъ актовъ которыми дѣйствительно устанавливается современный конституціонный режимъ Великаго Княжества. И въ этомъ случаѣ мы вполнѣ понимаемъ нашего автора. Въ теченіе послѣдующихъ 55 лѣтъ русскіе государи *самодержавно* управляли присоединеннымъ краемъ, ни разу *не созывали* Сейма и нимало *не нарушали* тѣмъ „историческихъ" правъ Финляндіи. Правда, г. Мехелинъ замѣчаетъ что „тѣмъ временемъ правительство, прилагая стараніе достигнуть успѣховъ, насколько то было возможно при застоѣ законодательныхъ работъ, *иногда посягало на права Сейма*", то-есть безъ спроса издавало законы; но его замѣчаніе о „посягательствѣ" рѣшительно ни на чемъ не основано: это одна изъ тѣхъ разчитанно-фальшивыхъ фразъ которыя такъ часто бросаются но пути финляндскимъ сенаторомъ съ цѣлью ввести читателя въ заблужденіе.

Продолжительный періодъ времени, въ теченіе котораго русскіе государи игнорировали „историческія" права Княжества и „посягали" на права Сейма, не прошелъ, однако, безплодно для Финляндіи. Еслибы г. Мехелину было удобно, въ интересѣ патріотическихъ цѣлей, откровенно и правдиво разказать событія этого періода, то мы, вѣроятно, познакомились бы съ одною изъ самыхъ интересныхъ страницъ возмутительной эксплуатаціи русскаго благодушія и русской довѣрчивости,—страницъ, къ сожалѣнію, столь многочисленныхъ въ прошломъ нашего отечества. Теперь, за отсутствіемъ такого разказа, который, къ слову, былъ бы прекрасною темой исторической монографіи для *русскаго* ученаго, мы можемъ только догадываться о томъ что происходило. Выскажемъ наши догадки.

Пятидесятипятилѣтній періодъ нару-

шенія „историческихъ“ правъ Финляндіи былъ, въ сущности, самымъ плодотворнымъ періодомъ для дальнѣйшихъ ея судебъ: въ это время складывалась финская легенда которою ловкіе авторы успѣли въ послѣдствіи обморочить правительство и которая нынѣ выдается г. Мехелинымъ за историческую быль. Уже съ 1811, со времени образованія особаго Комитета по дѣламъ Финляндіи, началось непосредственное вліяніе Финляндцевъ, черезъ руки которыхъ исключительно проходили теперь доклады Государю. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ Густавъ Морицъ Армфельтъ, личный другъ короля Густава III, осужденный при его преемникѣ по дѣлу о политическомъ заговорѣ и бѣжавшій въ Россію, а статсъ-секретаремъ финляндскимъ—Робертъ Генрихъ Ребиндеръ, бывшій камеръ-юнкеръ короля Шведскаго; остальные четыре члена Комитета были также Финляндцы.

„Не Боргоскіе *акты*, а эти господа,“ — съ горечью замѣчаетъ г. Ординъ,—„воспользовались довѣрчивостью императора Александра и успѣшно начали, а другіе также успѣшно продолжали, подъ русскою эгидой, разрушеніе великихъ дѣлъ Петра, Елисаветы и самого Александра.“ Старанія ихъ были настолько успѣшны что уже въ двадцатыхъ годахъ профессоръ Вассеръ (Hwasser), удаленный, впрочемъ, изъ края, находилъ возможнымъ печатно развивать теорію самостоятельнаго Финляндскаго государства *, которую нынѣ поддерживаютъ гг. Мехелинъ, Форсманъ et consortes.

Но Вассеръ былъ, повидимому, enfant terrible финскихъ сепаратистовъ своего времени: онъ открыто и преждевременно выболталъ то къ чему они постепенно и настойчиво стремились, работая въ тиши кабинетовъ и канцелярій, въ близкомъ и желательномъ сосѣдствѣ со властью. Можно думать что средства употреблявшіяся ими для достиженія завѣтной цѣли были тѣ же самыя какія употребляетъ г. Мехелинъ въ своей замѣчательной книгѣ. Средства эти: систематическое умалчиваніе о тѣхъ документахъ, или ихъ частяхъ, которые, какъ манифестъ о покореніи и присоединеніи Финляндіи и Фридрихсгамскій мирный трактатъ, въ корнѣ подсѣкаютъ финскія претензіи на государственную отдѣльность; сочиненіе фантастическихъ актовъ, въ родѣ Боргоскаго „акта соединенія“ или „соглашенія“; ложныя толкованія, искаженія и подлоги (вольные или невольные, но всегда полезные своему „отечеству“) дѣйствительныхъ правительственныхъ актовъ, какъ манифестъ отъ 5 (17) іюня 1808 года и 15 (27) марта 1809 года; упорное и намѣренное извращеніе историческихъ событій, благодаря которому совѣщательный Боргоскій Сеймъ, напримѣръ, съ его челобитными и моленіями, возводится до значенія чуть ли не учредительнаго собранія, и т. д., и т. д. Словомъ, разчитанно и послѣдовательно пускалась въ ходъ всякая ложь которая могла служить „во спасеніе“ финскому дѣлу.

По несчастію, ложь эта не только не находила надлежащаго отпора съ русской стороны, но встрѣчалась довѣрчиво, по свойственному намъ благодушію. Мало-по-малу, исподоволь и незамѣтно, вырастала финская легенда, которая успѣла не только овладѣть мнѣніемъ извѣстной части нашего общества, но и найти пріютъ въ нашей ученой литературѣ... Ей удалось даже проникнуть въ правительственные круги и подняться до ступеней Престола, какъ это можно заключить изъ рѣчи покойнаго Государя произнесенной при открытіи Сейма 1863 года, перваго послѣ продолжительнаго перерыва. Въ этой рѣчи, цѣликомъ приводимой г. Мехелиномъ, финскіе вымыслы уже находятъ нѣкоторый отзвукъ и признаніе... Цѣль, значитъ, была достигнута: Верховная Власть начинала вѣрить въ „историческія“ права Финляндіи, которыхъ такъ долго и основательно не признавала; а какъ скоро была достигнута эта цѣль, остальное пошло уже какъ по маслу.

Созванный, во исполненіе мнимыхъ конституціонныхъ правъ Финляндіи, Сеймъ 1863 года „отмѣтилъ“, по выраженію г. Мехелина, „новую эру въ конституціонной исторіи Великаго Княже-

---

* *Новое Время*, № 4.261 (9 января 1888), письмо К. Ордина.

ства". Еще бы не отмѣтить: Финляндцы добились, какъ своего права, того что̀ имъ никогда не принадлежало!

Сеймъ этотъ, вмѣстѣ съ послѣдующими сеймами 1867, 1872, 1877, 1882 и 1885 годовъ, дѣйствительно обезпечилъ за Финляндіей нынѣ дѣйствующій конституціонный строй. Но справедливость требуетъ добавить что строй этотъ—во многихъ отношеніяхъ болѣе свободный чѣмъ западные конституціонные порядки—не древнее „историческое" право Финляндіи, а созданіе вчерашняго дня, всѣмъ обязанное милостямъ русскихъ государей. Не касаясь этого своеобразнаго строя, въ которомъ сословныя различія положены во главу угла, и съ которымъ читатель можетъ въ подробности ознакомиться по книгѣ г. Мехелина, спросимъ: что̀ же *нынѣ* представляетъ собою *конституціонная* Финляндія съ *международной* точки зрѣнія?

Несмотря на упорно распространяемую и всѣми средствами поддерживаемую легенду государственной самостоятельности и отдѣльности Княжества, несмотря на *конституціонный* режимъ, несомнѣнно существующій въ немъ на *основаніи законовъ послѣдняго двадцатипятилѣтія*, международное положеніе Финляндіи *нынѣ*, какъ и *прежде*, опредѣляется *Фридрихсгамскимъ мирнымъ трактатомъ*, который напрасно игнорируютъ господа Финляндцы. А по прямому смыслу этого трактата Великое Княжество является, какъ мы видѣли, *инкорпорированною русскою провинціей*, каковою пребываетъ и *досель*. Пусть эта провинція пользуется, по волѣ государей, широкими автономными правами, пусть автономія его выражается въ конституціонныхъ формахъ: но она все же *только провинція, навсегда присоединенная къ Россійской Имперіи*, а *не самостоятельное государство*, какъ стараются увѣрить насъ финскіе сепаратисты.

„Вѣрные обыватели Финляндіи",—говорилъ императоръ Александръ I въ манифестѣ отъ 5 (17) іюня 1808 года,—„будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи! Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ (съ нею) есть непреложно."

Въ заключеніе бросимъ бѣглый взглядъ на современное отношеніе Великаго Княжества къ его благодѣтельницѣ Россіи чтобы хотя отчасти оцѣнить практическіе плоды которые принесла финская легенда. Но предоставимъ въ этомъ случаѣ говорить г. Ордину, знатоку мѣстныхъ финляндскихъ дѣлъ:*

„Едва ли найдется хотя одинъ истинно русскій человѣкъ который, по совѣсти, могъ бы признать отношенія существующія между Россіей и Финляндіей правильными и для первой полезными. Въ 30 верстахъ отъ столицы Имперіи прекращается офиціальное значеніе русскаго языка и вовсе не существуетъ силы русскаго закона, русской полноправности. Чужой таможенный чиновникъ зорко слѣдитъ чтобы голова русскаго сахара не попала на 31-ю версту отъ русской столицы безъ уплаты запретительной пошлины въ три съ полтиной съ пуда, а бутылка сорокакопѣечнаго крымскаго или кавказскаго вина не избѣгла равноцѣннаго ей платежа въ пользу финской казны. Съ 31й версты, откуда вы легко видите петербургскіе купола и даже зданія, вексельный курсъ на этотъ самый Петербургъ *всегда* обязательно ниже чѣмъ на Парижъ, и въ вашемъ бумажникѣ съ русскими кредитными рублями оказывается денегъ сразу на половину меньше чѣмъ сколько ихъ было при выѣздѣ изъ Петербурга часъ назадъ; у встрѣчнаго же Финляндца, съ финскими марками въ кошелькѣ, денегъ, напротивъ, стало вдвое больше. Этотъ Финляндецъ, кто бы онъ ни былъ, баронъ или мужикъ все равно, вздумалъ купить себѣ милліонный домъ на набережной рядомъ съ дворцами, согласился съ продавцомъ, уплатилъ деньги и дѣло сдѣлано. Но захотѣли вы, русскій человѣкъ, купить гдѣ-нибудь въ финляндскомъ захолустьѣ хотя бы клочекъ болота или десятину песчанаго пустыря, вы должны прежде испросить на то позволеніе финскихъ властей, и дѣло пойдетъ длинною дорогой до самого генералъ-губернатора и

---

* См. его прекрасную статью: „Спренгтортенъ, герой Финляндіи" (*Русскій Архивъ*, 1887 года, № 4).

даже въ Финляндскій Сенатъ. Съ 31-й версты все тяготѣетъ уже не къ Петербургу, а къ Гельсингфорсу за четыреста верстъ. Тамошній купецъ, точно также какъ выборгскій или куопіоскій, можетъ торговать вездѣ въ Россіи наравнѣ съ русскими купцами, ничѣмъ не поступаясь, ни въ чемъ своего общественнаго положенія не измѣняя; но русскому купцу для торговли въ Финляндіи должно сдѣлаться сперва тамошнимъ гражданиномъ, для чего нуженъ продолжительный искусъ, если не послѣдуетъ особаго разрѣшенія губернатора. Финляндскій дворянинъ или баронъ будетъ дворяниномъ или барономъ не только въ Финляндіи, но и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и по всему лицу Россіи, въ деревнѣ и въ городѣ. Но вы, не финляндскій, а русскій, хотя бы самый именитый дворянинъ, Ярославичъ или Рюриковичъ, графъ или свѣтлѣйшій князь, если вы, кромѣ того, и докторъ философіи, и даже президентъ Академіи,—въ Финляндіи вы ничто, и ваши права считаются наравнѣ съ мужицкими, не болѣе. Это вовсе не значитъ что тамъ царство демократіи; совсѣмъ напротивъ: въ Финляндіи насчитываютъ до 237 дворянскихъ фамилій, и каждая изъ нихъ имѣетъ своего представителя, свой полный голосъ въ законодательствѣ, на Сеймѣ. Крестьянъ до 1.700.000; изъ нихъ 60 представителей, то-есть каждый крестьянинъ имѣетъ нѣчто въ родѣ одной тридцатитысячной части голоса. Русскій обыватель въ Финляндіи, Рюриковичъ и Ярославичъ, если имѣетъ, то именно эту тридцатитысячную часть голоса. Параллель можно было бы продолжать далеко. Сказать коротко: въ Россіи Финляндецъ полноправный Русскій; въ Финляндіи Русскій не болѣе какъ иностранецъ, такой же какъ Нѣмецъ или Англичанинъ.“

Читатель, неужели все это дѣйствительность, а не безобразная фантастическая картина? „Вѣдь Финляндія трижды покорена Россіей“,—скорбно восклицаетъ г. Ординъ:—„при Петрѣ Великомъ, при Елисаветѣ, при Александрѣ I; покорена окончательно, покорена силой оружія, жертвой сотенъ тысячъ русскихъ жизней, сотенъ милліоновъ рублей!“ Она, по буквѣ мирнаго трактата, со всѣми своими жителями, ихъ правами и преимуществами должна, состоять „въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской“...

Да полно, такъ ли? Ужъ не Россійская ли Имперія, какъ справедливо замѣтило *Новое Время*, состоитъ „въ собственности и державномъ обладаніи“ Финляндскаго „государства“? Во всякомъ случаѣ, это предположеніе гораздо ближе къ дѣйствительности нежели слова трактата...

W.

О ДЕНЕЖНЫХЪ ДѢЛАХЪ
СЪ ФИНЛЯНДІЕЙ.*

1.

Политическое положеніе Финляндіи въ отношеніи къ Россіи, благодаря единодушнымъ усиліямъ русской печати, начинаетъ постепенно разъясняться. Обликъ Финляндскаго „государства", состоящаго будто бы въ личной только уніи съ Русскимъ Монархомъ теряетъ мало-по-малу свои фантастическія черты. Документовъ подходящихъ не оказывается, а которые есть, тѣ всѣ говорятъ что въ эпоху присоединенія или покоренія Финляндіи о „финляндскомъ" *государствѣ* не было и помину: рѣчь шла только объ инкорпорированной, внѣдренной въ Россію, новой завоеванной *провинціи*.

Искали со всевозможными фонарями знаменитаго „акта соединенія" или „договора" между Финскою „націей" и Русскимъ Государемъ, акта, на которомъ сепаратисты зиждутъ свое государство,— и не нашли ничего. Капитальнѣйшей важности актъ повисъ незримо гдѣ-то въ воздухѣ, подъ сводами Боргоскаго лютеранскаго храма, начертанный на неуловимомъ эѳирѣ такими же неуловимыми письменами. И начертался онъ, должно-быть, въ одинъ изъ моментовъ между прочтеніемъ извѣстнаго манифеста императора Александра I отъ 15 (27) марта 1809 года, повторявшаго въ четвертый разъ обѣщаніе сохранить Финляндцамъ каждому его право и религію, и послѣдовавшимъ на другой день повтореніемъ присяги Финляндцевъ на вѣрность Русскому Государю. Тамошніе историки и юристы усердно искали хоть какого-нибудь протокола объ этомъ неуловимомъ событіи, но и того никакъ не могли найти, въ чемъ и должны были признаться.

Русскіе люди начинаютъ понимать что въ финляндскихъ затѣяхъ очень многое не только не ладно, но и незаконно. До сихъ поръ мы вѣдь всѣ взирали на Финляндію чуть не съ набожнымъ умиленіемъ, какъ на воплощеніе законности: а на повѣрку выходитъ что въ самой основѣ всѣхъ дѣйствій этой носительницы высшихъ принциповъ лежатъ интрига, натяжка и вымыселъ. Богъ дастъ, вслѣдъ за простыми Русскими людьми станутъ такъ же смотрѣть на Финляндію и наши государственные люди.

Надо еще всегда помнить что, кромѣ правъ пріобрѣтенныхъ русскою кровью во времена Петра, Елисаветы, Екате-

* *Московскія Вѣдомости* 1888 года, №№ 72 и 122.

рины и Александра, восточною частію Финляндіи Русь владѣла прочно, по настоящимъ договорамъ, не похожимъ на „актъ соединенія“, еще во времена князя Юрія Даниловича, въ 1323 году. Послѣ небольшаго затѣмъ промежутка шведскаго владѣнія, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ съ Борисомъ Годуновымъ и русскимъ святителемъ не водворилъ, а возстановилъ тамъ православіе какъ господствующую вѣру. И до сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія Шведовъ, сохранились въ этой части Финляндіи слѣды стародавняго русскаго владѣнія.

—

Дѣла финляндскихъ сепаратистовъ, такимъ образомъ, начинаютъ, по всѣмъ видимостямъ, обрѣтаться не въ особенномъ авантажѣ, и политическій курсъ Финляндіи на биржѣ русскаго самосознанія падаетъ довольно сильно. Да, это такъ. Но за то курсъ русскаго рубля падаетъ въ Финляндіи еще съ большею быстротой. Мѣстная марка, номинальная цѣна которой 25 копѣекъ, стóитъ теперь офиціально $49_{,75}$ коп., а въ частномъ оборотѣ 50—52 и болѣе копѣекъ. Равноцѣнный маркѣ франкъ можно было по котировкѣ того же дня купить за $49_{,40}$ коп.; то-есть дешевле. Россія, выходитъ, пользуется бóльшимъ кредитомъ въ Парижѣ чѣмъ въ своей собственной финской провинціи! Это уже бьетъ прямо по карману, и вопросъ изъ области высшихъ соображеній перемѣщается на всѣмъ понятную почву рубля.

Если курсъ не хорошъ на настоящую „за-границу“, то надо избѣгать такихъ сдѣлокъ которыя влекутъ за собой платежи за границу по низкому курсу. Нужно, слѣдовательно, и къ Финляндіи примѣнять эту мѣру: ничего у нея не покупать и ей не платить. Но такъ ли это? Взглянемъ нѣсколько ближе.

—

Каковъ торговый балансъ Финляндіи? Онъ весь ей въ громадный убытокъ: *

Привозъ въ Финляндію изъ Россіи и изъ-за границы:

Въ	1880	на	138.764.650 ф. мар.
„	1881	„	154.842.529 „ „
„	1882	„	167.054.388 „ „
„	1883	„	148.106.864 „ „
„	1884	„	137.701.413 „ „
„	1885	„	108.775.775 „ „
			855.245.619 ф. мар.

Вывозъ изъ Финляндіи въ Россію и за границу:

Въ	1880	на	123.075.627 ф. мар.
„	1881	„	107.270.449 „ „
„	1882	„	119.873.130 „ „
„	1883	„	115.673.544 „ „
„	1884	„	112.746.805 „ „
„	1885	„	89.852.956 „ „
			668.492.511 ф. мар.
Привозъ превышаетъ вывозъ		на	186.753.108 „ „

То-есть, въ теченіе шести только лѣтъ, прославляемая за свое благоустройство Финляндія должна была приплатить внѣ своихъ предѣловъ за потребленные ею предметы болѣе 186 милліоновъ марокъ ($46^1/_2$ милл. рублей золотомъ), или въ годъ болѣе 31 милл. мар. (около 8 милл. металл. рублей). Это—при населеніи въ два милліона. По такому масштабу благоустройства, Россіи приходилось бы выплачивать за границу ежегодно по 400 милліоновъ рублей золотомъ. Такія почтенныя цифры вызываютъ недоумѣніе и, конечно, недовѣріе. Однако, размѣры оборота налицо.

Чѣмъ же можетъ Финляндія покрыть такія громадныя приплаты? Займами? Но всѣхъ такъ-называемыхъ государственныхъ долговъ (statsskuld) къ 1886 году числилось на сумму 65.792.125 марокъ, въ томъ числѣ внутренній заемъ на $8^1/_2$ милліоновъ. Вся эта сумма, какъ легко видѣть, ушла бы на уравненіе баланса въ какіе-нибудь два-три года.

Добычей золота? Правда, въ Финляндіи есть золотоносныя розсыпи въ Ивалоіоки; но дѣло это слѣдуетъ считать

*. Всѣ приведенныя въ этой статьѣ цифры заимствованы изъ *Statistisk årsbok för Finland* за 1886 годъ и изъ *Finlands Ständers Bankfullmäktiges Berättelse* за 1882—1884 годы: первое—изданіе центральнаго статистическаго бюро въ Гельсингфорсѣ; второе—офиціальное изданіе для Сейма.

игрушечнымъ. Въ 1884 году, напримѣръ, намыто всего 15 фунтовъ, на 20 съ небольшимъ тысячъ марокъ. Вся добыча за 15 лѣтъ (1870—84) составляетъ около 713 фунтовъ, менѣе чѣмъ на 1 милліонъ марокъ *, и розсыпи несомнѣнно истощаются; наибольшая вымывка была въ 1871 году, 133, и въ 1872—129 фунтовъ.

Металлическій фондъ? На мѣстномъ монетномъ дворѣ, въ промежутокъ времени съ 1878 по 1882, набито финской золотой монеты на 21 милл. марокъ ($5^1/_4$ милл. рублей). Часть ушла изъ Финляндіи; но взамѣнъ куплено въ 1882 на 1.182.000 марокъ въ Любекѣ и на 1.625.000 въ Петербургѣ. Въ концѣ разсматриваемаго періода, до $4^1/_2$ милл. марокъ золотой монеты было въ обращеніи или, вѣрнѣе, въ частныхъ рукахъ,—въ обращеніи она составляетъ рѣдкость,—и болѣе 17 милліоновъ лежало въ Банкѣ. Серебряной монеты имѣлось на 13 милл. марокъ; въ 1882 сплавлено на милліонъ, и затѣмъ осталось 12 милл. марокъ (3 милл. металл. руб.), изъ которыхъ одна половина въ обращеніи, а другая въ Банкѣ. Слѣдовательно, монета уходила изъ Финляндіи только до 1882 года.

Количество фондовъ въ Банкѣ также не убывало; напротивъ, съ 13 милліоновъ оно возросло до 15; въ томъ числѣ русскихъ фондовъ на $3^1/_2$ милл. марокъ. Заграничный текущій счетъ Финляндскаго Банка уменьшился, правда, съ 1881 по 1884, на 4 слишкомъ милліона марокъ; но, въ виду увеличенія фондоваго портфеля и покупки золота, это уменьшеніе не имѣетъ значенія.

Счетъ финскихъ ассигнацій также существенно не измѣнился: ихъ числилось къ 1882 на 80 милл., а къ 1885 году—на $78^1/_2$ милл. марокъ. Наконецъ, нѣтъ большой перемѣны и въ задолженности Банку финской публики: по счету дебиторовъ (учетъ векселей и пр.) къ 1882 году значилось около $22^1/_2$ милл. марокъ, а къ 1885 съ небольшимъ 23 милл. Правда, значительно уменьшились общіе обороты Банка—съ 372 до 326 милл. марокъ, но это явленіе находится въ связи съ общимъ застоемъ торговли и промышленности, общее же положеніе Банка измѣнилось очень мало: 84.393.000 къ 1882 и 83.477.000 къ 1885.

—

Въ виду такихъ условій, разрѣшеніе вопроса о томъ какъ покрывается значительный недочетъ въ финляндскомъ торговомъ балансѣ нужно было бы искать въ цифрахъ говорящихъ объ отношеніяхъ Финляндіи спеціально къ Россіи. Но эта задача исполнима только въ малой мѣрѣ. Финляндскіе дѣятели считаютъ для себя особенно обязательнымъ такихъ свѣдѣній на показъ не выставлять: это входитъ въ ихъ систему. Намъ довелось въ свое время, при генералъ-губернаторѣ графѣ Адлербергѣ и финляндскомъ статсъ-секретарѣ графѣ Армфельтѣ, видѣть переписку по поводу составлявшагося тогда *Очерка* управленія Финляндіей; *Очеркъ* назначался для покойнаго Государя и Русскихъ властей. Проектъ былъ первоначально написанъ въ канцеляріи графа Адлерберга, но потомъ подвергся измѣненіямъ: мѣстные сенаторы одно прибавили, другое выкинули. Въ объясненіе сокращеній они, между прочимъ, писали, конечно по-шведски, для графа Армфельта:

„Въ вопросѣ о таможенной линіи ме„жду Имперіей и Финляндіей признано „нужнымъ исключить все касающееся „незначительныхъ доходовъ Финляндіи „сравнительно съ значительными расхо„дами, послѣдствіемъ ея автономіи.“

И далѣе:

„Равнымъ образомъ желательно было „избѣжать въ *Очеркѣ* цифровыхъ дан„ныхъ въ общихъ и таможенныхъ дохо„дахъ Финляндіи, дабы эти цифры, при „случаѣ, не могли дать повода русско„му управленію вмѣшиваться въ дѣла „управленія Финляндіи.“

Приняты, слѣдовательно, мѣры къ тому чтобы ни русскія власти, ни, конечно, русское общество не знали: выгодна или убыточна для Россіи Фин-

* Считая граммъ золота въ 3 марки и 20 пен., всего на 982.565 марокъ или 245.600 р. металлическихъ.

ляндская автономія. Въ такихъ обстоятельствахъ приходится ограничиться лишь тѣми статистическими крупицами которыя случайно падаютъ то здѣсь, то тамъ противъ воли финляндскихъ администраторовъ.

—

Привозъ товаровъ въ Финляндію собственно изъ Россіи, также какъ и вывозъ въ сію послѣднюю, составляетъ не малую долю всего оборота, хотя и не преобладаетъ надъ заграничнымъ. Привозъ составляетъ отъ 45 до 47,$_{18}$% вышеприведеннаго общаго привоза; вывозъ—отъ 39 до 45% общаго вывоза. Наиболѣе же существенно то что привозъ изъ Россіи много превышаетъ вывозъ въ нее *. За три только года это превышеніе достигло крупной цифры 50.264.343 марокъ, или болѣе 12½ милл. рублей золотомъ. За тѣ же три года превышеніе привоза вообще по торговлѣ Финляндіи составило всего 76 милл. марокъ. Другими словами, Финляндія за три года должна была приплатить за границу всего 6½ милл. руб., но Россіи почти вдвое—12½ милліоновъ. Это, въ свою очередь, значитъ что Финляндія продаетъ болѣе за границу, а покупаетъ болѣе въ Россіи.

Положеніе вырисовывается иначе нежели какъ можно было его себѣ представить по взгляду на общія цифры оборотовъ. Но на дѣлѣ покупки Финляндцевъ въ Россіи, а затѣмъ и приплаты, должно быть еще больше.

При всей ненависти къ Россіи, Финляндцы не брезгаютъ пріѣзжать въ Петербургъ довольно часто, и не въ маломъ числѣ. Возвращаясь, они везутъ по желѣзной дорогѣ въ багажѣ все что имъ нужно и что куплено въ петербургскихъ магазинахъ и лавкахъ. Въ теченіе навигаціи изъ Россіи входитъ въ финляндскіе порты болѣе 4 тысячъ судовъ; команда на нихъ тоже привезетъ не мало нужныхъ ей вещей. Всѣ эти мелочныя покупки, избѣгая правильнаго учета, составляютъ, однако, въ общей сложности, милліоны.

Но если и не принимать этихъ послѣднихъ во вниманіе и ограничиться свѣдѣніями вытекающими изъ точныхъ цифръ опубликованныхъ самою финскою администраціей, то Россія должна бы получить съ Финляндіи за три только года 12½ милліоновъ рублей золотомъ. Спрашивается: въ какомъ же видѣ производятся такіе разчеты, и чѣмъ же оплачиваетъ Финляндія свою крупную задолженность Россіи? Вѣдь если въ три года она перебрала товаровъ на 12½ милліоновъ болѣе нежели сколько сама дала, то въ 30 лѣтъ эта цифра возвысится до очень крупной суммы во 125 милл. металл. рублей или до полумиллиарда финскихъ марокъ. Но и не закидывая взгляда такъ далеко, получить въ ежегодномъ балансѣ болѣе 4 милліоновъ рублей золотомъ было бы для русскаго министра Финансовъ далеко не лишнее.

Или, можетъ-быть, эти милліоны золотыхъ рублей дарятся Финляндцамъ „за ихъ добродѣтель и честь“, за ихъ „преданность“ Россіи?

Какъ это ни странно, но приходится отвѣчать утвердительно. Да, они дарятся; и не только они дарятся, но на счетъ Россіи же покрывается и переплата Финляндіи чужимъ краямъ въ размѣрѣ ежегодно до 2 милліоновъ рублей. Иначе ей нечѣмъ платить иностранцамъ. Россія дѣйствительно дѣлаетъ, на счетъ своего тощаго кармана, этотъ пріятный подарокъ на 4+2=6 милліоновъ рублей золотомъ на вящее процвѣтаніе Финляндіи.

—

Но какъ можетъ это быть? Очень просто: игрой на курсѣ и на пониженіи цѣнности кредитнаго рубля.

Цѣну рубля въ Гельсингфорсѣ установляетъ тамошній мѣстный Банкъ, находящійся въ рукахъ чистокровныхъ Финляндцевъ, безъ малѣйшаго участія

---

* *Привозъ въ Финляндію изъ Россіи и чрезъ Россію:*

Въ 1883	году	на	66.724.163 ф. м.
„ 1884	„	„	65.942.196 „ „
„ 1885	„	„	49.869.079 „ „
			182.535.438 ф. м.

Вывозъ изъ Финляндіи въ Россію:

Въ 1883	году	на	47.948.267 ф. м.
„ 1884	„	„	43.975.386 „ „
„ 1885	„	„	40.347.442 „ „
			132.271.095 ф. м.

Русской власти. Здѣсь въ полной мѣрѣ примѣняется принципъ — чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Правда, отъ этого принципа нѣсколько страдаетъ финляндскій производитель; при нормальномъ, или даже не совсѣмъ дурномъ, курсѣ рубля, онъ могъ бы везти свои произведенія въ Россію, куда его влечетъ сама сила вещей. Теперь же—„съ тѣхъ поръ какъ у насъ золотая монета“, говорилъ одинъ почтенный Финляндецъ, „мы сидимъ безъ денегъ“.

Это былъ голосъ полезнаго, практическаго дѣятеля, не занимающагося политикой на основѣ „самостоятельнаго государства“. Но такіе голоса не имѣютъ въ Финляндіи вѣса. Она вся въ рукахъ разнаго вида чиновничества, которому, конечно, кромѣ политики самостоятельности, очень пріятно получать свое жалованье марками, при возможно худшемъ курсѣ рубля. Сѣлъ скромненько въ вагонъ третьяго класса, доѣхалъ за 4 металлическіе рубля отъ Гельсингфорса до Петербурга, — и денегъ окажется въ карманѣ тѣмъ больше чѣмъ ниже курсъ. Получаетъ, напримѣръ, человѣкъ 2.000 марокъ годоваго жалованья. Нормально, при стоимости марки въ 25 коп., это составило бы 500 р.; но если уронить курсъ до 30 коп. за марку, то будетъ уже не 500, а 600 рублей, что гораздо пріятнѣе; если до 40 коп., то уже 800 рублей, а при 50 коп., какъ теперь, дѣлая 1.000 рублей. Это даже очень пріятно, — и нельзя ли поскорѣе повалить наши бумажки еще побольше. Тогда можетъ случиться что у пріѣзжаго въ Петербургъ Финляндца, вмѣсто 500, окажется и 1.500 рублей.

То же самое и въ торговлѣ. Хлѣбные продукты идутъ въ Финляндію, конечно, изъ Россіи. Ихъ вывезено туда въ 1884 году на 25 милл. марокъ, въ 1885—на 24 милл. 900 тысячъ; какъ будто нѣкоторое уменьшеніе. На дѣлѣ же—громадное возвышеніе, благодаря тому что курсъ падалъ: въ 1884 году ввезено въ Финляндію 7 милліоновъ 708 тысячъ лиспундовъ (полупудовъ), а въ 1885—10 милл. 660 тысячъ: за меньшую сумму получено въ полтора раза большее количество товара.

—

Такъ вотъ въ чемъ состоитъ финансовая политика Финляндіи. Русское правительство добродушно отдало въ руки Финляндцевъ распоряженіе русскимъ курсомъ,—и они пользуются имъ безъ милосердія.

Не добромъ приходится помянуть при этомъ министра Финансовъ Княжевича. Во всей первой половинѣ этого столѣтія, со времени покоренія Финляндіи, русскія бумажныя деньги имѣли въ ней то же значеніе какъ и въ Россіи. Тамошній Сенатъ вошелъ было въ 1859 году съ представленіемъ о томъ чтобы повелѣно было принимать наши кредитные билеты въ Финляндіи не по нарицательной цѣнѣ, а по курсу; но на это соизволенія не послѣдовало, какъ на мѣру не соотвѣтствующую достоинству Имперіи.

Тогда Финляндцы пошли другою дорогой и представили объ установленіи особой монетной единицы, о чеканкѣ особой мѣдной монеты и о выпускѣ Финляндскимъ Банкомъ (открытымъ въ свое время на русскія деньги) сперва мелкихъ, а потомъ, и крупныхъ финскихъ ассигнацій. Попутно попросили заразъ объ устройствѣ и своего, финскаго, монетнаго двора *. Спросили въ Петербургѣ, заключенія министра Финансовъ, и—увы!—онъ далъ свое одобреніе...

Тогдашній финляндскій генералъ-губернаторъ Рокасовскій бросился въ отчаяніи ко Княжевичу:

— Что вы дѣлаете?

— Я калифъ на часъ, отвѣчалъ тотъ...

А затѣмъ, 23 марта 1860 года, состоялся Высочайшій манифестъ объ

---

* О монетѣ и монетномъ дворѣ заводили рѣчь еще на Боргоскомъ сеймѣ 1809 года, но тогда эти разговоры были оставлены безъ послѣдствій. Дѣятельность Финскаго монетнаго двора за послѣдніе годы по истинѣ комична: въ 1883 году начеканено всего на 9.750 руб. металлической мелкой мѣдной монеты въ 1 пенни, то-есть $^1/_4$ коп., а въ 1884 году такой же монеты лишь на 1.000 р.; въ 1885 году не показано никакой чеканки. При такой работѣ особый монетный дворъ, конечно, совсѣмъ излишняя роскошь. Но онъ нуженъ для сепаратизма.

измѣненіи въ Финляндіи монетной единицы и о введеніи самостоятельной серебряной марки.

—

Послѣдующія распоряженія покатили русскія кредитки еще далѣе по этой наклонной плоскости, и Россія очутилась въ нѣкоторой кабалѣ у Финляндіи. Серебряная, хотя бы и финская, монета оказалась постепенно тоже неудобною. Марка, хотя и безъ русской надписи, все-таки обязательно равнялась русскому четвертаку (1/4 серебрянаго рубля). Надо было избавиться ото всякаго упоминанія объ этомъ рублѣ, все же говорившемъ о нѣкоей зависимости. Но какъ это сдѣлать? Довольно вѣрные слухи говорятъ что само наше Министерство Финансовъ, разумѣется на словахъ, помогло Финляндцамъ выйти изъ затрудненія, намекнувъ на возможность возбудить вопросъ о золотой валютѣ: тогда де русскій рубль исчезнетъ самъ собою. Отъ души желали бы мы чтобы слухи эти, столь обидные для нашего народнаго достоинства, были серіозно опровергнуты. Но несомнѣннымъ остается тотъ фактъ что когда Финляндскій Сенатъ внесъ представленіе о введеніи въ Финляндіи золотой монеты, то это представленіе не встрѣтило возраженій въ нашемъ финансовомъ вѣдомствѣ, и съ 1878 года Финляндія начала чеканить свою 10 и 20-марковую золотую монету. На ней нѣтъ ни единой русской буквы; самый орелъ имѣетъ на груди, вмѣсто Св. Георгія Побѣдоносца, поднявшагося на дыбы льва, готоваго зарубить кого-то мечомъ.

Печальныя страницы нашей исторіи...

—

Впрочемъ, къ счастію, какъ ни стараются Финляндцы постепенно, мало-по-малу, ограничивать въ отношеніи къ себѣ силу Русской Верховной Власти, въ Ея рукахъ все-таки остаются еще вполнѣ Ей принадлежащія средства возстановить попранное небольшою провинціей достоинство нашего государства и снять экономическія оковы наложенныя на насъ даже и Финляндіей. Финляндскіе дѣятели, однако, этого вовсе не предполагаютъ. Напротивъ, они готовятся къ новымъ и крупнымъ захватамъ. Подъ видомъ кодификаціи существующихъ законовъ, они изобрѣли такіе сюрпризы предъ которыми блекнутъ всѣ прошедшіе ихъ подвиги насчетъ русскаго добродушія и довѣрчивости. Слѣдуетъ поэтому, по поговоркѣ, держать ухо востро.

Примемъ также къ свѣдѣнію нѣкоторыя въ этомъ отношеніи указанія самихъ Финляндцевъ на тѣ пути которыми слѣдуетъ дѣйствовать. Въ упомянутомъ выше *Очеркѣ* управленія Финляндіи, предназначенномъ для свѣдѣнія Государя, былъ заключительный выводъ имѣвшій цѣлью убѣдить что Финляндцы не уклоняются отъ строгой легальности. Изъ трехъ его пунктовъ, послѣдній составители изложили такъ:

„Никакого нововведенія внѣ установ-
„леннаго порядка и безъ Высочайшаго
„повелѣнія въ Финляндіи производимо не
„было.“

Окончательные редакторы-сенаторы нашли нужнымъ выкинуть слова: *и безъ Высочайшаго повелѣнія*:

„Какъ слышно“, писали они въ цитированныхъ уже шведскихъ объясненіяхъ своихъ министру статсъ-секретарю графу Армфельту,—

„русскіе министры заявляютъ что
„финляндское управленіе, само собою
„разумѣется, не дозволитъ себѣ са-
„мовольно никакого распоряженія безъ
„законнаго основанія или Высочайша-
„го повелѣнія, *но что многія изъ тѣхъ*
„*преимуществъ и Высочайшихъ соиз-*
„*воленій, коими съ теченіемъ времени*
„*Финляндія умѣла оградить себя, не*
„*принадлежатъ краю по закону и по-*
„*становленіямъ*“,

то-есть, другими словами, могутъ быть также отмѣнены, какъ были утверждены, единоличною Монаршею волей.

Чтобы не дать напоминанія объ этомъ правѣ и объ этой возможности, гг. сенаторы пояснили:

„По этой причинѣ считается удоб-
„нѣйшимъ чтобы помянутый 3й пунктъ

„получилъ ту редакцію какая ему дана „въ новомъ проектѣ“,

то-есть безъ упоминанія о Высочайшихъ повелѣніяхъ.

Въ такомъ видѣ, дѣйствительно, *Очеркъ* и былъ напечатанъ.

Едва ли эта непроизвольная откровенность требуетъ комментаріевъ; но указателемъ служитъ она хорошимъ.

Caveant consules! Еще не все окончательно потеряно.

25 февраля 1888.

2.

Мы въ долгу предъ гельсингфорсскою *Nya Pressen*, и усердно въ томъ извиняемся. Въ № 88 этой газеты помѣщена была статья подъ заглавіемъ: „*Московскія Вѣдомости* о нашихъ денежныхъ дѣлахъ“ (*Moskovskia Wädomosti* om våra myntförhållanden), которую мы случайно проглядѣли.

Финская газета, конечно, опровергаетъ статью *Московскихъ Вѣдомостей*, находитъ ее тенденціозною и стремится доказать что отдѣльная финская монета истекаетъ изъ существа особаго государственнаго положенія Финляндіи, что потому она необходима, и что Россіи отъ этого нѣтъ никакого вреда.

Бумага все терпитъ; можно, слѣдовательно, писать, и даже, повидимому, съ нѣкоторою логичностью, соображенія приводящія, между прочимъ, и къ подобнымъ выводамъ. Но существо дѣла и факты полагаемые при этомъ въ основу требуютъ строгой провѣрки, а по провѣркѣ можно и должно придти далеко не къ тѣмъ результатамъ.

Намъ ставится въ укоръ тенденціозность. Но мы привели цѣлые ряды цифръ заимствованныхъ изъ финскихъ, притомъ офиціальныхъ, изданій. Гельсингфорсская газета не опровергаетъ ихъ, потому что опровергнуть невозможно. Фактъ остается налицо: чѣмъ хуже курсъ нашего кредитнаго рубля, тѣмъ Финляндіи выгоднѣе ввозить русскія произведенія, ибо меньше марокъ приходится за нихъ платить. Съ другой стороны, цѣну кредитнаго рубля Финляндскій Банкъ установляетъ по своему благоусмотрѣнію. Разумѣется, все это очень полезно для автономнаго „государства“; этого мы не отрицаемъ. Не отрицаетъ и *Nya Pressen*; напротивъ, при всякомъ случаѣ повторяетъ: это намъ, то-есть Финляндіи, было нужно. Еще бы! Только нужно ли это Россіи, которой Финляндія составляетъ интегральную часть?...

Газета толкуетъ въ своемъ отвѣтѣ о двухъ разныхъ вещахъ: о Банкѣ и о монетѣ; мы говорили только о монетѣ. По поводу Банка скажемъ нашимъ оппонентамъ что они грѣшатъ противъ правды утверждая что отдѣльный Банкъ явился послѣдствіемъ автономнаго положенія Финляндіи. Съ историческими фактами должно обращаться осторожнѣе, и во всякомъ случаѣ не забывать сегодня того что говорилось вчера.

Если вы, господа Финляндцы, утверждаете что Боргоскій Сеймъ положилъ начало вашей государственной обособленности, такъ справляйтесь по крайней мѣрѣ чаще съ тѣмъ что на немъ происходило. Вы дѣйствительно *просили* тогда чтобы въ вѣдѣніи вашихъ земскихъ чиновъ былъ учрежденъ банкъ, чтобы для того былъ данъ капиталъ, назначены были въ его пользу разные доходы и тому подобныя фантазіи. Но развѣ эти просьбы ваши были тогда уважены? Вы просили чтобы вашихъ депутатовъ созвали вслѣдъ затѣмъ на новый сеймъ для окончательнаго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ: но развѣ васъ созывали? Просить еще не значитъ получить.

Прекратите же, наконецъ, господа, ходьбу на вашихъ ходуляхъ: каждый разъ когда къ нимъ хоть слегка коснется историческая истина, забытая за

три четверти вѣка, эти ходули подъ вами подламываются. Правда, вы тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, взлѣзаете на новыя, надѣясь что тѣ, предъ кѣмъ вы продѣлываете ваши эквилибристическіе фокусы, не замѣтятъ вашихъ паденій; но неровенъ часъ: свѣтъ истины можетъ достигнуть и туда куда вы наименѣе хотѣли бы его допустить.

Финляндскій Банкъ явился совсѣмъ не вслѣдствіе какой-то особой государственности края, а потому что, послѣ войны 1808—1809 годовъ и покоренія Финляндіи, императоръ Александръ I хотѣлъ помочь разоренной странѣ. Въ ней обращались и русскія, и шведскія ассигнаціи, и русская, и шведская монета, и была, конечно, путаница. Въ добавокъ, извѣстный сепаратистъ, первый финляндскій генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ, установилъ сравнительно высокій опредѣленный курсъ на наши ассигнаціи. Безпорядковъ было, поэтому, много. Но еще въ концѣ 1808 года государственному казначею Голубцову повелѣно было распорядиться устройствомъ въ Гельсингфорсѣ и Або русскихъ банковыхъ конторъ. При этомъ имѣлось въ виду что по открытіи ихъ „и курсъ самъ собою уравняется“. Затѣмъ состоялся Боргоскій Сеймъ для выслушанія мнѣній депутатовъ по четыремъ предложеннымъ имъ вопросамъ; при этомъ упомянутая просьба ихъ о банкѣ была, какъ сказано, оставлена безъ послѣдствій.

Когда, затѣмъ, по удаленіи Сперанскаго, финляндскія дѣла пошли къ императору Александру исключительно чрезъ руки Финляндцевъ: заклятаго ненавистника Россіи Армфельта и едва ли болѣе къ ней расположеннаго Ребиндера,—все направленіе этихъ дѣлъ стало мѣняться. Однако и при этомъ объ автономномъ банкѣ и рѣчи не было: въ 1811 году учреждена лишь правительственная *Вексельная ссудная и депозитная контора*,—и она была дѣломъ личнаго произволенія императора Александра, безъ малѣйшей даже тѣни обязательства или договора, какъ и все прочее устройство внутренней администраціи края тогда установленное.

Что касается денежной единицы, то она составляла одинъ изъ четырехъ вопросовъ по которымъ требовалось мнѣніе боргоскихъ земцевъ. Сообразно съ ихъ представленіемъ, по манифесту 17 декабря 1809 года основною монетой Финляндіи признанъ *русскій серебряный рубль*. На ряду съ металлическою обращалась и бумажная наша монета; сперва ею пользовались по курсу, а потомъ въ частномъ обращеніи незамѣтно пошли вообще къ ассигнаціонному счету. Когда же въ 1839 году въ Имперіи установленъ былъ счетъ на серебро, эта мѣра была распространена и на Финляндію, что собственно было лишнее, такъ какъ въ ней и безъ того основною платежною единицей оставался серебряный рубль съ его подраздѣленіями.

Nya Pressen говоритъ что особая для Финляндіи монета сдѣлалась предметомъ необходимости въ 1854 году, когда въ Имперіи пріостановленъ былъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Почему же тутъ необходимость? Провинція, хотя бы и автономная, должна нести общія тяготы, также какъ и пользоваться общими преимуществами. Финляндцы, конечно, желаютъ пользоваться только преимуществами. Но *Nya Pressen* впадаетъ и здѣсь въ большую неточность: въ 1854 году вопроса объ особой монетѣ не возбуждалось.

Сперва возникло лишь дѣло о билетахъ Финляндскаго Банка, тѣмъ временемъ явившагося, впрочемъ, въ качествѣ мѣстнаго административнаго учрежденія (сеймы тогда съ самаго 1809 года не собирались). Эти билеты были въ обращеніи въ Россіи, но при сборѣ податей и въ общественныхъ учрежденіяхъ не принимались; для обмѣна же ихъ на русскія бумажки Финляндцамъ приходилось имѣть особаго уполномоченнаго (помнится, Стеркъ и К°), которому уплачивалась коммиссія.

Послѣ Крымской войны начались, какъ извѣстно, разныя неблагоразумныя спекуляціи и предпріятія въ большихъ размѣрахъ, и Финляндскій Банкъ имъ способствовалъ, усиливая выпуски своихъ депозитныхъ билетовъ. А такъ какъ билеты его за границу не шли, въ Россію же имъ были открыты двери, то въ Петербургѣ оказалось ихъ очень много, и они предъявлялись къ обмѣну, конеч-

но, на русскія бумажки. Чтобъ уменьшить наплывъ сихъ послѣднихъ въ Финляндію, прежде всего возбудили ходатайство о томъ чтобы кредитные рубли не считались тамъ законнымъ средствомъ платежей при казенныхъ сборахъ, а обмѣнивались на финляндскіе депозитные билеты.

Въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія, понимали что нельзя ставить на одну ногу провинціальную бумагу и государственный кредитный билетъ, и въ домогательствѣ отказали; для облегченія же уплатъ коммиссіи учредили въ Петербургѣ отдѣленіе Финляндскаго Банка.

При неудачѣ этой первой попытки къ обособленію (надо помнить что въ Россіи наступило тогда время либеральныхъ реформъ), Финляндцы видоизмѣнили пріемъ и, на основаніи множества будто бы просьбъ вдругъ начавшихъ поступать съ разныхъ концовъ края, вошли съ представленіемъ чтобы кредитные рубли обращались въ Финляндіи не по нарицательной, а по дѣйствительной стоимости, по курсу Петербургской биржи *.

Но и на эту мѣру, какъ не соотвѣтствующую достоинству Имперіи, также не послѣдовало соизволенія. Тогда-то и повели рѣчь объ измѣненіи монетной единицы ** и о прочихъ мѣрахъ для осуществленія извѣстныхъ видовъ,—и повели ее очень осторожно и скромно.

Казалось бы, послѣ неуспѣха двухъ первыхъ шаговъ нельзя было ожидать успѣха и третьему, безъ сравненія болѣе крупному и смѣлому. Но на дѣлѣ вышло иначе, и манифестомъ императора Александра II отъ 11 (23) марта 1860 года Финляндіи дарована особая монетная единица.

Какъ это случилось? Финляндцы знаютъ это очень хорошо: лѣтъ десять спустя, *Helsingfors Dagblad* откровенно похвалялся что для достиженія такого результата нужно было проявить много настойчивости, осторожности, дипломатической ловкости и тонкаго ума. Впрочемъ, авторъ статьи ставилъ весь ходъ дѣла въ связь съ тѣмъ что Императоръ Александръ Николаевичъ самъ, будто бы, видѣлъ необходимость такой реформы; но чрезъ какія, спросимъ, стекла?

Nya Pressen заключаетъ свои разсужденія тѣмъ что денежная реформа, то-есть введеніе въ Финляндіи особой, сперва серебряной, а потомъ и золотой, монеты, не причинила экономическаго вреда Россіи. Дѣйствительно, Россія не сдѣлалась отъ этого банкротомъ, и Финляндцамъ не пришлось учреждать по ея дѣламъ администрація; но русскій человѣкъ многимъ и безвозвратно платится за финляндскую обособленность. Кромѣ ни съ чѣмъ несообразнаго права Финляндцевъ эксплуатировать Россію пониженіемъ курса, установляемаго самими Финляндцами, въ особой монетной единицѣ лежитъ громадный вредъ политическій. Что было бы еслибы каждая область Россіи старалась получить, и получила бы, подобно Финляндіи, свою особую монетную единицу? Найдется ли въ какомъ бы ни было государствѣ сознающемъ свою силу подобное явленіе, особенно теперь, когда даже дѣйствительно независимыя одна отъ другой страны прилагаютъ старанія ко взаимному сближенію въ денежныхъ дѣлахъ?

Особая монета только поддерживаетъ ложное во всѣхъ отношеніяхъ мнѣніе о Финляндіи какъ о нѣкоемъ дѣйствительномъ „государствѣ“, имѣющемъ право третировать русскій государственный кредитъ такъ же какъ князь Бисмаркъ или англійскіе политики. Особая монета увеличиваетъ число враговъ Россіи среди благонамѣренныхъ Финляндцевъ-производителей, ибо, работая на дорогія марки, они не могутъ продавать за дешевые рубли, между тѣмъ какъ русскія губерніи—ихъ естественный рынокъ. Плодится и число людей прямо радующихся ухудшенію русскаго кредита, слѣдовательно также враговъ, между

---

* *Nya Pressen* ссылается какъ на фактъ особаго значенія на поданныя въ 1862 году 2.058 просьбъ по поводу денежныхъ неустройствъ. Какъ будто газетѣ неизвѣстно *какъ*, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и желаніяхъ, такія просьбы вызываются, пишутся и подаются! Ихъ могло быть вдвое больше, и все-таки это ничего бы не доказывало.

** См. выше стр. 45—46.

всѣми Финляндцами живущими жалованьемъ и доходами: чѣмъ курсъ рубля хуже, тѣмъ имъ лучше, ибо въ Петербургѣ у нихъ тѣмъ больше оказывается денегъ, а, при дешевомъ сообщеніи, они ѣдутъ туда за всѣмъ необходимымъ. Наконецъ, что̀ еще возмутительнѣе, особая финская монета деморализуетъ и чисто русское служилое сословіе въ краѣ: начиная съ высшаго генерала и кончая послѣднимъ солдатомъ, всѣ въ глубинѣ души не могутъ не радоваться и не желать возможно бо́льшаго паденія курса, потому что оно также и для нихъ, получающихъ свое содержаніе финскими марками, составляетъ прямую и крупную выгоду.

И вся эта разница курса падаетъ на то же козлище отпущенія, на наше Государственное Казначейство, которое, какъ извѣстно, вноситъ въ свои смѣты крупныя суммы на покрытіе этой разницы не по заграничнымъ только займамъ, и не по содержанію только дипломатическаго корпуса при иностранныхъ державахъ, но и по содержанію русскихъ войскъ, укрѣпленій и служащихъ въ Финляндіи, въ этой русской провинціи.

29 апрѣля 1888.

***

ВОЗМОЖНОСТЬ НОВАГО ФИНЛЯНДСКАГО ЗАХВАТА.*

Quousque tandem...

Въ *Новомъ Времени* сообщено что въ іюнѣ, на рѣкѣ Торнео, должны собраться представители Русскаго и Шведскаго правительствъ для проведенія правильной границы между Россіей и Швеціей. Переговоры объ урегулированіи ея уже давно идутъ между Шведскимъ правительствомъ и Финляндскимъ Сенатомъ. Этотъ послѣдній и ходатайствовалъ главнымъ образомъ о настоящихъ переговорахъ.

Вопросъ о Шведско-Норвежско-Русской границѣ заслуживаетъ полнаго вниманія не только финляндскихъ, но едва ли еще не болѣе и русскихъ властей. Необходимо чтобы послѣднія, при ожидаемыхъ переговорахъ, относились съ должною критикой одинаково какъ къ шведскимъ предложеніямъ, такъ и къ заявленіямъ Финляндскаго Сената. Въ этой мѣстности, какъ и вездѣ впрочемъ, финляндскіе чиновники и интеллигенція преслѣдуютъ цѣли несогласныя съ интересами собственно Россіи. Надо помнить что при размежеваніи съ Норвегіей на берегахъ Ледовитаго Моря уже уступлены нами наилучшія части этихъ береговъ въ Варангерѣ, и тамъ гдѣ прежде русскіе промышленники были хозяевами, они теперь только гости, если не батраки. Можетъ повториться то же въ пользу Финляндіи, что, при нынѣшнихъ условіяхъ, одинаково вредно.

Въ дѣлѣ границы со Швеціей имѣютъ значеніе обстоятельства особаго свойства, обстоятельства, повидимому, побочныя, но тѣмъ не менѣе существенныя. Послѣ покоренія Финляндіи, графъ Румянцевъ, заключавшій договоръ и вѣрно понимавшій пользы Россіи, провелъ границу такимъ образомъ что финляндско-шведская черта упиралась въ Норвегію, Финляндія не доходила до Ледовитаго Океана, и здѣсь къ Норвежской границѣ непосредственно примыкала Архангельская губернія. Хотя теперь упоминается собственно о Шведско-Финской границѣ, какъ бы только по рѣкамъ Торнео и Муоніо, однако весьма возможно что, при случаѣ, зайдетъ рѣчь и о норвежско-финской части границы, о которой еще со временъ трактата 1826 года тянутся постоянныя разсужденія и пререканія.

Въ этой части были общіе лапландскіе погосты, то-есть жили Лопари норвежскіе и Лопари русско-финляндскіе. Договоромъ 1826 года финляндскіе Лопари были отграничены отъ этихъ общихъ погостовъ, лишились доступа къ морю и должны были ходить къ нему или по норвежской, или по русской территоріи. Въ Норвегіи ихъ притѣсняли, то-есть, собственно вполнѣ законно, запрещали ихъ кочевки въ ущербъ мѣстнымъ Норвежцамъ; съ другой стороны, въ Финляндіи изданы узаконенія для охраны тамошнихъ

* Изъ № 172 *Московскихъ Вѣдомостей* 1888 года.

финскихъ пастбищъ отъ нашествія норвежскихъ оленей. На русской же территоріи Финляндцы не хотятъ знать русскихъ узаконеній и правилъ, претендуютъ на руководство своими финляндскими законами, почему тоже идутъ недоразумѣнія и столкновенія.

Финляндцы хлопочутъ какъ будто бы о жителяхъ сѣверной оконечности своего края, гдѣ въ двухъ пунктахъ, Энаре и Утсіоки, число ихъ составляетъ съ небольшимъ 1.300 душъ. Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ заботиться и объ ихъ благополучіи. Но, подъ предлогомъ такихъ заботъ, Финляндцы думаютъ ни болѣе, ни менѣе какъ добиться уничтоженія существенной части прежнихъ трактатовъ и достигнуть самостоятельнаго владѣнія на берегу Сѣвернаго Океана, притомъ, конечно, не на счетъ Шведско-Норвежскаго, а на счетъ Русскаго правительства. Ихъ домогательства приняли нѣсколько лѣтъ назадъ совершенно опредѣленную и офиціальную форму, смѣлости которой можно только удивляться.

По почину улеаборгскаго губернатора, Гельсингфорсскій Сенатъ вознамѣрился и теперь надѣется отмежевать къ Финляндіи немалый уголъ Архангельской губерніи. Финляндцы приготовили себѣ почву тѣмъ что считаютъ себя обиженными со стороны Русскаго правительства, которое будто бы захватило ихъ финляндскую землю. Они поэтому ищутъ вознагражденія.

Дѣло въ томъ что на границѣ Петербургской и Выборгской губерній стоитъ городъ Сестрорѣцкъ, съ извѣстнымъ оружейнымъ заводомъ. По отдѣленіи императоромъ Александромъ I Выборгской губерніи къ Финляндіи, Сестрорѣцкъ, бывшій прежде въ Петербургской губерніи, отошелъ также къ Финляндіи. Присемъ, конечно, не было и помину о какомъ-нибудь вознагражденіи не только за этотъ городокъ, но и за всю отданную Выборгскую губернію, пространствомъ болѣе 33.000 квадр. верстъ, съ казенными имуществами на десятки милліоновъ. Но потомъ правительство нашло удобнѣйшимъ возвратить Сестрорѣцкъ въ Петербургскую губернію, съ двѣнадцатью квадратными верстами прилежащей къ городу земли, песчаной и безплодной. И что же? Финляндцы стали смѣло и настойчиво требовать вознагражденія за этотъ лоскутъ пустыря, забывъ, очевидно, что не 12, а всѣ 33.000 верстъ Выборгской губерніи отданы имъ даромъ.

Въ Петербургѣ, къ сожалѣнію, ихъ не только выслушали, но и повели продолжительную переписку о способѣ удовлетворенія такой претензіи. Окончательно требованія Финляндцевъ сводятся къ тому чтобы въ пользу Финляндіи выдѣлить отъ Архангельской губерніи *пять тысячъ двѣсти квадратныхъ верстъ*, да еще полосой по границѣ, съ выходомъ къ Сѣверному Океану. Въ добавокъ, полоса эта отхватываетъ всю западную часть Рыбьяго Полуострова съ Нѣмецкимъ Мысомъ, то-есть самую теплую, послѣ потеряннаго нами Варангера, часть Океана. На этой полосѣ, по отзыву архангельскаго губернатора, есть хорошіе лѣса, и даже по шведскимъ картамъ есть православные приходы съ церквами, напримѣръ Свв. Бориса и Глѣба близъ нынѣшней Норвежско-Русской границы.

Любопытно и назидательно видѣть карту этого *вознагражденія*, приложенную къ печатному „всеподданнѣйшему мнѣнію“ Финляндскаго Сената, написанному, конечно, въ поддержку захвата и на шведскомъ языкѣ.

Вотъ на эти-то домогательства и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе теперь, когда рѣчь идетъ о регулированіи границы, и когда русскіе коммиссары, полагаясь на совѣты и указанія своихъ финляндскихъ сотоварищей, могутъ надѣлать новыхъ и непоправимыхъ ошибокъ и уступокъ. Надо не забывать что, благодаря умѣнью Финляндцевъ обходить нашихъ чиновниковъ, Россія уже не хозяинъ на Ботническомъ заливѣ, только на половину хозяинъ на Финскомъ заливѣ и очень стѣснена на искони русскомъ Ладожскомъ озерѣ, сѣверные и западные берега и острова коего усѣяны уже финскими таможнями, все болѣе и болѣе запирающими это озеро русскимъ людямъ. То же готовится и на Сѣверномъ Океанѣ. Мурманъ,—ной свою лебединую пѣсню!...

***

Гельсингфорсскія корреспонденціи „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

1.

По поводу кончины барона Бруна. *

Гельсингфорсъ, 27 августа.

22 августа умеръ министръ-статсъ-секретарь Финляндіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ѳедоръ Антоновичъ Брунъ, и погребенъ во Фридрихсгамѣ.

Болѣе 37 лѣтъ провелъ онъ на русской службѣ и получилъ на ней то что̀ дается не многимъ: хорошія средства, званіе сенатора, статсъ-секретаря, товарища главноуправляющаго бывшимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Въ 1881 году онъ былъ назначенъ сперва товарищемъ финляндскаго министра-статсъ-секретаря, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и министромъ. Собственно финляндской службѣ покойный отдалъ такимъ образомъ лишь семь лѣтъ и за нее получилъ баронское достоинство, брилліантовые знаки ордена Св. Александра Невскаго и высшій нашъ гражданскій чинъ.

Какъ человѣкъ, Ѳедоръ Антоновичъ пользовался между Русскими доброю репутаціей и расположеніемъ. Нельзя того же сказать насчетъ Финляндцевъ: они не особенно долюбливали почившаго нынѣ барона, видя въ немъ болѣе Русскаго чѣмъ своего соотечественника, хотя это совершенно не вѣрно. Насъ особенно интересовала бы именно его финляндская дѣятельность; но предъ едва закрывшеюся могилой не слѣдъ входить въ критическій разборъ ея. Вообще же можно сказать что на эту службу барона Бруна Русскіе менѣе въ правѣ сѣтовать чѣмъ на службу его предшественниковъ. Въ этомъ и лежитъ причина нелюбви къ нему многихъ Финляндцевъ. Они за прежнее время привыкли видѣть въ финляндскомъ статсъ-секретарѣ перваго и самаго сильнаго врага Россіи. Пользуясь личными докладами у государей, прежніе финляндскіе статсъ-секретари хитро и ловко достигали полученія такихъ повелѣній которыя не только безгранично расширяли права Финляндіи въ ущербъ Россіи, но ограничивали, въ отношеніи первой, и самую Верховную Власть. И все это было дѣломъ не тѣхъ или другихъ сеймовъ, которые болѣе пятидесяти лѣтъ не созывались, и не прежнихъ установленій, на которыя Финляндцы

* *Московскія Вѣдомости* 1888 года, № 243.

любятъ ссылаться, а именно личныхъ докладовъ финляндскихъ статсъ-секретарей. Имена Ребиндера, обоихъ Армфельтовъ будутъ въ этомъ отношеніи намъ, Русскимъ, всегда памятны. Нельзя сказать чтобы не было такихъ случаевъ и при баронѣ Брунѣ. Они были и при немъ, но не столько по личнымъ его стремленіямъ, сколько подъ давленіемъ всего строя финляндскихъ порядковъ, которые сумѣли завести его предшественники; по характеру своему, онъ противостоять имъ не могъ. Но, повторимъ, слѣдуя правилу: de mortuis nil nisi bene, не будетъ касаться того,—прегрѣшилъ ли, и насколько, покойный предъ Россіей, его благодѣтельницей.

Теперь предстоитъ назначеніе на вакантную должность. Припомнимъ что еще года три назадъ была рѣчь, по крайней мѣрѣ въ финляндской печати, объ оставленіи барономъ Бруномъ своего поста; тогда же намѣчались его преемники. Печать муссировала, помнится, гг. Коскинена, Мехелина; упоминали, кажется, г. Монгоммери. Всѣ эти господа—члены высшаго въ Гельсингфорсѣ учрежденія, именуемаго Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

Къ слову сказать, это названіе, какъ и многое другое, есть дѣло статсъ-секретарей Финляндцевъ. При началѣ этого учрежденія, финляндскимъ статсъ-секретаремъ былъ Сперанскій. Какъ ни навредилъ онъ Россіи нелѣпою постановкой ея отношеній къ только-что покоренной тогда Финляндіи, но тамошній нынѣ рекомый Сенатъ назывался при немъ просто Совѣтомъ правленія или Правительственнымъ Совѣтомъ. Громкое имя Императорскаго Финляндскаго Сената явилось потомъ, когда Сперанскаго уже не было, по личному докладу Финляндца Ребиндера. Этимъ наименованіемъ ближе подходили къ прежнему шведскому сенату, который былъ всесиленъ и умалилъ королевскую власть до ничтожества. Манифестъ, по этому случаю тогда изданный, распространялся о вещахъ совершенно неумѣстныхъ въ такомъ маловажномъ дѣлѣ какъ переименованіе областнаго присутственнаго мѣста. Но это нужно было Финляндцамъ для того чтобы дать въ дальнѣйшемъ поводъ толковать этотъ третьестепенный документъ какъ нѣчто органическое. Манифестъ сочиненъ былъ тѣмъ же Ребиндеромъ, статсъ-секретаремъ Финляндцемъ.

Изъ названныхъ кандидатовъ, два первые уже извѣстны русской публикѣ. Юрво Коскиненъ и Леопольдъ-Генриховъ-Станиславъ Мехелинъ суть два столпа финляндскаго сепаратизма, которые, несмотря на свое офиціальное положеніе, обязывающее, казалось бы, къ извѣстной сдержанности, находятъ возможнымъ прямо и громко проповѣдывать въ печати государственную отдѣльность Финляндіи отъ Россіи, вопреки всѣмъ основамъ исторической правды и добросовѣстности.

Ю. Коскиненъ еще пятнадцать лѣтъ назадъ сочинилъ свою *Исторію Финляндіи*, переведенную на нѣмецкій языкъ и изданную въ 1874 въ Лейпцигѣ тою же фирмой Duncker и Humblot которая съ величайшимъ усердіемъ печатала всѣ противо-русскія писанія балтійскихъ враговъ Россіи: Бинемана, Юлія Экварта, Ширрена и др. Въ этой своей книгѣ г. Коскиненъ не затруднился цѣлый послѣдній отдѣлъ наименовать: „Финляндія какъ государство въ уніи съ Россіей“, и на шестидесяти страницахъ развивалъ свою тенденцію, tirée par les cheveux, толкуя событія вкривь и вкось. Эта книга г. Коскинена, въ видахъ укорененія такой тенденціи въ Финскомъ народѣ, на одномъ изъ недавнихъ сеймовъ пріобрѣтена въ національную финляндскую собственность и обязательно принята для народныхъ школъ. Къ несчастію, и нѣкоторые наши публицисты, даже ученые, въ блаженномъ невѣдѣніи стали руководиться этою *Исторіей*, какъ авторитетомъ.

Г. Коскинену за эти труды судьба очень привѣтливо улыбалась и, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, принесла и почетъ: происходя изъ крестьянъ, онъ получилъ уже финляндское дворянство за заслуги отечеству и посаженъ на прочное и выгодное мѣсто въ качествѣ члена Финляндскаго Сената.

Поощряемый такимъ образомъ къ униженію значенія Россіи, г. Коскиненъ въ 1882 издалъ въ Гельсингфорсѣ, на финскомъ и французскомъ языкахъ, переписку перваго русскаго генералъ-губер-

натора Финляндіи, шведскаго бѣглеца, приговореннаго, въ качествѣ измѣнника, къ висѣлицѣ, Спренгтпортена, котораго онъ возвелъ въ народные герои. Предисловіе начинается такими словами: „Ничего нѣтъ отраднѣе для патріотическаго чувства, какъ начало организаціи Финляндіи въ качествѣ особаго государства (état séparé).“ Онъ восхваляетъ Спренгтпортена какъ политическаго дѣятеля *„который умѣлъ отвратить* отъ отечества *опасности владычества основаннаго на побѣдахъ“*. Еще далѣе, онъ называетъ Спренгтпортена первымъ генералъ-губернаторомъ „независимой Финляндіи (de la Finlande indépendante)“. Нѣтъ надобности говорить что это ложь, вполнѣ опровергаемая несомнѣнными документами. Но г. Коскиненъ пріобрѣлъ себѣ мѣстную популярность, и печать предлагаетъ его Русскому Государю въ качествѣ ближайшаго совѣтника по финляндскимъ дѣламъ. До того что для Россіи это крайне вредная личность, ей, конечно, нѣтъ дѣла.

Второй кандидатъ, г. Мехелинъ, извѣстенъ русской публикѣ по изданному въ прошломъ году г. К. Ординымъ переводу его *Основъ* государственнаго якобы устройства Финляндіи и по напечатанной въ этомъ (1888) году въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* статьѣ того же г. Ордина „Какъ было дѣло?“ Своевременно въ четырехъ нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей* была помѣщена по этому предмету обширная статья подъ заглавіемъ „Легенда о Финляндскомъ государствѣ“.* Прочитавъ все это, легко видѣть насколько полезенъ Россіи характеръ дѣятельности г. Мехелина. Но она началась не теперь. Еще въ 1877 году г. Мехелинъ издалъ *Основные законы Финляндіи—Finlands Grundlagar*, со своимъ предисловіемъ, въ которомъ сепаратистскія тенденціи не менѣе очевидны какъ и въ его *Конституціи* или въ произведеніяхъ г. Коскинена. Засимъ не будемъ на немъ останавливаться. Скажемъ лишь что не далѣе прошлаго года г. Мехелинъ дѣйствовалъ въ качествѣ уже международнаго представителя и заключалъ, вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ, посланникомъ нашимъ при Мадридскомъ дворѣ, торговый договоръ съ Испаніей, въ которомъ интересы Россіи оказались пренебреженными, а Финляндія фигурировала какъ нѣчто самостоятельное.

Въ подлежащемъ министерствѣ просмотрѣли что, ставя г. Мехелина къ такого рода дѣлу, наносятъ Россіи вредъ и играютъ въ руку врагамъ. Эти послѣдніе, не имѣя легальныхъ данныхъ, ухватываются за всякій случай проявить мнимую свою самостоятельность если не качествомъ актовъ, то ихъ количествомъ. И въ самомъ дѣлѣ: подписывается подъ договоромъ князь Горчаковъ, а вслѣдъ за нимъ г. Мехелинъ. Въ договорѣ рѣчь идетъ о Россіи и особо о Финляндіи. Оба прикладываютъ печати своихъ гербовъ (кстати, г. Мехелинъ получилъ таковой при пожалованіи въ дворянство въ 1877 году, какъ разъ тогда когда издавалъ свои сепаратистскіе *Основные законы Финляндіи).* И вотъ, пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и Финляндцы будутъ уже ссылаться на договоръ съ Испаніей какъ на документъ въ которомъ Финляндія была одною изъ договаривающихся сторонъ. Это будетъ не точно, но не все ли равно? Минувшія 75 лѣтъ показали что подобная система приводитъ къ желаемой цѣли, и довольно...

Насчетъ такого кандидата въ финляндскіе статсъ-секретари едва ли могутъ быть у истинно-русскихъ людей разныя мнѣнія.

Г. Монгоммери безспорно самый умный, но и самый тонкій изъ трехъ названныхъ лицъ: тѣмъ болѣе онъ опасенъ для Россіи. Его тенденціи хорошо видны, напримѣръ, изъ его „Notices sur les travaux législatifs de la diète du grand-duché de Finlande (1863—1879)“, напечатанныхъ въ *Annuaire de la Société de législation comparée* за 1881 годъ. Этого уже достаточно для оцѣнки направленія почтеннаго автора. Прежде названные двое остаются назади. Но такъ какъ у Финляндцевъ есть выдержка въ преслѣдованіи цѣли, то г. Монгоммери достигъ уже того что въ нынѣшнемъ году предложенъ Финляндскимъ

* См. выше, стр. 24—40.

Сенатомъ въ члены Комитета Финляндскихъ Дѣлъ въ Петербургѣ. Министръ-статсъ-секретарь въ немъ предсѣдатель. Дорога изъ членовъ въ предсѣдатели можетъ быть очень короткая.

Истекшіе три четверти вѣка несомнѣнно доказали что Россія ежедневно, можно сказать ежечасно, теряетъ въ Финляндіи свой вѣсъ и значеніе. Не говоря о побережьяхъ Финскаго и Ботническаго заливовъ, которыя совсѣмъ ушли изъ русскихъ рукъ, болѣе половины Ладожскаго озера перестала быть русскою, и финляндскія таможни потихоньку и незамѣтно расползаются все шире и дальше; какъ паутина захватываютъ онѣ островки русскаго озера, все больше и больше стѣсняя русскую торговлю, промышленность, поселенія. Безправіе русскихъ людей въ Финляндіи дошло до предѣловъ возмутительныхъ. Ужели это въ порядкѣ вещей? Не пора ли остановить торжество побѣжденнаго? Но, конечно, не отъ статсъ-секретаря изъ Финляндцевъ можно ожидать чтобъ онъ взялъ на себя обуздывать хищные аппетиты соотечественниковъ.

Мы, Русскіе, съ радостію видимъ что за послѣдніе годы у насъ возстановляется изъ былаго многое такое что̀ служитъ нашему отечеству на пользу, къ соблюденію чести его и достоинства. Не было бы худо и тутъ припомнить стародавній примѣръ. Первый статсъ-секретарь Финляндіи былъ Русскій. Какъ ни былъ увлеченъ тогда Сперанскій модными идеями, русское значеніе въ Финляндіи все-таки было при немъ безъ сравненія выше чѣмъ теперь. Помимо Финляндцевъ, не только вѣрные и честные, но и знающіе люди найдутся и между Русскими.

***

2.

Откуда пошли финляндскіе статсъ-секретари? *

Гельсингфорсъ, 9 (21) октября.

Больше мѣсяца не писалъ я вамъ, поджидая чѣмъ разрѣшится вызванный смертью барона Бруна вопросъ о новомъ финляндскомъ министрѣ-статсъ-секретарѣ, вопросъ существенный не для однихъ Финляндцевъ. Упорный и очень вѣроятный слухъ держится насчетъ нынѣшняго временнаго замѣстителя барона Бруна, генерала Эрнрота. ** Это не мѣшаетъ, однако, мѣстной печати, съ неугомонною *Nya Pressen* во главѣ, назойливо муссировать разныхъ господъ изъ здѣшняго Сената, въ родѣ тѣхъ что̀ упомянуты мною прошлый разъ.*** Сенатъ—это высшее правительственное учрежденіе Финляндіи. Онъ же и центральный очагъ, въ которомъ заваріваются и пекутся самыя горячія и пикантныя снадобья для возбужденія аппетитовъ къ противодѣйствію Россіи и къ пропагандѣ государственной самостоятельности края. Наши знакомые, гг. Коскиненъ, Мехелинъ, Монгоммери, эти сепаратисты чистѣйшей воды и высшей пробы, всѣ трое состоятъ членами Финляндскаго Сената. *

Но пока, за неизвѣстностью кто водворится на мѣсто барона Бруна въ прекрасномъ петербургскомъ помѣщеніи противъ Николы-Морскаго, нельзя ничего гадать насчетъ будущаго. Поэтому заглянемъ немного въ прошедшее. Что̀ такое финляндскій статсъ-секретарь, и откуда пошло его начало?

Тутъ мы сразу встрѣчаемся съ

* *Московскія Вѣдомости* 1888 года, № 292.

** Слухъ этотъ въ послѣдствіи оправдался.

*** См. выше, стр. 54—55.

* И, кстати сказать, кавалерами нашего почетнаго и чисто-русскаго ордена Св. Владиміра, притомъ 3й степени. Девизъ ордена, какъ извѣстно: „польза, честь и слава“—конечно, Россіи...

вещами удивительными; но для уразумѣнія ихъ надо сдѣлать небольшое отступленіе.

Финляндскіе государственники, конечно, стараются пристягнуть это должностное лицо къ прежней шведской конституціи, бывшей еще до покоренія Финляндіи Россіей. Извѣстно что они всѣми мѣрами стараются напялить ее на свой край и тѣмъ самымъ связать Русскую Верховную Власть. Для людей ближе знающихъ финляндскія дѣла нѣтъ сомнѣнія въ томъ что, хотя Финляндцы постоянно и съ апломбомъ говорятъ и пишутъ объ этой своей конституціи какъ о чемъ-то безспорномъ, тѣмъ не менѣе они ея не имѣютъ въ законной формѣ и въ дѣйствительныхъ безспорныхъ актахъ. Это маленькое обстоятельство никогда не надо упускать изъ виду когда рѣчь идетъ о финляндскихъ дѣлахъ. Они только добивались признанія и узаконенія этой шведской конституціи, пользуясь разными случаями; но всѣ ихъ подходы еще не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ послѣднее время мѣстные государственные мужи опять пошли къ той же цѣли путемъ дальнимъ и кривымъ, но благовиднымъ: занялись приведеніемъ будто бы въ систему дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, то-есть, ихъ кодификаціей.

Проектъ таковой кодификаціи составленъ, напечатанъ, конечно по-шведски, но еще не утвержденъ Высочайшею Властію. Это не мѣшало, впрочемъ, помнится, нѣкоторымъ ораторамъ на Сеймѣ нынѣшняго года ссылаться на него уже какъ бы на дѣйствительный законъ. Слышалъ я что и съ каѳедры Гельсингфорсскаго университета эта кодификація трактуется въ томъ же смыслѣ.

Въ проектѣ отведено, конечно, мѣсто и финляндскому статсъ-секретарю, именно въ § 17. Подъ статьей три цитаты; двѣ какъ разъ указываютъ источниками: „Форму Правленія 1772 года“ и такъ-называемый „Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года“. Оба эти узаконенія и составляютъ шведскую или реченную финляндскую конституцію.

Кодификаторы изложили § 17 въ такомъ видѣ:

„Дѣла подлежащія личному разрѣшенію Императора и Великаго Князя вносятся къ нему статсъ-секретаремъ, который долженъ быть природнымъ Финляндцемъ (infödde finske män).“

Въ цитатахъ приведены: §§ 10 и 21 Формы Правленія и § 1 Акта Соединенія и Безопасности; никакого повелѣнія или распоряженія Русскихъ Государей не упоминается. Но что же говорятъ эти параграфы?

§ 21 трактуетъ о четвертой коллегіи, или о государственной канцеляріи Шведскаго королевства. Въ составъ ея входили разные государственные чины и, между прочимъ, статсъ-секретарь; на его отвѣтственности лежала вѣрность бумагъ объявляющихъ королевскія повелѣнія.

Въ § 10 говорится о порядкѣ назначенія на должности и, между прочимъ, о томъ что иностранцы не могутъ занимать извѣстныхъ мѣстъ, на которыхъ обязательно должны состоять люди государственной національности, то-есть Шведы.

Это особенно точно выражено въ послѣдне-цитованномъ § 1 Акта Соединенія и Безопасности, гдѣ категорически постановлено что высшія государственныя должности должны быть замѣщаемы природными Шведами (med infödde Svenske män).

Замѣтьте: именно Шведами. Людямъ подвластныхъ національностей, Финнамъ, Померанцамъ и подобнымъ провинціаламъ, доступъ къ этимъ должностямъ не былъ открытъ.

По здравой логикѣ нужно, конечно, такъ разсуждать: вы, Финляндія, были *шведскою провинціей* и имѣли свои права и преимущества въ составѣ Шведскаго государства; но только его, этого государства, коренные люди могли стоять *надъ* вами, чтобы блюсти государственные интересы, которые выше интересовъ провинціальныхъ. Послѣ 1808—9 годовъ вы стали *русскою провинціей*,— это безспорно, какими бы софизмами вы ни вооружались; вамъ сохранили ваши привилегіи, но *надъ* вами государственная власть, вмѣсто прежней Шведской, стала Русская, и облечены ею должны быть, вмѣсто Шведовъ, Русскіе люди.

Но почтенные новѣйшіе кодифика-

торы какъ-то странно забываютъ что императоръ Александръ Павловичъ, покоривъ Финляндію, обѣщалъ *только сохранить* ей прежнія права и привилегіи, а вовсе *не расширить их*, въ добавокъ еще съ умаленіемъ своей власти. При такомъ невинномъ забвеніи, эти господа переносятъ со Шведовъ не на Россію, а на Финляндцевъ всѣ права принадлежащія государственной національности, и храбро пишутъ: статсъ-секретарь, бывшій Шведъ, будетъ теперь Финляндецъ. Пріемъ, дѣйствительно, очень смѣлый: выходитъ что часть равна цѣлому. Впрочемъ, такой фокусъ по большей части удавался этимъ господамъ, и они продолжаютъ продѣлывать его съ успѣхомъ, благо нѣтъ протеста.

Но это собственно лишь часть § 17. Въ немъ есть еще alinea, и въ ней такое поясненіе:

„Поэтому бумаги (expedition) въ которыхъ содержатся повелѣнія Императора и Великаго Князя считаются недѣйствительными, если онѣ не контрасигнированы или не подписаны статсъ-секретаремъ (kontrasignenad eller underskrifven)".

Контрасигнируются только акты носящіе подпись Государя. Русскій Императоръ ставится, слѣдовательно, въ такое положеніе что если г. Финляндецъ статсъ-секретарь не соблагоизволитъ, то Его Монаршая подпись и воля безсильны. Только чрезъ этого Финляндца—если онъ пожелаетъ—можетъ Русскій Самодержецъ объявить Свою державную волю. Онъ не можетъ довѣрить и Своему въ краѣ главному начальнику, генералъ-губернатору. Только Финляндецъ статсъ-секретарь—или Верховная Власть умолкаетъ. Такъ гласятъ кодификаторы.

На чемъ же, однако, основана эта удивительная статья? Вопервыхъ, на томъ же § 21 Формы Правленія, Русскими Государями не узаконенной, а вовторыхъ... *на практикѣ*.

Не вѣрите? Поглядите въ печатномъ проектѣ на страницу 7: тамъ, именно въ цитатѣ къ этому пункту, стоитъ слово *Praxis*...

Практику эту, конечно, сочинили сами Финляндцы статсъ-секретари: въ болѣе отдаленныхъ актахъ ея не было...

—

Но какъ же на дѣлѣ явились у Русскаго Престола финляндскіе статсъ-секретари?

Переписка по поводу Шведской войны 1808 года шла обычнымъ путемъ чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Туда же стали поступать разныя бумаги, которыми засыпали Русское правительство всякіе шведскіе выходцы. Такъ продолжалось до конца года. Но глава Министерства, графъ Румянцевъ, бывшій вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ въ Эрфуртѣ на свиданіи съ Наполеономъ и ведшій въ отношеніи Финляндіи вполнѣ русскую политику, остался при Наполеонѣ, между тѣмъ какъ Александръ Павловичъ возвратился въ Петербургъ. Съ нимъ вернулся и Сперанскій. Финляндскія дѣла докладывалъ товарищъ Румянцева по Министерству, графъ Салтыковъ, человѣкъ очень второстепенный. Императоръ Александръ нашелъ за лучшее передать ихъ Сперанскому, сумѣвшему за время путешествія пріобрѣсти особенное расположеніе Государя. Въ декабрѣ дѣйствительно Сперанскій, который былъ тогда товарищемъ министра Юстиціи, официально объявилъ о данномъ ему Высочайшемъ повелѣніи сноситься по дѣламъ новопокоренной Финляндіи съ министрами и докладывать Его Величеству.

Такъ явился финляндскій статсъ-секретарь. Съ начала 1810 года Сперанскій вступилъ въ должность государственнаго секретаря, но сохранилъ попрежнему завѣдываніе финляндскими дѣлами. Это было естественно и правильно, такъ какъ въ его же рукахъ были и общерусскіе интересы. У него былъ только помощникъ изъ Финляндцевъ, баронъ Ребиндеръ. Какіе были у перваго либеральные взгляды,—къ вопросу не относится. Мечтавшій о конституціи для Россіи, Сперанскій, подъ давленіемъ очевидно болѣе мощной силы, настоятельно запрещалъ на Боргоскомъ Сеймѣ говорить о конституціи для Финляндіи, и о ней дѣйствительно не было никакихъ офиціальныхъ, не только актовъ, но и разговоровъ. Это фактъ положительный.

Не имѣется, повторяю, никакихъ легальныхъ данныхъ для того чтобы къ финляндскому статсъ-секретарю пріурочивать шведскую конституцію, да еще, искажая ея смыслъ, обязывать Русскаго Государя брать этого чиновника изъ чистокровныхъ Финляндцевъ. Интрига—другое дѣло. По дѣламъ финляндскимъ, замаскированныя, подпольныя дѣйствія лежали въ основѣ всего. Интрига, въ которой, можно думать, участвовалъ Финляндецъ Армфельтъ, ненавидѣвшій Россію, но вкравшійся въ довѣріе Александра I, повалила Сперанскаго. На его мѣсто при финляндскихъ дѣлахъ естественно, особенно при внушеніяхъ того же Армфельта, сталъ помощникъ Сперанскаго, Ребиндеръ. Лихая пара Финляндцевъ, гдѣ только могла, бойко покатила подъ гору достоинство Россіи и ея интересы.

Но при чемъ же тутъ шведская конституція? И по какимъ законамъ вчерашней интригѣ обязательно должно быть предоставлено торжествовать и завтра?

***

3.

Еще шагъ; мы назадъ, они впередъ *.

Гельсингфорсъ, 9 (21) ноября 1888.

Статсъ-секретаріатъ Финляндскій, находящійся въ Петербургѣ, и его канцелярія составляютъ, въ сущности, одну изъ частей Собственной Его Величества Канцеляріи. Здѣшнія официальныя изданія такъ именно ихъ и называютъ Hans Majestät Keisarens Kansli för Finland, то-есть Канцелярія Его Величества Императора по финляндскимъ дѣламъ. При статсъ-секретаріатѣ состоитъ Комитетъ Финляндскихъ Дѣлъ. Подобные же статсъ-секретаріатъ, комитетъ и канцелярія были прежде и по дѣламъ Царства Польскаго.

На обязанности Комитета лежитъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ дѣлъ идущихъ на утвержденіе Верховной Власти; финляндскій министръ - статсъ - секретарь, предсѣдающій въ Комитетѣ, подноситъ эти дѣла Императору вмѣстѣ съ тѣми кои входятъ въ кругъ предметовъ личнаго его доклада. Такимъ образомъ въ канцеляріи статсъ-секретаріата сходятся всѣ важнѣйшія дѣла по Финляндіи. Кстати скажу что Комитетъ Финляндскихъ Дѣлъ состоитъ изъ статсъ-секретаря и его помощника, обоихъ Финляндцевъ; изъ двухъ членовъ командируемыхъ на три года отъ Гельсингфорсскаго Сената, также чистокровныхъ Финляндцевъ (теперь г. Океръ-Бломъ и извѣстный изъ прежнихъ моихъ писемъ г. Монгоммери); наконецъ, есть еще одинъ русскій членъ, равный по праву голоса съ финляндскими сотоварищами. Этотъ послѣдній не имѣетъ никакого иного официальнаго положенія и прямо зависитъ отъ благорасположенія статсъ-секретаря: его утвержденіе также возобновляется каждые три года, съ тою только разницей что финляндскіе члены-сенаторы возвращаются изъ состава Комитета на готовыя мѣста въ свой Сенатъ и сохраняютъ оклады, а русскій членъ, въ случаѣ неутвержденія, остается между небомъ и землей, и безъ мѣста, и безъ оклада. Предоставляю судить, не касаясь личности нынѣшняго русскаго члена, насколько вообще можно проявить независимости и значенія при такомъ положеніи. Это, впрочемъ,

* *Московскія Вѣдомости* 1888 года, № 319.

мимоходомъ; какъ одна изъ тысячи иллюстрацій къ финляндскимъ дѣламъ установившимся при статсъ-секретаряхъ Финляндцахъ.

При Сперанскомъ ничего подобнаго не было: изъ четырехъ членовъ двое были Русскіе и двое Финляндцы; предсѣдатель былъ Русскій.

Дѣла Комитета также ведутся въ упомянутой канцеляріи. Нѣтъ надобности говорить что всѣ старшіе ея чиновники Финляндцы: исключеніе сдѣлано только для двухъ канцеляристовъ, и то, впрочемъ, младшихъ, и для одного копіиста; эти господа носятъ русскія фамиліи.

Но, помимо состава Комитета или канцеляріи, очевидно что въ этой послѣдней сосредоточивается производство дѣлъ наибольшей важности, удостоиваемыхъ разсмотрѣнія Русскаго Монарха, притомъ дѣлъ касающихся не только Финляндіи, но и Россіи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда трактуются интересы общіе или высшаго государственнаго порядка. Изъ этихъ дѣлъ, и главнымъ образомъ только изъ нихъ, можно почерпнуть вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ Имперіи и ея автономной провинціи.

И что же? Въ недавнее время архивъ Финляндскаго статсъ-секретаріата перемѣстился сюда, въ Гельсингфорсскій главный, именуемый статсъ-архивъ. Какъ могло случиться что архивъ, заключающій дѣлопроизводство собственной канцеляріи Русскихъ Государей, увезенъ изъ русской столицы? Это представляло бы загадку, еслибы всѣ финляндскія дѣла не представляли одной сплошной загадки, легко, впрочемъ, разрѣшимой, лишь только овладѣть ключемъ къ ней.

Покойный статсъ-секретарь Брунъ довольно наивно мотивировалъ это удивительное перемѣщеніе (оно состоялось незадолго до его смерти) тѣснотой дома статсъ-секретаріата. Домъ, дѣйствительно, менѣе грандіозенъ чѣмъ стоящій рядомъ домъ бывшаго статсъ-секретаріата Царства Польскаго, однако трехъэтажный и, на взглядъ, не кажется малымъ: представительная квартира финляндскаго министра, на двѣ половины, занимаетъ цѣлый этажъ.

Но допустивъ даже тѣсноту дома, казалось бы, прежде всего, что значительной части увезенныхъ нынѣ въ Гельсингфорсъ дѣлъ и бумагъ мѣсто не здѣсь, а въ Петербургскомъ Государственномъ хранилищѣ. Въ архивѣ статсъ-секретаріата находилась вся переписка Сперанскаго, перваго статсъ-секретаря Финляндіи; переписка о первоначальной организаціи русской власти въ этомъ краѣ, вслѣдъ за его покореніемъ; тамъ была переписка о Боргоскомъ Сеймѣ, которому Финляндцы-сепаратисты даютъ значеніе народнаго финскаго представительства договорившагося будто бы съ императоромъ Александромъ I насчетъ „государственной“ самостоятельности Финляндіи. Въ бумагахъ Сперанскаго заключаются несомнѣнныя доказательства того что эти толкованія ложь, что ни договора не было, ни тѣни государственности, ниже конституціи, не было предоставлено Финляндіи. Людямъ ближе интересующимся все это было извѣстно еще съ тѣхъ временъ когда бумаги Сперанскаго не были розданы по архивамъ разныхъ вѣдомствъ сообразно ихъ содержанію, а въ томъ числѣ и въ Финляндскій статсъ-секретаріатъ. Всѣ вѣдомства были въ Петербургѣ, и раздача бумагъ на ихъ храненіе была естественна. Но очень сомнительно чтобы въ свое время могла быть допущена даже мысль объ отсылкѣ бумагъ рускаго государственнаго человѣка по дѣламъ важнаго русскаго государственнаго интереса—куда?—въ окраинный городъ, гдѣ онѣ могутъ подвергнуться всякимъ случайностямъ.

Теперь здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, Финляндцы являются безусловными хозяевами въ документахъ государственнаго значенія для Россіи; въ то время когда доступъ къ нимъ для русскихъ людей дѣлается рѣшительно невозможнымъ (это извѣстно изъ опыта), разные изслѣдователи изъ Финляндцевъ будутъ ими широко пользоваться; при пользованіи, документы могутъ пострадать или и вовсе утратиться. Послѣднее для сепаратистовъ было бы, конечно, не непріятно; для насъ же, Русскихъ, результатомъ такихъ случайностей будетъ окончательная утрата всякихъ слѣ-

довъ для упроченія истины въ дѣлѣ законныхъ отношеній Россіи къ ея финляндской окраинѣ.

Извѣстно что многіе старинные документы, опредѣлявшіе русскія права въ дѣлахъ со Швеціей, сгорѣли въ Выборгѣ. Недавнія изслѣдованія показали также съ полною очевидностію что Шведы завѣдомо утаивали пограничные акты. Финляндцы всему поучаются отъ Швеціи; они, конечно, научились и этому искусству. Неужели не будетъ принято мѣръ къ исправленію ошибки явившейся послѣдствіемъ новѣйшаго, довольно ловкаго шага Финляндцевъ на пути мирнаго, хотя и не особенно доблестнаго отвоеванія ихъ края отъ Россіи?

—

Не могу кончить письма не сообщивъ характернаго слуха идущаго изъ финляндскихъ источниковъ.

Гладстонъ, вѣроятно, въ виду своихъ ирландскихъ проектовъ, обратился къ нашему послу за свѣдѣніями объ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи. Посолъ отнесся по начальству, и наше центральное дипломатическое вѣдомство будто бы не нашло ничего другаго сдѣлать какъ послать знаменитому Англичанину извѣстную книжку г. Мехелина, въ которой доказывается государственная самостоятельность Финляндіи.

Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изданъ русскій переводъ этой книжки *(Конституція Финляндіи)*; изъ русскихъ примѣчаній переводчика, хотя и не многочисленныхъ, явствуетъ ложь лежащая въ основѣ тенденціи гг. Мехелиновъ и К°. Большинство русской печати отнеслось съ негодованіемъ къ этой лжи прикрытой маской науки. И вотъ Финляндцы съ самодовольствомъ и насмѣшкой преподносятъ намъ теперь что всѣ эти русскія патріотическія заботы — круглый нуль, что само наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ ихъ игнорируетъ, а посылаетъ къ свѣдѣнію Европы ихъ же, Финляндцевъ, сочиненія.

Правда ли это, или только злая иронія?

***

4.

Финляндское чиновничество. *

Гельсингфорсъ, 6 (18) декабря.

Россія слыветъ за страну чиновничества; въ той же Россіи считается какъ бы обязательнымъ преклоняться предъ финляндскою администраціей какъ предъ образцомъ простоты и бережливости. Не мѣшаетъ поближе поглядѣть на этотъ образецъ, хотя бы съ наружной его стороны.

Въ Финляндіи, по свѣдѣніямъ за 1886 годъ, числится всего 2.232.000 жителей обоего пола. Многія русскія губерніи имѣютъ такую же, или еще большую цифру населенія. Въ Самарской, Саратовской, Подольской, Курской — отъ 2.200.000 до 2.300.000 жителей въ каждой; въ Воронежской, Полтавской, Тамбовской—свыше 2.400.000; Пермская, Кіевская превышаютъ 2.500.000, въ Вятской болѣе даже 2.700.000.

Изъ кого состоитъ управленіе каждой изъ этихъ губерній? Не говоря о земствѣ и сословныхъ учрежденіяхъ, коимъ въ Финляндіи болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ общинныя и также сословныя установленія, управленіе русской губерніи состоитъ изъ губернатора съ канцеляріей, вице-губернатора, губернскаго правленія съ отдѣленіями строительнымъ, врачебнымъ и съ губернскою чертежной. Здѣсь 40—50 чиновниковъ, не считая, конечно, низшихъ служащихъ. Казенная палата,

* *Московскія Вѣдомости* 1888 года, № 345.

казначейство, акцизное управленіе, контрольная палата, управленіе государственныхъ имуществъ, почтово-телеграфное,—въ нихъ 70, 80, скажемъ 100 чиновниковъ. Уѣздныя управленія съ исправниками, становыми приставами, казначеями, врачами, землемѣрами и пр., человѣкъ 10—12 на уѣздъ. Въ Пермской губерніи, напримѣръ, наиболѣе подходящей къ Финляндіи по численности населенія, отчасти по пространству и по нѣкоторымъ другимъ условіямъ, при двѣнадцати уѣздахъ, имѣется съ небольшимъ 100 уѣздныхъ чиновниковъ. Судебныя учрежденія въ ней представляются главнымъ образомъ двумя окружными судами, Пермскимъ и Екатеринбургскимъ, съ составомъ до 110 лицъ, въ томъ числѣ едва ли не на половину судебныхъ слѣдователей. Причисляя еще учебную, горную, епархіальную и другія части, можно довольно вѣрно утверждать что цифра 500 съ избыткомъ опредѣлитъ число чиновниковъ губерніи.

Что же представляетъ собою Финляндія, съ числомъ жителей меньшимъ, какъ сказано, на 300.000 или 13% противъ названной губерніи?

Въ ней:

Генералъ-губернаторское управленіе въ составѣ не менѣе 18 лицъ.

Статсъ-секретаріатъ, съ канцеляріей, 21 лицо.

Финляндскій Сенатъ, съ прокуроромъ и тоже съ канцеляріей, 105 лицъ.

Разныя, такъ-называемыя, *главныя* управленія: статсъ-контора, медицинское, почтовое, таможенное, межевое, лѣсное, путей сообщенія и, особо, публичныхъ зданій, желѣзныхъ дорогъ, также особо, по дѣламъ печати, тюремное, пенсіонное и другія—всего не менѣе 350 чиновниковъ.

Итакъ *общее* управленіе Финляндіи представляетъ цифру около 500 чиновниковъ, также не считая низшихъ служащихъ.

Но Финляндія дѣлится еще на *восемь* губерній, которыя по численности населенія болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ русскимъ уѣздамъ. Каждая имѣетъ своего губернатора въ генеральскомъ чинѣ, помощника его, камерира съ помощниками, губернскаго казначея, тоже съ помощниками, губернскихъ бухгалтеровъ, инспекторовъ казенныхъ имѣній, магазиновъ, коронныхъ фохтовъ, городскихъ (окружныхъ) секретарей, ленсмановъ (въ родѣ становыхъ приставовъ) и пр. Всѣхъ этихъ чиновниковъ на 8 губерній, какъ видно изъ списковъ, приходится до 550.

Судебная часть, просвѣщеніе и пр. сюда не входятъ. Первая, кромѣ Сената, отдѣленіе коего составляетъ высшую инстанцію, представлено: тремя гофгерихтами—въ Або, Вазѣ и Выборгѣ (вторая инстанція), въ нихъ до 115 чиновниковъ, и герадскими или окружными судьями (низшая инстанція) въ числѣ 61.

Въ городовыхъ управленіяхъ, въ видѣ бургомистровъ и членовъ магистрата, несущихъ какъ полицейскія, такъ и судебныя обязанности, состоитъ до 400 должностныхъ лицъ.

Не продолжая далѣе подробнаго перечета по разнымъ вѣдомствамъ, скажу что по финляндскому статсъ-календарю, не считая духовенства, показано до 4.000 чиновниковъ разныхъ наименованій. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ Пермской губерніи 1 чиновникъ приходится на 5.000 жителей, въ Финляндіи одинъ—на 560 человѣкъ.

Но, скажутъ, здѣсь не приняты въ соображеніе русскія центральныя управленія. Въ такомъ случаѣ возьмемъ всю Россію, а не одну губернію. По адресъ-календарю 1887 года, въ ней значится всего до 36.000 чиновъ, въ томъ числѣ дворъ, гвардія и т. д., которыхъ въ Финляндіи пока, кромѣ одного баталіона, еще нѣтъ. Принимая населеніе Россіи всего только во 100 милліоновъ, одинъ чиновникъ приходится на 2.750 жителей.

Итакъ 560 и 2.750; другими словами, въ Финляндіи чиновниковъ, сравнительно, *въ пять разъ больше* чѣмъ въ Имперіи.

И что же? Финляндцы находятъ что имъ и этихъ чиновниковъ все-таки мало: Сеймомъ возбуждено ходатайство объ учрежденіи еще новыхъ губерній... Охотниковъ пристроиться къ казенному

содержанію, какъ видно, довольно въ этомъ благословенномъ краѣ.

—

Но если чиновниковъ здѣсь такъ много, то по крайней мѣрѣ всѣ насущныя потребности обывателей вполнѣ удовлетворены? Ничуть. Полиція и судъ стоятъ къ обывателю наиближе. Но въ уѣздахъ или приходахъ, гдѣ разсѣяно громадное большинство населенія, полиціи вовсе нѣтъ. 260 ленсмановъ составляютъ все. Панегиристы Финляндіи увидятъ въ этомъ, конечно, высшую ей похвалу: страна цивилизованная существуетъ безъ полиціи. Но надо пожить на мѣстѣ, не въ видѣ туриста или мимолетнаго петербургскаго дачника, а прочнымъ мѣстнымъ жителемъ, съ хозяйствомъ, и тогда вы узнаете что̀ значитъ отсутствіе полиціи. Пожалуй еще въ глуши все тихо и смирно; но лишь только прошла желѣзная дорога, усилилось движеніе, то и въ Финляндіи все надо держать на запорѣ. Мало того, и лѣсъ вашъ рубятъ, и луга и поля ваши травятъ, и въ работѣ обманываютъ, и деньги забираютъ безъ отдачи. Вотъ тутъ-то и нужна полиція,—а ея нѣтъ. Въ иныхъ мѣстахъ, особенно въ Выборгской губерніи, тысячъ на 40—50 жителей, да на сотни верстъ—одинъ ленсманъ, и никого больше. Поэтому множество мелкихъ преступленій остаются вовсе нераскрытыми. И несмотря на то, въ финляндскія тюрьмы все-таки поступаетъ болѣе 8.000 человѣкъ въ годъ. Цифра для образцовой страны весьма немалая: изъ 280 жителей—одинъ идетъ въ тюрьму.

Если въ Финляндіи нѣтъ полиціи, то суда, то-есть суда правильнаго и скораго, еще того менѣе. Гоффгерихты—вторая аппелляціонная инстанція—представляются, какъ извѣстно, 115 членами. Но пока еще до нихъ дойдетъ дѣло, всякому приходится, особенно при закоренѣломъ въ финскомъ простомъ народѣ сутяжничествѣ, имѣть дѣло съ низшими, такъ-называемыми герадскими судьями, а ихъ всего шестьдесятъ человѣкъ на всю Финляндію. Они замѣняютъ и мировыхъ судей, и окружные суды. О судебныхъ слѣдователяхъ нѣтъ и помину. За малымъ числомъ герадскихъ судей,—среднимъ числомъ одинъ на 4—5 тысячъ квадратныхъ верстъ,—они въ каждомъ изъ 3—4 участковъ своего района открываютъ разбирательство лишь два раза въ годъ, весной и осенью. Поэтому всякое, даже грошовое, дѣло тянется изъ года въ годъ: то одна сторона желаетъ выставить новыхъ свидѣтелей, то другая. Возобновлять съ ними разсмотрѣніе въ ту же сессію уже нельзя. Этотъ же герадскій судья вѣдаетъ и дѣла нотаріальныя, и если вы не успѣли, напримѣръ, снять запрещеніе съ вашего имѣнія въ весеннемъ судѣ, то ужь и не можете этого сдѣлать до осенняго. Судьи въ Финляндіи, къ тому же, не смѣняемы, какъ и вообще чиновники; и вотъ, при такихъ-то условіяхъ, вамъ нужно имѣть дѣло съ людьми старыми, апатичными: третьей части герадскихъ судей за шестьдесятъ лѣтъ, а есть и такіе которымъ близко къ восьмидесяти.

Весь центръ тяжести многочисленнаго финляндскаго чиновничества лежитъ, слѣдовательно, въ именуемыхъ *главныхъ* управленіяхъ: въ нихъ и служить, и жить привольнѣе. И главныя управленія все растутъ. Только-что учредили никуда ненужнаго инспектора призрѣнія бѣдныхъ. Предъ тѣмъ, въ этомъ же году, дополненъ штатъ главнаго почтоваго управленія; въ немъ (то-есть, по-русски, въ губернской почтовой конторѣ) теперь уже 26 штатныхъ чиновниковъ, съ главнымъ директоромъ получающимъ 13.500 марокъ содержанія (5.500 р.). Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, что оно даетъ большой доходъ: на почтовое управленіе тратится въ Финляндіи 1.264.000 марокъ въ годъ, а почтовыхъ сборовъ поступаетъ всего 1.100.000 марокъ.

Въ числѣ главныхъ управленій есть также „монетное учрежденіе“, то-есть монетный дворъ въ лицѣ директора, его помощника и т. п.; оно обходится ежегодно въ 33.700 марокъ. Изъ отчетовъ видно что это „учрежденіе“ въ 1884 году начеканило всего-на-все 400.000 штукъ мѣдной монеты по 1 пенни ($^1/_4$ коп.), на сумму 4.000 марокъ; въ 1885 и 1886 годахъ оно уже *ничего* не чеканило. Итого монетное учрежденіе за три года обошлось казнѣ во

101.000 марокъ, а наработало на 4.000 марокъ. Оно не выгодно, но нужно для того чтобы быть „государствомъ“ со своею монетой, а дефициты есть чѣмъ покрыть: на то „таможенные“ сборы, которые матушка Русь безропотно платитъ Финляндіи и по вывозу, и по ввозу... Таможенныхъ сборовъ поступаетъ въ финскую казну 12 милліоновъ въ годъ; ими-то и живетъ, и множится многотысячное финляндское чиновничество.

Однако, предъ чѣмъ же тутъ особенно преклоняться?

***

1889 годъ.

Гельсингфорсскія корреспонденціи „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

5.

Финляндское чиновничество.*

Гельсингфорсъ, 23 декабря.

Ознакомясь съ многочисленностію финляндскихъ чиновниковъ,** не лишне бросить взглядъ на ихъ научное образованіе.

Чиновники здѣсь большая сила: они ведутъ борьбу съ Россіей — и берутъ верхъ; издѣваются надъ ея правами — и никто не шевельнется ихъ обуздать; толкуютъ по-своему исторію — и наше ученое сословіе не обмолвится ни однимъ словомъ критики. Конечно, только своя финляндская наука, пропитавшая самыя стѣны Гельсингфорсскаго университета ненавистью къ Россіи, могла вселить въ слугъ правительства такой духъ противленія и даже презрѣнія. Необразованнымъ людямъ оно не подъ силу.

Но такъ ли это? И дѣйствительно ли наука, хотя бы спеціально финляндская, лежитъ въ корнѣ зла? Беру офиціальные списки.

Печать, напримѣръ. За нею финляндское „правительство“ наблюдаетъ строго; его „главное управленіе по дѣламъ печати“ состоитъ не менѣе какъ изъ 32 чиновниковъ. И что же? Изъ 32 — *только пятеро* прошли университетскую школу. Въ самомъ руководящемъ печатью высшемъ учрежденіи, въ комитетѣ главнаго управленія, ни предсѣдатель, ни члены (кстати: одному 66, другому 80 лѣтъ) высшей школы не проходили. Только одинъ старшій чиновникъ имѣетъ дипломъ магистра философіи, но ему тоже 70 уже лѣтъ. Впрочемъ, недавно въ петербургскихъ газетахъ совершенно вѣрно было разказано что такое гельсингфорсскіе магистры. Но ближайшіе органы управленія печатью? Въ Гельсингфорсѣ, Або, Выборгѣ, гдѣ политическая печать сравнительно очень развита, кто цензоры? Въ Гельсингфорсѣ трое: одинъ — съ чиномъ регистратора, другой — канцелярскій чиновникъ, третій — никакого званія не имѣетъ, а Финляндцы непремѣнно

---

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 4. Нѣкоторыя поясненія и дополненія къ этой корреспонденціи см. ниже, вопервыхъ, въ статьѣ „Какова сила финляндскаго чиновничества“, стр. 69—72, вовторыхъ, въ статьѣ „Нѣчто по поводу *Записки* графа Гейдена“, стр. 115—120.

** См. выше, стр. 61—64.

выставляютъ на показъ всѣ свои званія. Въ Або цензора: почтовый экспедиторъ и учитель школы глухонѣмыхъ. Въ Выборгѣ — нѣкій губернскій контористъ. Другихъ нѣтъ, такъ же какъ нѣтъ помину о томъ чтобы хотя одинъ изъ этихъ господъ, судей надъ мыслью и словомъ, былъ въ университетѣ.

И вотъ, подъ глазами этого „главнаго управленія“, свободно плодится самая ярая оппозиція не только Русскому народу, но и Русскому правительству. Примѣры клеветы я приводилъ раньше. Теперь появилась еще новая газета, съ цѣлію которая говоритъ сама за себя. Шведская партія, всегда стоявшая во главѣ вражды къ Россіи, чувствовала себя не довольно сильною, такъ какъ шведскій языкъ непонятенъ преобладающей массѣ простаго Финскаго народа. Поэтому партія, нѣсколько поступясь убѣжденіями насчетъ языка, взялась издавать свой органъ и по-фински, подъ названіемъ *Новости Дня*. Въ немъ разлагающее противорусское направленіе прямо устремлено на все, еще не тронутое политикой, многочисленное финское простонародье. Вмѣстѣ съ *Исторіей Финляндіи*, сочиненія мѣстнаго сенатора Коскинена, въ которой, помощью подтасовки фактовъ и умолчаній, Финляндія изображается совершенно независимымъ отъ Россіи государствомъ (и эта исторія, замѣтьте, пріобрѣтена въ національную финляндскую собственность!); вмѣстѣ съ такою исторіей новая газета достигнетъ, конечно, всѣхъ успѣховъ желаемыхъ ея основателями. Тогда, можетъ-быть, и либеральныя, ничего не желающія знать и видѣть, петербургскія канцеляріи спохватятся, да будетъ поздно. Придется, пожалуй, взяться за пушки, только хорошо ли это? А финляндское „главное управленіе“, между тѣмъ, съ подначальными регистраторами и контористами, радостно потираетъ свои старческія руки, утѣшаясь результатами своей честной финляндской службы, за которую щедро награждается русскими орденами, и даже легендарною „пряжкой“, знакомъ отличія продолжительной безпорочной службы Россіи.

Но если не администрація, то судъ финляндскій, конечно, состоитъ изъ научно-образованныхъ юристовъ? Даже въ „варварской“ для этихъ господъ Россіи почти обязательно чтобы не только старшіе, но и второстепенные судебные чины были не иначе какъ съ высшимъ образованіемъ. Вѣдь не даромъ, конечно, финляндскіе законовѣды даже слышать не хотятъ о русскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, хотя бы для его критики. Нынѣшній годъ на Сеймѣ окончательно принятъ финляндскій уголовный кодексъ, въ которомъ нѣтъ и тѣни согласованія съ законами Русскаго государства. * За то въ немъ есть, напримѣръ, такое постановленіе: Финляндецъ совершившій преступленіе на финляндскомъ кораблѣ, хотя бы на Невѣ у набережной Васильевскаго острова, судится по финскимъ законамъ. Чего желать больше? Civis Romanus, или что то же, civis Finniae sum! Такой спѣси, не признающей даже международнаго права, такого нахальства финляндскіе чиновники могли набраться только съ гельсингфорскихъ каѳедръ.

И, однако, опять нѣтъ. Вотъ цифры. *Изъ 60* герадскихъ судей, исполняющихъ, какъ извѣстно, весьма важныя обязанности нашихъ окружныхъ судовъ, университетскую школу прошли—*только трое*. Одинъ изъ этихъ троихъ 73лѣтній старецъ, слѣдовательно внѣ кадровъ; остаются 2 научно-образованные судьи на 60...

Во второй инстанціи, въ гофгерихтахъ: въ Выборгскомъ, на 47 чиновъ,—университетскихъ только 6; въ Або-скомъ, на 43—два, въ Вазаскомъ, на 28—ни одного. Все прочее—дѣльцы практики, по-просту крючкотворы. Предсѣдатели и вице-предсѣдатели—всѣ изъ этой среды, университетскихъ нѣтъ. Изъ 18 членовъ, 17 тоже не университетскіе. Такія цифры кажутся сомнительными; но онѣ въ точности основаны на офиціальномъ изданіи Гельсингфорскаго университета.

---

* Кодексъ этотъ, *Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго* объявленъ получившимъ силу закона 19 (7) декабря 1889 года и долженъ вступить въ дѣйствіе съ 1 января 1891 года. См. № 39 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1889 годъ.

Наконецъ, въ высшей инстанціи, въ Сенатѣ. Порядки въ немъ старинные, и секретари играютъ роль. На 29 секретарей—20, то-есть болѣе двухъ третей, высшаго образованія также не получили. Только между сенаторами оно оказывается въ приличной пропорціи: изъ 22—10 носятъ разныя, преимущественно высшія, университетскія степени. Наши знакомые, гг. Мехелинъ, Монгомери, Коскиненъ, всѣ доктора: первые двое права, даже двухъ правъ, juris utriusque; послѣдній—исторіи и философіи. Какъ онъ философствуетъ въ исторіи—упомянуто выше. Есть еще въ Сенатѣ трое-четверо военныхъ генераловъ русскаго генеральнаго штаба, конечно, изъ Финляндцевъ. Они, очевидно, умѣютъ справляться съ тѣмъ чтобъ и носить этотъ почетный русскій мундиръ, и подписываться подъ рѣшеніями прямо враждебными русскому государственному достоинству и значенію...

Вотъ каково финляндское чиновничество. Десятокъ-другой образованныхъ коноводовъ и четыре тысячи не образованныхъ, но строго дисциплинованныхъ исполнителей мирно вытѣсняютъ матушку Русь изъ ея кровнаго достоянія. Они сплошною стѣной стоятъ противъ Россіи, и она предъ ними отступаетъ.

И сквозь такую-то непроницаемую стѣну смотритъ на дѣла управленія генералъ-губернаторъ Финляндіи, *единственный* въ краѣ русскій чиновникъ или сановникъ. Во что вырождаются его самыя даже лучшія намѣренія, не будемъ говорить. Но прежде было иначе, и на видныхъ даже мѣстахъ встрѣчались чисто русскія имена. Сила русской власти тоже несомнѣнно чувствовалась, и Русскимъ людямъ жилось легче.

***

6.

Какова сила Финляндскаго чиновничества. *

Гельсингфорсъ, 26 января.

Настоящее письмо мое будетъ объяснительнымъ или, пожалуй, оправдательнымъ. По поводу моей послѣдней корреспонденціи ** мнѣ дѣлаютъ изъ Петербурга два замѣчанія: вопервыхъ, что свѣдѣнія мои насчетъ малаго числа людей университетски образованныхъ въ финляндскомъ чиновничествѣ будто бы невѣрны, и вовторыхъ, неправильно де мнѣніе, мнѣ приписываемое, о генералъ-губернаторской дѣятельности.

По первому пункту мои объясненія будутъ кратки: я основывался въ точности на *Finlands Stats-Kalender*, официальномъ изданіи Гельсингфорскаго университета, печатаемомъ съ Высочайшаго соизволенія. Не думаю чтобъ это изданіе страдало невѣрностію; во всякомъ случаѣ, не моя вина если изданіе, столь серіозно поставленное, сообщаетъ неточныя свѣдѣнія. Кому же какъ не университету вѣрить въ томъ что касается именно университета? Мнѣ, впрочемъ, не указано фактическихъ неточностей, а выражено предположеніе что я бралъ въ разчетъ только высшія ученыя степени. Нѣтъ, у меня сосчитаны всѣ степени и званія. Такъ, напримѣръ, я писалъ что въ числѣ 29 секретарей канцеляріи Финляндскаго Сената (референдаріевъ и протокольныхъ) только 9 университетскихъ. Повторяю: такъ оно и значится, и въ числѣ девяти—7 кандидатовъ правъ, 1 кандидатъ богословія

---

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 36. Нѣкоторыя поясненія и дополненія къ этой корреспонденціи см. ниже, въ статьѣ „нѣчто по поводу *Записки* графа Гейдена", стр. 115—120.

** См. выше, стр. 67—69.

и 1 магистръ философіи. То же и въ отношеніи другихъ учрежденій.

Гораздо существеннѣе второе замѣчаніе. Мною сказано было о генералъ-губернаторѣ:

„Во что выраждаются его, самыя даже лучшія, намѣренія, не буду говорить. Но прежде было иначе, и на видныхъ даже мѣстахъ встрѣчались чисто русскія имена. Сила русской власти несомнѣнно чувствовалась.“

Эти слова были истолкованы въ Петербургѣ въ смыслѣ какъ бы укора нынѣшнему генералъ-губернатору. Ничто не можетъ быть дальше отъ истины какъ это предположеніе. Графа Ѳ. Л. Гейдена никто не заподозритъ въ пренебреженіи русскими интересами, а заботы его о поддержкѣ въ краѣ православія, объ обезпеченіи русскаго духовенства, о водвореніи по возможности русской школы и т. п.,—вызываютъ со стороны русскихъ людей искреннюю признательность.

Рѣчь тутъ не о генералъ-губернаторѣ лично, и не о послѣднихъ только годахъ, а вообще о положеніи этого русскаго сановника, притомъ за періодъ времени много большій. Значеніе и сила русскаго начальника Финляндіи стали уменьшаться по мѣрѣ того какъ начали возрастать значеніе и сила финляндскихъ: министра-статсъ-секретаря и Сената.

Въ свое время, генералъ-губернаторъ Закревскій объявилъ Сенату нѣсколько Высочайшихъ повелѣній. Сенатъ вздумалъ возражать противъ порядка ихъ объявленія, то-есть непосредственно отъ Закревскаго, а не чрезъ статсъ-секретаря Финляндца. Кончилось дѣло тѣмъ что императоръ Николай упразднилъ Финляндскій Комитетъ при статсъ-секретаріатѣ, мирволившій Сенату, а вице-президентъ сената Маннергеймъ былъ уволенъ отъ службы.

Послѣдующій генералъ-губернаторъ, князь Меншиковъ, также не прибѣгалъ къ посредству статсъ-секретаря въ сношеніяхъ съ Государемъ. Онъ лично докладывалъ о финляндскихъ дѣлахъ и полученныя повелѣнія сообщалъ статсъ-секретарю Армфельту, предоставляя ему удовольствіе передать ихъ себѣ официально.

Но съ наступленіемъ прошлаго царствованія, графъ Армфельтъ постепенно перетянулъ все вліяніе въ финляндскихъ дѣлахъ на сторону статсъ-секретаріата и Сената, а генералъ-губернаторъ сталъ отходить на второй планъ.

Довольно одного примѣра. Когда наступило въ Россіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, лихорадочное реформенное время, Армфельтъ пустилъ въ ходъ, помимо генералъ-губернатора, ни больше, ни меньше какъ проектъ изданія для Финляндіи полной, отдѣльной отъ Россіи конституціи. Онъ не только самолично возбудилъ это первостепенной важности дѣло, но достигъ даже утвержденія Государемъ предварительныхъ программъ.

Финляндскіе сенаторы помогали Армфельту своимъ сотрудничествомъ такъ ловко что генералъ-губернаторъ Рокасовскій узналъ о готовившемся въ его краѣ переворотѣ когда программы были уже утверждены,—и узналъ только по частному письму изъ одной изъ русскихъ губерній. Когда онъ пожелалъ ознакомиться съ проектомъ по бумагамъ сенатской канцеляріи, то ему, главному начальнику края, именуемому предсѣдателемъ Сената, было въ томъ отказано. Пришлось испрашивать особое Высочайшее повелѣніе чтобы показали бумаги. Вотъ какъ умѣютъ Финляндцы вести свои дѣла!

Рокасовскій началъ дѣйствовать и, въ секретномъ письмѣ Государю, раскрылъ поступки главнѣйшихъ коноводовъ. Но письмо сдѣлалось извѣстнымъ Армфельту, который получилъ возможность представить дѣло такъ, что виноватымъ остался Рокасовскій. Послѣ совѣщанія у Государя, на которомъ состязались оба представителя власти въ Финляндіи, дѣло кончилось тѣмъ что проектъ конституціи остался безъ дальнѣйшихъ, послѣдствій, но Рокасовскій поплатился мѣстомъ генералъ-губернатора.

Разставаясь, Армфельтъ имѣлъ возможность со злою иронією сказать ему: „Eh bien, mon général! vous partez, et moi—je reste!“ *

* Къ участію въ совѣщаніи были приглашены покойные кн. Горчаковъ и гр. Блу-

Когда, такимъ образомъ, благодаря самопожертвованію Рокасовскаго, финляндская конституція не состоялась, Армфельтъ и Гельсингфорсскій Сенатъ стали думать о томъ какъ бы поправить неудачу. Обстоятельства помогли, благо тѣмъ временемъ предоставлено было созывать финляндскіе сеймы, безъ которыхъ до того цѣлыя 55 лѣтъ благополучно жила и росла эта Русская окраина. Армфельтъ съ К° ухватились за благовидную мысль изданія сеймоваго устава. Изъ простаго регламента, опредѣляющаго внутренній распорядокъ занятій земскихъ чиновъ, финляндскіе чиновники сдѣлали политическій актъ, въ которомъ, далеко выходя изъ границъ предмета, достигли по нѣкоторымъ вопросамъ ограниченія Верховной Власти, много бо́льшаго сравнительно съ тѣмъ что было при корояхъ Шведскихъ. Государь не могъ, конечно, входить во всѣ подробности многостатейнаго, но, въ сущности, второстепеннаго устава, и утвердилъ его по довѣрію къ докладчику, тому же незабвенному Финляндцу, статсъ-секретарю Армфельту.

Но форма, въ которой это утвержденіе послѣдовало, представляетъ верхъ совершенства чиновничьей ловкости. Финляндцамъ давно и во что бы то ни стало хотѣлось добиться чего-нибудь въ родѣ договора съ Верховною Властью; но это съ самаго Боргоскаго Сейма не удавалось; всѣ ихъ подходы такъ или иначе встрѣчали противодѣйствіе въ русскихъ правительственныхъ сферахъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ выражалась воля и Императора Александра Николаевича: вступая на престолъ и давая, по примѣру отца и дяди, обѣщаніе Финляндцамъ сохранить ихъ привилегіи, онъ былъ настолько остороженъ что повелѣлъ, въ прежней формѣ манифеста объ этомъ, слова: „по конституціямъ ихъ“ (то-есть сословій) замѣнить словами „по учрежденіямъ ихъ“. Но теперь вышло иначе. Хитрый статсъ-секретарь со своими совѣтниками изловчился второстепенному акту, каковъ сеймовой уставъ, дать давно желанную форму договора. Въ этихъ видахъ, уставъ подписали четыре предводителя земскихъ сословій, а Государеву утвержденію придана форма какъ бы ратификаціи. Подносилъ къ подписанію тотъ же Армфельтъ, и подпись воспослѣдовала. Quasi-договоръ былъ налицо.

Финляндскіе чиновники пытались достичь еще новаго ограниченія Верховной Власти въ вопросѣ о правѣ иниціативы въ законодательныхъ дѣлахъ, и здѣсь, уже въ основномъ законѣ, провести ту же договорную форму. Это послѣднее имъ, однако, не удалось, но существо дѣла прошло.

По мѣрѣ того какъ разными путями, между которыми прямыхъ было наименѣе, финляндское чиновничество захватывало себѣ и краю разныя преимущества въ ущербъ Россіи, ихъ высшее административное учрежденіе, Сенатъ, именуемый Императорскимъ, не отставалъ въ самомнѣніи и заносчивости. Забывъ уроки временъ Закревскаго, онъ и его агенты не остановились предъ требованіемъ у Императорской Власти отчета въ Ея дѣйствіяхъ. Сенатъ сталъ уподоблять себя прежнему шведскому государственному совѣту, который дѣлалъ изъ королей что хотѣлъ. Весьма рельефно сказалось это въ вопросѣ о свободѣ печати, предложенномъ на разсмотрѣніе Сейма безъ предварительнаго обсужденія его въ Сенатѣ. Верховной Власти пришлось дать урокъ своему исполнительному органу и поставить его на свое мѣсто.

„Финляндскій Сенатъ до сихъ поръ“,— писалъ Императоръ Александръ Николаевичъ въ рескриптѣ генералъ-губернатору,—„никакимъ закономъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 года шведскаго государственнаго совѣта и, слѣдовательно, не могъ и не долженъ былъ, безъ особаго на то указанія, быть признаваемъ непремѣннымъ учрежденіемъ (какъ до 1789 года государственный совѣтъ) для обсужденія въ общемъ собраніи передаваемыхъ Государемъ Сейму предложеній.“

Рескриптъ былъ написанъ въ выраженіяхъ мягкихъ, потому что шелъ изъ-

---

довъ, но они, по словамъ самого Армфельта, не обмолвились ни однимъ словомъ въ поддержку Рокасовскаго, стоявшаго за права Россіи.

подъ пера Армфельта; но фактъ предъявленныхъ къ Императору претензій, такъ же какъ Его воли, остается несомнѣннымъ.

А что русскіе люди все болѣе и болѣе вытѣсняются, то это также вѣрно. Прежде въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ даже директоръ канцеляріи былъ изъ Русскихъ, съ русскимъ именемъ. Въ канцеляріи были два отдѣленія: одно русское, другое финляндское. Во главѣ перваго бывали тоже русскіе люди, напримѣръ, Путята. А теперь, не дальше какъ при недавно умершемъ статсъ-секретарѣ Брунѣ, русское отдѣленіе даже вовсе упразднили, и всѣ доклады Государю остаются вполнѣ въ рукахъ чистокровныхъ Финляндцевъ.

И все это дѣлается потихоньку, понемножку, совершенно незамѣтно, какъ незамѣтно и въ редакціи важнѣйшихъ даже бумагъ эти нерусскіе чиновники идутъ ко своимъ цѣлямъ. При надобности они оправдаются, конечно, недостаточнымъ знакомствомъ съ русскимъ языкомъ. Вотъ одинъ изъ свѣжихъ, но тѣмъ болѣе краснорѣчивыхъ образчиковъ.

Формула, въ которой объявляются новыя узаконенія въ Финляндіи, начинается обычными словами манифестовъ: „Мы, Божіею милостію“ и пр. Далѣе слѣдовало до сихъ поръ, смотря по тому какъ выходило узаконеніе, упоминаніе о томъ что оно состоялось „по представленію Нашего Финляндскаго Сената,“ или „по *всеподданнѣйшему представленію*“, „по *всеподданнѣйшей петиціи* земскихъ чиновъ“, то-есть, Сейма и т. д. Это практиковалось какъ въ эпоху самыхъ либеральныхъ вѣяній, такъ и въ послѣдніе годы. А въ концѣ истекшаго года, когда русское отдѣленіе канцеляріи статсъ-секретаріата, конечно за ненадобностію, оказалось упраздненнымъ, въ узаконеніяхъ оказалась такая невинная перемѣна изложенія:

„Мы, Божію милостію и пр... *Съ согласія земскихъ чиновъ* Высочайше постановляемъ“ и т. д.

Желающіе могутъ въ этомъ удостовѣриться въ №№ 37 и 38 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1888 годъ.

Какъ вамъ это нравится? Почеркомъ пера финляндскихъ чиновниковъ, русскій Самодержавный Императоръ поставленъ уже прямо *ниже* Финляндскаго Сейма, какъ инстанція дѣйствующая только съ его, Сейма, согласія...

Подъ этими знаменитыми въ своемъ родѣ узаконеніями не имѣется Высочайшей подписи, а значится обычная трехстрочная подпись:

„По собственному Его Императорскаго Величества опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ.“

Затѣмъ слѣдуютъ имена гг. сенаторовъ принявшихъ участіе въ изданіи узаконеній. Запишемъ эти имена для свѣдѣнія русскихъ читателей:

Пальменъ (вице-предсѣдатель), фонъ-Троилъ (гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества), фонъ-Альфтанъ и фонъ-Денъ (генералъ-лейтенанты русскаго генеральнаго штаба), Молландеръ (тайный совѣтникъ), Вазашерна, Седергольмъ, Бьеркстенъ, Лерхе, авъ Фростерусъ, Нюбергъ, Мехелинъ, Коскиненъ, Игнаціусъ, Сольманъ, Хорнборгъ, Стренгъ и Фельманъ; скрѣпа общаго референдарія—секретарь Бергелунда.

Такъ не былъ я правъ, говоря что при нынѣшнемъ положеніи финляндскому генералъ-губернатору, несмотря на самыя лучшія его намѣренія, нельзя бороться противъ мѣстнаго чиновничества? Реформа, реформа серіозная, притомъ реформа идущая не отъ такъ-называемаго финляндскаго правительства, а отъ русской дѣйствительной власти, необходима для того чтобы положить, наконецъ, предѣлъ безчинствамъ горсти чиновниковъ въ небольшой русской области.

***

7.

Радѣтели соглашенія съ Финляндіей. *

Гельсингфорсъ, 25 февраля.

Письма мои, въ которыхъ я пытаюсь понемногу знакомить читателей *Московскихъ Вѣдомостей* съ финляндскими дѣлами и съ нашимъ русскимъ въ нихъ безправіемъ, вызываютъ непріязнь здѣшней печати и чиновничества. Это естественно; но, казалось бы, какое основаніе къ тому, чтобъ эти письма встрѣчали то же и въ русскомъ обществѣ?

Между тѣмъ оказывается что въ Петербургѣ—и въ довольно высокихъ чиновничьихъ кружкахъ, и въ иныхъ довольно извѣстныхъ профессорскихъ сферахъ,—достается на мою долю не мало и осужденій, и насмѣшекъ: „Patriotisme du clocher! Квасной охранитель!“—И приговоръ мой подписанъ.

Что же?! Возражать не стану. Охотно признаю себя патріотомъ колокольни, положимъ, Ивана Великаго, этого памятника и эмблемы единаго Русскаго Государства, мощь котораго росла и крѣпла только благодаря единенію всѣхъ его частей подъ единою Самодержавною властью Русскихъ царей. Не отказываюсь и отъ кваснаго охранительства,—въ смыслѣ хотя бы кваса евангельскаго. „Малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ“, говоритъ Слово Божіе,—и это по истинѣ и въ точности примѣнимо къ дѣлу за которое я скорблю и посильно ратую. Надо блюсти себя отъ „кваса фарисейскаго“.

Почему петербургскимъ и инымъ противникамъ „охранителей“ такъ люба Финляндія съ ея quasi-конституціонными порядками? Будемъ говорить на чистоту. Потому-то что она именно и есть тотъ „малый квасъ“ который имъ надо оберегать всѣми правдами и кривдами, дабы онъ заквасилъ въ удобную минуту весь составъ нашего государственнаго тѣла. Когда закваска подѣйствуетъ, и громадное смѣшеніе забродитъ, тогда—чаютъ они—наступитъ блаженное время. По примѣру Финляндіи неизбѣжно потянутся Польша, Украйна, Балтійская окраина и т. д., и достигнется та завѣтная мечта о разчлененной, конфедеративной, ослабленной Россіи, какую полагалъ, какъ недавно разоблачилось, въ основу своихъ затаенныхъ желаній мимолетный носитель трескучаго девиза: Сила не въ силѣ, сила въ любви!

Бороться противъ подобныхъ, хотя бы и отдаленныхъ цѣлей, бороться противъ разрастанія самого „кваса“, не только долгъ, но и совѣсть повелѣваетъ—и я рѣшительно не отрекаюсь отъ моего кваснаго патріотизма и охранительства.

Но все это, въ сущности, довольно беззубая злоба. Гораздо хуже и ядовитѣе нѣчто иное, что, при всякихъ пересудахъ, съ видомъ скорби высказывается нѣкоторыми какъ бы авторитетными людьми. Меня винятъ въ томъ что я силюсь, будто бы, раздуть пражду между Русскимъ и Финскимъ народами, тогда какъ, по мнѣнію этихъ господъ, слѣдовало бы стараться о „примиреніи и соглашеніи“.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выженнымъ таврамъ...

Такія рѣчи напоминаютъ собою время лѣтъ за десять, за пятнадцать тому назадъ. Лишь только появлялось тогда на столбцахъ газеты что-нибудь не въ родѣ благоуханнаго фиміама Финляндіи и ея управителямъ, тотчасъ же изъ Гельсингфорса выставлялось пугало международной вражды, и на правдивые, но непріятные тамъ, голоса налагался

---

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 63. Нѣкоторыя поясненія и дополненія къ этой корреспонденціи см. чиже, въ статьѣ „Нѣчто по поводу *Записки* графа Гейдена“, стр. 115—120.

запретъ. Забота была тоже „о примиреніи и соглашеніи“,—и эта „бѣдная“ Финляндія обходила вовсе не богатую Россію рѣшительно во всемъ чего только желала. Не домогаются ли миротворцы такого же „veto“ и теперь?

Но позволительно спросить: гдѣ же сѣется вражда и рознь между народностями? О Финнахъ, какъ о народѣ, лишь изрѣдка, и то едва-едва упоминалось во всѣхъ моихъ письмахъ. За долгую жизнь мою среди этого народа я привыкъ цѣнить въ немъ его хорошія черты, и если не могу не признать Русскаго человѣка счастливѣе одареннымъ, болѣе пріятнымъ по характеру, болѣе теплымъ и отзывчивымъ по сердцу,—то охотно признаю за Финномъ его большую порядливость, выдержку, систематичность, даже долю добродушія, хотя и довольно холоднаго. Вездѣ есть какъ хорошіе, такъ и дурные люди.

Но я возстаю противъ большинства финской интеллигенціи и тамошняго чиновничества, мнящаго отдѣлиться въ особое отъ Россіи государство. Противъ ихъ хитрости, обходовъ, подлоговъ, злоупотребленія довѣріемъ,—упорно и, къ нашему несчастію, успѣшно направляемыхъ къ этой цѣли,—долженъ дѣйствовать всякій честный Русскій человѣкъ. Такъ повелѣваетъ присяга въ вѣрности Государю и Отечеству, любовь къ Нимъ и самая честь. На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Проявись такія чувства раньше и единодушнѣе, правительство было бы своевременнѣе и лучше освѣдомлено, и никакого финляндскаго вопроса не было бы. Но и теперь еще въ простомъ изложеніи дѣйствительныхъ фактовъ, раскрывающихъ упомянутые пріемы финляндскихъ дѣльцовъ, можетъ заключаться не малая сила,—а бывшая шведская провинція, по вѣрному слову Великой Екатерины, только предъ силой и преклоняется.

Кстати, припоминается и другое слово мудрой императрицы,—это по адресу рачителей о примиреніи и соглашеніи,—сказанное ею въ наставленіи князю Вяземскому, при назначеніи его генералъ-прокуроромъ. Рѣчь шла о провинціяхъ коимъ сохранены были привилегіи, въ томъ числѣ и о Финляндіи:

„Нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было“,—писала императрица:—„однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть болѣе нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупость.“

И представьте себѣ что въ самомъ Финскомъ народѣ,—говорю не о тысячѣ, другой чиновниковъ и именуемыхъ интеллигентовъ, благоденствующихъ на счетъ злоупотребленія правами Россіи, а о двухъ милліонахъ работающаго и довольно таки бѣдствующаго народа,—вы нерѣдко услышите голоса вполнѣ солидарные со мной. Они не только недовольны своимъ чиновничествомъ, но и прямо клянутъ свой Сенатъ и К°, высасывающіе изъ простаго народа послѣдніе соки. Одинъ этотъ Сенатъ стоитъ Финнамъ (и Россіи) ежегодно больше $1^1/_2$ милліона марокъ или франковъ. Не скрою что въ народѣ винится и Русское правительство, но пока еще не въ посягательствахъ на quasi-конституцію, о которой народъ имѣетъ очень смутное понятіе, а напротивъ въ ослабленіи чиновничеству—угнетающему народъ.

Въ то время когда въ Россіи упразднена подушная подать, съ потерей чуть ли не полсотни милліоновъ дохода, въ Финляндіи и жалкій бобыль обложенъ поголовною податью. Платежи крестьянами податей въ 20—25 руб. въ годъ,—кромѣ натуральныхъ еще повинностей,—дѣло обычное. Между тѣмъ аллодіальныя дворянскія имѣнія, во многія тысячи десятинъ, до послѣдняго времени не знали податей.

Нѣтъ, вражды противъ Финскаго народа Русскіе люди не питаютъ и не возбуждаютъ.

—

А пока что—въ администраціи Финляндіи произошла перемѣна двухъ видныхъ лицъ: оба получили другое назначеніе. Одинъ, шталмейстеръ Высочайшаго двора Тудеръ, Финляндецъ, выборгскій губернаторъ; замѣчателенъ тѣмъ что въ три года службы на этой должности изъ морскихъ капитановъ произведенъ въ полковники; затѣмъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники, потомъ въ шталмейстеры

Высочайшаго Двора, а теперь будетъ засѣдать въ качествѣ члена Гельсингфорскаго Сената, съ порученіемъ управлять экспедиціей, или, какъ выражаются Финляндцы, „портфелемъ министра“ Внутреннихъ Дѣлъ.

Другой—къ огорченію финляндскихъ Русскихъ людей, оставившій свою должность — комендантъ Выборгской крѣпости, генералъ-лейтенантъ М. Л. Духонинъ: онъ назначенъ начальникомъ дивизіи въ Орелъ. Финляндцы съ самодовольствомъ потираютъ руки, приписывая этому назначенію смыслъ ссылки за черезчуръ, по ихъ словамъ, усердную службу Россіи. Соратникъ покойнаго Скобелева, этотъ благородный и истинно Русскій человѣкъ дѣйствительно съ беззавѣтною любовью преданъ своему родному государству и не поступался его достоинствомъ. Генерала Духонина называли, поэтому, безпокойнымъ и неудобнымъ,—пріемъ извѣстный. Мы же сохранимъ о немъ самое теплое, самое признательное воспоминаніе.

Къ несчастію, нашъ, и безъ того малый, кружокъ русскихъ патріотовъ въ Финляндіи рѣдѣетъ все больше и больше. Это, конечно, на руку господамъ сепаратистамъ.

***

8.

„Съ согласія земскихъ чиновъ“ Финляндіи. *

Гельсингфорсъ, 28 марта.

Мѣсяца два назадъ, въ моей корреспонденціи ** упомянуто было о формулѣ въ которой финляндскіе сенаторы объявляютъ Высочайше утвержденныя постановленія состоявшіяся по сеймовымъ заключеніямъ: „*Съ согласія земскихъ чиновъ*, Мы признали за благо“ и т. д.

Хотя рѣчь идетъ только о формулѣ, только о фразѣ, не касаясь существа постановленій, но предметъ столь важенъ что къ нему не только можно, но и должно возвратиться. Внѣшняя форма узаконеній всегда и вездѣ считалась предметомъ первостепенной важности; редакціи ихъ посвящается весьма большое вниманіе, ибо одно неправильно употребленное слово, одинъ неосторожный оборотъ рѣчи совершенно измѣняетъ существо предмета, а затѣмъ обманываетъ и современниковъ, и исторію.

Въ Финляндіи, такъ же какъ и въ прочей Россіи, опубликованіе узаконеній принадлежитъ Сенату, только не Правительствующему, нашему Русскому, а мѣстному Финляндскому, именуемому Императорскимъ. Сперва этотъ Финляндскій Сенатъ былъ скромнымъ мѣстнымъ „правительственнымъ совѣтомъ“; но потомъ, когда интрига стала управлять финляндскими дѣлами, явилось и переименованіе, которое приближало это мѣстное, областное учрежденіе къ королевско-шведскому сенату или государственному совѣту, въ свое время всемогущему и державшему шведскаго короля связаннымъ по рукамъ и ногамъ.

Нашъ Правительствующій Сенатъ, дѣйствуя именемъ Государя, употребляетъ извѣстную формулу: „По указу Его Императорскаго Величества“, причемъ, совершенно естественно, постановленія или опредѣленія подписываются сенаторами. Финляндцы усвоили своимъ объявленіямъ узаконеній и повелѣній торжественную форму манифеста: „Божію милостію, Мы и проч.“, а подписываютъ сами.

Въ Россіи Высочайшій манифестъ есть голосъ Монарха обращенный къ народу въ важные моменты государственной жизни; онъ составляетъ въ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 105.

** См. выше, стр. 72.

извѣстномъ смыслѣ эпоху; собственноручная подпись Государя еще болѣе возвышаетъ значеніе акта. Въ Финляндіи такихъ манифестовъ издается въ одинъ день по нѣскольку, по всякимъ второстепеннымъ и даже мелочнымъ дѣламъ, и подписываются они, какъ сказано, членами Сената. Нельзя, при этомъ, не обратить вниманія на то что финляндскій генералъ-губернаторъ, этотъ единственный представитель Русскаго Государя и русской власти въ краѣ, объявляемыхъ тамъ узаконеній вовсе не подписываетъ, хотя состоитъ предсѣдателемъ Сената; все вершатъ, поэтому, одни Финляндцы.

При такомъ порядкѣ, Финляндскій Сенатъ присвоилъ уже и собственнымъ своимъ дѣйствіямъ въ нѣкоторомъ смыслѣ прерогативы Верховной Власти, хотя и внѣшнія. Онъ пишетъ, напримѣръ, о своихъ постановленіяхъ: „дано“ въ Гельсингфорсѣ, какъ въ Высочайшихъ грамотахъ и манифестахъ. Выставляемая при этомъ дата увѣковѣчиваетъ не день утвержденія постановленія Монархомъ, о чемъ даже вовсе умалчивается, а день подписанія Сенатомъ, такъ что въ исторіи останется слѣдъ дѣйствія не Верховной Власти, а этого кружка чиновниковъ. Въ текстѣ распоряженій идущихъ непосредственно отъ Сената, онъ пишетъ про себя: „признали за благо“,—выраженіе также употребляемое только отъ лица власти Монаршей.

Не дурна и форма въ которой Гельсингфорсскій Сенатъ объявляетъ, отъ лица Государя, повелѣнія отдѣльнымъ лицамъ. Напримѣръ, въ № 1 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за этотъ годъ напечатано Высочайшее повелѣніе куопіоскому губернатору объ открытіи больницы въ мѣстечкѣ Нурмисъ. Начинается такъ:

„Дано въ Гельсингфорсѣ, 15 января 1889. Александръ III и проч. По всеподданнѣйшему представленію Хозяйственнаго Департамента Нашего Сената“ и т. д.

Кромѣ „дано“ и даты, о чемъ сейчасъ сказано, здѣсь интересно то что въ офиціально-опубликованномъ документѣ финляндскіе чиновники употребляютъ имя Государя уже *безо всякаго титула*. И цѣль ясна: наименованіе „Императора и Самодержца Всероссійскаго“ понемногу исчезнетъ изъ документовъ Финляндіи,—а для господъ тамошнихъ сепаратистовъ это-то и требуется.

Спѣшу оговориться что приведенное повелѣніе, по формѣ своей, далеко не единственное: эта форма пріобрѣла въ *Сборникѣ* право гражданства не со вчерашняго дня. Съ другой стороны, эта форма и ей подобныя вовсе не истекаютъ изъ сущности какой-нибудь конституціи; она есть продуктъ малаго смотрѣнія за охраной въ Финляндіи достоинства русскаго, даже Державнаго, имени, со временъ прошедшихъ. Но все это, конечно, можно и должно было бы измѣнить. Сепаратизмъ такая гидра которой, если положили въ пасть одинъ палецъ, то она откуситъ всю руку по самое плечо.

И вотъ, при употребленіи для узаконеній формы манифеста, вы прямо встрѣчаетесь съ такимъ началомъ публичныхъ актовъ: „Божіею милостію, *Мы, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи*“ и т. д.

„Съ согласія“—значитъ съ одобренія, даже съ дозволенія,—кого? кучки людей, нерѣдко вполнѣ ничтожныхъ, а иногда и опороченныхъ, какъ былъ примѣръ на послѣднемъ Сеймѣ. Насколько это „согласіе“ совмѣстимо и сообразно съ представленіемъ о „Самодержавномъ Всероссійскомъ Императорѣ“, о Божіемъ Помазанникѣ, Который въ управленіи государствомъ имѣетъ единственное руководство въ божественныхъ заповѣдяхъ, въ ученіи православной вѣры и въ собственной Своей совѣсти,—предоставляемъ судить всякому безпристрастному читателю.

Самыя послѣднія узаконенія особенно выставляютъ на показъ эту несообразность, которую вѣрнѣе можно характеризовать стремленіемъ принизить, ограничить Верховную Власть. Изъ новѣйшихъ нумеровъ финляндскаго *Сборника Постановленій* вылился, можно сказать, цѣлый потокъ такихъ узаконеній. И, за неимѣніемъ крупныхъ, по какимъ мелочнымъ дѣламъ!

Нужно отмѣнить какой-то пустячный налогъ (лазаретный) въ двухъ

губерніяхъ (№ 42, декабря 17, 1888), — финляндскіе чиновники несутъ этотъ вопросъ на Сеймъ, съ тѣмъ, чтобы написать потомъ объ его уничтоженіи „съ согласія земскихъ чиновъ“. Казалось бы, льготу, освобожденіе, слѣдовательно милость, надлежало объявить именно самолично отъ Верховной Власти, — это всегда и вездѣ входило и входитъ въ элементарныя понятія о главѣ государственной власти. Такъ поступали прежде и въ Финляндіи. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе должно бы имѣть мѣсто что дѣло шло о „казенномъ“ налогѣ, притомъ установленномъ „прежними“ постановленіями, то-есть даже не земскими чинами Финляндіи. Но чиновникамъ гельсингфорсскимъ не подъ силу государственный взглядъ; имъ не до охраненія достоинства власти, имъ нужно свое собственное, хотя бы мишурное возвеличеніе.

№ 43 *Сборника* даетъ экземпляръ узаконенія едва ли не еще болѣе характернаго. Приведемъ его текстуально: „старыя дѣла, находящіяся въ архивахъ городскихъ (низшихъ) судовъ, передать, по опредѣленію правительства, въ статсъ-архивъ на храненіе“. Вотъ и все. Но и здѣсь, вопервыхъ, понадобилась форма манифеста, вовторыхъ, — формула: „съ согласія земскихъ чиновъ“.

Оказывается что, при нынѣшнихъ финляндскихъ порядкахъ, Императоръ Всероссійскій не имѣетъ права и силы Самъ повелѣть назначить мѣсто для храненія канцелярскихъ дѣлъ. Говорю: „при нынѣшнихъ порядкахъ“, такъ какъ даже по пресловутой, покрывшейся уже плѣсенью отъ давности, шведской конституціи, которую Финляндцы такъ усердно стараются напялить на себя, король былъ полнымъ хозяиномъ во всей администраціи. А теперь не то; конституція Финляндіи хотъ и не дана, но тамошніе чиновники такъ ловки что даже о храненіи канцелярскихъ дѣлъ понесли на Сеймъ, а затѣмъ Верховная Власть оказывается уже связанною и въ этомъ дѣлѣ. По истинѣ, дерзость Финляндцевъ дошла до геркулесовыхъ столповъ, и дальше идти, кажется, уже некуда.

Но продолжимъ еще нашу прискорбную лѣтопись.

Нужно принять нѣкоторыя мѣры въ отношеніи пастьбы жеребятъ. Тотчасъ — манифестъ и — „съ согласія земскихъ чиновъ“.

Приведемъ и этотъ актъ:

„Публиковать въ церквахъ.

„Дано въ Гельсингфорсѣ, 17 декабря 1888 г.

„Божіею милостію

„Мы Александръ Третій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи Мы признали за благо симъ постановить слѣдующее:

§ 1.

„Жеребцы старше одного года не должны быть пускаемы на пастбище безъ такого присмотра чтобъ они не могли имѣть случки съ чужими кобылицами противъ воли владѣльца.“

И т. д.

Въ результатѣ новое стѣсненіе Верховной Власти въ дѣлѣ чисто полицейскаго свойства.

Интересна редакція другаго узаконенія, напечатаннаго въ № 37 *Сборника*, о правѣ дворянъ занимать городскія должности. Сущность всего состоитъ въ нѣсколькихъ словахъ: „заключающіяся въ королевскихъ резолюціяхъ (!) по жалобамъ городовъ отъ 3 декабря 1680 (!) и 13 іюля 1709 (!) годовъ правила о запрещеніи дворянамъ занимать должности бургомистра, ратмана и секретаря магистрата въ городахъ края считать отмѣненными.“

Очень хорошо. Рѣчь идетъ объ отмѣнѣ королевскихъ „резолюцій“, — слѣдовательно для отмѣны вполнѣ достаточно таковой же Императорской резолюціи. Законъ отмѣняется равносильнымъ закономъ, — правило всесвѣтное. Да, но не для нынѣшней Финляндіи. Императорскій Сенатъ, который, очевидно, не постигъ еще какое онъ имя носитъ, „призналъ за благо“ и объ отмѣнѣ двѣсти лѣтъ назадъ положенной королевской резолюціи нести на свой Сеймъ и еще разъ связать Императорскую Власть „согласіемъ земскихъ чиновъ“, безъ котораго никакая дальнѣйшая перемѣна въ простой резолюціи прежняго времени уже не обойдется.

Но тутъ еще и нѣчто другое. Финляндскіе дѣльцы стараются при всякомъ случаѣ какъ-нибудь уцѣпиться за конституцію, которой императоръ Александръ I имъ не утвердилъ. Такъ и теперь; предъ приведенными словами новаго закона объ отмѣнѣ королевскихъ резолюцій они вставили еще слова: „*съ измѣненіемъ 4 пункта Акта Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года*“.

Все будетъ понятно если читатель приметъ въ соображеніе что цитируемый „Актъ“, вмѣстѣ съ другимъ шведскимъ закономъ 1772 года, называемымъ „Формою Правленія“, и составляетъ эту желанную для Финляндцевъ конституцію. Она не была утверждена, но утверждается *измѣненіе* ея отдѣльныхъ пунктовъ, слѣдовательно и она сама какъ бы признается. *-

Къ сожалѣнію, это далеко не первый случай финляндскихъ обходовъ. Они дали особенно пышный цвѣтъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда все русское, и власть, и достоинство, и интересы, было пренебрежено. Съ того времени мы катимся подъ гору по наклонной плоскости. Но и тогда, слѣдуетъ сказать, финляндское чиновничество не проявляло столько дерзости, можно сказать, столько неприличія, въ ограниченіи державныхъ правъ Русскаго Государя.

—

Получилъ свѣдѣнія что финляндскіе „господа Сенатъ“ подали жалобу на *Московскія Вѣдомости* по поводу гельсингфорсскихъ корреспонденцій. Казалось бы, если что въ нихъ невѣрно, то проще всего сообщить этой же газетѣ опроверженіе, или же передать его въ *Правительственный Вѣстникъ*, гдѣ, конечно, оно было бы напечатано. Такъ дѣлаютъ русскія правительственныя учрежденія. Но Финляндцамъ это не годится. У себя они домогались безусловной свободы печати и въ этомъ отношеніи тоже домогались ограничить Верховную Власть; да и теперь пишутъ про Россію Богъ вѣсть что. А въ отношеніи къ русской печати, если она посмѣетъ „свое сужденіе имѣть“ не въ финляндскомъ духѣ, эти господа сейчасъ примѣняютъ способъ келейной жалобы, гдѣ обвиняемому легче могутъ быть закрыты пути объясненія и оправданія. Извѣстный путь все той же интриги...

***

---

* Надо еще замѣтить что этотъ 4-й пунктъ не имѣетъ прямаго отношенія къ вопросу. Вотъ, въ офиціальномъ переводѣ, текстъ этого 4-го пункта:

„*Утвержденный его королевскимъ величествомъ и государственными чинами Актъ Соединенія и Безопасности, отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 года.*

„*Пунктъ 4-й.* Верховные чины и первыя достоинства государства и придворныя мѣста имѣютъ только заняты быть дворянствомъ. Впрочемъ способности, заслуги, опытность и дознанныя гражданскія добродѣтели, суть единыя средства къ достиженію какъ нижнихъ такъ и вышнихъ мѣстъ въ государствѣ, не взирая на породу и состояніе. Если жъ недворянинъ возведенъ будетъ въ дворянское достоинство, то онъ не можетъ удержать за собою ту должность, которую онъ яко недворянинъ для храненія правъ недворянскаго состоянія (или мѣщанства) прежде получалъ и занималъ.“

ПО ПОВОДУ
ВСЕПОДДАННѢЙШЕЙ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ
графа Ѳ. Л. Гейдена.

(Передовая статья № 128 *Московскихъ Вѣдомостей* 1889 года.)

Москва, 10 мая.

Въ полученномъ здѣсь сегодня № 100 *Правительственнаго Вѣстника* обращаетъ на себя особое вниманіе опубликованная «Всеподданнѣйшая докладная записка генералъ-губернатора Финляндіи».

Ниже мы воспроизводимъ этотъ необычайный по формѣ и содержанію документъ, представляющій собою какъ бы полемическую отповѣдь на «появлявшіяся въ послѣднее время въ русской печати, особенно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*», статьи о Финляндіи и имѣющій цѣлію доказать «неосновательность разсужденій *Московскихъ Вѣдомостей*» и «невѣрность» дѣлаемыхъ въ нихъ заявленій.

При всей неодобрительности сдѣланныхъ въ означенномъ документѣ отзывовъ о печатавшихся въ нашей газетѣ статьяхъ, мы находимъ, однако, не малое себѣ утѣшеніе по крайней мѣрѣ въ томъ что эти статьи не прошли не замѣченными.

Не все же въ этихъ статьяхъ невѣрно и неосновательно, иное можетъ оказаться и полезнымъ для установленія правильнаго взгляда на существующіе въ Финляндіи распорядки и на мѣры, принятіе коихъ желательно для устраненія того что въ этихъ порядкахъ должно быть признано ненормальнымъ. Все же что въ печатавшихся у насъ статьяхъ оказалось бы ошибкой—мы готовы немедленно исправить. Мы не претендуемъ на непогрѣшимость своихъ сужденій и заявленій, какъ, безъ сомнѣнія, не претендуетъ на нее и самъ генералъ-губернаторъ Финляндіи, графъ Ѳ. Л. Гейденъ. И генералъ-губернаторамъ не разъ приходилось сильно ошибаться, какъ ошибались, напримѣръ, тѣ балтійскіе генералъ-губернаторы, которые, въ своихъ представленіяхъ въ Петербургъ, доносили что въ Остзейскомъ краѣ все обстоитъ благополучно, и что управленіе этимъ краемъ ведется въ установленномъ законами поряд-

кѣ, якобы не подлежащемъ измѣненію въ виду древнихъ историческихъ актовъ и полной политической благонадежности какъ господствующей въ краѣ рыцарской корпораціи, такъ и иныхъ мѣстныхъ конституцій. А что раскрыто хотя бы одною ревизіей сенатора Н. А. Манасеина, нынѣ министра Юстиціи?

Къ ошибкамъ которыя, несвѣдомо намъ, могли проскользнуть въ статьяхъ о Финляндіи печатавшихся въ нашей газетѣ, мы сочтемъ своимъ долгомъ незамедлительно вернуться, какъ только соберемъ достаточный матеріалъ для провѣрки того что въ нихъ заявлялось. Теперь же можемъ лишь высказать благодарность *Правительственному Вѣстнику* за опубликованіе документа указывающаго въ какихъ именно отношеніяхъ означенныя статьи требуютъ пересмотра, такъ какъ всѣ остальныя стороны этихъ статей, указывавшихъ на цѣлую массу ненормальныхъ явленій въ государственныхъ отношеніяхъ Финляндіи къ Россійской Имперіи, не вызвавъ возраженія, остаются не подлежащими спору.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить что собственно намъ принадлежатъ только двѣ передовыя статьи по финляндскимъ дѣламъ, напечатанныя въ №№ 37 и 38 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый 1888 годъ. Эти двѣ статьи * были написаны по поводу извѣстной книги бывшаго гельсингфорсскаго профессора, затѣмъ финляндскаго сенатора, Л. Мехелина,—книги, анализъ коей былъ тогда же, въ февралѣ прошлаго года, однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ ** изложенъ въ особой статьѣ «Легенда о Финляндскомъ государствѣ» (*Моск. Вѣд.* 1888, №№ 36, 37, 38 и 42) ***. Мы были поражены программой финскихъ сепаратистовъ проповѣдуемою подъ сѣнію русскаго самодержавія,—программой, которая сводится къ полному отдѣленію Финляндіи отъ Россіи и къ умаленію власти Русскаго Императора до безправія шведскихъ королей половины прошлаго вѣка. Мы были возмущены интерпретаціями этихъ сепаратистовъ, извлекающихъ изъ средневѣковыхъ шведскихъ законовъ дикія и оскорбительныя статьи и осмѣливающихся прилагать ихъ къ Священной Особѣ Русскаго Государя. Мы даже затруднялись вѣрить всему тому что доходило до насъ по части дѣятельности финляндскихъ сепаратистовъ и участія въ этой дѣятельности или попустительства оной со стороны правительственныхъ лицъ Финляндіи. «Для устраненія догадокъ и, быть-можетъ, несправедливыхъ нареканій»,—писали мы въ № 38 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1888 годъ, * — «было бы въ высшей степени желательно внести побольше свѣту съ русской стороны въ темную исторію финскихъ политическихъ вольностей».

Въ этихъ именно видахъ, въ видахъ внесенія свѣта въ темное дѣло, мы просили компетентное и заслуживающее полнаго довѣрія лицо быть нашимъ гельсингфорсскимъ корреспондентомъ, послѣ чего и появился въ нашей газетѣ рядъ его статей въ №№ 72, 122, 172, 243, 292, 319 и 345 за минувшій и въ №№ 4, 36, 63 и 105 за текущій годъ **. Новую статью того же корреспондента, заслуживающую, по своему содержанію, особаго вниманія, читатели найдутъ ниже. ***

---

* См. выше стр. 17—23.

** Московскихъ.

*** См. выше, стр. 24—40.

* См. выше, стр. 23.

** См. выше: „О денежныхъ дѣлахъ съ Финляндіей“ — стр. 41—50; „Возможность новаго финляндскаго захвата“ — стр. 51—52; „Гельсингфорсскія корреспонденціи *Московскихъ Вѣдомостей*“ — стр. 53—78.

*** См. стр. 85—89.

Не можемъ отрицать что взгляды нашего корреспондента на финляндскіе порядки далеко расходятся со взглядами на тѣ же порядки изложенными въ документѣ составленномъ графомъ Ѳ. Л. Гейденомъ. Но смѣемъ полагать что въ данномъ случаѣ тотъ и другой одинаково руководились долгомъ присяги на вѣрность подданства Русскому Государю, стремясь, по крайнему своему разумѣнію, пролить свѣтъ на одно и то же дѣло важнаго государственнаго значенія, одинъ—въ качествѣ русскаго публициста, другой, какъ сказано въ приводимомъ ниже документѣ,—въ качествѣ «предсѣдателя Императорскаго Финляндскаго Сената».

ВСЕПОДДАННѢЙШАЯ ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА ФИНЛЯНДІИ.*

По поводу появлявшихся въ послѣднее время въ русской печати, особенно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, статей о Финляндіи и о правительственныхъ ея лицахъ, генералъ-губернаторъ Великаго Княжества, какъ предсѣдатель Императорскаго Финляндскаго Сената, считаетъ нужнымъ разъяснить слѣдующее:

Власть Финляндскаго Сената строго опредѣлена законами, утвержденными Государемъ Императоромъ. Основное положеніе о Сенатѣ есть регламентъ отъ 6 (18) августа 1809 года, которымъ Императоръ Александръ I учредилъ особый „Правительственный Совѣтъ“ для Великаго Княжества, только-что присоединеннаго къ Имперіи. Въ послѣдствіи это правительственное учрежденіе было переименовано въ Сенатъ, безъ измѣненія, однако, его организаціи и власти. Неосновательность разсужденій *Московскихъ Вѣдомостей* относительно этого переименованія вполнѣ явствуетъ изъ Всемилостивѣйшаго Манифеста о переименованіи Императорскаго Правительствующаго Совѣта въ Императорскій Финляндскій Сенатъ, даннаго въ С.-Петербургѣ 9 (21) февраля 1816 года, въ которомъ Государю Императору благоугодно было повелѣть переименовать Правительствующій Финляндскій Совѣтъ въ Императорскій Финляндскій Сенатъ съ правами и обязанностями прежняго учрежденія. *

* Изъ № 100 *Правительственнаго Вѣстника*, отъ 9 мая 1889 года. *Московскія Вѣдомости* 1889, № 128.

* Подлинный текстъ Всемилостивѣйшаго Манифеста 1816 года слѣдующій:

„Божіею Милостію
„Мы Александръ Первый
„Императоръ и Самодержецъ
„Всероссійскій и Великій Князь
„Финляндіи, и проч. и проч. и проч.

„Объявляемъ всенародно:

„Съ самаго присоединенія Великаго Княжества Финляндіи къ Имперіи Нашей, благоденствіе края сего всегда составляло одинъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ Нашихъ желаній и попеченій.

„Соображаясь съ симъ, всѣ Наши старанія, при каждомъ случаѣ, обращали Мы къ той цѣли, чтобы финляндскихъ подданныхъ Нашими дѣйствіями, единственно къ общему благу клонившимися, расположить къ вѣрности и приверженности, каковыхъ Мы, яко облеченные отъ Провидѣнія Верховною надъ ними властію, ожидать были въ правѣ, и которыхъ вмѣстѣ, къ особенному удовольствію Нашему, многія и непремѣнныя видѣли доказательства.

„Вывъ удостовѣрены что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ. Мы, при воспріятіи царствованія надъ

Въ упомянутыхъ статьяхъ *Московскихъ Вѣдомостей* утверждается что Финляндскій Сенатъ злоупотребляетъ формой Высочайшаго Манифеста при издаваемыхъ второстепенныхъ объявленіяхъ, подписываемыхъ членами Сената, и что Сенатъ самовольно присвоилъ собственнымъ своимъ дѣйствіямъ внѣшнія прерогативы верховной власти.

Эти заявленія невѣрны.—Всемилостивѣйшіе Манифесты издаются въ Финляндіи только въ особо важныхъ случаяхъ, когда Государю Императору благоугодно обнародовать Высочайшую Свою волю въ этой торжественной формѣ. Манифесты подписываются Собственноручно Его Императорскимъ Величествомъ и озаглавлены: Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ.

Обыкновенные законы Высочайше утвержденные Самимъ Государемъ озаглавлены: Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе или Объявленіе, и подписываются членами Сената „по Собственному Его Императорскаго Величества опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ“. Постановленія же которыя Сенатъ, по предоставленной ему власти, издаетъ безъ предварительнаго всеподданнѣйшаго представленія, подписываются членами Сената вслѣдъ за словами: „Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ“. По сему предмету уже регламентомъ 1809 года Правительствующему Совѣту (Сенату) постановлено въ

симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами, и учредили особенное правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ Финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частію края сего и рѣшалъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ. Нынѣ же, по благополучномъ окончаніи, вкупѣ съ союзными Намъ державами, помощію Всевышняго, дѣлъ, до безопасности Имперіи Нашей и спокойствія всей Европы относящихся, и достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами Государства Нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы, для вящаго ознаменованія памѣренія Нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу Нашему удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ Государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и финляндскому Вышнему Правительству названіе Финляндскаго Сената Нашего, безъ отмѣны, однакожъ, въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ.

„При торжественнѣйшемъ обѣщаніи Нашемъ, избирать впредь въ члены сего Финляндскаго Сената Нашего, какъ и до сего времени было, однихъ токмо коренныхъ Финляндцевъ или водворившихся тамъ и финляндское гражданское право пріобрѣтшихъ, повелѣваемъ: всѣмъ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, равно какъ и прочимъ, до кого сіе касается, исполнять всѣ тѣ предписанія, какія Именемъ Нашимъ и со стороны Нашей изданы будутъ отъ Императорскаго Финляндскаго Сената, что доселѣ былъ Правительствующій Совѣтъ, и съ симъ постановленіемъ Нашимъ въ точности сообразоваться. Въ подтвержденіе всего вышеизъясненнаго, благоволили Мы подписать сіе Собственноручно.—Данъ въ С.-Петербургѣ февраля 9го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1816го, царствованія же Нашего въ пятонадесять.

„На подлинномъ написано Собственною Его Императорскаго Величества рукою:

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

ст. 20й: „Поелику Совѣтъ не можетъ употреблять другой власти, какъ ту, которая Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше оному предоставлена, то посему всѣ его акты и рѣшенія издаются Высочайшимъ Именемъ."

Относительно того что въ сборникѣ узаконеній за этотъ годъ появилось Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе въ слѣдующей формѣ: Александръ III и проч. и проч., то слѣдуетъ замѣтить что эта сокращенная форма употреблялась и прежде въ предписаніяхъ разнымъ учрежденіямъ и властямъ, какъ-то: отъ 15 и 23 января 1867 года, 3 сентября 1875, 24 августа и 8 сентября 1876 года, и проч.

Всѣ болѣе важныя дѣла повергаются на Высочайшее Его Императорскаго Величества рѣшеніе. Генералъ-губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя Сената, повергаетъ на Высочайшее воззрѣніе всеподданнѣйшія представленія Сената, къ которымъ имѣетъ приложить собственный отзывъ.

За каждое полугодіе Сенатъ представляетъ Его Императорскому Величеству полный списокъ дѣлъ рѣшенныхъ Высочайшимъ Его Величества Именемъ въ силу власти предоставленной Сенату особыми Высочайшими Постановленіями.

Управленіе краемъ, слѣдовательно, ведется въ установленномъ законами порядкѣ.

Въ одной изъ статей, въ которой говорится о податныхъ отношеніяхъ въ Финляндіи, утверждается, будто Сенатъ высасываетъ изъ простаго народа послѣдніе соки.

На самомъ дѣлѣ тягость обложенія налогами въ настоящее время меньше и общее благосостояніе больше, чѣмъ въ какой бы то ни было прежній періодъ времени. Впрочемъ населеніе Финляндіи проникнуто сознаніемъ своихъ законныхъ правъ и обязанностей и народъ всегда находилъ въ законахъ существенную защиту противъ возможныхъ злоупотребленій. Служебные проступки должностныхъ лицъ не терпятся и правительство никогда не оставляетъ подобные проступки безнаказанными.

Равнымъ образомъ противорѣчитъ истинѣ заявленіе будто лишь немногіе чиновники на государственной службѣ въ Финляндіи получили университетское образованіе. Для занятія должностей по правительственной службѣ требуется либо окончаніе соотвѣтствующаго курса при университетѣ, или, въ извѣстныхъ случаяхъ,—при политехническомъ или лѣсномъ институтахъ. Лишь нѣкоторыя низшія должности могутъ быть замѣщаемы лицами безъ высшаго образованія.

Замѣчанію подвергалось тоже и то обстоятельство что сравнительно незначительные вопросы, какъ-то о храненіи судебныхъ архивовъ и объ улучшеніи конской породы, были предметами сеймовыхъ предложеній. Это зависѣло лишь отъ того что опредѣленія по сказаннымъ предметамъ входятъ въ общій сводъ законовъ страны (1734 года), принадлежащій къ той части законодательства, въ которой, по основнымъ законамъ, участвуетъ сеймъ.

По поводу неуваженія съ которымъ корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* выражается о земскихъ чинахъ Финляндіи, достаточно указать на то что во всѣхъ частяхъ свѣта бываютъ случаи неудачныхъ выборовъ и изъ-за одной личности нельзя дѣлать общаго вывода. Земскіе же чины Финляндіи вообще не заслуживаютъ подобныхъ неблагопріятныхъ отзывовъ. Напротивъ того, они пользуются общимъ уваженіемъ.

Гельсингфорсская корреспонденція „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

9.

Финляндія и ограниченіе власти. *

Гельсингфорсъ, 25 апрѣля.

Какъ разъяснено въ моемъ предыдущемъ письмѣ **, теперь въ Финляндіи узаконенія не могутъ быть издаваемы безъ „согласія земскихъ чиновъ“.

До какихъ же границъ можетъ дойти тамъ это ограниченіе Верховной Власти?

Для русскаго сердца немыслимъ, нестерпимъ такой вопросъ. Имъ въ корнѣ подсѣкается вся самобытность, все прошлое Русскаго народа. Но, быть-можетъ, сама Верховная Самодержавная Власть признала нужнымъ ограничить Себя?

Этого нѣтъ, да и быть не можетъ. Офиціальные акты той же Финляндіи свидѣтельствуютъ что лишь только обнаруживались предъ Русскими Государями ограничительныя посягательства Финляндцевъ, Они рѣшительно ихъ останавливали. Иначе и не могло быть; иное отношеніе къ дѣлу шло бы въ разрѣзъ и съ основами нашего государственнаго права, и со всею нашею исторіей.

Мудрые монархи никогда не расточали своей силы и не раздѣляли власти, ибо гдѣ нѣтъ единой воли и единой власти, тамъ нѣтъ и силы. Раздѣленіе власти, какъ элементъ слабости, можно поддерживать только у другихъ, дабы самому быть сильнѣе. Бисмаркъ любезничалъ съ раздѣленною въ отношеніи власти республиканскою Франціей и всѣми мѣрами противостоялъ попыткамъ ея объединиться и окрѣпнуть въ однѣхъ рукахъ. Но у насъ есть свои примѣры, еще болѣе доказательные. Петръ Великій съ истинною государственною мудростью гарантировалъ Швеціи, въ Ништадскомъ трактатѣ, охрану ея конституціонной формы правленія, поддерживая тѣмъ самымъ раздѣльность и безсиліе врага-сосѣда, и весь послѣдующій ходъ событій удостовѣрилъ громадное значеніе этого предвидѣнія. Елисавета Петровна, Великая Екатерина, держались того же взгляда, и отъ былаго могущества Швеціи осталась одна тѣнь. Ужели можно, хотя на одно мгновеніе, помыслить что Русскіе Государи могли взять на Себя тѣ путы которыми ихъ предки связывали и уничтожали врага?

Имѣя всю полноту власти, Государи наши примѣняли ее, гдѣ и когда признавали за благо, исключительно по

---

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 128.

** См. выше, стр. 75—78.

собственному произволенію, и, благодаря этой единой и сильной власти, Русь выросла въ то что она есть, въ предметъ общей зависти. Связывать Себя, а затѣмъ и преемниковъ, какими-нибудь условіями со своими же подданными было бы нарушеніемъ основнаго принципа Самодержавія, нарушеніемъ торжественнаго обѣта принесеннаго предъ Богомъ въ священный часъ помазанія на царство; это было бы, говоря языкомъ правовыхъ порядковъ, революціей. Мыслимо ли это?

Если увлекавшійся въ молодости иными неопредѣленными идеями императоръ Александръ I могъ, подъ вліяніемъ еще больше увлекавшагося идеалиста Сперанскаго и ему подобныхъ, допускать въ бесѣдахъ съ ними смутныя фантазіи объ ограниченіи своей власти, то эти фантазіи разлетѣлись при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительною жизнью, какъ легкій утренній туманъ разсѣивается отъ первыхъ лучей показавшагося солнца. Въ безпочвенныхъ увлеченіяхъ, крайности сходятся: Сперанскаго замѣнилъ Аракчеевъ.

Допустивъ Финляндцевъ собраться въ 1809 году на Сеймъ въ Борго въ качествѣ только совѣщательнаго земскаго собранія, императоръ Александръ I увидѣлъ потомъ что этой второстепенной въ сущности мѣрѣ пытаются дать распространительное значеніе въ ущербъ полнотѣ его власти. Послѣдствіемъ было то что во всѣ слѣдующія шестнадцать лѣтъ, до самой кончины Александра I, финляндскіе земцы ни разу не были созываемы для выслушанія ихъ мнѣній (и только мнѣній). Когда же иныя горячія головы, въ родѣ профессора Вассера, затѣяли толковать о Верховной Власти въ ограничительномъ смыслѣ, ссылаясь на Шведскихъ королей, то самого профессора выслали изъ края, а генералъ-губернаторомъ, вмѣсто слабаго, ошведившагося Нѣмца Штейнгеля, назначенъ былъ энергическій Закревскій, съ повелѣніемъ „унять ихъ“.

Императоръ Николай I во всѣ тридцать лѣтъ своего царствованія также не созывалъ Сейма, а извѣстному Армфельту, назначая его финляндскимъ статсъ-секретаремъ, выразилъ свою волю коротко и ясно: „pas d'intrigues!“

Благородная довѣренность покойнаго Государя развязала, къ сожалѣнію, руки этому самому Армфельту и его единомышленникамъ, и сепаратистская интрига дала пышный цвѣтъ, но плода, въ видѣ желанной финляндской конституціи, все-таки не получила; напротивъ, о тѣсномъ единствѣ Финляндіи съ Имперіей было всенародно повторено и Александромъ II.

Наконецъ, въ настоящее царствованіе, переданное вѣками начало самодержавной власти стоитъ столь незыблемо что на этотъ счетъ не можетъ быть ни сомнѣній, ни вопросовъ.

Итакъ, ни откуда не видно чтобы Русскіе Государи желали и признавали нужнымъ ограничивать свою Императорскую Власть какъ вообще, такъ и въ частности, въ Финляндіи. За то въ этой послѣдней несомнѣнно проявляются всѣ признаки „революціи“. Употребляю это слово, ибо какимъ другимъ именемъ очертить то непрерывающееся стремленіе къ захвату подданными, хотя бы небольшою ихъ кучкой, державныхъ правъ Монарха, съ униженіемъ Его Власти, съ уменьшеніемъ Его силы? Развѣ не тѣ же черты являетъ совершившееся сто лѣтъ назадъ событіе, вспоминая о которомъ ликуетъ часть Французскаго народа, не желающая видѣть что стало изъ нѣкогда славной Франціи? Значеніе нашей финляндской революціи нисколько не измѣняется отъ того что мѣстные дѣльцы не бунтуютъ открытою силой и не строятъ баррикадъ. Такой бунтъ всегда рискованъ, и за него можно поплатиться. Здѣсь предпочитаютъ безопасные пути толкованій, канцелярскихъ крючковъ и изворотовъ. Но фактъ революціонныхъ дѣйствій оттого не меньше и весь налицо.

Здѣшняя печать твердитъ на всѣ лады, притомъ не со вчерашняго дня, что въ Финляндіи Верховная Власть принадлежитъ собственно не Государю, а Финскому народу, который сосредоточиваетъ де ее въ своихъ представителяхъ, земскихъ чинахъ, а Императоръ Всероссійскій является де только исполнительною властью, имѣетъ де только

делегацію власти отъ этихъ господъ. Это нигдѣ, ни въ какомъ законномъ актѣ не установлено, но этимъ революціонеры не стѣсняются; пока есть возможность толкованій, для нихъ все возможно. Гельсингфорсскій Сенатъ, по этимъ толкованіямъ, уже органъ собственно не Императорской Власти, а земскихъ чиновъ. Тѣ, повидимому, мелочи формъ, о которыхъ было говорено, эти „съ согласія“, эти „дано“, эти „признали за благо“ въ постановленіяхъ господъ сенаторовъ, эти „даты“ ихъ постановленій и умолчаніе о датахъ Высочайшей санкціи,—все это, какъ ручей изъ родника, истекаетъ изъ приведенной теоріи и служитъ ей наглядною иллюстраціей.

Едва ли не первымъ, и во всякомъ случаѣ совершенно опредѣленнымъ выразителемъ всей тенденціи явилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ гельсингфорсскихъ газетахъ статья подъ заглавіемъ „Två Statsmakterna i Finland“ — „Двѣ государственныя власти въ Финляндіи“, и противъ ея софизмовъ — увы!—не послѣдовало со стороны русскихъ правительственныхъ органовъ никакихъ возраженій, да, по всеобщему незнанію шведскаго языка, едва ли у насъ имѣли о ней и понятіе... Впрочемъ, что говорить о газетной статьѣ, хотя бы и выдающейся, когда въ петербургскихъ канцеляріяхъ вы не найдете даже официальнаго *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*, печатаемаго не только по-шведски и по-фински, но также и по-русски. *

Съ того времени конституціонная и сепаратистская доктрина на всей волѣ широко раскинула свои вѣтви. Газетная ложь перешла въ жизнь, въ сознаніе людей не видящихъ ей противовѣса и отпора со стороны тѣхъ петербургскихъ учрежденій которыя, какъ для всей Россіи вообще, такъ и для Финляндіи въ частности, суть и всегда должны быть органами единаго правительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ финляндская провинціальная администрація,—простое окружное управленіе, хотя бы и „главное“, какъ его назвалъ манифестъ 1811 года,—возмнила уже себя не органомъ этого единаго правительства, а самимъ особымъ правительствомъ.

И вотъ теперь, не на шведскомъ только языкѣ интеллигенціи, но и по-фински, то-есть прямо для деревенскаго простонародья, ничего еще въ политическихъ тонкостяхъ не понимающаго, печатаются газетки открыто поставившія себѣ задачей просвѣтить темныя головы разныхъ Матти и Вилли, конечно, на свой ладъ. Въ этихъ головахъ слагается пока понятіе что Русскій Царь есть тоже что Шведскій король. Вѣрно ли это? Да, кромѣ того, оставляютъ ли въ Гельсингфорсѣ за нашимъ Государемъ и ту долю власти какая была у Густавовъ?

Предъ нами, слѣдовательно, два вопроса: 1) можно ли правильно находить тождество между Русскими государями и Шведскими королями вообще, и 2) въ частности въ Финляндіи сохраняются ли теперь за Русскими монархами права прежнихъ королей?

Значеніе Русскихъ Царей и Императоровъ, Ихъ власть и сила не требуютъ разъясненій; они переходили преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе цѣлыми вѣками и выражаются однимъ словомъ — Самодержавіе. А что были шведскіе короли въ тѣ прежнія времена когда они владѣли Финляндіей?

Королевская власть, тоже цѣлыми вѣками, представляла собою картину въ высшей степени печальную. Только изрѣдка показывались на сценѣ исторіи Густавы Вазы и Густавы-Адольфы, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ сильную власть,—и тогда Швеція торжествовала и на берегахъ Рейна, и въ области Новгородской. Во все прочее время короли являлись игралищемъ корысти партій не только шведскихъ, но и вообще скандинавскихъ, норвежскихъ и датскихъ, и даже нѣмецкихъ. Свергали одного короля чтобы замѣнить его другимъ, въ данную минуту болѣе удобнымъ.

Среди такой многовѣковой и постоянной усобицы, тронъ Швеціи доставался au plus offrant, какъ бы на аукціонномъ торгѣ. Кто больше давалъ или обѣщалъ всякихъ льготъ и привилегій

* Этотъ *Сборникъ* можно выписывать изъ Гельсингфорса, отъ газетнаго экспедитора, съ платой за годовое изданіе 2 марки 40 пенни.

своимъ приверженцамъ, тотъ и садился на шаткій престолъ. Занявъ его, неизвѣстно надолго ли, эти короли, вмѣстѣ съ единомышленниками, выжимали свою „наддачу“ изъ государства, какъ хищные арендаторы изъ законтрактованнаго имѣнія, пока не являлась другая толпа со своимъ претендентомъ и не выгоняла первую съ ея ставленникомъ. То сидитъ на престолѣ какой-нибудь Гаконъ Норвежскій, то Эрихъ Померанскій; является Фридрихъ Мекленбургскій, его вытѣсняетъ Христоферъ Датскій и т. п.

Положеніе шведскихъ королей было доведено до такого ничтожества что когда, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, послѣ революціи низвергшей Густава Адольфа IV, шведскія партіи стали вновь искать себѣ короля между иностранными принцами, то охотниковъ принять такую великую честь долго не оказывалось. Фонды престола Швеціи настолько понизились что на него водворили наконецъ Наполеонова генерала Бернадота.

Неудивительно что при такой куплѣ-продажѣ шведской верховной власти могли являться и узаконенія такой же пробы, въ родѣ, напримѣръ, закона именуемаго „Konungabalken“, 1442 года, которымъ королю вмѣнялось въ условіе не убивать подданныхъ, не грабить ихъ и т. п. Подобныя обязательства возможны были, конечно, лишь когда короли, сами поставленные съ торга, занимались организованнымъ разбоемъ или носили лестныя прозвища въ родѣ „короля-лжеца“, которымъ украшенъ былъ упомянутый Христоферъ: при немъ и состоялось приведенное узаконеніе запрещающее королю убивать и грабить.

И вотъ такое-то положеніе, такія-то унизительнѣйшія узаконенія, явившіяся къ тому же за полтысячи лѣтъ назадъ, господа Мехелины желаютъ во что бы ни стало связать съ нашею Верховною Властію! Въ „конституціи“ сочиненія этого сенатора, законъ 1442 года именно поставленъ въ числѣ основныхъ дѣйствующихъ нынѣ будто бы въ Финляндіи конституціонныхъ актовъ. И съ какою Властію ихъ связываютъ? Съ Властію безусловно законною, побѣдительною, никакими договорами или соглашеніями не связанною, Самодержавною, съ Властію, къ тому же, по истинѣ благодѣющею Финляндіи. Кто, кромѣ людей совершенно ослѣпленныхъ страстію, можетъ доходить до такихъ возмутительныхъ предѣловъ?!

Ясно что Русскому Государю не мѣсто на одной линіи съ королями Шведскими, тѣмъ болѣе минувшихъ столѣтій. Есть много государственнаго смысла и такта въ странной на первый взглядъ претензіи Ивана Грознаго на то чтобы шведскіе Эрики и Іоанны его времени переговаривались не съ нимъ, а лишь съ его новгородскимъ намѣстникомъ.

А въ наше время приходится ставить второй изъ вышеуказанныхъ вопросовъ и сомнѣваться — сохраняется ли за Русскими Императорами, побѣдителями тѣхъ самыхъ королей, хотя бы власть принадлежавшая симъ послѣднимъ? По финляндскимъ чиновничьимъ порядкамъ выходитъ что не сохраняется.

Вы имѣете полное право обозвать эти слова нелѣпостью, неправдой. Однако это такъ, и сдѣланный выводъ вѣренъ; въ немъ сущая правда. Для доказательства нужно было бы выписывать добрую долю многотомнаго *Сборника Финляндскихъ Постановленій*, начиная съ 1864 года. По невозможности сдѣлать это, ограничимся нѣкоторыми лишь чертами.

О Сеймѣ, напримѣръ. Онъ созванъ былъ Александромъ I, повторяемъ, одинъ только разъ, въ Борго, въ 1809 году, въ качествѣ простаго совѣщательнаго земскаго собранія, и потомъ въ теченіе 55 лѣтъ, до 1863 года, вовсе не собирался.

Въ Швеціи сеймы были государственные, риксдаги; финляндскій Сеймъ былъ только провинціальный, — и что же мы видимъ?

Короли имѣли право, по конституціи, созывать свой государственный Сеймъ *когда хотѣли*, не стѣсненные никакими сроками. Теперь, оказывается, на Верховной Русской Власти лежитъ „обязательство“ — такъ гласятъ новѣйшіе финляндскіе акты — созывать Сеймъ Финляндіи каждые три года.

Шведскій король имѣлъ полное право

созывать Сеймъ *гдѣ хотѣлъ*, и дѣйствительно созывалъ его и въ столицѣ Стокгольмѣ, и въ какомъ-нибудь Норкёпингѣ, въ Оребро и т. п., какъ находилъ удобнѣйшимъ по разнымъ соображеніямъ. Теперь Сеймъ *не можетъ быть* созванъ ни въ столицѣ Русскаго Императора и Великаго Князя Финляндскаго, ни даже въ какомъ-нибудь Або или Выборгѣ въ той же Финляндіи, а обязательно *долженъ быть* созываемъ въ Гельсингфорсѣ, въ „столицѣ (!) края“.

Шведскій король, все по той же конституціи, *одинъ* имѣлъ право инціативы въ законодательныхъ вопросахъ—право высшей важности. Теперь это право принадлежитъ *и Сейму*, и Русскій Монархъ поставляется въ необходимость разсматривать даже такіе предметы которыхъ Онъ не только разсматривать, но и возбуждать не находилъ бы, можетъ-быть, нужнымъ.

Спрашиваю: усматривается ли въ этомъ стѣсненіе и ограниченіе власти противъ той которая принадлежала королямъ Шведскимъ, или нѣтъ?

Если обратиться подобнымъ образомъ къ обширной области вопросовъ государственнаго хозяйства, финансовъ и т. п.,—вездѣ усмотрится тотъ же революціонный захватъ. Важнѣйшія дѣла: о банкѣ, о промыслахъ, о гербовомъ сборѣ, о винокуреніи, о табакѣ, и т. п., *короли рѣшали не спрашивая* не только провинціальныхъ сеймовъ (которыхъ не созывали столѣтіями), но и государственнаго риксдага. Многое принадлежало вѣдѣнію даже не короля, а его коллегій. А теперь, гг. финляндскіе дѣятели изловчились такъ вести дѣла что и всѣ эти, и множество имъ подобныхъ существенно важныхъ предметовъ оказываются уже *внѣ предѣловъ* самоличной власти Монарха. Дошло, наконецъ, до храненія архивныхъ бумагъ и пастьбы жеребятъ; и въ этихъ уже совсѣмъ ничтожныхъ дѣлахъ отказывалось Верховной Власти въ правѣ самостоятельнаго рѣшенія: ее подчиняли „согласію“ Сейма.

Гдѣ корень этой удивительной метаморфозы? Вопервыхъ, во множествѣ, давности, неясности и отсутствіи малѣйшей системы въ старинныхъ шведскихъ узаконеніяхъ, въ которыхъ всегда можно найти желаемый крючекъ для всякаго случая. Вовторыхъ, въ интригѣ, выуживающей изъ этого заплеснѣлаго болота множество разной археологической мертвечины, которую всегда возможно истолковать по-своему, въ какомъ угодно смыслѣ.

Все основывается на довѣріи. Не даромъ новѣйшіе кодификаторы внесли въ свой проектъ свода финляндскихъ узаконеній знаменитую статью о томъ чтобы статсъ-секретарь былъ непремѣнно изъ Финляндцевъ и основали ее, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, на *практикѣ*. Русскій статсъ-секретарь, конечно, распуталъ бы всю паутину крючковъ и ухищреній, и тогда всѣ „ограниченія“ и „обязательства“ оказались бы построенными на пескѣ.

Не даромъ императоръ Николай Павловичъ погрозилъ Армфельту: „pas d'intrigues!“

***

ОТЗЫВЫ РУССКОЙ ПЕЧАТИ

ПО ПОВОДУ „ВСЕПОДДАННѢЙШЕЙ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ФИНЛЯНДСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА“.

1.

„Новое Время“, отъ 11 (23) мая 1889 года.

Мы перепечатали вчера изъ *Правительственнаго Вѣстника* всеподданнѣйшую докладную записку генералъ-губернатора Финляндіи. Записка эта преимущественно направлена противъ *Московскихъ Вѣдомостей*, которыя, вѣроятно, сочтутъ необходимымъ отвѣчать на нее обстоятельно. Сличая тексты статей *Московскихъ Вѣдомостей* и отвѣчающей на нихъ *Записки* генералъ-губернатора, мы только замѣтимъ что *Записка* не исчерпала тѣхъ положеній и фактовъ которые приведены *Московскими Вѣдомостями*. *Записка*, напримѣръ, не отвѣтила почему Высочайшія повелѣнія въ формѣ краткой: „Александръ III и пр. и пр.“, появляются относительно, напримѣръ, такихъ актовъ вниманія къ нуждамъ населенія какъ открытіе больницъ, и въ пространной формѣ „Божіей милостію“ и пр. относительно ничтожнѣйшихъ полицейскихъ распоряженій? Указаніе на подобные примѣры изъ прошлаго, не ранѣе, впрочемъ, 1867 года, ничего не доказываетъ, или только доказываетъ что въ примѣненіи формы закона существуетъ полный произволъ. Нужно указаніе на законы, а не на исключенія которыя позволяли себѣ и позволяютъ дѣлопроизводители Финляндскаго Сената. *Московскія Вѣдомости* правы придавая формѣ большое значеніе, а эту форму далеко не объясняетъ приводимый генералъ-губернаторомъ всемилостивѣйшій манифестъ императора Александра I, и безъ того всѣмъ хорошо извѣстный...

2.

Изъ статьи г. Ното въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, отъ 11 (23) мая 1889 года.

Издающаяся на русскомъ языкѣ инородческая газета *Новости* пришла въ невѣроятный восторгъ по поводу появившейся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и сообщенной нами вчера докладной записки финляндскаго генералъ-губернатора. Г. Нотовичъ... восторгъ трубилъ побѣду надъ „господами присвоивающими себѣ, въ предѣлахъ Русскаго государства, смѣхотворное названіе русской партіи“.

Я пока не намѣренъ касаться документа подавшаго поводъ къ такому ликованію. Скажу только что документъ

этотъ имѣетъ цѣлью опровергнуть газетныя разсужденія и свѣдѣнія о финляндскомъ сепаратизмѣ, а потому прежде всего свидѣтельствуетъ что русская власть въ Финляндіи сознаетъ лежащую на ней обязанность не допускать въ управляемой ею странѣ того, на что указываетъ печать.

Обращаюсь къ инородцамъ *Новостей*. Названіе русской партіи въ Русскомъ государствѣ представляется имъ смѣхотворнымъ. Пустяки! Они очень хорошо понимаютъ что силою вещей въ Россіи, съ тѣхъ поръ какъ въ судьбы ея вмѣшались иноземцы, а къ населенію ея прибавились якобы культурные и цивилизованные инородцы, существованіе русской партіи вовсе не смѣхотворно, а напротивъ имѣетъ глубокій смыслъ. Это та партія которая защищаетъ Русскій народъ и Русское государство отъ посягательствъ иноземцевъ и инородцевъ, домогающихся привилегированнаго положенія и свободы эксплуатаціи страны и народа. Это та партія которая въ XVIII вѣкѣ выдвигала русскихъ государственныхъ людей и русскихъ героевъ на мѣсто Бироновъ, а въ XIX вѣкѣ отстаивала и отстаиваетъ единство Россіи и русскую государственную идею въ западномъ краѣ, въ Польшѣ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, сопротивляется экономическимъ захватамъ Финляндцевъ и продолжаетъ думать что хотя въ Россіи живутъ десятки милліоновъ всякихъ инородцевъ, но господствующая народность въ ней—Русская. Это та партія которая не всегда преобладала въ бюрократическихъ сферахъ, но всегда вмѣщала въ себѣ самыхъ честныхъ одушевленныхъ и политически правильно воспитанныхъ русскихъ людей.

Отзыва петербургскихъ *Новостей* (№ 128) не приводимъ, затрудняясь причислить его къ отзывамъ „русской“ печати.

ФИНЛЯНДСКАЯ „ЛОЙЯЛЬНОСТЬ“

И

ФИНЛЯНДСКІЙ СЕПАРАТИЗМЪ.

(Передовая статья № 131 *Московскихъ Вѣдомостей* 1869 года.)

Москва, 13 мая.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, въ статьѣ г. Homo *, по поводу *Всеподданнѣйшей Докладной Записки Финляндскаго Генералъ-Губернатора*, было, между прочимъ, высказано что «документъ этотъ имѣетъ цѣлью опровергнуть газетныя разсужденія и свѣдѣнія о финляндскомъ сепаратизмѣ».

Недоумѣваемъ, на какомъ основаніи сотрудникъ названной газеты нашелъ возможнымъ приписать означенной *Докладной Запискѣ* подобное значеніе. Въ этой *Запискѣ* говорится о лойяльности дѣйствій Финляндскаго Сената; о правильности употребляемыхъ имъ формъ опубликованія узаконеній; о томъ что управленіе краемъ ведется въ установленномъ закономъ порядкѣ; о благодѣтельныхъ результатахъ этого управленія; о высотѣ образовательнаго ценза финляндскаго чиновничества; объ «основныхъ законахъ» Финляндіи; о репутаціи тамошнихъ земскихъ чиновъ; о томъ что населеніе Финляндіи проникнуто сознаніемъ своихъ законныхъ правъ и обязанностей, и т. д.,—но о сепаратистскихъ стремленіяхъ Финляндіи (точнѣе: финляндской, въ сущности шведской, интеллигенціи) въ *Запискѣ* не упоминается ни словомъ.

И это вполнѣ понятно. Финляндскій сепаратизмъ, издавна проявлявшійся и проявляющійся и въ словѣ и въ дѣлѣ, стоитъ внѣ спора.

Нельзя отвергать несомнѣнность финляндскаго сепаратизма, имѣя предъ собою достаточно извѣстную и русской публикѣ книгу финляндскаго сенатора Л. Мехелина *Конституція Финляндіи* *, проповѣдующую два основные принципа: 1) что Финляндія, какъ «самостоятельное государство», состоитъ будто бы только въ «соединеніи съ Россіей», только въ «личной (или «реальной») уніи», и

* См. выше, стр. 90—91.

* См. выше, стр. 17—40.

2) что Русскій Государь, будучи де конституціоннымъ монархомъ Финляндіи, ограниченъ въ Своихъ верховныхъ правахъ «историческими правами» Княжества, съ представителями котораго Онъ находится будто бы въ «соглашеніи», въ качествѣ одного изъ контрагентовъ связанныхъ между собою договорными отношеніями.

Нельзя отрицать финляндскій сепаратизмъ въ виду книгъ изданныхъ другимъ финляндскимъ сенаторомъ, Ю. Коскиненомъ, между прочимъ, его *Исторіи Финляндіи* *, — исторіи, въ которой цѣлый большой отдѣлъ прямо озаглавленъ: «Финляндія какъ государство въ уніи съ Россіей».

Инымъ, пожалуй, покажется что на эти явныя сепаратистскія стремленія членовъ Финляндскаго Сената можно смотрѣть сквозь пальцы, какъ на частныя, единичныя мнѣнія. Но это не такъ. Упомянутая сейчасъ *Исторія* Коскинена, изображающая Финляндію совершенно независимымъ отъ Россіи государствомъ, на одномъ изъ недавнихъ сеймовъ пріобрѣтена въ національную финляндскую собственность и обязательно принята для народныхъ школъ.

Согласно съ сепаратистскими тенденціями финлядскихъ сенаторовъ и земскихъ чиновъ идетъ и дѣятельность финляндскихъ кодификаторовъ, занимающихся якобы приведеніемъ въ систему дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній. Въ напечатанномъ проектѣ этой кодификаціи, § 17 изложенъ такъ:

«Дѣла подлежащія личному раз-
«рѣшенію Императора и Великаго
«Князя вносятся къ нему статсъ-се-
«кретаремъ, который долженъ быть(!)
«природнымъ Финляндцемъ... Поэто-
«му бумаги (expedition) въ кото-
«рыхъ содержатся повелѣнія Импе-
«ратора и Великаго Князя считают-
«ся *недѣйствительными* (!!) если
«онѣ не контрасигнированы или не
«подписаны статсъ-секретаремъ».

Такими революціонно-сепаратистскими финляндскими вожделѣніями, какъ вѣрно замѣчено нашимъ уважаемымъ гельсингфорсскимъ корреспондентомъ, «Русскій Императоръ ставится въ такое положеніе что если (проектируемый) г. Финляндецъ-статсъ-секретарь не соблагоизволитъ, то Его Монаршая подпись и воля (по проекту) безсильны». *

А финляндская печать? До чего доходитъ ея сепаратистскій задоръ, поучительный обращикъ тому данъ въ 1885 году. Тогда, вслѣдствіе столкновенія съ Афганцами, какъ извѣстно, международныя отношенія такъ обострились что между Россіей и Англіей готова была вспыхнуть война. Что же? Финляндскія газеты имѣли дерзость говорить что въ этой войнѣ Россіи Русская Финляндія будетъ соблюдать строгій *нейтралитетъ*! ** А вѣдь въ Финляндіи имѣется свое «Главное управленіе по дѣламъ печати», состоящее болѣе чѣмъ изъ тридцати чиновниковъ... ***

А праздновавшееся 15 августа 1885 года торжественное открытіе въ Индельсальмѣ враждебнаго Россіи памятника для увѣковѣченія памяти о небываломъ *пораженіи русскихъ войскъ* Шведами и Финляндцами при Виртѣ 27 октября 1808 года (стало-быть уже послѣ присяги принесенной Финляндцами императору Александру I), — это памятное всѣмъ антирусское торжество, на которомъ ораторы произносили, съ устроенной у подножія памятника каѳедры, похвальныя рѣчи побѣдителямъ, въ присутствіи губернатора, генералъ-майора той самой

* См. выше, стр. 54.

* См. выше, стр. 58.
** См. стр. 9, 18.
*** См. стр. 67—68.

русской арміи, пораженіемъ которой восторгались господа Финляндцы?...*

Кто изъ Русскихъ не пожелалъ бы чтобы всѣхъ этихъ и множества подобныхъ имъ фактовъ,— столь не перекаемо свидѣтельствующихъ о яркомъ разгарѣ издавна и настойчиво развивавшагося въ Финляндіи сепаратизма,— кто не пожелалъ бы чтобы всѣхъ этихъ фактовъ вовсе не было, чтобы газетныя свѣдѣнія о нихъ оказались ничѣмъ инымъ какъ ложью и вздоромъ?

У всѣхъ полегчало бы на душѣ,— и каждая честная русская газета, безъ сомнѣнія, искренно порадовалась бы еслибы свѣдѣнія о финляндскомъ сепаратизмѣ, сообщенныя ли другими или ею самой, оказались бы лишенными основанія. Мы первые не съ полною готовностью только, но съ радостью поспѣшили бы въ такомъ случаѣ принести повинную и покаяться въ томъ что и сами дались въ обманъ, и вводили въ заблужденіе другихъ... Но въ томъ-то и горе что прискорбные факты остаются фактами, и, вопреки завѣренію сотрудника *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ *Докладной Запискѣ* не сдѣлано даже и малѣйшихъ попытокъ къ опроверженію этихъ фактовъ.

Идетъ рѣчь о лойяльности Императорскаго Финляндскаго Сената, въ которомъ засѣдаютъ, въ качествѣ сенаторовъ, извѣстные своими тенденціями гг. Мехелинъ, Коскиненъ и consortes... Никто болѣе насъ не желалъ бы увѣриться въ этой лойяльности, получить фактическія основанія къ тому чтобы опровергнуть замѣчаніе объ этомъ Сенатѣ высказанное, въ фигуральной формѣ, нашимъ гельсингфорсскимъ корреспондентомъ — что это «центральный очагъ въ которомъ завариваются и пекутся самыя горячія и пикантныя снадобья для возбужденія аппетитовъ къ противодѣйствію Россіи и къ пропагандѣ государственной самостоятельности края».*

Но гдѣ искать основаній для опроверженія?

Докладная Записка предсѣдателя Императорскаго Финляндскаго Сената гласитъ что «власть Финляндскаго Сената *строго* опредѣлена законами утвержденными Государемъ Императоромъ». Это безспорно. Но вопросъ въ томъ: остается ли на самомъ дѣлѣ этотъ Сенатъ въ предѣлахъ своихъ законныхъ правъ и обязанностей?

Еслибы Финляндскій Сенатъ держался въ законныхъ предѣлахъ, еслибъ онъ памятовалъ приведенную въ *Докладной Запискѣ* статью 20ю регламента 1809 года, — «Поелику Совѣтъ (сенатъ) *не можетъ употреблять другой власти какъ ту которая Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше оному предоставлена*, то посему всѣ его акты и рѣшенія издаются Высочайшимъ Именемъ,» — еслибы Сенатъ памятовалъ это, онъ не дѣлалъ бы попытокъ уподоблять себя прежнему Шведскому государственному совѣту, не дѣлалъ бы покушеній на захватъ правъ Высочайшей Власти... А онъ дѣлалъ такія попытки, такія покушенія.

Финляндскій Сенатъ не довольствовался тѣми границами и объемомъ власти какіе установлены утвержденными Государемъ Императоромъ законами, этотъ Сенатъ пытался оспаривать право Государя вносить предложенія въ Сеймъ помимо его, Сената, какъ это обозначилось при покойномъ Императорѣ Александрѣ II, когда законъ о печати предлагался на разсмотрѣніе Сейма безъ предварительнаго обсужденія его въ Сенатѣ. Фактъ такой попытки, такого

* См. выше, стр. 9—14.

* См. выше, стр. 56.

покушенія, засвидѣтельствованъ въ рескриптѣ императора Александра II тогдашнему финляндскому генералъ-губернатору:

«Финляндскій Сенатъ до сихъ «поръ,» — сказано въ этомъ рескриптѣ, — «никакимъ закономъ никогда не «былъ облеченъ значеніемъ и пра«вами существовавшаго до 1789 года «шведскаго государственнаго совѣта «и, слѣдовательно, не могъ и не дол«женъ былъ, безъ особаго на то ука«занія, быть признаваемъ непремѣн«нымъ учрежденіемъ (какъ до 1789 «года государственный совѣтъ) для «обсужденія въ общемъ собраніи пе«редаваемыхъ Государемъ Сейму «предложеній.» *

Возьмемъ другой примѣръ, изъ болѣе близкихъ намъ по времени, восьмидесятыхъ, годовъ. Спросимъ: держался ли Финляндскій Сенатъ въ законныхъ предѣлахъ своихъ правъ и обязанностей, когда, говоря словами покойнаго М. Н. Каткова, — «осмѣлился отвергнуть Высочайшее повелѣніе о льготномъ проѣздѣ офицеровъ по желѣзнымъ дорогамъ, на томъ де основаніи что «Финляндія «не обязана давать субсидіи рус«скимъ офицерамъ, *финляндскіе* (!) «же офицеры ни въ какихъ подач«кахъ не нуждаются!» » **

Скажутъ, можетъ-быть, что это случайные промахи и увлеченія... Приведемъ еще одинъ обращикъ лойяльности господъ финляндскихъ сенаторовъ, — обращикъ *обдуманно-умышленнаго* сокрытія ими истины предъ своимъ Государемъ.

Вотъ фактъ изложенный нашимъ гельсингфорсскимъ корреспондентомъ на основаніи документовъ:

„Намъ довелось въ свое время (писалъ онъ), при генералъ-губернаторѣ графѣ Адлербергѣ и финляндскомъ статсъ-секретарѣ графѣ Армфельтѣ, видѣть переписку по поводу составлявшагося тогда „„Очерка““ управленія Финляндіей; *Очеркъ назначался для покойнаго Государя и русскихъ властей.* Проектъ былъ первоначально написанъ въ канцеляріи графа Адлерберга, но потомъ подвергся измѣненіямъ: *мѣстные сенаторы одно прибавили, другое выкинули.* Въ объясненіе сокращеній, они, между прочимъ, писали, конечно по-шведски, для графа Армфельта:

„„Въ вопросѣ о таможенной линіи ме„жду Имперіей и Финляндіей *признано „нужнымъ исключить* все касающееся „незначительныхъ доходовъ Финляндіи „сравнительно со значительными расхо„дами, послѣдствіемъ ея автономіи.“

„И далѣе:

„„Равнымъ образомъ желательно бы„ло избѣжать въ Очеркѣ цифровыхъ дан„ныхъ въ общихъ и таможенныхъ дохо„дахъ Финляндіи, *дабы* эти *цифры,* при „случаѣ, *не могли дать повода русскому „управленію вмѣшиваться въ дѣла управ„ленія Финляндіи.*“

„Приняты были, слѣдовательно, мѣры къ тому чтобы Русскія власти не знали, выгодна или убыточна для Россіи Финляндская автономія.

„Въ „„Очеркѣ““ управленія Финляндіи, *предназначенномъ для свѣдѣнія Государя,* былъ заключительный выводъ, имѣвшій цѣлью убѣдить, что Финляндцы не уклоняются отъ строгой легальности. Изъ трехъ его пунктовъ, послѣдній составители изложили такъ:

„„Никакого нововведенія внѣ установ„леннаго порядка и безъ Высочайшаго „повелѣнія въ Финляндіи производимо не „было.““

„Но окончательные редакторы-сенаторы нашли нужнымъ выкинуть слова: *и безъ Высочайшаго повелѣнія.*

„„Какъ слышно““,—писали они въ объясненіяхъ своихъ министру-статсъ-секретарю графу Армфельту,—

„„русскіе министры заявляютъ что „финляндское управленіе, само собою

* См. выше, стр. 71.

** См. выше, стр. 9.

„разумѣется, не дозволитъ себѣ самовольно никакого распоряженія безъ законнаго основанія или Высочайшаго повелѣнія, *но что многія изъ тѣхъ преимуществъ и Высочайшихъ соизволеній, ими съ теченіемъ времени Финляндія умѣла оградить себя, не принадлежатъ краю по закону и постановленіямъ*“,—

то-есть, другими словами, могутъ быть такъ же отмѣнены, какъ были утверждены, единоличною Монаршею волей.

„Чтобы не дать напоминанія объ этомъ правѣ и объ этой возможности, гг. сенаторы пояснили:

„„По этой причинѣ считается удобнѣйшимъ чтобы помянутый 3й пунктъ получилъ ту редакцію какая ему дана въ новомъ проектѣ“,—

то-есть, безъ упоминанія о Высочайшихъ повелѣніяхъ.

„Въ такомъ видѣ, дѣйствительно, *Очеркъ* и былъ напечатанъ.

„Едва ли эта откровенность требуетъ комментаріевъ; но указателемъ служитъ она хорошимъ.“ *

Какъ согласить съ лойяльностью Финляндскаго Сената приведенные и подобные имъ факты? Въ опроверженіе или разъясненіе этихъ фактовъ въ *Докладной Запискѣ* не сказано ни полслова. Вмѣсто того, въ ней, какъ на доказательство «управленія краемъ въ установленномъ законами порядкѣ» (безъ опроверженія и, стало-быть, при наличности вышеуказанныхъ тенденцій и пріемовъ финляндскаго сепаратизма), указано, кромѣ извѣстныхъ, своеобразныхъ финляндскихъ формъ изданія узаконеній, лишь на то что—

Всѣ болѣе важныя дѣла повергаются на Высочайшее Его Императорскаго Величества рѣшеніе. Генералъ-губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя Сената, повергаетъ на Высочайшее воззрѣніе всеподданнѣйшія представленія Сената, къ которымъ имѣетъ приложить собственный отзывъ.

За каждое полугодіе Сенатъ представляетъ Его Императорскому Величеству полный *списокъ* дѣлъ рѣшенныхъ Высочайшимъ Его Величества Именемъ въ силу власти предоставленной Сенату особыми Высочайшими Постановленіями.

Обратимся къ формамъ изданія узаконеній.

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ *Докладной Запискѣ* приведенъ Высочайшій манифестъ о переименованіи Финляндскаго Правительствующаго Совѣта въ Императорскій Финляндскій Сенатъ. * Обращикъ формы данъ, такимъ образомъ, наглядно. Форма эта такова:

Божіею Милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ всенародно, и т. д.

Вотъ, затѣмъ, приведенный въ № 105 *Московскихъ Вѣдомостей*,** опубликованный Финляндскимъ Сенатомъ, текстъ узаконенія по предмету пастьбы жеребятъ:

Дано въ Гельсингфорсѣ 17 декабря 1888 г.

Божіею Милостію Мы, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе:

Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи, Мы признали за благо симъ постановить;

§ 1.

Жеребцы старше одного года не должны быть пускаемы на пастбище безъ такого присмотра чтобъ они не могли имѣть случки съ чужими кобылицами противъ воли ихъ владѣльца, и т. д.

Просимъ сличить отмѣченныя курсивомъ вступительныя слова обоихъ этихъ узаконеній и сказать, имѣетъ ли второе изъ нихъ *форму* манифеста, и находитъ ли читатель, въ качествѣ Русскаго и вѣрноподданнаго,

* См. выше, стр. 43, 46 и 47.

* См. выше, стр. 82—83.

** См. выше, стр. 77.

употребленную форму *приличною* въ примѣненіи къ содержанію узаконенія?

Признаемся, какъ свѣжіе люди, не привычные къ спеціально-финляндской политической атмосферѣ, мы были смущены приведенною и другими до невѣроятности поразительными «формами». Въ *Докладной Запискѣ* рѣшительно объявлено что сообщенія нашего корреспондента по этой части «невѣрны». Но въ чемъ же они опровергнуты, въ чемъ не вѣрны?

Нашъ корреспондентъ * привелъ для образца, между прочимъ, еще такую форму опубликованія въ текущемъ году, въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*, одного изъ Высочайшихъ повелѣній:

Дано въ Гельсингфорсѣ, 15 января 1889. Александръ III и проч. По всеподданнѣйшему представленію Хозяйственнаго Департамента Нашего Сената и т. д.

Далѣе корреспондентомъ прибавлено:

„Спѣшу оговориться что приведенное повелѣніе, по формѣ своей, далеко не единственное: эта форма пріобрѣла въ *Сборникѣ* право гражданства не со вчерашняго дня.“

А вотъ что́ читаемъ во всеподданнѣйшей докладной запискѣ графа Ѳ. Л. Гейдена:

Относительно того что въ сборникѣ узаконеній за этотъ годъ появилось Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе въ слѣдующей формѣ: Александръ III и проч. и проч., то слѣдуетъ замѣтить что эта *сокращенная* форма употреблялась и прежде въ предписаніяхъ разнымъ учрежденіямъ и властямъ, какъ-то: отъ 15 и 23 января 1867 года, 3 сентября 1875, 24 августа и 8 сентября 1876 года и проч.

Развѣ это опроверженіе? Развѣ это, напротивъ, не полнѣйшее подтвержденіе сообщеній нашего корреспондента?

«Власть Финляндскаго Сената *строго* опредѣлена законами, утвержденными Государемъ Императоромъ.» Но какими же, однако, изъ этихъ законовъ, регламентомъ ли отъ 6 (18) августа 1809, манифестомъ ли 9 (21) февраля 1816, или какимъ инымъ, предоставлена этому Сенату власть допускать въ офиціальныхъ актахъ такое неслыханное подданными Русскаго Царя отношеніе къ Императорскому титулу, доходящее до полнаго его опущенія, какъ въ вышеприведенной «сокращенной» формѣ опубликованія Высочайшихъ повелѣній?

Предлагается не усматривать въ подобномъ отношеніи къ Императорскому титулу ничего предосудительнаго и находить оное въ порядкѣ вещей, какъ освященное до извѣстной степени болѣе чѣмъ двадцатилѣтнею финляндскою практикой. Но мы такого взгляда раздѣлять не можемъ. Мы, напротивъ, недоумѣваемъ, почему, вмѣсто черезчуръ торжественныхъ, притомъ произвольно разнообразныхъ, формулъ, Финляндскій Сенатъ не держится простой формулы усвоенной русскимъ Правительствующимъ Сенатомъ?

Нельзя же, полагаемъ, допустить чтобы господамъ Финляндцамъ и *Императорскому* Финляндскому Сенату простая формула «По указу Его Императорскаго Величества» представлялась формулой несогласною съ вышеприведенною статьей 20ю регламента 1809 года, а тѣмъ паче—Боже упаси—формулой унизительною...

Не опровергнувъ сказаннаго нашимъ корреспондентомъ касательно формъ финляндскихъ узаконеній, *Докладная Записка*, къ нашему удивленію, совсѣмъ умолчала о той сторонѣ этихъ «формъ» на которую въ нашихъ гельсингфорсскихъ кор-

* См. выше, стр. 76.

респонденціяхъ обращалось особенное вниманіе: разумѣемъ—внесеніе въ издаваемыя Высочайшимъ Именемъ узаконенія формулы: «съ согласія земскихъ чиновъ». А между тѣмъ, *многочисленность* постановленій, увѣнчиваемыхъ теперь этою ограничительною для Верховной Власти формулой, поистинѣ поразительно.

Послѣдствіемъ перваго, послѣ полувѣковаго періода, Сейма 1863 года, созваннаго Императоромъ Александромъ II, было тридцать слишкомъ постановленій,—и изъ нихъ только 2—3 имѣли эту незаконную формулу (можетъ-быть, то были пробные шары?), всѣ же прочія имѣли въ этомъ отношеніи приличную форму: «по всеподданнѣйшему представленію земскихъ чиновъ», «согласно заключенію земскихъ чиновъ» и т. п.

Совсѣмъ не то представляютъ узаконенія издаваемыя въ настоящее время, послѣ Сейма 1888 года: изъ числа напечатанныхъ до сихъ поръ 29ти, *двадцать* имѣютъ эту совершенно неприличную формулу «съ согласія», и только девять выражены иначе.

Впрочемъ, и изъ этихъ девяти добрая половина также должна быть опротестована, такъ какъ употребляетъ формулу «согласно *рѣшенію* земскихъ чиновъ», что также невѣрно: земскіе чины высказываютъ *только заключенія*; рѣшенія же принадлежатъ Государю, и только Государю.

Признаемся, мы тѣмъ болѣе были удивлены не найдя въ *Докладной Запискѣ* ни слова по части формулы «съ согласія земскихъ чиновъ», хотя бы и пользующихся общимъ уваженіемъ, что нашимъ корреспондентомъ, заявленіями коего вызвана *Докладная Записка*, по поводу этой формулы было сдѣлано весьма серіозное замѣчаніе, а именно: «Какъ вамъ это нравится? Почеркомъ пера финляндскихъ чиновниковъ, Русскій Самодержавный Императоръ поставленъ уже прямо *ниже* Финляндскаго Сейма, какъ инстанція дѣйствующая съ его, Сейма, согласія...»*

Взамѣнъ того, въ *Докладной Запискѣ* приведены объясненія почему нѣкоторые неважные вопросы были предметами сеймовыхъ предложеній,—объясненія, заключающіяся въ ссылкахъ на «общій сводъ законовъ страны (?) 1734 года» и на «основные законы»..

Увы! Долгій опытъ научилъ насъ относиться съ крайнею осторожностью, даже подозрительностью къ выкапываемымъ изъ архивной пыли документамъ и постановленіямъ, когда на нихъ дѣлаются ссылки въ Балтійскомъ краѣ или въ Финляндіи. Но еще болѣе смутила насъ ссылка на финляндскіе «основные законы».

Что это за «основные законы», въ *Докладной Запискѣ* не пояснено. Объ этомъ нельзя не пожалѣть: поясненіе тутъ очень нужно. Безъ него можно, пожалуй, подумать что тутъ разумѣются тѣ сомнительнаго свойства *Основные законы Финляндіи (Finlands Grundlagar)* которые были въ 1877 изданы тѣмъ же сенаторомъ Мехелинымъ который издалъ и вышепомянутую *Конституцію Финляндіи*, притомъ съ тѣми же не скрываемыми сепаратистскими тенденціями.

---

* См. выше, стр. 72. См. ниже стр. 145.

„ЗАПИСКА“ ГРАФА ГЕЙДЕНА

и

„ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ“ ФИНЛЯНДІИ.

(Передовая статья № 148 *Московскихъ Вѣдомостей* 1889.)

Москва, 30 мая.

Намъ привелось прочесть недавно въ петербургской печати обращенное къ намъ напоминаніе что отъ насъ «съ нетерпѣніемъ ждутъ *отвѣтныхъ* разъясненій» по поводу опубликованной «Всеподданнѣйшей докладной Записки генералъ-губернатора Финляндіи»,* такъ какъ эта *Записка* касается, главнымъ образомъ, нашей газеты.

Тѣмъ кто ожидаетъ отъ насъ «отвѣта» на *Всеподданнѣйшую Записку* придется, можетъ-быть, нѣсколько обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Отвѣчать на нее, полемизировать съ ея высокопоставленнымъ авторомъ, отнюдь не входитъ въ наши намѣренія. Но, тѣмъ не менѣе, молчаніе для насъ невозможно.

Въ этой *Запискѣ*, поданной самому Государю, опорочены вѣрность нѣкоторыхъ сдѣланныхъ въ нашей газетѣ сообщеній и основательность нѣкоторыхъ высказанныхъ въ ней сужденій. Этимъ на насъ прямо возлагается обязанность провѣрить поставленныя намъ въ вину сообщенія и сужденія, и—либо повиниться въ своихъ погрѣшностяхъ, либо изложить основанія по которымъ мы, вопреки заявленіямъ *Всеподданнѣйшей Записки*, не можемъ, по долгу присяги и совѣсти, не настаивать на томъ что у насъ было высказано.

На ряду съ этимъ, на насъ лежитъ и другой долгъ—долгъ нашего общественнаго служенія въ печати—не оставлять безъ обсужденія документовъ имѣющихъ или могущихъ получить государственное значеніе, коль скоро эти документы опубликованы или, не будучи государственною тайной, инымъ путемъ дошли до нашего свѣдѣнія. Какъ не проходятся въ печати молчаніемъ всеподданнѣйшіе доклады по Министерству Финансовъ и другимъ вѣдомствамъ, такъ еще менѣе можетъ быть пройденъ ею молчаніемъ такой документъ какъ *Всеподданнѣй-*

* См. выше, стр. 82–84.

шая Докладная Записка Генералъ-Губернатора Финляндіи.

Въ данномъ случаѣ обѣ эти предлежащія намъ задачи, по существу дѣла, такъ тѣсно связаны что для насъ онѣ почти неотдѣлимы одна отъ другой. Приступъ къ посильному исполненію обѣихъ этихъ задачъ уже сдѣланъ нами въ № 131 *Московскихъ Вѣдомостей*, * гдѣ приведенъ цѣлый рядъ — полагаемъ, вѣскихъ и уважительныхъ — фактовъ и соображеній не позволяющихъ намъ, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, вѣрить ни въ отсутствіе финляндскаго сепаратизма, ни въ непогрѣшимую лойяльность Финляндскаго Сената, ни въ правильность и допустимость практикуемыхъ этимъ Сенатомъ формъ опубликованія разныхъ узаконеній и постановленій, — хотя сіи формы и приняты подъ свою защиту упомянутою *Запиской*.

Пойдемъ далѣе.

Во всякомъ документѣ, тѣмъ паче офиціальномъ, помимо прямаго смысла и содержанія какіе хотѣлъ выразить въ немъ его составитель, имѣетъ большое и важное значеніе самая редакція документа. Малѣйшая неточность выраженій, малѣйшія обмолвки и недомолвки, не только не входившія въ намѣренія составителя документа, но и прямо съ сими намѣреніями несогласныя, могутъ дать часто совсѣмъ непредвидѣнное и нежелательное оружіе въ руки тѣмъ кто, въ послѣдствіи, будутъ употреблять этотъ документъ въ качествѣ «инструмента».

Въ виду этого, не можетъ быть, напримѣръ, оставлено безъ оговорки выраженіе: «управленіе краемъ, слѣдовательно, ведется въ установленномъ законами порядкѣ», — выраженіе, употребленное въ *Запискѣ* вслѣдъ за утвержденіемъ что въ практикуемыхъ Финляндскимъ Сенатомъ формахъ изданія узаконеній не усматривается ничего нелойяльнаго или предосудительнаго.

Оставленное безъ оговорки, это выраженіе *Записки*, съ предшествующимъ ему контекстомъ, могло бы быть истолковано финляндскими сепаратистами въ смыслѣ офиціальнаго одобренія или разрѣшенія со стороны представителя Высочайшей Власти въ краѣ, — притомъ съ вѣдома самого Монарха, — приводить въ офиціальныхъ финляндскихъ актахъ одно Имя Государя съ неуважительнымъ опущеніемъ присущаго Ему титула и, вмѣстѣ съ тѣмъ, включать въ текстъ узаконеній ограничивающую Самодержавную Власть формулу: «*съ согласія земскихъ чиновъ*».

Нельзя, посему, не поставить на видъ что *употребленіе* Финляндскимъ Сенатомъ *этой* послѣдней *формулы находится въ существенномъ противорѣчіи съ* утвержденными *законами*, коими, какъ сказано въ *Запискѣ*, «*строго* опредѣлена власть Финляндскаго Сената».

Обязательная для сего Сената ст. 20 Регламента 6 (18) августа 1809 прямо гласитъ:

„Поелику Совѣтъ (Сенатъ) *не можетъ употреблять другой власти*, какъ ту, которая Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше оному предоставлена, то посему всѣ его акты и рѣшенія издаются Высочайшимъ Именемъ.“

На какомъ же основаніи, по какому праву Финляндскій Сенатъ позволяетъ себѣ въ издаваемыхъ имъ актахъ ставить на ряду съ Императорскою Властью еще *другую* власть — власть земскихъ чиновъ — и еще притомъ ставить непререкаемую первую Власть въ зависимость отъ согласія болѣе чѣмъ сомнительной второй власти? Какою изъ статей *Регламента* 1809 года поставлено

* См. выше, статью „Финляндская лойяльность и финляндскій сепаратизмъ“, стр. 92—98.

это Финляндскому Сенату въ обязанность и дано ему на сіе полномочіе?

Въ еще большей мѣрѣ и въ еще худшемъ смыслѣ можетъ быть истолкована сепаратистскою интригой другая обмолвка или недомолвка въ *Запискѣ*, на которую уже сдѣлано нами краткое указаніе въ заключительныхъ словахъ нашей статьи «Финляндская лойяльность и финляндскій сепаратизмъ».

Объясняя почему «сравнительно незначительные вопросы, какъ-то о храненіи судебныхъ архивовъ и объ улучшеніи конской породы, были предметами сеймовыхъ предложеній», *Записка* говоритъ:

„Это зависѣло лишь отъ того что опредѣленія по сказаннымъ предметамъ входятъ *въ общій сводъ законовъ страны (1734) принадлежащій къ той части законодательства, въ которой, по основнымъ законамъ, участвуетъ Сеймъ.*“

Что именно разумѣетъ *Записка* подъ этими, упомянутыми въ ней, опредѣляющими компетенцію Финляндскаго Сейма, «*основными законами*» — мы не знаемъ, ибо въ ней этого не разъяснено. Ясно лишь что *Записка* подъ сими «основными законами» разумѣетъ ту самую «*конституцію*» о коей говорится въ Высочайшемъ манифестѣ 9 (21) февраля 1816 года — (этотъ манифестъ найдено было нужнымъ привести текстуально въ особомъ къ *Запискѣ* примѣчаніи), — и что такимъ образомъ *Записка* является полнымъ официальнымъ признаніемъ всей силы этихъ «основныхъ законовъ», этой «конституціи».

Но, при полной неизвѣстности о какихъ именно «основныхъ законахъ», о какой «конституціи» идетъ рѣчь въ *Запискѣ*, мы имѣемъ за то достаточное понятіе о томъ что хотятъ и стараются выдать, и дѣйствительно, всевозможными неправдами, выдаютъ финляндскіе сепаратисты за эту конституцію, за эти основные законы. Желающіе ознакомиться съ этою мнимою конституціей, съ этими фантастическими основными законами могутъ прочесть, между прочимъ, извѣстныя и не разъ нами упомянутыя, посвященныя этимъ предметамъ, сочиненія финляндскаго сенатора Мехелина.

Пронесся, въ свое время, интересный слухъ, шедшій изъ финляндскихъ источниковъ, — слухъ, оглашенный потомъ и въ русской печати * и оставшійся безъ опроверженія, — будто г. Гладстонъ, вѣроятно въ виду своихъ ирландскихъ проектовъ, обращался къ русскому послу въ Лондонѣ за свѣдѣніями объ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи. Посолъ отнесся де по начальству, и наше центральное дипломатическое вѣдомство будто бы не нашло ничего другаго сдѣлать какъ послать знаменитому Англичанину извѣстную книжку Мехелина, въ которой доказывается государственная самостоятельность Финляндіи...

Уже въ виду подобнаго обстоятельства финляндскіе сепаратисты ликовали, видя въ немъ хотя косвенное, но все же идущее изъ русскихъ офиціальныхъ сферъ признаніе своихъ тенденцій и домогательствъ. Какимъ же подкрѣпленіемъ этихъ тенденцій явилась бы опубликованная *Всеподданнѣйшая Докладная Записка* финляндскаго генералъ-губернатора, еслибы финляндскимъ сепаратистамъ оставлена была возможность утверждать что упоминаемые и признаваемые въ ней «основные законы» и конституція суть тѣ самые о которыхъ трактуютъ сенаторъ Мехелинъ съ товарищи!

«Основные законы» *Финляндіи*, по сказаніямъ г. Мехелина, не что иное какъ бывшая *шведская* кон-

---

* См. выше, стр. 61.

ституція, заключающаяся въ «Формѣ Правленія 1772 года» и «Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 года».

Но когда же, однако, эти стародавнія конституціонныя хартіи Шведскаго государства — (финляндской государственной конституціи никогда не бывало, такъ какъ не существовало Финляндскаго государства, а была лишь, наравнѣ съ Помераніей, Шоніей, Далекарліей, простая шведская провинція именовавшаяся Финляндіей), — когда же эти ветхозавѣтныя шведскія хартіи были признаны и утверждены для Финляндіи Русскими Государями? Гдѣ тотъ актъ Русской Самодержавной Власти который облекъ бы означенныя хартіи въ силу закона?

Да и какъ возможно было бы признаніе и утвержденіе этихъ хартій, когда въ нихъ, въ числѣ первыхъ условій, стоитъ, напримѣръ, непремѣнное *обязательство для Государя принадлежать къ евангелическо-лютеранскому исповѣданію*, да и для Наслѣдника Престола тоже? Примѣнимы ли, могли ли быть утверждены подобные пункты по отношенію къ искони православнымъ Русскимъ Государямъ?

Примѣнимъ ли, могъ ли быть утвержденъ и такой, напримѣръ, пунктъ, по которому *Государь долженъ объявлять единодержавіе и самодержавіе ненавистнымъ?* А вѣдь по означеннымъ хартіямъ для государя установлена особая форма присяги, по которой онъ обязывается —

„управлять королевствомъ и царствовать по Формѣ Правленія 21 августа 1772 года, навсегда отвергая *ненавистное королевское единодержавіе* (förhateliga Konungsliga Enwäldet) или *такъ-называемый суверенитетъ*, и почитая для себя за величайшую честь (för wår största ära) быть первымъ сограждениномъ честнаго и свободнаго народа“.

Допустимо ли, мыслимо ли чтобы шведскія хартіи 1772 и 1789 годовъ, содержащія въ себѣ подобные пункты, могли быть признаны за «конституцію» или за «основные законы» — (и кѣмъ же признаны? русскимъ генераломъ, представителемъ Высочайшей Власти въ Ею ввѣренной ему русской провинціи!), — и чтобы притомъ это признаніе могло быть заявлено во *Всеподданнѣйшей Запискѣ* поданной Православному Русскому Самодержцу?

Впрочемъ, на приведенныхъ пунктахъ архивной шведской конституціи наши финляндскіе сепаратисты, по своей снисходительности, готовы не настаивать: они согласны ихъ исключить. Но есть и другіе пункты, которыхъ тоже нельзя не исключить... Стало-быть, упомянутыя шведскія хартіи въ полномъ ихъ составѣ, по сознанію самихъ финляндскихъ сепаратистовъ, не пригодны быть финляндскою «конституціей», финляндскими «основными законами». Обращеніе этихъ хартій въ таковые законы, даже по сознанію самихъ вожаковъ сепаратизма, невозможно и немыслимо безъ исключеній, урѣзокъ, перекройки...

Но когда же и гдѣ учинена эта перекройка дѣйствительно существовавшей шведской конституціи въ никогда небывалую конституцію финляндскую? Когда и гдѣ происходилъ этотъ отбросъ однѣхъ и признаніе другихъ статей этой старо шведской конституціи, — когда, гдѣ и кѣмъ совершался этотъ пересмотръ *Формы Правленія 1772 года* и *Акта Соединенія и Безопасности 1789 года*, — и въ какомъ государственномъ актѣ засвидѣтельствованъ и изложенъ результатъ этого пересмотра?

Вѣдь не могутъ же, полагаемъ, и господа сепаратисты отрицать что *основные* законы, на которыхъ зиждется весь строй государства, не только должны быть строго, точно и

опредѣленно изложены, но и облечены въ соотвѣтственную форму важнѣйшаго государственнаго документа. Гдѣ же, когда и кѣмъ такой документъ составленъ, подписанъ и обнародованъ?

Такого документа нѣтъ. А если его нѣтъ, то ни за *Формой Правленія*, ни за *Актомъ Соединенія и Безопасности* не можетъ быть признаваемо ни малѣйшей тѣни политической и юридической силы: это не болѣе какъ клочки бумаги, не имѣющіе иного интереса кромѣ археологическаго и академическаго.

Не имѣютъ, стало-быть, ни малѣйшаго значенія и всякія ссылки на эти архивные шведскіе документы, не подлежащіе никакому примѣненію къ дѣламъ и порядкамъ русской Финляндіи, и не могущіе имѣть никакого вѣса, никакой силы ни для Россіи, ни для Финляндіи, ни для ихъ Единодержавнаго Монарха.

А дальнѣйшій прямой выводъ отсюда тотъ что все что въ финляндскихъ порядкахъ основано и основывается, все что тамъ создано и зиждется на такомъ зыбкомъ и непригодномъ основаніи какъ эти ничтожныя архаическія хартіи, построено на пескѣ, на нулѣ, и не имѣетъ права на бо́льшую чѣмъ эти пустячные документы уважительность.

Правда, со стороны Финляндцевъ не было недостатка въ попыткахъ добиться отъ Русской Власти признанія силы упомянутыхъ хартій, если не прямаго, то хоть косвеннаго, если не вполнѣ, то хоть отчасти. Въ этихъ видахъ, сепаратистская интрига, съ замѣчательнымъ искусствомъ, настойчивостью и выдержанностью, пускала въ ходъ и лесть, и обманъ, и наглость, шла и явными, и потайными путями, извиваясь ужомъ и жабой, не брезгая никакими пріемами. Многаго, чрезвычайно многаго достигла эта болѣе трехъ четвертей вѣка непрерывно и неустанно работавшая интрига. Успѣхи ея несомнѣнны, громадны и крайне печальны для Русскаго народа, купившаго себѣ Финляндскую провинцію потоками своей крови пролитой въ цѣломъ рядѣ войнъ. Существующіе въ Финляндіи порядки *de facto* самые «конституціонные»; этотъ край, со включеніемъ искони-русской Выборгской губерніи, на дѣлѣ болѣе чуждъ Россіи чѣмъ любое враждебное иностранное государство. Все это такъ. Но, тѣмъ не менѣе, утвержденія облюбованной ими «конституціи» финляндскіе «патріоты» все-таки *de jure* не добились.

Припомнимъ нѣсколько фактовъ по части попытокъ къ исторженію у Русской Власти согласія на признаніе за сказанными шведскими хартіями силы финляндскихъ «основныхъ законовъ».

Одна изъ такихъ попытокъ, какъ видно изъ мемуаровъ барона Маннергейма (бывшаго члена Боргоскаго Сейма и потомъ вице-президента Финляндскаго Сената *) и изъ повѣствованія финскаго сепаратиста Р. Кастрена, была сдѣлана наканунѣ открытія Боргоскаго Сейма.

Двое изъ членовъ этого Сейма, Маннергеймъ и де-Моріанъ, завели было со Сперанскимъ рѣчь о соблюденіи императоромъ Александромъ Павловичемъ конституціонныхъ формъ 1772 года, о принесеніи имъ требуемой этими формами вышеозначенной присяги.

Но подобная мысль встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны Сперанскаго и заглохла при первомъ своемъ возникновеніи. Мысль эта была такъ несообразна съ обстоятельствами и положеніемъ Императора-покорителя Финляндіи что ввечеру того же дня разнеслась даже,— правда, не подтвердившаяся,—молва что Александръ I хотѣлъ, по поводу

---

* См. выше, стр. 70.

заявленія столь дикой претензіи, распустить Сеймъ, для присутствія на коемъ нарочно прибылъ въ Борго.

Затѣмъ, *всякое упоминаніе о Формѣ Правленія 21 августа 1772 года было устранено* и изъ присяги принесенной въ Боргоскомъ соборѣ, предъ открытіемъ Сейма, финляндскимъ рыцарствомъ и дворянствомъ. «Конституціонная форма» присяги, въ которой поименованы законы 21 августа 1772 года и 24 января 1617 года была замѣнена простымъ обязательствомъ «сохранять коренные законы и учрежденія этой страны, *въ томъ видѣ какъ они существуютъ и дѣйствуютъ* (telles qu'elles existent et sont en vigueur)»,*—а само собою разумѣется что *шведская* конституція не могла существовать и дѣйствовать въ странѣ еще до окончанія войны порвавшей всякую связь со Швеціей, въ странѣ покоренной русскимъ оружіемъ, включенной *въ составъ единой Русской Имперіи* и принесшей присягу на вѣрность подданства *Русскому Престолу*.

Разказанный сейчасъ фактъ изъ исторіи Боргоскаго Сейма, замѣтимъ мимоходомъ, долженъ бы, кажется, имѣть рѣшающее значеніе въ глазахъ людей склонныхъ относить къ этому Сейму утвержденіе финляндскихъ «основныхъ законовъ» или «конституціи»: *сознательное* исключеніе на Сеймѣ самаго упоминанія о хартіи 1772 года прямо указываетъ что эта хартія къ числу финляндскихъ *коренныхъ законовъ* никоимъ образомъ относима быть не можетъ.

Но рѣшительно отвергнутая Предержащею Властью мысль о примѣненіи въ Финляндіи шведской конституціи не была забыта финляндскими сепаратистами, и они изъ года въ годъ не прекращали своихъ работъ по подготовленію почвы для насажденія ея въ первый удобный къ тому моментъ. Начало шестидесятыхъ годовъ, эта эпоха, когда съ такимъ легкимъ сердцемъ посылался въ Варшаву маркизъ Велёпольскій, причемъ «Царству Польскому» давалась почти полная автономія, и когда, параллельно съ этимъ, вдругъ потребовался созывъ перваго финляндскаго Сейма въ Гельсингфорсѣ,—начало шестидесятыхъ годовъ показалось Финляндцамъ именно тѣмъ временемъ когда, пользуясь вѣяніями минуты, можно было и слѣдовало исторгнуть у Русской Власти то утвержденіе конституціонныхъ формъ и «основныхъ законовъ», въ которомъ столь рѣшительно отказано было въ 1809 году.

Работа по составленію «конституціи» для Финляндіи закипѣла и, во избѣжаніе всякой помѣхи и критики съ русской стороны, велась подъ спудомъ глубочайшей канцелярской тайны. Вотъ что, въ главныхъ чертахъ, разказано объ этомъ историческомъ эпизодѣ нашимъ гельсингфорсскимъ корреспондентомъ.

Дѣло это относится къ 1863—1864 годамъ. Работы по проекту изданія для Финляндіи полной, отдѣльной отъ Россіи, конституціи велись финляндскимъ статсъ-секретаремъ графомъ Армфельтомъ въ сотрудничествѣ съ финляндскими сенаторами. Велись онѣ, какъ сказано, въ глубочайшей тайнѣ, и «лойяльными» финляндскими сенаторами прилагались особыя заботы къ тому чтобы какъ-нибудь не провѣдалъ объ этой конституціонной затѣѣ... тогдашній предсѣдатель Финляндскаго Сената, генералъ-губернаторъ Рокасовскій.

Искусно ведя это, самолично имъ возбужденное, дѣло, графъ Армфельтъ успѣлъ уже достигнуть одобренія Государемъ предварительныхъ

---

* *Русскій Вѣстникъ*, май 1888, „Какъ было дѣло?“ К. Ф. Ордина, стр. 128—131. См. выше, стр. 24—40 „Легенда о Финляндскомъ государствѣ“.

программъ задуманнаго проекта конституціи, — а представитель Высочайшей Власти въ Финляндіи попрежнему оставался въ полномъ невѣдѣніи какой подкопъ подъ верховныя права Русскаго Самодержавія ведется сонмомъ финляндскихъ сенаторовъ, въ средѣ коихъ Рокасовскій былъ по закону предсѣдателемъ.

Но вотъ изъ одной изъ русскихъ губерній приходитъ къ Рокасовскому письмо, и изъ этого *частнаго* письма онъ вдругъ узнаетъ о готовящемся въ порученномъ ему краѣ переворотѣ, о томъ что одобрены уже и предварительныя программы этого переворота. Въ виду такого сюрприза, Рокасовскій естественно пожелалъ ознакомиться съ интереснымъ проектомъ по бумагамъ канцеляріи Финляндскаго Сената,—но въ исполненіи такого желанія ему было отказано. Въ «лойяльномъ» Финляндскомъ Сенатѣ было найдено что русскому предсѣдателю этого Сената, главному начальнику края, не слѣдуетъ знать что въ этомъ Сенатѣ творится. Для того чтобъ имѣть возможность разсмотрѣть относящіяся къ дѣлу бумаги, для того чтобъ эти бумаги были ему показаны,—Рокасовскому пришлось испрашивать особое Высочайшее повелѣніе!

Ознакомившись со всѣмъ этимъ боявшимся свѣта дѣломъ, Рокасовскій въ секретномъ письмѣ Государю раскрылъ поступки главнѣйшихъ коноводовъ. Но письмо это сдѣлалось извѣстнымъ Армфельту, который и получилъ возможность представить дѣло такъ что виноватымъ оказывался Рокасовскій. Затѣмъ состоялось совѣщаніе у Государя, на которомъ и происходило состязаніе между Рокасовскимъ и Армфельтомъ. Къ участію въ совѣщаніи были приглашены, между прочими, князь Горчаковъ и графъ Блудовъ, но они, по словамъ самого Армфельта, не обмолвились ни однимъ словомъ въ поддержку Рокасовскаго, стоявшаго за права Россіи.

Результатъ былъ тотъ что Рокасовскій поплатился мѣстомъ генералъ-губернатора и, разставаясь съ нимъ, Армфельтъ имѣлъ возможность со злою ироніей сказать ему: «Eh bien, mon général! vous partez, et moi—je reste!»

Рокасовскій потерялъ мѣсто, но тѣмъ цѣннѣе заслуга его предъ Россіей и ея Государемъ, тѣмъ болѣе основаній молить Бога чтобы Русская земля не оскудѣвала столь же вѣрными и самоотверженными Царскими слугами какимъ выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ пострадавшій финляндскій генералъ-губернаторъ. Онъ лишился своего поста, но тѣмъ не менѣе достигъ важной для Россіи цѣли: задуманный финляндскими сепаратистами *проектъ конституціи остался безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.*

Такъ разказано это дѣло нашимъ гельсингфорскимъ корреспондентомъ *—и его разказъ не вызвалъ ни съ чьей стороны ни опроверженій, ни поправокъ. Вѣрности относящихся къ этому дѣлу сообщеній корреспондента не опорочиваетъ и *Всеподданнѣйшая Записка.*

Это послѣднее обстоятельство тѣмъ важнѣе что приведенный разказъ служитъ яркою иллюстраціей тѣхъ условій въ какія поставленъ генералъ-губернаторскій контроль надъ финляндскими дѣлами,—тотъ контроль, на который, въ подтвержденіе того что «управленіе краемъ, слѣдовательно, ведется въ установленномъ законами порядкѣ», сдѣлано въ *Запискѣ* указаніе въ словахъ: «Генералъ-губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя Сената, повергаетъ на Высочайшее воззрѣніе всеподданнѣйшія представленія Сената, *къ которымъ имѣетъ приложить собственный отзывъ.*»

---

* См. выше, стр. 70—71.

Итакъ, конституціонная затѣя финляндскаго статсъ-секретаря Армфельта и Финляндскаго Сената потерпѣла полное фіаско. Финляндія, какъ была, такъ и осталась безъ вожделѣнной сепаратистами «конституціи». Но Рокасовскій долженъ былъ уйти, а Армфельтъ,—тотъ самый Армфельтъ которому, назначая его финляндскимъ статсъ-секретаремъ, императоръ Николай I нашелъ нужнымъ сказать: «pas d'intrigues!» — Армфельтъ остался. Осталось и направленіе дѣлъ въ духѣ неудавшейся затѣи.

Конституція провалилась, но,—благо ужъ стали созываться финляндскіе сеймы,—нужно же было установить внутренній распорядокъ занятій этихъ «земскихъ чиновъ», нужно же было утвердить сеймовой уставъ или регламентъ, которымъ опредѣлялся бы этотъ распорядокъ. Кто будетъ внимательно и усидчиво анализировать каждый пунктъ, каждую строчку, каждое слово въ подобномъ многостатейномъ регламентѣ, въ актѣ столь второстепеннаго значенія? Тѣмъ легче внести въ него незамѣтнымъ образомъ, хотя бы и не имѣющія конституціонной силы, но существенныя на практикѣ ограниченія Верховной Власти по разнымъ предметамъ,—ограниченія даже бо́льшія тѣхъ какія по древнимъ хартіямъ принижали власть шведскихъ королей. Такой регламентъ и былъ составленъ Армфельтомъ и его совѣтниками. Подписанный четырьмя предводителями финляндскихъ земскихъ сословій, онъ былъ представленъ Армфельтомъ къ подписи Государя, и подпись воспослѣдовала.

Но этотъ регламентъ, сочиненный послѣ того какъ рѣшительно была отвергнута самая мысль о составленіи конституціи, вопервыхъ, не имѣетъ значенія «основныхъ законовъ», а вовторыхъ, не находится въ связи съ конституціонными хартіями 1772 и 1789 годовъ. * Сепаратистами же не покинута мысль добиться такъ или иначе признанія силы именно за этими хартіями. Попытки въ этомъ смыслѣ не прекращались и не прекращаются понынѣ.

Такъ, между прочимъ, финляндскими Сеймомъ и Сенатомъ составляются и издаются постановленія, которыми вносятся измѣненія и поправки въ нѣкоторые пункты этихъ архивныхъ хартій,—какъ бы имѣющихъ дѣйствительную силу закона,—тѣхъ самыхъ хартій въ силу коихъ Государь долженъ быть лютераниномъ и объявлять ненавистнымъ единодержавіе!

Вотъ одна изъ подобныхъ попытокъ, относящихся къ весьма недавнему времени.

Въ № 37 офиціальнаго *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1888 годъ напечатано (въ обычной формѣ Высочайшаго Манифеста, съ присовокупленіемъ «согласія земскихъ чиновъ») узаконеніе о правѣ дворянъ занимать городскія должности. Сущность узаконенія состоитъ въ слѣдующемъ:

„Заключающіяся въ королевскихъ резолюціяхъ по жалобамъ городовъ отъ 3 декабря 1680 и 13 іюля 1709 годовъ правила о запрещеніи дворянамъ занимать должности бургомистра, ратмана и секретаря магистрата въ городахъ края считать отмѣненными.

Къ этимъ словамъ въ текстѣ узаконенія прибавлено:

«Съ измѣненіемъ 4 пункта Акта Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года» **.

Понятно важное значеніе этихъ послѣднихъ, подчеркнутыхъ нами, словъ: измѣняемы могутъ быть только законы имѣющіе силу, и стало-быть утвержденіе измѣненій до извѣстной степени равносильно признанію

* См. ниже опроверженія и поясненія на стр. 125—143.

** См. выше, стр. 78.

самого закона въ которомъ измѣненія дѣлаются. А о признаніи какого закона идетъ тутъ дѣло? Старо-шведской конституціонной хартіи 1789 года!

По заявленію *Всеподданнѣйшей Записки*, «всѣ болѣе важныя дѣла повергаются на Высочайшее Его Императорскаго Величества рѣшеніе». Къ сожалѣнію, — хотя авторъ *Записки* и имѣлъ въ виду приведенное сейчасъ узаконеніе, съ разъясненіемъ его смысла, ибо возражалъ, между прочимъ, на корреспонденцію въ № 105 *Московскихъ Вѣдомостей*,* — къ сожалѣнію, изъ *Записки* не видно, было ли несомнѣнно важное дѣло о подобномъ узаконеніи повергнуто на Высочайшее воззрѣніе, равно какъ не видно, былъ ли къ представленію о немъ приложенъ, и если былъ, то какой именно, «собственный отзывъ» генералъ-губернатора, и какъ случилось что этотъ отзывъ не помѣшалъ опубликованію узаконенія въ приведенной редакціи...

Къ слову о генералъ-губернаторскихъ «отзывахъ». Эти «отзывы» несомнѣнно имѣли бы тѣмъ большій вѣсъ, тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше и ближе было бы ознакомленіе генералъ-губернатора со всѣмъ происходящимъ въ Сенатѣ, чѣмъ въ большей мѣрѣ проявлялось бы руководство съ его стороны сенатскими сужденіями во время самаго разсмотрѣнія разныхъ вопросовъ. Но уже на приведенномъ примѣрѣ Рокасовскаго мы видѣли какъ трудно для финляндскихъ генералъ-губернаторовъ ознакомленіе съ дѣлами Сената состоящаго подъ ихъ предсѣдательствомъ. Тѣмъ не менѣе, § 2 Регламента 1809 года гласитъ что «въ Совѣтѣ (Финляндскомъ Сенатѣ) предсѣдательствуетъ генералъ-губернаторъ Финляндіи»: стало-быть, въ качествѣ предсѣдателя Сената, генералъ-губернатору принадлежитъ неоспоримое право руководить сенатскими сужденіями. Но руководить ли онъ ими, предсѣдаетъ ли онъ въ Сенатѣ на самомъ дѣлѣ?

Въ § 29 того же Регламента сказано:

«Генералъ-губернаторъ *подписываетъ актыкаждый разъ когда* онъ лично *предсѣдаетъ* въ совѣтѣ» (Сенатѣ).

Законъ этотъ, безъ сомнѣнія, исполняется. И что же? Нашъ корреспондентъ прямо утверждаетъ что финляндскій генералъ-губернаторъ, этотъ единственный представитель Русскаго Государя и русской власти въ краѣ, *объявляемыхъ тамъ узаконеній вовсе не подписываетъ*, хотя состоитъ предсѣдателемъ Сената,—и *Записка* оставляетъ это заявленіе не опровергнутымъ, а обязательно сдѣланный для насъ нашимъ корреспондентомъ просмотръ *Сборника Постановленій* удостовѣряетъ что дѣйствительно ни подъ однимъ изъ нихъ генералъ-губернаторской подписи не имѣется.

Какой же прямой выводъ изъ сопоставленія этого факта съ § 29 Регламента? Не тотъ ли что предсѣдатель Финляндскаго Сената при изданіи узаконеній *никогда* въ немъ не присутствуетъ, оставляя все на усмотрѣніе прочихъ членовъ Сената, которые всѣ назначаются изъ Финляндцевъ? Комментаріи касательно того *какъ* это обстоятельство можетъ отзываться на «управленіи краемъ въ установленномъ законами порядкѣ», полагаемъ, излишни.

Но возвратимся къ конституціоннымъ затѣямъ финляндскихъ сепаратистовъ. Чего не удалось достигнуть при Александрѣ I на Сеймѣ въ Борго, чего, благодаря самопожертвованію Рокасовскаго, не удалось достигнуть при Александрѣ II, того самаго разчитываютъ они достигнуть

* См. выше, стр. 75—78.

въ настоящее время, подъ видомъ кодификаціи или приведенія въ систему будто бы дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній.

Проектъ этой кодификаціи уже составленъ, напечатанъ, и ожидаетъ лишь Высочайшаго утвержденія. О характерѣ этой кодификаціонной работы мы уже говорили, между прочимъ, въ № 131 *Московскихъ Вѣдомостей*, * гдѣ приведенъ слѣдующій § 17 проекта:

„Дѣла подлежащія личному разрѣше-„нію Императора и Великаго Князя вно-„сятся къ Нему статсъ-секретаремъ, ко-„торый долженъ быть (!) природнымъ „Финляндцемъ (infödde finske män)... По-„этому *бумаги* (expedition) *въ которыхъ „содержатся повелѣнія Императора* и „Великаго Князя *считаются не дѣйстви-„тельными* (!!) если онѣ не контрасиг-„нированы или не подписаны статсъ-„секретаремъ.“

Но еще въ большей мѣрѣ характеризуютъ свойство этой кодификаціонной работы цитаты или ссылки приводимыя подъ статьями проекта, какъ источники коими пользовались его составители. Какія же цитаты значатся, напримѣръ, подъ приведеннымъ сейчасъ § 17 проекта?

Ихъ всего три: двѣ изъ нихъ ссылаются на §§ 10 и 21 *Формы Правленія 1772 года* и одна на § 1 *Акта Соединенія и Безопасности 1789 года*!

Господа кодификаторы, какъ видится,—можетъ-быть въ разчетѣ на то что въ Россіи не найдется болѣе Рокасовскихъ,—не теряютъ вѣры въ возможность вновь вдохнуть жизнь въ эти давно мертвыя хартіи, въ эти трупы, существованіе коихъ рядомъ съ полнымъ жизни Самодержавіемъ Русскаго Православнаго Государя невозможно и немыслимо.

Впрочемъ, хорошо понимая всю неудобопріемлемость и нелѣпость, въ примѣненіи къ Русскому Монарху, тѣхъ хартій которыя имъ хотѣлось бы выдать за «основные законы» Финляндіи, господа сепаратисты не прочь нѣсколько позолотить подносимую ими пилюлю, скрыть и утаить наиболѣе одіозныя, рѣжущія глаза стороны этихъ хартій. Такъ, напримѣръ, финляндскій сенаторъ Мехелинъ, издавая въ 1877 году свои *Основные законы Финляндіи* (Finlands Grundlagar), нашелъ полезнымъ пропустить и не приводить вышеупомянутой требуемой отъ Государя присяги «царствовать *по Формѣ Правленія 21 августа 1772 года, навсегда отвергая нечестивое единодержавіе*»,—присяги сполна приведенной въ *Storfurstendömet Finlands Grundlagar*, изданныхъ въ Гельсингфорсѣ Френкелемъ въ 1861 году.

Но кто же можетъ быть обманутъ подобными утайками? Кто, даже и при ихъ помощи, сочтетъ возможнымъ признаніе всей этой гнили шведскихъ архивовъ за обязательные для Русскаго Государя «основные законы» Финляндіи?

Нѣтъ, подъ финляндскими «основными законами» можно разумѣть что угодно, но никакъ не то что разумѣютъ подъ ними Мехелины съ братіей, и, полагаемъ, сильно обманулись бы эти господа въ разчетѣ, еслибы сочли *Всеподданнѣйшую Записку* какимъ-либо подкрѣпленіемъ своихъ вожделѣній этого рода.

---

* См. выше, стр. 57, 58 и 93.

„БОРГОСКІЕ АКТЫ“ И „ЛИЧНАЯ УНІЯ“

ФИНЛЯНДІИ СЪ РОССІЕЙ.

(Передовая статья № 151 *Московскихъ Вѣдомостей* 1889 года.)

Москва, 2 іюня.

«Соглашеніе» финляндскихъ земскихъ чиновъ съ Русскимъ Государемъ... «Личная унія» съ Россіей... Боргоскій Сеймъ... «Боргоскіе акты»... Нужно же намъ когда-нибудь выяснить себѣ человѣческій смыслъ этихъ безпрестанно повторяемыхъ словъ, а не твердить ихъ безсмысленно, съ чужаго голоса, какъ попугаи.

Разъ пущенные въ оборотъ, апокрифическіе «Боргоскіе акты» многими принимаются у насъ за нѣчто дѣйствительно серіозное, и опирающаяся на нихъ вымышленная легенда о состоявшемся будто бы въ Борго «соглашеніи», договорѣ или контрактѣ между Русскимъ Царемъ и финляндскими «земскими чинами» усвоена иными въ качествѣ будто бы историческаго факта.

Въ силу этой фантастической легенды, многими легкомысленными людьми у насъ принято на вѣру будто на Боргоскомъ Сеймѣ въ самомъ дѣлѣ состоялась *унія* (соединеніе) Финляндіи съ Россіей; будто на этомъ Сеймѣ дѣйствительно выработаны и утверждены, равно обязательныя для обѣихъ договаривавшихся сторонъ — какъ для Русскаго Монарха, такъ и для финляндскихъ «земскихъ чиновъ» — самыя условія этого соединенія Россіи съ Финляндіей; будто, наконецъ, въ силу условій этой «уніи», въ силу этихъ «Боргоскихъ актовъ», Русскій Царь, оставаясь Самодержцемъ въ Россіи, является въ *сосѣднемъ* независимомъ Финляндскомъ государствѣ лишь въ приниженномъ значеніи ограниченнаго конституціоннаго государя...

Но всѣ подобныя утвержденія — явная, наглая и злоумышленная ложь.

Боргоскій Сеймъ будто бы договаривавшійся съ Русскимъ Монархомъ, какъ равный съ равнымъ, о «личной» *уніи* Финляндіи съ Россіей и объ *условіяхъ* такой уніи! Въ какихъ только головахъ можетъ вмѣщаться столь разительная, по своей нелѣпости, мысль!

Что же это за люди собирались на

этомъ Боргоскомъ Сеймѣ для веденія переговоровъ съ Россіей въ лицѣ ея Государя? Можетъ, это были какіе-нибудь *шведскіе* или *финляндскіе* подданные, считавшіе себя въ правѣ и имѣвшіе право излагать условія на которыхъ они согласны перейти изъ прежняго подданства въ новое?

Нѣтъ, на Сеймѣ въ Борго собирались въ мартѣ 1809 года не шведскіе и не финляндскіе, а *русскіе подданные*. Собирались люди, которыми почти за годъ до Сейма, въ маѣ 1808 года, была принесена присяга на вѣрность *русскаго* подданства.

Какъ же могли принесшіе эту присягу люди, какъ же могли русскіе подданные *договариваться* со своимъ Самодержавнымъ Государемъ? Мыслима ли совмѣстимость переговоровъ и соглашеній, о которыхъ рѣчь, съ прямымъ и яснымъ смысломъ общерусской присяги? О какой *уніи* могли вести рѣчь люди уже выслушавшіе торжественно заявленную имъ *непреложную* волю Русскаго Царя о включеніи Финляндіи *навсегда въ составъ единой Россійской Имперіи*, и давшіе клятвенное обѣщаніе во всемъ этой волѣ «повиноваться»?

Или, можетъ быть, Финляндцы, и послѣ принесенія ими присяги по присланнымъ изъ Петербурга присяжнымъ листамъ, не полагали себя связанными этою присягой, а потому, не признавая себя русскими подданными, считали себя въ правѣ договариваться въ Борго съ Русскимъ Самодержцемъ, еще не сдѣлавшимся таковымъ же для нихъ самихъ? Можетъ-быть, эта задолго до Сейма принесенная ими присяга являлась въ ихъ глазахъ не дѣйствительною, какъ подневольная, какъ вынужденная приставленными къ груди русскими штыками?

Нѣтъ, при принесеніи этой присяги не было «давленія вооруженной силы», какъ свидѣтельствуетъ даже самъ авторъ *Финляндской Конституціи*, извѣстный сенаторъ Мехелинъ. Этого мало: по волѣ Императора Александра I, изъ мѣстъ, гдѣ приносилась присяга, спеціально выводились войска, дабы не было и тѣни подозрѣнія въ томъ что примѣнено было какое-либо насиліе, и присяга на вѣрное подданство—*не финляндскому*, а *русскому* Государю—приносилась съ полною готовностью. *

Какъ явствуетъ изъ корреспонденціи Буксгевдена, хранящейся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отношеніе Финляндцевъ къ принесенію присяги на русское подданство было таково:

Въ Або первыми присягнули духовенство и университетъ, затѣмъ президентъ и члены гофгерихта, губернаторъ, всѣ чиновники и т. д. Епископъ Тенгстрёмъ, отвѣчая главнокомандующему, именемъ духовенства и университета выразилъ живѣйшую признательность за покровительство Государя ихъ религіи и ея служителямъ, и просилъ «повергнуть предъ Августѣйшимъ тономъ Всемилостивѣйшаго Монарха ихъ совершеннѣйшую приверженность и истинное расположеніе къ Высочайшей волѣ Его Величества» (то-есть къ принесенію присяги).

Президентъ гофгерихта, отъ лица всѣхъ сочленовъ, заявилъ «что они будутъ почитать себя весьма счастливыми, когда истинною ревностью своей въ исполненіи обязанностей своихъ и воли толико милосердаго къ нимъ Государя сдѣлаются достойными одобренія и похвалы правительства (Русскаго), и что они готовы совершить предложенное имъ обязательство» (то есть принесеніе присяги).

Представители другихъ сословій изъявили также полную признатель-

* *Русскій Вѣстникъ* 1888 года, май. „Какъ было дѣло?“ К. Ф. Ордина.

ность и готовность принести присягу, «которая, *соединяя отечество их съ Имперіей Всероссійскою*, утверждаетъ ихъ благосостояніе».

Высочайшіе манифесты и принятая въ силу одного изъ нихъ присяга Финляндцевъ на русское подданство окончательно и безповоротно присоединили Финляндію и установили основанія присоединенія ея къ Россіи, *когда о Боргоскомъ Сеймѣ еще и рѣчи не было.* И Финляндцы понимали это и на самомъ дѣлѣ признавали себя русскими подданными: финляндская депутація съ извѣстнымъ Маннергеймомъ во главѣ, прибывшая въ Петербургъ чрезъ полгода послѣ принесенія присяги, а равно и другія лица изъ Финляндцевъ, при всякихъ представлявшихся случаяхъ, *не послѣ, а до* Боргоскаго Сейма подписывались не иначе какъ вѣрноподданными или вѣрнѣйшими подданными, — вѣрноподданными *Русскаго* Государя, такъ какъ о «финляндскомъ» государѣ тогда и помину не было.

И вотъ будто бы эти люди вступали на Боргоскомъ Сеймѣ въ «соглашеніе» съ Русскимъ Государемъ, договаривались съ нимъ объ «уніи» и о прочемъ!... Нѣтъ, они не имѣли ни малѣйшаго права, они не могли договариваться — и не договаривались; они только съ назойливымъ попрошайничествомъ, которому могли бы поучиться у нихъ даже наши цыгане, старались выканючить у милостиваго Государя какъ можно больше подачекъ, выгодъ и льготъ, правъ и привилегій, и попрошайничество ихъ увѣнчалось немалымъ успѣхомъ. Но все что имъ было дано, было вольнымъ, свободнымъ Царскимъ даромъ, отнюдь не вынужденнымъ и не обусловленнымъ какими бы то ни было договорными отношеніями. Эти милостивые дары были громадны, но въ числѣ этихъ даровъ не было ни возведенія простой русской провинціи, именуемой Финляндіей, въ санъ особаго, отдѣльнаго отъ Россіи государства, состоящаго съ нею только въ «личной уніи», ни дарованія этой Финляндіи какой-либо *конституціонной хартіи*, которая лишала бы Русскаго Монарха, по отношенію къ этой провинціи, присущихъ ему правъ самодержавія. Ни о какой «уніи», и стало-быть ни о какихъ условіяхъ этой уніи, на Боргоскомъ Сеймѣ не могло быть и рѣчи. Ничего подобнаго нѣтъ въ «Боргоскихъ актахъ», и не можетъ быть въ нихъ указано.

Носясь съ этими «Боргоскими актами», финляндскіе сепаратисты, помощію всевозможныхъ софизмовъ, натяжекъ, выдумокъ, лжетолкованій, шулерскихъ подтасовокъ и передержекъ, стараются, вопреки дѣйствительнымъ историческимъ актамъ и фактамъ, убѣдить всѣхъ и каждаго будто Финляндія вышла изъ Боргоскаго Сейма особымъ, отдѣльнымъ отъ Россіи государствомъ, состоящимъ съ нею только въ «личной уніи», — государствомъ автономнымъ и конституціоннымъ.

Но если такъ, то этими результатами Боргоскаго Сейма должны были, конечно, опредѣляться всѣ дальнѣйшія дѣйствія Россіи и русской власти по отношенію къ этому новому самостоятельному «Финляндскому государству». А что мы видимъ?

Прошло едва нѣсколько мѣсяцевъ, результаты Боргоскаго Сейма во всемъ ихъ значеніи были въ свѣжей памяти, не могли быть и отнюдь не были забыты. Наглядное доказательство этому — состоявшееся 6 (18) августа 1809 года изданіе регламента, которымъ Императоръ Александръ I учредилъ въ Финляндіи Правительственный Совѣтъ (нынѣшній Финляндскій Сенатъ), проектъ коего былъ выработанъ при содѣйствіи членовъ Боргоскаго Сейма. И вотъ, менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ

изданія этого регламента, 5 (17) сентября 1809 года, подписывается Фридрихсгамскій мирный трактатъ Россіи со Швеціей, — трактатъ, которымъ Швеція навсегда уступила намъ Финляндію. Что же, въ какомъ чинѣ и обликѣ фигурируетъ въ этомъ трактатѣ Великое Княжество Финляндское съ его воображаемою самостоятельностью?

Во всемъ трактатѣ нѣтъ ни одного слова о Финляндскомъ «государствѣ»; ни разу не упоминается даже названіе «Великаго Княжества»: въ немъ говорится только о «губерніяхъ и областяхъ» отходящихъ къ Россіи. Вотъ что, напримѣръ, гласитъ четвертая статья трактата:

„Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами будутъ отнынѣ состоять въ *собственности* и *державномъ обладаніи Имперіи Россійской* и *къ ней навсегда присоединяются.*“

Знаютъ или не знаютъ объ этомъ пунктѣ мирнаго трактата гг. Мехелинъ и К°? Знаютъ, но... сенаторъ Мехелинъ, напримѣръ, въ своей *Конституціи Финляндіи*, предпочитаетъ не приводить текста указанной статьи Фридрихсгамскаго трактата, ограничиваясь *вольною* передачей ея смысла въ брошенномъ мимоходомъ замѣчаніи что трактатъ опредѣлилъ «уступку финляндской территоріи *Императору*»...

Замѣтьте: «Императору», а не «Имперіи Россійской», какъ гласитъ текстъ трактата.

Для насъ, Русскихъ, съ молокомъ матери всосавшихъ убѣжденіе въ нераздѣлимомъ органическомъ единствѣ Царя съ Россіей,—для насъ выраженія «Русскій Императоръ» и «Русская Имперія», можно сказать, синонимы, и замѣна одного выраженія другимъ въ русскихъ устахъ не измѣняетъ смысла рѣчи. Но не таково значеніе умышленнаго *подмѣ*одного слова другимъ въ обдуманной книгѣ сепаратиста-Финляндца, рѣзко различающаго и отдѣляющаго Россію отъ ея Государя своею проповѣдью о *личной* (или «реальной») только «уніи».

Этотъ подмѣнъ словъ, чтобы не сказать подлогъ, понадобился г. сенатору Мехелину для того чтобы сказать въ своей книгѣ что, будто бы, «условія мирнаго трактата между Россіей и Швеціей не касались политическаго положенія Великаго Княжества, уже регулированнаго Боргоскими актами».

Да будетъ же, наконецъ, морочить людей, пора, наконецъ, и перестать придавать этимъ «Боргоскимъ актамъ» не принадлежащее и не свойственное имъ значеніе. Пора обратиться отъ миѳическихъ «Боргоскихъ актовъ» къ дѣйствительнымъ, непререкаемымъ актамъ установившимъ присоединеніе Финляндіи къ Россіи.

Покореніе Финляндіи было прямою, открыто заявленною цѣлью войны Россіи со Швеціей Декларація 16 марта 1808 года, разосланная иностраннымъ дворамъ, прямо извѣщала о присоединеніи Финляндіи къ Россіи; въ особомъ письмѣ къ Наполеону I императоръ Александръ I тоже прямо говорилъ что онъ «объявилъ Финляндію *русскою провинціей*».

Затѣмъ, *за годъ до Боргоскаго Сейма*, 20 марта 1808 года, изданъ былъ Высочайшій манифестъ о покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи. Въ этомъ манифестѣ—не Великимъ Княземъ Финляндскимъ «съ согласія земскихъ чиновъ», но Божіею Милостію Русскимъ Самодержцемъ—было изречено, между прочимъ, слѣдующее, ничьимъ перерѣшеніямъ и пересмотрамъ не подлежащее, незыблемое, безповоротное рѣшеніе:

«Страну сію, *оружіемъ* Нашимъ *покоренную*, Мы *присоединяемъ* отнынѣ навсегда *къ Россійской Имперіи* и вслѣдствіе того *повелѣли* Мы *принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство.*»

И въ томъ же 1808 году, въ маѣ мѣсяцѣ, Финляндцы,—нисколько не стѣсняясь своими отношеніями подданства Шведскому королю, съ которымъ еще продолжалась война, и отнюдь не дожидаясь какого-либо Сейма для «соглашенія» съ Русскимъ Царемъ и установленія условій соединенія съ Россіей,—принесли предписанную Царскимъ манифестомъ присягу.

И приносилась эта присяга на вѣрное подданство не какому-нибудь никогда не существовавшему «финляндскому престолу», а на вѣрное подданство *Престолу Русскому*,—приносилась *по общей русской формѣ присяги* на вѣрноподданство.

Какимъ же словомъ, послѣ этого, должна быть охарактеризована дерзость относить историческій моментъ присоединенія Финляндіи не къ 16 и 20 марту 1808, а къ марту 1809 года, къ моменту Боргоскаго Сейма?

Вслѣдъ за принятіемъ отъ Финляндцевъ присяги на *русское подданство*, состоялось, 5 (17) іюня 1808, изданіе втораго Высочайшаго манифеста. Въ этомъ манифестѣ, этимъ принесшимъ присягу Финляндцамъ, этимъ новымъ *русскимъ подданнымъ*, такъ, между прочимъ, разъяснено ихъ новое положеніе:

«Въ *чредѣ народовъ* скипетру Россійскому подвластныхъ и *единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи восприяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава* противу воли и предопредѣленій Вышняго *ничто отторгнуть ихъ не можетъ.*

«Подъ сѣнію престола Нашего покоются многочисленные народы, судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; *вступивъ въ составъ Имперіи* Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними.

«*Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность* есть единственное возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно.»

«Вѣрные обыватели Финляндіи»,—говорилъ императоръ Александръ I въ томъ же манифестѣ, — «*будьте тверды и непоколебимы въ преданности* вашей *къ Россіи*! *Слово Наше о сохраненіи* васъ *въ единствѣ* (съ нею) *есть непреложно.*»

И послѣ *непреложнаго* слова Русскаго Царя могъ будто бы понадобиться, для установленія и опредѣленія связи Финляндіи съ Россіей, еще какой-то, никогда, впрочемъ, небывалый, Боргоскій «актъ соединенія»! «Боргоскіе акты» могли будто бы, вопреки торжественно заявленной Царской волѣ, «отторгнуть» Финляндію «отъ великаго состава единой Россійской Имперіи» и поставить эту провинцію въ положеніе какого-то отдѣльнаго, самостоятельнаго государства, состоящаго съ Россіей лишь въ «личной уніи»! И это говорится серіозно, и находятся въ Россіи, особенно въ Петербургѣ, люди которые этому вѣрятъ!

Охъ, эти «Боргоскіе акты»! Но пусть же наконецъ, намъ, Русскимъ людямъ, покажутъ эти пресловутые «Боргоскіе акты»,—акты столь торжественные, акты столь великой важности и силы *чтобъ ими могла быть*

измѣнена, поколеблена, вмѣнена какъ не бывшая сила «непреложнаго» слова вышеозначенныхъ властныхъ Царскихъ манифестовъ...

Гдѣ такіе акты? Ихъ нѣтъ и не бывало, они существуютъ только въ мечтахъ и снахъ финляндскаго зазнавшагося и зарвавшагося сепаратизма.

Боргоскій Сеймъ со всѣми его и дѣйствительными, и измышленными актами не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ дѣлу присоединенія Финляндіи къ Россіи. Финляндія была присоединена—и присоединена безповоротно—задолго, за годъ до созыва Боргоскаго Сейма, присоединена безъ всякихъ соображеній о томъ желаютъ или не желаютъ Финляндцы этого присоединенія, безо всякихъ «соглашеній» съ ними по этому предмету, безъ всякаго опроса финляндскихъ «земскихъ чиновъ» на какихъ условіяхъ соблаговолятъ они изъявить согласіе на присоединеніе. Ни до Боргоскаго Сейма, ни послѣ этого Сейма Финляндія не могла быть и не была тѣмъ самостоятельнымъ конституціоннымъ государствомъ какимъ силятся, не останавливаясь ни предъ какою ложью, выставить ее гг. Мехелины и Коскинены съ многочисленною братіей. Это фактъ несомнѣнный, стоящій внѣ спора.

Гельсингфорсская корреспонденція „Московскихъ вѣдомостей".

10.

Нѣчто по поводу „Записки" графа Гейдена. *

Гельсингфорсъ, 28 мая 1889.

Позвольте прибавить нѣсколько словъ къ тому что̀ вы такъ убѣдительно писали въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по поводу „Всеподданнѣйшей записки" финляндскаго генералъ-губернатора.** Разъяснивъ съ полнѣйшею доказательностію сущность главнѣйшихъ пунктовъ изложеннаго въ „Запискѣ" обвиненія, *Московскія Вѣдомости* воздержались отъ отвѣта лишь на второстепенные пункты, гдѣ рѣчь идетъ о высшемъ образованіи чиновниковъ, о высокомъ благосостояніи Финляндіи и т. п.

Конечно, въ отношеніи этихъ пунктовъ гельсингфорсскія письма представляются наиболѣе уязвимыми. Въ оцѣнкѣ образованія, благосостоянія, нравственныхъ качествъ, точность опредѣленія наименѣе возможна: здѣсь все относительно. Относительны, конечно, и соображенія высказанныя мною насчетъ напримѣръ, образованности финляндскихъ чиновниковъ.

Извѣстно что въ Финляндіи все что̀ можетъ импонировать Россіи усердно раздувается; то же и насчетъ образованія. Въ *Вѣстникѣ Европы* какъ-то, нѣсколько лѣтъ назадъ, конечно по финляндскимъ источникамъ, грамотность Финляндіи выводилась чуть не въ 99 процентовъ населенія. А на дѣлѣ въ деревняхъ восточной ея части еще недавно случилось что обыватели не умѣли прочесть финскій адресъ полученнаго письма; случалось что въ лемдеманы (засѣдатели суда) выбирались люди которые уже потомъ научались кое-какъ написать элементарныя два-три слова.

Подобнымъ образомъ сношенія съ финляндскими чиновниками убѣждаютъ насъ, Русскихъ, не только въ болѣе или менѣе ясно выраженной враждебности ихъ ко всему русскому (причинъ этой враждебности они не могутъ даже формуловать опредѣленно), не только въ полнѣйшемъ незнаніи ихъ относительно Россіи, ея исторіи, гражданскаго быта и проч., но и въ отсутствіи у нихъ общихъ гуманитарныхъ свѣдѣній, при крайней узости взглядовъ. Въ официальномъ дѣлопроизводствѣ господствуетъ рутина вмѣстѣ съ крайнею

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 152.

** См. выше, стр. 79—81 и 92—98.

медленностію, односторонностію и канцеляризмомъ.

—

Статистическіе сборники даютъ солидныя цифры студентовъ Александровскаго университета: за первый семестръ 1888 года общее число студентовъ составляло крупную цифру 1.613; но число наличныхъ составляло лишь половину, именно 883; число державшихъ экзаменъ 226. При такихъ условіяхъ, очень естественно было желать ближе ознакомиться съ отношеніемъ этихъ чиселъ къ чиновничеству, мѣряя, конечно, на русскую мѣрку, и считая среди чиновниковъ людей вполнѣ окончившихъ курсъ. Въ этихъ видахъ, наиудобнѣе и всего естественнѣе было обратиться къ изданію печатаемому самимъ университетомъ, и въ результатѣ получились тѣ данныя кои сообщены въ №№ 4 и 36 *Московскихъ Вѣдомостей* за этотъ годъ. *

Теперь „Всеподданѣйшая записка“ говоритъ:

„Равнымъ образомъ противорѣчитъ истинѣ заявленіе будто лишь немногіе чиновники на государственной службѣ въ Финляндіи получили университетское образованіе. Для занятія должностей по правительственной службѣ требуется либо окончаніе соотвѣтствующаго курса *при университетѣ* или, въ извѣстныхъ случаяхъ, *при* Политехническомъ или Лѣсномъ институтахъ. *Лишь нѣкоторыя* низшія должности могутъ быть замѣщаемы лицами *безъ высшаго образованія.*“

Оказывается что здѣсь весьма важную роль играетъ словцо *при*, которое мы подчеркнули.

Мы вообще понимаемъ подъ высшимъ образованіемъ окончаніе курса *въ* университетѣ, а „Записка“ признаетъ его *при* университетѣ.

Эта разница станетъ вполнѣ ясною если обратиться къ узаконенію 30 мая 1871 года, именуемому „Высочайшимъ постановленіемъ касательно экзаменовъ, требуемыхъ для занятія юридическихъ, камеральныхъ и административныхъ должностей въ Финляндіи“.

Въ этомъ постановленіи сказано:

„§ 1. Экзамены выдерживаемые въ Александровскомъ университетѣ для полученія права на занятіе юридическихъ, камеральныхъ и административныхъ должностей въ Финляндіи суть: 1) экзаменъ изъ общаго права, 2) экзаменъ судейскій, 3) экзаменъ камеральный. Право держать означенные экзамены присвоивается только лицамъ которыя *записаны въ число студентовъ* университета или, въ отношеніи университетскихъ испытаній, по постановленіямъ, пользуются такими же правами какія присвоены студентамъ.“

Такимъ образомъ, человѣкъ, худо ли, хорошо ли выдержавшій экзаменъ для поступленія въ университетъ, то-есть, по-нашему, кончившій гимназію, при выдержаніи *извѣстнаго* экзамена, получаетъ право на занятіе правительственныхъ должностей. Какой же это экзаменъ?

Вотъ что, напримѣръ, § 5 разсматриваемаго закона говоритъ о камеральномъ экзаменѣ:

„Въ камеральный экзаменъ входятъ *финляндское* административное право, финансовое, полицейское и экономическое законодательство *Финляндіи*, а также *главнѣйшія части* народной экономіи и гражданскаго и уголовнаго права *Финляндіи*, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на гражданскую и карательную экзекуцію и обвинительное право.“

Это все.

Изъ продолженія этого параграфа видно что выдержавшіе камеральный экзаменъ имѣютъ право служить во *всѣхъ* должностяхъ по камерному и административному вѣдомствамъ, за нѣкоторыми лишь исключеніями, и даже въ хозяйственномъ департаментѣ Сената по экстраординарному штату. Такихъ должностей большинство.

Спрашивается: человѣкъ лишь толкнувшійся въ университетскія двери, гимназистъ знающій установленія и нѣкоторые порядки своего небольшаго края, одной нашей губерніи,—есть ли это человѣкъ съ *высшимъ* образованіемъ, какъ говоритъ „Записка“, или это просто „дѣлецъ“, какъ было сказано въ одной изъ нашихъ, опротестованныхъ, статей?

* См. выше, стр. 67—72.

Постановленіе 1871 года есть офиціальное признаніе именно *пониженнаго образовательнаго ценза* финляндскихъ чиновниковъ, и, конечно, мы „противорѣчили бы истинѣ“ еслибы за экзаменами по постановленію 30 мая 1871 года признали авторитетъ университетскаго *высшаго* образованія.

Очевидно, въ „Записку“ финляндскаго генералъ-губернатора вкралось въ этомъ отношеніи немаловажное недоразумѣніе.

—

Теперь насчетъ налоговъ и благосостоянія. *Записка* говоритъ:

„На самомъ дѣлѣ тягость обложенія налогами въ настоящее время меньше, и общее благосостояніе больше, чѣмъ въ какой бы то ни было прежній періодъ времени.“

Въ корреспонденціи *Московскихъ Вѣдомостей* * не было сравненій того что̀ есть, съ тѣмъ что̀ было; говорилось совсѣмъ о другихъ предметахъ: о платежахъ крестьянами податей въ 20—25 руб., кромѣ натуральныхъ повинностей; о личной подати даже съ бобылей; объ аллодіальныхъ имѣніяхъ во многія тысячи десятинъ, не знавшихъ до послѣдняго времени многихъ податей, и пр....

Подобныя интересныя дѣла вообще очень темны, свѣдѣній доступныхъ для изученія мало, и погрѣшности весьма возможны при самомъ полномъ безпристрастіи. Но „Записка“ *изложенныхъ указаній не опровергла.*

Въ виду, однако, сравненія въ „Запискѣ“ настоящаго съ прошедшимъ, сдѣлаемъ и мы небольшое сравненіе двухъ, трехъ цифръ (въ финляндскихъ маркахъ), положимъ, за періодъ въ 25 лѣтъ, по бюджетамъ 1864 и 1888 годовъ:

Прямые налоги:	Въ 1864.	Въ 1888.
1) *Поземельные* ординарные оброки, казенная десятина, подать взамѣнъ оброчнаго сѣна, подать съ обывателей Лапландіи . . .	1.994.600	2.101.000
2) *Промышленные* (сборъ съ сельскихъ торговцевъ и ремесленниковъ, съ аптекарей; послѣдній въ 1864 году не существовалъ) .	56,000	315,000
3) *Личная подать* (мантальныя деньги, сборъ на содержаніе генералгевдинговъ)	—	1.860.000
Въ 1864 году были, кромѣ этихъ, еще другія подати; былъ въ этой же рубрикѣ и сборъ съ ремесленниковъ; за его исключеніемъ, всего .	1.230.000	—
Итого . .	3.280.600	4.276.000

Итакъ сумма *прямыхъ*, то-есть наиболѣе тяжкихъ, налоговъ возросла за 25 лѣтъ *на 30 процентовъ.*

Населеніе Финляндіи, по офиціальному *Статистическому Сборнику*, показано: въ 1865 году — 1.843.245, въ 1885—2.203.358.

Предполагая приростъ даже въ 25.000 на годъ, къ 1889 году должно считать населеніе никакъ не болѣе 2.300.000; такимъ образомъ, за 25 лѣтъ населеніе возросло не болѣе какъ на 25%, а *прямые* налоги на 30%. Можно ли видѣть въ этомъ небывалое облегченіе податной тягости? Вообще, приведенныя цифры не противорѣчатъ ли хотя отчасти заявленію „Записки“?

Что касается до благосостоянія собственно, то въ названныхъ бюджетахъ есть такія двѣ цифры:

	1864 г.	1888 г.
Сборы слагаемые по бѣдности и по другимъ законнымъ причинамъ. . . .	30.000	120.000

Если же и за симъ Финляндія благоденствуетъ, то это, полагаемъ, должно быть поставлено на счетъ не самой Финляндіи, а Россіи. Бюджетъ Финляндіи растетъ, но что̀ составляетъ главный рессурсъ? *Таможенные сборы.*

По бюджету 1864 года они исчислены въ 6.172.000 марокъ *, а въ 1888 году—12.800.000.

---

* См. выше, стр. 74.

* Собственно 5.800.000; но къ нимъ присоединены еще мореходная и пильная подати

О томъ сколько Россія въ этомъ случаѣ даетъ Финляндіи, уже было говорено въ № 72 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1888 годъ. *

Въ новомъ видоизмѣненіи тарифа, „данномъ“ въ Гельсингфорсѣ 30 мая 1888 года, обложены пошлиной многіе товары прямо русскаго производства: медъ, пиво, вино виноградное и всякое, рыба, сельди „норвежскія и *другаго рода*“ (читай: астраханскія), рыба копченая и соленая, мука картофельная, вермишель и макароны, овощи, фрукты и ягоды, сахаръ (рафинадъ 60 марокъ за 100 кило, то-есть около 4 р. съ пуда), соль. Даже полба и чечевица, даже грибы сушеные—все обложено пошлиной.

Вино виноградное нешипучее (наше крымское, кавказское и другія въ томъ числѣ) обложено было сперва по 45 марокъ за 100 кило брутто, а въ бутылкахъ по 1 маркѣ съ бутылки, то-есть дороже ихъ стоимости. Но потомъ, быть-можетъ не безъ вліянія того негодованія которое сказалось и въ русской печати, четыре сенатора, въ томъ числѣ г. Коскиненъ, подписали объявленіе (№ 28 *Сборника Постановленій* за 1888 годъ), которымъ, вмѣсто 45 марокъ, назначили пошлину въ 38, а съ бутылки, вмѣсто 1 марки, установили 50 пенни.

Гг. Финляндцы такъ блюдутъ свои таможенные интересы на счетъ Россіи что, по новому Таможенному Регламенту, „данному“ въ Гельсингфорсѣ 18 января 1888 (№ 2 *Сборника*), они завладѣли, для надзора за русскою торговлей, уже и русскою территоріей, водворивъ съ этою цѣлію, „для постояннаго пребыванія на желѣзнодорожной станціи Бѣлоостровъ съ русской стороны границы“, одного старшаго сторожа (§ 39, п. 2). Этого сторожа проѣзжающіе по желѣзной дорогѣ могутъ всегда видѣть и узнать по особенной финляндской формѣ; но на финляндской станціи по ту сторону границы—русскаго сторожа они не видятъ...

Другой чисто-русскій источникъ благосостоянія Финляндіи, о которомъ въ „Запискѣ“ вовсе не упомянуто, не говоря уже объ игрѣ на курсѣ русскаго рубля, это—русское помѣстное и временное дачное населеніе.

Надо видѣть то движеніе которое разрастается въ лѣтніе мѣсяцы изъ Петербурга по Финляндской желѣзной дорогѣ вплоть до Выборга и даже далѣе, чтобъ оцѣнить что̀ получаетъ Финляндія отъ Россіи. Тысячи русскихъ семействъ несутъ тысячи тысячъ русскихъ рублей въ эту удивительную по своей неблагодарности страну. Другія тысячи мызо- и дачевладѣльцевъ кладутъ милліоны въ свои финляндскія имущества, обогащая окрестное населеніе и мѣстныя производства.

Петербурго-Гельсингфорсская желѣзная дорога—(которую, кстати сказать, Финляндцы теперь разжаловали въ Гельсингфорсско-Петербургскую, перенеся, свою „столицу“ на первое мѣсто, а столицу Русскаго Императора на второе: неуклонно вся та же система!),—эта желѣзная дорога своими русскими оборотами выручаетъ всѣ прочія финляндскія дороги и обогащаетъ финляндскую казну, давая новую статью дохода и служа новымъ источникомъ благосостоянія. Вотъ нѣсколько офиціальныхъ цифръ.

На всѣхъ финляндскихъ линіяхъ (Петербургъ - Тавастгусъ - Гельсингфорсъ, Ганге-Хювинге, Або-Таммерфорсъ, Таммерфорсъ-Ваза, Улеаборгская) было въ 1886 году:

товарныхъ центнеро-верстъ, всего	1.508.723
изъ нихъ по Петербургск. линіи	1.094.464
пассажиро-верстъ, всего	75.815.216
изъ нихъ по Петербургск. линіи	59.666.425
проѣхало пассажировъ, всего	1.843.751
изъ нихъ по Петербургск. линіи	1.601.523*
валовой доходъ всѣхъ дорогъ.	8.200.459
собственно по Петербург. линіи	6.154.210
съ пассажировъ, на всѣхъ лин.	3.445.252
собственно по Петербург. линіи	2.711.406
чистый доходъ со всѣхъ	2.984.020
въ томъ числѣ съ Петерб. линіи	2.640.095
чистый доходъ съ версты вообще	2.703
собственно съ Петербургской.	5.558

такъ какъ эти послѣднія заключаются въ цифрѣ 1888 года нераздѣльно.

* См. выше, „О денежныхъ дѣлахъ съ Финляндіей“, стр. 41—47.

* Послѣднія двѣ цифры относятся къ 1885 году.

Ограничимся этими цифрами. Довольно и ихъ для того чтобы видѣть откуда идетъ благосостояніе Финляндіи. А чтобъ оцѣнить насколько всѣмъ этимъ обязана она *мудрости* своихъ сенаторовъ, слѣдуетъ припомнить что „Финляндское правительство“ сильно упиралось противъ проведенія линіи отъ Петербурга къ Гельсингфорсу, и лишь настоянія, сколько извѣстно, бывшаго Военнаго министра графа Милютина, вмѣстѣ съ бывшимъ въ Финляндіи голодомъ, побѣдили это сепаратистическое упорство...

—

Нельзя не сказать еще нѣсколько словъ о земскихъ чинахъ. По поводу возмутительной формулы Высочайшихъ узаконеній „съ согласія земскихъ чиновъ“, въ одной корреспонденціи было сказано:

„*Съ согласія*, значитъ съ одобренія, даже съ дозволенія—кого? кучки людей, нерѣдко вполнѣ ничтожныхъ, а иногда и опороченныхъ, какъ былъ примѣръ на послѣднемъ Сеймѣ.“

Г. генералъ-губернаторъ по этому поводу пишетъ:

„По поводу неуваженія, съ которымъ корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* выражается о земскихъ чинахъ Финляндіи, достаточно указать на то что во всѣхъ частяхъ свѣта бываютъ случаи неудачныхъ выборовъ и изъ-за одной личности нельзя дѣлать общаго вывода. Земскіе же чины Финляндіи вообще не заслуживаютъ подобныхъ неблагопріятныхъ отзывовъ. Напротивъ того, они пользуются общимъ уваженіемъ.“

Намъ кажется что это увѣреніе въ *общемъ* уваженіи носитъ характеръ той же чрезъ мѣру широкой щедрости какою Россія грѣшитъ иногда во вредъ себѣ. Вопросъ и вопросъ, имѣютъ ли финляндскіе земскіе чины дѣйствительное право на такое *общее*, стало-быть и съ русской стороны, уваженіе.

На упоминаніе мое объ одномъ „опороченномъ“ депутатѣ (онъ былъ обвиненъ въ поддѣлкѣ бумагъ) „Записка“ говоритъ что это вездѣ бываетъ. Конечно, но мѣра уваженія отъ того возрасти не можетъ. Я упомянулъ еще о нѣкоторыхъ незначительныхъ людяхъ среди депутатовъ. Лицамъ стоящимъ близко къ дѣлу хорошо извѣстно что иныя общины, участвующія въ выборѣ депутатовъ, изъ экономіи не посылаютъ своего депутата, а приглашаютъ или, попросту, нанимаютъ кого-нибудь изъ гельсингфорсскихъ жителей, и онъ является ихъ депутатомъ. Эти депутаты могутъ быть сами по себѣ честными людьми, этого я не думаю отрицать; но они остаются все-таки наемными людьми и на общее уваженіе особенно претендовать не могутъ.

Но есть и другіе мотивы, болѣе общаго свойства, по которымъ мы иного взгляда чѣмъ „*Записка*“. Вопервыхъ, исторіей доказано что выборы, на которыхъ властолюбіе, честолюбіе, всякія страсти, не говоря уже о возможныхъ разчетахъ своекорыстія, играютъ видную роль,—что выборы не всегда собираютъ бѣлые шары въ пользу того кто могъ бы по правдѣ удостоиться Монтіоновской преміи за добродѣтель, или, по крайней мѣрѣ, не всегда въ пользу достойныхъ полнаго уваженія людей.

Вовторыхъ, собственно на финляндскихъ сеймахъ, развѣ господа депутаты ведутъ себя такъ чтобы Русскій человѣкъ могъ относиться къ нимъ,—не говорю съ уваженіемъ,—а даже безъ извѣстной доли негодованія?

Нужно стоять на чисто финляндской, скажу болѣе, на сепаратистической точкѣ зрѣнія чтобы говорить объ уваженіи къ людямъ ежеминутно пытающимся захватить то что имъ никогда не принадлежало, не принадлежитъ и не должно принадлежать—права Верховной Власти.

Еще на первомъ Сеймѣ собранномъ покойнымъ Государемъ въ 1863 году, Финляндцы не сумѣли остаться въ своихъ рамкахъ, возмнили себя государствомъ, заявили протестъ противъ нахожденія въ ихъ средѣ ихъ же собратовъ, но только въ русскихъ мундирахъ,—и требовали удаленія *иностранныхъ* офицеровъ.

Предъ этими ли „протестантами“ должно преклониться съ уваженіемъ? Или предъ тѣми которые на каждомъ почти Сеймѣ не только возбуждаютъ, но и постановляютъ такія „рѣшенія“

въ коихъ несомнѣнно усматривается вторженіе въ верховныя права Русскаго Монарха, такъ что Государи поставлены въ необходимость указывать имъ ихъ границы?

Можетъ ли быть къ такимъ людямъ полное довѣріе, безъ котораго немыслимо и уваженіе?

Если, наконецъ, взять Сеймъ даже въ смыслѣ идеальнаго собранія лучшихъ представителей края, то и въ такомъ случаѣ можетъ ли русскій человѣкъ имѣть довѣріе и уваженіе и къ этимъ идеальнымъ представителямъ?

Въ Финляндіи есть три партіи. Одна, небольшая, викинги, мечтающая о воссоединеніи со Швеціей: она безсильна. Другая, очень небольшая, довольна настоящими отношеніями къ Россіи (еще бы!): она тоже пропадаетъ безслѣдно. Наконецъ, третья, все остальное большинство, прямо ставитъ своею цѣлью абсолютное отдѣленіе отъ Россіи. Спросимъ: кто же при самыхъ правильныхъ выборахъ будетъ преобладать на Сеймѣ? Конечно, сепаратисты.

Настоящее положеніе не далеко отъ этого идеальнаго. Не мудрено, поэтому, что Финляндскій Сеймъ пріобрѣтаетъ въ народную собственность для своихъ народныхъ школъ *Исторію Коскинена*, гдѣ прямо говорится объ отдѣльномъ Финляндскомъ государствѣ какъ о фактѣ непререкаемомъ. Не мудрено и то что, когда на одномъ изъ сеймовъ зашла рѣчь о сооруженіи памятника благодѣтелю Финляндіи, покойному Императору Александру II, то среди сеймовыхъ представителей нашелся одинъ который не устыдился возстать противъ этого предложенія, а объявленная подписка не дала достаточной суммы, и остальное пришлось доассигновать изъ казны.

Нѣтъ, пока финляндскіе земскіе чины не обратились въ истинныхъ вѣрноподданныхъ Русскаго Самодержавнаго Государя, пока они не перестали носиться съ мыслію объ отдѣленіи отъ Его коренной Россійской Державы и о превращеніи страны въ какое-то мнимое государство враждебное этой Державѣ, до тѣхъ поръ со стороны Русскихъ людей къ нимъ не только общаго, но и никакого уваженія быть не можетъ.

***

P. S. Здѣшнія газеты усердно доискиваются: кто вашъ гельсингфорсскій корреспондентъ. *Nya Pressen*, отъ 21 мая,—этотъ enfant terrible,—посвятила такимъ изысканіямъ цѣлый большой столбецъ. Забота, нечего сказать...

ЯХТА „ЦАРЕВНА“

И

ВОСПОМИНАНІЯ.*

Всѣ эти дни финляндскія шхеры были осчастливлены пребываніемъ Высокихъ Путешественниковъ плававшихъ на Императорской яхтѣ *Царевна*. Путь простирался много далѣе ежегодныхъ такого рода поѣздокъ; предъ глазами Царственной Семьи одно за другимъ являлись новыя мѣста. Съ новыми мѣстами естественно было возникать въ умѣ и новымъ историческимъ воспоминаніямъ.

Многія изъ нихъ полны сѣдой, притомъ русской древности. Въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ, въ началѣ XI вѣка, нерѣдко бывали новгородскіе люди Владиміра Святаго и его сына Ярослава Мудраго. Послѣдній былъ женатъ на дочери норвежскаго короля Олафа, Ингегердѣ, въ крещеніи Аннѣ. Дочь Ярослава, Елизавета, была замужемъ за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ. Сношенія были близкія: Олафъ провелъ даже часть дѣтства въ Новѣгородѣ.

Позднѣе, не только ближнія, но и самыя отдаленныя мѣста Финляндіи видали святаго русскаго героя, князя Александра Невскаго, который проходилъ, по словамъ лѣтописца, тамъ гдѣ вѣчная тьма царствуетъ, то-есть на крайнемъ сѣверѣ.

Еще позднѣе, собиратель земли Русской, Иванъ III, былъ хозяиномъ на самомъ сѣверѣ Ботническаго залива: его войска въ 1496—7 годахъ владѣли всѣми тамошними финляндскими рѣками: Сикаіоки, Луміоки, Улео, Кеми, Торнео, короче, всею Улеаборгскою губерніей. Въ южной Финляндіи полки Ивана III ходили до самаго Або, а при осадѣ Выборга немалая часть ихъ легла подъ развалинами крѣпости, взорванной Шведами когда Русскіе приступомъ взошли уже на стѣны.

Сто лѣтъ спустя, ровно триста лѣтъ назадъ, царь Ѳеодоръ съ Годуновымъ въ 1589 году двинулся въ Финляндію отплатить за грабежи и убійства въ Архангельскомъ краѣ. Рать шла тѣми именно мѣстами гдѣ теперь происходитъ такое оживленное лѣтнее движеніе изъ Петербурга по Финляндской желѣзной дорогѣ, вплоть до Выборга и далѣе. Здѣсь происходили великія битвы. Недалеко отъ желѣзно-дорожной станціи Перкіярви, на берегахъ озера Каукіярви, до сихъ поръ сохраняются

---

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 182, отъ 4 іюля.

преданія объ этихъ битвахъ. Земля стала, по словамъ народа, „горькою“ отъ множества пролитой тамъ крови, и съ нею связано представленіе о разныхъ ужасахъ. Война окончилась тогда счастливо для Руси: къ ней возвратилась, хотя и не надолго, корельская Финляндія.

Но и помимо этой старины, при мысли о временахъ болѣе къ намъ близкихъ, движеніе вдоль финляндскихъ береговъ на каждомъ шагу не говоритъ ли русскому сердцу обиліемъ самыхъ дорогихъ событій! Отъ самаго Петербурга, поднятаго изъ болотъ костями Русскаго народа, уже сейчасъ за Кронштадтомъ пахнутъ вамъ въ лицо воспоминанія то о побѣдахъ, то о пораженіяхъ, но всегда о жертвахъ, о тысячахъ, даже десяткахъ тысячъ русскихъ жизней, о неисчисленныхъ лишеніяхъ и страданіяхъ Русскаго народа.

Для чего нужны были эти жертвоприношенія? Для созиданія государства, для укрѣпленія его мощи, для охраны достоинства и пользы многомилліоннаго народа, во славу Государей рядъ вѣковъ составляющихъ едино съ исконнымъ своимъ народомъ, преданнымъ и любящимъ Ихъ не по соображеніямъ и разчетамъ, всегда перемѣнчивымъ, а въ силу вѣковаго патріотическаго чувства переходившаго отъ прадѣда къ правнуку беззавѣтно и неизмѣнно.

Ближняя Финляндія, древняя Новгородская область, сдѣлалась шведскою провинціей въ смутное время самозванцевъ. Старанія царя Алексѣя Михайловича вернуть ее былъ тщетны, и только геній его сына возвратилъ эту необходимую для цѣльности Россіи окраину. Дочь Петра, Елисавета, отодвинула предѣлъ ея до Кюмени, такъ что половина пути отъ Петербурга до Гельсингфорса сдѣлалась тогда русскою. Всѣ эти необходимыя пріобрѣтенія покупались дорогою цѣной, великими усиліями. И не только суша, но и море, которое теперь на пути яхты *Царевна* особенно говоритъ воображенію, было зрителемъ великихъ русскихъ трудовъ.

Кто не знаетъ про подвиги тамъ Петра и его сподвижниковъ? Но меньше знаютъ что ближе къ нашему времени, сто лѣтъ назадъ, воды финскихъ шхеръ сдѣлались „красными“ отъ потоковъ русской крови, подобно тому какъ триста лѣтъ назадъ Выборгская земля сдѣлалась отъ нихъ „горькою“. Окраинныя мѣста приходилось не только дорого покупать, но и отстаивать дорогою цѣной. Густавъ III думалъ вернуть Швеціи русскую Финляндію. Пушечные выстрѣлы грохотали въ морѣ по близости Кронштадта и приводили въ смятеніе Невскую столицу. Но Чичаговъ заперъ Густава въ Выборгскомъ заливѣ, и затѣмъ прогремѣла Выборгская побѣда. Густавъ былъ разбитъ, и Чичаговъ забиралъ его корабли вплоть до Свеаборга. Эту побѣду Екатерина равняла съ Чесменскою. Началась она 20 іюня (при томъ самомъ островѣ Питкопасѣ, гдѣ *Царевна* была 18-го), а кончилась 22-го.

Но не прошло тогда и недѣли какъ счастье разомъ отвернуло отъ Россіи свое капризное лицо. 28-го, все того же іюня, въ Роченсальмскомъ проливѣ, въ сотнѣ верстъ отъ Выборга, принцъ Нассау-Зигенъ погубилъ ввѣренную его начальству русскую флотилію почти цѣликомъ. А между тѣмъ за годъ предъ тѣмъ, 12 августа 1789 года, здѣсь же, въ Роченсальмѣ, тотъ же Зигенъ одержалъ полную побѣду надъ Шведами. Но эта побѣда, оказалось, привела къ погрому 28 іюня. Самонадѣянный иностранецъ, слѣпо вѣря въ свою звѣзду, повелъ русскія силы въ бой безо всякихъ приготовленій и погубилъ ихъ въ размѣрахъ почти небывалыхъ. 54 судна разбито и уничтожено, 1.400 пушекъ потоплено, убито 280 офицеровъ и 10.000 нижнихъ чиновъ. Нѣмцы говорили даже о 14.000.

Такія несчастія не даютъ, конечно, побѣдныхъ лавровъ, и исторія ихъ не возвеличиваетъ; но на алтарѣ отечества и въ сердцѣ патріота они едва ли не выше побѣдъ. Тамъ горечь неизбѣжныхъ потерь покрывается выгодами, славой, торжествомъ; здѣсь—однѣ жертвы, одно ужасное, невыразимое горе!

Какъ Выборгская побѣда 22-го, такъ и Роченсальмское бѣдствіе 28 іюня, совершились въ 1790 году. Истекаетъ столѣтіе со времени этихъ трагическихъ событій. Будутъ ли они, и чѣмъ,

достойно ознаменованы? На Косовомъ полѣ погибло Сербское царство, но потомки достойно вспомянули святую гибель предковъ,—и благо имъ. Упомянутому другому дѣлу, побѣдѣ при Роченсальмѣ 12 августа 1789 года, вѣковая годовщина исполняется на дняхъ. Не слышно, однако, чтобъ ее собирались вспомянуть... Невольно приходитъ въ голову торжество 1885 года, когда, при сочувственномъ покровительствѣ мѣстной русской власти, въ Финляндіи чтили память финскихъ офицеровъ воевавшихъ противъ Русскихъ и одержавшихъ верхъ въ какихъ-то ничтожныхъ авангардныхъ стычкахъ.

Но послѣдуемъ съ яхтой далѣе, за Роченсальмъ. Вотъ Паркалаудъ, вотъ Гангеудъ. Здѣсь не было великихъ побѣдъ и великихъ несчастій; но сколько отдѣльныхъ подвиговъ, драгоцѣнныхъ для русскаго сердца!

Вотъ небольшой отрядъ малыхъ судовъ; на нихъ всего 150 человѣкъ экипажа. Сильный непріятель громитъ его, но малая горсть самоотверженно держится, пока 90 человѣкъ не перебито. Вотъ еще двѣ, три лодки, но и онѣ не уступаютъ, пока изо 147 человѣкъ не пало 95. Вотъ лодка съ 44 человѣками; ее непріятель взялъ лишь когда всѣ 44 легли убитые или раненые. Это занесли въ исторію сами врачи.

А подвигъ Невельскаго? На плохомъ катерѣ о нѣсколькихъ пушкахъ и съ 50 человѣками команды отбивался онъ отъ 50-пушечнаго англійскаго фрегата, союзника Шведовъ. „Долой, долой!“ кричатъ повелительно съ фрегата, посылая залпы противъ ничтожной скорлупы. Невельскій съ командой молча перекрестились и взялись за свои пушки. Суденышкомъ завладѣли лишь когда оно было разбито и налилось водой, пушки опрокинуты, а самъ командиръ лежалъ безъ чувствъ, тяжело раненый. Но и тутъ не спустили флага русскія руки.

Аландскія шхеры, Юнгферзундъ, Судсало, Гирвисало, Киленто, Тавастенъ-шеръ, Сандо—о скольких жертвахъ говорятъ и они! Здѣсь мы больше страдали чѣмъ побѣждали, и морскія глубины не разъ поглощали одно за другимъ наши суда съ ихъ экипажами. Здѣсь, какъ и на Готландѣ, заплатили мы въ 1808 году тяжелую дань довѣрію къ доброму расположенію Финляндцевъ, за которое распинались въ Петербургѣ. Оставленные для охраны, сами по себѣ малые отряды, къ тому же еще раскиданные мелкими частями по множеству острововъ, они были захвачены населеніемъ поднявшимся противъ Русскихъ и съ ликованіемъ отданы въ руки непріятеля. При отрядахъ на Аландѣ, по довѣрію, не было ни пушекъ, ни морскихъ командъ.

Вотъ и Або, не разъ и не два видавшій Русскихъ съ древнѣйшихъ еще временъ. Отсюда въ февралѣ 1809 года двинулся князь Багратіонъ для знаменитаго перехода по льду въ Швецію. Главнокомандующій Кноррингъ боялся и колебался предъ опасностью подвига. „Прикажите, пойдемъ!“ отвѣчалъ Багратіонъ.

И пошли. Сотни верстъ люди не шли, а лѣзли, карабкались по глыбамъ навороченнаго бурями льда, вязли въ сугробахъ снѣга, тонули въ неожиданныхъ трещинахъ и полыньяхъ, и сражались съ непріятелемъ. Вартсало, Карпо, Нагу, Кумлингъ, всѣ эти острова, тогда выжженные и покинутые, свидѣтели геройскихъ трудовъ и лишеній. Дни за днями отряды не видѣли никакого жилья, бивуакировали на льду при 15 градусахъ мороза, закапывались въ снѣгъ для отдыха, обмораживали руки и ноги.

Сигнальшеръ,—самый дальній изъ Аландской группы. Отсюда Кульневъ съ Донцами, Уральцами и Гродненскими гусарами двинулся прямо на шведскій берегъ. Сбивъ врага, онъ доносилъ Багратіону: „Благодареніе Богу! честь и слава россійскаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Гриссельгамѣ воспѣваю: Тебе, Бога, хвалимъ!“

Въ это же время, верстъ на триста сѣвернѣе, другія русскія колонны, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, боролись съ не менѣе лютою стужей и трудностями, переходя противъ Кваркенъ изъ Вазы. Герои дѣлали мучительнѣйшіе переходы по 18 часовъ, и 10 марта были въ шведскомъ Умео.

Но отъ Або и до Вазы много берегового мѣста: Гельсингъ, Бьернеборгъ, Кристиненстадъ, краснорѣчиво говорятъ о тяжеломъ времени 1808 года, когда, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, корпусъ Тучкова отступалъ съ сѣвера почти чрезъ всю Финляндію. Отрядъ Орлова-Денисова на берегу, отрѣзанный отъ своихъ, боролся съ нападавшимъ непріятелемъ, съ дессантомъ Густава, съ вооруженнымъ населеніемъ. Разсыпанныя мелкія части на каждомъ шагу натыкались на засады. Партизаны перехватывали продовольствіе, курьеровъ, отдѣльныхъ людей и истязали ихъ. И теперь жутко вспомнить о несчастныхъ 11 солдатахъ, по поясъ зарытыхъ въ землю, замученныхъ и потомъ обезглавленныхъ.

А самая Ваза? По нашимъ войскамъ жители стрѣляли изъ оконъ и дверей какъ въ Варѳоломеевскую ночь.

Да, Русскіе люди тяжелыми жертвами пріобрѣтали право на обладаніе Финляндіей...

За Вазой, до самаго Торнео, тоже не приходилось покоиться на миртахъ и розахъ. Трижды въ теченіе одного 1808 года проходили русскія войска эту страну, то побѣждая, то терпя пораженія, но всегда голодая и бѣдствуя въ опустошенномъ краѣ, пока, наконецъ, Каменскій не включилъ его окончательно въ русскіе предѣлы. Бивуаки à la belle étoile, подъ полярнымъ кругомъ, въ декабрѣ, при 27° мороза; укрѣпленія изо льда; коченѣніе рукъ послѣ каждаго выстрѣла и опять голодовка,— вотъ послѣднія картины драмы именуемой покореніемъ Финляндіи.

„Мы завоевали Финляндію, сохраните ее!“ сказалъ графъ Каменскій, прощаясь съ войсками.

„Финляндія присоединена къ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ и не можетъ быть отдѣлена иначе какъ оружіемъ“, собственноручно приписалъ Александръ I къ отвѣтной запискѣ Густаву въ концѣ января 1809 года.

Вотъ воспоминанія которыя навѣваетъ плаваніе яхты *Царевна*.

N.

ОТВѢТЪ

ПРОКУРОРУ ФИНЛЯНДСКАГО СЕНАТА.

1.

Боргоскіе акты и Финляндское публичное право.

(Передовая статья № 203 *Московскихъ Вѣдомостей* 1889 года.)

Москва, 24 іюля.

Сообщенія и сужденія нашего гельсингфорскаго корреспондента не перестаютъ быть предметомъ напряженнаго вниманія въ средѣ финляндскаго офиціальнаго міра.

Какъ извѣстно, это вниманіе къ нимъ выразилось, между прочимъ, въ томъ что даже финляндскій генералъ-губернаторъ, именно въ своемъ качествѣ предсѣдателя Финляндскаго Сената, сдѣлалъ ихъ предметомъ особой «Всеподданнѣйшей докладной записки», * опубликованной въ № 100 *Правительственнаго Вѣстника*.

Этою *Запиской* и ея опубликованіемъ, повидимому, въ Гельсингфорсѣ были удовлетворены вполнѣ. По крайней мѣрѣ въ *Revalsche Zeitung*, а затѣмъ въ *St.-Petersburger Zeitung* и другихъ газетахъ, передавались полученныя изъ Гельсингфорса извѣстія что тамъ—

„генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ при своемъ возвращеніи изъ резиденціи (Петербурга), принималъ депутацію сенаторовъ, которые передали ему выраженіе благодарности Сената (Финляндскаго), за его *меморандумъ* по предметамъ нападокъ (!?) *Московскихъ Вѣдомостей* на Финляндію“.

Тѣмъ не менѣе, однако, упомянутою *Запиской* дѣло опроверженія будто бы ошибочныхъ ** мнѣній выска-

---

* См. выше, стр. 82—84.

** См. выше, статьи: „по поводу *Всеподданнѣйшей Докладной Записки* графа Ѳ. Л. Гейдена“, стр. 79—81; „Финляндская лойяльность и финляндскій сепаратизмъ“, стр. 92—98; „*Записка* графа Гейдена и *Основные законы* Финляндіи“, стр. 99—108; „*Боргоскіе акты* и *личная унія* Финляндіи съ Россіей“, стр. 109—114; гельсингфорская корреспонденція: „Нѣчто по поводу *Записки* графа Гейдена“, стр. 115—120.

занныхъ въ нашей газетѣ не закончилось. Прокуроръ Императорскаго Финляндскаго Сената, г. А. Э. фонъ-Вейсенбергъ почтилъ насъ присылкой намъ письма, имѣющаго цѣлью оградить нашихъ читателей отъ усвоенія якобы «превратныхъ» понятій о «публичномъ правѣ Финляндіи», которыя могутъ де внушить имъ сужденія нашего гельсингфорскаго корреспондента.

Къ письму приложены три акта 1809 года: отъ 20 января, 15 и 23 марта, и, кромѣ того, въ самомъ письмѣ приведены выдержки, поперьвыхъ, изъ рѣчи произнесенной императоромъ Александромъ II при открытіи Финляндскаго Сейма 6 (18) сентября 1863, вовторыхъ, изъ «сеймоваго устава» 3 (15) апрѣля 1869 года. *

Охотно даемъ мѣсто этому письму ** въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, хотя и сильно сомнѣваемся, чтобъ оно могло произвести то впечатлѣніе на которое, очевидно, разчитываетъ его авторъ. Возможность такого впечатлѣнія устраняется уже однимъ тѣмъ что, *огираясь* въ своихъ сужденіяхъ *лишь на нѣкоторые, односторонніе*, имъ самимъ произвольно избранные документы, г. фонъ-Вейсенбергъ *совер-*

---

* Письмо г. фонъ-Вейсенберга, со всѣми къ нему приложеніями, см. ниже, стр. 140—143.

** Въ перепискѣ съ нами достоуважаемый г. фонъ-Вейсенбергъ сѣтовалъ на промедленіе съ нашей стороны въ печатаніи его письма. Считаемъ посему не лишнимъ объяснить причину этого промедленія.

Вслѣдъ за полученіемъ его письма-статьи, по разсмотрѣніи ея, редакція нашей газеты обратилась къ г. прокурору Финляндскаго Сената особымъ отношеніемъ, увѣдомляя его что, „заинтересованная возможно полнымъ разъясненіемъ вопросовъ возбужденныхъ ея гельсингфорскимъ корреспондентомъ, она не преминетъ напечатать“ присланную г. прокуроромъ статью по этимъ вопросамъ. При семъ, однако, редакція взяла на себя смѣлость обратиться къ автору ея за содѣйствіемъ „къ болѣе полному уясненію одного изъ пунктовъ“, о которомъ шла рѣчь въ его статьѣ, въ надеждѣ что онъ, ради дѣла, не откажетъ въ этомъ содѣйствіи. Именно, будучи лишена возможности сдѣлать нужныя справки въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* (выписанный ею экземпляръ этого *Сборника* былъ не полонъ: въ немъ недоставало 1868, 1869, 1875 и 1888 годовъ, и трехъ первыхъ изъ означенныхъ годовъ въ продажѣ не оказалось), редакція почтительнѣйше просила оказать ей содѣйствіе въ полученіи, конечно за ея счетъ, „означенныхъ годовъ *Сборника, въ особенности того въ которомъ напечатанъ уставъ Финляндскаго Сейма*“, чѣмъ г. прокуроръ, столь близко стоящій къ учрежденію издающему *Сборникъ*, „не мало бы помогъ разъясненію вопроса и устраненію столь нежелательныхъ въ немъ недоразумѣній“.

Мы не обманулись въ нашей надеждѣ. Любезно и предупредительно отнесясь къ нашей просьбѣ, г. фонъ-Вейсенбергъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ намъ требовавшихся томовъ *Сборника*, которые и были намъ доставлены.

Къ сожалѣнію, со стороны лица, или лицъ, на коихъ г. прокуроромъ было возложено исполненіе нашей просьбы, произошла нѣкоторая, по всей вѣроятности случайная, оплошность: въ томѣ *Сборника* за 1869 годъ, *вмѣсто №№ 1, 11, 12, 15, 17, 18, 25, 26, 27 и 30 за 1869 годъ*, вложены соотвѣтствующіе *№№ 1, 11, 12, 15, 17, 18, 25, 26, 27 и 30 за 1879 годъ*,— обстоятельство тѣмъ болѣе для насъ прискорбное что, такимъ образомъ, въ присланномъ намъ томѣ *Сборника* не оказалось какъ разъ того нумера (№ 11) въ которомъ напечатанъ сеймовой уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго,—именно тотъ уставъ на который мы спеціально указывали въ нашемъ отношеніи къ г. фонъ-Вейсенбергу, и справка въ коемъ, по указаннымъ выше соображеніямъ, была намъ особенно нужна для припечатанія статьи г. прокурора Финляндскаго Сената.

Затрудняясь вторично безпокоить его просьбами о восполненіи пробѣловъ въ нашемъ экземплярѣ *Сборника*, мы рѣшились восполнить означенные пробѣлы другими путями и изъ другихъ источниковъ, что, однако, не могло не отозваться нѣкоторымъ промедленіемъ въ печатаніи статьи г. фонъ-Вейсенберга.

шенно умалчиваетъ о другихъ актахъ, имѣющихъ первостепенное, основное значеніе въ вопросѣ объ опредѣленіи и оцѣнкѣ «публичнаго права Финляндіи». Къ числу таковыхъ умолчанныхъ г. фонъ-Вейсенбергомъ актовъ принадлежатъ, между прочимъ:

Декларація отъ 16-го и манифестъ отъ 20 марта 1808 года о включеніи Финляндіи въ составъ Россійской Имперіи.

Манифестъ 5 іюня того же года собственно къ Финляндцамъ.

Акты присяги 10 и 11 мая 1808 года.

Мирный трактатъ со Швеціей 5 сентября 1809 года, которымъ завершилось покореніе Финляндіи.

Помимо этихъ и другихъ умолчаній, сильно подрывающихъ вѣру въ правоту дѣла которому желаетъ послужить прокуроръ Финляндскаго Сената, нельзя еще не замѣтить что онъ въ своемъ письмѣ, въ сущности, не говоритъ почти ничего новаго, почти ничего такого что уже не было бы высказано и затѣмъ опровергнуто.

Г. фонъ-Вейсенбергъ старается доказать невѣрность высказанныхъ въ нашей газетѣ мнѣній: 1) что Боргоскій Сеймъ 1809 года не имѣетъ значенія въ вопросѣ о характерѣ соединенія Финляндіи съ Россіей, и 2) что Финляндія не имѣетъ настоящихъ своихъ основныхъ законовъ.

Но что дѣлаетъ онъ для опроверженія этихъ, едва ли даже подлежащихъ спору, мнѣній? Онъ лишь кратко излагаетъ то что извѣстный сенаторъ Мехелинъ, на страницахъ гостепріимнаго для всякихъ сепаратистовъ *Вѣстника Европы*, уже писалъ въ своемъ «Отвѣтѣ г. Ордину» по поводу его историческихъ изслѣдованій, подрывающихъ прочность основъ спеціально финляндскаго сепаратизма.

Но эти разсужденія г. Мехелина были обстоятельно разобраны и разоблачены тѣмъ же г. Ординымъ еще въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1888 годъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Какъ было дѣло?» Такимъ образомъ, эта болѣе года тому назадъ напечатанная статья сохраняетъ всю силу прямаго отвѣта и на нынѣшнее, печатаемое ниже, письмо г. фонъ-Вейсенберга.

Такъ, между прочимъ, въ этой статьѣ подробно разсмотрѣнъ главнѣйшій изъ прилагаемыхъ нынѣ г. фонъ-Вейсенбергомъ трехъ актовъ, на которыхъ Финляндцы стараются обосновать свою «государственную» самостоятельность, именно грамота отъ 15 марта 1809 года. Эта грамота * въ упомянутой статьѣ сличена съ вышеуказанными, умолчанными г. фонъ-Вейсенбергомъ, несомнѣнными русскими актами изданными по поводу покоренія Финляндіи, и поставлена на приличествующее ей мѣсто мѣры внутренней, принятой Самодержавнымъ Русскимъ Государемъ въ данныхъ обстоятельствахъ *единолично, безо всякихъ соглашеній, а тѣмъ болѣе договоровъ съ Финляндцами*. При семъ было несомнѣнно выяснено что таковая мѣра была исключительно дѣломъ *милости*, допускаемой до тѣхъ поръ пока она не вредитъ общимъ государственнымъ интересамъ, о которыхъ торжественно говорили упомянутые выше, игнорируемые финляндскими сепаратистами, непререкаемые русскіе акты.

Далѣе, какъ «объявленіе» 20 января 1809 года, такъ и грамота 15 марта того же года,—оба эти акта приводимые г. фонъ-Вейсенбергомъ—состоялись *предъ Сеймомъ* и, именно въ силу этого, никакъ не могутъ служить аргументами для присвоенія Боргоскому ландтагу какого-то рѣшающаго значенія въ опредѣленіи

---

* См. ниже, стр. 142.

свойства отношеній установившихся между Россіей и Финляндіей.

Въ обоихъ этихъ актахъ говорилось *о совершившемся уже* «присоединеніи Финляндіи навсегда къ Россійской Имперіи», «*по произволенію Провидѣнія и благодаря успѣху Нашего оружія*»; говорилось «о вступленіи уже въ обладаніе» Великимъ Княжествомъ. Ни о договорѣ, или соглашеніи съ Финляндцами, ни о какомъ-либо «конституціонномъ обязательствѣ» не было въ этихъ актахъ и упоминанія. Правда, упомянуто о сохраненіи ихъ «конституцій»,—но упомянуто во множественномъ числѣ. Этимъ «конституціямъ» отнюдь не принадлежало нынѣшнее правовое толкованіе слова «конституція»: онѣ означали просто «учрежденія», мѣстныя «установленія». Лучшее подтвержденіе правильности этого взгляда заключается въ измѣненіи редакціи втораго изъ названныхъ актовъ (грамоты 15 марта), сдѣланномъ при повтореніи его Императоромъ Александромъ II по вступленіи на престолъ: не подписавъ поднесеннаго проекта въ прежнемъ видѣ, Онъ повелѣлъ слово «конституція» замѣнить словомъ «учрежденія».

Что касается третьяго изъ приводимыхъ г. фонъ-Вейсенбергомъ актовъ, то-есть манифеста 23 марта 1809 года, то онъ лишь повторялъ то о чемъ говорилось за недѣлю предъ тѣмъ, въ грамотѣ 15 марта.

Такое обильное повтореніе одного и того же собственно не совсѣмъ даже соотвѣтствовало достоинству Верховной Власти. Но этотъ манифестъ имѣлъ спеціальную цѣль.

На Сеймъ въ Борго, несмотря на всѣ сдѣланныя Финляндцамъ потачки, съѣхалось очень мало депутатовъ; недовѣріе въ странѣ къ русской власти было несомнѣнно, а партизанскія партіи, свирѣпствовавшія противъ Русскихъ* въ предшествовавшую кампанію 1808 года, когда Финляндія была окончательно покорена, засвидѣтельствовали безусловную въ то время ненависть финскаго крестьянства къ Россіи. Основывалась же эта ненависть на томъ что враги Россіи внушали народу будто съ покореніемъ страны крестьянство будетъ закрѣпощено, а воинская повинность будетъ замѣнена рекрутчиной, которой боялись какъ всѣхъ египетскихъ язвъ вмѣстѣ. Именно для разсѣянія такихъ страховъ и для вящаго удостовѣренія всѣхъ вообще, а крестьянъ въ особенности, въ томъ что бѣды эти ихъ не постигнутъ, и что повторенная на Сеймѣ нѣсколькими крестьянскими депутатами присяга Русскому Императору обязательна для всего сословія, и явился манифестъ 23 марта.

Дѣло шло тутъ главнымъ образомъ о вліяніи на крестьянъ, что очевидно изъ *спеціальнаго* о нихъ упоминанія. «Коренные» законы и «конституціи» касались тутъ именно коренныхъ вольностей, то-есть личной свободы крестьянъ, невведенія крѣпостнаго права и невведенія рекрутства, а вовсе не той, еще недавней тогда, шведской конституціи 1772 и 1789 года, которая въ финскомъ крестьянствѣ, по совершенно ничтожному и мнимому участію его въ дѣлахъ Швеціи, не только не могла укорениться, но и была совсѣмъ почти непонятна малограмотнымъ и вовсе безграмотнымъ мужикамъ. Шведская конституція имѣла значеніе главнымъ образомъ

---

* Нѣкоторое понятіе о характерѣ этихъ многочисленныхъ эпизодовъ исторіи покоренія Финляндіи даетъ статья „Яхта *Царевна* и Воспоминанія“, см. выше, стр. 121—124. Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ вышедшей позднѣе книгѣ К. Ф. Ордина *Покореніе Финляндіи*, т. II.

лишь для своевольнаго дворянства,—прославившагося въ исторіи рядомъ измѣнъ, вѣроломствъ и клятвопреступленій и привыкшаго въ теченіе вѣковъ играть своими королями легче чѣмъ шахматными фигурами,—да еще для своекорыстнаго духовенства.

Въ виду всего этого, трудно даже понять зачѣмъ понадобилось прокурору Финляндскаго Сената приводить текстуально акты 20 января, 15 и 23 марта 1809 года: къ усвояемой себѣ Финляндцами шведской конституціи ни одинъ изъ этихъ актовъ не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія.

По своему существу, эти акты являлись лишь повтореніемъ тѣхъ успокоительныхъ, умиротворявшихъ покоряемую страну, обѣщаній которыя давались русскою властью много ранѣе, еще въ прокламаціи отъ 10 февраля и въ объявленіи отъ 9 апрѣля 1808 года, а затѣмъ были повторены въ концѣ того же 1808 года финляндской депутаціи, избранной дворянствомъ, духовенствомъ, горожанами и крестьянами и прибывшей въ Петербургъ дабы, предавая «судьбу своихъ соотчичей великодушію побѣдителя», предъявить Русскому Государю рядъ своихъ просьбъ. Всѣ эти, многократно высказанныя и въ 1808, и въ 1809 году обѣщанія, по своей сущности и силѣ, можемъ сказать, почти нисколько не разнятся отъ подобныхъ же обѣщаній дававшихся въ свое время населенію Лифляндіи и Эстляндіи при покореніи и присоединеніи ихъ къ Россіи. Но какъ въ бывшихъ шведскихъ провинціяхъ Эстляндіи и Лифляндіи эти обѣщанія не могли лечь въ основу какихъ-либо особыхъ парламентарныхъ конституцій, такъ точно странно было бы полагать подобныя же обѣщанія въ основу парламентарной конституціи въ третьей, тоже бывшей шведской, провинціи—Финляндіи.

Главнымъ ходатайствомъ упомянутой сейчасъ финляндской депутаціи была вѣрноподданнѣйшая просьба о созваніи Сейма, на которомъ Государь могъ бы услыхать голосъ народа, компетентною представительницей коего депутація себя не считала. Просьба была уважена. Рѣшено было, какъ значится въ актѣ 20 января 1809 года, созвать «всѣ сословія Финляндіи» на Сеймъ «согласно конституціямъ страны», причемъ представители всѣхъ сословій имѣли собраться «въ порядкѣ установленномъ сеймовыми узаконеніями».

Ужь не въ этихъ ли отмѣченныхъ вносными знаками фразахъ усмотрѣлъ прокуроръ Финляндскаго Сената санкцію закрѣпленія за Финляндіей шведской конституціи? Но вѣдь тутъ созывался *не шведскій государственный, а мѣстный, провинціальный Сеймъ*, на подобіе нашихъ дворянскихъ, или иныхъ сословныхъ, или земскихъ собраній, созывался, конечно, обычнымъ въ краѣ, а не новосочиненнымъ для него порядкомъ.

Правда, созывался этотъ провинціальный финляндскій ландтагъ въ Борго съ нѣсколько большею помпой, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ времени, когда еще продолжалась изъ-за Финляндіи война со Швеціей, и когда король Шведскій еще не переставалъ считать Финляндцевъ своими подданными. Тѣмъ не менѣе, однако, отторженіемъ отъ Швеціи Финляндія отнюдь не превращалась въ Шведское государство: она, какъ была, такъ и осталась провинціей, могла, поэтому, сохранять свои провинціальныя учрежденія, но не имѣла ни малѣйшаго права предъявлять какія-либо претензіи на конституціонныя учрежденія принадлежавшія Шведскому королевству. Претензіи

Финляндцевъ на государственную шведскую конституцію столь же смѣшны, какъ смѣшны были бы, напримѣръ, претензіи каждаго изъ французскихъ департаментовъ присвоить себѣ во всей полнотѣ конституцію Франціи, съ особою палатой депутатовъ, сенатомъ, президентомъ республики и министерствомъ, во всей силѣ ихъ государственнаго значенія.

Далѣе, прокурору Финляндскаго Сената должно быть извѣстно что на Сеймъ въ Борго созывались, по ихъ конституціямъ, представители сословій уже не шведской, а *русской* провинціи, созывались представители сословій которыя уже предварительно *клятвенно отреклись* отъ ограничивающей власть Государя шведской конституціи,—отреклись торжественнымъ принесеніемъ 10 и 11 мая 1808 года присяги на вѣрноподданство Русскому Царю не по *шведской*, а по *русской* присяжной формулѣ.

Этотъ фактъ не можетъ быть вычеркнутъ изъ исторіи, сколь бы ни желали Финляндцы предать его забвенію. О какомъ-либо ограниченіи самодержавной власти Русскаго Царя въ Финляндіи какими бы то ни было конституціями, тѣмъ болѣе шведскою, не могло быть и рѣчи, коль скоро на Сеймъ въ Борго представители финляндскихъ сословій были созваны не прежде, а лишь *послѣ* того какъ ими, во исполненіе Царскаго повелѣнія, добровольно дано было торжественное клятвенное обѣщаніе «...*всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества САМОДЕРЖАВСТВУ, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества*, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности *предостерегать и оборонять*...»

Тѣмъ болѣе поражаетъ своею полною безосновательностію категорическое заявленіе прокурора Финляндскаго Сената, будто тогда же, на Сеймѣ 1809 года, Русскимъ Государемъ были утверждены и *Форма Правленія отъ 21 августа 1772 года* и *Актъ Соединенія и Охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года*,— то-есть вся шведская конституція того времени.

Утверждены! Но почему же, однако, г. фонъ-Вейсенбергъ не приложилъ къ своему письму акта въ которомъ выразилось это небывалое утвержденіе, — это вымышленное отреченіе Русскаго Самодержца отъ присущаго ему Самодержавія? Вѣдь подобный небывалый актъ, для защиты отстаиваемой прокуроромъ Императорскаго Финляндскаго Сената идеи, былъ бы несравненно важнѣе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ цитатъ и актовъ которые онъ приводитъ и на которые ссылается.

Или, можетъ-быть, утвержденіе шведской конституціи заключалось въ томъ полномъ фіаско которое въ 1808 году понесла попытка гг. Маннергейма и де-Моріана добиться принесенія Русскимъ Государемъ извѣстной постыдной присяги требуемой этою конституціей?

Или утвержденіе этой конституціи заключалось въ томъ что при актѣ присяги въ Боргоскомъ соборѣ 17 (29) марта 1809 года, на который ссылается г. фонъ-Вейсенбергъ, была сознательно измѣнена самая формула сеймовой присяги, съ устраненіемъ изъ нея даже всякаго упоминанія о «Формѣ Правленія 21 августа 1772 года»?

Нѣтъ, это актъ не признанія, а рѣшительнаго отверженія старошведской конституціи въ примѣненіи къ Финляндіи, и г. фонъ-Вейсенбергъ рѣшительно ошибается полагая что, вслѣдствіе того факта что «Правителемъ (только *правителемъ?*) Финляндіи сталъ Императоръ Всероссійскій», измѣнились *лишь* «*два* постановленія въ Формѣ Правленія 1772 года», а именно: «о вѣроиспо-

вѣданіи Монарха и о порядкѣ престолонаслѣдія.» Прокуроръ Финляндскаго Сената долженъ помнить что по этой шведской конституціи государь отказывается *«навсегда отъ ненавистнаго самодержавія»*. Но какъ на дѣлѣ могъ бы исполнить это обязательство искони и неизмѣнно Самодержавный Монархъ Всероссійскій? Какъ могъ бы Онъ оберегать интересы Своего государства, признавая первѣйшую основу Своей власти «ненавистною», хотя бы и въ такой ничтожной части Своей Имперіи какъ Финляндія? Объ этой возмутительной нелѣпости «шведской конституціи», напяливаемой на Финляндію, намъ уже случалось говорить,—но г. фонъ-Вейсенбергъ не обмолвился по этому предмету ни однимъ словомъ.

Позволимъ себѣ замѣтить г. прокурору Императорскаго Финляндскаго Сената что покореніе Финляндіи, достигнутое цѣною пролитой русской крови и ниспосланными Богомъ побѣдами, какъ не могло вести къ отреченію Русскаго Монарха отъ Православія и отъ установленнаго въ Россіи порядка престолонаслѣдія, также точно не могло вести и къ отреченію Его отъ основнаго русскаго государственнаго принципа—Самодержавія. Высочайшими манифестами 20 марта и 5 іюня 1808 года, сила коихъ не отмѣнена никакими послѣдующими актами, Финляндія включена *въ составъ единой Русской Имперіи*,—а на всемъ пространствѣ этой единой Имперіи, одинаково въ каждомъ входящемъ въ ея составъ уголкѣ, долженъ быть равно для всѣхъ обязателенъ главный и первый основной законъ—законъ Самодержавія не допускающаго ограниченій.

2.

Финляндское публичное право и акты шестидесятыхъ годовъ.

(*Передовая статья* № 204 *Московскихъ Вѣдомостей* 1889 года.)

Москва, 25 іюля.

Кромѣ актовъ 1809 года, приводимыхъ г. фонъ-Вейсенбергомъ въ подкрѣпленіе мнимо-историческаго права Финляндцевъ на конституціонный парламентаризмъ, имъ приведены еще выдержки изъ актовъ шестидесятыхъ годовъ, въ засвидѣтельствованіе якобы закрѣпленнаго за ними тогда—уже не историческаго, а благопріобрѣтеннаго—права на парламентарную конституцію.

Именно,—въ подкрѣпленіе извѣстныхъ сепаратистскихъ претензій, выставляющихъ Финляндію отдѣльнымъ государствомъ состоящимъ лишь въ «личномъ», пожалуй въ «реальномъ», соединеніи съ Россіей, но не иначе какъ въ качествѣ совершенно самостоятельной *конституціонной монархіи*,—г. фонъ-Вейсенбергъ сослался, между прочимъ, на мало извѣстную русской публикѣ рѣчь Императора Александра II въ 1863 году, при открытіи, 6 (18) сентября, перваго Финляндскаго Сейма послѣ 55лѣтняго промежутка. Изъ этой рѣчи онъ привелъ въ своемъ письмѣ выдержку того мѣста гдѣ говорится объ «оставленіи неприкосновеннымъ принципа конституціонной монархіи». Эти слова имъ подчеркнуты.

Въ виду этой выдержки, прежде всего слѣдуетъ замѣтить что цитованная гельсингфорсская рѣчь не была

русскимъ государственнымъ актомъ, и что ею ни въ чемъ и нисколько не отмѣнены, не измѣнены и не поколеблены смыслъ и сила непререкаемыхъ торжественныхъ заявленій сдѣланныхъ съ высоты Русскаго Престола въ Высочайшихъ манифестахъ 20 марта и 5 іюня 1808 года, изъ коихъ нѣкоторыя выдержки приведены въ № 151 *Московскихъ Вѣдомостей*. *

Значеніе такихъ актовъ какъ сіи манифесты, по *Основнымъ Законамъ* Россійской Имперіи (статья 66), могло бы быть ослаблено только равносильнымъ имъ актомъ, а никакъ не простою рѣчью, имѣвшею значеніе лишь бесѣды Государя съ представителями финляндскихъ сословій, и напечатанною въ № 33 финляндскаго *Сборника Постановленій* за 1863 годъ безо всякой подъ нею подписи. Упомянутая гельсингфорсская рѣчь, въ какой бы формѣ и въ какихъ бы выраженіяхъ ни была она изложена, и при какихъ бы обстоятельствахъ ни была произнесена, ни въ какой мѣрѣ и ни въ какомъ отношеніи не входила въ область положительнаго законодательства. Она была лишь выраженіемъ мнѣній и намѣреній,— мнѣній, которыя, по обстоятельствамъ и съ теченіемъ времени, могутъ мѣняться, намѣреній, которыя могутъ быть и часто бываютъ оставляемы безъ исполненія и отмѣтаемы.

Такъ именно и случилось съ мнѣніями и намѣреніями выраженными въ гельсингфорсской рѣчи 6 (18) сентября 1863 года, какъ скоро выяснилось что они были одною изъ тѣхъ безотчетныхъ ошибокъ въ которыя русская власть въ шестидесятыхъ годахъ была вовлечена извѣстнымъ сплетеніемъ тенденцій, вліяній и вѣяній той эпохи,—тѣхъ вѣяній которыя натворили у насъ столь много зла, а въ періодъ извѣстной «диктатуры сердца» готовились пошатнуть даже самодержавіе въ коренной Россіи.

Нельзя, далѣе, совершенно упускать изъ виду и того что отвѣтственность предъ исторіей и Верховною Властью за редакцію выраженій и изложенія иныхъ рѣчей и актовъ во многомъ падаетъ на тѣхъ кому эта редакція довѣрялась, и что люди облекаемые этимъ довѣріемъ далеко не всегда оное оправдывали. Поэтому не лишнимъ будетъ напомнить что, напримѣръ, редакція объявленія отъ 20 января 1809 принадлежала извѣстному финляндскому сепаратисту Спренгтпортену *; редакція манифеста 23 марта 1809—Финляндцамъ Ребиндеру и епископу Тенгстрёму; редакція манифеста 9 февраля 1816 (приведеннаго текстуально въ *Запискѣ* графа Гейдена **) — тоже Финляндцу Ребиндеру; а надъ редакціей рѣчи 6 (18) сентября 1863, сколько извѣстно, не мало потрудился тоже Финляндецъ, приснопамятный финляндскій статсъ-секретарь Армфельтъ.

Нѣтъ спора что, при всемъ этомъ, въ Финляндіи значеніе гельсингфорсской рѣчи 1863 года всячески муссировалось: она была, вопервыхъ, помѣщена въ № 33 *Сборника Постановленій* за 1863 годъ, вовторыхъ, напечатана отдѣльными оттисками для распространенія въ публикѣ.

Но, приводя изъ нея выдержку, г. фонъ-Вейсенбергу слѣдовало бы, ради безпристрастія, вопервыхъ, пояснить что произошло на Сеймѣ открытомъ этою рѣчью: Финляндцы занеслись до того что прямо возмнили себя самостоятельною «конституту-

---

* См. выше, стр. 109—114.

* Весьма интересныя документальныя данныя для его біографіи сообщаются въ книгѣ *Покореніе Финляндіи*, К. Ф. Ордина, гдѣ, между прочимъ, ему посвящена особая глава, Т. I, стр. 336 — 339, и затѣмъ говоритъ о немъ почти весь второй томъ.

** См. выше, стр. 82—84.

ціонною монархіей», а Россію даже называли «иностранною державой» *.

Вовторыхъ, г. фонъ-Вейсенбергу слѣдовало бы, ради того же безпристрастія, заявить въ своемъ письмѣ что *при закрытіи* Сейма (уже въ апрѣлѣ 1864 года) была произнесена *другая* рѣчь.

Этой другой рѣчи Финляндцы уже не напечатали въ *Сборникѣ Постановленій* особо, какъ напечатали первую рѣчь, ** не распространяли ея въ отдѣльныхъ экземплярахъ и повсемѣстно не муссировали. Эта *другая* рѣчь была прочитана уже не самимъ Императоромъ, какъ первая, а лишь генералъ-губернаторомъ, и *не по-французски*, какъ первая, а *по-русски*. О принципахъ «конституціонной монархіи» въ ней уже вовсе не упоминалось. Напротивъ, она являлась укоромъ Финляндцамъ за то какъ они поняли первую рѣчь и за сепаратист-

---

* Они и теперь называютъ ее „сосѣднею“ державой.

** При печатаніи этой статьи въ № 204 *Московскихъ Вѣдомостей*, по технической погрѣшности, выпала цѣлая строчка:

особо, какъ напечатали первую рѣчь,

и вслѣдствіе этого, то мѣсто статьи гдѣ говорилось о рѣчи Императора Александра II, прочитанной при закрытіи Финляндскаго Сейма 3 (15) апрѣля 1864, было напечатано въ искаженномъ видѣ, какъ бы съ нарушеніемъ исторической правды.

Именно, *было напечатано*:

«Этой другой рѣчи Финляндцы уже не напечатали въ *Сборникѣ Постановленій*, не распространяли въ отдѣльныхъ экземплярахъ, и повсемѣстно не муссировали.»

А *слѣдуетъ читать*:

«Этой другой рѣчи Финляндцы уже не напечатали въ *Сборникѣ Постановленій* особо, какъ напечатали первую рѣчь, не распространяли въ отдѣльныхъ экземплярахъ, и повсемѣстно не муссировали.»

Въ № 210 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ замѣткѣ „Важная поправка“, эта погрѣшность была оговорена, причемъ, дабы уяснить значеніе упомянутой выпавшей строчки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пополнить проведенную параллель между тѣмъ какъ отнеслись въ Финляндіи къ первой Императорской рѣчи, произнесенной при открытіи Сейма, и тѣмъ какъ отнеслись тамъ ко второй Императорской рѣчи, прочитанной при его закрытіи, сказано было слѣдующее:

Первая рѣчь была напечатана въ *Сборникѣ Постановленій* не одинъ, а *два раза*, сперва *совершенно особо*, а потомъ въ сеймовомъ протоколѣ.

Вторая рѣчь была напечатана въ *Сборникѣ Постановленій* только одинъ разъ—*только* въ сеймовомъ протоколѣ.

Въ „протоколѣ веденномъ при *открытіи* втораго общаго Сейма“ 6 (18) сентября 1863 года, напечатанномъ въ № 4 *Сборника Постановленій* за 1864 годъ, первой рѣчи покойнаго Государя, произнесенной на французскомъ языкѣ, предпосланы слѣдующія слова:

„Его Величеству Государю Императору и Великому Князю было угодно привѣтствовать земскихъ чиновъ слѣдующею Всемилостивѣйшею рѣчью.“

Въ „протоколѣ веденномъ при *закрытіи* втораго общаго Сейма“ 3 (15) апрѣля 1864 года, напечатанномъ въ № 19 *Сборника Постановленій* за 1864 годъ, второй рѣчи покойнаго Государя предпосланы слѣдующія слова:

„Генералъ-губернаторъ прочелъ адресованную къ представителямъ Финляндіи, собственною Его Императорскаго Величества рукою подписанную рѣчь на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія.“

Эта вторая, *собственною Его Императорскаго Величества рукою подписанная рѣчь на русскомъ языкѣ* занесена въ протоколъ, который въ послѣдствіи напечатанъ—и только. Но по отношенію къ первой рѣчи, занесеніемъ ея въ

скія стремленія. Хотя съ обычнымъ покойному Государю благодушіемъ, въ ней говорилось слѣдующее:

«Благодарю васъ за неоднократно «выраженныя вами отъ лица Финска- «го народа чувства вѣрности и пре- «данности ко Мнѣ, *но не могу не со- «жалѣть о томъ* что нѣкоторыя пре- «нія Сейма подали поводъ къ *недо- «разумѣніямъ касательно отношеній «Великаго Княжества къ Россійской «Имперіи.*

«*Въ неразрывномъ своемъ соединеніи «съ Россіей* Финляндія ненарушимо «сохранила *предоставленныя* ей пра- «ва, и подъ сѣнію своихъ законовъ «продолжаетъ пользоваться всѣми «нравственными и вещественными «выгодами, представляемыми ей мо- «гуществомъ Имперіи. Россія откры- «ваетъ жителямъ Финляндіи обшир- «ное и безпрепятственное поприще «торговли и промышленности, а бла- «годушный Русскій народъ не разъ, «когда тяжелыя испытанія посѣщали «вашъ *край,* доказывалъ свое брат- «ское участіе и дѣятельную помощь. «Слѣдовательно, ясное пониманіе ис- «тинныхъ пользъ Финляндіи должно «склонять васъ *къ упроченію, а от- «нюдь не къ ослабленію той тѣсной «связи съ Россіей* которая служитъ «неизмѣннымъ ручательствомъ бла- «госостоянію вашей родины.»

Итакъ, *соединеніе,* притомъ *неразрывное,* и не съ Особой только Государя, а съ самою Россіей, *связь,* притомъ, *тѣсная,*—вотъ что установлялось императоромъ Александромъ II касательно отношеній Финляндіи къ Россіи.

Но дабы полнѣе уяснить значеніе той сеймовой рѣчи императора Александра II на которую сослался г. фонъ-Вейсенбергъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на главнѣйшее ея содержаніе.

Государь возвѣстилъ *составленіе проекта закона* который заключалъ бы въ себѣ поясненія и дополненія

протоколъ и печатаніемъ только этого протокола Финляндцы не ограничились: не обычнымъ порядкомъ, внѣ всякихъ протоколовъ, первой рѣчи посвященъ былъ сполна цѣлый особый нумеръ *Сборника Постановленій*; именно № 33 за 1863 годъ.

Въ этомъ № 33 *Сборника* 1863 года тексту рѣчи предпосланъ особый заголовокъ, напечатанный крупными, яркими, бросающимися въ глаза, шрифтами, не употребляемыми въ *Сборникѣ* даже при печатаніи Высочайшихъ Манифестовъ.

Выше же этого заголовка напечатана отмѣтка:

(*Публиковать въ церквахъ.*)

Опредѣляющіе по своему, со своихъ точекъ зрѣнія и въ своихъ видахъ, вѣсъ, силу, значеніе и достоинство всякихъ актовъ, финляндскіе дѣльцы, не найдя вторую рѣчь покойнаго Государя для себя подходящею, не признали ея за такую которая подлежала бы „опубликованію въ церквахъ“.

Первая рѣчь пусть гремитъ на весь міръ, а для второй, за собственноручною Царскою подписью, достаточно, по ихъ мнѣнію, и того что она занесена въ протоколъ, въ который едва ли кто когда удосужится заглянуть, и который, притомъ, помѣщенъ въ № 19 *Сборника* за 1864, печатавшемся чуть не годъ спустя послѣ закрытія Сейма, именно 25 февраля 1865 года.

Такъ умѣютъ въ Финляндіи различать между актами и актами, выставляя одни въ яркомъ блескѣ и оставляя въ тѣни, сдавая въ архивъ, замалчивая другіе. Это тамъ, какъ сказать, общій принципъ и, какъ мы видѣли, не малую дань этому принципу заплатилъ самъ прокуроръ Финляндскаго Сената А. Э. фонъ-Вейсенбергъ, въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ № 203 *Московскихъ Вѣдомостей.* (См. ниже, стр. 140—143, и ср. стр. 126—127.)

къ такъ именуемымъ «кореннымъ» постановленіямъ Финляндіи, которыя (по прямому заявленію цитуемой г. фонъ-Вейсенбергомъ гельсингфорсской рѣчи) оказываются «*несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ возникшимъ послѣ присоединенія этого Княжества къ Россіи*».

Несовмѣстность финляндскихъ порядковъ съ фактомъ присоединенія Финляндіи къ Россіи признана, слѣдовательно, безусловно.

Въ рѣчи 1863 года была указана необходимость устраненія явной и безспорной несовмѣстности такъ-именуемыхъ коренныхъ финляндскихъ порядковъ съ тѣмъ положеніемъ которое вытекало для Финляндіи изъ факта включенія ея въ составъ Россійской Имперіи; былъ вмѣстѣ съ тѣмъ намѣченъ и трехлѣтній срокъ для устраненія этой несовмѣстности. Но значитъ ли это что признанная почившимъ Монархомъ несовмѣстность устранена на самомъ дѣлѣ, и что финляндскіе порядки сдѣлались послѣ того совмѣстными съ положеніемъ подобающимъ нашей Финской окраинѣ въ общемъ составѣ русскаго государственнаго организма?

Обѣщанное, повторимъ, не значитъ данное, намѣреніе не то же самое что исполненіе.

Со времени гельсингфорсской рѣчи прошли не три только года,—чрезъ которые покойный Императоръ намѣревался предложить на разсмотрѣніе Сейма проектъ основныхъ законовъ съ соблюденіемъ «принципа конституціонной монархіи»,—но минула цѣлая четверть вѣка, а закона который устранилъ бы вышепомянутую «несовмѣстность» такъ и не появилось не только въ Россіи, но даже и въ мѣстныхъ финляндскихъ актахъ. Все навѣянное либеральными теченіями дѣло оказалось отмѣненнымъ самою силой вещей.

Не слѣдуетъ ли отсюда что г. фонъ-Вейсенбергъ нѣсколько увлекся, придавъ рѣчи 1863 г., то-есть одному только *предварительному объявленію*, неподобающія значеніе и силу, когда само существо дѣла, о которомъ объявлялось, повергнуто потомъ въ небытіе, между тѣмъ какъ прославленная шведская конституція самою Верховною Властью признана «несовмѣстною» съ тѣмъ что вытекало изъ включенія Финляндіи въ составъ Россіи?

Нѣтъ, гельсингфорсская рѣчь 6 (18) сентября 1863, съ ея прямымъ указаніемъ на «*несовмѣстность*», есть не подкрѣпленіе, а отрицаніе выставляемаго какъ догматъ, будто бы великаго и непреложнаго для Россіи и Финляндіи, значенія шведской конституціи 1772 и 1789 годовъ.

Г. фонъ-Вейсенбергъ полагаетъ что возвѣщенная въ гельсингфорсской рѣчи 1863 года программа осуществлена, если не вполнѣ, то въ самой неотложной своей части. Въ доказательство приводятся имъ двѣ цитаты изъ сеймоваго устава 3 апрѣля 1869 года.

Но, однако, когда же и какъ приводилась эта программа въ исполненіе?

Финляндскіе порядки признаны *несовмѣстными* съ положеніемъ вытекавшимъ изъ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Высказанныя Финляндцами на Сеймѣ мнѣнія объ отношеніи Финляндіи къ Россіи объявлены *недоразумѣніями*. Вмѣстѣ съ напоминаніемъ о неразрывномъ соединеніи Финляндіи съ Россіей указана *необходимость упроченія тѣсной связи этого края съ Россіей*. Могло ли быть рѣшеніе такой задачи спеціально мѣстнымъ финляндскимъ дѣломъ? Не было ли оно, напротивъ того, дѣломъ прежде и впереди всего всецѣло-русскимъ, и лишь частію, на второй, низшей ступени, дѣломъ финляндскимъ?

Могло ли это русское дѣло, дѣло русской крови, дѣло русской исторіи, дѣло русскихъ народныхъ

интересовъ, дѣло русскаго государственнаго единства и достоинства,— могло ли такое дѣло оставить по себѣ слѣды только въ мѣстныхъ провинціальныхъ актахъ финляндскихъ и не оставить никакихъ слѣдовъ въ русскихъ государственныхъ актахъ?!

Всякіе вопросы, не только первостепенной, но второстепенной и третьестепенной важности, коль скоро они такъ или иначе, прямо или косвенно, касаются предметовъ или интересовъ ввѣренныхъ разнымъ вѣдомствамъ, всегда подвергаются, прежде своего рѣшенія, совмѣстному обсужденію всѣхъ прикосновенныхъ къ данному дѣлу вѣдомствъ, а не рѣшаются по благоусмотрѣнію лишь одного изъ этихъ вѣдомствъ,—и такой порядокъ необходимъ во избѣжаніе одностороннихъ рѣшеній, которыя, удовлетворяя одинъ какой-нибудь интересъ, являлись бы вреднымъ и пагубнымъ нарушеніемъ другихъ, несравненно болѣе важныхъ, но оставленныхъ безъ вниманія интересовъ.

Могло ли это общее необходимое правило быть пренебрежено въ такомъ дѣлѣ какъ опредѣленіе отношеній Финляндіи къ Россіи, ея положенія, какъ части въ цѣломъ, въ общемъ русскомъ имперскомъ государственномъ строѣ? Могло ли такое русское государственное дѣло рѣшаться сообразно однимъ лишь финляндскимъ сепаратистскимъ вожделѣніямъ безъ «довольнаго разсмотрѣнія» прямо и существенно затрогиваемыхъ дѣломъ первостепенныхъ интересовъ Русской Монархіи, безо всякаго вниманія къ этимъ важнѣйшимъ для Русскаго Самодержца интересамъ? Такое ли это дѣло чтобы по составляющимъ его вопросамъ мыслимо было удовольствоваться мнѣніями, заключеніями, благоусмотрѣніями и толкованіями однихъ мѣстныхъ провинціальныхъ финляндскихъ управленій, безо всякой провѣрки ихъ мнѣніями и заключеніями русскихъ министерствъ, или Комитета Министровъ, и Русскаго Государственнаго Совѣта, даже безъ наведенія по этимъ вопросамъ какихъ-либо справокъ въ Россіи?

Между тѣмъ ничего подобнаго не было и, полагаемъ, прокуроръ Императорскаго Финляндскаго Сената едва ли въ состояніи указать русскій законодательный ходъ этого русскаго государственнаго вопроса, точно такъ же какъ едва ли въ состояніи онъ указать тотъ нумеръ русскаго *Собранія Узаконеній* гдѣ былъ бы обнародованъ,— получившій бы вслѣдствіе того обязательное для русскихъ подданныхъ значеніе,—законъ въ которомъ выразилось мнимое осуществленіе гельсингфорсской программы 1863 и 1864 годовъ.

Вмѣсто этого, г. фонъ-Вейсенбергъ могъ бы, но не захотѣлъ разказать, а нашъ гельсингфорсскій корреспондентъ разказалъ, какими путями и какими пріемами велась господами финляндскими сенаторами, совокупно съ финляндскимъ статсъ-секретаремъ Армфельтомъ, ловкая и смѣлая, но не удавшаяся попытка осуществить гельсингфорсскую программу 1863 года на основаніи «принципа конституціонной монархіи».

Этотъ разказъ о томъ какъ боялся свѣта Божьяго сочиненный для себя Финляндцами проектъ конституціи; какъ двигался онъ лишь потайными и келейными ходами; какъ тщательно и дерзко укрывался онъ даже отъ взоровъ и свѣдѣнія тогдашняго представителя Государя въ Финляндіи, генералъ-губернатора барона Платона Ивановича Рокасовскаго, и какъ, затѣмъ, вслѣдствіе самопожертвованія сего послѣдняго, всѣми неправдами пущенный въ ходъ *проектъ финляндской конституціи разомъ и окончательно провалился*, коль скоро получили возможность высказаться предъ Госу-

даремъ, кромѣ Финляндцевъ, также и Русскіе люди, — этотъ разказъ, приведенный въ № 36 и затѣмъ повторенный въ № 148 *Московскихъ Вѣдомостей* 1889 года, * донынѣ никѣмъ не опротестованъ въ своей вѣрности. Не опровергала его *Записка* графа Гейдена, не опровергаетъ и письмо г. фонъ-Вейсенберга.

Потерпѣвъ полное фіаско съ проектомъ *конституціи*, финляндская интрига, чтобы добиться своего во что бы то ни стало, перемѣнила свои батареи и пустила въ ходъ проектъ *сеймоваго устава*, который и былъ утвержденъ.

Но относительно этого устава должно замѣтить слѣдующее:

Вопервыхъ, вопреки мнѣнію г. фонъ-Вейсенберга, это актъ не первостепеннаго, а второстепеннаго значенія, не имѣющій характера конституціонной хартіи, а опредѣляющій лишь сеймовые распорядки.

Вовторыхъ, этому уставу, какъ не опубликованному въ русскомъ *Собраніи Узаконеній*, не дано въ Россіи и для Россіи офиціальнаго значенія.

Втретьихъ, этимъ уставомъ ни въ чемъ и нисколько не устраняется *несовмѣстность* финляндскихъ порядковъ съ положеніемъ Финляндской провинціи по отношенію къ Россійской Имперіи въ составъ коей она безповоротно включена, и заявленная покойнымъ Государемъ еще въ 1863 году необходимость устраненія этой несовмѣстности остается въ полной силѣ.

Вчетвертыхъ, какъ *Записка* графа Гейдена, такъ и письмо прокурора Финляндскаго Сената, ни въ чемъ не опровергаютъ вѣрности слѣдующаго заявленія нашего гельсингфорсскаго корреспондента касательно изданія сеймоваго устава о коемъ рѣчь:

Изъ простаго регламента, опредѣляющаго внутренній распорядокъ занятій земскихъ чиновъ, *финляндскіе чиновники сдѣлали политическій актъ*, въ которомъ, далеко выходя изъ границъ предмета, достигли, по нѣкоторымъ вопросамъ, *ограниченія Верховной Власти, много бо́льшаго сравнительно съ тѣмъ что́ было при королях Шведскихъ. Государь не могъ*, конечно, *входить во всѣ подробности* многостатейнаго, но въ сущности второстепеннаго устава, и *утвердилъ* его *по довѣрію къ докладчику*, тому же незабвенному Финляндцу, статсъ-секретарю Армфельту.

Этотъ статсъ-секретарь, со своими совѣтниками, изловчился второстепенному акту, каковъ сеймовый уставъ, дать давно желанную форму договора. Въ этихъ видахъ уставъ подписали четыре предводителя земскихъ сословій, а Государеву утвержденію придана форма какъ бы ратификаціи. Подносить къ подписанію тотъ же Армфельтъ, и подпись воспослѣдовала. Quasi-договоръ былъ налицо. (*Моск. Вѣд.* 1889, № 36). *

Не можемъ не подивиться, какъ могъ г. фонъ-Вейсенбергъ, ссылаясь на сеймовой уставъ 3 (15) апрѣля 1869 года, не остановиться на приведенномъ заявленіи нашего гельсингфорсскаго корреспондента, — проливающемъ особый, исключительный свѣтъ на вѣсъ и значеніе этого цитуемаго имъ акта, — и не сказать ни слова въ опроверженіе подобнаго заявленія. Или, можетъ быть, прокуроръ Финляндскаго Сената счелъ это заявленіе недостойнымъ вниманія и не стоящимъ опроверженія, въ виду того соображенія что финляндскіе чиновники, вкупѣ съ покойнымъ статсъ-секретаремъ Армфельтомъ, стоятъ выше какихъ бы то ни было подозрѣній въ способности не оправдать и нарушить Монаршее довѣріе?

Но г. прокуроръ Императорскаго Финляндскаго Сената могъ бы смѣло держаться такого взгляда и руководствоваться имъ лишь въ томъ случаѣ еслибы не было налицо документаль-

* См. выше, стр. 70—71 и 104—107.

* См. выше, стр. 71.

но - засвидѣтельствованнаго факта представляющаго собою обращикъ *обдуманно - умышленнаго* сокрытія истины предъ своимъ Государемъ, то-есть умышленнаго введенія Его въ заблужденіе, — кѣмъ? — именно упомянутымъ статсъ - секретаремъ Армфельтомъ въ соглашеніи съ финляндскими сенаторами. Фактъ этотъ довольно обстоятельно изложенъ въ № 72 за 1888, затѣмъ изложеніе его повторено въ № 131 *Московскихъ Вѣдомостей* 1889 года, *— и сообщеніе о немъ ни съ чьей стороны не вызвало опроверженія.

Составлялся «Очеркъ» управленія Финляндіей, *предназначавшійся для покойнаго Государя*,— и при составленіи такого «Очерка» между статсъ-секретаремъ Армфельтомъ и финляндскими сенаторами шла переписка о томъ какія стороны положенія Финляндіи должны быть утаены, о чемъ въ «Очеркѣ» должно быть умолчано, дабы «*не дать повода Русскому управленію вмѣшиваться въ дѣла управленія Финляндіи*» и, между прочимъ, во избѣжаніе тѣхъ неудобствъ для Финляндскаго управленія которыя могли бы проистечь изъ державшагося среди русскихъ министровъ убѣжденія «*что многія изъ тѣхъ преимуществъ и высочайшихъ соизволеній, коими съ теченіемъ времени Финляндія умѣла оградить себя, не принадлежатъ краю по закону и постановленіямъ*».

При наличности умолчаній и утаекъ предъ Государемъ въ одномъ дѣлѣ, позволительно допустить возможность умолчаній и утаекъ, тѣми же людьми и по тѣмъ же соображеніямъ, и въ другихъ дѣлахъ, между прочимъ и въ дѣлѣ составленія и поднесенія покойному Государю сеймоваго устава,— и г. фонъ-Вейсенбергъ не мало послужилъ бы разъясненію русско-финляндскаго дѣла, еслибы взялъ на себя трудъ—(хотя бы пользуясь документами увезеннаго изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ архива финляндскаго статсъ-секретаріата)—доказать что въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было.

Въ вышеприведенной выдержкѣ изъ переписки между финляндскими сенаторами и Армфельтомъ упоминается, между прочимъ, объ «умѣньи Финляндіи оградить себя».

Это умѣнье прямо и печатно признается въ Финляндіи патріотическою заслугой. Почтенъ здравствующій финляндскій сенаторъ Коскинень, въ изданной имъ въ 1882 году книгѣ, прямо восхваляетъ вышеупомянутаго Спренгтпортена какъ политическаго дѣятеля «*который умѣлъ отвратить* отъ отечества *опасности владычества основаннаго на побѣдахъ*». Когда, въ 1860 году, Финляндцамъ удалось исторгнуть у русской власти, въ явный вредъ Россіи (чѣмъ такъ возмущался генералъ-губернаторъ П. И. Рокасовскій), соизволеніе на дарованіе имъ особой, не русской, какъ прежде, а финляндской монетной единицы, на которую они не имѣли и не могли имѣть никакого права,—*Helsingfors Dagblad* откровенно похвалялся что для достиженія такого результата нужно было проявить много настойчивости, осторожности, дипломатической ловкости и тонкаго ума. Вотъ какова хвала воздаваемая Финляндцами умѣнью и ловкости покойнаго Армфельта!

Мы видѣли какъ и въ чемъ проявились это умѣнье и ловкость въ дѣлѣ составленія для Государя «Очерка» управленія Финляндіей; мы видѣли также какъ проявлялись эта ловкость и умѣнье въ дѣлѣ проекта конституціи погубленнаго П. И. Рокасовскимъ. Состоялось ли изданіе сеймоваго устава безо всякаго

* См. выше, стр. 43—47 и 95—96.

проявленія подобныхъ же умѣнья и ловкости?

Не отвѣчая на этотъ вопросъ, замѣтимъ лишь слѣдующее:

Проектъ этого сеймоваго устава и составлялся, и обсуждался, и подносился Государю исключительно Финляндцами, съ устраненіемъ отъ этого дѣла участія русскихъ государственныхъ людей.

Къ подписи покойнаго Государя былъ поднесенъ уставъ многостатейный, преисполненный множествомъ мелочныхъ формальныхъ правилъ, стало-быть, очевидно, не такой который требовалъ бы со стороны Государя непремѣннаго прочтенія отъ первой строки до послѣдней. Составлялся и подносился онъ послѣ того какъ Государемъ былъ окончательно отвергнутъ проектъ конституціи, стало-быть при условіяхъ въ которыхъ трудно было ожидать чтобы такому уставу могло быть придано значеніе утвержденія отвергнутой конституціи. И вотъ, однако, вдругъ въ этомъ обширномъ уставѣ оказалось нѣсколько не бросающихся въ глаза строкъ представляющихъ собою признаніе той самой старошведской конституціи 1772 и 1789 года, въ силу которой Русскій Самодержецъ долженъ объявлять Самодержавіе «навсегда ненавистнымъ»...

Нѣтъ, воля ваша, г. прокуроръ Финляндскаго Сената, но при подобныхъ обстоятельствахъ, во всей ихъ совокупности, было бы далеко не излишнимъ какое-либо документальное подтвержденіе того что при докладѣ покойному Государю о сеймовомъ уставѣ не произошло никакихъ, намѣренныхъ или ненамѣренныхъ, упущеній, какъ относительно *особливаго* указанія на цитованныя г. фонъ-Вейсенбергомъ мѣста въ этомъ уставѣ, такъ и относительно *обстоятельнаго* изложенія и разъясненія, во всей силѣ и полнотѣ, смысла и значенія сдѣланной въ сеймовомъ уставѣ ссылки на старо-шведскіе акты 1772 и 1789 годовъ.

Возможно, конечно, что для Финляндцевъ рѣшительно все равно какими путями и при какихъ обстоятельствахъ добыта Высочайшая санкція того или другаго желательнаго имъ акта, и было ли, или не было при этомъ нарушеніе Монаршаго довѣрія. Но на Руси судятъ объ этомъ иначе и знаютъ что Русскіе Цари могутъ возвращаться на Свои рѣшенія, хотя бы Ими и подписанныя.

Не чета какому-нибудь финляндскому сеймовому уставу былъ тотъ ограничивающій Самодержавіе актъ который былъ представленъ «семибоярщиной» къ подписи императрицы Анны Іоанновны и дѣйствительно ею подписанъ... Но что̀ сказала эта императрица «верховникамъ», когда обманъ ихъ обнаружился, и что̀ сдѣлала она съ этимъ подписаннымъ ею актомъ?

Позволительно надѣяться что всѣ вышеизложенные факты и соображенія, вмѣстѣ со многимъ множествомъ другихъ такого же рода, не будутъ упущены изъ вида, но будутъ приняты въ должное вниманіе, когда настанетъ моментъ тщательнаго, всесторонняго пересмотра и обстоятельной критической провѣрки неосновательно и неправильными путями, интригой и обманомъ присвоенныхъ себѣ Финляндцами мнимыхъ правъ и сомнительныхъ порядковъ, дабы наконецъ получила свое рѣшеніе поставленная еще покойнымъ Государемъ задача необходимаго устраненія *несовмѣстности* сихъ порядковъ съ дѣйствительнымъ и несомнѣннымъ правомъ Россіи на завоеванную ею и включенную въ ея составъ провинцію.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.*

Разсужденія вашего гельсингфорскаго корреспондента относительно публичнаго права Великаго Княжества Финляндскаго совершенно противорѣчатъ** содержанію документовъ составляющихъ основаніе сего права. Такъ какъ безпрестанное повтореніе этихъ неправильныхъ толкованій могло бы, наконецъ, внушить вашимъ читателямъ превратныя понятія объ этомъ предметѣ, то покорнѣйше прошу васъ помѣстить въ вашей многоуважаемой газетѣ слѣдующее разъясненіе.

Корреспондентъ основываетъ свои разсужденія на двухъ главныхъ утвержденіяхъ:

1) Онъ отрицаетъ существованіе какихъ-либо Боргоскихъ актовъ и не признаетъ за Боргоскимъ Сеймомъ никакого значенія по вопросу о характерѣ соединенія Финляндіи съ Россіей.

2) Онъ также отрицаетъ существованіе финляндскихъ основныхъ законовъ.

Въ обоихъ этихъ утвержденіяхъ нѣтъ даже тѣни правды.

Такъ - называемые Боргоскіе акты суть слѣдующіе:

Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о созваніи общаго Сейма въ городѣ Борго отъ 20 января (1 февраля) 1809 года. (См. *приложеніе № 1.*)

Высочайшее Его Императорскаго Величества удостовѣреніе населенію Финляндіи отъ $^{15}/_{27}$ марта 1809 года. (См. *приложеніе № 2.*)

Состоявшійся въ Боргоскомъ соборѣ торжественный актъ вѣрноподданической присяги сословій I, Императору Всероссійскому, какъ Великому Князю Финляндіи.

Высочайшій Его Императорскаго Величества манифестъ всѣмъ жителямъ Финляндіи отъ 23 марта (4 апрѣля) 1809 года. (См. *приложеніе № 3.*)

Къ этимъ актамъ, имѣющимъ юридическій характеръ, примыкаютъ другіе содержанія политическаго, на первомъ мѣстѣ рѣчи произнесенныя Императоромъ при открытіи Сейма 16 марта, при вышеозначенномъ торжественномъ актѣ, и при закрытіи Сейма 6 (18) іюня 1809 года. Въ этихъ рѣчахъ Государь во вполнѣ ясныхъ выраженіяхъ объявляетъ свои намѣренія и свой взглядъ относительно свойства соединенія Финляндіи съ Россіей *.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года № 203.

** См. выше „Отвѣтъ прокурору Финляндскаго Сената“, стр. 125—139.

* Слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить что ни г. Мехелинъ, ни г. Коскиненъ не называли соединенія Финляндіи съ Россіей *личнымъ*. Они и другіе финляндскіе авторы признаютъ за этимъ соединеніемъ характеръ

Что же касается втораго утвержденія корреспондента, которымъ отрицается существованіе основныхъ законовъ Финляндіи, то уже по вышеприведенному Высочайшему удостовѣренію отъ 15 (27) марта 1809 года читатель можетъ убѣдиться въ невѣрности этого утвержденія.

Основные законы тогда же утвержденные Государемъ суть слѣдующіе:

Форма Правленія отъ 21 августа 1772 года.

Актъ Соединенія и Охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года; оба эти закона сохраняютъ силу по настоящее время, хотя и подверглись во многихъ частяхъ измѣненію.

И узаконенія состоявшіяся въ разное время относительно собраній и состава народнаго представительства, замѣненныя въ послѣдствіи сеймовымъ уставомъ отъ 3 (15) апрѣля 1869 года.

Указанные выше законы составляютъ *общіе* основные законы, но и утвержденныя Государемъ сословныя привилегіи заключаютъ постановленія имѣющія силу основнаго закона.

Два постановленія въ Формѣ Правленія 1772 года непосредственно подверглись измѣненію вслѣдствіе самаго факта что Правителемъ Финляндіи сталъ Императоръ Всероссійскій, а именно: о вѣроисповѣданіи Монарха и о порядкѣ престолонаслѣдія; послѣ принесенія присяги на вѣрноподданство 17 (29) марта 1809 года не требовалось изданія особаго пояснительнаго узаконенія по симъ предметамъ. Остальныя частныя измѣненія, которымъ основные законы подверглись послѣ 1809 года, состоялись вслѣдствіе особыхъ законовъ принятыхъ, по Высочайшему предложенію Государя Императора, земскими чинами и утвержденныхъ Его Величествомъ. На Сеймѣ 1863 года, Императоръ Александръ II, въ рѣчи произнесенной Имъ при открытіи Сейма 6 (18) сентября, слѣдующими словами указалъ на необходимость пересмотра основныхъ или коренныхъ законовъ Финляндіи:

„Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ возникшимъ послѣ присоединенія этого Княжества къ Имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго Сейма, который Я предполагаю созвать черезъ три года. *Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи*, вошедшій въ нравы Финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право принадлежащее уже Сейму—опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ которымъ пользовался Сеймъ въ прежнее время, причемъ Я оставляю за Собой инціативу во всѣхъ вопросахъ которые будутъ касаться измѣненій кореннаго закона.“

Самая неотложная часть этой программы была вскорѣ же осуществлена. На Сеймѣ 1867 года Его Императорское Величество передалъ земскимъ чинамъ проектъ новаго сеймоваго устава, который, по принятіи чинами, былъ утвержденъ Его Величествомъ, и затѣмъ уставъ былъ обнародованъ 3 (15) апрѣля 1869 года.

Корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* полагаетъ что сеймовый уставъ 1869 года лишь постановленіе второстепенное, а не основный законъ. Но это мнѣніе опровергается послѣднимъ параграфомъ сеймоваго устава который гласитъ:—

„Настоящій сеймовый уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ основнымъ закономъ для Монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ“,—

а также слѣдующими словами въ Высочайшей санкціи сего устава:

реальнаго соединенія, или же, безо всякаго теоретическаго опредѣленія, ссылаются на слова содержащіяся въ ст. 4 основныхъ законовъ Свода Законовъ Россійской Имперіи.

„Сохраняя за Собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21 августа 1772 года и въ Актѣ Соединенія и Охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ какъ ненарушимый основный законъ. Для вящаго же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно. Въ С.-Петербургѣ 3 (15) апрѣля 1869 года."

Изъ вышеизложеннаго для каждаго безпристрастнаго читателя должно быть ясно видно что указанныя главныя утвержденія въ статьяхъ гельсингфорсскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* лишены всякаго основанія. На столь же шаткихъ началахъ построены и прочія нападки его на положеніе вещей въ Великомъ Княжествѣ.

А. фонъ-ВЕЙСЕНБЕРГЪ,
прокуроръ Императорскаго Финляндскаго Сената.

Приложеніе № 1.

Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Нашимъ любезновѣрнымъ подданнымъ, населяющимъ Великое Княжество Финляндское, графамъ, баронамъ, дворянству, епископамъ, духовенству, горожанамъ и крестьянству:

По произволенію Провидѣнія и благодаря успѣху Нашего оружія, съ присоединеніемъ навсегда Великаго Княжества Финляндскаго къ Имперіи Нашей, благополучіе его населенія стало однимъ изъ первыхъ предметовъ Нашей заботливости. Будучи убѣждены что всѣ сословія Финляндіи съ усердіемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, окажутъ Намъ содѣйствіе къ достиженію сей благой цѣли, Мы рѣшили, согласно конституціямъ страны, собрать ихъ на Сеймъ и посему повелѣли и повелѣваемъ созвать общій Сеймъ на десятое число марта мѣсяца сего года въ городѣ Борго. Въ сихъ видахъ представители всѣхъ сословій имѣютъ собраться тамъ въ порядкѣ установленномъ сеймовыми узаконеніями, для обсужденія предметовъ которые Мы признаемъ за благо передать на ихъ разсмотрѣніе. Дано въ С.-Петербургѣ, 20 января 1809 года.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою:

„*АЛЕКСАНДРЪ*".

Приложеніе № 2.

Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. и проч. Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндскаго, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества коими каждое сословіе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили.

Въ городѣ Борго марта 15 дня 1809 года.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою такъ:

„*АЛЕКСАНДРЪ*".

Приложеніе № 3.

Мы, Александръ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Созвавъ сословія Финляндіи на общій Сеймъ и принявъ ихъ присягу на вѣрноподданство, Мы по поводу сего желали торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи въ святилищѣ, утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества коими каждое сословіе въ особенности и все населеніе Финляндіи вообще пользовались до сего времени.

Обнародывая симъ этотъ актъ, Мы считаемъ нужнымъ объявить Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ въ Финляндіи что, сообразуясь съ древнимъ обычаемъ страны, Мы признаемъ обязательною для всѣхъ жителей Финляндіи вѣрноподданническую присягу, принесенную земскими чинами вообще и представителями крестьянскаго сословія въ частности, за себя и отъ имени ихъ довѣрителей добровольно и безъ принужденія.

Будучи глубоко убѣждены что этотъ добрый и вѣрный народъ неизмѣнно-ненарушимо сохранитъ Намъ и Нашимъ наслѣдникамъ тѣ же чувства вѣрности и преданности которыми онъ всегда отличался, Мы не преминемъ съ помощію Божіей дать ему доказательства Нашихъ постоянныхъ отеческихъ заботъ о его счастіи и благополучіи. Данъ въ городѣ Борго 23 марта 1809 года.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

НОВАЯ ДЕРЗОСТЬ

ФИНЛЯНДСКИХЪ СЕПАРАТИСТОВЪ.*

Въ гельсингфорсской газетѣ *Hufvudstadsbladet*, отъ 2 (14) декабря, напечатано:

„Появился *Готскій Альманахъ* на 1890 годъ. Финляндія нашла въ календарѣ мѣсто особо отъ Россіи. О странѣ сказано что она въ качествѣ великаго княжества составляетъ *конституціонную монархію*, соединенную съ Русскою Имперіей въ лицѣ одного правителя (regent) съ 1809 года. Конституція издана въ 1772 и 1789 годахъ и утверждена манифестомъ императора Александра отъ 27 (15) марта 1809 года, а также манифестами императоровъ Николая I, Александра II и Александра III отъ 24 декабря 1825, 3 марта 1855 и 14 марта 1881 годовъ."

Эта беззастѣнчивая ложь, въ которой самымъ дерзкимъ образомъ дѣлаются ссылки на документы гдѣ именно нѣтъ и помину объ утвержденіи „конституціонной монархіи по законамъ 1772 и 1789 годовъ", эта ложь сообщена въ *Готскій Альманахъ*, конечно, Финляндцами *, и препятствовать тому мѣстная власть не имѣла возможности.

Но какъ допускаетъ такую дерзкую ложь въ распространенной финляндской газетѣ мѣстная цензура?

Если публичное муссированіе даже подобной лжи финляндскаго сепаратизма не встрѣчаетъ препятствій со стороны мѣстной цензуры, то чего же удивляться что Финляндцы вообще въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи доходятъ до послѣдней степени дерзости и неуваженія?

Фактъ сказанной снисходительности мѣстной цензуры къ проявленіямъ сепаратистской тенденціи даже въ самой непозволительной формѣ тѣмъ прискорбнѣе и необъяснимѣе что цензура въ Финляндіи, сколько извѣстно, состоитъ въ непосредственной власти тамошняго генералъ-губернатора, русскаго генерала.

***

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 339.

* См. ниже, стр. 151—152.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

1.

Формы опубликованія постановленій. *

Читатели припомнятъ, вѣроятно, наши протесты, между прочимъ, по поводу употребленія въ финляндскихъ постановленіяхъ, публикуемыхъ отъ Высочайшаго имени, формулы „съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи“, — этой формулы, по которой дѣйствія Государя Императора являлись какъ бы подчиненными одобренію финляндскихъ сословій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обращали вниманіе на несоотвѣтственное и неприличное употребленіе имени Царствующаго Императора безо всякаго титула во главѣ предписаній даваемыхъ отъ Гельсингфорсскаго Сената подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ **.

Теперь мы можемъ заявить что этотъ Сенатъ,—впрочемъ, не безъ упорной, говорятъ, борьбы,—обратился на путь нѣкотораго внѣшняго благоприличія. Обѣ формулы получили въ послѣднеизданныхъ узаконеніяхъ другой видъ:

Вмѣсто: „Съ согласія и пр.“, печатается: „По всеподданнѣйшему представленію земскихъ чиновъ Финляндіи“,—противъ чего мы ни сказать, ни желать ничего не имѣемъ.

Вмѣсто второй, черезчуръ развязной, формулы, теперь пишется просто: Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ и пр.

Эта перемѣна также можетъ быть принята съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ, хотя мы рѣшительно не понимаемъ почему при перемѣнѣ редакціи не нашло себѣ мѣста выраженіе „по указу“, которое представляется по-русски вполнѣ точнымъ и характернымъ, тогда какъ объявленіе „Именемъ“ не свойственно ни русскому языку, ни нашей юридической терминологіи.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, №352.

** См. выше, стр. 72, 75—78, 96—98, 112.

2.

Финляндскія почтовыя марки. *

Отмѣтимъ еще одну формальную перемѣну. На финляндскихъ почтовыхъ маркахъ, на которыхъ съ 1877 года красовались только финскія и шведскія надписи, опять появилась и русская надпись... Конечно, ей не дали первенствующаго мѣста. Во главѣ, на верху, стоитъ финское *Suomi*, налѣво шведское — *Finland*, и направо русское — *Финляндія*; внизу, въ правомъ же углу, русское 25 *пен.* (пенни). Въ серединѣ марки остался попрежнему финляндскій левъ, дыбомъ на мечѣ и съ мечомъ въ лапѣ, которымъ усиленно, если не хватаетъ, то рубитъ звѣзды, разсѣянныя не только надъ нимъ и предъ нимъ, но даже и подъ ногами, и подъ хвостомъ.

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 352.

3.

Русскіе подданные и Финляндскія желѣзныя дороги. *

Постановленіе объ устройствѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Финляндіи, опубликованное въ № 16 *Сборника Постановленій* за этотъ годъ, лишаетъ русскаго человѣка *всякаго права* устраивать въ краѣ желѣзныя дороги, хотя бы на его собственныя деньги. Это ему прямо запрещено. Но въ силу чего? Тутъ нельзя сослаться на обѣщанное Императоромъ Александромъ I сохраненіе Финляндцамъ прежнихъ правъ и преимуществъ, такъ какъ въ ту пору и помину не было о желѣзныхъ дорогахъ. Напротивъ, тотъ же покоритель Финляндіи, Императоръ Александръ Павловичъ, объявляя въ манифестѣ о пріобрѣтеніи этого края, прямо обѣщалъ что „торговля наша (русская) воспріиметъ новое расширеніе“. Устройство желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ къ области этого расширенія. Русскій докладчикъ, конечно, привелъ бы въ справкѣ это торжественное обѣщаніе Государя своимъ кореннымъ подданнымъ и, безъ сомнѣнія, постановленіе, о которомъ рѣчь, не получило бы того вреднаго и оскорбительнаго для русскаго достоинства характера, какимъ оно облечено благодаря исключительно финляндскимъ чиновникамъ.

* *Московскія Вѣдомости* 1889 года, № 352.

4.

Запретъ православнымъ быть учителями исторіи. *

Въ самомъ послѣднемъ постановленіи „данномъ“ гельсингфорсскими сенаторами 11 минувшаго ноября, по предмету расширенія, въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, правъ Финляндцевъ на занятіе должностей въ краѣ, русскому, или, точнѣе, православному человѣку закрыть доступъ къ преподаванію въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи—чего бы вы думали?—исторіи... ** Преподаваніе исторіи обращено въ привилегію учителей евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія. И еслибы преподаватель вздумалъ принять православіе, то онъ *увольняется отъ должности.*

Въ этомъ удостовѣряетъ № 33 *Сборника Постановленій*, стр. 10.

Что̀ это, если не вопіющее приниженіе господствующей въ Россіи православной вѣры? И нѣтъ, кажется, надобности доказывать что все это возможно лишь потому что финляндскія узаконенія проходятъ свой путь безо всякаго контроля со стороны русскихъ государственныхъ учрежденій.

Въ особомъ § 4 объяснено что это постановленіе „почитается *основнымъ* закономъ Финляндіи“. Въ добавокъ, въ настоящемъ случаѣ примѣненъ тотъ же пріемъ мнимой легальности на который указывалось прежде: *** именно, объяснено что этимъ постановленіемъ „*измѣняется* (между прочимъ) § 1 Формы Правленія 1772 года“, то-есть той самой шведской конституціи которая русскими государями *никогда* утверждена не была.

Измѣненіемъ отдѣльныхъ пунктовъ *неутвержденнаго* закона систематически желаютъ заставить думать непосвященныхъ въ финляндскія конституціонныя таинства что законъ этотъ, во всемъ что̀ такими „измѣненіями“ не устранено, сохраняетъ дѣйствительную, реальную силу. Любопытно, въ виду этого, обратиться къ самому § 1 конституціи 1772 года, который теперь подвергся будто бы нѣкоему легкому измѣненію въ томъ что̀ касается вѣроисповѣданія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Въ немъ говорится: *

«Единство въ религіи и настоящее богослуженіе суть твердѣйшія основанія правленія благоустроеннаго, единодушнаго и неразрушимаго. Вслѣдствіе сего король, всѣ особы при мѣстахъ находящіяся и всѣ подданные должны слѣдовать впредь, какъ и прежде сего было, слову Божію въ пророческихъ и апостольскихъ преданіяхъ содержащемуся и истолкованному христіанскими символами, катехизисомъ Лютера и чрезъ

---

* *Московскія Вѣдомости*, 1889 года, № 352.

** Изъятія могутъ быть допускаемы лишь съ особаго каждый разъ Высочайшаго соизволенія.

*** См. выше, стр. 78 и 106—107.

* Приводимъ § 1 Формы Правленія 1772 года по Приложенію № 61, къ т. II книги г. Ордина *Покореніе Финляндіи*. Въ этомъ приложеніи заключается офиціальный переводъ всего конституціоннаго закона Швеціи, извѣстнаго подъ именемъ Формы Правленія 1772 года. Въ приложеніи № 62 дается такой же переводъ другаго конституціоннаго закона, именуемаго Актомъ Соединенія и Безопасности 1789 года.

Аугсбургское исповѣданіе преданному, и, наконецъ, какъ Упсальскимъ Синодомъ утвержденному, также и рѣшеніемъ и обнародованіемъ государственныхъ чиновъ (шведскихъ) одобренному; и такъ права церкви да сохранятся безъ вреда для присвоенныхъ королю, государству и націи Шведской.»

И вотъ эту-то архивную ветошь финляндскіе законодатели хотятъ во что бы ни стало сдѣлать обязательною для Русскаго Императора и, отмѣняя немногія слова, стараются сохранить quasi-непреложную силу всего остальнаго! Все это проводится по всѣмъ финляндскимъ инстанціямъ и облекается силой „основнаго“ закона для русской окраины, благодаря лишь тому что русскія государственныя учрежденія оставляются всѣми инстанціями Финляндцевъ совершенно въ сторонѣ.

Измѣненіе этихъ удивительныхъ порядковъ само собою необходимо, безо всякихъ тонкихъ соображеній. Ихъ требуетъ и достоинство нашего великаго государства, и ежечасно оскорбляемое народное чувство.

1890 ГОДЪ.

ЯНВАРЬ—МАРТЪ.

Кто сообщилъ „Готскому Альманаху“ ложныя свѣдѣнія о Финляндіи.*

Въ № 339 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1889 годъ,** въ особой замѣткѣ, было указано на дерзость финляндскихъ сепаратистовъ, безо всякихъ стѣсненій перепечатавшихъ изъ *Готскаго Альманаха* завѣдомую ложь о томъ будто Финляндія—конституціонная монархія находящаяся въ персональной уніи съ Россіей, причемъ сдѣланы ссылки на документы якобы доказывающіе утвержденіе „конституціи 1772 и 1789 годовъ“, хотя въ этихъ документахъ нѣтъ ни слова о томъ чтобъ эта конституція была кѣмъ-либо утверждена. Въ упомянутой замѣткѣ было высказано предположеніе что эти лживыя свѣдѣнія *Альманаха* сообщены Финляндцами, причемъ выражено было удивленіе что мѣстная цензура допускаетъ подобное распространеніе завѣдомой лжи.

Сообщенія *Альманаха* вызвали удивленіе не только въ русской печати, но и въ Гельсингфорсѣ. Указываются многія неточности *Альманаха*, которыя дали газетамъ *Hufvudstadsbladet* и *Nya Pressen* основаніе сказать что эти свѣдѣнія не могли быть доставлены *Альманаху* финляндскимъ правительственнымъ учрежденіемъ или частнымъ лицомъ. „Никто въ нашей странѣ не скажетъ, замѣчаетъ *Nya Pressen*, что Финляндія соединена съ Россіей только посредствомъ личной уніи“, какъ это приходится понимать изъ замѣтки *Альманаха* на 1890 годъ.

Но кто же въ такомъ случаѣ могъ сообщить *Альманаху* эти диковинныя свѣдѣнія? Въ чьихъ интересахъ было пустить по бѣлу свѣту эти лживыя сообщенія о Финляндіи и ея отношеніи къ Россіи? Газета *Hufvudstadsbladet* постаралась навести справки и узнала слѣдующее:

Редакція *Альманаха* нѣсколько лѣтъ находилась въ сношеніяхъ съ финляндскимъ статистическимъ комитетомъ, но затѣмъ эти сношенія прекратились. Въ настоящее время свѣдѣнія о Финляндіи редижируются такимъ образомъ что листки относящіеся до Финляндіи отсылаются зашнурованными изъ Готы въ Петербургъ, въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, для поправокъ и дополненій. Листки эти передаются финляндскому статсъ-секретаріату (генералъ Эрнротъ), который съ своей стороны пересылаетъ ихъ въ статистическій комитетъ въ Гельсингфорсѣ. Это происходитъ въ іюлѣ и августѣ.

И въ нынѣшнемъ году финляндскій статистическій комитетъ доставилъ свѣдѣнія статсъ-секретаріату. Тѣмъ не менѣе въ *Альманахъ* попадаются такія

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 5.

** См. выше, стр. 144.

неточности какъ, напримѣръ, сообщеніе что ректоромъ университета состоитъ профессоръ Альквистъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ректоромъ состоитъ профессоръ Рейнъ. Даже болѣе, въ *Альманахѣ* сообщаются свѣдѣнія которыя въ августѣ еще не могли быть извѣстны. Такъ, напримѣръ, сообщается что генералъ Ренвельдъ состоитъ помощникомъ командующаго войсками, хотя онъ въ то время еще не былъ назначенъ на эту должность. „Откуда же *Альманахъ* получилъ эти свѣдѣнія?“ вопрошаетъ *Hufvudstadsbladet*.

Чтобъ узнать правду, газета послала въ Готу телеграмму съ просьбой сообщить кто далъ редакціи *Альманаха* свѣдѣнія о Финляндіи и сдѣлалъ измѣненія въ прежнихъ сообщеніяхъ. Отвѣтъ редакціи былъ слѣдующій:

„Поправки въ личномъ составѣ получены изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а другія поправки сдѣланы на основаніи собственныхъ изысканій.“

Такъ какъ въ Министерство свѣдѣнія поступили изъ финляндскаго статсъ-секретаріата, то неточности *Альманаха* приходится приписать ему. „Но тѣ свѣдѣнія которыя вызвали такую сенсацію“, сухо замѣчаетъ *Hufvudstadsbladet*, „приходится отнести на счетъ *собственныхъ изысканій* редакціи *Альманаха*.“

Такъ и будемъ знать что статсъ-секретаріатъ не сообщалъ ихъ.

НОВАЯ КНИГА К. Ф. ОРДИНА.*

ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ. К. Ордина. Императорскою Академіей Наукъ удостоено преміи митрополита Макарія. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889. Цѣна за оба тома съ картой 7 рублей.

Трудно найти и указать предметъ по которому, въ русскомъ обществѣ, со включеніемъ даже самыхъ высшихъ, правящихъ и дающихъ направленіе, слоевъ его, имѣлись бы въ теченіе столь долгаго времени болѣе шаткія и смутныя понятія, болѣе туманныя представленія чѣмъ по вопросу объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи и объ историческихъ основахъ на которыхъ эти отношенія зиждутся.

Великъ, можно сказать, неисчислимъ матеріальный и нематеріальный вредъ причиненный Россіи этимъ почти полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь ясныхъ, сколько-нибудь отчетливыхъ представленій у русскихъ людей и дѣятелей по столь важному государственному вопросу, въ которомъ,—послѣ потоковъ русской крови проливавшейся тамъ въ теченіе семи столѣтій, въ особенности послѣ подвиговъ самоотверженнаго героизма русскихъ войскъ, цѣною своей крови и вынесенныхъ невѣроятныхъ лишеній и страданій ** купившихъ Россіи ея финляндскую окраину,—казалось бы, не могло и не должно было оставаться ничего неяснаго, ничего сомнительнаго или двусмысленнаго. Поразительно было русское невѣдѣніе касательно многаго относящагося къ Балтійскому краю, — невѣдѣніе приведшее ко множеству допущенныхъ тамъ вредныхъ ошибокъ, которыя нынѣ, благодаря свѣту разогнавшему мракъ покрывавшій балтійскія дѣла, мало-по-малу исправляются. Но мракъ покрывающій все темное въ финляндскихъ дѣлахъ былъ много гуще, русское невѣдѣніе о всемъ касающемся этихъ дѣлъ гораздо полнѣе; вызванныя этимъ ошибки несравненно грубѣе и вреднѣе,—и тѣмъ желательнѣе чтобъ эти ошибки были, наконецъ, исправлены, для чего, конечно, необходимо чтобы создавшій ихъ мракъ невѣдѣнія замѣнился сколь можно бо́льшимъ свѣтомъ знанія.

Болѣе восьмидесяти лѣтъ Россія владѣетъ своею, навсегда и безповоротно включенною прямо въ ея составъ, Финляндскою провинціей, но до сихъ поръ чуть ли не для всѣхъ у насъ оставалось загадкой, на какомъ основаніи, на какихъ правахъ она ею владѣетъ, что̀ можетъ, чего не можетъ съ нею сдѣлать, что̀ можетъ, чего не можетъ отъ нея требовать. Своего взгляда на то что̀ мы купили себѣ столь дорогою цѣной у

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 14.

** Припомнимъ хотя бы разсказанное въ статьѣ „Яхта *Царевна* и воспоминанія". См. выше, стр. 121—124.

насъ не было. Мы все время смотрѣли на это свое, русское, пріобрѣтеніе не своими глазами, а чужими, финляндскими, говорили о добытой нами окраинѣ тоже съ чужаго, финляндскаго голоса, судили о ней не своими умами, а тѣми же финляндскими. Во всемъ, вмѣсто простой русской правды, былъ одинъ сплошной, хитросплетенный финляндскій обманъ. Финляндія давалась намъ не такою какова она есть, ея отношенія къ Россіи выставлялись не такими какими они должны быть, а такими какими финляндская сепаратистская интрига хотѣла чтобъ они казались и были. Изобличеніе обмана не допускалось: всякая возможность провѣрки лжи, выдаваемой за правду, заботливо устранялась, русскій контроль не дозволялся, отъ русскаго глаза утаивалось все чего, въ видахъ сепаратизма, не слѣдовало ему видѣть. Повторяемъ, во всемъ господствовала сплошная ложь: и политическая, и административная, и экономическая, и научная. Создалась цѣлая „ученая“ литература въ подтвержденіе доктрины что въ дѣлѣ отношеній покорительницы-Россіи къ покоренной Финляндіи право диктовать условія и правила принадлежитъ не побѣдителю, обязанному де тутъ имѣть голову поклонную и сердце покорное, а побѣжденному, имѣющему де право презрительно сторониться отъ Россіи и гордо смотрѣть на нее съ высоты своего „конституціоннаго“ величія. И русскіе умы должны были поучаться этою псевдо-„наукой“ и, за неимѣніемъ корректива, руководиться ею и въ своихъ воззрѣніяхъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ.

Тѣмъ съ большею радостью, тѣмъ съ большею благодарностью къ автору, мы, какъ Русскіе люди, привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ, въ обращеніе среди русской публики, такого почтеннаго, дѣйствительно научнаго труда какъ изданная г. Ординымъ книга *Покореніе Финляндіи*. Въ этой книгѣ русское общество получаетъ, наконецъ, настоящій коррективъ къ тѣмъ фантасмагоріямъ которыя спеціально-финляндская quasi-наука выдавала за истины,—и достоинство этого корректива засвидѣтельствовано авторитетомъ Императорской Академіи Наукъ, увѣнчавшей трудъ г. Ордина Макаріевскою преміей. Его книга разсѣиваетъ массу тумана напущеннаго на обстоятельства сопровождавшія покореніе Финляндіи и присоединеніе ея къ Россіи, *документально* разоблачаетъ массу относящейся сюда финляндской лжи и, конечно, со скрежетомъ зубовъ будетъ встрѣчена гг. тамошними сепаратистами.

Шагъ за шагомъ, съ полнымъ безпристрастіемъ, не утаивая и не смягчая ничьихъ ошибокъ и промаховъ, раскрываетъ г. Ординъ въ своемъ обширномъ повѣствованіи явныя и тайныя пружины сложныхъ вліяній и отношеній отзывавшихся на ходѣ крупнаго историческаго событія, явныя и тайныя, калейдоскопически-мѣнявшіяся, дѣйствія и намѣренія лицъ принимавшихъ въ немъ участіе и дававшихъ ему направленіе. Въ общемъ итогѣ, въ книгѣ г. Ордина описываемое имъ событіе, со всѣмъ къ нему относящимся, является какъ бы отраженіемъ его въ вѣрномъ зеркалѣ, со всею возможною полнотой и во всѣхъ подробностяхъ. Во всей книгѣ — ничего голословнаго, все на основаніи документовъ, приводимыхъ, притомъ, съ дипломатическою точностью, безъ малѣйшихъ покушеній на тѣ „поэтическія“ вольности къ которымъ такъ любятъ прибѣгать въ обращеніи съ разными документами гг. Финляндцы, въ чемъ они и уличаются не разъ г. Ординымъ на многихъ страницахъ его труда.

Мы нѣсколько замедлили отзывомъ о книгѣ г. Ордина, потому что намъ хотѣлось обстоятельно познакомить читателей съ этимъ капитальнымъ трудомъ, плодомъ многолѣтнихъ усидчивыхъ занятій и изученій, трудомъ, въ которомъ у автора не было предшественниковъ, въ которомъ онъ выступилъ піонеромъ русской науки. Но его книга отличается столь обильнымъ содержаніемъ, столь разностороннимъ интересомъ, что дать о ней желательный достойный отзывъ въ газетной статьѣ, хотя бы и пространной, было бы невозможно, и мы рѣшились, наконецъ, ограничиться, на первый разъ, этою бѣглою замѣткой, этимъ краткимъ отчетомъ о вынесенномъ изъ прочтенія книги впечатлѣніи. Но намъ еще не разъ придется къ ней

возвращаться и черпать изъ нея многое: это не какой-нибудь полемическій памфлетъ, не брошюра по вопросу мимолетнаго интереса; это настольная книга для каждаго кому можетъ встрѣтиться, по практическимъ ли, по теоретическимъ ли соображеніямъ, надобность имѣть и составить себѣ не взятое съ вѣтра, а основательное мнѣніе по прикосновеннымъ къ Финляндіи дѣламъ и вопросамъ.

Да, утѣшительное, отрадное явленіе представляетъ собою фактъ появленія занимающей насъ книги, утѣшительное, между прочимъ, вотъ еще въ какомъ отношеніи. Какъ видно изъ самой этой книги, изъ приведенныхъ въ ней документальныхъ данныхъ, все неясное, все смутное въ той постановкѣ отношеній между Россіей и Финляндіей которая дана была имъ въ самую эпоху завоеванія края,—вся эта неясность и смутность, послужившая потомъ сепаратистской интригѣ опорой и матеріаломъ для той паутины которую ткала и ткетъ она вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ,—все запутанное въ сказанныхъ отношеніяхъ создалось единственно по отсутствію въ ту эпоху въ русской средѣ людей сколько-нибудь знакомыхъ съ Финляндіей, съ ея политическою, правовою и бытовою жизнью, съ живою (шведскою и финскою) рѣчью ея населенія. Волей-неволей, за полнымъ отсутствіемъ своего знанія, приходилось прибѣгать къ знанію чужому и, вмѣсто настоящей монеты довольствуясь поддѣльною, руководиться указаніями которыя одни только имѣли хоть видъ компетентности—указаніями шедшими отъ Финляндцевъ. Книга г. Ордина рисуетъ намъ многихъ изъ этихъ людей, интриговавшихъ и бунтовавшихъ противъ своего короля, а потомъ, засвидѣтельствовавъ высоту своего нравственнаго достоинства вѣроломствомъ и измѣной одному властителю, перебѣгавшихъ къ другому властителю чтобы служить и ему такою же „вѣрой и правдой“, на каждомъ шагу вводя въ заблужденія и обманывая русскія власти. Эта книга рисуетъ намъ „полезность“, „примѣнимость“ и „искренность“ разныхъ указаній шедшихъ отъ людей этого пошиба, живописуетъ намъ и тотъ вредъ къ какому, не только въ гражданскихъ, но и въ военныхъ дѣлахъ, вело слѣдованіе этимъ указаніямъ. Больно читать все это, стыдно за Русскихъ людей поддававшихся подобнымъ указаніямъ. Но у нихъ, у тогдашнихъ русскихъ дѣятелей все же было своего рода оправданіе предъ исторіей: иныхъ указаній не откуда было взять, въ русской средѣ людей знакомыхъ съ Финляндіей и языкомъ (точнѣе: языками) Финляндцевъ не было, а на безрыбьи и ракъ рыба: поневолѣ приходилось довольствоваться Спренгтпортенами съ братіей.

Отнынѣ нѣтъ болѣе мѣста для такихъ оправданій, для подобныхъ отговорокъ. Нѣтъ, теперь и среди Русскихъ есть дѣйствительные, глубокіе знатоки финляндской жизни и финляндскихъ отношеній, знающіе и мѣстные языки въ такой мѣрѣ что ихъ не обманетъ подсунутымъ словомъ ни одинъ фальшивящій финскій или шведскій переводчикъ,—живое доказательство тому книга г. Ордина,—и число ихъ будетъ все расти, благодаря пролитому на финляндскія дѣла свѣту. Была пора когда тѣснота условій вытекавшихъ изъ собственнаго незнанія создавала своего рода необходимость отдавать русское дѣло въ Финляндіи не въ русскія, а въ сомнительныя финляндскія руки. Теперь этой тѣсноты условій болѣе нѣтъ, теперь имѣются налицо и вполнѣ свѣдующія въ финляндскихъ дѣлахъ, и вполнѣ надежныя русскія руки. Финляндцы могутъ кричать Россіи и Русскимъ: „руки прочь“; но могутъ ли теперь русскіе дѣятели поддерживать этотъ окрикъ, не имѣя уже болѣе для себя того оправданія которое еще могло быть приложимо къ ихъ предшественникамъ въ началѣ истекающаго столѣтія? Не есть ли это нѣкотораго рода гарантія противъ повторенія былыхъ и недавнихъ еще ошибокъ по отношенію къ Финляндіи? Вѣдь то что̀ прежде, будучи измѣной русскому дѣлу, могло именоваться только печальною ошибкой, теперь стало бы дѣяніемъ уже иного, гораздо менѣе мягкаго наименованія.

Въ успѣхѣ, въ широкомъ распространеніи книги г. Ордина среди русской публики едвали можно сомнѣваться. Если распространялись и требовали

новыхъ изданій многіе томы *Русской Исторіи* С. М. Соловьева, представлявшіе много меньшій интересъ и разрабатывавшіе историческіе вопросы уже не разъ затронутые и разработанные другими историками, но тѣмъ болѣе обезпечено распространеніе книги, въ которой впервые и обстоятельно разработанъ историческій вопросъ котораго доселѣ у насъ никто еще не касался. Мы не говоримъ уже о томъ интересѣ какой проявляетъ публика вообще къ опубликованію разныхъ неизданныхъ прежде писемъ, рескриптовъ, документовъ и т. д.,—интересѣ обезпечившемъ такой успѣхъ *Русскому Архиву* и другимъ подобнымъ изданіямъ. Развитой въ этомъ отношеніи вкусъ русской читающей публики найдетъ себѣ въ книгѣ г. Ордина полное удовлетвореніе и на 958 страницахъ текста, напечатанныхъ четкимъ, но убористымъ шрифтомъ, и на 312 страницахъ *Приложеній*, напечатанныхъ шрифтомъ еще болѣе убористымъ. При всемъ этомъ, со внѣшней стороны, изданіе книги не только безукоризненно, но, можно сказать, роскошно. Между прочимъ, подъ нѣкоторыми приведенными письмами подписи воспроизведены fac-simile. Среди ихъ, особое вниманіе обращаютъ на себя fac-simile подписей императоровъ Александра Павловича и Наполеона I подъ письмами которыми они обмѣнялись.

Пожелаемъ, чтобъ изданная книга не осталась единственною, чтобы въ дополненіе къ ней явились столь же добросовѣстныя историческія разработки русско-финляндскихъ отношеній и за всѣ тѣ восемь десятилѣтій которыя протекли со времени включенія Финляндіи въ составъ Россіи.

ПРИСТУПЪ КЪ ОБЪЕДИНЕНІЮ

ФИНЛЯНДСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ СЪ РУССКИМИ.

(Передовая статья № 24 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 23 января.

Три дня тому назадъ, въ субботу 20 января, *Сѣвернымъ Телеграфнымъ Агентствомъ* была разослана телеграмма слѣдующаго содержанія:

„*Петербургъ*, 20 января. Въ финляндской офиціальной газетѣ напечатано Высочайшее повелѣніе выработать законопроектъ направленный къ лучшему соглашенію учрежденій Великаго Княжества съ учрежденіями Имперіи. Съ этою цѣлью учреждаются въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ финляндскаго генералъ-губернатора, три особыя коммиссіи изъ русскихъ и финляндскихъ представителей. Одна изъ коммиссій займется таможеннымъ вопросомъ, другая—монетною системой, третья—почтовыми отношеніями.“

Затѣмъ, одинъ изъ проживающихъ въ Гельсингфорсѣ Русскихъ прислалъ намъ по почтѣ печатный текстъ (на шведскомъ языкѣ) вышеупомянутаго сообщенія финляндской офиціальной газеты (*Finnlands Allmänna Tidning*) отъ 15 (27) января. Вотъ этотъ текстъ, въ русскомъ переводѣ:

„Его Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣлъ выработать проектъ направленный къ приведенію таможенной и монетной системы, а равно и почтовыхъ установленій Великаго Княжества въ соотвѣтствіе съ таковыми же учрежденіями Имперіи.

„Съ этою цѣлію Его Величеству благоугодно было назначить три особыя коммиссіи, имѣющія засѣдать въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ его сіятельства финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена. Членами коммиссій назначены: въ коммиссію по таможенному вопросу съ русской стороны дѣйствительные статскіе совѣтники Тимирязевъ и Забугинъ, со стороны Финляндіи товарищъ статсъ-секретаря министерства генералъ-лейтенантъ фонъ-Денъ и сенаторъ тайный совѣтникъ Молландеръ; въ монетную коммиссію съ русской стороны тайный совѣтникъ Доделль (Daudell) и дѣйствительный статскій совѣтникъ Иващенко, а съ

финляндской—тѣ же что̀ и въ предыдущую коммиссію; наконецъ, въ коммиссію по почтовому вопросу съ русской стороны назначены генералъ-лейтенантъ Безакъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Скальковскій, а съ финляндской—генералъ-лейтенантъ фонъ-Денъ и сенаторъ Тудеръ.

„Его сіятельство генералъ - губернаторъ обратился къ Департаменту Экономіи Сената (Финляндскаго) съ предложеніемъ дать предварительный отзывъ относительно упомянутыхъ вопросовъ.“

Одновременно съ офиціальнымъ опубликованіемъ въ Гельсингфорсѣ этого «достойнаго вниманія сообщенія» (märkliga meddelande), въ тотъ же день, 15 (27) января, Финляндцы послали телеграфному *Агентству Вольфа* такое заявленіе:

„Извѣстіе одной австрійской газеты о томъ что существуетъ намѣреніе ограничить автономію Финляндіи лишено всякаго основанія. Коммиссіи назначены только для того чтобъ установить облегченія въ обоюдныхъ желѣзнодорожныхъ сношеніяхъ и для изученія вопроса объ устраненіи различій въ таможенныхъ, монетныхъ и почтовыхъ учрежденіяхъ, что̀, какъ разумѣется само собою, никоимъ образомъ не можетъ повліять на солидность финляндскаго финансоваго управленія.“

Затѣмъ, нѣсколько иного рода комментарій прочли мы въ петербургской газетѣ *Новости*, отъ 21 января (№ 21), а именно:

„*По слухамъ*, въ непродолжительномъ времени будетъ образована особая коммиссія изъ представителей различныхъ вѣдомствъ и нѣсколькихъ членовъ Финляндскаго Сената для обсужденія вопроса относительно регулированія торговыхъ и др. отношеній между Имперіей и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ. Какъ извѣстно, послѣднему Финляндскому Сейму, въ числѣ другихъ законопроектовъ, было предложено, между прочимъ, опредѣлить основанія, на которыхъ можно было бы произвести объединеніе финской монетной единицы и денежныхъ знаковъ съ имперскими и упраздненіе таможенной линіи между Имперіей и Великимъ Княжествомъ. Такъ какъ законопроектъ этотъ не получилъ на Сеймѣ разрѣшенія, то и найдено необходимымъ поручить обсужденіе его особой коммиссіи, труды которой по этому предмету должны поступить затѣмъ въ Комитетъ Министровъ для дальнѣйшаго движенія въ установленномъ порядкѣ.“

Нѣтъ, полагаемъ, никакой надобности пояснять въ какой мѣрѣ важно дѣло о которомъ идетъ рѣчь во всѣхъ вышеприведенныхъ сообщеніяхъ. Нельзя не порадоваться возбужденію относящихся къ нему вопросовъ, нельзя не привѣтствовать первыхъ шаговъ къ ихъ разрѣшенію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и не подивиться той нѣсколько странной обстановкѣ въ которой выплыли въ свѣтъ первыя вѣсти объ этомъ важномъ дѣлѣ.

Дѣло идетъ объ устраненіи нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ аномалій которыя, вслѣдствіе извѣстныхъ печальныхъ обстоятельствъ, вкрались въ отношенія между Русскою Имперіей и одною изъ ея составныхъ частей, одною изъ ея провинцій—Финляндіей. Аномаліи эти, въ ихъ сововокупности, таковы что не разъ возбуждали въ истинно - Русскихъ людяхъ чувство искренней, горькой скорби о той,—не напрасно ли пролитой?—русской крови, цѣною коей куплено обладаніе Финляндіей, не разъ заставляли ихъ смотрѣть даже на ниспосланныя тогда Богомъ русскому оружію побѣды не какъ на знакъ Божьяго благословенія, а какъ на знакъ Божьяго гнѣва, обратившаго самую радость и торжество наше въ плачъ и кару. Какое же значеніе можетъ имѣть, въ виду этого, устраненіе подобныхъ аномалій? Есть ли оно спеціально финляндское дѣло, о которомъ только Финляндцамъ

вѣдать надлежитъ, а Русскимъ и знать не нужно?

Странно и смѣшно было бы такъ думать. А между тѣмъ, что̀ мы видимъ на дѣлѣ?

15 января Финляндцы печатнымъ офиціальнымъ сообщеніемъ извѣщаются о принятой Верховною Русскою Властью мѣрѣ; имъ сообщается при этомъ поименный списокъ лицъ призванныхъ къ ея обсужденію; имъ сообщается и о томъ участіи которое приметъ въ дѣлѣ этого обсужденія Финляндскій Сенатъ, по приглашенію своего предсѣдателя, графа Гейдена.

Предписанная Высшею Русскою Властью мѣра, даже раньше упомянутаго сейчасъ оповѣщенія о ней въ Гельсингфорсѣ, уже становится предметомъ толковъ заграничной печати, и 15 же января Финляндцы уже дѣлаютъ шаги къ просвѣщенію иностранной публики въ желательномъ имъ смыслѣ,—а Русскіе люди, между тѣмъ, ни о чемъ происходящемъ знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ, и, между тѣмъ какъ Финляндцы уже обрабатываютъ общественное мнѣніе какъ имъ нужно, Русскіе люди никакого своего слова о невѣдомомъ имъ дѣлѣ сказать не могутъ.

Быстрота телеграфныхъ сношеній, опредѣляемая для разстоянія между Гельсингфорсомъ и Петербургомъ *пятью днями*, позволила, правда, *Сѣверному Телеграфному Агентству* оповѣстить и русскую публику *вкратцѣ* о томъ, о чемъ публика финляндская была оповѣщена, много *пространнѣе*, пятью днями ранѣе. Но идетъ это оповѣщеніе русской публики изъ вторыхъ рукъ, черпающихъ въ данномъ случаѣ свѣдѣнія изъ финляндскихъ источниковъ, не разъ оказывавшихся мутными, не разъ погрѣшавшихъ не только въ толкованіяхъ, но и въ самой передачѣ офиціальныхъ документовъ, ихъ смысла и содержанія.

А помимо этихъ мутныхъ источниковъ, Русскимъ людямъ приходится довольствоваться лишь *слухами*, бо́льшая или меньшая достовѣрность коихъ всегда является вопросомъ, всегда подлежитъ бо́льшимъ или меньшимъ сомнѣніямъ. Вообще положеніе двухъ сторонъ, по меньшей мѣрѣ въ равной степени заинтересованныхъ, съ самаго начала оказывается далеко не одинаковымъ. Финляндская офиціальная и неофиціальная печать еще 15 и 16 января была поставлена въ возможность говорить о назначеніи трехъ особыхъ коммиссій (съ поименованіемъ назначенныхъ уже въ коммиссіи членовъ) для «согласованія» финляндскихъ учрежденій съ русскими *какъ о состоявшемся уже актѣ Высочайшей Воли*, — а русская печать (напримѣръ, *Новости*) даже и пятьшесть дней позднѣе, 21 января, могла заявить лишь что «по слухамъ, *въ непродолжительномъ времени будетъ образована*» для означенной цѣли нѣкая коммиссія!

Приступъ къ давно необходимому объединенію финляндскихъ учрежденій съ русскими, повторяемъ, есть несомнѣнно дѣло весьма важное, и Русскіе люди не могутъ относиться къ нему иначе какъ съ большимъ интересомъ, полнымъ сочувствіемъ и глубокимъ вниманіемъ. Тѣмъ естественнѣе съ ихъ стороны желаніе имѣть по предпринятому дѣлу, не составляющему секрета для Финляндцевъ, возможно полныя и, главное, точныя свѣдѣнія. Между тѣмъ имѣющіяся пока изъ чужихъ рукъ свѣдѣнія не только не отличаются точностью, но и прямо разнорѣчатъ.

Такъ, напримѣръ, телеграмма *Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства* извѣстила что въ финляндской офиціальной газетѣ «напечатано Высочайшее повелѣніе»; между тѣмъ сама финляндская печать именуетъ напечатанное въ ея офиціальной газетѣ не «повелѣніемъ», а лишь «достойнымъ

вниманія сообщеніемъ» о Высочайшемъ повелѣніи. Далѣе, означенное сообщеніе говоритъ только о трехъ сферахъ государственнаго управленія по которымъ предположено «согласованіе» финляндскихъ учрежденій съ русскими—таможенной, монетной и почтовой; гельсингфорсское же сообщеніе *Агентству Вольфа* присовокупляетъ къ этимъ тремъ еще одну немаловажную отрасль—желѣзнодорожную. Слухъ дошедшій до *Новостей* говоритъ только объ одной, общей для всѣхъ этихъ вопросовъ, коммиссіи; финляндскіе источники именуютъ три особыя спеціальныя коммиссіи, и т. д. Но особенно существеннымъ оказывается разногласіе между посланнымъ за границу финляндскимъ опроверженіемъ и свѣдѣніями *Новостей*.

Эта послѣдняя газета, хотя и говоритъ только «по слухамъ», но даетъ дѣлу несомнѣнно правильное, согласное со здравымъ смысломъ, объясненіе. Провинціальному земскому собранію, титулуемому Финляндскимъ Сеймомъ, было предложено, въ видахъ какъ мѣстной, такъ и общегосударственной пользы, сдѣлать шаги къ *объединенію* мѣстной финляндской съ общегосударственною русскою монетною системой, къ упраздненію анормальной таможенной линіи между Имперіей и тою составною ея частью которая именуется Финляндіей, и т. д. Финляндскіе земцы не оказались на высотѣ данной имъ задачи: не способные отрѣшиться отъ мѣстныхъ предразсудковъ и заблужденій, не способные выйти изъ круга мѣстныхъ воззрѣній и тенденцій сепаратистскаго пошиба, они не захотѣли оправдать оказанное имъ довѣріе и отвергли милостиво сдѣланныя имъ предложенія. Но дѣло общегосударственнаго интереса не должно же страдать отъ вздорнаго каприза какихъ-либо представителей какой-либо провинціи. Неправильное рѣшеніе низшей, провинціальной инстанціи естественно должно идти на перерѣшеніе инстанціи высшей, общеимперской. Изъ Гельсингфорса обсужденіе дѣла переносится въ Петербургъ, изъ рукъ финляндскихъ передается въ русскія руки представителей разныхъ отраслей Русскаго государственнаго управленія, съ приглашеніемъ къ участію въ обсужденіи также и финляндскихъ экспертовъ. Выработанные этими русскими коммиссіями въ Петербургѣ законопроекты должны обычнымъ порядкомъ поступить въ Комитетъ Министровъ, который, по установленному же порядку, повергаетъ свои положенія на Высочайшее усмотрѣніе.

Все это ясно и просто. Но, въ виду этого, какой именно смыслъ имѣетъ посланное Финляндцами за границу опроверженіе слуховъ о томъ будто существуетъ «намѣреніе ограничить автономію Финляндіи»? Въ особенности же, какой смыслъ въ этомъ опроверженіи имѣетъ утвержденіе будто русскія коммиссіи въ Петербургѣ «назначены *только... для изученія* вопроса объ устраненіи различій въ таможенныхъ, монетныхъ и почтовыхъ учрежденіяхъ»?

Этотъ смыслъ понятенъ всѣмъ знакомымъ со своеобразными воззрѣніями провинціальнаго финляндскаго патріотизма. Людей пропитанныхъ этимъ патріотизмомъ, безъ сомнѣнія, коробитъ уже одно то что къ обсужденію дѣла имѣющаго отношеніе къ Финляндіи призваны русскія власти; но чтобъ эти русскія власти могли *рѣшать* подобныя дѣла, этого узкій провинціальный патріотизмъ уже никакъ переварить и допустить не можетъ. * По его ходячему катехизису, только собственно финляндскимъ властямъ по чину рѣшать подобныя

* См., напримѣръ, выше, стр. 43—47, 95—96 и 128.

дѣла и издавать по нимъ Высочайшимъ Именемъ указы «съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи». Русскія же власти не могутъ де въ такихъ дѣлахъ идти далѣе изученія, далѣе предварительной разработки и подготовки дѣла для окончательнаго рѣшенія его Финляндскимъ Сеймомъ,— иначе произошло бы нарушеніе финляндской автономіи, какъ она въ Финляндіи понимается...

Что же намъ, Русскимъ, — принужденнымъ довольствоваться идущими изъ финляндскихъ источниковъ свѣдѣніями о русскомъ дѣлѣ,—вѣрить, или не вѣрить тому что русскимъ правительственнымъ коммиссіямъ въ Петербургѣ поручена не законодательная, а лишь академическая работа?

Но вѣдь еслибы на самомъ дѣлѣ было такъ, то возвѣщенныя Петербургскія коммиссіи по всѣмъ упомянутымъ дѣламъ и самыя эти дѣла оказались бы мертворожденными. Объ упраздненіи или ограниченіи финляндскаго самоуправленія, объ уменьшеніи разныхъ правъ дарованныхъ тамошнему провинціальному земскому собранію, именуемому Сеймомъ, и тамошней земской управѣ, титулуемой Сенатомъ, никакого вопроса не возбуждается. Но было бы уже черезчуръ странно еслибы, въ угоду сумасброднымъ претензіямъ финляндскихъ автономистовъ, русскія государственныя дѣла рѣшались не при участіи только, но подъ властную диктовку Финляндцевъ.

Правда, это случалось, и случалось не разъ: восьмидесятилѣтіе истекшее со времени покоренія Финляндіи преизобилуетъ множествомъ печальныхъ примѣровъ такого извращенія взаимныхъ отношеній Россіи и ея Финляндской провинціи. Но это, безъ сомнѣнія, уже не повторится, какъ не повторится и то что допускалось прежде по отношенію къ Балтійскимъ провинціямъ. Въ этомъ отношеніи можно быть спокойнымъ. Тѣмъ не менѣе, памятуя уроки вѣковаго опыта, нельзя не предвидѣть той борьбы которую должно будетъ выдержать русское дѣло и въ возвѣщенныхъ коммиссіяхъ, и при дальнѣйшемъ своемъ ходѣ; * нельзя не предвидѣть той цѣпи интригъ которыя будутъ противъ него направлены, той массы подводныхъ камней которые оно встрѣтитъ на своемъ пути. Что если, и восторжествовавъ, русское дѣло вышло бы изъ этой борьбы искалѣченнымъ до непригодности? А этого нельзя не опасаться, памятуя гибкость и разнообразіе пріемовъ выработанныхъ вѣковою финляндскою практикой и ловкость съ какою господа Финляндцы умѣютъ и привыкли этими пріемами пользоваться. Не разъ русское дѣло страдало, и его защитники вынуждены были пассовать, потому что Финляндцы импонировали имъ и своею авторитетною де компетентностью во всемъ относящемся до Финляндіи, и муссированіемъ значенія разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ финляндскихъ правъ и условій, удѣльный вѣсъ коихъ Русскіе дѣятели не имѣли возможности провѣрить, и, наконецъ, умѣніемъ вызвать и создать для своихъ цѣлей, тоже муссированную, поддержку общественнаго мнѣнія, которой у русскихъ дѣятелей не было. Не добрымъ предвѣстіемъ было бы еслибы подъ такими же ауспиціями, какъ началось, такъ и до конца велось бы предпринятое нынѣ важное дѣло.

Для устраненія такихъ ауспицій, для обезпеченія результата трудовъ новоназначенныхъ коммиссій отъ всяческихъ нежелательныхъ, но возможныхъ, вредныхъ искаженій, необходимо, полагаемъ, чтобы въ числѣ

---

* Что это такъ и случилось, подтверждается цѣлымъ рядомъ свѣдѣній сообщаемыхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

русскихъ членовъ этихъ коммиссій, помимо людей спеціально знакомыхъ съ поставленными вопросами въ ихъ техническихъ подробностяхъ и глубоко понимающихъ связанные съ ними русскіе интересы, были также люди не менѣе самихъ Финляндцевъ компетентные во всемъ касающемся спеціально-финляндской постановки этихъ вопросовъ; необходимо чтобы въ числѣ русскихъ членовъ этихъ коммиссій были люди отъ вниманія которыхъ не могли бы ускользнуть никакія изъ обычныхъ Финляндцамъ уловокъ, никакія «невинныя» словечки, допущеніе коихъ въ протоколы и заключенія могло бы извратить смыслъ вырабатываемыхъ законопроектовъ незамѣтно для иныхъ изъ участниковъ общей работы, недостаточно освоившихся съ исторіей финляндскихъ интригъ долгаго времени.

Едва ли на пользу русскому дѣлу можетъ послужить и то чтобы только финляндская публика стояла au courant въ предпринятомъ общемъ для Русскихъ и Финляндцевъ дѣлѣ, русская же публика оставлялась бы почти въ полномъ о немъ невѣдѣніи. Почему не уравнять въ этомъ отношеніи обѣ стороны, если уже не дать русской публикѣ шага впередъ, что тоже не было бы несправедливымъ? Вотъ что, между прочимъ, писало намъ по этому предмету изъ Гельсингфорса лицо приславшее намъ шведскій текстъ вышеприведеннаго финляндскаго официальнаго сообщенія:

„Живущіе въ Финляндіи Русскіе, не знакомые съ мѣстными нарѣчіями, обыкновенно остаются въ полномъ невѣдѣніи о мѣстныхъ административныхъ распоряженіяхъ и о мѣрахъ принимаемыхъ относительно Финляндіи правительствомъ Россіи. Мѣстной газеты которая издавалась бы на русскомъ языкѣ не существуетъ. Русскій официальный органъ, *Правительственный Вѣстникъ*, совершенно игнорируетъ официальную жизнь Финляндіи и не помѣщаетъ на своихъ страницахъ никакихъ распоряженій правительства относительно Финляндіи. Между тѣмъ, подобныя распоряженія дѣлаются, какъ показываетъ прилагаемый текстъ официальнаго сообщенія. Для Русскихъ въ Финляндіи (и не въ одной Финляндіи), казалось бы, всего естественнѣе искать извѣщенія о подобныхъ распоряженіяхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Но такіе поиски оказались бы тщетными. Видя полное молчаніе официальныхъ русскихъ газетъ о томъ что предпринимается правительствомъ въ Финляндіи, финляндскіе сепаратисты въ правѣ вообразить что Россіи и Русскимъ дѣйствительно нѣтъ никакого дѣла до Финляндіи. Не отсюда ли и то пренебреженіе къ Русскимъ которое выразилось, между прочимъ, въ томъ что здѣшніе публицисты (Мехелинъ, Коскиненъ и др.) находятъ нужнымъ писать свои сочиненія о Финляндіи на всѣхъ европейскихъ языкахъ, кромѣ русскаго? Объяснять что-либо Русскимъ о Финляндіи гг. Мехелины и К° находятъ для себя совершенно излишнимъ.“

ФИНЛЯНДСКІЙ ОТПОРЪ ПОЧТОВОМУ ОБЪЕДИНЕНІЮ.*

По случаю назначенія въ Петербургѣ, по Высочайшей волѣ, трехъ коммиссій для объединенія финляндскихъ почтъ, таможенъ и монеты съ русскими, гельсингфорсская газета *Nya Pressen* уже явилась проводникомъ мнѣнія противнаго этому объединенію. На первый разъ дѣло идетъ о почтахъ, въ статьѣ *Vårt postväsende* (наше почтовое вѣдомство). Мнѣніе газеты, сколько извѣстно, раздѣляется и нѣкоторыми изъ мѣстныхъ сенаторовъ, если не большинствомъ ихъ.

При поверхностномъ взглядѣ, статья какъ будто доказательна: есть ссылки на разные законы, конечно—финляндскіе. Но что оказывается на дѣлѣ?

„Наше почтовое управленіе“,—пишетъ газета,—„занимаетъ извѣстное, коренными законами установленное мѣсто въ нашемъ государственномъ (sic) устройствѣ. По § 21 Формы Правленія 1772 года, канцелярской коллегіи (одно изъ бывшихъ *шведскихъ* министерствъ) предоставляется нести всѣ заботы и попеченія о почтовыхъ порядкахъ всей страны (*Швеціи*) и подвѣдомыхъ ей провинцій, дабы дѣло это шло надлежащимъ образомъ.“

Такимъ образомъ, высшее управленіе почтами принадлежало въ шведскія времена *не* самой *провинціи Финляндіи*, а именно *государству*, чрезъ его министерство. Швецію замѣнила Россія; слѣдовательно высшее завѣдываніе финляндскими почтами должно принадлежать теперь ей. И дѣйствительно, сродные съ почтой телеграфы по всей Финляндіи находятся въ главномъ русскомъ управленіи.

Nya Pressen продолжаетъ:

„Правда, на основаніи Акта Соединенія и Безопасности 1789 года, гласящаго что „„остальныя отрасли управ„ленія касающіяся блага страны (въ „томъ числѣ и почтовая) *должны ве„стись путемъ который король при„знаетъ наиболѣе полезнымъ*““,— Уставъ-Адольфъ IV счелъ себя въ правѣ преобразовать, и дѣйствительно преобразовалъ, канцелярскую коллегію.“

Кажется, ясно и просто, даже въ предѣлахъ именуемой „конституціи“. Упомянутые два закона 1772 и 1789 годовъ составляютъ именно эту конституцію, которую Финляндцы отстаиваютъ какъ величайшую святыню. И вотъ, сама эта конституція съ очевидностію признаетъ за Государемъ безусловное право устраивать и измѣнять административныя учрежденія какъ Онъ найдетъ нужнымъ, слѣдовательно и въ данномъ случаѣ право устроить управленіе почтъ какъ Онъ благоизволитъ.

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 37.

Но Финляндцамъ рѣшительно непріятна, власть остающаяся еще въ рукахъ Русскаго Монарха, и вотъ они начинаютъ, на сей разъ, „устранять“ свой коренной, но неудобный законъ, начинаютъ его „истолковывать“. Оказывается что оставшееся за Императоромъ право самостоятельной администраціи есть—„пробѣлъ“.

„Но этотъ пробѣлъ“,—разъясняетъ газета,—„оставленный въ нашемъ конституціонномъ государственномъ организмѣ (!) актомъ 1789 года, въ послѣдствіи пополненъ *органическимъ развитіемъ*.“

Какимъ?—Такимъ что регламентъ 18 (6) августа 1809 года для Правительственнаго Совѣта (Сената) Финляндіи, выработанный „двумя государственными властями“, замѣнилъ де шведскія коллегіи этимъ высшимъ управленіемъ, учрежденіе коего „должно разсматривать какъ имѣющее значеніе коренного закона страны“.

Нѣтъ, тутъ ужь что-то не ладно: съ одной стороны — непреложная святыня, конституція; съ другой, въ противовѣсъ ей, — какой-то регламентъ который „должно разсматривать какъ имѣющій значеніе“...

Въ концѣ концовъ дѣло сводится въ газетѣ къ тому что главное управленіе почтами по регламенту принадлежитъ Финляндскому Сенату, а слѣдовательно передать почты въ русское вѣдомство нельзя—безъ Сейма.

Но что же такое на самомъ дѣлѣ этотъ регламентъ, и что такое „двѣ государственныя власти“ его установившія?

Двѣ государственныя власти — två statsmakterna—это новѣйшая финляндская теорія. Это — Государь и Сеймъ. Безъ Сейма, оказывается теперь, власть Государя не имѣетъ никакой законодательной силы. Прежде власть Государя признавалась, даже по шведской конституціи, въ довольно широкихъ размѣрахъ, какъ сейчасъ было показано. Теперь не то. Поощренные постояннымъ успѣхомъ, гг. Финляндцы не желаютъ признавать ея даже и въ означенномъ конституціонномъ размѣрѣ; ихъ Сенатъ всякое, даже самое мелкое, административное дѣло, напримѣръ, о какой-нибудь пастьбѣ жеребятъ,* несетъ на Сеймъ, то-есть ко „второй государственной власти“, съ тѣмъ чтобы потомъ власть Императора не могла самостоятельно распространяться даже и на эти дѣла, значеніе же Сейма, напротивъ, возрастало бы все болѣе и болѣе. Сѣть эта, не имѣя надъ собою никакого дѣйствительнаго, то-есть русскаго, контроля, раскидывается все шире и шире.

Въ приведенной выдержкѣ говорится, впрочемъ, не о новѣйшихъ сеймахъ, а о стародавнемъ, Боргоскомъ, 1809 года: ему тоже присвоиваютъ теперь значеніе „второй государственной власти“.

По счастію, благодаря новѣйшимъ русскимъ изслѣдованіямъ, значеніе Боргоскаго Сейма выяснено уже документально и безапелляціонно. Сеймъ въ Борго былъ на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ совѣщательнымъ собраніемъ финляндскихъ земцевъ:

„Надо сдѣлать одно существенное замѣчаніе“,—писалъ тогда Сперанскій въ наставленіе Барклаю-де-Толли, назначенному, вмѣсто Спренгтпортена, финляндскимъ генералъ - губернаторомъ: *„отъ Сейма потребованы не рѣшенія, не декреты, а простыя мнѣнія.“* **

Вотъ что̀ такое былъ Боргоскій Сеймъ: о „второй государственной власти“ не было тогда и помину.

Но что̀ же такое этотъ „регламентъ“, который, по словамъ газеты, „органически“ отмѣнилъ права и власть Государя даже въ администраціи? Это—изданный въ томъ же 1809 году Александромъ I уставъ для главнаго правленія Финляндіи, названнаго потомъ Правительственнымъ Совѣтомъ, а еще позднѣе—Финляндскимъ Сенатомъ. Проектъ его былъ составленъ не Сеймомъ, а особымъ комитетомъ внѣ его, и только переданъ Сейму для *освѣдомленія* и для

---

* См. выше, стр. 77 и 96.

** См. *Покореніе Финляндіи*, К. Ордина, т. II, Прилож. 97, стр. 88, письмо Сперанскаго къ Барклаю, отъ 27 іюня 1809 года.

полученія его мнѣнія (avis). Сеймъ сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній; но разработка регламента, съ принятіемъ однихъ изъ этихъ замѣчаній и съ устраненіемъ другихъ, а также со введеніемъ перемѣнъ помимо Сейма, исполнена по соглашенію Сперанскаго съ Барклаемъ-де-Толли. Въ такомъ видѣ уставъ и утвержденъ Императоромъ Александромъ, какъ дѣло исключительно его доброй воли. Даже одинъ изъ видныхъ финляндскихъ государственниковъ, профессоръ Германсонъ, не признаетъ за означеннымъ регламентомъ силы кореннаго закона.

Но, быть-можетъ, есть въ регламентѣ какое-нибудь частное стѣсненіе Верховной Власти въ отношеніи почтоваго дѣла? Рѣшительно никакого. Какъ во всякомъ уставѣ всякаго присутственнаго мѣста, такъ и здѣсь перечислены предметы дѣлопроизводства разныхъ частей Совѣта (Сената) на которыя онъ подраздѣленъ, и въ одной изъ экспедицій значатся дѣла, между прочимъ, о почтахъ *. Вотъ и все: канцелярское распредѣленіе, не больше. Еще недавно оно измѣнялось по усмотрѣнію Государя.

Изъ изложеннаго явствуетъ что Русскій Монархъ, даже допуская дѣйствіе пресловутой шведской конституціи, имѣетъ полное право измѣнить, сократить, даже вовсе упразднить весь Гельсингфорсскій Сенатъ, или же замѣнить его другимъ установленіемъ, и не только тамъ, на мѣстѣ, но и гдѣ признаетъ за благо. А новѣйшіе Финляндцы имѣютъ претензію отказывать Верховной Власти въ правѣ измѣнить подвѣдомственность какой-то небольшой части Сената! Это было бы смѣшно, еслибы не было возмутительно.

Итакъ, вотъ каковы доводы финскихъ оппозиціонистовъ волѣ Государя.

При такомъ противодѣйствіи Финляндцевъ, тѣмъ страннѣе слышать,—если довѣрять слухамъ,—будто русскіе члены коммиссіи возбуждаютъ со своей стороны затрудненія объединенію почтъ, тѣмъ что усматриваютъ недостатокъ почтоваго дохода на покрытіе расхода—недочетъ въ размѣрѣ какого-то десятка тысячъ рублей... Умѣстно ли, въ виду крупнаго политическаго значенія этой мѣры, останавливаться предъ грошовымъ, можно сказать, разчетомъ?

Да, кромѣ того, въ рукахъ того же русскаго Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ есть въ самой Финляндіи источники которыми оно, повидимому, пренебрегаетъ. Телеграфъ тамъ, какъ сказано, принадлежитъ Россіи; между тѣмъ Финляндцы свободно устраиваютъ у себя телефоны, въ подрывъ русскому телеграфу,—и противъ этого нѣтъ протеста. Вовторыхъ, на дняхъ еще финскія газеты оповѣстили рѣшеніе своего Сената, по которому мѣстнымъ желѣзнодорожнымъ телеграфамъ предоставлено передавать и частную корреспонденцію, въ явный ущербъ нашимъ телеграфнымъ сборамъ. Устраните эти нелегальности,—и окажутся средства доплатить и какой-то десятокъ тысячъ рублей по почтовому дѣлу.

---

* См. тамъ же, т. II, прилож. № 126. стр. 166, п. 3.

ФИНЛЯНДСКАЯ ОППОЗИЦІЯ

ВЪ ТАМОЖЕННОМЪ ВОПРОСѢ.

(Передовая статья № 43 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 12 февраля.

Не разъ уже случалось намъ говорить о крайне произвольномъ отношеніи финляндской печати къ факту зависимости нашей Финской окраины отъ Россіи. Случалось намъ приводить и выдержки изъ разныхъ финляндскихъ газетныхъ статей. Но изъ отрывковъ трудно составить себѣ полное понятіе о той смѣлости съ какою ведется тамъ, подъ цензурой, пропаганда направленная къ окончательному отторженію Финляндіи отъ Россіи. Поэтому, въ видѣ обращика, мы воспроизводимъ здѣсь въ переводѣ цѣлую статью гельсингфорсской шведской газеты *Nya Pressen*, подъ заглавіемъ «Таможенный вопросъ» (Tullfrägan), по поводу извѣстныхъ трехъ коммиссій.* Финляндскія газеты теперь переполнены подобными статьями. Надо помнить, при этомъ, что финляндскій читатель, по ограниченности своихъ познаній и своего кругозора, вѣритъ во всякое свое печатное слово какъ въ Библію.

Воспроизводя означенную статью, мы, для исправленія увлеченій финляндскаго автора, нашли не лишнимъ сопроводить текстъ статьи нѣкоторыми нашими замѣчаніями.

Вотъ статья газеты *Nya Pressen*:

„Таможенныя отношенія между Россіей и Финляндіей въ послѣдніе годы нерѣдко становились вопросомъ дня. Въ настоящее же время, когда въ Петербургѣ образовалась коммиссія имѣющая цѣлью привести нашу таможенную систему въ соглашеніе съ русскою,—вопросъ этотъ вступаетъ въ новый фазисъ, не лишенный для насъ глубокаго значенія.

„Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обсуждая тотъ же вопросъ, мы высказали мнѣніе что само автономное положеніе нашей страны, относительно Россіи, обусловливается способностію первой поддерживать собственными финансовыми средствами тѣ функціи которыя, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ, такъ-сказать, жизнь государства (sic). Послѣднее можетъ функціонировать въ томъ только случаѣ если самостоятельно

* См. выше, стр. 157—166.

распоряжается своими доходами, тѣмъ болѣе что эта правоспособность есть неотъемлемое отъ государства верховное его право. Между тѣмъ, почти половину государственныхъ доходовъ Финляндіи составляютъ неокладные сборы (косвенные налоги), почему самостоятельное распоряженіе своими таможенными постановленіями составляетъ для Финляндіи вопросъ величайшей важности какъ въ государственно-правовомъ (!), такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ."

Замѣтимъ что все это разсужденіе совершенно произвольно: съ самаго покоренія Финляндіи, таможенная политика Россіи считалась обязательною и для Финляндіи; другой не признавали тогда и сами Финляндцы, что, впрочемъ, подтверждаетъ въ послѣдующемъ изложеніи и нашъ авторъ, очевидно, самъ того не замѣчая. Онъ продолжаетъ:

„Послѣ того какъ въ 1809 году Финляндія вступила въ союзъ (!) съ Русскою Имперіей, она въ то же время пріобрѣла собственную таможенную границу какъ относительно иностранныхъ государствъ, такъ и относительно Россіи. Постановленіемъ отъ 17 ноября 1811 года именно учреждена временная охранительная цѣпь между Выборгомъ и Кексгольмомъ, для устраненія ввоза иностранныхъ товаровъ чрезъ Финляндію въ Россію."

Здѣсь финляндскій авторъ совершенно извращаетъ факты. На самомъ дѣлѣ таможенная линія между Россіей и новою Финляндіей была снята немедленно по вступленіи въ послѣднюю русскихъ войскъ въ 1808 году, причемъ между обѣими открыто было свободное сообщеніе. Затѣмъ пошла переписка объ устройствѣ торговли въ новоприобрѣтенномъ краѣ—переписка, затянувшаяся до 1811 года.

Между тѣмъ министръ Финансовъ Гурьевъ постоянно жаловался что изъ новой Финляндіи свободно ввозится въ Петербургъ много запрещеннаго товара; для устраненія этого и была установлена, *только съ русской стороны*, упомянутая авторомъ цѣпь между Выборгомъ и Кексгольмомъ, и то временно, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о нѣкоторыхъ дополненіяхъ къ *общему русскому тарифу*, въ примѣненіи его къ Финляндіи, въ виду дѣйствовавшаго еще до 1817 года торговаго договора со Швеціей.

Противъ дѣйствія русскаго тарифа не возражалъ даже самъ Армфельтъ; напротивъ, онъ стоялъ за снятіе цѣпи.

Но возвратимся къ воспроизводимой нами статьѣ.

„Относительно же финскихъ продуктовъ и тогда уже исходили отъ принципа не ограничивать ввоза ихъ въ Имперію, и наоборотъ."

Авторъ умалчиваетъ *кто* руководился такимъ принципомъ. Исходила изъ него благодушная русская власть.

„Такой взглядъ на этотъ вопросъ"—продолжаетъ финляндскій авторъ,—„поддерживался, съ извѣстными измѣненіями, и въ предписаніяхъ отъ 1822, 1835, 1850 и 1859 годовъ. Позже, однако, послѣдовали существенныя перемѣны, о чемъ достаточно свидѣтельствуетъ таможенный налогъ которымъ въ 1886 году были обложены товары ввозимые изъ Финляндіи въ Россію."

Тутъ авторъ умалчиваетъ что Финляндія еще много ранѣе добилась устройства своей таможни противъ Россіи. Затѣмъ,—разъ она уже заявляла себя «государствомъ»,—естественно было предоставить ей нести хотя малую часть государственной тяготы.

„Съ этихъ же поръ ввозъ русскихъ товаровъ въ нашу страну, за нѣкоторыми исключеніями, производился почти безпошлинно, тогда какъ, напротивъ,

ввозъ нашихъ товаровъ въ Россію частію обложенъ такою высокою пошлиной которая уподобляется совершенному запрещенію ввоза.“

Въ этихъ антитезахъ есть все, кромѣ правды.* Ввозился безпошлинно въ Финляндію русскій хлѣбъ, безъ котораго она давно вымерла бы съ голоду. Главнѣйшіе же русскіе продукты, сахаръ, вина, табакъ, керосинъ—пока не завладѣлъ имъ Финляндецъ Нобель—и многіе другіе были обложены въ пользу Финляндіи пошлиной равною ихъ стоимости, напримѣръ: сахаръ 9—10 к. съ фунта, вино русское до 40 к. съ бутылки и пр.

Наоборотъ, финляндскимъ товарамъ въ Россіи, даже послѣ 1886 года, оказывалось безусловное покровительство: чугунъ, напримѣръ, обложенный по общему тарифу пошлиной въ 25 к. съ пуда, пропускается въ количествѣ 400.000 пуд. въ годъ *безпошлинно*; желѣза сортоваго и стали *столько же* пропускается съ пошлиной въ 15 к., вмѣсто 50 коп. по общему тарифу; 60.000 пуд. машинъ пропускается съ пошлиной въ 20 к., вмѣсто общей пошлины отъ 50 коп. до 3 р. 50 коп.; хлопчатобумажной пряжи и тканей пропускается 50.000 пудовъ съ пошлиной въ 75 к., вмѣсто общей отъ 3 р. 60 к. до 58 р., и т. д.

„Что это ограниченіе свободы вывоза нашихъ произведеній въ Россію было, въ извѣстной степени, вызвано нашими таможенными постановленіями о заграничной торговлѣ, уклонявшимися отъ русскаго таможеннаго устава, хорошо извѣстно. Но въ этомъ отношеніи мы раньше, въ продолженіе большей части этого столѣтія, вѣрно слѣдовали за Россіей по соблазнительному пути покровительственной системы (и благоденствовали). Понемногу, однако, силою самихъ обстоятельствъ (силою тенденціи быть „государствомъ“ на чужой счетъ и по слабости русской власти) таможенные законы Финляндіи начали отдѣляться отъ русскихъ и вступать на другой путь. Различіе между двумя странами сказалось еще рѣшительнѣе въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда послѣднимъ таможеннымъ тарифомъ, установленнымъ Россіей, она сдѣлала еще одинъ шагъ назадъ въ прямо протекціонистскомъ духѣ.

„Русская таможенная политика въ высшей степени покровительственная и имѣетъ въ виду вызвать этимъ къ жизни новыя отрасли промышленности и охранить старыя (чего же лучше?!). Но это можетъ быть доступно только для страны подобной Россіи, съ ея необъятными пространствами, богатствомъ сыраго матеріала всякаго рода и дешевою рабочею силой (а въ Финляндіи она даже совсѣмъ даровая: насчитываютъ 2.800.000 лошадиныхъ силъ въ ея водахъ). Могла ли бы долго выдержать это наша страна, съ ея въ высшей степени ограниченными естественными средствами и промышленными отраслями, воспитанными охранительною системой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный.“

Нѣтъ, замѣтимъ со своей стороны: какъ провинція великой Россіи, Финляндія могла бы и продолжала бы процвѣтать. Но та же Финляндія какъ «государство»—конечно, дѣло другое. Но кто же велитъ ей подражать Крыловской Лягушкѣ пожелавшей сравниться съ Воломъ? Лягушка этой басни «съ натуги лопнула и околѣла». Но кому тутъ урокъ: Волу или Лягушкѣ?

Финляндская статья продолжаетъ:

„Необходимость во всемъ слѣдовать переворотамъ таможенной политики другой страны не можетъ не повліять губительно на насъ не въ одномъ только экономическомъ отношеніи: она въ высшей степени опасна для всего нашего *политическаго* положенія (а! вотъ это-

* См. выше, между прочимъ, стр. 3—8 и 115—120.

то самое главное!). Вопросъ, слѣдовательно, объ уничтоженіи таможенной границы между Финляндіей и Имперіей будетъ для насъ вопросомъ громаднѣйшаго значенія въ государственно-правовомъ отношеніи. Съ этой точки зрѣнія мы должны настоять (!) на томъ чтобъ *онъ не рѣшался односторонне правительствомъ безъ предварительнаго его обсужденія Сеймомъ и безъ его согласія* (курсивъ подлинника).“

Такое «*настояніе*» на передачѣ вопроса Сейму есть, можно сказать, прямое возмущеніе противъ Верховной Власти, ибо даже и по старой шведской, рекомой финляндской, конституціи, косвенные налоги, а въ числѣ ихъ и таможенные, вовсе не входили въ компетенцію даже государственныхъ шведскихъ чиновъ, а были въ полной власти государя. Но у финляндскихъ земцевъ и задору много, и аппетиты большіе...

„Если, опираясь на порядки существовавшіе при Густавѣ III (то-есть, на эту самую старо-шведскую конституцію), правительство и рѣшало само таможенные вопросы и, слѣдовательно, въ правѣ односторонне установлять таможенный тарифъ, то это все-таки нѣчто совсѣмъ иное нежели отмѣна собственныхъ таможенныхъ порядковъ и вступленіе въ таможенный союзъ (!) съ другою стороной.“

Здѣсь авторъ нашелъ нужнымъ забыть что «собственные порядки» были установлены властію именно этой самой «другой страны». Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Если слѣдствіемъ этого таможеннаго соединенія, какъ оно и должно быть въ данномъ случаѣ, будетъ утрата Финляндіей всякаго вліянія на направленіе таможенной политики, то этимъ самымъ правительство (конечно финляндское) фактически откажется отъ верховныхъ (!!) правъ своихъ и въ существенной долѣ подчинитъ наше финансовое законодательство чуждому праву.“

А вѣдь при покореніи Финляндіи это подчиненіе было безспорною аксіомой для самихъ Финляндцевъ! Но дослушаемъ автора до конца:

„Если при этомъ принять въ соображеніе что, въ силу § 36 Сеймоваго Устава, сословія должны контролировать государственные счета (это—распространительное, и потому невѣрное, толкованіе: сеймовыя коммиссіи ревизуютъ счета только по ассигнованіямъ Сейма, что далеко не все), то установленіе налоговъ, по случаю означеннаго таможеннаго соединенія, будетъ всецѣло зависѣть отъ измѣнчивыхъ взглядовъ русскихъ государственныхъ дѣятелей на наиболѣе пригодную для Россіи таможенную политику (это естественно бываетъ всегда и вездѣ). Должно при этомъ вспомнить, кромѣ того, что сословія приняли на себя разрѣшеніе налога на винокуреніе, на пивовареніе и карты, налога, который вполнѣ зависитъ отъ таможенной границы противъ Россіи: тогда станетъ ясно какъ день что Сеймъ долженъ быть выслушанъ въ этомъ вопросѣ.“

Замѣтимъ мимоходомъ что здѣсь новое извращеніе фактовъ: «принятіе» косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ и послѣдненазванныхъ, принадлежитъ, по «конституціи», какъ сказано, коронѣ. Если же оно оказалось съ десятокъ лѣтъ, въ видѣ временной мѣры, тоже въ рукахъ Сейма, то это былъ одинъ изъ тѣхъ захватовъ верховныхъ правъ Государя которые, благодаря своеобразнымъ дѣйствіямъ финляндскихъ докладчиковъ, практикуются безъ стѣсненія какъ на сеймахъ, такъ и внѣ ихъ.

Мы воспроизвели вполнѣ статью финляндской газеты. Вся политика, какъ легко видѣть, состоитъ въ томъ чтобы, подобно тому какъ въ почтовомъ дѣлѣ, добиться и въ таможенномъ отреченія Монарха отъ безусловно принадлежащей ему прерогативы и, по передачѣ вопроса

на Сеймъ, связать Верховную Власть сеймовымъ рѣшеніемъ. Сеймъ, конечно, высказался бы противъ объединенія въ таможенномъ дѣлѣ, и тогда, конечно, начались бы компромиссы, уступки къ ущербу Россіи, а затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, безусловныя нынѣ права Государя въ таможенномъ дѣлѣ болѣе не существовали бы.

Но что особенно интересно въ разсмотрѣнной статьѣ, такъ это то что она вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніями гельсингфорсскихъ сенаторовъ: офиціальныя возраженія ихъ въ Петербургѣ какъ бы списаны съ газеты...

Такимъ образомъ, мы находимся предъ удивительнымъ зрѣлищемъ: исполнительный органъ Верховной Власти энергически старается обойти Ея велѣнія.

Не даромъ въ самую ночь на Новый Годъ господа сенаторы собирались въ тайное засѣданіе. Но если эти «гг. конституціонные министры» находятъ что Монаршая воля неисполнима безъ нарушенія «вольностей», то, казалось бы, чего проще для нихъ въ подобномъ случаѣ, какъ подать въ отставку? Тогда, можетъ быть, оказалось бы удобнымъ и вовсе упразднить эту оппозиціонную Россіи инстанцію, доказавшую въ теченіе восьмидесяти лѣтъ что Барклай-де-Толли былъ прозорливъ и мудръ, возражая Сперанскому противъ ея установленія.

Упраздненіе этой инстанціи вполнѣ зависитъ отъ благоусмотрѣнія Монарха, даже по «конституціи». Замѣтимъ что при упраздненіи сберегліись бы цѣлые 300.000 рублей золотомъ расходуемые теперь на финляндскихъ отцовъ отечества: добрую половину этой круглой суммы можно было бы употребить на пользу той же Финляндіи, только не въ ущербъ Россіи, а обще съ нею.

„ФИНЛЯНДСКАЯ АРМІЯ“

И ЕЯ ОСОБЕННОСТИ.

1.

Справка о составѣ, численности и привилегіяхъ финской арміи.*

(Передовая статья № 44 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 13 февраля.

Въ настоящее время, когда возбужденъ и уже обсуждается вопросъ объ установленіи прямой, непосредственной связи между монетною системой, таможенными и почтовыми учрежденіями Россіи и ея финляндскихъ губерній,* не безынтересно будетъ навести справку и о *финляндской арміи*, тѣмъ болѣе что эта «армія» въ настоящемъ году получаетъ приращеніе въ видѣ кавалерійскаго полка, формируемаго на основаніи приказа отъ 17 апрѣля 1889 года.

О финской «арміи» и ея современномъ составѣ русская публика имѣетъ весьма смутныя понятія. Большинство думаетъ что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о какихъ-нибудь *девяти* баталіонахъ, силой отъ 400 до 500 человѣкъ каждый, назначаемыхъ исключительно для мѣстной службы, то-есть о чемъ-то столь мизерномъ что и говорить не стóитъ. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: финляндская военная сила по своему численному составу и устройству заслуживаетъ серіознаго вниманія, въ которомъ ей и не отказываютъ за границей, несмотря на то что наша военная журналистика (въ данномъ случаѣ *Военный Сборникъ* и *Русскій Инвалидъ*), интересующаяся всякими пустяками, въ родѣ землетрясенія въ Испаніи, систематически молчитъ о происходящемъ въ сосѣднихъ съ Петербургомъ Финляндскихъ губерніяхъ.

Не странно ли: въ Гельсингфорсѣ много лѣтъ существуетъ особый военный журналъ, *Finsk Militär-Tidskrift*, весьма интересное содержаніе коего ежемѣсячно передается подробно въ выходящихъ въ Берлинѣ *Militär-Literatur-Zeitung* и въ *Militär-Wochenblatt*, а наша военная публика почти и не подозрѣваетъ о существованіи этого изданія!

При такомъ положеніи дѣла не

* См. выше, стр. 157—170.

удивительно что предлагаемыя ниже свѣдѣнія намъ приходится заимствовать изъ *Militär-Wochenblatt*, ссылающійся въ этомъ случаѣ на первоисточникъ, на *Finsk Militär-Tidskrift*.

«Финская армія», *какъ таковая* (als solche), существуетъ съ небольшимъ десять лѣтъ и «предназначается для сообразной съ географическими особенностями края обороны Финляндіи въ случаѣ нападенія непріятеля». Уставъ о воинской повинности выработанъ и принятъ Финляндскимъ Сеймомъ въ 1877 и 1878 годахъ; онъ утвержденъ въ декабрѣ 1878 года. Организованная, на основаніи этого устава, воинская сила состоитъ изъ 9 баталіоновъ, численный составъ которыхъ постоянно возрасталъ. Такъ, за 1 января 1883 года по спискамъ состояло 2 генерала, 129 офицеровъ и 3.814 нижнихъ чиновъ. Черезъ годъ число офицеровъ достигло 153, а нижнихъ чиновъ — 4.563 человѣкъ; въ 1886 году солдатъ было 4.580, а къ 1887 году по спискамъ состояло 3 генерала, 171 офицеровъ и 4.748 нижнихъ чиновъ трехлѣтняго срока службы, то-есть нѣсколько менѣе положеннаго по штату числа 203 офицеровъ и 4.993 солдатъ.

Любопытно что изъ числа нижнихъ чиновъ финскихъ войскъ *почти два процента составляютъ православные.*

Наименованіе и составъ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ въ 1886 году были слѣдующіе:

Лейбъ-гвардіи Финскій	543	челов.
Армейскіе: Нюландскій	527	»
Абоскій	495	»
Вазаскій	511	»
Улеаборгскій	493	»
Куопіоскій	489	»
С.-Михельскій	492	»
Тавастгусскій	515	»
Выборгскій	514	»

Съ приведеніемъ на военную ногу, эти баталіоны составятъ *до десяти тысячъ человѣкъ*, что, однако, не даетъ еще никакого понятія о дѣйствительныхъ военныхъ средствахъ Финляндіи, «армія» которой, по замѣчанію *Militär-Wochenblatt*, есть «нѣчто среднее между постоянною арміей и милиціей», такъ какъ главную ея силу составляютъ де резервы «*многочисленные и хорошо обученные*».

Въ самомъ дѣлѣ, по указу 6 мая 1883 года, въ названномъ году происходилъ учебный сборъ двухъ классовъ финскаго резерва. Были призваны въ мѣсячные сборы люди срока 1881 года въ числѣ 8.700 человѣкъ, на время съ 6 іюля по 4 августа, и люди срока 1882 года въ составѣ 8.400 человѣкъ, на время съ 9 августа по 7 сентября. Всего призывалось въ 1883 году 17.100 человѣкъ, *явилось* 13.000. Въ 1884 году въ учебные сборы были призваны уже *три класса* резерва, въ составѣ 21.390 человѣкъ; въ 1885 году тоже три класса, 19.344 человѣкъ, въ 1886 году 17.826, въ 1887 году 17.639 человѣкъ. Въ 1888 году призывалось 19.946 резервистовъ, изъ коихъ не явилось 2.431 человѣкъ, 658 признаны неспособными и 47 освобождены по болѣзни, такъ что училось 16.810 человѣкъ.

Финскіе резервы имѣютъ прочную организацію: они формируютъ 32 роты (то-есть 8 баталіоновъ) при 40 офицерахъ и 192 унтеръ-офицерахъ.

Такимъ образомъ, при мобилизаціи Финляндія можетъ выставить на самомъ дѣлѣ 17 хорошихъ баталіоновъ, и затѣмъ у нея останется еще избытокъ подготовленныхъ къ военной службѣ солдатъ, такъ какъ три класса резерва, вмѣстѣ съ тремя классами людей состоящихъ въ баталіонахъ подъ знаменами, составятъ около *двадцати двухъ тысячъ человѣкъ*. Въ настоящую же минуту въ Финляндіи имѣется десять возрастовъ прошедшихъ службу въ

резервѣ и въ войскахъ, что составитъ около *семидесяти* или *семидесяти пяти тысячъ обученныхъ солдатъ*.

Ни въ генералахъ, ни въ офицерахъ — пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и морскихъ — Финляндія не встрѣчаетъ и не можетъ встрѣтить недостатка. Въ *Finsk Militär-Tidskrift* за апрѣль и май 1888 года приведены слѣдующія данныя «объ офицерахъ финской національности состоящихъ въ *русской* службѣ». Всѣхъ ихъ 330 человѣкъ: изъ нихъ 34 человѣка служатъ во флотѣ. По чинамъ, въ числѣ офицеровъ: генераловъ и адмираловъ 28; командировъ полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ 19, батарейныхъ командировъ 6, командировъ броненосныхъ фрегатовъ и мониторовъ 4. Итакъ, 28 Финляндцевъ «*русской службы*» занимаютъ генеральскія мѣста и 29 — должности командировъ отдѣльныхъ частей. Это послѣднее число, какъ ожидаютъ, должно въ будущемъ возрасти по крайней мѣрѣ еще на 8 мѣстъ отъ назначенія командировъ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ командирами «русскихъ» полковъ.

На странное положеніе претендуютъ господа Финляндцы. *Finsk Militär Tidskrift* не обинуясь требуетъ чтобы командиры финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ получали русскіе полки «въ интересахъ лучшаго чинопроизводства въ финскихъ войскахъ», но въ то же время Финляндцы и слышать не хотятъ чтобы русскій штабъ-офицеръ былъ назначенъ, напримѣръ, командиромъ «финскаго» баталіона или кавалерійскаго полка. Люди явно балуются и привыкаютъ считать себя за высшую, привилегированную породу: Финляндецъ можетъ быть въ русской службѣ и можетъ занимать въ ней высокое положеніе, а не финляндскому уроженцу нѣтъ и «не должно быть доступа» въ финляндское войско, явно стремящееся къ крайней обособленности, до изданія на *шведскомъ языкѣ* особаго военнаго журнала для 500 или 600 офицеровъ финляндскаго происхожденія.

«Финляндская армія» предназначается «для обороны Финляндіи». Финляндцамъ, какъ свидѣтельствуютъ нѣмецкія изданія,—конечно со словъ самихъ же Финляндцевъ,—*не нравится* что финскія части появляются въ Красносельскомъ лагерѣ, «за предѣлами Финляндіи», * а между тѣмъ эта финляндская «армія» не въ силахъ защитить Финляндію въ случаѣ войны съ иностранною державой: въ помощь финскимъ войскамъ въ этомъ случаѣ будутъ двинуты русскія. Россія обязана оборонять Финляндію, но эта послѣдняя вовсе не считаетъ своимъ долгомъ идти объ руку съ Россіей гдѣнибудь внѣ предѣловъ Финляндіи. Выходитъ, по присловью, «что твое — мое, а что мое, до этого тебѣ дѣла нѣтъ».

Первоначально въ Финляндіи учреждены были одни стрѣлковые баталіоны; имѣлась, стало-быть, *одна пѣхота*; теперь формируется *драгунскій* полкъ и, слѣдовательно, «финская армія» будетъ состоять изъ пѣхоты и кавалеріи. Остановятся ли на этомъ желанія Финляндцевъ? Конечно нѣтъ. Они хорошо понимаютъ что безъ артиллеріи никакой *арміи* въ настоящемъ смыслѣ этого слова быть не можетъ, и потому всячески будутъ домогаться организаціи финской артиллеріи; случаи и предлоги всегда могутъ найтись.

Финляндскія притязанія растутъ вмѣстѣ съ ростомъ ихъ военной силы, и уже одно это даетъ поводъ подумать: да нужно ли въ самомъ дѣлѣ особое финское войско, и не было ли бы сообразнѣе еслибы Финляндцы отбывали воинскую повин-

---

* См. ниже, стр. 202.

ность такъ же какъ и всѣ прочіе инородцы Россіи,—Нѣмцы, Литовцы, Поляки, Татары, Эсты, Латыши,—то-есть, еслибы Финны-новобранцы прямо посылались на службу въ русскія войсковыя части? Это не могло бы повредить ихъ здоровью: служатъ же въ Россіи, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и въ Сибири офицеры изъ уроженцевъ Финляндіи!

2.

Дополненіе къ „справкѣ“.

(Передовая статья № 51 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 20 февраля.

Hufvudstadsbladet, наиболѣе распространенная изъ гельсингфорскихъ газетъ, перепечатала, съ нѣкоторыми сокращеніями, передовую статью о финской арміи изъ № 44 *Московскихъ Вѣдомостей*. *

Въ ней разказано о томъ что въ нашей арміи состоятъ на службѣ сотни офицеровъ изъ Финляндцевъ, что 28 изъ нихъ занимаютъ генеральскія мѣста, а 29—должности командировъ отдѣльныхъ частей. Разказано и о томъ что Финляндцы не обинуясь требуютъ чтобы, для быстрѣйшаго чинопроизводства, командиры ихъ финскихъ баталіоновъ получали командованіе русскими полками, а въ то же время и слышать не хотятъ о томъ чтобы хотя одинъ русскій штабъ-офицеръ былъ назначенъ командиромъ финскаго баталіона или драгунскаго полка, и т. д.

Что́ же нашлось сказать наиболѣе читаемое изъ финскихъ періодическихъ изданій?

„Вотъ какъ далеко заходитъ русская газета“, — восклицаетъ *Hufvudstadsbladet*. — „По истинѣ, вышесказанное есть самое гнусное и самое злобное изъ всего того что *Московскія Вѣдомости* издавна измышляютъ противъ насъ, и въ этомъ сказывается многое. Ихъ тактика начинаетъ мало - по - малу разъясняться. Инсинуаціи газеты граничатъ съ безуміемъ.“

Наша тактика очень проста и наглядна, и разъяснять ее нечего: мы желаемъ сами видѣть и другимъ дать возможность видѣть одну только дѣйствительную правду. Не наша вина что Финляндцы за послѣднія 25 лѣтъ до того зарвались и запутались что на простое изложеніе вѣрныхъ фактовъ могутъ отвѣчать только грубою бранью, и что истина стала у нихъ безуміемъ...

Высказанное нами нуждается, впрочемъ, въ дополненіи, которое и сдѣлано въ письмѣ къ издателю *Новаго Времени* (№ 5.017), за подписью Ф. Приведя изъ нашей газеты тотъ фактъ что ‹Финляндцы и слышать не хотятъ чтобы русскій штабъ-офицеръ былъ назначенъ, напримѣръ, командиромъ финскаго баталіона или кавалерійскаго полка›, г. Ф. пишетъ:

Дѣло стоитъ гораздо хуже: „русскій“ подданный не только не можетъ командовать „финскимъ“ стрѣлковымъ баталіономъ, но даже не допускается на службу въ качествѣ субалтернъ-офицера. Не имѣя возможности просмотрѣть существующее по этому вопросу законодательство, я могу только сообщить фактъ лично мнѣ извѣстный.

Въ 1882 или 1883 году изъ Александровскаго военнаго училища былъ выпущенъ въ финскій стрѣлковый баталіонъ нѣкто г. З. въ чинѣ подпору-

* См. выше, стр. 171—174.

чика, конечно, съ согласія командира баталіона. Но въ томъ же году его попросили удалиться изъ баталіона, потому что онъ „русскій“ подданный, мало того—ему не было разрѣшено принять финляндское подданство.

Надо ли изъ этого заключить что финляндская и русская армія—двѣ совершенно различныя арміи имѣющія совершенно различныя цѣли?

Что скажетъ финляндская печать по поводу этого заявленія?

3.

Своеобразность дисциплины въ финской арміи.

Передовая статья № 66 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 7 марта.

Мы говорили о численномъ составѣ и общихъ началахъ устройства «финской» арміи; по порядку намъ слѣдуетъ говорить теперь объ ея внутреннемъ строѣ и дисциплинарныхъ отношеніяхъ, отъ склада которыхъ прямо зависитъ достоинство войска...

Говорить ли, однако, объ этомъ? Надняхъ, въ *Новомъ Времени* (№ 5.031), нѣкто г. Л—нъ, очевидно близко знакомый съ дѣломъ, утверждалъ что «серіозно обличать эту финскую армію—значитъ стрѣлять по воробьямъ изъ пушекъ», такъ какъ эта финская армія «является въ концѣ концовъ игрушкой финляндскаго патріотствующаго самолюбія, и только».

Игрушка игрушкѣ рознь; есть игрушки очень опасныя, и къ числу ихъ принадлежитъ финская армія, которою забавляются лжепатріотствующіе финляндскіе сепаратисты, всякими путями внушающіе финскому солдату и офицеру что «Финляндія не Россія».

Существуетъ особый «начальникъ финскихъ войскъ» и при немъ штабъ, но, благодареніе Богу, нѣтъ особаго финляндскаго военнаго министра: «Россія и Финляндія имѣютъ одного только *русскаго* Военнаго министра» и, можетъ-быть благодаря этому, «армія финская руководствуется русскимъ воинскимъ уставомъ, переведеннымъ на финскій языкъ», хотя обученіе новобранца ведется *по-фински* или *по-шведски*; сохраняются только «русскія командныя слова», которыхъ финляндскій новобранецъ не понимаетъ, и которыя, какъ замѣчаетъ г. Л—нъ, «кстати сказать, въ устахъ финскихъ унтеръ-офицеровъ принимаютъ совершенно неузнаваемый для русскаго уха характеръ».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *Новое Время* неосторожно назвало финскіе стрѣлковые баталіоны—«финскими баталіонами русскаго войска». Это вызвало тогда «оживленный и единодушный» протестъ финской печати, «протестовавшей съ пѣной у рта» и доказывавшей что «никакихъ такихъ финскихъ баталіоновъ русскаго войска нѣтъ, а есть одна только финская армія», обязанная «защищать престолъ и отечество» только «въ предѣлахъ края», то-есть одну только Финляндію.

Это—*финская армія*, «ничего общаго съ русскимъ войскомъ не имѣющая», утверждали тогда Финляндцы, и они, если угодно, по-своему были правы. Въ ихъ глазахъ, финскіе

баталіоны имѣли и имѣютъ не больше сходства съ русскими, какъ и баталіоны бухарскіе или хивинскіе, тоже обучаемые по русскому уставу, конечно переводному, и тоже съ сохраненіемъ русскихъ командныхъ словъ, обязательно коверкаемыхъ, какъ и въ Финляндіи, до неузнаваемости.

Дисциплина у бухарскихъ и хивинскихъ войскъ, внутренняя ихъ жизнь, не менѣе отличны отъ жизни и дисциплины войскъ русскихъ, какъ и у господъ Финляндцевъ.

«Съ внутреннею стороной жизни и характеромъ финской арміи», говоритъ г. Л—нъ, «мало кто знакомъ въ Россіи», хотя ея офицерами состоятъ люди «болѣе или менѣе долго прослужившіе въ русскомъ строю». Они по закону «прирожденные Финляндцы» и, естественно, не могутъ сообщать во всеуслышаніе о тѣхъ явленіяхъ съ которыми имъ приходится сталкиваться «дома». Поступая послѣ русской службы въ финскіе баталіоны, они, однако, «сразу наталкиваются на условія и обстоятельства совершенно особыя и совершенно чуждыя русскимъ понятіямъ о воинской дисциплинѣ». Съ этими условіями офицеры эти бороться не въ силахъ; ихъ сейчасъ же сотрутъ самихъ, чему и бывали примѣры, несмотря на то что финская армія съ ея собственнымъ начальникомъ подчинена непосредственно русскому командующему войсками *русскаго* военнаго округа, именуемаго Финляндскимъ.

Дисциплина, не говоримъ строгая, но сколько-нибудь серіозная, не можетъ привиться къ финскимъ войскамъ, какъ говоритъ г. Л—нъ, уже потому что—

въ Финляндіи каждый считаетъ себя въ правѣ контролировать отношенія офицеровъ къ солдатамъ, и каждая газета считаетъ еще до послѣдняго времени своею обязанностью вмѣшиваться въ воинскія распоряженія, критиковать ихъ, осуждать командировъ и пр. По поводу какого-нибудь дисциплинарнаго взысканія наложеннаго ротнымъ командиромъ на солдата, въ мѣстной, а затѣмъ и въ гельсингфорсскихъ газетахъ появлялись упреки и обвиненія въ томъ что офицеръ дѣйствуетъ де слишкомъ *„по-русски“*, назиданія что *„Финляндія не Россія“*, и пр. и пр. Въ самый день появленія подобныхъ „назидательныхъ“ замѣтокъ, газеты получались въ солдатскихъ читальняхъ, устроенныхъ при каждомъ баталіонѣ, и солдаты захлебывались чтеніемъ нападокъ на своихъ офицеровъ, поучаясь въ то же время тому что *„Финляндія не Россія“* и прочимъ принципамъ финляндскаго „патріотизма“.

Въ *русской* арміи все что солдатъ читаетъ—подлежитъ строгому и непосредственному контролю его ближайшаго начальства. Каждый печатный листокъ, всякая книжка даже казенной ротной библіотеки должна непремѣнно имѣть на заглавномъ листкѣ подпись ротнаго командира, который, однако, не имѣетъ права собственною властью разрѣшать къ чтенію ту или другую книгу: существуетъ офиціальный каталогъ такихъ книгъ, и дополнять его разрѣшается только высшему военному начальству. Въ Финляндіи дѣлается иначе, и въ солдатскихъ читальняхъ чьею-то заботливою рукой раскидываются изданія, чтеніе которыхъ несовмѣстно со здравыми понятіями о долгѣ и дисциплинѣ. Развѣ командиры финскихъ баталіоновъ и ихъ старшіе офицеры этого не знаютъ? Или они вынуждены молчать, уступая террору мѣстнаго сепаратистскаго бреда, имѣющаго своихъ адептовъ даже и среди господъ финскихъ сенаторовъ?

У офицеровъ, говоритъ г. Л—нъ, «руки опускаются», но финскій воинъ «мотаетъ себѣ на усъ эти распорядки» и умѣетъ ими пользоваться, разчитывая на заступничество

мѣстныхъ газетъ и адвокатовъ. Вотъ и обращики какъ пользуются этими распорядками Финны, «народъ грубый, упрямый, никакихъ начальствъ не признающій»:

Въ Выборгскій баталіонъ ротнымъ командиромъ поступилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Ф., Финляндецъ, бывшій до того офицеромъ одного изъ русскихъ гвардейскихъ полковъ и пожелавшій и въ новую свою роту внести *настоящую* дисциплину и *настоящіе* воинскіе порядки. Онъ, напримѣръ, серіозно и строго сталъ обучать своихъ солдатъ стрѣльбѣ, онъ вставалъ рано утромъ и дѣлалъ тревогу въ помѣщеніи своей роты—и знаете ли что вышло результатомъ этой служебной энергіи? *Сорокъ человѣкъ* изъ его роты *дезертировало*, а когда пошелъ судъ да дѣло—мѣстный адвокатъ забросалъ въ своей рѣчи грязью энергичнаго офицера, и, въ концѣ концовъ, этотъ же офицеръ высидѣлъ положенный ему срокъ на гауптвахтѣ...

Кѣмъ же былъ посаженъ подъ арестъ этотъ офицеръ? Онъ, вѣдь, не судился; судъ не могъ на него наложить взысканія; выходитъ что и начальство въ «финской арміи» увлеклось краснорѣчіемъ мѣстнаго адвоката, повѣрило «грязи» которою онъ бросалъ въ достойнаго и энергичнаго офицера! Въ Россіи такъ не дѣлается; но не даромъ же и не на вѣтеръ мѣстныя газеты постоянно твердятъ что «Финляндія не Россія»!

Прочитали и за кружками пива обсудили въ солдатскихъ читальняхъ этотъ случай; поняли что за серіозность и строгость любаго ротнаго командира легко упечь на гауптвахту, легко заставить «оставить въ покоѣ» лѣнтяя или грубіяна. Что это такъ, иллюстрируетъ слѣдующее разказываемое тѣмъ же г. Л—нымъ приключеніе, бывшее «вскорѣ послѣ этой исторіи» Выборгскаго баталіона:

Въ Тавастгусѣ, если не ошибаемся, ротный командиръ С., обучая свою роту, замѣтилъ что унтеръ-офицеръ „затягиваетъ шагъ“. Онъ сдѣлалъ ему замѣчаніе, другое, третье, но безуспѣшно. Тогда онъ велѣлъ ему идти въ карцеръ...

— Что жъ? Пойти-то я пойду, пробурчалъ унтеръ-офицеръ,—но изъ этого выйдетъ *другая выборгская исторія*.

Если такъ дѣлается въ финскихъ дѣйствующихъ баталіонахъ, то можно себѣ представить что творится въ учебныхъ сборахъ резервистовъ, какія тамъ развиваются и укрѣпляются дисциплинарныя понятія... Понятно становится и то почему «среди финскихъ патріотовъ» явились недоволство и досада въ то время когда нѣкоторые изъ финскихъ баталіоновъ по-очереди стали вызываться для участія въ Красносельскій лагерный сборъ. Въ Красномъ Селѣ нѣтъ финскихъ «патріотствующихъ» газетъ, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ потворствъ и поблажекъ, столь пѣнимыхъ мѣстною финляндскою интеллигенціей.

Не будемъ преувеличивать; съ формальной стороны финскіе баталіоны обучены удовлетворительно; имѣются даже свѣдѣнія что финскіе солдаты стрѣляютъ недурно и «выбиваютъ» оцѣнку «выше хорошей»; но тотъ ли въ нихъ духъ, то ли воспитаніе, то ли понятіе о долгѣ которые должны быть въ *русскомъ войскѣ*, къ коему принадлежатъ эти баталіоны въ порядкѣ высшаго управленія? И дальше, если хоть отчасти справедливо все разказанное г. Л—нымъ, то не опасную ли игрушку вертитъ въ своихъ рукахъ «финляндское самолюбіе»? Съ другой стороны, обличатъ всѣ эти порядки значитъ ли «стрѣлять по воробьямъ изъ пушекъ»?

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

5.

Финляндскіе толки о Петербургскихъ коммиссіяхъ.*

Послѣ извѣстнаго читателямъ сообщенія финляндской офиціальной газеты (*Finlands Allmänna Tidning*) о назначеніи, по Высочайшему повелѣнію, трехъ смѣшанныхъ коммиссій, подъ предсѣдательствомъ финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена **, въ финляндскихъ газетахъ до конца прошлой недѣли не было почти никакихъ извѣстій о дѣятельности этихъ коммиссій. Только относительно почтовой коммиссіи появилось извѣстіе что между русскими и финляндскими членами ея обнаружилось „принципіальное разногласіе“ (безъ указанія въ чемъ именно). ***

Теперь, въ послѣднихъ нумерахъ финляндскихъ газетъ, находимъ два противорѣчивыя извѣстія: Финская газета *Savo-Karjala* сообщила что коммиссіи уже окончили свои занятія и предложили: оставить пока финляндскую монету въ нынѣшнемъ ея положеніи, почту и телеграфъ въ Финляндіи „превратить въ русскія учрежденія“, а таможенную границу между Россіей и Финляндіей совсѣмъ упразднить.

Гельсингфорсская финская газета *Uusi Suometar* въ № 49 (отъ 28 февраля новаго стиля), опровергаетъ это извѣстіе, заявляя со своей стороны что „монетная и таможенная коммиссіи только еще начали свои занятія и имѣли всего два-три подготовительныя засѣданія, а потому у нихъ и не могло еще явиться никакихъ проектовъ. Что же касается почтовой коммиссіи, то она собиралась уже много разъ, но никакого общаго проекта, какъ слышно, не выработала и, можетъ-быть, будетъ еще имѣть засѣданія.“

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 53, отъ 23 февраля.

** См. выше, стр. 157—162.

*** См. выше статью „Финляндскій отпоръ почтовому объединенію“, стр. 163—165.

6.

Въ чемъ укоряютъ себя Финляндцы?

Въ датской копенгагенской газетѣ *Politiken* появилась, по словамъ финляндскихъ газетъ, корреспонденція изъ Петербурга, въ которой, между прочимъ, говорится:

„Начало ассимилированію Финляндіи положено учрежденіемъ трехъ особыхъ коммиссій, которыя должны выработать проекты для практическаго введенія въ Финляндіи русскихъ почтъ, таможенъ и монетной системы. И ни малѣйшей пользы не будетъ отъ того что Финляндцы станутъ протестовать: руссификація все-таки будетъ проведена, несмотря ни на что."

Корреспондентъ (который, по заявленію гельсингфорсской газеты *Hufvudstadsbladet*, состоитъ также и ея корреспондентомъ), г. А. Люткенъ, сообщаетъ далѣе что въ высшихъ сферахъ есть не мало лицъ вооруженныхъ де противъ Финляндіи и занимаемаго ею положенія:

„Нельзя отрицать",—говоритъ онъ,—„что Финляндцы въ разныхъ случаяхъ вели себя неполитично и тѣмъ дали своимъ многочисленнымъ и вліятельнымъ противникамъ оружіе въ руки.

„Такъ, напримѣръ, однажды въ одной финляндской аптекѣ отказались отпустить лѣкарство по рецепту знаменитаго русскаго врача Боткина, съ объясненіемъ что финляндскія аптеки принимаютъ во вниманіе только финляндскихъ врачей.

„Другой разъ одна финляндская почтовая контора отказалась принять письмо снабженное русскою почтовою маркой. Къ несчастію, отправителемъ оказался принцъ Ольденбургскій. Затѣмъ, безчисленное число разъ отказывались въ Финляндіи принимать въ уплату русскія деньги даже по значительно болѣе низкому курсу чѣмъ официально объявленный въ Гельсингфорсѣ биржевой курсъ.

„Во всѣхъ этихъ случаяхъ, и во многихъ подобныхъ, Финляндцы поступали такъ имѣя на то полное право (?!), но они обнаружили вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ вѣжливости и предупредительности, и нельзя не упрекнуть высшія финляндскія власти за то что онѣ, пока еще было время, не поняли деликатности положенія и особыми инструкціями не предупредили такихъ маленькихъ непріятностей.

„Теперь это уже поздно. Теперь стали касаться государственно-правоваго положенія Финляндіи по отношенію къ Россіи,—и это только вопросъ времени, когда руссификація будетъ проведена и *великое княжество* Финляндское превратится просто въ финляндское генералъ-губернаторство."

ПЕТЕРБУРГСКІЯ КОММИССІИ

И

ФИНЛЯНДСКАЯ ЛОЙЯЛЬНОСТЬ.

(Передовая статья № 53 *Московскихъ Вѣдомостей*, 1890 года.)

Москва, 22 февраля.

Мѣсяцъ тому назадъ, привѣтствуя назначеніе въ Петербургѣ, по Высочайшему повелѣнію, трехъ коммиссій * по предмету предустановленнаго объединенія провинціальныхъ финляндскихъ таможенныхъ, монетныхъ и почтовыхъ учрежденій съ соотвѣтственными общегосударственными русскими учрежденіями,—мы замѣтили, вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылаясь на уроки вѣковаго опыта, что нельзя не предвидѣть трудной борьбы которую должно выдержать предпринятое русское дѣло и въ коммиссіяхъ, и при дальнѣйшемъ своемъ ходѣ.

Какими путями и средствами дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать направленная противъ предпринятаго дѣла финляндская интрига, какіе барьеры и подводные камни воздвигала и воздвигнетъ она на пути къ его совершенію, — это выяснится вполнѣ лишь со временемъ, но борьба съ этою интригой есть дѣло неизбѣжное, и можно лишь желать чтобы не было допущено никакихъ компромиссовъ съ нею, ибо такими компромиссами все дѣло можетъ быть искалѣчено до непригодности. Не разъ финляндскій сепаратизмъ торжествовалъ, а русское дѣло въ Финляндіи страдало, вслѣдствіе того что его защитники пассовали предъ финляндскими интригами: руководители этихъ интригъ не теряютъ надежды что то же самое повторится и нынѣ. Какъ въ былыя времена, такъ и теперь они всячески стараются импонировать русскимъ дѣятелямъ и своею якобы авторитетною компетентностью во всемъ относящемся до

* См. выше, стр. 157—162.

Финляндіи, и раздуваніемъ значенія разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ финляндскихъ правъ и условій, и муссированными выраженіями финляндскаго «общественнаго мнѣнія».

Не разъ уже приводилось намъ знакомить читателей съ тѣмъ какъ высказывается нынѣ финляндское «общественное мнѣніе» въ мѣстной печати. Но, особенно въ виду вышесказаннаго, не безынтересно повторять отъ времени до времени экскурсіи въ эту мало извѣстную у насъ область.

Вся финляндская печать сплотилась въ одинъ оппозиціонный лагерь, вся она, и на шведскомъ, и на финскомъ языкѣ, одинаково проповѣдуетъ противодѣйствіе возвѣщеннымъ Высочайшею Властію реформамъ. Кѣмъ вдохновляется эта печать, по чьему именно камертону разыгрываетъ она свои оппозиціонныя варіаціи на одну и ту же сепаратистскую тему, — этого, конечно, знать нельзя; но намъ не разъ уже приходилось отмѣчать знаменательное совпаденіе мнѣній высказываемыхъ въ финляндской печати съ мнѣніями большинства финляндскихъ сенаторовъ вообще, и финляндскихъ сенаторовъ засѣдающихъ въ петербургскихъ коммиссіяхъ, въ частности. Мы имѣли случай поставить это на видъ нашимъ читателямъ и въ статьѣ «Финляндскій отпоръ почтовому объединенію», * и въ нашей статьѣ «Финляндская оппозиція въ таможенномъ вопросѣ». **

Неизвѣстно которая изъ этихъ двухъ единомышленныхъ сторонъ, сенаторская или публицистская, служитъ другой суфлеромъ, но несомнѣнно что въ этомъ достойномъ вниманія единомысліи обѣ стороны почерпаютъ сугубыя, хотя и дутыя, силы, сугубую, хотя и мнимую, авторитетность. Финляндская печать пускаетъ своей публикѣ пыль въ глаза своимъ знаніемъ и пониманіемъ государственныхъ дѣлъ, не уступающимъ знанію и пониманію ихъ самими «отцами отечества». Съ другой стороны, единодушная поддержка печати придаетъ мнѣніямъ заявляемымъ финляндскими сенаторами въ петербургскихъ коммиссіяхъ значеніе и вѣсъ не единоличныхъ только мнѣній, а мнѣній якобы всего Финляндскаго народа,—мнѣній, коими сенаторы якобы не могутъ ни на іоту поступиться, подъ страхомъ навлечь на себя народную ненависть, мнѣній, которыя должны де усвоить и принять себѣ въ руководство и русскіе члены коммиссій, во избѣжаніе могущей возникнуть опасности...

Да: «опасности»,—и еще какой? Того и жди что, — если коммиссіи не поведутъ дѣла по финской указкѣ, — весь Финскій народъ будетъ стоять противъ насъ какъ одинъ человѣкъ...

Это не какое либо измышленіе, не красное словцо: это буквальное воспроизведеніе того что проповѣдуется въ финской печати. Такъ далеко зашла и зарвалась въ Финляндіи агитація противъ возвѣщенныхъ Верховною Властію реформъ!

Дабы дать публикѣ наглядный обращикъ того какимъ языкомъ говоритъ финская печать объ этихъ реформахъ, воспроизведемъ цѣликомъ изъ гельсингфорсской финской газеты *Päivälehti* (*Ежедневный Листокъ*), отъ 24 февраля (новаго стиля), передовую статью подъ заглавіемъ *Вопросъ дня*, которая является одновременно, такъ сказать, и прокламаціей обращенною къ народу, и ободрительнымъ словомъ обращеннымъ къ финляндскимъ сенаторамъ, и предостереженіемъ по адресу русскихъ властей.

Вотъ эта статья:

---

* См. выше, стр. 163—165.

** См. выше, стр. 166—170.

„Въ чемъ состоитъ теперь жгучій вопросъ дня? Нѣтъ надобности спрашивать объ этомъ. Всякій его знаетъ, чувствуетъ, онъ носится въ воздухѣ, онъ встрѣчаетъ насъ повсюду. Весь народъ, отъ самаго знатнаго человѣка до самаго послѣдняго, знаетъ его, съ безпокойствомъ слѣдитъ за его развитіемъ, ждетъ съ заботой его окончанія.

„Нѣтъ ни одной хижины въ нашей странѣ куда бы не проникло извѣстіе о той *опасности какая теперь угрожаетъ важнымъ для нашей страны учрежденіямъ*. Нѣтъ ни мущины, ни женщины, кто не относился бы съ живѣйшимъ участіемъ къ ходу этихъ дѣлъ, кто не сознавалъ бы себя членомъ *народа, судьбу котораго опредѣлитъ* рѣшеніе ихъ.

„Нѣкоторыя русскія газеты утверждали и пытались увѣрить своихъ читателей что народъ нашъ совсѣмъ не единодушенъ относительно своего положенія, и что здѣсь существуетъ большое неудовольствіе и вражда между народомъ и высшими классами населенія. Такія рѣчи, какъ и многія другія статьи этихъ газетъ, доказываютъ только полное незнакомство авторовъ съ нашею жизнью.

„Въ какую бы мѣстность нашей страны вы ни отправились теперь, какой бы слой народа вы ни наблюдали, вездѣ, даже тамъ гдѣ трудно было и ожидать этого, можно встрѣтить то же чувство общности, то же горячее участіе къ *судьбѣ отечества*. Кому изъ гельсингфорсскихъ жителей приходилось въ нынѣшнее время путешествовать въ сельскихъ мѣстностяхъ, тотъ навѣрное испыталъ это. Въ какой бы домъ или избушку вы ни заѣхали, первый вопросъ обывателей касается нынѣшнихъ отношеній Финляндіи къ Россіи, съ озабоченнымъ видомъ собирается около васъ все населеніе дома, молодое и старое, послушать что вы разкажете объ этихъ дѣлахъ. Не для всѣхъ вопросы достаточно ясны, у другихъ можетъ-быть и ошибочное о нихъ понятіе, но *для всѣхъ обще чувство угрожающей отечеству опасности и горячее желаніе устранить ее*.

„Недостатки есть, въ нашемъ быту много такого что настойчиво требуетъ исправленія, съ этимъ нужно согласиться, но ни въ какомъ случаѣ наши внутренніе раздоры не раздѣлятъ насъ, когда *вопросъ поставленъ о положеніи отечества, когда находятся въ опасности его драгоцѣннѣйшія права. Какъ одинъ человѣкъ будетъ стоять тогда весь народъ*.

„Тѣ *финскіе люди, которымъ суждено* ближе всего *вліять на рѣшеніе дѣлъ, могутъ быть*, поэтому, *увѣрены* въ томъ *что они*, защищая права своего отечества, *дѣйствуютъ при поддержкѣ всего народа*, что отъ ихъ собственнаго поведенія зависитъ, будетъ ли этотъ народъ хранить о нихъ благодарное воспоминаніе, или же будетъ вспоминать съ горечью объ ихъ дѣйствіяхъ.“

Вотъ какъ встрѣчено «общественнымъ мнѣніемъ» вѣрнопреданныхъ, лойяльныхъ Финляндцевъ одно учрежденіе въ Петербургѣ трехъ коммиссій по русско-финскимъ дѣламъ! Вотъ какія бури разыгрываются въ финскихъ лужахъ! Вотъ какова поддержка на которую могутъ опираться финляндскіе члены назначенныхъ коммиссій!

Еще петербургскими коммиссіями ровно ничего не сдѣлано, ни худаго, ни добраго; еще ровно ничего не извѣстно о томъ какіе именно почтовые, монетные и таможенные порядки будутъ ими проектированы для Финляндіи; еще нѣтъ никакихъ основаній предполагать что эти порядки будутъ не лучше, а хуже

существующихъ тамъ нынѣ,—а уже вся де Финляндія взволнована сверху до низу, отъ дворца до послѣдней хижины! И мущины и *женщины* (можетъ быть и грудныя дѣти?), и знать и простолюдины, и люди не имѣющіе никакого понятія о таможенныхъ, почтовыхъ и монетныхъ распорядкахъ, и люди «въ нынѣшнее время путешествующіе въ сельскихъ мѣстностяхъ» и разъясняющіе темному сельскому люду ужасное значеніе надвигающагося де варварскаго нашествія Россіи на означенные распорядки,—всѣ де поголовно сознаютъ что спеціальный вопросъ объ этихъ распорядкахъ есть роковой вопросъ о судьбѣ самого Финляндскаго народа, всѣ поголовно проникнуты «общимъ чувствомъ угрожающей отечеству опасности и горячимъ желаніемъ устранить ее»!

И такъ де сильно это общее чувство, такъ горячо де это общее желаніе, что весь Финляндскій народъ (со включеніемъ, или безъ включенія финской арміи и ея резервовъ?) готовъ стоять какъ одинъ человѣкъ въ виду опасности которой подвергаются де его драгоцѣннѣйшія права, въ виду поставленнаго вопроса о «положеніи отечества»...

Прекрасно. Но противъ Кого же это, однако, по увѣренію *подцензурной* финской газеты, готовъ стать поголовно Финскій народъ какъ одинъ человѣкъ? Кѣмъ это повергнуто въ «опасность» финляндское «отечество» съ его драгоцѣннѣйшими правами? По Чьей волѣ назначены Петербургскія коммиссіи, по поводу которыхъ финская печать пускаетъ въ ходъ свои дерзостныя, при всемъ ихъ шутовствѣ, родомонтады?

Вотъ она какова хваленая финская лойяльность по отношенію къ Государю и Его волѣ! Вотъ они каковы плоды восьмидесятилѣтнихъ поблажекъ финской автономіи!

ФИНЛЯНДСКІЕ „ГЕРОИ“ ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ И ИХЪ „ПОДВИГИ“.

1.

Робертъ-Генрикъ Ребиндеръ. *

Въ той борьбѣ, какая ведется теперь въ Финляндіи тайно и явно, устно и печатно, противъ Высочайше предначертаннаго объединенія нѣкоторыхъ финляндскихъ учрежденій съ обще-русскими, финляндская печать пользуется, между прочимъ, и воспоминаніями о прежнихъ финляндскихъ „подвигахъ“ въ такомъ же родѣ, и о прежнихъ „герояхъ“, упорно противившихся всякому сближенію съ Россіей. Гельсингфорсская газета *Nya Pressen*, въ № 47 (отъ 18 февраля), напечатала передовую статью подъ заглавіемъ „Финляндскій государственный человѣкъ“. Въ назиданіе нынѣшнимъ финляндскимъ дѣятелямъ, авторъ статьи сообщаетъ о дѣятельности и характерѣ перваго финляндскаго министра - статсъ - секретаря Ребиндера.

„Для страны находящейся въ такомъ положеніи какъ наша“, — начинаетъ онъ,—„величайшее счастье безспорно составляетъ имѣть своими представителями предъ тропомъ такихъ людей которые въ своей любви къ отечеству почерпаютъ мужество для поддержанія этого положенія, которое, сколь законно (?) оно ни утверждено, постоянно даетъ, однакоже, поводъ къ новымъ нападкамъ. Финляндія пользовалась этимъ счастьемъ, хотя, навѣрно, никогда въ бо́льшей мѣрѣ чѣмъ въ первыя десятилѣтія послѣ 1809 года, когда ея нынѣшній гражданскій порядокъ былъ организованъ и получилъ частію новыя формы. То былъ Робертъ-Генрикъ Ребиндеръ, первый финляндскій министръ-статсъ-секретарь, который въ то время съ изумительною политическою проницательностью, мужествомъ и любовью къ отечеству при всѣхъ затрудненіяхъ руководилъ судьбами страны въ новыхъ условіяхъ наступившихъ по отдѣленіи ея отъ Швеціи. Существующія условія побуждаютъ насъ часто обращаться къ прошлому времени и изъ него брать

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 67.

образцы для нашего образа дѣйствій. Такимъ образцомъ для людей нынѣ состоящихъ представителями Финляндіи долженъ быть прежде всего именно Ребиндеръ, понятія котораго объ обязанностяхъ финляндскаго министра-статсъ-секретаря по отношенію къ своей странѣ утвердили за нимъ видное мѣсто въ нашей исторіи.“

Въ чемъ же заключались „политическая проницательность“ и другія похвальныя качества которыми отличался Ребиндеръ, и которыя рекомендуются нынѣшнимъ финляндскимъ дѣятелямъ? Оказывается, прежде всего, что онъ умѣлъ „въ русской столицѣ бороться съ затрудненіями и обнаруживать спокойную твердость противъ невыгодныхъ для Финляндіи и ея новаго положенія взглядовъ“.

Такую „твердость“ ему пришлось де проявить, напримѣръ, противъ настоящій государственнаго канцлера, графа Румянцева. Румянцевъ, какъ извѣстно, былъ противъ обособленія Финляндіи и прямо высказывалъ Ребиндеру (по собственному разказу послѣдняго въ мемуарахъ, изъ которыхъ *Nya Pressen* приводитъ извлеченія): величайшее счастье Финляндцевъ заключается въ томъ „чтобы совсѣмъ обрусѣть и отказаться отъ вашихъ такъ-называемыхъ конституціонныхъ правъ“.

Авторъ статьи въ *Nya Pressen*, вмѣстѣ съ біографомъ Ребиндера, Кастреномъ, восхваляетъ его далѣе за то что онъ, находясь „внѣ границъ отечества“, „не довольствовался тѣмъ чтобъ изъ своего изолированнаго положенія въ русской столицѣ судить о финляндскихъ дѣлахъ по петербургскому горизонту, но поддерживалъ частыя и интимныя сношенія съ руководящими людьми въ своей собственной странѣ“ (сговаривался, значитъ, какъ удобнѣе проводить свою финляндскую политику въ „русской столицѣ“).

Но особенное „геройство“ проявилъ Ребиндеръ, какъ оказывается, въ 1825 году, при поднесеніи императору Николаю Павловичу для подписанія манифеста объ утвержденіи финляндскихъ законовъ и привилегій. Финляндскій историкъ Кастренъ, изъ книги котораго *Очерки новѣйшей исторіи Финляндіи* газета *Nya Pressen* приводитъ извлеченіе, говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„Разказываютъ что съ этимъ случаемъ (то-есть съ подписаніемъ, манифеста) связанъ былъ торжественный моментъ въ жизни Ребиндера, и что онъ тогда, положивъ руку на бумагу, гдѣ перо новаго монарха уже готово было внести измѣненія и условія, произнесъ гордыя слова: „„Sire, tout ou rien!““ (Государь, все или ничего!)

Ни *Nya Pressen*, ни Кастренъ не указываютъ на чемъ основанъ этотъ разказъ, сильно смахивающій на „героическую“ легенду. „Разказываютъ“ такъ, конечно, только Финляндцы же о своемъ „героѣ“, и въ достовѣрности ихъ преданія позволительно усомниться. Мало вѣроятно чтобы на императора Николая Павловича можно было подѣйствовать какими бы то ни было „гордыми“ словами. Скорѣе можно предположить что Ребиндеръ пустилъ въ ходъ обычныя въ такихъ случаяхъ у Финляндцевъ увѣренія въ необыкновенной преданности и особенной лойяльности, которая не допуститъ де злоупотребленія общею и неопредѣленною формой акта. Но послѣдствія показали что Финляндцы всегда склонны злоупотреблять нѣкоторою неопредѣленностью этихъ жалованныхъ грамотъ, подписывавшихся Русскими Государями при вступленіи на престолъ, и выводить изъ нихъ самыя произвольныя заключенія. Нынѣшнія разсужденія финляндской печати по поводу извѣстныхъ трехъ коммиссій въ особенности отличаются этимъ, и можно только пожалѣть что императоръ Николай Павловичъ повѣрилъ Ребиндеру и финляндской лойяльности и скромности и не исполнилъ своего первоначальнаго намѣренія.

ФИНЛЯНДСКІЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

КЕЛЕЙНОСТЬ И ТАИНСТВЕННОСТЬ

ФИНЛЯНДСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

(Передовая статья № 59 *Московскихъ Вѣдомостей* 1889 года.)

Москва, 28 февраля.

Главною, отличительною чертой политики Финляндцевъ при ихъ многочисленныхъ захватахъ, въ ущербъ Россіи и русскимъ интересамъ, для созиданія «Финляндскаго государства» всегда было — дѣйствовать исподтишка, иногда прямо путемъ интриги, чтобъ избѣгнуть контроля со стороны высшихъ русскихъ государственныхъ лицъ и учрежденій. * Такимъ именно образомъ явился, какъ это уже и было указано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, Сеймовый Уставъ 1869 года. ** Такъ явилось, не далѣе какъ въ прошломъ 1889 году, новое *Уголовное Уложеніе* для Финляндіи: оно теперь уже офиціально обнародовано въ Финляндіи и должно вступить въ силу съ начала будущаго 1891 года ***. Изъ статьи о немъ въ финляндскомъ журналѣ *Finsk Tidskrift* (январьская книжка за текущій 1890 годъ) узнаемъ что до представленія на Высочайшее утвержденіе Финляндцы посылали это «Уложеніе» въ Упсалу, на разсмотрѣніе одного шведскаго профессора-юриста: въ Русское же Министерство Юстиціи его, какъ и слѣдовало ожидать, «забыли» послать.

Такимъ же точно образомъ намѣрены поступить Финляндцы, какъ по всему видно, и при изданіи того кодекса основныхъ финляндскихъ законовъ о которомъ не разъ упоминалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. * Составленный комитетомъ изъ Финляндцевъ проектъ этого кодекса напечатанъ въ Гельсингфорсѣ на *шведскомъ* языкѣ въ 1887 году. Гельсингфорсская газета *Nya Pressen* тогда же стала было его перепечатывать, но, по распоряженію мѣстныхъ властей, печатаніе было прекращено,

* См. выше, стр. 43—47, 95—96, 136—139.

** См. выше, стр. 71 и 137—139.

*** Ниже читатели найдутъ рядъ статей посвященныхъ этому удивительному *Уголовному Уложенію*.

* См. выше, стр. 57, 58, 93 и 108.

очевидно, въ тѣхъ видахъ чтобы проектъ «преждевременно» не дошелъ до свѣдѣнія людей въ Россіи интересующихся финляндскими дѣлами. Сами Финляндцы не удержались, однако, отъ соблазна приводить его публично въ качествѣ офиціальнаго подтвержденія основательности своихъ разсужденій о Финляндіи какъ отдѣльномъ отъ Россіи государствѣ.

Въ книжкѣ Эдв. Берга: *Государственно-правовое развитіе Финляндіи съ 1808 года*, изданной на шведскомъ языкѣ въ Гельсингфорсѣ въ началѣ 1889 года и предназначенной, какъ видно изъ предисловія, для пропаганды сепаратистскихъ идей среди учащейся молодежи, встрѣчаются ссылки на этотъ проектъ при толкованіи шведской конституціи 1772 года и приноравливаніи ея къ Финляндіи.

Газета *Nya Pressen* недавно, въ № 21 (отъ 23 января), полемизируя съ *Новымъ Временемъ*, привела § 1 этого проекта, въ которомъ говорится что «престолъ Великаго Княжества Финляндскаго соединенъ съ престоломъ Россійской Имперіи. Посему Императоръ Россійскій есть также Великій Князь Финляндскій». Этою ссылкой она хотѣла доказать что въ Финляндіи официально де признается «реальная унія» Финляндскаго государства съ Русскимъ.

Предсѣдателемъ комитета, составлявшаго проектъ, какъ видно изъ той же статьи *Nya Pressen*, былъ нынѣшній прокуроръ Финляндскаго Сената А. фонъ Вейсенбергъ. *

Неужели и на этотъ разъ Финляндцамъ удастся провести свой проектъ безъ русскаго контроля? Судя по тѣмъ отрывкамъ изъ него, какія мы могли сообщить, онъ поважнѣе даже пресловутаго Сеймоваго Устава и имѣетъ цѣлью закрѣпить въ формѣ положительнаго закона все то что Финляндцы проповѣдуютъ, основываясь пока еще только на своеобразно толкуемой и никогда въ такомъ видѣ не утверждавшейся для Финляндіи шведской конституціи 1772 года.

Въ интересахъ русскаго дѣла было бы необходимо подвергнуть финляндскій проектъ разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ.

---

* Для нѣкотораго ознакомленія съ политическими взглядами этого крупнаго финляндскаго сановника и дѣятеля могутъ служить его „Письмо къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей*“ (см. выше, стр. 140—143) и „Отвѣтъ прокурору Финляндскаго Сената“ (см. выше, стр. 125—139).

ФИНЛЯНДЦЫ

на

МОСКОВСКОМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ СЪѢЗДѢ.

1.

Финляндскій протестъ противъ барона Ѳ. А. Бюлера.

(Передовая статья № 66 *Московскихъ Вѣдомостей*, 1890 года).

Москва, 7 марта.

Ниже, въ статьѣ «Финляндскія симпатіи и антипатіи», мы воспроизводимъ выдержки изъ двухъ финляндскихъ газетъ, какъ характеристическіе обращики, съ одной стороны, тѣхъ путей и пріемовъ какими пріобыкла дѣйствовать финляндская интрига, съ другой — тѣхъ сплетень какими дерзаетъ она, въ своихъ видахъ, пятнать и чернить высокоуважаемыя имена.

Полагаемъ что одно оглашеніе въ русской печати этихъ сплетень послужитъ достаточнымъ ихъ опроверженіемъ. Какъ повѣрить чтобы предсѣдательница Московскаго Археологическаго Общества, графиня П. С. Уварова, могла стоять къ финляндскимъ претензіямъ въ томъ отношеніи которое ей печатно приписывается? Какъ можно повѣрить чтобы графиня Уварова могла, въ разговорахъ съ Финляндцами, кичиться «вліятельностью» своего слова въ Петербургѣ и своими «частыми аудіенціями у Ихъ Величествъ», чтобъ она могла обнадеживать этихъ Финляндцевъ обѣщаніемъ своей защиты «какъ предъ министрами, такъ и предъ самимъ Императоромъ»?!

Лживость подобныхъ печатно распространяемыхъ навѣтовъ на графиню Уварову для насъ несомнѣнна. Но такіе печатно-распространяемые навѣты не могутъ и не должны быть оставляемы безъ серіознаго протеста и изобличенія, такого изобличенія которое никому не оставляло бы возможности сказать что «дыма безъ огня не бываетъ». Надѣемся что къ нашему слабому слову, которое не для всѣхъ можетъ быть убѣдительно и инымъ можетъ показаться голословнымъ, не замедлятъ присоединить свои вѣскіе голоса какъ сама графиня Уварова, такъ и

другія лица и учрежденія, полагаемъ, безъ малѣйшаго основанія оболганныя корреспондентами *Hufvudstadsbladet* и *Finland*.

Приведенныя изъ этихъ газетъ выдержки даютъ обращики *печатной* лжи, *печатныхъ* сплетенъ: какова же та ложь, каковы тѣ сплетни которыя пускаются въ ходъ финляндскою интригой въ разныхъ пріемныхъ, гостиныхъ и кабинетахъ не печатнымъ путемъ, а *келейно-конфиденціальнымъ*?

Интересно и то чѣмъ вызванъ весь этотъ наступательный походъ противъ барона Бюлера,—походъ, въ которомъ Финляндцы ставятъ графиню Уварову въ передовую линію своего авангарда. Вотъ то, достойное каждаго истинно-русскаго сановника мѣсто рѣчи барона Бюлера, которое ему инкриминируется:

„Только что изданное изслѣдованіе К. Ф. Ордина, наполненное ссылками на Московскій Главный Архивъ, доказываетъ какъ много онъ нашелъ въ немъ данныхъ относительно существеннаго факта *покоренія* Финляндіи, и сколько, на этомъ основаніи, онъ могъ привести достовѣрныхъ доводовъ противу сепаратистовъ, которые должны бы были считать за великое счастіе принадлежать въ могущественной и обширной Имперіи.“

И вотъ противъ этихъ-то словъ добиваются Финляндцы протеста съ русской стороны, между прочимъ и со стороны графини Уваровой! Противъ чего же, однако, стала бы протестовать графиня? Противъ ли обилія неизданныхъ документовъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ? Или противъ того что нѣкоторыми изъ этихъ документовъ, изобличающихъ финляндскій сепаратизмъ, воспользовался К. Ф. Ординъ въ книгѣ *Покореніе Финляндіи*, — книгѣ, которую Императорская Академія Наукъ удостоила Макаріевской преміи? * Или же, въ угоду Финляндцамъ, графиня Уварова имѣла протестовать противъ той мысли что Финляндцы должны «считать за великое счастіе принадлежать къ могущественной и обширной Имперіи»?

По какому изъ этихъ пунктовъ должна была графиня Уварова возстать противъ барона Бюлера въ защиту Финляндцевъ и воевать противъ него не только въ Москвѣ, но и въ высшихъ сферахъ Петербурга?

Куріозная, но поучительная исторія!

---

* См. выше, стр. 153—156.

2.

Финляндскія симпатіи и антипатіи. *

При закрытіи недавно состоявшагося въ Москвѣ Археологическаго Съѣзда, директоръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, баронъ Бюлеръ, произнесъ рѣчь (напечатанную въ № 26 *Московскихъ Вѣдомостей*), въ которой, говоря о неизданныхъ документахъ Архива, между прочимъ, упомянулъ объ изслѣдованіяхъ К. Ф. Ордина относительно покоренія Финляндіи, и сказалъ что ему удалось найти въ Архивѣ много документальныхъ данныхъ „противъ финляндскихъ сепаратистовъ“, которые должны бы

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 66.

считать за честь для Финляндіи что она входитъ въ составъ столь могущественной и обширной Имперіи.

Эти слова подали Финляндцамъ поводъ поднять цѣлую исторію весьма куріознаго свойства, съ протестами, опроверженіями и просьбами о „защитѣ“ у высокопоставленныхъ лицъ и въ редакціяхъ „дружественныхъ“ Финляндіи газетъ. Нѣкоторыя гельсингфорсскія газеты, помѣстивъ отрывокъ изъ рѣчи, стали бранить барона Бюлера за то что онъ, занимая офиціальное положеніе, рѣшился публично отозваться съ похвалой о такой де „тенденціозной“ книгѣ и, на основаніи ея, обвинять Финляндцевъ въ сепаратистскихъ стремленіяхъ. Въ то же время участвовавшіе въ засѣданіяхъ съѣзда депутаты Финляндскаго университета и другія пребывающіе въ Москвѣ Финляндцы начали хлопотать о заявленіи протеста противъ барона Бюлера. Они сами разказываютъ обо всемъ этомъ въ двухъ гельсингфорсскихъ газетахъ, *Hufvudstadsbladet* и *Finland*.

Въ первой изъ нихъ, въ № 70 (отъ 13 марта), помѣщена корреспонденція изъ Москвы (за подписью Alter ego), въ которой, послѣ напоминанія о рѣчи барона Бюлера, говорится слѣдующее:

„По поводу этого непріятнаго факта я могу вамъ сообщить теперь что г. Бюлеру въ скоромъ времени придется раскаяться (!?) въ своей фразѣ о финляндскихъ сепаратистахъ.

„Рѣчь его съ неудавшеюся инсинуаціей (!) случайно не просмотрѣна была предварительно Ученымъ Комитетомъ (съѣзда), вслѣдствіе множества накопившейся работы, и потому что не ожидали что г. Бюлеръ скажетъ что-нибудь неумѣстное (?!). Теперь онъ получилъ изданное на русскомъ языкѣ краткое опроверженіе исторіи г. Ордина. Кромѣ того, остающійся еще здѣсь (въ Москвѣ) членъ финляндской депутаціи на съѣздѣ обратился съ протестомъ къ предсѣдательницѣ Московскаго Археологическаго Общества. Протестъ блестящаго свойства (glänsandeart) удалось (?) выхлопотать также и въ самомъ Обществѣ. Онъ будетъ заявленъ (?) на первомъ же очередномъ засѣданіи Общества, которое состоится на дняхъ, будетъ включенъ въ протоколы (?) Общества и, кромѣ того, получитъ (!) мѣсто въ одной выдающейся газетѣ, *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. *

„Затѣмъ, разказываютъ что г. Бюлеръ, пребывающій въ настоящее время въ Петербургѣ, намѣренъ былъ сообщить министру Внутреннихъ Дѣлъ о найденныхъ въ Архивѣ доказательствахъ противъ финляндскихъ сепаратистовъ, или о проявившемся будто бы на съѣздѣ сепаратизмѣ. Но на этотъ случай просвѣщенная предсѣдательница Археологическаго Общества, *графиня Уварова, обѣщала (??) сказать свое вліятельное слово при личномъ свиданіи въ Петербургѣ, гдѣ графиня часто получаетъ аудіенціи у Ихъ Величествъ.*“

Въ газетѣ *Finland*, въ № 60 (отъ 13 марта), на видномъ мѣстѣ помѣщено слѣдующее извлеченіе изъ „частнаго“ письма одного изъ финляндскихъ участниковъ съѣзда:

„На самомъ съѣздѣ отзывъ Бюлера не замѣченъ былъ мною вслѣдствіе слишкомъ большаго разстоянія и потому что онъ читалъ свою рѣчь тихимъ голосомъ. Я могъ, однакоже, замѣтить что она вызвала всеобщій смѣхъ, особенно между дамами. Потомъ я прочиталъ ее въ газетахъ. Графиня Уварова сказала мнѣ (?) въ послѣдствіи что она намѣрена была (?) выступить тогда же съ протестомъ (!) противъ словъ о сепаратизмѣ, но профессоръ Анучинъ

* И то, и другое, и третье, и четвертое, сколько извѣстно, оказалось чистѣйшимъ вздоромъ, такимъ же вымысломъ господъ Финляндцевъ, какъ и мнимая основательность ихъ сепаратистски-конституціонныхъ мечтаній.

выразилъ мнѣніе что это неудобно дѣлать, такъ какъ то было уже послѣднее засѣданіе съѣзда. Между тѣмъ, такъ какъ я зналъ что рѣчь должна вызвать замѣшательства и досаду (harm) въ Финляндіи, то я велѣлъ раздать здѣсь нѣсколько десятковъ экземпляровъ критическаго отзыва газеты *Uusi Suometar* о книгѣ Ордина относительно Финляндіи, для того чтобы лучше могли понять здѣсь, почему упоминаніе объ изслѣдованіяхъ Ордина для насъ ненавистно (hvarför omnämnandet of Ordins forskningar är oss förhatlig), и съ прямымъ указаніемъ на то что это сдѣлано по поводу рѣчи произнесенной Бюлеромъ.

„„Что̀ это за человѣкъ Ординъ?““ спрашиваютъ всѣ, начиная съ графини (?!): „„мы мало знаемъ о Финляндіи““.

„Наконецъ, я услышалъ что Бюлеръ написалъ министру Внутреннихъ Дѣлъ будто сепаратизмъ обнаружился на съѣздѣ. Я отправился тогда къ графинѣ чтобы поговорить съ нею объ этомъ дѣлѣ и потребовать (fordra) публичнаго протеста. Она обѣщала (?) тотчасъ же написать Бюлеру, который между тѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ. Туда намѣрена также отправиться чрезъ недѣлю и сама *графиня*, и она *объщала* (?!), въ случаѣ если г. Бюлеръ высказалъ тамъ свое мнѣніе о сепаратизмѣ, *опровергнуть его* истину *какъ предъ министрами (!), такъ и предъ самимъ Императоромъ* (!!!) (dementera sanningen derf inför såväl ministrar som Kejsaren sjelf).

„Вмѣстѣ съ тѣмъ она объявила (?) что на первомъ же засѣданіи Археологическаго Общества будетъ высказанъ протестъ противъ рѣчи г. Бюлера о сепаратизмѣ, и извлеченіе изъ протокола опубликовано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Профессоръ Анучинъ обѣщалъ (?) послать въ ту же газету статью *Uusi Soumetar*. Онъ самъ принадлежитъ къ составу редакціи этой газеты.“

3.

Еще финляндскій куріозъ. *

Только что оповѣстивъ свою публику, о грозѣ надвигающейся на директора Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, почетнаго опекуна, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, барона Ѳ. А. Бюлера, которому де „въ скоромъ времени придется раскаяться въ своей фразѣ о финляндскихъ сепаратистахъ“,—финляндская печать оповѣщаетъ ту же свою публику о грозѣ якобы уже разразившейся надъ двумя ненавистными ей русскими газетами.

Въ полученномъ нами № 63 (отъ 16 (4) марта) гельсингфорсской финской газеты *Uusi Suometar*, подъ заглавіемъ „*Вполнѣ заслуженно*“, помѣщена слѣдующая любопытная „новость“:

Изъ достовѣрнаго источника газета (выборгская) *Wiipurin Sanomat* слышала что *Московскія Вѣдомости* и

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 67.

Новое Время получили * предостереженіе за тѣ статьи въ которыхъ онѣ изливали свою невѣжественную злобу (tuhmaa kiukkuansa) на конституціонныя учрежденія Финляндіи.“

Такова ужь повадка у этихъ господъ Финляндцевъ считать всячески свои вожделѣнія за совершившіеся факты... Жаль только что на этотъ разъ они не поименовали „достовѣрнаго источника“ откуда дошла до нихъ оглашенная ими новость и не разказали о своихъ хлопотахъ вокругъ и около этого источника, подобно тому какъ сдѣлали это относительно графини П. С. Уваровой.

---

* Ужь не писалось ли это 4 (16) *марта* въ пророческомъ предвидѣніи, за семь недѣль впередъ, того предостереженія которое дано *Московскимъ Вѣдомостямъ* 24, и получено ими 27 *апрѣля*? Текстъ этого, заранѣе снившагося финляндскимъ публицистамъ предостереженія и относящіеся къ нему статьи *Московскихъ Вѣдомостей* читатели найдутъ ниже.

ФИНЛЯНДСКІЙ ВОИНСКІЙ УСТАВЪ

И

ВОИНСКАЯ ПРИСЯГА.

1.

Германскіе восторги отъ финляндской кавалеріи и § 18 „Формы Правленія 1772 года“.

(Передовая статья № 55 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 24 февраля.

«Ни одинъ моментъ въ жизни *финской арміи* со времени ея учрежденія», — читаемъ въ берлинской *Militär-Wochenblatt* (№ 65 за 1889 годъ), — «не былъ такъ важенъ какъ настоящій.» Довольно де того что «кавалерійскій вопросъ» приведенъ къ «счастливому рѣшенію».* Финскій драгунскій полкъ шести-эскадроннаго состава, изъ 712 человѣкъ, въ силу приказа отъ 17 апрѣля 1889 года, долженъ сформироваться въ періодъ времени съ апрѣля текущаго (1890) года по ноябрь: въ апрѣлѣ формируются и подготовляются кадры, въ ноябрѣ полкъ получитъ первыхъ новобранцевъ.

Берлинская военная газета не совсѣмъ точна: на бумагѣ полкъ уже существуетъ; онъ имѣетъ командира, имѣетъ и офицеровъ, уже подготовляющихся при нѣкоторыхъ изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ.

По наружности, то есть по покрою мундира, по сѣдловкѣ и снаряженію, Финскій драгунскій полкъ будетъ походить на всѣ наши конные полки; но господамъ Финляндцамъ все-таки сдѣлана уступка, такъ какъ люди этого полка будутъ ѣздить въ строю не на мундштукахъ, а на трензелькахъ, вѣроятно потому, — какъ замѣчаетъ *Militär-Wochenblatt*, — что финское населеніе «особенно способно» къ пѣхотной службѣ, такъ что въ конномъ строю для него нужны льготы.

Тѣмъ не менѣе для Финляндіи сформированіе *своего* коннаго

* См. выше, статью „Финляндская армія и ея особенности“, стр. 171—177.

полка имѣетъ особое, своеобразное значеніе: оно будитъ воспоминанія о томъ славномъ времени «когда *финская кавалерія* занимала мѣсто въ первомъ ряду конныхъ войскъ Европы». Такъ говоритъ, подбадривая Финляндцевъ, берлинская военная газета и, въ доказательство важности достигнутаго Финляндіей въ въ настоящую минуту успѣха, указываетъ что послѣдній представитель былой финской конницы—Карельскіе драгуны—были окончательно уничтожены въ 1810 году, хотя де къ тому времени они были уже въ составѣ всего 80 всадниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не дурно: восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ уничтоженъ полуэскадронъ, теперь создаются цѣлые шесть эскадроновъ, то-есть сила въ двѣнадцать разъ бо́льшая.

Финляндцамъ тутъ, пожалуй, и есть чему радоваться. Но почему сформированію финской конницы такъ радуются въ Берлинѣ, гдѣ на одномъ изъ торжественныхъ офиціальныхъ обѣдовъ во дворцѣ демонстративно игрался даже «маршъ финской кавалеріи»?

Итакъ, «финская армія» усиливается, у «начальника финскихъ войскъ» и его штаба прибавится дѣла. Но какъ бы ни увеличивался составъ финскихъ войскъ предназначаемыхъ «для обороны страны»,—это не избавитъ насъ отъ необходимости охранять Финляндію русскими силами, русскими штыками, и поддерживать существованіе особаго *Финляндскаго Военнаго Округа*, въ которомъ расположены въ настоящее время вся 24я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, 3я мѣстная бригада * и крѣпостные артиллеристы. Между тѣмъ ни одинъ изъ туземныхъ финскихъ баталіоновъ крѣпостной службы не несетъ и въ крѣпости не стоитъ.

Какой же, въ виду этого, смыслъ существованія *особой* «финской» арміи?

Въ § 88 Устава о воинской повинности въ Финляндіи, изданнаго въ 1878 году, сказано что «начальникъ части приводитъ къ присягѣ вновь опредѣленныхъ на службу, *соображаясь* съ § 18 *Формы Правленія*». *

Была ли это простая обмолвка, или ссылка сдѣлана по недоразумѣнію,—но на дѣлѣ въ настоящее время финскія войска приносятъ присягу не по указанному въ «Уставѣ» параграфу старо-шведской конституціи, а по формѣ присяги установленной въ 1817 году для финской милиціи.

Тѣмъ не менѣе, ссылка на шведскій конституціонный законъ 1772 года продолжаетъ существовать въ Уставѣ о воинской повинности Финляндіи и могла, или можетъ, попасть даже въ кодексъ «основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій» Финляндіи. По крайней мѣрѣ она была включена въ диковинный проектъ этого кодекса,—тотъ самый, уже составленный, напечатанный и ожидающій лишь Высочайшаго утвержденія проектъ, которымъ предустановляется что «дѣла подлежащія личному разрѣшенію Императора и Великаго Князя вносятся къ Нему статсъ-секретаремъ, который долженъ быть природнымъ Финляндцемъ», и что «поэтому бумаги въ

* Начальникомъ этой бригады считается начальникъ штаба округа.

* Вотъ полный текстъ § 88 Устава:

„По прибытіи опредѣленныхъ на дѣйствительную службу въ ту часть, въ которую они зачислены, начальникъ оной тотчасъ приводитъ ихъ къ присягѣ, соображаясь съ § 18 Формы Правленія. То же самое соблюдается при поступленіи въ части войскъ вольноопредѣляющихся и охотниковъ".

которыхъ содержатся повелѣнія Императора и Великаго Князя считаются не дѣйствительными, если онѣ не констрасигнированы или не подписаны статсъ-секретаремъ»...*

Вотъ что́ сказано въ томъ § 18 *Формы Правленія 1772 года*, на который ссылается теперешній Финляндскій Уставъ о воинской повинности.

«Всѣ военныя силы государства (разумѣлась Швеція), сухопутныя и морскія, съ высшимъ и низшимъ начальствомъ ихъ, имѣютъ присягать на вѣрность и подданство его королевскому величеству, *государству* и *государственнымъ чинамъ*, по установленной формѣ.»

Естественно что никакому начальнику части нельзя и не для чего соображаться съ давно забытыми старо-шведскими законами: ему во всякомъ случаѣ необходима только *установленная форма*. Условій поминаемыхъ въ § 18 *Формы Правленія* нынѣ не существуетъ; не было, поэтому, и надобности гг. финляндскимъ кодификаторамъ включать такой параграфъ въ проектъ свода финляндскихъ основныхъ законовъ. Но если въ приведенномъ текстѣ 18го параграфа измѣнить пару словъ и кое-что выкинуть, онъ можетъ получить еще иной, совсѣмъ особый, *никогда не существовавшій смыслъ*. Такъ и поступилъ кодификаціонный комитетъ составлявшій въ 1885—1887 годахъ проектъ свода основныхъ законовъ Финляндіи. Во-первыхъ, слова «*по установленной формѣ*» онъ вычеркнулъ вовсе, а во-вторыхъ, слово «*государство*» замѣнилъ словомъ «*страна*».

Вышло изъ этого слѣдующее:

По *шведскому закону* 1772 года, всѣ военныя силы Швеціи, слѣдовательно и бывшія шведско финскія войска, принимали присягу, по установленной формѣ, на вѣрность королю, Шведскому государству и его государственнымъ учрежденіямъ; по буквальному смыслу этой статьи, финскія войска должны были бы приносить присягу на вѣрность Императору Всероссійскому, *Россійской Имперіи* и ея учрежденіямъ; а принявъ измѣненія сдѣланныя финляндскими кодификаторами, получимъ что финляндская армія должна приносить присягу на вѣрность Монарху и затѣмъ еще *Финляндіи и ея Сейму*!

Такое постановленіе согласовалось бы со стремленіями и взглядами финляндскихъ сепаратистовъ, но оно отнюдь не согласуется ни съ истиной, ни съ интересами и правами Россіи, всей «чреды народовъ скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ», какъ выражено въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 5 (17) іюня 1808 года о присягѣ «обывателей новоприсоединенной Финляндіи», принесенной ими «на вѣрное и вѣчное скипетру Россійскому подданство».

Войска изъ уроженцевъ «скипетру Россійскому» подданной Финляндіи не есть и не могутъ быть «финскою арміей»: это Императорскія *россійскія* войска. Не совсѣмъ понятно, поэтому, зачѣмъ имъ присягать по особой формулѣ, а не по той общей формулѣ по которой присягаютъ всѣ русскіе солдаты, къ какой бы народности и къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

* См. выше, стр. 57, 58, 93 и 108.

2.

Историческая справка объ изданіи „Устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“.

(Передовая статья № 69 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 10 марта.

Въ статьѣ «Германскіе восторги отъ финской кавалеріи и § 18 *Формы Правленія 1772 года* * мы коснулись, между прочимъ, странной, ни съ чѣмъ не сообразной присяги которая включена въ Уставъ общей воинской повинности въ Финляндіи, изданный въ 1878 году. ** Эта присяга, насколько извѣстно, вошла и въ проектъ общаго кодекса основныхъ законовъ изготовленный гельсингфорсскими законодателями.

По этой присягѣ, кромѣ клятвы въ вѣрности Государю, присягающій долженъ еще принести клятву въ вѣрности, вопервыхъ, *Финляндіи* (не Россійскому государству), и вовторыхъ—*Финляндскому Сейму*.

Этого, правда, нигдѣ прямо не сказано, да и нельзя было прямо сказать не вызвавъ прямаго отказа въ допущеніи подобной присяги. Но гельсингфорсскіе кодификаторы, вмѣстѣ съ сеймовыми редакторами финляндскаго Устава о воинской повинности,—все-таки сказали это, только сказали прикровенно, такъ-сказать подъ маской, чтобы въ Россіи, при довѣріи къ нимъ, не разобрали въ чемъ дѣло. Именно, они сослались на § 18 Формы Правленія 1772 года,—этой старо-шведской конституціи которую желаютъ во что бы то ни стало примѣнять къ Финляндіи какъ дѣйствующій законъ.

Въ этомъ 18мъ параграфѣ, приведенномъ въ нашей вышеупомянутой статьѣ, и о содержаніи коего до послѣдняго времени едва ли кто имѣлъ у насъ понятіе,—въ этомъ параграфѣ говорилось что шведскія войска присягали королю, Шведскому государству и шведскимъ государственнымъ чинамъ, или риксдагу. Конечно, этихъ, означенныхъ въ параграфѣ, лицъ и учрежденій Финляндцы никакъ не могли имѣть въ виду составляя *въ наши дни* уставъ о воинской повинности или кодификаціонный проектъ. Но такъ какъ въ разныхъ другихъ случаяхъ, а равно и въ этомъ проектѣ, они уже подмѣнили Шведовъ—Финнами, а риксдагъ Швеціи—Финляндскимъ Сеймомъ, то, по аналогіи, явствуетъ что, нелѣпая сама по себѣ, идея сослаться на § 18 Формы Правленія имѣетъ опредѣленный, хотя и прикрытый смыслъ.

Однако, все-таки, какъ же могло случиться что такая удивительная присяга попала въ законъ, къ прямому ущербу верховной власти Русскаго Монарха? Вѣдь ущербъ несомнѣненъ, ибо какъ же можетъ быть соблюдена безусловная вѣрность Государю, когда тутъ же рядомъ требуется и вѣрность *земскимъ чинамъ*, которые, мня себя второю, чуть не равною Императору, властію, могутъ, въ иныхъ случаяхъ, разойтись съ Нимъ во мнѣніяхъ?

Въ какое положеніе, при таковомъ разногласіи, были бы поставлены

---

* См. выше, стр. 192—195.

** См. № 25 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1878 годъ, стр. 1—30.

своею воинскою присягой присягавшіе по § 18 Формы Правленія? Долгъ присяги на вѣрность Государю могъ бы тутъ оказаться въ прямомъ противорѣчіи съ долгомъ присяги на вѣрность земскимъ чинамъ. Какой же выходъ изъ раздвоенія совѣсти, порожденнаго формулой присяги, предстоялъ бы присягавшимъ?

Выбирать ли имъ, по личной склонности, одну изъ двухъ сторонъ которымъ клялись быть вѣрными, или прямо уклониться отъ исполненія своего военнаго долга и остаться въ бездѣйствіи?

Или этимъ присягавшимъ предстояло бы, въ виду ссылки воинскаго Устава на «историческую конституцію» 1772 года, руководиться «историческими прецедентами», напримѣръ, эпизодами «Аньяльской Конфедераціи» временъ Русско-Шведской войны 1788 года, * когда, между прочимъ, финляндское офицерство, бывшее отчасти во главѣ осады *русскаго тогда* Фридрихсгама, сняло эту осаду, находя что война начата королемъ вопреки правамъ риксдага и присягѣ?... **

Или же этимъ присягавшимъ по § 18 предстояло бы, для опредѣленія своего образа дѣйствій, прислуши-

---

угрожаемыхъ, какъ думали вообще, непріятельскимъ нападеніемъ, *войска*, во исполненіе королевскихъ повелѣній, *подступили къ Фридрихсгамскимъ стѣнамъ*, то учинено было сіе *въ силу* новой *Формы Правленія*, предписывающей что король арміей своею повелѣвать властенъ, по воинскому же уставу не дозволялось изслѣдовать *какъ далеко должно повиноваться или нѣтъ*; но поелику во время похода нашего въ непріятельской области и подъ стѣнами Фридрихсгама не усмотрѣно со стороны россійскихъ военноначальниковъ кромѣ оборонительныхъ дѣйствій, то мы тогда и увѣрились совершенно что не отъ Россіянъ, но отъ насъ самихъ учинено нападеніе.

„*Яко сограждане, соблюдая святость Формы Правленія нами присягаемой и подающей народу право судить о надобности войны оборонительной*, а какъ воины должны были повиноваться высокому нашему начальнику; *приведены чрезъ сіе, яко истинные отечества сыны, въ самое труднѣйшее положеніе и чтобы удовлетворить симъ одна другой противящимся должностямъ*, нѣкоторые изъ насъ его королевскому величеству всеподданнѣйше о семъ представляли; но, къ общему сожалѣнію нашему, нужды наши на тотъ разъ оставлены были безъ вниманія.

„Съ тѣхъ поръ по неудачной экспедиціи, происшедшей отъ худыхъ распоряженій, *отступя мы отъ Фридрихсгама перестали помышлять воевать и умирать со славою* свойственною воину, *увидя что отечество чрезъ то не выиграетъ ничего*; напротивъ того, находилось въ такихъ уже обстоятельствахъ что требовалось весьма благоразумныхъ и ревностныхъ начальниковъ чтобы оное спасти отъ всеобщей гибели. Несчастныя сіи обстоятельства суть слѣдующія, а именно:

„Находящіяся въ нашихъ повелѣніяхъ *войска*, не бывшія никогда атакованы прежде, пока не учинили сами они нападенія, *удостовѣрены что непріязненность начата со стороны нашей и крайне недовольны такою войной*, которой сильные наши непріятели всячески стараются избѣгнуть.

„*Они никакой не усматриваютъ въ томъ пользы для народа*, и увѣреніе въ семъ при-

---

* См. книгу К. Ф. Ордина *Покореніе Финляндіи*, т. I, стр. 149—248.

** Интересенъ приведенный въ книгѣ г. Ордина (т. I, стр. 160—163) договоръ Аньяльской Конфедераціи, составленный конфедератами (подданными короля Шведскаго) 13 (2) августа 1788 года и подписанный, между прочими, Армфельтомъ, родственникомъ того Армфельта который при Императорѣ Александрѣ I сдѣлался русскимъ генералъ-адъютантомъ и членомъ русскаго Государственнаго Совѣта.

Вотъ этотъ документъ, характеризующій историческую финляндскую лояльность на почвѣ конституціи 1772 года, въ современномъ переводѣ, который былъ сдѣланъ состоявшимъ при Спренгтпортенѣ надворнымъ совѣтникомъ Евграфомъ Сысоевымъ и представленъ Спренгтпортеномъ императрицѣ Екатеринѣ II:

„Когда собравшіяся для защищенія границъ,

ваться къ голосу мѣстнаго общественнаго мнѣнія въ тѣхъ газетныхъ листкахъ которые во множествѣ чита-

---

чиной что въ націи, рожденной впрочемъ къ воинственности, исчезла вся храбрость; почему и воздыхаютъ они бѣдные теперь о тишинѣ ими оставленной, не промѣнивая оную на славу, а притомъ и *не хотятъ вести войну съ такимъ народомъ, о коемъ думаютъ они что желаетъ хранить съ ними союзъ.* Сверхъ того, обношенные мундиры въ здѣшней арміи, всеобщій недостатокъ въ припасахъ, трудность доставать провіантъ, доказывающаяся тѣмъ что оный въ срокъ не получается, и скудость въ аммуниціи усугубили еще болѣе неудовольствіе и унылость въ солдатахъ.

„Прикрываемая войсками нашими граница кажется охранена довольно и, въ случаѣ нападенія, готовы мы оную защищать до послѣдней капли крови; но какъ получено было изъ разныхъ мѣстъ печальное извѣстіе что Россійскій флотъ, гораздо превосходнѣйшей силы нашему, крейсируетъ предъ Свеаборгомъ, оный взялъ и сжегъ одинъ изъ нашихъ линейныхъ кораблей, въ виду нашего флота и арміи, такъ что сіе несчастіе можно видѣть было съ валу наилучшей крѣпости въ государствѣ, то и принуждены мы думать теперь что всѣ шеры (шхеры) открыты для убійствъ и сожженія, представляя себѣ съ отчаянія что должны мы благодарить не себя и оружіе наше, но человѣколюбіе Россіянъ, если въ отечествѣ нашемъ подобныхъ еще не было злоключеній; притомъ мы еще не знаемъ, какимъ образомъ полковникъ баронъ Гастферъ станетъ защищать отъ нечріятельскаго нашествія Саволаксъ и въ случаѣ устрашенъ будетъ превосходствомъ силъ, то весь край будетъ открытъ, и въ то время спасеніе наше зависѣть будетъ точію отъ великодушія побѣдителя.

„*Разсматривая страшную сію, но справедливую картину, вознамѣрились мы,* такъ какъ прилагаемое при семъ прошеніе явствуетъ, *прибѣгнуть къ Ея Императорскому Величеству* (Императрицѣ Всероссійской) *и обнадежить Ее какимъ образомъ нація мыслитъ. Кромѣ любви къ отечеству и попеченія о его благѣ, яко первѣйшія должности сограждданина, обязываетъ насъ также вѣрность и присяга, коею мы клялись нашему королю, на сіе поступить;* а особливо когда увидѣли мы Его неустрашима, а окружающихъ особу ются финскими солдатами,* въ тѣхъ финляндскихъ газетахъ которыя, какъ, напримѣръ, въ 1885 году, когда изъ-за столкновенія съ Афганцами могла вспыхнуть война между Россіей и Англіей, считали себя въ правѣ говорить что въ этой войнѣ Россіи Финляндія будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ?... **

Какимъ же образомъ, въ виду всего этого, могъ попасть такой параграфъ въ современный намъ финляндскій воинскій Уставъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо хотя немного припомнить ходъ изданія этого Устава.

Его объятыхъ ужасомъ; тогда *сочли мы за достойнѣйшее шведскаго мужа дѣло* подать средство между двумя коронованными главами къ открытію негоціаціи, которая, сохраняя честь государства, надѣемся, подѣйствуетъ больше нежели какая-либо изъ чужестранныхъ державъ, могущая имѣть совсѣмъ посторонніе для государства виды. Мы же, напротивъ того, въ семъ случаѣ *слѣдуемъ одной любви къ отечеству и вѣрности къ нашему королю* съ пожертвованіемъ даже собственныхъ своихъ выгодъ.

„Все сіе уваживъ и *предъ всемогущимъ Богомъ видящимъ невинность* нашихъ намѣреній мы нижеподписавшіеся *святымъ именемъ Его и нашею честію клянемся* что мы, при пожертвованіи крови, живота и нашего имѣнія, будемъ *стараться отвращать угрожающія отечеству нашему несчастія,* а потому силою такой же между нами клятвы вступили въ союзъ и братство съ тѣмъ чтобы во всемъ имѣющемъ какъ къ общимъ, такъ и частнымъ дѣламъ и ихъ безопасности отношеніе, совѣтовать и споспѣшествовать одинъ другому и въ случаѣ, если Ея Императорское Величество (Русская Императрица бывшая въ войнѣ съ ихъ Шведскимъ королемъ) не благоволитъ согласиться на честный для націи миръ, то съ той самой минуты должны мы себя почитать обиженными лично и обязуемся потому живыми въ руки непріятеля не отдаваться, доколѣ отечеству не доставимъ миръ, спокойствіе и безопасность.“

* См. выше, стр. 175—177.

** См. выше, стр. 9, 18 и 93.

Первоначальный проектъ былъ написанъ на основаніи русскаго закона, и бывшій военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, твердо стоялъ за единство проекта съ его русскимъ прототипомъ. * Хотя финляндскимъ чиновникамъ и удалось ввернуть въ проектъ разные крючки, однако, главныя основы этого единства все-таки болѣе или менѣе сохранялись. Но что̀ сталось съ этимъ, уже предварительно одобреннымъ со стороны Государя проектомъ, когда его передали Гельсингфорсскому Сейму? Сдѣлаемъ нѣкоторыя сопоставленія того что̀ было въ немъ съ тѣмъ что̀ стало.

Въ § 1 говорилось:

„Для защиты *Престола и Государства* каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности.“

Понимался, конечно, единый Престолъ Россійской Имперіи и единое Государство Россійское.

Финляндцы, обсудивъ параграфъ на Сеймѣ, представили Государю такія соображенія:

Конечно, прежде, то-есть при Шведскомъ правительствѣ, употреблялось въ такомъ случаѣ слово «государство», въ смыслѣ «отечества». Но теперь, послѣ соединенія Финляндіи съ Россіей, слово «государство» получаетъ крайне пространный смыслъ, котораго не можетъ де обнять то чувство, та любовь къ домашнему очагу, къ отечеству, въ коемъ и заключается душа общей воинской повинности. Поэтому Сеймъ полагалъ что слово «отечество» не слѣдуетъ *исключать* изъ параграфа (ordet «fädernesland» icke vara ur paragrafen uteslutet), хотя—скажемъ мы—странно исключать или не исключать то чего вовсе не было включено.

Послѣдствіемъ такого резонабельнаго мотива тутъ же оказалось не исключеніе слова «отечество», а вставка этого слова на мѣсто дѣйствительно исключеннаго теперь слова «государство». Затѣмъ § 1 въ Уставѣ явился въ такомъ видѣ:

„Для защиты престола и отечества каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности.“

За симъ уже свободно можно толковать что § 1 говоритъ о *финляндскомъ* отечествѣ и о *финляндскомъ*, хотя и воображаемомъ только, престолѣ.

Въ § 127 проекта было точно изложено:

„Финляндскій генералъ-губернаторъ, командующій войсками *Финляндскаго военнаго округа* есть *вмѣстѣ съ тѣмъ* начальникъ финскаго войска.“

Сеймъ обратился къ Государю со скромнымъ заявленіемъ: удобно ли вводить въ законъ упоминаніе о Финляндскомъ военномъ округѣ, такъ какъ подобное территоріальное дѣленіе можетъ быть, по административнымъ соображеніямъ, измѣнено или вовсе отмѣнено? Поэтому предположено было соотвѣтственное *редакціонное* — слѣдовательно небольшое и неважное—измѣненіе. На дѣлѣ Сеймъ такъ измѣнилъ редакцію что перевернулъ весь смыслъ параграфа, чего въ докладѣ Государю, конечно, не было выяснено. Явился въ дѣйствующемъ Уставѣ такой пунктъ:

§ 119.

„Генералъ-губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, Командующій *вмѣстѣ съ тѣмъ* расположенными въ краѣ русскими войсками, есть Начальникъ финскаго войска.“

Выходитъ: главная обязанность генералъ-губернатора—быть начальникомъ финскихъ войскъ; командо-

---

* См. ниже, стр. 240—242.

ваніе же русскими частями принадлежитъ ему какъ дѣло второстепенное, придаточное, «вмѣстѣ съ тѣмъ».

Къ прискорбію, повѣствуются факты, конечно, не имѣющіе на самомъ дѣлѣ, но могущіе на иной взглядъ получать такой смыслъ, какъ будто финляндскіе генералъ-губернаторы вполнѣ усвоили себѣ означенное сейчасъ воззрѣніе, то-есть, что они въ Финляндіи, въ военномъ отношеніи, главные начальники не русскіе, а финляндскіе. Выводится это изъ того что они пріѣзжаютъ инспектировать русскія части войскъ *не въ русскомъ мундирѣ, а въ финскомъ*. Говорятъ что это весьма нравится финскимъ государственникамъ, но колетъ де въ самое сердце русскихъ военныхъ, особенно офицеровъ, которые расположены въ краѣ не по своей волѣ, и которыхъ оскорбляетъ де то что повѣрка «русской» службы дѣлается «финскимъ» генераломъ. Впрочемъ, прямыхъ свѣдѣній на это отъ русскихъ офицеровъ въ Финляндіи до насъ не доходило. Вообще дисциплина русскихъ войскъ образцовая.

Но оставимъ это и обратимся къ присягѣ, съ которой мы начали:

Въ § 97 проекта говорилось что, по прибытіи людей опредѣленныхъ на дѣйствительную службу, «начальникъ тотчасъ приводитъ ихъ къ присягѣ». Затѣмъ—никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Предполагалась, конечно, присяга общая.

Что же сдѣлалъ Сеймъ?

«Такъ какъ въ проектѣ»,—написалъ Сеймъ во всеподданнѣйшемъ своемъ представленіи,—«не имѣется текста присяги, то сословія нашли соотвѣтственнымъ ввести указаніе на § 18 Формы Правленія, для чего и сдѣлано въ параграфѣ редакціонное (стало-быть только формальное) измѣненіе—af formel natur.»

И только.

Государю давали такимъ образомъ въ трехъ строкахъ понять, что дѣлается формальная, то-есть, въ сущности, пустяшная перемѣна, о которой не стóитъ и говорить. А на дѣлѣ—скрытно, безъ упоминанія, даже безъ намека на внутренній смыслъ ея—вводили установленіе такой формы которая, какъ выше объяснено, отнимала у присяги Государю ея священный *безусловный* характеръ клятвы на жизнь и смерть, лишала эту присягу абсолютной обязательности ..

Вотъ какъ появилась въ дѣйствующемъ Уставѣ знаменитая присяга на вѣрность Императору *и земскимъ чинамъ*, то-есть Сейму. *

Можно было бы, конечно, упрекнуть русскихъ государственныхъ людей за допущеніе такого крайняго нарушенія самыхъ основныхъ законовъ государства, законовъ о «священныхъ правахъ Верховной Власти», какъ они названы въ первомъ томѣ русскаго Свода Законовъ... Но дѣло въ томъ что докладъ подносилъ Финляндецъ, исправлявшій должность министра-статсъ-секретаря Финляндскаго, г. Пальмротъ, какъ видно изъ скрѣпы на манифестѣ отъ 6 (18) декабря 1878 года. **

Можно также полагать, и даже быть увѣрену, что еслибы проектъ Устава, въ томъ видѣ какъ его

---

* Вотъ имена финляндскихъ сенаторовъ подписавшихъ 27 (15) декабря 1878 года воинскій *Уставъ* „Высочайшимъ Его Величества Именемъ“:

І. М. Норденстамъ.	*І. Ф. Пальменъ.*
Э. авъ Форселлесъ.	*Ѳ. Тилечъ.*
К. Фуруельмъ.	*Г. Моландеръ.*
О. Норменъ.	*А. Межелинъ.*
І. Д. Далъ.	*В. Вазашерна.*
В. фонъ-Гартманъ.	*А. Нюкопъ.*
А. Бруноу.	*Э. Ленбладъ.*
Ф. Гейтель.	*Т. фонъ-Гелленсъ.*
Э. Форсманъ.	*Г. Эрстремъ.*
	Г. Гейтлинъ.

** Приводимъ изъ № 25 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*

пересочинили земскіе чины Финляндіи, поступилъ на окончательное утвержденіе въ порядкѣ преподанномъ для

за 1878 годъ (стр. 31) текстъ этого манифеста:

(Публиковать въ церквахъ.)

Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ

о томъ, что разные §§:фы утвержденнаго для Великаго Княжества Финляндскаго Устава о воинской повинности должно считать основными законами.

Данъ въ С.-Петербургѣ 6 (18) декабря 1878 г.

Божіею Милостію

МЫ АЛЕКСАНДРЪ **Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч.** Объявляемъ чрезъ сіе: что Высочайше одобривъ и утвердивъ, сего числа, принятый Земскими Чинами Финляндіи Уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ, МЫ, согласно представленію Сейма, признали за благо Высочайше повелѣть нижеслѣдующіе §§:фы Устава, въ виду особеннаго ихъ значенія и отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ, а именно: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 13, 19, 20, 120, 121, 122 и 123:й, считать основными законами. Для вящаго же удостовѣренія подписали МЫ сіе Собственноручно. Въ С.-Петербургѣ 6 (18) декабря 1878 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

Исправляющій должность Министра Статсъ-Секретаря *Пальмротъ.*

изданія новыхъ законовъ учрежденіями Имперіи, то-есть чрезъ Государственный Совѣтъ, то вышеописанныя уловки и умолчанія были бы выведены наружу, и Уставъ получилъ бы видъ и значеніе болѣе соотвѣтственные и священнымъ правамъ Верховной Власти, и достоинству Россіи.

Это, конечно, далеко не все что можно сказать о финляндскомъ военномъ законѣ, но пока ограничимся изложеннымъ. Прибавимъ только что онъ «вырабатывался» Финляндцами (также какъ и законъ объ отдѣльной золотой монетѣ) во время послѣдней Турецкой войны, когда вниманіе и заботы Русскаго правительства были поглощены извѣстными затрудненіями. Были и между Финляндцами голоса требовавшіе отсрочки законодательнаго рѣшенія по столь важному вопросу, но большинство, подъ руководствомъ четверыхъ — (не называемъ ихъ, ибо nomina sunt odiosa), — не допустило отсрочки, и законъ явился съ тѣмъ ярко выраженнымъ сепаратистическимъ характеромъ который виденъ каждому...

Засѣдающія въ Петербургѣ коммиссіи заняты монетнымъ, таможеннымъ и почтовымъ вопросами, въ видахъ проведенія единства системы. Но равнымъ образомъ, кажется, наступило время и для пересмотра закона военнаго, явившагося на свѣтъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

3.

Дополненіе къ исторической справкѣ объ изданіи финляндскаго воинскаго Устава. *

Въ проектѣ „Устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“, удостоившемся Высочайшаго одобренія и представленномъ на разсмотрѣніе Финляндскаго Сейма 1877—1878 года, § 1 имѣлъ такое содержаніе:

„Для защиты престола и *Имперіи* каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности.“

Сеймъ замѣнилъ слово „Имперіи“ словомъ „отечества“.

Затѣмъ, въ § 123 (предпослѣдній въ Уставѣ) Сеймъ вставилъ не находившіяся въ Высочайше одобренномъ проектѣ слова:

„Военныя силы Финляндіи имѣютъ цѣлью защищать престолъ и отечество *и тѣмъ содѣйствовать т а к ж е и защитѣ Имперіи.*“ **

Между „Имперіей“ и финляндскимъ „отечествомъ“ установлено было такимъ образомъ существенное различіе.

Обѣ эти „поправки“, благодаря, вѣроятно, Финляндцу-докладчику, прошли незамѣченными, и Уставъ былъ Высочайше утвержденъ въ такомъ видѣ 6 декабря 1878 года. Въ то же время, по ходатайству Сейма, особымъ манифестомъ отъ 6 того же декабря 1878 года, эти два параграфа (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими) * объявлены были „основными“ законами ** (которые, по Сеймовому Уставу 1869 года, можно измѣнять не иначе какъ „съ согласія“ всѣхъ четырехъ сословій Сейма).

Основываясь на этихъ удачно проведенныхъ поправкахъ, Финляндцы потомъ уже прямо стали заявлять что финская армія предназначается для защиты только Финляндіи, и что ее, слѣдовательно, нельзя выводить изъ предѣловъ Финляндіи. Между прочимъ, когда, въ 1884 или 1885 году, состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ двухъ финскихъ баталіоновъ на лагерные сборы въ Красное Село,—Финляндцы стали протестовать. Въ газетахъ появились статьи о нарушеніи *основныхъ законовъ* („конституціи“). Нѣкоторые сенаторы угрожали выходомъ въ отставку. Тогдашній прокуроръ Сената Монгомери подалъ на Высочайшее имя протестъ въ формѣ жалобы на незаконное распоряженіе генералъ-губернатора...

Впрочемъ, несмотря на всѣ эти протесты, Высочайшая воля была подтверждена, и баталіоны отправились въ Красное Село, гдѣ и до сихъ поръ ежегодно (по-очереди) бываютъ два финскіе баталіона. ***

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 71.

** Бергъ: *Наше правительство и наши сеймы* (на шведскомъ языкѣ). Гельсингфорсъ, 1889, т. II, стр. 678.

* См. выше, стр. 201.

** Какъ явствуетъ изъ означеннаго манифеста, §§-мъ 88 и 119 силы „основныхъ законовъ“ не присвоено.

*** См. выше, стр. 177.

ФИНЛЯНДСКІЙ ГНѢВЪ

НА РУССКУЮ ПЕЧАТЬ И РУССКІЯ ВЛАСТИ.

1.

Что такъ возмутило нашихъ добрыхъ сосѣдей?

(Передовая статья № 68 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 9 марта.

Финляндская «пресса» рѣшительно выходитъ изъ себя по поводу того что наша печать съ такъ-называемымъ русскимъ направленіемъ продолжаетъ постепенно раскрывать сущность финляндскихъ дѣлъ. Эти дѣла оказываются далеко не такими какъ ихъ до сихъ поръ изображали, и, въ виду этого, финляндскій гнѣвъ принимаетъ форму прямо разчитанную на то чтобы вызвать то спеціальное неудовольствіе за которымъ являются репрессивныя мѣры. * Русскія патріотическія газеты обвиняются «въ инсинуаціяхъ доходящихъ до безумія»; а *Hufvudstadsbladet* на этихъ дняхъ, въ статьѣ озаглавленной «*Законность и терроризмъ*», ** призываетъ уже къ настоящему крестовому походу противъ стремленій русской печати изслѣдывать темныя финляндскія дебри.

Въ основу всѣхъ филиппикъ противъ русской печати кладется, конечно, «уваженіе къ закону», который де, бывъ подписанъ Государями, долженъ свято и незыблемо сохранять свою силу.

Но, господа финляндскіе книжники и фарисеи,—вѣдь это одно только лицемѣріе! Какъ будто законъ, каковъ бы онъ ни былъ, единожды вылившись въ свою форму, такъ и долженъ замереть въ своей неподвижности на вѣки, на цѣлыя тысячелѣтія! И какихъ только законовъ не считаете вы незыблемыми! Вѣдь просто дико читать ваши ссылки, напримѣръ, на неприкосновенность какой-нибудь *Konungabalken* 1442 года, * написанной въ видѣ охраннаго договора противъ иноземцевъ-коро-

* См. выше, стр. 78, 189—192.

** См. ниже, стр. 213—215.

* См. выше, стр. 87—88.

лей, водворявшихся съ торга на Шведскомъ престолѣ и разорявшихъ королевство. А вы противъ кого выставляете этотъ унизительный договоръ? Противъ Русскихъ Императоровъ, валихъ благодѣтелей!

А сами вы, по своей иниціативѣ, развѣ не мѣняли законовъ, и притомъ очень часто? Не вы ли, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ достигли измѣненія закона о монетѣ и получили свою особую серебряную марку, нисколько не убоявшись того что этимъ измѣняется прежній законъ, для васъ якобы столь священный? Мало того, уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи, не вы ли же, опять разными путями (воспользовавшись и тѣмъ что Россія была тогда среди затрудненій послѣдней войны съ Турціей), еще разъ измѣнили монетный законъ, чтобы ввести у себя золотую монету, уже вдосталь разрывавшую всякую связь съ русскою денежною единицей? * Тутъ вы опять не побоялись нарушить «незыблемость» закона. Въ то же время, и при тѣхъ же удобныхъ обстоятельствахъ, вы сочинили и провели законъ о «финляндской арміи», ** опять не боясь смертнаго грѣха нарушить вѣковѣчныя постановленія о прежнемъ шведскомъ поселенномъ войскѣ (indelta-arméen). И мало ли было такихъ безбоязненныхъ «нарушеній»?...

Эти нарушенія были вамъ нужны для финляндской «государственной» обособленности,—и вы не стѣсняясь откладывали святыню въ сторону. Когда же Русскіе люди, наконецъ, опомнились и, видя что Россію поносятъ, эксплуатируютъ и обираютъ среди бѣла дня, стали разбираться и въ русскихъ правахъ, и въ именуемыхъ финляндскихъ законахъ, то противъ нихъ поднялось все имѣющее голосъ въ «свободной» націи. Съ ожесточенною бранью набросились Финляндцы на ту свободу съ которою приниженные дотолѣ Русскіе люди стали оглядываться на свое прошедшее и на ту цѣну въ которую обошлось имъ и благоденствіе Финляндіи, и собственное ихъ тамъ приниженіе. Лойяльные Финляндцы закричали: караулъ, лови, держи,—и стали принимать всяческія мѣры къ тому чтобъ ограбленнаго сочли за грабителя.

Это было бы даже забавно, еслибы не было столь возмутительно. Впрочемъ, можетъ быть поставленъ и такой вопросъ: касаются ли насъ, Русскихъ, финляндскіе законы, въ которые мы стараемся теперь вникнуть?

Конечно касаются, и касаются на каждомъ шагу, разъ что Финляндія начинается уже въ 30 верстахъ отъ Петербурга, такъ что съ границы видно какъ сверкаютъ Исаакіевскіе куполы. Кто главный покупатель у Финляндіи? Кто главный продавецъ сей? Кѣмъ живутъ ея желѣзныя дороги? * Гдѣ зарабатываютъ Финляндцы тотъ хлѣбъ котораго не даетъ имъ родина? Гдѣ служатъ благородные Финляндцы, гдѣ наживаютъ они и деньги, и почести, и преимущества, и обезпеченное положеніе себѣ и семьямъ?—Въ Россіи, все въ той же Россіи. Прибавьте къ этому что всѣ эти искатели хлѣба, дедегъ и преимуществъ входятъ въ открытыя двери Россіи со своими финляндскими преимуществами, и съ ними садятся на шею кореннымъ Русскимъ.

И вотъ финляндскіе законы, преимущества, уставы и постановленія,

---

* См. выше статью „О денежныхъ дѣлахъ съ Финляндіей“, стр. 41—50.

** См. выше статью „Историческая справка объ изданіи Устава Воинской Повинности Великаго Княжества Финляндскаго“, стр. 196—202.

* См. выше, стр. 115—120.

имъ же имя легіонъ, которые около столицы на каждомъ шагу задѣваютъ Русскаго человѣка и стѣсняютъ его, — всѣ эти законы большими томами издаются каждый годъ финляндскими законодателями совершенно самостоятельно, даже безъ мысли о томъ что, пожалуй, надо бы спросить другую заинтересованную, то-есть русскую, сторону, хотя бы изъ простой вѣжливости, изъ простаго сосѣдскаго согласія, не говоря уже о правахъ.

Издаютъ, напримѣръ, такое первостепенной важности узаконеніе какъ *Уголовное Уложеніе*, * а о Россіи и не вспоминаютъ, проводя его только по своимъ финляндскимъ инстанціямъ. Посылаютъ проектъ этого *Уложенія* на разсмотрѣніе въ Швецію, ** въ Упсалу; а на разсмотрѣніе русскаго министерства не посылаютъ, хотя наше Министерство Юстиціи, сколько знаемъ, съ увѣренностію ожидало что уголовный уставъ Финляндіи не пройдетъ, и не можетъ пройти помимо заключенія нашихъ учрежденій, по органической связи своей съ русскимъ законодательствомъ.

Благодаря такимъ «самостоятельнымъ» дѣйствіямъ Финляндцевъ, въ одинъ прекрасный день можетъ случиться такой, напримѣръ, казусъ что на финляндскомъ пароходикѣ, *** которые чуть не сотнями шныряютъ по петербургскимъ водамъ, Русскаго человѣка будутъ судить не по русскимъ, а по финскимъ законамъ... Или, напримѣръ, среди русскаго дворянства, на вполнѣ равной съ нимъ ногѣ, окажется финляндскій дворянинъ отсидѣвшій за позорное преступленіе въ тамошнемъ смирительномъ домѣ (каторжной тюрьмѣ) свой положенный срокъ наказанія... А это случиться можетъ.

Такъ, спрашивается: имѣетъ ли Русскій человѣкъ естественное право немножко поближе присмотрѣться ко всѣмъ этимъ удивительнымъ законамъ, которые обрѣзываютъ его права, оставляя на немъ однѣ только обязанности охранять Финляндцевъ, кормить ихъ и обогащать, предоставляя имъ всѣ выгоды и преимущества? Казалось бы, Русскій человѣкъ имѣетъ это право.

А между тѣмъ, когда сама Верховная Власть, по собственному почину, пожелала привести въ должный порядокъ нѣкоторыя стороны упомянутыхъ выше отношеній Русскихъ и Финляндцевъ, — какимъ невообразимымъ воплемъ отвѣтили публичные органы Финляндіи! *

По истинѣ, можно только недоумѣвать. Казалось бы, что̀ для Финляндцевъ можетъ быть безобиднѣе учрежденныхъ въ Петербургѣ коммиссій? Члены—Русскіе и Финляндцы; послѣдніе—знатоки своихъ мѣстныхъ дѣлъ, и за ними резервъ въ лицѣ статсъ-секретаря и двухъ, пребывающихъ въ Петербургѣ, членовъ постояннаго Комитета Финляндскихъ Дѣлъ; предсѣдатель коммиссій — финляндскій генералъ-губернаторъ, всегда къ Финляндцамъ благосклонный, что̀ доказываютъ мѣры и узаконенія изданныя въ Финляндіи за послѣднія десять лѣтъ. ** И, тѣмъ не менѣе, финляндская печать взываетъ ко своимъ соотчичамъ, требуя чуть не поголовнаго протеста!

Почему же это, наконецъ? Ужь,

---

* Рядъ статей объ этомъ *Уложеніи* помѣщенъ ниже.

** См. выше, стр. 186.

*** См. Финляндское *Уголовное Уложеніе*, главу 1ю, § 2.

* См. выше, напримѣръ, статью газеты *Päivälehti* „Вопросъ дня“, стр. 180—183.

** Доказываетъ, между прочимъ, и „Всеподданнѣйшая Докладная Записка финляндскаго генералъ-губернатора“, см. выше, стр. 82—84.

кажется, Финляндцы должны бы быть довольны: сама же ихъ печать величаетъ коммиссіи названіемъ *международныхъ* (internationella comité-erna), а то что въ нихъ разсматривается—*конвенціями* (konventioner), конечно, между державами, или кабинетами Финляндскимъ и Россійскимъ. Чего ужъ, кажется, лучше?

И однако нѣтъ. Бѣда въ томъ что для финляндскихъ государственниковъ всякій публичный, а тѣмъ болѣе официальный разговоръ объ именуемыхъ правахъ ихъ «государства» хуже ножа остраго. Всякій свѣтъ для этихъ «правъ» пагубенъ, ибо изобличаетъ что они зиждутся на пескѣ, или, еще того хуже, на хитростяхъ, тонкостяхъ, дипломатическихъ ловкостяхъ, которыя,* сколько извѣстно, въ государственномъ правѣ и его терминологіи не имѣютъ права гражданства. Тончайшій изъ этихъ тонкихъ дипломатовъ, бывшій финляндскій министръ-статсъ-секретарь графъ Армфельтъ, умѣвшій въ своихъ односторонникъ докладахъ проводить и законы о монетѣ, отчуждавшіе Финляндію отъ Россіи, и сеймовые уставы, ограничивавшіе верховную власть Русскихъ Государей много болѣе чѣмъ была ограничена власть Шведскихъ королей, умѣвшій творить и другія подобныя чудеса,— этотъ ловкій Финляндецъ всегда держался такого мудраго правила (а порой и высказывалъ его): *Чѣмъ меньше о Финляндіи говорятъ и чѣмъ меньше ее въ Россіи знаютъ— тѣмъ лучше* (конечно, для Финляндцевъ).

Вотъ нарушеніе-то съ русской стороны этого мудраго правила, вотъ это-то проливаніе истиннаго свѣта на «незыблемыя основы» финляндской государственности и доводитъ гнѣвъ финляндскихъ quasi-патріотовъ до бѣлаго каленія. Но мы позволимъ себѣ не обращать на него вниманія и будемъ продолжать наши «раскопки» даже и подъ громомъ изъ... финляндскихъ редакцій.

* См. выше, стр. 43—47, 70—71, 95—96, 104—107, 136—139, 196—201.

2.

Противъ чего протестуютъ и чѣмъ грозятъ финляндскіе публицисты.

(Передовая статья № 75 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890.)

Москва, 16 марта.

Въ Финляндіи сѣтуютъ что русская публика составляетъ себѣ понятіе о финляндскихъ дѣлахъ лишь по отличающимся «злобою, невѣжествомъ и намѣренною неправдой» статьямъ появляющимся въ русской печати (особенно въ зловредныхъ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*); между тѣмъ какъ отзывы финляндской печати, «какъ бы основательны и лойяльны они ни были», въ русскую публику не проникаютъ.

Какъ бы въ предвидѣніи подобныхъ сѣтованій, мы уже не разъ воспроизводили для русской публики, въ возможно точныхъ переводахъ, выдающіеся почему-либо отзывы финляндской печати, давая не разъ нашимъ читателямъ образцы финляндской «основательности и лойяль-

ности». Такъ, напримѣръ, мы привели сполна статью гельсингфорсской шведской газеты *Nya Pressen*, подъ заглавіемъ «Таможенный вопросъ», по поводу извѣстныхъ трехъ коммиссій. * Точно такъ же воспроизведена нами сполна изъ гельсингфорсской финской газеты *Päivälehti* передовая статья подъ заглавіемъ *Вопросъ дня*. ** Равнымъ образомъ, не были нами утаены отъ русской публики, а напротивъ, приведены въ возможно точномъ переводѣ, финляндскіе отзывы объ Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ изъ *Hufvudstadsbladet* и изъ *Finland*, *** и т. д.

Но, можетъ-быть, изъ несчетнаго множества статей въ финляндской печати мы выбирали для перевода не тѣ статьи которыя слѣдовало... Если такъ, исправимъ нашу погрѣшность, — воспроизведемъ сполна статью наиболѣе распространенной изъ гельсингфорсскихъ газетъ, статью обратившую на себя вниманіе во всей Финляндіи, статью, заключительныя строки которой воспроизводятся другими финляндскими газетами съ подчеркиваньемъ, статью которая въ газетѣ *Finland* прямо объявлена «замѣчательною». Воспроизведеніе полнаго текста этой статьи газеты *Hufvudstadsbladet*, о которой мы уже говорили, **** и которая носитъ заголовокъ «Законность и Терроризмъ», читатели найдутъ ниже. †

Главный вѣсъ этой статьи, какъ замѣчено это и финляндскою печатью, — въ ея заключительныхъ строкахъ. Но чтобы достодолжно оцѣнить эти строки, необходимо, конечно, предварительно вникнуть въ изложеніе предпосланныхъ имъ мыслей.

На первый взглядъ, статья представляется направленною противъ злокозненности русской печати вообще и *Московскихъ Вѣдомостей* въ особенности. Но, въ сущности, статья бьетъ помимо русской печати, и много выше ея: она направлена къ изобличенію злокозненности «*иныхъ силъ чьмъ тѣ какія находятся въ распоряженіи публицистики*», къ изобличенію ея «*анонимныхъ союзниковъ*», которыми «*деструктивная агитація русскихъ газетъ поддерживается*».

Кого именно разумѣетъ статья подъ этими зловредными «иными силами» и «анонимными союзниками» русской печати, мы не знаемъ, но, очевидно, это люди властные, высокопоставленные: «*весьма вліятельныя силы*», говоритъ статья, «*поддерживаютъ агитацію*». Это люди отъ которыхъ зависѣло и которые, по смыслу статьи, должны были заткнуть ротъ русской печати,— стало-быть люди государственные, занимающіе высокіе посты въ русской администраціи. Это люди, вліяніе коихъ столь велико что имъ удалось, наконецъ, вызвать «критическое положеніе, въ которомъ *Высокій Руководитель дѣлъ государства* рѣшилъ изслѣдовать, нельзя ли (!!) часть публичныхъ финляндскихъ учрежденій поставить въ большее соотвѣтствіе (?) съ существующими въ Россіи условіями».

Оставимъ на минуту въ сторонѣ это, нѣсколько странное, истолкованіе отношеній Государя къ задачамъ назначенныхъ Его волей петербургскихъ коммиссій по финско-русскимъ дѣламъ. Войдемъ сперва въ суть того въ чемъ, по финляндскому мнѣнію, провинились русскіе государственные люди «поддерживающіе

---

* См. выше, стр. 166—170.
** См. выше, стр. 180—183.
*** См. выше, стр. 188—192.
**** См. выше, стр. 203—206.
† См. ниже, стр. 213—215.

деструктивную агитацію» противъ Финляндіи.

Несомнѣнность ихъ виновности доказывается просто. Они могутъ ограничивать свободу «критическихъ и реформаторскихъ отзывовъ газетной печати по другимъ внутреннимъ вопросамъ Имперіи», — стало-быть могли бы стѣснить свободу сужденій и по вопросамъ касающимся Финляндіи, ибо въ отношеніяхъ къ печати въ Россіи не примѣнима де та мѣрка которая могла бы примѣняться къ печати «въ странахъ съ инымъ государственнымъ строемъ и инымъ правовымъ порядкомъ». Но русскіе государственные люди этого не сдѣлали, они не крикнули «цыцъ» на русскую печать имѣющую непозволительную «дерзость» ставить незыблемость несомнѣнныхъ правъ Русскаго Самодержавія много выше шаткаго и сомнительнаго финляндскаго «правоваго порядка». А если такъ, то на нихъ, не сдѣлавшихъ этого окрика, и должна де пасть отвѣтственность за высказанныя въ русской печати заявленія и сужденія о финляндскихъ дѣлахъ и порядкахъ.

Значитъ, это они, сильные и властные люди, «вполнѣ увѣрили» русскую печать «въ томъ что можно безнаказанно нападать на утвержденный Монархомъ законный порядокъ въ государствѣ и нарушать миръ между различными частями государства». Это они поощрили русскую печать къ «откровенности», какъ будто они не знали что дѣло Финляндцевъ, по сознанію автора статьи,—дѣло, конечно, «справедливое», но не изъ такихъ, однако, справедливыхъ дѣлъ которыя не боялись бы свѣта, которымъ не могло бы «повредить» «публичное обсужденіе», а стало-быть изъ такихъ которыя нуждаются въ темномъ покровѣ непроницаемой тайны, въ обсужденіи келейномъ. Это люди стоящіе во власти поощряютъ «нападки на законное и гарантированное положеніе финляндской части государства», «усердное оклеветаніе» и «настойчивое отрицаніе существующаго права и основъ финляндскаго политическаго и національнаго существованія». Это съ одобренія этихъ вліятельныхъ силъ русская печать, въ своихъ утвержденіяхъ и требованіяхъ, стала «на границѣ къ crimen laesae majestatis», объявляя «торжественныя удостовѣренія Монарховъ пустыми, ничего незначащими обѣщаніями» и въ «самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ» побуждая Верховную Власть властнымъ словомъ уничтожить тотъ правовой порядокъ въ Финляндіи, который торжественно утверждали четыре Императора одинъ за другимъ и далѣе развили ко благу страны и къ чести всего Русскаго государства». Это на нихъ, на этихъ властныхъ людей, должна пасть отвѣтственность за «шумные вздорные крики объ оскорбленіи чести Русскаго народа и позорѣ какой причиняетъ Русской націи особая государственная организація Финляндіи». Это при анонимномъ союзничествѣ этихъ властныхъ людей «правительственные акты утвержденные собственноручною подписью Монарховъ» объявлялись исторгнутыми путемъ обмана, а «ближайшія довѣренныя лица и совѣтники Монаршіе пятнались названіемъ лживыхъ интригановъ и безсовѣстныхъ обманщиковъ». Это ими, этими анонимными союзниками, «дозволялось» въ печати «дѣлать самыя необузданныя извращенія святѣйшихъ Монаршихъ правительственныхъ актовъ».

И, «поддержанная анонимными союзниками», попросту русскими государственными властями, «деструктивная агитація» русской печати, по заявленію статьи, уже «произвела практическія послѣдствія». Увѣрен-

ность Финляндцевъ что эта агитація «помощію средствъ разчитанныхъ на національное тщеславіе и нетерпимость», что «лживость» и «невѣжество» этой агитаціи не можетъ «найти себѣ какой-либо откликъ въ европейски-образованныхъ политическихъ кружкахъ»,—эта увѣренность пошатнулась и смѣнилась страхомъ что если эта агитація «будетъ безпрепятственно развиваться далѣе», если она не будетъ пресѣчена рѣшительнымъ ударомъ, «то она можетъ увлечь за собою даже болѣе разсудительные характеры и сдѣлать, наконецъ, невозможнымъ всякое справедливое и добросовѣстное обсужденіе взаимныхъ правовыхъ отношеній». Этой агитаціи уже «удалось выдвинуть на очередь» разные вопросы. Въ Петербургѣ уже засѣдаютъ коммиссіи Высочайше назначенныя для обсужденія нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ. И въ Финляндіи, въ виду всего этого, появилось «безпокойство» относительно ея «права»,—«можетъ ли оно устоять противъ безсовѣстнаго давленія производимаго враждебнымъ движеніемъ».

«Безсовѣстное давленіе»—выраженіе нѣсколько сильное въ примѣненіи къ тѣмъ высокимъ русскимъ правительственнымъ сферамъ коимъ приписывается поддержка русской печати въ ея сужденіяхъ о финляндскихъ дѣлахъ и порядкахъ... Но какъ быть? Затронутое чувство финляндскаго патріотизма не позволило выразиться мягче. Слово финляндскаго публициста было бы даже, вѣроятно, еще крѣпче и выразительнѣе, еслибы не мѣшали упоминаемыя въ статьѣ «давленіе обстоятельствъ» и «особенная осторожность» съ какою финляндское «цензурное вѣдомство относилось (а теперь перестало относиться?) къ полемическимъ дебатамъ такого щекотливаго свойства».

Обѣщая и впредь выступать съ такою же силой противъ «тенденцій нарушающихъ право», «до тѣхъ поръ пока намъ силой не воспрепятствуютъ въ этомъ», финляндскіе патріоты руководящіе гельсингфорсскою газетой *Hufvudstadsbladet* нашли вмѣстѣ съ тѣмъ что одною газетною полемикой, однимъ публицистическимъ отпоромъ упомянутому «враждебному движенію» и «безсовѣстному давленію», нельзя болѣе довольствоваться. Такъ какъ ими усмотрѣно что «деструктивная агитація русскихъ газетъ поддерживается *иными силами* чѣмъ тѣ какія находятся въ распоряженіи публицистики», то заявляется и рекомендуется что, не прекращая борьбы съ нею въ печати, «на ряду съ этимъ было бы необходимо употребить *иной способъ* для того чтобы показать настоящее общественное мнѣніе, пока это еще не поздно». Это де «крайне важно именно теперь»...

Это кульминаціонный пунктъ воспроизводимой нами статьи, это ея «caveant consules», это ея «quousque tandem», это ея заключительныя строки, тѣ самыя строки которыя воспроизводятся другими финляндскими газетами съ подчеркиваньемъ.

Какой именно не публицистскій, а «*иной*» способъ «дать руководящимъ людямъ въ Россіи истинную картину образа мыслей въ Финляндіи» тутъ пропагандируется; въ какой именно формѣ должно выразиться финляндское «общественное мнѣніе», дабы заявленіе его «проникло дальше» чѣмъ проникаютъ заявленія печати,—въ подачѣ ли адресовъ съ несчетными подписями, или въ подачѣ всеподданнѣйшихъ докладныхъ записокъ на подобіе поданной весною прошлаго года финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, въ созывѣ ли многолюдныхъ митинговъ или въ иныхъ публичныхъ демонстраціяхъ, въ посылкѣ ли Фин-

ляндскимъ правительствомъ Русскому правительству дипломатической ноты, или въ прямомъ предъявленіи Финляндскимъ государствомъ Русскому государству рѣшительнаго ультиматума, — этого изъ статьи *Hufvudstadsbladet* не видно. Но, очевидно, имѣется въ виду какой-то громкій и вѣскій актъ, который бы на дѣлѣ показалъ что не ошибалась финская газета *Päivälehti*, заявивъ что въ Финляндіи, «когда вопросъ поставленъ о положеніи отечества, когда находятся въ опасности его драгоцѣннѣйшія права,—какъ одинъ человѣкъ будетъ стоять тогда весь народъ»...

Во многомъ, какъ видно изъ статьи газеты *Hufvudstadsbladet*, разочаровались патріоты особой финляндской государственности; поблекла и утрачена надежда на сочувствіе, мощную защиту и поддержку ихъ національнымъ и политическимъ идеаламъ и со стороны русскаго общественнаго мнѣнія, и со стороны русскихъ властей, и даже со стороны болѣе разсудительныхъ характеровъ и европейски-образованныхъ политическихъ кружковъ въ Россіи,—но не совсѣмъ еще и не всѣ еще надежды финляндскихъ государственниковъ потеряны окончательно: «Мы всегда питали *и теперь еще питаемъ* надежду»—гласитъ статья—«что наши санкціонированныя политическія права найдутъ себѣ защиту и поддержку *въ высшей инстанціи.*»

Выражена эта, еще не потерянная, но какъ бы нѣсколько поколебавшаяся («*и теперь еще* питаемъ») надежда непосредственно вслѣдъ за тѣмъ мѣстомъ статьи гдѣ назначенныя Государемъ петербургскія коммиссіи наименованы «*международными коммиссіями*», имѣющими выработать проекты международныхъ «конвенцій»...

«Международныя» коммиссіи! Это петербургскія-то коммиссіи по почтовому, монетному и таможенному вопросамъ, составленныя изъ русскихъ и финляндскихъ чиновниковъ!

Да, Русско-Финскій дуализмъ, какъ видится, успѣлъ сдѣлать большой шагъ впередъ даже противъ дуализма въ монархіи Габсбурговъ: тамъ австро-венгерскія делегаціи не добились еще пока наименованія «международныхъ». Наши же петербургскія коммиссіи прямо приравниваются созванной въ Берлинѣ дѣйствительно международной конференціи по рабочему вопросу. Какъ де Германскій императоръ сдѣлалъ попытку, нельзя ли, въ занимающемъ его дѣлѣ, достигнуть чего-нибудь путемъ соглашенія между представителями разныхъ державъ, такъ де и Русскій Самодержецъ сдѣлалъ попытку «*нельзя ли*» достигнуть коечего Ему желательнаго — путемъ соглашенія представителей двухъ державъ, Россіи и Финляндіи...

Очевидно, авторъ или авторы статьи *Hufvudstadsbladet* усвоили себѣ измышленную финляндскими политиканами идею о какомъ-то небываломъ союзномъ государствѣ (rike=reich), въ которое входитъ, какъ часть, Россійская Имперія и, наравнѣ съ нею, входитъ, какъ такая же, хотя и меньшая, часть, и Финляндія, имѣющая де свою «особую государственную организацію». *

---

* Финляндскій юристъ-профессоръ Германсонъ, участвовавшій въ трудахъ комитета недавно составлявшаго пресловутый кодексъ финляндскихъ „основныхъ“ законовъ—(тотъ кодексъ, который, въ случаѣ его утвержденія, увѣнчалъ бы собою 80 лѣтъ созидаемое зданіе финляндской государственной обособленности и санкціонировалъ бы окончательную утрату Россіей завоеванія, стоившаго ей въ минувшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ многой крови, тяжкихъ трудовъ и жертвъ),—этотъ г. Германсонъ, въ своемъ мнѣніи, напечатанномъ въ газетѣ *Nya Pressen* въ 1887 году,

Весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того что эта идея не усвоена ни русскою печатью, ни, главное, русскими властями, которыя еще въ Армфельтовскія времена стали поперекъ горла финляндскимъ сенаторамъ, держась, не безъ основаній, того мнѣнія «что многія изъ тѣхъ преимуществъ и Высочайшихъ соизволеній, коими, съ теченіемъ времени, Финляндія *умѣла* оградить себя, не принадлежатъ краю по закону и постановленіямъ».

Усвой себѣ Русскіе люди предлагаемую имъ Финляндцами теорію, согласись они на обсужденіе дѣлъ, порученныхъ петербургскимъ коммиссіямъ, не иначе какъ на почвѣ международныхъ отношеній,—и Финляндцы, можетъ-быть, не считали бы себя «стороной подвергающеюся нападенію», и съ меньшимъ жаромъ кричали бы противъ русскаго, устраняющаго всякое безпристрастіе, «терроризма», попирающаго законность, подавляющаго «истину» и уничтожающаго «права слабаго». Признай Русскіе люди проповѣдуемую Финляндцами политическую систему русско-финскаго дуализма,—и Россіи не пришлось бы теперь трепетать въ предчувствіи грозящихъ ей бѣдъ отъ употребленія противъ нея уже не печатныхъ, а «иныхъ способовъ» проявленія финляндскаго «общественнаго мнѣнія»...

Это «общественное мнѣніе» не допускаетъ чтобы петербургскія коммиссіи могли имѣть дѣловое значеніе въ административномъ или законодательномъ смыслѣ, чтобы занятія ихъ могли завершиться какимъ-либо серіознымъ практическимъ результатомъ. Всякое допущеніе чего-либо подобнаго выводитъ Финляндцевъ изъ себя. Задача коммиссій, по финляндскому толкованію, только академическая, эти коммиссіи, такъ сказать, только пробный шаръ, простая попытка путемъ дипломатическихъ совѣщаній позондировать «нельзя ли часть публичныхъ финляндскихъ учрежденій поставить въ большее *соотвѣтствіе* съ существующими въ Россіи условіями»... «Мы не имѣемъ свѣдѣнія», говоритъ *Hufvudstadsbladet*, «о томъ чтобъ учрежденныя нынѣ международныя коммиссіи получили какое-либо иное порученіе»...

Намъ представляется, однако, нѣсколько сомнительнымъ чтобы Финляндцы, въ особенности же чтобы вдохновители финляндской печати, имѣвшей возможность высказывать отъ себя то самое что̀ финляндскіе члены петербургскихъ коммиссій высказывали въ этихъ коммиссіяхъ,—намъ сомнительно чтобы всѣ эти господа не знали что означенныя коммиссіи офиціально поименованы «по вопросу объ *объединеніи*» почтовомъ, таможенномъ и проч. Въ словѣ же «объединеніе», полагаемъ,—цѣль коммиссій прямо преднамѣчена. Правда, въ финляндскомъ офиціальномъ сообщеніи (которое составлено Финляндскимъ Сенатомъ) на шведскомъ языкѣ сло́ва «объединеніе» нѣтъ; тамъ было употреблено другое́, неопредѣленное слово «соотвѣтствіе» (öfverenstämmelse): но вѣдь это сдѣлано видимо для того чтобы заранѣе подготовить приличный предлогъ для полумѣръ.

Понятна отсюда исходная точка разногласій между русскими и финляндскими членами коммиссій. Первые обязаны стоять на почвѣ «объединенія» учрежденій требуемаго

такъ формуловалъ эту финляндскую теорію о какомъ-то Русско-Финляндскомъ союзномъ государствѣ: „Финляндія не есть провинція или часть Россійской Имперіи, но соединена съ Имперіей въ одно государство (rike); Финляндія не есть суверенная страна, однакоже страна съ собственною конституціей, и посему Финляндія есть государство (stat), хотя и не суверенное, но автономное.“

Самодержавною Волей, непререкаемою на всемъ пространствѣ Русской земли, а стало-быть и въ предѣлахъ финляндскихъ губерній «состоящихъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединенныхъ».* Вторые — финляндскіе члены — стоятъ на почвѣ вопроса о допустимости или недопустимости «соотвѣтствія» между учрежденіями, съ точки зрѣнія національныхъ и политическихъ правъ Финляндіи, установленныхъ де ея «основными законами», которые обязательны де для Государя, не являющагося якобы въ Финляндіи Самодержцемъ.

Финляндская печать настоятельно требуетъ чтобы финляндскіе члены коммиссій твердо стояли на такой почвѣ, и *Hufvudstadsbladet* напоминаетъ имъ что «ихъ обязанность, какъ финляндскихъ гражданъ и довѣренныхъ лицъ, состоитъ въ томъ чтобы», съ указанной финляндской точки зрѣнія, «открыто высказывать свое убѣжденіе о законномъ и справедливомъ и безъ опасливости стараться препятствовать тому чтобы несправедливыя и незаконныя представленія получили рѣшающее значеніе». Предъявляя финляндскимъ членамъ коммиссій такія требованія, финская печать, напримѣръ *Päivälehti*, обнадеживаетъ ихъ что они «могутъ быть увѣрены въ томъ что они, защищая права своего отечества, дѣйствуютъ при поддержкѣ всего народа»...

Должно-быть, однако, Финляндцы уже чувствуютъ что почва, на которую они стали, слишкомъ зыбкая почва, что она подъ ними колеблется. Иначе, зачѣмъ понадобилось бы воззваніе къ «иному» не печатному способу борьбы противъ русскихъ взглядовъ на дѣло? Зачѣмъ, въ особенности, понадобилось бы, именно теперь, приводить въ *Nya Pressen*,* въ видѣ «образца для людей нынѣ состоящихъ представителями Финляндіи», назидательный примѣръ финляндскаго министра-статсъ секретаря Ребиндера, который,—когда, въ поданной имъ къ подписи бумагѣ, Императоръ Николай Павловичъ хотѣлъ что-то измѣнить,—произнесъ якобы такія слова: «Sire, tout, ou rien!» (Государь, все или ничего!)

---

* Фридрихсгамскій мирный трактатъ 5 (17) сентября 1809 года, статья 4я.

* См. выше статью „Финляндскіе *герои* прежняго времени и ихъ *подвиги*“, стр. 184—185.

„ЗАКОННОСТЬ И ТЕРРОРИЗМЪ“.

Передовая статья газеты „Hufvudstadsbladet“ (№ 68, отъ 11 марта). *

Когда русскія газеты, *Московскія Вѣдомости*, *Новое Время* и имъ подобныя, года полтора тому назадъ снова начали свои нападки на Финляндію, то сперва не совсѣмъ ясно было какую конечную цѣль имѣютъ въ виду эти нападенія. Въ первыхъ статьяхъ, которыя отличались лишь злобой, невѣжествомъ и намѣренною неправдой (?), нельзя было разгадать никакого серіознаго политическаго плана. Быть-можетъ, почтенныя газеты не были еще *вполнѣ увѣрены* въ томъ что *можно безнаказанно нападать на утвержденный Монархомъ законный порядокъ въ государствѣ* (riket) *и нарушать миръ между размичными частями государства*.

Первыя нескладныя статьи выпущены были, поэтому, въ видѣ пробы, чтобы посмотрѣть въ какой мѣрѣ могутъ оказывать *терпимость* (kunde tolerera) подлежащія лица, и съ заднею практическою мыслью: Semper aliquid haeret.

Когда потомъ публицистическая коалиція (?!) нашла что ея *нападки на законное и гарантированное* положеніе финляндской части государства (finländska riksdelens) *не встрѣчаютъ* никакого *препятствія*, ея языкъ сталъ дѣлаться день ото дня все откровеннѣе, и мы со своей стороны были бы слѣпы еслибы не замѣтили куда въ концѣ концовъ мѣтитъ ея все продолжающаяся агитація и ея настойчивое отрицаніе существующаго права и основъ нашего политическаго и національнаго существованія.

Въ *ненарушимомъ покоѣ* нападающія русскія газеты продолжали затѣмъ свою агитаторскую дѣятельность. *Торжественныя удостовѣренія монарховъ* (monarkernas högtidliga försäkringar) онѣ *объявляли пустыми*, *ничего не значащими обѣщаніями*; правительственные акты, утвержденные собственноручною подписью Монарховъ, онѣ извращали и объявляли при этомъ что они являлись путемъ обмана; ближайшихъ довѣренныхъ лицъ и совѣтниковъ Монаршихъ онѣ пятнали названіемъ лживыхъ интригановъ и безсовѣстныхъ обманщиковъ, и въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ *побуждали Верховную Власть властнымъ словомъ уничтожить тотъ правовой порядокъ въ Финляндіи*, который торжественно утверждали четыре императора одинъ за другимъ и далѣе развили ко благу страны и къ чести всего Русскаго государства.

Все это и многое другое враждебная *русская печать могла дѣлать не вызывая порицаній* (opataldt), и однакоже добрая половина изъ того что она утверждала и чего она требовала стояла на границѣ къ *crimen laesae majestatis*. Это дѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 75. См. выше статью „Финляндскій гнѣвъ на русскую печать и русскія власти“, стр. 203—212.

что публичное обсужденіе не можетъ повредить справедливому дѣлу. Такой предлогъ могъ бы быть принятъ въ странахъ съ инымъ государственнымъ строемъ и съ инымъ правовымъ порядкомъ (med annat statskick och annan rättsordning). Но когда извѣстно какъ принимаются критическіе и реформаторскіе отзывы газетной прессы по другимъ внутреннимъ вопросамъ Имперіи, то слѣдуетъ придти къ тому заключенію что *деструктивная агитація русскихъ газетъ поддерживается иными силами чѣмъ тѣ какія находятся въ распоряженіи публицистики* (ryska bladens destruktiva agitation understödjes af andra krafter än de som stå i publicistikens tjenst).

Противъ этой наступательной агитаціи финляндская печать въ началѣ держала себя пассивно. Дерзкія выходки передавались въ газетахъ съ краткими комментаріями или указаніями на наиболѣе безразсудныя и несправедливыя утвержденія. Болѣе сильной полемики не могло быть, частію вслѣдствіе недостатка уваженія ко враждебнымъ статьямъ, частію вслѣдствіе давленія обстоятельствъ.

У насъ не могли ожидать чтобы статьи, въ которыхъ лживость (?) превосходило лишь невѣжество, могли найти себѣ какой-либо откликъ въ европейски-образованныхъ политическихъ кружкахъ, и, кромѣ того, наше цензурное вѣдомство особенно осторожно относилось къ полемическимъ дебатамъ такого щекотливаго свойства.

Между тѣмъ положеніе существенно измѣнилось. Мы сдѣлались такъ-сказать „from sounds to things“. Усердное клеветаніе (?), все повторявшееся отрицаніе существующаго публичнаго права Финляндіи, шумные вздорные крики объ оскорбленной чести Русскаго народа и о позорѣ какой причиняетъ будто бы Русской націи особая государственная организація Финляндіи (en särs kild statlig organisation af Finland),— произвели однакоже, наконецъ, практическія послѣдствія. Агитирующимъ газетамъ и ихъ *анонимнымъ союзникамъ* (annonyma bunds förwandter) удалось, наконецъ, вызвать нѣкотораго рода критическое положеніе (kritisk situation), въ которомъ *Высокій Руководитель дѣлъ государства* (rikets) рѣшилъ изслѣдовать (undersöka) нельзя ли (huruwida icke kunde) часть публичныхъ финляндскихъ учрежденій поставить въ большее соотвѣтствіе (större öfwerenstämmelse) съ существующими въ Россіи условіями.

Мы не имѣемъ свѣдѣнія о томъ чтобъ учрежденныя нынѣ *международныя коммиссіи* (internationella komitéerna) получили какое-либо иное порученіе. Невозможно допустить чтобы результатъ изслѣдованія коммиссій былъ a priori продиктованъ. Ни въ осуществленіи такого изслѣдованія, ни въ проектированіи реформъ, ни даже въ рѣшеніи и самомъ проведеніи реформъ не заключается никакой необходимости нарушать законъ и право. *Конвенціи* (konventioner) касающіяся почтоваго, монетнаго и таможеннаго вѣдомствъ вполнѣ современны и обыкновенно бываютъ полезны, если только заключаются съ уваженіемъ къ обоюднымъ правамъ. Съ этой точки зрѣнія поняли мы правительственное распоряженіе. Мы всегда питали и теперь еще питаемъ надежду что наши санкціонированныя политическія права найдутъ себѣ защиту и поддержку въ высшей инстанціи.

Не таково наше отношеніе къ нашимъ политическимъ антагонистамъ въ газетной прессѣ. Не довольно того что они объявляютъ реформы, пока еще только на разсмотрѣніи находящіяся, „заранѣе рѣшенными“. Они стараются, кромѣ того, per fas et nefas, доказать что мѣропріятія направленныя къ уничтоженію права самоуправленія Финляндіи рѣшительно необходимы, и что возраженія которыя дѣлаются съ финляндской стороны противъ законности такихъ мѣръ ничего не значатъ.

Противъ такихъ-то тенденцій, нарушающихъ право, мы выступали и намѣрены выступать до тѣхъ поръ пока намъ силой не воспрепятствуютъ въ этомъ. Мы нарушили бы свои общественныя обязанности еслибы не возражали противъ политики нашихъ русскихъ антагонистовъ.

Между тѣмъ, это причиняетъ досаду такимъ органамъ публичнаго слова какъ *Новое Время* и *Московскія Вѣдо-*

мости. Несмотря на то что эти газеты сами провозгласили то положеніе что публичное обсужденіе не можетъ повредить справедливому дѣлу, и несмотря на то что имъ, подъ защитой этой, въ другихъ случаяхъ не признаваемой, истины, *дозволялось дѣлать самыя необузданныя извращенія святѣйшихъ Монаршихъ правительственныхъ актовъ* (monarkernas heligaste regeringshandlingar), онѣ стараются теперь административными средствами подавить всякій законный отпоръ той пропагандѣ которую онѣ ведутъ.

Уже и прежде эти нападающія газеты инсинуировали будто цензура въ Финляндіи слишкомъ слаба, когда она дозволяла полемику противъ ихъ статей. То же самое высказывается теперь in optima forma въ переданной нами вчера статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей.** Утвержденіе газеты *Päivälehti*, что весь Финскій народъ единодушенъ въ оппозиціи противъ стремленій представляемыхъ *Московскими Вѣдомостями* и проч., выставляется крайне не цензурнымъ.

Такими-то средствами агитирующія газеты хотятъ проводить справедливость и истину. Одна сторона удерживаетъ за собою право всѣми неправильными средствами необузданной агитаціи возбуждать общественное мнѣніе въ Россіи противъ Финляндіи, но требуетъ чтобы защита стороны подвергающейся нападенію подавлена была властями. Это уже не изслѣдованіе правды, производимое съ безпристрастіемъ и при равныхъ силахъ, имѣется въ виду, это—чистый терроризмъ, рекомендуемый для подавленія истины и для уничтоженія правъ слабаго.

Что таково именно ихъ намѣреніе, это лучше всего видно изъ того что *Московскія Вѣдомости* жалуются также на финляндскихъ членовъ коммиссій за то что тѣ не говорятъ безпрекословно „да“ на проекты русскихъ членовъ. Ихъ *обязанность*, какъ *финляндскихъ* гражданъ и *довѣренныхъ лицъ*, состоитъ, однакоже, лишь *въ томъ чтобъ* открыто высказывать свое убѣжденіе о законномъ и справедливомъ и безъ опасливости стараться *препятствовать* (söka hindra) *тому чтобы несправедливыя и незаконныя представленія* получили рѣшающее значеніе.

Финляндская печать также обязана давать выраженіе общественному мнѣнію и образу мыслей господствующему въ странѣ, даже при томъ тягостномъ сознаніи что эти отзывы, какъ бы основательны и лойяльны они ни были, не проникнутъ въ русскую публику, которая такимъ образомъ исключительно находится подъ вліяніемъ извращающихъ истину статей враждебныхъ газетъ.

До сихъ поръ мы утѣшали себя сознаніемъ нашего права, но теперь съ безпокойствомъ спрашиваютъ въ странѣ, можетъ ли оно устоять (om denna kon bestå) противъ безсовѣстнаго давленія (samvetslösa påtryckning) произведеннаго враждебнымъ движеніемъ (fiendtliga rörelse) и ежедневно увеличивающагося при помощи средствъ разчитанныхъ на національное тщеславіе и нетерпимость. Уже теперь замѣчается что весьма вліятельныя силы (ganska inflytelserika krafter) поддерживаютъ агитацію, и если она будетъ безпрепятственно развиваться далѣе, то она можетъ увлечь за собою даже болѣе разсудительные характеры и сдѣлать, наконецъ, невозможнымъ всякое справедливое и добросовѣстное обсужденіе взаимныхъ правовыхъ отношеній и тѣхъ вопросовъ которые агитаціи удалось выдвинуть на очередь.

Было бы крайне важно именно теперь дать руководящимъ людямъ въ Россіи (ledande männen i Ryssland) истинную картину образа мыслей въ Финляндіи. Опроверженіе въ печати ложныхъ и несправедливыхъ обвиненій не проникаетъ далеко. Быть-можетъ, *на ряду съ этимъ* (derjemte) *было бы необходимо употребить иной способъ* (annat sätt) *для того чтобы показать настоящее общественное мнѣніе*, пока это еще не поздно?

---

* См. выше, стр. 180—183.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.*

7.

Объединеніе финляндскихъ почтовыхъ учрежденій съ русскими.

Мы можемъ подѣлиться съ читателями крупною и отрадною новостью.

По достовѣрнымъ слухамъ, рѣшеніе по одному изъ вопросовъ порученныхъ обсужденію петербургскихъ коммиссій состоящихъ въ предсѣдательствѣ финляндскаго генералъ-губернатора графа Ѳ. Л. Гейдена, именно по вопросу почтовому, ** уже состоялось 9 марта въ слѣдующихъ общихъ чертахъ:

1. Почтовое дѣло въ Финляндіи подчиняется нашему Главному Управленію Почтъ и Телеграфовъ.

2. Главный директоръ (оберъ-директоръ) назначается не по представленію Финляндскаго Сената, какъ было донынѣ, а по соглашенію финляндскаго генералъ-губернатора съ нашимъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

3. Почтовое управленіе въ Финляндіи должно руководствоваться тѣми инструкціями и правилами какія будутъ даны отъ нашего Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, которое имѣетъ производить и ревизіи.

4. Служащіе въ финляндскихъ почтовыхъ учрежденіяхъ обязательно должны умѣть говорить по-русски.

Конечно, это только сущность рѣшенія, и какъ именно оно формуловано, каковъ именно официальный текстъ его, намъ пока (19 марта) еще неизвѣстно.

Въ виду переданной намъ отрадной вѣсти, само просится подъ перо слѣдующее сопоставленіе:

9 марта 1808 русскія войска вступили въ Або—начало покоренія Финляндіи.

9 марта 1890 рѣшенъ финско-русскій почтовый вопросъ,—первый шагъ къ упорядоченію отношеній Россіи къ состоящей въ ея собственности и державномъ обладаніи, покоренной ею, Финляндской провинціи.

Безъ сомнѣнія, съ благодарнымъ чувствомъ встрѣтятъ эту состоявшуюся, по слухамъ, мѣру вѣрные своему Государю Финляндцы, не могущіе, въ силу этой своей вѣрности, раздѣлять безумныхъ сепаратистскихъ увлеченій сбившихъ съ толку извѣстную часть финляндской „интеллигенціи“. Чуждая этихъ увлеченій, масса здравомыслящихъ Финляндцевъ, безъ сомнѣнія, поймѣтъ что указанная мѣра есть лишь первый шагъ къ исполненію того что было имъ возвѣщено и обѣщано царскимъ словомъ покорителя Финляндіи, императора Александра I. Они, конечно, припомнятъ слова обращеннаго къ нимъ Высочайшаго манифеста 5 (17) іюня 1808:

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 77, отъ 19 марта.

** См. выше, стр. 157—165 и 178.

„Въ *средѣ народовъ* скипетру Россійскому подвластныхъ и *единую Имперію составляющихъ*, обыватели новоприсоединенной Финляндіи восприяли *навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава* противу воли и предопредѣленій Вышняго, *ничто отторнуть ихъ не можетъ*."

„Вѣрные обыватели Финляндіи, *будьте тверды и непоколебимы въ преданности* вашей *къ Россіи! Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ* (съ нею) *есть непреложно*."

Говоримъ это въ твердой увѣренности что клевещутъ на Финскій народъ тѣ финляндскіе публицисты которые позволяютъ себѣ, по поводу петербургскихъ Гейденовскихъ коммиссій, возглашать что,—„когда вопросъ поставленъ о положеніи отечества, когда находятся въ опасности его драгоцѣннѣйшія права,—какъ одинъ человѣкъ будетъ стоять тогда весь народъ". Нѣтъ, не сужденіями и мнѣніями благомыслящихъ Финляндцевъ была внушена собственному корреспонденту лондонской *Daily News* та телеграмма по поводу назначенія Гейденовскихъ коммиссій, которую онъ послалъ въ свою газету ночью въ понедѣльникъ 22 января:

„Какъ въ здѣшнихъ (петербургскихъ) финляндскихъ кругахъ, такъ и повсюду въ Финляндіи господствуетъ большое вожбужденіе, ибо Финляндцы пришли къ убѣжденію что Русское правительство, въ прямое нарушеніе Боргоскаго *трактата* (*Treaty of Borga*!!!), въ ближайшемъ будущемъ приступитъ къ руссификаціи автономнаго Великаго Княжества, начавъ съ отмѣны спеціальныхъ привилегій торжественно гарантированныхъ Финляндіи Русскими Царями нынѣшняго столѣтія. Со стороны Финляндскаго народа *слѣдуетъ ожидать самаго энергическаго сопротивленія*, и тѣ кто знакомъ съ особенностями ихъ національнаго характера считаютъ вѣроятнымъ что *Русскіе встрѣтятъ* съ ихъ стороны *болье чѣмъ* простое *пассивное сопротивленіе*."

Кто этому повѣритъ? Кого у насъ могутъ смутить подобныя глупости?

8.

Финляндскія заискиванія у русской печати.

Не довольствуясь проповѣдью сепаратистскихъ идей у себя дома, на шведскомъ и финскомъ языкахъ, Финляндцы въ послѣднее время стараются пріобрѣсти себѣ союзниковъ въ Россіи, дабы, при ихъ помощи, „просвѣщать" русскую читающую публику. Статьи появлявшіяся въ защиту финляндскихъ притязаній въ петербургскихъ *Новостяхъ* (которымъ въ Финляндіи дается обыкновенно почетный титулъ „дружественной" газеты) и въ нѣкоторыхъ другихъ органахъ нашей такъ-называемой „либеральной" печати, съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаются въ финляндскихъ газетахъ. „Либеральная печать въ Россіи", провозглашаютъ онѣ, „за насъ, а противъ насъ органы русской партіи и консервативныя газеты." Въ мартовской книжкѣ финляндскаго журнала *Finsk Tidskrift* русскія газеты осуждающія финляндскія притязанія называются почему-то огуломъ „славянофильскими" (slavofilbladen).

Но защита оказывавшаяся до сихъ поръ Финляндцамъ въ русской „либеральной" печати кажется имъ слишкомъ недостаточною. Изъ того же финляндскаго журнала *Finsk Tidskrift* (февральская книжка за текущій годъ) видно что еще въ прошломъ году Финляндцы задумали издавать въ Петербургѣ еженедѣльную газету, предназначенную, какъ говоритъ журналъ, „главнымъ образомъ для того чтобы распространять свѣдѣнія о нашей странѣ и разсѣять предразсудки и недоразумѣнія", и возбудили уже въ Главномъ Управленіи по Дѣламъ Печати ходатайство о разрѣшеніи, но получили

отказъ. Сами ли они непосредственно хотѣли дѣйствовать въ этой газетѣ, или подговорили для этого какихъ-нибудь услужливыхъ русскихъ публицистовъ,—журналъ не объясняетъ.

Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу съ особымъ финляндскимъ органомъ на русскомъ языкѣ, Финляндцы стараются теперь по крайней мѣрѣ увеличить число своихъ „защитниковъ“ среди русской печати. Въ Гельсингфорсской газетѣ *Hufvudstadsbladet* (въ № 70) находимъ любопытный разказъ ея московскаго корреспондента объ его похожденіяхъ въ редакціи газеты *Русскія Вѣдомости* съ цѣлью привлеченія этой газеты къ „активному содѣйствію“ въ пользу Финляндцевъ.

„Совсѣмъ нейтральною остается“, говоритъ упомянутый корреспондентъ, „*вліятельная* здѣшняя газета *Русскія Вѣдомости*, которыя, какъ мнѣ говорили, держатся принципа сколь возможно менѣе касаться окраинъ Россіи. Мнѣ кажется, однако, мало вѣроятнымъ чтобъ именно эта причина побуждала газету лишать насъ своего активнаго содѣйствія, въ особенности въ виду того что *редакція* этой *могущественной газеты* (mäktiga bladet) *питаетъ личныя симпатіи* къ Финляндіи.“

Корреспондентъ разказываетъ затѣмъ о своемъ посѣщеніи редакціи *Русскихъ Вѣдомостей*. Онъ просилъ помѣстить переводъ одной статьи изъ *Hufvudstadsbladet*, направленной противъ *Новаго Времени*, но ему отказали и объяснили при этомъ что „*Русскія Вѣдомости* въ теченіе десяти лѣтъ не принимали участія ни *за*, ни *противъ* въ финляндской полемикѣ и не находятъ къ тому повода и теперь“. Редакція обѣщала ему, однако, давать мѣсто для другихъ интересныхъ новостей и статей касающихся Финляндіи.

„Въ надеждѣ на это обѣщаніе“,—говоритъ корреспондентъ,—„я съ недѣлю тому назадъ передалъ въ редакцію помѣщенное въ *Hufvudstadsbladet* извлеченіе изъ статьи журнала *Finsk Tidskrift* о вопросахъ обсуждаемыхъ въ Петербургскихъ коммиссіяхъ. Статья эта собственно не полемическая. Мнѣ обѣщали сдѣлать все что возможно. Но прошло уже болѣе недѣли, и, къ сожалѣнію, газета, кажется, не хочетъ открывать своихъ столбцовъ для активнаго участія. По всей вѣроятности, это происходитъ отъ того что такой шагъ со стороны этой газеты былъ бы соединенъ съ обширною работой и издержками, такъ какъ *Московскія Вѣдомости* не преминули бы, конечно, вызвать своего коллегу на полемику и воспользоваться выходомъ его изъ нынѣшняго нейтральнаго положенія.“

ФИНЛЯНДСКІЕ

„ГЕРОИ“ ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ И ИХЪ „ПОДВИГИ“.

2.

Сенаторъ-анонимъ. *

Напомнивъ о „подвигахъ“ Ребиндера,** финляндская газета *Nya Pressen* въ № 64 (отъ 7 марта) помѣстила воспоминанія о другомъ, менѣе извѣстномъ, финляндскомъ „героѣ“, отказавшемся въ 1825 году присягнуть на вѣрноподданство по формѣ предложенной генералъ-губернаторомъ графомъ Закревскимъ.

Это было де въ промежутокъ времени между кончиной императора Александра I и восшествіемъ на престолъ императора Николая Павловича.

„Братъ императора, великій князь Константинъ (разказываетъ авторъ воспоминаній, подписавшійся буквами: ei) провозглашенъ былъ его преемникомъ, и русскіе государственные люди (ryska statsmännen), неблагосклонно смотрѣвшіе на то исключительное положеніе какое получила Финляндія въ русскомъ государственномъ комплексѣ (ryska statskomplexen), хотѣли теперь воспользоваться перемѣной на престолѣ дабы достигнуть въ этомъ отношеніи измѣненія. Генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, за нѣсколько дней до Рождества, предложилъ членамъ Сената принести такую присягу на вѣрноподданство новому властителю, по которой они должны были отречься отъ конституціи своей страны. Присягу эту, однако, еще не успѣли учинить, такъ какъ одинъ изъ членовъ, во время самой церемоніи, выступилъ впередъ и словами: „„Что это за присяга?““ прервалъ актъ.

„Но то что отложено, этимъ еще не отмѣнено. Требованіе поставленное въ Петербургѣ руководящимъ людямъ нашей страны все попрежнему тяготѣло надъ нею; курьеры безпрестанно ѣздили между Гельсингфорсомъ и Петербургомъ, и неизвѣстно было только въ какой день получены будутъ окончательныя и рѣшающія предписанія, противъ которыхъ уже нельзя будетъ болѣе возражать. Неудивительно, поэтому, что эти дни были днями ожиданія и безпокойства, и что даже мирный праздникъ не могъ разсѣять мучительнаго напряженія носившагося въ воздухѣ.

„Въ это безпокойное время, одинъ

---

* *Московскія Вѣдомости,* 1890 года, № 78, отъ 20 марта.

** См. выше, стр. 184—185.

двухъэтажный домъ, на столь тихой въ обыкновенныхъ случаяхъ Казарменной площади, былъ предметомъ особеннаго вниманія. Предъ нимъ почти во всякое время короткаго зимняго дня двигалась большая толпа изъ разныхъ классовъ населенія, останавливалась, расходилась, давая мѣсто другимъ. Лица входившія въ домъ или выходившія изъ него почти всегда окружались, и не разъ случалось, особенно когда присутствовала учащаяся молодежь, что громкими *ура* и одобрительными криками толпа выражала свое сочувствіе тому что̀ слышала. Но эти минуты были исключительными минутами и тоже не могли разогнать преобладавшаго надъ всѣмъ чувства стѣсненія.

„У воротъ стоялъ военный караулъ, хотя здѣсь не жило никого кто имѣлъ бы на него право. Но оказывалось что военный караулъ, поставленный въ мирное время предъ домомъ частнаго лица, можетъ имѣть иногда и другое назначеніе, а не служить только для почета.

„Внутри, въ одной изъ комнатъ дома, сидѣлъ старый человѣкъ за своимъ письменнымъ столомъ. Его волосы были бѣлы какъ серебро, его станъ согнутъ. Выраженіе спокойнаго достоинства проникало все его существо. Это былъ тотъ самый членъ Сената который протестовалъ противъ принесенія присяги, и котораго теперь, за этотъ смѣлый поступокъ, держали подъ карауломъ въ его собственномъ домѣ. Его имя? Но что̀ въ имени, когда рѣчь идетъ о такомъ поступкѣ который долженъ говорить самъ за себя. Впрочемъ, можетъ-быть, его имя нѣкогда станетъ извѣстно, когда наступитъ время для вскрытія втораго ящика бумагъ оставшихся послѣ Эрнстрема*; что̀, однакоже, можетъ произойти не ранѣе какъ по истеченіи пятидесяти лѣтъ послѣ смерти автора. Пока мы будемъ называть его статскимъ совѣтникомъ Х.“

Авторъ передаетъ далѣе разговоръ происходившій между оппозиціоннымъ сенаторомъ и присланнымъ отъ графа Закревскаго полковникомъ. Въ этой бесѣдѣ сенаторъ выставляется въ необыкновенно „геройскомъ“ видѣ: на резоны полковника, уговаривавшаго подчиниться и принести присягу, онъ отвѣчаетъ непреклоннымъ отказомъ.

„Генералъ-губернаторъ“ говоритъ ему, между прочимъ, полковникъ, „созываетъ членовъ Сената чтобы принять отъ нихъ присягу на вѣрность Государю Императору, присяга уже наполовину принесена, и вдругъ вы выступаете впередъ и отказываетесь продолжать; возникаетъ общее замѣшательство, и вся церемонія прерывается. Подумали ли вы хорошенько какое неслыханное оскорбленіе заключается въ этомъ для Его Величества? Это бунтъ и можетъ повлечь за собою только то наказаніе (каторжныя работы) о которомъ я вамъ говорилъ.“

Сенаторъ, однако, продолжалъ стоять на своемъ. По уходѣ полковника, онъ позвалъ къ себѣ своихъ сыновей и далъ имъ наставленія въ ожиданіи скорой ссылки, такъ какъ въ этотъ же вечеръ ожидали прибытія изъ Петербурга курьера который долженъ былъ привезти отвѣтъ на запросъ графа Закревскаго о томъ какъ поступить относительно присяги и что̀ дѣлать съ бунтующимъ сенаторомъ.

„Въ теченіе наступившей затѣмъ ночи,“—продолжаетъ авторъ, — „никто изъ членовъ семейства не могъ спать, и однакоже никто изъ нихъ ни на одно мгновеніе не пожелалъ чтобъ отецъ ихъ поступалъ иначе.

„Но судьбы народовъ и націй направляются рукой стоящею выше политическихъ разчетовъ. Когда настало утро, ожидаемый курьеръ изъ Петербурга еще не прибылъ, а когда онъ, по прошествіи сутокъ, наконецъ, пріѣхалъ, то привезъ съ собою совсѣмъ не тѣ извѣстія какихъ ожидали. Въ Петербургѣ произошли событія къ которымъ не были приготовлены въ Финляндіи. Великій князь Константинъ прислалъ изъ Варшавы свое отреченіе отъ престола въ пользу младшаго брата, Николая, и послѣдній, сдѣлавшись императоромъ, возобновилъ монаршее

---

* Эрнстремъ умеръ въ Гельсингфорсѣ въ 1847 году. Первая часть его воспоминаній уже издана.

удостовѣреніе (regent försäkran) Александра I Финляндскому народу... Николай I сначала, быть-можетъ, неохотно (icke gärna) соглашался дать соединенной съ его государствомъ странѣ такое исключительное положеніе, но онъ все-таки сдѣлалъ это. А разъ ужь Императоръ подписалъ и своимъ именемъ утвердилъ (?) автономное положеніе Финляндіи, то этимъ положеніемъ былъ конецъ и направленнымъ противъ него планамъ русскихъ министровъ; они исчезли какъ водяные пузыри въ глубинѣ.

„День спустя послѣ полученія этихъ извѣстій въ Гельсингфорсѣ, члены Сената опять собрались для принесенія присяги, на этотъ разъ Николаю. Громкимъ голосомъ и съ высоко поднятою головой произносилъ теперь статскій совѣтникъ Х. свою присягу; въ этотъ разъ она основана была на финляндскомъ законѣ (grundad på Finlands lag).“

Этимъ кончаются воспоминанія г. ei. Жаль что онъ не счелъ нужнымъ объяснить опредѣленнѣе что̀ это была за присяга потребованная графомъ Закревскимъ, по которой члены Сената „должны были отречься отъ конституціи своей страны“. Была ли это какая-нибудь особая, спеціально для Финляндіи придуманная форма присяги, или (что̀, кажется, вѣроятнѣе) просто *общая русская вѣрноподданническая присяга* въ *точномъ* шведскомъ переводѣ?

Такая именно присяга, буквально сходная съ формой помѣщенною въ *Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи*, съ именами императора Николая Павловича и наслѣдника его, официально издана на русскомъ языкѣ въ Гельсингфорсѣ въ томъ же 1825 году, на отдѣльномъ листкѣ (какъ и всѣ финляндскіе официальные акты издававшіеся на русскомъ языкѣ до 1860 года, съ котораго началось уже изданіе періодическаго *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*). Сверху на листкѣ напечатано Высочайшее утвержденіе: „Быть по сему“.

Но члены Сената и бо́льшая часть населенія Финляндіи приносили присягу на вѣрность императору Николаю Павловичу не по этой формѣ, а по другой, составленной на шведскомъ и финскомъ языкахъ. Шведская форма также издана отдѣльнымъ листкомъ и, кромѣ того, она перепечатана въ *Сборникѣ постановленій, манифестовъ и другихъ публичныхъ актовъ, вышедшихъ изъ печати въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ съ 1808 года* (издавался въ Гельсингфорсѣ на шведскомъ языкѣ съ 1821 по 1860 годъ, 17 томовъ). Отъ русской формы,* она отличается тѣмъ что:

1) въ титулѣ Государя въ ней прибавлено: „Великій Князь Финляндіи“;

2) *исключено упоминаніе о самодержавной власти Государя* и замѣнено выраженіемъ означающимъ просто „власть“ (väldet), и

3) въ концѣ опущены слова: „въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего“.

Послѣднее изъ этихъ отличій можно еще объяснить тѣмъ что шведская (и финская) форма предназначалась для лютеранскаго населенія края; но чѣмъ объяснить первыя два отличія, и какъ они могли явиться въ переводѣ, если ихъ нѣтъ въ официально изданномъ подлинникѣ? Государь могъ просмотрѣть, конечно, только русскій текстъ. Спрашивается теперь, доложилъ ли при этомъ просмотрѣ Ребиндеръ о вышеуказанныхъ отличіяхъ шведскаго текста, и если доложилъ, то въ какой формѣ это было сдѣлано?

Подъ присягою „основанною на финляндскомъ законѣ“, которую сенаторъ Х. вмѣстѣ со своими товарищами произносилъ „громкимъ голосомъ и съ высоко поднятою головой“, авторъ воспоминаній въ *Nya Pressen* разумѣетъ, очевидно, именно эту шведскую форму присяги. Еслибъ онъ разъяснилъ при этомъ ея происхожденіе, то, быть-можетъ, начертанный имъ „героическій“ образъ сенатора, сперва протестовавшаго и готовившагося къ ссылкѣ, а потомъ поднявшаго голову, много потерялъ бы

* Подъ шведскимъ текстомъ присяги въ *Сборникѣ Постановленій* отмѣчено что напечатанъ также русскій текстъ, предназначенный для жителей края „исповѣдующихъ грекороссійскую вѣру“.

въ своемъ величіи и даже совсѣмъ ступевался бы предъ образомъ „великаго дипломата“ Ребиндера...

Въ томъ же шведскомъ *Сборникѣ* финляндскихъ узаконеній за 1855 годъ напечатана форма присяги на вѣрноподданство Императору Александру Николаевичу, совершенно сходная со шведскою формой присяги 1825 года. Въ какомъ видѣ издана была въ этотъ разъ присяга на русскомъ языкѣ, мы не знаемъ. Только уже въ 1877 году узаконена для Финляндіи особая форма вѣрноподданнической присяги.* Она напечатана на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ въ *Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*. Въ сравненіи съ общерусскою присягой, она короче и заключаетъ въ себѣ особое упоминаніе о финляндскихъ законахъ. *О самодержавной власти Государя въ ней ничего не говорится.*

ФИНЛЯНДСКІЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

* См. ниже статью „Когда и какъ измѣнилась въ Финляндіи присяга на вѣрноподданство“, стр. 229—234.

ПИСЬМА О ФИНЛЯНДІИ.

Письмо первое.*

I.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія наша западная граница удиннилась почти одновременнымъ присоединеніемъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Въ обоихъ случаяхъ государственная власть отнеслась къ новымъ приростамъ благодушно и недовольно осмотрительно, разчитывая, конечно, въ послѣдствіи принять надлежащія мѣры къ тому чтобы новыя провинціи не глядѣли прочь, какъ волки въ лѣсъ, по выраженію великой императрицы.

Благодушіе было въ томъ что мѣстные инородные элементы не только не подверглись законному воздѣйствію русской государственной народности и не очутились въ томъ положеніи какъ въ Прусской и Австрійской Польшѣ, но получили государственную организацію, признаніе мѣстнаго языка правительственнымъ, подтвержденіе сословныхъ и вѣроисповѣдныхъ правъ. Непрерывною цѣпью тянулись на западѣ обособленные „штаты"—Польша, Литва, Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія.

Подобное благодушіе доходило до нѣкоторой небрежности. Изъ-за верхнихъ слоевъ польскихъ, нѣмецкихъ, шведскихъ, католическихъ и лютеранскихъ, не разглядѣли что добрая четверть Царства Польскаго никоимъ образомъ не можетъ считаться польскою, и что ей мѣсто въ составѣ Гродненской и Волынской губерній, среди южно-русскаго племени, къ которому она, по ошибкѣ московской, не успѣла присоединиться при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Петербургъ и до сихъ поръ не поправилъ этой ошибки. Къ Финляндіи же почему-то признали необходимымъ присоединить Выборгскую губернію, успѣвшую на половину обрусѣть.

Паны и рыцари, конечно, трубили о шляхетской лойяльности и расшаркивались, замышляя наилучшимъ образомъ воспользоваться защитой Москалей, столь на нихъ не похожихъ и недальновидныхъ. Они только забывали что новая сила, ставшая надъ ними, такова что никогда пядь земли купленная русскою кровью изъ рукъ Россіи отойти не можетъ, и что если, по выраженію Самарина, можно было „отвалиться" Балтійскимъ провинціямъ и Финляндіи отъ разслабленной Швеціи, то подобная крамола противъ Россіи успѣха имѣть не можетъ.

Въ то время какъ наши западные сосѣди, дружа и враждуя, непрерывно укрѣплялись противъ насъ, наши окраины постепенно сростались съ государственнымъ тѣломъ. Исчезли слѣды

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 80.

мѣстныхъ отличій Смоленской провинціи, Малороссіи, Бессарабіи, Литвы; надолго притихла преобразованная Польша; на нашихъ глазахъ искореняется нѣмецкій сепаратизмъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, стоявшій стѣной между мѣстнымъ населеніемъ, простиравшимъ къ Россіи руки съ мольбой о помощи, и правительствомъ; наступаетъ очередь и для крайней русской окраины, составляющей гласисъ Петербурга.

Слѣпо уповая что западная дипломатія управится съ „разслабленнымъ колоссомъ“, крамольный сепаратизмъ, конечно, начиналъ съ возбужденія и науськиванія западноевропейской печати противъ Россіи. Давно извѣстно что православные народы, Славянское племя, чужды римско-протестанскому, латино-германскому населенію Европы. Только въ эпохи политическихъ кризисовъ угнетатель и угнетенный заискиваютъ въ Россіи: съ возстановленіемъ равновѣсія и мирнаго положенія въ системѣ западныхъ государствъ, всѣ безъ различія проникаются одинаково враждебнымъ отношеніемъ къ чуждому имъ элементу, одинаково высокомѣрнымъ стремленіемъ обратить этотъ элементъ въ служебное своимъ цѣлямъ орудіе, не болѣе.

Съ Польшей мы знакомы издавна. Симпатичныя и антипатичныя стороны въ характерѣ этой заблудшей овцы изъ славянскаго стада всегда были близки Русскимъ людямъ. Дѣйствія эмиграціи были всегда извѣстны. Мятежъ могъ быть предусмотрѣнъ, и Русскій народъ былъ возмущенъ неисправимою исключительностью латино-польской крамолы, варварскими неистовствами мятежниковъ, ихъ презрѣніемъ къ интересамъ массы народной, спокойно жившей подъ охраной правительства.

Изъ года въ годъ продолжается внутренняя и заграничная агитація противъ русской государственности въ Финляндіи, какъ путемъ печати, такъ и рядомъ обособляющихъ отъ Россіи внутреннихъ преобразованій, довольно мелочныхъ, но, въ массѣ, воздвигающихъ плотное средостѣніе. Постепенно стараются изгладить фактъ завоеванія, подмѣнивъ его какимъ-то соглашеніемъ подданныхъ Шведскаго короля, помимо своего законнаго Государя, съ побѣдоноснымъ Россійскимъ Императоромъ, владѣющимъ провинціей по праву завоеванія. Простой сеймовый уставъ, наказъ опредѣляющій порядокъ производства дѣлъ въ Сеймѣ, выдается за основный государственный законъ, якобы регулирующій отношенія Монарха къ полноправнымъ политическимъ представителямъ страны. Закидываются намеки на нейтральность Финляндіи въ случаѣ русской войны, на полную обособленность международныхъ финансовыхъ операцій Великаго Княжества. Увѣнчиваются эти карточные домики оповѣщеніемъ дипломатическаго календаря что связь Финляндіи съ Россійскою Имперіей—чисто личная, что неограниченный Монархъ, Русскій Императоръ,—среди Финновъ и Шведовъ не болѣе какъ Великій Князь ограниченный конституціонными земскими чинами. Пустивъ такую утку, анонимные авторы, конечно, еще плотнѣе надвинули маски, высматривая какой эффектъ произведетъ ихъ выходка.

Для сепаратизма отъ нея пользы, конечно, немного. Поощрять и ласкать людей, гласно и властно искажающихъ историческія отношенія провинціи къ цѣлому государству,—теперь не по времени. На желѣзное кольцо, которымъ стараются оковать наши предѣлы съ запада, юга и востока, Россія отвѣчаетъ укрѣпленіемъ русскихъ рубежей; въ виду плотныхъ національныхъ массъ которыя образуются или возбуждаются противъ Россіи и ея родичей за предѣлами кольца, Россія, конечно, приметъ надлежащія мѣры къ усиленію русскаго государственнаго сознанія даже въ своихъ инородческихъ населеніяхъ, тѣснѣе связавъ ихъ органическими учрежденіями съ Государствомъ, съ Имперіей. *Политическая* автономность провинцій всегда была чужда и останется чуждою нашему государственному сознанію.

II.

Польскіе и остзейскіе порядки были извѣстны, и никого не удивило ихъ преобразованіе. Но о Финляндіи господствовали понятія весьма смутныя. Пока не были разъяснены политическія

отношенія этой страны къ Россіи, въ извѣстной части общества и печати Финляндія представлялась въ розовомъ свѣтѣ. Путешественники, обычно не заходившіе далѣе восточной половины южнаго побережья и Иматры, восторгались финляндскими дорогами, почтовыми сообщеніями, чистотой улицъ, прекраснымъ качествомъ гостиницъ, обиліемъ металлическихъ денегъ, дешевизной постройки желѣзныхъ дорогъ. Грубое и угрюмое крестьянство, незнаніе русскаго языка, таможенныя стѣсненія, низкій курсъ нашего рубля не ставились въ вину этому иностранному уголку внутри нашихъ границъ. Затѣмъ, — многое прощалось и замалчивалось нерѣдко ради престижа конституціонализма.

На самомъ дѣлѣ въ Финляндіи далеко не все обстоитъ благополучно. Если отъ летучихъ впечатлѣній лѣтней поѣздки перейти къ статистическимъ цифрамъ, къ офиціальнымъ даннымъ, къ законамъ опредѣляющимъ общественный строй Финляндіи, впечатлѣнія получаются иныя.

При Шведскомъ правительствѣ вся незаселенная земля была собственностью государства. Изъ этого фонда выдѣлялись земли во владѣніе служилаго дворянства, — земли ставшія собственностью дворянскихъ родовъ. Въ настоящее время сельское населеніе Финляндіи составляетъ 2.026.000 душъ. На это число приходится имѣній размѣромъ болѣе 90 десятинъ 1.148, отъ 90 до $22^1/_2$ дес. 11.039, отъ $22^1/_2$ до $4^1/_2$ дес. — 56.468, менѣе $4^1/_2$ дес. — 44.941, мелкихъ арендъ — 66.612. Такимъ образомъ всѣхъ хозяйствъ — 180.208. Принимая хозяйскую семью или домъ въ восемь душъ, получимъ что на собственной землѣ живетъ 908.768 душъ, остальныя 1.117.232 душъ, или 55% сельскаго населенія, земли не имѣютъ, да и изъ имѣющихъ землю почти половина владѣетъ землей менѣе $4^1/_2$ десятинъ на семью.

Изъ безземельныхъ, около 533.000 душъ живутъ на арендованной землѣ, платя оброкъ, или отбывая за землю барщину. Наконецъ, 584.000 душъ или 90.000 семей состоятъ батраками. Изъ этого же числа 82.838 нищихъ живутъ на счетъ общинъ.

Въ такомъ положеніи находятся только поселяне трехъ Балтійскихъ губерній, но и тамъ оно улучшается вслѣдствіе облегченій по выкупу крестьянскихъ усадебъ и земель отъ помѣщиковъ.

Не болѣе утѣшительно *соціальное* положеніе финляндскаго малоземельнаго крестьянскаго населенія, имѣющаго свое представительство на Сеймѣ.

Швеція терпѣла крѣпостное право въ Лифляндіи и Эстляндіи, но не знала порабощенія крестьянъ ни у себя, ни въ Финляндіи. Отъ этого, однако, Финнамъ жилось не легче чѣмъ Эстамъ и Латышамъ. Не только крестьянство, но и горожане были задавлены привилегіями дворянства. Владѣя обширными землями, дворяне не платили налоговъ, могли собственною властью взыскивать со своихъ неисправныхъ должниковъ, занимали всѣ лучшія мѣста въ государственной службѣ, могли, какъ представители родовъ, присутствовать на Сеймѣ и передавать свое представительство другимъ лицамъ.

Они пользуются всѣми правами русскаго дворянства, но русскій дворянинъ, хотя бы, какъ говорится, „принявшій финляндское подданство“ и владѣющій имѣніемъ, политическихъ правъ шведскаго дворянства не имѣетъ. Лютеранство обязательно для члена дворянской палаты на Сеймѣ, что, конечно, является вопіющимъ противорѣчіемъ съ основными законами Имперіи о господствѣ православной вѣры.

III.

Въ тѣсной связи съ дворянствомъ, какъ вообще въ лютеранскихъ земляхъ и въ Остзейскомъ краѣ, стоитъ шведское духовенство. Пасторъ въ Финляндіи былъ помѣщикомъ и отчасти полицейскимъ чиновникомъ въ своемъ приходѣ.

До 1886 года пасторъ получалъ деньгами и натурой (десятину) содержаніе отъ правительства, земля его обрабатывалась прихожанами - крестьянами, приходъ давалъ квартиру, хлѣбъ, овесъ, масло и рыбу по раскладкѣ. Съ 1886 года отпуски изъ казны прекратились, и содержаніе пастора возложено на его паству, причемъ сборы натурой пере-

ложены *поголовно* на всѣхъ прихожанъ достигшихъ 16лѣтняго возраста.

Далѣе, пасторъ выдаетъ своимъ прихожанамъ разныя свидѣтельства: о поведеніи (12½ коп. зол.), на переселеніе въ другой приходъ (12½ коп. зол.), о неимѣніи препятствій на вступленіе въ государственную службу (12½ коп. зол.), шкиперамъ (12½ коп. зол.), и матросамъ (5 коп.), когда эти лица вызываются въ судъ свидѣтелями; на оглашеніе брака (12½ коп.), о состоявшемся оглашеніи (12½ коп.), о заключеніи брака (75 коп.) и т. п. Вообще, церковные доходы пастора составляютъ порядочную сумму, а исправность полученія доходовъ обезпечена безспорнымъ (экзекуціоннымъ) порядкомъ взысканія и штрафомъ за просрочку.

Пасторы должны имѣть университетское образованіе по богословскому факультету Гельсингфорсскаго университета. До 1889 года (указъ 11 ноября) не могли пользоваться политическими правами не только православные и католики, но даже и послѣдователи иныхъ протестантскихъ толковъ. Со времени этого указа протестанты не-лютеране отчасти уравнены съ лютеранами и получили право соединяться въ приходскія общины, безъ права, однако, пріобрѣтать землю иначе какъ подъ церковь, кладбище и школу. Лютеране пріобрѣли право отдѣляться отъ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Каждая новая община обязана предъявить Сенату свое исповѣданіе вѣры и получить утвержденіе и разрѣшеніе.

До сихъ поръ — и указъ 11 ноября 1889 года подтвердилъ это — преподаватель исторіи въ учебномъ заведеніи долженъ быть непремѣнно лютеранской вѣры.

Государственная служба открыта теперь всѣмъ христіанамъ, но указы умалчиваютъ о сеймовомъ представительствѣ. Точно также до сихъ поръ не разрѣшенъ вопросъ объ участіи не-лютеранъ въ приходскихъ собраніяхъ вѣдающихъ не одни церковныя дѣла и облагающихъ сборами въ пользу пасторовъ и иновѣрческое населеніе.

Несмотря на стѣсненіе присущаго протестантизму распаденія на отдѣльные толки и секты, указъ 11 ноября 1889 года, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, будетъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ освобожденіе поселянъ отъ дорого стоящихъ и слишкомъ строгихъ попечителей лютеранскаго исповѣданія.

Опека пасторовъ не ограничивается сказаннымъ. Чтобы покрѣпче привязать Финновъ къ шведской церкви, существуютъ до сихъ поръ суровые законы обезпечивающіе соблюденіе церковныхъ правилъ: за рѣдкое (?) посѣщеніе церкви налагался штрафъ въ 10 талеровъ, за работу въ праздничные дни, также „если кто предприметъ путешествіе сухимъ путемъ или водой, въ городѣ или въ уѣздѣ, прежде окончанія божественной службы, подвергается штрафу въ 10 талеровъ; всякій кто для сего дастъ въ наймы лошадь или лодку имѣетъ быть оштрафованъ взысканіемъ 5 талеровъ; если кто находиться будетъ въ дорогѣ, то имѣетъ онъ придти для выслушанія совершаемой божественной службы въ церковь на пути стоящую“ (шведскіе законы 1734 года, офиціальный переводъ 1824 года).

IV.

При Шведскомъ правительствѣ отпускная торговля могла производиться только изъ шведскихъ гаваней. Шведскіе купцы скупали произведенія финской промышленности по произвольной цѣнѣ, къ великому ущербу края. Послѣ завоеванія края Россіей, этотъ порядокъ прекратился, но до 1864 года горожане могли заниматься чѣмъ-нибудь однимъ: промысломъ или торговлей. Ремесломъ можно было заниматься тоже только однимъ; торговать было можно лишь въ своемъ городѣ.

Вся тяжесть денежныхъ, натуральныхъ и воинской повинностей лежала и лежитъ на крестьянскомъ и недворянскомъ сельскомъ населеніи. Крестьяне не могли ни ремесленничать, ни торговать, подъ страхомъ наказаній; для продажи на базарѣ они могли привозить только произведенія своего хозяйства; купля у другихъ для перепродажи воспрещалась.

Безземельные крестьяне должны были наниматься въ услуженіе. Положеніе

работника было хуже крѣпостнаго. По закону 1734 года, подтвержденному въ 1805 году, не всякій имѣющій хозяйство могъ нанимать рабочихъ (въ ограженіе крупныхъ землевладѣльцевъ), но всѣ безземельные, достигнувъ 15 лѣтъ, обязаны были, подъ страхомъ наказанія за бродяжество, наниматься въ услуженіе непремѣнно на годъ, не иначе какъ съ ноября до ноября. Договоръ заключенный на иные сроки признавался недѣйствительнымъ, а контрагенты подвергались штрафу.

Нанявшійся долженъ былъ явиться къ хозяину въ уѣздѣ не позже 7 дней, а въ городѣ не позже 4 дней со дня заключенія договора. Въ случаѣ просрочки, онъ приводился чрезъ полицію, причемъ всѣ издержки падали на него, и, кромѣ того, онъ *долженъ былъ работать хозяину цѣлый годъ безплатно,* или откупиться годовымъ жалованьемъ.

Если работникъ убѣгалъ отъ хозяина, то разыскивался и приводился чрезъ полицію, платилъ всѣ издержки и долженъ былъ дослуживать по контракту—даромъ, но хозяину предоставлялось право не принять бѣглеца а требовать съ него штрафъ *въ размѣрѣ годоваго жалованья*, хотя бы бѣжавшій не дослужилъ у него всего нѣсколькихъ дней.

Если хозяинъ находилъ что работникъ нерадивъ, неисправенъ, напьется пьянъ, заходитъ въ кабакъ, отлучается безъ позволенія со двора, хотя бы ночью, опоздаетъ вернуться изъ дозволенной отлучки, неосторожень, въ нетрезвомъ видѣ, съ огнемъ, хотя бы безо всякихъ вредныхъ послѣдствій, или грубъ съ хозяиномъ и его семействомъ: за все это работникъ, по жалобѣ хозяина, долженъ былъ возвратить ему все заработанное жалованье и всѣ издержки, а равно и издержки судебныя. Если же хозяинъ отказывался принять такого работника обратно, этотъ послѣдній сдавался въ солдаты.

При такихъ условіяхъ, любой хозяинъ имѣлъ полную возможность обратить наемный трудъ въ даровой; для этого ему не нужно было даже безпокоиться обращаться въ судъ: хозяинъ имѣлъ право наказывать работника „домашнимъ“ порядкомъ — сажать по праздникамъ въ колодку, наказывать палкой—до увѣчья включительно:

„Если хозяинъ или хозяйка причинитъ слугѣ своему побои, такъ что онъ отъ того изувѣченъ будетъ, или сдѣлается калѣкой, то виновные имѣютъ быть подвергнуты за сіе законному взысканію. *Справедливо же учиненное ими наказаніе смрамъ за ихъ проступки оставляется безъ вниманія.*“

Законныя взысканія, о которыхъ упомянуто, не лишены интереса: за выбитый зубъ—6 талеровъ; „если кто порубитъ другаго въ лицо, или въ шею, или отсѣчетъ, или повредитъ носъ, ухо, кисть руки, руку или ногу, или вышибетъ глазъ, такъ что онъ отъ сего изувѣченъ будетъ, то имѣетъ заплатить штрафу за причиненное увѣчье 50 талеровъ (24 р.) и за уязвленіе 30 талеровъ (14 руб. 40 коп.)“.

Только съ 1864 года, подъ вліяніемъ освобожденія крестьянъ въ Россіи, драконовскіе законы тяготѣвшіе надъ Финнами нѣсколько смягчились. Дворянство стало терять свои безобразныя привилегіи, горожанамъ и крестьянамъ стало жить легче. Обязательность найма была отмѣнена, „домашнія“ наказанія замѣнились „отеческими“—и то единственно относительно прислуги не старше 18 лѣтъ; штрафы въ размѣрѣ годоваго жалованья уменьшились до $^1/_4$.

V.

Многовѣковое порабощеніе финскихъ туземцевъ шведскому меньшинству имѣло своимъ послѣдствіемъ глубокій племенной антагонизмъ.

Борьба между Финнами и Шведами началась прежде всего по вопросу о признаніи финскаго языка наравнѣ со шведскимъ въ церкви, судѣ, администраціи, школѣ. Она кончилась побѣдой Финновъ, хотя болѣе въ принципѣ чѣмъ на дѣлѣ: университетъ имѣетъ шведскій характеръ.

Общественныя отношенія Финновъ со Шведами остаются враждебными. Даже студенты Финны сторонятся отъ Шведовъ. Ожесточенныя драки между ними на майовкахъ—событіе регулярно повторяющееся изъ года въ годъ.

Вѣрой и правдой служили Финны воинственнымъ королямъ, отличаясь во всѣхъ войнахъ нѣмецкихъ, польскихъ и русскихъ, но оставались пасынками суровой мачихи—Швеціи. Не мудрено было развиться Финну въ замкнутый, злобный и мрачный типъ.

Восемьдесятъ лѣтъ Финнъ не знаетъ что̀ значитъ жертвовать жизнью за государя. Совершился рядъ освободительныхъ реформъ, хотя и не столь рѣшительныхъ какъ на другихъ окраинахъ Россіи съ иноземнымъ населеніемъ. Но главный недостатокъ этихъ реформъ въ томъ что въ нихъ дано мало значенія русскому, православному элементу, что согласованіе съ общими учрежденіями Имперіи не было ихъ выдающеюся чертой. Финнъ, освобождаясь отъ шведскаго гнета, оставался изолированнымъ, а вслѣдствіе этого и къ русской національности готовъ стать въ такое же враждебное отношеніе какъ и къ шведской.

Въ балтійскихъ губерніяхъ, Эстонецъ и Латышъ, столь же забитый, видѣлъ что облегченіе шло ему отъ Русской власти, отъ Русской Церкви. Но Финнъ получалъ ихъ при посредствѣ тѣхъ же шведскихъ господскихъ учрежденій которыя всегда стояли надъ нимъ и стоятъ надъ нимъ доселѣ, хотя дѣйствуютъ нѣсколько человѣчнѣе. Россія и Государь отъ Финна еще слишкомъ далеки.

Возвѣщенныя реформы кладутъ первый камень общей перестройки Финляндскаго „государства“, и нѣтъ разумныхъ основаній сомнѣваться въ ея характерѣ и направленіи.

М. ПЕТРОВЪ.

КАКЪ И КОГДА ИЗМѢНИЛАСЬ
ВЪ ФИНЛЯНДІИ
ПРИСЯГА НА ВѢРНОПОДДАНСТВО.

(Передовая статья № 81 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 22 марта.

Говоря о присягѣ установленной для финляндскихъ военныхъ, * мы, на основаніи офиціальныхъ документовъ, показали благодаря какимъ удивительнымъ метаморфозамъ явилась въ этой присягѣ клятва въ вѣрности не Монарху только, но и Гельсингфорсскому Сейму, и не Имперіи Россійской, а лишь одной Финляндіи.

Сеймъ и финляндскіе докладчики въ трехъ строкахъ своего всеподданнѣйшаго представленія объяснили что дѣлаютъ будто бы ничтожную,—редакціонную (af formel natur),—поправку, включая ссылку на параграфъ закона. А этотъ параграфъ закона былъ § 18 Формы Правленія 1772 года, которымъ узаконялась, въ шведскія времена, присяга не королю только, но и Сейму.

Объ этой *сущности* сдѣланной «редакціонной» поправки, о томъ что ею намѣчается уменьшеніе силы вѣрноподданнической присяги по крайней мѣрѣ на половину, а то и полное устраненіе силы оной при иныхъ обстоятельствахъ,—объ этомъ сеймовые дѣятели и прочіе ихъ сотрудники не обмолвились предъ Государемъ ни единымъ словомъ. О мѣрѣ «лойяльности» такого поступка,—притомъ въ дѣлѣ величайшей важности, — предоставляемъ судить читателямъ.

Но теперь не лишнее взглянуть на то какъ присягали прежде, и какъ присягаютъ теперь прочіе, не военные, Финляндцы.

Какъ извѣстно, по занятіи края русскими войсками въ 1808 году,

---

* См. выше статью „Финляндскій воинскій уставъ и воинская присяга“, стр. 193—202, а также статью „Финляндскіе герои прежняго времени и ихъ подвиги“, стр. 219—222.

всѣ въ немъ, начиная съ Або, бывшаго тогда главнаго города Финляндіи, начиная съ тамошняго духовенства, университета, суда, чиновниковъ, дворянства, и кончая сельскимъ и городскимъ населеніемъ,—всѣ присягнули Императору и Самодержцу Всероссійскому по *русской* формѣ присяги.

Потомъ, въ 1809 году, на Сеймѣ въ Борго, собранныя сословія присягали еще по особой, на этотъ случай составленной тогда формѣ. То была присяга, такъ-сказать, служебная, при вступленіи въ должность, хотя нѣкоторые финляндскіе писатели и старались придать ей болѣе широкое значеніе. Въ дѣйствительности она не имѣла никакого вліянія на присягу вѣрноподданства въ послѣдующее время, и таковую продолжали приносить по *русской* же формѣ.

Когда вступилъ на престолъ императоръ Николай Павловичъ, то генералъ-губернаторъ Закревскій безъ малѣйшаго затрудненія привелъ все населеніе Финляндіи къ присягѣ опять по той же *русской* формѣ. И это не было какое-нибудь насиліе или нарушеніе финляндскихъ правъ и преимуществъ: напротивъ, это было въ порядкѣ вещей. Идея «Финляндскаго государства», если и была въ воображеніи какого-нибудь профессора Вассера * и немногихъ ему подобныхъ, но вовсе не была предметомъ общаго достоянія.

Интереснѣе всего то что и самъ тогдашній финляндскій статсъ-секретарь Ребиндеръ, котораго нынѣшніе герои сепаратизма выставляютъ въ видѣ нѣкоей несокрушимой скалы, тотъ Ребиндеръ, о которомъ теперь разказываютъ сказки, ** какъ онъ, видите ли, «гордо» предъявилъ императору Николаю требованіе для Финляндіи «всего или ничего»,—этотъ самый Ребиндеръ не смѣлъ даже думать о какой-нибудь иной присягѣ, кромѣ общерусской.

Въ этомъ отношеніи любопытенъ разказъ, которымъ, очевидно невзначай, обмолвился одинъ изъ историковъ и новѣйшихъ столповъ финляндской государственности, Р. Кастренъ. Описывая, въ своихъ очеркахъ новѣйшей исторіи Финляндіи, восшествіе на престолъ Николая Павловича, онъ цитируетъ выдержку изъ дневника Ребиндера, относящуюся къ тому времени. Оказывается, что во дни общаго смущенія, наступившаго по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра, Ребиндеръ, этотъ «pauvre diable», какъ онъ самъ себя называлъ, не зналъ за что́ приняться и какъ ему быть. Онъ посылалъ курьеровъ въ Финляндію къ Закревскому, бѣгалъ въ польскій статсъ-секретаріатъ къ Грабовскому, но все безуспѣшно. Тогда онъ надумалъ поѣхать на другой день къ графу Нессельроде, котораго и засталъ въ 8 часовъ утра. Послѣ того какъ тотъ разказалъ ему о завѣщаніи Императора Александра I и о дѣйствительномъ положеніи вещей, «онъ, Нессельроде, посовѣтовалъ мнѣ»,—записалъ Ребиндеръ въ свой журналъ,—«заручиться сенатскимъ указомъ (att förse mig med senatens ukas), собрать Комитетъ, принять присягу, а затѣмъ о всемъ этомъ представить устный докладъ великому князю Николаю. Я такъ и сдѣлалъ (jag följde rådet).»

Значитъ, Ребиндеръ досталъ изъ *русскаго* Сената *русскій* указъ о *русской* присягѣ, а чистокровные финляндскіе члены въ Финляндскомъ Комитетѣ присягнули по немъ—и дѣло было сдѣлано. И такъ скоро было оно сдѣлано что въ часъ дня, какъ разказываетъ самъ Ребиндеръ, онъ былъ уже у Николая Павловича.

Такъ вотъ какъ относился къ присягѣ самъ знаменитый нынѣ Ребин-

---

* См. выше, стр. 38 и 86.

** См. выше, стр. 184—185.

деръ, не говоря уже о генералъ-губернаторѣ Закревскомъ. Такъ было и въ дальнѣйшемъ.

Но наступили шестидесятые и семидесятые года — благодатные для финляндскихъ сепаратистовъ годы: можно было нестись, что̀ называется, во всю, для отдѣленія отъ Россіи, благо у насъ заняты были разными другими дѣлами, да и не давали себѣ настоящаго отчета въ томъ что̀ творилось въ Финляндіи. А въ Финляндіи съ каждымъ годомъ, съ каждымъ даже мѣсяцемъ, нараждались, помимо, конечно, Россіи, все новые и новые законы, ограничивавшіе и права Русскаго Государя, и права Россійской Имперіи. Начиная съ Сеймоваго Устава и кончая отдѣльною монетой и отдѣльнымъ Уставомъ о Воинской Повинности, — все пошло въ ходъ. Теорія stat för sig—Финляндія сама по себѣ государство—смѣло и высоко подняла голову.

При такихъ «благопріятныхъ» условіяхъ, можно ли было терпѣть въ финляндской государственной практикѣ существованіе *русской* присяги? Разумѣется, нѣтъ. И вотъ господа Финляндцы поспѣшили исправить упущеніе.

Въ то самое время когда кавказскіе храбрецы штурмовали Карсъ, Тотлебенъ насилу одолѣвалъ Плевну, а генералъ Гурко переходилъ Балканы, когда вниманіе каждаго Русскаго всецѣло было поглощено тѣмъ что̀ происходило на дальнемъ югѣ,— въ это самое время въ Гельсингфорсѣ писались и пересылались бумажки съ извѣстнаго рода проектами, пока, наконецъ, 29 (17) декабря 1877 года, восемью гельсингфорсскими сенаторами было подписано и «дано» Высочайшимъ Именемъ постановленіе «объ измѣненіи формъ присяги на вѣрность службы, *вѣрноподданство* и пр.», съ тѣмъ чтобъ это постановленіе было опубликовано въ церквахъ. *

Но какіе были мотивы для такой важной перемѣны, особенно для

---

* Воспроизводимъ это „постановленіе“ изъ № 34 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1877 годъ:

(Публиковать въ церквахъ.)

Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе

объ измѣненіи формъ присяги на вѣрность службы, вѣрноподданство и проч.

Дано въ Гельсингфорсѣ, 29 декабря 1877 г.

Божіею Милостію,

МЫ АЛЕКСАНДРЪ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: По всеподданнѣйшему о томъ представленію МЫ признали за благо, съ измѣненіемъ формъ по которымъ до сего времени приносима была присяга на вѣрность службы и вѣрноподданство должностными лицами, чиновниками и служителями гражданскаго вѣдомства и присутственныхъ мѣстъ въ Финляндіи, а также на вѣрноподданство, Высочайше утвердить къ руководству приложенныя у сего формы; причемъ МЫ повелѣваемъ чтобы должностныя лица, чиновники и служители гражданскаго вѣдомства, принесшіе въ этомъ званіи присягу на вѣрность службы и вѣрноподданство, въ случаѣ опредѣленія или перевода ихъ въ другую гражданскую должность а равно и священники, которые при посвященіи въ духовный санъ принесли присягу въ установленномъ порядкѣ на вѣрность службы и вѣрноподданство, при назначеніи ихъ на вакантную священническую должность, не возобновляли таковой присяги.

Этимъ Высонайшимъ повелѣніемъ однако не нарушаются опредѣленія церковнаго уложенія объ особой присягѣ, установленной для епископовъ, ординарныхъ и временныхъ членовъ духовныхъ консисторій, а также для секретарей и нотаріусовъ оныхъ.

Съ чѣмъ сообразоваться каждому, до кого

такой спѣшности чтобы «проводить» перемѣну на курьерскихъ въ то

сіе касаться можетъ. Гельсингфорсъ, 29 декабря 1877 г.

По Собственному Его Императорскаго Величества Опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ:

Э. авъ Форселлесъ. *Ф. Тиленъ.*
І. А. Даль. *А. Нюкопъ.*
Ф. Гейтель. *Т. фонъ-Гелленсъ.*
В. Цилліакусъ. *Э. Форсманъ.*

І. Ф. Пиппингъ.

—

Форма присяги

для всѣхъ должностныхъ лицъ, чиновниковъ и служителей гражданскаго вѣдомства и присутственныхъ мѣстъ въ Финляндіи.

Я, N. N., обѣщаюсь и клянусь БОГОМЪ и предъ Святымъ ЕГО Евангеліемъ пребывать вѣрнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ N. N., ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и Самодержцу Всероссійскому, Великому Князю Финляндскому и проч. и проч. и проч., ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю N. N. и Императорскому Дому и стараться споспѣшествовать всему, что пользы и блага ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и края касаться можетъ.

Я также буду, не щадя живота и крови, защищать Императорскую власть и, если увѣдаю о какихъ-либо замыслахъ къ измѣненію или отмѣнѣ оной, благовременно о томъ открывать и объявлять, а равно повиноваться существующимъ въ краѣ законамъ и постановленіямъ и руководствоваться оными.

А такъ какъ я поступилъ на службу края, то съ усердіемъ и вѣрностью безпристрастно и безкорыстно я буду исполнять всѣ лежащія на мнѣ нынѣ и впредь могущія быть возложенными на меня обязанности по службѣ и въ прочемъ не обнаруживать того, что по закону или особымъ постановленіямъ должно быть сохраняемо въ тайнѣ.

Для судей добавляется: Во всѣхъ

именно время когда покойный Государь скорбѣлъ всею душой о бѣдствіяхъ арміи подъ Плевной и проливалъ слезы надъ многочисленными

судебныхъ приговорахъ я буду творить правду, равно бѣдному какъ и богатому, и судить по закону Божію и уложенію, и законнымъ постановленіямъ края, никогда не толковать закона превратно и не способствовать несправедливости ни ради родства, свойства, дружбы, зависти и недоброжелательства или боязни, ни изъ посуловъ или за подарки, ниже ради чего-либо другаго подъ какимъ бы то ни было видомъ, и не осуждать невиннаго, ни оправдывать виновнаго.

Все сіе хощу и буду я соблюдать свято, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ.

—

Форма присяги на вѣрноподданство.

Я, N. N., обѣщаюсь и клянусь, Богомъ и предъ Святымъ Его Евангеліемъ, пребывать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, N. N., ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и Самодержцу Всероссійскому, Великому Князю Финляндскому и проч., и проч. и проч., ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю N. N. и Императорскому Дому вѣрнымъ подданнымъ и стараться споспѣшествовать всему что пользы и блага ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и края касаться можетъ.

Я также буду, не щадя живота и крови, защищать Императорскую власть и, если увѣдаю о какихъ-либо замыслахъ къ измѣненію или отмѣнѣ оной, благовременно о томъ открывать и объявлять, а равно повиноваться существующимъ въ краѣ законамъ и постановленіямъ и руководствоваться оными.

Все сіе хощу и буду я соблюдать свято, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ.

Съ Высочайше утвержденными ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ 4 декабря (22 ноября) 1877 г. формами вѣрно:

І. Ф. Пиппингъ,
Общій Референдарій-Секретарь.

жертвами, которыми эта армія оплачивала исполненіе своего долга?

Гласныхъ мотивовъ не было вовсе; ихъ не могло и быть. Не могли даже ничего сочинить для публикованія въ церквахъ, такъ какъ дѣйствительно легальныхъ поводовъ никакихъ не было. Поэтому восемь сенаторовъ могли измыслить только слѣдующее вступленіе къ новому закону:

„По всеподданнѣйшему *о томъ* (?) представленію (а ранѣе въ текстѣ ничего нѣтъ, кромѣ обычнаго титула), Мы признали за благо, *съ измѣненіемъ формъ*, по которымъ до сего времени приносима была присяга на вѣрность службы и вѣрноподданство должностными лицами, чиновниками и т. д., въ Финляндіи, а также на вѣрноподданство, Высочайше утвердить къ руководству *приложенныя у сего формы*“, и пр.

Въ чемъ же состояли эти новыя формы, явившіяся лишь для того чтобъ измѣнить прежнія?

Оказывается что ими будущіе подданные обязывались «пребывать... вѣрными подданными и стараться споспѣшествовать всему что̀ пользы и блага Его Императорскаго Величества *и края* касаться можетъ».

Во второмъ пунктѣ, присягающій выражаетъ обѣщаніе «не щадя живота и крови, защищать Императорскую власть», «*а равно повиноваться существующимъ въ краѣ законамъ и постановленіямъ и руководствоваться оными*».

Вотъ, значитъ, для чего понадобилось представленіе, — конечно, Финляндскаго Сената, — объ измѣненіи формъ присяги: для того чтобъ освободить финляндскихъ обывателей ото всякихъ обязанностей предъ Россіей, предъ Имперіей, къ составу которой они принадлежатъ, и изъ состава коей, по «непреложному» слову Высочайшаго манифеста 17 (5) іюня 1808 года, «ничто отторгнуть ихъ не можетъ», — для того чтобъ ограничить все лишь обязанностями по отношенію къ одному «*краю*». Законъ Россіи отнынѣ не есть уже законъ для Финляндца; Финляндецъ можетъ свободно пренебрегать имъ съ чистою совѣстью, потому что присягнулъ повиноваться только «существующимъ *въ краѣ* законамъ». Законъ Русскій можетъ и даже долженъ быть нарушаемъ, — хотя и въ предѣлахъ Имперіи Россійской, но въ чертѣ ея Финляндскаго края, — совершенно безнаказанно.

Очевидно, гельсингфорсскіе законодатели примѣнили къ себѣ самимъ новую присягу еще не получивъ даже ея утвержденія, ибо, составляя эту новую форму, они уже пренебрегли тѣмъ Россійскимъ *основнымъ закономъ о присягѣ* который дѣйствовалъ дотолѣ безусловно и въ Финляндіи, — закономъ составляющимъ 34 статью раздѣла «о священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Власти».

Они, гельсингфорсскіе законодатели, дозволили себѣ измѣненіе этого основнаго Русскаго закона, въ нарушеніе и другаго, такого же основнаго закона, выраженнаго въ ст. 50, по которой «всѣ предначертанія новыхъ законовъ», — а слѣдовательно и предначертаніе новой, вмѣсто отмѣняемой прежней, общей всероссійской присяги, — «разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ».

Они нарушили и еще одинъ *основной* законъ, изображенный въ ст. 54, по которому «новый законъ постановляется *не иначе* какъ за с о б с т в е н н о р у ч н ы м ъ Высочайшимъ подписаніемъ». Вѣдь въ «постановленіи» хотя и читается: «Мы, Александръ Вторый», но подъ постановленіемъ стоитъ подпись не покойнаго Императора Александра Втораго, а подпись восьми Финляндцевъ.

Господа восемь финляндскихъ сенаторовъ не задумались «собственноручное Высочайшее подписаніе» замѣнить своею, къ тому же шведскою, подписью. Своимъ почеркомъ пера они легко и свободно вычеркнули изъ числа россійскихъ вѣрноподданныхъ два слишкомъ милліона обывателей Финляндіи, обязанныхъ по упомянутому Высочайшему манифесту быть «твердыми и непоколебимыми въ преданности *къ Россіи*»,— обязавъ ихъ быть вѣрными только своему *краю*...

И все сходило съ рукъ. Что́ же удивительнаго что слѣдующій затѣмъ шагъ, годъ спустя, сдѣланъ былъ еще смѣлѣе и, подъ сурдинкой, ввернулъ въ новый воинскій Уставъ извѣстную присягу *уже не только краю, но и Сейму*, низводя клятву въ вѣрности самому Монарху до размѣровъ, пожалуй, едва уловимыхъ?

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

9.

Издѣвательства надъ православнымъ духовенствомъ. *

Прошлою осенью (1889 года) въ одной изъ петербургскихъ газетъ напечатано было письмо настоятеля православной церкви въ Або, отца М. Н. Казанскаго, о крайне враждебномъ отношеніи мѣстнаго финляндскаго населенія къ Русскимъ, о грубыхъ, оскорбительныхъ выходкахъ его противъ православнаго духовенства и объ издѣвательствѣ надъ обрядами Православной Церкви. Между прочимъ, отецъ Казанскій сообщилъ въ своемъ письмѣ что въ этомъ бывшемъ главномъ городѣ Финляндскаго края „имя Русскаго обратилось въ ругательное названіе“, что православному священнику на улицѣ нерѣдко приходится слышать бранныя слова — „русская собака“,—что бываютъ случаи что предъ похоронымъ шествіемъ пляшутъ съ неприличными тѣлодвиженіями и т. д.

По поводу этого письма, по распоряженію финляндскаго генералъ-губернатора, произведено было дознаніе и, на основаніи его, генералъ-губернаторъ предложилъ затѣмъ Финляндскому Сенату принять мѣры къ тому чтобы подобные случаи впредь не повторялись.

Сенатъ въ ноябрѣ (какъ сообщили тогда же финляндскія газеты) послалъ въ Або губернатору и другимъ мѣстнымъ финляндскимъ властямъ предписаніе чтобъ учащимся въ школахъ (со стороны которыхъ особенно часто бывали враждебныя выходки) наставники ихъ сдѣлали надлежащее внушеніе, чтобы взрослыхъ коронные обвинители (такъ-называемые „фискалы“) привлекали къ суду за выходки противъ Русскихъ и издѣвательства надъ православными обрядами.

Но не успѣла еще окончиться переписка по этому дѣлу, какъ другой подобный же случай произошелъ въ самомъ Гельсингфорсѣ.

По Казарменной улицѣ (въ центрѣ города) около 12 часовъ дня шелъ русскій священникъ. Вдругъ какой-то Финляндецъ подходитъ къ нему сзади и довольно сильно дергаетъ за волосы. Когда священникъ обернулся, то Финляндецъ (оказавшійся потомъ Финномъ, мастеровымъ изъ города Котки) пошелъ отъ него прочь и, замѣтивъ что священникъ слѣдуетъ за нимъ, скрылся въ воротахъ ближайшаго дома. Стоявшіе по близости извощикъ и какая-то женщина наблюдали эту сцену и смѣялись.

Священникъ позвалъ городоваго и

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 82, отъ 24 марта.

объяснилъ ему происшедшее. Городовой вошелъ въ указанныя ему ворота, посмотрѣлъ во дворъ и, выйдя обратно, сказалъ что тамъ никого нѣтъ и пошелъ преспокойно прочь. Но чрезъ нѣсколько минутъ изъ воротъ показался тотъ самый Финляндецъ, предполагавшій, вѣроятно, что искавшіе его уже ушли. Тогда священникъ во второй разъ позвалъ уходившаго городоваго и указалъ ему на обидчика, котораго тотъ и повелъ въ полицейскую контору.

На другой день священника пригласили въ полицію. Полицеймейстеръ города (Финляндецъ С., состоявшій когда-то на русской военной службѣ и имѣющій чинъ полковника) предложилъ ему разказать какъ было дѣло и, выслушавъ разказъ, выразилъ намѣреніе непремѣнно передать дѣло въ мѣстный, такъ-называемый, ратгаускій судъ. Но оказалось потомъ что это было сказано только „сгоряча“: виновнаго отпустили изъ полиціи безъ привлеченія къ суду, и онъ успѣлъ даже уѣхать въ какой-то другой городъ.

Между тѣмъ слухи о причиненномъ православному священнику грубомъ оскорбленіи распространились среди мѣстнаго русскаго населенія. Дошли они и до Гельсингфорсскаго жандармскаго управленія, которое послало въ ратгаускій судъ и въ полицію справиться, данъ ли дѣлу законный ходъ.

Въ гельсингфорсской финской газетѣ *Uusi Suometar* появилась объ этомъ замѣтка, въ которой разказывалось что „какой-то русскій жандармъ приходилъ въ переднюю ратгаускаго суда справляться о дѣлѣ касающемся оскорбленія будто бы нанесеннаго русскому священнику, но оказалось что о такомъ дѣлѣ въ судѣ ничего не знаютъ и, очевидно, вся эта исторія есть плодъ слишкомъ живаго воображенія“.

Только послѣ этой справки полиція возбудила судебное преслѣдованіе противъ оскорбителя, ею же раньше отпущеннаго. Священника пригласили (въ декабрѣ) въ судъ, выслушали его показаніе (чрезъ переводчика) и записали въ протоколъ на шведскомъ языкѣ. Въ заключеніе судъ объявилъ что, за отсутствіемъ обвиняемаго (уѣхавшаго, какъ уже сказано, въ другой городъ), дальнѣйшее разсмотрѣніе откладывается до февраля (1890 года).

Было ли разбирательство дѣла въ февралѣ, и чѣмъ оно кончилось—объ этомъ мы пока (24 марта) не имѣемъ свѣдѣній.

10.

Какъ живется Русскимъ въ Финляндіи. *

Намъ пишутъ изъ Гельсингфорса:

„Въ послѣднее время здѣсь было опять нѣсколько случаевъ показывающихъ враждебное отношеніе Финляндцевъ къ Русскимъ. Сообщаю о двухъ такихъ случаяхъ.

„Днемъ по Александровской улицѣ ѣхалъ священникъ госпитальной церкви съ причетникомъ и церковно-служителемъ изъ солдатъ. Послѣдній, сидя рядомъ со священникомъ, держалъ купель—ѣхали на крестины. Съ ними повстрѣчался финляндскій офицеръ верхомъ на лошади. Замѣтивъ что солдатъ не отдалъ ему чести (чего, по правиламъ, и не слѣдовало дѣлать солдату державшему въ рукахъ вещи), онъ схватилъ съ него шапку и, выругавъ его, приказалъ явиться къ коменданту, а затѣмъ, бросивъ шапку, поѣхалъ далѣе.

„На бѣду, черезъ нѣсколько минутъ тотъ же офицеръ опять нагналъ ихъ. Солдатъ опять не отдалъ чести. Тогда

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 82, отъ 24 марта.

офицеръ остановилъ извощика и снова сталъ шумѣть и кричать на солдата требуя чтобы тотъ немедленно отправился къ коменданту. Когда же въ дѣло вмѣшался священникъ, то офицеръ закричалъ на него: „„А ты кто такой, тебѣ какое дѣло““, и т. д.

„Священникъ все-таки настоялъ на своемъ и не отпустилъ солдата. Начальникъ финскихъ войскъ посадилъ офицера подъ арестъ на три недѣли.

„Другой случай. Днемъ по Эспланадѣ (главной улицѣ города) шелъ съ женой и ребенкомъ артиллерійскій офицеръ М. (конечно, русскій, ибо въ „финскомъ“ войскѣ, слава Богу, артиллеріи пока не имѣется). Вдругъ на нихъ напалъ какой-то Финляндецъ и ударилъ жену г. М.

„Объ этомъ послѣднемъ случаѣ находимъ извѣстія и въ гельсингфорсскихъ газетахъ. По жалобѣ М. дѣло попало въ мѣстный ратгаускій судъ, причемъ выяснилось слѣдующее:

„5 марта кузнецъ Линдель напалъ на жену офицера М. и ударилъ ее ключемъ въ глазъ. Когда г. М. хотѣлъ свести его въ полицію, то онъ сталъ сопротивляться. Посаженный, наконецъ, на извощика, Линдель дорогой сбилъ съ г. М. фуражку. На судѣ онъ заявилъ будто былъ пьянъ и ничего не помнитъ.

„Офицера М., живущаго въ Свеаборгѣ, почему-то не вызвали въ судъ, и потому дѣло отложено до 24 апрѣля.

„Кромѣ агитаціи въ печати (противъ объединенія нѣкоторыхъ финляндскихъ учрежденій съ обще-русскими), въ Финскомъ народѣ ведется, повидимому, и устная агитація, о чемъ можете судить по слѣдующему факту, вполнѣ точному.

„Служанка одного офицера, возвратясь въ праздничный день съ какой-то религіозно-нравственной бесѣды, какія часто устраиваются здѣсь разными обществами, стала жаловаться господамъ что „„скоро де закроютъ всѣ ихъ кир„ки и заставятъ ходить въ русскія „церкви““...

11.

Почтовое объединеніе. *

Въ № 77 *Московскихъ Вѣдомостей* ** на основаніи достовѣрныхъ слуховъ, было сообщено что 9 марта состоялось рѣшеніе объ *объединеніи* (а не объ установленіи „соотвѣтствія“ только) финляндскихъ почтовыхъ учрежденій съ русскими — подчиненіемъ ихъ нашему Главному Управленію Почтъ и Телеграфовъ. Къ приведеннымъ въ нашемъ сообщеніи главнымъ пунктамъ проекта почтовой коммиссіи мы можемъ добавить лишь, что, съ подчиненіемъ финляндскаго почтоваго вѣдомства Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, особыя финляндскія почтовыя марки будутъ замѣнены русскими.

По полученнымъ нами нынѣ изъ Гельсингфорса извѣстіямъ, оказывается, однако, что тамъ все еще не считаютъ вопроса о почтовомъ объединеніи окончательно рѣшеннымъ, все еще толкуютъ объ установленіи лишь нѣкотораго „соотвѣтствія“ финляндскихъ почтовыхъ учрежденій съ русскими... По ходящимъ въ мѣстномъ финляндскомъ обществѣ слухамъ, проектъ Гейденовской почтовой коммиссіи находится будто бы на разсмотрѣніи Финляндскаго Сената, и на его отзывъ возлагаются большія упованія (въ смыслѣ перерѣшенія).

Мы полагаемъ что эти слухи основаны лишь на недоразумѣніи и на укоренившейся въ Финляндіи привычкѣ смотрѣть на Гельсингфорсскій Сенатъ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 86, отъ 28 марта.

** См. выше, стр. 216—217.

какъ на какую-то непререкаемую власть, которая можетъ поступать въ краѣ по своему благоусмотрѣнію и стоять въ оппозиціи къ состоявшимся въ Петербургѣ рѣшеніямъ. Если одобренный уже проектъ почтовой коммиссіи дѣйствительно отправленъ въ Гельсингфорсъ, то, полагаемъ, лишь для того чтобы собрать на мѣстѣ необходимыя справки о способѣ его осуществленія.

12.

Растраты въ финляндскихъ почтовыхъ конторахъ. *

Агитируя противъ объединенія финляндскаго почтоваго вѣдомства съ русскимъ, финляндскія газеты, между прочимъ, приводили и такой доводъ что, въ случаѣ подчиненія финляндской почты русскимъ властямъ, на мѣста почтовыхъ чиновниковъ будутъ де попадать совсѣмъ неподходящія для такихъ должностей лица, такъ какъ только мѣстныя власти способны судить о личныхъ качествахъ необходимыхъ для того чтобы чиновники могли удовлетворять требованіямъ которыя предъявляетъ къ нимъ финляндская публика (газета *Nya Pressen*, № 33).

Оказывается, однако, что и финляндскія власти далеко не всегда удачно выбираютъ почтовыхъ чиновниковъ. Въ одномъ изъ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій разбирается въ настоящее время дѣло по обвиненію начальника желѣзнодорожной станціи Этсери (на Вазаской желѣзной дорогѣ), Лахтелина, завѣдывавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и почтовою конторой на этой станціи, въ похищеніи и растратѣ пересылавшихся по почтѣ денегъ. На судѣ свидѣтельскими показаніями выяснилось что Лахтелинъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ похищалъ какъ поступавшіе къ нему для отсылки, такъ и присылавшіеся изъ другихъ мѣстностей денежные пакеты, причемъ задерживалъ также и такія простыя письма въ которыхъ были указанія на посылку похищенныхъ денегъ. Особенно характеристично для финляндскихъ порядковъ показаніе нѣкоторыхъ свидѣтелей что они давно уже знали о похищеніи денежныхъ писемъ на станціи Этсери и потому направляли свою денежную корреспонденцію черезъ другую почтовую контору.

Для возбужденія судебнаго преслѣдованія, по финляндскимъ законамъ, нужно имѣть двухъ свидѣтелей и, кромѣ того, частный человѣкъ желающій обвинить чиновника въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ, долженъ самъ хлопотать и присутствовать въ судѣ или нанимать ходатая по судебнымъ дѣламъ; въ случаѣ если улики окажутся недостаточными, на него возлагаются судебныя издержки, вообще довольно значительныя въ Финляндіи, — и это, понятно, многихъ удерживаетъ отъ рискованной попытки судиться съ чиновникомъ.

Другой случай растраты обнаруженъ въ началѣ этого мѣсяца въ почтовой экспедиціи Черво (недалеко отъ Гельсингфорса). Завѣдывавшій экспедиціей чиновникъ Бастманъ растратилъ изъ казенныхъ денегъ около 2.500 марокъ. Кромѣ того, онъ подозрѣвается также въ похищеніи денежныхъ пакетовъ. Когда состоялось судебное постановленіе объ его арестѣ, онъ успѣлъ уже скрыться. На должность онъ опредѣленъ въ 1887 году.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 86, отъ 28 марта.

13.

Куріозное воззваніе. *

Финляндскій публицистъ А. Мерманъ, бывшій депутатъ Сейма, помѣстилъ въ гельсингфорсской финской газетѣ *Uusi Suometar* (№ 72) обращенное къ редакторамъ финляндскихъ газетъ воззваніе, въ которомъ приглашаетъ ихъ прекратить печатаніе, въ шведскихъ и финскихъ переводахъ, статей русскихъ газетъ о Финляндіи.

По какой разумной причинѣ, — спрашиваетъ онъ, — наши газеты наполняютъ свои столбцы поносительными статьями Русскихъ о нашей странѣ и нашемъ народѣ? Не достаточно ли замѣчено что публикованіе здѣсь поносительныхъ статей только радуетъ ихъ авторовъ и возбуждаетъ ихъ къ новымъ усиліямъ? Есть ли кому какая-нибудь польза отъ ихъ чтенія? Нѣтъ. Читаетъ ли ихъ кто? Едва ли. Не есть ли обязанность газетъ заботиться о достоинствѣ своего народа и своемъ собственномъ настолько чтобы не становиться органами русскихъ пасквилянтовъ? Конечно, да. Если у отдѣльныхъ газетъ, вслѣдствіе предполагаемаго ими въ публикѣ желанія, не хватаетъ мужества оставить это, то я приглашаю редакторовъ здѣшнихъ газетъ поскорѣе войти между собою въ соглашеніе.

Въ заключеніе своего письма, г. Мерманъ просилъ газету *Uusi Suometar* прервать начатую въ ней въ № 71 статью *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 69) о томъ какъ Сейму удалось въ проектъ Устава о Воинской Повинности включить постановленіе о присягѣ войскъ Сейму и Финляндіи и другія подобныя же „поправки“. **

Редакція газеты *Uusi Suometar*, въ примѣчаніи къ письму г. Мермана, поясняетъ что она еще прошлымъ лѣтомъ предложила финляндскимъ газетамъ: или совсѣмъ прекратить передачу статей русскихъ газетъ, или упоминать только вкратцѣ объ ихъ содержаніи, но на это предложеніе не согласились другія газеты.

Мы съ своей стороны, — говоритъ *Uusi Suometar*, — долго держались того правила что лишь изрѣдка и вкратцѣ передавали объ этихъ бѣшеныхъ нападкахъ русскихъ газетъ, но такой образъ дѣйствій, какъ видно, не понравился нашимъ читателямъ, такъ какъ съ разныхъ сторонъ послышались сѣтованія по этому поводу.

Въ томъ же нумерѣ *Uusi Suometar* помѣщено, несмотря на просьбу г. Мермана, окончаніе вышеупомянутой статьи *Московскихъ Вѣдомостей*.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 86, отъ 28 марта.

** См. выше, стр. 196—201.

ЧЕГО ТРЕБУЮТЪ

ОТЪ

ФИНЛЯНДСКИХЪ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРОВЪ.

(Передовая статья № 88 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 29 марта.

Въ статьѣ «Историческая справка объ изданіи Устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ» * было, между прочимъ, указано на то что первоначальный проектъ Устава написанъ былъ на основаніи русскаго закона, и что бывшій Военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, твердо стоялъ за единство проекта съ его русскимъ прототипомъ. «Редакціонныя поправки», какія финляндскимъ чиновникамъ, и въ особенности Сейму, удалось потомъ включить въ проектъ, установили различіе между Россійскою Имперіей и финляндскимъ «отечествомъ» и придали финскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ характеръ особой «финской арміи», долженствующей присягать на вѣрность не Россіи, а этому финляндскому «отечеству» и Сейму, и не долженствующей, по финляндскому толкованію, выходить за предѣлы «отечества» даже на лагерные сборы. **

* См. выше, стр. 196—201.

** См. выше, стр. 202.

Въ гельсингфорсской газетѣ *Hufvudstadsbladet* (№ 82) находимъ теперь дальнѣйшее разъясненіе участія графа Д. А. Милютина въ дѣлѣ введенія общей воинской повинности въ Финляндіи, — дѣлѣ, не по его винѣ искаженномъ и получившемъ сепаратистскій отпечатокъ:

„Когда общая воинская повинность“—говорится въ *Hufvudstadsbladet*—„введена была въ Имперіи, тогдашній Военный министръ представилъ императору Александру II о необходимости введенія ея также и въ Финляндіи. Это было какъ разъ предъ началомъ послѣдней Русско-Турецкой войны, почему дѣло признавалось столь спѣшнымъ что сдѣлано было предложеніе издать Высочайшее постановленіе о введеніи общей воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ безо всякихъ дальнѣйшихъ околичностей.“

Но сперва Государь, по словамъ финляндской газеты, пожелалъ выслушать мнѣніе объ этомъ финляндскихъ генералъ-губернатора (графа

Адлерберга), министра-статсъ-секретаря (барона Шернваль-Валлена) и товарища его (Пальмрота):

„На одномъ совѣщаніи въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ, между прочими, присутствовали также: Военный министръ, генералъ-губернаторъ края, министръ-статсъ-секретарь и товарищъ его,—Военный министръ стоялъ за проектъ введенія воинской повинности въ Финляндіи безъ спроса у земскихъ чиновъ. Но когда *генералъ-губернаторъ* (графъ Адлербергъ) представилъ Монарху о незаконности такой мѣры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *попросилъ объ увольненіи отъ должности* въ случаѣ *если воинская повинность будетъ установлена* въ Финляндіи *безъ согласія земскихъ чиновъ*, Его Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть составить проектъ пропозиціи (предложенія Сейму) по этому дѣлу и, по одобреніи проекта Его Величествомъ, передать его для сообразнаго съ закономъ обсужденія земскихъ чиновъ Финляндіи на слѣдующемъ же Сеймѣ. Такъ и было сдѣлано. Высочайшее предложеніе по этому дѣлу представлено было земскимъ чинамъ страны на Сеймѣ 1877 года, и въ слѣдующемъ 1878 году Императоръ Александръ II утвердилъ финляндскій Уставъ о воинской повинности въ такомъ видѣ какъ онъ былъ принятъ и одобренъ земскими чинами.“

Любопытнѣе всего въ этомъ разказѣ финляндской газеты то обстоятельство что даже не Финляндецъ статсъ-секретарь, а *русскій* генералъ-губернаторъ края выступилъ противъ графа Д. А. Милютина проводникомъ *финляндскаго* взгляда на дѣло.

Не даромъ, значитъ, Финляндцы, при отставкѣ графа Адлерберга въ 1881 году, восхваляли его за то что онъ не проявлялъ личной иниціативы, слушался во всемъ своихъ финляндскихъ совѣтниковъ и защищалъ обособленность Финляндіи «*противъ русскихъ чиновниковъ и русскихъ правительственныхъ учрежденій*». Такъ отозвался о немъ, напримѣръ, финскій журналъ *Valvoja* (№№ 11—12 за 1881 годъ).

Отзывъ этотъ такъ характеристиченъ и для финляндскихъ порядковъ, и для финляндскихъ взглядовъ на обязанности генералъ-губернатора, что мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь цѣликомъ:

„Великія государственныя дѣла“—писали тогда въ финскомъ журналѣ—„исполнены въ тѣ годы когда графъ Адлербергъ былъ генералъ-губернаторомъ. Сеймовый уставъ, золотая валюта, общая воинская повинность, не говоря уже о другихъ дѣлахъ, относятся ко времени его управленія или большею частію, или вполнѣ. И положеніе генералъ-губернатора у насъ все-таки такъ важно что и на его долю, по справедливости, приходится или честь, или порицаніе по поводу подобныхъ политическихъ событій, хотя бы онъ не много принималъ въ нихъ прямаго участія.

„Разные генералъ-губернаторы были у насъ, то въ родѣ пылкаго, энергичнаго графа Берга, то въ родѣ добродушнаго Рокасовскаго. Не вдаваясь въ подробную оцѣнку политической роли графа Адлерберга, мы можемъ все-таки съ увѣренностью сказать что онъ никогда не стремился, подобно графу Бергу, быть иниціаторомъ, руководителемъ и правителемъ, а довольствовался исполненіемъ менѣе замѣтныхъ дѣлъ. За такой образъ дѣйствій онъ заслуживаетъ лишь благодарности. Тотъ кого назначаютъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, бываетъ обыкновенно старый человѣкъ, совсѣмъ незнакомый съ

нашею жизнью, не знающій ни котораго изъ двухъ языковъ нашей страны и почти совсѣмъ чуждый всей той правительственной системѣ какая господствуетъ въ Западной Европѣ. Въ виду этого, лицу назначенному генералъ-губернаторомъ остается только одно изъ двухъ: или обнаруживать дѣятельность—и дѣлать ошибки и вмѣшиваться въ чужія (?) дѣла, или же довольствоваться опредѣленною закономъ (?) властью и прежде всего тщательно обращать вниманіе на то чего желаютъ сами финскіе люди, не заботясь о томъ что такая роль можетъ показаться ничтожною.

„Во время графа Адлерберга Финляндія была совсѣмъ въ иномъ положеніи чѣмъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Дѣйствовали сеймы, печать стала ревностно принимать участіе въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ; подвергая критикѣ рѣшенія правительственныхъ учрежденій. Все это побуждало его къ тому, къ чему, впрочемъ, насколько извѣстно, склоненъ былъ и его собственный любезный и мягкій характеръ: *онъ считалъ своимъ домомъ прежде всего принимать въ разчетъ то что посовѣтуютъ подлежащія лица въ Финляндіи.* Такъ какъ съ нашей стороны лишняго (?!) или незаконнаго (?) не требовали, то онъ, разумѣется, могъ большею частію поддерживать въ дѣлахъ мнѣніе финляндскихъ правительственныхъ учрежденій. Правда что онъ, хотя вообще и довольно хорошо ознакомился съ нашею жизнью, оставался чуждымъ финскому вопросу (то-есть стремленіямъ финномановъ въ пользу финскаго языка) и ошибался считая выражаемое правительственными учрежденіями мнѣніе за народное мнѣніе. Но такъ какъ намъ почти ежедневно приходится видѣть что и цѣлой жизни не хватаетъ на уясненіе себѣ этихъ вещей даже природнымъ Финляндцамъ, то мы не имѣемъ права слишкомъ строго порицать чужеземца (!) за такую же ошибку. *Прежде всего желаемъ мы въ эту минуту помнить какъ искусно и прямо графъ Адлербергъ умѣлъ защищать противъ русскихъ чиновниковъ и учрежденій обособленное положеніе нашей страны*, ограждаемое конституціей и подтвердительными грамотами.“

Такимъ образомъ, Финляндцы довольны были графомъ Адлербергомъ и хвалили его, съ одной стороны, за то что онъ мало занимался дѣлами и не мѣшалъ работѣ финляндскихъ дѣятелей, направленной къ обособленію отъ Россіи и въ ущербъ русскимъ интересамъ, съ другой стороны—за то что онъ выступалъ по финляндской указкѣ противъ русскихъ властей, въ тѣхъ, конечно, случаяхъ когда это было не подъ силу самимъ Финляндцамъ.

Напротивъ, генералъ-губернаторовъ которые имѣютъ зловредную склонность смотрѣть на финляндскія дѣла и съ русской точки зрѣнія, въ Финляндіи не любятъ. Графа Закревскаго, напримѣръ, который въ 1825 году предложилъ Сенату якобы «неконституціонную» присягу, а въ 1827 году, несмотря на упорное сопротивленіе Сената, провелъ узаконеніе о правѣ православныхъ поступать на должности въ краѣ,—графа Закревскаго тамъ до сихъ поръ бранятъ. «Самовольный солдатъ»—отзывается о немъ финляндскій историкъ Бергъ въ книгѣ *Наше правительство и наши сеймы.*

1890 годъ.

АПРѢЛЬ—ІЮНЬ.

ОБЪЕДИНЕНІЕ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЫ ФИНЛЯНДСКОЙ СЪ РУССКОЮ.

(Передовая статья № 93 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 5 апрѣли.

Изъ трехъ вопросовъ довѣренныхъ разработкѣ петербургскихъ коммиссій подъ предсѣдательствомъ финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена, одинъ, почтовый, какъ извѣстно по слухамъ, разрѣшенъ въ главныхъ чертахъ соотвѣтственно достоинству и интересамъ Россіи *. Теперь на ближайшей очереди стоитъ вопросъ объ объединеніи финляндской монеты съ русскою.

Дѣло въ томъ, что во всей Имперіи монетная единица — серебряный рубль, въ Финляндіи же — металлическая марка, которую съ 1877 года считаютъ на золото. Это одно. Другое — русскіе кредитные билеты; курсъ ихъ въ отношеніи къ золоту мѣняется, между тѣмъ какъ въ Финляндіи билеты мѣстнаго банка, писанные на марки и золото, ходятъ al pari. И вотъ люди думающіе оставаться строго въ предѣлахъ именуемой финляндской, то-есть старошведской, конституціи, находятъ что въ настоящемъ положеніи вопроса объединеніе финляндской монеты съ общею русскою можетъ быть разрѣшено не иначе какъ при разсмотрѣніи дѣла Гельсингфорсскимъ Сеймомъ. Нѣтъ надобности говорить что такъ же ставятъ вопросъ и финляндскія газеты.

Мы можемъ сказать съ увѣренностію что если даже и оглядываться на эту столь ревностно оберегаемую многими конституцію, то и тогда всѣ права разрѣшенія поставленнаго монетнаго вопроса безусловно принадлежатъ непосредственно Монаршей власти. Чтобы вѣрно судить, необходимо хотя вкратцѣ припомнить исторію монетнаго дѣла въ Финляндіи за время начиная съ покоренія ея Россіей. За эти 80 лѣтъ были въ этомъ дѣлѣ три главныя стадіи.

Первая была вслѣдъ за покореніемъ. Боргоскому Сейму, вмѣстѣ съ тремя другими предметами, было

* См. выше, стр. 216—217 и 237—238.

предложено высказать мнѣніе и по монетному вопросу, съ тѣмъ, впрочемъ, что императоръ Александръ вовсе не предрѣшалъ этимъ тѣхъ мѣръ какія признаетъ нужнымъ принять на самомъ дѣлѣ.* Три сословія высказались за русскій рубль; одно, горожане, отдало предпочтеніе шведскому талеру.

Дѣло разрѣшилось тѣмъ что 17 декабря 1809 года изданъ былъ Высочайшій манифестъ, которымъ постановлено «признать россійскую серебряную монету *главною и коренною* Великаго Княжества Финляндскаго монетой, коей существенная цѣна должна служить правиломъ и мѣрой сравненія и опредѣленія цѣнъ всѣхъ прочихъ имѣющихъ нынѣ обращеніе монетъ».

Одновременно, русскому ассигнаціонному рублю былъ обязательно присвоенъ пріемъ по опредѣленному курсу въ казенныя кассы. Мотивировалось это тѣмъ что ассигнаціи, «бывъ около двухъ уже лѣтъ въ Финляндіи повсемѣстно въ употребленіи, сдѣлались собственностью края сего».

Второю стадіей было наступленіе шестидесятыхъ годовъ,** когда, съ наплывомъ либеральныхъ вѣяній, окраины потянули врозь. Финляндія, всѣмъ пользовавшаяся отъ Россіи, на ея счетъ ожившая и разросшаяся и ничего за то не дававшая, не пожелала нести общей со всею Россіей тяготы въ видѣ избытка кредитныхъ билетовъ, явившагося послѣдствіемъ Крымской войны. Она стала добиваться устраненія свободнаго ихъ обращенія въ краѣ. Сперва это не удалось, но потомъ Финляндцы проявили такую ловкость что историки ихъ нашли нужнымъ занести ее на свои страницы. Дѣло повернули на такую стать что рубль оказался очень крупною менетною единицей, и что для Финляндіи полезнѣе установить единицей только четвертакъ. Умалчивалось, конечно, что этотъ край благополучно жилъ подъ шведскимъ владычествомъ съ талерною монетой, которая была въ полтора раза больше рубля.

Этому ловкому пріему поддался министръ Княжевичъ, и законъ, подписанный императоромъ Александромъ II въ 1860 году, былъ прямо мотивированъ спеціальною цѣлью «уменьшить для Финляндіи монетную единицу». При этомъ, однако, новая единица, марка, опредѣлена въ точности на основаніи русскаго рубля. «Каждая марка,—сказано въ законѣ,—соотвѣтствуетъ четверти рубля по количеству чистаго серебра», то-есть, «будетъ такимъ образомъ содержать 1 золотникъ $5^1/_4$ долей чистаго серебра» (въ рублѣ 4 зол. 21 долей).

Не входя въ разныя перипетіи исполненія этого закона, въ которыхъ замѣтно начинала сказываться сепаратистская тенденція, скажемъ только что введеніе новой монетной единицы состоялось не ранѣе какъ черезъ пять съ половиною лѣтъ, когда, 8 ноября 1865 года, издано было отъ мѣстнаго Сената объявленіе о вступленіи «марки» немедленно въ обращеніе.

Однако, при этомъ Финляндскій Сенатъ долженъ былъ повторить что и «металлическій рубль съ его подраздѣленіями, *составляющій общую монету государства*», остается «законно-дѣйствительною монетой въ Финляндіи».

Что касается до русскихъ кредитныхъ билетовъ, то, съ изданіемъ закона 1860 года, они сами собой утратили въ краѣ обязательную силу. Впрочемъ, въ частномъ обращеніи и до сегодня во всей прилегающей ко границѣ части Выборгской

---

* См. выше, стр. 30—32.

** См. вше статью „О денежныхъ дѣлехъ съ Финляндіей“, стр. 41—50.

губерніи, вплоть до Выборга, бумажные рубли составляютъ главный мѣновой знакъ, притомъ по нарицательной стоимости. Только при платежѣ податей и казенныхъ сборовъ требуются здѣсь финскія марки, и низшее, особенно сельское, населеніе очень терпитъ отъ произвольнаго приниженія кулаками, а отчасти и чиновниками, стоимости бумажнаго рубля при обмѣнѣ. Тутъ особая финская монета служитъ только для эксплуатаціи плательщиковъ податей.

Такъ шло дѣло, и металлическій рубль продолжалъ цѣлыя 70 лѣтъ быть и для Финляндіи законною общею государственною монетой.

Къ концу седьмаго десятилѣтія, монетное дѣло въ Финляндіи вступило, наконецъ, въ третію стадію. Вездѣ въ Европѣ шла рѣчь о замѣнѣ серебряной валюты золотою; Финляндіи понадобилось то же. Въ № 72 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1888 годъ былъ переданъ слухъ что на мысль обзавестись золотою монетой натолкнуло Финляндцевъ само наше русское Министерство Финансовъ, временъ министра Рейтерна. * При этомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* тогда же было выражено желаніе чтобъ этотъ обидный слухъ, шедшій изъ финляндскихъ источниковъ, былъ серіозно опровергнутъ; но, къ сожалѣнію, мы этого не дождались.

И вотъ въ 1877 году, уже «съ согласія» вновь тѣмъ временемъ возродившагося Финляндскаго Сейма, явился новый законъ о монетѣ. Онъ не былъ, впрочемъ, подписанъ покойнымъ Императоромъ, какъ было съ закономъ 1860 года, а лишь отъ Высочайшаго Имени объявленъ (9 апрѣля) финляндскими сенаторами, въ числѣ коихъ былъ и засѣдающій нынѣ въ Гейденовской коммиссіи г. Моландеръ. По этому закону, прежніе вышеупомянутые законы 1809, 1860 и 1865 годовъ объявлялись отмѣненными, а монета Финляндіи — основанною на золотѣ, какъ единственномъ мѣрилѣ цѣнностей.

Но счетною монетною единицей осталась прежняя марка, узаконенная въ 1860 году Александромъ II безо всякаго Сейма и составляющая, какъ сказано, въ точности $^1/_4$ русскаго рубля. Золотая «марка» была собственно фикціей, и монетные золотые кружки установлены въ 20 и въ 10 марокъ.

Впрочемъ, финляндское стремленіе отдѣлаться отъ ненавистнаго «рубля», напоминающаго, вопреки всѣмъ новѣйшимъ теоріямъ, объ извѣстномъ, все-таки подчиненномъ по отношенію къ Россіи, положеніи, и тутъ не увѣнчалось безусловнымъ успѣхомъ: другимъ узаконеніемъ, отъ того же 9 апрѣля, и серебряный рубль оставленъ обязательною ходячею монетой какъ между частными лицами, такъ и съ казной, хотя и въ размѣрѣ не болѣе $2^1/_2$ рублей при каждомъ разчетѣ.

Вотъ въ какомъ видѣ стоитъ монетное дѣло предъ коммиссіей. Изъ изложеннаго легко видѣть что «объединеніе» не представляетъ никакихъ затрудненій. Если сличить новую финляндскую золотую монету съ такою же русскою, установленною Высочайше утвержденными правилами 17 декабря 1885 года, то что̀ окажется? Окажется что нашъ нынѣ чеканенный полуимперіалъ, то-есть 5 рублей золотомъ, во всей полнотѣ и точности соотвѣтствуетъ финляндской 20марковой монетѣ. Въ первомъ количество чистаго золота, 1 золотникъ $34{,}_{068}$ долей, совершенно равно таковому же количеству чистаго золота въ послѣдней, въ которой его находится $5{,}_{806}$ граммовъ, или тѣ же 1 золотникъ $34{,}_{768}$ долей.

* См. выше, стр. 46.

Все различіе состоитъ только въ томъ что на полуимперіалѣ русскіе рисунки и надпись, а на финской монетѣ свои, финскіе. Но разъ количество одинаковаго золота въ обѣихъ монетахъ вполнѣ тождественно, то не можетъ быть уже никакого сомнѣнія для самыхъ горячихъ поклонниковъ именуемой финляндской «конституціи» что Государь Императоръ имѣетъ несомнѣнное «право» дать и финляндской монетѣ форму или внѣшность русской монеты.

Параграфъ 44 *Формы Правленія 1772 года*, то-есть конституціи, именно предоставлялъ королю «бить монету», давая ей любой видъ, надписи и пр., и только въ случаѣ перемѣны вѣса или состава металла установлялъ освѣдомленіе о томъ Государственнаго Сейма и необходимость его согласія. Обозначеніе цѣнности въ рубляхъ тѣмъ болѣе было бы соотвѣтственно что въ финляндскомъ обращеніи законно сохраняется русскій серебряный рубль даже и послѣ закона 1877 года. Совершенно то же относится и къ полнопробнымъ подраздѣленіямъ рубля.

Очевидно, за симъ, что не только о какомъ-нибудь согласіи Сейма на то что̀ будетъ проектировано коммиссіей графа Гейдена, но и о простой передачѣ Сейму для свѣдѣнія не должно быть никакого разговора, если не желаютъ дѣлать попытокъ къ новому ограниченію въ Финляндіи правъ Русскаго Монарха.

Что касается до русскихъ кредитныхъ билетовъ, то, хотя съ изданіемъ закона 1860 года и допущено фактически изгнаніе ихъ изъ Финляндіи, представляется естественнымъ ввести ихъ опять въ обращеніе, напримѣръ, по курсу официально отъ времени до времени объявляемому. Къ этому, сколько извѣстно, склоняется и коммиссія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ могла бы быть принята, напримѣръ, и такая мѣра: имѣя неоспоримое право открывать въ Финляндіи банки по своему усмотрѣнію, наше правительство могло бы открыть тамъ, помимо мѣстнаго банка, еще и отдѣленіе нашего Государственнаго Банка. Предоставивъ этому отдѣленію, въ видѣ исключенія, на ближайшее время, въ числѣ другихъ операцій и выпускъ въ опредѣленномъ количествѣ русскихъ билетовъ размѣниваемыхъ на золото, правительство, полагаемъ, тѣмъ самымъ сдѣлало бы крупный шагъ къ упроченію въ краѣ не только значенія общеимперской монеты, но и вообще правильнаго взгляда на политическія отношенія края къ Россіи.

Потребность въ золотѣ на этотъ предметъ, судя по офиціальнымъ отчетамъ Финляндскаго банка, должна быть, сравнительно, очень не велика. Къ 1888 году этотъ банкъ считалъ всю наличность своихъ кредитныхъ билетовъ на сумму около 79 милліоновъ марокъ (меньше 20 милліоновъ рублей), изъ коихъ лишь съ небольшимъ половина была въ обращеніи; прочіе лежали въ банкѣ. Обезпеченіе размѣнности заключалось въ золотой монетѣ на 21.900.000 марокъ, то-есть менѣе $5^1/_2$ милліоновъ рублей золота; въ обращеніи изъ нихъ было всего съ небольшимъ на 1 милліонъ рублей. Кромѣ того, имѣлось около 10 милліоновъ марокъ ($2^1/_2$ милліона рублей) серебряной монеты. Подобная жертва, притомъ временная, едва ли можетъ считаться крупною, въ виду важности политическаго возсоединенія цѣлой окраины.

„РЕАЛЬНАЯ УНІЯ“

ФИНЛЯНДІИ СЪ РОССІЕЙ.

(Передовая статья № 88 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 10 апрѣля.

Когда какой-нибудь государственный или общественный вопросъ становится предметомъ газетной полемики, вѣское слово человѣка науки, основанное на серіозномъ изученіи предмета и подтвержденное фактическими и научными данными, получаетъ особенное значеніе. Чуждое односторонности и увлеченій, извинительныхъ публицисту по самому роду его дѣятельности, авторитетное мнѣніе ученаго служитъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для установленія въ обществѣ правильнаго взгляда на обсуждаемый въ печати вопросъ.

Это примѣнимо и къ такъ-называемому «финляндскому» вопросу. Ослѣпленная сепаратистическими тенденціями, финляндская печать силится отстоять независимое отъ Россіи существованіе Финляндіи и, въ выборѣ доказательствъ, не стѣсняется ни явными передержками, ни ссылками на акты, буквальный смыслъ которыхъ только опровергаетъ доводы усердствующихъ финляндскихъ публицистовъ. Мы по мѣрѣ силъ старались разоблачать неосновательность расточаемыхъ ими доводовъ въ пользу независимости Финляндскаго Княжества, и думаемъ что наши старанія выяснить истинныя отношенія Финляндіи къ Россіи до нѣкоторой степени не остались безплодными. Даемъ теперь слово человѣку науки.

Мы говоримъ о профессорѣ С.-Петербургскаго университета Н. М. Коркуновѣ, статья коего «Финляндское Великое Княжество», напечатанная въ апрѣльской книжкѣ журнала *Юридическая Лѣтопись*, хотя и небольшая по размѣру, настолько интересна что мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ ея содержаніемъ.

Финляндскіе публицисты, какъ извѣстно, считаютъ Финляндію связанною съ Россіей лишь *реальною уніей*, то-есть такого рода соединеніемъ которое, по общепринятому въ

современной политической литературѣ толкованію, предполагаетъ сохраненіе соединяющимися государствами извѣстной самостоятельности.

Г. Коркуновъ рѣшительно возстаетъ противъ такого ошибочнаго взгляда на взаимныя отношенія Россіи и Финляндіи,—взгляда противорѣчащаго и исторіи, и основнымъ началамъ науки государственнаго права.

Обсуждая доводы которые приводятся въ доказательство самостоятельности Финляндіи, почтенный профессоръ разоблачаетъ ихъ неосновательность иллюстрируя свои выводы примѣрами.

Важнѣйшимъ доказательствомъ якобы невозможности признать Финляндію провинціей Россіи выставляются обыкновенно особенности ея мѣстнаго устройства и управленія и, главнымъ образомъ, существованіе Сейма, ограничивающаго де законодательную власть Государя. Но, по справедливому замѣчанію г. Коркунова, такая фактическая обособленность Финляндіи не можетъ почитаться признакомъ «реальной уніи». Допустивъ иное толкованіе, пришлось бы признать «унію» нѣкоторыхъ европейскихъ державъ съ ихъ колоніями, пользующимися даже гораздо болѣе широкою мѣстною автономіей чѣмъ Финляндія. Но сколь ни широка автономія предоставленная, напримѣръ, англійской Канадѣ, датской Исландіи, или голландскимъ Суринаму и Кюрасо въ Вестъ-Индіи, однако, никакой *уніи* въ отношеніяхъ Англіи, Даніи и Голландіи къ названнымъ колоніямъ ихъ нѣтъ, и *единство* этихъ государствъ съ ихъ колоніями не подвергалось и не подвергается сомнѣнію.

Стало быть, и фактическая автономія Финляндіи не можетъ служить доказательствомъ существованія «уніи» между нею и Россіей.

Еще менѣе убѣдительною представляется ссылка защитниковъ финляндской независимости на форму титула присвоеннаго русскому Монарху. Хотя въ ст. 4. Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи и заключается постановленіе о томъ что «съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго», но приведенное постановленіе свидѣтельствуетъ не въ пользу уніи, а противъ нея. Статья 4-я различаетъ не *государства*: Русское, Польское и Финляндское, *а только престолы* *, и говоритъ она не о *соединеніи* престоловъ, а напротивъ объ ихъ *нераздѣльности*.

---

* Вотъ что, между прочимъ, писалъ по этому предмету К. Ф. Ординъ въ своей статьѣ: „Какъ было дѣло?“ (*Русскій Вѣстникъ* 1888, май, стр. 135—136):

...„Законы пишутся людьми, которые могутъ ошибаться какъ въ существѣ дѣла, такъ и въ изложеніи. Къ числу такихъ чисто редакціонныхъ ошибокъ именно принадлежитъ и упомянутая 4-я статья. *Нельзя говорить о престолѣ котораго никогда не было*, а былъ только титулъ; *этого престола не создалъ и Александръ I*: на это нигдѣ нѣтъ даже намека. Вникая же въ эту статью и въ ея происхожденіе по источникамъ, легко увидѣть что первымъ документомъ на который опирается эта статья является тотъ самый манифестъ 20 марта 1808 года который говоритъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи въ качествѣ провинціи. Если прослѣдить далѣе всѣ другія цитаты, то окажется что двѣ вовсе къ дѣлу не относятся, ибо трактуютъ о Царствѣ Польскомъ, шесть—*не упоминаютъ о финляндскомъ престолѣ*, и только одна единственная—манифестъ 12 декабря 1825 года о восшествіи на престолъ Императора Николая I—говоритъ о финляндскомъ престолѣ въ томъ видѣ какъ значится въ 4-й статьѣ.

„Извѣстно, однако, въ какую смутную эпоху и при какихъ обстоятельствахъ манифестъ спѣшно написанъ. Упоминалось въ немъ о бывшемъ еще престолѣ Царства Польскаго; въ неудачно составленную фразу попалъ и престолъ Великаго Княжества Финляндска-

Кромѣ того, титулъ Великаго Князя Финляндскаго, выдѣленный особо лишь въ *краткомъ титулѣ* Русскаго Императора, въ *среднемъ титулѣ* слѣдуетъ послѣ именованія Царемъ Казанскимъ, Астраханскимъ и т. д., а въ *полномъ титулѣ*—послѣ именованія княземъ Смоленскимъ, Литовскимъ, Подольскимъ. Между тѣмъ, никто, основываясь на формѣ титула, не станетъ серіозно говорить о независимости Казани, Смоленска или Астрахани и объ «уніи» ихъ съ Россіей.

Даже само государство можетъ иногда, какъ «Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи», имѣть сложное названіе, оставаясь въ то же время вполнѣ единымъ государствомъ.

Исходя изъ общепризнаннаго въ современной политической литературѣ понятія объ уніи какъ о соединеніи двухъ *самостоятельныхъ* государствъ выражающемся только въ единствѣ общаго ихъ монарха, г. Коркуновъ указываетъ на два возможные способа такого соединенія.

Или—права на престолы двухъ различныхъ государствъ могутъ случайно совпасть въ одномъ и томъ же лицѣ въ силу его наслѣдственныхъ правъ, или въ силу избранія его лично на престолъ. Это—такъ-называемая «*личная унія*».

Или—между двумя самостоятельными государствами заключается договоръ объ установленіи у нихъ навсегда одной общей династіи. Это будетъ—«*унія реальная*».

Другихъ способовъ образованія уніи исторія не знаетъ.

Примѣръ *уніи личной* представляютъ соединенія Люксембурга съ Голландіей или государства Конго съ Бельгіей. Такой же характеръ личной уніи носило соединеніе Ганновера съ Англіей, распавшейся съ воцареніемъ королевы Викторіи, такъ какъ право на Ганноверскій престолъ, въ порядкѣ престолонаслѣдія, перешло къ ея дядѣ.

Примѣромъ *реальной уніи* можетъ служить соединеніе Швеціи и Норвегіи. Это—два самостоятельныя государства, не имѣющія между собой ничего общаго, кромѣ династіи, и соединившіяся между собой договорнымъ соглашеніемъ. Исторія этого соглашенія не представляетъ ничего похожаго на исторію присоединенія Финляндіи къ Россіи. Когда, по Кильскому мирному трактату 1814 года, Данія уступила Швеціи Норвегію, послѣдняя этой уступкѣ не подчинилась, избрала себѣ короля и провозгласила свою независимость. Затѣмъ она, въ качествѣ самостоятельнаго королевства, вела войну со Швеціей, и лишь послѣ перемирія, когда король Шведскій призналъ самостоятельность Норвегіи, онъ былъ провозглашенъ Норвежскимъ королемъ.

«При совершенно иныхъ условіяхъ», говоритъ далѣе г. Коркуновъ, «совершилось присоединеніе Финляндіи къ Россіи. Это было именно *присоединеніе*, а не соединеніе, односторонній актъ Русскаго государства, а не договорное соглашеніе двухъ самостоятельныхъ государствъ.»

Финляндія, какъ извѣстно, была покоренною шведскою провинціей; даже въ самый моментъ присоединенія къ Россіи, Финляндцы, очевидно, сознавали себя шведскими поддан-ными. На это указываетъ, между прочимъ, и то колебаніе въ исполненіи требованія Русскаго прави-

го. Но эту редакціонную ошибку поспѣшили, однако, исправить въ слѣдующемъ же 1826 году, и во всѣхъ послѣдующихъ манифестахъ говорилось уже о *единомъ престолѣ* Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ *съ нею* Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Ими признавалось, слѣдовательно, полное инкорпорированіе Россіей той и другой области при *единомъ престолѣ*.

тельства о принятіи присяги, которое, по признанію самихъ финляндскихъ публицистовъ, было вызвано неувѣренностью въ томъ что Финляндія окончательно перешла подъ владычество Россіи.

Далѣе, текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, состоявшагося между Россіей и Швеціей, вполнѣ доказываетъ что договаривавшіяся стороны и не думали о какой-либо уніи Финляндіи съ Россіей. «Губерніи сіи», читаемъ въ статьѣ этого трактата объ уступкѣ Финляндіи, «будутъ отнынѣ *состоять въ собственности* и державномъ обладаніи *Имперіи Россійской*, и къ ней навсегда *присоединяются*.»

Ни обѣщанія Императора Александра I сохранить Финляндіи ея мѣстныя учрежденія и законы, ни созывъ Боргоскаго Сейма, на которыхъ финляндскіе публицисты основываютъ свое ученіе о реальной уніи между Финляндіей и Россіей, нисколько не опровергаютъ только-что высказанныхъ взглядовъ на юридическую природу взаимныхъ отношеній Имперіи и Великаго Княжества. Созывъ Боргоскаго Сейма, послѣдовавшій много времени спустя послѣ приведенія Финляндіи къ присягѣ на вѣрность Русскому Государю, составляетъ лишь актъ внутренняго законодательства, а не международный договоръ. Обѣщанія же императора Александра I, какъ свободный, односторонній актъ милости монарха своимъ подданнымъ, еще менѣе могутъ быть признаны за договорное соглашеніе двухъ государствъ объ установленіи между ними уніи.

Такимъ образомъ, условія присоединенія Финляндіи къ Россіи совершенно устраняютъ, по справедливому замѣчанію г. Коркунова, возможность видѣть въ немъ реальную унію, могущую возникнуть только въ силу договорнаго соглашенія соединяющихся самостоятельныхъ государствъ.

Весьма интересны приводимыя почтеннымъ профессоромъ мнѣнія иностранныхъ ученыхъ о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Финляндіи. Въ большинствѣ иностранныхъ сочиненій по международному и государственному праву, при разсмотрѣніи вопросовъ объ уніи, о Финляндіи даже не упоминается. Почти всѣ писатели, при опредѣленіи юридическаго характера отношеній Россіи къ Финляндіи, признаютъ послѣднюю присоединенною къ Россіи, а не находящеюся съ нею въ уніи. Особенно характернымъ представляется мнѣніе по этому вопросу профессора Вѣнскаго университета Еллинека:

«Финляндія», — говоритъ онъ,— «по своему устройству и управленію самостоятельна какъ никакая другая провинція Россіи. Но, тѣмъ не менѣе, она *только провинція Русской Имперіи*, а не государство стоящее къ ней въ отношеніи реальной или личной уніи, ибо завоеваніемъ государства, или части государства, господствовавшая въ немъ до того времени государственная власть совершенно уничтожается, и на ея мѣсто вступаетъ новая; слѣдовательно власть Швеціи замѣнилась властью Россіи. Какимъ образомъ будетъ управляема вновь пріобрѣтенная область, будутъ ли сохранены вполнѣ, или отчасти, ея старыя учрежденія — это вопросъ государственной мудрости.»

Установивъ цѣлымъ рядомъ доказательствъ понятіе о Финляндіи какъ о провинціи Россіи, присоединенной къ ней силою оружія, г. Коркуновъ говоритъ:

«Каждое завоеваніе есть народное дѣло, и потому приводитъ не только къ единству монарха, но и къ объединенію завоеванной области съ государствомъ, которое не

можетъ допускать отчужденія ея отъ себя доходящаго до обособленія въ отдѣльное государство. Иначе государство распалось бы на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ чуждыхъ другъ другу и по управленію, и по культурѣ.»

«Русскіе», пишетъ далѣе г. Коркуновъ, «завоевавшіе и удерживающіе подъ скипетромъ своего Монарха Финляндію, должны, по крайней мѣрѣ, имѣть право не считаться въ Финляндіи иностранцами, не натыкаться среди единой русской территоріи на таможенныя границы.»

Ученіе же финляндскихъ публицистовъ о реальной уніи между Россіей и Финляндіей имѣетъ конечною цѣлію даже не защиту неприкосновенности мѣстной автономіи, а полное отчужденіе Финляндіи отъ Россіи. Такъ, сенаторъ Мехелинъ, утверждая что Финляндія управляется только Великимъ Княземъ и никѣмъ другимъ, явно выражаетъ этимъ что между Финляндіей и Россіей не должно существовать другой связи кромѣ единства династіи. «Но Русскій Царь не отдѣляетъ себя отъ Русской Земли», замѣчаетъ г. Коркуновъ и, заканчивая свою статью, приводитъ слѣдующее касающееся Финляндіи изреченіе изъ манифеста императора Александра I отъ 5 іюня 1808 года:

«Въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и *единую Имперію* составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени навсегда воспріяли свое мѣсто.»

Таково, въ сущности, содержаніе статьи профессора Коркунова, выводы коего о характерѣ отношеній Финляндіи къ Россіи согласуются и со взглядами неоднократно высказанными нами по этому вопросу.

Какое же тяжелое, странное время переживаетъ, однако, русское общество, какъ притупилось въ немъ чувство національнаго самосознанія, если могутъ возникать такіе вопросы какъ «финляндскій», и если потребовалась цѣлая литература для доказательства того простаго, до очевидности яснаго положенія что завоеванная провинція не можетъ имѣть права на самостоятельное, независимое отъ государства существованіе!

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

14.

По почтовому вопросу. *

По поводу помѣщеннаго въ № 77 *Московскихъ Вѣдомостей* ** извѣстія о состоявшемся 9 марта рѣшеніи по предмету объединенія финляндскаго почтоваго вѣдомства съ русскимъ, гельсингфорсская газета *Nya Pressen* (№ 91) напечатала особую передовую статью. Въ этой статьѣ, заявляя что „не можетъ и не хочетъ входить въ обсужденіе фактической части“ переданнаго нашею газетой извѣстія, *Nya Pressen* выражаетъ „убѣжденіе“ что „конституція (?) не будетъ нарушена“, и что проектъ не будетъ обнародованъ теперь же въ качествѣ дѣйствующаго закона.

„Но что̀ *мы должны*“,—продолжаетъ затѣмъ *Nya Pressen*, — *опровергнуть*, какъ ложное и свидѣтельствующее о полномъ незнакомствѣ съ финляндскими дѣлами, это — утвержденіе русской газеты *будто* желаемая *Московскими Вѣдомостями* (?) *мѣра относительно нашего почтоваго вѣдомства принята будетъ съ благодарностью* большою *массой населенія страны*... Напрасно ультранаціональная русская печать пытается увѣрять что здѣсь въ вопросѣ о вѣрности Монарху и о пониманіи положенія страны существуетъ разногласіе между нѣкоторою частью финляндской интеллигенціи и прочимъ населеніемъ. Приведенныя *Московскими Вѣдомостями* слова финской газеты*** что „„*когда поставленъ вопросъ о положеніи „отечества, когда находятся въ опас„ности его драгоцѣннѣйшія права, какъ „одинъ человѣкъ будетъ стоять тогда „весь народъ*““,—буквально справедливы, и вся газетная пресса нашей страны, какъ финская, такъ и шведская, въ этомъ отношеніи держится одинаковаго взгляда.“

Не слишкомъ ли много, однако, беретъ на себя редакція газеты *Nya Pressen*, дѣлая столь рѣшительныя заявленія? Гдѣ ея полномочія говорить такъ за все населеніе обширной русской окраины, и не клевещетъ ли она на вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Царя въ Финляндіи?

—

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 94, отъ 7 апрѣля.

** См. выше, стр. 216—217 и 237—238.

*** *Päivälehti*. См. выше, стр. 180—183.

Газета *Uusi Suometar* (№ 80), по поводу того же самаго извѣстія нашей газеты, восхваляетъ финляндскіе почтовые порядки и спрашиваетъ:

„Вѣроятно ли чтобы наше почтовое вѣдомство дѣйствительно стало лучше отъ подчиненія его Главному Управленію Почтъ и Телеграфовъ въ Имперіи? Это сомнительно, такъ какъ у этого Управленія слишкомъ обширный кругъ дѣятельности. Во всякомъ случаѣ намъ непонятно какъ подобная мѣра можетъ улучшить наше почтовое вѣдомство, или облегчить сношенія съ Имперіей. Если сообщеніе *Московскихъ Вѣдомостей* основательно, то навѣрное протоколы коммиссіи разъяснятъ тѣ основанія по которымъ требуютъ такой перемѣны. Изъ нихъ видно будетъ и земскимъ чинамъ, когда они станутъ обсуждать этотъ конституціонный (!!) вопросъ, какіе замѣчены въ финляндскомъ почтовомъ вѣдомствѣ недостатки непоправимые иными средствами“ (то-есть помимо подчиненія Министерству Внутреннихъ Дѣлъ).

Финская газета, какъ видно изъ этихъ словъ, серіозно разчитываетъ на то что проектъ почтовой коммиссіи, сколько извѣстно, уже одобренный, понесутъ на обсужденіе финляндскихъ земцевъ, будутъ просить у нихъ „согласія“ и показывать имъ, для вящаго ихъ убѣжденія, протоколы коммиссіи.

—

Намъ пишутъ изъ Ревеля, отъ 30 марта:

„На дняхъ получилъ я изъ Гельсингфорса двѣ денежныя квитанціи, выданныя изъ Гельсингфорсской почтовой конторы. На одной, выданной въ прошломъ 1889 году, подъ шведскимъ текстомъ напечатанъ также и русскій текстъ („Въ здѣшнее почтовое учрежденіе, сего дня, для *отправленія* подано страховое *отправленіе*“ (sic) и т. д.). На другой квитанціи, выданной въ текущемъ (1890) году, *русскаго* текста уже не имѣется, а вмѣсто него помѣщенъ *финскій*.“

—

Въ петербургскихъ газетахъ сообщаютъ:

Недавно выпущены въ обращеніе новыя почтовыя марки для оплаты почтовой корреспонденціи въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Новыя марки сохранили форматъ и цвѣтъ прежнихъ, только со слѣдующею разницей. На верху каждой марки, между цифрами соотвѣтствующими ея стоимости, слово „Penni“ замѣнено „Suomi“; на правой сторонѣ марокъ, вмѣсто слова „Suomi“, напечатано по-русски „Финляндія“; внизу марки, вмѣсто слова „Penni“, поставлена арабская цифра обозначающая стоимость марки; въ двухъ нижнихъ угловыхъ кружкахъ, вмѣсто цифръ, поставлены слова: въ лѣвомъ по-фински „Pen.“, а въ правомъ по-русски „Пен.“.

Эти марки, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, будутъ находиться въ обращеніи только временно, а затѣмъ будутъ замѣнены общими почтовыми марками обращающимися внутри Имперіи.

15.

Предстоящій Финляндскій Сеймъ. *

Изъ Гельсингфорса въ газету *Новости* нѣкто г. Гракъ пишетъ:

„Мѣстная офиціальная газета *Finlands Allmänna Tidning* сообщила 2 апрѣля текстъ подписаннаго 16 марта сеймоваго призыва. По этому призыву, представители четырехъ сословій Финляндіи имѣютъ явиться въ Гельсингфорсъ на общій ординарный Сеймъ къ 8 января 1891 года, причемъ будутъ соблюдены опредѣленія Сеймоваго Устава 3 апрѣля 1869 года, по отношенію

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 94, отъ 7 апрѣля.

къ сословіямъ духовному, горожанъ и сельскихъ землевладѣльцевъ, а также и постановленія Рыцарскаго Устава 9 апрѣля 1869 года по отношенію къ дворянскому сословію.

Со дня опубликованія сеймоваго призыва начинается предсеймовый періодъ, въ продолженіе котораго будутъ происходить выборы сеймовыхъ представителей отъ трехъ не-дворянскихъ сословій. Изъ дворянъ явятся на Сеймъ родоначальники и уполномоченные-повѣренные изъ дворянъ отъ тѣхъ родоначальниковъ которые, по той или другой причинѣ, не могутъ или не желаютъ лично участвовать въ засѣданіяхъ Сейма. Въ предсеймовый періодъ заканчивается также редакціонная работа по изданію правительственныхъ законопроектовъ, которые передаются Сейму въ день торжественнаго открытія.

„Газета *Hufvudstadsbladet* говоритъ, по поводу опубликованія призыва на Сеймъ, что этотъ фактъ въ настоящій моментъ, когда извѣстная часть русской прессы всячески старается представить существующій въ краѣ порядокъ шаткимъ, будетъ привѣтствованъ населеніемъ какъ доброе предзнаменованіе, которое разсѣетъ мрачныя тучи опасеній. При этомъ газета пророчитъ что будущій Сеймъ станетъ въ ряду прочихъ самымъ замѣчательнымъ и получитъ самое большое значеніе по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ предположенныя реформы почтоваго и таможеннаго вѣдомствъ и монетной системы отчасти входятъ въ кругъ законодательной дѣятельности Сейма.“

16.

Еще о созывѣ Финляндскаго Сейма. *

По § 2 Сеймоваго Устава 1869 года, „Земскіе чины Финляндіи собираются, по призыву Государя Императора и Великаго Князя, на урочный Сеймъ по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ.“

До 1882 года сеймы и созывались, дѣйствительно, черезъ каждые четыре года (въ 1867, 1872, 1877 и 1882 годахъ). Но такъ какъ въ послѣднее десятилѣтіе число обсуждаемыхъ на Сеймѣ дѣлъ значительно увеличилось, вслѣдствіе того что Финляндскій Сенатъ передавалъ на Сеймъ много такихъ дѣлъ которыя раньше рѣшались безъ Сейма, то, по ходатайству Сената, промежуточный періодъ между сеймами стали сокращать до трехъ лѣтъ и, послѣ 1882 года, сеймы созывались въ 1885 и 1888 годахъ. Сверхъ того (по ходатайству же Сената), при открытіи этихъ сеймовъ земскимъ чинамъ заявлялось отъ Высочайшаго имени о срокѣ созванія слѣдующаго Сейма, и, соображаясь съ этимъ, Сеймъ назначалъ на трехлѣтній періодъ ассигновки на такіе расходы (напримѣръ, по постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д.) которые производятся изъ средствъ находящихся въ распоряженіи земскихъ чиновъ.

Такъ было сдѣлано и послѣдній разъ, въ 1888 году. На выраженное тогда Высочайшее намѣреніе созвать слѣдующій Сеймъ чрезъ три года и ссылается обнародованное въ финляндской офиціальной газетѣ (№ 84) Высочайшее повелѣніе отъ 16 марта объ открытіи урочнаго Сейма въ Гельсингфорсѣ 8 (20) января 1891 года.

Такимъ образомъ, нынѣшній призывъ на Сеймъ вызывается обычнымъ ходомъ текущихъ дѣлъ въ Финляндіи и не имѣетъ никакого отношенія къ работамъ Гейденовскихъ коммиссій.

Это не помѣшало, однако, финляндской печати увидѣть въ созывѣ Сейма какъ бы нѣкое предвѣстіе побѣды финляндскаго взгляда на задачу коммиссій,—взгляда, какъ извѣстно, сводящагося къ тому что объединеніе финлянд-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 97, отъ 10 апрѣля.

скихъ почтовыхъ учрежденій, таможенъ и монеты съ русскими нарушитъ де финляндскую автономію и „конституцію“ и потому невозможно, и къ тому что, вмѣсто объединенія, по почтовому вопросу возможно де только установленіе нѣкотораго „соотвѣтствія“ между финляндскою и русскою почтой, а по вопросамъ таможенному и монетному будто бы даже и „соотвѣтствія“ быть не можетъ.

При помощи Сейма, въ Финляндіи разчитываютъ теперь затормозить предпринятыя реформы. Между прочимъ, гельсингфорсская газета *Nya Pressen*, перепечатавъ повелѣніе о созваніи Сейма, на другой день помѣстила передовую статью (№ 100), въ которой призываетъ будущихъ членовъ Сейма въ „единодушію“ и „неустрашимой“ борьбѣ противъ предначертаннаго объединенія:

„Призывъ на Сеймъ“,—говоритъ *Nya Pressen* въ этой статьѣ,—„во время исполненное заботъ, возбуждаетъ чувство удовлетворенія въ сердцахъ друзей *отечества*. Хочется видѣть въ немъ дальнѣйшее подтвержденіе твердаго намѣренія Императора-Великаго-Князя (Kejsarens-Storfurstens) поддерживать самоуправленіе нашей страны,—намѣреніе и раньше уже ясно выразившееся въ обѣщаніи Его Величества чрезъ трехлѣтній періодъ созвать представителей страны.“

Упомянувъ, затѣмъ, о томъ что между текущими дѣлами подлежащими, по проекту Сената, передачѣ на обсужденіе предстоящаго Сейма нѣтъ особенно важныхъ дѣлъ, кромѣ развѣ законопроектовъ о введеніи губернскаго представительства и объ отвѣтственности работодателей, *Nya Pressen* продолжаетъ:

„Но если, такимъ образомъ, Сеймъ 1891 года въ области положительнаго законодательства не представитъ большаго интереса, за то въ другихъ отношеніяхъ *задача земскихъ чиновъ будетъ отвѣтственнѣе и важнѣе чѣмъ когда бы то ни было прежде.* Рѣшеніе (lösningen) тѣхъ вопросовъ которые частію уже обсуждены, частію еще обсуждаются петербургскими коммиссіями, поскольку оно касается измѣненія закона который можетъ быть установляемъ или измѣняемъ только при содѣйствіи земскихъ чиновъ, безъ сомнѣнія, въ той или другой формѣ попадетъ на ихъ обсужденіе. При этомъ страна прежде всего ожидаетъ отъ своихъ представителей зоркой любви къ отечеству и *соединенной съ тактичностью неустрашимости* во внѣшнемъ проявленіи (oförskräkthet i yttre uppträdande). Весьма важно, поэтому, чтобы, при наступающихъ выборахъ въ не-дворянскія сословія, избирались такіе люди, прошлое которыхъ представляетъ гарантіи въ томъ что у нихъ не будетъ недостатка въ этихъ качествахъ. Если выборы будутъ происходить въ этомъ направленіи, то можно надѣяться что на будущемъ Сеймѣ намъ не придется быть свидѣтелями этихъ партійныхъ споровъ объ языкѣ, которые придавали большею частію нашимъ сеймамъ ихъ характеристическій отпечатокъ и производили раздраженіе нуждавшееся лишь въ одной искрѣ чтобы вспыхнуть настоящимъ пламенемъ. *Только отъ единодушныхъ представителей страна можетъ ожидать той силы и тактичности* (kraft och taktfullhet) въ дѣйствіяхъ, безъ которой наилучшія даже намѣренія мало помогутъ. *Каждый членъ Сейма долженъ ясно сознавать что предъ великою задачей защиты высочайшихъ интересовъ отечества всѣ другія должны отступить на задній планъ.*“

17.

Финляндскій бюджетъ на 1890 годъ. *

Въ № 5 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за нынѣшній годъ опубликована финляндская роспись доходовъ и расходовъ на 1890 годъ.

Важнѣйшія доходныя статьи, какъ видно изъ нея, это: таможенные доходы—14.000.000 марокъ, монтальныя деньги (подушная подать)—1.630.000 марокъ, поземельные ординарные оброки—1.570.000 марокъ, доходы съ казенныхъ лѣсовъ—1.500.000 марокъ, почтовый сборъ—1.300.000 марокъ.

Важнѣйшіе расходы: на содержаніе Сената—1.153.900 марокъ, на содержаніе подчиненныхъ Сенату судебнаго и гражданскаго вѣдомствъ—7.075.425, на духовное вѣдомство, учебныя заведенія и ученыя учрежденія—4.901.591 марокъ, на погашеніе финляндскихъ займовъ—1.175.006 марокъ.

Всѣхъ доходовъ по „статному фонду“ — 24.749.387 марокъ; всѣхъ ординарныхъ расходовъ 23.830.654 марокъ.

18.

Положеніе Русскихъ въ Финляндіи. **

Одинъ изъ постоянныхъ русскихъ жителей Гельсингфорса пишетъ намъ оттуда въ письмѣ отъ 9 апрѣля:

„Спѣшу сообщить вамъ о новомъ прискорбномъ случаѣ столкновенія Финляндца съ Русскимъ. 27 марта русскій солдатъ минной роты расположенной въ Выборгѣ, исповѣдавшись въ православной выборгской церкви, вышелъ оттуда и присѣлъ на скамейку вблизи церкви. Въ это время къ нему подошелъ какой-то Финнъ и, ударивъ его ножомъ въ спину, нанесъ ему тяжкую рану.

„Снисходительные приговоры финляндскихъ судовъ по преступленіямъ противъ Русскихъ, и противъ русскихъ солдатъ въ особенности, не разъ уже возмущали русское населеніе края; и несмотря на то что нѣкоторыя изъ такихъ дѣлъ, по настоянію русскихъ военныхъ властей, восходили до Судебнаго Департамента Финляндскаго Сената, толку отъ этого было мало.

„Здѣшнія газеты не только молчатъ о такихъ возмутительныхъ случаяхъ, но еще стараются иногда ложными слухами затереть ихъ, какъ это было. напримѣръ, относительно насилія надъ православнымъ священникомъ въ Гельсингфорсѣ, о чемъ разказано было и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ.* *** Въ русскія же газеты проникаютъ только немногіе изъ такихъ случаевъ, да и то лишь въ послѣднее время.

„Незадолго предъ описаннымъ выше преступленіемъ въ Выборгѣ, Фридрихсгамскій городской судъ какъ бы поощрилъ выборгское преступленіе, не найдя виновными Финляндцевъ напавшихъ съ ножами на ночной патруль изъ русскихъ солдатъ, несмотря на то что одинъ изъ нихъ былъ даже задержанъ патрулемъ.“

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 97, отъ 10 апрѣля.

** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 104, отъ 17 апрѣля.

*** См. выше, стр. 235—237.

19.

Поѣздка финляндскихъ земцевъ въ Петербургъ. *

Въ № 115 гельсингфорсской газеты *Nya Pressen*, отъ 30 (18) апрѣля, напечатано слѣдующее:

„Четыре тальмана (предсѣдателя) сословій на послѣднемъ Сеймѣ отправились въ прошлую пятницу въ Петербургъ съ намѣреніемъ получить аудіенцію у Его Величества Императора-Великаго-Князя, дабы указать Монарху на безпокойство страны (landets bekymmer) по поводу нынѣшняго положенія (närvarande situationen) и встрѣчающихся въ русской печати постоянныхъ нападокъ на Финляндію.

„Этотъ шагъ, о которомъ свѣдѣнія не могли не распространиться по многимъ мѣстностямъ нашей страны, повсюду, гдѣ умѣютъ цѣнить значеніе чувства гражданскаго долга и патріотическаго духа (fosterländsk sinne), привѣтствованъ съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія.

„Между тѣмъ (emellertid), если вѣрить слуху, въ которомъ мы не можемъ сомнѣваться, эти люди, которые на послѣднемъ Сеймѣ удостоились довѣрія Монарха и пользовались довѣріемъ сословій Сейма, не были приняты въ общей аудіенціи. Говорятъ, однакоже, что архіепископъ Финляндіи на сегодняшній день позванъ на частную аудіенцію къ Его Величеству.“

Тальманами на послѣднемъ Сеймѣ были: въ дворянскомъ сословіи—сенаторъ тайный совѣтникъ Гартманъ, въ духовномъ сословіи—абосскій архіепископъ Ренваль, въ городскомъ (бюргерскомъ)—вазаскій купецъ Куртенъ, въ крестьянскомъ—засѣдатель изъ крестьянъ уѣзднаго суда Слотте.

20.

Еще о петербургской поѣздкѣ финляндскихъ земцевъ. **

Гельсингфорсская газета *Finland*, въ № 99, отъ 1 мая (19 апрѣля), сообщаетъ слѣдующія новыя подробности о неудачной поѣздкѣ финляндскихъ земцевъ въ Петербургъ:

„Въ эти времена заботы и безпокойства въ странѣ, казалось полезнымъ и желательнымъ попытаться честнымъ путемъ изложить (frambära) предъ Его Величествомъ Императоромъ одушевляющія страну чувства и здѣшнія надежды (förhoppningar) и взгляды (synpunkter) по вопросу о предстоящихъ обширныхъ реформахъ. Естественно что, изъ частныхъ лицъ, тальманы сословій на послѣднемъ Сеймѣ наиболѣе способны были исполнить эту трудную задачу (svåra uppgift), и съ удовольствіемъ и благодарностію принято было извѣстіе о томъ что эти лица и, прежде всего, ландмаршалъ, тайный совѣтникъ Гартманъ, въ качествѣ предсѣдателя, рѣшили предпринять такой шагъ.

„Объ аудіенціи, при которой имѣлось въ виду вмѣстѣ съ тѣмъ передать составленный на русскомъ языкѣ адресъ, просили, какъ и слѣдовало, черезъ генералъ-губернатора графа Гейдена.

„Между тѣмъ, теперь возвратились уже изъ Петербурга двое изъ тальмановъ, а именно—коммерціи совѣтникъ Куртенъ и засѣдатель уѣзднаго суда Слотте, послѣ того какъ никакой общей аудіенціи не получено.

„По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, архіепископъ, однакоже, имѣлъ вчера частную аудіенцію у Его Величества.“

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 108, отъ 21 апрѣля.

** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 109, отъ 22 апрѣля.

21.

Два слова о неудавшейся финляндской депутаціи. *

Въ дополненіе къ переданнымъ выше извѣстіямъ гельсингфорсскихъ газетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ четырехъ предсѣдателей сословій на послѣднемъ Финляндскомъ Сеймѣ, гг. Гартмана, Ренвалля, Куртена и Слотте, для изложенія въ общей аудіенціи предъ Государемъ Императоромъ существующихъ будто бы вообще въ Финляндіи „надеждъ“ и „взглядовъ“ по поводу предначертаннаго объединенія нѣкоторыхъ финляндскихъ учрежденій съ обще-русскими и для представленія адреса въ этомъ смыслѣ, съ жалобами на русскую печать,—тѣ же газеты сообщаютъ теперь что ни общей аудіенціи, ни представленія адреса не было разрѣшено, и что изъ четырехъ вышеупомянутыхъ лицъ только одинъ лютеранскій архіепископъ Ренвалль имѣлъ у Государя Императора и Государыни Императрицы аудіенцію, продолжавшуюся четверть часа. **

Депутація эта явилась, очевидно, послѣдствіемъ агитаціи финляндской печати направленной противъ объединенія. Не полагаясь вполнѣ на убѣдительность своихъ доводовъ и находя что газетныя статьи не „проникаютъ далеко“, финляндскія газеты (см., напримѣръ, статью № 68 газеты *Hufvudstadsbladet* отъ 11 марта ***) побуждали своихъ читателей употребить, на ряду съ газетною полемикой, „*иной способъ*“ „дать руководящимъ людямъ въ Россіи истинную картину образа мыслей въ Финляндіи“. Мы тогда же высказали, между прочимъ, предположеніе—„не подача ли адресовъ съ несчетными подписями“ имѣется въ виду у Финляндцевъ. **** Наше предположеніе оказалось теперь основательнымъ. Попытка „показать“, до окончательнаго рѣшенія вопросовъ связанныхъ съ предначертаннымъ объединеніемъ, финляндское „общественное мнѣніе“ осуществилась именно въ такой формѣ. А для большей внушительности, подателями адреса и выразителями противящейся объединенію тенденціи должны были явиться бывшіе предсѣдатели сеймовыхъ сословій.

Нельзя не удивляться безтактности финляндскихъ земцевъ, бывшихъ въ 1888 году сословными предводителями по назначенію Государя Императора и согласившихся теперь, въ угоду сепаратистской агитаціи, явиться самозванными представителями финляндскаго „общественнаго мнѣнія“: по дѣйствующему Сеймовому Уставу 1869 года, предсѣдатели назначаются на каждый Сеймъ особо, и, съ окончаніемъ Сейма, ихъ права и обязанности, какъ сословныхъ предводителей, прекращаются. Бывшіе предсѣдатели сословій, слѣдовательно, не имѣютъ никакого права представлять кого бы то ни было кромѣ самихъ себя, какъ частныхъ лицъ, или лицъ занимающихъ извѣстныя должности на государственной службѣ. Если гг. Гартманъ, Ренвалль, Куртенъ и Слотте дѣйствительно заслуживаютъ оказаннаго имъ въ 1888 году довѣрія, то, вмѣсто того чтобы поддаваться сепаратистской агитаціи и мѣшать спокойному обсужденію предпринятыхъ реформъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, имъ слѣдовало бы содѣйствовать объединенію и убѣждать своихъ земляковъ въ его крайней необходимости и неизбѣжности.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 118, отъ 1 мая.

** Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* ничего не говорится о представленіи г. Ренвали Государю Императору, а сказано только (въ № 86) что онъ имѣлъ счастіе представляться Государынѣ Императрицѣ въ среду 18 апрѣля.

*** См. выше, стр. 213—215.

**** См. выше, стр. 209.

22.

Финляндскій архіепископъ Ренваль. *

Разнорѣчіе въ показаніяхъ насчетъ аудіенціи архіепископа Ренваля—(*Правительственный Вѣстникъ* сообщилъ объ аудіенціи только у Государыни Императрицы, а другія, особенно финляндскія, газеты говорили о пріемѣ и у Государя Императора)—объясняется, по слухамъ, тѣмъ что былъ испрошенъ пріемъ и у Государя Императора, и у Государыни Императрицы, но архіепископъ оказался говорящимъ только по-шведски и по-фински, а по-нѣмецки такъ плохо что разговоръ былъ для Его Величества невозможенъ, и пріема собственно и не было.

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 122, отъ 5 мая.

РУССКІЙ И ФИНЛЯНДСКІЙ ВЗГЛЯДЫ НА ВОЕННУЮ ТАЙНУ.

(Изъ передовой статьи № 95 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890.)

Москва, 7 апрѣля.

Предъ нами лежитъ № 39 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1889, печатанный въ Гельсингфорсѣ 5 апрѣля сего 1890 года. Этотъ довольно объемистый, въ $16^1/_2$ листовъ (132 страницы in quarto), нумеръ *Сборника* содержитъ въ себѣ четыре акта финляндской законодательной дѣятельности. Всѣ эти, состоявшіяся одновременно, четыре законоположенія носятъ на себѣ одинаковыя помѣтки: «Дано въ Гельсингфорсѣ, 19 декабря 1889 г.» и «Публиковать въ церквахъ». Офиціальные заголовки новыхъ законоположеній слѣдующіе:

1. *Уголовное уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго.*

2. *Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе* объ исполненіи наказаній.

3. *Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе* о введеніи новаго уголовнаго уложенія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и о томъ что относительно сего должно быть соблюдаемо.

4. *Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе* объ оставленіи въ дѣйствующей силѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній, въ чемъ заключающіяся въ нихъ узаконенія не измѣнены или не отмѣнены новымъ общимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Всѣ эти четыре новыя законоположенія, по ихъ первостепенной важности не для одной только нашей Финляндской окраины, но и для всей Россіи, заслуживаютъ полнаго вниманія и серіознаго изученія. Лишь по мѣрѣ этого изученія и предполагаемъ мы знакомить читателей съ разными сторонами этихъ законодательныхъ актовъ. * Но не можемъ не остановиться теперь же на одной изъ статей этого новаго уголовнаго кодекса, которая случайно бросилась намъ въ глаза при его перелистываніи, и которая поразила насъ;—можетъ поразить и другихъ,—своимъ содержаніемъ, показавшимся намъ, на первый взглядъ, просто невѣроятнымъ.

Именно, на 90 страницѣ *Сборника*,

* См. ниже, стр. 267—276, 297—315.

гдѣ начинается Глава 42-я *Уголовнаго Уложенія*—«О преступленіяхъ противъ постановленій касательно государственной безопасности или общественнаго благочинія», — мы прочли слѣдующій текстъ перваго параграфа этой главы:

1 §. Кто безъ разрѣшенія *сниметъ планъ укрѣпленія* или *обнародуетъ такой снимокъ*, тотъ подвергается *денежному взысканію не свыше двухсотъ марокъ* или тюремному заключенію не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Когда мы внимательно читали и перечитывали приведенныя сейчасъ строки, намъ самъ собою представился вопросъ: имѣетъ или не имѣетъ значеніе подобный финляндскій законъ для обороны Россійской Имперіи, для будущей судьбы Свеаборгскихъ, Выборгскихъ и иныхъ укрѣпленій въ Финляндіи, составляющей, какъ извѣстно, военный форпостъ русской столицы? Имѣетъ или не имѣетъ такой законъ значеніе для русскихъ гарнизоновъ всѣхъ тѣхъ укрѣпленій, коихъ онъ касается?

Двѣсти марокъ, то-есть всего только 50 металлическихъ рублей, какъ высшій размѣръ *штрафа* за недозволительное снятіе и опубликованіе плана укрѣпленій!... Не слишкомъ ли уже дешево цѣнится въ Финляндіи соблюденіе *русской* государственной военной тайны?

Насъ поразила и удивила такая снисходительность взгляда финляндскихъ законодателей на нарушеніе подобныхъ тайнъ относящихся къ дѣлу охраненія «*государственной безопасности*»,—снисходительность выразившаяся въ назначеніи такой, показавшейся намъ до смѣшнаго легкою, кары за преступленіе граничащее съ измѣной.

Чтобы не дѣлать изъ мухи слона, чтобы провѣрить свое первое впечатлѣніе и рѣшить, представляетъ ли особую важность съ военной и вообще съ государственной точки зрѣнія снятіе плановъ съ укрѣпленій и опубликованіе ихъ, — мы поспѣшили навести справку о томъ какого взгляда на этотъ предметъ держится русское законодательство. Мы заглянули въ наше Уложеніе о Наказаніяхъ. Вотъ что гласитъ, подходящая сюда по смыслу, ст. 256 этого Уложенія:

256. Кто изъ Россійскихъ подданныхъ *откроетъ* какую-либо государственную тайну иностраннымъ, хотя и не враждебнымъ съ нею державамъ или сообщитъ имъ *планы* Россійскихъ *крѣпостей или иныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ*, или гаваней, портовъ, арсеналовъ, *или публикуетъ сіи планы* безъ дозволенія правительства, тотъ за сіе приговаривается:

къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири.

Итакъ, за одно и то же дѣяніе, русскій законъ опредѣляетъ—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а финляндское законодательство назначаетъ — легкій штрафъ, заботливо оговаривая чтобы штрафъ этотъ никакъ не превысилъ пятидесяти рублей.

Контрастъ такъ разителенъ что, подъ живымъ его впечатлѣніемъ, намъ, съ перваго взгляда, показалось что этимъ контрастомъ какъ бы прямо говорится: «Господа интересующіеся планами русскихъ крѣпостей въ Финляндіи и желающіе добыть себѣ таковые! Повремените только до 1 января уже приближающагося 1891 года, когда должно вступить въ силу новоизданное финляндское Уголовное Уложеніе, а затѣмъ смѣло являйтесь въ

Финляндію и вволю удовлетворяйте свою любознательность по этой части. Рискъ не великъ. Запаситесь только суммой въ 50 металлическихъ рублей, на случай если ваша любознательность будетъ обнаружена и если натолкнетесь на строгаго судью который примѣнитъ къ вамъ высшую мѣру наказанія за это преступленіе противъ *государственной безопасности.*»

Затѣмъ, мы спросили себя: Чѣмъ можетъ быть объяснена возможность появленія въ Уголовномъ Уложеніи такого закона какъ упомянутый § 1 главы 42й,—и готовы были продолжать: чѣмъ, если не анормальными порядками управленія Финляндіей и еще болѣе анормальными порядками изданія особыхъ узаконеній для этой русской провинціи?

Вѣдь лишь благодаря этимъ порядкамъ, такой первостепенной важности законъ, какъ *Уголовное Уложеніе*, былъ проведенъ помимо какого бы то ни было участія нашихъ русскихъ судебныхъ и законодательныхъ учрежденій. Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ далъ окончательное движеніе такому капитальному закону и не подумавъ о томъ чтобы пригласить заинтересованныя русскія вѣдомства къ заявленію ихъ соображеній и мнѣній о разныхъ сторонахъ закона, въ его цѣломъ и частностяхъ. Законъ былъ только въ рукахъ финляндскихъ Комитета, Сената и Сейма, и изданъ только по ихъ соображеніямъ. О русскихъ министерствахъ, о кодификаціонномъ отдѣлѣ нашего Государственнаго Совѣта, о самомъ Государственномъ Совѣтѣ, при обсужденіи и изданіи Уголовнаго Уложенія, не было и помина.

А между тѣмъ, казалось бы, въ данномъ случаѣ обойти русскія законодательныя инстанціи было дѣломъ положительно немыслимымъ. Это явствуетъ уже изъ одного приложеннаго къ «Уложенію» оглавленія.

Такъ, напримѣръ, глава *первая* Уложенія трактуетъ «о тѣхъ кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго права», — вопросъ, въ разсмотрѣніи котораго русская сторона, казалось бы, не могла не принять дѣятельнаго участія, хотя бы ужъ потому только что въ Финляндіи и постоянно, и временно пребываетъ очень много Русскихъ, что финляндскія суда ходятъ подъ русскимъ флагомъ и т. д.

Глава *десятая* имѣетъ предметомъ «преступленія противъ вѣры». Въ Финляндіи не мало православныхъ, сама она составляетъ часть Петербургской епархіи: можно ли, казалось бы, оставлять права православныхъ на произволъ однихъ лютеранскихъ законодателей?

Глава *одиннадцатая* говоритъ «о преступленіяхъ противъ Верховной Власти», то-есть противъ единой Россійской Императорской Власти. Это предметъ величайшей важности, по отношенію къ которому не можетъ и не должно быть иной точки зрѣнія кромѣ *русско-государственной*,—а есть ли твердая увѣренность въ томъ что финляндскіе законодатели всегда и во всемъ держатся именно этой точки зрѣнія, такъ что всякій русскій контроль по этой части излишенъ?

Глава *двѣнадцатая* говоритъ «о государственной измѣнѣ и другихъ преступленіяхъ противъ безопасности Финляндіи и Россіи».* Здѣсь уже прямо поименована Россія, хотя и послѣ Финляндіи (которую, не безъ недоумѣнія, видимъ какъ возможный объектъ «государственной» измѣны),—и въ дѣлѣ, столь важномъ для Россіи, не найдено нужнымъ справиться съ мнѣніями и соображеніями русскихъ властей...

---

* См. ниже статью „Государственная измѣна и финляндское Уголовное Уложеніе", стр. 297—309.

Глава *тринадцатая* трактуетъ «объ оскорбленіи Величества, а также о насиліи противъ членовъ Императорскаго Дома и оскорбленіи Ихъ чести»...* Глава *четырнадцатая*—«о преступленіяхъ противъ дружественнаго (кому: Финляндіи, или Россіи?) государства»... Глава *сорокъ вторая*—«о преступленіяхъ противъ постановленій касательно государственной безопасности», и т. д., и т. д.

Неужели все это такіе предметы которые можно и должно разрѣшать безъ участія русскихъ государственныхъ установленій?

И вотъ, однако, въ Уголовномъ Уложеніи сказалась одна только финляндская попечительность о Россійскомъ государствѣ, она одна взяла на себя всѣ заботы о немъ со стороны этой его окраины. «Земскіе чины Финляндіи», вмѣстѣ съ Финляндскимъ Сенатомъ и Комитетомъ при Финляндскомъ Статсъ-Секретаріатѣ, нашли что ихъ однихъ, безо всякаго участія русскихъ властей и учрежденій, вполнѣ достаточно для того чтобъ обезпечить съ этой стороны Россійскую Имперію въ ея безопасности, наказать и отвратить государственную измѣну, покарать насиліе и оскорбленіе чести Россійскаго Императорскаго Дома...

Тѣмъ возмутительнѣе показался намъ тотъ обращикъ финляндской попечительности о русскихъ государственныхъ интересахъ, о русской государственной безопасности, который мы усмотрѣли въ 50рублевомъ штрафѣ за снятіе и опубликованіе плановъ укрѣпленій...

Этотъ пятидесятирублевый штрафъ, подумали мы, былъ бы встрѣченъ русскими властями и учрежденіями не вполнѣ одобрительно; за то онъ, повидимому, не вызвалъ никакого протеста со стороны того шведскаго профессора-юриста въ Упсалѣ, къ которому проектъ Уголовнаго Уложенія, по заявленію финляндскаго журнала *Finsk Tidskrift*, посылался на предварительный просмотръ...

Съ этими мыслями обратились мы къ разсмотрѣнію внѣшней формы четырехъ новыхъ финляндскихъ законодательныхъ актовъ.

Всѣ они начинаются обычною въ Финляндіи формулой: «Божіею милостію Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе.» Затѣмъ, въ первыхъ трехъ законоположеніяхъ слѣдуютъ слова: «По всеподданнѣйшему представленію Земскихъ Чиновъ Финляндіи»; въ четвертомъ же узаконеніи этихъ словъ нѣтъ.

Что же касается до заключительной формулы и подписей, то онѣ подъ всѣми четырьмя узаконеніями одинаковы, а именно:

По собственному Его Императорскаго Величества Опредѣленію,

Высочайшимъ Его Величества Именемъ,

Императорскій Финляндскій Сенатъ:

Ф. ГЕЙДЕНЪ.

І. Ф. Пальменъ.	*С. В. фонъ-Троиль*
Г. фонъ-Альфтанъ.	*В. Прокопе.*
В. Вазашерна.	*Т. Седергольмъ.*
С. Бьеркстенъ.	*Ф. Лерхе.*
Ш. Э. авъ Фростерусъ.	*А. Нюбергъ.*
Л. Мехелинъ.	*З. Ирье-Коскиненъ.*
К. Ф. Игнатіусъ.	*І. Г. Сольманъ.*
Н. К. Хорнборгъ.	*Э. Стренгъ.*
И. Фельманъ.	*К. Тудеръ.*
О. Гюллингъ.	

Т. Бергелундъ.

Приведенныя подписи побуждаютъ насъ вернуться къ тому что мы писали въ № 148 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый годъ, въ статьѣ по поводу извѣстной «Все-

* См. ниже статью „Финляндское Уголовное Уложеніе и государственныя преступленія", стр. 267—272.

подданнѣйшей Докладной Записки» графа Ѳ. Л. Гейдена *.

Изъ сопоставленія § 29 регламента Финляндскаго Сената («генералъ-губернаторъ подписываетъ акты *каждый разъ* когда онъ лично предсѣдаетъ въ совѣтѣ», то-есть Сенатѣ) съ тѣмъ обстоятельствомъ что «финляндскій генералъ-губернаторъ, этотъ единственный представитель Русскаго Государя и русской власти въ краѣ, *объявляемыхъ тамъ узаконеній вовсе не подписываетъ*, хотя состоитъ предсѣдателемъ Сената»,—изъ этого сопоставленія сдѣланъ былъ нами тогда тотъ выводъ что «предсѣдатель Финляндскаго Сената при изданіи узаконеній *никогда* въ немъ не присутствуетъ, оставляя все на усмотрѣніе прочихъ членовъ Сената, которые всѣ назначаются изъ Финляндцевъ» **.

Справедливый прежде, этотъ выводъ сталъ нынѣ уже анахронизмомъ. Финляндскій генералъ-губернаторъ, членъ русскаго Государственнаго Совѣта, командующій войсками въ Финляндскомъ Военномъ Округѣ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ инфантеріи графъ Гейденъ, въ своемъ качествѣ предсѣдателя Финляндскаго Сената, какъ оказывается, присутствовалъ въ немъ 19 декабря прошлаго 1889 года и своею подписью подъ упомянутыми законоположеніями принялъ на себя предъ Государемъ, Россіей и исторіей отвѣтственность за содержаніе этихъ законоположеній.

---

* См. выше, стр. 99—108.

** См. выше, стр. 107.

ФИНЛЯНДСКОЕ „УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ“

и

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

(Передовая статья № 102 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 14 апрѣля.

Мы были поражены тою статьей новоизданнаго финляндскаго *Уголовнаго Уложенія* которая опредѣляетъ двѣсти марокъ, то-есть всего только 50 металлическихъ рублей, какъ высшій размѣръ штрафа за непозволительное снятіе и опубликованіе плана укрѣпленій. «Не слишкомъ ли уже дешево», спрашивали мы, «цѣнится въ Финляндіи соблюденіе русской государственной тайны?»

Но поразительность этого финляндскаго постановленія блѣднѣетъ и далеко уходитъ на задній планъ предъ поразительностью другихъ постановленій того же *Уложенія*.

Во многомъ отличающееся отъ дѣйствующаго во всей Россійской Имперіи *Уложенія о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ*, новое *Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго* вызываетъ особое, крайнее недоумѣніе, скажемъ больше, возбуждаетъ глубокое негодованіе во всякомъ истинно-Русскомъ человѣкѣ тою своею частью гдѣ заключаются постановленія о государственныхъ преступленіяхъ,— о преступленіяхъ противъ Верховной Власти и объ измѣнѣ отечеству.

И классификація этого рода преступленій, и юридическія понятія о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и, въ особенности, опредѣленныя за нихъ наказанія, по большей части совершенно своеобразны въ финляндскомъ *Уложеніи*, которое относится къ посягательствамъ «финляндскаго гражданина» на права и неприкосновенность Верховной Власти съ удивительною и, на нашъ взглядъ, ничѣмъ не оправдываемою снисходительностью. Мы недоумѣваемъ чѣмъ можно объяснить это коренное различіе отъ общихъ русскихъ законовъ вводимое финляндскимъ *Уложеніемъ* въ понятія о важности и наказуемости государственныхъ преступленій.

Положимъ, нѣкоторыя видоизмѣненія уголовныхъ законовъ, въ примѣненіи ихъ къ различнымъ частямъ

государства, могутъ быть до нѣкоторой степени оправданы историческими и мѣстными условіями, вѣковыми обычаями и т. п. Но не подлежитъ сомнѣнію что понятія о преступленіяхъ *государственныхъ* и опредѣленныя за нихъ наказанія должны быть совершенно единообразны для всѣхъ вѣрноподданныхъ, независимо отъ ихъ національности и мѣстныхъ условій ихъ быта. Этого требуютъ достоинство государства, его единство и нераздѣльность. Какъ бы ни были различны по происхожденію, языку, религіи и обычаямъ зе́мли и племена входящія въ составъ государства, всѣ онѣ составляютъ лишь части одного нераздѣльнаго цѣлаго, всѣ онѣ подчиняются единой Верховной Власти, неприкосновенность Которой должна быть одинаково священна для каждаго вѣрноподданнаго.

Но составители финляндскаго *Уголовнаго Уложенія*, не раздѣляющіе, повидимому, вышеприведенныхъ соображеній, создали такой законодательный актъ, въ силу котораго финляндскій гражданинъ за преступленія противъ Верховной Власти подвергается въ большинствѣ случаевъ совершенно инымъ и гораздо слабѣйшимъ наказаніямъ чѣмъ остальные подданные Россійской Имперіи.

Обратимся къ сравненію общихъ русскихъ и особыхъ финляндскихъ законовъ. Размѣры газетной статьи вынуждаютъ насъ ограничиться пока лишь постановленіями о преступленіяхъ противъ Священной Особы Государя Императора и Членовъ Императорскаго Дома, не касаясь другихъ видовъ государственныхъ преступленій. Но и сравнительное изученіе однихъ этихъ законовъ первостепенной важности достаточно убѣждаетъ въ полной неудовлетворительности постановленій финляндскаго *Уложенія* о преступленіяхъ государственныхъ.

По русскому *Уложенію о Наказаніяхъ* (статья 241):

«Всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ *жизни*, *здравія* или *чести* Государя Императора и всякій умыселъ свергнуть Его съ Престола, лишить свободы и Власти Верховной или же ограничить права оной, или учинить Священной Особѣ Его *какое-либо насиліе*», влечетъ за собою «лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь».

Согласно 242 и 243 статьямъ того же Уложенія о Наказаніяхъ, опредѣленному въ 241 статьѣ наказанію, то-есть смертной казни, подвергаются всѣ участвующія въ злоумышленіи лица, независимо отъ степени ихъ участія, даже недоносители, и притомъ не только за самое совершеніе преступленія, но за покушеніе, приготовленіе и даже за умыселъ.

На основаніи 244 статьи, тому же наказанію и на томъ же основаніи подвергаются и виновные въ совершеніи преступленій, означенныхъ въ 241 статьѣ, противъ Наслѣдника Престола, или Супруги Государя Императора, или прочихъ членовъ Императорскаго Дома.

Таковы по русскому уложенію понятія о священной неприкосновенности Государя Императора и членовъ Его Дома. Таковы они и въ сердцѣ всякаго истинно-русскаго вѣрноподданнаго.

Но, судя по финляндскому *Уголовному Уложенію*, понятія эти представляются совершенно иными для «финляндскаго гражданина». Преступныя дѣянія перечисленныя въ 241 и 244 статьяхъ нашего Уложенія о Наказаніяхъ распредѣлены въ финляндскомъ *Уголовномъ Уложеніи* по отдѣльнымъ параграфамъ главы 11й, «О преступленіяхъ противъ Верховной Власти», и главы 13й, «Объ

оскорбленіи Величества, а также о насиліи противъ членовъ Императорскаго Дома и оскорбленіи Ихъ чести». Выписываемъ эти параграфы дословно:

Глава 11.

§ 1. Кто, съ умысломъ умертвить Государя Императора и Великаго Князя, лишить Его жизни или сдѣлаетъ на сіе *покушеніе*, тотъ приговаривается къ смертной казни за преступленіе противъ Верховной Власти.

§ 2. Кто съ умысломъ:

1) лишить Государя Императора и Великаго Князя свободы, предать Его Величество во власть непріятеля, исторгнуть изъ рукъ Государя Императора державную власть или сдѣлать для Него невозможнымъ отправленіе оной, *

совершитъ дѣяніе заключающее въ себѣ *осуществленіе умысла* или покушеніе на оное, тотъ подвергается, за преступленіе противъ Верховной Власти, *заключенію въ смирительномъ домѣ пожизненно или срокомъ отъ восьми до двѣнадцати полныхъ лѣтъ.*

Глава 13.

1. Кто въ другомъ случаѣ, кромѣ упомянутыхъ въ главѣ 11й, умышленно оскорбитъ дѣйствіемъ Государя Императора и Великаго Князя или учинитъ Ему другое умышленное насиліе, тотъ, за оскорбленіе Величества, приговаривается въ смертной казни *или къ заключенію въ смирительномъ домѣ пожизненно, или же на время отъ восьми до двѣнадцати полныхъ лѣтъ.*

Покушеніе наказуемо.

§ 2. Виновный въ оскорбленіи чести Государя Императора и Великаго Князя наказывается, за оскорбленіе Величества, заключеніемъ *въ смирительномъ домѣ срокомъ не свыше четырехъ лѣтъ или тюремнымъ заключеніемъ не меньше шести мѣсяцевъ.*

§ 3. Кто предумышленно или умышленно лишитъ жизни Государыню Императрицу, Наслѣдника Престола, вдовствующую Императрицу или другаго члена Императорскаго Дома, тотъ приговаривается въ смертной казни. Кто умышленно причинитъ Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Престола или вдовствующей Императрицѣ другое (?) оскорбленіе дѣйствіемъ или другое насиліе, тотъ наказывается заключеніемъ въ смирительномъ домѣ на время отъ *четырехъ до двѣнадцати полныхъ лѣтъ* или пожизненно, *или же, въ менѣе тяжкихъ случаяхъ, тюремнымъ заключеніемъ не меньше одного года.* Если сіе будетъ учинено противъ другаго члена Императорскаго Дома, то наказаніемъ имѣетъ быть заключеніе въ смирительномъ домѣ на время не свыше двѣнадцати лѣтъ *или тюремное заключеніе не менѣе шести мѣсяцевъ.*

Покушеніе на упомянутыя въ семъ §фѣ преступленія наказуемо.

§ 4. Виновный въ оскорбленіи чести Государыни Императрицы, Наслѣдника Престола, вдовствующей Императрицы или другаго члена Императорскаго Дома подвергается *заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ срокомъ не свыше трехъ лѣтъ.*

При сравненіи приведенныхъ постановленій русскаго и финляндскихъ законовъ оказывается что послѣдніе

---

* Не выписываемъ 2 и 3 пунктовъ § 2, какъ опредѣляющихъ такія преступленія которыя въ 241 и 244 статьяхъ нашего Уложенія о Наказаніяхъ не упоминаются.

опредѣляютъ смертную казнь безусловно лишь въ случаяхъ лишенія жизни Государя Императора или кого-либо изъ членовъ Императорскаго Дома. Смертная казнь опредѣляется также за «умышленное оскорбленіе дѣйствіемъ» Государя Императора или за «учиненіе Ему другаго умышленнаго насилія», *но не безусловно:* допускается замѣна смертной казни пожизненнымъ и даже срочнымъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ (каторжной тюрьмѣ). Затѣмъ, за всѣ прочія преступленія предусмотрѣнныя въ 241 и 244 статьяхъ нашего Уложенія о Наказаніяхъ, виновный можетъ быть подвергнутъ, по финляндскимъ законамъ, *лишь* одному изъ видовъ лишенія свободы, болѣе или менѣе продолжительнаго.

Несоотвѣтствіе подобныхъ наказаній съ важностью государственныхъ преступленій просто поражаетъ въ финляндскомъ *Уложеніи.* Возможно ли читать безъ изумленія что, напримѣръ, такія тягчайшія, душу возмущающія преступленія какъ *лишеніе Государя Императора свободы, преданіе Его во власть непріятеля или исторженіе изъ рукъ Его державной власти* караются смирительнымъ домомъ, срокъ заключенія въ которомъ можетъ быть доведенъ, въ низшемъ размѣрѣ, до восьми лѣтъ?

Не меньшее изумленіе вызываютъ и постановленія § 2 главы 13й, по которому *виновный въ оскорбленіи чести Государя Императора* можетъ быть подвергнутъ шестимѣсячному тюремному (не каторжному, а простому) заключенію!

Или этотъ 3-й параграфъ, опредѣляющій наказаніемъ *за оскорбленіе дѣйствіемъ Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича* или за иное противъ нихъ *насиліе — въ менѣе тяжкихъ случаяхъ* — годичное тюремное заключеніе!

Особенно страннымъ и, на нашъ взглядъ, совершенно непонятнымъ представляется приведенная оговорка *«въ менѣе тяжкихъ случаяхъ»*. Какіе же это случаи насилія противъ Государыни Императрицы и Наслѣдника Престола финляндскіе законодатели считаютъ «менѣе тяжкими»? Для всякаго вѣрноподданнаго Русскаго Царя, въ данномъ отношеніи, никакого различія тяжкихъ и менѣе тяжкихъ случаевъ не существуетъ. Нѣтъ и не можетъ быть, по понятіямъ Русскаго народа, такого случая оскорбленія дѣйствіемъ или насилія противъ членовъ Императорской Семьи, который не почитался бы однимъ изъ тягчайшихъ преступленій.

Не въ мѣру снисходительное къ преступленіямъ противъ Верховной Власти, финляндское *Уложеніе* оказывается, напротивъ, чрезвычайно строгимъ къ преступленіямъ противъ «Земскихъ Чиновъ края».

Такъ § 1 главы 15й гласитъ:

„Кто насиліемъ или угрозою насилія нарушитъ на Сеймѣ свободу совѣщанія или рѣшенія Земскихъ Чиновъ края, ихъ коммиссіи или какого-либо сословія, или кто воспрепятствуетъ ихъ собранію или же учинитъ на сіе покушеніе, тотъ подвергается *заключенію въ смирительномъ домѣ срокомъ отъ двухъ до двѣнадцати полныхъ лѣтъ.*“

Не слишкомъ ли уже высоко цѣнитъ финляндскій законъ неприкосновенность «Земскихъ Чиновъ края», если за посягательство на свободу ихъ совѣщаній и рѣшеній *низшею* мѣрой наказанія опредѣляетъ двухлѣтнее заключеніе въ смирительномъ домѣ (болѣе тяжкое, каторжное), тогда какъ *за оскорбленіе дѣйствіемъ* Государыни Императрицы или Наслѣдника Престола признаетъ возможнымъ ограничиться «въ менѣе тяжкихъ случаяхъ»

годичнымъ тюремнымъ (гораздо болѣе легкимъ) заключеніемъ, въ случаяхъ же оскорбленія дѣйствіемъ родныхъ Братьевъ Цесаревича доводитъ низшую мѣру наказанія даже до шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія?!

Крайнею несообразностью отличаются новые финляндскіе законы и въ опредѣленіи наказаній по мѣрѣ участія въ преступленіяхъ противъ Верховной Власти и по мѣрѣ приведенія злаго умысла въ исполненіе.

Такъ, на основаніи § 3 главы 11й, участіе въ *заговорѣ* съ цѣлью «совершить преступленіе противъ Верховной Власти» (каковы, напримѣръ, лишеніе Государя Императора жизни или свободы и т. п.) карается *тюремнымъ заключеніемъ срокомъ отъ одного года до восьми лѣтъ*.

«Кто», читаемъ далѣе въ § 4 той же главы,—

„съ намѣреніемъ содѣять преступленіе противъ Верховной Власти, *войдетъ въ сношенія съ иностраннымъ правительствомъ, или злоупотребитъ ввѣренною ему по должности властью, или заготовитъ оружіе или людей*, или совершитъ другое подобнаго свойства приготовительное дѣйствіе, тотъ *подвергается заключенію въ* смирительномъ домѣ или *тюрьмѣ на время отъ одного года* до восьми полныхъ лѣтъ. Кто съ подобнымъ же намѣреніемъ присоединится къ такимъ людямъ, тотъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ или *тюрьмѣ срокомъ не свыше двухъ лѣтъ*“.

Дешево же цѣнится въ Финляндіи вѣрность своему Государю и отечеству, если за такія преступленія, какъ заговоръ противъ Верховной Власти или сношеніе съ иностраннымъ правительствомъ съ цѣлью совершенія тягчайшихъ государственныхъ преступленій, финляндскіе законы признаютъ достаточнымъ наказаніемъ относительно кратковременное тюремное заключеніе!

Не ограничиваясь такою мягкостью наказаній за государственныя преступленія, финляндское *Уголовное Уложеніе*, въ § 5 главы 11й, указываетъ еще способъ смягченія наказанія виновному и даже совершеннаго освобожденія его отъ заслуженной кары.

Согласно сему § 5, къ покушенію и приготовленію къ преступленію противъ Верховной Власти примѣняются правила установленныя въ § 2 главы 4й. А правила эти гласятъ буквально слѣдующее:

Если совершитель дѣянія, по собственному побужденію, а не по внѣшнимъ препятствіямъ, воздержался отъ исполненія преступленія или отвратилъ дѣйствіе относящееся къ совершенію онаго, *то покушеніе не наказуемо.*

Если такое покушеніе заключаетъ въ себѣ дѣяніе само по себѣ составляющее преступленіе, то наказаніе присуждается за сіе преступленіе.

Итакъ, по новымъ финляндскимъ законамъ, если, напримѣръ, кто-нибудь сговорится съ другимъ лицомъ лишить жизни Государя Императора, доставитъ для этой цѣли оружіе, но, въ тотъ моментъ когда преступникъ подниметъ на Государя святотатственную руку, вырветъ оружіе изъ рукъ злодѣя, или инымъ способомъ воспрепятствуетъ совершенію преступленія, то, вмѣсто вполнѣ заслуженной смертной казни, онъ можетъ быть приговоренъ, на основаніи § 3 главы 11й, какъ за заговоръ противъ Верховной Власти, только къ тюремному заключенію? Если же финляндскій судъ признаетъ что покушеніе на цареубійство «само по себѣ не составляетъ особаго преступленія», то преступникъ

можетъ быть и совсѣмъ освобожденъ отъ наказанія?

Укажемъ еще одинъ перлъ финляндскаго *Уголовнаго Уложенія*—постановленія о попустительствѣ на преступленіе и о недонесеніи.

«Кто», говорится въ параграфѣ 19 главы 16й, —

„знаетъ о приготовленіяхъ въ преступленію противъ Верховной Власти, къ государственной измѣнѣ, * ...но упуститъ заблаговременно, пока еще есть возможность предупредить преступленіе, увѣдомить о семъ власть или лицо, которому преступленіе угрожаетъ, тотъ подвергается, если преступленіе или наказуемое покушеніе на оное совершится, *тюремному заключенію не свыше шести мѣсяцевъ или денежному взысканію*."

Что же это, наконецъ, такое? Выходитъ что *человѣкъ допустившій*, напримѣръ, *цареубійство, которое* онъ *могъ предотвратить* своевременнымъ увѣдомленіемъ власти, *наказывается по финляндскимъ законамъ кратковременнымъ тюремнымъ заключеніемъ или даже денежнымъ взысканіемъ*, одинаково съ человѣкомъ попустившимъ такое сравнительно ничтожное преступленіе какъ простой грабежъ...

Можно ли идти далѣе въ дѣлѣ оцѣнки важности преступленій противъ Верховной Власти?

И все это уже публикуется въ финляндскихъ церквахъ во всеобщее свѣдѣніе! И *Уголовное Уложеніе* съ вышеприведенными постановленіями имѣетъ вступить въ силу 1 января 1891 года (19 декабря 1890) въ финляндскихъ губерніяхъ Россійской Имперіи!

Но если оно дѣйствительно вступитъ въ силу, съ какимъ трепетомъ и ужасомъ придется каждому истинно-русскому подданному прислушиваться ко всякому извѣстію, къ малѣйшему слуху о возможной поѣздкѣ Государя Императора или кого-либо изъ членовъ Его Царственной Семьи въ эту русскую область со столь чудовищными законами! *

Да, составители проекта *Уголовнаго Уложенія* знали что дѣлали, когда, удовольствовавшись просмотромъ его въ Упсалѣ шведскимъ профессоромъ, заботливо ограждали этотъ проектъ отъ какого-либо контроля, отъ какой-либо возможности протеста со стороны какихъ-либо русскихъ властей.

---

* Далѣе слѣдуетъ перечисленіе различныхъ преступленій противъ жизни, здравія, свободы и имущества частныхъ лицъ, и т. п.

* Не воспроизводимъ слѣдовавшихъ за симъ въ № 102 *Московскихъ Вѣдомостей* девяти строкъ этой статьи, навлекшихъ на *Московскія Вѣдомости* административную кару (см. ниже, стр. 281).

ПЯТИДЕСЯТИРУБЛЕВЫЙ ШТРАФЪ
И
ФИНЛЯНДСКІЯ ВОЗРАЖЕНІЯ.

(Передовая статья № 108 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 20 апрѣля.

Статья наша* о томъ интересномъ параграфѣ новаго *Уголовнаго Уложенія* Финляндіи, по которому опредѣляется штрафъ *не свыше* 50 рублей за снятіе, безъ разрѣшенія, плана укрѣпленія, или обнародованіе такого снимка, вызвала въ гельсингфорсской *Nya Pressen* нѣкоторое объясненіе,—конечно въ защиту финляндскаго кодекса. Стремясь доказать правоту мѣстныхъ законодателей, газета увѣряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ что наши соображенія — вздоръ и злокозненность.

Изъ этого гельсингфорсскаго объясненія мы узнаемъ, вопервыхъ, что Финляндцы заимствовали разсмотрѣнный нами параграфъ изъ *германскаго уголовнаго устава*, и что онъ, этотъ параграфъ, соотвѣтствуетъ современнымъ принципамъ. Это поучительно, и тѣмъ интереснѣе будетъ узнать, примѣнитъ ли наша коммиссія, работающая теперь надъ пересмотромъ Уложенія о Наказаніяхъ, новые шведско-нѣмецко-финляндскіе прогрессивные принципы къ передѣлкѣ 256 статьи этого нашего Уложенія—въ смыслѣ замѣны лишенія правъ состоянія и ссылки въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири 50-рублевымъ, не свыше, штрафомъ. Намъ сдается, однако, что русскіе законодатели едва ли будутъ столь же прогрессивны какъ финляндскіе въ дѣлѣ охраны государственныхъ оплотовъ.

Въ дальнѣйшемъ разоблаченіи нашихъ будто бы кривотолковъ, *Nya Pressen* замѣчаетъ намъ что мы смотрѣли де не въ то мѣсто куда глядѣть слѣдовало. Въ цитованномъ нами параграфѣ (§ 1, гл. 42) рѣчь идетъ будто бы вовсе не о преступленіи направленномъ противъ государственной безопасности, а только о нарушеніи предписаній направлен-

* См. выше, стр. 262 – 266.

ныхъ къ государственной безопасности (detta stadgande alldeles icke afser brott mot statens säkerhet, utan brott mot föreskrift till statens säkerhet). Наше же толкованіе—о вредѣ для государства отъ оглашенія военно-государственной тайны — финляндская газета находитъ вполнѣ и строго примѣненнымъ въ п. 3 § 2 главы 12й новаго *Уголовнаго Уложенія*, трактующей о «государственной измѣнѣ и другихъ преступленіяхъ противъ безопасности Финляндіи или Россіи».

Финляндіи или Россіи... Новый сюрпризъ! Значитъ, можетъ быть государственная измѣна противъ Россіи, которая не будетъ измѣной противъ Финляндіи, и наоборотъ? Не даромъ первый же параграфъ этой главы говоритъ о наказаніи «финляндскому гражданину, который, на службѣ иностранной державы, подниметъ во время войны оружіе *противъ Финляндіи*, Россіи, или союзника въ войнѣ»... Любопытно это тройственное сопоставленіе. Можно подумать что Россія не больше какъ союзникъ Финляндіи, и что, пожалуй, чего добраго, для Финляндца служба въ Россіи не болѣе какъ служба «иностранной державѣ»...

Чѣмъ дальше въ лѣсъ тѣмъ больше дровъ. Впрочемъ, не будемъ на этомъ останавливаться, а примемъ во вниманіе сдѣланное намъ замѣчаніе и приведемъ указываемые параграфъ и пунктъ главы 12-й.

§ 2. Финляндскій гражданинъ, который, *по объявленіи войны ими начатъ оной*, къ пользѣ непріятеля умышленно...*

3) извѣститъ непріятеля о расположеніи или движеніяхъ, или намѣреніяхъ войска (!), или сообщитъ ему карту, чертежъ или описаніе укрѣпленія, порта, фарватера или дороги и проч.,

подлежитъ, за государственную измѣну, заключенію въ смирительномъ домѣ пожизненно или на время отъ четырехъ до двѣнадцати полныхъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

Вотъ на что указываетъ финляндская газета, и это—все. Газета ни на что больше не указываетъ и ничего больше не приводитъ. А ужъ, конечно, она не преминула бы отыскать все что можно сказать pro domo sua и въ изобличеніе насъ.

Что же говоритъ приведенный пунктъ? Вникнемъ въ его содержаніе: «Финляндскій гражданинъ который *по объявленіи войны или началѣ оной*» и т. д.

Да. Но позвольте: развѣ мы говорили о преступленіи совершенномъ «по объявленіи войны», то-есть о «военномъ времени», когда мѣры охраны государства и кары за нарушеніе ихъ достигаютъ высшей степени напряженія размѣровъ? Мы разсматривали извѣстный параграфъ о снимкахъ плановъ и о 50рублевомъ штрафѣ совсѣмъ не съ этой, а съ настоящей, единственно вѣрной точки зрѣнія, съ которой только и должно его разсматривать—съ точки зрѣнія обыкновенныхъ, ежедневныхъ условій. Мы говорили, какъ говоритъ и этотъ 50рублевый параграфъ, о преступленіи которое можетъ быть совершено вовсе не въ военное, а именно *въ мирное* время. Это очевидно и изъ сдѣланнаго нами сравненія съ 256 статьей нашего Уложенія о Наказаніяхъ, которая трактуетъ также только о случаѣ мирнаго времени, а о случаѣ войны вовсе не упоминаетъ. На этотъ послѣдній случай есть въ русскомъ Уложеніи особая, 253-я статья (п. 3), въ которой совершенно опредѣленно говорится о случаѣ сообщенія непріятелю плана военныхъ укрѣпленій и т. п. именно во время войны. И за это положена не ссылка въ Сибирь

* Слѣдуютъ 1 и 2 пункты, на которые газета *Nya Pressen* не указываетъ.

на поселеніе, а смертная казнь. Укоризненно рекомендуемому намъ финляндскою газетой пункту 3 § 2 гл. 12 соотвѣтствуетъ какъ разъ эта 253-я статья и по свойству преступленія, и по тягости наказанія, а никакъ не 256-я статья приведенная нами.

Повторяемъ, въ нашемъ сужденіи дѣло шло о преступленіи совершаемомъ въ мирное время, въ спокойной, такъ-сказать, обстановкѣ, когда вниманіе особо не напряжено и обмануть его легче, когда втихомолку можно заручиться самыми драгоцѣнными для непріятеля планами и чертежами. Мы говорили о предательствѣ, или, по крайней мѣрѣ, о приготовленіяхъ къ нему въ мирное время, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть не только не менѣе, а пожалуй и гораздо болѣе важными нежели иной случай уже по объявленіи войны. «Снятыми безъ разрѣшенія» и «опубликованными» планами можетъ быть обращена въ ничто цѣлая система защиты государства. А если они не опубликованы, то вредъ отъ «снятія безъ разрѣшенія», при условіи передачи въ тайнѣ, будетъ и еще больше, такъ какъ свое государство, не зная о предательствѣ, останется въ полной надеждѣ на неизвѣстность своихъ укрѣпленій чужестранцамъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе примутъ, конечно тоже въ тайнѣ, всѣ противъ нихъ мѣры, что̀ можетъ повлечь за собою неисчислимыя вредныя для государства послѣдствія.

Въ нашихъ сужденіяхъ дѣло шло, конечно, не о фотографическомъ снимкѣ ландшафта, на которомъ фигурируетъ крѣпость или портъ, — ландшафта доступнаго всякому проходящему. Финляндскій публицистъ не такъ же наивенъ чтобы предполагать возможность «снятія плана» только для такого художества. Онъ понимаетъ что мы говорили о случаяхъ неизмѣримо важнѣйшаго значенія, но прикидывается простакомъ чтобы замести слѣды финляндскихъ законодательныхъ издѣлій.

Чѣмъ же, спрашиваемъ мы, наказалъ бы финляндскій судъ, руководясь новымъ *Уголовнымъ Уложеніемъ*, человѣка снявшаго, путями ему извѣстными, напримѣръ, Свеаборгскія укрѣпленія или загражденія,—не въ военное, а въ мирное время, — и «опубликовавшаго» ихъ, напримѣръ, въ Лондонѣ или Берлинѣ?

Теперь, слава Богу, война Россіи «или Финляндіи» никѣмъ еще не объявлена и не началась. Примѣнить къ виновному рекомендуемую въ *Nya Pressen* статью закона нѣтъ, поэтому, никакой возможности. Поневолѣ приходится обратиться къ узаконеніямъ «о преступленіяхъ противъ постановленій касательно государственной безопасности» и пр.,— какъ неуклюже озаглавлена финляндскими законодателями привлекшая наше вниманіе глава 42я ихъ *Уложенія*. А въ этой главѣ единственная статья относящаяся къ нашему случаю и есть тотъ именно § 1 который подвергаетъ виновнаго «въ снятіи безъ разрѣшенія плана укрѣпленія, или въ обнародованіи такого снимка, денежному взысканію не свыше 200 марокъ», то-есть 50 металлическихъ рублей. Ни одинъ изъ семи прочихъ параграфовъ этой главы рѣшительно не подходитъ къ нашему случаю, ибо въ ней есть разныя разности,—не исключая взысканія, тоже не свыше 200 марокъ, съ того «кто за плату занимается гаданьемъ, ворожбою или подобнымъ сему суевѣріемъ» (§ 8),—но другаго подходящаго закона нѣтъ. *

---

* Есть нѣчто въ § 7 гл. 12, гдѣ виновный присуждается ко взысканію не менѣе 200 марокъ за передачу и оглашеніе секретныхъ документовъ; но о снятіи плановъ, то-есть „недозволенномъ изготовленіи“ такихъ доку-

За симъ по совѣсти можемъ сказать что опроверженіе *Nya Pressen*, съ якобы солиднымъ указаніемъ на другой параграфъ, есть просто подтасовка и очень, притомъ, неумная. Мы ею и не занялись бы, еслибъ она не была пущена въ ходъ въ разныхъ петербургскихъ сферахъ, не довольно еще съ новымъ финляндскимъ *Уголовнымъ Уложеніемъ* ознакомленныхъ.

ментовъ, о преступленіи болѣе тяжкомъ,—и тамъ ничего не говорится.

КАКЪ БЛЮДУТСЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ РУССКІЯ ВОЕННЫЯ ТАЙНЫ.*

Справка въ отчетѣ о одномъ военно-морскомъ судебномъ дѣлѣ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 95, 102 и 108) ** былъ отмѣченъ тотъ невѣроятный, но несомнѣнный, фактъ что преступленіе, которое по русскимъ законамъ карается „лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири", по вновь изданному *Уголовному Уложенію* Великаго Княжества Финляндскаго наказывается всего только „денежнымъ взысканіемъ *не свыше* двухсотъ марокъ", то есть не свыше 50 металлическихъ рублей. И это за такія важныя государственныя преступленія какъ снятіе и опубликованіе плановъ крѣпостей (*Уголовное Уложеніе* § 1 главы 42й),—положимъ, не въ военное, а въ мирное время.

Нашихъ либераловъ это, повидимому, нисколько не поражаетъ. Имъ по сердцу утверждать что Финляндцы де, воспитанные въ доброй школѣ конституціонныхъ порядковъ и либеральныхъ ученій, вовсе не нуждаются въ строгихъ законахъ; они де такъ лойяльны, такъ любятъ свою родину и чтутъ законы, что для нихъ даже и установленіе слабыхъ наказаній является, пожалуй, излишнимъ,—этихъ наказаній все равно не придется де примѣнять за неимѣніемъ налицо наказуемыхъ проступковъ...

Сколько правды въ подобныхъ утвержденіяхъ можно видѣть изъ дѣла о подполковникѣ флотскихъ штурмановъ А. Ф. Худынцевѣ, разбиравшемся въ 1879 году въ Военно-Морскомъ Судѣ въ Кронштадтѣ. Дѣло это, собственно, не представляло ничего особеннаго: пропала по неосторожности такъ-называемая „секретная" карта, что со всякимъ можетъ случиться, при трудности и сложности обязанностей лежащихъ на каждомъ отдѣльномъ начальникѣ по морской службѣ, и мы не позволимъ себѣ въ данномъ случаѣ бросить какую-либо тѣнь на почтеннаго А. Ф. Худынцева. Но тутъ важенъ побочный фактъ, въ свое время пропущенный, повидимому, безъ вниманія и оставшійся неразслѣдованнымъ. Этотъ фактъ—представленіе г. Худынцевымъ *частной* финской карты въ подтвержденіе того что наша „секретная" карта вовсе не секретна,

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 115, отъ 28 апрѣля.

** См. выше, стр. 262—276.

и что за двѣ марки можно всюду въ Финляндіи достать карту гораздо болѣе подробную и полную чѣмъ наша секретная.

Воспроизводимъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ изъ *Кронштадтскаго Вѣстника*, гдѣ, въ № 113 за 1879 годъ, было напечатано слѣдующее:

—

„Засѣданіе Кронштадтскаго военно-морскаго суда 25 сентября 1879 года по дѣлу подполковника корпуса флотскихъ штурмановъ Андрея Филипповича Худынцева, обвиняемаго въ утратѣ секретной карты. По винѣ Худынцева, утрачена *секретная карта входа въ Свеаборгъ* 1843 года, № оттиска 766.“

Насъ, собственно, интересуетъ слѣдующее, выяснившееся на судѣ, обстоятельство:

„Въ доказательство того что потерянная карта въ дѣйствительности не заключаетъ въ себѣ никакихъ секретныхъ свѣдѣній, подполковникъ Худынцевъ представилъ *купленную имъ* въ Финляндіи, по его мнѣнію, точно такую же карту, немного лишь меньшаго масштаба.

„По отзыву Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства, *карта входа въ Свеаборгъ* за № 1.325 (оттискъ 766й), въ числѣ другихъ подобныхъ входныхъ картъ финляндскихъ шхеръ, *подлежитъ секрету*, какъ составляющая, на основаніи подробной съемки, въ масштабѣ 530 саженъ въ дюймѣ, настолько подробную что на ней отмѣчены ясно всѣ фарватеры и входы въ Свеаборгъ и во внутренность шхеръ. На этой картѣ помѣщенъ планъ Свеаборгскаго рейда въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ, на которомъ обозначены крѣпости возведенныя *до изданія* карты въ 1843 году.

„На частной картѣ, составленной въ масштабѣ 640 саж. въ дюймѣ, *хотя нанесены острова, большая часть баловъ, и указаны фарватеры*, такъ что *для знакомыхъ со мѣстностію она можетъ служить руководствомъ для показанія*, но вполнѣ *замѣнить карту № 1.325* (оттискъ 766) *не можетъ* (?).

„Эксперты показали:

„Штабсъ-капитанъ флотскихъ штурмановъ Курьянъ—что, по его мнѣнію, по частной картѣ можно плавать такъ же какъ и по секретной, ибо на частной точно такъ же обозначены фарватеры какъ и на секретной.

„Эксперты Соловьевъ и Борисовъ, по обозрѣніи картъ, заявили что фарватеры какъ на той, такъ и на другой показаны одинаково вѣрно, стороны берега также на своихъ мѣстахъ, и если есть разница между картами, то она заключается въ слѣдующемъ: „на шведской“ картѣ банки обозначены кружками, тогда какъ „на нашей“ банки имѣютъ „естественное“ очертаніе; кромѣ того, на „секретной“ картѣ показаны крѣпость и бастіоны которые частію уже, впрочемъ, срыты и продолжаютъ срываться. Что касается указанія глубины, то на „шведской“ въ одномъ мѣстѣ глубина показана въ 6—4 саж., „на нашей“ же глубина въ томъ же *самомъ мѣстѣ совсѣмъ не означена (такъ что—что тутъ, страшная ли глубина или, напротивъ, мель, не узнать)* *. Если предположить что шкиперъ судна, никогда не входившій въ Гельсингфорсъ, запасся покупкой карты въ Финляндіи, *то онъ по этой картѣ* (тождественной съ представленною въ судъ) *отлично можетъ пройти даже въ первый разъ посѣщенія Гельсингфорса и пройти безо всякой помощи спеціальныхъ лоцмановъ*.

„Экспертъ Дуркинъ прежде всего заявилъ что финляндская карта ему *давно извѣстна*, и когда онъ увидѣлъ въ первый разъ нашу „секретную“ карту, то убѣдился что она совершенно такая же какъ и финляндская. Если всмотрѣться хорошенько въ обѣ карты, то можно различить ихъ только по тому что онѣ сняты не съ одного планшета; въ сущности же обѣ карты положительно схожи между собой. На нашей картѣ банки обозначены ихъ „естественными“ очертаніями, а на финляндской попадается то же самое, и хотя есть различіе въ очертаніи, тѣмъ не менѣе самые центры банокъ показаны совершенно вѣрно какъ на той, такъ и на другой; что же касается такъ-называемыхъ „пятенъ“;

* Очевидно, финская карта составлена лучше и подробнѣе нашей „секретной“.

то-есть острыхъ камней, то они на финляндской обозначены кружками.

„Далѣе г. экспертъ заявилъ что наша „„секретная карта““ по отношенію къ плану крѣпости „отжила свой вѣкъ“, такъ какъ „многія батареи этой крѣпости срыты и срываются“; фарватеры показаны точь-въ-точь какъ на той, такъ и на другой картѣ, съ такимъ же количествомъ шестовъ и вехъ ограждающихъ фарватеръ, съ тою только разницей что на „секретной картѣ“, если на извѣстномъ мѣстѣ стоитъ шестъ, то и написано „шестъ“, если голикъ, то и написано „голикъ“, на финляндской же картѣ они такъ и нарисованы; кромѣ того, сдѣлана еще выноска названій. Очертаніе берега на финляндской картѣ сдѣлано подробнѣе и обширнѣе въ глубь чѣмъ на нашей: на секретной картѣ не показана линія *существующихъ* оборонительныхъ укрѣпленій, тогда какъ на финляндской картѣ, какъ на новой, *все это есть* (!). На финлядской картѣ даже означенъ коммерческій рейдъ, чего на нашей нѣтъ, и *всѣ безъ исключенія* иностранные корабли плавающіе у Гельсингфорса имѣютъ эту финляндскую карту и руководствуются ею. Вообще изъ объясненій г. Дуркина оказывается *что если непріятель вздумаетъ послать десантъ, то ему гораздо лучше руководствоваться для этого финляндскими картами чѣмъ нашими такъ-называемыми секретными картами.* Въ концѣ концовъ экспертъ заявилъ что карты (наши и финляндскія) разнятся только по масштабу, но затѣмъ какъ на той, такъ и на другой рѣшительно все поставлено на своихъ мѣстахъ и въ одинаковой величинѣ; *что многое на финляндской картѣ обозначено подробнѣе, и что она вполнѣ можетъ замѣнить нашу секретную карту.*

„Наконецъ, защитникъ, между прочимъ, высказалъ что она (секретная карта) можетъ быть развѣ только „„рѣдкостью““, но никакъ уже не „„секретною““ картой. Далѣе онъ сослался на нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ и напомнилъ что въ войну 1853—1856 годовъ Англичане подходили къ намъ такими фарватерами о которыхъ мы тогда не имѣли никакого понятія и которые не были показаны на секретной картѣ. Могутъ возразить что на пропавшей „секретной“ картѣ очерчены укрѣпленія Свеаборга: но укрѣпленія эти *теперь* большею частію уже срыты, и непріятель за такой секретъ, конечно, не дастъ ни гроша.“

Судъ постановилъ слѣдующую резолюцію:

„Кронштадтскій Военно - Морской Судъ, выслушавъ дѣло о подполковникѣ корпуса флотскихъ штурмановъ Андреѣ Филипповичѣ Худынцевѣ, призналъ его виновнымъ въ томъ что, изъ числа принятыхъ изъ гидрографической части на кампанію 1878 года секретныхъ картъ для занятія съ воспитанниками техническаго училища морскаго вѣдомства, онъ не представилъ обратно въ гидрографическую часть, послѣ кампаніи, секретной карты входа въ Свеаборгъ за № 1.325 (оттискъ 766), и таковая, несмотря на розыски, осталась неотысканною, причемъ признано судомъ что пропажа карты произошла отъ небрежности, *и что существуютъ обстоятельства уменьшающія вину* (2 пункт. 153 ст. Улож.), а потому, на основаніи 169 ст. Военно-Морскаго устава о Наказаніяхъ и 2 п. 153 ст. Улож. о Нак., постановилъ: подполковника А. Ф. Худынцева, 55 лѣтъ, подвергнуть отрѣшенію отъ должности, съ послѣдствіями по 46 ст. Воен. Морск. уст. о наказ. Опредѣливъ подсудимому наказаніе по закону, Военно-Морской судъ, принявъ во вниманіе обнаруженное въ судебномъ слѣдствіи то важное обстоятельство что секретная карта № 1.325 оттиска 766 считается потому секретною что планшетъ Свеаборгскаго рейда показанъ въ масштабѣ 250 саж., глубина показана болѣе чаще чѣмъ на входной картѣ, нанесены Свеаборгскія укрѣпленія существовавшія до 1843 года; при сравненіи *этой карты съ картой частнаго изданія на шведскомъ языкѣ 1872 года, оказывается что она хотя и меньшаго масштаба противъ секретной, но сдѣлана чрезвычайно точно, на ней не только нанесены всѣ предохранительные знаки, глубины моря читаются легче, обозначены желѣзныя дороги, другія сооруженія, коммерческій портъ,*

куда имѣютъ доступъ коммерческія суда, но, *что всего важнѣе, нанесены на ней направленія всѣхъ позднѣйшихъ оборонительныхъ укрѣпленій защищающихъ входъ на Свеаборгскій рейдъ*, чего на *секретной картѣ совсѣмъ не обозначено; такъ что судъ пришелъ къ убѣжденію что секретная карта № 1.325, если и имѣла существенное значеніе въ 1843 году, то въ настоящее время, при сравненіи ея съ частною картой 1872 года, она приписываемаго ей значенія* секретной имѣть не можетъ, и *слѣдовательно не можетъ произойти отъ потери ея и вредныхъ послѣдствій.* Относя изложенное обстоятельство къ чрезвычайному случаю, судъ, на основаніи 829 ст. Военно-Морск. суд. уст., во вниманіе къ отличному отзыву начальства подсудимаго Худынцева объ его долголѣтней и полезной службѣ, постановилъ: ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ, чрезъ управляющаго Морскимъ Министерствомъ, о смягченіи опредѣленнаго судомъ подполковнику Худынцеву наказанія объявленіемъ ему, на основаніи 43 ст. Военно-Морскаго дисцип. устава, замѣчанія въ приказъ."

—

Итакъ, показаніями спеціалистовъ-гидрографовъ, бывшихъ экспертами, и резолюціей Военно-Морскаго Суда, который, какъ извѣстно, составляется, кромѣ морскихъ офицеровъ-судей, изъ командировъ судовъ военнаго флота, вполнѣ установленъ фактъ существованія въ повсемѣстной продажѣ въ Финляндіи такихъ картъ которыя *болѣе секретны* чѣмъ наши секретныя военныя карты.* Карты эти служатъ для входа въ такой стратегическій пунктъ какъ Свеаборгъ,—и почемъ знать, можетъ-быть такія же карты относящіяся до входа въ другія гавани Балтійскаго побережья, даже въ самый Петербургъ и Кронштадтъ, продаются въ Финляндіи такъ же свободно и повсемѣстно, какъ и карта входа въ Свеаборгъ...

Спрашивается, можно ли идти далѣе въ дѣлѣ „откровенности" по части государственныхъ тайнъ?

Остается неизвѣстнымъ, знали ли тѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ, о существованіи въ продажѣ картъ подобныхъ упомянутой въ судебномъ отчетѣ, были ли эти карты конфискованы, и были ли виновные въ ихъ появленіи подвергнуты какому-либо наказанію, хотя бы штрафу не свыше 50 рублей...

Въ заключеніе этой замѣтки, иллюстрирующей финляндскую лойяльность, не могу не спросить: что бы заговорили господа либералы всѣхъ странъ еслибъ обнаружился такой невѣроятный фактъ какъ публичная продажа картъ секретныхъ входовъ какого-нибудь Плимута, Киля, Гавра и т. п.?

ОТСТАВНОЙ МОРЯКЪ.

---

* См. ниже, стр. 296.

РАСПОРЯЖЕНІЕ
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.*

24 апрѣля 1890 года.

Принимая въ соображеніе что газета *Московскія Вѣдомости*, разсматривая вновь изданное Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго, дозволила себѣ, въ передовой статьѣ № 102, крайне дерзкій отзывъ о государственномъ дѣятелѣ, поставленномъ довѣріемъ Верховной Власти во главѣ управленія означенною областію, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 144 Уст. Ценз., Св. Зак. т. XIV (изд. 1886 г.), и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, *опредѣляетъ*: объявить этой газетѣ *первое* предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора коллежскаго совѣтника Сергѣя Петровскаго.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 115, отъ 28 апрѣля.

„МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПО ПОВОДУ ДАННАГО ИМЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЯ.

(Передовая статья № 116 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 28 апрѣля.

Насъ постигла административная кара. Вчера, 27 апрѣля, нами получено и во главѣ вышедшаго сегодня, 28 апрѣля, № 115 *Московскихъ Вѣдомостей* напечатано, согласно требованію закона, распоряженіе г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 24 апрѣля, коимъ объявлено намъ предостереженіе. *

Законъ постановляетъ чтобы въ томъ нумерѣ изданія гдѣ печатается предостереженіе не помѣщалось никакихъ на него возраженій. Но мы ни въ моментъ печатанія, ни нынѣ, не имѣли и не имѣемъ ничего возражать противъ него: мы получили и приняли данное намъ предостереженіе съ понятнымъ тяжелымъ чувствомъ, но безъ малѣйшаго ропота даже въ тайникахъ нашего сердца' какъ кару дѣйствительно и вполнѣ нами заслуженную.

Да, мы не удержались въ тѣхъ предѣлахъ въ которыхъ обсужденіе вопросовъ имѣющихъ государственное значеніе можетъ быть оправдано пользой для дѣла и потому дозволительно; мы вышли изъ этихъ предѣловъ, мы превысили ту разумную мѣру свободы которою можетъ и должна довольствоваться русская публицистика не ощущая стѣсненій въ служеніи своему Государю на поприщѣ печатнаго слова,—въ этомъ серіозномъ и отвѣтственномъ служеніи, въ духѣ и силѣ приносимой каждымъ Русскимъ присяги на вѣрноподданство, служеніи, которое составляетъ дарованное печати право, а стало-быть и возложенный на нее долгъ. Мы провинились въ нашемъ печатномъ словѣ, мы злоупотребили его свободой—и не ищемъ оправ-

* См. выше, стр. 281.

данія нашему проступку ни въ увлеченіи ревностію нашего общественнаго служенія, ни въ существѣ тѣхъ фактовъ и вопросовъ величайшей важности о которыхъ говорилось въ передовой статьѣ № 102 *Московскихъ Вѣдомостей* *, и подъ скорбнымъ впечатлѣніемъ коихъ вылились изъ-подъ нашего пера неумѣстныя слова и сужденія. Нашею обязанностію было и есть соблюсти и соблюдать должную сдержанность, каковъ бы ни былъ предметъ нашего слова. Не исполнивъ сего, мы навлекли на себя кару. Но, благодаримъ Бога, кара эта пала только на насъ, нисколько не коснувшись поднятаго нами знамени, и нашъ проступокъ не повлекъ за собою никакихъ иныхъ послѣдствій которыя могли бы такъ или иначе отозваться на самомъ томъ дѣлѣ которому мы служимъ, на самой возможности продолженія этого нашего служенія.

Это — оказанная намъ милость, и она возлагаетъ на насъ обязанность. Съ новымъ и вящимъ усердіемъ должны и будемъ мы, по мѣрѣ силъ, трудиться надъ разработкой и разъясненіемъ разныхъ сторонъ такъ-называемаго финляндскаго вопроса и продолжать ознакомленіе русской публики съ положеніемъ и ходомъ столь мало извѣстныхъ у насъ финляндскихъ дѣлъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ, въ искренней надеждѣ что эти наши дальнѣйшія работы, согласованныя со смысломъ сдѣланнаго намъ правительственнаго внушенія, нисколько не потеряютъ, а напротивъ, выиграютъ въ своемъ значеніи и пользѣ.

Велика была радость финляндской печати, когда, весной минувшаго 1889 года, 9 мая, была опубликована въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* извѣстная «Всеподданнѣйшая докладная записка генералъ-губернатора Финляндіи»; * но восторгъ обуявшій эту печать при извѣстіи о полученіи нами «предостереженія» далеко оставляетъ за собой даже и прошлогоднія майскія ликованія; восторгъ этотъ сказался даже въ тѣхъ исключительныхъ шрифтахъ которыми финляндскія газеты печатали для своей публики эту столь интересную для нихъ новость. **

Намъ непонятна эта радость, хотя мы и вполнѣ знаемъ всю силу той ненависти которую питаетъ къ намъ извѣстная финляндская партія. Что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ выиграть, какую пользу могутъ извлечь вожаки этой партіи и вдохновители финляндской печати для своихъ стремленій и цѣлей изъ кары

---

* См. выше, стр. 267—272.

* См. выше, стр. 82—84.

** Вотъ приблизительные, сравнительно очень блѣдные и тонкіе, обращики употребленныхъ для сего финляндскими газетами жирныхъ шрифтовъ:

Nya Pressen, № 122:

Moskovskia Vädomosti har erhållit första varningen med anledning af sin artikel om finska strafflagen.

(Въ переводѣ: „*Московскія Вѣдомости* получили первое предостереженіе по поводу своей статьи о финляндскомъ уголовномъ уложеніи.“)

Finland, № 104:

Första varningen åt „Moskovskija Wjädomosti“.

(Въ переводѣ: „Первое предостереженіе *Московскимъ Вѣдомостямъ*.“)

постигшей нашу газету не за сужденія о финляндскихъ дѣлахъ вообще и Уголовномъ Уложеніи Финляндіи въ частности, а единственно за «крайне дерзкій отзывъ о государственномъ дѣятелѣ, поставленномъ довѣріемъ Верховной Власти во главѣ управленія означенною областію»? Развѣ предостереженіе данное намъ за это составляетъ крупное, государственное событіе, могущее имѣть какое-либо вліяніе на судьбы финляндскаго отечества? Развѣ, наконецъ, эти судьбы зависятъ хоть на волосъ отъ всего что̀ можетъ быть высказано какъ̀ въ финляндской, такъ и въ русской печати? Нашъ голосъ можетъ совсѣмъ смолкнуть, мы можемъ совсѣмъ исчезнуть съ публицистической арены, но это ничуть не измѣнитъ судебъ Финляндіи, которыя были, есть и будутъ въ полной волѣ Русской Самодержавной Власти, по самому существу Своему не ограниченной и не могущей быть ничѣмъ и никѣмъ ограниченною на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, во всѣхъ ея областяхъ безъ исключенія.

Совершенно равнодушные къ злорадству выказываемому относительно насъ финляндскою печатью, мы были бы, однако, искренно порадованы, еслибы состоявшееся 24 апрѣля распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ было столь горячо привѣтствовано въ Финляндіи не въ силу объявленнаго въ немъ намъ «предостереженія», а въ силу того что Великое Княжество Финляндское въ этотъ офиціальномъ актѣ русской власти прямо объявлено не какимъ-либо «государствомъ» состоящимъ въ нѣкакой «уніи» съ Россіей, а — какъ̀ оно и слѣдуетъ — *«областію»*.

Если Финляндцы и ихъ печать дѣйствительно порадованы появленіемъ русскаго офиціальнаго акта, отводящаго Финляндіи подобающее ей въ Россійской Имперіи мѣсто, если они этимъ заявляютъ свое отреченіе отъ мечтаній о финляндской государственности и обособленности, — такой успѣхъ въ отрезвленіи ихъ воззрѣній далеко превысилъ бы въ нашихъ глазахъ значеніе постигшей насъ кары, и, при всей тяжести ея для насъ, мы не могли бы и помыслить что онъ купленъ дорогою, лично для насъ, цѣною.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

23.

Финляндскіе отзывы по поводу даннаго „Московскимъ Вѣдомостямъ“ предостереженія. *

Радость гельсингфорсскихъ публицистовъ, когда особыя телеграммы изъ Петербурга извѣстили ихъ о появившемся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* предостереженіи ненавистной имъ газетѣ, выразилась, какъ уже было мимоходомъ указано,** даже въ особыхъ шрифтахъ при печатаніи извѣстія. Въ появившихся на другой и на третій день послѣ того отзывахъ по поводу предостереженія замѣчается, однако, разногласіе и какъ бы нѣкоторое разочарованіе.

Газета *Uusi Suometar* (№ 105) обобщаетъ значеніе предостереженія и готова торжествовать побѣду. Вотъ ея отзывъ:

„Эта правительственнаи мѣра можетъ только порадовать (ilahduttaa) всякаго кто видѣлъ съ какою злобою (?) *Московскія Вѣдомости* искали поводовъ для угнетенія (?!) Финляндіи. Въ русскихъ законахъ есть статья запрещающая, подъ угрозой наказанія, возбуждать вражду и несогласіе между многими различными національностями государства. *Московскія Вѣдомости* забыли (!) это обстоятельство, и напомнить имъ о немъ было крайне необходимо. Значеніе факта нисколько не ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ что предостереженіе дано за оскорбленіе сановника, котораго довѣріе Его Величества поставило во главѣ управленія Финляндіей. Этимъ осуждается (?) и все то направленіе какого *Московскія Вѣдомости* въ послѣднее время (?) держались по отношенію къ Финляндіи, и тотъ разрушающій всякую законность способъ какимъ эта газета старалась искажать (!) финляндскія дѣла.“

Иначе смотритъ на предостереженіе другая гельсингфорсская газета, *Nya Pressen*, тоже сперва возликовавшая по полученіи о немъ извѣстія. Въ передовой статьѣ (№ 125), озаглавленной: *Защита противъ нападокъ русской печати*, она говоритъ, между прочимъ:

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 121, отъ 4 мая.

** См. выше, стр. 283.

„Нельзя разчитывать что нападки (!) *Московскихъ Вѣдомостей* и ихъ сподвижниковъ прекратятся вслѣдствіе того что эта газета получила теперь первое предостереженіе. Хотя она своими зажигательными (!) статьями (brandartiklar) старалась возбуждать раздоръ (?) и горечь между двумя народами (?) соединенными подъ скипетромъ одного и того же правителя (regents), Императора и Великаго Князя, и грубѣйшими поношеніями осыпала Финляндскій Сенатъ, все проходило безъ замѣчаній со стороны русскихъ властей. И также, конечно, будетъ и впредь. Предостереженіе касается исключительно нападокъ на личность генералъ-губернатора, и мы по поводу его не должны убаюкивать себя какими-либо надеждами.“

Газета предлагаетъ, поэтому, не полагаясь на содѣйствіе русскихъ властей, искать поддержки и защиты противъ „нападокъ“ *Московскихъ Вѣдомостей*, среди „свободомыслящей“ части русскаго общества и, для просвѣщенія ея въ финляндскомъ духѣ, основать особый органъ.*

„Органъ на русскомъ языкѣ для защиты правъ Финляндіи и опроверженія нападокъ на нее, вотъ,“—восклицаетъ *Nya Pressen*,—„цѣль, для которой никакія пожертвованія не должны казаться тяжелыми, если только она можетъ быть достигнута.“ „Либеральная“ часть русскаго общества, по мнѣнію гельсингфорсской газеты, только того и ждетъ чтобы Финляндцы стали писать въ свою защиту на русскомъ языкѣ:

„Изъ того что либеральная газетная пресса вообще молчитъ** при происходящей нынѣ газетной войнѣ, нельзя заключать что просвѣщенное общественное мнѣніе въ Россіи одобряетъ агитаторскую дѣятельность ультра-національныхъ газетъ. *Свободомыслящая* (frisinnade) *русская пресса*, содержавшая до сего времени по крайней мѣрѣ сочувственные отзывы о нашей странѣ и ея правовомъ положеніи, въ настоящее время, судя по всему, *подвержена гнету* (underkastad ett tvång), который дѣлаетъ для нея крайне труднымъ открыто выступать противъ національной политики-травли (nationella hetspolitiken). Мысли и мнѣнія среди высоко-образованныхъ и свободомыслящихъ общественныхъ кружковъ въ нашей восточной сосѣдней странѣ (i vart östra grannland) не могутъ, такимъ образомъ, обнаруживаться публично. Но, по свѣдѣніямъ полученнымъ нами отъ нашихъ соотечественниковъ, хорошо знакомыхъ съ тамошними условіями, въ извѣстныхъ кружкахъ тамъ, однакоже, замѣтно движеніе рѣшительно осуждающее крики объ уничтоженіи автономіи Финляндіи. Въ этой части русскаго общества сильно желаютъ чтобы съ финляндской стороны опровергали враждебныя для насъ газетныя статьи. „„Почему вы не защищаете себя““, такой вопросъ постоянно предлагаютъ нашимъ соотечественникамъ вездѣ въ тѣхъ кружкахъ гдѣ хотятъ слушать справедливое (?) и честное (!) слово по относящимся сюда вопросамъ“.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не разъ приводились выдержки изъ финляндскихъ газетъ и даже цѣлыя статьи*, и читатели могли сами судить, каковы эти „справедливыя и честныя слова“ въ защиту финляндскихъ притязаній. Очень, должно-быть, наивны господа финляндскіе публицисты, если разчитываютъ подѣйствовать ими на русскихъ людей, хотя бы и „свободомыслящихъ“.

---

* Какъ извѣстно, это давняя мысль финляндскихъ политиковъ. См. выше, стр. 217—218, и ниже, стр.401.

** Не совсѣмъ молчитъ: см. выше. стр. 8—14, 90—91 и ниже, стр. 359—368.

* Между прочимъ, стр. 163—170, 174, 182, 184—185, 190—192, 213—215, 217—218, 219—221, 239, 240—242, 254—256, 258.

Замѣчаніе же *Nya Pressen*, будто наша „либеральная“ печать можетъ и хочетъ много сказать въ защиту финляндской „автономіи“, но не смѣетъ, потому что де „подвержена гнету“, конечно, чистѣйшій вздоръ.

24.

Почему Финляндцы измѣнили общерусскую присягу на вѣрноподданство. *

Въ апрѣльской книжкѣ издаваемаго въ Гельсингфорсѣ финскаго журнала *Valvja* разъясняется, по поводу появившихся въ нашей газетѣ статей о финляндской присягѣ, ** почему понадобилось Финляндцамъ въ 1877 году установить особую форму вѣрноподданнической присяги. Оказывается — потому что „*Финляндцы не могутъ присягать Русскому Самодержцу*“:

„Въ послѣдней статьѣ своей противъ Финляндіи“, говоритъ *Valvoja*, „*Московскія Вѣдомости* (№ 81) обсуждаютъ присягу Финляндцевъ на вѣрноподданство, обвиняя Императорскій Финляндскій Сенатъ въ томъ что онъ будто бы лишь въ 1877 году коварно измѣнилъ форму присяги и сдѣлалъ ее иною чѣмъ она въ Россіи. Это, по истинѣ, одно изъ самыхъ блестящихъ доказательствъ для тѣхъ случаевъ когда лѣвая рука не знаетъ что дѣлаетъ правая. Развѣ газета не помнитъ что уже за два нумера предъ тѣмъ (№ 78) въ ней тоже было „изслѣдованіе“, въ которомъ указано что уже въ 1825 и 1855 годахъ вѣрноподданническую присягу въ Финляндіи приносили по иной, чѣмъ въ Россіи, формѣ, и что эта присяга была офиціально обнародована въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*. *** Уже тогда отличалась она отъ „русской формы присяги“ тѣмъ что къ титулу Императора прибавлены слова: „Великій Князь Финляндіи“ и исключено упоминаніе о самодержавіи Императора.

„Говоря о формѣ вѣрноподданнической присяги, нельзя также забывать той присяги которую земскіе чины Финляндіи принесли въ Борго въ 1809 году императору Александру I въ его присутствіи. Они клялись въ ней „„законнымъ своимъ правителемъ считать Державнѣйшаго Князя и Государя Александра I, „императора и самодержца всей Россіи, и „Великаго Князя Финляндіи, **** и ненарушимо соблюдать основные законы и „конституцію страны таковыми каковыми они въ настоящее время одобрены и „дѣйствуютъ““. Вотъ та присяга посредствомъ которой Финскій народъ вступилъ въ соединеніе и связь съ Русскимъ государствомъ. Никакой перемѣны въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, и не нужно было дѣлать въ 1877 году.

Новая форма присяги 1877 года, противъ которой *Московскія Вѣдомости* рѣшаются заявлять свои грязныя (!) обвиненія (likaisia syytöksiään), объявлена, впрочемъ, „по собственному Его Импе-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 118, отъ 1 мая.

** См. выше, стр. 229—234.

*** См. выше статью „Финляндскіе *герои* прежняго времени и ихъ *подвиги*“, „Сенаторъ-анонимъ“, стр. 219—222.

**** Въ приводимой журналомъ выдержкѣ изъ текста присяги такъ и напечатано: „императоръ и самодержецъ“ съ малой, строчной буквы, а „Великій Князь“ съ большой, прописной.

раторскаго Величества опредѣленію". Развѣ *Московскія Вѣдомости* этого не замѣтили, сличая формы присяги и изслѣдуя подписи сенаторовъ? А когда въ самомъ дѣлѣ дѣло обстоитъ такъ, и такъ и должно было быть, потому что Финляндцы не могутъ приносить присягу *самодержцу* Россіи (koska Suomalaiset eivät voi tehdä valaansa Venäjän *itsevaltiaalle* *), то вышеупомянутое обвиненіе противъ Сената есть не что иное какъ ложь, исходящая изъ той злобы съ какою газета смотритъ на то что русскія правительственныя лица всегда до сихъ поръ признавали сообразное съ закономъ положеніе Финляндіи, и доказательство точности съ какою она обсуждаетъ эти дѣла."

Напрасно финскій журналъ старается усмотрѣть противорѣчіе тамъ гдѣ его вовсе нѣтъ: въ статьѣ г. Финляндскаго Обывателя въ № 78 *Московскихъ Вѣдомостей* ** дѣйствительно было указано что лютеранская часть населенія края приносила въ 1825 году присягу по написанной на шведскомъ и финскомъ языкахъ формѣ съ прибавкой къ титулу словъ: „Великій Князь Финляндіи", и съ исключеніемъ упоминанія о самодержавной власти Государя; но тамъ же было указано что подлинная, утвержденная императоромъ Николаемъ I форма присяги на русскомъ языкѣ *буквально сходна съ обще-русскою формой*, а невѣрный шведско-финскій переводъ явился совершенно незаконнымъ образомъ и, по всей вѣроятности, безъ вѣдома Государя. По этой обще-русской правильной формѣ приносили присягу православные жители края, и она оставалась въ Финляндіи единственною законною формой до 1877 года, когда ее измѣнили финляндскіе сенаторы. Изъ того что въ концѣ постановленія объ этомъ, подписаннаго восемью сенаторами, встрѣчается обычная формула „по Собственному Его Императорскаго Величества опредѣленію"—вовсе еще не слѣдуетъ, какъ это хорошо знаетъ и финскій журналъ, чтобы въ такого рода актѣ выражалась личная воля императора Александра II.

25.

По почтовому вопросу. ***

Гельсингфорсскій Сенатъ написалъ нѣчто въ родѣ *критики* на Высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи почтоваго вопроса, въ свое время, на основаніи достовѣрныхъ слуховъ, изложенное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.**** Сенатъ стоялъ на своемъ—что часть предметовъ относящихся къ почтовому вопросу надо нести на Сеймъ. Однако, какъ разсказываютъ, въ Петербургѣ на это не обратили вниманія, и заготовленный проектъ указа или манифеста уже сообщенъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. † Казалось бы что этому Министерству должно принадлежать и первенство опубликованія закона въ нашемъ *Собраніи Узаконеній* и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, такъ какъ дѣло касается и

---

* Курсивъ подлинника.

** См. выше, стр. 129—222.

*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 122, отъ 5 мая.

**** См. выше, стр. 216—217.

† См. ниже, стр. 387—388.

Имперіи, и Финляндіи—и ужь конечно не Финляндія должна объявлять законъ для Имперіи, а наоборотъ.

Теперь въ Финляндіи состоитъ „*генералъ*-почтъ-директоромъ“ г. Карлъ Яльмаръ Лагерборгъ. Не извѣстно, останется ли онъ при должности подъ русскимъ управленіемъ. Онъ родной братъ Лагерборга, редактора газеты *Nya Pressen*, взгляды коей на Россію и все русское общеизвѣстны.

26.

По вопросамъ таможенному и монетному *.

Оберъ-директоръ финляндскаго таможеннаго управленія, г. Германъ Хёкертъ, по слухамъ, подалъ въ отставку. Не въ связи ли это съ тѣмъ что и таможенный вопросъ уже близится къ разрѣшенію, притомъ въ смыслѣ, какъ говорятъ, несогласномъ съ вожделѣніями финляндскаго сепаратизма?

Пересмотръ тарифа, по слухамъ, уже оконченъ въ коммиссіи графа Гейдена.

Монетное дѣло также близится къ рѣшенію. Есть будто бы нѣкоторая возбужденность между Русскими служащими въ Финляндіи, по поводу того что съ устройствомъ этого дѣла имъ будутъ де производить содержаніе не металлическими, а кредитными рублями, отчего оклады понизились бы на цѣлую треть. Но это напрасныя опасенія: они будутъ получать то же что̀ получали до сихъ поръ, и только Финлянды стараются, въ понятныхъ цѣляхъ, муссировать подобныя опасенія за кусокъ хлѣба.

27.

„1 мая“ и стачки въ Финляндіи. **

Охватившія „просвѣщенную“ Западную Европу волненія рабочихъ и манифестація 1 мая миновали, какъ извѣстно, „варварскую“ Россію. Но оказывается что для ея финляндской окраины въ этомъ отношеніи нужно сдѣлать исключеніе: по заявленію самихъ Финляндцевъ, Финляндія составляетъ „передовой постъ западно-европейской цивилизаціи на Востокѣ“ (такъ выразился коммиссаръ Финляндскаго отдѣла на прошлогодней Парижской выставкѣ въ своей рѣчи при открытіи отдѣла), а стало-быть и европейское 1 мая должно было отразиться на этомъ европейскомъ посту. Оно и отразилось тамъ на самомъ дѣлѣ.

Въ газетѣ *Hufvudstadsbladet* (№ 115) еще наканунѣ 1 мая появилась статья, въ которой сообщалось что среди финляндскихъ рабочихъ возникъ вопросъ о принятіи участія въ демонстраціи 1 мая. Газета совѣтовала рабочимъ отказаться отъ этой мысли, такъ какъ де вопросъ о сокращеніи рабочаго дня въ Финляндіи еще не созрѣлъ и можетъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ.

Въ самый день 1 мая та же газета извѣстила своихъ читателей что рабочіе

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 122, отъ 5 мая.

** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 121, отъ 4 мая.

ся типографіи попросили уволить ихъ на этотъ день отъ работы, что и было исполнено. То же самое должны были сдѣлать и другія гельсингфорскія газеты.

Демонстраціи рабочіе, однакоже, не устроили; работодатели сдѣлали уступки: такъ, напримѣръ, владѣльцы механическихъ мастерскихъ въ Гельсингфорсѣ согласились, по словамъ газеты *Finland*, сократить рабочее время до 11 часовъ въ сутки безъ соотвѣтствующаго уменьшенія заработка. Городской магистратъ Гельсингфорса сократилъ рабочій день при производимыхъ на счетъ города работахъ съ $11^1/_2$ до $10^1/_2$ часовъ.

Нѣсколько иначе шло дѣло въ нѣкоторыхъ другихъ финляндскихъ городахъ.

Въ Або единовременно устроили стачку извощики и портные. Стачка извощиковъ, недовольныхъ установленными для нихъ мѣстною полиціей правилами и таксой, продолжалась нѣсколько дней, пока, наконецъ, полицеймейстеру удалось уговорить стачниковъ. По словамъ мѣстной газеты *Abo Tidning*, онъ обѣщалъ имъ что „пока онъ будетъ занимать свою должность, правила не будутъ слишкомъ строго примѣняться“.

Портные требовали у хозяевъ увеличенія заработной платы. На общемъ совѣщаніи хозяевъ рѣшено было не дѣлать никакихъ уступокъ. На слѣдующій день всѣ мастерскія оказались пустыми. Въ теченіе дня мастеровые ходили въ процессіи по улицамъ города. По извѣстіямъ отъ 8 мая (26 апрѣля), стачка эта все еще продолжалась. Сапожники въ Або тоже собирались забастовать.

Въ Бьернеборгѣ мастеровые сапожнаго цеха также хотѣли устроить стачку, но хозяева вовремя уступили и, на общей сходкѣ 9 мая, согласились повысить заработную плату.

На расположенномъ вблизи этого города паровомъ лѣсопильномъ заводѣ рабочіе также устроили стачку и потребовали повышенія поденной платы на 25 пенни (около 9 коп.). Требованіе это было исполнено управленіемъ завода, и работы продолжаются.

28.

Странное „предостереженіе“. *

Въ гельсингфорскихъ газетахъ напечатано слѣдующее куріозное воззваніе къ читателямъ:

„На нашихъ желѣзныхъ дорогахъ появляются въ послѣднее время все чаще и чаще чужеземные туристы (främmande turister), которые, повидимому, питаютъ особенное желаніе завязывать знакомства съ путешествующею здѣсь въ странѣ публикой. Они охотно пускаются, когда это удается, въ разговоры о политическихъ вопросахъ. Предметы преимущественно интересующіе ихъ, это: положеніе къ какомъ находится Финляндія по отношенію къ Имперіи, отношенія православной и лютеранской церкви другъ къ другу, взгляды и сужденія о высокопоставленныхъ лицахъ въ Имперіи и т. д. Мы со своей стороны посовѣтовали бы каждому довольствоваться своими старыми, испытанными друзьями и не питать желанія пріобрѣтать новыхъ.“

Газета *Uusi Suometar*, помѣщая это предостереженіе, совѣтуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своимъ читателямъ „не говорить ничего лишняго“ также и въ ресторанахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, такъ какъ отъ этого де могутъ воспослѣдовать большія непріятности.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 118, отъ 1 мая.

Интересно бы знать, кого разумѣютъ финляндскія газеты подъ этими „чужеземными туристами“, заботливо предостерегая отъ нихъ своихъ читателей? И почему это, спрашивается, финляндскія мнѣнія „о положеніи Финляндіи по отношенію къ Имперіи“, о православіи, о высшемъ Русскомъ правительствѣ и т. д., вдругъ, именно теперь, стали сѣкретомъ? Не находится ли это „предостереженіе въ связи съ другимъ, раньше появлявшимся въ финляндскихъ газетахъ совѣтомъ „не говорить ничего лишняго въ виду нынѣшнихъ отношеній къ Россіи“?

29.

Quasi-русскій „протестъ“ противъ русской печати. *

Нѣсколько времени тому назадъ, въ гельсингфорсскихъ газетахъ появилось извѣстіе будто офицеры расположенныхъ въ Гельсингфорсѣ русскихъ войскъ собираются послать „протестъ“ въ *Московскія Вѣдомости* и въ *Новое Время* противъ появившихся въ этихъ газетахъ статей о Финляндіи. Потомъ это извѣстіе было тѣми же финляндскими газетами исправлено въ томъ смыслѣ что „протестъ“ идетъ не отъ русскихъ офицеровъ, а просто отъ русскихъ жителей Финляндіи, причемъ газета *Hufvudstadsbladet* сообщила что между русскими жителями Гельсингфорса этотъ „протестъ“ ходитъ уже по рукамъ для подписи. Наконецъ, одна изъ гельсингфорсскихъ же газетъ, *Lördagsqvällen*, сообщила что „протестъ, кажется, не состоится, такъ какъ Русскіе *не смѣютъ* (våga icke) его подписывать“...

Теперь мы имѣемъ возможность, на основаніи свѣдѣній полученныхъ нами изъ Финляндіи отъ мѣстныхъ русскихъ жителей, разъяснить эту странную на первый взглядъ исторію, еще разъ показывающую что Финляндцы шведско-финской національности, для того чтобъ отстоять свою „государственную организацію“, не пренебрегаютъ ничѣмъ, даже обманомъ Финляндцевъ русской національности и насиліемъ надъ ихъ совѣстью. Одинъ изъ проживающихъ въ краѣ Русскихъ прислалъ намъ помѣщаемую ниже копію съ бумаги предложенной ему для подписи. Оказывается что она составлена Финляндцами на шведскомъ языкѣ и, въ русскомъ переводѣ (довольно, притомъ, плохомъ), разослана въ нѣсколькихъ экземплярахъ не только въ Гельсингфорсѣ, но и по другимъ финляндскимъ городамъ, гдѣ есть Русскіе.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ Русскихъ, находясь въ постоянныхъ торговыхъ и иныхъ сношеніяхъ съ Финляндцами, числясь „финляндскими гражданами“ и состоя, такимъ образомъ, въ зависимости отъ финляндскихъ чиновниковъ и интеллигентовъ, позволили склонить себя къ подписи: отказъ могъ бы сопровождаться для нихъ весьма чувствительными непріятностями. Другіе, какъ, напримѣръ, лицо приславшее намъ копію, несмотря на это, рѣшительно отказались подписать бумагу.

Подписи продолжаютъ собирать, и „протестъ“ предназначается для помѣщенія въ одной изъ „дружественныхъ“ Финляндіи русскихъ газетъ.

Авторъ или авторы „протеста“, довольно ловко обходя главный пунктъ „финляндскаго вопроса“, — то-есть неумѣстныя притязанія на полную государственную обособленность отъ Россіи и дерзкое стремленіе ограничивать самодержавную власть Русскаго Государя въ этой русской области,—возражаютъ противъ проповѣдуемаго будто бы нами „порабощенія“ Финскаго народа и

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 114, отъ 27 апрѣля.

полнаго „упраздненія“ всѣхъ финляндскихъ законовъ и учрежденій.

Вотъ текстъ полученной нами копіи „протеста“:

Въ виду того что нѣкоторые органы русской печати, въ особенности *Московскія Вѣдомости* и *Новое Время*, за послѣдніе годы стали вести агитацію противъ Финляндіи, нападая на нее въ разныхъ статьяхъ и всячески стараясь нанести ей вредъ, мы, Русскіе проживающіе въ Финляндіи, считаемъ нужнымъ заявить слѣдующее:

Московскія Вѣдомости и *Новое Время* въ цѣломъ рядѣ статей, обсуждая финляндскія дѣла, проявили печальное незнаніе фактическихъ обстоятельствъ, далеко не служащее къ чести этихъ газетъ. Сотрудники ихъ, при случайныхъ поѣздкахъ въ Финляндію, безъ знанія мѣстныхъ языковъ, повидимому, успѣли тѣмъ не менѣе узнать народъ, его нравы и образъ мыслей, законы и учрежденія края; все это они выяснили себѣ до мельчайшихъ подробностей и съ удивительною самоувѣренностію они въ пространныхъ статьяхъ излагаютъ то что они такъ основательно изучили; желая всѣми силами оклеветать Финляндію, они не обращаютъ вниманія на то что другія газеты, основываясь на фактическихъ (?) данныхъ, высказываются въ дружелюбномъ, благопріятномъ для Финляндіи смыслѣ.

Невѣрныя свѣдѣнія, заключающіяся въ указанныхъ статьяхъ, приписывались первоначально простому незнанію и потому оставлялись безъ вниманія. Они вызывали лишь удивленіе что газеты пользующіяся извѣстнымъ уваженіемъ рѣшались помѣщать у себя подобныя статьи, которыя могли повредить имъ въ глазахъ общества. Утѣшеніемъ служило то что прочіе органы русской печати придерживались иныхъ воззрѣній; но такъ какъ за послѣдніе годы нападки стали повторяться чаще и становятся все болѣе рѣзкими, то нельзя смотрѣть равнодушно на эту агитацію. Для большинства Русскаго народа, какъ и для другихъ народовъ, Финляндія, вслѣдствіе своего географическаго положенія и по другимъ причинамъ, является невѣдомымъ краемъ; поэтому постоянно повторяющееся извращеніе фактовъ можетъ породить въ русскихъ читателяхъ ложное представленіе о Финляндіи и существующихъ въ ней условіяхъ, что, въ свою очередь, можетъ имѣть вредныя послѣдствія для этого края.

Политика которой Русское правительство придерживалось по отношенію къ Финляндіи представляется намъ возвышенною, благодарною * и послѣдовательною. Могущественная Россія предоставила покоренному краю самостоятельно развиваться подъ охраной (?) Имперіи, сохранило за народомъ его законы и учрежденія и утвердила новыя постановленія и дополненія къ старымъ, согласно съ мѣстными условіями (?) края. Наши Государи обратили милостивое вниманіе на условія географическія (!) и народнаго быта, вслѣдствіе которыхъ Финляндцы, по характеру, нраву и стремленіямъ, въ сильной степени отличаются отъ Русскихъ, и потому великодушно предоставили Финляндіи слѣдовать по самостоятельному пути развитія сообразно съ ея потребностями. Такою мудрою политикой Россія и ея Государи стяжали себѣ славу, и по истинѣ царскія обѣщанія, данныя императоромъ Александромъ I на Боргоскомъ Сеймѣ, свято хранились великими Преемниками великодушнаго Государя. Эта славная политика имѣла послѣдствіемъ что Финляндія, испытавъ въ теченіе столѣтій всѣ тягости вызванныя постоянными войнами между Россіей и Швеціей, успѣла за нѣсколько десятилѣтій совершенно забыть столѣтнія страданія и видитъ въ Россіи не сильнаго поработителя, а милостиваго и могущественнаго покорителя, ** тогда какъ многіе народы въ продолженіе столѣтій не могутъ забыть страданій нѣсколькихъ лѣтъ.

Именно эта великодушная и благодатная политика подвергается нападкамъ со стороны *Московскихъ Вѣдомостей* и *Новаго Времени*, которыя пытаются подъ разными предлогами отрицать всякое значеніе данныхъ Императоромъ Александромъ I торжественныхъ обѣщаній, дерзко порицаютъ законы утвержденные для Финляндіи самодержавнымъ Государемъ и повелительнымъ (?) тономъ трѣбуютъ упраздненія финляндскихъ законовъ и учрежденій. Согласно лойяльному образу мыслей Финляндскаго народа, подобныя нападки на образъ дѣйствій Государя (?!) и на законы Государемъ утвержденные были бы признаны въ Финляндіи преступленіемъ противъ Верховной Власти; между тѣмъ именно въ этомъ преступленіи указанныя газеты обвиняютъ финляндскую печать за то что здѣшніе

---

* Вѣроятно, въ подлинномъ шведскомъ текстѣ здѣсь стоитъ слово „ädel“ — „благородною“.

** Должно быть, хотѣли сказать: „покровителя“.

органы стали наконецъ исправлять (?) ложныя свѣдѣнія и высказываться противъ приведенныхъ нападокъ.

Какая слава ожидаетъ, по мнѣнію этихъ газетъ, великана который изувѣчилъ бы ни въ чемъ неповиннаго (!) предъ нимъ ребенка?— возбудитъ ли сила и мощь великана уваженіе и удивленіе, или же одинъ страхъ? Такой поступокъ не можетъ быть внушенъ могущественной Россіи агитаціей нѣсколькихъ газетъ. Указанныя газеты стараются достичь своихъ цѣлей, между прочимъ, ни на чемъ не основанными увѣреніями, будто Финляндцы недовольны своимъ общественнымъ строемъ и своими чиновниками; но мы, живущіе здѣсь въ краѣ, знаемъ что это неправда; мы знакомы какъ съ сельскими и городскими жителями, такъ и съ чиновниками. Намъ извѣстна добросовѣстность финляндскихъ чиновниковъ, а также строгій контроль, которому чиновники и присутственныя мѣста подлежатъ со стороны правительства и общества. Различіе общественнаго положенія крестьянъ, горожанъ и чиновниковъ уменьшается съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ поднятія уровня народнаго просвѣщенія. Мы видимъ что представители разныхъ сословій близко сходятся между собою; мы видимъ что немногочисленныя, дѣйствительно существовавшія соціальныя неустройства постоянно устраняются, и права личности уважаются. Мы знаемъ что происходящая въ Финляндіи соціальная борьба, избѣжать которой не можетъ ни одинъ народъ, не вызываетъ и не можетъ вызвать сословной розни народа; борьба эта не вредитъ никому, менѣе же всего Россіи.

Газетныя нападки во всѣхъ отношеніяхъ свидѣтельствуютъ о незнаніи фактическаго положенія дѣлъ. Утверждали что финляндскіе судьи и другіе чиновники не имѣютъ юридическаго образованія; между тѣмъ намъ извѣстно что со времени учрежденія Финляндскаго университета, 250 лѣтъ тому назадъ, юридическое образованіе требовалось ото всякаго судьи. Даже среди мелкихъ чиновниковъ встрѣчаются лица съ юридическимъ и камеральнымъ образованіемъ.

Упомянутыя газеты, повидимому, предполагаютъ что народъ живетъ здѣсь въ первобытномъ состояніи; имъ, кажется, неизвѣстно что, за незначительными исключеніями, всѣ Финляндцы грамотны; что въ большей части приходовъ имѣется даже по нѣсколько народныхъ школъ, не говоря о городскихъ школахъ и гимназіяхъ устроенныхъ на современныхъ началахъ; что періодическія изданія и прочая литература читается въ безчисленныхъ крестьянскихъ семьяхъ, и что изъ крестьянской среды вышли писатели, произведенія которыхъ переведены на европейскіе языки.

Приведенныя нападки представляются еще болѣе предосудительными если принять во вниманіе что они дѣлаются во имя патріотизма; при этомъ совершенно забываются основные принципы патріотизма и національнаго самосознанія, такъ какъ тотъ кто истинно любитъ свое отечество (?) признаетъ и уважаетъ также другія національности и, любя свое отечество и трудясь на его пользу, заботится о томъ чтобы не запятнать его славу. Газетныя нападки противъ Финляндіи неумѣстны также потому что лойяльность Финскаго народа извѣстна и доказана (?) на дѣлѣ, вслѣдствіе чего попытка порабощенія (?) народа, пока онъ не измѣняетъ своихъ нынѣшнихъ отношеній, не только лишена всякаго разумнаго основанія, но и не принесла бы Россіи ни политической, ни экономической пользы.

Съ другой стороны очевидно что насильственное измѣненіе учрежденій установленныхъ и утвержденныхъ при мудромъ содѣйствіи (!) Русскихъ Государей, подъ покровительствомъ которыхъ плодотворная культура укоренилась въ сердцахъ народа и условіяхъ его быта, уничтожило бы достигнутые результаты и прекратило бы дальнѣйшее культурное развитіе. Интересъ великой и доблестной націи не требуетъ уничтоженія (?) національной культуры народовъ соединенныхъ съ нею произволеніемъ судьбы.

Поэтому мы вполнѣ увѣрены что нашъ Державный, Великодушный Государь и наше (?) Русское правительство попрежнему во славу Россіи будутъ слѣдовать политикѣ основанной именно на изложенныхъ началахъ истиннаго патріотизма и вызывавшей удивленіе и уваженіе многихъ иностранцевъ посѣщавшихъ Финляндію. О благодарности Финляндцевъ свидѣтельствуетъ дружелюбіе которое постоянно оказывалось (?) намъ, Русскимъ, поселившимся въ Финляндіи и освоившимся съ мѣстными условіями. Что же касается преданности Финляндцевъ своему Монарху, то о ней можетъ свидѣтельствовать каждый кто имѣлъ возможность присутствовать при восторженныхъ встрѣчахъ Государя Императора и Августѣйшей Семьи во время

Ихъ посѣщенія Финляндіи въ 1885 и ежегодныхъ поѣздокъ по Финскому прибрежью.

Мы знаемъ что нашъ протестъ, за помѣщеніе котораго въ другихъ дружелюбныхъ Финляндіи газетахъ мы были бы весьма благодарны, вызоветъ новыя нападки со стороны *Московскихъ Вѣдомостей* и *Новаго Времени*; мы, однако, не намѣрены вступать въ какую-либо полемику и ограничиваемся указаніемъ что все вышеизложенное основывается на твердомъ нашемъ убѣжденіи и на знаніи фактическаго положенія дѣлъ. Безпричинныя нападки глубоко огорчили насъ, и потому мы признали себя обязанными попытаться исправить зло которое ими, быть-можетъ, уже причинено. Мы желали бы убѣдить тѣхъ соотечественниковъ нашихъ, которые, вслѣдствіе упомянутыхъ статей, получили ложное представленіе о финляндскихъ дѣлахъ, что Финляндцы народъ честный, трудолюбивый и старательный, ничѣмъ не заслуживающій презрѣнія.

О ЛЮБВИ ФИНЛЯНДЦЕВЪ

КЪ РУССКИМЪ.*

Въ № 114 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщенъ былъ quasi-русскій „протестъ“ противъ русской печати.** Въ этомъ протестѣ, говорящемъ какъ бы отъ Русскихъ, между прочимъ, ставится на видъ якобы Финляндцы дружелюбно относятся къ живущимъ у нихъ Русскимъ,*** что де является слѣдствіемъ той благодарности которую Финляндцы питаютъ къ политикѣ Россіи.

На самомъ же дѣлѣ кто изъ Русскихъ посѣщающихъ Финляндію не знаетъ какого рода дружелюбіе встрѣчается ими со стороны Финляндцевъ! Доказательствомъ ихъ дружелюбія можетъ служить уже одно то что командиры русскихъ судовъ, при посѣщеніи Финляндіи, стараются возможно рѣже и въ меньшемъ количествѣ отпускать въ городахъ команду на берегъ, — и дѣлается это именно въ виду того что Финляндцы постоянно заводятъ непріятности съ русскими матросами,—непріятности, которыя не разъ заканчивались избіеніемъ матросовъ. Не представляется ли страннымъ фактъ что въ землѣ, принадлежащей неотъемлемо Россіи, составляющей часть ея, приходится принимать мѣры предосторожности какъ бы во враждебной странѣ? Ужь не къ буйству ли русскихъ матросовъ должно отнести подобныя мѣры предосторожности принимаемыя начальствомъ? Но почему же этого не дѣлается въ Ревелѣ, Ригѣ и прочихъ городахъ населенныхъ Нѣмцами? Нѣтъ, не въ русскихъ матросахъ тутъ дѣло, а въ Финляндцахъ и ихъ ненависти къ Русскимъ. Бываютъ дни, какъ, напримѣръ, Ивановъ день, когда команду съ русскихъ судовъ совсѣмъ не отпускаютъ на берегъ, въ виду того что финляндскіе рабочіе празднуютъ этотъ день, и прежде постоянно случались драки съ русскими матросами. Финляндцы при первой возможности стараются сдѣлать Русскимъ непріятность: не только матросы, но и офицеры не гарантированы отъ могущихъ произойти столкновеній, примѣровъ чему было множество. Смѣлость Финляндцевъ при этомъ происходитъ, главное, отъ того что по большей части они или совсѣмъ не страдаютъ за свои поступки, или отдѣлываются очень легкимъ взысканіемъ. Интересно, между прочимъ, еще и то что блюстители порядка, городовые, какъ-то всегда исчезаютъ именно когда является въ нихъ надобность.

Всякій русскій офицеръ плававшій у финляндскихъ береговъ скажетъ насколько Финляндцы дружелюбны къ Русскимъ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 120, отъ 3 мая.

** См. выше, стр. 291—294.

*** См., между прочимъ, выше, стр. 39—40, 146—148, 235—237, 258, и ниже, стр. 316—317 и т. д.

А писать о своемъ расположеніи къ Русскимъ у Финляндцевъ прямой разчетъ: они чувствуютъ что рано или поздно на нихъ обратятъ серіозное вниманіе, а потому и льстятъ, крича о своей любви къ Россіи и о своей признательности къ русской политикѣ. Да какъ же имъ и не хвалить русскую политику, когда Финляндія, составляя часть Русскаго государства, на самомъ дѣлѣ вполнѣ самостоятельна? Развѣ ея касаются какіе-нибудь интересы Россіи? Она ничего не хочетъ знать кромѣ того что̀ касается ея самой.

Теперь нѣсколько словъ о̀ картахъ Финляндскихъ шхеръ, которыхъ коснулся въ № 115 *Московскихъ Вѣдомостей* * г. Отставной Морякъ.

Карты финляндскихъ шхеръ нерѣдко составляли предметъ разговора между морскими русскими офицерами. Развѣ не странно, дѣйствительно, то что русскіе офицеры за потерю такъ-называемыхъ секретныхъ картъ подвергаются строгому наказанію, когда эти же самыя карты можно купить въ Финляндіи за грошевую цѣну?

Для гидрографическихъ работъ въ Финляндіи назначаются ежегодно нѣсколько баржъ, офицеры и команда коихъ все лѣто спеціально занимаются промѣрами и съемкой, и, конечно, тѣ карты которыя составляются Русскими остаются въ секретѣ, если того требуютъ политическія соображенія. Но, кромѣ русскихъ, въ Финляндіи существуетъ еще особая яхта приспособленная спеціально для гидрографическихъ работъ, причемъ офицеры и команда на яхтѣ— изъ Финляндцевъ.

Такимъ образомъ Финляндцы вовсе не нуждаются въ русскихъ картахъ. А финляндскія карты прежде,—не знаемъ какъ теперь,—продавались безпрепятственно. Въ виду этого, съ увѣренностію можно сказать что всѣ государства коимъ важно знать Финляндію навѣрное имѣютъ въ запасѣ карты не хуже русскихъ.

БЫВШІЙ МОРЯКЪ.

---

* См. выше, стр. 277—280.

„ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМѢНА“

И

ФИНЛЯНДСКОЕ „УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ“.

(Передовая статья № 125 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 7 мая.

Разсматривая финляндское *Уголовное Уложеніе*, подписанное 19 декабря 1889 девятнадцатью финляндскими сенаторами и, во главѣ ихъ, финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Ѳ. Л. Гейденомъ, для публикованія въ церквахъ, какъ законъ имѣющій вступить въ дѣйствіе съ 1 января 1891,—мы, подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ постановленій этого новаго закона, написали и напечатали въ № 102 *Московскихъ Вѣдомостей* * девять строкъ, въ которыхъ высказали не только дерзкое, но и нелѣпое предположеніе, будто графъ Гейденъ могъ подписать означенное *Уложеніе* по невѣдѣнію, будто, утверждая его своею подписью, онъ могъ не знать и не сознавать силы, значенія и смысла того что̀ подписывалъ.

Объявленное намъ предостереженіе было, какъ признано и заявлено нами еще въ № 116 *Московскихъ Вѣдомостей* *, заслуженною карой за это неумѣстное и недопустимое предположеніе. Нельзя допускать, тѣмъ менѣе высказывать печатно, мысль что какой-либо государственный дѣятель, тѣмъ паче стоящій во главѣ управленія цѣлой Русской области, можетъ, въ дѣлахъ порученныхъ ему Высочайшимъ довѣріемъ Верховной Власти, не вѣдать что̀ творитъ. Распоряженіе министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 24 апрѣля ** напомнило намъ это, на минуту упущенное нами изъ виду, правило.

Вслѣдъ за полученіемъ предосте-

* См. выше, стр. 267—272.

* См. выше, стр. 282—284.

** См. выше, стр. 281.

реженія мы обѣщали, по долгу нашего служенія, «съ новымъ и вящимъ усердіемъ, по мѣрѣ силъ, трудиться надъ разработкой и разъясненіемъ разныхъ сторонъ такъ-называемаго Финляндскаго вопроса и продолжать ознакомленіе русской публики съ положеніемъ и ходомъ столь мало извѣстныхъ у насъ финляндскихъ дѣлъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ». Съ особенною яркостью столь чуждая и мало понятная намъ, Русскимъ, финляндская своеобразность политическихъ и юридическихъ воззрѣній выразилась въ упомянутомъ *Уголовномъ Уложеніи*. На немъ, на цѣломъ рядѣ недоумѣній въ которыя и его буква, и его духъ естественно повергаютъ Русскаго человѣка, не успѣвшаго еще освоиться съ плодами возросшими на почвѣ финляндскихъ преданій и привилегій,—на этомъ рядѣ недоумѣній и хотимъ мы вновь остановить вниманіе.

Неожиданно рѣзко била въ глаза своеобразность финляндскихъ политическихъ и юридическихъ воззрѣній при первомъ съ ними ознакомленіи. Такъ, напримѣръ, мы были просто поражены тѣмъ что по новому финляндскому закону такія преступленія какъ — страшно сказать — *оскорбленіе дѣйствіемъ* Государыни Императрицы или Наслѣдника Престола судъ можетъ покарать «*въ менѣе тяжкихъ случаяхъ*» — (какіе по русскимъ понятіямъ могутъ быть тутъ «менѣе тяжкіе случаи»!?)—всего годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, и что, въ случаяхъ *оскорбленія дѣйствіемъ* родныхъ Братьевъ Цесаревича, наказаніе можетъ быть понижено судомъ даже до шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія. (§ 3 главы 12й.)

А между тѣмъ, по тому же финляндскому закону, тотъ же судъ *не можетъ* назначить менѣе чѣмъ двухлѣтнее заключеніе — (притомъ не тюремное, сравнительно легкое, а гораздо болѣе тяжкое заключеніе) — въ смирительномъ домѣ за посягательство на свободу совѣщаній и рѣшеній Земскихъ Чиновъ края, ихъ коммиссіи или какого-либо сословія. (§ 1 главы 15й.)

Какая параллель! Съ одной стороны—Высочайшія Особы, съ другой—Земскіе Чины; въ огражденіе первыхъ — краткое и сравнительно легкое заключеніе въ простой *тюрьмѣ*; въ огражденіе вторыхъ—болѣе продолжительное и болѣе тяжкое заключеніе въ *смирительномъ* домѣ, замѣняющее въ Финляндіи каторгу.

Еще болѣе поразило насъ то что финляндское *Уложеніе*, карающее смертною казнью (отсѣченіемъ головы) простое предумышленное убійство, *не полагаетъ* смертной казни за такое возмутительное преступленіе какъ *лишеніе Государя Императора свободы, преданіе Его во власть непріятеля или исторженіе изъ рукъ Его державной власти*, а назначаетъ лишь заключеніе въ смирительномъ домѣ, давая суду право уменьшить срокъ этого заключенія до восьми лѣтъ. (§ 2 главы 11й.)

И параллельно съ допущеніемъ восьмилѣтняго заключенія за *такое* ужасное преступленіе, тѣмъ же финляндскимъ закономъ, предоставляется суду опредѣлить даже двѣнадцатилѣтнее заключеніе въ смирительномъ домѣ тому «кто насиліемъ или угрозой насилія нарушитъ на Сеймѣ свободу совѣщанія или рѣшенія *Земскихъ Чиновъ* края, ихъ коммиссіи или какого-либо сословія, или кто воспрепятствуетъ ихъ собранію, или же учинитъ на сіе покушеніе». (§ 1 главы 15й.)

Не могло не поразить насъ какъ громомъ и то что по этому «Уголовному Уложенію», *человѣкъ допустившій преступленіе противъ Верхов-*

ной Власти, или государственную измѣну, даже цареубійство, которое онъ могъ предотвратить своевременнымъ увѣдомленіемъ власти, наказывается лишь тюремнымъ заключеніемъ *не свыше* шести мѣсяцевъ или денежнымъ взысканіемъ, высшая мѣра коего—1.000 марокъ, то есть 250 рублей металлическихъ. (§ 19 главы 16й, § 4 главы 2й.)

Мы едва вѣрили своимъ глазамъ, когда, для нашей передовой статьи въ № 102 *Московскихъ Вѣдомостей*, съ дипломатическою точностью выписывали офиціальный текстъ вышецитованныхъ и другихъ однородныхъ параграфовъ финляндскаго *Уголовнаго Уложенія*, тщательно вникали въ смыслъ каждаго слова въ этихъ параграфахъ и сопоставляли ихъ съ соотвѣтственными русскими законами. Только впечатлѣніемъ вынесеннымъ изъ изученія столь необычайныхъ для русскаго вѣрноподданнаго постановленій и можемъ мы — не оправдать, но объяснить себѣ возможность той дерзкой обмолвки которая навлекла на насъ предостереженіе.

Со столь же необычайными для насъ постановленіями приходится намъ имѣть дѣло и теперь, ибо рѣчь пойдетъ о параграфахъ финляндскаго *Уголовнаго Уложенія* трактующихъ о государственной измѣнѣ. Дабы каждому интересующемуся этимъ дѣломъ дать возможность выработать о немъ самостоятельныя сужденія и заключенія, мы приводимъ ниже:

1) Нѣсколько параграфовъ изъ финляндскаго *Уголовнаго Уложенія* касающихся преступленій и проступковъ не имѣющихъ государственнаго значенія. *

2) Сравнительную таблицу наказаній за государственную измѣну по русскому и по финляндскимъ законамъ, ** и

3) Русскіе и финляндскіе законы о государственной измѣнѣ — texte en regard. *

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ вѣрность отечеству и уваженіе ко главѣ государства почитались первѣйшими обязанностями гражданина, а нарушеніе этихъ обязанностей признавалось тягчайшимъ государственнымъ преступленіемъ. Безусловная вѣрность своему отечеству есть столь священная обязанность что безъ нея немыслимо самое понятіе о государствѣ. «Смерть измѣннику!» гласитъ русскій законъ. «Аминь!» отвѣчаетъ въ своемъ сердцѣ каждый Русскій на эти слова закона.

Казалось бы что и финляндскій гражданинъ, какъ бы ни было ошибочно его представленіе о характерѣ взаимныхъ отношеній Финляндіи и Россіи, не долженъ составлять исключенія въ смыслѣ отвѣтственности за нарушеніе вѣрноподданническаго долга.

Но на дѣлѣ не такъ: финляндское *Уголовное Уложеніе*, при оцѣнкѣ степени важности преступленій, отводитъ измѣнѣ отечеству далеко не первое мѣсто. Назначая, какъ выше сказано, смертную казнь за предумышленное убійство, ** оно караетъ различные виды государственной измѣны лишь заключеніемъ въ смирительномъ домѣ, даже просто въ тюрьмѣ, даже денежнымъ взысканіемъ...

По финляндскимъ законамъ—смертной казни нѣтъ въ спискѣ наказаній за государственную измѣну. Лишь нѣкоторые виды таковой измѣны караются пожизненнымъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ — и то не безусловно, а съ предоставленіемъ суду права понижать наказаніе до восьми и даже до четырехъ лѣтъ

* См. ниже, стр. 303.

** См. ниже, стр. 304—305.

* См. ниже, стр. 306—309.

** См. 1 § главы 26й *Уголовнаго Уложенія*.

заключенія. (Пунктъ 2й § 2 главы 11й; §§ 1 и 2 главы 12й.) Многіе же изъ видовъ государственной измѣны обложены до смѣшнаго ничтожными наказаніями, какъ, напримѣръ, годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, или даже денежнымъ взысканіемъ, правда, не меньше 200 марокъ, то-есть 50 металлическихъ рублей (§ 7 главы 12й), но и не свыше 1.000 марокъ или 250 рублей металлическихъ (§ 4 главы 2й).

Эта поразительная снисходительность финляндскаго закона къ государственнымъ измѣнникамъ выражается еще и въ тѣхъ совершенно непонятныхъ оговоркахъ которыя встрѣчаются въ параграфахъ 1мъ и 7мъ главы 12й, а именно:

«*Если при семъ окажутся особенно смягчающія вину обстоятельства*»...

«*При обстоятельствахъ же особенно смягчающихъ вину*»...

Какія же это, однако, могутъ быть смягчающія обстоятельства для измѣнника поднявшаго оружіе противъ своего отечества или выдавшаго ввѣренную ему государственную тайну?

Мы, Русскіе, рѣшительно не можемъ представить себѣ такихъ обстоятельствъ которыя давали бы суду право смягчать наказаніе за государственную измѣну, доводя оное до заключенія въ смирительномъ домѣ не свыше двухъ лѣтъ, даже до полугодичнаго. Въ Финляндіи, можетъ-быть въ силу мѣстныхъ преданій, идущихъ и отъ временъ когда шведскіе короли одинъ за другимъ то возводились на престолъ, то свергались съ престола, и отъ временъ Аньяльской конфедераціи 1788 года,* и отъ временъ покоренія Финляндіи императоромъ Александромъ I,**—въ Финляндіи, при оцѣнкѣ государственной измѣны, допускаютъ смягчающія обстоятельства. Но если такъ, то, казалось бы, слѣдовало по крайней мѣрѣ указать, хотя въ общихъ чертахъ, на тѣ смягчающія вину обстоятельства которыя разумѣетъ финляндское *Уголовное Уложеніе* въ своихъ постановленіяхъ о государственной измѣнѣ. Точно также, полагаемъ, слѣдовало бы указать и на то какого рода «оскорбленія дѣйствіемъ» Государыни Императрицы, въ силу означеннаго *Уложенія*, должны быть признаваемы за «менѣе тяжкіе случаи». Финляндское *Уложеніе* не даетъ ни того, ни другаго изъ этихъ необходимыхъ указаній. Восполненіе этого существеннаго пробѣла предоставляется такимъ образомъ, при каждомъ казусѣ, на благоусмотрѣніе финляндскаго суда съ его столь своеобычными воззрѣніями на значеніе государственныхъ преступленій.

Одними «смягчающими обстоятельствами» по отношенію къ государственной измѣнѣ дѣло не ограничивается. Послѣдовательное въ своихъ послабленіяхъ государственнымъ измѣнникамъ, *Уголовное Уложеніе* въ § 9 главы 12й гласитъ буквально слѣдующее:

9 §. Кто подлежитъ наказанію по настоящей главѣ, тотъ вмѣстѣ съ симъ, *когда есть поводъ въ свойствѣ преступленія*, приговаривается и къ лишенію довѣрія согражданъ.

Только когда есть поводъ! Стало-быть, въ свойствѣ такого преступленія какъ государственная измѣна этого повода можетъ и не быть... Стало-быть, по мнѣнію финляндскихъ законодателей, судъ, смотря по обстоятельствамъ и по своимъ юридическимъ и инымъ соображеніямъ, можетъ, во исполненіе закона, не только присудить измѣнника къ ничтожному наказанію, но еще и признать его заслуживающимъ довѣрія своихъ согражданъ!...

* См. *Покореніе Финляндіи*, К. Ордина. т. I, стр. 150—248. „Договоръ Аньяльской конфедераціи“ приведенъ выше, стр. 197—198.

** См. *Покореніе Финляндіи*, К. Ордина, т. II.

Совершенно такое же постановленіе, въ тѣхъ же самыхъ словахъ, находимъ мы и въ послѣднемъ параграфѣ главы 11й, о преступленіяхъ противъ Верховной Власти (§ 6 главы 11й). Даже государственный преступникъ лишившій Государя свободы, или предавшій Государя во власть непріятеля, не лишается финляндскимъ *Уложеніемъ* надежды что судъ можетъ признать его, столь ужаснаго преступника, достойнымъ довѣрія согражданъ...

Вся эта безмѣрная снисходительность, вся эта безмѣрность поблажекъ государственнымъ преступникамъ, не находитъ ли себѣ хотя нѣкотораго объясненія въ мягкости финляндскихъ уголовныхъ законовъ вообще, въ снисходительности ихъ ко всякимъ вообще преступленіямъ и преступникамъ?

Нѣтъ, финляндскіе уголовные законы вообще мягкостію не отличаются. Напротивъ, они поражаютъ скорѣе своею суровостью. Предумышленному убійцѣ—отсѣченіе головы: это не мягкость. Но это слишкомъ важное преступленіе; въ помѣщаемой ниже статьѣ «Нѣсколько параграфовъ изъ финляндскаго Уголовнаго Уложенія» имѣемъ другіе примѣры. Заключеніе въ смирительномъ домѣ (то-есть каторга) на срокъ до четырехъ лѣтъ — за отравленіе запаса подножнаго корма опасное для чужаго скота... Заключеніе въ смирительномъ же домѣ на срокъ до двухъ лѣтъ—за взятіе безъ спроса съ чужаго огорода, при обстоятельствахъ отягчающихъ вину, овощей болѣе чѣмъ на 20 марокъ (5 рублей металлическихъ), или чужихъ дровъ на такую же сумму...

Нѣтъ, такія наказанія не свидѣтельствуютъ объ особой мягкости финляндскихъ уголовныхъ законовъ. Они становятся безъ мѣры снисходительными лишь когда дѣло касается учиненныхъ финляндскими гражданами *государственныхъ* преступленій.

Эта особенность финляндскаго законодательства выражается такъ рѣзко что, напримѣръ, измѣнникъ подъявшій оружіе противъ Россіи, предатель служившій лазутчикомъ непріятелю, можетъ быть присужденъ къ одинаковому наказанію съ человѣкомъ отравившимъ запасъ подножнаго корма и тѣмъ подвергшимъ общей опасности чужой скотъ... Предатель выдавшій государственную тайну можетъ быть присужденъ къ такому же наказанію какъ и человѣкъ безъ спроса попользовавшійся чужими дровами или овощами...

Разителенъ и слѣдующій примѣръ: Недозволительное *снятіе и опубликованіе плана укрѣпленій* (§ 1 главы 42й), по своей наказуемости, поставлено финляндскими законодателями наравнѣ съ *недозволенною ловлей раковъ* (§ 13 главы 33й): и за то, и за другое изъ этихъ двухъ преступленій *Уголовнымъ Уложеніемъ* одинаково полагается, какъ высшій размѣръ штрафа, 200 марокъ (50 рублей металлическихъ).

Таковы характеристическія, донынѣ мало кому извѣстныя, мало кѣмъ оцѣненныя черты финляндской своебытности, получившія особенную рѣзкость и яркость вслѣдствіе многолѣтней отчужденности Финляндіи отъ Россіи и заглазнаго для русскихъ властей хода и развитія финляндской жизни.

Смѣемъ думать что указанныя своебытныя финляндскія особенности заслуживаютъ не только вниманія публики, но и, можетъ-быть, еще въ большей степени вниманія русскихъ государственныхъ дѣятелей облеченныхъ высокимъ довѣріемъ Верховной Власти.

Да, стоя на русской точкѣ зрѣнія, нельзя не признать что финляндскіе законодатели поступили крайне неосмотрительно, не сочтя нужнымъ, при изданіи *Уголовнаго Уложенія*, обратиться къ содѣйствію русскихъ властей, а также русскихъ юристовъ и ученыхъ, ограничившись отсылкой проекта этого *Уложенія* на просмотръ лишь какого-то шведскаго профессора въ Упсалѣ...

Впрочемъ, до вступленія финляндскаго *Уголовнаго Уложенія* въ дѣйствіе еще далеко: до 1 января 1891 года остается еще болѣе семи мѣсяцевъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ статьѣ „Государственная измѣна и финляндское Уголовное Уложеніе“.

1.

Нѣсколько параграфовъ изъ финляндскаго Уголовнаго Уложенія.

Для сравнительной оцѣнки наказаній опредѣляемыхъ финляндскимъ *Уголовнымъ Уложеніемъ* за государственныя преступленія вообще и за государственную измѣну въ частности, приводимъ, на выдержку, нѣсколько параграфовъ изъ этого *Уложенія*.

Вотъ что читаемъ, напримѣръ, на 70 страницѣ № 39 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1889 годъ, въ главѣ 34й „Уголовнаго Уложенія“:

19 §. Кто умышленно отравитъ пастбище, лугъ, запасъ подножнаго корма, пойло или другое тому подобное, такъ что отсюда возникнетъ общая опасность для чужаго скота, тотъ подвергается *заключенію въ смирительномъ домѣ, срокомъ не свыше четырехъ лѣтъ.*

Покушеніе наказуемо.

Или, вотъ что читаемъ на 62 страницѣ *Сборника*, въ главѣ 33й „Уложенія“:

3 §. Кто безъ спроса унесетъ изъ чужаго сада, огорода, съ пашни или съ загороженнаго мѣста плодовое дерево или плодоносный кустъ, или что-либо съ оныхъ, или овощь, зерновой хлѣбъ, траву, или что-либо другое посѣянное или посаженное на такомъ мѣстѣ, или на лугу, или на какой-либо воздѣланной почвѣ, тотъ присуждается, смотря по обстоятельствамъ дѣла, *къ наказанію за воровство или за мелкую кражу.*

Тотъ же законъ дѣйствуетъ, когда кто-либо безъ спроса возьметъ съ чужой земли нарубленныя дрова, бревна, жерди, тесанный камень или другое приготовленное или собранное для употребленія.

Для уясненія этой статьи, заглядываемъ въ 28ю главу *Уголовнаго Уложенія*, „О воровствѣ и кражѣ“, на 55 страницѣ *Сборника*. Здѣсь читаемъ:

1 §. Кто украдетъ вещь или деньги, и стоимость похищеннаго превышаетъ двадцать марокъ *, тотъ наказывается, за воровство, *тюремнымъ заключеніемъ не свыше одного года*, или, при особенно отягчающихъ вину обстоятельствахъ,—*заключеніемъ въ смирительномъ домѣ* на время *не свыше двухъ лѣтъ.*

Вотъ еще одно постановленіе 33й главы *Уголовнаго Уложенія* (*Сборникъ*, стр. 64):

13 §. Кто безъ дозволенія будетъ ловить рыбу или р а к о в ъ въ водѣ, въ которой онъ не участникъ или не въ правѣ заниматься такою ловлей, тотъ подвергается *денежному взысканію не свыше двухсотъ марокъ;* уловъ же или стоимость онаго поступаютъ въ пользу того, кому принадлежитъ право на ловлю рыбы или раковъ.

---

* 20 марокъ равняются 5 рублямъ золотомъ

2.

Сравнительная таблица наказаній за государственную измѣну.

По РУССКОМУ *Уложенію о Наказаніяхъ.*	По *Уголовному Уложенію* Великаго Княжества ФИНЛЯНДСКАГО.	
	Минимальныя наказанія.	*Максимальныя* наказанія.
ЛИШЕНІЕ ВСѢХЪ ПРАВЪ СОСТОЯНІЯ и СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.	*При особенно смягчающихъ вину обстоятельствахъ:*	
	Шесть мѣсяцевъ * заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 7 главы 12й.)	*Два года* заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 7 главы 12й.)
	Четыре года заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 1 главы 12й.)	*Восемь лѣтъ* заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 1 главы 12й.)
	Безъ особенно смягчающихъ вину обстоятельствъ:	
	Двѣсти марокъ (50 рублей металлическихъ) штрафа, и л и *одинъ годъ тюремнаго* заключенія (§ 7 главы 12й.)	*Тысяча марокъ* (250 рублей металлическихъ) штрафа и л и *четыре года тюремнаго* заключенія. ** (§ 7 главы 12й.)
	Шесть мѣсяцевъ *** заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 6 главы 12й.)	*Шесть лѣтъ* заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 6 главы 12й.)
	Одинъ годъ заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 3 главы 12й.)	*Восемь лѣтъ* заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§§ 3 и 5 главы 12й.)
	Два года заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§§ 5, 7 и 8, главы 12й.)	*Десять лѣтъ* заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§§ 7 и 8 главы 12й.)
	Четыре года заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 2 главы 12й.)	*Двѣнадцать лѣтъ* заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§§ 1, 2 и 5 главы 12й.)
	Шесть лѣтъ заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 5 главы 12й.)	*Пожизненное* заключеніе въ *смирительномъ* домѣ. (§ 2 главы 11й, § 1 главы 12й.)
	Восемь лѣтъ заключенія въ *смирительномъ* домѣ. (§ 2 главы 11й, § 1 главы 12й.)	

*, ** и ***—Всѣ три примѣчанія см. на слѣдующей страницѣ.

Три примѣчанія къ «Сравнительной таблицѣ наказаній за государственную измѣну»:

Первое примѣчаніе (*).

Minimum наказанія въ § 7 главы 12й *Уголовнаго Уложенія* „при обстоятельствахъ особенно смягчающихъ вину“ не опредѣленъ; сказано лишь что „заключеніе въ смирительномъ домѣ имѣетъ быть *не свыше* двухъ лѣтъ“. Но умолчанный тутъ *minimum* явствуетъ изъ § 2 главы 2й, который гласитъ:

2 §. Заключеніе въ смирительномъ домѣ присуждается или пожизненно, или на опредѣленный срокъ *не менѣе шести мѣсяцевъ* и не свыше двѣнадцати (чего?), кромѣ случая соединенія наказаній.

Второе примѣчаніе (**).

Въ томъ же 7 § главы 12й *Уголовнаго Уложенія*, во второй его половинѣ, не опредѣленъ *maximum* наказанія; опредѣлено лишь „тюремное заключеніе *не менѣе* одного года или денежное взысканіе *не меньше* двухсотъ марокъ“. Умолчанный *maximum* значится въ 3 и 4 §§ главы 2й, а именно:

3 §. Безусловное *тюремное заключеніе* присуждается на опредѣленный срокъ не менѣе четырнадцати дней и *не свыше четырехъ лѣтъ*, кромѣ случая, когда особо предписано болѣе продолжительное тюремное заключеніе, или при соединеніи наказаній.

4 §. *Денежное взысканіе* присуждается въ полныхъ маркахъ. Наименьшее взысканіе — три марки, *наибольшее—тысяча марокъ*, когда особо не предписано высшаго размѣра взысканія или нѣтъ соединенія взысканій.

Третье примѣчаніе (***).

Въ 6 § главы 12й *Уголовнаго Уложенія minimum* наказанія не обозначенъ; опредѣлено лишь „заключеніе въ смирительномъ домѣ на время *не свыше* шести лѣтъ“. Но *minimum* опредѣляется силою вышеприведеннаго 2 § главы 2й.

3.

Русскіе и финляндскіе законы о государственной измѣнѣ.

Статьи Русскаго „Уложенія о Наказаніяхъ“.

Раздѣлъ III, глава II, отдѣленіе II, статьи:

253. Государственною измѣною признается:

1) Когда кто-либо умыслитъ предать государство или какую-либо часть онаго другому государю или правительству; [1]

2) Когда подданный Россійскій будетъ возбуждать какую-либо иностранную державу къ войнѣ [2] или инымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, или съ тѣмъ же намѣреніемъ сообщитъ государственныя тайны иностранному правительству;

3) Когда онъ во время войны будетъ способствовать или благопріятствовать непріятелю [3] въ военныхъ или другихъ враждебныхъ противъ отечества или противъ союзниковъ Россіи дѣйствіяхъ, чрезъ явное въ сихъ дѣйствіяхъ участіе, или же совѣтомъ, открытіемъ тайнъ, или сообщеніемъ иныхъ какихъ-либо свѣдѣній, или будетъ стараться

[1] По финляндскому *Уложе.ію*, притомъ не за умыселъ только, а за самое дѣяніе или покушеніе на оное, вмѣсто смертной казни — заключеніе въ смирительномъ домѣ, или пожизненное, или срокомъ отъ 8 до 12 лѣтъ. (§ 2 главы 11.)

[2] Ср. § 5 главы 12 финляндскаго *Уложенія*.

[3] Ср. §§ 3 и 6 главы 12.

Главы и параграфы Финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“.

Глава 11.

2 §. Кто съ умысломъ: [1]

2) Подчинитъ Финляндію или нѣкоторую часть ея, или же русскія владѣнія иностранной державѣ или отторгнуть какую-либо часть Финляндіи отъ Россійской Имперіи,

совершитъ (ъ) дѣяніе, заключающее въ себѣ осуществленіе умысла или покушеніе на оное, тотъ подвергается, за преступленіе противъ Верховной Власти, *заключенію въ смирительномъ домѣ* пожизненно или *срокомъ отъ восьми* до двѣнадцати полныхъ лѣтъ.

Глава 12.

1 §. Финляндскій гражданинъ, который на службѣ иностранной державы подниметъ во время войны оружіе противъ Финляндіи, Россіи или союзника въ войнѣ, подлежитъ, за государственную измѣну, *заключенію въ смирительномъ домѣ* пожизненно или на время *отъ восьми* до двѣнадцати полныхъ *лѣтъ*. *Если при семъ окажутся особенно смягчающія вину обстоятельства*, то виновный присуждается къ *заключенію въ смирительномъ домѣ* срокомъ *отъ четырехъ* до восьми полныхъ *лѣтъ*.

2 §. Финляндскій гражданинъ, который, по объявленіи войны или началѣ оной, къ пользѣ непріятеля умышленно:

1) передастъ во власть непріятеля войско, городъ, портъ, крѣпость, укрѣ-

[1] Беремъ одинъ второй пунктъ этого параграфа, опуская пункты первый и третій.

Статьи Русскаго „Уложенія о Наказаніяхъ“.

препятствовать успѣхамъ Россійскаго оружія [4] или союзниковъ Россіи и въ особенности, если онъ какимъ бы то ни было образомъ передастъ непріятелю [5] городъ, крѣпость или другое укрѣпленное мѣсто, или же портъ, арсеналъ, или корабли, или иныя морскія или рѣчныя суда, или же съ умысломъ дастъ захватить отрядъ войскъ, или другую команду, или воинскіе запасы и снаряды, или сообщитъ непріятелю [6] планъ крѣпости, порта, гавани, арсенала или же укрѣпленнаго или иного стана (лагеря), или тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія, или дастъ извѣстіе о расположеніи и движеніи войскъ, или о состояніи арміи и другихъ средствахъ нападенія или обороны, или будетъ возбуждать войска россійскія или союзныя съ Россіей къ неповиновенію или возмущенію, [7] или будетъ стараться поколебать вѣрность подданныхъ ея или же союзныхъ съ нею державъ, или, принявъ отъ непріятеля возмутительные манифесты или объявленія, будетъ распространять оныя въ Россіи или въ областяхъ ея союзниковъ, или же въ распространяемыхъ имъ сочиненіяхъ утверждать мнимыя права другой державы на какую-либо часть областей Имперіи, или будетъ набирать людей для войскъ непріятельскихъ, [8] или самъ

[4] Ср. п. 2 § 2 главы 12.
[5] Ср. п. 1 § 2 главы 12.
[6] Ср. п. 3 § 2 главы 12.
[7] Ср. п. 2 § 2 главы 12.
[8] Ср. п. 2 § 2 главы 12.

Главы и параграфы Финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“.

пленіе, проходъ или другой оборонительный пунктъ, военный корабль, военную кассу, магазинъ или цейхгаузъ, складъ оружія или другихъ военныхъ запасовъ или продовольствія, или истребитъ, или испортитъ что либо подобное, или же повредитъ плотину, телеграфъ, телефонъ, желѣзную дорогу, мостъ или другое тому подобное;

2) воспрепятствуетъ употребленію войска противъ непріятеля или склонитъ оное перейти къ непріятелю, или къ возстанію, или къ иной измѣнѣ, или завербуетъ, или доставитъ непріятелю воиновъ;

3) извѣститъ непріятеля о расположеніи, или движеніяхъ, или намѣреніяхъ войска, или сообщитъ ему карту, чертежъ или описаніе укрѣпленія, порта, фарватера или дороги; или

4) будетъ служить непріятелю проводникомъ или лазутчикомъ, или доставитъ ему проводника или лазутчика, или же поможетъ непріятельскимъ лазутчикамъ, дастъ имъ у себя пристанище или скроетъ ихъ,—

подлежитъ, за государственную измѣну, *заключенію въ смирительномъ домѣ* пожизненно или на время *отъ четырехъ* до двѣнадцати полныхъ *лѣтъ*.

Покушеніе наказуемо.

3 §. Финляндскій гражданинъ, который инымъ способомъ, кромѣ вышесказаннаго, умышленно поможетъ непріятелю или, къ пользѣ онаго, причинитъ вредъ Финляндіи, Россіи или союзнику въ войнѣ, подлежитъ за такую государственную измѣну, *заключенію въ смирительномъ домѣ срокомъ отъ одного года* до восьми полныхъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

5 §. Если Финляндецъ или Русскій, проживающій въ Финляндіи, станетъ возбуждать иностранную державу къ войнѣ съ государствомъ, то онъ, за такой замыселъ, подлежитъ *заключенію въ смирительномъ домѣ* на время *отъ двухъ* до восьми полныхъ *лѣтъ*; но, если вслѣдствіе сего произойдетъ война, то онъ подвергается, за государственную измѣну, *заключенію въ смирительномъ*

Статьи Русскаго „Уложенія о Наказаніяхъ“.

перейдетъ въ ряды непріятелей,[9] или же, вступивъ въ службу иностранной державы, хотя и прежде разрыва ея съ Россіею, будетъ послѣ сего разрыва участвовать въ ея военныхъ противъ Россіи или иныхъ враждебныхъ ей дѣйствіяхъ, или будетъ доставлять непріятелямъ или готовить или хранить для нихъ оружіе, деньги, съѣстные и другіе припасы или иныя какія-либо пособія, или будетъ принимать въ себѣ, сопровождать или укрывать непріятельскихъ лазутчиковъ (шпіоновъ),[10] или отряды ихъ войскъ, отправленныхъ для рекогносцированія, или же давать имъ въ чемъ-либо помощь, или и самъ сдѣлается непріятельскимъ лазутчикомъ;

4) Когда дипломатическій или иной чиновникъ, уполномоченный на заключеніе трактата съ иностранною державою, употребитъ съ умысломъ сіе довѣріе въ явный вредъ для отечества;[11]

5) Когда дипломатическій или иной чиновникъ, или вообще подданный Россіи, похититъ, или съ умысломъ истребитъ или повредитъ какого бы то ни было рода акты или документы, долженствующіе служить доказательствомъ правъ ея на что-либо требуемое отъ державы иностранной, или наоборотъ иностранною державой отъ Россіи.[12]

254. Виновные въ государственной измѣнѣ, въ какомъ бы то ни было изъ

[9] Ср. § 1 главы 12.
[10] Ср. п. 4 § 2 главы 12.
[11] Ср. § 7 главы 12.
[12] Ср. § 8 главы 12.

Главы и параграфы Финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“.

домъ срокомъ *отъ шести* до двѣнадцати полныхъ *лѣтъ*.

6 §. Кто, принявъ отъ иностранной державы какой-либо даръ, будетъ благопріятствовать оной во вредъ Финляндіи или Россіи, тотъ подлежитъ *заключенію въ смирительномъ домѣ* на время *не свыше шести лѣтъ*.[2]

Даръ или его стоимость подлежитъ конфискаціи.

7 §. Если тотъ, кому довѣрены тайные переговоры или тайное совѣщаніе, или рѣшеніе по дѣлу, отъ котораго зависитъ право или безопасность Финляндіи или Россіи, откроетъ эти переговоры, совѣщаніе или рѣшеніе, или же недозволенно выдастъ, или огласитъ документъ по такому дѣлу, то онъ подвергается *заключенію въ смирительномъ домѣ* на время *отъ двухъ* до десяти полныхъ *лѣтъ*. *При обстоятельствахъ же, особенно смягчающихъ вину, заключеніе въ смирительномъ домѣ* имѣетъ быть *не свыше двухъ лѣтъ*.[3]

Если переговоры, совѣщаніе, рѣшеніе или документъ стали извѣстны другому лицу, или если документъ попадетъ въ его руки, и онъ умышленно откроетъ, выдастъ или огласитъ что-либо изъ нихъ, хотя знаетъ, что дѣло должно храниться въ тайнѣ, то подвергается *тюремному заключенію не менѣе одного года или денежному взысканію не меньше двухъ сотъ марокъ*.[4]

8 §. Кто умышленно поддѣлаетъ, истребитъ, повредитъ, похититъ или утаитъ документъ, содержащій доказательство права или безопасности Финляндіи или Россіи, и при семъ знаетъ о важности документа, тотъ подвергается *заключенію въ смирительномъ*

[2] *Minimum* заключенія въ смирительномъ домѣ, по 2 § главы 2й—*шестимѣсячный*.
[3] *Minimum* заключенія въ смирительномъ домѣ, по 2 § главы 2й—*шестимѣсячный*.
[4] *Maximum* тюремнаго заключенія по § 3 главы 2й—четыре года. *Maximum* денежнаго взысканія по § 4 главы 2й—1.000 марокъ (250 рублей металлическихъ).

Статьи Русскаго „Уложенія о Наказаніяхъ“.	Главы и параграфы Финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“.
означенныхъ въ предшедшей (253) статьѣ видовъ оной, а равно и принявшіе въ томъ завѣдомо какое-либо участіе приговариваются:	*домъ* срокомъ *отъ двухъ* до десяти полныхъ *лѣтъ*.
Къ *лишенію всѣхъ правъ состоянія и* къ *смертной казни*.	9 §. Кто подлежитъ наказанію по настоящей главѣ, тотъ вмѣстѣ съ симъ, *когда есть поводъ въ свойствѣ преступленія*, приговаривается и къ *лишенію довѣрія сограждан*ъ.

ИМѢЕТЪ ЛИ СИЛУ ЗАКОНА

ФИНЛЯНДСКОЕ

„УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ“?

(Передовая статья № 142 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 24 мая.

Мы не разъ уже говорили о новоизданномъ финляндскомъ *Уголовномъ Уложеніи*.* Но до сихъ поръ мы останавливались лишь на разныхъ отдѣльныхъ главахъ и параграфахъ *Уголовнаго Уложенія*, какъ, напримѣръ, на тѣхъ которые допускаютъ «менѣе тяжкіе (?) случаи оскорбленія дѣйствіемъ» (!) Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника и другихъ Особъ Императорской Фамиліи; на тѣхъ которые допускаютъ «особенно смягчающія вину обстоятельства» для измѣнниковъ поднявшихъ оружіе противъ своего отечества; на тѣхъ которые уравниваютъ, по преступности и уголовной наказуемости, снятіе и опубликова ніе плана укрѣпленій съ ловлей въ чужой водѣ раковъ (sic), и т. д. и т. д. Теперь мы намѣрены сказать нѣсколько словъ объ этомъ новомъ финляндскомъ уголовномъ кодексѣ какъ объ одномъ цѣломъ, во всей его совокупности. Насъ занимаетъ общій, такъ-сказать, предварительный, весьма серіозный и существенный вопросъ, а именно:

Это новоизданное, офиціально опубликованное и предназначаемое ко вступленію въ дѣйствіе съ 1 января 1891 (съ 20 декабря 1890) года финляндское *Уголовное Уложеніе*,—имѣетъ ли дѣйствительную силу настоящаго закона, или оно пока не болѣе какъ проектъ?

Да не удивляется читатель заявленію такого сомнѣнія, постановкѣ такого вопроса, притомъ въ столь прямой и рѣшительной формѣ. Этотъ вопросъ, это сомнѣніе возникаютъ сами собою — и притомъ не по существу содержанія означеннаго

* См. выше, стр. 262—279 и 297—309.

Уложенія, не въ виду диковиннаго смысла и духа разныхъ его параграфовъ, столь поразительныхъ для русскаго подданнаго что подъ ихъ впечатлѣніемъ изъ-подъ нашего пера невольно вылились несчастныя девять строкъ навлекшія на насъ предостереженіе. Поставленный нами вопросъ возникаетъ самъ собою, помимо содержанія *Уголовнаго Уложенія*, изъ разсмотрѣнія одной внѣшней, формальной, особенно важной въ данномъ случаѣ, стороны изданія этого новаго финляндскаго узаконенія.

Именно съ этой внѣшней, формальной, стороны, новое *Уголовное Уложеніе*, на нашъ взглядъ, погрѣшаетъ столь существенными недостатками, что они побуждаютъ прямо сомнѣваться въ его дѣйствительной силѣ, не взирая на офиціальное опубликованіе его финляндскими властями въ нашихъ финляндскихъ губерніяхъ. Внѣшность этого *Уголовнаго Уложенія*, самое появленіе его въ свѣтъ, представляются не довольно ясными и даже, такъ-сказать, не довольно законными,—и не только съ истинной, но и со спеціально-финляндской точекъ зрѣнія, не только по несоотвѣтствію съ непреложными требованіями *Основныхъ Законовъ* Россійской Имперіи, но и по несоотвѣтствію даже съ постановленіями рекомой финляндской, собственно старо-шведской, конституціи.

Нашъ взглядъ, конечно, можетъ быть признанъ ошибочнымъ, — но вотъ соображенія и факты изъ которыхъ онъ вытекаетъ:

По конституціи Густава III, въ Шведскомъ государствѣ король не могъ издать извѣстныхъ новыхъ законовъ, или отмѣнить прежнихъ, безъ согласія государственныхъ чиновъ; съ своей стороны, и эти послѣдніе не могли сдѣлать того же безъ согласія короля. Такое согласіе верховной власти всегда выражалось въ *собственноручномъ* подписаніи королями или самого закона, или того манифеста или рескрипта при которомъ законъ передавался для оглашенія и исполненія. Возьмите изданіе основныхъ законовъ Финляндіи гг. Нальмена и Мехелина, возьмите шведское Уложеніе, дѣйствующее въ Финляндіи (изд. 1824 и 1827 годовъ), — и вы найдете тамъ тому доказательства.

Сочиняя свое новое *Уголовное Уложеніе*, Финляндцы писали его, а во многомъ и прямо списывали съ германскаго уголовнаго кодекса; въ томъ убѣждаетъ простое сличеніе того и другаго. Но и германскій кодексъ *собственноручно* подписанъ императоромъ Вильгельмомъ. Мало этого, германскій кодексъ вновь подписывался всякій разъ когда происходило измѣненіе въ районѣ его дѣйствія: сперва при введеніи его въ бывшемъ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ, 31 мая 1870 года; потомъ 15 мая 1871 года, при распространеніи его на новую Германскую Имперію; вскорѣ затѣмъ, 30 августа 1871 года—при примѣненіи его къ Эльзасу и Лотарингіи. Всѣ знали и видѣли что законъ получалъ дѣйствительную санкцію монарха — въ *собственноручномъ* его подписаніи.

По русскому основному закону, сколь ни пренебрежительно относятся къ нему въ Финляндіи, точно также «новый законъ постановляется не иначе какъ за *собственноручнымъ* Высочайшимъ подписаніемъ» (ст. 54). По тѣмъ же основнымъ русскимъ законамъ — «законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силой новаго закона» (ст. 72), и вмѣстѣ съ тѣмъ «законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе какъ такимъ же общимъ закономъ» (ст. 73).*

---

* Вотъ текстъ упомянутыхъ здѣсь статей *Свода Основныхъ Государственныхъ Законовъ*

Между тѣмъ, что являетъ собою, въ указанномъ отношеніи, новое *Уголовное Уложеніе* русской области именуемой Финляндіей?

Это, — вопервыхъ, три постановленія изданныя по представленію земскихъ чиновъ Финляндіи и *подписанныя*, хотя и отъ Высочайшаго Имени, но *исключительно однимъ Финляндскимъ Сенатомъ*. *

Дата ихъ изданія — въ Гельсингфорсѣ, 19 (7) декабря 1889 года, — не есть дата подписанія закона Государемъ, ибо Его Величество пребывалъ въ то время не въ Гельсингфорсѣ, а въ Гатчинѣ.

Когда же именно, — спрашивается, — состоялся н е о б х о д и м ѣ й ш і й по закону актъ, *Высочайшая санкція*? Гдѣ же *Монаршая подпись*, дѣйствительно утверждающая законъ? Гдѣ же, наконецъ, тотъ Высочайшій манифестъ или рескриптъ, или другой актъ *за собственноручнымъ подписаніемъ Его Величества*, который, по всѣмъ упомянутымъ законамъ, — и старошведскимъ, и германскимъ, и русскимъ, — является необходимою частію постановленія, для того чтобъ оно облеклось дѣйствительною силой закона?

Мы тщательно искали во всѣхъ частяхъ, составляющихъ новое *Уголовное Уложеніе*, этой Высочайшей санкціи, этой освящающей и утверждающей Монаршей подписи и, несмотря на всѣ поиски, ни ея, ни времени подписанія, нигдѣ не нашли.

Есть, правда, въ заголовкахъ обычная у Финляндцевъ (даже при изданіи постановленій о пастьбѣ жеребятъ) формула манифестовъ: «Божіею милостію, Мы» и т. д.; но эта формула сомнѣній нашихъ не разрѣшаетъ, ибо, хотя она и бываетъ во всѣхъ манифестахъ, но кромѣ нея необходима *собственноручная подпись Государя*: безъ такой подписи актъ, хотя бы и съ означеннымъ заголовкомъ, остается лишь неутвержденнымъ п р о е к т о м ъ, то-есть бумагой не имѣющею никакой и ни для кого обязательной силы.

По слухамъ идущимъ отъ гельсингфорсскихъ всезнающихъ чиновниковъ, надлежащій проектъ манифеста дѣйствительно былъ изготовленъ и по случаю *Уголовнаго Уложенія*. Однако, таковаго манифеста при изданномъ *Уложеніи* не опубликовано. Почему? И былъ ли, наконецъ, оный дѣйствительно подписанъ?

Всѣ сіи сомнѣнія усугубляются еще слѣдующимъ обстоятельствомъ:

Въ группѣ узаконеній составляющихъ финляндское *Уголовное Уложеніе*, кромѣ трехъ упомянутыхъ постановленій, есть еще одно, четвертое, — не «постановленіе», а «Объявленіе», — «объ оставленіи въ дѣйствующей силѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній», — «Объявленіе», изданное въ Гельсингфорсѣ въ томъ же видѣ и того же 19 (7) декабря 1889 года какъ и прочія три постановленія.

Это «Объявленіе» имѣетъ ту осо-

(Раздѣлъ первый — „О священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Самодержавной Власти“);

„54. Новый законъ постановляется не иначе какъ за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ.“

„72. Законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силой новаго закона.“

„73. Отмѣна закона существующаго совершается тѣмъ же порядкомъ, какой выше означенъ для составленія законовъ. — Законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе какъ таковымъ же общимъ закономъ. *Указъ, изданный за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ, не иначе отмѣненъ быть можетъ какъ таковымъ же указомъ, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ.*“

* См. выше, стр. 262 и 265.

бенность что издано уже не по представленію земскихъ чиновъ, а непосредственно отъ Высочайшаго Имени, ибо начинается такъ:

„Божіею Милостію

„МЫ АЛЕКСАНДРЪ *Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч. и проч. и проч.* Объявляемъ чрезъ сіе: Повелѣвъ сего числа издать: 1) общее уголовное уложеніе для Великаго Княжества Финляндскаго," и т. д. „Гельсингфорсъ, 19 декабря 1889 г."

Но подъ этимъ «Объявленіемъ» подписи Государя нѣтъ, а имѣются только подписи Финляндскаго Сената.

Тѣмъ съ большею силой возникаетъ недоумѣніе. Подлинныя слова: «повелѣвъ *сего числа*», даютъ понять въ точности что объявляемое Высочайшее *повелѣніе дано Государемъ Императоромъ именно* въ этотъ день 19 (7) декабря, то есть *въ тотъ самый день* когда послѣдовали постановленія Сената объ «Уголовномъ Уложеніи» и о прочемъ, *въ тотъ самый день* въ который эти постановленія подписаны графомъ Ф. Гейденомъ и 19ю финляндскими сенаторами.

Соотвѣтствовала ли, однако, дѣйствительность тому что прямо высказано въ этомъ финляндскомъ законодательномъ актѣ, помѣченномъ *въ Гельсингфорсѣ* 19 (7) декабря? Было ли, и могло ли быть дано Государемъ «*сего числа*», то-есть именно 19 (7) декабря, Высочайшее повелѣніе означенное въ подписанномъ Сенатомъ «Объявленіи»,—при разстояніи Гельсингфорса отъ Гатчины въ 437 верстъ?

Допустить что дѣйствительно «было дано» въ официально означенный день значило бы допустить что повелѣніе относительно такого, вовсе не экстренно спѣшнаго, закона, какъ уголовный, дано по телеграфу. Но такое допущеніе не было ли бы слишкомъ рискованнымъ? Притомъ даже въ случаѣ такого допущенія, на какомъ основаніи данное 19 (7) декабря Высочайшее повелѣніе можетъ сопровождаться помѣтой «Гельсингфорсъ», а не «Гатчина»?

Что же выходитъ изо всего этого? Приходится признать невѣрною, не согласною съ истиной: или ту дату которою Сенатъ подписалъ публикованныя имъ три постановленія, или ту дату къ которой официально отнесено выраженное въ законодательномъ «Объявленіи» Высочайшее повелѣніе.

Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ, какъ самый фактъ, такъ и образъ и время Высочайшаго утвержденія *Уголовнаго Уложенія* Финляндіи остаются полною загадкой. А подобныя загадки не только въ такомъ важномъ, общемъ, на всѣхъ распространяющемся законѣ, но и во всякомъ узаконеніи не допустимы, ибо тѣмъ самымъ подрываютъ его силу. Въ настоящемъ же случаѣ погрѣшность гельсингфорсскихъ законодателей тѣмъ болѣе существенна что даетъ мѣсто возможному сомнѣнію насчетъ того, было ли финляндское *Уголовное Уложеніе* утверждено Верховною Властью во всей его точности, именно въ окончательно приданной ему редакціи? И такое сомнѣніе, кромѣ изложенныхъ выше мотивовъ, можетъ найти себѣ опору еще и въ томъ что новымъ *Уложеніемъ*, во многихъ случаяхъ, нарушаются русскіе интересы и прямо оскорбляется русское государственное достоинство...

Но это не все. Одинъ, и притомъ едва ли не самый существенный, пунктъ еще впереди.

Мы должны возвратиться къ упомянутому четвертому акту, то-есть къ «Объявленію» объ оставляемыхъ въ силѣ нѣкоторыхъ законоположеніяхъ. Таковыхъ законоположеній перечислено въ текстѣ «Объявленія»

только два, а затѣмъ поставлено едва ли умѣстное въ такомъ законодательномъ «Объявленіи» выраженіе «и проч.». Одно изъ двухъ упомянутыхъ — постановленіе 2 іюня 1826 года, «о судопроизводствѣ по преступленіямъ, чинимымъ *обывателями Финляндіи въ Россіи, и жителями Россійскихъ губерній въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ*»; другое — «постановленіе отъ 31 мая 1867 года, о печати въ Финляндіи, съ принадлежащими къ оному узаконеніями». Остановимся лишь на первомъ.

На бѣглый взглядъ можетъ показаться, что за постановленіемъ 2 іюня 1826 года сохраняется нѣкое особливое значеніе, выдѣляющее Русскихъ изъ юрисдикціи новаго Финляндскаго *Уголовнаго Уложенія*. Но это только на первый взглядъ; это лишь оптическій или иной обманъ. Въ дальнѣйшемъ тотчасъ же оказывается, что значеніе оговорки объ «оставленіи въ дѣйствующей силѣ» равно нулю, и что она безо всякаго вреда могла бы быть вовсе опущена, ибо «упомянутыя въ ней два постановленія» и пр. сохраняютъ силу только «*въ томъ что не измѣнено или не отмѣнено новымъ общимъ законодательствомъ*».

А это, другими словами, значитъ что постановленіе 1826 года, по идеѣ охраняющее въ нѣкоторой мѣрѣ русскія права, слѣдуетъ считать уничтоженнымъ, какъ явствуетъ изъ сличенія его съ первыми же параграфами 1й главы финляндскаго *Уголовнаго Уложенія*, безусловно его отмѣняющими. *

Что же оказывается далѣе? Отмѣняемое такимъ путемъ постановленіе императора Николая —

Вопервыхъ, подписано имъ 2 іюня 1826 года, въ Петербургѣ, *собственноручно*;

Вовторыхъ, состоялось по мнѣнію Государственнаго Совѣта;

Втретьихъ, имѣетъ дѣйствіе не только въ Финляндіи, но и въ Россіи;

Вчетвертыхъ, помѣщено во 2й части XV т. Свода Законовъ Россійскихъ и было въ свое время узаконеннымъ порядкомъ распубликовано въ Имперіи чрезъ Правительствующій Сенатъ, и

Впятыхъ, имѣетъ до сего дня обязательную силу и примѣненіе, особенно въ пограничныхъ съ Финляндіей, Архангельской и Олонецкой, губерніяхъ.

Спрашивается, какъ же могло случиться что такой русскій, полномѣрно дѣйствующій въ Имперіи законъ, изданный съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ преподанныхъ на этотъ предметъ въ основныхъ россійскихъ законахъ и неизмѣнно продолжающій дѣйствовать, — какъ же могъ этотъ законъ быть отмѣненъ одностороннимъ постановленіемъ *областнаго* Финляндскаго Сената, хотя бы и вмѣстѣ съ тамошними земскими чинами, — притомъ постановленіемъ

---

* Выписываемъ изъ главы 1й *Уголовнаго Уложенія*, „О тѣхъ, кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго права“, относящіяся сюда постановленія:

„1 §. По финляндскому закону финляндскій гражданинъ судится за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи или же за границей на финляндскомъ суднѣ, или противъ Финляндіи, или противъ финляндскаго же гражданина“, и т. д.

„2 §. *Кто не финляндскій гражданинъ, но проживаетъ здѣсь, въ краѣ, тотъ судится по финляндскому закону и финляндскимъ судомъ за преступленіе совершенное имъ въ Финляндіи или на финляндскомъ суднѣ за границей.*“

И т. д.

„5 §. (Вторая часть.) Заграничный приговоръ по уголовному дѣлу въ исполненіе въ Финляндіи не приводится.“

Что это, однако, значитъ? Есть ли это — даруемое Финляндіей право убѣжища всякимъ преступникамъ, или что иное? Вѣдь и Россія, кажется, считается въ Финляндіи заграничною державой...

не носящимъ на себѣ *собственноручнаго* Монаршаго подписанія, *которое одно только властно* отмѣнить подпись императора Николая? (Ст. 73.)

Конечно, этого не могло быть, и не должно быть. Финляндія есть одна изъ «областей» Россіи, и Финляндскому Сенату никѣмъ и никогда не предоставлено отмѣнять всероссійскіе законы, да еще изданные за собственноручною подписью Самодержавныхъ Русскихъ Государей.

Да, дѣло съ *Уголовнымъ Уложеніемъ* нашей финляндской окраины, благодаря обычнымъ гельсингфорсскимъ пріемамъ и подозрительному секретничанью о немъ предъ русскими компетентными учрежденіями, окунулось теперь въ такую непроглядную тьму что, полагаемъ, единственнымъ *законнымъ* путемъ вывести его на свѣтъ Божій представлялся бы *пересмотръ* его русскими государственными учрежденіями, — само собою разумѣется, съ пріостановкой до того времени введенія въ дѣйствіе столь своеобразно изданнаго *Уложенія*.

Тогда могли бы вздохнуть свободнѣе многіе Русскіе люди, которымъ иначе грозитъ печальная участь подпасть подъ «незаконный» финляндскій законъ, иной разъ даже въ предѣлахъ самой Россіи.

Высказанная нами сейчасъ мысль не представляетъ собою, впрочемъ, чего-либо новаго. Еще въ № 68 *Московскихъ Вѣдомостей* за сей годъ, когда финляндское *Уголовное Уложеніе* было знакомо намъ лишь по наслышкѣ, мы писали: * «Наше Министерство Юстиціи, сколько знаемъ, съ увѣренностью ожидало что уголовный уставъ Финляндіи не пройдетъ, и *не можетъ пройти*, помимо заключенія нашихъ учрежденій, по органической связи своей съ русскимъ законодательствомъ», — и это заявленіе до сихъ поръ, кажется, не вызвало ни съ чьей стороны никакого опроверженія. Въ виду же всего вышеизложеннаго, можно, кажется, полагать что и нынѣ не упущено еще время для обстоятельнаго ревизіоннаго пересмотра опубликованнаго финляндскаго *Уголовнаго Уложенія*, въ совокупности со всѣми относящимися къ нему подготовительными законодательными работами, дѣловою перепиской и иными документами и матеріалами. При этомъ можно не только надѣяться, но и увѣренно разчитывать, что плоды таковаго ревизіоннаго пересмотра оказались бы, можетъ-быть, столь же благотворными какъ и результаты той ревизіи которая, по Высочайшему повелѣнію, совершена была Н. А. Манасеинымъ въ Балтійскомъ краѣ.

---

* См. выше, стр. 205.

О СФАБРИКОВАННОМЪ ПРОТЕСТѢ „РУССКИХЪ" ПРОТИВЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.*

Письмо къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей".

Гельсингфорсъ, 29 апрѣля.

Въ № 114 *Московскихъ Вѣдомостей* (отъ 27 апрѣля) былъ помѣщенъ текстъ протеста,—будто бы подписаннаго Русскими людьми проживающими въ Финляндіи,—противъ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Новаго Времени*.**

Не знаю, былъ ли гдѣ такой протестъ напечатанъ, но если и былъ, то не надо забывать что въ Финляндіи не мало Русскихъ людей принявшихъ финляндское гражданство, причемъ нѣкоторые изъ нихъ даже разучились говорить по-русски (въ большой семьѣ не безъ урода). Подписавшія протестъ лица, по всей вѣроятности, именно изъ такихъ Русскихъ, но ужь никакъ не изъ тѣхъ которые считаютъ за честь скорѣе быть послѣднимъ изъ Русскихъ чѣмъ первымъ изъ Финляндцевъ.

Одинъ фактъ перемѣны гражданства ясно показываетъ что русскимъ людямъ нѣтъ житья въ Финляндіи безъ принятія финляндскаго гражданства. Послѣ этого понятно что насъ, Русскихъ, не можетъ не возмущать отношеніе къ намъ Финляндцевъ или, вѣрнѣе, Шведо-Финновъ.

Насъ возмущаетъ то безправіе въ которомъ они насъ держатъ; русское имя здѣсь унижено; русскій дворянинъ, напримѣръ, здѣсь не дворянинъ; русскій домовладѣлецъ или землевладѣлецъ не имѣетъ права голоса въ городскихъ или общинныхъ дѣлахъ, тогда какъ его сторожъ-Финнъ, при наличности установленнаго ценза, такимъ правомъ пользуется, и т. п.

Насъ возмущаетъ что, при нашемъ здѣсь пригнетенномъ положеніи, насъ же еще и преслѣдуютъ Шведо-Финны своею безсмысленною злобой, которая

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 129.

** См. выше, стр. 291—294 и 295—296.

проявляется какъ со стороны частныхъ лицъ въ оскорбленіяхъ на улицѣ неповинныхъ Русскихъ людей (даже священниковъ и дамъ), *** такъ и въ приговорахъ мѣстныхъ судовъ.

Насъ возмущаетъ то невѣжественно-дерзкое отношеніе не только мальчишекъ, но и студентовъ, къ обрядамъ нашей религіи, которое, говорятъ, однажды дошло до того что въ крестный ходъ стали бросать грязью. Русскій православный человѣкъ никогда не позволитъ себѣ даже непочтительнаго отношенія къ обрядамъ Евреевъ, лютеранъ, магометанъ и пр. и желаетъ чтобъ и къ его обрядамъ относились съ общепринятою въ жизни терпимостью и деликатностью; но такая христіанская терпимость очевидно не по плечу даже финскимъ студентамъ-лютеранамъ.

Насъ возмущаетъ когда, при исполненіи нашего всенароднаго гимна, Шведы-Финны (за рѣдкимъ исключеніемъ) не обнажаютъ головы, выказывая этимъ пренебреженіе къ тому что для Русскаго человѣка, послѣ религіи, наиболѣе свято и дорого.

Насъ возмущаютъ кичливыя притязанія Шведо-Финновъ (ихъ печати) на ихъ мертворожденную государственность, какъ посягательство на единство Имперіи, которое каждымъ истинно Русскимъ человѣкомъ почитается незыблемымъ.

Насъ возмущаетъ что подобныя кичливыя притязанія не встрѣчаютъ офиціальныхъ опроверженій со стороны мѣстнаго Сената, хотя таковой есть представитель Монарха единой и нераздѣльной Имперіи и потому, въ силу присяги, обязанъ оберегать, какъ зеницу ока, это единство и нераздѣльность. Даже когда въ *Готскомъ Альманахѣ* на 1890 годъ Финляндія впервые была показана особымъ государствомъ *, и тогда Сенатъ не протестовалъ и не разъяснилъ въ офиціальной газетѣ что Финляндія только автономная *область* Россіи, хотя самъ офиціально и открыто не осмѣливается назвать Финляндію государствомъ.

Русскаго человѣка это коробитъ до глубины души.

Я, разумѣется, не собиралъ подписей къ этому письму, но смѣло увѣренъ что еслибы собрать, то ихъ набралось бы столько же сколько проживаетъ въ Финляндіи Русскихъ людей не принявшихъ финляндскаго гражданства.

Для возстановленія истины по отношенію къ Русскимъ людямъ, прошу васъ, г. издатель, дать этому письму мѣсто въ вашей газетѣ.

Примите и пр.

РУССКІЙ.

---

* См. выше, стр. 235—237 и др.

* См. выше, стр. 144 и 151—152.

ЗНАКОМСТВО СЪ РОССІЕЙ

ВЪ ФИНЛЯНДСКИХЪ ШКОЛАХЪ.*

„Hvad skolan gifver oss, vi lära
„För lifvet—ej för skolan blott."
Poetisk läsebok för Finlands ungdom af Bremer.
Helsingfors, 1875, p. 59. **

За послѣднее время въ нашей печати появляется довольно много статей о Финляндіи. Въ однѣхъ изъ нихъ указываются сепаративныя политическія тенденціи Финляндцевъ, въ другихъ—тяжелое современное положеніе Русскихъ въ Финляндіи, именно какъ Русскихъ людей.

Заброшенный судьбой на службу въ Финляндію, въ русскую Гельсингфорсскую гимназію, я за пять слишкомъ лѣтъ моего тамъ пребыванія не разъ имѣлъ случай кое къ чему поприглядѣться, а еще болѣе понаслушаться какъ отъ самихъ Финляндцевъ, такъ и отъ тамошнихъ русскихъ старожиловъ. Отдавая должную справедливость видимому благоустройству страны, сравнительной образованности, внѣшнему приличію и опрятности населенія, извѣстной простотѣ и удобству жизни, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Финляндіи, нельзя, однако, не замѣтить многихъ непривлекательныхъ сторонъ финляндской жизни, особенно въ отношеніи къ намъ, Русскимъ. Обходительные и даже довольно любезные другъ съ другомъ, Финляндцы заносчивы съ Русскими до оскорбительной грубости и непріязненны до какой-то ненависти. Имя „Русскій" въ устахъ Финляндца чуть не бранное слово. Частныхъ примѣровъ такого рода отношеній приводилось уже довольно много, но, конечно, ихъ можно было бы приводить безъ конца.

Моя задача—указать собственно характеръ отношеній къ Россіи который создаетъ финляндская школа въ умахъ и сердцахъ своихъ питомцевъ, и который, по-моему, составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ замѣчаемой въ настоящее время ненормальности въ отношеніяхъ Финляндцевъ къ Русскимъ.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, №№ 137 и 138.

** „Что даетъ намъ школа—мы учимъ для жизни, а не только для школы." *Поэтическая книга для чтенія для финляндскаго юношества.* Бремера. Гельсингфорсъ. 1875, стр. 59.

I.

Касаясь вопроса о вліяніи финляндскихъ школъ на характеръ населенія, не должно упускать изъ виду что школа въ Финляндіи является значительнымъ факторомъ народной жизни не только по теоріи, но и на практикѣ. Въ Финляндіи, говоритъ Игнаціусъ, умѣютъ читать всѣ *, и не владѣютъ грамотой только лица духовно и физически обдѣленныя. Бо́льшая часть народа получала и получаетъ свою грамотность еще въ родительскомъ домѣ и въ передвижныхъ деревенскихъ школахъ. ** Судя по статистическимъ таблицамъ, приведеннымъ въ отчетѣ главнаго управленія по училищному вѣдомству, число постоянныхъ народныхъ школъ постепенно увеличивается. Такъ, въ промежутокъ времени отъ 1871 до 1886 года со 145 число школъ возрасло до 665. ***

Такимъ образомъ, расширяясь съ каждымъ годомъ, школьное вліяніе на народную жизнь въ Финляндіи становится силой съ которою необходимо считаться тому кто захотѣлъ бы поглубже вникнуть въ жизнь и характеръ финляндскаго населенія.

Естественно спросить прежде всего что̀ преподается въ этихъ школахъ спеціально и самостоятельно о Россіи: ея исторія, географія, словесность?

По § 7 Высочайшаго Его Императорскаго Величества Устава для гимназій и училищъ Великаго Княжества Финляндскаго, отъ 6 ноября 1843 года, даже въ низшихъ училищахъ преподавалась „отечественная исторія“, — разумѣя подъ этою послѣднею именно „русскую“ исторію, что̀ ясно изъ § 40 того же Устава, предписывающаго опредѣлять въ учители русскаго языка, исторіи и географіи въ низшихъ элементарныхъ училищахъ однихъ только русскихъ уроженцевъ, или Финляндцевъ окончившихъ курсъ Выборгской (почти совершенно русской) гимназіи. Еслибы подъ „отечественною исторіей“ Уставъ разумѣлъ исторію собственно Финляндіи, то зачѣмъ же онъ требовалъ бы, хотя и для нѣкоторыхъ только училищъ, русскихъ природныхъ учителей этого предмета? Весь духъ Устава 1843 года и аналогія словеснаго выраженія его § 7 разумѣютъ подъ „отечественною исторіей“ именно „русскую исторію“.

„Въ высшихъ элементарныхъ училищахъ“, гласитъ Уставъ, „преподавать географію, начальныя основанія математической, физической и политической географіи, частное прохожденіе географіи европейскихъ державъ и Россійской Имперіи *въ особенности*... Въ гимназіяхъ преподавать географію въ подробности, *особенно* описаніе Россійской Имперіи и, вмѣстѣ съ нею, статистику европейскихъ державъ, *въ особенности же* Россійской Имперіи.“

Это постоянное и однообразное, даже по своей словесной формѣ, подчеркиваніе желательнаго преимущественнаго знакомства съ Россіей даетъ право понимать въ указанномъ выше смыслѣ и слѣдующее требованіе Устава: „преподавать исторію, новѣйшую въ возможной подробности, *преимущественно* же отечественную“. Ясно что „отечественная“ равнозначаща тутъ съ „русскою“.

Итакъ, Уставъ 1843 года предписывалъ во всѣхъ элементарныхъ финляндскихъ училищахъ преподаваніе отечественной (русской) исторіи, а въ высшихъ элементарныхъ училищахъ и гимназіяхъ, сверхъ того, преподаваніе географіи и статистики Россійской Имперіи. Но все это было, какъ видно, уже давнымъ давно. Съ тѣхъ поръ времена сильно перемѣнились, и мы въ настоящее время находимъ въ финляндскихъ школахъ, вмѣсто отечественной русской исторіи — отечественную финляндскую

---

* Это, впрочемъ, лишь утвержденіе г. Игнаціуса. По свѣдѣніямъ же о поступленіи новобранцевъ въ финскую армію, между ними оказывается довольно-таки безграмотныхъ. *Ред. „Моск. Вѣд.“*

** *Статистическія замѣтки.* Игнаціуса. Гельсингфорсъ. 1882, стр. 67. Цитата взята съ нѣкоторыми формально-стилистическими измѣненіями.

*** *Underdånig berättelse om Folkskoleväsendets i Finland utveckling under läseåren 1865—1886* afgifven af Öfverstyrelsen för scolväsendet. Helsingfors. 1887.

и даже шведскую, * а вмѣсто „преимущественнаго“ изученія географіи Россійской Имперіи — тоже „преимущественное“ изученіе, но только уже географіи собственно Финляндіи.

Такимъ образомъ въ современной финляндской школѣ не преподается уже спеціально ни одного такого предмета который знакомилъ бы учащихся съ Россіей. Есть, правда, въ лицеяхъ и даже низшихъ училищахъ преподаваніе русскаго языка какъ особаго предмета, но это явленіе отличается въ финляндскихъ школахъ такою неустойчивостью и такою эфемерностью что разчитывать на сколько-нибудь основательное знакомство учащихся чрезъ него съ Россіей было бы чрезвычайно опрометчиво. Чтобы не быть голословнымъ, можно сдѣлать справку о судьбѣ преподаванія русскаго языка въ финляндскихъ школахъ.

По § 7 Училищнаго Устава 1843 года, въ *двухклассныхъ* училищахъ воспитанникамъ 2го класса предоставляется проходить установленный для 1го класса высшихъ элементарныхъ училищъ курсъ ученія, и въ такомъ случаѣ воспитанникъ желающій перейти во 2й классъ высшаго элементарнаго училища обязанъ частнымъ образомъ пріобрѣсти требуемыя для такого перехода предварительныя познанія въ русскомъ языкѣ. Въ высшихъ элементарныхъ *училищахъ*, по тому же Уставу, между прочимъ, преподаются языки: русскій, финскій, нѣмецкій и французскій. Проходятся: грамматика, переводы съ сихъ языковъ и на оные, и, *сверхъ того, упражненія въ русскомъ языкѣ*, такъ чтобы воспитанники по окончаніи курса понимали русскія книги, а во Фридрихсгамскомъ элементарномъ училищѣ столь основательно чтобъ окончившіе курсъ ученики совершенно понимали русскія книги и довольно свободно выражались на семъ языкѣ изустно и письменно.

Въ *гимназіяхъ* Уставъ предписывалъ по русскому языку повтореніе грамматическихъ правилъ, упражненіе въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ, такъ чтобъ окончившій курсъ могъ правильно выражаться на семъ языкѣ изустно и письменно. Въ Выборгской же гимназіи особенно постановлено преподавать на русскомъ языкѣ словесность, риторику и начальныя основанія логики, и притомъ въ такой степени упражнять воспитанниковъ въ письменныхъ сочиненіяхъ чтобъ окончившіе курсъ могли *совершенно* свободно и правильно выражаться на русскомъ языкѣ изустно и письменно.

Изо всѣхъ только-что приведенныхъ данныхъ Высочайшаго Устава для гимназій и училищъ Финляндіи, отъ 6 ноября 1843 года, можно видѣть:

1) что русскій языкъ преподавался нѣкогда не только въ гимназіяхъ и высшихъ элементарныхъ училищахъ, но даже и въ низшихъ (на Аландѣ, въ Кекгольмѣ и Сердоболѣ);

2) что выдѣляется извѣстное учебное заведеніе изъ числа другихъ, въ данномъ случаѣ, лишь съ тѣмъ чтобы подчеркнуть, усилить въ немъ преподаваніе именно русскаго языка;

3) что преподаваніе русскаго языка не только распредѣлено по тѣмъ или другимъ видамъ школъ, но и опредѣлено качественно, указана та степень познаній какой должны достигнуть учащіеся на урокахъ русскаго языка ко времени окончанія своего курса.

Этого мало. Уставъ 1843 года своимъ § 33 требуетъ чтобы, для споспѣшествованія изученію русскаго языка въ Финляндіи, Хозяйственный Департаментъ Финляндскаго Сената опредѣлялъ изъ *русскихъ уроженцевъ*, основательно знающихъ свой языкъ, по одному экзаминатору для каждой епархіи. Экзаминаторы эти должны ежегодно посѣщать всѣ учебныя заведенія гдѣ преподается русскій языкъ, чтобъ *удостовѣряться* въ успѣхахъ воспитанниковъ по этому предмету.

---

* Въ народныхъ и низшихъ школахъ, между прочимъ, употребляется учебникъ: *C. F. Odhner's lärobok i fäderneslandets historia under författarens ledning bearbetad för folkskolan.* Эта книжка,—должно сказать, чрезвычайно хорошо изданная въ Стокгольмѣ,—есть не что иное какъ краткій курсъ отечественной (шведской) исторіи, обработанный по сочиненію извѣстнаго шведскаго историка Однера, подъ руководствомъ самого автора, для народныхъ школъ.

II.

Такого значенія, такой опредѣленности постановки, такой отчетности преподаванія русскаго языка въ финляндскихъ школахъ, какія даетъ намъ Уставъ 1843 года, мы, къ сожалѣнію, уже не встрѣтимъ въ позднѣйшихъ училищныхъ уставахъ Великаго Княжества Финляндіи.

Уже въ силу Высочайшаго постановленія 1863 года русскій языкъ *не составляетъ болѣе обязательнаго* учебнаго предмета въ финляндскихъ элементарныхъ училищахъ, и обученіе сему языку предоставлено выбору тѣхъ учениковъ которые имѣютъ въ знаніи его надобность для будущихъ своихъ цѣлей. Въ гимназіяхъ ученикамъ предоставляется на выборъ обучаться двумъ изъ слѣдующихъ трехъ языковъ: греческаго, русскаго и французскаго. При поступленіи въ студенты Гельсингфорсскаго Александровскаго университета, экзаменъ изъ русскаго языка *не обязателенъ*.

Такое положеніе русскаго языка въ финляндскихъ школахъ было нѣсколько улучшено 30 ноября 1871 года.

Пунктъ четвертый Высочайшаго Объявленія о преобразованіи элементарныхъ училищъ въ Финляндіи предписываетъ чтобы въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ русскій языкъ составлялъ *обязательный* предметъ обученія, съ такимъ числомъ часовъ какое необходимо требуется для *основательнаго* его изученія.

Но въ такомъ положеніи преподаваніе русскаго языка оставалось не долго.

По Высочайшему постановленію отъ 23 августа 1883 года предписывалось преподавать русскій языкъ въ классическихъ и реальныхъ лицеяхъ (гимназіяхъ), въ четырехклассныхъ и двухклассныхъ элементарныхъ школахъ, за *исключеніемъ разрѣшаемаго* въ трехъ высшихъ классахъ классическихъ лицеевъ *права выбора между русскимъ и греческимъ* языками, а въ четырехклассныхъ школахъ (во 2 классѣ) между *русскимъ и латинскимъ*.

Ясно къ какому упадку клонилось съ теченіемъ времени дѣло преподаванія русскаго языка въ финляндскихъ школахъ. Ясно не только изъ указанныхъ общихъ законодательныхъ положеній, но и изъ частныхъ примѣровъ школьной практики, которая имѣетъ въ данномъ случаѣ тѣмъ большее значеніе что является законною восполнительницей чрезвычайно неопредѣленныхъ требованій законодательствъ измѣнившихъ преподаваніе русскаго языка въ финляндскихъ школахъ, начиная съ 1863 года. Предписывалось, какъ сейчасъ сказано, въ лучшихъ случаяхъ „основательное изученіе“ русскаго языка— и только; никакой степени основательности ближайшимъ образомъ, какъ это было сдѣлано уставомъ 1843 года, теперь не опредѣлялось. Поэтому отдѣльныя указанія школьной практики за послѣднія 25—30 лѣтъ и являются важнымъ разъясненіемъ неопредѣленныхъ законодательныхъ постановленій.

Что же даютъ эти указанія школьной практики въ Финляндіи?

Въ отношеніи количества учебныхъ часовъ отводимыхъ на преподаваніе русскаго языка наблюдается постепенное ихъ ограниченіе. По уставу 1843 года, максимумъ недѣльныхъ уроковъ русскаго языка во Фридрихсгамскомъ четырехклассномъ училищѣ — 26; въ двухклассныхъ гимназіяхъ Абоской, Боргоской, Вазаской и Куопіоской полагалось по 20 недѣльныхъ уроковъ русскаго языка; а въ шестиклассной Выборгской—цѣлые 40 уроковъ. Уставъ 1872 года, — болѣе благопріятный для преподаванія русскаго языка въ финляндскихъ школахъ чѣмъ уставъ 1863 года,—вызвалъ, напримѣръ, такое распредѣленіе русскихъ недѣльныхъ уроковъ въ Гельсингфорсскомъ реальномъ училищѣ: въ 1 классѣ 6 уроковъ въ недѣлю; во 2мъ также 6 уроковъ, въ 4мъ и 7мъ классахъ по 4 урока въ каждомъ, а въ 3мъ, 5мъ и 6мъ классахъ по 5 уроковъ; всего, стало-быть, недѣльныхъ уроковъ по русскому языку полагалось въ семиклассномъ учебномъ заведеніи 35.

Предписаніемъ Финляндскаго Сената Главному Управленію училищнаго вѣдомства отъ 23 сентября 1884 года, на русскій языкъ въ томъ же Гельсинг-

форсскомъ реальномъ училищѣ полагается уже всего *30* недѣльныхъ уроковъ во всѣхъ *восьми* классахъ училища.

Еще замѣтнѣе ограниченіе количества учебныхъ часовъ, и даже тѣхъ классовъ гдѣ преподается русскій языкъ, къ 1888—1889 учебному году. Въ классической Абоской гимназіи въ это время преподаваніе русскаго языка начиналось уже не съ 1го, а только съ 3го класса.

Можно себѣ вообразить какъ „основательно“, при такихъ условіяхъ, изучаютъ Финляндцы въ своихъ школахъ русскій языкъ, о непреоборимой трудности котораго они разсуждаютъ даже въ своихъ школьныхъ христоматіяхъ, назначаемыхъ для чтенія въ народныхъ школахъ. *

* *Boken om vårt land*, af Topelius *(Книга о нашей странѣ* Топеліуса), p. 234.

III.

Соотвѣтственно постепенному ограниченію количества учебныхъ часовъ по русскому языку, происходило, конечно, и постепенное урѣзываніе курса по этому предмету. Мы видѣли что уставъ 1843 года требовалъ преподаванія на русскомъ языкѣ русской словесности, риторики и начальныхъ свѣдѣній по логикѣ. Учебные планы 1873 года предписываютъ еще въ старшемъ классѣ семиклассныхъ лицеевъ проходить на урокахъ русскаго языка по-русски русскую исторію или исторію литературы. * Въ тѣхъ же лицеяхъ, судя по ихъ отчетамъ за 1888—1889 учебные годы, курсъ по русскому языку ограничивался изученіемъ русской грамматики и переводами съ русскаго языка на „отечественный“ отдѣльныхъ фразъ и небольшихъ отрывковъ по христоматіямъ.

Такимъ образомъ курсъ русскаго языка въ настоящее время въ финляндскихъ элементарныхъ школахъ не только не превышаетъ курса „иностранныхъ“ языковъ, но иногда, какъ, напримѣръ, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, стоитъ даже значительно ниже курса французскаго и нѣмецкаго языковъ. Естественно что при такой постановкѣ преподаванія финляндское учащееся юношество на урокахъ по русскому языку ничуть не знакомится съ Россіей и не можетъ даже хоть сколько-нибудь сносно изучить русскаго языка. Кромѣ того, при недостаткѣ времени, такому изученію положительно препятствуетъ тотъ „чухонизованный“ русскій языкъ который преподносится ученикамъ для изученія. Привожу на выдержку, съ двухъ смежныхъ (224—225) страницъ *Практическаго учебника русскаго языка*, Линдфорса, двѣ фразы которыя ученики должны перевести на „отечественный“ (то-есть шведскій или финскій) языкъ:

„Славная побѣда на Невѣ, одержанная *во самое время* (шведизмъ: sammatid), когда предки наши терпѣли столько горя отъ злыхъ Татаръ, доставила храброму Александру названіе Невскаго. Должность воина *есть быть храбру* въ бояхъ, кротку во время переходовъ и пребыванія въ мирныхъ земляхъ.“

Понятно что, послѣ такого ученія, въ Финляндіи пишутъ по-русски совсѣмъ безграмотно, а говорятъ до крайности неправильно даже люди образованные въ другихъ отношеніяхъ.

Чѣмъ же объясняется такого рода постепенное паденіе преподаванія русскаго языка въ финляндскихъ школахъ? По чьему собственно желанію оно происходитъ? Невѣроятно чтобы Русское правительство само и добровольно старалось воспитать финляндское юношество, если не въ прямой непріязни, то въ полномъ невѣжествѣ относительно Россіи. Это тенденціи самихъ Финляндцевъ. Дѣло въ томъ что въ § 5 Высочайше утвержденнаго Училищнаго Устава, 8 августа 1872 года, сказано:

„Въ какомъ порядкѣ предметы должны

* *Storfurstendömet Finlands Författningssamling för 1873.* (*Сборникъ постановленій Вел. Княж. Финл.* № 1).

входить въ преподаваніе, и сколько учебныхъ часовъ въ недѣлю въ каждомъ учебномъ заведеніи и различныхъ его классахъ назначить каждому изъ сихъ предметовъ, равно объемъ каждаго предмета въ разныхъ классахъ, опредѣляется учебными планами и курсами *имѣющими быть составляемы (!) Главнымъ Управленіемъ* училищнаго вѣдомства и утвержденными Хозяйственнымъ Департаментомъ Финляндскаго Сената, по совѣщанію съ генералъ-губернаторомъ. Если же по такому вопросу генералъ-губернаторъ будетъ не одинаковаго мнѣнія съ большинствомъ Сената, то дѣло это повергается на Собственное Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе."

Повидимому, все обстоитъ благополучно: русскій генералъ-губернаторъ, конечно, не допуститъ анти-русскаго направленія въ финляндскихъ школахъ. А между тѣмъ, если сравнить финляндскую школу сороковыхъ и даже начала семидесятыхъ годовъ съ теперешнею, то анти-русскій характеръ ея теперь не будетъ подлежать сомнѣнію. Отчего же это произошло? Дѣло просто. Генералъ-губернаторъ, за массой крупнѣйшихъ и безотлагательныхъ административныхъ дѣлъ, не можетъ, конечно, просматритать распредѣленія занятій каждаго учебнаго заведенія въ Финляндіи. Но допустимъ даже что онъ просмотритъ эти распредѣленія, а съ нѣкоторыми изъ нихъ, или со всѣми, не согласится: его засыплютъ возраженіями, и все на законныхъ основаніяхъ; укажутъ на мѣстныя условія такой-то школы, приведутъ множество параграфовъ школьныхъ уставовъ за много лѣтъ... А между тѣмъ въ распоряженіи генералъ-губернатора свѣдущихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастныхъ въ этой области людей не оказывается: вездѣ и и всюду Финляндцы, дѣйствующіе съ замѣчательнымъ единодушіемъ.

Въ силу такого положенія вещей, значеніе „совѣщанія" Финляндцевъ съ генералъ-губернаторомъ, предусмотрѣннаго § 5 Училищнаго Устава 1873 года, не велико, что̀ видно и изо всего хода дѣла преподаванія русскаго языка въ Финляндіи.

IV.

„Надлежитъ устроить преподаваніе предметовъ такъ чтобъ оно не порождало ложныхъ понятій о религіи и общественномъ порядкѣ. Вообще въ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ не должно касаться незрѣлыхъ мнѣній и теорій."

§ 6 Высочайше утвержденнаго устава для гимназій и училищъ Великаго Княжества Финляндскаго отъ 6 ноября 1843 года.

Откуда же и какія понятія о Россіи выноситъ финляндское юношество, если преподаваніе собственно русскаго языка такихъ понятій ему не даетъ? Разсмотримъ преподаваемыя вообще ученикамъ финляндскихъ школъ свѣдѣнія. О нихъ находимъ указанія въ годичныхъ отчетахъ по школамъ. Но эти отчеты обозначаютъ обыкновенно пройденный учениками курсъ по какому-либо предмету просто параграфами извѣстнаго по этому предмету учебника. Остается обозрѣть, очень немногочисленныя впрочемъ, общепринятыя въ финляндскихъ школахъ учебныя руководства.

Просматривая эти книжки, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, въ руководствахъ по исторіи, географіи, исторіи Церкви,—можно найти кое-какія куріозныя свѣдѣнія, въ родѣ того что „Петербургская губернія принадлежитъ къ Остзейскимъ провинціямъ"; * что „православные священники въ случаѣ вдов-

* См. *Program öfver Verksamheten i svenska Fruntimmersskolan och Fortbildnings läroverket i Helsingfors under läsearet* 1887—1888. (*Отчетъ о дѣятельности шведской женской школы и заведенія для высшаго женскаго образованія въ Гельсингфорсѣ за 1887 — 1888 учебный годъ.*)

ства должны поступать въ монастыри“; * что Петръ Великій объявилъ себя главой церкви, ** и т. п.

Во всѣхъ подобныхъ свѣдѣніяхъ, въ самой скудости и странности ихъ, сказывается извѣстная тенденція, которая, однако, съ положительной своей стороны, пожалуй, ни въ одномъ другомъ учебникѣ не проявляется съ такою ясностью и силой какъ въ книгѣ бывшаго профессора Александровскаго Гельсингфорсскаго университета и современнаго извѣстнѣйшаго въ Финляндіи писателя — Захаріи Топеліуса. На шведскомъ и на финскомъ языкахъ книга эта пользуется чуть ли не самою большою распространенностью среди финляндскаго учащагося юношества. Ее употребляютъ въ качествѣ книги для чтенія не только въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, но даже и въ народныхъ школахъ, гдѣ по ней сообщаются ученикамъ историческія свѣдѣнія въ связи съ элементарными понятіями о политическомъ устройствѣ Финляндіи. *Boken om vårt land* (*Книга о нашей странѣ*) Топеліуса представляетъ нѣчто въ жанрѣ *Родины* г. Радонежскаго.

„Да благословитъ Господь“,—говорится въ предисловіи книги Топеліуса,—„да благословитъ Господь, силой Котораго и производится въ насъ все хорошее, эту несовершенную работу, да послужитъ она Его царствію и насадитъ во многихъ юныхъ сердцахъ любовь къ отчизнѣ!... Говорить финляндскому дитяти и юношѣ объ ихъ странѣ значитъ сѣять въ майскій дождь и въ плодородную почву.“

Чѣмъ же засѣваетъ профессоръ Топеліусъ воспріимчивыя души финляндскаго юношества?

Съ первой же страницы *Boken om vårt land* дѣлается ясно что авторъ книги имѣетъ въ виду не столько удобопонятность предлагаемаго юному читателю матеріала, сколько самыя понятія излагаемыя въ тѣхъ или другихъ статьяхъ: внушаются прежде всего задушевныя мысли самого автора.

Въ самомъ началѣ книги,—предназначаемой, надо помнить, главнымъ образомъ для народныхъ школъ,—помѣщается поэтическое стихотворное воззваніе въ Финляндіи, въ которомъ она, между прочимъ, приглашается пробудиться къ какимъ-то *новымъ временамъ и отереть свои тайныя слезы*. Врядъ ли пойметъ здѣсь ребенокъ хоть что-нибудь. Во второй статейкѣ дается понятіе о родномъ кровѣ, а въ третьей—объ отчизнѣ. Разъясненіе этого послѣдняго понятія не лишено нѣкотораго интереса:

Ребенокъ спрашиваетъ у своей матери, вся ли земля которую онъ видитъ изъ своего дома называется его *отечествомъ*. Мать отвѣчаетъ что не только вся видѣнная имъ земля, но и еще гораздо больше земли называется *Финляндіей*. Прежде твоего отца, продолжаетъ мать, жилъ въ этой же странѣ твой дѣдушка; до него здѣсь жилъ его отецъ и дѣдъ, и жили они не только на этомъ дворѣ, а на многихъ и даже въ различныхъ частяхъ этой страны. Эта страна была ихъ, и потому она наше отечество, отчизна, которая перешла по наслѣдству къ намъ, ихъ дѣтямъ. Эту страну, которую наши предки любили и защищали до послѣдней капли крови, должны и мы любить и защищать. Она воспитываетъ насъ въ страхѣ Божіемъ и во всякой человѣческой добродѣтели. Она защищаетъ насъ своимъ правительствомъ и законами чтобы никто не поступалъ съ нами несправедливо. Поэтому-то эта страна есть какъ бы нашъ большой родной кровъ. Ты долженъ любить отечество больше матери, больше самого себя, больше своего роднаго крова, больше даже своей жизни, но не больше твоего Бога, твоей чести и совѣсти.

Ребенокъ не понимаетъ этихъ словъ матери о любви къ отечеству до слѣдующаго необыкновеннаго случая. Однажды мать отправляется, въ сопровожденіи ребенка, на рѣчку мыть бѣлье, поскальзывается и падаетъ въ воду. Дитя безо всякихъ разсужденій, съ явною

---

* *Lärobok i geografin*, af Modeen. 7 uppl. (*Учебникъ по географіи* Модена, 7-е изданіе.) 1885 p. 28 och. 35.

** *Lärobok i Kyrkohistorien för elementarläroverken*, af Cornelius. 11 uppl. (*Учебникъ по церковной исторіи для элементарныхъ учебныхъ заведеній*, Корнеліуса, 11-е изданіе.) 1885 p. 101 och. 102.

опасностью для своей жизни, бросается спасать свою мать, что ему и удается сдѣлать. Придя въ себя, мать спрашиваетъ:

— Почему же ты для меня рисковалъ своею жизнью?

— Я ничего не думалъ. Какъ могъ я видѣть тебя въ опасности и не помочь тебѣ? Я долженъ былъ рискнуть для тебя своею жизнью.

— Да, ты долженъ, сказалъ въ твоемъ сердцѣ голосъ Божій. Точно такъ же будетъ и тогда когда отечество твое будетъ въ опасности. Ты не будешь много разсуждать тогда.

Въ этихъ разсужденіяхъ финляндскаго профессора чувствуется какая-то несомнѣнная фальшь. Здѣсь происходитъ та же подтасовка понятій какую мы уже видѣли въ замѣнѣ выраженія „отечественная исторія“ выраженіемъ „финляндская исторія“. Г. Топеліусъ смѣшиваетъ два различныя понятія: „родина“ и „отечество“. Расширяя понятіе родины съ одной стороны и суживая понятіе отечества съ другой, профессоръ достигаетъ этимъ насильственнаго отожествленія двухъ разныхъ понятій. На самомъ же дѣлѣ Финляндія для Финляндца несомнѣнно родина, но отечество для него не только Финляндія, но и Россія, нераздѣльную часть которой составляетъ сама Финляндія. Узкость взгляда профессора Топеліуса обусловлена отнюдь не педантизмомъ или какою-либо схоластикой его метода, а прямо вытекаетъ изъ его слѣпаго пристрастія ко всему финляндскому, пристрастія, по винѣ котораго онъ иногда даже противорѣчитъ себѣ.

Что такое Россія для „финляндскаго дитяти“, по изображенію Топеліуса? Одна изъ пограничныхъ Финляндіи земель, подобно Швеціи съ Норвегіей и Эстляндіи съ Лифляндіей, *принадлежащихъ Россіи*. О принадлежности же самой Финляндіи той же Россіи нѣтъ, конечно, и помину.

Идолопоклонство своему „отечеству“, своей Финляндіи, въ *ущербъ* любви и уваженія ко всему не-финляндскому, и особенно ко всему русскому, сказывается не у одного Топеліуса, а и вообще въ произведеніяхъ финляндской литературы, которыми, какъ, напримѣръ, пресловутыми *Fänrik Ståls sägner* Рунеберга,* финляндскіе педагоги и не упускаютъ случая широко пользоваться въ своихъ школахъ. Тѣ свѣдѣнія о Россіи которыя они еще находятъ нужнымъ сообщать ученикамъ отличаются крайнею скудостью, поверхностностію и даже прямо ложностью, — и всегда въ ущербъ хорошему понятію о Россіи.

Вотъ какія, приблизительно, свѣдѣнія находимъ мы въ книгѣ Топеліуса въ главѣ о Русскихъ:

„Финны и Русскіе *живутъ такъ близко другъ къ другу* что, конечно, имъ приходится часто бывать однимъ у другихъ и по торговымъ, и по инымъ дѣламъ. Отъ этого произошло что много Финновъ осѣли въ Россіи и многіе Русскіе—въ Финляндіи. Изъ этихъ Русскихъ одни сдѣлались купцами, а другіе накупили себѣ имѣнія, иные же работаютъ какъ каменщики, огородники и разные ремесленники. Русскихъ больше въ восточной и южной чѣмъ въ сѣверной и западной Финляндіи. Кромѣ осѣдлаго русскаго населенія, въ странѣ есть еще русскія войска: одни изъ нихъ, пробывъ въ Финляндіи нѣсколько времени, смѣняются другими. Иногда, впрочемъ, безсрочно-отпускные солдаты чувствуютъ себя такъ хорошо въ Финляндіи что поселяются въ ней навсегда. Говоря, однако, вообще, поселившихся въ Финляндіи Русскихъ немного, и они причисляются къ населенію страны. *Бо́льшая часть изъ нихъ выучивается языку страны, и ихъ дѣти вырастаютъ уже какъ туземцы.* (Къ сожалѣнію, эти слова г. Топеліуса совершенно справедливы: поселившіеся въ Финляндіи Русскіе совершенно очухониваются, такъ что даже не говорятъ по-русски и ходятъ

---

* *Fänrik Ståls sägner*—*Разсказы прапорщика Столя*—такъ называется собраніе стихотвореній на шведскомъ языкѣ, въ которыхъ финляндскій поэтъ Рунебергъ (умершій въ 1877 году) воспѣлъ финляндскую войну 1808—1809 годовъ. Геройство Финляндцевъ сражавшихся тогда, въ рядахъ шведскихъ войскъ и въ качествѣ партизановъ, противъ Русскихъ изображается въ этихъ стихотвореніяхъ въ крайне преувеличенномъ видѣ. *Прим. Ред. „Моск. Вѣд.“*

въ шведскія церкви: однѣ фамиліи напоминаютъ объ ихъ національности.) Всѣ Русскіе исповѣдуютъ совершенно особенную христіанскую вѣру, такъ-называемую греческую. Въ нѣкоторыхъ городахъ есть ихъ церкви съ восковыми свѣчами, картинами и образами. Въ Выборгской губерніи есть и Финны православные. Въ былыя военныя времена въ Финляндіи не очень-то были рады Русскимъ; тогда они приходили какъ непріятели. Теперь же они приходятъ въ качествѣ друзей, сосѣдей и *союзниковъ* (bundsförvandter). И хотя они очень разнятся отъ финляндскаго населенія и говорятъ такимъ языкомъ *которому трудно выучиться*, однако уживаются съ туземцами."

V.

Но не на мирной картинѣ дружественныхъ отношеній Русскихъ и Финляндцевъ сосредоточивается вниманіе финляндскихъ педагоговъ: такого рода предметъ кажется имъ недостаточно развивающимъ геройскій духъ и патріотизмъ финляндскаго юношества.

„Война 1808—1809 годовъ есть такое значительное и богатое послѣдствіями событіе финляндской исторіи,"—восклицаетъ одинъ педагогъ, *—„что съ нимъ никогда не рано познакомиться. Едва ли найдется хоть одинъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ который бы уже не слыхалъ разказовъ *о золотомъ времени нашихъ побѣдъ, нашихъ трудовъ и нашей славы*, и который бы не зналъ хотя по именамъ героевъ этой войны."

Вотъ эта-то эпоха, вотъ эти-то отношенія къ Русскимъ, какъ ко врагамъ, и составляютъ предметъ особенно тщательнаго изученія въ финляндской школѣ. Для ближайшаго и подробнѣйшаго ознакомленія съ ходомъ знаменитой войны, помимо соотвѣтствующаго отдѣла книги Топеліуса, даютъ ученикамъ для чтенія спеціально этому вопросу посвященную книгу: *Finska krigat 1808—1809 (Финская война 1808—1809 года)* Björlin'a. Книга эта, прекрасно изданная въ Стокгольмѣ и дешевая, даетъ, между прочимъ, 18 картъ и 16 портретовъ военныхъ дѣятелей, но не Русскихъ, конечно. Приведемъ нѣкоторыя любопытныя для насъ данныя этой книги: **

Когда наступила пора разлуки между Швеціей и Финляндіей, когда русскія войска шли силой разъединить двухъ старыхъ друзей, тогда воскресла братская любовь этихъ народовъ, тогда Финны вдругъ ясно увидѣли все то добро которое оказали имъ ихъ учители Шведы, которые, будучи ихъ побѣдителями, всегда, однако, относились къ нимъ какъ къ равнымъ. * Любовь къ *общему отечеству* (то-есть не къ Россіи, конечно) загорѣлась.

Въ продолженіе войны Финны выдержали такъ много испытаній прочности своей дружбы къ Швеціи, принесли такія неслыханныя жертвы что это дѣлаетъ вѣчную честь не только Финнамъ, но и старой, доброй Швеціи. Русскіе съ самаго начала кампаніи засылали къ Финнамъ парламентеровъ съ различными коварными заявленіями, подкидывали прокламаціи самаго заманчиваго свой-

---

* См. статью К. Lindström'a въ отчетѣ *Nya svenska lärovärket i Helsingfors* (*Новое шведское учебное заведеніе*), 1888—89, стр. 60—61.

** Книга эта переведена также и на финскій языкъ и издана въ Гельсингфорсѣ въ 1885 году. *Прим. Ред. „Моск. Вѣд."*

* Насколько это вѣрно, видно изъ слѣдующихъ словъ К. Ф. Ордина:

„Принадлежавъ столѣтіями Швеціи, заимствовавъ отъ нея въ большей части свою культуру, принимавъ участіе во всѣхъ ея счастливыхъ и несчастныхъ судьбахъ, Финляндія постоянно была, однако, въ отношеніи къ Швеціи, въ положеніи пасынка. Войскамъ ея не оказывалось полнаго довѣрія: у финскихъ полковъ по большей части командиры были Шведы. Шведскіе короли вообще не особенно благоволили къ финскимъ своимъ подданнымъ, признавая въ нихъ грубыхъ, угрюмыхъ и дерзкихъ мужиковъ."(*Покореніе Финляндіи.* Томъ II, стр. 2.)

ства, старались подкупить ихъ деньгами, наконецъ, угрожали имъ. Такъ, русскій главнокомандующій Буксгевденъ послалъ къ Нюландцамъ парламентера съ предложеніемъ прекратить сопротивленіе, потому будто бы что Русскіе вовсе не враги Финнамъ, а пришли только заставить ихъ короля исполнить принятыя имъ на себя обязательства. Русскіе, *вѣрные своей привычкѣ*, стали разными способами склонять Финновъ добровольно сложить оружіе: у финскаго авангарда были воткнуты въ снѣгъ палки съ прибитыми на нихъ царскими плакатами. Государь обѣщалъ всѣ блага земныя тѣмъ Финнамъ которые измѣнили бы шведскимъ знаменамъ. Но несмотря ни на подобные соблазны, ни на тѣ нужды которыя ожидали ихъ впереди, Финны оставались непоколебимо вѣрными, и эта стойкость ихъ, наконецъ, возбудила къ нимъ въ Русскихъ злобу. Тучковъ рѣшилъ, что „добрымъ словомъ“ ничего съ Финнами не подѣлать, и потому захотѣлъ нагнать на нихъ страхъ.

Допустимъ что только-что изложенные и приводимые въ книгѣ Björlin'а факты сами по себѣ вѣрны; но уже несомнѣнно ложно ихъ освѣщеніе: желая во что бы то ни стало поставить Финновъ на пьедесталъ, авторъ совершенно невѣрно толкуетъ и иллюстрируетъ указанные факты. Онъ и не упоминаетъ даже о тѣхъ интригахъ нѣкоего финляндскаго барона Спренгтпортена, которыя весьма обстоятельно раскрыты въ изслѣдованіи К. Ф. Ордина и которыми совершенно удовлетворительно объясняется тотъ неприглядный характеръ дѣйствія Русскихъ, который такъ старательно подчеркиваетъ Björlin:

„Александръ I“,—говоритъ г. Ординъ,—„приступая къ войнѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ воздѣйствію на умы Финляндцевъ, безо всякаго сомнѣнія, имѣлъ въ виду интересы Россіи; но представленія о нихъ и о путяхъ къ ихъ обезпеченію были затемнены вліяніями тѣхъ людей которые случайно его въ это время окружали. Изъ нихъ вліяніе барона Спренгтпортена было, безъ сомнѣнія, наиболѣе сильно.

„Совѣтникъ еще бабки Екатерины по шведскимъ и финскимъ дѣламъ, хотя и на одну только кампанію, престарѣлый теперь генералъ-отъ-инфантеріи, Спренгтпортенъ явился въ роли совѣтника и при внукѣ. Проповѣдникъ образованія изъ Финляндіи самостоятельнаго государства, подъ фиктивнымъ покровительствомъ Россіи.. увлекающійся, самолюбивый и попрежнему легкомысленный, несмотря на свои 66 лѣтъ, вовсе отставшій отъ края, куда онъ не имѣлъ и доступа, Спренгтпортенъ увѣрялъ что Финляндцы бросятся въ объятія Русскихъ, какъ только они появятся. Эту увѣренность онъ старался внушить императору Александру и успѣвалъ, благодаря положенію эксперта и знатока финляндскихъ дѣлъ. Его программа придавала второстепенное значеніе военнымъ дѣйствіямъ и вся опиралась на силу нравственнаго вліянія и политическихъ маневровъ.

„Въ числѣ первыхъ мѣръ воздѣйствія Спренгтпортенъ признавалъ прокламаціи, которыя должны были предупредить вступленіе войскъ. Дѣйствительно, одновременно съ первыми приготовленіями къ движенію въ шведскую Финляндію, въ Петербургѣ озаботились составленіемъ воззванія къ ея жителямъ. Оно признавалось тѣмъ болѣе необходимымъ что Шведское правительство, вручивъ Русскому двору ноту, въ коей Густавъ отказывалъ въ исполненіи договоровъ 1780 и 1800 годовъ, одновременно почти издало отъ имени главнокомандующаго войсками воззваніе къ населенію Финляндіи.“ *

Такимъ образомъ ясно что всѣ эти засылки парламентеровъ, подбрасыванія прокламацій и тому подобныя дѣйствія Русскихъ проистекали вовсе не изъ трусости, или изъ низкихъ понятій о нравственности и воинской чести, какъ заставляетъ своими недомолвками въ одномъ отношеніи и разглагольствованіями въ другомъ подозрѣвать Björlin, а имѣли своимъ источникомъ довѣрчивость къ Финляндцамъ же.

Еще съ большею подробностью и съ неменьшею тенденціозностію чѣмъ въ

---

* *Покореніе Финляндіи*, К. Ордина. Т. II стр. 6, 7 и 19.

указанномъ выше случаѣ, останавливается Björlin на изображеніи жестокостей Русскихъ въ Финляндіи. Приведу только нѣкоторыя изъ указаній Björlin'a:

„Жертвъ русской жестокости въ войну 1808—1809 года“, по его словамъ, „было такъ много что даже въ отдаленной отъ театра войны Швеціи пришлось хлопотать какъ бы облегчить положеніе вдовъ и дѣтей бѣжавшихъ съ той стороны Ботническаго залива отъ *безчеловѣчнаго* обращенія Русскихъ. Насиліемъ и жестокостями разнаго рода заставляли Русскіе жителей занятыхъ ими частей страны признавать своего государя самодержавнымъ властителемъ Финляндіи. Не подчинись этому требованію—и казакъ съ горящею головней въ рукахъ уничтожаетъ въ нѣсколько минутъ имущество и благосостояніе тысячъ людей. Занятіе Вазы сопровождалось, по словамъ одного очевидца“, пишетъ Бьерлинъ, „страшными злодѣяніями. Небольшими шайками Русскіе разсѣялись по всему городу. Приблизившись къ дому предназначенному къ разграбленію, солдаты прежде всего разбивали оконныя стекла, затѣмъ вбѣгали въ домъ и застрѣливали или закалывали штыками всѣхъ кто не успѣвалъ спрятаться. Все пожиралось, ломалось и портилось. Среди такихъ ужасовъ, среди жестокостей насилія надъ женщинами и дѣтьми, надъ больными и умирающими, надъ плѣнными и ранеными, русскій генералъ Демидовъ и губернаторъ Эминъ разъѣзжали верхомъ по улицамъ, въ высшей степени наслаждаясь этимъ зрѣлищемъ и покрикивая: „добро“ (dobra) и „хорошо“ (karascha). Знатнѣйшія городскія женщины умоляли Эмина о пощадѣ своихъ дѣтей, но этотъ человѣкъ (чуть ли, однако, не финляндскаго происхожденія *), чье одно имя наводило ужасъ и вызывало проклятія, отвѣчалъ на все насмѣшками и оскорбленіями, обѣщаясь весь городъ сравнять съ землей. Разграбленіе города продолжалось нѣсколько дней; окрестности его были также опустошены, и нѣсколько крестьянъ безчеловѣчно замучены.“

Расписывая такъ чувствительно и подробно „звѣрскія дѣянія Русскихъ“, Björlin опять-таки умалчиваетъ о фактахъ подобныхъ, напримѣръ, донесенію Барклая-де-Толли Кнорингу:

„Въ кратковременное пребываніе русскихъ войскъ на Шведскомъ берегу“, доносилъ Барклай, „соблюдали они совершенный во всемъ порядокъ: ни одинъ обыватель не имѣлъ причины принести ни малѣйшей жалобы; поведеніе и дисциплина россійскаго солдата произвели здѣсь всеобщее удивленіе. Мнѣ восхитительно было слышать всѣ неисчислимыя похвалы сему побѣдоносному войску, со вступленіемъ коего жители въ отчаяніи полагали быть на вѣкъ несчастливыми. Умеоскій губернаторъ, съ депутаціей отъ дворянства, купечества и поселянъ, изъявили мнѣ благодарность, со слезами на глазахъ, за великодушное съ ними обращеніе войска.“

Только вскользь указываетъ Björlin на жестокости Финляндцевъ въ отношеніи къ Русскимъ, да и то спѣшитъ оговорить что эти жестокости были справедливымъ возмездіемъ за звѣрство Русскихъ. А между тѣмъ, жестокости партизанской войны Финляндцевъ были многочисленны * и вызывали строгія мѣры, а не вызывались возмездіемъ Русскимъ. Что касается до злодѣяній Русскихъ въ Вазѣ, то все это дѣло у Björlin'a представлено совершенно въ ложномъ свѣтѣ: по его изображенію, Русскіе разграбили и опустошили Вазу просто по своему звѣрству и варварству, не зная обычаевъ „политичныхъ народовъ“.

Въ дѣйствительности же дѣло было вотъ какъ. Генералу Демидову, уже *занимавшему Вазу*, 13 іюня было дано знать о десантѣ Шведовъ вблизи отъ города. Демидовъ подумалъ что всѣ высаженные на берегъ непріятели идутъ на Смедсбю, почему и поспѣшилъ имъ на встрѣчу, оставивъ въ Вазѣ двѣ роты

---

* Дѣствительный статскій совѣтникъ Эминъ, губернаторъ выборгскій, былъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

* См., между прочимъ, выше, статью „Яхта *Царевна* и Воспоминанія“, стр. 121—124.

для содержанія карауловъ и при тяжестяхъ. Пока Демидовъ былъ на маршѣ туда гдѣ надѣялся застать непріятелей, главная колонна Шведовъ, болѣе 1.500 человѣкъ регулярныхъ войскъ, пробравшись скрытно по другой дорогѣ, вступила въ Вазу. Узнавъ о томъ, Демидовъ возвратился и засталъ Шведовъ утвердившимися въ городѣ. Завязалось упорное дѣло. Каждую улицу и каждый домъ надлежало брать приступомъ. Русскіе, однако, побѣдили. Демидовъ не преслѣдовалъ непріятелей и, по отступленіи ихъ, ограничился мѣрами для удержанія за собою города на случай вторичнаго нападенія, ибо во время сраженія получены были имъ извѣстія о большихъ скопищахъ вооруженныхъ поселянъ шедшихъ на помощь Шведамъ. Во время дѣла, *вазскіе жители стрѣляли въ нашихъ изъ оконъ, вмѣстѣ съ засѣвшими въ домахъ шведскими солдатами*, отъ чего, при вторженіи въ дома, для изгнанія оттуда непріятелей, и произошли всѣ „ужасы“. *Виновниками несчастія оказались сами жители, сражавшіеся заодно со своими соотечественниками.*

Тенденціозность и пристрастіе Björlin'a, однако, яснѣе всего выступаютъ въ тѣхъ ни на чемъ не основанныхъ и голословныхъ, но тѣмъ не менѣе аподиктически высказываемыхъ гипотезахъ и соображеніяхъ, которыя разсыпаны въ его книгѣ:

„Клингспоръ“ (главнокомандующій шведскою арміей), по мнѣнію Björlin'a, подарилъ Русскимъ то чего они не могли добиться ни лестью, ни золотомъ, ни угрозами.

„Не будь Клингспоръ такъ трусливъ, для Русскихъ, *конечно* (?!), очень скоро насталъ бы послѣдній день ихъ движенія впередъ. Еще за нѣсколько дней до роковаго для Финновъ сраженія при Орнвайсѣ представлялась возможность измѣнить ходъ войны: Дѣбельнъ предлагалъ такой планъ, по которому русскія войска попадали (!) между двухъ огней, такъ что Русскій Царь никогда бы уже ничего не услыхалъ о своей арміи.“

И такія книги не только допускаются, но даже рекомендуются для чтенія ученикамъ финляндскихъ школъ. Остается только удивляться недобросовѣстности финляндскихъ педагоговъ прежде всего въ отношеніи къ ихъ воспитанникамъ, а затѣмъ и въ отношеніи къ наукѣ и къ намъ, Русскимъ. На одной изъ послѣднихъ страницъ своей книги, Björlin приводитъ рѣчь генерала Дѣбельна.

„Воины — товарищи и братья!“ говорилъ между прочимъ Дѣбельнъ, обращаясь къ Финнамъ: „Въ истекшую войну вы противились усердно и мужественно многочисленному непріятелю, побѣдили его при Сикаіоки, Ревolаксѣ, Пулькилло, Лаппо, Кухаіоки, Алаво, Лапфордѣ, Иденсальмѣ, и, вынужденные превосходствомъ числа оставить Финляндію, сражались упорно за землю шведскую. Вы составляете драгоцѣнные остатки храбраго финскаго воинства. Вамъ долженъ я съ сердечнымъ умиленіемъ изъявить искреннюю признательность короля, государственныхъ чиновъ, Шведскаго народа, шведской арміи, наконецъ, мою собственную. Вашимъ подвигамъ соразмѣрна благодарность, мною вамъ изъявленная отъ имени всѣхъ. И вы, шведскія войска, здѣсь присутствующія, будьте свидѣтелями неограниченной признательности отечества и т. д... Финны! возвратясь въ свои дома, передайте благодарность Швеціи и вашему народу. Врагами Шведской земли вы никогда не можете сдѣлаться, въ томъ я убѣжденъ, но пребудете всегда ея друзьями. Если могущество Русскаго правительства воспрепятствуетъ исполненію вашихъ желаній и воли, изливайте на прежнюю *отчизну* безмолвныя благословенія! Напоминайте о ней дѣтямъ вашимъ. Изъ рода въ родъ будемъ мы благословлять и почитать васъ. Такъ вы и всѣ мы увѣрены во взаимной любви. Братство воиновъ длится во всю жизнь, и благодарность, которую я изъявилъ вамъ и опять изъявляю, находится въ глубинѣ сердецъ нашихъ.“ (По переводу Михайловскаго-Данилевскаго.)

VI.

Вѣчною признательностью Финляндіи обязана не только Швеція, но,—какъ оказывается по финляндскимъ учебникамъ,—и Россія...

Это нѣсколько удивляетъ, но по гг. Бьерлингамъ—это такъ. Насъ учили до сихъ поръ что въ смутную пору междуцарствія „отъ Новгорода шелъ къ Москвѣ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ 5.000 Шведовъ, которыхъ прислалъ на помощь царю Василію король Карлъ IX; Шведы были подъ начальствомъ генерала Делагарди; въ благодарность за эту помощь, Шуйскій долженъ былъ уступить Швеціи городъ Корелу съ уѣздомъ и обязаться вѣчнымъ союзомъ противъ Польши. Весной 1609 года Скопинъ началъ наступательныя движенія на Тушинцевъ, очистилъ отъ нихъ Старую Русу, Торопецъ, Торжокъ, Порховъ, Орѣшекъ. Поразивъ Тушинцевъ въ двухъ битвахъ, Скопинъ приближался къ Москвѣ, куда съ другой стороны, съ востока, шелъ бояринъ Шереметевъ, также приводя города въ подданство царю Василію. Самозванецъ былъ сильно встревоженъ. Въ Тушинѣ происходило волненіе. Наконецъ, въ первыхъ числахъ марта 1610 года, Рожинскій зажегъ тушинскій станъ. Такъ Москва безъ битвы освободилась отъ Тушина. Скопинъ могъ безпрепятственно вступить въ Москву.“ *

Не такъ учатъ въ финляндскихъ школахъ:

„Поляки, — повѣствуетъ *профессоръ* Топеліусъ,—совсѣмъ уже покоряли Русь; въ отчаяніи, Русскіе заключили союзъ со Шведскимъ королемъ, и два полководца — Яковъ Делагарди и Финнъ Эвертъ Горнъ пришли съ войскомъ въ Россію. Они разбили Поляковъ и вошли въ Москву. Народъ выходилъ имъ на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью; тогда-то *финскихъ воиновъ привѣтствовали какъ освободителей Россіи.*“ **

Профессоръ Топеліусъ совершенно умалчиваетъ о такихъ, какъ видно, незначительныхъ личностяхъ какъ Скопинъ-Шуйскій. Въ самомъ дѣлѣ, что же значитъ какой-нибудь русскій юноша-полководецъ, когда въ войскѣ находятся Делагарди и особенно Эвертъ Горнъ со своими Финнами освобождающими Россію! **

Вотъ каковы научныя свѣдѣнія и научное безпристрастіе гг. финляндскихъ профессоровъ... Или это только въ отношеніи къ свѣдѣніямъ о Россіи и только въ томъ случаѣ когда эти господа профессора принимаютъ на себя роль воспитателей финляндскаго юношества въ низшихъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ „страны“? Если такъ, то своеобразна наука и педагогія въ Финляндіи!

Еще блаженной памяти Дѣбельнъ, какъ мы видѣли, указывалъ на возможность препятствія со стороны могущества Русскаго правительства исполненію какихъ-то финляндскихъ желаній и воли. Съ тѣхъ поръ Финляндцамъ, съ одной стороны, все мерещатся и чувствуются „препятствія“ отъ могущества Русскаго правительства, съ другой — все хочется „исполнить свои желанія и волю“. Поэтому Финляндцы неустанно хлопочутъ, вопервыхъ, всячески оградить свою „свободу“ отъ „препятствій“ для нея со стороны могущества Русскаго правительства, а вовторыхъ, какъ можно больше расширить эту свою свободу. Насколько живы и горячи въ Финляндцахъ оба эти желанія, видно даже, напримѣръ, изъ одной недавно перео печатанной изъ финскаго ежедневнаго листка въ *Nya Pressen*, а затѣмъ и въ

---

* *Учебная книга Русской исторіи*, Соловьева, стр. 153 и слѣд.

* *Boken om vart land*, af Topelius, p. 327—8.

** Нужно замѣтить притомъ что больше никакихъ свѣдѣній о смутномъ времени нѣтъ во всей книгѣ г. Топеліуса, и ученикъ болѣе подробнаго и правдиваго разказа объ этомъ событіи не найдетъ нигдѣ и въ другихъ финляндскихъ книжкахъ. *Прим. Ред. „Моск. Вѣд.“*

русской газетѣ, статейки, подъ заглавіемъ „Dagens fråga“ (Вопросъ дня):

„Въ какой бы домъ или избушку вы ни зашли, первый вопросъ обывателей касается нынѣшнихъ отношеній Финляндіи къ Россіи. Съ озабоченнымъ видомъ собирается около васъ все населеніе дома, молодое и старое, послушать что вы разкажете объ этихъ дѣлахъ. Не для всѣхъ вопросы достаточно ясны, у другихъ, можетъ-быть, и ошибочное о нихъ понятіе, но у всѣхъ общее чувство угрожающей отечеству опасности и горячее желаніе устранить ее. (Эта опасность—работы Высочайше назначенныхъ коммиссій для объединенія Финляндіи съ Имперіей по вопросамъ почтовому, монетному, таможенному.) Недостатки есть, въ нашемъ быту много такого что настойчиво требуетъ исправленія, съ этимъ нужно согласиться, но ни въ какомъ случаѣ наши внутренніе раздоры не раздѣлятъ насъ, когда вопросъ поставленъ о положеніи отечества, когда находятся въ опасности его драгоцѣннѣйшія права. Тѣ финскіе люди которымъ суждено ближе всего вліять на рѣшеніе дѣлъ (разумѣй финскихъ членовъ названныхъ коммиссій) могутъ быть, поэтому, увѣрены въ томъ что они, защищая права своего отечества, дѣйствуютъ при поддержкѣ всего народа, что отъ ихъ собственнаго поведенія зависитъ, будетъ ли этотъ народъ хранить о нихъ благодарное воспоминаніе, или же будетъ вспоминать съ горечью объ ихъ дѣйствіяхъ.“ *

Вотъ каково довѣріе и отношеніе современныхъ патріотовъ финляндскихъ къ волѣ и начинаніямъ ихъ Русскаго Монарха.

Эта горячка обороны отъ мнимаго посягательства Россіи на мнимыя права Финляндіи сказывается и въ школѣ нѣкоторыми ненормальными и прискорбными явленіями.

Кстати и некстати, въ прозаическихъ разсужденіяхъ и въ стихотворныхъ виршахъ, финляндскіе педагоги твердятъ своимъ питомцамъ о „свободѣ ихъ страны“. Для разъясненія въ чемъ именно состоитъ „свобода страны“, ученикамъ финляндскихъ школъ преподаются элементарныя понятія о политическомъ устройствѣ „страны“, причемъ эта элементарность понимается такъ условно что въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ * учебнымъ руководствомъ по этому предмету служитъ извѣстная русской читающей публикѣ книга профессора и сенатора Мехелина—*Precis du droit public du grand duché de Finlande.*

Объ этой книгѣ слѣдуетъ, вмѣстѣ съ ея русскимъ комментаторомъ, ** сказать что г. Мехелинъ не избѣгъ *общей* всѣмъ шведско-финскимъ писателямъ погрѣшности полнаго, систематическаго игнорированія правъ Россіи. Событія обозрѣваются имъ исключительно съ финской точки зрѣнія, притомъ съ расширеніемъ смысла однихъ и съ умаленіемъ смысла другихъ. О естественныхъ, неизбѣжныхъ отношеніяхъ къ Россіи, три раза въ теченіе одного только столѣтія завоевавшей Финляндію,—къ Россіи, въ составъ которой эта страна, по слову самого императора Александра I, включена въ качествѣ „провинціи“—объ этой сторонѣ дѣла г. Мехелинъ вовсе умалчиваетъ.

Совершенно въ духѣ г. Мехелина, но уже прямо „для учащагося юношества“, написалъ и издалъ въ прошломъ году Эдв. Бергъ книжку подъ заглавіемъ *Государственно-правовое развитіе Финляндіи.*

Не говоря о томъ что подобныя книги вовсе не должны бы имѣть доступа въ школы, уже по одному своему характеру, имъ никакъ бы нельзя быть учебниками въ силу проблематичности излагаемыхъ въ нихъ данныхъ. Но патріотическій фанатизмъ финляндскихъ педагоговъ ослѣпляетъ ихъ до такой степени что они готовы заставлять своихъ учениковъ заучивать и полемическія брошюры, лишь бы только

---

* *Nya Pressen*, № 54. См. выше, стр. 182.

* См. *Program öfver Verksamheten i svensker Fruntimmersskolan och Fortbildningsläroverket i Helsingfors, läseåret.* (*Отчетъ о дѣятельности шведской женской школы.*) 1887—8.

** К. Ф. Ординымъ.

воспитывать въ нихъ „свободныхъ гражданъ своей страны".

Тяжелое впечатлѣніе вынесетъ всякій безпристрастный, особенно русскій, наблюдатель современной финляндской школы. Дѣти воспитываются на какихъ-то ложныхъ и легкомысленныхъ теоріяхъ, превратныхъ понятіяхъ, воспитываются на какой-то политической агитаціи, въ какой-то непріязни, если даже не ненависти, къ той странѣ которая ни имъ, ни ихъ предкамъ ничего, кромѣ хорошаго, не дѣлала,—и все это во имя высокой будто бы идеи любви къ родинѣ.... Да, разно понимаютъ люди даже самыя высокія, самыя святыя чувства и отношенія!

Ю. Н. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

30.

Права русскихъ врачей въ Финляндіи. *

Въ февралѣ и въ мартѣ этого года изданы въ Финляндіи два новыя узаконенія заслуживающія вниманія русскаго общества.

Одно—„*О врачебной практикѣ въ Финляндіи*“, распубликованное Финляндскимъ Сенатомъ въ № 8 *Сборника Постановленій*.

Это узаконеніе явилось на свѣтъ очевидно подъ давленіемъ того справедливаго возбужденія которое сказалось въ Россіи, когда, года два-три тому назадъ, въ Финляндіи, въ Райвола, верстахъ въ 50 отъ Петербурга, аптека не отпускала лѣкарствъ по рецепту русскаго врача, и когда покойный Боткинъ оказался не имѣющимъ „по закону“ права подавать въ Финляндіи врачебную помощь“. **

Теперь новымъ узаконеніемъ (§ 2), наравнѣ съ мѣстными врачами, „одинаковое право предоставляется и врачамъ имѣющимъ, по дѣйствующимъ въ Имперіи узаконеніямъ, право заниматься тамъ, безъ ограниченій, врачебною практикой и предъявившимъ о томъ свидѣтельства медицинскому управленію“ (финляндскому).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, „врачи состоящіе при расположенныхъ въ Финляндіи русскихъ войскахъ могутъ, безъ особаго о томъ заявленія, заниматься практикой“ (§ 4).

Однако, если упомянутый предъ симъ русскій не-военный врачъ „безъ предварительнаго заявленія или разрѣшенія будетъ заниматься практикой въ Финляндіи въ иное время чѣмъ при случайномъ пребываніи въ краю (!), то подвергается денежному взысканію въ размѣрѣ *до трехсотъ* марокъ“ (§ 11).

Здѣсь финляндскій новый законъ по отношенію къ русскому врачу ровно въ шесть разъ строже нежели къ врачу-Финляндцу, ибо на сего послѣдняго, за непредставленіе своего диплома въ медицинское управленіе до начала практики, налагается взысканіе въ размѣрѣ только *пятидесяти* марокъ (§ 14).

Но если здѣсь шестикратная строгость къ русскому врачу, то въ § 8 налагается на него уже полный запретъ:

„*Только* легитимированному *финляндскому* врачу дозволяется пользовать больныхъ въ частной больницѣ, или въ частномъ богоугодномъ заведеніи,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 141, отъ 24 мая.

** См. выше, стр. 179.

или въ другомъ подобномъ учрежденіи, или же состоять врачемъ для рабочихъ у лица пользующагося наемными рабочими въ своемъ промыслѣ или предпріятіи.“

Невольно и по справедливости напрашивается слѣдующій вопросъ: Не найдетъ ли за симъ и нашъ русскій Медицинскій Департаментъ правильнымъ выработать узаконеніе коимъ и права финляндскихъ врачей въ Россіи были бы соотвѣтственно ограничены?

31.

Русскіе подданные и финляндскіе пароходы. *

Въ № 13 *Сборника Постановленій* Финляндскимъ Сенатомъ напечатано постановленіе „*О пассажирскихъ пароходахъ*“.

Узаконеніе это, какъ плодъ большой практики, должно быть интересно для нашихъ моряковъ и спеціалистовъ. Для насъ же важно то что оно накрѣпко запираетъ финляндскіе пароходы предъ русскими людьми, еслибъ они пожелали служить на нихъ, а тѣмъ паче управлять ими. Между тѣмъ эти пароходы плаваютъ по Ладожскому озеру и въ русскіе порты...

Шкиперами на нихъ, то-есть старшими и младшими начальниками, отнынѣ могутъ быть только лица выдержавшія экзаменъ въ Финляндскомъ Политехническомъ Институтѣ или въ другомъ подлежащемъ училищѣ; машинистамъ же производится испытаніе въ особой коллегіи по назначенію Финляндскаго Сената (§§ 13 и 17).

А по § 18 „въ должности старшихъ и младшихъ начальниковъ, а также машинистовъ, на финляндскихъ пассажирскихъ пароходахъ *не могутъ быть принимаемы чужестранные подданные*, если изъятіе изъ этого правила не вызывается крайнею необходимостью“.

Спрашивается: *Русскіе* относятся ли къ числу этихъ „чужестранныхъ“ подданныхъ? Судя по всей совокупности порядка экзаменовъ и испытаній, это такъ. Очень немаловажно чтобы тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, обстоятельно разъяснили: такъ это, или нѣтъ?

Въ Россіи мы, во множествѣ случаевъ, видимъ на казенной службѣ—въ должностяхъ не только командировъ большихъ военныхъ судовъ, но и начальниковъ цѣлыхъ эскадръ и даже Главнаго Морскаго Штаба,—офицеровъ и адмираловъ изъ самыхъ природныхъ Финляндцевъ. Что же опять за напасть что въ самомъ новѣйшемъ финляндскомъ узаконеніи русскіе моряки снова такъ принижены что ихъ не допускаютъ даже на небольшіе финляндскіе пароходы, притомъ даже не на казенные, а на частные, гдѣ дѣло должно бы было идти, кажется, по простому обоюдному соглашенію. Вѣдь и исторія русскаго флота представляетъ достойныхъ русскихъ именъ никакъ не меньше чѣмъ именъ финляндскихъ.

Не менѣе интересенъ и § 43: „Настоящее постановленіе *на шведскомъ и финскомъ языкахъ должно быть доступно* для пассажировъ на всѣхъ пароходахъ.“

А на русскомъ языкѣ? Финляндскіе пароходы плаваютъ по-искони русскому Ладожскому озеру, плаваютъ въ россійскіе порты, о чемъ прямо въ узаконеніи и говорится, на нихъ множество русскихъ пассажировъ,—а само узаконеніе по-русски имъ *не должно быть* доступно? Между тѣмъ за нарушеніе его въ немъ же установлены, именно для пассажировъ, штрафы до 100 марокъ, и командиру-Финляндцу предоставлено право или ссадить пассажира, за нарушеніе правилъ ему недоступ-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 141, отъ 24 мая.

ныхъ, или же содержать его подъ необходимымъ присмотромъ (§ 38).

Что же это такое?!

Въ самомъ началѣ постановленія говорится что оно послѣдовало „во вниманіе также къ отзыву генералъ-губернатора края“.

Очень утѣшительно было бы знать: въ чемъ этотъ „отзывъ“ способствовалъ огражденію интересовъ и достоинства и нашихъ русскихъ моряковъ, и нашего государственнаго языка, и вообще насъ, Русскихъ людей.

32.

Нѣмецкій совѣтъ финляндскимъ сепаратистамъ. *

Нѣмецкая печать, и во главѣ ея—*Крестовая Газета*, принимаетъ очень близко къ сердцу дѣла Финляндцевъ. Всякое самомалѣйшее явленіе въ Россіи носящее характеръ сепаратистскихъ стремленій находитъ въ Германіи сильныя симпатіи и поддержку.

Планъ Финляндцевъ издавать газету на русскомъ языкѣ для защиты финляндскихъ сепаратистскихъ затѣй, ** конечно, не прошелъ незамѣченнымъ въ Германіи. *Крестовая Газета* противъ этого плана:

„Кто будетъ читать подобную газету? Финляндцы не будутъ, потому что не понимаютъ русскаго языка и, кромѣ того, имѣютъ отличныхъ защитниковъ въ газетахъ на мѣстныхъ языкахъ. Русскіе не станутъ читать—потому что не желаютъ слушать то что имъ не нравится и потому что Финляндія для нихъ не важна. Цѣлесообразнѣе было бы защищать финляндскіе интересы въ русской петербургской печати. Это не невозможно: *слѣдуетъ только кое-что на это пожертвовать. Раньше это, какъ говорятъ, случалось часто и, какъ показалъ опытъ, съ отличнымъ успѣхомъ.* Еслибъ это средство на этотъ разъ не помогло, то произошло бы это отъ воли правительства, которое на газетныя статьи не обращаетъ вниманія. Но въ такомъ случаѣ основаніе въ Финляндіи русской газеты имѣло бы еще менѣе основаній.“

Предоставляя петербургской печати отвѣтить на эту недостойную клевету на нее, ограничимся лишь указаніемъ на то какого рода защитниковъ отыскиваютъ себѣ Финляндцы, и какого рода совѣты получаютъ они отъ своихъ фальшивыхъ друзей. Правое дѣло не можетъ нуждаться въ защитѣ неправыми средствами.

33.

Гейденовскія коммиссіи. ***

Изъ трехъ коммиссій занимавшихся съ января, подъ предсѣдательствомъ финляндскаго генералъ-губернатора графа Ѳ. Л. Гейдена, приготовленіемъ проектовъ Высочайше предначертаннаго объединенія финляндскихъ почты, монеты и таможень съ общерусскими, почтовая коммиссія окончила свои занятія еще въ мартѣ. По сообщенію гельсингфорсскихъ газетъ, недавно окончились

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 135, отъ 18 мая.

** См., выше, стр. 217—218 и 285—287.

*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 144, отъ 27 мая.

засѣданія и остальныхъ двухъ коммиссій, и выработанные ими проекты объединенія монетной системы и таможень переданы въ Министерство Финансовъ. Предсѣдатель коммиссій, графъ Ѳ. Л. Гейденъ, проживавшій съ декабря въ Петербургѣ, возвратился въ Финляндію и, пробывъ нѣсколько дней въ Гельсингфорсѣ, поселился на дачѣ близъ Выборга. 5 іюля будетъ праздноваться пятидесятилѣтній юбилей службы графа Ѳ. Л. Гейдена въ офицерскихъ чинахъ.

По поводу появившагося извѣстія что вопросъ о почтовомъ объединеніи уже окончательно рѣшенъ согласно проекту коммиссіи, гельсингфорсская газета *Uusi Suometar*, а за нею и другія гельсингфорсскія газеты, говорятъ что, по ихъ свѣдѣніямъ, почтовый вопросъ еще не рѣшенъ. Финляндскіе сепаратисты, какъ извѣстно, разчитываютъ на то что до обнародованія узаконеній объ объединеніи, ихъ передадутъ на предстоящій въ будущемъ году Сеймъ, который откажетъ въ своемъ „согласіи“ *, чѣмъ де дѣло и окончится...

34.

Генералъ-губернаторскій домъ и „капелка“ въ Гельсингфорсѣ. **

(Изъ гельсингфорсской корреспонденціи.)

Генералъ-губернаторскій домъ въ Гельсингфорсѣ стоитъ на эспланадѣ, со всѣхъ сторонъ окруженный питейными заведеніями. Предъ самымъ фасадомъ генералъ-губернаторской резиденціи расположена, тыломъ къ ней обращенная, такъ-называемая „капелка“, говоря иначе—кабачекъ-ресторанъ, лицевымъ фасадомъ выходящій на бульваръ. Окна столовой, парадной залы и кабинета русскаго генералъ-губернатора смотрятъ прямо въ окна кухни „капелки“, откуда запахъ жженнаго маргарина, въ которомъ жарятся бифштексы, картофель и другія кушанья, широкими волнами разносится во всѣ стороны, улицы на двѣ окрестъ, и, конечно, въ изобиліи направляется и въ окна помѣщенія высшаго русскаго администратора Финляндіи.

Съ самой ранней весны и до поздней осени при капелкѣ, почти весь день, ежедневно гремитъ музыка, привлекающая къ ней кліентовъ по части выпивки и закуски. Музыка эта не можетъ не надоѣдать живущимъ по сосѣдству, но до этого здѣшнему городскому самоуправленію нѣтъ никакого дѣла.

Русскимъ въ Гельсингфорсѣ кажется что финляндскія власти могли бы перевести кабачекъ-капелку въ какое-либо другое мѣсто, съ котораго въ парадныя комнаты перваго русскаго лица въ краѣ не несло бы кухонною вонью.

35.

Какъ живется въ Финляндіи корреспондентамъ и сотрудникамъ „Московскихъ Вѣдомостей“. ***

Нѣкоторое понятіе объ этомъ можетъ дать слѣдующее письмо полученное издателемъ *Московскихъ Вѣдомостей*:

„М. г.,—20 мая я получилъ письмо отъ г. N (имрекъ одного изъ московскихъ сотрудниковъ *Московскихъ Вѣдомостей*), которымъ онъ извѣщаетъ

---

* См. выше, стр. 255—257, и ниже, стр. 387—388.
** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 143, отъ 26 мая.
*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 144, отъ 27 мая.

меня о напечатаній моей статьи въ вашей многоуважаемой газетѣ и спрашиваетъ, сообщилъ ли я вамъ мой адресъ для высылки гонорара. Если вы, милостивый государь, еще не высылали гонорара по моему петербургскому адресу (такому-то), то потрудитесь выслать его теперь по адресу (такому-то). *Живя* теперь, какъ видите, *въ глуши Финляндіи, я не могу, конечно, желать обнаруживать свои сношенія съ редакціей* „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя даже въ подобныхъ деревушкахъ служатъ притчею во языцѣхъ. *Здѣсь даже русскій говоръ вызываетъ не совсѣмъ пріятныя выходки аборигеновъ;* тѣмъ не менѣе, я попросилъ бы васъ, милостивый государь, высылать мнѣ въ счетъ моего гонорара *Московскія Вѣдомости* въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ.

„Поздравляю васъ съ отставкой Мехелина — этою „первою жертвой“ за „отечество“, по выраженію *Hufvudstadsbladet.*

„Вашъ покорный слуга *NN.*

„ P. S. Осмѣливаюсь переслать это письмо въ письмѣ къ г. N. съ просьбой о скорѣйшей его вамъ доставкѣ.“

Вотъ затѣмъ выдержка изъ письма того же финляндскаго сотрудника NN къ вышеупомянутому московскому сотруднику *Московскихъ Вѣдомостей:*

„М. г.—... Живя теперь въ финляндскихъ весяхъ, гдѣ, въ самой даже глуши, *Московскія Вѣдомости* служатъ притчею во языцѣхъ, я стѣсняюсь обнаружить свои сношенія съ *Московскими Вѣдомостями:* и безъ того уже одинъ русскій говоръ вызываетъ въ аборигенахъ, повидимому, не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе; *что же будетъ если станетъ извѣстно мое, нѣкоторымъ образомъ, сотрудничество въ ненавистномъ для нихъ органѣ? пожалуй, дойдетъ до демонстрацій со стороны деревенскихъ мальчишекъ и руганп взрослыхъ.* Во избѣженіе подобныхъ непріятностей, я прошу васъ не отказать мнѣ въ скорѣйшей передачѣ прилагаемаго письма г. Петровскому.

„Отъ души поздравляю васъ съ отставкой Мехелина, Вейсенберга и Коскинена... *Ура! ура! ура!*“

ОТСТАВКА Л. МЕХЕЛИНА.

1.

Письмо къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей“. *

Гельсингфорсъ, 3 іюня (22 мая).

31 (19) мая гельсингфорсскія газеты подтвердили ходившіе раньше въ городѣ слухи о томъ что сенаторъ Л. Мехелинъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Начались усиленные разговоры; вечеромъ того же дня студенты университета устроили ему овацію, и съ тѣхъ поръ ежедневно къ Мехелину являются депутаціи, произносятся рѣчи, и всѣмъ этимъ выраженіямъ сочувствія не предвидится конца. **

Мѣстныя газеты только и толкуютъ что о Мехелинѣ, отовсюду летятъ телеграммы. На пароходахъ, въ вагонахъ, въ кофейняхъ, на улицахъ, только и слышно: Мехелинъ, Мехелинъ. Я невольно заинтересовался событіемъ дня. Но на другой же день газеты избавили меня отъ хлопотъ узнавать о причинѣ этого общаго движенія въ городѣ. Оказывается что электрическою искрой, приведшею все въ движеніе, было слово генералъ-губернатора, который приказалъ де *** Мехелину подать въ отставку.

Однако, въ чемъ же дѣло? Сенаторъ этотъ еще въ полномъ „цвѣтѣ надежды и силы“; недавно онъ игралъ здѣсь выдающуюся роль, онъ упоминался даже въ числѣ кандидатовъ на мѣсто министра-статсъ-секретаря, и вдругъ—всему конецъ! Но и по этому вопросу мнѣ не пришлось долго мучиться сомнѣнія. Корень всего дѣла кроется въ тѣхъ политическихъ взглядахъ кои столь усиленно проповѣдывалъ этотъ сенаторъ въ своихъ статьяхъ и брошюрахъ. Л. Мехелинъ, между прочимъ, авторъ книги *Конституція Финляндіи*, книги предназначенной для „просвѣщеннаго“ Запада, но, благодаря К. Ф. Ордину, сдѣлавшейся извѣстною и „варварамъ“-Русскимъ.

„Мнѣ сдается что причина отставки Л. Мехелина угадана вѣрно. Основываю свою догадку, между прочимъ, на томъ что когда политиканствующіе студенты, сующіеся всюду лишь бы фигурировать предъ публикой и въ газетныхъ столбцахъ, явились подъ окнами квартиры сенатора и пропѣли ему національныя пѣсни и гимны, прокри-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 143, отъ 26 мая.

** См. ниже, стр. 345—348.

*** См. ниже, стр. 343—344.

чали по десяти разъ *ура* за сенатора и „отечество“, Мехелинъ произнесъ коротенькую рѣчь, въ которой, поблагодаривъ за оказанную ему честь въ столь „серіозную минуту“,* прибавилъ что выраженныя симпатіи онъ принимаетъ какъ доказательство привязанности къ тѣмъ принципамъ коими онъ руководился въ своей дѣятельности.

Какъ относится народъ къ дѣятелямъ подобнымъ Л. Мехелину—не знаю, но могу удостовѣрить что въ Финляндіи многія высокопоставленныя лица его взглядовъ не раздѣляютъ и высказывали даже сожалѣніе о томъ что онъ занялъ такой видный постъ.

Мѣстныя газеты съ особымъ удовольствіемъ подчеркиваютъ тотъ фактъ что чиновники Сената въ полномъ составѣ являлись къ Мехелину съ изъявленіемъ соболѣзнованія, и что Сенатъ постановилъ просить Государя Императора не принимать отставки столь „полезнаго“ общественнаго дѣятеля.

Въ городѣ поговариваютъ о скоромъ выходѣ въ отставку другаго сенатора, Ирье Коскинена, и прокурора Сената фонъ-Вейсенберга, причемъ молва ставитъ ихъ отставки въ связь съ книгами перваго изъ нихъ и съ работами втораго по составленію новаго *Уголовнаго Уложенія*. Поживемъ—увидимъ, оправдаются ли пророчества и толкованія.

РУССКІЙ.

* Финляндцы теперь обыкновенно говорятъ: „въ настоящее тяжелое для насъ время“.

2.

По поводу отставки финляндскаго сенатора Мехелина. *

Въ лагерѣ финляндскихъ сепаратистовъ необычайный переполохъ, вызванный отставкою извѣстнаго вожака сепаратизма, сенатора Л. Мехелина, и слухами объ отставкѣ другихъ виднѣйшихъ представителей крайней сепаратистской партіи.

19 (31) мая въ финляндской офиціальной газетѣ *Finlands Allmänna Tidning* (№ 123) появилось извѣстіе гласившее что „членъ Хозяйственнаго Департамента Императорскаго Сената и начальникъ Экспедиціи Торговли и Промышленности, сенаторъ и кавалеръ Генрихъ-Леопольдъ-Станиславъ Мехелинъ подалъ сегодня всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи отъ должности сенатора“.

Перепечатывая это извѣстіе, гельсингфорсская *Hufvudstadsbladet* (№ 145) добавила къ нему что „эта замѣчательная просьба объ отставкѣ состоялась по предложенію генералъ-губернатора, о чемъ упоминается и въ прошеніи сенатора Мехелина“, и что въ скоромъ времени предстоитъ также выходъ въ отставку сенатора Ирье-Коскинена и прокурора сената А. фонъ-Вейсенберга.

Эти три лица (къ которымъ можно присоединить еще члена Финляндскаго Комитета въ Петербургѣ Монгомери **

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 144, отъ 27 мая.

** См. выше, стр. 53—59, и ниже, стр. 344. Особенно зарекомендовалъ себя Монгомери въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда „состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ двухъ финскихъ баталіоновъ на лагерные сборы въ Красное Село, и Финляндцы стали протестовать. Въ газетахъ появились статьи о нарушеніи *основныхъ законовъ* („конституціи“). Нѣкоторые сенаторы угрожали выходомъ въ отставку. Тогдашній прокуроръ Сената, Монгомери, подалъ на Высочайшее имя протестъ въ формѣ жалобы на незаконное распоряженіе генералъ-губернатора.

„Впрочемъ, несмотря на всѣ эти протесты, Высочайшая воля была подтверждена, и баталіоны отправились въ Красное Село, гдѣ и до сихъ поръ ежегодно (по очереди) бываютъ два финскіе баталіона.“ (См. выше, стр. 202.)

въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, стояли во главѣ крайней сепаратистской партіи, все съ большею и большею настойчивостью выставлявшей ученіе о Финляндіи какъ отдѣльномъ отъ Россіи „конституціонномъ государствѣ“, состоящемъ де лишь въ „уніи“ съ Россійскою Имперіей. Имена ихъ небезызвѣстны и русской читающей публикѣ слѣдившей за финляндскими дѣлами.

Г. Мехелинъ сталъ особенно извѣстенъ у насъ съ тѣхъ поръ какъ его пресловутая *Конституція Финляндіи* появилась въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями К. Ф. Ордина. Послѣ того онъ продолжалъ пропагандировать теорію о „Финляндскомъ государствѣ“ какъ въ самой Финляндіи, такъ и за границей. Такъ, напримѣръ, прошлымъ лѣтомъ появилось въ Германіи на нѣмецкомъ языкѣ его новое сочиненіе *Государственное право Великаго Княжества Финляндскаго*, въ которомъ онъ выставляетъ эту теорію еще рѣзче и опредѣленнѣе. За „смѣлое раскрытіе предъ Европой и Россіей истиннаго свойства“ финляндской обособленности, финляндская печать возвела г. Мехелина чуть не въ герои, хотя въ то же время указывала на то что между самими Финляндцами многіе не одобряютъ его пропаганды. * Въ качествѣ члена Финляндскаго Сената онъ являлся, конечно, проводникомъ той же самой теоріи и, по слухамъ, принималъ очень видное участіе въ той тайной и явной агитаціи какая велась въ послѣдніе мѣсяцы въ Финляндіи противъ Высочайше предначертанныхъ объединительныхъ реформъ.

Товарищъ его по Сенату, Ирье-Коскиненъ, состоящій начальникомъ той экспедиціи Сената которая завѣдуетъ финляндскими учебными заведеніями, ** придерживается также крайне сепаратистскихъ взглядовъ, и одинъ изъ первыхъ сталъ развивать ученіе о „Финляндскомъ государствѣ“ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ.

Г. фонъ-Вейсенбергъ извѣстенъ читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* прежде всего по тому письму его въ защиту финляндскихъ притязаній которое прошлымъ лѣтомъ было помѣщено въ этой газетѣ. * Еще въ прошлое царствованіе онъ отличился, между прочимъ, тѣмъ что на одномъ изъ финляндскихъ сеймовъ, въ качествѣ члена дворянскаго сословія, выступилъ съ предложеніемъ установить для Финляндіи особый торговый флагъ, дабы финляндскія торговыя суда за границей и во время войны не смѣшивались съ русскими судами. Когда въ 1885 году возникъ вопросъ о кодификаціи финляндскихъ „коренныхъ“ законовъ, сепаратистская партія выдвинула его въ качествѣ „знатока“ финляндскаго „государственнаго“ права, и онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета для выработки проекта кодификаціи. На крайне сепаратистскій характеръ этого проекта уже не разъ указывалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, на основаніи извлеченій изъ него появлявшихся въ финляндской печати. **

Неудивительно, поэтому, что извѣстія и слухи объ отставкѣ такихъ столповъ сепаратизма, какъ гг. Мехелинъ, Ирье-Коскиненъ и Вейсенбергъ, подняли цѣлую бурю среди ихъ единомышленниковъ. Въ отставкѣ г. Мехелина финляндская печать увидѣла замѣчательный „признакъ времени“, а самого его провозгласила „жертвой“. Гельсингфорсскія газеты посвятили этому событію особыя передовыя статьи, въ которыхъ, восхваляя г. Мехелина, стараются показать будто „общественное мнѣніе“ въ Финляндіи находится на его сторонѣ, не одобряетъ его отставки и „требуетъ“ его удержанія въ Сенатѣ:

„Между множествомъ ходившихъ въ эти дни слуховъ политическаго свойства“,—говоритъ газета *Hufvudstadsbla-*

---

* См., напримѣръ, рецензію его послѣдняго сочиненія въ январьской книжкѣ журнала *Finsk Tidskrift* за текущій годъ.

** Въ какомъ духѣ просвѣщается финляндское юношество въ руководимыхъ г. Ирье-Коскиненъ школахъ можно судить по статьѣ Ю. Н. Верещагина *Знакомство съ Россіей въ финляндскихъ школахъ*. См. выше, стр. 318—332.

* См. выше, стр. 125—143.

** См. выше, стр. 56—59, 92—108, 186—187, 193—195.

det (№ 145),—„былъ также слухъ о томъ что сенаторъ Л. Мехелинъ выходитъ изъ Сената. Слухъ этотъ, возникшій послѣ недавняго посѣщенія Гельсингфорса генералъ-губернаторомъ графомъ Гейденомъ, возбудилъ естественно необыкновенное вниманіе. Теперь онъ оправдался, какъ видно изъ извѣстія *Finlands Allmänna Tidning*, которое мы вчера въ полдень сообщили публикѣ въ особыхъ прибавленіяхъ разосланныхъ по городу. Новость эта возбудила горечь и безпокойство. Мотивовъ къ поданному сенаторомъ Л. Мехелиномъ прошенію объ отставкѣ, которое вчера докладывалось въ полномъ собраніи Сената, нужно искать, конечно, лишь въ политическомъ положеніи. Но даже при самомъ открытомъ взглядѣ на всѣ его затрудненія въ нынѣшнюю минуту, такая убыль въ нынѣшнемъ составѣ Сената составляетъ столь необыкновенное у насъ событіе что это не только производитъ впечатлѣніе замѣчательнаго признака времени, но и должно быть разсматриваемо какъ особый моментъ въ нашей исторіи. Отставка эта обозначаетъ не частный конфликтъ, но понимается общественнымъ мнѣніемъ какъ неожиданная команда къ общему повороту фронта.

„Съ чувствомъ политическаго унынія соединяется сожалѣніе о томъ что Сенатъ и вмѣстѣ съ нимъ страна лишаются одной изъ лучшихъ своихъ опоръ (ett af sina yppersta stöd). Болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ членовъ Финляндскаго Сената, г. Мехелинъ, вслѣдствіе своей предыдущей дѣятельности въ качествѣ члена Сейма и писателя, разсматривался какъ представитель просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія страны и конституціонной государственной жизни, поскольку таковая можетъ существовать въ нашихъ узкихъ, старомодныхъ конституціонныхъ формахъ. Своими научными занятіями по государственному праву г. Мехелинъ рано уже успѣлъ образовать себѣ твердое убѣжденіе о положеніи нашей страны по отношенію къ Россіи и о тѣхъ гарантіяхъ для участія народа въ законодательствѣ и государственномъ хозяйствѣ, какія наша унаслѣдованная конституція содержитъ теперь или можетъ доставить путемъ дальнѣйшаго своего развитія. Эти твердыя убѣжденія принесъ онъ съ собою, когда, въ 1872 году, въ качествѣ члена бюргерскаго сословія, въ первый разъ возвысилъ свой голосъ въ дѣлахъ Финляндской націи, и голосъ этотъ раздавался съ такою силой и мужествомъ что тотчасъ же доставилъ ему выдающееся мѣсто въ нашей политической жизни. Когда, съ началомъ 1875 года, вступило въ дѣйствіе новое постановленіе объ общинномъ управленіи городовъ, онъ, въ качествѣ предсѣдателя собранія городскихъ уполномоченныхъ въ Гельсингфорсѣ, въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ примѣненію этого важнаго постановленія въ свободомысленномъ и демократическомъ направленіи. Возведенный въ 1876 году въ дворянское достоинство, онъ на сеймахъ 1877—1878 и 1882 годовъ былъ вліятельнымъ членомъ дворянскаго сословія.

„Съ такимъ прошлымъ въ качествѣ публичнаго дѣятеля, вступилъ г. Мехелинъ въ маѣ 1882 года въ Финляндскій совѣтъ (Сенатъ) Монарха. Къ тѣмъ доказательствамъ его конституціоннаго образа мыслей, какія представляла его дѣятельность какъ гражданина и члена Сейма, онъ, будучи сенаторомъ, прибавилъ еще въ высшей степени цѣнную научно-литературную дѣятельность. Все это вмѣстѣ взятое давало его положенію въ Сенатѣ представительное значеніе (representativ betydelse), и пока онъ въ этомъ положеніи оставался, общественное мнѣніе относилось къ прави-

тельственнымъ мѣрамъ съ довѣріемъ (?!) сглаживавшимъ даже самыя основательныя сомнѣнія относительно фактическаго достоинства этихъ мѣръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія что съ уходомъ въ отставку г. Мехелина Сенатъ въ значительной мѣрѣ утратитъ свой прежній характеръ."

Выразивъ еще разъ, отъ имени якобы „общественнаго мнѣнія", сожалѣніе объ отставкѣ г. Мехелина и надежду на то что онъ попрежнему будетъ дѣйствовать на „пользу отечества" въ другихъ сферахъ, газета заключаетъ свою статью слѣдующею тирадой:

„Сенаторъ Мехелинъ есть носитель взглядовъ имѣющихъ глубокіе корни въ нашемъ народѣ (?). Уже на этомъ основаніи пользуется онъ большими симпатіями, и общее сожалѣніе вызываетъ то что онъ не можетъ оставаться на томъ посту, на которомъ онъ могъ бы практически проводить свои взгляды и наши желанія (?). Какъ писатель по государственному праву, онъ, между прочимъ, порвалъ съ тою политическою традиціей, которая учитъ что незамѣтность (obemärkthehen) и забвеніе лучше всего могутъ способствовать развитію и благосостоянію страны, которая вѣритъ что имѣетъ историческое право существовать въ качествѣ націи. *

„Быть-можетъ онъ жертва этого своего открытаго ученія, раздѣляемаго весьма многими въ нашей странѣ, и онъ его первая жертва, другіе, быть-можетъ, послѣдуютъ за нимъ; но мы не должны отчаиваться, пока они падаютъ съ лицомъ обращеннымъ къ свѣту."

Гельсингфорсская финская газета *Uusi Suometar*, вдохновителемъ и сотрудникомъ которой состоитъ сенаторъ Ирье-Коскиненъ, въ своей статьѣ подъ заглавіемъ *Просьба объ отставкѣ сенатора Мехелина*, нападаетъ на графа Ѳ. Л. Гейдена * за то что онъ де предложилъ г. Мехелину подать въ отставку:

„Такъ какъ генералъ-губернаторъ", говоритъ она, „не имѣетъ права смѣщать совѣтниковъ Его Императорскаго Величества, то нужно еще подождать каково собственно будетъ послѣдствіе этой просьбы, и изъявитъ ли на нее согласіе Его Величество. Какая причина вызвала такую мѣру графа Гейдена, объ этомъ общество ничего не знаетъ. Что во всѣхъ отношеніяхъ способный, въ полномъ цвѣтѣ силъ находящійся сановникъ сгоняется съ своего мѣста, которое онъ съ честью занималъ, — это требуетъ во всякомъ случаѣ какого-нибудь объясненія."

---

* Многіе Финляндцы, какъ сказано въ помянутой выше рецензіи журнала *Finsk Tidskrift*, неодобрительно относились къ тому что г. Мехелинъ слишкомъ открыто выставилъ теорію о Финляндіи какъ особой „конституціонной монархіи"; они полагаютъ что Финляндцамъ лучше было бы „въ тиши" (i lönd om) „наслаждаться плодами своихъ трудовъ".

* А давно ли, кажется,—всего минувшимъ лѣтомъ, вслѣдъ за опубликованіемъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* извѣстной „Всеподданнѣйшей докладной записки финляндскаго генералъ-губернатора",—въ *Revalsche Zeitung*, а затѣмъ въ *St.-Petersburger Zeitung* и другихъ газетахъ, передавались полученныя изъ Гельсингфорса извѣстія, что тамъ—

„генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ, при своемъ возвращеніи изъ резиденціи (Петербурга), принималъ депутацію сенаторовъ, которые передали ему выраженіе благодарности Сената (Финляндскаго), за его *меморандумъ* по предметамъ нападокъ (!?) *Московскихъ Вѣдомостей* на Финляндію." (См. выше, стр. 125.)

3.

По поводу толковъ объ отставкѣ г. Мехелина. *

(Корреспонденція изъ Гельсингфорса.)

Въ статью напечатанную въ № 143 *Московскихъ Вѣдомостей* ** попало, со словъ финляндскихъ газетъ, указаніе на то что извѣстный г. Мехелинъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности финляндскаго сенатора будто бы „по приказанію“ генералъ-губернатора.

Въ этомъ есть неточность выраженія. *Такъ* разказываютъ финляндскіе публицисты чтобы возвеличить своего „героя“ и возбудить раздраженіе противъ графа Гейдена. Собственно „приказаніе“ едва ли было и едва ли могло быть.

Дѣло объясняется нѣсколько иначе. Въ свое время мѣстная власть рекомендовала выдающихся сепаратистовъ или либераловъ, въ томъ числѣ и г. Мехелина, на должности сенаторовъ, надѣясь тѣмъ устранить ихъ изъ рядовъ „оппозиціи“. Но вышло хуже, и, въ качествѣ высшихъ чиновниковъ, они оказались еще гораздо вреднѣе: сохраняя свое противоправительственное направленіе, они только облеклись авторитетомъ. Выходило какъ будто само правительство одобряетъ ихъ тенденціи. Эта аномалія особенно рѣзко проявилась по поводу извѣстныхъ объединительныхъ коммиссій, когда Высочайшая воля встрѣчала со стороны иныхъ господъ сенаторовъ прямыя возраженія.

Въ текущемъ году, въ октябрѣ, долженъ, по закону, возобновиться составъ Финляндскаго Сената. Очень возможно что г. Мехелину дано было понять что онъ не можетъ разчитывать на то чтобы вновь попасть въ число „отцовъ отечества“. Въ виду этого-то онъ и устроилъ дешевую демонстрацію. Когда онъ, бывши запѣвалой въ своей такъ-называемой либеральной партіи, принялъ назначеніе въ Сенатъ, то этотъ шагъ повредилъ его популярности, особенно когда онъ не могъ скрыть своихъ стараній заслужить вниманіе и расположеніе властей.

Теперь, чтобы вновь пріобрѣсти полуутраченную популярность, онъ воспользовался обстоятельствами и, въ виду октябрьской смѣны сенаторскаго состава, пожертвовалъ за мѣсяцъ, другой жалованьемъ—и подалъ въ отставку. Онъ и безъ того получилъ бы ее 1 октября, но тогда все прошло бы незамѣтно, безъ эффекта, безъ шума и треска, а теперь онъ дѣлается героемъ, искупительною жертвой за исповѣдуемые имъ политическіе принципы. Финляндская же учащаяся молодежь и общество рады подемонстрировать и пошумѣть, благо это безопасно; къ тому же первый явившійся на улицу и подъ окнами „героя“ пѣвческій хоръ подъ фирмой М. М., *** есть компанія нѣкоторымъ образомъ близкая и родственная—въ лицѣ своего главы, М. Мехелина, роднаго племянника „героя“.

Что такъ-называемая интеллигентная Финляндія недовольна предпринятыми реформами, это не подлежитъ сомнѣнію. Ея обычная ненависть къ Русскимъ поднялась до степени кипѣнія, и не только среди частныхъ лицъ, но даже и среди низшей администраціи,—ибо чѣмъ объяснить иначе равнодушіе полиціи при видѣ шумной толпы собиравшейся на улицѣ и нарушавшей вечеромъ общественное спокойствіе?

Какъ бы то ни было, а приходится пожалѣть что разныхъ господъ либераловъ, въ родѣ гг. Мехелина, Коскинена, Монгомери, Вейсенберга и др., изъ обыкновенной среды, гдѣ они заглохли бы, вызвали на постъ правителей. Про г. Мехелина мы знаемъ уже многое;

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 177, отъ 29 іюня.

** См. выше, стр. 338.

*** См. ниже, стр. 346.

то же можно сказать и про Ю. Коскинена: оба, крайніе демократы, не задумались, однако—первый изъ бюргеровъ, послѣдній изъ крестьянъ—принять дворянство и занять мѣсто къ Сенатѣ.

Г. Монгомери, * извѣстный своею сепаратистскою пропагандой въ парижской печати, будучи прокуроромъ Сената, обжаловалъ непосредственно предъ Государемъ Императоромъ дѣйствія графа Гейдена по поддержкѣ финскаго языка, едва ли не потому только что самъ принадлежалъ къ партіи свекомановъ. Когда протестъ его былъ оставленъ безъ послѣдствій, то г. Монгомери покинулъ прокурорство и былъ назначенъ президентомъ гофгерихта въ Вазѣ; но тамъ онъ вскорѣ соскучился, и незлопамятный генералъ-губернаторъ предоставилъ ему сенаторское кресло. А въ прошломъ году г. Монгомери, даже не говорящій по-русски, оказался уже въ числѣ членовъ Комитета Финляндскихъ Дѣлъ въ Петербургѣ, то-есть того учрежденія которое окончательно изготовляетъ важнѣйшія дѣла вносимыя на утвержденіе Верховной Власти. Въ послѣднее время между свѣдѣніями петербургскихъ газетъ о прибывшихъ и выбывшихъ намъ встрѣчалось имя г. Монгомери уже съ титуломъ статсъ-секретаря, хотя о такомъ назначеніи читать въ офиціальныхъ изданіяхъ не доводилось. Что это: серіозныя надежды, или только мечты?

Наконецъ, г. фонъ- Вейсенбергъ, финляндскій прокуроръ, преемникъ г. Монгомери. Что такое г. фонъ-Вейсенбергъ, не безызвѣстный читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей?*** Вопервыхъ, г. Вейсенбергъ никакой ученой степени не имѣетъ, вовторыхъ, это не увлекающійся юноша, а уже 68-лѣтній мужъ. До назначенія на настоящую должность онъ былъ выборгскимъ ландсъ-секретаремъ, то-есть нѣчто въ родѣ помощника губернатора. Въ своей губернской службѣ г. Вейсенбергъ былъ въ отношеніи къ Русскимъ болѣе чѣмъ нелюбезенъ.

Одно можно сказать: не позавидуешь теперешнему положенію русскаго генералъ-губернатора въ Финляндіи. Кругомъ играютъ въ конституцію, приходится считаться съ рьяною оппозиціей, а правительственной партіи, какъ подобаетъ при конституціяхъ всякаго рода, никакой не оказывается: ея нѣтъ и въ поминѣ. Само чиновничество враждебно правительству, и высшій представитель власти стоитъ одинъ, совсѣмъ одинъ, окруженный недоброхотными соглядатаями. Предшествовавшій графу Гейдену генералъ-губернаторъ говорилъ про Россію: „у васъ“, а про Финляндію: „у насъ“. Вотъ и плоды.

Теперь, и по удаленіи отъ дѣлъ, вышеназванные господа, окруженные ореоломъ мученичества, хотя вполнѣ вымышленнаго и сильно раздутаго, конечно, будутъ играть видную роль въ противоправительственной партіи. Но лучше поздно чѣмъ никогда, и смущаться такою оппозиціей не слѣдъ; за энергическіе же шаги въ смыслѣ возстановленія достоинства Русскаго государства, и Россія, и настоящая Финляндія, то-есть не демонстрирующая, а трудящаяся и помнящая что прежде, безъ бредней о „финляндскомъ государствѣ“, жилось лучше,—и Россія, и трезвая Финляндія скажутъ графу Гейдену искреннее спасибо.

Желательно думать что въ этихъ видахъ будущіе гельсингфорсскіе сенаторы будутъ взяты не изъ тѣхъ рядовъ въ которыхъ стояли уходящіе теперь ихъ предшественники.

---

* См. выше, стр. 53—59, 202, 339.

** См. выше, стр. 125—143, 340.

ГЕЛЬСИНГФОРССКІЯ ДЕМОНСТРАЦІИ.

1.

Неужели дошло до этого? *

(Изъ письма къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей*.)

„Гельсингфорсъ, 1 іюня (20 мая).

„Мы, проживающіе здѣсь Русскіе, можемъ сообщить вамъ слѣдующій фактъ:

„2 марта, въ день празднованія всею Россіей дня восшествія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ Гельсингфорсѣ демонстративно не было поднято ни одного флага ни въ самомъ городѣ, ни на стоящихъ въ гавани судахъ.

„Что это было сдѣлано именно демонстративно, доказывается тѣмъ что о торжественномъ днѣ было извѣстно городу, ибо наканунѣ, въ день панихиды по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, весь городъ и всѣ суда въ гаваняхъ пестрѣли флагами, до половины спущенными, въ знакъ глубокой печали страны объ утратѣ Императора бывшаго столь добрымъ къ ней.“

Неужели это такъ и было въ самомъ дѣлѣ? Не хочется этому вѣрить, при всемъ довѣріи къ лицу сообщившему это нѣсколько запоздалое извѣстіе...

2.

Патріотическое чествованіе Л. Мехелина. **

Однѣми газетными статьями *** гельсингфорсскіе сепаратисты не ограничились. Они устроили ему „патріотическое чествованіе“, все съ тою же цѣлію демонстративно „показать“ финляндское „общественное мнѣніе“ и „напугать“ имъ, **** кого слѣдуетъ, въ Петербургѣ.

Гельсингфорсскія газеты, полученныя въ Москвѣ 25 и 26 мая, наполнены извѣстіями объ этой демонстраціи, въ которой, какъ оказывается, счелъ умѣстнымъ принять участіе и Финляндскій Сенатъ съ нѣкоторыми другими мѣстными правительственными учрежденіями.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 143, отъ 26 мая.
** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 144, отъ 27 мая.
*** См выше, стр. 338—342.
**** См. выше, стр. 213—215 и 259—260.

„Чествованіе“ началось со студенческой овацiи передъ домомъ г. Мехелина въ день появленія извѣстія объ его отставкѣ и продолжалось въ слѣдующіе дни въ видѣ депутацій являвшихся къ нему съ выраженіемъ соболѣзнованія.

Объ уличной овацiи студентовъ газета *Hufvudstadsbladet* разказываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Вчера вечеромъ (19 мая) устроено было сенатору Л. Мехелину патріотическое чествованіе (patriotisk hyllning) по поводу его прошенія объ отставкѣ. Когда въ теченіе дня стало извѣстно что слухъ объ уходѣ сенатора Мехелина оправдался, проживающіе въ городѣ пѣвцы (изъ студентовъ) согласились между собою почтить его пѣніемъ. Мѣстомъ собранія назначена была Фабіанская улица, предъ квартирой сенатора, въ девять часовъ вечера. Но уже съ восьми часовъ публика стала занимать мѣста на Фабіанской улицѣ и на углу этой улицы и Александровской, по которой должны были пройти пѣвцы въ процессіи. Одна толпа прибывала за другою, и къ девяти часамъ на улицѣ противъ квартиры сенатора Мехелина и предъ сосѣдними домами собралась масса доходившая численностью до двухъ тысячъ человѣкъ (по отчету газеты *Nya Pressen*, эти двѣ тысячи возрасли уже до „многихъ“ тысячъ). Едва хватало мѣста для пѣвцовъ. Вся эта толпа стояла въ молчаливомъ ожиданіи прибытія пѣвцовъ. Когда прибыли пѣвцы, состоявшіе изъ членовъ пѣвческихъ обществъ „М. М.“, * Академическаго пѣвческаго общества и Студенческаго хора, началъ былъ гимнъ *Suomis sång* подъ управленіемъ Кнорринга. Тогда открылось окно во второмъ этажѣ, и сенаторъ Мехелинъ показался въ немъ, любезно привѣтствуя стоявшую внизу толпу, которая отвѣчала на привѣтствіе. Послѣ *Suomis sång* провозглашено было девятикратное энтузіастическое *ура* въ честь сенатора, который, затѣмъ, въ нѣсколькихъ, далеко раздававшихся словахъ благодарилъ за оказанную ему симпатію; эта симпатія, сказалъ ораторъ, можетъ быть ему лишь пріятна въ столь серіозную минуту. Онъ принимаетъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ какъ доказательство согласія съ тѣми принципами которымъ онъ слѣдовалъ въ своей дѣятельности. Потомъ пѣвцы спѣли *Savolaisten laulu* (по-фински) и провозгласили въ честь сенатора Мехелина девятикратное *Eläköön! (да здравствуетъ!)*, а онъ еще поблагодарилъ на финскомъ языкѣ. Послѣ громогласнаго *ура* въ честь отечества, спѣли потомъ еще *Wårt land*, * подъ управленіемъ Сольстрёма; ее прослушали съ непокрытыми головами. Такъ кончилось это краткое и достойное чествованіе, и толпа разошлась.“

На другой день утромъ, по словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, къ г. Мехелину явились *всѣ чиновники Сената* (газета *Finland* подчеркиваетъ это „всѣ“), и отъ ихъ имени референдарій-секретарь Ангеръ произнесъ „горячую рѣчь“. Г. Мехелинъ отвѣчалъ не менѣе „горячею“ рѣчью. Затѣмъ къ нему являлись: торговая депутація, члены Промышленнаго Управленія и т. д.

Но самую грандіозную и важную демонстрацію, хотя и не уличную, устроили г. Мехелину члены Финляндскаго Сената. По словамъ газеты *Hufvudstadsbladet*, С е н а т ъ, обсудивъ въ полномъ засѣданіи прошеніе г. Мехелина объ отставкѣ, п о с т а н о в и л ъ (единогласно, или нѣтъ, не говорится) *„выразить предъ Его Величествомъ свое живѣйшее сожалѣніе по поводу потери какую потерпитъ Его Финляндскій Совѣтъ въ случаѣ изъявленія согласія на это прошеніе.“*

Послѣднему извѣстію даже плохо вѣрится, хотя все болѣе и болѣе раскры-

---

* См. выше, стр. 343.

* Это—пѣсня въ честь Финляндіи, сочиненная Рунебергомъ. Финляндцы произвольно замѣнили ею общерусскій гимнъ *Боже, Царя храни*, котораго никогда не поютъ въ Финляндіи.

вающіеся финляндскіе порядки пріучили всего ожидать, даже открытаго противодѣйствія высшей власти. По заявленіямъ финляндскихъ газетъ, генералъ-губернаторъ, лицо облеченное довѣріемъ Высочайшей Власти, прямо предлагаетъ подчиненному ему чиновнику подать въ отставку, находя его дѣятельность и направленіе вредными для края,—а товарищи-сослуживцы этого чиновника устраиваютъ манифестаціи и протестуютъ!

3.

Финляндскій герой дня и новая уличная демонстрація въ Гельсингфорсѣ. *

Финляндскій сенаторъ Л. Г. С. Мехелинъ, слѣлавшійся у Финляндцевъ настоящимъ „героемъ дня“, продолжаетъ давать въ Гельсингфорсѣ даровые спектакли праздной уличной толпѣ, произнося изъ окна своей квартиры во второмъ этажѣ рѣчи къ толпящейся на улицѣ публикѣ...

Сепаратисты, очевидно, стараются не на шутку раздуть исторію отставки своего вожака и показать какъ финляндское „общественное мнѣніе“ дорожитъ имъ, и какъ опасно увольнять его изъ Сената, а самъ г. Мехелинъ усердно помогаетъ имъ въ этомъ. Въ гельсингфорсскихъ газетахъ опять находимъ о немъ цѣлый рядъ статей, замѣтокъ, адресовъ, телеграммъ и т. д.

Между прочимъ, оказывается что въ среду, 23 мая (4 іюня), въ честь г. Мехелина устроена была новая уличная демонстрація, на этотъ разъ Гельсингфорсскимъ Обществомъ Рабочихъ (Arbetare förening).** Общество это представляетъ нѣчто въ родѣ ремесленнаго клуба, имѣетъ свое помѣщеніе для общихъ собраній и вечеровъ, читальню и свой пѣвческій хоръ. Въ составъ его входитъ значительная часть гельсингфорсскихъ ремесленниковъ и рабочихъ, а предсѣдателемъ состоитъ одинъ изъ мѣстныхъ фабрикантовъ, г. Вригтъ.

По разказу газеты *Hufvudstadsbladet* (№ 149), „на многолюдномъ собраніи Общества рабочихъ въ понедѣльникъ (21 мая) возбужденъ былъ вопросъ о чествованіи сенатора Л. Мехелина по поводу его прошенія объ отставкѣ“, и рѣшено было спросить у него чрезъ особую депутацію, желаетъ ли онъ торжественно принять дипломъ на званіе постояннаго члена Общества. Депутація, состоявшая изъ трехъ ремесленниковъ, посѣтила г. Мехелина на слѣдующій день, во вторникъ, *и получила его согласіе* (г. Мехелинъ, очевидно, разчиталъ что, для большей внушительности, не мѣшаетъ еще разъ пофигурировать предъ уличною толпой въ роли невинной „жертвы за отечество“ и „героя пострадавшаго за правду“):

„Вчера (23 мая) вечеромъ“,—продолжаетъ свой разсказъ *Hufvudstadsbladet*, —„члены Общества, по окончаніи своихъ работъ, собрались въ помѣщеніи Общества и направились оттуда, съ пѣвческимъ хоромъ Общества во главѣ, по Генрихской и Александровской улицамъ къ квартирѣ сенатора Мехелина. Процессія, къ которой на Генрихскомъ бульварѣ присоединилось Общество Типографщиковъ въ полномъ составѣ, медленно двигались впередъ и все увеличивалась, такъ что, при прибытіи на мѣсто, число участниковъ ея составляло болѣе тысячи человѣкъ. Предъ квартирой сенатора Мехелина (на Фабіанской улицѣ) еще ранѣе собралась большая

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 145, отъ 28 мая.

** См. выше, статью *„1 мая* и стачки въ Финляндіи“, стр. 289—290.

толпа, такъ что когда процессія, около девяти часовъ вечера, тамъ остановилась, то вся прилегающая мѣстность оказалась занятою массой народа, численность которой доходила до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

„Пѣвческій хоръ, подъ управленіемъ магистра Э. Леандера, запѣлъ гимнъ *Suomis Sång*. Въ то же время послана была вышеупомянутая депутація, подъ предводительствомъ г. Пехконена, для передачи сенатору Мехелину бумаги, которою Общество Рабочихъ приглашало его въ постоянные члены. Г. Пехконенъ обратился при этомъ къ сенатору съ рѣчью, въ которой подробно объяснилъ мотивы устроеннаго рабочими чествованія. Этимъ чествованіемъ, которое собрало теперь тысячи рабочихъ, они хотѣли заявить господину сенатору свое глубокое къ нему уваженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать что рабочіе, какъ и прочіе общественные классы въ нашей странѣ, высоко цѣнятъ ту опредѣленную закономъ свободу которая съ древнѣйшихъ временъ была драгоцѣннѣйшею собственностью нашего народа.“

(По отчету газеты *Uusi Suometar*, г. Пехконенъ заявилъ что рабочіе явились „для того чтобы показать что и они считаютъ святыми и почитаютъ наши политическія права, основанныя на унаслѣдованныхъ отъ предковъ законахъ“.)

По выслушаніи этой рѣчи, г. Мехелинъ „изъ открытаго окна своей квартиры обратился съ рѣчью къ рабочимъ, вокругъ которыхъ собралась громадная толпа публики, несмотря на шедшій тогда сильный дождь“. Въ своей рѣчи, сказанной сперва по-шведски, потомъ по-фински, г. Мехелинъ благодарилъ Общество Рабочихъ за избраніе его въ члены и сказалъ „что онъ смотритъ на это избраніе какъ на почетъ“.

„Подъ управленіемъ г. А. Уггла, пѣвческій хоръ спѣлъ затѣмъ *Savolaisen laulu (Саволакская пѣсня)* и гимнъ *Vårt land (Наша страна)*, который всею народною массой прослушанъ былъ съ непокрытыми головами. Предводитель привѣтственной депутаціи провозгласилъ потомъ *Lefve!* (Да здравствуетъ!) въ честь Финляндіи,—и тысячи голосовъ собравшихся рабочихъ подхватили этотъ возгласъ.“

Газета *Nya Pressen* (№ 149), также описавъ эту демонстрацію, говоритъ, по поводу ея, между прочимъ:

„Это добровольное (?) и единодушное чествованіе сенатора Мехелина гельсингфорсскими рабочими составляетъ самое краснорѣчивое доказательство того что даже въ густые ряды народа проникли забота и безпокойство нынѣшней минуты и такъ овладѣли умами что чувствуется непреоборимая потребность дать выраженіе своимъ чувствомъ. Для самого сенатора Мехелина это чествованіе должно было быть, быть-можетъ, болѣе пріятно чѣмъ какая бы то ни было изъ тѣхъ многихъ овацій предметомъ которыхъ онъ былъ въ эти дни.“

ФИНЛЯНДСКІЯ КАРРИКАТУРЫ.

1.

Финляндія въ роли несчастной, истязуемой дѣвочки-мученицы. *

(Изъ письма къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей*.)

Гельсингфорсъ, 1 іюня (20 мая).

На дняхъ окна книжныхъ магазиновъ и бумажныхъ лавокъ въ Гельсингфорсѣ украсились, вѣроятно въ знакъ уваженія и любви къ „великому Русскому народу“ такою каррикатурой:

Въ центрѣ изображена несчастная, съ распущенными волосами, полудеколь-тированная дѣвочка; руки у ней сложены на груди, выраженіе лица—мученицы покорившейся своей участи.

Справа отъ дѣвочки — три громадные мужика. Изъ нихъ первый въ лаптяхъ, въ онучахъ обвязанныхъ веревками, въ ситцевой рубахѣ на выпускъ, въ шапкѣ гречневикомъ, съ огромною дубиной въ рукахъ, которою онъ замахнулся на бѣдную маленькую дѣвочку. Лицо у мужика почернѣвшее, борода круглая, носъ толстый и короткій, словомъ—землепашецъ изъ черноземной полосы. Второй мужикъ въ сапогахъ, въ длинноломъ кафтанѣ, съ бородой лопатою, въ круглой низенькой ямщицкой шляпѣ, поверхъ которой торчатъ три пучка чего-то щетинистаго; эти пучки издали даютъ ямщицкой шляпѣ видъ короны. Выраженіе лица ямщика свирѣпо-сосредоточенное, на немъ длинный бѣлый передникъ—настоящій саечникъ изъ Гостинаго Двора; въ правой рукѣ у него четырехвостка съ узлами на концахъ, которою онъ замахнулся на ту же несчастную маленькую дѣвочку. Третій субъектъ изображенъ въ видѣ древняго русскаго витязя: высокіе съ огромными шпорами сапоги, брюки съ лампасами въ обтяжку, грудь въ кольчугѣ, верхомъ на палочкѣ-конѣ, въ правой рукѣ цѣпи съ кандалами, сбоку мечъ-кладенецъ, на головѣ дурацкій колпакъ. Кандалами витязь замахнулся на ту же маленькую дѣвочку.

Съ лѣвой стороны дѣвочки стоитъ неистово лающая на нее кудлатая собака.

Собаку держитъ на веревочкѣ первый мужикъ, и на ошейникѣ лающей собаки написано: *Ordin.*

Милая невинная дѣвочка имѣетъ на поясѣ надпись *Suomi*, то-есть „Финляндія“.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 143, отъ 26 мая.

На дубинѣ перваго мужика въ гречневикѣ читаемъ—*Moskowskia Wedomosti*.

На фартукѣ у ямщика въ пародіи на корону значится—*Nowoe Wremia*.

На дурацкомъ колпакѣ витязя съ кандалами красуется надпись—*Svet*.

Впрочемъ, надписи періодическихъ изданій сдѣланы составителемъ карикатуры, повидимому, главнымъ образомъ для отвода глазъ и для безнаказанности. Надписи мало-мальски издали не видны, вся же компановка картины разчитана на возбужденіе ненависти къ Русскимъ во всѣхъ классахъ „Снельмановъ“ и „Тугеншельдовъ“. Это не мѣшаетъ, однако, этимъ „Снельманамъ“ и „Тугеншельдамъ“, на томъ же языкѣ на которомъ печатается *Matti Meikäläinen* (журналъ опубликовавшій описанную выше карикатуру), объявлять (въ *Uusi Suometar*) что Финляндцы дорожатъ дружбой „великаго Русскаго народа“.

Оставляя въ сторонѣ содержаніе и смыслъ карикатуры (*Matti Meikäläinen*, № 11), можемъ сказать что она по рисунку и техническому исполненію мало оставляетъ желать.

Стóитъ посмотрѣть.

2.

Финляндія какъ она есть, безъ маскараднаго костюма.*

Въ pendant къ обстоятельно описанной гельсингфорсскимъ корреспондентомъ каррикатурѣ** въ № 11 *Matti Meikäläinen*, укажемъ на другую каррикатуру, напечатанную въ № 9 того же финскаго журнала.

Надъ каррикатурой заголовокъ: „Matti Meikäläisen kompromissi Herra Ordinin Kanssa“. (Компромиссъ Матти-Мейкелейнена съ господиномъ Ординымъ.)

Подъ заголовкомъ—чортъ съ рожками и съ крыльями летучей мыши. Ниже—сама каррикатура, заключающаяся въ томъ что дюжій, мускулистый человѣкъ со жжатыми кулаками, на головѣ котораго надпись „MATTI“ (Финнъ), *** съ возгласомъ сквозь злобно стиснутыя зубы: „не ври“ (älä valhettele), ударомъ кулака и пинкомъ подбрасываетъ вверхъ, къ чорту, другаго человѣка, носящаго на головномъ уборѣ надпись „ORDIN“, вмѣстѣ съ его книгой, подброшенною еще выше и ближе къ вышеозначенному чорту; книга снабжена надписью „POKORENI FINLANDI“.

Одинъ, поднятый выше головы, кулакъ этой геройствующей Финляндіи-воительницы наноситъ ударъ въ спину г. Ордина. Другой ударъ, подбросившій г. Ордина—такъ что тѣло его приняло въ каррикатурѣ горизонтальное положеніе, вися въ воздухѣ навзничь, съ растопыренными и согнутыми въ колѣняхъ ногами, съ уродливо растопыренными и запрокинутыми назадъ, то-есть внизъ, руками,—другой ударъ нанесенъ ногой Финляндіи-мстительницы,—ногой, на которой покоится другой сжатый кулакъ воителя, и которая не успѣла еще опуститься, оставаясь на одной высотѣ съ подбородкомъ героя, стоящаго, поэтому, на одной ногѣ.

Какъ вамъ нравится подобная откровенная каррикатура—особенно въ сопоставленіи съ тою финляндскою

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 144, отъ 26 мая.

** См. выше, стр. 349—350.

*** Матти—Матвѣй, Матюшка—по отношенію къ Финляндіи то же что Джонъ Буль по отношенію къ Англіи, Янки—по отношенію къ Америкѣ и т. п.

угнетенною невинностью которая фигурируетъ на рисункѣ въ № 11 *Matti Meikäläinen?* Ужъ не появилась ли эта каррикатура взамѣнъ протеста противъ одобрительнаго отзыва о книгѣ г. Ордина, публично сдѣланнаго г. директоромъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,— взамѣнъ того протеста о которомъ господа Финляндцы такъ хлопотали на Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, обивая пороги предсѣдательницы онаго, графини П. С. Уваровой? *

Но еслибъ это достойное произведеніе финляндскаго каррикатуриста, приноровленное къ мѣстнымъ вкусамъ, потребовало новаго изданія, мы порекомендовали бы издателю замѣнить поставленный имъ надъ каррикатурой заголовокъ другимъ,—напримѣръ: „Есть ли это,“ по терминологіи финляндскаго *Уголовнаго Уложенія*, „менѣе тяжкій случай оскорбленія дѣйствіемъ?“

У насъ, на Руси, появленіе въ свѣтъ подобныхъ откровенныхъ каррикатуръ не мыслимо; но въ Финляндіи свои особые нравы и „конституціонныя“ права, своя особая офиціальная цензура...

А хорошо, должно-быть, живется Русскимъ въ Финляндіи, если тамошній русскій землевладѣлецъ, даже и состоящій въ почетномъ званіи гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества, не огражденъ отъ подобныхъ нагло-циничныхъ оскорбленій въ печати, не огражденъ отъ удовольствія видѣть такую на себя каррикатуру въ собственной передней, въ рукахъ у своего, выписывающаго *Matti Meikäläinen*, лакея!...

Конечно, по финляндскимъ законамъ, г. Ординъ могъ бы пожаловаться въ судъ и, вдобавокъ къ претерпѣнному публичному глумленію, вынести еще на себѣ всѣ столь хорошо извѣстныя ему прелести финляндской судебной волокиты...

Но, полагаемъ, жаловаться ему не слѣдъ. Финское глумленіе ему не въ позоръ, а въ честь,—постыдно оно лишь тѣмъ кто его допускаетъ.

Пусть Финны посылаютъ его книгу *Покореніе Финляндіи* къ чорту: за то Императорская Академія Наукъ почтила эту самую книгу преміей православнаго русскаго святителя Макарія.

Пусть тѣ же Финны изображаютъ его въ унизительныхъ позахъ и въ видѣ собаки: стóитъ ли это какого-либо вниманія, послѣ того какъ онъ 4 іюня, еще въ званіи камергера, былъ удостоенъ высокой чести служить лично самому Государю на парадномъ обѣдѣ по случаю бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Павла Александровича и Александры Георгіевны, а вскорѣ послѣ того, Высочайшимъ приказомъ по Министерству Императорскаго Двора, 5 іюля 1889, Всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ гофмейстеры Двора Его Императорскаго Величества?

---

* См. выше, стр. 188—192.

ПИСЬМА О ФИНЛЯНДІИ.*

Письмо второе.**

1.

Ежовыя рукавицы существовали только для массы туземнаго финскаго населенія. Мѣстныя законоположенія, о сохраненіи которыхъ такъ усердно хлопотали Финляндцы при включеніи Финляндіи въ составъ Имперіи, обезпечивали интересы шведскаго дворянства и землевладѣнія и ставили это меньшинство въ такое же привилегированное положеніе какъ и остзейскихъ матрикулованныхъ помѣщиковъ среди туземцевъ и нематрикулованныхъ дворянъ.

Какъ въ церкви, школѣ, такъ и въ управленіи — официальнымъ языкомъ былъ шведскій. Упорные Финны, не взирая на вѣковое владычество Швеціи, въ огромномъ большинствѣ по-шведски не понимаютъ. Сравнительно недавно финляндскіе чиновники (и то еще далеко не всѣ) научились по-фински. По-русски, *будто бы*, не знаютъ даже тѣ Финляндцы которые прошли учебныя заведенія, съ обязательнымъ русскимъ языкомъ.*** Говоримъ: „будто бы“, ибо незнаніе русскаго языка въ Привислинскомъ и Балтійскомъ краяхъ оказалось вымышленнымъ и исчезло, какъ только правительство твердо потребовало чтобы въ общественныхъ дѣлахъ употреблялся русскій языкъ. Несомнѣнно, то же происходитъ и въ Финляндіи.

Уголовные законы 1734 (официальный переводъ 1824), отчасти смягченные съ 1864 года, отличаются большою снисходительностью къ преступленіямъ по должности. Растрата казеннаго и общественнаго имущества наказуется удаленіемъ отъ должности, съ обязательствомъ возмѣстить растраченное съ процентами по шести на сто и штрафомъ въ 40 талеровъ на каждую сотню похищенныхъ. Если, впрочемъ, уплатить нечѣмъ, виновный могъ быть повѣшенъ; но такихъ случаевъ не бывало съ незапамятныхъ временъ. Растрата частныхъ суммъ не подвергаетъ винов-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 146.

** См. выше, стр. 223—228.

*** См. выше статью „Знакомство съ Россіей въ Финляндскихъ школахъ“, Ю. Н. Верещагина. Стр. 318—332.

наго уголовной отвѣтственности. Противозаконныя сдѣлки чиновниковъ съ подрядчиками, даже сопряженныя съ ущербомъ для казны, строго караемыя по нашимъ законамъ, не считаются по шведскимъ за преступленіе.

Бо́льшая часть коронныхъ чиновниковъ могутъ быть удалены отъ должности не иначе какъ по суду, но недостатки судопроизводства чрезвычайно затрудняютъ такое дѣло. При отсутствіи слѣдователей и прокурорскаго надзора, уголовное преслѣдованіе можетъ возникнуть только путемъ частнаго обвиненія со стороны потерпѣвшаго, будь то частное лицо, или правительственное установленіе. На частнаго обвинителя возлагается обязанность не только заявить о преступленіи, но также указать виновнаго и представить доказательства. Недоказанное обвиненіе подвергаетъ доносителя штрафу и даже тѣлесному наказанію. Только дѣла о преступленіяхъ караемыхъ смертною казнью производятся казеннымъ стряпчимъ. Заявивъ обвиненіе, частный обвинитель, или потерпѣвшее лицо, обязанъ составить и на свой счетъ доставить повѣстки о вызовѣ къ суду какъ обвиняемому, такъ и свидѣтелямъ. Всѣ издержки уголовнаго процесса лежатъ на обвинителѣ и возвращаются ему, по усмотрѣнію суда, послѣ окончанія дѣла, по взысканіи ихъ съ обвиненнаго.

Полнымъ доказательствомъ признается показаніе двухъ свидѣтелей. Одинъ свидѣтель считается за половину доказательства. Свидѣтельство не-христіанъ и лицъ не достигшихъ 15лѣтняго возраста, родственниковъ, свойственниковъ, слугъ, лицъ участвующихъ въ дѣлѣ, вовсе не допускается. Внутреннее убѣжденіе судей при системѣ формальныхъ доказательствъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Свидѣтель можетъ быть понужденъ къ дачѣ показанія штрафами и тюремнымъ заключеніемъ. Судъ, въ виду уликъ, можетъ понудить обвиняемаго къ раскрытію истины „болѣе строгимъ содержаніемъ въ тюрьмѣ“. „Если по дѣлу представится болѣе половиннаго доказательства противъ обвиняемаго, а тотъ упорно отпирается, а судъ найдетъ что до присяги допустить нельзя“, то суду предоставляется „предавать дѣло Божьей волѣ, или заключать обвиняемаго въ крѣпость до признанія, или пока не откроется истина“. *

И при такой формальной важности свидѣтельскаго показанія, лжесвидѣтельство, по обвиненію въ преступленіи ненаказуемомъ смертью, карается только штрафомъ въ 40 талеровъ и лишеніемъ права свидѣтельствовать на судѣ.

Рѣшенія суда по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ приводятся въ исполненіе губернаторомъ. По жалобѣ заимодавца, онъ можетъ собственною властью посадить неисправнаго должника въ тюрьму *впредь до уплаты* и даже употреблять его на работы. За неправильныя дѣйствія въ этомъ отношеніи губернаторъ можетъ быть подвергнутъ денежному взысканію отъ 9 р. 60 к. и выше. Штрафы налагаемые губернаторомъ поступаютъ въ его личную пользу, за выдѣленіемъ иногда части доносителю.

Уголовныя наказанія отличались варварскою жестокостью. Отсѣченіе головы, повѣшеніе, колесованіе, сожженіе на кострѣ—полагались за богохульство, колдовство, кровосмѣшеніе, двоеженство, убійство, побои чиновнику, поджогъ, поддѣлку монеты, третью кражу и за нѣкоторыя другія преступленія. Поджигателю отрубали сначала руку, потомъ голову, и затѣмъ тѣло сожигали. Всѣ виды казни, кромѣ повѣшенія, отмѣнены при Русскомъ правительствѣ, но до сихъ поръ *публичное наказаніе* мущинъ палками (до 120 ударовъ), а женщинъ прутьями (до 90 ударовъ) существуетъ. Любопытнымъ обращикомъ финляндской карательной системы является заключеніе въ тюрьму на хлѣбъ и на воду не болѣе какъ на 28 дней. Туземцы употребляютъ въ пищѣ много соли, но такъ какъ законъ умалчиваетъ о соли, то заключенному даютъ только хлѣбъ и воду; несмотря на короткій срокъ заключенія, весьма немногіе выдерживаютъ наказаніе безъ серіознаго разстройства умственныхъ способностей.

---

* *Изображеніе порядка Судопроизводства въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ*, 1852 г.

Понятно что, несмотря на суровость существующихъ уголовныхъ наказаній, порядокъ преслѣдованія даетъ возможность преступленію и преступникамъ оставаться безнаказанными. Ни крестьянамъ, ни горожанамъ, безъ крайности, конечно, ни мало не улыбается длинная и разорительная перспектива уголовнаго судопроизводства. Несмотря на это обстоятельство, статистика преступности изображаетъ финляндскую общественную нравственность въ очень мрачномъ видѣ. *Сборникъ Финляндскаго центральнаго статистическаго бюро* за 1880—1888 годъ сообщаетъ число только состоявшихся судебныхъ *обвинительныхъ* приговоровъ по 1886 годъ. Число осужденныхъ было въ 1880—15.497 человѣкъ, въ 1881—15.705, въ 1882—16.685, въ 1883—18.676, въ 1884—19.017, въ 1885—19.985 (въ этомъ числѣ за нарушенія питейнаго устава 2.055), въ 1886—19.779 (за преступленія противъ питейнаго устава 2.374). Возрастаніе преступности еще замѣтнѣе въ отдѣлѣ убійствъ: ихъ было въ 1880—38, 1881—54, 1882—99, въ 1883—72, въ 1884—72, 1885—82, 1886—88; въ шестилѣтній періодъ отъ 18 человѣкъ на милліонъ число убійцъ дошло до 40. Въ Россіи собственно, въ 1881 году это отношеніе было около 19, тогда какъ въ Финляндіи было 26. Имѣя подъ руками уголовную статистику 46 губерній коренной Россіи (безъ Архангельской и трехъ Балтійскихъ губерній) за 1880 годъ, видимъ что, по соразмѣрности съ населеніемъ, 15.705 преступникамъ въ Финляндіи должны бы соотвѣтствовать 550.000 въ коренной Россіи; на самомъ же дѣлѣ судебными мѣстами и мировыми учрежденіями осуждено 75.069 ч. Въ это число не вошла судимость въ военныхъ (общихъ и полковыхъ) и волостныхъ судахъ.

Пьянство въ Финляндіи является такимъ врагомъ съ которымъ законъ издавна борется суровыми мѣрами. Продажа водки разрѣшается только въ городахъ, и то не менѣе одной канны (4 бут.) въ однѣ руки. Покупка въ складчину строго воспрещается. Въ селеніяхъ, деревняхъ, на станціяхъ, въ праздничные дни и вечеромъ передъ праздниками (во время же ярмарокъ даже въ будни) и въ городахъ не только запрещено торговать водкой, но даже всѣ трактиры *должны* быть закрыты. Несмотря на всѣ эти стѣснительныя мѣры, въ одномъ Гельсингфорсѣ, судя по отмѣткамъ мѣстныхъ газетъ, по праздникамъ и наканунѣ ихъ, въ особенности же въ базарные дни, въ полицейскіе участки забираютъ 50, 70 и до 100 человѣкъ въ день. Соотвѣтственно числу населенія, въ Петербургѣ, при такомъ же развитіи пьянства, слѣдовало бы установить цифру забираемыхъ отъ 800 до 1.600 человѣкъ—число небывалое.

Злоупотребленіе спиртными напитками подрываетъ народныя силы; ему же можно приписать значительное распространеніе идіотизма и сифилиса.

Тревожныя явленія народной жизни въ Финляндіи дополняются возрастаніемъ нищенства, или пауперизма. Въ 1886 году число лицъ не могшихъ содержать себя своимъ трудомъ составляло $3{,}_{71}\%$ всего населенія. Это число постоянно расло, начиная съ 1878 года. Въ 1878 году ихъ было 61.312 ч., въ 1879—66.821, въ 1880—67.858, въ 1881—73.501, въ 1882—75.520, въ 1883—73.723, въ 1884—74.281, въ 1885—77.688, въ 1886—82.838. Такимъ образомъ, число нищихъ въ 1886 году противъ 1878 года болѣе на 35%, тогда какъ населеніе въ этотъ періодъ времени увеличилось на 12%.

Офиціальныя цифры, приведенныя выше, отнюдь не свидѣтельствуютъ о возрастающемъ благополучіи страны. Взявъ на выдержку и на удачу нѣсколько статистическихъ данныхъ по губерніямъ внутренней Россіи, мы вездѣ встрѣтимъ лучшія отношенія нежели въ Финляндіи, несмотря на безучастіе Княжества въ наиболѣе тяжкихъ общегосударственныхъ повинностяхъ несомыхъ русскимъ населеніемъ.

II.

Одною изъ причинъ самовосхваленія финляндскихъ патріотовъ и восторговъ со стороны близорукихъ русскихъ туристовъ является положеніе народнаго образованія въ Финляндіи.

Протестантскія страны кичатся просвѣтительнымъ значеніемъ своего вѣроисповѣданія, въ силу котораго грамотность считается необходимымъ условіемъ конфирмаціи, допущенія къ таинству причащенія. Едва ли нужно объяснять что, вопервыхъ, грамотность между протестантами, не взирая на церковныя требованія, вовсе не имѣетъ такого абсолютнаго распространенія и не устраняетъ возможности безграмотности: обученный читать и писать весьма часто забываетъ грамоту, или, отбывъ испытаніе предъ конфирмаціей, затѣмъ уже не беретъ въ руки ни одной книги. Такихъ примѣровъ мы много видали въ Пруссіи среди нѣмецкихъ рыбаковъ, еще болѣе ихъ между лютеранскими Латышами и Эстами. Какъ увидимъ, то же явленіе замѣчается и въ финскомъ населеніи.

Расходуя всѣ доходы страны, даже такіе коронные какъ таможенныя пошлины и почтовый доходъ, на мѣстныя нужды; содержа $^1/_3$ или $^1/_4$ войска противъ того что́, по количеству народонаселенія, слѣдовало бы содержать уравнительно съ русскими областями; не принимая въ теченіе 80 лѣтъ почти никакого участія въ войнахъ, всегда и неизбѣжно ложившихся тяжелымъ бременемъ на основное населеніе Имперіи, — Финляндцы, конечно, могли отдавать на пользу народнаго просвѣщенія несравненно болѣе чѣмъ тратится на этотъ предметъ въ любой мѣстности Имперіи. Что же видимъ? Въ 1855 году въ Финляндіи на 10.000 населенія приходилось 70 человѣкъ учащихся: въ коренной Россіи въ то время было 56, при существованіи крѣпостнаго права. Въ 1879 году въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, на 10 тыс. душъ было *одинаково* 179 учащихся. Для дальнѣйшаго сравненія имѣются данныя только за 1884—1885 годы.

	Въ Финляндіи.	Въ 50 губерніяхъ Россіи.
Университетовъ	1 —	8 —
Студентовъ	— 804	— 12.939
Общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній	109 —	875 —
Учащихся	— 9.720	— 191.695
Спеціальныхъ заведеній	14 —	364 —
Учащихся	— 537	— 52.239
Начальныхъ и низшихъ школъ	771 —	33.835 —
Учащихся	— 49.874	— 1.896.982
Воскресныхъ школъ	31 —	— —
Учащихся	— 2.467	— —
Всего школъ	925 —	35.105 —
Учащихся	— 63.404	— 2 155.297
На 10.000 населенія	— 288	— 264

Если взять число учебныхъ заведеній по отношенію къ числу народонаселенія, то окажется что въ коренной Россіи одно учебное заведеніе приходится на 2.283 чел., въ Финляндіи на 2.343, а по числу учащихся пропорція будетъ въ пользу Финляндіи: на 10.000 душъ тамъ оказывается учащихся 288, у насъ же только 264. Но если сравнивать Финляндію съ каждою изъ 50 губерній въ отдѣльности, то она, по образованію, займетъ только пятнадцатое мѣсто, причемъ нѣкоторыя губерніи превосходятъ ее вдвое или въ полтора раза.

Но статистика открываетъ еще болѣе важное обстоятельство: уменьшеніе числа учащихся во многихъ школахъ. Въ 10 шведскихъ лицеяхъ (8классныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ) въ 1882—83 году было 1.905 учениковъ; въ 1886—87 году 1.778: уменьшеніе на $6^2/_3\%$. Въ 10 финскихъ лицеяхъ (5классныхъ прогимназіяхъ) въ 1884—85 было 912 учениковъ, въ 1886—87 году 767: уменьшеніе на 16%. Въ 4 подготовительныхъ школахъ въ 1882—83 году было 180 учениковъ, а въ 1886—87 въ *пяти* школахъ было 168 уч., уменьшеніе на $6^2/_3\%$. Въ 5 шведскихъ профессіональныхъ низшихъ школахъ (5 классовъ) въ 1882—83 было 403 уч., въ 1886—87 году 269, уменьшеніе на 33%. Въ 30 шведскихъ женскихъ школахъ (2 приготов. и 5 общихъ классовъ) въ 1883—84 было 2.510 ученицъ, въ 1886—87 году 2.303 (уменьш. $8^1/_3\%$). За то же время въ такихъ же финскихъ школахъ число

учениць уменьшилось со 109 до 85, то есть на 22%, а въ двухъ *нѣмецкихъ* съ 273 до 193, то-есть на 30%. Въ 7 навигаціонныхъ школахъ съ 1884—85 года число учащихся уменьшилось со 178 до 109, то-есть на 40%. Въ 31 воскресной школѣ въ 1882 году было 2.467, а въ 1887—2.111, уменьшеніе на 14%. Въ 17 молочныхъ школахъ въ 1884—85 году было 158 учен., а въ 1886—87 году 146—уменьшеніе на 7%.

Хотя въ общемъ итогѣ число учащихся въ общеобразовательныхъ школахъ возрастало вмѣстѣ съ приростомъ населенія, но вышеуказанныя уменьшенія почти по половинѣ всѣхъ существующихъ школъ показываютъ что всѣхъ школъ населеніе наполнить не въ силахъ, въ противоположность тому что ощущается въ русскихъ областяхъ, и что потребность образованія достигла въ Финляндіи крайняго предѣла. Вслѣдствіе этого мы встрѣчаемся съ фактомъ у насъ невѣдомымъ: школы закрываются за ненадобностью, вслѣдствіе ничтожнаго числа учащихся. Въ 1883—84 году низшихъ профессіональныхъ школъ было 17; въ 1884—85 году открыли еще 10, но въ слѣдующемъ году закрыли 2, а теперь, изъ 25 наличныхъ, въ 11 имѣется отъ 18 до 30 учениковъ, а шесть почти пусты; въ Николайштадѣ (Вазѣ) одна школа при 17 ученикахъ имѣетъ 8 учителей; въ Куопіо одна школа, при 15 ученикахъ, имѣетъ 9 учителей; въ Раумо школа съ 12 учениками и 4 учителями; въ Маріенгамѣ такая же; въ Сердоболѣ при 9 ученикахъ 4 учителя; въ Кексгольмѣ 7 учениковъ и 4 учителя. Тамъ же процвѣтаетъ шведская пятиклассная женская школа, въ которой 18 учениць и 12 учителей. Подобныя женскія школы существуютъ въ Раумо, Нюкарлебю, Якобстадѣ и Ювяскюле. Въ Вильманстрандѣ есть мужская прогимназія въ которой 6 учениковъ и 2 учителя.

Интересно отношеніе такихъ малолюдныхъ учебныхъ заведеній къ общему народонаселенію городовъ въ коихъ они находятся. Въ Торнео 1.033 жителей, школа одна, двухклассная, въ ней 20 учениковъ. Въ Нюкарлебю жителей 1.079, школа одна—*женская* пятиклассная, въ ней 20 учениць и 7 учителей. Въ Кексгольмѣ жителей 1.215, школа одна мужская, двухклассная, въ ней учениковъ 7 и учителей 4. Въ Вильманстрандѣ жителей 1.570, двѣ школы, обѣ мужскія, въ прогимназіи 6 учениковъ, въ элементарной школѣ 20, при 6 учителяхъ. Въ Нюстадѣ жителей 3.763, школа одна мужская, двухклассная, учениковъ 25 при 4 учителяхъ. Въ Раумо, при 3.696 жителей, школъ 3, въ нихъ учащихся 50.

Очевидно что спросъ на городскія школы ничтожный—явленіе противоположное тому что замѣчается въ русскихъ губерніяхъ.

Успѣхъ замѣчается въ низшемъ школьномъ обученіи, начиная съ 1884 года; но и здѣсь, изъ 461 общинъ, 97 не имѣютъ школъ; изъ 419.107 дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 16 лѣтъ) въ лютеранскихъ приходахъ, въ 1886 обучалось только 57.148, и хотя изъ 361.969 дѣтей 205.203 показаны обучающимися дома, а 152.203—въ подвижныхъ школахъ, но первая изъ этихъ цифръ гадательна, а подвижныя школы малоуспѣшны, почему много дѣтей по достиженіи 15лѣтняго возраста принуждены, ради конфирмаціи, учиться читать у пастора, чтобъ умѣть прочитать хотя бы необходимыя молитвы.

Необходимость обращаться къ пастору, конечно, за особое вознагражденіе и часто въ дальнемъ разстояніи отъ дома, указываетъ на то что дома учиться не у кого, а перехожихъ учителей нѣтъ. Очень странно что въ статистическихъ таблицахъ до точности перечислены даже куры, а между тѣмъ числа перехожихъ учителей совсѣмъ нѣтъ, хотя сосчитать ихъ не трудно: не безконтрольно же ихъ преподаваніе и право на оное? Сомнительность цифры обучающихся усиливается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Изъ поступившихъ въ 1888 году финскихъ новобранцевъ, болѣе 7% не умѣли читать, будучи 21лѣтняго возраста: слѣдовательно, число безграмотныхъ школьнаго возраста гораздо болѣе 7%, а между тѣмъ по статистикѣ 1882 года число не-обучающихся дѣтей показано только въ 2%. Изъ этого видно что или при

конфирмаціи можно оставаться безграмотнымъ, или что умѣнье читать при конфирмаціи еще не есть умѣнье читать вообще.

Если предположить что въ столь важномъ дѣлѣ какъ учрежденіе учебныхъ заведеній оказывается что число училищъ въ настоящее время превышаетъ дѣйствительную потребность, которою первоначально обусловливалось ихъ открытіе, а одновременно съ этимъ обнаруживается что есть основанія допустить большее (на 5%) число безграмотныхъ нежели означено въ официальной статистикѣ, то придется заключить что народное просвѣщеніе въ Финляндіи стоитъ вовсе ужь не такъ высоко какъ обыкновенно думаютъ. *

III.

Между губерніями Европейской Россіи вся Финляндія занимаетъ по пространству—четвертое, а по числу народонаселенія — тринадцатое мѣсто. Ее можно приравнять одной средней губерніи, ** между тѣмъ она крайне неравномѣрно раздѣляется на *восемь* губерній и на 51 уѣздъ, хотя городовъ только 36. Кромѣ Гельсингфорса (53 т.) и Або (27 т.), населеніе городовъ незначительно: губернскій городъ С. Михель имѣетъ менѣе 2.000 жителей, а пятнадцать городовъ и того меньше: напримѣръ, въ Кеми 436 чел. обоего пола.

Деревень считается 9.916, но такъ какъ при участковомъ землевладѣніи каждый обязанъ селиться на своемъ участкѣ, то деревни въ большинствѣ случаевъ не представляютъ сплоченнаго поселенія, а только совокупность нѣсколькихъ десятковъ усадьбъ разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ. Десятка два, три деревень составляютъ общину, которыхъ считается 52 городскихъ и 478 сельскихъ. Православныхъ городскихъ общинъ 10, сельскихъ 24, католическихъ общинъ 2.

Кромѣ быстро разрастающагося Гельсингфорса, городское населеніе во всѣхъ городахъ не увеличивается, а во многихъ мѣстахъ убываетъ, и уменьшеніе составляетъ (по городскимъ регистрамъ плательщиковъ личной подати) до $2^1/_2$%. Причины такого страннаго явленія раскрываются въ движеніи населенія вообще.

За трехлѣтіе 1883—1885, въ Финляндіи, при населеніи въ 2.167.600 душъ, ежегодно было браковъ 16.370 ($0{,}_{75}$%), рожденій—76.551 ($3{,}_{53}$%), умершихъ—45,919 ($2{,}_{12}$%), слѣдовательно приростъ опредѣляется въ 30.632 чел., или въ $1{,}_{41}$%. Въ Европейской Россіи за тотъ же періодъ было браковъ—$0{,}_{87}$%, рожденій—$4{,}_{83}$%, умершихъ—$3{,}_{5}$%, приростъ—$1{,}_{43}$%. Такимъ образомъ, въ Финляндіи браковъ меньше нежели въ Россіи на 14%, а рожденій на 28% (на 100 рожденій въ Россіи—72 въ Финляндіи); но смертность, благодаря лучшему уходу за дѣтьми, въ Финляндіи меньше на 40%, почему оказывается что средній приростъ населенія Финляндіи почти не менѣе чѣмъ въ Россіи. Уменьшенію смертности помогаетъ чистота скалистой почвы и обиліе молочной пищи. Но съ 1871 года въ Финляндіи не только относительный, но и абсолютный приростъ населенія замѣтно уменьшается.

Съ 1871 по 1875 годъ населеніе воз-

---

* Въ томъ „протестѣ“ противъ русской печати, который составленъ былъ недавно Финляндцами (первоначально на шведскомъ языкѣ) какъ бы отъ имени проживающихъ въ краѣ Русскихъ (см. выше, стр. 291—294), съ особеннымъ удареніемъ указывается, между прочимъ, на то что, „за незначительными исключеніями, всѣ Финляндцы грамотны; что въ большей части приходовъ имѣется даже по нѣсколько народныхъ школъ, не говоря о городскихъ школахъ и гимназіяхъ устроенныхъ на современныхъ началахъ“. По смыслу „протеста“ (какъ это нерѣдко заявлялось и въ финляндской печати) мнимо-высокій образовательный уровень Финляндцевъ долженъ служить какъ бы оправданіемъ финляндскихъ привилегій и особой, отдѣльной отъ „варварской“ Россіи, финляндской „государственной организаціи“ въ формѣ „конституціонной монархіи“. Приводимыя здѣсь г. Петровымъ статистическія данныя показываютъ, однако, что такого основанія для финляндскихъ притязаній (еслибы даже это дѣйствительно можно было считать основаніемъ) вовсе не существуетъ. *Прим. Ред. „Моск. Вѣд.“*

** См. выше, стр. 61—64, 67—69.

расло съ 1.768,769 чел. до 1.912.647, то-есть на 143.878 чел., или на $8_{,14}$%; съ 1876 по 1880 годъ съ 1.912.647 до 2.055.213 чел., то-есть на 142.556 чел., или на $7_{,45}$%; съ 1881 по 1885 годъ съ 2.055.213 чел. до 2.196.581 чел., то-есть на 141.368 чел., или на $6_{,88}$%.

Убыль въ приростѣ усиливается увеличеніемъ эмиграціи. За четыре года, съ 1882 по 1885, эмигрировало въ Сѣверную Америку 4.503 чел., въ 1886—1.324, а въ 1887 году—6.117 мущинъ, женщинъ и дѣтей. Главнымъ образомъ выселяются мущины въ возрастѣ отъ 21 до 39 лѣтъ.

Среднее число незаконнорожденныхъ въ Финляндіи за 1883—85 годы ежегодно было 5.366, или 7% годовой рождаемости, причемъ на сельское населеніе приходится $6_{,58}$%, а на городское $12_{,72}$%. Въ Россіи за это время годовое число незаконнорожденныхъ было 104.160, или $2_{,14}$%, изъ которыхъ на сельское населеніе приходится $1_{,77}$%, а на городское—$11_{,12}$%. Такимъ образомъ, незаконнорожденныхъ въ Финляндіи почти втрое болѣе чѣмъ въ Россіи.

М. ПЕТРОВЪ.

„ГРАЖДАНИНЪ“ ДАВШІЙ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ „МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

(Изъ передовой статьи № 156 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 7 іюня.

Съ разныхъ сторонъ обращаются къ намъ съ запросами и даже съ укорами, почему мы ничего не отвѣчаемъ на посвященный намъ и нашимъ «финляндскимъ» статьямъ «Дневникъ» князя Мещерскаго отъ 30 мая, въ № 149 *Гражданина* отъ 31 мая.

Нечего дѣлать, во вниманіе къ этимъ обращеніямъ, возьмемъ на себя трудъ разсмотрѣнія этой вздорной, хотя и злобной, пустой, хотя и преисполненной змѣиными инсинуаціями, болтовни издателя *Гражданина*.

Усмотрѣвъ какого-то «жида» въ нашихъ финляндскихъ статьяхъ, «скорбный главою» издатель *Гражданина* изрекаетъ надъ этими статьями слѣдующій приговоръ:

Газета г. Петровскаго, желая какъ будто показать своимъ читателямъ что она патріотичнѣе самого правительства, все время производитъ два дѣйствія: возбуждаетъ противъ правительства всѣ народныя страсти въ Финляндіи, а рядомъ съ этимъ подводитъ правительство и диктуетъ ему такія патріотическія задачи, выполненіе коихъ кажется легкимъ г. Петровскому, но не правительству, которое обязано каждый вопросъ рѣшать осторожно, предусмотрительно, уважая свои традиціи и свои нравственныя обязанности и устраняя все что можетъ государственному вопросу дать острый и недостойный русскаго правительства характеръ международныхъ страстей, или того что Французы называютъ querelle d'allemand.

Это, — говоритъ князь Мещерскій,—«Я испытываю», «Я чувствую», «Я понимаю», «Я полагаю»... Охъ, это шутовское «я»! Ну кому можетъ быть интересно, ну стóитъ ли вообще чьего-либо вниманія, что́ испытываетъ, чувствуетъ, понимаетъ (?) и полагаетъ издатель *Гражданина*?

Несомнѣнно что онъ говоритъ съ чужаго голоса, не свой, а чужія слова. Но имѣютъ ли эти слова какое-либо основаніе?

Вопервыхъ, русскія газеты въ Финляндіи не читаются: читать ихъ тамъ, по незнанію русскаго языка,

некому. А если такъ, то какимъ же образомъ могутъ онѣ «возбуждать противъ правительства всѣ народныя страсти въ Финляндіи»? Возбуждаетъ эти страсти не русская, а финляндская печать безпрерывнымъ дождемъ рѣзко оппозиціонныхъ статей, обращиками коихъ, помимо многаго множества другихъ, могутъ служить хотя бы воспроизведенныя въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* цѣликомъ двѣ статьи: «Вопросъ дня» изъ финской газеты *Päivälehti*, отъ 24 февраля,* и «Законность и Терроризмъ» изъ гельсингфорсской газеты *Hufvudstadsbladet*, отъ 11 марта.**

Вовторыхъ, еслибы мы и могли возбуждать страсти—не Финскаго народа, а развѣ только финляндской печати, что̀, полагаемъ, не одно и то же,—то лишь противъ самихъ же себя, противъ *Московскихъ Вѣдомостей*, а никакъ не противъ правительства, ибо газета наша ни въ какомъ отношеніи не носитъ офиціознаго характера, а стало-быть и наши сообщенія и соображенія никто не имѣетъ основаній ставить на счетъ правительству и дѣлать его за нихъ отвѣтственнымъ.

Втретьихъ, цѣлью нашихъ финляндскихъ статей было всегда лишь ознакомленіе, въ строго правдивомъ свѣтѣ, съ финляндскою дѣйствительностью и съ историческомъ ходомъ ея возникновенія, а никакъ не претензія диктовать какія-либо задачи правительству. Если же однимъ правдивымъ освѣщеніемъ пребывавшихъ прежде въ глубокой темнотѣ и совершенной неизвѣстности сторонъ финляндской жизни сами собою ставятся разныя требующія рѣшенія задачи, то наша ли въ томъ вина? И лучше ли было бы, входило ли бы въ виды Русскаго правительства, чтобы всѣ финляндскія дѣла оставались попрежнему покрытыми мракомъ невѣдѣнія,—тѣмъ мракомъ, подъ кровомъ коего и создалось все то что̀ повело къ постановкѣ финляндскаго вопроса самимъ правительствомъ, помимо какихъ бы то ни было газетныхъ статей. Осторожному и предусмотрительному рѣшенію поставленнаго правительствомъ вопроса наши статьи, имѣющія вѣсъ лишь поскольку онѣ правдивы, ни въ какомъ отношеніи мѣшать не могутъ. Этому осторожному, предусмотрительному, неторопливому и послѣдовательному рѣшенію разнообразныхъ задачъ относящихся къ финляндскому вопросу могло бы вредить, какъ показалъ восьмидесятилѣтній опытъ, развѣ только одностороннее, и потому невѣрное, освѣщеніе этихъ задачъ съ одной только финляндской стороны, безъ освѣщенія со стороны русской.

Для возможности же сего послѣдняго, когда оно потребуется, нужно *заблаговременное* распространеніе въ русской средѣ свѣдѣній о Финляндіи, не просто принятыхъ отъ Финляндцевъ на вѣру, но провѣренныхъ русскою критикой.

Есть въ Финляндіи извѣстная, пользующаяся тамъ большимъ вліяніемъ и не малыми связями въ Петербургѣ, партія, интересы которой требуютъ чтобы русская критика финляндскихъ дѣлъ не допускалась, чтобы правдивыя свѣдѣнія о Финляндіи не распространялись, и чтобы Русскіе люди смотрѣли на Финляндію и на все до нея касающееся не иначе какъ сквозь финляндскія очки. Но развѣ возможно взглядъ этой партіи считать взглядомъ Русскаго правительства, которое, когда найдетъ нужнымъ, можетъ извлечь лишь пользу изъ распространенныхъ и критически провѣренныхъ въ Россіи свѣдѣній?

Негодованіе на наши финляндскія

---

* См. выше, стр. 180—183.

** См. выше, стр. 203—215.

статьи со стороны упомянутой финляндской партіи понятно: ей всего желательнѣе чтобы въ Россіи не имѣли о Финляндіи, ея правахъ законахъ, порядкахъ и т. д. никакихъ сколько нибудь отчетливыхъ свѣдѣній, чтобы сами русскіе государственные люди имѣли обо всемъ этомъ лишь самыя смутныя понятія. Для людей означенной партіи, наши финляндскія статьи,—въ которыхъ строго провѣрены каждый сообщенный фактъ, каждая приведенная цитата,—просто невыносимы, и они, конечно, были бы очень рады зажать ротъ русской печати, дабы распространяемая ими анти-русская тенденціозная ложь не встрѣчала отпора и изобличающей критики. Для ихъ лжи—наши статьи несомнѣнно вредны. Но почему за эту ложь стали бы заступаться съ русской стороны? Что могло бы расположить какіе-либо петербургскіе кружки въ пользу этой лжи и противъ разоблачающихъ эту ложь статей, которыхъ люди сихъ легкомысленныхъ кружковъ, пожалуй, даже и вовсе не читаютъ?

—

Привыкшій болтать обо всемъ съ одинаковою развязностью, какъ о Православной Церкви, такъ и о каскадныхъ шансонеткахъ, князь Мещерскій въ своемъ упомянутомъ «Дневникѣ» ведетъ рѣчь о «матеріяхъ важныхъ» — о финляндскомъ и объ еврейскомъ вопросахъ... Казалось бы,—что смыслитъ, что можетъ понимать князь Мещерскій въ этихъ вопросахъ? Ну, какое ему до нихъ дѣло? Онъ и самъ знаетъ что ему до нихъ никакого дѣла нѣтъ и съ наивною откровенностью публично сознается въ этомъ, пояснивъ въ слѣдующихъ словахъ зачѣмъ именно заговорилъ онъ объ еврейскомъ и финляндскомъ вопросахъ (воспроизводимъ его слова буквально, подчеркивая что имъ подчеркнуто):

Я просто въ отвѣтъ на весьма *непримичныя* лекціи, мнѣ прочитанныя „Московскими Вѣдомостями“ по поводу епископа и его рѣчи, хочу *примично* отплатить имъ долгъ ученической благодарностью...

Еврейскій и финляндскій вопросы оказались 30 мая у князя Мещерскаго въ тѣсной связи съ вопросомъ объ «епископѣ и его рѣчи» *, какъ прямыя вытекшія отсюда послѣдствія...

---

* О какомъ „епископѣ“, о какой „рѣчи“?

„Рѣчь“ была произнесена въ Московскомъ каѳедральномъ Чудовомъ монастырѣ четыре мѣсяца тому назадъ, 1 февраля 1890 года, старшимъ викаріемъ Московскимъ, преосвященнымъ Виссаріономъ Дмитровскимъ, и напечатана въ № 33 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 2 февраля. Дерзкая и злостная клевета на эту рѣчь, на произнесшаго ее архіерея и кстати на русское православное архипастырство вообще—напечатана въ № 39 *Гражданина*, отъ 8 февраля. Изобличена эта клевета въ № 45 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 15 февраля.

Затѣмъ слѣдовали презрѣнныя виляніи и увертки, къ которымъ люди *Гражданина* прибѣгали чтобы хоть съ грѣхомъ пополамъ выйти сухими изъ воды,—посылая одною рукой *неласныя* извинительныя письма къ оклеветанному архипастырю, а другою публикуя въ своей газетѣ *ласныя* инсинуаціи въ томъ смыслѣ что де клевета-то не совсѣмъ клевета, что извиняться въ ней приходится лишь страха ради іудейска, въ виду „неснисходительныхъ сужденій органа Правительствующаго Синода“, и что не будь „опасенія кары по дѣламъ печати“, князь Мещерскій далъ бы де всѣмъ возмущеннымъ клеветой такой „отвѣтъ по существу“ отъ котораго угоришь... (См. №№ 49, 50, 53 и 55 *Гражданина* за 1890 годъ.)

Эти новыя инсинуаціи и увертки съ „задаваніемъ тона“,—признаваемыя, по нравственному кодексу *Гражданина*, „поступкомъ порядочнаго человѣка“,—были обстоятельно и доказательно изобличены въ №№ 52 и 58 *Московскихъ Вѣдомостей* за тотъ же 1890 годъ. Дальнѣйшія виляніи сдѣлались невозможными.

Похваляясь всенародно что онъ «подходитъ къ уразумѣнію чутьемъ Царскихъ мыслей», что его газета есть органъ «который не можетъ не знать какъ мыслитъ и чувствуетъ нашъ Государь»,—ибо де «я угады-

---

При всемъ своемъ нестыдѣніи, даже и люди *Гражданина* не могли публично отрицать что единственнымъ „поступкомъ порядочнаго человѣка“ было бы именно то чего они не сдѣлали,—напечатать текстъ оклеветаннаго ими архипастырскаго слова. Этотъ текстъ явился бы документальнымъ опроверженіемъ всѣхъ напечатанныхъ по его поводу въ *Гражданинѣ* лжей и инсинуацій предъ тою самою публикой, предъ которою слово православнаго архіерея было столь безстыдно оболгано. Но напечатать оклеветанную рѣчь значило бы отчасти исправить посѣянное клеветой зло, значило бы частью разсѣять незаслуженныя нареканія на сонмъ архипастырей Русской Православной Церкви, безосновательныя сомнѣнія въ ихъ якобы не отвѣчающемъ церковнымъ и государственнымъ требованіямъ достоинствѣ,—тѣ нареканія и сомнѣнія которыя были пущены въ ходъ *Гражданиномъ* и не могли не смутить многихъ. Но развѣять старательно посѣянную въ умахъ вредную смуту касательно русскаго православнаго архипастырства,—такое ли это дѣло на которое могъ бы рѣшиться *Гражданинъ*, печатно похваляющійся что онъ „достаточно извѣстенъ своимъ уваженіемъ къ Церкви“? Люди *Гражданина* предпочли прикусить языкъ и умолкнуть.

Но все это было такъ давно: зажавшая ротъ людямъ *Гражданина* статья № 58 *Московскихъ Вѣдомостей* появилась 28 февраля, и съ тѣхъ поръ прошло больше трехъ мѣсяцевъ.

Что жь такое? Говорятъ, у иныхъ господъ заведены особыя секретныя памятныя книжечки, въ которыя заносятся имена тѣхъ кому полагается рано ли, поздно ли, но *примѣчно* воздать по сердцу своему... Подождавъ хотя бы не мѣсяцы, а цѣлые годы, всегда дождешься удобнаго для тѣхъ или иныхъ цѣлей момента; возникнетъ, напримѣръ, судебный процессъ,—почему не явиться и не дать на судѣ показаніе бросающее мрачную тѣнь на память всѣми высокочтимаго, славнаго подвижническою жизнію, митрополита Русской Православной Церкви? Умретъ геніальный русскій публицистъ, оставившій потомкамъ на вѣки незабвенное историческое имя: почему не отдать ту же минуту въ печать заготовленное „краткое поминанье“ такого

содержанія что прочитавшій его долженъ остаться подъ впечатлѣніемъ что покойнымъ совершено нѣчто ужасное, если не позорное,—нѣчто такое что могло быть искуплено развѣ лишь цѣною долгихъ и тяжкихъ предсмертныхъ душевныхъ мукъ?

А князь Мещерскій для „отплаты“ *Московскимъ Вѣдомостямъ* выжидалъ всего только три мѣсяца и два дня, съ 28 февраля по 30 мая... Ему почему-то показалось будто въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ петербургскихъ кругахъ пошли кое-какіе неблагопріятные для *Московскихъ Вѣдомостей* толки. Вотъ князь Мещерскій и подумалъ: семъ-ка я подолью масла въ огонь,—будетъ „приличная“ княжеская отплата.

И дѣйствительно, князь Мещерскій, за изобличеніе клеветы на епископа, *примѣчно* „отплатилъ“ намъ клеветливыми инсинуаціями по части еврейскаго и финляндскаго вопросовъ. Хорошо. Но почему онъ, титулуя свою княжескую отплату „приличною“, именуетъ наши статьи, за которыя послѣдовало сіе его возмездіе, „неприличными“ лекціями? Вѣдь эти статьи наши, и особенно послѣдняя изъ нихъ (*Моск. Вѣд.* № 58), состояли, главнымъ образомъ, изъ точнаго воспроизведенія собственныхъ словъ *Гражданина* и его издателя,—словъ, въ которыхъ онъ, не стѣсняясь, патетически восхвалялъ нравственныя и иныя достоинства своего сотрудника г. Филиппова, „пробившаго себѣ дорогу къ высокому государственному положенію“, и упоминалъ объ его „увлеченіяхъ“;—словъ, въ которыхъ князь Мещерскій заявлялъ свою политическую солидарность съ этимъ своимъ сотрудникомъ;—словъ, въ которыхъ сказалось неукоснительно благоговѣйное отношеніе *Гражданина* къ Греческой Константинопольской Церкви и малопочтительное отношеніе къ Церкви Россійской, доходящее до насмѣшливыхъ отзывовъ о проявляемой кѣмъ-либо у насъ „ревности о чести епископа“ сей послѣдней Церкви... и т. д.

О, невмѣняемый издатель *Гражданина!* Онъ такъ-таки и не въ состояніи додуматься самъ до причинъ почему мы такъ мало, сравнительно, говоримъ по еврейскому вопросу! Приходится хоть отчасти пояснить ему это.

ваю и чую мысли моего Государя и ими только вдохновляюсь какъ правдою, какъ голосомъ наро-

---

Еврейскій вопросъ—вопросъ жгучій, гораздо болѣе жгучій чѣмъ, напримѣръ, китайскій вопросъ въ Америкѣ. Еврейство, въ особенности кагальное еврейство,—застарѣлая, наболѣвшая, сознанная, общеизвѣстная язва, которую слѣдуетъ лѣчить, а не бередить. Лѣчить же ее могутъ только правительственныя мѣры—законодательныя реформы и административныя распоряженія, конечно не въ іудофильскомъ направленіи, между тѣмъ какъ газетная болтовня, въ родѣ рекомендуемой кн. Мещерскимъ, могла бы только разжигать страсти,—тѣ страсти, которыя не разъ уже въ разныхъ мѣстахъ прорывались извѣстными погромами, едва ли не тяжелѣе отзывавшимися на науськанномъ русскомъ населеніи чѣмъ на подвергавшихся погромамъ Евреяхъ. Ужь не на путь ли возбужденія этихъ страстей хотѣли бы направить насъ вдохновители *Гражданина*?

Но идти по указываемой этими господами дорожкѣ „шипящаго за Россію негодованія противъ“ Евреевъ значило бы не что иное какъ именно „проявлять дешевый патріотизмъ и политику пятачковъ“, будто бы презираемую княземъ Мещерскимъ, по-гостинодворски приглашающимъ своихъ подписчиковъ „оцѣнить его къ нимъ вниманіе“ и „употреблять всѣ усилія къ тому чтобъ... изданіе *Гражданина*... распространять“. Мы отлично знаемъ что ничто не препятствовало въ такой мѣрѣ распространенію нашей газеты какъ именно наша, вызванная указанными соображеніями, сдержанность по еврейскому вопросу,—сдержанность, отзывавшаяся для насъ не однимъ матеріальнымъ ущербомъ, но еще и тѣмъ что давала мнимую опору клеветливымъ сплетнямъ и инсинуаціямъ которыя приводили нашу публицистическую дѣятельность въ прямую связь съ какими-то „Еврейчиками Москвы“ (*Гражданинъ*, № 59),—сплетнямъ и инсинуаціямъ, исходившимъ изъ той же нравственно-неразборчивой среды изъ которой распущены по свѣту клеветы на московскаго викарія и на русское архипастырство вообще.

Наше воздержаніе отъ вредныхъ филиппикъ, конечно, не помѣшаетъ намъ высказать свои сужденія по еврейскому вопросу,

да»,*—князь Мещерскій счелъ себя призваннымъ и уполномоченнымъ дать намъ «предостереженіе» (sic)... «отъ ложнаго увлеченія въ финляндскомъ вопросѣ, въ интересахъ чисто правительственныхъ»...

Но сущность и смыслъ этого предостереженія, даннаго намъ кн. Мещерскимъ во имя правительственныхъ интересовъ, заключается вовсе

когда того потребуетъ долгъ нашего публичнаго служенія. Но и тогда мы постараемся удержаться въ границахъ правды, не поддаваясь обычнымъ у людей *Гражданина* „увлеченіямъ“,—слово, которымъ они не смущаясь оправдываютъ пускаемыя ими въ ходъ инсинуаціи. Такъ, напримѣръ, въ своемъ *Дневникѣ* отъ 30 мая, князь Мещерскій не удовольствовался огульнымъ обвиненіемъ Евреевъ въ „возбужденіи народныхъ страстей противъ самодержавнаго правительства“ и въ томъ что они „были главными разжигателями польскаго мятежа“: въ своемъ обычномъ „увлеченіи“, онъ добавилъ къ этому что „они же были главными русскими патріотами противъ мятежа въ редакціяхъ русскихъ газетъ“ (ужь не они ли въ ту достопамятную эпоху диктовали покойному М. Н. Каткову его высокопатріотическія статьи?), и что *еврейскій* вопросъ „гораздо болѣе грозитъ *цѣлости Россіи и престола* (!) чѣмъ финляндскій“...

Что наше еврейство, съ его племенною и религіозною обособленностью и исключительностью, во многихъ отношеніяхъ является общественною и государственною язвой, что кагальное вліяніе и эксплуататорская дѣятельность еврейства вредны и, пожалуй, вреднѣе иного національнаго сепаратизма, противъ этого не мы будемъ спорить, но... Но гдѣ же открылъ князь Мещерскій ту русскую область которую Евреи вознамѣрились оторгнуть отъ Россіи? Когда же это они задумали воздвигнуть въ таковой области свой особый „еврейскій престолъ“, помимо единаго Царскаго Престола Россійской имперіи?

О безшабашный болтунъ, неспособный дать себѣ отчетъ въ собственныхъ словахъ, по непониманію ихъ смысла! (*Московскія Вѣдомости*, 1890 года, № 156.)

* См. ноябрьскіе и декабрьскіе нумера *Гражданина* за 1887 годъ, №№ 59 и 65.

не въ финляндскомъ вопросѣ: князю Мещерскому нужно лишь чтобы мы «соблюдали скромность». Онъ прямо объявилъ что—

если бы *Московскія Вѣдомости*.... имѣли тактъ соблюдать скромность... всѣмъ было бы хорошо, и никто не имѣлъ бы основаній нарушать ихъ жизненнаго покоя.

Въ чемъ же и чѣмъ нарушена нами скромность, такъ что кому-то стало не хорошо, и онъ получилъ основаніе нарушить нашъ «жизненный покой»?

Князь Мещерскій отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ слѣдующемъ «скромномъ» заявленіи:

Московскія Вѣдомости... позволяютъ себѣ... роль преподавателя консерватизма (не клерикализма ли?) и патріотизма для такихъ газетъ и изданій которыя, какъ мое изданіе, немного болѣе ихъ смыслятъ въ этихъ вопросахъ, и во всякомъ случаѣ просьбою поступить къ нимъ въ школу гг. Петровскихъ не безпокоили.

И есть люди не стыдящіеся прислушиваться къ „Гражданину“!...

ГАЗЕТА Г. НОТОВИЧА

И

РѢЧИ Г. МЕХЕЛИНА.*

Кто бы могъ ожидать единомыслія и единодушія между *Гражданиномъ* князя Мещерскаго и *Новостями* г. Нотовича? А оно оказалось воочію. Князь Мещерскій написалъ 30 мая „Дневникъ“, въ которомъ выставилъ Евреевъ въ роли разжигателей мятежей, возбудителей народныхъ страстей противъ самодержавнаго правительства, а еврейскій вопросъ вообще гораздо болѣе грозящимъ цѣлости Россіи и престола чѣмъ вопросъ финляндскій,**—и г. Нотовичъ, по зрѣломъ размышленіи, продолжавшемся полторы недѣли, призналъ, въ № 158 *Новостей*, отъ 11 іюня, содержаніе означеннаго „Дневника“ *„вполнѣ резонными“*...

Не остался безъ отклика и вопросъ поставленный 30 августа княземъ Мещерскимъ касательно „газетной мути“ по части финлядскихъ дѣлъ,—вопросъ: „гдѣ тутъ жидъ сокрытъ?“ Этотъ откликъ появился въ видѣ корреспонденціи изъ Гельсингфорса напечатанной въ № 155 *Новостей*, отъ 8 іюня.

На этой корреспонденціи, какъ на обращикѣ преподносимой публикѣ „газетной мути“, нельзя не остановиться.

Вся корреспонденція *Новостей*, о которой рѣчь, заключается въ воспроизведеніи полнаго текста двухъ рѣчей произнесенныхъ сенаторомъ Мехелиномъ во время извѣстныхъ, устроенныхъ въ честь ему, уличныхъ демонстрацій.*** Но приведенъ текстъ этихъ рѣчей не спроста, а съ поясненіемъ что сдѣлано это—„въ виду появившагося въ *русскихъ* газетахъ у м ы ш л е н н о и с к а ж е н н а г о текста рѣчей“ г. Мехелина, и въ виду того что вторая половина первой рѣчи была де „очевидно с ъ у м ы с л о м ъ пропущена *московскою* газетой“.

Гдѣ же изобличить злоумышленіе русской печати вообще и „московской“ газеты въ особенности, если не въ петербургской не-русской газетѣ г. Нотовича? И вотъ „сокрытый тутъ жидъ“ объявился во всей своей прелести.

Представьте себѣ только одно: факта, которымъ возмутился гельсингфорсскій корреспондентъ, вовсе не было. Не было въ русской печати не только умышленнаго, но и неумышленнаго искаженія

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 163, отъ 15 іюня.

** См. выше, стр. 359—364.

*** См. выше, стр. 345—348.

текста рѣчей г. Мехелина, по той простой причинѣ что текстъ этихъ рѣчей въ ней вовсе не приводился, ни съ пропусками, ни безъ пропусковъ.

На насъ лежитъ долгъ заявить это, такъ какъ подробный отчетъ о толкахъ вызванныхъ отставкой г. Мехелина * и объ устроенныхъ по этому поводу въ Гельсингфорсѣ демонстраціяхъ помѣщенъ былъ только въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а нѣкоторыми другими русскими и заграничными газетами (напримѣръ, *Berliner Tageblatt*) лишь перепечатанъ.

Въ статьѣ *Отставка финляндскаго сенатора Мехелина и „патріотическое чествованіе“ его*, ** въ № 144 *Московскихъ Вѣдомостей*, со словъ газеты *Hufvudstadsbladet*, о рѣчи г. Мехелина было напечатано лишь слѣдующее: ***

> Послѣ *Suomis Sång* провозглашено было девятикратное энтузіастическое *ура* въ честь сенатора, который затѣмъ въ нѣсколькихъ, далеко раздававшихся, словахъ благодарилъ за оказанную ему симпатію; эта симпатія, сказалъ ораторъ, можетъ быть ему лишь пріятно въ столь серіозную минуту. Онъ принимаетъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ какъ доказательство согласія съ тѣми принципами которымъ онъ слѣдовалъ въ своей дѣятельности.

Затѣмъ, о второй рѣчи г. Мехелина, въ статьѣ *Финляндскій герой дня и новая уличная демонстрація въ Гельсингфорсѣ*, въ № 145 *Московскихъ Вѣдомостей*, **** (опять со словъ той же гельсингфорсской газеты) было упомянуто лишь въ нѣсколькихъ словахъ, а именно:

> Въ своей рѣчи, сказанной сперва по-шведски, потомъ по-фински, г. Мехелинъ благодарилъ Общество Рабочихъ за избраніе его въ члены и сказалъ „что онъ смотритъ на это избраніе какъ на почетъ“. †

Какъ видно отсюда, *текста* рѣчей г. Мехелина мы вовсе не приводили, а слѣдовательно никакого „искаженія“ ихъ у насъ не могло и быть. Подлиннаго текста первой рѣчи не было и въ газетѣ *Hufvudstadsbladet* * (по отчету которой, съ нѣкоторыми сокращеніями, мы разсказали о демонстраціяхъ). Да и вообще рѣчи г. Мехелина не представлялись настолько интересными чтобы приводить ихъ цѣликомъ, тѣмъ болѣе что и безъ нихъ описаніе демонстрацій заняло много мѣста. Мы ограничились указаніемъ на ихъ содержаніе, — и изъ сличенія вышеприведенныхъ цитатъ изъ статей *Московскихъ Вѣдомостей* съ текстомъ рѣчей явствуетъ что у насъ при этомъ не было допущено ни малѣйшей неточности. Но газетѣ ли г. Нотовича, его ли корреспондентамъ наводить справки въ статьяхъ которыя имъ понадобится выставить въ ненавистномъ видѣ?

Впрочемъ, не исправленіе небывалой неточности въ сообщеніи нашей газеты было настоящею цѣлью гельсингфорсской корреспонденціи *Новостей*. Требовалось совсѣмъ другое: понадобилось ослабить неблагопріятное впечатлѣніе произведенное въ Россіи гельсингфорсскими демонстраціями и представить г. Мехелина въ видѣ невиннаго агнца исповѣдующаго самые безобидные и

---

* См. выше, стр. 338—342.

** См. выше, стр. 339—342 и 345—347.

*** См. выше, стр. 346.

**** См. выше, стр. 347—348.

† См. выше, стр. 348.

* Онъ приведенъ въ газетѣ *Nya Pressen* (№ 145), откуда его, повидимому, заимствовалъ и корреспондентъ *Новостей*; но онъ при этомъ переводитъ рѣчь не совсѣмъ точно, что приписываемъ, впрочемъ, не злому его умыслу, а просто неумѣнью точно переводить. По словамъ *Nya Pressen*, г. Мехелинъ говорилъ такъ:

„Уважаемые сограждане! Благодарю васъ за это чествованіе (för denna hyllning), столь сердечно выраженное въ серіозную минуту (i en allvarlig stund). Я вижу вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ доказательство симпатіи къ тѣмъ принципамъ которыхъ я всегда держался во время моей дѣятельности (under min verksamhet). Они могутъ быть вкратцѣ (i korthet) изложены слѣдующимъ образомъ: пусть каждый сынъ Финляндіи, при вѣрноподданническомъ почтеніи къ Монарху (under trofast vördnad för Monarken) и непоколебимомъ уваженіи къ законамъ, посвящаетъ всѣ свои силы и стремленія благу отечества (fädernes-landets väl). Я благодарю васъ, господа, отъ всего сердца.“

лойяльные „принципы“. Этой цѣли и старался достигнуть корреспондентъ, подчеркнувъ въ своемъ переводѣ нѣкоторыя слова г. Мехелина въ первой его рѣчи, а именно:

Эти принципы, въ немногихъ словахъ, выражаются въ томъ чтобы каждый истый сынъ Финляндіи съ *непоколебимою вѣрностью Монарху и неизмѣннымъ уваженіемъ къ законамъ* прилагалъ всѣ свои силы и всѣ старанія къ развитію благосостоянія отечества.

Такъ излагаетъ *теперь* г. Мехелинъ *вкратцѣ* свои „принципы“ предъ уличною толпой. Но его „принципы“ хорошо извѣстны изъ *подробнаго* ихъ изложенія имъ же самимъ, въ его собственныхъ писаніяхъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстной и русской публикѣ *Конституціи Финляндіи* и въ другихъ его сочиненіяхъ, гдѣ онъ русскую „область“,* Финляндію, представляетъ въ видѣ отдѣльнаго отъ Россіи „конституціоннаго государства“, состоящаго лишь въ „уніи“ съ Россійскою имперіей, и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, проводится мысль о возможно большемъ ограниченіи власти Русскаго Государя въ этомъ „конституціонномъ государствѣ“. Въ *подробномъ* изложеніи эти „принципы“ имѣютъ мало общаго съ „непоколебимою вѣрностью“ Русскому Монарху и Россіи, отъ которой Русскіе Цари никогда себя не отдѣляютъ. А именно за успѣшную пропаганду въ Финляндіи этихъ „принциповъ“ восхваляли всегда прежде и восхваляютъ теперь г. Мехелина его друзья въ финляндской печати.

Мы привели ** статью газеты *Hufvudstadsbladet* которая прямо превозносила г. Мехелина за то что онъ первый „открыто“ провозгласилъ таившееся раньше ученіе объ особомъ „Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ“ и усердно заботился о „развитіи“ „унаслѣдованной конституціи“, то-есть о дальнѣйшемъ обособленіи отъ Россіи и о дальнѣйшемъ ограниченіи Верховной Власти: это де придавало его положенію въ Сенатѣ „представительное значеніе“ и давало мѣстнымъ патріотамъ рушившуюся теперь надежду на то что онъ „практически проведетъ свои взгляды“ и ихъ „желанія“, клонящіяся, какъ извѣстно, къ установленію настоящаго парламентскаго управленія въ Финляндіи и къ офиціальному провозглашенію ея отдѣльнымъ государствомъ.

Другая гельсингфорсская газета, *Nya Pressen*, въ передовой статьѣ *Прошеніе сенатора Л. Мехелина объ отставкѣ* (№ 145) выставила въ особенности на видъ дѣятельность г. Мехелина въ качествѣ члена Сейма и взгляды „которые онъ высказывалъ и защищалъ какъ членъ Сейма и какъ писатель“. Эти взгляды, по словамъ *Nya Pressen*, онъ, будучи сенаторомъ, „въ извѣстныхъ частяхъ не могъ провести по причинамъ отъ него не зависѣвшимъ“.

„Но была все-таки“, продолжаетъ *Nya Pressen*, „увѣренность въ томъ что взгляды эти постоянно составляли его путеводную звѣзду, и что онъ отложилъ, но не покинулъ надежду на ихъ осуществленіе.“

Въ чемъ именно состояли эти, пока еще не осуществившіеся, взгляды г. Мехелина, газета разъясняетъ далѣе, въ обзорѣ его дѣятельности на сеймахъ. На Сеймѣ 1872 года онъ выставилъ и горячо защищалъ проектъ о расширеніи правъ Сейма въ томъ смыслѣ чтобы Сейму предоставлено было установлять бюджетъ Финляндіи. Проектъ этотъ даже его товарищамъ по Сейму показался черезчуръ радикальнымъ, и предсѣдатели сословій прекратили его дальнѣйшее обсужденіе, находя что онъ нарушаетъ права Верховной Власти. * На Сеймѣ 1877—1878 годовъ, онъ, по словамъ *Nya Pressen*, проявилъ „многозначительную дѣятельность, особенно при обсужденіи проекта о введеніи общей воинской повинности“, то-есть въ „обработкѣ“ (въ сепаратистскомъ духѣ) первоначальнаго, одобреннаго Государемъ проекта.** На томъ же Сеймѣ именно онъ выступилъ съ предложеніемъ

---

* См. выше, „Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ 24 апрѣля 1890 года“, стр. 281.

** См. выше, стр. 341—342.

* См. книгу Эдв. Берга *Наше правительство и наши сеймы*, т. II, стр. 91—103.

** См. выше, стр. 193—202 и 219—222.

„пересмотрѣть“ шведскую конституцію 1772 и 1789 годовъ и „обработать“ ее въ примѣненіи къ Финляндіи, то-есть создать несуществующую еще пока настоящую *финляндскую* конституцію и провести ее въ въ тихомолку, подъ видомъ „кодификаціи“ будто бы утвержденныхъ старыхъ узаконеній. * Этотъ проектъ, какъ извѣстно, было потомъ осуществленъ г. А. фонъ-Вейсенбергомъ, но до сихъ поръ кодификаторамъ еще не удалось добиться его утвержденія, такъ какъ на это дѣло, по слухамъ, обратила вниманіе высшая русская власть.

Все это никакъ не можетъ быть заглажено нѣсколькими словами, подчеркнутыми корреспондентомъ *Новостей*.

Другое дѣло, еслибы г. Мехелинъ съ товарищи, вразумленные внушеніемъ высшей русской власти, торжественно отказались бы теперь ото всякихъ мечтаній о „Финляндскомъ государствѣ“ и ограниченіи Верховной Власти въ Финляндіи, и доказали бы это на дѣлѣ искреннимъ содѣйствіемъ осуществленію Высочайше предначертанныхъ объединительныхъ реформъ... Но, вмѣсто того, они устраиваютъ демонстраціи и протестуютъ. Финляндская печать попрежнему усердно агитируетъ противъ сближенія съ Россіей и настойчиво твердитъ объ особомъ „Финляндскомъ государствѣ“ *. Никакихъ признаковъ отрезвленія не замѣтно...

---

* *Наше правительство и наши сеймы*, Эдв. Берга, стр. 443—451.

* См., напримѣръ, статью недавно появившуюся въ газетѣ *Uusi Suometar*, органѣ сенатора Ирье-Коскинена.

РУССКО-ФИНЛЯНДСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ СУДА.

(Передовая статья № 157 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Помѣщая ниже рѣшеніе Вазаскаго (Николайштадскаго?) гофгерихта, обращаемъ вниманіе читателей на этотъ обращикъ своеобразнаго правосудія финляндскихъ судовъ. Изъ упомянутаго рѣшенія и текста двухъ исполнительныхъ листовъ мироваго судьи 2го участка Тверскаго округа * оказывается что мѣщанинъ Илья Мошенбергъ предъявилъ у мироваго судьи къ штабсъ-капитану Леонарду Лупандеру два иска: въ 500 руб. и въ 200 руб. Рѣшеніями мироваго судьи, вошедшими въ законную силу, исковыя требованія Мошенберга были признаны подлежащими удовлетворенію, и ему были выданы судьей исполнительные листы.

Какъ извѣстно, исполнительный листъ, являясь конечнымъ результатомъ гражданскаго процесса, такъ-сказать, предписаніемъ суда, постановившаго рѣшеніе, объ исполненіи онаго, исключаетъ по закону дальнѣйшую возможность для отвѣтчика оспаривать правильность присужденнаго съ него взысканія. Предъявленный исполнительнымъ полицейскимъ или судебнымъ чинамъ, исполнительный листъ обязываетъ ихъ безпрекословно приступить къ исполненію рѣшенія суда, причемъ споры касающіеся толкованія рѣшенія разрѣшаются исключительно судомъ его постановившимъ. Тотъ судъ, въ округѣ котораго исполняется рѣшеніе, да и никакой иной, не въ правѣ входить въ обсужденіе его по существу. Рѣшеніе, разъ оно вступило въ законную силу, ни одинъ судъ отмѣнить или измѣнить ни въ чемъ не можетъ.

Таковъ установленный закономъ порядокъ исполненія рѣшеній для всѣхъ судовъ Россійской Имперіи. Но совершенно иного взгляда на

* См. ниже: „Три документа: два русскіе и одинъ финляндскій“, стр. 372—374.

силу и значеніе рѣшеній русскихъ судебныхъ мѣстъ держатся, повидимому, суды финляндскіе.

Изъ приводимаго нами рѣшенія Вазаскаго (?) гофгерихта видно что Мошенбергъ обратился въ Вазаскій (!) городской судъ съ просьбой взыскать съ проживающаго въ Николайстадѣ Лупандера 700 рублей и судебныя издержки присужденные ему Тверскимъ мировымъ судьей, причемъ требованія свои основывалъ на двухъ исполнительныхъ листахъ, выданныхъ ему этимъ судьей.

Но городской судъ отказалъ Мошенбергу въ исполненіи его вполнѣ законнаго ходатайства, мотивируя свой отказъ тѣмъ что «*исполнительные листы не подлежатъ обсужденію*, а *подлинники* (очевидно—подлинные векселя, предъявленные у мироваго судьи ко взысканію), на которыхъ истецъ основываетъ свои требованія, *не представлены*».

Вазаскій (?) же гофгерихтъ, которому приведенное рѣшеніе было обжаловано Мошенбергомъ, оставилъ жалобу его безъ послѣдствій, находя: «что предъявленные истцомъ исполнительные листы *не могутъ считаться доказательствомъ* противъ оспариванія отвѣтчикомъ правильности означеннаго требованія истца»; и что «истецъ *не подтвердилъ правильности своего иска ни путемъ доказательствъ самого иска*, на которыхъ исполнительные листы основываются, ни какимъ-либо другимъ образомъ».

При этомъ заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство что по исполнительнымъ листамъ, «не могущимъ», по мнѣнію Вазаскаго (!) гофгерихта, «служить доказательствомъ» законности требованій взыскателя, взысканіе уже производилось и было, вѣроятно, пріостановлено лишь вслѣдствіе удаленія Лупандера въ предѣлы Финляндіи. Слѣдовательно, одно изъ двухъ: или Лупандеръ добровольно производилъ платежи по исполнительнымъ листамъ, сознавая свою обязанность, въ виду судебнаго рѣшенія, уплатить долгъ Мошенбергу; или послѣдній, при содѣйствіи судебнаго пристава, успѣлъ получить часть слѣдующаго въ его пользу взысканія, посредствомъ продажи имущества должника. Въ послѣднемъ случаѣ Лупандеръ, не протестовавшій, повидимому, противъ распоряженій судебнаго пристава, очевидно, признавалъ исполнительные листы мироваго судьи такими документами, дальнѣйшій споръ противъ которыхъ невозможенъ. Но въ финляндскомъ судѣ невозможное оказалось возможнымъ, и исполнительные листы, по которымъ уже производилось взысканіе въ Россіи, признаны недостаточнымъ доказательствомъ правъ взыскателя въ Финляндіи...

Изъ приведенныхъ выше мотивовъ Вазаскаго (!) гофгерихта, вызвавшихъ отказъ въ исполненіи законнаго требованія Мошенберга, естественно слѣдуетъ тотъ логическій выводъ что ни одно рѣшеніе русскаго судебнаго мѣста никакой силы для финляндскихъ судовъ не имѣетъ, и что исполненіе подобныхъ рѣшеній для финляндскихъ властей не обязательно. Мы, впрочемъ, сомнѣваемся чтобы напечатанное нами рѣшеніе Вазаскаго (?) гофгерихта находилось въ соотвѣтствіи даже съ мѣстными финляндскими законами, и полагаемъ что оно постановлено или вслѣдствіе ошибочнаго толкованія закона, или вслѣдствіе примѣненія, по недоразумѣнію, какого-нибудь постановленія уже отмѣненнаго.

Мы потому останавливаемся на подобномъ предположеніи что, по уставу Гражданскаго Судопроизводства (ст. 1272), при исполненіи рѣшеній судовъ Великаго Княжества Финляндскаго, судебныя мѣста

Россійской Имперіи «не входятъ въ обсужденіе существа спора, разрѣшеннаго судами Великаго Княжества Финляндскаго».

Если же русскіе суды исполняютъ рѣшенія финляндскихъ не входя въ обсужденіе разрѣшеннаго ими спора, то, несомнѣнно, и финляндскимъ судамъ, коимъ предъявляются просьбы объ исполненіи вступившихъ въ законную силу рѣшеній русскихъ судовъ, не можетъ быть предоставлено право обсужденія основательности исковыхъ требованій и отказа истцу, въ виду непредставленія имъ достаточныхъ, по мнѣнію финляндскаго суда, доказательствъ въ подтвержденіе своего иска.

Вѣдь если принципъ взаимности лежитъ въ основаніи отношеній всякаго государства къ иностраннымъ державамъ, то тѣмъ болѣе принципъ этотъ долженъ быть строго проведенъ въ отношеніяхъ къ государству его провинціи, сколь бы ни была широка автономія послѣдней. *

Если же, въ чемъ мы сомнѣваемся, въ Финляндіи существуютъ еще законы предоставляющіе финляндскимъ властямъ право не исполнять рѣшеній русскихъ судебныхъ мѣстъ, то мы не можемъ не высказать горячихъ пожеланій скорѣйшей отмѣны подобныхъ законовъ создающихъ для Финляндіи привилегію въ явный ущербъ правамъ большинства подданныхъ Россійской Имперіи.

---

* См. ниже, стр. 375—380.

ТРИ ДОКУМЕНТА:

ДВА РУССКІЕ И ОДИНЪ ФИНЛЯНДСКІЙ.*

1.

Исполнительный листъ.

№ 3.041.

По указу Его Императорскаго Величества, въ 16 день апрѣля 1887 года мировой судья 2го участка Тверскаго округа, выслушавъ дѣло по иску предъявленному мѣщаниномъ Ильей Мошенбергъ съ Леонарда Лупандеръ по векселямъ 500 рублей, опредѣлилъ: съ поручика Леонарда Ивановича Лупандеръ взыскать въ пользу тверскаго мѣщанина Ильи Яковлева Мошенбергъ *пятьсотъ рублей*, судебныя и за веденіе дѣла издержки сорокъ рублей.

Рѣшеніе это по 156 ст. п. 3 Уст. Гражд. Суд. вошло въ законную силу и подлежитъ исполненію.

1887 года іюня 9 дня мировой судья 2го участка Тверскаго округа по указу Его Императорскаго Величества ** приказалъ: всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, до коихъ сіе можетъ относиться, исполнять въ точности настоящее рѣшеніе, а властямъ мѣстнымъ, полицейскимъ и воинскимъ, *** оказывать исполняющему рѣшеніе судебному приставу надлежащее по закону содѣйствіе безъ малѣйшаго отлагательства.

Исполнительный листъ выданъ тверскому мѣщанину Ильѣ Яковлеву Мошенбергъ.

Мировой судья 2го участка
Тверскаго округа (Подпись).

(М. П.)

Дѣло № 279, 1887 года.

4 ноября 1887 года въ уплату по сему листу поступило двадцать рублей. Ст. 78.

И. д. судебнаго пристава (Подпись).

(М. П.)

1888 года въ уплату по сему листу отъ г. мироваго судьи шестьдесятъ рублей получилъ Илья Яковлевичъ Мошенбергъ.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 157, отъ 9 іюня.

** То-есть, отъ того же Высочайшаго Имени, отъ котораго издаются „Постановленія“ Финляндскимъ Сенатомъ. Почему бы послѣднія могли считаться въ Финляндіи авторитетнѣе первыхъ?

*** А „финляндскія“ власти составляютъ исключеніе?

2.

Исполнительный листъ.

№ 3.042.

По указу Его Императорскаго Величества, въ 16 день апрѣля 1887 года, мировой судья 2го участка Тверскаго округа, выслушавъ дѣло по иску, предъявленному мѣщаниномъ Ильей Мошенбергъ съ Леонарда Лупандеръ 200 руб. по документамъ, опредѣлилъ: съ поручика Леонарда Ивановича Лупандеръ взыскать въ пользу тверскаго мѣщанина Ильи Яковлева Мошенбергъ *двѣсти рублей*, судебныя и за веденіе дѣла издержки пятнадцать рублей.

Рѣшеніе это по 156 ст. Уст. Гражд. Суд. п. 3 вошло въ законную силу и подлежитъ исполненію.

1887 года іюня 9 дня мировой судья 2го участка Тверскаго округа по указу Его Императорскаго Величества приказалъ: всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, до коихъ сіе можетъ относиться, исполнить въ точности настоящее рѣшеніе, и властямъ мѣстнымъ, полицейскимъ и воинскимъ, оказывать исполняющему рѣшеніе судебному приставу надлежащее по закону содѣйствіе, безъ малѣйшаго отлагательства.

Исполнительный листъ выданъ тверскому мѣщанину Ильѣ Яковлевичу Мошенбергъ.

Мировой судья 2го участка

Тверскаго округа (Подпись.)

(М. П.)

Дѣло № 280, 1887 года.

13 октября 1887 года въ уплату по сему листу поступило двадцать рублей. Ст. 58.

И. д. судебнаго пристава (Подпись.)

(М. П.)

3.

Рѣшеніе „Вазаскаго“ гофгерихта.*

Переводъ со шведскаго.

Гербовая марка въ 2 марки.

Штемпель финансовой экспедиціи.

Рѣшеніе Императорскаго „Вазаскаго“ Гофгерихта въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи по апелляціонному дѣлу, перенесенному изъ мѣстнаго городскаго суда въ Императорскій Гофгерихтъ, между истцомъ гражданиномъ Ильею Яковлевымъ Мошенбергомъ изъ города Твери Россійской Имперіи, чрезъ уполномоченнаго ландсканцлиста Арво Лильстрандъ и отвѣтчикомъ штабсъ-капитаномъ Іоганнъ Леонардъ Лупандеръ изъ сего города, чрезъ уполномоченнаго сверхштатнаго фискала гофгерихта Франца Ландберга, о требованіи истца, который, по вызовѣ въ городской судъ, просилъ взыскать съ отвѣтчика, на основаніи двухъ исполнительныхъ листовъ мироваго судьи 2го участка Тверскаго округа отъ 9 іюня 1887 года, въ пользу истца семьсотъ руб. сер. и присужденныя судебныя издержки въ размѣрѣ пятидесяти пяти рублей, но съ вычетомъ изъ этой суммы уплаченныхъ уже ранѣе ста рублей, а также и вознагражденіе за совершенную истцомъ поѣздку по этому дѣлу изъ своего мѣста жительства въ сей городъ; въ своемъ возраженіи отвѣтчикъ оспаривалъ требованіе, причемъ заявилъ что дѣйствительно много лѣтъ тому назадъ состоялъ

---

* Пошлинъ . . . . . 8 мар.
Налогу . . . . . 2 мар.
За печать . . . . . — 80 пенни.
Итого . . . . . 10 мар. 80 пенни.
Гражданинъ Илья Яковлевъ Мошенбергъ.

въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ истцомъ, но теперь ему ничего не долженъ, такъ какъ уже прежде уплатилъ слѣдуемыя истцу отъ него деньги, присовокупивъ что предъявленному исполнительному листу не слѣдуетъ придавать никакого значенія, такъ какъ онъ не вытребованъ изъ надлежащаго судебнаго мѣста; почему городской судъ, по разсмотрѣніи дѣла, въ своемъ постановленіи отъ 19 минувшаго іюня, отказывая по этому дѣлу и оставляя просьбу истца о приводѣ отвѣтчика къ присягѣ, какъ неумѣстную, безъ послѣдствій, нашелъ справедливымъ возложить на истца, которому, впрочемъ, предоставлено право еще принести жалобу на отвѣтчика, если онъ найдетъ ка тому поводъ, вознагражденіе въ пользу отвѣтчика 15 марокъ судебныхъ издержекъ, такъ какъ настоящій исполнительный листъ не подлежитъ обсужденію, а подлинники, на которыхъ истецъ основываетъ свои требованія, не представлены, а потому онъ, отвѣтчикъ, проситъ отказать въ требованіи, какъ недоказанномъ. На означенное рѣшеніе истецъ принесъ жалобу и далъ ей здѣсь ходъ, съ просьбою отмѣнить рѣшеніе, по которой отвѣтчикъ вызванъ въ Императорскій гофгерихтъ: дано въ Николайстадѣ 25 января 1890 года.

Императорскій гофгерихтъ, разсмотрѣвъ дѣло, того же мнѣнія что и городской судъ, а именно: что предъявленные истцомъ исполнительные листы въ подтвержденіе своихъ требованій не могутъ считаться доказательствомъ противъ оспариванія отвѣтчика правильности означеннаго требованія истца, такъ какъ они получены безъ предварительнаго выслушиванія отвѣтчика по этому дѣлу, а между тѣмъ надлежало искать отъ отвѣтчика долгъ здѣсь, въ этой странѣ; въ виду же того что истецъ не подтвердилъ правильности своего иска ни путемъ доказательствъ самаго иска, на которыхъ исполнительные листы основываются, ни какимъ-либо другимъ образомъ, Императорскій гофгерихтъ находитъ что истецъ не представилъ основаній къ отмѣнѣ постановленія, состоявшагося въ означенной выше инстанціи въ неблагопріятномъ для него смыслѣ; принимая же во вниманіе особенность дѣла, возложить судебныя издержки за веденіе дѣла какъ въ городскомъ судѣ, такъ и въ Императорскомъ гофгерихтѣ. Годъ и день, какъ выше.

Отъ имени Императорскаго Вазаскаго (!) гофгерихта: *Джонъ Сандманъ* и *Эрнстъ Тотенгренъ*.

(М. П.) *Фридрихъ Грепротъ*.

Постановленіе по иску между гражданиномъ Ильею Яковлевымъ Мошенбергомъ, истцомъ, и штабсъ-капитаномъ Іоганномъ Леонардомъ Лупандеръ, отвѣтчикомъ.

—

Вѣрность перевода удостовѣряю. Москва, 28 февраля 1890 года. По реестру № 210.

Присяжный переводчикъ при Московскомъ окружномъ судѣ. (Подпись.)

Юридическій казусъ и князь Мещерскій.

(Передовая статья № 170 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 21 іюня.

Своимъ «Дневникомъ» въ № 163 *Гражданина* князь Мещерскій даетъ поводъ вернуться къ вопросу затронутому въ № 157 *Московскихъ Вѣдомостей* при разборѣ опредѣленія Вазаскаго гофгерихта. *

Напомнимъ вкратцѣ сущность этого опредѣленія: нѣкто Мошенбергъ, которому тверскимъ мировымъ судьей было присуждено 700 р. съ Лупандера, часть этой суммы успѣлъ взыскать съ отвѣтчика. Но затѣмъ, въ виду отъѣзда сего послѣдняго въ Финляндію, принужденъ былъ обратиться къ мѣстному финляндскому суду съ просьбой объ исполненіи рѣшенія. (По привычкѣ болтать о чемъ попало не стѣсняясь своимъ невѣжествомъ въ вопросахъ о которыхъ берется судить, князь Мещерскій заговорилъ объ этой просьбѣ, повидимому, и не подозрѣвая что она съ «исковымъ прошеніемъ» не имѣетъ ничего общаго.) Несмотря на то что рѣшеніе тверскаго судьи вступило въ законную силу и что по исполнительнымъ листамъ, которые были предъявлены взыскателемъ финляндскому суду, уже производилось взысканіе въ Россіи, Вазаскій (не Николайстадскій, а «Вазасскій»!) городской судъ, а за нимъ и «Вазаскій» гофгерихтъ, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, отказали Мошенбергу въ удовлетвореніи его требованія.

Казалось бы, о достоинствѣ приведеннаго опредѣленія финляндскаго суда у Русскихъ людей, знакомыхъ съ гражданскимъ процессомъ, двухъ противоположныхъ мнѣній и быть не можетъ. Но очевидное для людей сколько-нибудь свѣдущихъ недоступно пониманію князя Мещерскаго:

„Мнѣ кажется“,—восклицаетъ онъ, — „что *Московскія Вѣдомости* не понимаютъ разницы между исковымъ прошеніемъ и исполнительнымъ листомъ, между судомъ и исполнительнымъ органомъ“. „Нельзя суду“,—поучаетъ онъ далѣе,—„принимать къ производству дѣло по исполнительному листу другаго суда“... Еслибы „къ тверскому судьѣ явился кто-нибудь съ исполнительнымъ листомъ финляндскаго суда, развѣ тверской судья не поступилъ бы совершенно одинаково съ такимъ

* См. выше, стр. 369—374.

исцомъ, какъ поступили финляндскіе суды съ истцомъ изъ Тверской губерніи?" „Насколько мнѣ извѣстно изъ того что помню изъ курса законовѣдѣнія",—отвѣчаетъ г. Мещерскій на этотъ свой праздный вопросъ,—„тверской судъ поступилъ бы относительно финляндскаго исполнительнаго листа совершенно одинаково, то-есть, возвратилъ бы истцу исполнительный листъ по причинѣ некомпетентности."

Ахъ г. Мещерскій, зачѣмъ только беретесь вы судить о вещахъ которыхъ совершенно не понимаете!

Еслибы вы, не довѣряясь своимъ юридическимъ познаніямъ пріобрѣтеннымъ въ ранней юности и съ тѣхъ поръ, повидимому, не измѣнившимся, хотя бы только заглянули въ Уставъ Гражданскаго Судопроизводства, прежде чѣмъ изрекать свои сентенціи, вы, конечно, не написали бы въ своемъ «Дневникѣ» того вздора, которымъ угощаете вашихъ читателей.

Вы убѣдились бы, прочтя главу девятую, раздѣла V, кн. II Уст. Граж. Суд. (Объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго),— вы убѣдились бы, прочтя эту главу, что Тверской судъ не могъ бы поступить съ исполнительнымъ листомъ Финляндскаго суда такъ какъ поступилъ «Вазаскій» гофгерихтъ съ исполнительными листами тверскаго судьи. Тверской судъ не могъ бы поступить такъ по той простой причинѣ что порядокъ исполненія рѣшеній финляндскихъ судовъ съ точностью опредѣленъ въ законѣ и затѣмъ разъясненъ Правительствующимъ Сенатомъ въ смыслѣ совершенно противоположномъ вашему толкованію.

Порядокъ этотъ изложенъ въ 1.267—1.272 стт. Уст. Гр. Суд. и состоитъ, въ сущности, въ слѣдующемъ.

Рѣшенія судебныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго приводятся въ исполненіе въ Имперіи *тогда только когда сіе разрѣшено будетъ опредѣленіями судовъ Имперіи* (ст. 1.267).

Просьбы о приведеніи въ исполненіе въ Имперіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго подаются въ тотъ окружный судъ, въ вѣдомствѣ котораго должно производиться исполненіе (ст. 1.268).

Судебныя мѣста, при разсмотрѣніи сихъ дѣлъ, не входятъ въ обсужденіе существа спора разрѣшеннаго судами Великаго Княжества Финляндскаго, но лишь опредѣляютъ: не заключаетъ ли въ себѣ разсматриваемое рѣшеніе такихъ распоряженій которыя противны общественному порядку или не допускаются законами Имперіи (ст. 1.272).

Какъ надо понимать эти постановленія закона, видно изъ рѣшеній Правительствующаго Сената, который разъяснилъ что судебныя мѣста Имперіи, при разрѣшеніи дѣлъ по просьбамъ о приведеніи въ исполненіе подобныхъ рѣшеній, *не могутъ ни повторять правильности или неправильности порядка производства дѣла, ни входить въ обсужденіе законной силы рѣшенія, если на немъ имѣется исполнительная надпись, удостовѣряющая что рѣшеніе подлежитъ исполненію.* Тѣмъ менѣе, по разъясненіямъ Сената, могутъ подлежать обсужденію судебныхъ мѣстъ Россіи *такіе споры которые не только уже разрѣшены, но по которымъ самыя рѣшенія приводились уже въ исполненіе.*

Послѣднее разъясненіе имѣетъ особенное значеніе въ виду того что оно опредѣляетъ порядокъ исполненія въ Россіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ даже не Финляндіи, а иностранныхъ государствъ.

Имѣя въ виду приведенные законы, всякій судъ Россійской Имперіи, не смѣшивая, подобно князю Мещерскому, порядокъ исковаго производства съ исполненіемъ рѣшеній

(пойметъ ли князь Мещерскій въ какой просакъ попалъ онъ сдѣлавъ этотъ упрекъ не себѣ, а намъ?), и понимая что просьба объ исполненіи рѣшенія не есть исковое прошеніе, конечно, не счелъ бы себя въ правѣ возвратить взыскателю исполнительный листъ Финляндскаго суда по причинѣ своей, какъ полагаетъ князь Мещерскій, якобы некомпетентности.

Если же законъ обязываетъ суды Имперіи исполнять вошедшія въ законную силу рѣшенія финляндскихъ судовъ, то, полагаемъ, справедливость и государственное достоинство Россіи требуютъ чтобъ и финляндскіе суды равнымъ образомъ не отказывали въ исполненіи рѣшеній русскихъ судовъ.

А исходя изъ приведеннаго положенія нельзя придти къ иному выводу, кромѣ того что финляндскій судъ не имѣлъ права отказать въ требованіи Мошенберга объ исполненіи вошедшихъ въ законную силу рѣшеній русскаго мироваго судьи. Прошеніе же Мошенберга только это требованіе и заключало, и иного толкованія не допускало.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ серіозно говорить о возможности такого положенія чтобы вступившее въ законную силу рѣшеніе суда могло потерять свое значеніе съ переѣздомъ отвѣтчика въ округъ другаго суда, и чтобы въ этомъ случаѣ истецъ, которому присуждены его исковыя требованія, имѣя въ рукахъ даже исполнительные листы, обязанъ былъ вновь предъявлять искъ по тѣмъ же основаніямъ и къ тому же отвѣтчику! Всякому мало-мальски знакомому съ гражданскимъ процессомъ извѣстно что рѣшеніе суда вступившее въ законную силу отмѣнено быть не можетъ и должно быть исполнено.

Кто же станетъ обращаться вторично въ судъ съ просьбой объ удовлетвореніи такихъ исковыхъ требованій которыя уже присуждены ему другимъ судомъ? Очевидно, поэтому, что только съ просьбой объ исполненіи рѣшенія мироваго судьи, а никакъ не съ исковымъ прошеніемъ, и могъ обратиться Мошенбергъ къ финляндскому суду,—если, конечно, не существуетъ такого исключительнаго закона который признавалъ бы рѣшенія русскихъ судовъ не имѣющими силы въ Финляндіи. Сколь ни невѣроятно на первый взглядъ сіе послѣднее предположеніе, оно, впрочемъ, не лишено нѣкотораго вѣроятія, въ виду хотя бы постановленій новаго финляндскаго «Уголовнаго Уложенія» о томъ что состоявшіеся «внѣ края», слѣдовательно и русскіе, уголовные приговоры въ исполненіе въ Финляндіи не приводятся....*

Вы говорите, г. Мещерскій, что владѣлецъ исполнительныхъ листовъ долженъ былъ обратиться съ требованіемъ объ исполненіи рѣшенія не къ суду, а къ исполнительнымъ его органамъ... Но вѣдь, становясь именно на вашу точку зрѣнія и представляя себѣ какъ бы поступилъ русскій судъ съ финляндскими исполнительными листами, слѣдуетъ придти къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Не къ судебному приставу, а къ окружному суду долженъ по закону (ст. 1.268 Уст. Гр. Суд.) предъявлять взыскатель свои требованія объ исполненіи рѣшенія финляндскаго суда, а слѣдовательно, продолжая разсуждать по избранному вами сравнительному методу, и Мошенбергъ съ исполнительными листами тверскаго мироваго судьи *только къ суду* и могъ обратиться съ просьбой объ исполненіи рѣшеній.

Если же финляндскій судъ принялъ прошеніе объ исполненіи рѣшенія тверскаго мироваго судьи за

---

* Глава 1я, § 5 финляндскаго „Уголовнаго Уложенія". См. выше, стр. 314.

«исковое прошеніе» и разсматривалъ возникшее по этому прошенію дѣло въ общемъ порядкѣ искового производства, то это указываетъ на одно изъ двухъ: или на ошибочное пониманіе судьями закона, или на существованіе въ Финляндіи, въ нарушеніе даже простаго принципа взаимности, такихъ исключительныхъ постановленій, которыя уничтожаютъ равноправность между финляндскими гражданами и остальными русскими подданными, въ явный ущербъ послѣднимъ.

Въ первомъ случаѣ, мы не ошиблись находя рѣшеніе «Вазаскаго» гофгерихта неправильнымъ, а во второмъ—имѣли полное основаніе отнестись неодобрительно къ особенностямъ финляндскихъ законовъ, предоставляющимъ финляндскому суду возможность не исполнять законныхъ рѣшеній русскихъ судовъ.

Итакъ, г. Мещерскій, всѣ ваши разглагольствованія ничего, кромѣ собственнаго невѣжества вашего, не доказали. Вамъ оно, конечно, извинительно, коль скоро вы въ юридическихъ познаніяхъ не пошли далѣе воспоминаній изъ лекцій вашего школьнаго учителя: по всей вѣроятности, въ нихъ ничего объ исполненіи рѣшеній не упоминалось, или, быть-можетъ, память вамъ измѣнила. Но кто и что̀ толкаетъ васъ выставлять это невѣжество на показъ публично, да еще ex cathedra, съ балаганнымъ апломбомъ?...

РУССКІЙ СУДЪ

ПОДЪ СУДОМЪ

СУДА ФИНЛЯНДСКАГО.*

Вздорная выходка издателя *Гражданина* дала *Московскимъ Вѣдомостямъ* поводъ вернуться къ вопросу, уже затронутому ими, о значеніи опредѣленія „Вазаскаго“ гофгерихта, отъ 25 января сего 1890 года, отказавшаго въ производствѣ взысканій въ предѣлахъ Финляндіи по исполнительнымъ листамъ выданнымъ на основаніи рѣшеній тверскаго мироваго судьи по дѣлу Мошенберга съ поручикомъ Лупандеромъ.

Я считаю совершенно излишнимъ прибавить что-либо къ доводамъ приведеннымъ въ № 170 *Московскихъ Вѣдомостей* ** въ доказательство невѣжества князя Мещерскаго, рѣшившагося замолвить слово въ защиту дѣйствія финляндскаго судебнаго мѣста, не имѣя ни малѣйшаго понятія о сущности возникшаго въ данномъ случаѣ юридическаго спора: нелѣпыя сужденія сіятельнаго публициста достаточно выставлены на показъ.

Я бы желалъ только указать еще на нѣкоторые мотивы приведенные въ опредѣленіи упомянутаго гофгерихта, уличающіе финляндское судебное учрежденіе въ тенденціозномъ умыслѣ признавать законныя постановленія правительственныхъ лицъ и мѣстъ Россійской Имперіи лишенными обязательной силы въ Финляндіи — провинціи и составной части этой Имперіи.

Если всѣ русскіе подданные, какъ частныя лица и граждане, не въ правѣ оправдывать какіе-либо неправильные поступки свои невѣдѣніемъ законовъ, то еще менѣе извинительно такое невѣдѣніе чиновникамъ и судебнымъ мѣстамъ Великаго Княжества Финляндскаго, состоящаго подъ скипетромъ Россіи. „Вазаскому“ гофгерихту и его членамъ должно быть извѣстно что рѣшенія судебныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго, вступившія въ законную силу, подлежатъ исполненію въ Имперіи, когда сіе разрѣшено опредѣленіями судовъ Имперіи постановленными по особымъ правиламъ судопроизводства (1.267 — 1.269 стт. Уст. Гражд. Суд.). Для гофгерихта не могло быть также сомнѣнія что въ той же мѣрѣ и въ томъ же порядкѣ окончательныя рѣшенія судебныхъ мѣстъ Имперіи обязательно должны приводиться въ исполненіе и финляндскими судами. Для этого ему стоило лишь справиться съ 1.273 ст. того же Устава, въ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 172, отъ 24 іюня.

** См. выше, стр. 369—374.

которой говорится объ исполненіи въ Россіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ, каковое исполненіе обусловлено „правилами *установленными по сему предмету взаимными трактатами и договорами*“. Само собою разумѣется что русскіе суды ни въ какомъ случаѣ не обязаны исполнять судебныя рѣшенія такихъ иностранныхъ государствъ которыя особыми международными трактатами не обязаны со своей стороны исполнять рѣшенія русскихъ судовъ. Но въ 1.267 статьѣ Устава относительно исполненія рѣшеній финляндскихъ судовъ нѣтъ никакой оговорки относительно трактатовъ. Русское законодательство, допуская исполненіе финляндскихъ рѣшеній въ предѣлахъ Имперіи на основаніи особыхъ правилъ единственно въ виду разности судоустройства и судопроизводства финляндскаго отъ общерусскаго, никогда не приравнивало ихъ къ рѣшеніямъ иностранныхъ судовъ, исполняемыхъ лишь въ силу обоюдныхъ трактатовъ, обезпечивающихъ такую же привилегію для русскихъ рѣшеній. Если финляндскія рѣшенія исполняются въ Россіи, то взаимная обязательность для финляндскихъ судовъ приводить въ исполненіе рѣшенія судовъ Имперіи вытекаетъ сама собою, безъ особыхъ на то договоровъ, не мыслимыхъ между двумя частями одного и того же государства, на которыя распространяется одна и та же Верховная Власть.

Но Николайштадскій городской судъ и „Вазаскій“ гофгерихтъ въ Финляндіи позволили себѣ отвергнуть ходатайство лица о производствѣ взысканія по двумъ исполнительнымъ листамъ тверскаго мироваго судьи, не взирая на то что они выданы были на основаніи рѣшенія его, вступившаго въ законную силу, и что на нихъ по указу Его Императорскаго Величества имѣется предписаніе: „Всѣмъ мѣстамъ и лицамъ до коихъ сіе можетъ относиться (разумѣется—и мѣстамъ, и лицамъ финляндскимъ, не имѣющимъ права ослушаться указа Его Величества) исполнить въ точности настоящее рѣшеніе.“ Дерзость финляндскаго судебнаго мѣста дошла до того что оно считаетъ предъявленные въ подтвержденіе требованія просителя (неправильно названнаго истцомъ) исполнительные листы недостаточнымъ доказательствомъ правильности этого требованія. Финляндскіе юристы полагаютъ что res judicata, созданная на точномъ основаніи правилъ судопроизводства въ русскихъ судахъ, можетъ быть разсмотрѣна ими какъ частный домашній документъ публично никѣмъ не удостовѣренный и подлежащій еще оспариванію! Мало того, они не ставятъ ни во что содержаніе рѣшенія буквально воспроизведеннаго въ исполнительномъ листѣ на основаніи Приложенія II къ 927 ст. Уст. Гражд. Суд. (гдѣ неминуемо отмѣчено было бы что оно постановлено *заочно*, еслибъ отвѣтчикъ дѣйствительно уклонился отъ явки по вызову къ тверскому мировому судьѣ) и дерзко утверждаютъ что исполнительные листы получены были *безъ предварительнаго выслушиванія отвѣтчика по этому дѣлу*. „Вазаскій“ гофгерихтъ совершенно упускаетъ изъ виду что должникъ Мошенберга, Лупандеръ, не только лично или чрезъ повѣреннаго явился по вызову къ мировому судьѣ, ибо послѣдній постановилъ противъ него не заочное рѣшеніе, но что этотъ должникъ *добровольно* послѣ рѣшенія, не обжалованнаго имъ въ мировой съѣздъ, внесъ приставу, въ уплату присужденнаго съ него долга, сто рублей, какъ значится въ надписяхъ судебнаго пристава на исполнительныхъ листахъ, въ которыхъ не сказано что эти деньги поступили отъ принудительнаго взысканія.

Трудно предположить, при такихъ обстоятельствахъ, одно только неразумѣніе финляндскихъ судей...

ЮРИСТЪ.

ТЮРЕМНЫЙ КОНГРЕССЪ

И

ФИНЛЯНДСКОЕ „УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ“.*

Финляндскіе „патріоты“ не упускаютъ въ послѣднее время ни одного сколько-нибудь подходящаго случая лишній разъ выдвинуть впередъ мнимую основательность своихъ притязаній и завербовать себѣ новыхъ „защитниковъ“. Они воспользовались для этого и поѣздкой въ Финляндію членовъ тюремнаго конгресса.

Еще до начала засѣданій конгресса, когда появилось извѣстіе о предполагаемой поѣздкѣ членовъ его въ Финляндію, финляндскія газеты побуждали своихъ соотечественниковъ и Сенатъ сдѣлать для этого надлежащія приготовленія и показать Финляндію „знатнымъ иностранцамъ“ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, что де особенно важно „въ настоящую минуту“. Приготовленія эти, кромѣ найма пароходовъ, подписки на обѣдъ и т. п., состояли, какъ оказывается теперь, также въ переводѣ на французскій языкъ и печатаніи, спеціально для членовъ конгресса, новаго финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“ и разныхъ хвалебныхъ брошюръ о немъ и о Финляндіи вообще.

На самомъ конгрессѣ представителями Финляндіи оказались два извѣстнѣйшіе „патріота“— гг. Л. Мехелинъ и Монгомери.** Въ ихъ сопровожденіи 110 членовъ конгресса отправились изъ Петербурга 12 іюня въ Финляндію на двухъ нанятыхъ Финляндскимъ Сенатомъ пароходахъ. На Иматрѣ ихъ встрѣтилъ сенаторъ Альфтанъ, который угощалъ ихъ тамъ на счетъ финляндской казны обѣдомъ, и за обѣдомъ говорилъ рѣчь отъ имени Финляндскаго Сената. На эту рѣчь отвѣчали тайный совѣтникъ Стояновскій и французскій делегатъ Эрбеттъ; рѣчь послѣдняго, адресованная, по словамъ *Nya Pressen*, „къ присутствующимъ членамъ правительства (Финляндскаго), сенаторамъ Альфтану, Монгомери и Мехелину, принята была шумными одобрительными криками присутствовавшихъ“.

Между тѣмъ въ Гельсингфорсѣ, куда гости ожидались 14 (26) іюня утромъ,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 168, отъ 20 іюня.

** Гельсингфорсскія газеты (напримѣръ *Hufvudstadsbladet*), сообщая своимъ читателямъ о Высочайшемъ посѣщеніи Финляндскаго отдѣла на тюремной выставкѣ и называя присутствовавшихъ при этомъ Финляндцевъ, подчеркиваютъ фамилію г. Монгомери, очевидно придавая этому какое-то особенное значеніе.

„патріоты“ не дремали. Газета *Nya Pressen* приготовила къ этому дню обращенную къ членамъ конгресса передовую статью въ защиту новаго Уголовнаго Уложенія, а кстати и въ защиту финляндской „автономіи“ вообще. Въ самой газетѣ статья эта помѣщена была на шведскомъ языкѣ, а въ видѣ приложенія отпечатаны отдѣльные оттиски ея во французскомъ переводѣ. По прибытіи гостей, въ четвергъ, въ $9^1/_2$ часовъ утра, въ Гельсингфорсѣ, на вокзалѣ ихъ встрѣтили, кромѣ мѣстныхъ городскихъ властей, также посыльные * отъ редакціи *Nya Pressen*, обязательно и безплатно совавшіе имъ въ руки утренній нумеръ *Nya Pressen* съ французскимъ переводомъ передовой статьи.

Въ этой статьѣ *Nya Pressen* сперва расшаркивается предъ „знатными иностранцами“ и прикидывается затѣмъ, какъ это въ такихъ случаяхъ въ обычаѣ у финляндскихъ „патріотовъ“, обиженною казанскою сиротой, которой не даютъ жить „самостоятельною культурною жизнью“:

„Само собою разумѣется,“ — говоритъ газета — „что для такого маленькаго и незамѣтнаго народа, каковъ нашъ, не безразлично какое понятіе о насъ вынесутъ тѣ лица, которыя, выдаваясь своими талантами и своимъ общественнымъ положеніемъ, въ настоящемъ случаѣ представляютъ разныя государства Европы. Во многихъ отношеніяхъ это вызвало бы здѣсь чувства живѣйшаго удовольствія, еслибы высокоуважаемые чужеземцы, гостящіе теперь въ нашей странѣ, возвратились домой съ такимъ впечатлѣніемъ что познакомились здѣсь съ народомъ который не только сумѣлъ вынудить себѣ у суровой природы средства къ пропитанію, но имѣетъ также всѣ необходимыя условія для того чтобы попрежнему жить своею самостоятельною культурною жизнью (sitt själfständiga kulturlif).

„Уровень образованія какой-либо страны имѣетъ надежный критерій какъ въ способѣ наказанія ею своихъ преступниковъ, такъ и въ способѣ какимъ она въ теченіе карательнаго срока старается воспитать ихъ для будущей полезной дѣятельности въ качествѣ свободныхъ гражданъ. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать новое Уголовное Уложеніе, которое должно вступить въ дѣйствіе съ началомъ ближайшаго года. Уложеніе это, правда, осуждалось невѣжественными и незнакомыми съ современнымъ правовымъ взглядомъ публицистами, но оно навѣрное вполнѣ оцѣнено по своему достоинству понимающими дѣло членами конгресса, которые познакомились съ нимъ въ русскомъ и французскомъ переводахъ. *

---

* Не бывъ очевидцами, за полную точность этой подробности, впрочемъ, не ручаемся: газета *Nya Pressen*, сама разказывающая о своей продѣлкѣ въ вечернемъ нумерѣ отъ того же числа, не говоритъ кто именно раздавалъ экземпляры газеты. По ея словамъ,—

„на платформѣ путешественники приняты были, между прочимъ, бургомистромъ Эманомъ и предсѣдателемъ собранія городскихъ уполномоченныхъ, Рупебергомъ. Сегодняшній утренній нумеръ *Nya Pressen*, сопровождаемый французскимъ переводомъ первой статьи нашей газеты, раздавался при этомъ путешественникамъ. Они направились тотчасъ на нанятыхъ для нихъ извощикахъ въ разныя гостиницы.“

Можетъ-быть, раздачу экземпляровъ *Nya Pressen* приняли на себя сопровождавшіе членовъ конгресса гг. Мехелинъ и Монгомери?

* Французскій переводъ раздавался членамъ конгресса (вѣроятно, гг. Мехелиномъ и Монгомери) еще во время его засѣданій въ Петербургѣ. Газета *Päivälehti* (№ 144) говоритъ по этому поводу:

„Рѣшенія, къ какимъ пришелъ конгрессъ по вопросу о работахъ въ мѣстахъ заключенія, вполнѣ согласуются съ нашимъ недавно утвержденнымъ новымъ Уголовнымъ Уложеніемъ. Многіе изъ членовъ конгресса выразили желаніе познакомиться съ нимъ, и

Они имѣютъ возможность теперь и сами убѣдиться относительно объема и достоинства тюремной реформы, которая проведена въ нашей странѣ въ послѣднія два десятилѣтія, и на которую издержано около восьми милліоновъ финляндскихъ марокъ.

„Народъ стремящійся осуществить самые возвышенные правовые взгляды эпохи и работающій въ то же время для своего развитія въ прочихъ культурныхъ областяхъ лойяльными средствами, такой народъ имѣетъ право жить своею самостоятельною національною и политическою жизнью, какъ дѣятельный, полезный членъ великаго общественнаго тѣла, образуемаго культурными народами, взятыми какъ одно цѣлое. Пусть взглядъ, который представители культурныхъ народовъ Европы, посѣтившіе теперь нашу страну, составятъ себѣ о ней и о производящейся здѣсь культурной работѣ, приметъ форму такого сужденія! Мы будемъ тогда вдвойнѣ рады этому посѣщенію, въ убѣжденіи что мы пріобрѣли себѣ друзей не только въ тѣхъ лицахъ которыхъ мы теперь имѣемъ честь видѣть своими гостями, но и въ тѣхъ народахъ, представителями которыхъ они состоятъ.“

Съ экземплярами *Nya Pressen* въ карманахъ, члены конгресса разъѣхались по гельсингфорсскимъ гостиницамъ, а затѣмъ отправились осматривать находящуюся вблизи города Сёрнескую тюрьму. При выходѣ изъ тюрьмы, имъ раздавали брошюры на французскомъ и русскомъ языкахъ о финляндской карательной системѣ.

Къ этому же дню въ Сенатской типографіи въ Гельсингфорсѣ отпечатана на русскомъ языкѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, составленная гельсингфорсскимъ профессоромъ Форсманомъ полемическая брошюра о новомъ Уголовномъ Уложеніи. * Авторъ возражаетъ въ ней *Московскимъ Вѣдомостямъ* и старается доказать что назначаемыя Уложеніемъ легкія наказанія за государственныя преступленія вполнѣ соотвѣтствуютъ „современнымъ юридическимъ теоріямъ“ выразившимся также въ уголовныхъ кодексахъ другихъ странъ, напримѣръ, Германіи, Голландіи и Венгріи. А интересы Россіи, по мнѣнію г. Форсмана, при составленіи Уложенія вполнѣ соблюдены (?!) тѣмъ что Уложеніе это тщательно просматривалъ покойный финляндскій министръ - статсъ - секретарь Брунъ, „состоявшій раньше на русской службѣ“. **

принятъ были мѣры къ тому чтобы русскіе и французскіе экземпляры его доступны были желающимъ.“

---

* Вѣроятно, для раздачи русскимъ членамъ конгресса, хотя объ этомъ прямо не говорятъ гельсингфорсскія газеты. *Nya Pressen* (№ 169) напечатала списокъ „иностранныхъ членовъ конгресса“ (не финляндскихъ). Въ этомъ спискѣ „иностранцевъ“ находимъ, между прочимъ, слѣдующія, очевидно искаженныя, фамиліи: Messiedov, Foinitshy, Vriklonsky и проч.

** Такъ передается содержаніе брошюры въ гельсингфорсскихъ газетахъ. Въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* она не получена.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

36.

Объединительныя реформы.*

По словамъ газеты *Uusi Suometar*, прокуроръ Финляндскаго Сената, г. А. фонъ-Вейсенбергъ, недавно подалъ особую всеподданнѣйшую докладную записку по почтовому вопросу.

Далѣе, по словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, на дняхъ состоялось полное засѣданіе Финляндскаго Сената, къ которому вызваны были также члены Сената получившіе отпускъ на лѣтнее время. Въ этомъ засѣданіи обсуждался вопросъ объ отзывѣ Сената по поводу выработаннаго Гейденовскою коммиссіей проекта объединенія финляндской монетной системы съ общегосударственною.

По словамъ тѣхъ же газетъ, всѣ три вопроса обсуждавшіеся въ Гейденовскихъ коммиссіяхъ переданы будутъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

37.

Выборгская вывѣска и неудовольствіе финномановъ.**

Въ Выборгѣ на помѣщеніи тамошней почтовой конторы прибита недавно, недѣли двѣ-три тому назадъ, новая вывѣска. Въ серединѣ ея, на голубомъ фонѣ, изображенъ русскій государственный гербъ (вмѣсто финляндскаго льва); налѣво отъ него надпись на русскомъ языкѣ, а направо—шведская надпись.

Эта вывѣска возбудила неудовольствіе среди такъ-называемой финноманской партіи, ратующей за право финскаго языка въ Финляндіи. Гельсингфорсская финская газета *Päivälehti* помѣстила по поводу ея даже особую передовую статью (№ 121) подъ заглавіемъ: *Своеобразныя предзнаменованія*. Она негодуетъ въ особенности на то что на вывѣскѣ нѣтъ финской надписи, и что „старый офиціальный языкъ (то-есть шведскій) попрежнему господствуетъ на ряду со все болѣе и болѣе начинающимъ пробиваться новымъ офиціальнымъ языкомъ“ (то-есть русскимъ).

„Наши шведоманы-чиновники“, говоритъ газета, „мало, повидимому, заботятся о правахъ и удобствахъ финскаго населенія. Главная забота ихъ попрежнему состоитъ въ томъ чтобы высоко держать знамя шведскаго направленія; на это знамя они охотнѣе возьмутъ прибавочныя краски откуда бы то ни было, только не финскія.“

Но если въ Выборгѣ, раньше чѣмъ въ другихъ финляндскихъ городахъ,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 158, отъ 10 іюня и № 168, отъ 20 іюня.

** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 158, отъ 10 іюня.

и стали на казенныхъ вывѣскахъ появляться русскія надписи и обще-государственный гербъ,—то изъ этого, повидимому, все-таки нельзя заключать чтобы сепаратистское теченіе тамъ было слабо; по словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, г. Мехелинъ по случаю своей отставки получилъ и изъ Выборга сочувственную телеграмму, а мѣстныя газеты этого, когда-то совсѣмъ русскаго, города въ борьбѣ противъ сближенія съ Россіей не отстаютъ отъ своихъ гельсингфорсскихъ коллегъ. На-днихъ еще выборгская газета *Östra Finland* (въ № 135, кѣмъ-то обязательно присланномъ въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*) разразилась длинною передовою статьей содержащею отборныя ругательства по адресу „извѣстной партіи въ Имперіи“, „нападающей“ де на „конституціонныя учрежденія“ Финляндіи. Людей этой „партіи“ и русскую печать она называетъ въ своей статьѣ „истинными потомками тѣхъ азіятскихъ ордъ которыя болѣе двухъ столѣтій опустошали Россію“.

38.

Неудачное „открытіе“ газеты „Hufvudstadsbladet“. *

Финляндскіе сепаратисты, какъ оказывается, усердно разыскиваютъ кто такой и гдѣ находится авторъ „Финляндскихъ новостей“ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ гельсингфорсской газетѣ *Hufvudstadsbladet* (№ 160) помѣщено, а въ другихъ гельсингфорсскихъ газетахъ перепечатано слѣдующее извѣстіе:

„Извѣстный сочинитель многочисленныхъ такъ - называемыхъ „„Финляндскихъ новостей““, которыми въ послѣднее время изобиловали *Московскія Вѣдомости*, открытъ (upptäckt); открыто теперь и его мѣстожительство. По крайней мѣрѣ, мы изъ достовѣрнаго (?) источника узнали что нѣкто г. В., бывшій учитель русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ, поселился въ красивой мѣстности Лойо (въ Финляндіи), откуда поддерживаетъ весьма оживленную корреспонденцію съ Москвой. ** Говорятъ что онъ не сообщается съ живущими въ той мѣстности туземцами, что̀ хорошо замѣтно по его изъ воздуха схваченнымъ вольнымъ фантазіямъ (fria fantasier).“

Нельзя не подивиться беззастѣнчивости съ какою гельсингфорсскія газеты разнюхиваютъ и сообщаютъ своимъ читателямъ объ авторахъ газетныхъ статей и даже объ ихъ частной перепискѣ. Впрочемъ, такое литературное неприличіе, повидимому, въ нравахъ финляндской печати: прошлою зимой, когда появилась книга К. Ф. Ордина *Покореніе Финляндіи*, финляндскія газеты производили розыски о томъ кто онъ такой, гдѣ родился, кто его родные и т. д., и сообщали о немъ разныя небылицы, въ родѣ того что онъ Финляндецъ (такъ какъ знаетъ по-шведски) измѣнившій своему „отечеству“ по переселеніи въ Россію и т. д.

Смѣемъ, однако, увѣрить газету *Hufvudstadsbladet* что „достовѣрный источникъ“ (подъ которымъ, должно-быть, разумѣется какой-нибудь финляндскій почтовый чиновникъ, любящій, подобно гоголевскому почтмейстеру, „вникать“ въ проходящую чрезъ его руки корреспонденцію) сообщилъ ей — вѣроятно, вслѣдствіе плохаго знанія русскаго языка—невѣрныя свѣдѣнія: г. В., живущій въ Лойо, въ составленіи „Финляндскихъ новостей“ *никакого* участія не принималъ и не принимаетъ. „Финляндскія новости“ (кромѣ корреспонденцій изъ Гельсингфорса, отмѣчаемыхъ особо) составляются въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* въ Москвѣ, и поиски за авторомъ или авторами ихъ въ Финляндіи совершенно напрасны.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 158, отъ 10 іюня.

** См. выше, стр. 336—337, и ниже, стр. 422—423 и 431—432.

89.

Брошюрка г. Бореніуса. *

„Куда конь съ копытомъ,
туда и ракъ съ клешней."
Пословица.

На пропагандѣ „финляндской государственности" несомнѣнно оконфузились господа Коскинены, Монгомери, Мехелины, Вейсенберги и т. п. Тѣмъ смѣшнѣе видѣть выступающаго вслѣдъ за ними, на ту же тему, маленькаго чиновника. Г. Генрикъ-Густавъ Бореніусъ — помощникъ прокурора Сената, г. фонъ-Вейсенберга, очевидно, тоже желающій публично заявить что онъ вполнѣ солидаренъ со своимъ шефомъ въ противодѣйствіи русской государственной власти.

Брошюра г. Бореніуса называется *Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго.* Издана она въ Гельсингфорсѣ и, что слѣдуетъ особенно отмѣтить, на русскомъ языкѣ: очевидно для воздѣйствія на кого слѣдуетъ.

Книжка издана чистенько,—и это ея единственное достоинство. Читать не много: всего 56 маленькихъ страничекъ, даже по 7—8 строкъ; шрифтъ крупный.

Что касается содержанія, то всѣхъ „актовъ" 23. Начинается книжка съ такъ-называемыхъ „Боргоскихъ актовъ", столь облюбованныхъ Финляндцами. По ближайшемъ разсмотрѣніи, *всѣ* эти документы—старые знакомые: они сполна приведены въ книгѣ г. Ордина *Покореніе Финляндіи* и тожественны. Разница только въ томъ что въ этой послѣдней книгѣ документы вообще приведены полностію, а у г. Бореніуса изъ документовъ нѣкоторые приведены только въ „выпискахъ" тѣхъ частей которыя можно натягивать по мѣркѣ сепаративныхъ тенденцій. Другіе у него совершенно пропущены. Русскихъ актовъ на справку этотъ добросовѣстный финляндскій чиновникъ вовсе не приводитъ; съ крайнею наивностью онъ объясняетъ въ предисловіи: „Согласно *плану* настоящаго сборника, *не имѣлось въ виду* (sic) приводить акты изданные для Имперіи."

Это очень мило и хорошо „выяснено". Но манифестъ, напримѣръ, 5 іюня 1808 года ** изданъ не для Россіи, а именно для Финляндцевъ: почему же его нѣтъ? Очевидно, „согласно плану" онъ не годился, потому что въ немъ говорится безаппелляціонно что Финляндія есть и будетъ русскою провинціей.

Вообще „планъ" хорошо выдержанъ. Есть двѣ-три рѣчи Государей, но также съ правильнымъ разборомъ. Помѣщена рѣчь императора Александра II при открытіи Сейма 1863 года, — она годилась, а его же рѣчь при закрытіи того же Сейма не помѣщена,—она не годилась. *** И впрямь, какъ же можно, „для уясненія политическаго положенія", печатать, да еще по-русски, въ сборникѣ на который хотятъ привлечь особое вниманіе, такую рѣчь въ которой недвусмысленно и съ упрекомъ къ Финляндіи говорится что она должна заботиться *объ упроченіи, а не объ ослабленіи тѣсной связи съ Россіей?*

„Выписки" изъ актовъ, въ pendant къ ихъ сортировкѣ, отличаются также строгимъ согласованіемъ съ „планомъ". Напечатано начало—потому что оно „годится", и опущенъ конецъ—потому что онъ „не годится".

Все это, конечно, не помѣшало газетѣ *Nya Pressen* расхваливать въ цѣлыхъ двухъ статьяхъ новое „ученое" изданіе своего лагеря...

Да, удивительная страна эта Финляндія!

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 177, отъ 29 іюня.

** См. выше, стр. 109—114 и 124—131.

*** См выше, стр. 131—143.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ*.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ чрезъ сіе:

Признавъ за благо установить единообразіе въ устройствѣ почтовой части на всемъ пространствѣ Россійскаго государства, повелѣваемъ завѣдываніе почтовою частію Финляндіи сосредоточить въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Имперіи по Главному Управленію Почтъ и Телеграфовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется:

а) вводить по почтовой части Великаго Княжества Финляндскаго, взамѣнъ мѣстныхъ постановленій, правила и таксы, дѣйствующія въ Имперіи, равно какъ и давать чинамъ этого вѣдомства инструкціи и указанія относительно ихъ обязанностей и занятій, сообщая сіи мѣропріятія финляндскому генералъ-губернатору, въ первомъ случаѣ, для обнародованія въ установленномъ порядкѣ, а въ послѣднемъ, для распоряженія; — и

---

* *Московскія Вѣдомости*, 1890 года, № 173, отъ 25 іюня.

б) производить чрезъ начальника Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ или подвѣдомственныхъ ему чиновъ ревизіи почтовыхъ учрежденій Финляндіи.

2. Финляндскій почтъ-директоръ опредѣляется Нами, по представленію генералъ-губернатора, основанному на соглашеніи съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

3. Назначеніе на прочія должности по финляндскому почтовому вѣдомству слѣдуетъ существующему порядку, причемъ должностныя лица опредѣляемыя Финляндскимъ Сенатомъ избираются по соглашенію съ начальникомъ Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ.

4. Для всѣхъ вновь опредѣляемыхъ на службу лицъ въ почтовыя учрежденія, находящіяся въ городахъ Великаго Княжества и въ Выборгской губерніи, знаніе русскаго языка обязательно.

5. Смѣтныя предположенія по почтовой части въ Финляндіи разсматриваются предварительно въ Главномъ Управленіи Почтъ и Телеграфовъ и съ его заключеніемъ вносятся въ Императорскій Финляндскій Сенатъ для дальнѣйшаго распоряженія.

Для вящаго же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Петергофѣ.
31 мая (12 іюня) 1890 года.

1890 ГОДЪ.

ІЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ.

ФИНЛЯНДЦЫ

И

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.*

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* сообщалось со словъ гельсингфорсскихъ газетъ о томъ что финляндскіе сепаратисты воспользовались для своихъ цѣлей прибытіемъ въ столицу Финляндіи членовъ Тюремнаго Конгресса. ** *Крестовая Газета*,—одна изъ спеціальностей которой возбуждать противъ Русскаго правительства недовольство разныхъ не-русскихъ народностей навсегда вошедшихъ въ составъ Русской Имперіи,—сообщаетъ еще нѣкоторыя подробности о попыткахъ Финляндцевъ принести иностраннымъ делегатамъ жалобу на „притѣсненія“ со стороны Русскихъ.

Финляндцы съ гордостью показывали гостямъ образцовыя тюрьмы и исправительныя заведенія находящіяся подъ управленіемъ Dr Гротенфельда, „чтобы показать культурное превосходство своей страны надъ русскими учрежденіями“, и „старались въ частныхъ собесѣдованіяхъ принести жалобы на глубокое нарушеніе (Vergewaltigung) Русскими ихъ народныхъ и государственныхъ правъ“. И тутъ снова отличался пресловутый г. Мехелинъ.

На обѣдѣ предложенномъ членамъ Конгресса гельсингфорсскимъ городскимъ управленіемъ, „сенаторъ“ Мехелинъ въ длинной рѣчи описалъ судебные порядки Финляндіи и выяснилъ преимущества вступающаго въ силу новаго Уголовнаго Уложенія:

„Онъ сказалъ что Финляндія радуется столь рѣдко выпадающей на ея долю чести показать выдающимся представителямъ всѣхъ европейскихъ культурныхъ народовъ что Финны стремятся принять въ развитіи науки, культуры и соціальной жизни такое же дѣятельное участіе какъ и европейскіе народы. Всѣ другіе сенаторы, явившіеся почти въ полномъ составѣ, старались показать гостямъ успѣхи достигнутые страной и городомъ и рисовали въ живѣйшихъ словахъ опасности которыя грозятъ имъ со стороны фанатизма панславистовъ. Конечно, въ виду присутствія русскихъ членовъ Конгресса, иностранные гости не могли

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 179, отъ 1 іюля.

** См. выше, стр. 381—383.

публично выразить свое участіе Финнамъ, *но тѣмъ болье дѣлали это втихомолку*, и не одна слезинка показалась на глазахъ посѣдѣвшихъ сенаторовъ сѣверной державы, когда Швейцарецъ Dr Риггенбахъ, сравнивъ красоты Финляндіи со швейцарскими, закончилъ свою рѣчь словами:

„Ich grüsse dich, du, edler Finne,
Dich schöne, blonde nord'sche Maid,
Ich ruf euch zu aus treustem Sinne:
Behüt euch Gott vor allem Leid!“

Эти стишонки растрогали „посѣдѣвшихъ сенаторовъ сѣверной державы“ до слезъ, главнымъ образомъ потому что Швейцарецъ просилъ Бога охранить Финляндцевъ отъ какихъ-то грозящихъ имъ опасностей... Онъ, конечно, не могъ знать что опасности могутъ создать себѣ только сами Финляндцы.

Вечеромъ, въ поздній часъ, делегаты находились „со всѣмъ высшимъ обществомъ“ въ паркѣ, гдѣ сотни одѣтыхъ въ бѣлое дѣвушекъ, „все дочери лучшихъ семействъ“, пѣли національныя пѣсни и исполняли народныя пляски:

„Общее мнѣніе гостей сходилось въ томъ что характеръ Финляндскаго народа въ эти часы проявился самымъ возвышеннымъ образомъ, и что всякій другъ человѣчества горько пожалѣетъ если враждебнымъ культурѣ Русскимъ удастся уничтожить самобытность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннюю нравственную силу этого народа.“

Финляндцы могутъ поблагодарить *Крестовую Газету* за эту сочувственную статью. Дѣйствуя въ этомъ духѣ въ Балтійскомъ вопросѣ, газета принесла вредъ не одному человѣку, котораго она своими совѣтами толкнула на путь открытаго отрицанія русскихъ законовъ и власти Русскаго Монарха, и не одинъ изъ погубившихъ себя Балтовъ, послушавшихся фальшивыхъ и недобросовѣстныхъ совѣтовъ берлинской газеты, проклинаетъ часъ когда онъ началъ слѣдовать этимъ совѣтамъ и изъ добраго сына своей страны превратился въ человѣка который мало чѣмъ отличается отъ измѣнника.

ПИСЬМА О ФИНЛЯНДІИ.*

Письмо третье.**

I.

Когда растетъ безземельный пролетаріатъ, когда внѣбрачныя связи учащаются, подрывая крѣпость семейнаго быта и увеличивая число незаконнорожденныхъ дѣтей и дѣтоубійствъ; когда цвѣтъ рабочихъ силъ уходитъ искать себѣ примѣненія въ заморскія, далекія страны,— становится достовѣрнымъ что общее благосостояніе страны, которое такъ восхищаетъ нашихъ либеральныхъ туристовъ, знакомящихся съ ней въ гостиницахъ, на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, далеко не столь цвѣтуще какъ имъ кажется.

Для примѣра укажемъ въ какомъ положеніи находятся въ Финляндіи лѣсной промыселъ, добываніе желѣзной руды и фабричная промышленность.

Приблизительно вся площадь лѣсовъ занимаетъ около 200 тысячъ русскихъ квадратныхъ верстъ, почти $^2/_3$ всей поверхности Финляндіи; 60% этого количества принадлежитъ казнѣ, остальное—частнымъ лицамъ.

Лѣсное богатство составляетъ неоцѣненный источникъ благосостоянія Финляндіи; оно не подвергается тѣмъ случайностямъ отъ которыхъ зависитъ хлѣбопашество въ Россіи и не требуетъ такихъ затратъ капитала и труда какъ сельское хозяйство. Удобство вывоза также должно способствовать развитію лѣсныхъ промысловъ, но здѣсь мы встрѣчаемся съ противоположнымъ явленіемъ. По офиціальнымъ даннымъ оказывается упадокъ лѣсной торговли.

	Выручено руб. зол.	Обдѣлан. лѣса куб. фут.	Дровъ, сажен. длиной 24 вер.
Въ 1883 прод. на	14.131.000	54.643.000	190.173
„ 1884 „	13.546.000	56.469.000	198.172
„ 1885 „	9.854.000	56.790.000	201.779
„ 1886 „	8.338.000	47.286.000	235.779
„ 1887 „	7.708.000	46.479.000	167.400

Замѣчательно что въ 1887 году былъ усиленный спросъ лѣса за границу, и въ томъ году изъ Россіи было вывезено лѣса на 27.296.000 р., болѣе предыдущаго на 3.549.000 р.; въ 1888 году изъ Россіи вывезено было на 38,200.000 р. Казенные лѣса даютъ финляндской казнѣ

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 179.

** См. выше, стр. 223—228 и 352—358.

незначительный доходъ, иногда и убытокъ: въ 1879 году валовой доходъ съ нихъ былъ 113.910 р., а расходъ на лѣсную администрацію простирался до 133.206 р. За послѣднія девять лѣтъ средній годовой доходъ равняется 112.000, что составляетъ $^5/_6$ копѣйки съ десятины.

Другое неисчерпаемое и даровое богатство Финляндіи (по г. Игнатіусу) составляетъ желѣзная руда; по словамъ этого статистика, она находится повсемѣстно: въ горахъ, озерахъ, болотахъ, въ величайшемъ изобиліи. Между тѣмъ мѣстной руды недостаетъ даже для мѣстныхъ потребностей, и изъ-за границы выписывается ея столько же сколько добывается дома. Мало того, разработка мѣстной руды не увеличивается, а уменьшается. Въ 1872 году желѣзной руды добыто 4.108.000 пуд., въ 1876—1881, включительно, среднимъ числомъ добывалось ежегодно по 2.115.000 пуд., въ слѣдующее четырехлѣтіе по 1885 годъ уже только около 2.086.000 пуд., а въ 1886 году только 1.695.000 пуд., изъ-за границы же въ томъ году ввезено 1.150.000 п. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ производительность превышала общій итогъ и добытаго, и купленнаго желѣза въ 1887 году: явный признакъ упадка.

Съ одной стороны, незначительная площадь обрабатываемой земли оставляетъ свободною отъ сельскохозяйственныхъ работъ массу рабочихъ рукъ; съ другой—обиліе дровъ и множество водопадовъ представляютъ богатыя средства для извлеченія дешевой двигательной силы. При этихъ двухъ условіяхъ можно бы ожидать широкаго развитія фабричной промышленности. Къ естественнымъ благопріятнымъ условіямъ присоединяется удобство водныхъ сообщеній и отсутствіе до послѣдняго времени пошлинъ на русской границѣ. Здѣсь бы, казалось, сама природа указывала Финляндіи настоящее поприще для развитія энергіи населенія и благосостоянія страны: на дѣлѣ оказывается иное.

Въ 1885 году въ Финляндіи числилось 4.286 заводовъ и фабрикъ съ 36.414 рабочими и производствомъ на 27.010.700 рублей; такимъ образомъ одинъ рабочій производилъ въ годъ среднимъ числомъ на 742 руб., а на каждаго жителя приходилось производства на 12 р. 13 к. Значительное количество заведеній, по свѣдѣніямъ 1884 года, имѣетъ одного рабочаго съ годичнымъ производствомъ на нѣсколько десятковъ рублей. Въ томъ же 1885 году въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи, за исключеніемъ Войска Донскаго, было фабрикъ и заводовъ 62.801 съ 994.787 рабочими и годовымъ производствомъ на 1.121.000.000 рублей, что составитъ (при населеніи 80.135.000 душъ) на каждаго жителя 14 р. и на одного рабочаго 1.127 р. въ годъ. Такимъ образомъ, производительность русскаго рабочаго въ полтора раза сильнѣе производительности финскаго. Но и это сравненіе слишкомъ благопріятно для Финляндіи, ибо Россія вообще страна по преимуществу земледѣльческая; если же сравнивать Финляндію съ каждою изъ губерній въ отдѣльности, то по абсолютному размѣру производства Финляндія займетъ двѣнадцатое, а по относительному — семнадцатое мѣсто; при этомъ промышленность нѣкоторыхъ русскихъ губерній превосходитъ финляндскую въ нѣсколько разъ: въ Пермской губерніи она выражается суммой въ $50,_{4}$ милл., во Владимірской—$70,_{7}$ милл., въ Кіевской—$78,_{3}$ милл., въ Петербургской — $148,_{8}$ милл.. въ Московской — $171,_{5}$ милл. рублей.

II.

Благодаря почти совершенному отсутствію таможенныхъ пошлинъ со стороны Россіи и выгодному географическому положенію, внѣшняя торговля Финляндіи достигла въ 1882 году значительныхъ размѣровъ. Съ этого года, однако, сумма годоваго оборота стала падать. Ввезено: въ 1882 — на $41,_{75}$ милл. зол., въ 1883—37 милл., въ 1884—$34,_{4}$ милл., въ 1885 — $27,_{3}$ милл., въ 1886—$24,_{6}$ милл., въ 1887—$26,_{5}$ милл. Вывезено: въ 1882—30 милл. руб. зол., въ 1883 — $28,_{9}$ милл., въ 1884 — $28,_{2}$ милл., въ 1885—$22,_{5}$ милл., въ 1886—$19,_{4}$ милл., въ 1887 — $19,_{25}$ милл.

Въ счетѣ этихъ суммъ торговыя сношенія съ Россіей выражаются слѣдую-

щими цифрами: ввезено изъ Россіи въ 1882 на 17,8 милл. рублей, въ 1883—16,7 милл., въ 1884 — 16,5 милл., въ 1885—12,5 милл., въ 1886—11,9 милл., въ 1887—11,4 милл.; отпущено въ Россію въ 1882 году на 13,8 милл. руб., въ 1883—12 милл., въ 1884—11 милл., въ 1885—10 милл., въ 1886—8½ милл., въ 1887 — 7¾ милл. Въ среднемъ за шесть лѣтъ привозъ изъ Россіи составлялъ 45% всего привоза, а отпускъ въ Россію 43% всего вывоза. Послѣ Россіи важнѣйшими поставщиками товаровъ для Финляндіи являются Германія, Англія и Швеція, а покупателями: Англія, Швеція, Франція и Испанія: послѣднія двѣ страны вывозятъ почти исключительно лѣсной матеріалъ.

Изъ приведенныхъ цифръ видно что торговый балансъ за послѣднее время неблагопріятенъ для Финляндіи. Страна ежегодно приплачиваетъ отъ 5 до 12 милл. руб. золот., то-есть отъ 26 до 40%. Раждается естественный вопросъ: гдѣ страна беретъ столько золота для доплаты? * Своего золота у нея нѣтъ: нельзя же считать за что-нибудь добычу нѣсколькихъ фунтовъ въ Ивайлойокахъ (въ 1886 году 11½ фунта). Недоразумѣніе разъясняется отчасти тѣмъ что расположенныя въ Финляндіи русскія войска ежегодно передаютъ странѣ отъ 2¼ до 2⅓ милліоновъ рублей золотомъ, получая его изъ русскаго Государственнаго Казначейства.

Даруя въ 1860 году Финляндіи право имѣть свою особую монету, слѣдовало бы разницу образовавшуюся вслѣдствіе измѣненій курса кредитнаго рубля, по содержанію русскихъ войскъ и учрежденій, отнести на финляндское казначейство: но этого сдѣлано не было.

Взамѣнъ хлѣба, колоніальныхъ товаровъ и фабрикатовъ получаемыхъ извнѣ, Финляндія отпускаетъ въ иностранныя государства преимущественно сырье и перепродаваемый хлѣбъ (90%), главную же массу своихъ издѣлій сбываетъ въ Россію, пользуясь при этомъ исключительными таможенными льготами.

Послѣ завоеванія, Финляндія была включена въ таможенную границу Имперіи, но потомъ въ этомъ отношеніи ее обособили и отдѣлили отъ Имперіи особою таможенною линіей. * Не входя въ разсмотрѣніе поводовъ въ такой мѣрѣ, мы отмѣтимъ что вообще пошлинъ на финляндскій товаръ установлено не было, за небольшими исключеніями; именно, пошлиной облагался излишекъ сверхъ такого количества котораго Финляндія не могла бы вывезти въ теченіе года: напримѣръ, мѣдь, въ количествѣ 4.000 пудовъ пропускалась безпошлинно, и только свыше этого количества облагалась платежомъ. Правда, требовалось удостовѣреніе что товаръ дѣйствительно финляндскаго происхожденія; но, вопервыхъ, дающій удостовѣреніе едва ли имѣетъ возможность убѣдиться что *весь* товаръ отправляемый въ Россію изготовленъ въ Финляндіи, а вовторыхъ, можно безъ обмана сбывать въ Россіи свое, а для себя покупать за границей съ немалою выгодой. Напримѣръ, если пудъ желѣза съ перевозкой изъ Германіи стоитъ 1 р., то въ Финляндіи, при пошлинѣ въ 17 к., онъ обойдется въ 1 р. 17 к., а въ Россіи, при пошлинѣ въ 50 к., — 1 р. 50 к. „Финляндскому подданному“, не платящему ввозныхъ пошлинъ или платящему очень небольшія, выгодно и не трудно продать *свое* желѣзо въ Россію, если не по 1 р. 50 к., то около того, а самому купить нѣмецкое по 1 р. 17 к. Если же своего желѣза окажется мало, то выгодно продать въ Россію чужое, купленное по 1 р. 17 к., какъ свое, по цѣнѣ около 1 р. 50 к. Такъ, въ 1886 году Финляндія продала въ Россію до 800 т. пудовъ и въ то же время купила за границей до 1.000.000 пудовъ.

---

* См. выше, статью „О денежныхъ дѣлахъ съ Финляндіей“, стр. 41—50. См. также стр. 115—120.

* Въ 1811 году учреждена была *временно* (какъ и сказано прямо въ самомъ постановленіи) таможенная цѣпь между финляндскими и русскими губерніями; уже въ послѣдствіи Финляндцамъ удалось превратить ее въ постоянную таможенную границу. См. выше, стр. 166—170.

При возможности такихъ маклерскихъ операцій, воздержаніе отъ эксплуатаціи изобильныхъ желѣзныхъ рудъ вполнѣ понятно. Какъ такое маклерство отражается на народномъ заработкѣ — это особый вопросъ, но очевидно что пошлина, которая могла бы поступить въ наше Государственное Казначейство, нынѣ дѣлится между финляндскими торговцами, желѣзными дорогами, пароходами и финляндскою казной, и лишь небольшая доля выгоды перепадаетъ русскимъ заводчикамъ.

Только въ 1885 году на нѣкоторые немногіе финляндскіе товары повышены или установлены пошлины, но сколь выгодны онѣ для Финляндіи видно изъ слѣдующей таблицы:

ТОВАРЫ.	Пошлина по общему тарифу золотомъ.	Пошлина для Финляндіи съ 1 сент. 1886 года золотомъ.
	Съ пуда.	Съ пуда.
Бумага непроклеенная.....	2 р. 40 к.	40 к.
Бумага писчая.....	3 „ 95 „	80 „
Обои.....	6 „ — „	80 „
Бумажныя издѣлія	10 „ 55 „	80 „
Бумажная масса и папка	— „ 20 „	14 „
Чугунъ.....	— „ 25 „	400 т. п. въ годъ безпошлинно.
Желѣзо сортовое и сталь.....	— „ 50 „	400 т. п. въ годъ безпошлинно.
Желѣзо листовое и издѣлія ...	Отъ 70 к. до 2 р. 50 к..	70 т. п съ пошлиной 20 к. съ п.
Машины и садовыя орудія....	„ 50 к. до 3 р. 50 к..	60 т. п. съ пошлиной въ 20 к.
Хлопчатобумажная пряжа и ткани	„ 3 р. 60 к. до 58 р..	50 т. пуд. съ пошлиной 75 к.
Выдѣланныя кожи.....	„ 6 р. до 10 р. 80 к..	50 т. пуд. съ пошлиной 75 к.
Фаянсовыя издѣлія.....	„ 1 р. до 3 р. 30 к....	30 т. пуд. съ пошлиной 30 к.
Стеклянныя издѣлія неграненыя.	„ 60 к. до 2 р. 40 к..	30 к.

Какъ велики были выгоды Финляндіи и какъ велики были потери нашего государственнаго казначейства отъ привилегій въ этой области до 1886 года, исчислить въ точности трудно. Ограничимся результатами 1886 года, принявъ при этомъ, для учета, даже не среднія, а низшія пошлины. Дѣло представится въ слѣдующемъ видѣ:

Названіе товаровъ.	Пошлина по общему тарифу	Пошлина для Финляндіи до 1886 г. съ 1886 г.
	Рублей золотомъ.	
1) Бумаги....	2.146.000	0 406.000
2) Бумажная масса.....	74.000	0 52.000
3) Чугунъ, желѣзо, сталь.	220.000	0 60.000
4) Бумажныя ткани.....	924.000	0 460.000
5) Бумажная пряжа	54.000	0 11.000
6) Кожи выдѣланныя....	165.000	0 21.000
7) Стекл. посуда и фаянсъ.	40.000	0 18.000
Всего ..	3.623.000	0 1.028.000

Итакъ до 1886 года Россія оказывала Финляндіи ежегодно льготу по меньшей мѣрѣ въ 3.623.000 руб. зол. (до $14^1/_2$ милліоновъ финск. марокъ), а съ 1886 года взимаетъ пошлину въ $3^1/_2$ раза меньшую минимальной пошлины и продолжаетъ дарить пошлинъ не менѣе 2.600.000 рублей ($10^1/_2$ милліоновъ финск. мар.) золотомъ въ годъ. Но эта сумма меньше дѣйствительной, ибо мы предположили финляндскіе товары того простаго качества которые оплачиваются минимальною пошлиной.

Въ защиту своихъ привилегій финляндскіе сепаратисты, можетъ-быть, заявятъ что и русскіе товары пользуются льготами, проходя или безпошлинно, или съ уменьшенною пошлиной. Но противъ этого замѣтимъ что разница въ пошлинѣ за русскіе товары сравнительно съ иноземными или ничтожна, или ея вовсе нѣтъ: *спиртные напитки пропускаются изъ-за границы, изъ Россіи же вовсе не пропускаются* (хороша льгота!); хлѣбъ пропускается безпошлинно изъ Россіи и изъ-за границы одинаково, изъ числа финляндскихъ произведеній многія и теперь идутъ въ

Россію безпошлинно: масло, рыба, мясо, сыръ, ягоды, мёдъ и т. п.

Еслибы Россія съ самого начала взимала полную пошлину съ финляндскихъ товаровъ русскіе рынки для этихъ товаровъ были бы закрыты, ибо молодой финской промышленности не подъ силу состязаться съ сильною промышленностью другихъ странъ и внутренней Россіи, внѣ же Россіи финскіе фабрикаты не требуются. Сама Финляндія должна была бы зависѣть отъ иностранной промышленности въ значительно большей степени чѣмъ теперь. Только благодаря льготнымъ пошлинамъ, Финляндія, скудная почвой, получила возможность выйти изъ бѣдности и дикости и стать промышленною страной. Всѣмъ своимъ экономическимъ развитіемъ Финляндія обязана излишнему великодушію Россіи, дѣйствовавшей въ ущербъ своимъ экономическимъ и политическимъ интересамъ. Не видѣть этого могутъ только финляндскіе сепаратисты.

М. ПЕТРОВЪ.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.*

40.

Высочайшій манифестъ и финляндская цензура.

Высочайшій манифестъ отъ 31 мая (12 іюня),** объ объединеніи почтовой части въ Финляндіи съ таковою же въ Россіи, появился въ русскомъ *Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства* въ пятницу, 22 іюня. Въ тотъ же день телеграммы объ этомъ получены были въ Гельсингфорсѣ,—но мѣстная финляндская цензура не допустила напечатанія ихъ въ газетахъ.

Въ субботу, вечеромъ, получены были въ Гельсингфорсѣ петербургскія газеты содержавшія текстъ Высочайшаго манифеста: но и тогда цензура не дозволила опубликованія его въ частныхъ газетахъ.

Наконецъ, на четвертый день послѣ появленія манифеста въ Петербургѣ, въ понедѣльникъ, 25 іюня, шведскій и финскій тексты его напечатаны были въ финляндскихъ офиціальныхъ газетахъ—*Finlands Almänna Tidning* (по-шведски) и *Suomen Virallinen Lehti* (по-фински). Только тогда разрѣшено было мѣстною цензурой опубликованіе манифеста въ гельсингфорсскихъ газетахъ.

Такія дѣйствія финляндской цензуры, три дня не пропускавшей въ Гельсингфорсѣ Высочайшаго манифеста *и даже никакихъ извѣстій о немъ*, можетъ быть объясняемо тѣмъ что Финляндскій Сенатъ въ прошломъ году сдѣлалъ распоряженіе — не допускать въ газетахъ опубликованія на основаніи слуховъ извѣстій о какихъ-либо Высочайшихъ рѣшеніяхъ до появленія сообщеній о нихъ въ офиціальныхъ изданіяхъ. Но извѣстія о Высочайшихъ рѣшеніяхъ касающихся Финляндіи, на основаніи сообщеній *русскихъ офиціальныхъ изданій*, могутъ ли быть приравниваемы къ сообщеніямъ основаннымъ на „слухахъ“?

Внѣ Гельсингфорса, въ другихъ финляндскихъ городахъ, цензоры оказались снисходительнѣе и, по словамъ газеты *Uusi Suometar*, немедленно пропустили извѣстіе о появленіи манифеста.

Напечатанный въ финляндскихъ офиціальныхъ газетахъ текстъ Высочайшаго манифеста 31 мая отличается отъ русскаго текста тѣмъ что подъ Высочайшею подписью имѣется еще одна подпись: „За министра статсъ-секретаря товарищъ его В. фонъ-Денъ.“

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 183, отъ 5 іюля.

** См. выше, стр. 387—388.

41.

Официальныя сообщенія объ отставкѣ Л. Мехелина и А. фонъ-Вейсенберга и о новыхъ назначеніяхъ.

Въ томъ же нумерѣ (153) финляндской официальной газеты гдѣ помѣщенъ Высочайшій манифестъ 31 мая, напечатаны слѣдующія официальныя сообщенія:

„Его Величество Государь Императоръ 20 (8) минувшаго іюня, по всеподданнѣйшему прошенію, Высочайше уволилъ отъ должности члена Хозяйственнаго Департамента Императорскаго Финляндскаго Сената и начальника Экспедиціи Торговли и Промышленности, сенатора и кавалера Леопольда-Генриха-Станислава Мехелина.

„Въ тотъ же день Его Императорское Величество Высочайше призвалъ и назначилъ исправляющаго должность оберъ-интенданта въ Управленіи Промышленности, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Адольфа Эдварда Арппе, до 30 сентября 1891 года * сенаторомъ и членомъ Хозяйственнаго Департамента Императорскаго Сената и начальникомъ Экспедиціи Торговли и Промышленности.

„Его Величество Государь Императоръ 20 (8) минувшаго іюня, по всеподданнѣйшему прошенію, Высочайше уволилъ отъ должности, считая съ 1 будущаго октября, прокурора Императорскаго Финляндскаго Сената и кавалера Александра-Бернгарда фонъ-Вейсенберга.

„Въ тотъ же день Его Императорское Величество Высочайше призвалъ и назначилъ гофгерихтскаго совѣтника въ Выборгскомъ гофгерихтѣ Георга-Генриха-Вилли Калоніуса прокуроромъ Императорскаго Финляндскаго Сената съ 1 октября сего года.

„Его величество Государь Императоръ 20 (8) минувшаго іюня Высочайше призвалъ и назначилъ директора канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Свена-Вильгельма Хугберга до 30 сентября 1891 года сенаторомъ и членомъ Судебнаго Департамента Финляндскаго Императорскаго Сената.

„Въ тотъ же день Его Императорское Величество Высочайше назначилъ полковника въ запасѣ Генеральнаго Штаба и кавалера Фритіофа-Теодора Блофіельда исправляющимъ должность деректора канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора.“

Въ № 155 официальной газеты *Finlands Allmänna Tidning* напечатано:

„По всеподданнѣйшему представленію финляндскаго генералъ-губернатора, Его Императорское Величество 15 (27) минувшаго іюня Высочайше назначилъ старшаго ревизора Курляндскаго акцизнаго управленія, статскаго совѣтника Биргера Винтера генералъ-директоромъ таможеннаго вѣдомства въ Финляндіи.“

Эти официальныя сообщенія подтверждаютъ слухи, сообщенные раньше гельсингфорсскими газетами,—слухи, вызвавшіе цѣлую бурю протестовъ среди финляндскихъ „патріотовъ“. О безуспѣшныхъ протестахъ и демонстраціяхъ по поводу отставки г. Мехелина читатели уже знаютъ. * Новыя назначенія, возвѣщенныя теперь официальною газетой, состоялись также вопреки чаяніямъ и протестамъ „патріотовъ“.

Особенное неудовольствіе среди нихъ вызывали слухи о назначеніи г. Блофіельда директоромъ генералъ-губернаторской канцеляріи и г. Винтера начальникомъ финляндскихъ таможень. Недѣли три тому назадъ, когда впервые появились эти слухи, гельсингфорс-

* Составъ Финляндскаго Сената, согласно регламенту его, утверждается вновь или возобновляется чрезъ каждые три года.

* См. выше, стр. 336—348.

скія газеты старались доказать негодность и даже неправоспособность этихъ лицъ для занятія такихъ должностей. Такъ, напримѣръ, газета *Nya Pressen*, въ № отъ 7 іюня, въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ „Директорское мѣсто въ генералъ-губернаторской канцеляріи“, говорила о томъ какое важное значеніе имѣетъ эта должность, въ виду того что „генералъ-губернаторы обыкновенно совсѣмъ не знакомы съ финляндскимъ правовымъ и общественнымъ строемъ“, и какъ нежелательно чтобы на нее назначенъ былъ „военный переведенный въ отечество въ качествѣ гражданскаго чиновника, послѣ того какъ онъ всю предшествовавшую свою жизнь провелъ на русской военной службѣ“.

Газета *Päivälehti* (№ 129), въ передовой статьѣ „По поводу слуховъ“, доказывала что полковнику Блофіельду—

„не достаетъ тѣхъ качествъ какія требуются отъ начальника генералъ-губернаторской канцеляріи. Изданная въ 1881 года инструкція для этого учрежденія постановляетъ что помянутый чиновникъ долженъ быть знакомъ съ законами страны и ея бытовыми условіями. Невозможнымъ кажется, поэтому, чтобы, вопреки ясному постановленію закона, на эту должность назначили лицо не имѣющее никакихъ юридическихъ свѣдѣній. Въ нашей странѣ есть люди обладающіе какъ юридическими познаніями и опытомъ, такъ и знакомствомъ съ русскимъ языкомъ, то-есть обоими условіями необходимыми для этого мѣста.“

На мѣсто уволеннаго въ отставку начальника финляндскаго таможеннаго вѣдомства, г. Хёккерта, Финляндскій Сенатъ представилъ двухъ кандидатовъ, референдарій-секретарей Сената Гейтлина и Христіерсона. Этихъ кандидатовъ рекомендовала въ той же статьѣ и газета *Päivälehti*, причемъ высказывала надежду что слухъ о назначеніи, несмотря на представленіе Сената, третьяго, не желательнаго для „патріотовъ“, кандидата, представленнаго генералъ-губернаторомъ графомъ Ѳ. Л. Гейденомъ, не оправдается, такъ какъ и на эту должность нуженъ де „юристъ“, а не чиновникъ служившій въ Россіи, „не знакомый съ финляндскими законами“.

Въ такомъ же смыслѣ высказывалась и газета *Uusi Suometar* (въ № 128), заявившая при этомъ что финляндское „общественное мнѣніе“ не поддержитъ де такихъ кандидатовъ какъ гг. Блофіельдъ и Винтеръ,—перваго, потому что онъ военный, а не „юристъ“, втораго—потому что онъ „получилъ военное воспитаніе и послѣ того весь вѣкъ свой жилъ въ Россіи“.

„Юридическія свѣдѣнія“ во всей этой газетной агитаціи противъ нежелательныхъ кандидатовъ служили, однако, лишь благовиднымъ предлогомъ. Объ истинной причинѣ недовольства новыми назначеніями проговорилась газета *Päivälehti* въ другой статьѣ (въ № 149), озаглавленной: *Больше патріотизма!* Въ этой статьѣ она упрекаетъ въ недостаткѣ „патріотизма“ тѣхъ людей которые „въ нынѣшнее время, когда враждебныя нашей странѣ лица всѣми средствами стараются поколебать наше правовое „„положеніе““, просятся, ко вреду „„отечества““, на такія должности, для которыхъ они „„не имѣютъ необходимыхъ качествъ““. И прежде уже, говоритъ газета, случалось что „военный, пробывъ внѣ страны такъ долго что *почти совсѣмъ успѣлъ забыть что онъ Финляндецъ*, неожиданно появлялся здѣсь, напримѣръ, губернаторомъ“. *

Дѣло, такимъ образомъ, вовсе не въ „юридическихъ свѣдѣніяхъ и опытѣ“, а въ другихъ „необходимыхъ качествахъ“ которыми, по понятіямъ финляндскихъ „патріотовъ“, долженъ обладать всякій идеальный финляндскій чиновникъ: въ неуклонномъ слѣдованіи „государственно-правовымъ“ теоріямъ гг. Мехелина, Ирье-Коскинена и Монгомери и въ

---

* На мѣста губернаторовъ въ Финляндіи въ послѣдніе годы дѣйствительно назначено было, по представленію графа Ѳ. Л. Гейдена, нѣсколько Финляндцевъ состоявшихъ раньше на военной службѣ въ Россіи. По этому поводу сепаратистскіе публицисты тогда же упрекали графа Ѳ. Л. Гейдена въ томъ что онъ вводитъ де въ Финляндіи „милитаризмъ“.

упорномъ отчужденіи отъ Россіи и всего русскаго.

Финляндцы долго жившіе въ коренной Россіи представляются „патріотамъ“ не вполнѣ благонадежными въ этомъ отношеніи: отсюда и нежеланіе видѣть ихъ на выдающихся мѣстахъ въ финляндской администраціи. Иногда съ ними бываютъ, правда, удивительныя превращенія: пока человѣкъ живетъ и служитъ въ Россіи, онъ кажется почти совсѣмъ Русскимъ, а по переселеніи въ Финляндію, подъ вліяніемъ мѣстной среды, гдѣ не слышно ни русскаго языка, ни сочувственнаго слова о Россіи, разучивается говорить по-русски и дѣлается мало-по-малу заядлымъ финляндскимъ „патріотомъ“. Бываютъ между ними и такіе которые, даже находясь на службѣ въ Россіи и занимая притомъ очень видные посты, безцеремонно заявляютъ сами что служатъ „только Монарху, а не Россіи“.

Но въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ, эти Финляндцы все-таки не такъ враждебно относятся къ идеѣ сближенія съ Россіей какъ истые „патріоты“ и „юристы“, ничего почти о Россіи не знающіе и не желающіе знать, и ничего выше своей финляндской юриспруденціи и финляндскаго „правоваго порядка“ не признающіе...

42.

Финляндскій органъ на русскомъ языкѣ.

Еще съ прошлаго года финляндскіе „патріоты“ пытаются основать, для „защиты политическихъ правъ Финляндіи“ и для пропаганды сепаратистскихъ идей, особый органъ на русскомъ языкѣ. Сперва такая попытка сдѣлана была въ Петербургѣ, * но главное Управленіе по Дѣламъ Печати не разрѣшило изданія сепаратистской газеты. Финляндская печать, однако, и послѣ этого продолжала твердить объ этой затѣѣ. Въ № 121 *Московскихъ Вѣдомостей* ** приведена, напримѣръ, статья *Nya Pressen* предлагавшая искать „поддержки и защиты правъ Финляндіи“ среди „свободомыслящей части русскаго общества“ и не жалѣть „никакихъ пожертвованій“ для основанія органа на русскомъ языкѣ.

Теперь этотъ планъ финляндскихъ „патріотовъ“, повидимому, близокъ къ осуществленію. Гельсингфорсскія газеты сообщаютъ что капитанъ (финляндскій) Фразеръ недавно подалъ въ Финляндскій Сенатъ прошеніе о дозволеніи ему издавать въ Гельсингфорсѣ газету на русскомъ языкѣ.

На этотъ разъ за разрѣшеніемъ дѣло, вѣроятно, не станетъ, хотя нужно замѣтить что когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ Русскій (г. Ассоновъ) просилъ у Сената дозволенія издавать въ Финляндіи русскую газету, то ему было отвѣчено что объ изданіи въ Финляндіи газетъ на русскомъ языкѣ ничего не сказано въ финляндскихъ законахъ, и потому это де невозможно.

---

* См. выше, стр. 217—218, 335.

** См. выше, стр. 285—287.

ФИНЛЯНДСКІЕ СУДЕБНЫЕ ПОРЯДКИ.*

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“.

Гельсингфорсъ, 24 іюня.

Здѣшняя газета *Hufvudstadsbladet* (№ 172) недовольна фельетонами *Новаго Времени* (№№ 5.123 и 5.130), въ которыхъ говорилось о „Финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи и русскихъ правахъ“. Хорошо знакомый съ Финляндіей, авторъ означенныхъ фельетоновъ, между прочимъ, указывалъ на то что въ финляндскомъ судопроизводствѣ до сихъ поръ имѣютъ мѣсто нѣкоторые средневѣковые порядки, прикрытые таинственною темнотой, и что вообще вся процессуальная сторона является крайне отсталою въ сравненіи съ судебными порядками Россіи.

Самовлюбленнаго Финляндца ничѣмъ нельзя такъ сильно задѣть какъ указавъ ему на отсталость по отношенію къ Россіи въ какой бы то ни было отрасли: одного простаго намека въ этомъ смыслѣ достаточно чтобы довести его до крайняго раздраженія. Какъ можно страну являющуюся, по собственному выраженію Финляндцевъ, ** „передовымъ постомъ западно-европейской цивилизаціи на востокѣ“,—какъ можно сопоставлять ее въ невыгодномъ свѣтѣ съ этимъ востокомъ, съ „дикою“ Россіей!...

Каковы же тѣ доводы коими финляндская газета опровергаетъ положенія высказанныя авторомъ упомянутой статьи *Финляндское Уголовное Уложеніе?* Просимъ выслушать и вникнуть въ нихъ.

Правда, говоритъ газета, что существующіе въ Финляндіи судебные порядки установлены шведскимъ закономъ 1734 года. Но что изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь въ свое время законъ этотъ былъ передовымъ, выдающимся и далеко оставлялъ позади себя средневѣковые взгляды. Если Финляндія до сихъ поръ руководствовалась закономъ 1734 года, то виновата (?) де въ томъ Россія, лишавшая ее, въ теченіе полустолѣтія, „законнаго сейма“. Въ низшихъ судебныхъ учрежденіяхъ Финляндіи установлены устность и гласность, слѣдовательно они удовле-

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 184, отъ 6 іюля.

** Такъ выразился, напримѣръ, финляндскій инженеръ Лонденъ на прошлогодней Парижской выставкѣ въ своей рѣчи произнесенной, въ присутствіи президента Французской республики, при открытіи финляндскаго отдѣла, коммиссаромъ котораго г. Лонденъ состоялъ. Рѣчь эта была напечатана въ финляндскихъ газетахъ.

творяютъ послѣднимъ требованіямъ времени. Говорятъ что въ финляндскихъ судахъ не имѣется стадіи предварительнаго слѣдствія. Но это де сущій пустякъ! Функція слѣдователей въ Финляндіи прекрасно (?) восполняется разслѣдованіями лѣнсмановъ, фискаловъ и другихъ полицейскихъ чиновниковъ. Лѣнсмановъ, замѣняющихъ собою внѣ городовъ судебныхъ слѣдователей, мало; это такъ; но за то „финская нація“,—утверждаетъ *Hufvudstadsbladet*,—„насквозь проникнута уваженіемъ къ закону, и личная безопасность гражданъ вполнѣ обезпечена“. Судебныя разбирательства длятся долго, но изъ этого не слѣдуетъ (?) что обвиняемые долго содержатся въ предварительномъ заключеніи, такъ какъ прокуроръ Сената и фискалы гофгерихта перечитываютъ списки арестованныхъ и озабочены правильнымъ ходомъ дѣлъ. Сессіи окружныхъ судовъ низшей инстанціи открываются въ деревняхъ лишь два раза въ годъ, но прямая польза долгихъ промежутковъ между сессіями не можетъ подлежать сомнѣнію (!), такъ какъ дознано (?) что за это время цѣлый рядъ ссоръ успѣваетъ окончиваться примиреніемъ. Дешевизна веденія процесса въ финляндскихъ судахъ плодитъ дѣла, но, съ другой стороны, рѣдкія сессіи охолаживаютъ пылъ склонныхъ къ сутяжничеству.

Вся эта аргументація *Hufvudstadsbladet* не только слаба, но и противорѣчива. Особенно куріозно восхваленіе малообразованныхъ полицейскихъ чиновниковъ въ роли судебныхъ слѣдователей.

Вся Европа признала что слѣдственная стадія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей уголовнаго процесса; всѣ государства сознали необходимость имѣть слѣдователями опытныхъ спеціалистовъ, прошедшихъ высшій курсъ юридическихъ наукъ, почему даютъ имъ даже права несмѣняемыхъ судей и пр. Рѣшить вопросъ о томъ, предать человѣка суду, или нѣтъ—дѣло первостепенной важности, такъ какъ подобныя постановленія власти нерѣдко имѣютъ рѣшающее значеніе для всей будущности обвиняемаго, его семьи, его карьеры. Чтобы рискнуть выхватить человѣка изъ окружающаго его общества, подвергнуть его предварительному заключенію, сказать ему въ лицо что онъ преступникъ,—для этого надо тщательно собрать данныя pro и contra и взвѣсить рядъ фактовъ. Уголовный процессъ лишенный надлежащаго слѣдствія дѣйствуетъ рискованно, наобумъ и играетъ личною свободой гражданина. Признано что съ актомъ преданія суду надо быть крайне осмотрительнымъ: не даромъ его пропускаютъ чрезъ нѣсколько рукъ и инстанцій, а въ Англіи предлагаютъ этотъ вопросъ даже на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Помимо всего этого, собраніе надлежащихъ свѣдѣній по дѣлу и своевременное представленіе ихъ на разсмотрѣніе суда столь важно что отъ нихъ зависитъ самое рѣшеніе дѣла.

Все это рядъ азбучныхъ истинъ, о коихъ считаемъ неумѣстнымъ здѣсь распространяться. Но, послѣдовательные въ дѣлѣ самовосхваленія, Финляндцы утверждаютъ противное, лишь бы отстоять достоинства своего „перваго поста цивилизаціи“. Ради этого они готовы хвалить и свое судопроизводство. А каково вообще это судопроизводство, поясникъ примѣромъ взятымъ изъ недавней практики здѣшняго ратгаусскаго суда,—примѣромъ, который наглядно покажетъ что значитъ имѣть дѣло съ финляндскими судами.

Въ Финляндіи у всѣхъ еще свѣжо въ памяти дѣло о растратѣ кассиромъ Векстремомъ ввѣренныхъ ему казенныхъ денегъ. Все дѣло заключалось въ томъ что Векстремъ любилъ кутнуть и вести азартную игру. Когда растрата была обнаружена, то суду предстояло разобрать обстоятельства, кои были крайне немногосложны. Азартная игра велась относительно недолго, участники ея были на перечетъ; всѣ обстоятельства дѣла находились, такъ-сказать, подъ рукой у суда, и, несмотря на это, разбирательство дѣла тянулось чуть ли не годъ! Русскій читатель, привыкшій къ инымъ порядкамъ, слѣдя за процессомъ Векстрема по здѣшнимъ газетамъ, могъ разстроить себѣ нервы. Вызовутъ двухъ свидѣтелей, одного участника игры, прочтутъ одинъ-другой документъ, и затѣмъ судъ постановляетъ: въ виду необходимости вызвать

еще трехъ свидѣтелей, отложить разсмотрѣніе дѣла на двѣ недѣли. Прошли эти двѣ недѣли. Разсмотрѣніе дѣла продолжается. Опять спохватываются что не допросили кондитера, въ помѣщеніи коего также играли. Вновь дѣло откладывается на мѣсяцъ. Допросили кондитера, но забыли вызвать прислугу изъ гостиницы, гдѣ также велась игра, и гдѣ были однажды забыты деньги подъ подсвѣчникомъ. Опросили прислугу, но не догадались своевременно затребовать нужную справку изъ банка и т. д. и т. д. Перерывамъ не было конца.

Въ такомъ же родѣ ведутся всѣ дѣла безъ исключенія. При подобномъ порядкѣ веденія дѣлъ, конечно, у судьи не получается цѣльнаго впечатлѣнія, и память его безсильна запомнить подробности дѣла разсмотрѣнныя годъ тому назадъ. Финляндскіе судьи очень терпѣливы и въ состояніи тянуть дѣло сколько угодно, возвращая его для дополненія и откладывая его безчисленное множество разъ, очевидно съ пользой для себя, для правосудія и для тяжущихся: иначе какъ же объяснить такое младенческое отношеніе къ дѣлу?

Пустячное дѣло тянулось въ теченіе года, прокуроръ Сената читалъ списокъ арестованныхъ, а Векстремъ отсиживалъ въ тюрьмѣ предварительнаго заключенія. И такой порядокъ финляндская газета находитъ вполнѣ соотвѣтствующимъ послѣднимъ требованіямъ науки, а на статью въ *Новомъ Времени* смотритъ какъ на „злобное отношеніе“ къ Финляндцамъ! Мы уже не говоримъ о томъ снотворномъ способѣ разбирательства дѣла въ стѣнахъ суда, который намъ и лично приходилось постоянно наблюдать.

Hufvudstadsbladet настаиваетъ, затѣмъ, на томъ что въ Финскомъ народѣ „развито уваженіе къ закону“. На чемъ основано такое заявленіе газеты,—намъ неизвѣстно. Логика же вещей подсказываетъ что если дѣйствительно въ Финскомъ народѣ уваженіе къ законности пустило особенно глубокіе корни, то преступность должна быть весьма незначительна. Но статистика этого не подтверждаетъ; * напротивъ, она свидѣтельствуетъ что число преступленій велико, тюремъ много, и мѣста въ нихъ заняты.

ГЕЛЬСИНГФОРССКІЙ СТАРОЖИЛЪ.

---

* См. объ этомъ финляндскіе офиціальные статистическіе сборники. Нѣкоторыя данныя изъ нихъ приведены въ „Письмахъ о Финляндіи“ г. Петрова. (См. выше, стр. 223—228, 352—358 и 393—397).

ГЕРМАНСКІЕ ВИДЫ НА ФИНЛЯНДІЮ.

(Изъ передовой статьи № 191 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 12 іюля.

Германскій императоръ Вильгельмъ II возвращается въ Берлинъ изъ своей поѣздки въ Норвегію. Онъ въ этотъ разъ прослѣдовалъ изъ Киля не прямо въ Норвежское море, а пробылъ пять дней въ столицѣ Норвегіи, гдѣ со стороны Оскара II и населенія былъ оказанъ ему самый сердечный пріемъ.

Свиданіе между обоими монархами, конечно, не совсѣмъ было лишено и политическаго значенія. *Агентство Гаваса* уже сообщало что, являясь прямымъ продолжателемъ международной политики князя Бисмарка, императоръ Вильгельмъ заключилъ съ королемъ Швеціи Оскаромъ особое соглашеніе на случай войны съ Россіей. За военную поддержку тройной лигѣ обѣщана де Швеціи Финляндія, которую предполагается де отнять у побѣжденной Россіи.*

Эти сообщенія не были опровергнуты ни со стороны Германіи, ни со стороны Швеціи; однако, несмотря на весьма вѣроятное желаніе императора Вильгельма найти новыхъ союзниковъ, и при всемъ нерасположеніи короля Оскара къ Россіи, этому сообщенію трудно было повѣрить. Не хотѣлось думать чтобъ императоръ Вильгельмъ, наканунѣ своего прибытія въ Россію, рѣшился такъ демонстративно собирать новыхъ союзниковъ противъ государства которое намѣренъ посѣтить въ качествѣ друга.

Тѣмъ не менѣе органъ графа Вальдерзее, *Крестовая Газета*, косвенно подтверждаетъ нынѣ справедливость сообщенныхъ слуховъ и доказываетъ цѣлесообразность и необходимость такого союза. Газета исходитъ изъ ложнаго, конечно, но необходимаго для ея выводовъ положенія, что де, какъ уже давно выяснилось, Россія является общимъ врагомъ всей Европы, и нужно быть очень низкаго мнѣнія объ инстинктѣ культурнаго міра чтобы не повѣрить что это убѣжденіе распро-

* См. выше, въ статьѣ „Знакомство съ Россіей къ Финляндскихъ школахъ“, стр. 326—329.

страняется и за предѣлами Германіи».

Это отлично де можно замѣтить на Швеціи и Норвегіи, которыя стали относиться къ Россіи холоднѣе чѣмъ прежде, притомъ по весьма де уважительной причинѣ. Затѣмъ газета приводитъ, въ формѣ историческаго факта, одно изъ тѣхъ лживыхъ положеній которыя въ такомъ ходу въ Германіи, и на которыя тамъ любятъ ссылаться даже въ дипломатическихъ документахъ:

«Швеція согласилась на уступку Финляндіи лишь послѣ того какъ Русскій Царь далъ торжественное обѣщаніе (!) сохранить за Финляндцами ихъ политическую самостоятельность.» *

Отсюда видно что гг. Мехелины, Коскинены и Монгомери нашли въ Германіи болѣе послушныхъ чѣмъ умныхъ учениковъ. Но не въ этомъ суть: Слѣдующее замѣчаніе прямо указываетъ что противъ Россіи ведется подкопъ въ союзѣ съ защитниками финляндской автономіи:

«Теперь Россія безо всякихъ причинъ начинаетъ лишать Финляндцевъ гарантированныхъ имъ правъ, и Швеція по нравственному праву обязана признать что Россія нарушила (!) заключенный съ нею договоръ объ уступкѣ Финляндіи.»

Таково наглое извращеніе историческихъ фактовъ, которому нельзя не подивиться. Невозможно допустить, однако, чтобы въ Берлинѣ, да еще ближайшіе друзья такого выдающагося дѣятеля какъ графъ Вальдерзее, не знали что Финляндія уступлена Россіи не по добровольному договору, что уступка Россіи этой провинціи была вынуждена русскими штыками явившимися подъ стѣнами Стокгольма. Если считать присоединеніе Финляндіи условнымъ, то что пришлось бы сказать о присоединеніи къ Пруссіи Шлезвига и къ Германіи Альзасъ-Лотарингіи?

Если Россія считаетъ нужнымъ привести въ нѣкоторый порядокъ финляндскія дѣла, гдѣ господа сепаратисты имѣли дерзость присвоивать себѣ права принадлежащія государственной власти, это совсѣмъ не причина Шведамъ, а еще менѣе берлинскимъ Нѣмцамъ, «портить себѣ кровь». Между тѣмъ въ Швеціи, по свидѣтельству *Крестовой Газеты*, разсуждаютъ что «разъ Россія постоянно угрожаетъ европейскому миру и, въ ненасытной жаждѣ завоеваній панславизма, стучитъ въ наши ворота (?), то не слѣдуетъ ли заранѣе позаботиться о собственной защитѣ? Къ этому присоединяется то что въ Финляндіи не считаютъ все потерянными и обращаютъ взоры къ сосѣднимъ берегамъ»...

Газета съ легкимъ сердцемъ возводитъ такой поклепъ и на Финляндцевъ, и на Шведовъ. Что касается первыхъ, то, кромѣ агитаторовъ политической смуты и горсти сбитыхъ ими съ толку людей, безъ сомнѣнія, никто въ Финляндіи на «сосѣдніе берега» не смотритъ. Шведы же слишкомъ благоразумный народъ чтобы таскать для Нѣмцевъ каштаны изъ огня. Они знаютъ что Россія ни въ какія ворота не стучится и стучаться не намѣрена, и еслибы даже король Оскаръ, въ слѣпомъ поклоненіи всему нѣмецкому, готовъ былъ повѣрить страхамъ расписываемымъ его друзьями, то это еще не значило бы чтобъ этому повѣрилъ благоразумный, трезвый Шведскій народъ. А пока этого не случится, король никакихъ договоровъ не подпишетъ, ибо это могло бы стоить ему короны предложенной Шведскимъ народомъ Французу Бернадоту.

Крестовая Газета замѣчаетъ что нѣтъ важности въ томъ заключены ли письменные договоры, или нѣтъ,

* См. выше, стр. 34—35, 109—114, 216—217.

что вся суть въ томъ чтобъ европейскіе монархи и народы убѣдились въ опасности которая грозитъ имъ всѣмъ со стороны Россіи. Когда опасность будетъ сознана, тогда всѣ начнутъ дѣйствовать, и тогда «составится европейская коалиція, которой Русскіе испугаются. Рядомъ съ Финляндцами и Шведами, ряды союзниковъ будутъ усилены Поляками и Румынами. Болгары уже доказали что они враги Россіи, а Турція, конечно, не пропуститъ минуты когда ей можно будетъ нѣсколько освободиться отъ своего притѣснителя».

Газета въ этомъ случаѣ, стараясь запугать Русскихъ, забываетъ что въ Двѣнадцатомъ Году въ Россію приходили не три-четыре, а цѣлыя двенадесять народовъ...

Интересъ статьи органа начальника Германскаго генеральнаго штаба заключается главнымъ образомъ въ томъ что она появилась наканунѣ прибытія императора Вильгельма въ Россію. Газета прямо заявляетъ что «императоръ Вильгельмъ дастъ Русскимъ еще разъ возможность замѣнить теперешнюю политику возбужденія тревоги политикой примирительною». Русскіе могутъ, конечно, послушать его или нѣтъ:

«Если они примутъ его предложеніе, то опасность, быть-можетъ, будетъ еще устранена; если же они будутъ продолжать притѣснять (!) Финляндцевъ и Балтовъ, тревожить Австрію и производить безпорядки (!) на Балканскомъ полуостровѣ, тогда наступитъ часъ когда Россія можетъ немного выиграть, но за то все потерять. Сербская милиція и черногорскія войска окажутся слабыми помощниками, а французскіе союзники будутъ далеко отъ восточнаго поля сраженія чтобы помѣшать отодвинуть западную границу Россіи въ Европѣ до тридцатаго градуса восточной долготы.»

Это значитъ что грозная коалиція желаетъ осуществить планъ печальнаго германскаго философа Гартмана и отрѣзать у Россіи Финляндію, Балтійскій, Привислинскій и Юго-Западный край.

Противъ этого нечего возражать. Покойный М. Н. Катковъ часто говаривалъ: газета никогда не должна высказывать угрозу, потому что, если у нея нѣтъ средствъ привести ее въ исполненіе, то угроза является *глупою*. Этимъ и закончимъ, и только подивимся какъ хорошо германская печать уготовляетъ путь Германскому императору въ Россію.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

ПОДЪ СУДОМЪ ФИНЛЯНДСКОЙ ПЕЧАТИ.

(Передовая статья № 193 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 14 іюля.

Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ намъ не разъ приходилось отмѣчать съ какою враждой относятся финляндскіе «патріоты» къ объединительнымъ реформамъ имѣющимъ цѣлію сближеніе финляндской окраины съ остальною Россіей, и какую ярую агитацію вели они все это время въ своихъ газетахъ противъ объединенія хотя бы лишь нѣкоторыхъ мѣстныхъ финляндскихъ учрежденій съ общерусскими. Въ безчисленныхъ статьяхъ, на разные лады повторяли они что объединеніе, желаемое якобы только «нѣкоторыми ультранаціональными русскими газетами», ни въ какой формѣ и ни въ какой мѣрѣ невозможно, * что оно грозитъ «самостоятельности» Финляндіи и противорѣчитъ будто бы разъ навсегда утвержденной «финляндской конституціи», подъ которою «патріоты», согласно указаніямъ и разъясненіямъ своихъ вождей и наставниковъ, гг. Мехелина, Вейсенберга, Коскинена и Монгомери, привыкли разумѣть произвольно ими толкуемую и никогда для Финляндіи не утверждавшуюся шведскую конституцію 1772 года.

Уже съ самаго начала, особенно со времени назначенія извѣстныхъ Гейденовскихъ коммиссій, имъ было, конечно, хорошо извѣстно что реформы эти предпринимаются и разрабатываются по непосредственному почину и предначертаніямъ Государя Императора. Но—чтобы не стать сразу въ прямое противорѣчіе съ давно уже приписанною ими себѣ и муссированною славой особенной лойяльности и преданности Престолу, и въ тайномъ разчетѣ что такимъ образомъ лучше удастся, какъ нерѣдко удавалось прежде, затормозить реформы,—они своей агитаціи противъ нихъ придавали

* См., между прочимъ, выше, стр. 288, 335—336. См. также ниже, стр. 418—421.

видъ полемики съ *Московскими Вѣдомостями* и съ другими «ультранаціональными» и «славянофильскими» газетами.

Такъ, напримѣръ, въ февралѣ, приведя, въ видѣ обращика, одну рѣзко оппозиціонную финляндскую статью, въ которой, по поводу Гейденовскихъ коммиссій, заявлялось, между прочимъ, что по обсуждавшимся ими вопросамъ противъ кого-то «будетъ стоять, какъ одинъ человѣкъ, весь Финскій народъ», мы поставили вопросъ: противъ кого же это будетъ стоять весь Финскій народъ, и это ли хваленая финляндская лойяльность? * Тогда финляндскіе «патріоты» старались замять свою выходку и разъяснить ее въ томъ смыслѣ что они стоятъ будто бы только противъ «нападокъ» нашей и другихъ русскихъ газетъ, но не противъ Верховной Власти. Когда, затѣмъ, работы коммиссій подвинулись, и въ печать стали проникать слухи о результатахъ этихъ работъ, финляндская «пресса», продолжая рѣзко порицать объединительныя реформы и возбуждать противъ нихъ своихъ читателей, приписывала проекты объединенія «нѣкоторымъ русскимъ газетамъ», хотя, на самомъ дѣлѣ, ни мы, ни другія русскія газеты никакихъ проектовъ по обсуждавшимся коммиссіями вопросамъ не выставляли, а о финляндской почтѣ, напримѣръ, до самаго назначенія коммиссій никогда даже ничего и не говорили.

Теперь, по обнародованіи Высочайшаго манифеста 31 мая, ** такія увертки сдѣлались уже неумѣстными: Высочайшая воля ясно и непреложно выражена въ самой торжественной формѣ, въ законодательномъ актѣ собственноручно подписанномъ Государемъ Императоромъ. Первоначальныя Высочайшія предначертанія по почтовому вопросу, обсужденныя и разработанныя въ подробностяхъ одною изъ Гейденовскихъ коммиссій, получили силу непререкаемаго закона.

Можно было, поэтому, надѣяться что теперь финляндскіе «патріоты» образумятся, что у нихъ достанетъ политическаго такта и преданности Престолу настолько чтобы примириться съ совершившимся фактомъ, подчиниться Высочайшей волѣ и прекратить сепаратистскую агитацію по крайней мѣрѣ по почтовому вопросу, уже окончательно разрѣшенному Высочайшимъ манифестомъ. Можно было надѣяться что они перестанутъ теперь возбуждать мирное, не политиканствующее и не демонстрирующее населеніе края, вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Царя въ Финляндіи, по крайней мѣрѣ противъ той изъ объединительныхъ реформъ которая облечена уже въ форму закона; что они поймутъ что дальнѣйшая оппозиція и агитація равняются дерзкому посягательству на авторитетъ Верховной Власти. Въ такомъ смыслѣ и высказывались нѣкоторыя русскія газеты по поводу манифеста.

Но надежды эти оказались напрасными. Финляндскіе «патріоты» только сбросили теперь съ себя, какъ ненужную болѣе вещь, маску лойяльности. Теперь они уже открыто идутъ противъ Высочайшей воли и противъ закона. За послѣднія двѣ недѣли, послѣ обнародованія Высочайшаго манифеста 31 мая въ Гельсингфорсѣ, въ финляндскихъ газетахъ безустанно ведется настоящій походъ противъ него. Въ цѣломъ рядѣ статей манифестъ порицается и осуждается безусловно, во всѣхъ его подробностяхъ. «Патріоты» не захотѣли даже оцѣнить проявляющихся въ рѣшеніи почтоваго вопроса умѣренности и вниманія къ

---

* См. выше, стр. 180—183.

** См. выше, стр. 387—388.

мѣстнымъ особенностямъ Финляндіи: манифестъ 31 мая не объединяетъ прямо и безусловно финляндскую почту съ общегосударственною, онъ только сосредоточиваетъ высшее завѣдываніе ею въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, оставляя многое въ прежнемъ положеніи. Такъ, напримѣръ, вся хозяйственная, денежная часть остается попрежнему въ завѣдываніи Сената, порядокъ назначенія большинства почтовыхъ чиновниковъ оставленъ прежній и т. д.

Но людямъ воспитаннымъ на «государственно-правовыхъ» теоріяхъ гг. Мехелина, Коскинена и прочихъ, людямъ по принципу чуждающимся всякаго сближенія финляндскаго «отечества» съ Россіей, противна самая идея объединенія, въ какой бы умѣренной и мягкой формѣ она ни проявлялась: они знаютъ—и въ этомъ они вполнѣ правы—что объединеніе хотя бы только нѣкоторыхъ финляндскихъ учрежденій съ общерусскими должно положить конецъ ихъ мечтаніямъ объ особомъ, отдѣльномъ отъ Россіи, «Финляндскомъ государствѣ»; имъ уже нельзя будетъ, какъ они дѣлали это раньше, съ торжествомъ указывать на полную независимость финляндскихъ правительственныхъ учрежденій отъ центральныхъ русскихъ какъ на доказательство существованія только «реальной уніи» между «Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ» и Россійскою Имперіей.

Во главѣ похода противъ Высочайшаго манифеста идетъ особенно отличающаяся своимъ сепаратистскимъ направленіемъ гельсингфорсская газета *Nya Pressen*. *

Въ воскресенье, 24 іюня, когда текстъ Высочайшаго манифеста уже былъ извѣстенъ въ Гельсингфорсѣ, но еще не былъ обнародованъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ, *Nya Pressen* помѣстила передовую статью подъ заглавіемъ *По одному изъ вопросовъ дня*, ** въ которой авторъ, все еще подъ видомъ полемики съ какими-то «русскими газетами», старается доказать что «проектъ русскихъ газетъ» касательно объединенія финляндскихъ почтовыхъ учрежденій съ русскими совершенно противорѣчитъ «финляндской конституціи», которую де «всѣ наши монархи при вступленіи на престолъ обѣщали соблюдать». Въ видѣ подтвержденія перечисляются и толкуются разныя постановленія этой «конституціи» или «основныхъ законовъ». Оказывается при этомъ что ни одного постановленія собственно-финляндскаго, то-есть изданнаго послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, авторъ привести не могъ. Онъ указываетъ только на разные параграфы *шведской* «Формы Правленія» 1772 года и изданнаго въ 1789 году дополненія къ ней, такъ-называемаго «Акта Соединенія и Охраненія».

Читатель съ изумленіемъ спроситъ себя: какимъ же это образомъ законъ объ объединеніи почтовыхъ учрежденій Финляндскаго края, установленныхъ большею частью *послѣ* присоединенія его въ Россіи, ** съ общегосударственными русскими учрежденіями можетъ противорѣчить изданнымъ въ прошломъ столѣтіи основнымъ государственнымъ законамъ не Финляндіи, а независимаго

---

* (См. выше, стр. 163—165, 288—289.

* Эта статья, написанная финляндскимъ профессоромъ Германсономъ, перепечатана была потомъ и разными другими финляндскими газетами.

** Должности финляндскаго почтъ-директора и другихъ чиновъ финляндскаго почтоваго управленія установлены послѣ присоединенія края къ Россіи. Дѣйствующій нынѣ въ Финляндіи *Почтовый Уставъ* весьма недавняго происхожденія: изданъ въ прошлое царствованіе.

Шведскаго королевства? Да еслибъ и противорѣчилъ, то что же изъ этого слѣдуетъ?

Но на то и существуетъ, по теоріи финляндскихъ «патріотовъ», *толкованіе* законовъ чтобы всяческимъ притязаніямъ придавать видъ законности. Такъ поступаетъ и авторъ статьи въ *Nya Pressen*. Онъ даже не приводитъ самаго текста «основныхъ законовъ», а только излагаетъ ихъ «своими словами» и «толкуетъ». Каково это изложеніе и толкованіе, могутъ дать понятіе слѣдующіе обращики:

„По этимъ основнымъ законамъ“, — говоритъ онъ, — „страна должна быть управляема по законамъ ея (*Форма Правленія* § 2, *Актъ Соединенія и Охраненія*, § 2), и слѣдовательно финляндскій законъ долженъ господствовать въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго. Сюда принадлежитъ также что лица назначаемыя Монархомъ для отправленія публичной власти и обязанности въ странѣ или для завѣдыванія ея общественными дѣлами суть собственныя власти страны и, такимъ образомъ, назначаются по законамъ страны, отправляютъ свои обязанности по законамъ страны и подчинены имъ. Публичное учрежденіе стоящее внѣ этихъ законовъ, поэтому, несовмѣстимо съ дѣйствующимъ закономъ. А отсюда слѣдуетъ что проектъ помянутыхъ газетъ о русскомъ почтовомъ вѣдомствѣ (въ Финляндіи), которое будетъ независимо отъ финляндскихъ властей и не будетъ подчинено финляндскимъ законамъ, на самомъ дѣлѣ содержитъ въ себѣ нѣчто противорѣчащее существующимъ основнымъ законамъ.“

Указываемыя финляндскимъ авторомъ постановленія имѣютъ, однако, совершенно другой смыслъ, и непостижимо какъ онъ ухитрился вывести изъ нихъ свое толкованіе. Въ § 2 *Формы Правленія* 1772 года говорится:

„Король долженъ управлять государствомъ своимъ по уложенію Швеціи (Sveriges Lag), онъ и никто другой. Онъ долженъ правосудіе и правду утверждать, любить и соблюдать, а неправду и несправедливость запрещать, устранять и подавлять; никого не лишать жизни и чести и не причинять вреда тѣлу или благосостоянію кого-либо, кто законнымъ образомъ не уличенъ и не осужденъ, и ни у кого не отнимать и не дозволять отнимать никакого имущества, движимаго или недвижимаго, безъ законнаго суда и слѣдствія, и управлять по Королевскому Отдѣлу Земскаго Уложенія и по сей Формѣ Правленія.“

Въ § 2 *Акта Соединенія и Охраненія* сказано:

„Мы признаемъ себя свободными, законамъ повинующимися и въ безопасности находящимися подданными, подъ властью законно короннаго короля, который управляетъ нами по писанному уложенію Швеціи. И такъ какъ всѣ мы одинаково свободные подданные, то мы должны также всѣ, подъ охраной закона, пользоваться одинаковыми правами. Посему и Верховный Судъ короля, въ которомъ рѣшаются всѣ дѣла судебной ревизіи и гдѣ король имѣетъ два голоса, долженъ состоять какъ изъ дворянъ, такъ и недворянъ; въ виду чего опредѣленіе количества членовъ Государственнаго Совѣта впредь принадлежитъ милостивому благоусмотрѣнію Королевскаго Величества. И Королевское Величество намѣренъ охранять высшихъ и низшихъ противъ всякой несправедливости; не касаться ничьей жизни, чести, тѣла и имущества, пока кто не изобличенъ законнымъ образомъ и не осужденъ въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ.“

Мы привели оба постановленія дословно, цѣликомъ. Пусть читатель судитъ самъ: есть ли въ нихъ хоть что-нибудь приблизительно похожее на «вольное» изложеніе *Nya Pressen*, и имѣютъ ли они хоть какое-нибудь отношеніе къ объединенію финляндскихъ почтовыхъ учрежденій съ общерусскими?!

Общій смыслъ обоихъ параграфовъ заключается, очевидно, въ томъ что Шведскій король долженъ управлять своимъ государствомъ по писаннымъ законамъ Швеціи, а не по своему произволу. Если даже допустить правильность примѣненія къ Финляндской провинціи прежней* конституціи независимаго Шведскаго королевства и подставлять въ ней вездѣ, какъ это всегда дѣлаютъ финляндскіе юристы и публицисты, вмѣсто Швеціи Финляндію, вмѣсто Шведовъ—Финляндцевъ, то и тогда получится только то что управленіе въ Финляндіи должно вестись на основаніи писанныхъ законовъ, а не произвола. Но утвержденный Высочайшею подписью манифестъ и есть писанный законъ, и когда, на основаніи его, вмѣсто дѣйствующихъ въ Финляндіи постановленій по почтовой части введены будутъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ почтовыя постановленія дѣйствующія въ прочихъ частяхъ Россійской Имперіи, то этимъ самымъ и они также станутъ финляндскими «писанными законами».

На самомъ дѣлѣ, однако, такое подставленіе въ старыхъ законахъ русской провинціи Финляндіи вмѣсто Шведскаго государства совершенно произвольно, и къ какимъ нелѣпымъ заключеніямъ оно можетъ иногда приводить финляндскихъ «патріотовъ» показываетъ другой приводимый *Nya Pressen* аргументъ противъ объединенія, со ссылкой на ту же *Форму Правленія 1772 года* и *Актъ Соединенія и Охраненія*.

По этимъ основнымъ законамъ Шведскій король долженъ былъ управлять своимъ государствомъ «при помощи природныхъ шведскихъ подданныхъ, а не иностранцевъ». Авторъ статьи въ *Nya Pressen* преспокойно подставляетъ въ своемъ «вольномъ» изложеніи вмѣсто «природныхъ *шведскихъ* подданныхъ» — «*природныхъ Финляндцевъ*», и говоритъ:

„Слѣдовательно, должностныя лица которыми Императоръ и Великій Князь пользуется при завѣдываніи дѣлами Финляндіи — для доклада ли финляндскихъ дѣлъ предъ Его Величествомъ, или для изданія распоряженій и повелѣній Его Величества, или для производства назначеній на должности въ странѣ, или вообще для отправленія публичной власти здѣсь—должны быть природные финскіе люди (infödde finske män).“

Выходитъ настоящая подтасовка и полное извращеніе первоначальнаго смысла закона: въ немъ рѣчь идетъ о *шведскихъ подданныхъ* (безъ различія національностей, такъ какъ всѣми правами шведскихъ подданныхъ пользовались и Финны, и Нѣмцы жившіе въ Швеціи, и проч.), въ противоположность подданнымъ *другихъ государствъ*, а въ изложеніи финляндскаго автора, вмѣсто *подданныхъ государства вообще*, являются *уроженцы* одной изъ его *частей*, въ противоположность жителямъ другихъ частей того же самаго, то-есть Русскаго, государства.

Можно даже усомниться, серіозно ли вѣрятъ сами авторы подобныхъ «толкованій» въ ихъ основательность. Финляндскимъ публицистамъ этого, впрочемъ, и не нужно. Имъ нужно только имѣть хоть какой нибудь по видимости законный предлогъ для агитаціи и внушать своимъ читателямъ что объединительныя реформы «нарушаютъ» какія-то «права» и «клятвенныя обѣщанія».

Въ другихъ статьяхъ финляндскихъ газетъ, появившихся послѣ обнародованія манифеста въ Гельсингфорсѣ, нѣтъ даже и такихъ аргументовъ

---

* Теперь въ Швеціи дѣйствуетъ уже другая конституція, изданная въ 1809 году и измѣненная затѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ.

какъ въ выше разобранной первой статьѣ *Nya Pressen*. Въ нихъ уже прямо и голословно заявляется что манифестъ во всѣхъ своихъ частяхъ противорѣчитъ «конституціи» или «основнымъ законамъ», и что изданіе его есть «насильственная», «незаконная» мѣра.

Такъ, напримѣръ, та же газета *Nya Pressen* въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ: *Почтовый манифестъ*, въ № отъ 26 іюня, говоритъ, между прочимъ:

„Цѣлью этой законодательной мѣры, предпринятой безъ содѣйствія земскихъ чиновъ страны, служитъ сосредоточеніе почтоваго управленія Финляндіи въ русскомъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и Главномъ Управленіи Почтъ и Телеграфовъ, чтобъ установить во всемъ Русскомъ государствѣ однообразную организацію почтовой части.

„Всѣ касающіяся финляндскаго почтоваго вѣдомства постановленіи, инструкціи и таксы до сихъ поръ утверждались Его Величествомъ по представленію Хозяйственнаго Департамента Сената и по докладу министра-статсъ-секретаря. Это было согласно съ основными законами страны, по которымъ никакіе законы и постановленія не могутъ быть здѣсь издаваемы при содѣйствіи чужой (!), внѣ страны находящейся власти. По манифесту же, русскому министру Внутреннихъ Дѣлъ присвоено право замѣнять дѣйствующія здѣсь почтовыя постановленія, инструкціи и таксы существующими въ Имперіи и прямо давать почтовымъ чиновникамъ въ Финляндіи инструкціи и указанія относительно ихъ обязанностей.

„Правительственныя учрежденія Финляндіи, по конституціи страны (landets konstitution) не могутъ подвергаться иной ревизіи помимо той какая установлена дѣйствующими, согласно съ основными законами изданными, постановленіями. По манифесту же почтовыя учрежденія ревизуются или начальникомъ русскаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, или подчиненными ему чиновниками.

„По легко понятнымъ причинамъ“, — заключаетъ свою статью *Nya Pressen*, — „мы не можемъ входить въ обсужденіе манифеста. Сенатъ и прокуроръ страны представили Императору-Великому Князю свои всеподданнѣйшія представленія по этому вопросу. Нужно полагать что члены Сената, въ качествѣ совѣтниковъ Его Величества, увидятъ чего требуетъ теперь ихъ долгъ по отношенію къ странѣ и къ нимъ самимъ.“

Газета *Finland*, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Судьба почтоваго вопроса*, говоритъ:

„Финляндскій почтовый вопросъ, окончательнаго разрѣшенія котораго съ напряженіемъ ожидали во всей нашей странѣ, теперь разрѣшенъ. Надежды, которыя до самой послѣдней минуты старались здѣсь поддерживать относительно его, не оправдались. Императорскій манифестъ обозначаетъ первый рѣшительный шагъ въ такомъ направленіи, котораго раньше не принимали великодушные правители нашей страны, въ направленіи прямо противоположномъ тому при которомъ Финскій народъ, за все время своей уніи съ Имперіей, до сихъ поръ по всѣмъ страслямъ самостоятельнаго общественнаго и экономическаго развитія дѣлалъ столь отрадные и быстрые успѣхи. * Народъ нашъ въ теченіе этого времени работалъ и жилъ въ спокойномъ сознаніи что его благородныя стремленія не извращались, и что святость закона и права повсюду уважались. Поэтому его чувства къ Монарху и правительству *были* (varit—а впредь не будутъ?) непремѣнно чувствами преданности и уваженія....

„Нѣкоторыя русскія газеты полагали что сближеніе съ Россіей (ett närmande till Ryssland), рекомендованнымъ ими насильственнымъ путемъ (våldsamma väg), ближе всего въ томъ что̀ касается трехъ важныхъ обсуждавшихся въ коммиссіяхъ вопросовъ, привѣтствовано будетъ по сю сторону границы (hinsidan gränsen) съ живѣйшимъ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ „„наро-

* См. выше „Письма о Финляндіи“, стр. 223—228, 352—358 и 393—397.

домъ въ собственномъ смыслѣ"". Газеты эти считали возможнымъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій примѣнять къ нашимъ условіямъ и учрежденіямъ шаблоны Остзейскихъ провинцій. Увѣряемъ ихъ что въ нашей странѣ „„собственно народъ"" думаетъ и чувствуетъ совершенно одинаково съ высшими общественными классами. По этимъ вопросамъ у Финскаго народа нѣтъ рѣшительно никакого различія во мнѣніяхъ."

Газета *Päivälehti*, въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Прежде и теперь* (№ 155), сопоставляетъ отдѣльныя постановленія манифеста съ тѣмъ что было прежде «по конституціи», и говоритъ въ заключеніе:

„Прежде у насъ были два официальные языка, финскій и шведскій, которые обязанъ былъ знать каждый финляндскій чиновникъ. Теперь прибавленъ къ нимъ третій официальный языкъ, такъ что знаніе русскаго языка обязательно для всѣхъ кого впредь будутъ опредѣлять на почтовую службу....

„Прежде спрашивали мнѣнія земскихъ чиновъ по вопросамъ касающимся основныхъ законовъ Финляндіи. Теперь не спросили.

„Знаемъ что было у насъ прежде и что у насъ есть теперь. Но не знаемъ что будетъ впредь."

Газета *Uusi Suometar* также безо всякихъ доказательствъ объявляетъ, въ своей статьѣ по поводу манифеста (№ 155), всѣ постановленія его противорѣчащими «конституціи».

Послѣ появленія этихъ статей, *Nya Pressen* въ третьей статьѣ, озаглавленной *Политическая мудрость или чувство долга*, разъяснила въ чемъ заключается «долгъ» членовъ Финляндскаго Сената, на который она указала во второй своей статьѣ.* Оказывается что она имѣла въ виду, «для устрашенія» и для «послѣдняго протеста» противъ нынѣшняго «режима», предложить Сенату поиграть въ «кабинетный вопросъ», какъ бываетъ въ «большихъ», въ «настоящихъ» конституціонныхъ государствахъ:

„Члены Сената,"—говоритъ она,—„представляютъ страну въ томъ отношеніи что они должны быть солидарны съ господствующимъ въ странѣ правовымъ порядкомъ. Если этотъ правовой порядокъ нарушается (ofverträdes) и представленія, которыя счелъ себя обязаннымъ сдѣлать Сенатъ, оставляются при этомъ безъ вниманія, тогда наступаетъ тотъ случай когда предъ членами его предстоитъ серіозная коллизія обязанностей (pliktkollision)—или оставаться на мѣстѣ съ *опасностью показаться чрезъ то одобряющими такую мѣру*, или уходить съ возможностью быть замѣненными такими людьми для которыхъ интересы страны стоятъ на второмъ планѣ.

„Въ этомъ положеніи, полагаемъ мы, есть только одинъ способъ разрѣшенія конфликта, (lösning af konflikten). Сенатъ вообще пусть остается, показывая этимъ что по высшимъ политическимъ соображеніямъ онъ считаетъ себя обязаннымъ принести эту жертву (offer) затруднительному положенію, а въ отставку пусть подадутъ только его представительныя личности (representativa personligketer). Они заявятъ этимъ *послѣдній протестъ* (en sista protest) отъ своего лица и отъ лица всего Сената *противъ такого режима, цѣль котораго имъ ясна* (en regim hvars syfte är dem klar), и въ проведеніи котораго они, вопреки своему сознанію права (sitt rättsmedvetande); *не хотятъ участвовать*.

„Можетъ-быть, скажутъ на это что отставка вице-предсѣдателя Хозяйственнаго Департамента и того или тѣхъ людей которые получили доступъ въ Сенатъ въ качествѣ партійныхъ вождей, или вообще представителей распространенныхъ въ странѣ мнѣній, не принесетъ никакой пользы. Никоимъ образомъ нельзя, однакоже, быть увѣреннымъ что такое прошеніе объ отставкѣ, сопровождаемое смѣлымъ заявленіемъ (frimodigt angifvande) причинъ

* См. выше стр. 413.

его,—не произведетъ никакого впечатлѣнія и не возбудитъ *колебанія* (betänkligheter) по вопросу о способѣ проведенія будущихъ правительственныхъ реформъ. Но еслибы даже послѣдствія этого шага и не оказались такими, онъ произвелъ бы все-таки на всю страну громадное моральное впечатлѣніе (moraliskt inflytande). Какой примѣръ это былъ бы для гражданъ, и какое побужденіе для нихъ ставить святость закона выше соблазновъ честолюбія и личной выгоды, дабы быть въ состояніи предъ своею совѣстью и предъ своею страной отвѣчать за то что правда служитъ руководящею звѣздой!"

Не знаемъ, послѣдуетъ ли Сенатъ этому совѣту. Знаемъ только что никакіе шутовскіе «кабинетные вопросы» и «протесты» ни финляндской печати, ни даже Сената не могутъ измѣнить ни на одну іоту предначертаннаго Верховною Русскою Властью направленія дѣлъ.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

43.

Вопросъ о Валаамскомъ монастырѣ. *

Въ предѣлахъ нынѣшней Финляндіи, въ сѣверной части Ладожскаго озера, на островахъ, расположенъ древній Валаамскій монастырь, весьма уважаемый и часто посѣщаемый множествомъ богомольцевъ и изъ Петербурга и изъ другихъ частей коренной Россіи.

Валаамскій монастырь основанъ еще во времена новгородскаго владычества въ Корелiи, преподобными Сергіемъ и Германомъ. Цѣлое столѣтіе, послѣ Столбовскаго мира, по которому царь Михаилъ Ѳедоровичъ долженъ былъ уступить Швеціи бывшій Корельскій уѣздъ, монастырь находился въ запустѣніи, и возстановленъ при Петрѣ Великомъ, послѣ обратнаго завоеванія имъ этой исконной русской области.

Въ 1811 году, — когда образовавшаяся въ XVIII столѣтіи изъ завоеваній Петра Великаго и императрицы Елисаветы Петровны Финляндская губернія присоединена была императоромъ Александромъ I, подъ именемъ Выборгской, къ завоеванной имъ за два года предъ тѣмъ бывшей шведской Финляндіи,—Валаамскій монастырь, заодно съ другимъ монастыремъ, Коневскимъ, находящимся также на островѣ, близъ города Кексгольма (древней русской Корелы), снова оказался подчиненнымъ, въ гражданскомъ отношеніи, чужой, не русской, власти и финляндскимъ законамъ...

Вслѣдствіе жалобъ посѣщающихъ Валаамъ богомольцевъ на разныя придирки и стѣсненія со стороны финляндскихъ таможенныхъ чиновниковъ и вообще финляндскихъ властей, нѣкоторыми посѣтившими монастырь высокопоставленными лицами изъ Русскихъ возбужденъ былъ, года два тому назадъ, вопросъ объ отдѣленіи Валаамскихъ острововъ отъ Финляндіи и присоединеніи ихъ къ С.-Петербургской губерніи.

Отдѣленіе, однако, не состоялось: вмѣсто него приняты были только мѣры къ тому чтобы финляндская таможня не стѣсняла богомольцевъ. По предложенію русской власти, Финляндскій Сенатъ издалъ распоряженіе о томъ чтобы прибывающія на Валаамъ лица и ихъ вещи не подвергались таможенному досмотру, который долженъ производиться лишь въ томъ случаѣ если кто-либо съ Валаамскихъ острововъ пріѣдетъ на финляндскій материкъ.

Это распоряженіе нисколько не устранило, однакоже, тѣхъ неудобствъ,

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 195, отъ 17 іюля.

стѣсненій и даже оскорбленій какія монастырю приходится терпѣть отъ сосѣднихъ финляндскихъ жителей. Въ прошломъ мѣсяцѣ гельсингфорсскія газеты сообщали что, по распоряженію генералъ-губернатора графа Ѳ. Л. Гейдена, отправился на Валаамъ одинъ изъ чиновниковъ генералъ - губернаторской канцеляріи для изслѣдованія на мѣстѣ жалобъ обитателей монастыря на сосѣднихъ Финляндцевъ.

Повидимому въ связи съ этою поѣздкой находится появившаяся на дняхъ въ гельсингфорсской газетѣ *Uusi Suometar* статья подъ заглавіемъ *Валаамскій вопросъ*. Въ ней подтверждается справедливость жалобъ монастырскихъ жителей, хотя финляндскій авторъ, естественно, старается придать всему дѣлу сравнительно невинный характеръ. Цѣль его статьи, въ концѣ которой приводятся подписанныя валаамскимъ отцомъ игуменомъ Іоанафаномъ и вывѣшенныя на видныхъ мѣстахъ въ монастырѣ правила о посѣщеніи его посторонними лицами, цѣль этой статьи — побудить сосѣднихъ въ Валаамомъ Финновъ-лютеранъ и вообще посѣщающую монастырь изъ любопытства финляндскую публику къ тому чтобъ она не позволяла себѣ никакихъ оскорбительныхъ выходокъ, такъ какъ это де *въ нынѣшнее время* „можетъ принести большой вредъ всей Финляндіи и всему Финляндскому народу“.

Приводимъ слѣдующую выдержку изъ статьи:

„Дѣйствительно, многіе изъ жителей деревни Хахаха, Сердобольскаго кирхшпиля, часто причиняютъ большія непріятности валаамской братіи, и рыбаки пріѣзжающіе на Валаамскіе острова съ финляндской стороны часто неприличнымъ и грубымъ поведеніемъ отплачиваютъ за гостепріимство оказываемое имъ монастыремъ. Въ тѣхъ избушкахъ которыя братія построила по берегамъ острова и снабдила хлѣбомъ и топливомъ для пристающихъ къ острову во время бури рыбаковъ и путешественниковъ, иногда выламываютъ двери и окна, или производятъ другія опустошенія. Случалось и такъ что финляндскій путешественникъ неумѣстнымъ образомъ велъ себя при молитвенныхъ собраніяхъ монаховъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что недавно, когда монахъ, по окончаніи ѣды, перекрестился и благодарилъ Бога за трапезу, пригласивъ и финскихъ рабочихъ поблагодарить Бога, одинъ изъ рабочимъ поднялся изъза стола и грубо повернулся спиной къ изображенію святаго, говоря что онъ такъ обнаруживаетъ свою благодарность. Бывали и путешественники (финляндскіе) изъ такъ-называемыхъ господъ, которые, въ ночное время, устраивали кадриль въ большомъ коридорѣ монастырской гостиницы, и, посѣщая церкви, обнаруживали свое пренебреженіе. Поведеніе финляндскихъ студентовъ во время посѣщенія ими Валаама также не всегда было похвально, почему бѣлыя фуражки (финляндскіе студенты всѣ носятъ лѣтомъ бѣлыя фуражки съ прикрѣпленною къ нимъ лирой) и не пользуются тамъ расположеніемъ.

„Когда мы знаемъ что множество паломниковъ изъ разныхъ сословій и изо всѣхъ частей Россіи посѣщаютъ Валаамъ, то легко поймемъ какой большой вредъ можетъ принести такое поведеніе всей Финляндіи и всему народу. Кромѣ того что оно даетъ дурное понятіе объ образовательномъ уровнѣ нашего народа, оно можетъ повести за собой также невообразимыя политическія затрудненія для нашей страны.“

44.

Поѣздка генерала Безака въ Финляндію. *

По словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, начальникъ Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, генералъ Безакъ, ожидается въ началѣ будущаго мѣсяца въ Гельсингфорсѣ, куда онъ прибудетъ для личнаго ознакомленія съ почтовою частію въ краѣ и для принятія на мѣстѣ необходимыхъ мѣръ по установленному Высочайшимъ манифестомъ 31 мая ** объединенію финляндскихъ почтовыхъ учрежденій съ общегосударственными.

Сообщая объ этомъ, гельсингфорсскія газеты, очевидно по недостаточно еще распространенному въ финляндской окраинѣ знакомству съ организаціей общегосударственныхъ центральныхъ учрежденій, присвоиваютъ генералу Безаку непринадлежащее ему и не существующее нынѣ званіе „русскаго министра почтъ и телеграфовъ“ (rysska post- och telegraf-ministern).

45.

Мѣры противъ выходокъ финляндской печати и „рѣчь“ г. Вестермарка. ***

Въ № 166 финляндской офиціальной газеты *Finlands Allmänna Tidning* напечатано слѣдующее офиціальное сообщеніе:

„По поводу статьи *Русскій пророкъ* (En rysk profet) въ газетѣ *Östra Finland*, № 142, отъ 23 минувшаго іюня (финляндское) Главное Управленіе по дѣламъ печати предложило городскому фискалу въ Выборгѣ принять, въ качествѣ офиціальнаго обвинителя, надлежащія мѣры **** и уволило отъ должности выборгскаго повѣреннаго по дѣламъ печати (цензора), кандидата философіи, Эмиля Коллана, назначивъ майора Г. Франкенгейзера временно исправляющимъ должность цензора въ Выборгѣ.“

Въ вышеупомянутой статьѣ выборгской газеты, перепечатанной также и нѣкоторыми другими финляндскими газетами (напримѣръ, гельсингфорсскою *Finland* въ № 162), въ крайне неприличномъ тонѣ, съ явнымъ глумленіемъ надъ православіемъ, передавались нѣкоторыя свѣдѣнія объ извѣстномъ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ и о посѣщеніи имъ Аничковскаго Дворца.

—

Затѣмъ, въ № 167 *Finlands Allmänna Tidning* объявлено о предостереженіи данномъ гельсингфорсской газетѣ *Hufvudstadsbladet*. Самое предостереженіе, адресованное на имя издателя газеты, магистра философіи Френкеля, за подписью начальника Гражданской Экспедиціи Финляндскаго Сената, сенатора Тудера, напечатано въ тотъ же день въ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 200, отъ 22 іюля.

** См. ниже, стр. 456—457.

*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 200, отъ 22 іюля.

**** То-есть привлечь газету къ суду. См. ниже, стр. 429.

Hufvudstadsbladet и имѣетъ слѣдующую форму:

„Въ отношеніи отъ 21 (9) сего іюля, его сіятельство генералъ-губернаторъ края сообщилъ мнѣ что статью подъ заглавіемъ *Pro memoria*, помѣщенную въ № 180, отъ 7 сего іюля, въ издаваемой вами здѣсь газетѣ *Hufvudstadsbladet*, онъ нашелъ совершенно тенденціозною и содержащею въ себѣ неправильныя сужденія о законахъ Финляндіи и о мѣрахъ правительства, и посему предложилъ мнѣ дать вамъ предостереженіе и объявить что его сіятельство, въ случаѣ если какая-либо подобная статья впредь появится, намѣренъ, на основаніи присвоеннаго ему права и власти, воспретить изданіе помянутой газеты.

„Въ виду чего, и на основаніи 7 пункта § 12 Высочайшаго постановленія о печати въ краѣ, отъ 31 мая 1867 года, сличеннаго съ § 10 Высочайшаго постановленія отъ 1 мая 1871 года, симъ объявляю вамъ предостереженіе, предусмотрѣнное въ вышеуказанномъ 7 пунктѣ; причемъ сіе письменное предостереженіе, согласно съ постановленіемъ въ помянутомъ пунктѣ, должно быть немедленно помѣщено въ вашей газетѣ."

Статья подъ заглавіемъ *Pro memoria* помѣщена была въ понедѣльникъ 25 іюня (7 іюля), то-есть *въ день обнародованія въ Гельсингфорсѣ* * *Высочайшаго манифеста о финляндской почтѣ*, когда текстъ его уже былъ извѣстенъ изъ русскихъ газетъ, и имѣла въ виду, очевидно, этотъ манифестъ, хотя въ ней о немъ и не упоминается.

Въ статьѣ этой *Hufvudstadsbladet* напоминаетъ своимъ читателямъ тѣ доводы какіе выставлялись раньше съ сепаратистской точки зрѣнія противъ объединительныхъ реформъ:

„Мы повторяемъ и констатируемъ", — говоритъ статья, — „что согласно (?) съ духомъ и буквой подтвержденнаго клятвой (!) закона:

„никакая отрасль управленія въ странѣ не можетъ быть подчинена правительственному учрежденію находящемуся внѣ границъ страны или сосредоточена въ немъ;

„никакія другія постановленія, регламенты и таксы для разныхъ отраслей управленія страны или инструкціи и указанія для подлежащихъ должностныхъ лицъ не могутъ имѣть дѣйствующей силы, кромѣ существующихъ нынѣ, съ тѣми измѣненіями въ нихъ какія произведены въ формально-правильномъ порядкѣ;

„никакія иныя ревизіи правительственныхъ учрежденій страны не могутъ имѣть мѣста кромѣ тѣхъ которыя указаны въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ съ правильно произведенными въ нихъ измѣненіями;

„въ тѣхъ законахъ и постановленіяхъ которыя регулируютъ разныя отрасли управленія страны нельзя предоставлять никакого участія въ управленіи властямъ находящимся внѣ границъ страны, безъ согласія другой государственной власти." *

Подъ „другою государственною властію" газета разумѣетъ Финляндскій Сеймъ (!). Никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе этихъ положеній въ статьѣ не приводится, да, за несуществованіемъ подобныхъ доказательствъ, и привести ихъ было бы невозможно.

—

Въ гельсингфорсской финской газетѣ *Uusi Suometar*, въ № 167, отъ 25

---

* См. выше статью „Высочайшій манифестъ и финляндская цензура", стр. 398.

* Просимъ читателя сравнить приведенную выдержку изъ статьи финляндской газеты съ текстомъ Высочайшаго манифеста (см. выше, стр. 387—388).

(11) іюля, послѣ объявленія редакціи о томъ что мѣстное главное управленіе по дѣламъ печати конфисковало первое изданіе газеты за это число, напечатано слѣдующее:

„Его сіятельство генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ вчера, чрезъ предсѣдателя главнаго управленія по дѣламъ печати, устно объявилъ намъ что онъ недоволенъ направленіемъ *Uusi Suometar* за послѣднее время, въ особенности по почтовому вопросу. Для чего это объявленіе намъ было сдѣлано (!!), объ этомъ намъ не сообщили.“

Въ тотъ же день задержаны мѣстною цензурой первыя изданія газетъ *Hufvudstadsbladet*, *Nya Pressen* и *Finland*. Второе изданіе газеты *Hufvudstadsbladet* появилось лишь вечеромъ, по исключеніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ одной статьѣ, содержащей рѣчь доктора Вестермарка на состоявшемся на дняхъ лѣтнемъ праздникѣ Нюландской студенческой корпораціи.

Неизвѣстно какія мѣста въ рѣчи г. Вестермарка были исключены по указанію финляндской цензуры. Но по тому что допущено цензурой достаточно ясно что рѣчь была направлена противъ объединительныхъ реформъ, что ораторъ побуждалъ въ ней своихъ товарищей по корпораціи съ бо́льшимъ чѣмъ прежде усердіемъ заняться пропагандой сепаратистскихъ идей ** среди низшихъ классовъ населенія Финляндіи:

„Мы, нюландскіе студенты“,—говорилъ, между прочимъ, г. Вестермаркъ,—„всегда сознавали что мы имѣемъ нѣкотораго рода нравственный долгъ по отношенію къ шведскому крестьянину Нюландіи. *** Его просвѣщеніе и прогрессъ издавна составляли одинъ изъ главныхъ пунктовъ въ нашихъ стремленіяхъ. И болѣе чѣмъ когда-либо, полагаю я, мы въ настоящую минуту въ этомъ отношеніи должны исполнить извѣстную миссію (en mission at fulla). Нерѣдко у насъ хвалились тѣмъ что народное образованіе высоко стоитъ въ Финляндіи. Это, конечно, правда, если имѣть въ виду лишь элементарныя школьныя познанія; но по вопросу объ общемъ гражданскомъ образованіи и *политическомъ сознаніи* (politiskt medvetande) * остается еще *весьма многаго* желать. Я думаю, правда, безъ преувеличенія (?) можно утверждать что едва ли есть въ нашей странѣ хоть одинъ домъ, хоть одна избушка, куда бы не проникъ въ той или другой формѣ слухъ о великомъ событіи дня ** (dagens stora händelse). Я самъ въ пустынныхъ каменныхъ шхерахъ на западъ отъ Аландскихъ острововъ часто встрѣчаемъ былъ однимъ вопросомъ, предлагавшимся такимъ печальнымъ голосомъ который показывалъ что и тамъ, на крайнихъ границахъ страны, бьется сердце за общее финляндское отечество. Но вполнѣ *яснаго взгляда на положеніе* (situationen) *и зрѣлаго сужденія* (?) о немъ мы въ большинствѣ случаевъ не можемъ ожидать. Для этого требуется болѣе общее образованіе, больше просвѣщенія (?!). И поэтому доставленіе такого просвѣщенія (upplysning) имѣетъ въ *настоящее время* необыкновенно важное значеніе. Вѣдь мы не должны убаюкивать себя тою надеждой что такъ-называемые образованные классы *дома въ состояніи будутъ поддерживать автономію страны* (landets autonomi) *не*

---

* См. выше, стр. 180—183).

** Нюландіей называется та часть Финляндіи гдѣ находится Гельсингфорсъ. Большинство крестьянскаго населенія этой мѣстности состоитъ изъ Шведовъ, предки которыхъ переселились сюда въ XII—XIV столѣтіяхъ, во время шведскаго завоеванія Финляндіи.

* См. выше, стр. 323—332.

** Ораторъ, очевидно, имѣетъ въ виду опубликованіе Высочайшаго манифеста о финляндской почтѣ.

имѣя за собою густыхъ рядовъ народа просвѣщеннаго (?!) *въ полномъ смыслѣ этого слова.* Изъ этихъ-то именно густыхъ рядовъ должна проистекать сила дающая *дѣятельному въ борьбѣ гражданину* (i striden verksamma medborgaren) оживляющее сознаніе „того что онъ въ *самомъ настоящемъ смыслѣ* говоритъ отъ лица *всей націи.* Ихъ (народныхъ рядовъ) *упорная сила сопротивленія* (motstandkraft) должна составлять нашу вѣрнѣйшею опору и показать, при соблюденіи всѣхъ требованій закона и долга, на что̀ способны издавна свободный общественный строй и вѣками развивавшаяся культура. А потому: больше свѣта (?!) нашему народу! Могутъ быть другія добродѣтели столь же благородныя, столь же сто́ящія вниманія, какъ любовь къ отечеству. Но въ *настоящую минуту* насажденіе *этой* добродѣтели должно составлять главную цѣль всякаго воспитанія. И я увѣренъ что то предпріятіе *, для котораго Нюландская корпорація теперь внесла свою лепту, прежде всего должно воспитать лойяльную любовь къ отечеству и его законамъ.“

* Имѣются въ виду недавно основанные въ Нюландской губерніи, при участіи Нюландской студенческой корпораціи, лѣтніе курсы для взрослыхъ сельскихъ и городскихъ жителей изъ низшихъ классовъ.

46.

Ожидаемое узаконеніе о постановкѣ памятниковъ. *

По сообщенію гельсингфорсской газеты *Nya Pressen*, въ Финляндіи будетъ въ скоромъ времени обнародовано узаконеніе о томъ что монументы, статуи или иного рода памятники на городскихъ площадяхъ и на другихъ публичныхъ мѣстахъ или на поляхъ сраженій внѣ городовъ впредь могутъ быть воздвигаемы не иначе какъ по предварительномъ испрошеніи на то особаго Высочайшаго разрѣшенія

Мѣра эта вызвана, очевидно, тѣмъ что до послѣдняго времени въ Финляндіи ставились иногда мѣстными „патріотами“ памятники прямо оскорбительные для русскаго національнаго чувства и государственнаго достоинства. Особенно извѣстенъ одинъ памятникъ въ этомъ родѣ, поставленный „патріотами“ въ Вазаской губерніи лѣтъ пять тому назадъ, на мѣстѣ незначительнаго и сомнительнаго успѣха шведскихъ войскъ надъ Русскими въ послѣднюю Финляндскую войну 1808—1809 гг. **

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года. № 201, отъ 23 іюля.

** См. выше, стр. 9—14.

47.

Предполагаемыя реформы по учебному вѣдомству. *

Новое Время сообщаетъ:

„Правительство твердо рѣшило достигнуть объединенія учебнаго дѣла въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ, наравнѣ съ существующими въ Имперіи. Реформа главнымъ образомъ коснется преподаванія русскаго языка, которымъ обязательно должны владѣть какъ преподаватели, такъ и воспитанники всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній Княжества. По свѣдѣніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія оказывается что громадное большинство студентовъ Гельсингфорскаго университета не могутъ составить связно даже простѣйшаго письма на русскомъ языкѣ.** Нѣкоторое исключеніе составляютъ лишь бывшіе воспитанники русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ, но число студентовъ изъ воспитанниковъ этой гимназіи составляетъ крайне незначительный процентъ въ общемъ числѣ студентовъ Гельсингфорскаго университета. Далѣе, будетъ значительно расширено преподаваніе отечественной исторіи и географіи, которыя проходятся въ финляндскихъ лицеяхъ, реальныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ въ чрезвычайно сжатомъ видѣ, между тѣмъ какъ исторіи и географіи Княжества отводится весьма много мѣста, и эти предметы преподаются съ излишними подробностями. Для облегченія изученія преподавателями финляндскихъ учебныхъ заведеній русскаго языка будутъ приняты мѣры соотвѣтствующія тѣмъ какія Министерство Народнаго Просвѣщенія принимало въ такомъ же случаѣ въ Прибалтійскомъ краѣ.“

48.

Травля корреспондентовъ русскихъ газетъ. ***

Финляндскіе „патріоты“, желая на комъ-нибудь сорвать свой гнѣвъ вслѣдствіе испытанныхъ ими недавно неудачъ въ борьбѣ противъ высшей русской власти, занимаются выслѣживаніемъ и травлей дѣйствительныхъ и мнимыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ русскихъ газетъ. ****

Такъ, напримѣръ, газета *Nya Pressen* (въ № 184, отъ 11 іюля) сообщаетъ своимъ читателямъ что она открыла нѣсколько „русскихъ корреспондентовъ“ въ южной Финляндіи. Одинъ изъ нихъ, г. Верещагинъ, † говоритъ она, живетъ въ кирхшпилѣ Лойо „и время отъ времени посылаетъ письма въ русскія газеты“. „Также и въ другихъ частяхъ южной Финляндіи, какъ утверждаютъ, поселились русскіе корреспонденты. Въ Черкслёттѣ тоже нѣсколько дней держался слухъ о томъ что мѣстность эта имѣла удовольствіе пріютить какого-то русскаго „„изыскателя““, но слухъ этотъ оказался невѣрнымъ. Нерасположеніе и отвращеніе (!) къ русскимъ корреспондентамъ весьма распространено въ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 195, отъ 17 іюля.

** См. выше статью „Знакомство съ Россіей въ Финляндскихъ школахъ“, стр. 318—332

*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 201, отъ 23 іюля.

**** См. выше, стр. 336—337, 349—351.

† См. выше, стр. 318—332.

этой части страны. Даже простой народъ довольно хорошо знаетъ о той войнѣ какую часть русской прессы вела и ведетъ противъ Финляндіи, и поэтому съ недовѣріемъ смотритъ на всякаго на кого указываютъ (?) какъ на русскаго журналиста".

Другія газеты выслѣживаютъ „русскихъ корреспондентовъ" въ прочихъ частяхъ края. Въ одной финской газетѣ, издающейся въ городѣ Ювяскюля, помѣщено было недѣли двѣ-три тому назадъ, перепечатанное и гельсингфорскими газетами, извѣстіе о появленіи корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* въ Ювяскюля.

О томъ какъ произошелъ этотъ послѣдній слухъ, напрасно взбудоражившій ювяскюльскихъ и иныхъ финляндскихъ „патріотовъ", пишутъ изъ Финляндіи (въ частномъ письмѣ къ одному изъ сотрудниковъ *Московскихъ Вѣдомостей*) слѣдующее:

„Разскажу препотѣшный случай, показывающій что издателю или сотруднику *Московскихъ Вѣдомостей* не сдобровать бы еслибъ онъ попался въ руки здѣшнимъ „патріотамъ", напримѣръ, финляндскимъ студентамъ.

„Дѣло было въ городѣ Ювяскюля, въ мѣстной гостиницѣ, во время недавно бывшаго тамъ пѣвческаго праздника. На этомъ праздникѣ былъ одинъ Эстонецъ, говорившій только по-русски и по-нѣмецки. По незнанію этихъ языковъ, съ нимъ некому было поддерживать компанію, пока не подсѣлъ къ нему одинъ инженеръ казенныхъ построекъ, Финляндецъ, знающій по-русски и живущій недалеко отъ города Ювяскюля, но неизвѣстный прочимъ Финляндцамъ собравшимся въ залѣ гостиницы. На этого-то инженера Финляндцы, большею частію студенты, стали бросать злобные взоры, только потому что онъ разговаривалъ съ Эстонцемъ все по-русски. Имъ пришло въ голову заподозрить инженера—не корреспондентъ ли онъ *Московскихъ Вѣдомостей*, а тотъ, замѣтивъ это, вздумалъ подразнить студентовъ. Хлопнувъ рукой по боковому карману своего сюртука, онъ сказалъ уже по-шведски, обращаясь къ нимъ, что у него, молъ, хранится тамъ цѣлая масса свѣдѣній о Финляндіи для *Московскихъ Вѣдомостей*. Услышавъ это, студенты до того остервенѣли что готовы были броситься на него и изорвать на куски, но онъ пригрозилъ имъ выбросить изъ окна каждаго кто посмѣетъ его тронуть. Чуть-чуть не произошло настоящей драки. Самъ инженеръ разсказывалъ обо всемъ этомъ въ селѣ Ямсѣ."

ЕЩЕ ОБРАЩИКИ ФИНЛЯНДСКОЙ ЛОЙЯЛЬНОСТИ.

(Передовая статья № 211 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 1 августа.

Нашимъ читателямъ уже извѣстны отзывы финляндскихъ газетъ * которыми онѣ позволили себѣ встрѣтить Высочайшій манифестъ ** по предмету объединенія почтовой части Финляндіи и Россіи. Эти поразительные по дерзости отзывы обращаютъ на себя тѣмъ большее вниманіе что въ Финляндіи населеніе слѣпо усвоиваетъ то что прочитываетъ въ своихъ печатныхъ листкахъ, если даже ему не помогаютъ «въ истинномъ пониманіи» наставники и просвѣтители въ родѣ г. Вестермарка, поджигательная рѣчь котораго приведена въ № 200 *Московскихъ Вѣдомостей*. ***

Но ограничиваются ли эти проявленія дерзости одною только печатью? Нѣтъ; язва сопротивленія власти, воспитанная слабымъ Шведскимъ правительствомъ прежнихъ временъ, а затѣмъ многими десятками лѣтъ нашихъ поблажекъ, проникла и въ администрацію края такъ глубоко и далеко что ее видно со всѣхъ сторонъ. Конечно, не безъ вѣдома гг. финляндскихъ сенаторовъ и тамошнія газеты печатали соображенія о томъ,—слѣдуетъ ли этимъ чиновникамъ выйти въ отставку, въ видѣ протеста противъ Высочайшаго манифеста, или же они должны сохранить свои курульскія кресла**** чтобы тѣмъ сильнѣе противодѣйствовать на нихъ даже самой Верховной Власти...

Оказывается что, за исключеніемъ Л. Мехелина, всѣ «господа сенаторы» остались на своихъ мѣстахъ; оста-

* См. выше, стр. 408—415 и 418—420.
** См. выше, стр. 387—388.
*** См. выше, стр. 420—421.
**** См. выше, стр. 414—415.

лись даже г. Коскиненъ, даже г. Монгомери, окраска которыхъ всѣмъ давно и хорошо извѣстна. И точно: гельсингфорсскій Сенатъ продолжаетъ дѣйствовать попрежнему. Стóитъ, для удостовѣренія, взглянуть хоть на то какъ приступалъ онъ къ исполненію манифеста отъ 31 мая о почтовой части, этого полномѣрнаго административнаго закона, въ которомъ несомнѣнно выразилась ясная и опредѣленная воля Монарха. «Для вящаго же удостовѣренія» — сказано въ манифестѣ,— «подписали Мы сіе собственноручно.»

Что же дѣлаетъ Финляндскій Сенатъ?

Вопервыхъ, онъ оставляетъ манифестъ ненапечатаннымъ въ подлинникѣ цѣлыя пять недѣль, и мы прочли его лишь въ № 16 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго,* напечатанномъ, какъ видно изъ подписи на русскомъ экземплярѣ, только 18 (6) іюля. А между тѣмъ никакихъ поводовъ къ промедленію опубликованіемъ манифеста, никакихъ затрудненій въ родѣ перевода и т. п. быть не могло, ибо манифестъ былъ написанъ и подписанъ по-русски, и ничто, при доброй волѣ, не препятствовало помѣстить его въ русскомъ изданіи *Сборника* немедленно, тѣмъ болѣе что и теперь-то онъ оттиснутъ на отдѣльномъ листкѣ.

Вовторыхъ, по существующему искони порядку, бóльшая часть новыхъ узаконеній оглашается въ Финляндіи, кромѣ напечатанія въ офиціальныхъ изданіяхъ, еще и путемъ чтенія съ церковной каѳедры. Для этого пропечатывается на самомъ узаконеніи, предъ его текстомъ, формула: «Публиковать въ церквахъ». На этомъ основаніи, напримѣръ, Уголовное Уложеніе, о которомъ намъ не разъ случалось говорить въ послѣднее время, хотя и вовсе не имѣетъ Монаршаго подписанія «въ вящее удостовѣреніе», однако носитъ на себѣ упомянутую формулу, и дѣйствительно читалось въ церквахъ, сколь ни странно подобное чтеніе цѣлаго кодекса въ нѣсколько сотъ статей.

Множество другихъ, совершенно второстепенныхъ постановленій издаваемыхъ Сенатомъ, даже вовсе не имѣющихъ общаго интереса, также назначаются для опубликованія въ церквахъ. Какія-нибудь распоряженія о храненіи архивовъ дѣлъ, или о представленіи духовенствомъ статистическихъ свѣдѣній, о пастьбѣ жеребятъ, о штатѣ иной маленькой больницы, или о пенсіяхъ короннымъ фогтамъ,—все это помѣчено словами: «Публиковавъ въ церквахъ».

Конечно, тѣмъ бóльшаго вниманія и распространенія заслуживаетъ слово Государя, обращенное, за собственноручною Монаршею подписью, ко всему народу. Такъ оно и бывало дѣйствительно до самаго послѣдняго времени. Даже назначеніе на трехлѣтіе членовъ Финляндскаго Сената, которое сей послѣдній облекаетъ въ торжественную форму манифеста (28 іюля 1888), и то было публиковано въ церквахъ.

Да, все это было, и есть, и, конечно, будетъ.... Но Императорскій манифестъ 31 мая 1890 года, коимъ всенародно объявляется воля Государя Императора о мѣрѣ государственной важности, этотъ манифестъ гг. финляндскіе сенаторы не пожелали сдѣлать извѣстнымъ всему населенію: обычной публикаціи его съ церковной каѳедры не предписано, и надписи о томъ на печатныхъ экземплярахъ *вовсе не оказывается*... Пусть Верховная Власть изъявляетъ Свою волю; мало того, пусть, «въ вящее удостовѣреніе», прилагаетъ къ ней собственную руку,—а мы этой воли всенародно въ церквахъ не объявимъ... *

* Ср. выше, стр. 133—134 и 386.

Удивляться ли послѣ этого той выходкѣ которою отличилась газета *Uusi Soumetar*, когда графъ Гейденъ рѣшился, наконецъ, напомнить зарвавшейся печати о долгѣ который налагаетъ на нее присяга, хотя бы и исковерканная финлядскими чиновниками,*—напомнить, притомъ, въ самой умѣренной, скажемъ даже скромной, формѣ объявленія его личнаго неодобрительнаго мнѣнія? Эта газета отнеслась къ заявленію главнаго русскаго начальника съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ. «Для чего это объявленіе было намъ сдѣлано», — пояснила редакція газеты, вдохновляемая, какъ извѣстно, гельсингфорскимъ сенаторомъ и своеобразнымъ историкомъ Коскиненомъ, — «объ этомъ намъ не сообщили». **

Замѣтьте, это происходитъ въ газетѣ издаваемой не по-шведски, не для интеллигенціи только, а для народа, на общепонятномъ для низшихъ классовъ финскомъ языкѣ.

Можно ли идти дальше въ издѣвательствѣ?

Итакъ, съ одной стороны, финляндская печать прямо глумится надъ заявленіемъ русскаго генералъ-губернатора, съ другой—Финляндскій Сенатъ тоже прямо позволяетъ себѣ оставлять безъ всеобщаго оглашенія Высочайшій манифестъ, не соотвѣтствующій сепаратистскимъ стремленіямъ...

Вотъ она какова пресловутая финляндская лойяльность и вѣрноподданность, даже когда дѣло идетъ прямо о достоинствѣ русскаго имени, Русскаго правительства, воплощаемаго въ лицѣ генералъ губернатора, о святынѣ Верховной Русской Власти...

Таковы плоды восьмидесятилѣтнихъ русскихъ благодѣяній и поблажекъ финляндскимъ притязаніямъ, конституціонному задору и безнаказанности.

---

* См. выше, стр. 229—234, 287—288.

** См. выше, стр. 419—420.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

49.

Узаконеніе о памятникахъ. *

Узаконеніе о публичныхъ памятникахъ о которомъ предувѣдомлялось въ № 201 *Московскихъ Вѣдомостей*, ** напечатано теперь въ № 176 финляндской офиціальной газеты *Finlands Allmänna Tidning*, за подписями четырехъ финляндскихъ сенаторовъ. Въ немъ они, по Высочайшему повелѣнію, постановляютъ что никакихъ публичныхъ памятниковъ въ Финляндіи на площадяхъ, или на мѣстахъ сраженій нельзя ставить безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія. До постановки всякаго памятника ходатайство о разрѣшеніи, сопровождаемое рисункомъ памятника, представляется чрезъ Хозяйственный Департаментъ Финляндскаго Сената на Высочайшее разсмотрѣніе.

50.

Возвращеніе генерала Эрнрота къ своему посту. ***

Финляндскій министръ-статсъ-секретарь, генералъ Эрнротъ, возвратился недавно изъ отпуска и, какъ объявлено въ финляндской офиціальной газетѣ, снова вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

По этому поводу гельсингфорсская газета *Nya Pressen* помѣстила передовую статью (№ 204), въ которой напоминаетъ о ходившихъ ранѣе слухахъ объ отставкѣ генерала Эрнрота и сообщаетъ что онъ дѣйствительно въ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 214, отъ 5 августа.

** См. выше, стр. 421.

*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 214, отъ 5 августа.

началѣ лѣта подавалъ прошеніе объ отставкѣ но на его просьбу не послѣдовало Высочайшаго соизволенія и, вмѣсто того, ему былъ только продолженъ отпускъ. И отпускъ этотъ, и просьбу объ отставкѣ газета связываетъ съ разрѣшеніемъ почтоваго вопроса и ставитъ вопросъ, — исполнилъ ли замѣщавшій генерала Эрнрота, товарищъ его, генералъ Денъ, при изданіи почтоваго манифеста, * свою обязанность „надлежащимъ образомъ“, съ точки зрѣнія финляндскихъ „патріотовъ“...

51.

Первый шагъ къ объединенію финляндской монеты съ общегосударственною. **

Въ № 186 финляндской официальной газеты *Finlands Allmänna Tidning*, отъ 14 (2) августа, опубликовано узаконеніе, составляющее, какъ видно изъ вступленія, *первую подготовительную мѣру* къ объединенію провинціальной финляндской монетной системы съ общегосударственною русскою. *** Воспроизводимъ текстъ этого узаконенія въ переводѣ со шведскаго языка на русскій:

„Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе о пріемѣ вышущенныхъ въ Имперіи кредитныхъ билетовъ и размѣнной монеты по курсу при различныхъ уплатахъ въ Финляндіи. Дано въ Гельсингфорсѣ, 14 августа 1890 года.

„Божіею Милостію Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе:

„До тѣхъ поръ пока окажется возможнымъ установить полное единство монетной системы въ Имперіи и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, Мы признали полезнымъ чтобы обращающіеся въ Имперіи денежные знаки нынѣ уже вошли въ большее употребленіе въ Великомъ Княжествѣ и, по истребованіи отзывовъ какъ отъ особой коммиссіи учрежденной подъ предсѣдательствомъ финляндскаго генералъ - губернатора, такъ и отъ Нашего министра Финансовъ и Нашего Финляндскаго Сената, постановляемъ нижеслѣдующее:

§ 1.

„Россійскіе кредитные билеты и россійская размѣнная монета должны быть принимаемы въ уплату въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ:

„а) на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, при таможенномъ сборѣ и при сборѣ казенныхъ податей по курсу утверждаемому и объявляемому во всеобщее свѣдѣніе способомъ указаннымъ ниже сего, въ § 3;

„б) въ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ и на каналахъ, а также при всякихъ платежахъ производимыхъ по таксамъ утвержденнымъ казенными, городскими или общинными учрежденіями, по курсу опредѣляемому способомъ указаннымъ въ § 4.

§ 2.

„Пріемъ размѣнной монеты при вышеупомянутыхъ платежахъ ограничивается для серебряной размѣнной монеты въ 20, 15, 10 и 5 копѣекъ тремя рублями, а для мѣдной монеты двадцатью пятью копѣйками при каждой уплатѣ.

§ 3.

„Курсъ кредитнаго рубля для платежей упомянутыхъ въ пунктѣ а) въ § 1 устанавливается два раза въ недѣлю по

---

* См. выше, стр. 398 и 408—415.

** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 217, отъ 8 августа.

*** См. выше стр. 41—50, 157—162, 245—248, 255—257, 289, 335—336, 384, и ниже, стр. 433—436.

котированному на С.-Петербургской биржѣ вексельному курсу на Лондонъ, причемъ курсъ по предъявленію (a vista) исчисляется по существующему въ данное время дисконту Англійскаго Банка, и для одного фунта стерлинговъ принимается постоянная стоимость въ шесть рублей $30^1/_2$ копѣекъ золотомъ. Если въ офиціальныхъ бюллетеняхъ С.-Петербургской биржи встрѣчается нѣсколько котировокъ курса на Лондонъ, то берется изъ нихъ средній ариѳметическій курсъ.

„О вычисленномъ такимъ образомъ курсѣ сообщаетъ по телеграфу Финансовой Экспедиціи Сената то учрежденіе или должностное лицо коему сіе будетъ поручено министромъ Финансовъ. Финансовая Экспедиція озабочивается сообщеніемъ курса подлежащимъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ въ Великомъ Княжествѣ.

§ 4.

„Переводъ на кредитные рубли платежей упомянутыхъ въ пунктѣ б) въ § 1 производится Сенатомъ по исчисленію средняго курса за ближайшіе три мѣсяца.

§ 5.

„При переводѣ финляндской монеты на кредитные рубли, въ случаяхъ указанныхъ въ §§ 3 и 4, производятся необходимыя для удобства публики округленія по соглашенію между Финансовою Экспедиціей Сената и Министерствомъ Финансовъ.

§ 6.

„Уплаты по договорамъ и обязательствамъ заключеннымъ на русскіе кредитные рубли производятся кредитными рублями безъ особой о томъ оговорки.

§ 7.

„Сіе Объявленіе вступаетъ въ дѣйствіе съ 1 января 1891 года.

„Съ чѣмъ всеподданнѣйше соображаться всѣмъ кому слѣдуетъ. Гельсингфорсъ, 14 августа 1890 года.

„По Собственному Его Императорскаго Величества опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ“ (слѣдуютъ подписи финляндскихъ сенаторовъ).

52.

Процессъ газеты „Östra Finland“. *

Въ № 200 *Московскихъ Вѣдомостей*, было приведено сообщеніе финляндской офиціальной газеты о возбужденіи, по предписанію высшей власти, судебнаго преслѣдованія противъ выборгской газеты *Östra Finland*, позволившей себѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Русскій Пророкъ*, открыто глумиться надъ православіемъ. **

По словамъ гельсингфорсскихъ газетъ, дѣло это на дняхъ (въ августѣ) разбиралось въ Выборгскомъ ратгаузскомъ судѣ. Судъ объявилъ что по мѣстнымъ законамъ онъ будто бы не въ правѣ принять такое дѣло къ разбирательству и предложилъ заявившему обвиненіе казенному стряпчему обратиться къ высшей инстанціи — Выборгскому гофгерихту. Казенный стряпчій заявилъ протестъ противъ этого рѣшенія.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 218, отъ 9 августа.

** См. выше стр. 418.

53.

Выходки „патріотовъ“ противъ графа Ѳ. Л. Гейдена.*

Въ гельсингфорсской финской газетѣ *Päivälehti* появилась и во всѣхъ другихъ гельсингфорсскихъ газетахъ перепечатана — подъ ироническимъ заглавіемъ: *Его сіятельство недоволенъ*, — слѣдующая выходка противъ графа Ѳ. Л. Гейдена:

„Нѣсколько времени тому назадъ его сіятельство, генералъ-губернаторъ нашей страны, объявилъ одной здѣшней газетѣ что онъ недоволенъ ея направленіемъ за послѣднее время. Такое же неудовольствіе высказалъ онъ, какъ слышно, и относительно другихъ здѣшнихъ газетъ. **

„Что же подало поводъ къ неудовольствію его сіятельства? Что говорили наши газеты?

„Газеты наши высказывали то что думаютъ въ нашей странѣ о требуемыхъ со стороны Россіи перемѣнахъ въ нашихъ политическихъ учрежденіяхъ. Онѣ указывали, ссылаясь на наши законы (?) и торжественныя обѣщанія (?) нашихъ правителей, на чемъ эти учрежденія основываются и какимъ образомъ возможно рѣшать объ ихъ измѣненіи. Онѣ возражали также противъ тѣхъ бѣшеныхъ (!), на лжи и извращеніяхъ основанныхъ, нападокъ какими преслѣдовали (?) насъ за это время русскія газеты.

„Вотъ что онѣ дѣлали.

„Развѣ несправедливо при защитѣ своей ссылаться на законы и торжественныя обѣщанія? Развѣ нельзя защищаться противъ ложныхъ обвиненій?

„Повидимому, — нѣтъ, если статьи нашихъ газетъ возбудили неудовольствіе нашего собственнаго генералъ-губернатора.

„И однакоже, съ увѣренностью (?) можно сказать что наши газеты по этимъ вопросамъ лишь заявляли господствующее въ нашей странѣ общее мнѣніе. Газеты убѣждены что ихъ читатели, народъ (?), во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи довольны ихъ направленіемъ. Ни одинъ финскій голосъ еще не поднимался для ихъ порицанія. ***

„Хотя, такимъ образомъ, его сіятельство, какъ это ни прискорбно, и недоволенъ нами, мы, однакоже, можемъ утѣшать себя тѣмъ что у читателей нашихъ,—по крайней мѣрѣ по той же причинѣ какъ у его сіятельства,—нѣтъ неудовольствія противъ насъ.

„А въ такомъ случаѣ мы можемъ быть довольны.“

Мы привели цѣликомъ эту изумительную по наглой дерзости и неприличію тона статейку гельсингфорсской газеты. Какъ видно, раздраженіе финляндскихъ сепаратистовъ противъ высшей русской власти, мѣшающей ихъ агитаціи, доходитъ въ послѣднее время уже до крайнихъ предѣловъ... Они совершенно извращаютъ при этомъ смыслъ сдѣланнаго недавно графомъ Ѳ. Л. Гейденомъ внушенія гельсингфорсскимъ газетамъ: какъ видно изъ перепечатаннаго у насъ **** текста предостереженія даннаго газетѣ *Hufvudstadsbladet*, довѣренный представитель Русской Верховной Власти въ Финляндіи порицалъ мѣстныя газеты не за ссылки на финляндскіе законы, а за злонамѣренно-тенденціозное извращеніе этихъ законовъ и неправильныя сужденія о нихъ и о мѣрахъ правительства.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 218, отъ 9 августа.

** См. выше стр. 418—421.

*** А онѣ бы напечали?

**** См. выше стр. 419.

ДВА ПИСЬМА

КЪ

ИЗДАТЕЛЮ „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

1.

Финляндскіе публицисты-сыщики. *

М. г.,—Въ маѣ текущаго года я помѣстилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, за полною подписью моего имени, статью: „Знакомство съ Россіей въ Финляндскихъ школахъ“. ** Съ тѣхъ самыхъ поръ финляндскія газеты (*Nya Pressen*, *Hufvudstadsbladet*, *Volkvänen* и др.) не даютъ мнѣ покоя. За мною, пользуясь тѣмъ что это лѣто я провожу въ Финляндіи, учрежденъ положительный надзоръ. Ваша газета, исключительно въ силу справедливости, уже дважды отмѣчала беззастѣнчивое ко мнѣ отношеніе финляндскихъ газетныхъ писакъ, *** но это, къ сожалѣнію, ничуть не уменьшило ихъ за мной шпіонства. Финляндскія газеты увѣдомляютъ почтеннѣйшую публику о томъ сколько и кому посылаю я писемъ, съ кѣмъ знакомлюсь, чѣмъ занимаюсь, гдѣ служу, на комъ женатъ, насколько моя жена знаетъ шведскій языкъ и прочее.

Любопытный modus scribendi финляндскихъ газетъ!

Толковать подобнымъ „писателямъ“ объ ихъ неделикатности и невѣжествѣ было бы совершенно безполезно: не поймутъ. Не довольствуясь ознакомленіемъ своихъ читателей съ моимъ домашнимъ житьемъ-бытьемъ, финляндскія газеты сплошь и рядомъ привязываютъ къ моему имени всевозможныя „непріязненныя Финляндіи“ работы. То я, по ихъ „открытію“, оказываюсь авторомъ всѣхъ тѣхъ статей которыя *Московскія Вѣдомости* помѣщаютъ подъ рубрикой: „Финляндскія новости“; то я перевожу на русскій языкъ, вмѣстѣ съ женой, какія-то финляндскія узаконенія, то я что-то работаю съ г. Ординымъ, то я вообще пишу что-то непріязненное Финляндіи и т. д. и т. д. И все это утверждается совершенно голословно, безъ малѣйшаго основанія, но

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 217, отъ 8 августа.

** См. выше, стр. 318—332.

*** См. выше, стр. 336—337 и 385.

всегда съ ругательствами и насмѣшками.

Такого рода просвѣщенныя отношенія находятъ себѣ сочувствіе въ финляндской читающей газеты интеллигенціи, которая и не оставляетъ дѣлать усилія чтобы „выжить меня изъ Финляндіи“. Вотъ обращики выживательныхъ способовъ.

Желая нанять въ Финляндіи дачу и на будущій годъ, я во многихъ мѣстахъ знакомаго мнѣ округа (Lojo) встрѣчалъ нежеланіе сдать дома именно мнѣ, Русскому и „сотруднику *Московскихъ Вѣдомостей*“. Наконецъ, мнѣ удалось договориться съ однимъ простымъ крестьяниномъ. И что же? Нѣкіе мѣстные интеллигенты; оказывается, ѣздили къ этому крестьянину уговаривать его не сдавать дома русскому газетному писакѣ (tidningsskribent). Мало этого, одинъ интеллигентъ, кажется, произнесъ простымъ обывателямъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, указывалъ на необходимость выжить меня изъ здѣшнихъ предѣловъ. Въ Гельсингфорсѣ, по дошедшимъ до меня слухамъ, на случай моего пріѣзда готова для меня кулачная расправа. И всѣ эти гоненія за одну мою статейку, гдѣ я имѣлъ счастье указать на анти-русское направленіе средней финляндской школы!

Отнюдь не претендуя на расположеніе Финляндцевъ, я тѣмъ не менѣе желалъ бы умѣрить ихъ безобразную на меня травлю. Съ этою цѣлью я предпринимаю слѣдующее:

1) Заявляю что я работаю для *Московскихъ Вѣдомостей* не анонимно, а за полною подписью моего имени.

2) Предлагаю редакціямъ *Nya Pressen* и *Hufvudstadsbladet*, двумъ газетамъ наиболѣе интересующимся моею личностью и моею частною жизнью, сообщить имъ безвозмездно полную мою біографію въ удовлетвореніе ихъ любознательности и во вниманіе ко вкусамъ читателей этихъ газетъ.

Ю. ВЕРЕЩАГИНЪ.

Lojo, 4 августа 1890.

2.

Замѣтка по финляндскому вопросу. *

Въ газетѣ *Новое Время*, отъ 9 августа („Хроника“), указано на появившійся въ журналѣ *Nuova Antologia* отчетъ члена Италіянской палаты депутатовъ и профессора Ночито о Международномъ Тюремномъ Конгрессѣ въ Россіи. При этомъ обращено вниманіе на отраженіе въ его сообщеніи о финляндскомъ отдѣлѣ словъ финляндскихъ патріотовъ изъ *Nya Pressen*, что Финляндія хотя и принадлежитъ Россіи, но связана съ нею только „личною уніей“.

Это указаніе петербургской газеты полезно въ томъ отношеніи что побуждаетъ, въ свою очередь, обратить вниманіе и на печатный источникъ этого мнѣнія, а именно на *Путеводитель по Финляндіи* г. Майнова. Въ немъ-то, хотя изданномъ съ разрѣшенія цензуры, три года тому назадъ, и заключается особая глава о государственномъ устройствѣ Финляндіи, въ которой ведется рѣчь объ ея конституціи и личной уніи съ Россіей. Что же удивительнаго если этотъ *Путеводитель*, чуть ли не единственный на русскомъ языкѣ и переведенный на французскій и другіе языки, сбиваетъ съ толку *иностранныхъ* путешественниковъ, когда той же участи подвергнуты и русскіе посѣтители этого края?

ПОДПИЩИКЪ.

С.-Петербургъ.
11 августа 1890 года.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 232, отъ 23 августа.

РУССКІЙ КРЕДИТНЫЙ РУБЛЬ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Передовая статья № 228 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 18 августа.

Воспроизведенное нами * изъ финляндской офиціальной газеты Объявленіе Гельсингфорсскаго Сената о пріемѣ въ Финляндіи на будущее время русскихъ кредитныхъ билетовъ въ уплату казенныхъ и общинныхъ сборовъ, состоялось, какъ видно изъ вступленія къ этому акту, на основаніи отзывовъ министра Финансовъ и монетной коммиссіи бывшей подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена. Такимъ образомъ, интересы Имперіи были въ настоящемъ дѣлѣ законно охранены какъ непосредственнымъ участіемъ въ немъ русскихъ должностныхъ лицъ коммиссіи, такъ и окончательнымъ заключеніемъ даннымъ министромъ Финансовъ. Нельзя не отдать справедливости и исправлявшему должность финляндскаго министра-статсъ-секретаря, генералъ-лейтенанту Дэну, въ томъ отношеніи что Высочайшая воля (дату оной, впрочемъ, Финляндскій Сенатъ попрежнему не нашелъ нужнымъ объявить въ общее свѣдѣніе) изложена въ выраженіяхъ не допускающихъ никакихъ кривотолковъ:

«Признано полезнымъ чтобы обращающіеся въ Имперіи денежные знаки нынѣ уже вошли въ большее употребленіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ», «до тѣхъ поръ *пока окажется возможнымъ установить полное единство* монетной системы въ Имперіи и въ Великомъ Княжествѣ».

Высочайшая воля объявлена опредѣленно. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя цѣль оной — «полное единство» — отодвигается на неопредѣленное время. Невольно думается что финляндская администрація, пользуясь этою неопредѣленною отсрочкой, понесетъ, пожалуй, монетный вопросъ на Гельсингфорсскій Сеймъ, который уже созванъ къ 8 января наступающаго года. Сеймъ несомнѣнно

* См. выше, стр. 428—429.

окажетъ объединенію всякое противодѣйствіе; а затѣмъ могутъ пойти компромиссы, чему прошлое представляетъ, къ несчастію, множество примѣровъ, и въ результатѣ можетъ оказаться новое приниженіе Россіи. Нельзя не пожелать, въ видахъ охраны достоинства Имперіи, чтобы ничего подобнаго не было допущено.

Нести монетный вопросъ на Сеймъ, какъ вполнѣ доказано новѣйшими изслѣдованіями, нѣтъ никакого законнаго основанія. Еслибъ и допустить на минуту что постановленія Финляндскаго Сейма имѣютъ не совѣщательное только, а рѣшающее значеніе, — чего, однако, нигдѣ не сказано,—то и въ такомъ случаѣ золотая монета Финляндіи, установленная согласно съ сеймовымъ заключеніемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей новѣйшей золотой монетѣ: полуимперіалъ 1885 года и 20марковая финская монета 1877 года вполнѣ между собою тожественны и по цѣнности, и по пробѣ металла. Что же касается внѣшняго вида, надписей и пр., то они даже по шведской конституціи 1772 года,—выставляемой финляндскими сепаратистами, когда нужно, на показъ, въ качествѣ основнаго будто бы ихъ закона,—вполнѣ и безусловно опредѣляются усмотрѣніемъ Монарха. Отъ личной воли Государя Императора, поэтому, зависитъ повелѣть дать двадцати-марковой финской монетѣ тотъ самый видъ какой имѣетъ нашъ полуимперіалъ пятирублевой стоимости.

По поводу отлагаемаго на неопредѣленное время полнаго объединенія монеты, намъ припоминается аналогическій примѣръ изъ болѣе давнихъ финляндскихъ дѣлъ.

Императору Александру I генералъ-губернаторъ Финляндіи Спренгтпортенъ официально докладывалъ въ 1808 году что шведскій языкъ оставляется въ дѣлопроизводствѣ *только до тѣхъ поръ* пока не войдетъ въ общее употребленіе языкъ русскій, для чего и посулилъ развитіе русскихъ школъ. Александръ Павловичъ одобрилъ это соображеніе. Мы, однако, видимъ что̀ вышло изъ этихъ посуловъ: русскій языкъ за 80 лѣтъ не только не вошелъ въ общее употребленіе, но окончательно выброшенъ въ Финляндіи за бортъ даже тамъ гдѣ прежде былъ довольно прочно усвоенъ.* Не случилось бы чего подобнаго и съ монетнымъ объединеніемъ, которое показывается въ перспективѣ Финляндскимъ Сенатомъ? Timeo Danaos...

Но возвратимся къ новому узаконенію о кредитномъ рублѣ. Мы недоумѣваемъ почему объявленіе о такой капитальной мѣрѣ, касающейся *русскихъ государственныхъ* денежныхъ знаковъ, появилось не въ русскомъ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, а въ финляндской офиціальной газетѣ. Свойство мѣры требовало, кажется, придержаться того же пути которымъ, всего два мѣсяца назадъ, былъ объявленъ Высочайшій манифестъ объ объединеніи почтовой части, то-есть публиковать ее прежде всего въ офиціальномъ русскомъ общегосударственномъ изданіи. Тогда этотъ вполнѣ законный путь былъ горячо привѣтствованъ русскимъ обществомъ. Повторяемъ, остается недоумѣвать почему отъ него отступили теперь.

Русскіе люди, въ рукахъ которыхъ находится, конечно, наиболѣе бумажныхъ рублей имѣющихъ поступать въ финляндскія кассы, не считаютъ и не могутъ считать документальнымъ и вполнѣ вѣрнымъ то что̀ объявлено на иностранномъ шведскомъ языкѣ въ газетѣ которой никто въ Россіи не читаетъ и читать не можетъ. Поэтому желаемъ думать и надѣяться что узаконеніе насчетъ

---

* См. выше, стр. 318—332 и 422.

русскаго рубля, объявленное официально Финнамъ, будетъ не менѣе официально объявлено и намъ, Русскимъ.

А до той поры приходится довѣрять шведскому переводу съ подлинника утвержденнаго, безъ сомнѣнія, на русскомъ языкѣ. Нельзя при этомъ не привѣтствовать, изложеннаго въ § 3, порядка установленія курса рубля при уплатахъ на казенныхъ (то-есть почти на всѣхъ) желѣзныхъ дорогахъ, въ таможняхъ и по казеннымъ податямъ. Этотъ порядокъ состоитъ въ томъ, что курсъ будетъ опредѣлять въ Петербургѣ русское учрежденіе, или лицо которому поручитъ это министръ Финансовъ, и будетъ затѣмъ по телеграфу сообщать Финляндскому Сенату для объявленія. Благодаря этому порядку можно надѣяться, что курсовая стоимость рубля и марки не будетъ подвергаться тѣмъ произвольнымъ уклоненіямъ какія бывали до сихъ поръ въ финляндскихъ кассахъ и бюллетеняхъ. Извѣстно, напримѣръ, что хотя финская марка вполнѣ соотвѣтствуетъ французскому франку, русскій курсъ на нее, однако, очень нерѣдко объявлялся Финляндскимъ Банкомъ ниже чѣмъ на Парижъ.* Въ Финляндіи, кромѣ того, обязательно существуютъ верхній и нижній курсы, то-есть разные курсы, смотря по тому мѣняются ли рубли на марки или наоборотъ; при этомъ разница, доходящая до 1%, всегда въ пользу марки и въ ущербъ рублю: если вы желаете купить марки, то кредитки стóятъ дешевле, и ихъ надо выдать больше; если же, напротивъ, вы мѣняете марки на рубли, то послѣдніе считаются дороже, и вамъ даютъ ихъ меньше.

Наконецъ, помимо этой, такъ-сказать легализованной, эксплуатаціи рубля, была до сихъ поръ еще эксплуатація нелегальная и произвольная. Такъ, напримѣръ, на нѣкоторыхъ станціяхъ Петербургo-Гельсингфорсской дороги установленъ въ небольшихъ суммахъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на финскую монету. Станціонный чиновникъ на лоскуткѣ бумаги выставляетъ курсъ въ самой лаконической формѣ, въ видѣ двухъ цифръ, напримѣръ, 298 и 295. Легко видѣть что это только формальная очистка чиновничьей совѣсти, ибо двѣ цифры говорятъ мѣняющему сравнительно очень немного. Желѣзнодорожный билетъ, скажемъ, стóитъ 17 марокъ 85 пенни, сколько же слѣдуетъ заплатить рублями и копѣйками? Даже образованному человѣку не обойтись безъ карандаша и бумаги чтобы сдѣлать переводъ курса съ 298 или 295 за 100 на 17 м. 85 п., а для простаго человѣка это и совсѣмъ темно: и вотъ мѣняющій весь въ рукахъ принимающаго. Къ сожалѣнію, хваленая финляндская честность стоитъ здѣсь далеко не въ своемъ апогеѣ, и намъ извѣстно очень много случаевъ когда, при дѣйствительной курсовой стоимости марки въ 34—35 коп., станціонные чиновники брали кредитными рублями за марку по разчету 40, 45 и даже болѣе копѣекъ.

Въ виду такихъ «ошибокъ», возможныхъ и въ будущемъ, очень было бы полезно еслибы наше финансовое вѣдомство не ограничивалось при исполненіи § 3 сообщеніемъ Финляндскому Сенату краткой биржевой цифры курса, а въ точности объявляло стоимость именно финской марки.

Слѣдя далѣе за новоизданною мѣрой, нельзя не быть въ нѣкоторомъ недоумѣніи насчетъ разницы которая установлена въ опредѣленіи курса для разныхъ учрежденій гдѣ будутъ приниматься платежи кредитными билетами. Если для желѣзныхъ

* См. выше, стр. 41—50.

дорогъ и пр. стоимость рубля устанавливается, какъ сейчасъ сказано, въ Петербургѣ, и сообщается два раза въ недѣлю по телеграфу, то не совсѣмъ понятно почему для платежей въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ курсъ опредѣляется иначе, какъ явствуетъ изъ § 4. Здѣсь указано что для уплатъ въ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ и на каналахъ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, курсъ объявляется уже не изъ Петербурга, а «производится Сенатомъ (Финляндскимъ) по исчисленію курса за ближайшіе три мѣсяца». Если этотъ способъ котировки можно еще оправдать для отдаленныхъ мѣстностей, или въ видахъ устраненія запутанности иныхъ сдѣлокъ, то совсѣмъ непонятно почему потребовалось подчиненіе Финляндскому Сенату курса рубля на почтѣ и на телеграфѣ. Оба находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи не финляндскихъ, а именно русскихъ властей: телеграфъ еще со времени своего основанія, почта—съ 30 минувшаго мая. При этомъ на затруднительность сношеній *телеграфное* вѣдомство ссылаться никакъ не можетъ, а съ телеграфомъ связаны и почты.

А что ущербъ рублю или, что то же, нажива на его счетъ въ финляндскихъ, даже правительственныхъ, учрежденіяхъ существуетъ, явствуетъ изъ офиціальныхъ гельсингфорсскихъ данныхъ. По желѣзнодорожнымъ отчетамъ за 1888 годъ въ доходѣ финляндской казны опредѣленно показана «выгода на курсѣ» — Kursvinst — въ количествѣ 16.182 марокъ. А сколько есть еще «выгоды» не попадающей въ отчеты?

Поэтому весьма желательно было бы чтобы, не только въ видахъ справедливости, но и въ интересахъ русскаго достоинства, § 4 былъ дополненъ необходимыми поясненіями. Національный путь, которымъ слѣдуетъ нынѣшнее наше финансовое управленіе, даетъ возможность ожидать что кредитный рубль, а съ нимъ и карманы русскихъ людей, не будутъ подвергаться въ дальнѣйшемъ ни легальной, ни нелегальной эксплуатаціи со стороны финляндскихъ распорядителей его цѣнностію.

СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВІЯ
ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Передовая статья № 205 *Московскихъ Вѣдомостей 1890 года.*)

Москва, 26 іюля.

До сихъ поръ намъ почти не приходилось говорить о положеніи въ Финляндіи Православной Церкви.* Между тѣмъ, этотъ предметъ первостепенной важности требуетъ къ себѣ полнаго вниманія, между прочимъ и въ виду его политическаго, русско-государственнаго, значенія.

Восточная часть Финляндіи была крещена въ православіе еще княземъ новгородскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, въ 1227 году. Тамъ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ концѣ XVI вѣка, была православная епископская каѳедра. Во время оно, по свидѣтельству самихъ финляндскихъ историковъ, страна была покрыта цѣлою сѣтью православныхъ монастырей. До сихъ поръ тамъ Валаамскій и Коневскій монастыри, древнія русскія святыни, привлекаютъ къ себѣ ежегодно многія тысячи богомольцевъ. Со временъ Петра и Елисаветы эти и другіе монастыри, и въ ихъ числѣ Александро-Невская лавра въ Петербургѣ, имѣли пожалованныя въ Финляндіи земельныя угодья и рыбныя ловли.

При такихъ условіяхъ, значеніе Православной Церкви, казалось бы, должно служить крѣпкою связью, прочнымъ объединительнымъ цементомъ финляндской окраины и русскаго государственкаго тѣла, и эту связь наипаче нужно бы оберегать какъ зѣницу ока. Никакіе, толкуемые вкривь и вкось, «Боргоскіе акты» не могли имѣть здѣсь никакой силы въ смыслѣ противорусскомъ. Они обезпечивали въ Финляндіи свободу вѣроисповѣданія *каждаго* обывателя, слѣдовательно и православнаго, и если подъ перомъ Финляндца статсъ-секретаря Ребиндера явилось по-шведски обезпеченіе одной только «религіи страны», то-есть лютеранства, то другіе несомнѣнные акты опровергли этотъ недобросовѣстный переводъ. Тотъ же императоръ Александръ I, уже послѣ Бор-

* См. выше, стр. 147—148, 235—237, 316—317, 416—417, 418, 429.

госкихъ актовъ, соединяя 11 декабря 1811 года Выборгскую губернію съ новою Финляндіей «въ одно гражданское управленіе», вполнѣ оградилъ Православную тамъ Церковь ото всякихъ финляндскихъ перемѣнъ:

«Духовное вѣдомство церквей православнаго греко-россійскаго исповѣданія, въ сей губерніи состоящихъ»,— писалъ Императовъ Александръ Павловичъ въ именномъ указѣ Святѣйшему Синоду, отъ того же 11 декабря (№ 24.909),—«*оставляемъ во всемъ на прежнемъ основаніи*, подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода и настоящаго ихъ епархіальнаго начальства, *присоединяя къ оному вѣдомству и всѣхъ грекороссійскихъ церквей въ Финляндіи состоящихъ.*»

Это епархіальное начальство было и есть Петербургская митрополія, глава которой носитъ до сего дня наименованіе митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго и Финляндскаго. Ближайшее завѣдываніе православно-церковными дѣлами Финляндіи принадлежитъ одному изъ викарныхъ архіереевъ, съ титуломъ епископа Выборгскаго.

Съ теченіемъ времени, однако, пошли, если не прямыя уклоненія отъ русскихъ порядковъ, то перемѣны и дополненія. Явилось на мѣстѣ особое «Выборгское Духовное Правленіе»,—посредствующій органъ между епархіей, финляндскими православными церквами и мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ. Оно состоитъ изъ выборгскихъ приходскихъ священниковъ, подъ предсѣдательствомъ настоятеля Выборгскаго собора. Всѣ сношенія съ финляндскими властями пошли чрезъ это духовное правленіе, а предсѣдатель его обратился, съ одной стороны, въ начальника прочихъ священниковъ, съ другой—въ делегата или эксперта предъ финляндскими правительственными учрежденіями и Гельсингфорсскимъ Сенатомъ.

Такой порядокъ, хотя онъ и можетъ казаться естественнымъ, заключалъ, однако, уже самъ въ себѣ зачатки удаленія финляндской Православной Церкви отъ тѣсной связи съ русскими духовными установленіями, зачатки тяготѣнія въ сторону лютеранскаго гражданскаго управленія края. Подобное склоненіе неизбѣжно усиливалось тѣмъ что епархія далеко, а епископъ Выборгскій, постоянно занятый, въ качествѣ викарія, множествомъ другихъ дѣлъ, являлся въ своей Финляндской епископіи очень рѣдкимъ гостемъ. Такъ, нынѣшній преосвященный Антоній, одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ, состоя, помимо несенія другихъ обязанностей, еще и ректоромъ Петербургской Духовной Академіи, былъ въ Финляндіи лишь одинъ разъ, въ 1888 году. Если судить по напечатанному затѣмъ въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* описанію этой его поѣздки однимъ изъ спутниковъ преосвященнаго, она имѣла вполнѣ мимолетный характеръ. Высказавъ не мало любезностей по адресу Финляндцевъ и порицаній по адресу Русскихъ, описатель поѣздки преосвященнаго почти вовсе не коснулся сущности вещей, если не считать одного мнѣнія, выраженнаго въ конечномъ выводѣ. Именно, описатель поѣздки отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ тому мнѣнію что всѣ улучшенія необходимыя въ духовно-нравственной жизни православнаго населенія Финляндіи заключаются едва ли не въ томъ чтобы переводить православное богослуженіе и Священное Писаніе на финское и другія финляндскія нарѣчія... А какъ относится къ дѣлу недавно образовавшееся для просвѣщенія православныхъ Финновъ и Корелъ Братство во имя Свв. Сергія и Германа?...

Какъ бы то ни было, Выборгское духовное правленіе съ теченіенъ времени сложилось въ учрежденіе которое стояло лицомъ болѣе къ финляндской администраціи нежели къ своей епархіи. Видя это, гельсингфорсскій Сенатъ раскрылъ свой казенный кошелекъ, наполняемый на счетъ Россіи, дабы сравнительно щедро обезпечить положеніе православныхъ священниковъ въ Финляндіи. Въ результатѣ Финляндскій Сенатъ оказывался болѣе и болѣе хозяиномъ въ дѣлахъ тамошней Православной Церкви.

Уже постановленіе 1883 года, касавшееся, между прочимъ, денежнаго вознагражденія православныхъ причтовъ, заключало въ себѣ нѣкоторые очевидные признаки включенія мѣстной Православной Церкви въ кругъ общихъ финляндскихъ учрежденій, съ участіемъ въ ея дѣлахъ мѣстныхъ лютеранскихъ чиновниковъ. Такъ, § 12 постановлялъ что присвоенный въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимъ причтамъ окладъ сверхъ жалованья, платимый членами прихода, опредѣляется на церковной сходкѣ «въ присутствіи губернатора или его повѣреннаго», послѣ чего соглашеніе прихожанъ «представляется *на усмотрѣніе и утвержденіе* Финляндскаго Сената».

По тому же узаконенію (§ 10), во многихъ изъ тѣхъ дѣлъ кои входятъ въ кругъ дѣятельности русскихъ приходскихъ попечительствъ, — напримѣръ, народныя школы, призрѣніе бѣдныхъ и т. п., — настоятели православныхъ приходовъ уже прямо поставлены въ положеніе аналогичное съ главными пасторами и вошли болѣе или менѣе въ составъ общиннаго управленія, съ подчиненіемъ финляндскимъ учрежденіямъ.

Это постановленіе 1883 года состоялось, правда, «по представленіи отзыва Святѣйшимъ Синодомъ». Но мы не знаемъ, былъ ли и въ какой мѣрѣ былъ уваженъ этотъ отзывъ, равно какія были въ немъ высказаны соображенія. Какъ бы то ни было, по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ членахъ православнаго финляндскаго духовенства не только не оказалось достаточной упругости въ отпорѣ послѣдовавшимъ затѣмъ стремленіямъ мѣстнаго чиновничества къ дальнѣйшему вмѣшательству, но и сами они частію сдѣлались послѣдователями тѣхъ порядковъ кои направлены къ обособленію Финляндіи отъ Россіи.

Вопросъ о русскомъ языкѣ, конечно, стоитъ тутъ на одномъ изъ первыхъ плановъ. Какъ извѣстно, финляндское чиновничество всѣми мѣрами изгоняетъ его изъ мѣстныхъ, особенно низшихъ, школъ.* Это гоненіе и въ православныхъ приходахъ достигаетъ такихъ размѣровъ что, по скорбному отзыву одного почтеннаго священника, онъ съ ужасомъ видитъ какъ даже его дѣти постепенно начинаютъ обращаться въ Финновъ, благодаря школѣ заставляющей учиться по-фински и забывать родной русскій языкъ.

Для русскаго языка остается затѣмъ одно убѣжище—въ церковномъ богослуженіи. И вотъ, судя по отзыву автора упомянутой статьи въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, признается и со стороны русскихъ духовныхъ властей полезнымъ сдѣлать еще одинъ шагъ къ окончательному упраздненію русскаго языка—и гдѣ же?—въ странѣ которая еще семь вѣковъ назадъ была русскою и православною...

Во всякомъ случаѣ, даже и въ кругѣ дѣятельности мѣстнаго православнаго духовенства, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его членовъ, оказывается наклонность въ пользу такихъ соображеній которыя какъ нельзя больше на руку финляндскимъ сепа-

---

* См. выше, стр. 318—332.

ратистамъ. Эти послѣдніе, конечно, не медлятъ пользоваться обстоятельствами и все болѣе налагаютъ свою тяжелую руку на русское православіе, захватывая все что только могутъ.

Новый обращикъ этихъ захватовъ представляетъ лежащій предъ нами проектъ Финляндскаго Сената насчетъ изданія двухъ постановленій: «О церковной сходкѣ и церковномъ совѣтѣ», и «О нѣкоторыхъ правилахъ для православныхъ приходовъ въ Финляндіи».

Проектъ этотъ значится подписаннымъ тѣмъ самымъ сенатскимъ чиновникомъ Борениусомъ, имя котораго было упомянуто * по поводу изданной имъ на русскомъ языкѣ книжки имѣвшей цѣлію доказать что Финляндія независима отъ Россіи.

По этому автору можно судить и о качествѣ новаго гельсингфорсскаго законопроекта. Мы не можемъ вдаваться въ его подробности, по ихъ крайнему избытку, но кое-на-чемъ остановимся собственно для характеристики направленія проекта.

Съ перваго же параграфа урѣзывается численность правомѣрныхъ членовъ въ православныхъ приходахъ. До сихъ поръ, по узаконенію 1874 года, всякій обыватель исповѣдующій православную вѣру былъ уже членомъ своего прихода. Теперь проектируется предоставить это право только «финляндскому *гражданину*». Вся масса Русскихъ, притомъ болѣе достаточныхъ и просвѣщенныхъ, проживающихъ въ Финляндіи, но не пожелавшихъ мѣнять своего русскаго вѣрноподданства на сочиненное сепаратистами подданство финляндское,—вся эта солидная масса выкидывается за бортъ и должна оказаться, согласно проекту, безправною и безгласною даже и въ скромныхъ дѣлахъ своей приходской церкви!

Далѣе, если прихожане захотѣли бы, напримѣръ, имѣть у себя, вмѣсто причетника, діакона, даже на прежнемъ дьяческомъ окладѣ, они должны входить о томъ чрезъ цѣлый рядъ инстанцій *съ представленіемъ въ Финляндскій Сенатъ*.

Если приходъ пожелаетъ, скажемъ, построить для своего дьячка новую избу, то впредь онъ самъ не будетъ этого исполнять самостоятельно, а долженъ условія постройки, чрезъ духовное правленіе и губернатора-лютеранина, внести въ Гельсингфорсскій, тоже сплошь лютеранскій, Сенатъ.

Если кто недоволенъ рѣшеніемъ церковной сходки, онъ долженъ жаловаться не кому иному какъ тому же губернатору.

Въ довершеніе всего, этому же иновѣрному чиновнику предоставляется наблюдать за исполненіемъ православными священниками ихъ обязанностей...

И во всемъ проектѣ ни единаго слова о русской епархіальной власти, хотя бы объ епископѣ Выборгскомъ!

Что это, если не прямое подчиненіе финляндской Православной Русской Церкви власти тамошняго лютеранскаго начальства?

Новый проектъ уже напечатанъ, слѣдовательно выработанъ окончательно. Предсѣдатель Выборгскаго Духовнаго Правленія былъ, разумѣется, предварительно вызванъ на совѣщаніе въ Сенатъ. Что же онъ высказалъ тамъ? Гдѣ его особое мнѣніе?—Его не видно нигдѣ.

И при всемъ этомъ уже пошли въ ходъ слухи,—мы отказываемся вѣрить этимъ слухамъ,—будто, подъ предводительствомъ одного изъ прилодожскихъ священниковъ, рьянаго поклонника финляндской quasi-конституціи, ведется цѣлая система ходовъ

* См. выше, стр. 386.

къ тому чтобъ изъ финляндской православной паствы образовать независимую отъ русской духовной власти финляндскую церковь, которая была бы подчинена гельсингфорсскому Сенату, отъ котораго чаются великія милости...

Печальное явленіе, тѣмъ болѣе печальное что, повидимому, ни откуда не встрѣчаетъ противодѣйствія. Лишь не прямо прикосновенный къ дѣлу епископъ Нарвскій, преосвященный Владиміръ, поднялъ сколько могъ свой голосъ противъ новаго проекта финляндскихъ сепаратистовъ.

Этотъ проектъ переданъ теперь на обсужденіе съѣзда финляндскихъ православныхъ священниковъ въ Выборгѣ. * Утверждаютъ будто они выбрали въ предсѣдатели вышеупомянутаго приладожскаго священника...

---

* См. ниже, стр. 442—447.

СЪѢЗДЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ ВЪ ВЫБОРГѢ.*

I.

Въ № 205 *Московскихъ Вѣдомостей* упоминалось о состоявшемся недавно въ Выборгѣ съѣздѣ финляндскихъ православныхъ священниковъ.** Намъ случайно пришлось услышать разказы про засѣданія съѣзда, и, думается, о немъ небезынтересно будетъ узнать и всѣмъ русскимъ людямъ слѣдящимъ за ходомъ дѣлъ въ Финляндіи, гдѣ православные интересы должны быть предметомъ особеннаго вниманія и заботъ какъ общества, такъ и власти.

Съѣздъ состоялся благодаря почину преосвященнаго Владиміра, епископа Нарвскаго, одного изъ викаріевъ С.-Петербургской митрополіи, которой подчинены состоящія въ Финляндіи православныя церкви.

Въ 1886—87 годахъ были при Финляндскомъ Сенатѣ составлены два проекта: 1) „Проектъ постановленія о церковной сходкѣ и церковномъ совѣтѣ православныхъ приходовъ Финляндіи“ (въ 57 параграфахъ), и 2) „Проектъ постановленія содержащаго нѣкоторыя правила о православныхъ приходахъ въ Финляндіи“ (19 параграфовъ). Оба эти проекта были переданы на просмотръ особой коммиссіи, въ которую были приглашены четыре члена изъ православныхъ жителей края и, между ними, два финляндскіе священника: тогдашній предсѣдатель Финляндскаго Духовнаго Правленія и нынѣшній.

Коммиссія эта, повидимому, не предложила никакихъ существенныхъ измѣненій въ сенатскихъ проектахъ. Изъ страха ли предъ всесильнымъ въ Финляндіи Сенатомъ, или по другой какой причинѣ, православные члены коммиссіи промолчали и своимъ молчаніемъ какъ бы одобрили въ сенатскихъ проектахъ то чѣмъ всецѣло возмутилось, по поступленіи проектовъ на разсмотрѣніе С.-Петербургской консисторіи, русское православное чувство преосвященнаго Владиміра, который и написалъ правдивыя замѣчанія на проекты. Но преосвященный Владиміръ захотѣлъ еще выслушать и мнѣніе финляндскаго духовенства по этому вопросу, и, по его предложенію, 20 іюня собралось выборное духовенство на съѣздъ въ городѣ Выборгѣ.

Этому съѣзду и было поручено разсмотрѣть оба сенатскіе проекта и замѣчанія на нихъ преосвященнаго Владиміра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему предложено

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, №№ 230 и 231, отъ 21 и 22 августа.

** См. выше, стр. 441.

было выдвинуть и разработать относительно Православной Церкви въ Финляндіи и другіе вопросы, какіе съѣздъ найдетъ заслуживающими уваженія, или даже прямо необходимыми, такъ что въ результатѣ занятій съѣзда, по первоначальному предположенію, должно было явиться возможно полное и обстоятельное уложеніе касательно Православной Церкви въ Финляндіи.

II.

Чтобы выяснить работу Выборгскаго съѣзда, необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о характерѣ сенатскихъ проектовъ. Проекты эти являются ни болѣе ни менѣе какъ выдержкой изъ лютеранскаго церковнаго уложенія и нѣкоторыхъ постановленій для лютеранскаго духовенства, и примѣняется все это къ православнымъ исповѣдникамъ и къ православному духовенству, особенно въ первомъ проектѣ. И „церковнымъ сходкамъ“, и церковнымъ совѣтамъ „притомъ даются самыя мелкія предписанія“, между которыми есть и характерныя, напримѣръ: протоколы засѣданій какъ „сходокъ“, такъ и „совѣтовъ“ пишутся „на языкѣ большинства“ (то-есть на финскомъ или шведскомъ, а о русскомъ языкѣ совершенно умолчано).

Но особенно выдѣляется въ проектахъ стремленіе подчинить Православную Церковь въ Финляндіи гражданской лютеранской власти—губернатову и Сенату. Такъ губернаторъ-лютеранинъ имѣетъ право созывать „сходку“ (§ 12) и предлагать ей, стало-быть, желательные вопросы; многія рѣшенія (всѣ денежныя) „сходки“ утверждаются губернаторомъ (§ 25); жалобы на постановленія сходки приносятся тоже губернатору, за исключеніемъ вопроса о выборѣ церковнаго старосты, жалоба на что̀ подается Духовному Правленію (§ 35). Въ вопросахъ о раздѣленіи православнаго прихода, объ измѣненіи границъ его, объ устройствѣ новаго прихода, объ учрежденіи новой духовной должности, объ измѣненіи или упраздненіи уже существующей, Духовное Правленіе въ Выборгѣ должно входить съ представленіемъ въ Сенатъ. Сенатъ требуетъ затѣмъ справки отъ прихода (должно-быть, не довѣряя Духовному Правленію), отъ губернатора и проч. и представляетъ дѣло на Высочайшее воззрѣніе (§§ 2—3).

Особенно характеренъ § 19 втораго проекта („о приходахъ“). Въ немъ въ концѣ говорится что „если до свѣдѣнія губернатора дойдетъ что въ губерніи замѣчается нерадѣніе или безпорядокъ въ надлежащемъ исполненіи православными священниками въ Финляндіи всѣхъ служебныхъ обязанностей возложенныхъ на нихъ законами и постановленіями страны, то онъ увѣдомляетъ о семъ Духовное Правленіе, имѣющее возстановить порядокъ и взыскать съ виновныхъ, какъ предписано въ постановленіи отъ 25 ноября 1826 года. (Ссылка по справкѣ оказывается невѣрною: въ этомъ „постановленіи“ ничего не говорится о взысканіяхъ, а говорится только о раздѣленіи духовнаго и гражданскаго суда.) Если же, за увѣдомленіемъ, не будутъ приняты удовлетворительныя мѣры къ устраненію замѣченнаго, то губернаторъ доноситъ о томъ въ Сенатъ.“

Такимъ образомъ и помина нѣтъ о высшемъ епархіальномъ начальствѣ. Священники отдаются подъ контроль губернатора и Сената. А для нихъ всегда будетъ не хорошъ тотъ священникъ который болѣе ревностно будетъ блюсти православную идею въ приходѣ, выставлять правоту православія, заводить церковно-приходскія школы съ русскимъ языкомъ и т. д. И такого дѣятеля, конечно, постараются обвинить въ чемъ-нибудь вымышленномъ, чтобы только изгнать изъ Великаго Княжества.

Прямо возмутителенъ, затѣмъ, тотъ параграфъ, по которому прихожанами православныхъ приходовъ считаются одни лишь „финляндскіе граждане“.

Въ виду такого характера проектовъ, съѣзду финляндскихъ православныхъ священниковъ предстояло освободить проекты ото всѣхъ лишнихъ, чисто лютеранскихъ, параграфовъ и возстановить русскую православную идею по управленію.

Что̀ же сдѣлалъ съѣздъ?

III.

Съѣздъ прежде всего предложилъ замѣнить составленныя по финляндскому образцу наименованія „сходка“ и „церковный совѣтъ“ русскими: „церковно-приходское собраніе“ и „церковно-приходское попечительство“; причислилъ, далѣе, къ прихожанамъ всѣхъ Русскихъ, проживающихъ въ Финляндіи постоянно или даже временно, не менѣе года, но имѣющихъ занятія (?) * или должности.

Затѣмъ съѣздъ много ограничилъ власть лютеранскаго начальства. Такъ, онъ исключилъ требованіе со стороны губернатора созывать собранія, равно какъ и утвержденіе имъ постановленій приходскаго собранія, но все-таки нашелъ почему-то нужнымъ оставить за губернаторомъ право утвержденія рѣшеній собранія о заключеніи займовъ, или чрезвычайныхъ сборовъ на нѣсколько лѣтъ, но съ прибавленіемъ: „по соглашенію съ Духовнымъ Правленіемъ“. По этимъ только вопросамъ подаются губернатору и жалобы на рѣшенія собранія, а всѣ прочія жалобы слѣдуютъ уже, по проекту съѣзда, въ Духовное Правленіе.

По вопросамъ о раздѣленіи прихода, объ измѣненіи границъ, объ устройствѣ новой духовной должности и т. д., установленъ другой порядокъ, болѣе сообразный съ духомъ и канонами Православной Церкви. По всѣмъ этимъ вопросамъ финляндское Духовное Правленіе, по проекту съѣзда, входитъ съ представленіемъ къ епархіальной власти. По согласіи и одобреніи духовнаго начальства, Духовное Правленіе ходатайствуетъ предъ генералъ-губернаторомъ, который, запросивъ мнѣніе Сената, со справками представляетъ дѣло, со своимъ заключеніемъ, на Высочайшее воззрѣніе.

---

* Мы, признаться, не понимаемъ такого ограниченія. Что это значитъ: „имѣющихъ занятія“? Почему не признавать полноправными членами прихода всѣхъ православныхъ платящихъ въ пользу прихода опредѣленные взносы? *Прим. ред. „Моск. Вѣд.“*

Помянутый выше § 19 втораго проекта измѣненъ кореннымъ образомъ; онъ читается теперь такъ: „Наблюденіе за надлежащимъ исполненіемъ православнымъ духовенствомъ въ Финляндіи всѣхъ служебныхъ обязанностей лежитъ на попеченіи епархіальной власти съ подвѣдомственными ей органами.“ Такимъ образомъ, священники изъяты изъ-подъ инспекторскаго лютеранскаго контроля губернатора и Сената.

Къ этому параграфу сдѣлано еще примѣчаніе: „Во всѣхъ случаяхъ не предусмотрѣнныхъ симъ постановленіемъ и другими финляндскими о православномъ духовенствѣ въ Финляндіи узаконеніями, руководиться послѣднему русскими церковно-гражданскими узаконеніями.“

Это примѣчаніе кажется намъ довольно важнымъ, такъ какъ лютеранская гражданская власть въ Финляндіи по временамъ, какъ приходилось слышать, имѣетъ обычай постановленія для лютеранскаго духовенства относить и къ православному духовенству и требовать отъ него исполненія, а въ случаѣ отказа—пугаетъ штрафомъ. Теперь же, по проекту съѣзда, что̀ прямо не отнесено къ православному духовенству, того нельзя и требовать отъ него.

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкія регламентарныя правила о засѣданіяхъ собранія и попечительства вычеркнуты, равно какъ и нѣкоторыя изъ повторительныхъ узаконеній, хотя съѣздъ все-таки не вычеркнулъ всѣхъ повтореній, что̀ было бы цѣлесообразнѣе, коль скоро проекты не являются сборникомъ всѣхъ узаконеній о Православной Церкви въ Финляндіи.

IV.

Съѣздъ сдѣлалъ еще нѣсколько добавленій въ проектахъ:

1) „Опекунами надъ малолѣтними православными дѣтьми должны быть назначаемы лица православнаго исповѣданія, въ крайнемъ же случаѣ и иновѣрецъ, но непремѣнно съ согласія православнаго священника.“

Было бы, по нашему мнѣнію, резоннѣе еслибъ у православныхъ обяза-

тельно всегда назначаемъ былъ православный опекунъ.

2) „Мантальную перепись (для оброковъ съ земли) воспрещается производить у православныхъ въ великіе праздники Православной Церкви, равно какъ на недѣляхъ 1, 4 и 7 Великаго Поста и въ недѣлю Св. Пасхи.“

Это прибавленіе показываетъ что лютеранскіе чиновники не совѣстились, а можетъ-быть даже намѣренно старались дѣлать перепись у православныхъ во всѣ вышеупомянутые дни и недѣли. Должно-быть у нихъ совершенно не развито чувство простаго почтенія къ праздникамъ другой вѣры, и особенно православной!

3) Священникамъ предписывается избѣгать, по возможности, прочитывать въ церкви объявленія о приходскомъ собраніи и особенно протоколы собранія, а читать ихъ въ приходской избѣ (гдѣ есть), или вывѣшивать на церковныхъ дверяхъ (гдѣ удобно), или печатать въ газетахъ (гдѣ принято). А то православная церковь являлась совершенно лютеранскою киркой, по справедливому замѣчанію преосвященнаго Владиміра.

4) О языкѣ протоколовъ прибавлено что они, въ случаѣ надобности, переводятся и на языкъ меньшинства.

Но въ этомъ случаѣ, полагаемъ, лучше бы было установить обязательный переводъ на русскій языкъ, какъ и предлагаетъ въ своихъ замѣчаніяхъ преосвященный Владиміръ.

Таковы болѣе видныя измѣненія и дополненія проектовъ со стороны съѣзда. Въ нихъ проявилось много изъ намѣченнаго замѣчаніями преосвященнаго Владиміра. Но намъ кажется страннымъ, отчего православные священники не обратили вниманія на замѣчанія преосвященнаго объ огражденіи интересовъ православной общины отъ какихъ бы то ни было посягательствъ на нее инославной власти и не предусмотрѣли случая отказа губернатора утвердить постановленіе приходскаго собранія о займахъ и обязательныхъ сборахъ. Нужно надѣяться, впрочемъ, что „Духовное Правленіе въ Выборгѣ“ (какъ оно называется въ сенатскихъ проектахъ), для котораго съѣздъ установилъ наименованіе „Финляндскаго Духовнаго Правленія“ (стало-быть не подчиненнаго Финляндскому Сенату), восполнитъ то что не сдѣлано съѣздомъ. Правда, предсѣдатель его, бывшій членъ провѣрочной при Сенатѣ коммиссіи, согласился на то что съѣзду, по указаніямъ преосвященнаго Владиміра, пришлось измѣнить. Какъ поступитъ онъ въ данномъ случаѣ? Неужели явится защитникомъ тѣхъ финляндскихъ взглядовъ кои проведены въ сенатскихъ проектахъ? Это было бы совершенно не къ чести Финляндскаго Духовнаго Правленія, которое должно и обязано всецѣло быть на стражѣ православныхъ интересовъ въ краѣ противъ захватовъ иновѣрныхъ гражданскихъ властей края.

V.

Что касается другой намѣченной для съѣзда работы,—составить полное уложеніе для Православной Церкви въ Финляндіи, то съѣздъ этого не исполнилъ, зат с утствіемъ предварительной подготовки у членовъ и за недостаткомъ времени. Онъ ограничился только предложеніемъ вопросовъ которые желательно точно изложить для предупрежденія недоразумѣній между духовенствомъ, съ одной стороны, и гражданскою властью края и приходами, съ другой.

Таковы вопросы:

1) О необязательномъ празднованіи лютеранскихъ праздниковъ православными вѣроисповѣдниками.

2) О церковныхъ публикаціяхъ.

3) Объ уничтоженіи гербоваго сбора при брачныхъ оглашеніяхъ.

4) О выработкѣ программъ Закона Божія для низшихъ и высшихъ финляндскихъ училищъ.

5) Объ обязательности для частныхъ школъ ввести преподаваніе Закона Божія.

6) Объ установленіи опредѣленной нормы для казеннаго законоучительскаго жалованья.

7) О пенсіонѣ для православныхъ законоучителей и о допущеніи ихъ въ пенсіонную кассу училищнаго вѣдомства.

8) Объ освобожденіи священно- и церковно-служителей отъ гражданскихъ налоговъ.

9) О вознагражденіи членовъ причта за командировки и благочинныхъ за поѣздки по округу.

10) О способѣ взиманія оброковъ въ пользу православнаго духовенства.

11) О распредѣленіи земельныхъ доходовъ при перемѣщеніи членовъ причта.

12) О причетническихъ дворахъ, о помѣщеніи просфирни и пр.

VI.

Нѣкоторые изъ вопросовъ намѣченныхъ самимъ духовенствомъ очень характерны. Изъ нихъ можно вывести что Православная Церковь въ Финляндіи находится далеко не на одинаковомъ положеніи съ лютеранствомъ.

Такъ, лютеранскіе праздники должны быть строго почитаемы всѣми православными жителями края, а изъ православныхъ праздниковъ ни одинъ не чтится лютеранами. Правда, существуетъ постановленіе (отъ 2 декабря 1867 года) что „во дни тезоименитства, рожденія и восшествія на престолъ Государя Императора, а также коронованія Его Императорскаго Величества и Ея Величества Государыни Императрицы, повелѣвается совершать торжественныя молебствія въ лютеранскихъ церквахъ Финляндіи съ вознесеніемъ хвалы и благодарности по поводу праздничнаго дня“. Но только молебствіемъ дѣло и ограничивается.

Въ упомянутомъ постановленіи 1867 года бросается въ глаза то что дни рожденія и тезоименитства Государыни Императрицы, равно какъ и Наслѣдника Цесаревича, не празднуются, тогда какъ въ другомъ узаконеніи, изданномъ еще 15 января 1827 года, упоминается и объ этихъ высокоторжественныхъ дняхъ, и предписывается и въ эти дни не имѣть засѣданій нигдѣ и т. п. Въ настоящее время послѣднее постановленіе совершенно забыто, и во всѣ высокоторжественные дни Россіи, въ части ея, Финляндіи, происходятъ засѣданія въ разныхъ учрежденіяхъ.

Далѣе, лютеране не празднуютъ православныхъ праздниковъ—ни Рождества Христова, не только втораго дня, какъ принято у лютеранъ, но и перваго, ни втораго дня Св. Пасхи, ни Благовѣщенія, ни Крещенія, ни Великой Пятницы, день, который почитается лютеранами за самый великій праздникъ. Во всѣ православные праздники происходитъ торговля (даже въ лавкахъ православныхъ), тогда какъ въ лютеранскіе праздники никто изъ православныхъ не имѣетъ права открывать лавки подъ страхомъ большаго штрафа (лютеранскіе праздники Рождества Христова и Великую Пятницу празднуютъ даже русскія школы, Богъ знаетъ почему).

И выходитъ что обязательнымъ требованіемъ почитать лютеранскіе праздники и невниманіемъ ко всѣмъ православнымъ праздникамъ въ корнѣ подрывается равноправность православія и почтеніе къ нему, вслѣдствіе умаленія его предъ лютеранствомъ.

VII.

Интересенъ также и второй вопросъ, о церковныхъ публикаціяхъ. Въ православномъ храмѣ, насколько намъ извѣстно, совсѣмъ не принято читать разныя объявленія, кромѣ Высочайшихъ манифестовъ и актовъ прямо касающихся Церкви, а Финляндскій Сенатъ требованіемъ „публиковать въ церквахъ“ разныя узаконенія и въ православныхъ храмахъ, внесъ и въ нашъ Божій храмъ духъ лютеранства, по которому, какъ пасторъ есть государственный чиновникъ по духовному вѣдомству, такъ и церковь есть не храмъ Божій въ точномъ смыслѣ, а общественный залъ, гдѣ, правда, и помолятся, но вмѣстѣ съ тѣмъ узнаютъ и всѣ современныя новости. Кромѣ сенатскихъ узаконеній, бываютъ, къ сожалѣнію, и другія частныя объявленія, напримѣръ: у такого-то жителя въ районѣ православнаго прихода (подчасъ у лютеранина) пропало то и то, продается то и то и т. д. И такихъ объявленій, не относящихся прямо ко храму, приносятъ другой разъ цѣлую пачку и требуютъ отъ священника чтенія ихъ съ амвона, а когда священникъ

отказывается читать, то жалуются на него, „за нарушеніе законовъ страны“.

Четвертый вопросъ, объ обязательности для частныхъ школъ ввести преподаваніе Закона Божія для православныхъ, даетъ прямое заключеніе что частныя школы (а многія изъ нихъ получаютъ казенныя субсидіи) не позаботились даже ввести преподаваніе православнаго Закона Божія, а православныхъ учениковъ въ иныхъ школахъ бываетъ до десяти (а гдѣ нѣтъ русскихъ учебныхъ заведеній, тамъ и болѣе). И всѣ учащіеся въ этихъ школахъ, не зная своего Закона Божія и видя и слыша постоянное глумленіе надъ православными и ихъ ученіемъ (особенно надъ иконопочитаніемъ, почитаніемъ святыхъ и т. д.), совершенно охладѣваютъ къ своей родной вѣрѣ, и простая невозможность только — ясное воспрещеніе закона—служить для нихъ потомъ помѣхой перейти и формально въ лютеранство.

Если православіе неравноправно съ лютеранствомъ, то и представители православія, священники, не пользуются многими правами на которыя они могли бы разчитывать. Такъ, само духовенство замѣтило (7 вопросъ) что православные законоучители должны имѣть право на пенсію и на участіе въ кассѣ училищнаго вѣдомства. А то выходитъ, что православный священникъ преподаетъ Законъ Божій 25 лѣтъ въ казенномъ финляндскомъ училищѣ (а такія есть вездѣ) и на старости лѣтъ не имѣетъ надежды получить пенсію. И въ другомъ отношеніи священникъ, и даже благочинные, не пользуются одинаковыми правами съ пасторами и пробстами (къ которымъ могутъ быть приравнены благочинные): они не получаютъ прогоновъ,—первые при разныхъ командировкахъ, а вторые при своихъ объѣздахъ для осмотра церквей,—тогда какъ справедливость прямо требуетъ чтобъ эти прогонныя деньги были назначаемы и священникамъ, и благочиннымъ, какъ они опредѣлены предсѣдателю Финляндскаго Духовнаго Правленія узаконеніемъ недавно изданнымъ по настоянію и усиленному ходатайству бывшаго предсѣдателя Духовнаго Правленія.

Если священническія права не выяснены, то, конечно, о правахъ низшихъ служителей церкви, причетниковъ, нечего и говорить (вопр. 12): они остаются безо всякаго вниманія.

—

Вообще вопросы съѣзда очень насущные, и онъ вполнѣ серіозно отнесся къ нимъ, избравъ изъ своей среды четырехъ членовъ для предварительной разработки этихъ вопросовъ вмѣстѣ съ Финляндскимъ Духовнымъ Правленіемъ, дабы потомъ обсудить на общемъ съѣздѣ всего духовенства.

Въ концѣ своихъ засѣданій съѣздъ постановилъ принести благодарность преосвященному Владиміру за его заботы о нуждахъ Православной Церкви въ Финляндіи и за довѣріе къ духовенству, вмѣстѣ съ просьбой не оставить и на будущее время своихъ заботъ объ интересахъ православія въ краѣ.

N.

ПРАВОСЛАВІЕ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

И

ЛЮТЕРАНСКІЯ ПРИТЯЗАНІЯ.

(Передовая статья № 233 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 23 августа.

Въ № 205 *Московскихъ Вѣдомостей* * мы коснулись положенія Православной Церкви въ Финляндіи и указали на то какъ Гельсингфорсскій Сенатъ, состоящій исключительно изъ лютеранъ, съ подчиненными ему чиновниками, все болѣе и болѣе захватываютъ въ свои руки управленіе Православною Церковью въ краѣ,—конечно, не для того чтобы возвысить и укрѣпить православіе,—и разрываютъ связь мѣстной Православной Церкви съ Православною Церковью коренной Россіи и съ высшею русскою духовною властію. Мы упомянули также о новомъ законопроектѣ Финляндскаго Сената, составляющемъ дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи, и о созванномъ по поводу его съѣздѣ финляндскихъ православныхъ священниковъ въ Выборгѣ. ** Эта наша статья вызвала необычайно злобный отвѣтъ со стороны одного изъ самыхъ рьяныхъ органовъ финляндскаго сепаратизма — гельсингфорсской газеты *Nya Pressen*.

Отвѣтъ этотъ наглядно показываетъ цѣну то и дѣло появляющихся въ финляндскихъ газетахъ возраженій противъ нашихъ будто бы несправедливыхъ «нападокъ». Финляндскіе публицисты приняли за правило ни въ чемъ не сознаваться, никакихъ грѣховъ за своимъ финляндскимъ «отечествомъ» по отношенію къ пріютившей и облагодѣтельствовавшей его Россіи не признавать, и на всякія указанія и доводы въ этомъ смыслѣ отвѣчать лишь грубыми извращеніями фактовъ и отборными ругательствами. Такъ

---

* См. выше, стр. 437—441.

** См. выше, стр. 442—447.

поступаетъ *Nya Pressen* и въ данномъ случаѣ.

Статья наша, по ея завѣренію, была вызвана только желаніемъ возбудить противъ Финляндцевъ «религіозную ревность» русскихъ читателей. На самомъ же дѣлѣ положеніе Православной Церкви въ Финляндіи очень де хорошо: во внутреннихъ, чисто-церковныхъ вопросахъ она «совершенно свободна»; «греко-россійская духовная власть назначаетъ священниковъ въ православные приходы Финляндіи» (еще бы и назначеніе православныхъ священниковъ предоставить лютеранскимъ епископамъ или лютеранскому Сенату: только этого не доставало!); «отзывы Святѣйшаго Синода требуются обо всѣхъ узаконеніяхъ касательно Греческой Церкви предлагаемыхъ Сенатомъ на утвержденіе Монарха»...

„Что же касается внѣшнихъ административныхъ дѣлъ Православной Церкви“,—продолжаетъ *Nya Pressen*,—„то они устроены почти такимъ же образомъ (?) какъ и дѣла лютеранской церкви. Православное духовенство получаетъ содержаніе отъ приходовъ, а въ городскихъ приходахъ, которые слишкомъ малолюдны, оно получаетъ жалованье отъ финляндской казны. Финляндская казна содержитъ также Духовное Правленіе въ Выборгѣ, которое, въ томъ что касается отношеній Церкви къ государству (?), должно слѣдовать законамъ страны и повиноваться *предписаніямъ* (?!) Сената (лютеранскаго). Слѣдовательно, Православная Церковь въ Финляндіи находится въ *положеніи благопріятствуемомъ* (!) предпочтительно предо всѣми не-лютеранскими церквами.“

Положеніе православнаго духовенства въ Финляндіи, по словамъ *Nya Pressen*, «во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше чѣмъ въ Имперіи» (то-есть въ коренной Россіи):

„Имъ довольны (?) въ высшей степени не только здѣшнее православное духовенство и члены православныхъ приходовъ, но и высшія русскія духовныя власти (?), ознакомившіяся при инспекціонныхъ поѣздкахъ съ духовною жизнью и свѣтскими отношеніями русской Православной Церкви въ Финляндіи.“

Въ заключеніе своей статьи, *Nya Pressen* указываетъ еще разъ, какъ на самое убѣдительное доказательство процвѣтанія православія въ Финляндіи и заботливаго вниманія къ его интересамъ со стороны Финляндскаго Сената,—на выдачу жалованья духовенству городскихъ приходовъ изъ финляндской казны:

„Изъ этого факта“,—говоритъ она,—„слѣдовало бы сдѣлать заключеніе что и положеніе греческаго православія въ Финляндіи хорошо. И такое заключеніе и было сдѣлано самими русскими духовными властями (?). Къ счастію, и въ Россіи мало-по малу начинаютъ открывать глаза на характеръ тѣхъ людей которые работаютъ въ ультра-національной, враждебной Финляндіи, русской печати. Обидно выслушивать оскорбленія отъ честныхъ людей. Но можно считать почти честью для насъ что мы подвергаемся нападкамъ публицистовъ, лживость и подкупность которыхъ не отрицается даже ихъ собственными соотечественниками.“

Такимъ языкомъ отвѣчаетъ намъ гельсингфорсская газета. Злобно-самоувѣреннымъ тономъ своего отвѣта она хочетъ показать что не только вполнѣ опровергла нашу статью, но и оказала услугу Россіи, разъяснила крайне предосудительный «характеръ людей работающихъ въ ультра-національной русской печати»,—то-есть нашъ характеръ.

Что возражать на это? Наше слово объявляется пристрастнымъ. Не будемъ защищаться. Взамѣнъ своего отзыва приведемъ отзывъ какого-либо авторитетнаго лица

знакомаго съ положеніемъ православія въ Финляндіи. А по вопросамъ касающимся Православной Церкви кто же можетъ быть авторитетнѣе православнаго архіерея?

Предъ нами лежатъ, напечатанныя въ Выборгѣ (въ видѣ приложенія къ вышеупомянутому финляндскому законопроекту) и розданныя членамъ Выборгскаго съѣзда, замѣчанія преосвященнаго Владиміра, викарія С.-Петербургской митрополіи. Преосвященный Владиміръ положилъ много труда на тщательное ознакомленіе со всѣмъ ходомъ финляндскаго законодательства о Православной Церкви и съ офиціальною перепиской по дѣламъ ея касающимся. Онъ и самъ побывалъ въ Финляндіи лѣтомъ прошлаго года. Какъ же отзывается православный епископъ объ отношеніяхъ Финляндскаго Сената къ Православной Церкви въ краѣ и вообще о положеніи православія въ Финляндіи?

Для благоустройства *мотеранской* церкви, — говоритъ преосвященный Владиміръ, — Финскій Сенатъ выработалъ цѣлое Церковное Уложеніе, утвержденное въ 1868 году, и провелъ самые широкіе законы, увеличивающіе и безъ того немалыя права и значеніе лютеранской церкви въ краѣ. Въ отношеніи же устройства *православныхъ* приходовъ *Сенатъ тормозилъ всѣ предпринимаемыя къ тому мѣры, всячески урѣзывалъ ихъ, измѣнялъ и отмѣнялъ* подъ разными предлогами, хотя и благовидными, но не заслуживающими уваженія. Напримѣръ: задерживая въ теченіе 6 лѣтъ просмотръ синодальныхъ проектовъ объ устройствѣ православныхъ приходовъ и школъ въ краѣ, 1869 года, онъ, подъ видомъ гражданскихъ законовъ (значитъ, не поступающихъ на предварительный просмотръ Св. Синода), *проводилъ мѣры наименѣе благопріятныя для Православной Церкви въ этомъ отношеніи*, и затѣмъ синодальный проектъ устройства приходскихъ школъ считалъ излишнимъ или несовмѣстимымъ съ дѣйствующими въ краѣ по сему предмету законами (см. отношеніе статсъ-секретаря Княжества на имя оберъ-прокурора Св. Синода 1882 года, № 564, въ консисторскомъ дѣлѣ 1869 года). Или же находилъ что тѣ или другія проектируемыя мѣры благоустройства Православной Церкви въ краѣ не согласны съ принципами финскаго законодательства, или съ дѣйствующими въ краѣ законами, и даже съ принятою въ Финляндіи формой законопроектовъ,—какъ будто Высочайшею Волей гарантирована неприкосновенность и принциповъ, и формъ лютеранскаго законодательства, а не однихъ только основныхъ законовъ Княжества. * Къ тому же и нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ, когда того требовали выгоды *мотеранской* церкви, отмѣнялись въ цѣломъ или частяхъ и замѣнялись новыми (см. Лютеранское

---

* Да и въ этихъ такъ-называемыхъ „основныхъ“ финляндскихъ законахъ строго нужно различать узаконенія дѣйствительно примѣнимыя къ Финляндіи, какъ къ русской провинціи, отъ тѣхъ законовъ которые неправильно выдаются финляндскими публицистами и чиновниками за дѣйствующіе будто бы въ краѣ „основные“ законы. Первыя (каковы, напримѣръ, нѣкоторыя старыя шведскія постановленія о землевладѣніи, и т. д.) могутъ считаться въ извѣстномъ смыслѣ „гарантированными“. Вторые же, къ которымъ относится бо́льшая часть постановленій прежней конституціи Шведскаго королевства, примѣнимыхъ только къ самостоятельному государству, а не къ провинціи, никогда Высочайшею Волей гарантированы не были и стали выставляться въ качествѣ дѣйствующихъ финляндскихъ законовъ только въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ „государственно-правовыхъ“ теорій гг. Мехелина, Коскинена и прочихъ. *Прим. Ред. „Моск. Вѣд“.*

Церковное Уложеніе 1869 года). *Только по отношенію къ Православной Церкви Сенатъ оказывается неуступчивымъ и притязательнымъ безъ мѣры, именно съ цѣлью подчинить православныя приходскія общины во всѣхъ отношеніяхъ Лютеранскому Церковному Уложенію и елико возможно изъять ихъ изъ вѣдѣнія и юрисдикціи центральнаго церковнаго правительства.*

Финскій Сенатъ, напримѣръ, считаетъ Финляндское Духовное Правленіе подчиненнымъ себѣ органомъ, а потому въ сношеніяхъ съ нимъ принялъ форму по меньшей мѣрѣ неудобную и небезобидную для православнаго церковнаго учрежденія,— форму приказаній или предписаній (отношеніе оберъ-прокурора Св. Синода 23 февраля 1889 года, № 1.032), и ведетъ эти сношенія на шведскомъ (!) языкѣ вмѣсто требуемаго закономъ русскаго.

Заботы о благоустройствѣ Православной Церкви, чрезъ подчиненный ему органъ, Духовное Правленіе, Сенатъ считаетъ какъ бы своею привилегіей, ревниво имъ охраняемою; напримѣръ, въ 1882 году онъ отклонилъ проектъ,— какъ составленный Св. Синодомъ, а не самимъ Сенатомъ,—вознагражденія православныхъ священниковъ за выдаваемыя ими приходскія свидѣтельства, а въ 1886 году самъ проектировалъ это вознагражденіе, и пр.

Не только въ виду этихъ притязаній, но и въ виду исключительныхъ условій въ которыхъ находится Православная Церковь въ краѣ, въ высшей степени важно и необходимо чтобы юрисдикція центральнаго православнаго церковнаго правительства обнимала въ краѣ болѣе обширную область чѣмъ даже въ Имперіи. *Къ сожалѣнію, кругъ дѣятельности и вѣдѣнія сего правительства ограниченъ въ Финляндіи болѣе чѣмъ въ Имперіи, и время отъ времени все суживается.*

Благодаря настояніямъ лютеранскаго правительства и невѣдѣнію нѣкоторыхъ православныхъ пастырей, подъ видомъ гражданскихъ законовъ введены и дѣйствуетъ въ нѣкоторыхъ (а можетъ-быть и во всѣхъ) православныхъ приходахъ правила Лютеранскаго Церковнаго Уложенія, и только тѣ постановленія или приговоры приходскіе признаются законными и пользуются правомъ на содѣйствіе гражданской власти, по приведенію ихъ въ исполненіе, которые составлены съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ и требованій Церковнаго Уложенія для лютеранскихъ кирокъ.

Пастыри и пасомые православные безропотно подчиняются сему требованію, какъ чему-то неизбѣжному и законному. Они до такой степени свыклись съ притязаніями лютеранскаго правительства что и возражать не смѣютъ противъ явно ненормальныхъ требованій. По крайней мѣрѣ не было предъявлено офиціальныхъ протестовъ даже противъ такихъ несправедливыхъ постановленій какъ требованіе и взысканіе обязательныхъ взносовъ въ пользу приходской общины, по ея приговору, и вмѣстѣ съ тѣмъ *лишеніе права голоса на собраніяхъ ея лицъ дорожащихъ русскимъ гражданствомъ и считающихъ по меньшей мѣрѣ странымъ требованіе, возникшее, кажется, въ послѣднее время, принимать еще какое-то такъ-называемое финское подданство или гражданство.*

Православная Церковь въ Финляндіи по меньшей мѣрѣ имѣетъ такое же право на законное обезпеченіе и сохраненіе особенностей своего приходскаго строя и порядковъ, какъ и лютеранская, потому *несправедливо и въ высшей степени оскорбительно для православнаго чувства уничтожать эти особенности*

и замѣнять ихъ непривычнымъ для православныхъ *лютеранскимъ* строемъ прихода. И ради блага и преуспѣянія Православной Церкви, православная церковная община въ Финляндіи должна отличаться по своему складу и строю, даже во внѣшнемъ проявленіи, отъ склада и строя лютеранской кирки.

Итакъ, авторитетный отзывъ православнаго архіерея не только вполнѣ подтверждаетъ столь строго осужденныя финляндскою печатью заявленія нашей статьи въ № 205 *Московскихъ Вѣдомостей*, но разоблачаетъ еще и другіе, но истинѣ возмутительные обращики финляндскихъ притязаній и дерзкихъ захватовъ.

Господствующая въ Русской Имперіи православная вѣра, ея духовенство и исповѣдники оказываются въ финляндской провинціи Имперіи приниженными и должны подчиняться тамъ Лютеранскому Церковному Уложенію, постепенно утрачивая свои особенности и обезличиваясь. Даже высшій органъ духовной власти въ государствѣ, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, до сихъ поръ оказывался зачастую безсильнымъ предъ провинціальнымъ лютеранскимъ Гельсингфорсскимъ Сенатомъ. Этотъ Сенатъ позволялъ себѣ оставлять безъ вниманія и находить «излишними» проекты Синода о благоустройствѣ Православной Церкви въ краѣ, или выставлялъ, въ видѣ отпора противъ нихъ, свои собственные, фабрикуемые въ Гельсингфорсѣ, законы.

Сенатъ, правда, установилъ въ 1883 году жалованье духовенству городскихъ православныхъ приходовъ, и *Nya Pressen*, какъ мы видѣли, съ торжествомъ указываетъ на эту мѣру какъ на главное доказательство нѣжной заботливости Сената объ интересахъ православія въ Финляндіи... Но названная газета благоразумно умалчиваетъ при этомъ *какъ и по чьему почину и настоянію* состоялась такая мѣра. На самомъ же дѣлѣ, по дошедшимъ до насъ теперь вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, вопросъ объ этомъ поднятъ былъ высшею русскою властью, а финляндскіе сенаторы долго и упорно противились такому проекту и уступили только тогда, когда онъ высшею русскою властью поставленъ былъ въ формѣ положительнаго и безусловнаго требованія. Далѣе, обсуждавшійся на Выборгскомъ съѣздѣ духовенства новѣйшій проектъ Сената, по отзыву преосвященнаго Владиміра, есть—

не болѣе какъ смѣлая попытка сразу покончить съ особенностями строя православной приходской общины, навязавъ ей цѣлый кругъ Лютеранскаго Церковнаго Уложенія, сколокъ съ котораго они (два проекта) представляютъ (см. *Лютеранское Церковное Уложеніе* 1869 года, §§ 290—355), — попытка увѣнчивающая собою цѣлый рядъ болѣе робкихъ попытокъ въ этомъ отношеніи.

Замѣчанія преосвященнаго наотдѣльные параграфы проектовъ вполнѣ подтверждаютъ этотъ общій отзывъ. Къ сожалѣнію, Выборгскій съѣздъ, какъ указываетъ и г. N. въ своей статьѣ,* не всѣми замѣчаніями преосвященнаго воспользовался и допустилъ нѣкоторыя не совсѣмъ понятныя уступки финляндскимъ притязаніямъ.

Выработанныя на съѣздѣ правила Финляндское Духовное Правленіе, какъ видно изъ тѣхъ же замѣчаній преосвященнаго Владиміра, должно пересмотрѣть и изложить въ формѣ законопроекта, принятой въ Сенатѣ,— «чтобы предварить», поясняетъ

---

* См. выше, стр. 442—447.

преосвященный, «отказъ Сената изъза несоблюденія формы»,—а затѣмъ представить въ С.-Петербургскую Консисторію со своимъ заключеніемъ и «съ свѣдѣніями о томъ что они не нарушаютъ основныхъ законовъ Княжества, а если правила окажутся не вполнѣ согласными съ дѣйствующими въ краѣ гражданскими законами, то въ чемъ именно не согласны и съ какими именно?»

Эти распоряженіи показываютъ что С.-Петербургское и Финляндское православное епархіальное начальство, наученное прежнимъ опытомъ, опасается за дальнѣйшую судьбу переработанныхъ въ русско-православномъ духѣ новыхъ правилъ для Православной Церкви въ Финляндіи: Сенатъ можетъ не одобрить ихъ. И такое опасеніе кажется намъ вполнѣ основательнымъ. Какъ раньше Гельсингфорсскій Сенатъ всегда «тормозилъ», по замѣчанію преосвященнаго Владиміра, «всѣ мѣры предпринимаемыя въ отношеніи благоустройства православныхъ приходовъ» края, такъ можетъ онъ,—а по всей вѣроятности, и будетъ,—поступать и теперь. Какія бы свѣдѣнія о согласіи новыхъ правилъ съ «основными» финляндскими законами ни были представлены Финляндскимъ Духовнымъ Правленіемъ, Сенатъ не затруднится найти благовидный предлогъ для ихъ задержки.

Какой же можетъ быть выходъ изъ этого?

Мы полагаемъ что единственнымъ выходомъ можетъ быть только коренное измѣненіе самаго порядка изданія узаконеній касающихся Православной Церкви въ Финляндіи. На какомъ основаніи и по какому праву, спрашивается, Финляндскій Сенатъ, состоящій исключительно изъ лютеранъ, до сего времени законодательствовалъ въ этой области? Достаточно имѣть отъ него отзывъ по такого рода законопроектамъ. Самое же составленіе и представленіе ихъ на Высочайшее утвержденіе должно быть неотъемлемымъ и исключительнымъ правомъ Святѣйшаго Синода.

Только при такомъ порядкѣ возможно надлежащимъ образомъ устроить Православную Церковь въ Финляндіи, остановить ея облютераненіе и возстановить ея связь и единство съ общерусскою Православною Церковью.

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Корреспонденція «Московскихъ Вѣдомостей».*

Петербургъ, 26 сентября.

Какъ извѣстно, лѣтомъ текущаго года въ Выборгѣ состоялся съѣздъ православныхъ священниковъ, созванный, по почину преосвященнаго Владиміра, епископа Нарвскаго, для разсмотрѣнія выработанныхъ Финляндскимъ Сенатомъ проектовъ: Постановленій о церковныхъ сходкахъ и церковныхъ совѣтахъ при православныхъ приходахъ и Особаго положенія о православныхъ въ Финляндіи.**

Оба эти проекта во многихъ своихъ частяхъ заключали статьи носившія чисто лютеранскій характеръ и явное стремленіе подчинить Православную Церковь въ Финляндіи гражданской лютеранской власти. Съѣздъ священниковъ сдѣлалъ въ этихъ проектахъ много измѣненій и дополненій, касающихся опекунской части надъ малолѣтними православными, мантальной переписи, порядка производства публикацій о приходскихъ собраніяхъ, о языкѣ протоколовъ этихъ собраній и т. д. Труды съѣзда были представлены на разсмотрѣніе и утвержденіе высшей духовной власти въ Имперіи.

По этому поводу въ настоящее время возникъ, какъ мы слышали, принципіальный вопросъ объ изъятіи православныхъ духовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія Финляндскаго Сената и мѣстной административной власти. Повсемѣстно въ Имперіи дѣла господствующей Православной Церкви подчиняются епархіальнымъ начальствамъ, а чрезъ нихъ высшему духовному учрежденію въ государствѣ — Святѣйшему Синоду. Послѣднему принадлежитъ также право составленія и изданія различныхъ законопроектовъ касающихся нуждъ Церкви и духовенства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти законопроекты составляются

---

* 1890 года, № 268, отъ 28 сентября.

** См. выше, стр. 437—453.

по соглашенію съ подлежащими высшими учрежденіями въ Имперіи, но инициатива ихъ исходитъ всегда отъ Святѣйшаго Синода. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ одна Финляндія, гдѣ мѣстный Сенатъ беретъ на себя инициативу составленія важныхъ законовъ касающихся разныхъ сторонъ жизни православныхъ духовныхъ общинъ, чѣмъ умаляется значеніе Святѣйшаго Синода, который, по существу и дѣйствующимъ законоположеніямъ, является единственною полноправною и компетентною властью въ области духовныхъ вопросовъ православныхъ.

По этому предмету, какъ мы слышали, въ Комитетъ Министровъ вносится соотвѣтствующее представленіе.

К.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

54.

Новые порядки въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ. *

Недавно состоялась первая инспекціонная поѣздка въ Финляндію начальника Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, генерала Безака, который, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, посѣтилъ Выборгъ, Гельсингфорсъ, Ништадъ (гдѣ находится большая телеграфная станція, передающая депеши за границу по подводному кабелю) и нѣкоторые другіе финляндскіе города. Кромѣ ревизіи почтово-телеграфныхъ учрежденій, цѣлью поѣздки было обсужденіе на мѣстѣ необходимыхъ мѣръ вызываемыхъ Высочайшимъ манифестомъ 31 мая ** объ объединеніи финляндской почты съ общегосударственною.

Въ гельсингфорсскихъ газетахъ находимъ по этому поводу рядъ сообщеній о новыхъ порядкахъ уже наступившихъ, или имѣющихъ наступить, въ финляндскихъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ. Такъ, изъ Бьернеборга пишутъ:

„Какъ я убѣдился, мы уже дѣйствительно живемъ при новыхъ почтовыхъ порядкахъ. Нашъ начальникъ почтъ г. Х. Лагерборгъ не имѣетъ уже болѣе (въ офиціальныхъ сношеніяхъ) званія генералъ-директора и подчиняется русскому министру Внутреннихъ Дѣлъ. Всѣ реформы и проекты измѣненій въ нашемъ почтовомъ вѣдомствѣ, не входящіе по манифесту въ компетенцію почтъ-директора или Сената, представляются на разсмотрѣніе и одобреніе министра Внутреннихъ Дѣлъ.

„Приведу одинъ случай бывшій на дняхъ. Въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ Финляндіи объявлена была вакантною для соисканія должность почтмейстера. Желающихъ нашлось довольно, но ни одинъ изъ нихъ не владѣетъ русскимъ языкомъ. Такъ какъ манифестъ постановляетъ что чиновники опредѣляемые впредь должны владѣть этимъ языкомъ, то ни одинъ изъ просившихся, между которыми многіе были люди вполнѣ заслуженные, не могъ быть назначенъ на должность, и она, поэтому, попрежнему отправляется временно назначеннымъ лицомъ.

„Въ здѣшнее почтовое учрежденіе недавно прибылъ, съ рекомендаціей генералъ-губернатора въ карманѣ, молодой русскій чиновникъ для занятій. Онъ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 237, отъ 28 августа.

** См. выше, стр. 387—388.

не владѣетъ ни шведскимъ, ни финскимъ языкомъ."

Недовольный тонъ этого сообщенія показываетъ что финляндскіе „патріоты" все еще не хотятъ примириться съ Высочайше установленнымъ объединеніемъ.

Относительно почтовыхъ марокъ какія впредь будутъ употребляться въ Финляндіи, гельсингфорсскія газеты сообщили въ послѣднее время нѣсколько противорѣчивыхъ извѣстій. Сперва онѣ передавали что финляндскія почтовыя марки и впредь будутъ оставлены для всякаго рода корреспонденціи какъ внутри Финляндіи, такъ и внѣ ея, и только наряду съ ними съ 1 іюля 1891 года введены будутъ и русскія марки. Теперь газета *Nya Pressen* (№ 237, отъ 2 сентября) сообщаетъ, изъ вполнѣ достовѣрнаго, по ея словамъ, источника, что съ 1 іюля 1891 года для корреспонденціи внутри Финляндіи введены будутъ въ употребленіе русскія почтовыя марки въ 5 копѣекъ, но на ряду съ ними останутся въ употребленіи и нынѣшнія финляндскія марки въ 20 пенни. Для корреспонденціи же въ Россію и за границу съ этого срока, вмѣсто нынѣшнихъ финляндскихъ марокъ въ 25 пенни, будутъ употребляться исключительно русскія семикопѣечныя марки. Марки эти будутъ покупаться для финляндскихъ почтовыхъ учрежденій изъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ въ Петербургѣ по 60 пенни за тысячу. Въ Финляндіи ихъ можно будетъ пріобрѣтать или на русскія деньги, или на финскія, по курсу опредѣляемому каждый третій мѣсяцъ.

Въ помѣщеніи занимаемомъ телеграфною станціей въ Гельсингфорсѣ незадолго до пріѣзда генерала Безака повѣсили иконы. Гельсингфорсская газета *Finland* (въ № отъ 27 августа) сообщаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Новость, невиданную нами прежде, можно наблюдать теперь на здѣшней телеграфной станціи, а именно: во всѣхъ комнатахъ появились знаки указывающіе на то что телеграфъ не только русское учрежденіе, но что и православное исповѣданіе есть для него официальное. Предпринята ли такая же мѣра и въ почтовой конторѣ, мы пока еще не знаемъ."

55.

Сепаратистская выходка противъ генерала Дена. *

Генералъ Денъ, товарищъ финляндскаго министра-статсъ-секретаря, исправлялъ, какъ извѣстно, его должность въ послѣдніе мѣсяцы, когда изданы Высочайшія постановленія объ объединеніи финляндской почты и о пріемѣ русскаго кредитнаго рубля въ Финляндіи; раньше онъ же состоялъ членомъ Гейденовскихъ коммиссій. ** Финляндскіе сепаратисты, вслѣдствіе этого, недовольны имъ, и гельсингфорсскія газеты, какъ мы уже сообщали,*** поднимали даже вопросъ о томъ не слишкомъ ли онъ „руссофильскаго направленія", и исполнилъ ли онъ „надлежащимъ образомъ" свой „долгъ" по отношенію къ финляндскому „отечеству".

Подъ вліяніемъ, вѣроятно, этихъ газетныхъ статей, какой-то рьяный сепаратистъ послалъ по почтѣ изъ Гельсингфорса по адресу генерала Дена въ Петербургъ пакетъ со вложеніемъ копіи

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 237, отъ 28 августа.

** См. выше, стр. 157—158, 387—388, 398.

*** См. выше, стр. 427—428.

со стихотворенія финляндскаго „патріотическаго“ поэта Рунеберга *Свеаборгъ*. Въ стихотвореніи этомъ говорится о сдачѣ Свеаборга въ послѣднюю финляндскую войну 1808—1809 годовъ Русскимъ вслѣдствіе измѣны ея коменданта и офицеровъ гарнизона, подкупленныхъ Русскими. Такою посылкой сепаратистъ хотѣлъ, очевидно, выразить генералу Дену упрекъ въ „измѣнѣ“ „Финляндскому отечеству“.

Газета *Nya Pressen* получила по этому поводу отъ генерала Дена слѣдующее письмо:

„Я получилъ по почтѣ, со штемпелемъ „Гельсингфорсъ“, копію со стихотворенія Рунеберга *Свеаборгъ*. Такъ какъ ни имени, ни адреса отправителя при этомъ не обозначено, то я не имѣю никакого иного средства какъ только чрезъ газеты поблагодарить того отважнаго патріота который почтилъ меня этою благонамѣренною посылкой.“

56.

Рѣчь графа Гейдена въ Куопіо.—Парадные генералъ-губернаторскіе пріемы.—Віерборгскій маршъ.—„Финляндія больше не поетъ“.*

(Корреспонденція *Московскихъ Вѣдомостей*.)

Гельсингфорсъ, 28 августа.

Въ началѣ августа финляндскія газеты сообщили что графъ Ѳ. Л. Гейденъ въ скоромъ времени предприметъ поѣздку внутрь Финляндіи для узнанія настоящаго настроенія народа и его мнѣній насчетъ объединительныхъ реформъ послѣдняго времени. Въ настоящее время поѣздка графа Ѳедора Логгиновича уже совершившійся фактъ, и въ настоящей корреспонденціи читатели найдутъ прекрасную рѣчь нашего маститаго представителя въ Финляндіи, обращенную изъ Куопіо ко всей странѣ. Рѣчь эта должна подѣйствовать успокоительно, хотъ мѣстныя шведскія газеты, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслись въ рѣчи недружелюбно. Всѣ мѣстныя газеты представляютъ собою „мятежныхъ и самовольныхъ“ Шведовъ, а потому естественно что всякія успокоивающія рѣчи имъ не на руку.

Именно, вотъ что напечатано въ официальной финляндской газетѣ, въ нумерѣ отъ 25 августа, ст. стиля:

„Принимая въ Куопіоскомъ губернскомъ правленіи городскія власти, его сіятельство генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ произнесъ, какъ передаетъ газета *Savo*, на русскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь:

„„Во все время моего пребыванія въ „этомъ краѣ Всевышній ниспосылалъ „на насъ свое благословеніе. Урожаи „были удовлетворительны. Божія воля „ограждала насъ отъ эпидемій и другихъ несчастій. Мы пользовалить плодами мира, и работа ваша давала вамъ „спокойствіе. Мы должны благодарить „Творца за всѣ блага выпавшія на „нашу долю. Я вполнѣ увѣренъ въ вашей вѣрноподданнической вѣрности нашему возлюбленному Монарху, но есть

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 245, отъ 5 сентября.

„лица которыя стараются своими сочи„неніями возбуждать недовѣріе къ пра„вительству. Здравый умъ народа не „поддается вліянію этихъ неопытныхъ „писателей, и жители края будутъ и „впредь развиваться въ спокойствіи. „Появленіе въ русской печати вра„дебныхъ Финляндіи статей не должно „безпокоить насъ: это объясняется тѣмъ „что нѣкоторые Финляндцы сами пода„вали къ этому поводъ. Провозглашая „идею о самостоятельномъ Финляндскомъ „государствѣ, эти господа обнаружива„ли недоброжелательство къ Россіи и „ко всему Русскому и этимъ вызывали „неблагопріятные отвѣты со стороны „нѣкоторыхъ русскихъ газетъ. * Здра„вый умъ призываетъ къ спокойствію „и сохраненію убѣжденія въ отеческомъ „попеченіи нашего возлюбленнаго Мо„нарха о всѣхъ Его къ различнымъ на„ціональностямъ принадлежащихъ под„данныхъ. Какъ старый опытный че„ловѣкъ, жизнь котораго приближается „къ концу, я могу дать вамъ хорошій „совѣтъ: воспитывайте своихъ дѣтей „въ любви къ Царю и Русскому наро„ду. Это лучшая гарантія для спокой„ствія Финляндіи.““

—

Вчера, 27 августа, графъ Гейденъ возвратился въ Гельсингфорсъ изъ своей лѣтней резиденціи близь Выборга. Говорятъ что его пріѣздъ имѣетъ связь съ намѣреніемъ графа съ возможно большею торжественностью провести здѣсь высокоторжественный для всей Россіи день тезоименитства нашего возлюбленнаго Монарха. 30 августа, въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ, говорятъ, будетъ торжественный пріемъ представителей войскъ и мѣстной администраціи.

По поводу этого предстоящаго „выхода“ нельзя не отмѣтить одной особенности, или, говоря точнѣе, одного попустительства, способствующаго тому чтобы русское имя здѣсь, на окраинѣ, съ презрѣніемъ попиралось, по выраженію книги К. Ф. Ордина, „своевольными и мятежными“ потомками Шведовъ или ошведившимися подъ русскимъ владычествомъ мѣстными Финнами.

Мы говоримъ о порядкѣ въ которомъ производятся пріемы во дворцѣ финляндскаго генералъ-губернатора въ высокоторжественные дни. Казалось бы что чины русскіе и представители русскихъ войскъ, какъ чины имперскіе, а не мѣстные провинціальные, должны были бы на офиціальныхъ пріемахъ русскаго генералъ-губернатора имѣть первое и болѣе почетное мѣсто, и только за ними должно было бы слѣдовать и имѣетъ право стоять все областное чиновничество и мѣстныя войска съ Финляндскимъ Сенатомъ во главѣ. Но это почему-то оказывается здѣсь непримѣнимымъ. Благодаря русскому смиренству, а также, можетъ-быть, и наглости иноземно-настроеннаго чиновничества, первое мѣсто на торжественныхъ пріемахъ принадлежитъ не русскому имперскому имени, а областному мѣстному элементу, поползновенія котораго вызываютъ уличныя овація. Мы, Русскіе, сами чрезвычайно дешево поступаемся нашими правами на первенство, несомнѣнно принадлежащее завоевателю въ странѣ завоеванной, а потому и не мудрено что окраины смотрятъ на насъ съ высоты своего псевдо-величія.

—

Финляндцы очень любятъ какой-то Біернборгскій маршъ,* соединяя съ нимъ воспоминаніе о какомъ-то пораженіи нанесенномъ русскимъ войскамъ шведско-финскими силами въ 1808 — 1809 годахъ. Въ продолженіе всего лѣта въ Гельсингфорсѣ этого марша слышно не было, но вчера, по случаю пріѣзда генералъ-губернатора, въ кабачкѣ стоящемъ предъ генералъ-губернаторскимъ дворцомъ ** хоръ одного изъ финлянд-

* Ср. „Всеподданнѣйшую докладную записку генералъ-губернатора Финляндіи“. См. выше стр. 82—84.

* См. выше, стр. 11.

** См. выше, стр. 336.

скихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ нашелъ нужнымъ сыграть этотъ маршъ, вѣроятно для доставленія удовольствія русскому сановнику воспоминаніемъ о легендарной побѣдѣ финскаго оружія надъ русскимъ.

—

Въ заключеніе еще одинъ куріозъ:

Извѣстно что Финляндцы много занимаются хоровымъ пѣніемъ. Ихъ „веселые музыканты“ (Muntre Musikanten), или хоръ М. М., совался и суется вездѣ и ѣздилъ даже въ 1889 году въ Парижъ на выставку, гдѣ, судя по слухамъ, распѣвалъ, между прочимъ, о томъ что де скоро настанетъ для Финляндіи время воспрянуть и свергнуть съ себя ненавистное иго и кровью гнуснаго притѣснителя запечатлѣть свою свободу. Въ послѣднее время эти „веселые“ музыканты, пользуясь удобными случаями, демонстративно пѣли менѣе обыкновеннаго, чѣмъ и возбудили вопросъ о причинахъ, на который, по словамъ легенды, получается отвѣтъ что — la Finlande ne chante plus! („Финляндія больше не поетъ“!) Затѣмъ, продолжаетъ легенда, послѣдовали слезы, и въ результатѣ, будто бы, всякія объединительныя реформы должны прекратиться, и Финляндіи будетъ де дозволено продолжать припѣваючи наживаться на счетъ русскаго государственнаго казначейства.

Л. Л.

ГРАФЪ ГЕЙДЕНЪ ВЪ КУОПІО

И

НЕУДАВШІЙСЯ СЕПАРАТИСТСКІЙ МАНЕВРЪ.*

Въ борьбѣ какую финляндскіе сепаратисты неустанно ведутъ противъ производимыхъ по Высочайшей волѣ объединительныхъ реформъ, однимъ изъ главныхъ средствъ служитъ (на ряду съ шумливыми криками о нарушеніи „конституціи“ и „Боргоскаго договора“) пугало финляндскаго „общественнаго мнѣнія“. Въ своихъ газетахъ эти господа стараются увѣрить что заодно съ ними противъ всякаго сближенія съ Россіей стоитъ „весь Финскій народъ“.** Если удастся увѣрить въ этомъ, и особенно если удастся вызвать со стороны массы населенія какое-либо публичное заявленіе неудовольствія, тогда, разчитываютъ они, высшая русская власть испугается, отложитъ свои опасные для нихъ замыслы и предоставитъ имъ полную волю продолжать „самостоятельное конституціонное развитіе“ Финляндіи совершенно независимо отъ „восточной сосѣдки“ (östra granuland), какъ они обыкновенно называютъ коренную Россію.

Въ концѣ апрѣля, какъ припомнятъ читатели, для заявленія финляндскаго „общественнаго мнѣнія“, будто бы поголовно противящагося объединительнымъ реформамъ, снаряжена была сепаратистами особая депутація изъ бывшихъ предводителей четырехъ сословій Сейма, добивавшаяся въ Петербургѣ Высочайшаго пріема. *** Депутація эта потерпѣла тогда полную неудачу: ни общей аудіенціи, ни представленія заготовленнаго оппозиціоннаго адреса, она не успѣла добиться.

Для той же цѣли, сепаратисты хотѣли воспользоваться поѣздкой финляндскаго генералъ-губернатора, графа Ѳ. Л. Гейдена, въ городъ Куопіо. **** На этотъ разъ выразителями „всенароднаго мнѣнія“ должны были явиться крестьяне—дабы доказать основательность заявленій финляндской печати о томъ будто и простой народъ въ Финляндіи вполнѣ единодушенъ съ нею и также враждебно относится къ недавнимъ правительственнымъ мѣрамъ,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 247, отъ 7 сентября.

** См. выше, стр. 180—183, 213—215, 254, 256-257, 345—348, 408-415, 418—421.

*** См. выше, стр. 259—261.

**** См. выше, стр. 458—460.

положившимъ начало объединенію Финляндской окраины, въ административномъ и экономическомъ отношеніи, съ остальною Россіей.

Въ справедливости такихъ заявленій и сами сепаратисты, правда, далеко не вполнѣ увѣрены: такъ, напримѣръ, еще недавно одинъ изъ нихъ, г. Вестермаркъ, въ рѣчи своей, произнесенной на праздникѣ Нюландской студенческой норпораціи,* публично высказалъ что, по его наблюденіямъ, хотя простой народъ въ Финляндіи и спрашиваетъ у интеллигентовъ „печальнымъ голосомъ“ о ходѣ объединительныхъ реформъ, но „яснаго взгляда на положеніе и зрѣлаго сужденія“ въ этомъ отношеніи отъ него „въ большинствѣ случаевъ нельзя ожидать“, и что его еще нужно, посредствомъ искусной сепаратистской пропаганды, „просвѣтить“, внушивъ ему недостающее у него, по словамъ г. Вестермарка, „политическое сознаніе“.

Но пока еще народъ надлежащимъ образомъ „просвѣтится“, времени можетъ пройти много, а объединительныя реформы будутъ между тѣмъ идти своимъ чередомъ,—и вотъ сепаратисты нашли что необходимо теперь же показать предъ высшею русскою властью плоды своей агитаціи въ народѣ и устроить „протестъ“ отъ лица крестьянъ. Для этого, еще за нѣсколько времени до поѣздки графа Ѳ. Л. Гейдена, они стали трубить въ газетахъ что поѣздка предпринимается со спеціальною цѣлью освѣдомиться во внутреннихъ частяхъ Финляндіи „о мнѣніяхъ и чувствахъ народа по поводу нынѣшняго политическаго положенія“. Такой ложный слухъ былъ пущенъ ими въ ходъ нарочно, съ цѣлью подготовить населеніе края къ „протесту“. Читателей изъ народа они побуждали при этомъ „смѣло“ высказать свое мнѣніе. Такъ, гельсингфорсская газета *Päivälehti*, въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ: *По поводу одного путешествія*, появившейся въ первыхъ числахъ августа, говорила что въ Россіи, подъ вліяніемъ русскихъ газетъ, существуетъ де неправильное мнѣніе,—

„будто народъ нашъ съ благодарностью станетъ смотрѣть на то какъ его различныя законныя права одно за другимъ будутъ у него отниматься и наша страна сдѣлается обыкновенною русскою провинціей. Даже генералъ-губернаторъ нашей страны, какъ говорятъ, не имѣетъ яснаго понятія о дѣйствительномъ настроеніи умовъ въ странѣ, даже онъ подвергся вліянію русскихъ газетъ. Какъ слышно, онъ, поэтому, намѣревается предпринять путешествіе внутрь страны, для того чтобъ уяснить себѣ взгляды народа на наше политическое положеніе. Мы убѣждены что онъ вездѣ встрѣтитъ тѣ же взгляды которые уже высказывались публично въ нашихъ газетахъ. Народъ нашъ достаточно развитъ въ политическомъ отношеніи для того чтобы не унизить себя выраженіемъ иныхъ чувствъ чѣмъ тѣ которыя въ настоящую минуту дѣйствительно у насъ господствуютъ.“

Издаваемая въ городѣ Куопіо финская газета *Savo* также помѣстила о предстоявшей поѣздкѣ туда графа Ѳ. Л. Гейдена статью (перепечатанную и въ гельсингфорсскихъ газетахъ), въ которой, намѣренно извращая смыслъ объединительныхъ реформъ и выставляя цѣлью ихъ (какъ это обыкновенно дѣлаютъ финляндскіе сепаратисты, когда имъ приходится говорить съ простымъ народомъ) полное уничтоженіе финской народности посредствомъ введенія русскихъ порядковъ и русскаго языка въ школахъ вмѣсто финскаго, говоритъ, между прочимъ (обращаясь къ своимъ читателямъ изъ крестьянъ):

„Когда Русскіе отнимали у балтійскихъ провинцій ихъ національныя (?) учрежденія, то это дѣлалось подъ тѣмъ *предлогомъ* (sen varjon alla) что они (Русскіе) хотятъ освободить народъ отъ дворянскаго ига, подъ которымъ онъ будто бы изнываетъ.“

---

* См. выше, стр. 420—421.

То же самое говорятъ де теперь въ Россіи и о финскихъ крестьянахъ:

„Говорятъ что они горячо желаютъ чтобы нынѣшніе финляндскіе законы были отмѣнены и вмѣсто нихъ явились бы русскіе законы; чтобы финскія деньги были уничтожены, и намъ дали бы русскія деньги; наконецъ, чтобы даже въ школахъ нашихъ стали обучать сперва русскому языку, а потомъ на русскомъ языкѣ.“

Но это де, конечно, не правда, и когда, въ скоромъ времени, пріѣдетъ „одинъ высокій сановникъ для ознакомленія съ чувствами господствующими теперь среди народа“,—финскіе крестьяне докажутъ это и будутъ говорить ему то же что̀ пишутъ въ финскихъ газетахъ:

„Финскій крестьянинъ не обнаружитъ при этомъ радости, которой у него нѣтъ, и не скроетъ печали, имъ овладѣвшей. Вѣжливо, но твердо выскажетъ онъ свой взглядъ, если у него о томъ спросятъ. Вѣдь и онъ уже знаетъ девизъ выраженный основателемъ нашего національнаго развитія* и гласящій такъ:

„„Мы не Шведы, Русскими мы сдѣ„латься не можемъ, будемъ по этому „Финнами.““

Послѣ этой газетной агитаціи, явно разчитанной на то чтобы возбудить народъ къ заявленію неудовольствія во время путешествія генералъ-губернатора, оставалось устроить самый „протестъ“. Для этого сепаратисты рѣшили воспользоваться собравшимся въ Куопіо, ко времени пріѣзда туда графа Ѳ. Л. Гейдена, избирательнымъ съѣздомъ для выбора депутата на предстоящій Сеймъ отъ крестьянъ Куопіоскаго округа. Члены этого съѣзда, такъ-называемые „электоры“, должны были, по сепаратистскому проекту, явиться къ графу Ѳ. Л. Гейдену и торжественно выразить предъ нимъ, по поводу послѣднихъ мѣръ Русской Верховной Власти въ Финляндіи, „протестъ“ „отъ лица всего Финскаго народа“. Приготовили, конечно, и подобающую случаю рѣчь.

Но эта новая попытка сепаратистовъ произвести отъ имени финляндскаго „общественнаго мнѣнія“ давленіе на правительство не удалась въ Куопіо, точно такъ же какъ не удалась четыре мѣсяца тому назадъ въ Петербургѣ. Депутацію, самозванно явившуюся говорить отъ лица „всего Финскаго народа“, какъ и слѣдовало,—не приняли. Разказъ о томъ какъ это произошло, мы передадимъ словами куопіоскихъ газетъ *Savo* и *Savo-Karjala:*

„Генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ совершилъ поѣздку по нашему краю для ревизіи учрежденій находящихся въ губернскихъ городахъ Куопіо и С.-Михелѣ. Если припомнить послѣднее посѣщеніе имъ города Куопіо, то можно замѣтить большое различіе въ томъ какъ его принимали тогда и теперь. Обстоятельства съ тѣхъ поръ сильно измѣнились. * Тогда не было даже предчувствія о тѣхъ политическихъ перемѣнахъ которыя по всей странѣ повергли въ уныніе друзей отечества. Весь народъ (?!) погруженъ теперь въ печаль, и онъ открыто обнаружилъ теперь свою печаль (?).

„Въ этотъ разъ незамѣтно было никакихъ признаковъ радости и воодушевленія, являвшихся при прежнихъ поѣздкахъ его сіятельства сюда. Настроеніе народа видѣнное теперь самимъ генералъ-губернаторомъ доказало что газеты наши говорили правду, заявляя

---

* Разумѣется финляндскій писатель Арвидсонъ, который первый поднялъ (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія) вопросъ о расширеніи правъ финскаго языка въ Финляндіи и о введеніи его, вмѣсто шведскаго, въ школьномъ обученіи, литературѣ и официальномъ дѣлопроизводствѣ.

---

* См. выше, стр. 125, 342, 345, 420, 430.

мнѣніе всего нашего народа о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ.

„И генералъ-губернаторъ узналъ бы объ этомъ мнѣніи еще лучше, еслибъ осуществился проектъ, который возбужденъ былъ среди сеймовыхъ избирателей Куопіоскаго округа, и по которому они должны были попросить общей аудіенціи у его сіятельства чтобы прямо объявить ему *взгляды народа на недавнія мѣропріятія Русскаго правительства по важнымъ вопросамъ касающимся государственнаго строя нашей страны* (kansan mielipiteet Venäjän hallituksen äskeisistä toimenpiteistä). Они обратились сперва къ начальнику губерніи (Куопіоской) съ просьбой устроить аудіенцію. Но губернаторъ (Финляндецъ), вмѣсто того чтобъ явиться посредникомъ между высшимъ сановникомъ страны и народомъ, счелъ нужнымъ сдѣлать все для того чтобы помѣшать этому открытому и честному намѣренію. Онъ старался убѣдить ихъ что такой шагъ можетъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе на его сіятельство, и что это можетъ даже повредить всей нашей странѣ. Притомъ генералъ-губернаторъ прибылъ де сюда, въ Куопіо, не для того чтобы выслушивать ихъ взгляды.“

Но мало того что не удался торжественный „протестъ“: въ томъ же городѣ Куопіо генералъ-губернаторъ, принимая въ губернскомъ правленіи мѣстныхъ чиновниковъ, произнесъ (*по-русски*) извѣстную нашимъ читателямъ рѣчь, * совсѣмъ обезкуражившую сепаратистовъ и показавшую имъ что высшая русская власть въ краѣ понимаетъ ихъ политику и не дастъ себя увлечь заявляемымъ ими „всенароднымъ мнѣніемъ“.

Рѣчь эта, въ связи съ неудавшимся „протестомъ“, уже вызвала въ гельсингфорсскихъ газетахъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ сепаратисты всячески стараются выразить свою досаду. Такъ, напримѣръ, газета *Päivälehti* говоритъ:

„По мнѣнію графа Гейдена, выходитъ, такимъ образомъ, что нападки русскихъ газетъ составляли вполнѣ справедливый отвѣтъ на враждебное отношеніе къ Россіи „нѣкоторыхъ“ Финляндцевъ. Его сіятельство, очевидно, вычиталъ это изъ какой-нибудь русской газеты. Еслибъ онъ тщательнѣе слѣдилъ за этою газетною политикой, то зналъ бы что русскія газеты первыя начали ее.“

Газета *Nya Pressen*, въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ: *Общественное мнѣніе въ странѣ* (въ № 244), обрушивается на куопіоскаго губернатора, не допустившаго представленія депутаціи съ „протестомъ“. По усвоенной финляндскими публицистами привычкѣ ссылаться въ своихъ статьяхъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, на законы,—съ извращеніемъ при томъ ихъ смысла,—*Nya Pressen* приводитъ инструкцію для финляндскаго генералъ-губернатора, отъ 1812 года, гдѣ говорится что „всякій имѣющій надобность въ томъ или другомъ отношеніи искать у генералъ-губернатора защиты долженъ имѣть къ нему безпрепятственный доступъ“. Куопіоскій губернаторъ, по ея мнѣнію, нарушилъ этотъ законъ не допустивъ депутаціи:

„Затрудняя, такимъ образомъ, доступъ къ высокопоставленному лицу“,—продолжаетъ *Nya Pressen*,—„образуютъ около него камарилью заинтересованныхъ чиновниковъ, которые устраняютъ отъ него дыханіе общественнаго мнѣнія съ такимъ же механическимъ послѣдствіемъ, какъ будто бы онъ всегда былъ запертъ въ четырехъ стѣнахъ.“

Въ другой статьѣ (№ 245) *Nya Pressen* обсуждаетъ рѣчь графа Ѳ. Л. Гейдена и указываетъ на явное де противорѣчіе ея съ напечатанною годъ тому назадъ въ *Правительственномъ*

* См. выше, стр. 458—459.

Вѣстникъ „Всеподданнѣйшею Запиской“: *

„Было, однакоже, время,—говоритъ газета, — когда генералъ-губернаторъ держался того взгляда что враждебныя по отношенію къ Финляндіи статьи дѣйствительно подаютъ поводъ къ безпокойству. Годъ тому назадъ, его сіятельство обнародовалъ въ русской офиціальной газетѣ опроверженіе нападокъ русскихъ газетъ на автономію Финляндіи и наше правительство. Его сіятельство стоялъ тогда на той же точкѣ зрѣнія на какой стоятъ писатели защищающіе теперь конституцію и общественныя учрежденія Финляндіи противъ враждебныхъ нападокъ.“

* См. выше, стр. 82—84.

Nya Pressen воспроизводитъ затѣмъ цѣликомъ въ своей статьѣ прошлогоднюю *Записку* графа Ѳ. Л. Гейдена— этотъ драгоцѣнный для сепаратистовъ и въ свое время такъ обрадовавшій ихъ актъ,— и спрашиваетъ въ заключеніе:

„Можно ли, такимъ образомъ, изъ тѣхъ словъ въ рѣчи генералъ-губернатора, гдѣ говорится о причинахъ русскихъ газетныхъ нападокъ, заключить что теперь его сіятельство усвоилъ себѣ по этому вопросу точку зрѣнія противоположную той которой онъ далъ публичное выраженіе годъ тому назадъ въ вышеприведенномъ опроверженіи? Намъ нѣтъ надобности отвѣчать на этотъ вопросъ.“

И намъ нѣтъ надобности...

ФИНСКАЯ КАВАЛЕРІЯ.

(Передовая статья № 252 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 11 сентября.

По существующему плану, въ наябрѣ предположено сформировать въ «финскихъ войскахъ» конный полкъ. Извѣстно что офицеры этого будущаго полка уже находятся налицо и обучаются въ нашихъ кавалерійскихъ частяхъ. Всѣ они носятъ мундиръ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, но попали они въ эти баталіоны не со школьной скамьи и не изъ рядовъ нашей пѣхоты. Если не всѣ, то громадное большинство ихъ и прежде служили въ кавалеріи; перешли же они въ пѣхоту лишь по сформированіи таковой въ Финляндіи. Такимъ образомъ, большинство офицеровъ Финскаго коннаго полка люди вполнѣ освоившіеся съ тѣмъ духомъ, направленіемъ и особенностями которыя укоренились въ войскахъ Финляндіи. *

Въ настоящую минуту наша кавалерія, оканчивая свои годовыя занятія, бракуетъ, или—какъ принято говорить—«выранжировываетъ» лошадей достигшихъ извѣстнаго возраста и признаваемыхъ, по этой причинѣ, непригодными къ дальнѣйшей кавалерійской службѣ. Лошади эти, по существующимъ узаконеніямъ, подлежатъ продажѣ съ аукціоннаго торга, причемъ часть ихъ, по опредѣленной закономъ цѣнѣ (25 рублей), всегда уступается офицерамъ пѣхоты подъ строевое сѣдло.

Никакого иного назначенія браковванныя лошади до сихъ поръ не получали. Теперь же, въ виду формированія въ Финляндіи неизвѣстно зачѣмъ понадобившейся конницы, лучшія «браковки» нашей кавалеріи предназначены для отправленія въ Финляндію во вновь формируемый полкъ.

Надо отдать должную справедливость нашему военному управленію: къ формируемому Финскому полку оно отнеслось заботливо и предупредительно, чисто по-русски.

«Браковки», конечно, не годны для дальнѣйшей боевой и походной кавалерійской службы, но вновь формируемому полку о такой службѣ

* См. выше, стр. 171—177, 193—202, 297—309.

пока и думать нечего: ему прежде всего необходимо учить новобранцевъ, изъ которыхъ онъ будетъ постепенно формироваться. Для этой цѣли браковки не только вполнѣ пригодны, но и существенно необходимы, такъ какъ для обученіи людей не умѣющихъ ѣздить необходимы выѣзженныя и спокойныя лошади.

Такимъ образомъ, будущая финская кавалерія обезпечена и учителями-офицерами, и учебными лошадьми, которыя въ будущемъ постепенно замѣнятся молодыми изъ ремонта, если только будетъ признано возможнымъ на строевыхъ кавалерійскихъ лошадяхъ нашего типа и служебныхъ лѣтъ ѣздить на уздечкѣ; въ противномъ случаѣ, финской конницѣ еще долго, если не всегда, придется ѣздить на русскихъ браковкахъ.

Послѣднее кажется намъ особенно вѣроятнымъ, такъ какъ та степень стройности какая достижима въ финскомъ войскѣ еще въ большей степени достижима въ Русскомъ. Если находятъ что для обыкновеннаго состава нашихъ полковъ нельзя допустить, безъ вреда для дѣла, исключительное употребленіе уздечки, то нельзя допустить это и для Финновъ. Между тѣмъ финская конница, по Положенію, должна всегда служить на уздечкѣ, а слѣдовательно должна имѣть лошадей съ которыми легко справляться этимъ инструментомъ, то-есть пожилыхъ коней, «браковокъ».

Какъ бы то ни было, наша кавалерія отдаетъ своихъ браковокъ въ Финскій полкъ въ этомъ году, да, вѣроятно, отдастъ и въ будущемъ.

Браковки, какъ замѣчено выше, стóятъ денегъ. При продажѣ ихъ съ аукціона, вырученная сумма поступаетъ въ доходъ казны. Любопытно бы знать: получитъ ли русское казначейство что-нибудь за уступаемыхъ теперь въ Финляндію браковокъ? «Финскіе патріоты» придаютъ высокое значеніе финансовой обособленности этого маленькаго края. Было бы только справедливо и послѣдовательно отчислить изъ суммы «Княжества» за каждую пріобрѣтаемую имъ лошадь опредѣленную плату, которая ни въ какомъ случаѣ не должна быть менѣе двадцати пяти рублей за голову. На самомъ дѣлѣ «браковки» тѣхъ качествъ и статей какъ предназначаемыя теперь въ Финляндію стóятъ несравненно дороже. Аукціонная ихъ цѣна могла бы дойти даже до сорока или пятидесяти рублей за голову. Правда, казна отдаетъ такихъ лошадей пѣхотнымъ офицерамъ за 25 рублей, но дѣлается это не въ видахъ подарка, а въ интересахъ русской службы, въ интересахъ имѣть въ пѣшемъ строю хорошо выѣзженныхъ, достаточно крѣпкихъ и благонравныхъ лошадей.

Сверхъ того, если офицеръ «русской службы», какъ говорятъ въ Финляндіи, платитъ за уступаемую ему браковку, то нѣтъ никакихъ основаній дарить ее финской казнѣ въ ущербъ казнѣ имперской.

Въ суммѣ, уступаемыя въ Финляндію браковки нашей кавалеріи стóятъ, конечно, немного; отъ даровой ихъ уступки Россія не обѣднѣетъ; можно сказать что наша казна и не замѣтила бы этого убытка. Дѣло не въ деньгахъ, а въ принципѣ, а можетъ быть и въ созданіи прецедента вовсе не желательнаго.

Можетъ-быть, денежныя средства Финляндіи и въ особенности значительность военныхъ расходовъ этого края вполнѣ объясняютъ даровую уступку финской конницѣ русскихъ браковокъ, но оправдать ее эти соображенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ: если Финляндія не имѣетъ средствъ платить за лошадей, то и имѣть ей особую кавалерію нѣтъ надобности

Установлено почтово-телеграфное объединеніе Финляндіи съ «Имперіей»; подготовлено объединеніе монетное. Не слѣдуетъ ли стремиться къ объединенію военному,* то-есть къ тому чтобы Финляндцы также служили въ русскомъ войскѣ какъ служатъ и другіе инородцы западныхъ окраинъ, напримѣръ, Поляки, Нѣмцы и Эсты? Надо полагать что такая система была бы для небогатой области и болѣе по карману. Въ этомъ случаѣ не было бы надобности въ особой финской конницѣ, сформированіе которой доставляетъ особое удовольствіе нашимъ западнымъ сосѣдямъ-

* См. ниже, стр. 490, 492—494.

ФИНЛЯНДСКОЕ „УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ“.*

(Передовая статья № 253 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 12 сентября.

Русскому человѣку нельзя не чувствовать законнаго удовлетворенія, видя какъ въ послѣдніе годы оживаетъ и крѣпнетъ наше государственное достоинство. Значеніе Россіи въ Европѣ стоитъ теперь такъ высоко какъ оно не стояло почти полвѣка. Для такого возрожденія нужна была нравственная сила идущая изъ любви къ отечеству, спокойное убѣжденіе въ своихъ правахъ, твердое сознаніе что Россія сложилась въ такое цѣлое которое, ни на что не посягая и никого не вызывая, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ сказать: noli me tangere.

Но если такая мощь сознается внѣ нашихъ предѣловъ, то тѣмъ естественнѣе проявляться ей и внутри ихъ. Поэтому сцѣпленіе тѣхъ частей государства которыя, въ качествѣ окраинъ, наиболѣе слабо примыкали къ ядру коренной Россіи и даже, благодаря бывшимъ ошибкамъ, грозили и вовсе отпасть,—это сцѣпленіе вновь теперь возстановляется постепенно и, надо думать, прочно. Здравый смыслъ окраиннаго населенія не можетъ не видѣть той пользы которую даетъ ему тѣсное единеніе съ могучимъ государственнымъ тѣломъ, и только немногіе классы, или, вѣрнѣе, кружки и отдѣльныя единицы, шумятъ и протестуютъ въ надеждѣ удержать въ своихъ рукахъ тѣ преимущества которыя они захватили въ былое время и съ которыми разставаться, конечно, не охота.

Къ числу сферъ государственной жизни, гдѣ наиболѣе сильно раздавались этотъ шумъ и протесты, принадлежитъ область суда. Имѣть «свой» судъ, «свои» судебные законы и установленія, всегда было завѣтнымъ желаніемъ сепаратистовъ. Между тѣмъ, возстановить нарушенное право, обезпечить всякому законное пользованіе тѣмъ что ему законно принадлежитъ, защитить

* См. выше, стр. 262—276, 297—315, 381—383.

невиннаго и покарать виновнаго,— все это не есть и не можетъ быть привилегіей той или другой области или окраины въ частности; это есть неотъемлемая прерогатива единой государственной власти. Въ силу этого, правильный государственный строй не допускаетъ и дробленія общихъ судебныхъ функцій въ разныхъ установленіяхъ и вѣдомствахъ, такъ же какъ не признаетъ и разнообразія судебныхъ законовъ.

Въ основаніи сего лежитъ въ высшей степени правильный принципъ: нельзя допустить чтобы въ разныхъ частяхъ единаго государственнаго организма была различная охрана правъ гражданъ и различная мѣра примѣненія справедливости. * Нельзя, при нормальныхъ условіяхъ, допустить, безъ ущерба государственному достоинству и интересамъ гражданъ, чтобы въ одной и той же Имперіи, подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ, въ одномъ краѣ примѣнялся законъ болѣе строгій чѣмъ въ другомъ, чтобы въ одномъ преступное дѣяніе наказывалось, а въ другомъ оставалось ненаказуемымъ, чтобы въ одномъ были одни вѣсы, а въ другомъ другіе. Верховная Власть, представительница идеи высшей справедливости, именемъ которой и творится судебная расправа, не можетъ примѣнять къ своимъ подданнымъ эту высшую правду въ разной мѣрѣ, только потому что дѣло происходитъ въ той или другой части страны.

Такому единству государственной власти въ дѣлѣ суда Германія представляетъ одинъ изъ нагляднѣйшихъ и поучительнѣйшихъ примѣровъ. Отдѣльныя государства Сѣверо-Германскаго Союза, несмотря на свою самостоятельность, были объединены однимъ, общимъ для всѣхъ, уголовнымъ кодексомъ. Когда, затѣмъ, образовалась единая Германская имперія, включившая въ свой составъ и южныя государства, въ томъ числѣ такія крупныя какъ Баварію, Виртембергъ и Саксонію, то и они не замедлили объединиться уголовнымъ закономъ бывшаго Сѣверо-Германскаго Союза. Наконецъ, лишь только, за окончаніемъ Франко-Германской войны, Альзасъ и Лотарингіи подчинились коронѣ Вильгельма, его повелѣніемъ германское уголовное уложеніе безотлагательно распространено было и на эти области, несмотря на всю предоставленную имъ автономію.

Такъ дѣйствовало и наше правительство со времени введенія въ Имперіи новаго суда, и въ особенности въ настоящее царствованіе. Не только разныя части коренной Россіи, при всемъ ихъ бытовомъ и культурномъ разнообразіи, получили новое единообразное судоустройство, но и такія обособленныя прежде области, какъ Привислинскія губерніи и Балтійскій край,—всѣ слились въ одно цѣлое, въ единомъ, общегосударственномъ русскомъ судѣ. Вездѣ одинъ языкъ, одинъ законъ, однѣ и тѣ же формы суда во очію свидѣтельствуетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпляютъ государственную мощь единой Россіи.

При такихъ условіяхъ, тѣмъ болѣе рѣзкимъ диссонансомъ является наша сѣверная окраина—Финляндія. Если и въ ней, согласно съ державною волей нашего Государя, сдѣланы уже нѣкоторые шаги къ поднятію русскаго государственнаго достоинства изъ того нестерпимаго приниженія въ которомъ оно доселѣ тамъ находилось, то тѣмъ поразительнѣе явленіе происходящее тамъ въ судебной сферѣ. Не объ единеніи идетъ рѣчь, не о замѣнѣ средневѣковаго финляндскаго суда, съ его допотопными порядками, новымъ

---

* См., напримѣръ, выше стр. 369—380.

общерусскимъ судомъ, къ чему есть столько основаній. Нѣтъ; дѣло идетъ, совсѣмъ напротивъ, о томъ чтобы съ 1 наступающаго января ввести въ Финляндіи свое новое, совершенно отдѣльное отъ Россіи Уголовное Уложеніе.

Что́ это за «Уложеніе»,—намъ уже приходилось говорить. * Оно предназначено мѣстными политиканами не для усиленія единенія, а для того чтобы безповоротно провести между Россіей и ея окраиной новую и глубокую раздѣльную черту. Это одностороннее Уголовное Уложеніе является новымъ толстымъ клиномъ который вгоняется между финляндскими и прочими губерніями Имперіи; оно, какъ всякій клинъ, расколетъ то что́ прежде, худо ли хорошо ли, держалось вмѣстѣ.

Мы назвали финляндскій уголовный quasi-законъ одностороннимъ,— и какъ назвать его иначе? Развѣ не прямая, и болѣе чѣмъ смѣлая односторонность въ томъ что, касаясь во многомъ Россіи и Русскихъ, онъ составленъ, однако, исключительно одними Финляндцами? Но онъ не только касается нашего отечества; онъ и распространяется на всю Россію, гдѣ только можетъ жить Финляндецъ, а Финляндецъ живетъ теперь вездѣ. По волѣ гельсингфорсскихъ законодателей, новое финляндское Уложеніе простирается въ Россіи даже туда гдѣ вовсе нѣтъ Финляндца, но гдѣ окажется Русскій человѣкъ который прегрѣшилъ противъ Финляндіи дѣломъ или словомъ.

Это невѣроятно, но это фактъ. Возьмите главу о томъ: «Кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго закона?»—и вы не разъ и не два встрѣтитесь съ постановленіемъ что сила этого закона будетъ распространяться и *внѣ края*, то-есть *внѣ Финляндіи*, слѣдовательно и въ прочихъ частяхъ Россіи, ибо онѣ лежатъ не въ Финляндіи. Такой выводъ особенно рельефенъ изъ шведскаго текста Уложенія, который менѣе прикровенъ чѣмъ русскій.

Толкователи и защитники новаго псевдо-закона стараются, правда, внушить что онъ на Россію не распространяется, потому что въ отношеніи Русскихъ сохраняетъ будто бы силу постановленіе 27 іюня 1826, по которому между русскими и финляндскими губерніями установлена была взаимность и равноправность. Но такое толкованіе, —не говоря уже о несообразности съ нынѣшними условіями закона изданнаго 65 лѣтъ назадъ,—прямая ложь, ибо даже въ самомъ текстѣ «Объявленія» Финляндскаго Сената по этому предмету прямо и точно высказано что законъ 1826 года сохраняетъ силу *на столько, насколько онъ «не измѣненъ и не отмѣненъ* новымъ законодательствомъ».*

И вотъ, не только касаясь Русскихъ людей и Россіи съ ея установленіями и законами, но и прямо налагая на нихъ руку, финляндское сочиненіе публикуется къ исполненію безъ малѣйшаго даже намека на то чтобы русскія правительственныя мѣста и лица хотя бы высказали о немъ свое мнѣніе, не говоря уже о болѣе близкомъ участіи въ разработкѣ закона такой капитальной важности. Финляндское новое Уложеніе изъемлетъ въ самой Россіи множество лицъ изъ компетенціи русскаго государственнаго суда, вводитъ своего рода консульскую юрисдикцію,—а министру Юстиціи, главѣ этого суда и генералъ-прокурору, такое «маленькое» ограниченіе его правъ и обязанностей дѣлается извѣстнымъ, наравнѣ съ финляндскою публикой, post factum,

* См. выше, стр. 262—276, 297—315, 381—383.

* См. *Сборникъ Пост. В. Кн. Финл.* 1889, № 39, стр. 130.

только по напечатаніи въ *Сборникѣ Финляндскихъ Постановленій* и по опубликованіи въ церквахъ къ свѣдѣнію и исполненію! То же и съ прочими нашими законодательными установленіями, до Государственнаго Совѣта включительно, хотя «отмѣняемый и измѣняемый» новымъ Уложеніемъ законъ 1826 года состоялся именно «по мнѣнію Государственнаго Совѣта».

Вступленіе Уложенія въ силу, по объявленію Гельсингфорсскаго Сената, должно послѣдовать, какъ сказано, съ 1 января наступающаго 1891 года (20 декабря 1890). Съ этого же дня обязательно вступитъ въ силу правительственное распоряженіе о томъ чтобы русскіе кредитные билеты принимались въ финляндскія кассы, и чтобы тѣмъ началось на дѣлѣ монетное объединеніе Финляндіи съ прочими частями Имперіи. * Еще ранѣе воспріяло дѣйствіе Высочайшее повелѣніе объ объединеніи почтовой части подъ вѣдѣніемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. ** Итакъ, одновременно происходитъ, съ одной стороны—установленіе единства въ двухъ частяхъ управленія, съ другой—совершенное отпаденіе хотя одной, но много крупнѣйшей части государственныхъ функцій, части судебной.

Какъ это могло случиться? Оно будетъ ясно, если припомнить какъ явились на свѣтъ всѣ эти мѣры.

Дѣло о почтѣ и о монетѣ предварительно разсматривалось въ коммиссіяхъ графа Гейдена, гдѣ были равноправные русскіе члены, затѣмъ выслушанъ Финляндскій Сенатъ, и, наконецъ, дали, по подвѣдомственности, свои заключенія министры Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ. Новый уголовный законъ Финляндіи изданъ, какъ сказано, единымъ усмотрѣніемъ Финляндцевъ,—и вотъ результаты. Финляндцы сказали себѣ: Русскіе объединяютъ въ одномъ судѣ и Польшу, и Прибалтійскій край, они захотятъ объединить и насъ; такъ мы сами пойдемъ на объединеніе, только подчинимъ не себя имъ, а ихъ себѣ. Они взяли «послѣднее слово науки»—германское уголовное уложеніе, и списали его. Но, списывая, сдѣлали кое-какія перемѣны: тамъ гдѣ упоминалась Германская имперія—они написали Финляндію, а гдѣ подчиненныя имперіи 27 нѣмецкихъ государствъ — тамъ Россію. И явилось финляндское Уложеніе простирающееся и на Русское Царство.

Но неужели это дерзкое посмѣяніе надъ достоинствомъ, надъ мощью Россіи, коимъ мы только-что радовались, неужели оно въ самомъ дѣлѣ такъ и узаконится съ наступающаго года, какъ о томъ властно объявилъ Финляндскій Сенатъ? Неужели это вопіющее недоразумѣніе, которое правильнѣе слѣдуетъ назвать злоумышленіемъ, не будетъ своевременно устранено?

Между тѣмъ, это такъ легко. Русское общеимперское уложеніе уже пересматривается, и, конечно, не будетъ хуже имперско-германскаго. Отчего бы не пріостановить финляндскую копію съ послѣдняго и не пересмотрѣть ее совокупно съ нашимъ проектомъ, ежели уже такъ необходимо чтобы два милліона Финляндцевъ, вопреки примѣру 10 милліоновъ близкихъ имъ по исторіи Балтійцевъ и Поляковъ, имѣли непремѣнно свое отдѣльное «Уголовное Уложеніе»?...

---

* См. выше, стр. 428—429, 433—436.

** См. выше, стр. 387—388, 456—457.

СЕПАРАТИСТСКОЕ ВОЗЗВАНІЕ

КО

ВСЕОБЩЕМУ ПРОТЕСТУ.*

Много возмутительныхъ выходокъ со стороны финляндскихъ сепаратистовъ приходилось наблюдать за послѣднее время: не разбирая средствъ, они пускали въ ходъ, кажется, все что только могли чтобъ остановить ходъ ненавистныхъ имъ объединительныхъ реформъ, остановить начатое и совершающееся по почину и предначертаніямъ Верховной Власти сближеніе Финляндской окраины съ коренною Россіей. **

Но все предпринимавшееся ими до сихъ поръ превзойдено по дерзости появившеюся на дняхъ въ финляндскихъ газетахъ прокламаціей, призывающею все населеніе Финляндіи къ поголовному протесту обращенному непосредственно къ Высочайшей Власти и прямо противъ Нея направленному. Приводимъ цѣликомъ въ русскомъ переводѣ текстъ этой дерзкой прокламаціи:

„*ВОЗЗВАНІЕ.*“

„Въ нѣкоторыхъ русскихъ и заграничныхъ газетахъ въ послѣднее время появлялись статьи которыя, изображая наши до сихъ поръ существовавшіе порядки крайне устарѣвшими и дурными, пытаются внушить свѣту то мнѣніе будто собственно народъ въ Финляндіи съ радостью привѣтствуетъ мѣры предпринятыя для приведенія Финляндіи въ ближайшее общеніе (en närmare gemenskap) съ Имперіей, для руссификаціи Финляндіи. Чиновничество, пишутъ въ этихъ статьяхъ, и дворяне-землевладѣльцы, органами которыхъ служатъ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 258, отъ 18 сентября.

** См., между прочимъ, выше, стр. 180—183, 203—215, 254—257, 259—260, 288—289, 291—294, 345—350, 384, 391—392, 398, 408—415, 418—421, 424—426, 427—428, 430, 456—465.

всѣ выходящія въ Финляндіи газеты, угнетаютъ крестьянъ и оказываютъ сопротивленіе мѣропріятіямъ имѣющимъ цѣлью освобожденіе народа отъ ихъ ига. Среди правящихъ сферъ въ Россіи наши порядки должны быть лучше извѣстны, но похоже, однакоже, на то какъ будто и тамъ не вполнѣ уяснили себѣ каковъ взглядъ нашего народа на эти предположенныя измѣненія.

„Мы, Финны, сами хорошо знаемъ что среди Финскаго народа господствуетъ лишь одинъ взглядъ по этимъ вопросамъ; но недостаточно только намъ знать это: мы должны также довести до свѣдѣнія нашего Монарха и вмѣстѣ съ тѣмъ всего свѣта (?!) что весь Финскій народъ, то-есть всѣ классы народа безъ исключенія стоятъ какъ одинъ человѣкъ (stå sasom en man) противъ этихъ реформъ. Это обязанность Финскаго народа по отношенію къ самому себѣ и своей будущности. Это его задача, для того чтобы заставить клеветниковъ замолчать.

„*Мы предлагаемъ, поэтому, чтобы всѣ общины въ Финляндіи, на созванныхъ именно для этой цѣли общинныхъ сходкахъ, выбрали представителей, которые должны всеподданнѣйше изложить предъ Монархомъ чувства скорби по поводу частію уже произведенныхъ, частію еще подготовляемыхъ измѣненій* * почтовой, монѣтной и таможенной части въ Финляндіи, и чтобъ отъ лица финскихъ общинъ выразить всеподданнѣйшую надежду на то что мѣропріятія эти будутъ отмѣнены.*“ **

„Такое непосредственное выраженіе общественнаго мнѣнія, — приведетъ ли оно къ желаемому результату, или нѣтъ, — нужно именно въ настоящую минуту. То обстоятельство что нашъ Сеймъ скоро соберется, дѣлаетъ это проявленіе всеобщаго мнѣнія не менѣе необходимымъ. Итакъ, съ ревностію и энергіей къ дѣлу!

„Мы надѣемся что прочія газеты примутъ это воззваніе на свои столбцы.“ ***

„*Многіе изъ внѣ-гельсингфорсскихъ жителей.*“

Какихъ шаговъ ждать еще послѣ такой прокламаціи?!.. Вотъ она хваленая финляндская лойяльность.

---

* См. выше, стр 387—388, 421—422, 428—429, 454—455, 456—457.

** Курсивъ подлинника.

*** Воззваніе появилось первоначально въ гельсингфорсской газетѣ *Uusi Suometar*. Другія гельсингфорсскія газеты его перепечатали. См. ниже, стр. 490.

НОВАЯ УЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦІЯ

ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ.*

(Корреспонденція Московскихъ Вѣдомостей.)

Гельсингфорсъ, 22 сентября.

На дняхъ здѣшніе „патріоты“ чествовали серенадами и обѣдомъ по подпискѣ извѣстнаго читателямъ А. фонъ-Вейсенберга,** бывшаго прокурора Финляндскаго Сената. Объ отставкѣ г. фонъ-Вейсенберга объявлено было въ финляндской офиціальной газетѣ еще лѣтомъ; тогда же назначенъ былъ и преемникъ ему, г. Калоніусъ, но для выслуги полной пенсіи ему дозволено было числиться въ должности до 1 октября (19 сентября).*** Окончательное удаленіе г. фонъ-Вейсенберга „на покой“ и послужило теперь поводомъ для „патріотическихъ“ демонстрацій оппозиціоннаго характера. Характеръ именно оппозиціонный придали этому чествованію здѣшнія газеты и, въ особенности, самъ г. фонъ-Вейсенбергъ. Газеты помѣстили статьи, въ которыхъ выставляютъ бывшаго прокурора образцомъ „гражданской доблести“ и героемъ пострадавшимъ „за правду“ въ борьбѣ противъ русскихъ „варваровъ“, напоминая что причиной его отставки послужило изданіе манифеста объ объединеніи почты, состоявшееся вопреки протесту поданному имъ, г. фонъ-Вейсенбергомъ, на Высочайшее Имя.****

„Въ лицѣ прокурора фонъ-Вейсенберга“,—говоритъ, напримѣръ, газета *Nya Pressen*,—„оставляетъ свой постъ человѣкъ, который по своему образу дѣйствій въ тяжелое и тревожное время стоитъ какъ образецъ † для руководящихъ личностей въ нашей странѣ, и который пріобрѣлъ уваженіе и признательность всѣхъ друзей отечества.“

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 266, отъ 26 сентября. — См. выше, стр. 345—348, 459, 463.

** См. выше, стр. 125—143, 187, 339—340, 343—344, 367—368, 384.

*** См. выше, стр. 399.

**** См. выше, стр. 384.

† См. выше, стр. 184—185 и 219—222.

Гельсингфорсскіе студенты, въ качествѣ особенно пылкихъ „друзей“ финляндскаго „отечества“, прежде всего откликнулись на эти газетныя статьи и рѣшили устроить предъ квартирой г. фонъ - Вейсенберга серенаду. Самъ г. фонъ-Вейсенбергъ предупрежденъ былъ объ этомъ заранѣе и, какъ оказалось потомъ, написалъ даже отвѣтную рѣчь въ рѣзко-оппозиціонномъ духѣ.

—

19 сентября (1 октября), въ третьемъ часу дня, по гельсингфорсскимъ улицамъ торжественно прослѣдовали со своими знаменами два студенческіе хора, шведскій и финскій. По дорогѣ приставали къ ихъ толпѣ и другіе „патріоты“. Остановившись предъ квартирой г. фонъ - Вейсенберга, студенты стали пѣть финляндскія „патріотическія“ пѣсни. Бывшій прокуроръ вышелъ на балконъ и прочиталъ *по бумажкѣ* слѣдующую рѣчь, подлинный текстъ коей приводятъ всѣ здѣшнія газеты:

„Господа! Выражая вамъ мою горячую благодарность за оказанную мнѣ почесть, я дѣлаю это съ полнымъ сознаніемъ того что это чествованіе совсѣмъ не заслужено мною и является послѣдствіемъ слишкомъ высокой оцѣнки моего поведенія въ тяжелую минуту нашей общественной жизни. Я вѣдь только исполнилъ лежащій на прокурорѣ высокій и священный долгъ — стараться всѣми зависящими отъ него средствами охранять законъ и право, а исполненіе даже самаго тягостнаго служебнаго долга, благодаря Бога, не представляетъ еще у насъ столь рѣдкаго явленія чтобъ я этимъ могъ заслужить такую значительную овацію какая теперь выпала на мою долю. А что я, — послѣ того какъ избранное мною для этой цѣли *remedium juris* (правовое средство—такимъ латинскимъ выраженіемъ г. фонъ-Вейсенбергъ окрестилъ свой протестъ по поводу почтоваго манифеста) не имѣло желаемаго результата, — счелъ для себя невозможнымъ оставаться долѣе въ должности, — то, въ виду моего возраста, и это также нельзя считать особеннымъ пожертвованіемъ, стоящимъ вниманія. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ я теперь держу рѣчь и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь и радость видѣть предъ собою студентовъ Финляндіи, которыхъ столь выразительно и прекрасно называютъ „надеждой страны“, я желалъ бы высказать мое твердое убѣжденіе въ томъ что тучи бросающія теперь свои темныя тѣни на нашу будущность, * непремѣнно раньше или позже должны разсѣяться, если только мы съ унаслѣдованнымъ отъ предковъ *упорствомъ* (med den från förfädren ärfda seghet) будемъ крѣпко держаться за наши законы и столь же мало какъ и до сихъ поръ будемъ отступать отъ той *вѣрности въ которой мы поклялись конституціи страны*** и великому князю (svika den tro vi svurit landets författning och storfurste).“

Прочитавъ, затѣмъ, ту же рѣчь на финскомъ языкѣ, г. фонъ-Вейсенбергъ провозгласилъ *lefve* (да здравствуетъ!) въ честь „нашего дорогаго отечества“, а студенты сняли фуражки и запѣли выдаваемую сепаратистами за финляндскій „національный гимнъ“ пѣсню Рунеберга *Vårt land* (*Наша страна*).

—

Сцена, какъ видите, была весьма умилительная и поучительная. Особенно

---

* Эту фразу о „тучахъ бросающихъ тѣни“ можно бы признать даже поэтическою, если бы только она не была такъ затаскана финляндскими газетами, которыя еще при назначеніи Гейденовскихъ коммиссій прозвали объединительныя реформы „темною тучей навистью надъ Финляндіей“.

** См. выше статью „Какъ и когда измѣнялась въ Финляндіи присяга на вѣрноподданство“, стр. 229—234, а также стр. 287—288.

же любопытна въ ней рѣчь г. фонъ-Вейсенберга: чиновникъ, только-что вышедшій въ отставку и получившій, по милости Государя, крупную пожизненную пенсію, * открыто, на улицѣ, проповѣдуетъ незрѣлымъ юношамъ о необходимости „съ упорствомъ“ продолжать оппозицію „предначертаніямъ и мѣропріятіямъ Русской Верховной Власти“, прямо выставляя при этомъ эту Верховную Власть нарушительницей „закона и права“,* которые онъ, г. фонъ-Вейсенбергъ, тщетно противъ нея отстаивалъ....

Удивительныя вещи могутъ происходить въ Финляндіи!

---

* Какъ объявлено въ финляндской офиціальной газетѣ, г. Вейсенбергъ получилъ пенсію по 12.000 марокъ въ годъ, то-есть чуть не полный окладъ жалованья, хотя состоялъ прокуроромъ всего года четыре.

* А между тѣмъ господа финляндскіе сепаратисты ни съ чѣмъ тамъ не носятся какъ съ обвиненіями ненавистной имъ русской печати, дерзающей твердо стоять за непререкаемость Самодержавія Русскаго Царя на всемъ пространствѣ русскихъ владѣній,—въ *crimen laesae majestatis*. См. выше, стр. 206—215. *Прим. Ред.*

ДЕВИЗЪ

ФИНЛЯНДСКАГО ВѢРНОПОДДАНСТВА.

(Передовая статья № 268 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 27 сентября.

Если слѣдить за ходомъ финляндскихъ дѣлъ, и въ частности за отношеніями ихъ къ Россіи, то въ нихъ раскрывается одинъ, своего рода основной, догматъ. Финляндцы,—конечно, не вся масса народа а только «соль земли»,—постоянно отдѣляютъ Особу нашего Государя отъ Россіи. Выражая Его Величеству на словахъ самыя вѣрноподданнѣйшія чувства, дѣлая въ этомъ смыслѣ офиціальныя манифестаціи,—правда, за исключеніемъ послѣдняго времени, когда Финляндцы находятъ нужнымъ «будировать», * — эти господа постоянно проводили и проводятъ, и словомъ и дѣломъ, ту идею что они признаютъ Русскаго Императора, но никакъ не Русскую Имперію. Выраженіе: «я служу Государю, а не Россіи», сдѣлалось девизомъ финляндскаго вѣрноподданства. Этого девиза держатся многіе Финляндцы не только служащіе въ Княжествѣ, но и состоящіе прямо на русской службѣ, на русскомъ жалованьи, въ русскихъ мундирахъ. Такой догматъ настолько въѣлся въ сознаніе его исповѣдниковъ что они не стѣсняются свидѣтельствовать о немъ среди Русскихъ людей, даже и тогда когда, по традиціонному довѣрію, стоятъ на высшихъ ступеняхъ русской служебной іерархіи.

* И притомъ очень грубо. Въ печати разказано было что въ этомъ году дни восшествія на престолъ, тезоименитства Государыни Императрицы и т. п. не были отличаемы отъ будныхъ дней даже заурядным выставленіемъ флаговъ. Пѣвческое общество М. М. (Мехелина), по отзывамъ нѣкоторыхъ его членовъ, не намѣрено нынѣшній годъ ѣхать пѣть въ Петергофъ, дабы дать понять что оно недовольно (!)... И слава Богу, скажемъ мы, такъ какъ пріѣзды этихъ пѣвуновъ часто бывали прямымъ оскорбленіемъ русскому національному чувству.

«Я служу Государю, а не Россіи». Можетъ ли быть что-либо несообразнѣе, противоестественнѣе?!

Неужели по понятіямъ этимъ «просвѣщенныхъ» господъ, этихъ «честныхъ» слугъ, можетъ быть служба Государю помимо Его государства? Неужели Финляндцы могутъ серіозно думать что «вѣрноподданность» состоитъ только въ томъ чтобъ угождать единоличнымъ, такъ сказать, человѣческимъ вкусамъ, преходящимъ желаніямъ Монарха, заботиться о частныхъ Его удобствахъ и удовольствіяхъ, безо всякой заботы объ Его высшемъ, свыше-человѣческомъ, царственномъ санѣ и служеніи во благо Его народа, ни на минуту отъ Монарха нераздѣльномъ, безо всякой связи съ государствомъ которое Онъ въ Себѣ воплощаетъ? Можно ли допустить мысль о Государѣ безъ Его государства, безъ ихъ «солидарности», тѣмъ болѣе мысль о Государѣ съ отдѣльными интересами, особыми, даже противоположными интересамъ Его государства?

Нѣтъ, этого быть не можетъ, и Финляндцы это хорошо понимаютъ, какъ ни испорчены они политически и традиціями безправнаго шведскаго владычества, приведшаго Швецію къ распаденію, и нашими безпочвенными поблажками цѣлымъ тремъ или четыремъ поколѣніямъ. Они, поэтому, пытаются доказывать что не отдѣляютъ своего Государя ни отъ народа, ни отъ государства, но что этотъ народъ — Финны, а государство — Финляндія; Россіи же, дѣйствительно, они не желаютъ знать, какъ страны для нихъ будто бы посторонней и чуждой.

Является такимъ образомъ дилемма: Россія со своими, Финляндія со своими «государственными» пользами и нуждами.

Но Великій Князь Финляндіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Всероссійскій. Лишь только дѣло идетъ о соприкосновеніи тѣхъ и другихъ интересовъ, — а это неизбѣжно на каждомъ шагу, — возникаетъ и ихъ противоположеніе: съ одной стороны особливыя претензіи патріотовъ «колокольни», съ другой — пользы и выгоды всего общеимперскаго тѣла, съ его міровымъ значеніемъ.* Нужно принять или ту, или другую сторону, если не говорить о компромиссахъ, этихъ вредныхъ спутникахъ слабости. Подчинить ли интересы и достоинство великой Россіи микроскопическимъ и сомнительнымъ «пользамъ» Финляндіи и ея дутой самостоятельности, или поступить наоборотъ?

Первое могло бы быть только дѣломъ каприза; но въ государственной жизни нашихъ дней, къ счастію, нѣтъ мѣста капризамъ, какъ нѣтъ мѣста и утопіямъ, подобнымъ тѣмъ что породили всѣ наши ошибки относительно Финляндіи въ началѣ текущаго столѣтія и дальнѣйшія, со всѣми ихъ послѣдствіями. Однако, по понятіямъ Финляндцевъ, все такъ именно и должно быть: все для Финляндіи; а до Россіи, этой ненавистной, этой «презрѣнной» Россіи, имъ нѣтъ никакого дѣла.

И что же? Благодаря успѣшной практикѣ цѣлыхъ трехъ четвертей столѣтія, такія понятія окрѣпли и вошли въ жизнь, какъ будто такъ и дѣйствительно должно быть. Съ тѣмъ вмѣстѣ дивизъ: «служу Государю, а не Россіи», настолько укоренился что его, ничтоже сумняся, выставляютъ на показъ какъ нѣчто вполнѣ законное, хотя, благодаря ему, въ концѣ концовъ Финляндія оказалась чуть не наканунѣ своего полнаго отпаденія отъ Россіи, купившей ее цѣной тяжкихъ, кровавыхъ жертвъ.

---

* См. выше статью „Финляндскій воинскій уставъ и воинская присяга“, стр. 193—202.

Подъ финляндскими вліяніями и при нашемъ собственномъ незнаніи нашего прошлаго, дошло до того что и русскіе чиновники, даже русскіе генералъ-губернаторы Финляндіи, * привыкали смотрѣть на пресловутый догматъ какъ на нѣчто нормальное, и сами его усвояли. Одинъ всегда говорилъ: «у васъ въ Россіи» и «у насъ въ Финляндіи»; другой полагалъ значеніе своей должности въ томъ чтобы быть «часовымъ при *правахъ Государя*» и на каждомъ шагу нарушалъ *права Россіи*.

При существованіи упомянутаго девиза, получаютъ значеніе и способны вызывать толки и нежелательные выводы малѣйшія недомолвки, въ указанномъ отношеніи, въ заявленіяхъ исходящихъ отъ представителей русской власти. Къ такимъ толкамъ способны были подать поводъ, между прочимъ, даже поздравительныя телеграммы по случаю пожалованія штандарта формируемому въ финскихъ войскахъ драгунскому полку. **

«Поздравляю полкъ со штандартомъ», писалъ въ своей телеграммѣ Военный министръ П. С. Ванновскій (*Русскій Инвалидъ* № 175): «увѣренъ что полкъ будетъ служить честно и вѣрно *Государю и Россіи*.»

Здѣсь не было никакой недомолвки, здѣсь было прямое отрицаніе вышеупомянутаго недопустимаго догмата.

Въ телеграммѣ генералъ-губернатора графа Гейдена написано почти то же, даже въ тѣхъ же выраженіяхъ, но, къ сожалѣнію, опущено слово: «Россія». Вотъ эта телеграмма:

«Поздравляю полкъ съ полученіемъ штандарта; выражаю полную увѣренность въ доблестномъ исполненіи имъ долга и преданности *Государю*, и пью за преуспѣяніе молодаго полка и за здоровье всѣхъ его чиновъ.»

Этого опущенія слова «Россія» для Финлянцевъ достаточно чтобы выводить изъ генералъ-губернаторской телеграммы признаніе со стороны русской власти ихъ дикихъ претензій, чтобъ усматривать въ телеграммѣ графа Гейдена подтвержденіе невозможной теоріи о возможности вѣрноподданническаго служенія одному Монарху безъ служенія Его Государству—Россіи.

Но это—несомнѣнное, очевидное недоразумѣніе, и необходимо указать на него, дабы, съ одной стороны, разбить иллюзіи господъ сепаратистовъ, съ другой, дабы снятъ съ графа Гейдена тѣнь незаслуженнаго нареканія какую могли бы на ь бросить на него ихъ толкованія. Упоминая о долгѣ и преданности Государю, графъ Гейденъ несомнѣнно полагалъ что при этомъ неизбѣжно подразумѣваются и неразрывные съ тѣмъ долгъ и преданность Россіи. Иначе онъ не могъ думать въ качествѣ русскаго государственнаго человѣка.

---

* См. выше, стр. 240—242, 344.

** См. выше, стр. 173, 193, 466—468.

1890 ГОДЪ.

ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

ФИНЛЯНДСКОЕ „УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ“

И

РУССКІЕ ЮРИСТЫ.

1.

„Юридическая Лѣтопись“ и Записка „По поводу предстоящаго особаго Уложенія для В. Кн. Финляндіи“.

(Передовая статья № 275 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 4 октября.

Мы уже не разъ говорили о новомъ Уголовномъ Уложеніи Финляндіи,* которое тамъ готовятся ввести въ дѣйствіе съ 1 января наступающаго 1891 года (20 декабря 1890). Этотъ именуемый законъ, собственноручнаго утвержденія коего Государемъ Императоромъ не усматривается въ подлежащемъ законодательномъ актѣ, властно и рѣшительно налагаетъ финляндскую руку на чисто-русскія права даже въ самыхъ предѣлахъ Имперіи, то-есть въ не-финляндскихъ ея губерніяхъ. Приближеніе срока, въ который Финляндцы предполагаютъ ввести этотъ законъ въ дѣйствіе, побуждаетъ насъ вновь къ нему возвратиться.

На этотъ разъ будемъ говорить не отъ себя: предоставимъ слово нашимъ профессіональнымъ юристамъ.

—

Прежде другихъ высказалась о новомъ финляндскомъ уголовномъ кодексѣ *Юридическая Лѣтопись*: въ ея апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ профессора Петербургскаго университета Коркунова, былъ изложенъ здравый, правильный взглядъ на государственно-правовыя отношенія Финляндіи и Россіи. Мы уже говорили объ этой статьѣ и могли только сочувственно привѣтствовать вѣрную постановку въ ней предмета.*

Но затѣмъ, въ іюльской книжкѣ журнала, въ отдѣлѣ «Законодательной Хроники», появилась уже иная статья, подъ заглавіемъ «Уголовное

* См. выше, стр. 262—276, 297—315, 381—383, 391—392, 469—472.

* См. выше, стр. 249—253.

Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго». Еще не прочитавъ этой статьи, мы не безъ удивленія увидѣли что финляндская печать носится съ нею какъ курица съ яйцомъ, цитируетъ ее, восторгается ею. Плохой признакъ: если финляндскія газеты такъ скоро забыли про тѣ громы которые онѣ метали на *Юридическую Лѣтопись* за статью г. Коркунова, значитъ нашъ юридическій журналъ поспѣшилъ чѣмъ-то особенно угодить имъ.

Оказалось, прежде всего, что редакція *Юридической Лѣтописи* сочла своимъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность г. А. Э. Тилло за доставленіе значительнаго матеріала для рецензіи Уложенія. Значитъ, рецензія эта финляндскаго происхожденія: упомянутый г. Альфредъ Тилло, кандидатъ правъ Гельсингфорсскаго университета, состоитъ на службѣ въ канцеляріи Финляндскаго Сената, взгляды котораго достаточно извѣстны...

Только такимъ, финляндскимъ, происхожденіемъ и можно объяснить тотъ приподнятый, почти восторженный тонъ которымъ хроника *Юридической Лѣтописи* рисуетъ нѣкоторыя частныя улучшенія проявившіяся де въ новомъ финляндскомъ Уложеніи, списанномъ, надо помнить, съ германскаго кодекса 1871 года. Не мудрено что финляндская печать за такія похвалы, подсказанныя русскому журналу финляндскимъ «патріотомъ», простила недавнія великія прегрѣшенія профессора Коркунова.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое, внушенное съ финляндской стороны, высоко-одобрительное отношеніе къ «этому интереснѣйшему и богатому матеріалу, какъ для догматическаго, такъ и историческаго изученія», въ редакціи русскаго журнала не могъ не сказаться и здравый смыслъ, и вѣрный взглядъ—тамъ гдѣ она судила независимо отъ давленія своего гельсингфорсскаго сотрудника. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ той же статьѣ:

„Внѣшняя обработка кодекса—редакція отдѣльныхъ формулъ, соподчиненность параграфовъ и пр.—страдаетъ большими недостатками.“

Такое признаніе, на нашъ взглядъ, своего рода ведро холодной воды опрокинутое на пылкіе восторги гг. Тилло и К°. Въ законѣ вообще, а въ уголовномъ тѣмъ паче, изложеніе, соподчиненность и пр. играютъ столь важную роль что, при неудовлетворительности ихъ, а тѣмъ болѣе при «большихъ недостаткахъ» въ нихъ, законъ обращается именно только въ «матеріалъ», хотя бы даже интереснѣйшій и богатый. Но «матеріаловъ» не публикуютъ въ церквахъ къ руководству и исполненію, ихъ не помѣщаютъ въ сборникѣ дѣйствующихъ узаконеній...

Еще интереснѣе согласное съ дѣйствительностью разсужденіе *Юридической Лѣтописи* о русскомъ, то есть о подлинномъ, изложеніи новаго уголовнаго закона Финляндіи. Описывая существующіе въ этой странѣ порядки, хроникеръ говоритъ:

„Уложеніе имѣетъ два текста, шведскій и русскій (три, скажемъ отъ себя: есть еще финскій). Первоначально составляется шведскій текстъ, затѣмъ съ него дѣлается при Гельсингфорсскомъ Сенатѣ русскій переводъ, который провѣряется и исправляется въ Петербургѣ, въ статсъ-секретаріатѣ по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго. Этотъ, провѣренный и исправленный, русскій текстъ подносится къ Высочайшему утвержденію. Удостоившись такового, онъ превращается въ офиціальный подлинникъ закона, шведскій же текстъ юридически получаетъ значеніе перевода.

„Такой порядокъ изданія, казалось бы, долженъ вполнѣ обезпечивать правильность русскаго текста. Однако“,—продолжаетъ хроникеръ *Лѣтописи*, — „въ дѣйствительности русскій текстъ финляндскаго Уложенія поражаетъ своими неправильностями,—такими словами и оборотами рѣчи которые *въ лучшемъ случаѣ вызываютъ смѣхъ*, а въ другихъ—*мѣшаютъ возможности понять смыслъ закона*.

„Этого рода выраженія въ такомъ изобиліи разсѣяны въ Уложеніи что, при желаніи, можно было бы набрать ихъ добрый десятокъ страницъ. Кто виноватъ въ этомъ — гельсингфорсскіе переводчики, или петербургскіе справщики—мы не знаемъ; но, во всякомъ случаѣ,“—заключаетъ *Лѣтопись*,—„такое отношеніе къ дѣлу непростительно. Все Уложеніе, благодаря этому, получаетъ *комическій* оттѣнокъ.“ (Стр. 40.)

Что̀ это такое? Кто надъ кѣмъ смѣется? Русская редакція серіознѣйшаго закона подносится на усмотрѣніе и утвержденіе Верховной Власти—и имѣетъ сплошь комическій характеръ, а по мѣстамъ «лишаетъ возможности понять смыслъ закона»!

Но какъ же, спросимъ мы, умудрился хроникеръ, читая по-русски, восторгаться Уложеніемъ, когда онъ во многихъ случаяхъ былъ лишенъ возможности понять его смыслъ? Шведскаго текста, онъ, конечно, не сличалъ, ибо въ такомъ случаѣ честность заставила бы его отмѣтить не только «комизмъ» перевода, но и «трагизмъ» его, такъ какъ въ немъ есть прямые, намѣренные обманы, съ которыми нельзя раздѣлаться однимъ смѣхомъ.

Третье чисто-русское замѣчаніе журнала высказано такъ:

„Типичною чертой первой главы Уложенія является слѣдующее: законъ различаетъ лишь финляндскаго гражданина и иностранца, Финляндію и „„заграницу““; Русскій человѣкъ приравнивается иностранцу, а Россія находится за границей, точно такъ же какъ, напримѣръ, и Турція.“

Кажется, къ этому замѣчанію не нужно комментаріевъ. «Первая глава», которая здѣсь упоминается, имѣетъ своимъ заголовкомъ: «О тѣхъ кто подлежитъ дѣйствію Финляндскаго уголовнаго права». Хорошъ, значитъ, законъ, въ основныхъ, краеугольныхъ положеніяхъ котораго могутъ быть такія прелестныя вещи: Россія для Финляндіи то же что̀ Турція...

Не будемъ болѣе распространяться о статьѣ *Юридической Лѣтописи*. Замѣтимъ лишь что она признаетъ, между прочимъ, и несоотвѣтствіе наказаній съ важностью преступленій, на что̀ указывалось, между прочимъ, и въ нашихъ статьяхъ. Только хроникеръ юридическаго журнала находитъ что это легко исправить.

Мы тоже ничего иного, кромѣ исправленія, не желаемъ. Пусть Россія не будетъ для Финляндіи Турціей; пусть не заводится въ Россіи финляндская, консульская, или иная юрисдикція; пусть наказаніе за лишеніе Русскаго Императора свободы и за преданіе Его во власть непріятеля не будетъ снисходительнѣе чѣмъ за лишеніе жизни всякаго простаго финляндскаго гражданина, какъ теперь установлено; пусть будетъ составлена такая русская редакція которую можно было бы понимать и читать не хватаясь за бока отъ смѣха; пусть не будетъ допущена въ подносимомъ Государю переводѣ завѣдомая ложь и пр. и пр., а главное, пусть Финляндія не отмѣняетъ русскихъ законовъ безъ того чтобы дѣло не было разсмотрѣно въ русскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ;—пусть все это будетъ исполнено,

тогда и съ нашей стороны разговоръ будетъ иной.

—

Перейдемъ къ другому, тоже спеціальному, но безъ сравненія болѣе солидному отзыву о новомъ финляндскомъ уголовномъ «законѣ». Предъ нами лежитъ печатная записка *По поводу предстоящаго введенія особаго Уложенія для В. Кн. Финляндіи.* Принадлежитъ она перу одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ криминалистовъ, занимающаго высокое положеніе и въ наукѣ, и въ нашемъ судебномъ вѣдомствѣ.

Почтенный авторъ въ подробности разсматриваетъ особенно постановленія касающіяся отношеній Финляндіи и Россіи и, по поводу 1-й главы, о предѣлахъ распространенія силы новаго финляндскаго закона, говоритъ:

„Подводя итогъ всѣмъ вышеизложеннымъ замѣчаніямъ, нельзя не придти къ тому выводу что постановленія главы 1й финляндскаго Уложенія совершенно не соотвѣтствуютъ тому международному положенію которое занимаетъ Великое Княжество Финляндское среди европейскихъ государствъ, являясь только частью политическаго цѣлаго—государства Россійскаго; что большинство этихъ постановленій, опредѣляющихъ исключительно державное отношеніе Россіи къ другимъ государствамъ, должно имѣть мѣсто только въ Имперскомъ законодательствѣ, а не въ мѣстномъ Финляндскомъ Уложеніи; что нѣкоторыя изъ этихъ положеній какъ бы отмѣняютъ дѣйствующія въ Имперіи узаконенія и отмѣняютъ въ порядкѣ совершенно противорѣчащемъ основнымъ законамъ Имперіи; что самое содержаніе многихъ изъ этихъ постановленій не соотвѣтствуетъ началамъ международнаго права.“

Исходя изъ такихъ отзывовъ, нашъ вполнѣ компетентный критикъ приходитъ къ тому выводу что—

„постановленія 1й главы финляндскаго Уложенія не должны бы получить практическаго осуществленія, а подлежали бы частію исключенію изъ кодекса, частію переработкѣ соотвѣтственно съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ и юридическою сущностью взаимныхъ отношеній Финляндіи и Россіи“.

Въ заключеніи своей записки, по обзорѣ другихъ отдѣловъ финляндскаго Уложенія, нашъ знаменитый юристъ говоритъ:

„Въ результатѣ оказывается что всѣ постановленія финляндскаго Уложенія касающіяся отношеній Финляндіи и Россіи построены на началахъ юридически неправильныхъ и несоотвѣтствующихъ достоинству и интересамъ Россіи... Имперія Россійская не можетъ быть для Финляндіи иностраннымъ государствомъ; Финляндія имѣетъ не только свои обособленные мѣстные интересы, но и единые съ Россіей интересы общегосударственные, и какъ Россія въ своемъ общемъ имперскомъ кодексѣ беретъ подъ охрану уголовныхъ законовъ и свои собственные интересы, и интересы неразрывно съ ней связанной, неотдѣлимой отъ нея Финляндіи, такъ и Великое Княжество въ своемъ мѣстномъ кодексѣ, наравнѣ съ интересами Финляндіи, имъ охраняемыми, должно поставить общегосударственные интересы того цѣлаго къ коему оно принадлежитъ—интересы Россіи. Финляндскій кодексъ не долженъ забывать что жители Великаго Княжества Финляндскаго даютъ присягу на вѣрность не Великому Князю, а Императору и Великому Князю; что они являются не подданными Великаго Княжества, а подданными

государства Россійскаго, объемлющаго и Великое Княжество и Имперію.“

Припоминая все уже прежде высказанное въ печати, завершаемое теперь авторитетнымъ и опредѣленнымъ мнѣніемъ нашего сенатора-криминалиста, имѣющаго европейскую извѣстность, полагаемъ что наши заинтересованныя вѣдомства имѣютъ полное право ходатайствовать о пріостановкѣ введенія въ дѣйствіе новаго финляндскаго Уложенія впредь до пересмотра его русскими учрежденіями въ однѣхъ частяхъ и исключенія изъ него другихъ частей, несомнѣнно посягающихъ на государственное достоинство, права и цѣлость Россіи.

Къ такой пріостановкѣ не можетъ быть никакихъ затрудненій; да и недавно еще бывали аналогичные примѣры. Въ прошломъ или позапрошломъ году Финляндскій Сенатъ, не обращая вниманія на отзывы нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и шведскаго посольства, односторонне издалъ мѣру по второстепенному вопросу о прогонѣ оленей по шведской территоріи. Когда такой неправильный шагъ огласился, дѣйствіе изданнаго Сенатомъ постановленія было незамедлительно пріостановлено. Поводовъ къ тому чтобы поступить также и съ Уголовнымъ Уложеніемъ несравненно болѣе, и поводы эти несравненно уважительнѣе.

2.

„Журналъ Уголовнаго и Гражданскаго Права“.

(Передовая статья № 283 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 12 октября.

Новое финляндское Уголовное Уложеніе не перестаетъ интересовать нашу періодическую печать и въ послѣднее время обсуждается въ спеціальныхъ юридическихъ журналахъ. Мы приводили отзывы *Юридической Лѣтописи* объ этомъ Уложеніи;* теперь считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ сужденіями о немъ *Журнала Уголовнаго и Гражданскаго Права*, который въ октябрьской книжкѣ посвятилъ юридическую хронику почти исключительно финляндскому Уложенію.

Передавая содержаніе «особенной части» этого Уложенія, хроникеръ справедливо замѣчаетъ что главы: 11, 12 и 13 (о преступленіяхъ противъ Верховной Власти, о государственной измѣнѣ и оскорбленіи Величества) «составляютъ самое слабое мѣсто Уложенія» и по изложенію, и по содержанію. Съ этимъ нельзя не согласиться; но едва ли можно признать правильною ту точку зрѣнія съ которой хроникеръ обсуждаетъ достоинства и недостатки *финляндскаго* Уложенія: почти за единственное мѣрило для оцѣнки его постановленій взято сравненіе ихъ съ *германскимъ* уложеніемъ, которое, какъ извѣстно, и послужило образцомъ для финляндскаго.

Приводя, напримѣръ, 2 § 11й главы, назначающій заключеніе въ смирительномъ домѣ за такія преступ-

* См. выше, стр. 483—486.

ленія какъ лишеніе Государя Императора свободы или державной власти и т. п. * хроникеръ замѣчаетъ:

„Если отбросить неудачное, въ смыслѣ языка, изложеніе, то мы увидимъ что 2 § 11й главы вполнѣ соотвѣтствуетъ § 81 германскаго уложенія, по которому наказаніе за вышеприведенное преступленіе можетъ быть понижено до пятилѣтняго заключенія въ крѣпости. Насколько намъ извѣстно, § 81 германскаго уложенія не вызывалъ никакихъ серіозныхъ нареканій въ преступной мягкости присуждаемыхъ имъ наказаній.“

Лишь наказаніе лишеніемъ свободы на срокъ отъ одного года до восьми лѣтъ за заговоръ противъ Верховной Власти хроникеръ признаетъ безусловно слабымъ. И поясняетъ, далѣе, почему:

„По германскому уложенію, за участіе въ заговорѣ, ни въ чемъ фактически не выразившееся, minimum наказанія, при наличности смягчающихъ обстоятельствъ, вдвое строже.“

Затѣмъ хроникеръ не находитъ слишкомъ мягкимъ и наказаніе смирительнымъ домомъ отъ 4 до 12 лѣтъ такого преступленія какъ государственная измѣна, замѣчая что «приблизительно таковы же наказанія за тождественныя преступленія и по иностраннымъ законодательствамъ».

Странный способъ оцѣнки достоинствъ уголовныхъ законовъ предназначенныхъ для Россіи (Финляндія лишь часть Россіи) по степени ихъ сходства съ иностранными и, главнымъ образомъ, съ германскими законами! Не проще ли, не естественнѣе ли было бы, для правильнаго сужденія о финляндскомъ Уложеніи, обратиться къ сравненію его съ русскими уголовными законами, и дѣлать выводы соображаясь съ исторически сложившимися условіями русской жизни и русскими правовыми понятіями?

Впрочемъ, и самъ хроникеръ, въ дальнѣйшей оцѣнкѣ постановленій финляндскаго Уложенія о преступленіяхъ государственныхъ, не проводитъ послѣдовательно избранной имъ первоначально системы. Останавливаясь на опредѣленіи понятія о государственной измѣнѣ, онъ справедливо замѣчаетъ:

„Довольно странно намъ, Русскимъ, читать: поднятіе оружія противъ Финляндіи или Россіи во время войны. Развѣ Финляндія можетъ когда-либо воевать съ кѣмъ-либо одна, безъ Россіи? Поднятіе оружія противъ Финляндіи развѣ не будетъ въ то же время и поднятіемъ оружія противъ Россіи, съ которою она составляетъ неразрывное цѣлое?“

Говоря далѣе о недонесеніи, о приготовленіи къ преступленію противъ Верховной Власти или къ государственной измѣнѣ, хроникеръ,

---

* Вотъ буквальная редакція этого параграфа.

„Кто съ умысломъ:

„1) лишить Государя Императора и Великаго Князя свободы, предать Его Величество во власть непріятеля, исторгнуть изъ рукъ Государя Императора державную власть или сдѣлать для него невозможнымъ отправленіе оной;

„2) подчинить Финляндію или нѣкоторую часть ея, или же русскія владѣнія иностранной державѣ, или отторгнуть какую-либо часть Финляндіи отъ Россійской Имперіи; или же

„3) Противозаконно отмѣнить или измѣнить государственный строй Финляндіи, финляндскій основной законъ, или государственный строй Россіи, или же расторгнуть соединеніе Финляндіи съ Имперіей, или нарушить утвержденный порядокъ престолонаслѣдія,

„совершитъ дѣяніе, заключающее въ себѣ осуществленіе умысла или покушеніе на оное, тотъ подвергается, за преступленіе противъ Верховной Власти, заключенію въ смирительномъ домѣ пожизненно или срокомъ отъ 8 до 12 полныхъ лѣтъ.“

уже не справляясь съ германскимъ уложеніемъ, находитъ что наказаніе денежнымъ штрафомъ «не можетъ считаться достаточнымъ въ виду важности этихъ преступленій».

Оба приведенныя замѣчанія совершенно вѣрны и согласны съ тѣми взглядами на неудовлетворительность финляндскаго Уложенія, которые мы неоднократно высказывали въ нашихъ статьяхъ.

Когда же хроникеръ переходитъ къ постановленіямъ объ оскорбленіи Величества, то начинаетъ уже говорить языкомъ настоящаго Русскаго человѣка:

„Хотя по германскому уложенію за оскорбленіе дѣйствіемъ императора и можетъ быть назначена крѣпость на срокъ до 5 лѣтъ, но срочное наказаніе за оскорбленіе священной особы Государя Императора *противно русскому чувству*, видящему въ Государѣ помазанника Божія. Только милосердіе Государя въ этомъ *возмущающемъ душу всякаго истинно Русскаго преступленіи* можетъ даровать виновнику жизнь.“

Мы съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ это послѣднее, вполнѣ вѣрное, сужденіе *Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права* что оно знаменуетъ собою несомнѣнный поворотъ къ здравомыслію. Не далѣе какъ мѣсяцъ тому назадъ, тотъ же журналъ и въ томъ же отдѣлѣ юридической хроники находилъ что въ финляндскомъ Уложеніи «ничего такого что̀ бы оправдывало раздающіеся противъ него вопли ненависти, нѣтъ»:

„Есть въ уложеніи пробѣлы“,—говорилъ хроникеръ журнала,—„есть положенія противъ которыхъ можно спорить, есть безспорно плохой русскій языкъ, *но ничего возмущающаго душу русскаго человѣка,* не страдающаго безпричинною ненавистью къ финляндскимъ порядкамъ, *нѣтъ.*“

Теперь тотъ же хроникеръ, очевидно поглубже вникнувъ въ смыслъ нѣкоторыхъ статей финляндскаго Уложенія, утверждаетъ что «срочное наказаніе за оскорбленіе Священной Особы Государя Императора *противно русскому чувству*».

Ну, что̀ же, въ добрый часъ! Лучше поздно чѣмъ никогда.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.*

57.

Предостереженіе газетѣ „Uusi Suometar“.

Въ финляндской офиціальной газетѣ *Finlands Allmänna Tidning*, въ № отъ 2 (14) октября, напечатано слѣдующее сообщеніе:

„Начальникъ Гражданской Экспедиціи Финляндскаго Императорскаго Сената, въ отношеніи отъ сего числа, далъ предостереженіе отвѣтственному издателю газеты *Uusi Suometar*, магистру философіи Б. Лефгрену, за помѣщенную въ № 216 сей газеты неумѣстную статью подъ заглавіемъ: *Воззваніе.*“

По словамъ газеты *Hufvudstadsbladet*, цензоръ пропустившій эту статью въ *Uusi Suometar* отстраненъ отъ должности на два мѣсяца.

Самая статья, содержавшая призывъ ко всенародному протесту предъ Верховною Властью противъ объединительныхъ реформъ, уже извѣстна нашимъ читателямъ. **

58.

Вопросъ объ объединеніи „финской арміи“ съ русскою.

„Финская армія“, *** какъ извѣстно, имѣетъ свою особую организацію и управленіе, и хотя существуетъ „Финляндскій военный округъ“ со своимъ окружнымъ штабомъ и окружными управленіями, но ему подчинены только расположенныя въ Финляндіи русскія войска, а „финская армія„ имѣетъ въ Гельсингфорсѣ свой особый „штабъ финскихъ войскъ“ и „канцелярію генералъ-губернатора по части финскихъ войскъ“. Этотъ штабъ и канцелярія состоятъ исключительно изъ Финляндцевъ, и Русскіе туда (какъ и вообще въ „финскія войска“) не допускаются.

Недавно, какъ мы слышали, въ Военномъ Министерствѣ возбужденъ вопросъ объ упраздненіи особаго штаба финскихъ войскъ и о подчиненіи ихъ штабу Финляндскаго военнаго округа.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 276, отъ 6 октября.

** См. выше, стр. 473—474.

*** См. выше, стр. 171—177, 193—202, 466—468.

59.

Смерть барона Шерниваль-Валлена.

2 (14) октября умеръ въ Гельсингфорсѣ, на 84 году жизни, баронъ К. К. Э. Шерниваль-Валленъ, бывшій съ 1857 по 1876 годъ товарищемъ финляндскаго министра-статсъ-секретаря, а съ 1876 года (послѣ смерти Армфельта) по 1881 годъ—финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ.

Гельсингфорсская газета *Hufvudstadsbladet*, въ посвященномъ ему некрологѣ, восхваляетъ его въ особенности за то „что онъ (а не Армфельтъ, какъ обыкновенно думаютъ) сумѣлъ провести предъ Верховною Властью проектъ объ установленіи особой финляндской монеты“...

„Шерниваль-Валленъ“, говоритъ газета въ заключеніе, „состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ и интимномъ обмѣнѣ мыслей со многими изъ наиболѣе выдающихся людей одновременно съ нимъ дѣйствовавшихъ въ нашемъ (финляндскомъ) отечествѣ. Онъ умѣлъ цѣнить интеллигентность и принадлежалъ къ той школѣ государственныхъ людей которые считали своимъ долгомъ быть въ сношеніяхъ съ руководящими умами въ средѣ *своего* народа, дабы составить себѣ ясное понятіе объ образѣ мыслей націи и о требованіяхъ даннаго положенія.“

„ФИНСКІЯ“ И „РУССКІЯ“ ВОЙСКА.

(Передовая статья № 280 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 9 октября.

«Финская армія»,* какъ извѣстно, имѣетъ свое особое управленіе, и хотя существуетъ въ Россіи «Финляндскій военный округъ» со штабами и управленіями, но ему подчинены только расположенныя въ Финляндіи «русскія войска», а для финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ существуютъ въ Гельсингфорсѣ особый «штабъ финскихъ войскъ» и «канцелярія генералъ-губернатора по части финскихъ войскъ».

Ходятъ слухи что въ Военномъ Министерствѣ возбужденъ теперь вопросъ объ упраздненіи особаго штаба «финскихъ» войскъ, которыя впредь во всѣхъ отношеніяхъ должны де подчиняться штабу Финляндскаго военнаго округа.

Пока это только слухъ, и оправдается онъ, или нѣтъ, на дѣлѣ—еще Богу извѣстно; но нельзя не порадоваться и самому слуху. Слухи въ подобныхъ случаяхъ начало дѣла.

Въ Финляндіи «собственныхъ» финскихъ войскъ всего-на-все восемь баталіоновъ—гвардейскій мы не считаемъ—и слабый полкъ кавалеріи на русскихъ браковкахъ; держать для нихъ особый штабъ нѣтъ ни надобности, ни резонныхъ основаній. Восемь баталіоновъ составляютъ всего пѣхотную бригаду, командиру каковой въ Россіи не положено по штату даже и адъютанта. Правда, финскія войска имѣютъ свои резервы, своихъ запасныхъ, считая которыхъ, «финская армія» могла бы составить, пожалуй, цѣлый корпусъ; но и въ этомъ случаѣ въ особомъ «штабѣ финскихъ войскъ» надобности быть не можетъ, такъ какъ командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, въ случаѣ мобилизаціи, съ большимъ удобствомъ могъ бы командовать мобилизованнымъ корпусомъ...

Въ Финляндіи русскихъ войскъ не мало; ихъ втрое больше нежели финскихъ, не говоря уже о томъ что вся артиллерія, всѣ крѣпости подчинены русскому управленію; но тѣмъ не менѣе штабъ Финляндскаго военнаго округа не встрѣтилъ бы никакихъ затрудненій въ командованіи и восемью финскими баталіонами въ

* См. выше, стр. 171—177, 193—202, 466—468, 490.

добавокъ къ восемнадцати русскимъ. Вся «финская армія», и съ резервами, не можетъ доставить и пятой доли дѣла находящагося на рукахъ всѣхъ прочихъ военныхъ округовъ.

Выгодъ такая реформа представляетъ очень много. Финляндія страна небогатая, скажемъ прямо—бѣдная, и держать ей особый штабъ, да еще и съ особыми генералами, рѣшительно не по карману. Россія много дѣлала и дѣлаетъ для поддержанія благосостоянія Финляндіи. Одно къ одному. То что теперь тратится на штабъ финскихъ войскъ безо всякой надобности, можетъ быть употреблено съ пользой на другія потребности края, которыхъ, конечно, не мало.

Съ другой стороны, въ управленіи военною силой расположенною въ Финляндіи было бы водворено необходимое единовластіе, обезпечиваемое не личностью, а единствомъ учрежденія вѣдающаго дѣло.

Финляндскій генералъ - губернаторъ, если онъ военный, конечно, можетъ быть и командующимъ войсками. Но нѣтъ причинъ чтобы генералъ-губернаторы всегда были изъ лицъ военныхъ; напротивъ, такое ограниченіе могло бы оказаться весьма стѣснительнымъ при назначеніи этого сановника, да и, сверхъ того, можетъ-быть, въ государственныхъ интересахъ было бы полезно освободить генералъ-губернатора отъ цѣлой кучи мелочныхъ заботъ и хлопотъ связанныхъ съ командованіемъ войсками и военными учрежденіями.

Подчиненіе финскихъ войскъ непосредственно штабу Финляндскаго военнаго округа вызываетъ и другую мѣру, уже давно настоятельную, это—сравненіе матеріальнаго положенія офицера финскихъ войскъ съ положеніемъ офицеровъ русскихъ войскъ въ Финляндіи квартирующихъ. Нашъ офицеръ даже въ окладѣ квартирныхъ денегъ поставленъ неизмѣримо ниже финскаго. Это, конечно, не можетъ не отражаться на положеніи и бытѣ нашего офицера, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ и не внушать лишняго высокомѣрія населенію и особенно мѣстнымъ политиканамъ.

Вопросъ въ томъ, какъ быть? Оклады финскихъ офицеровъ слишкомъ высоки сравнительно съ нашими, но сокращать ихъ было бы неудобно, да по существующимъ у насъ узаконеніямъ такое сокращеніе и не скоро вошло бы въ дѣйствительную силу. Всѣ кого такое сокращеніе застало бы на службѣ продолжали бы получать прежніе оклады. Съ другой стороны, увеличить содержаніе получаемое офицерами русскихъ частей было бы не менѣе затруднительно. Оставалось бы, поэтому, разрѣшить дѣло установленіемъ особой «мѣстной прибавки»—въ Германіи *Ortzulage* существуетъ давно—для русскихъ чиновъ въ большихъ городахъ и крѣпостяхъ, на счетъ существованія каждаго финскаго баталіона какъ отдѣльной части. Въ Россіи полки состоятъ изъ четырехъ баталіоновъ. Почему бы и финскія войска не переформировать въ два полка? Это значительно сократило бы расходы по военному хозяйству и содержанію командировъ. Вмѣсто восьми финскихъ полковниковъ, очутилось бы только два.

Въ Финляндіи, въ видахъ «движенія по службѣ», хлопотали чтобы финскіе баталіонные командиры назначались въ число кандидатовъ на русскіе полки. Отчего бы и не такъ? Съ упраздненіемъ особаго штаба финскихъ войскъ и съ обращеніемъ финскихъ баталіоновъ изъ отдѣльныхъ частей въ баталіоны полковъ, вполнѣ было бы возможно давать финскимъ подполковникамъ резервные баталіоны въ Россіи, съ тѣмъ, однако, условіемъ чтобы русскіе

полковники, въ общей очереди кандидатскаго старшинства, назначались командирами финскихъ полковъ.

Разъ эта мѣра нашла бы примѣніе, въ будущемъ само собою возникло бы производство финскихъ капитановъ въ подполковники въ общей линіи съ русскими, причемъ не представлялось бы никакого неудобства въ назначеніи русскихъ людей командирами баталіоновъ въ финскомъ полку.

«Финскія» войска, тѣснѣе сливаясь съ русскими, конечно, выиграли бы во всѣхъ отношеніяхъ, точно такъ же какъ финскіе офицеры. Въ свою очередь, русская армія имѣла бы въ своихъ рядахъ болѣе лицъ хорошо ознакомленныхъ съ краемъ и его особенностями.

Затрудненій въ этого рода перемѣщеніяхъ не могло бы представиться, такъ какъ уставы и *командный языкъ* въ финскихъ и русскихъ войскахъ одинаковы. Русскій капитанъ произведенный въ подполковники точно такъ же удобно командовалъ бы финскимъ баталіономъ, какъ и финскій русскимъ.

Все это, конечно, дѣло будущаго и можетъ исполниться лишь въ томъ случаѣ если будетъ упраздненъ особый штабъ финскихъ войскъ. Вотъ почему, въ интересахъ не только русской государственной идеи, но и выгодъ Финляндіи и финскихъ офицеровъ, мы рѣшаемся привѣтствовать и самый слухъ объ упраздненіи этого учрежденія—и дорогаго, и не нужнаго.

ФИНЛЯНДСКАЯ ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ШКОЛА

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.*

„Skolfrågan mer än någon annan i vårt land upprör det almänna medvetandet".

Om ständernas rätt till deltagande i skollagstiftningen. Helsingfors, 1881, p. 43. **

I.

Извѣстно какую ненависть питаютъ Финляндцы къ русской повременной печати, разоблачающей, съ нежелательной для нихъ стороны, финляндское житье-бытье и порядки. Въ Гельсингфорсѣ, помимо массы газетныхъ статей соотвѣтствующаго содержанія, возникла за послѣдніе годы цѣлая, нарасхватъ читаемая, литература на шведскомъ, финскомъ, русскомъ и (для апелляціи къ суду Европы) на французскомъ языкахъ, въ защиту отъ „крестоваго похода, открытаго," по словамъ Меуермана, „и проповѣдуемаго съ такою строгостью извѣстными русскими повременными изданіями, которыя съ постоянствомъ и недоброхотствомъ возстаютъ, безъ поводовъ, не только противъ нашихъ политическихъ учрежденій, но и противъ всего что̀ даже съ индивидуальной точки зрѣнія должно быть намъ дорого и священно: противъ августѣйшихъ монарховъ (!) которые сумѣли навсегда привязать къ себѣ сердца Финскаго народа; противъ Русскихъ людей и Финляндцевъ, просвѣщенный умъ и патріотизмъ которыхъ казался намъ всегда достойнымъ подражанія; противъ нашей человѣческой и гражданской чести и, наконецъ, противъ нашей экономической и финансовой независимости." ***

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, №№ 247 и 277. Названіе „элементарная школа" имѣетъ въ Финляндіи два значенія—родовое и видовое. Въ первомъ случаѣ разумѣются всѣ, кромѣ народныхъ, общеобразовательныя школы; а во второмъ—извѣстный видъ этихъ школъ. Въ заглавіи разумѣются общеобразовательныя школы вообще.

** „Школьный вопросъ болѣе чѣмъ какой-нибудь другой возбуждаетъ въ нашей странѣ общественное участіе." *О правѣ земскихъ сословій участвовать въ школьномъ законодательствѣ.* Гельсингфорсъ 1881, стр. 43.

*** *La Finlande* par A. Meuerman, p. 1. Помимо этой книжки, къ „апологетической" литературѣ, между прочимъ, относятся:

1) *Précis du droit public du Grand-Duché de Finlande,* par L. Mechelin.

2) *Finlands statsrättsliga utveckling efter 1808,* af Edv. Bergh. *(Государственно-правовое развитіе Финляндіи съ 1808 года,* Берга.)

Обвиненіе, поистинѣ, можно сказать, ужасное, отбивающее у Русскаго человѣка охоту хоть что-нибудь печатно говорить о Финляндіи: противно подвергаться такимъ финляндскимъ выходкамъ. Намъ, Русскимъ людямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ совѣсть обязываетъ говорить о Финляндіи, не скрывая и не искажая истины, остается пользоваться, по возможности, свидѣтельствами самихъ Финляндцевъ относительно того или другаго интересующаго насъ вопроса. Такъ мы и сдѣлаемъ.

Въ своей статьѣ: „Знакомство съ Россіей въ финляндскихъ школахъ“ * я уже указалъ на политиканствующій характеръ этой школы. Этотъ характеръ признаютъ за ней и сами Финляндцы:

„Задача финляндской школы была двоякая“,—ораторствовалъ на Сеймѣ 1872 года г. Мехелинъ:—„съ одной стороны, она имѣла въ виду совершенствованіе учащагося юношества въ полезныхъ знаніяхъ, а съ другой—воспитаніе юношества по извѣстнымъ, диктуемымъ общественнымъ положеніемъ, принципамъ. Такимъ образомъ школа дѣйствовала для двухъ равно значительныхъ цѣлей, именно: для чисто-педагогической и для гражданской цѣли“. **

Мехелинъ и другіе представители дворянства на Сеймѣ 1872 года высказывали мнѣніе о необходимости назначать въ члены Главнаго Управленія по школьному вѣдомству представителей не однихъ только школьныхъ, но и гражданскихъ интересовъ. Попеченія такого рода представителей, само собою разумѣется, должны были происходить въ желательномъ для Финляндцевъ духѣ, а для этого необходимо де обезпечить себѣ право не только вліять на эти попеченія косвенно, но и прямо назначать по своему усмотрѣнію членовъ Главнаго Управленія школами, что до сихъ поръ дѣлалось не совсѣмъ такъ. И вотъ, на Сеймѣ того же 1872 года, земскіе чины Финляндіи составляютъ всеподданнѣйшую петицію, въ которой, между прочимъ, говорится:

„Все основаніе на которомъ зиждется нашъ теперешній общественный строй предполагаетъ участіе народа, чрезъ законныхъ его уполномоченныхъ, въ удовлетвореніи тѣхъ его нуждъ которыя наиболѣе глубоко проникаютъ въ его жизнь. Первостепенная нужда такого рода есть дѣло обученія, касающееся сокровеннѣйшаго ядра жизни націи тѣмъ что этимъ дѣломъ существенно обусловлено направленіе развитія образованія подрастающаго поколѣнія.“ ***

Казалось бы что для подобныхъ конституціонныхъ вожделѣній существуетъ непреодолимое препятствіе въ уставахъ 1843 и 1856 годовъ, которые были утверждены для финляндскихъ школъ исключительно Самодержавною Властью, безъ какого бы то ни было совѣщанія или соглашенія съ земскими чинами Финляндіи. Но,—

„законъ, утвержденный земскими чинами въ 1724, заключающій и общій школьный законъ“,—разсуждаютъ ученые Финляндцы,—„былъ дѣйствую-

---

3) *Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго*, Борніуса, и др.

Первое изданіе лицемѣрной книжки (67 стр.) Меуермана было распродано въ нѣсколько недѣль: остался французскій переводъ, розданный въ книжные магазины Петербурга, Берлина и Парижа.

* *Московскія Вѣдомости* 1890 г., №№ 137 и 138. См. выше, стр. 318—332.

** *Vår styrelse och våra landtagar*, af Edv. Bergh. Andra Bandet. Helsingf. 1888 p., 137. (*Наше правленіе и наши сеймы*, Берга. Томъ II. Гельсингфорсъ, 1888, стр. 137)

*** *Om ständernas rätt...* pp. 9 och 42—43.

щимъ въ нашемъ краѣ до его замѣны закономъ 1843 года; ни этотъ школьный уставъ, ни позднѣйшіе уставы 1856 и 1872 годовъ не произошли законнымъ путемъ: они были такого же рода наростами на государственномъ нашемъ развитіи какъ изданныя для Финляндіи, исключительно административнымъ путемъ, постановленія отъ 8 сентября 1842 года касательно гербовой бумаги. Чрезвычайная подать, выплачиваемая благодаря принудительному закону употребленія гербовой бумаги, была въ послѣдствіи предложена на утвержденіе земскихъ чиновъ. Въ школьномъ вопросѣ уполномоченные народа постоянно ожидаютъ возможности воспользоваться правомъ, которое принадлежитъ имъ и по буквѣ, и по духу закона (?)". *

Такія „ожиданія", какъ увидимъ ниже, не всегда оставались тщетными.

II.

Древнѣйшій школьный уставъ для Швеціи и Финляндіи относится къ 1571 году, когда былъ напечатанъ составленный по королевскому повелѣнію церковный уставъ. Къ этому-то уставу, въ видѣ приложенія, и присоединилась статья „о школахъ", вмѣстѣ съ указаніемъ „какъ нужно читать въ школахъ". Король одобрилъ этотъ уставъ. Въ 1572 году его разсматривалъ духовный соборъ, а въ 1593 этотъ уставъ былъ одобренъ представителями всѣхъ сословій.

Это-то участіе всѣхъ сословій въ утвержденіи школьнаго устава финляндскіе профессора и приводятъ въ подтвержденіе своихъ правъ принимать участіе, совмѣстно съ Государемъ Императоромъ, въ школьномъ законодательствѣ. Упомянутый древнѣйшій школьный уставъ Швеціи и Финляндіи неоднократно замѣнялся новыми уставами, но всѣ эти уставы получали силу закона тѣмъ же порядкомъ. Такъ было и съ уставомъ 4 февраля 1724 года, который сохранялъ въ Финляндіи силу закона до тѣхъ самыхъ поръ когда финляндская школа „вступила на путь административныхъ реформъ", что̀ случилось въ 1843 году, когда появился новый Высочайше утвержденный школьный уставъ.

Любопытенъ фактъ что тѣ же Финляндцы которые въ періодъ, какъ они называютъ, „административныхъ реформъ" ихъ школы безъ устали хлопотали и работали во множествѣ комитетовъ, коммиссій, съѣздовъ по школьнымъ дѣламъ, — тѣ же Финляндцы оказались постыдно лѣнивыми и апатичными по тѣмъ же школьнымъ вопросамъ, и притомъ въ такое время когда и слуху еще не было объ „административныхъ реформахъ" въ школѣ, а все лѣдо училищной организаціи было поручено самимъ же Финляндцамъ. Я говорю о коммиссіи назначенной государемъ въ 1814 году, по поводу всеподданнѣйшаго представленія Правительственнаго Совѣта (Сената) Финляндіи касательно общей съ другими частями края организаціи учебнаго дѣла во вновь тогда присоединенной къ Великому Княжеству Выборгской губерніи.

Эта коммиссія, составленная изъ свѣдущихъ людей, подъ предсѣдательствомъ вице-канцлера Абоской академіи, должна была представить проектъ необходимыхъ улучшеній въ школьномъ дѣлѣ Финляндіи. Что̀ же сдѣлала эта коммиссія? По прошествіи одиннадцати лѣтъ, 25 февраля, появилось Высочайшее объявленіе, которое, признавая ученость и рвеніе членовъ коммиссіи 1814 года, указывало, однако, и на то что коммиссія не приложила всего своего старанія и не употребила всего своего времени, какъ то требовалось важностью ея задачи, къ скорѣйшему окончанію своего дѣла, вслѣдствіе чего

* *Om ständernas rätt...* p. 69 — 70. Приведенныя разсужденія принадлежатъ *профессору* Доннеру. Хотя авторъ цитуемой статьи обозначенъ иниціалами „О. Д.", но эти иниціалы раскрыты въ книгѣ Берга *Vår styrelse...* II, p. 104.

на ея мѣсто и назначается другая коммиссія.

Одну изъ причинъ подобной странной проволочки коммиссіи 1814 года надо искать, кажется, въ томъ обстоятельствѣ что 10 апрѣля 1814 года было издано Высочайшее объявленіе, въ силу котораго, по прошествіи пятилѣтняго льготнаго срока, требовалось знаніе русскаго языка ото всѣхъ желающихъ поступить на духовную, военную или гражданскую службу. Это постановленіе въ послѣдствіи было такъ хорошо обойдено Финляндцами что вышедшій на дняхъ Высочайшій манифестъ требуетъ знанія русскаго языка только отъ служащихъ по почтовому вѣдомству. Сколь ни было сильно увлеченіе императора Александра Павловича конституціонизмомъ, оно все же не помѣшало ему, какъ видно, издать такое объявленіе которое, кажется, располагало „ученыхъ и ревностныхъ“ членовъ коммиссіи 1814 года промедлить выработкой новой школьной организаціи, дабы не пришлось, чего добраго, организовать ее слишкомъ русскою.

Но, какъ и всему на свѣтѣ, проволочкамъ Финляндцевъ съ новымъ школьнымъ уставомъ также насталъ конецъ: 6 ноября 1843 года былъ Высочайше утвержденъ училищный уставъ Великаго Княжества Финляндскаго. Этотъ уставъ былъ ненавистенъ Финляндцамъ уже по одному тому что былъ изданъ безъ спроса земскихъ чиновъ, единственно волей монарха, „ослѣпленнаго,“ по характеристикѣ финляндскихъ историковъ, „свѣтомъ въ которомъ онъ видѣлъ свое положеніе“. *

Мало этого: статьи устава выдвигающія на первый планъ изученіе русской исторіи, географіи, статистики; значительныя требованія по изученію русскаго языка; нѣкоторый контроль этого изученія людьми Русскими; введеніе въ среду финляндскихъ школьныхъ учителей русскихъ уроженцевъ, — все это, отклоняющее финляндскую школу отъ ея „вѣковаго“ типа, вызывало въ Финляндцахъ недовольство этою „административною реформой“ школы. „Это было просто всеобщее помраченіе нашей государственной жизни“,—неоднократно восклицаетъ профессоръ Доннеръ,—„что наше школьное законодательство перешло (!) исключительно къ правительству.“

Но безпокойство и недовольство Финляндцевъ школьными порядками усиливаются особенно въ то время когда во главѣ духовной экспедиціи Сената является баронъ Казиміръ фонъ-Котенъ—личность, по выраженію Берга, „ненавистная отечеству“, но, надо сказать, чрезвычайно интересная и важная для характеристики историческаго развитія финляндской элементарной школы.

III.

Съ перваго же своего шага по учебной части, фонъ-Котенъ попалъ въ немилость къ „патріотическимъ“ Финляндцамъ: онъ выступилъ въ качествѣ члена того комитета 1852 года которому было поручено озаботиться чтобы прилагалось больше попеченій о религіозномъ воспитаніи подрастающихъ поколѣній. Такого рода комитетъ былъ далеко не популяренъ въ Финляндіи, гдѣ успѣшность школьнаго дѣла ставили въ зависимость отъ освобожденія школы изъ-подъ вліянія духовенства. Ясно что фонъ-Котенъ компрометтировалъ себя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ тѣмъ что участвовалъ въ подобномъ комитетѣ, который „пользовался религіей для политическихъ (конечно, не желательныхъ для Финляндцевъ) цѣлей“. Кромѣ того, соціальныя убѣжденія фонъ-Котена были возмутительны для большинства Финлянцевъ.

По взглядамъ фонъ-Котена, назначеніе образованныхъ классовъ Финляндіи состояло въ томъ чтобы закончить порядокъ присоединенія страны къ Россіи. Говорящіе по-шведски высшіе классы Финляндіи, какъ думалъ фонъ-Котенъ, уже по своему особому положенію предназначены не только управлять судьбами Финской націи, но и, въ силу своей интеллигентности, занять, пожалуй, выдающееся мѣсто и въ русской служебной іерархіи, вліяя при этомъ на взаимныя отношенія Россіи и Скандинавіи

* *Finlands statsrättsliga utveckling efter 1808*, af Bergh., p. 76.

въ томъ смыслѣ чтобы когда-нибудь могъ образоваться политическій союзъ этихъ двухъ державъ, такъ чтобы Скандинавія стала въ извѣстныя федеративныя отношенія къ Россіи. Для того чтобы лучше выполнить такое свое назначеніе, финляндское дворянство прежде всего должно было себѣ усвоить, по мнѣнію фонъ-Котена, языкъ той страны съ которою судьбы Финляндіи неразрывно и навсегда связаны. „Странное желаніе фонъ-Котена, осуществить свой планъ относительно изученія русскаго языка", иронически замѣчаетъ Бергъ (II, 145), „приняло характеръ маніи. Казалось, онъ поставилъ это стремленіе цѣлью своей жизни."

Подобныя руссофильскія тенденціи фонъ-Котена дѣлали его ненавистнымъ для Финляндцевъ, которые на Сеймѣ 1872 года заявили что ни одинъ Финляндецъ не можетъ одобрить мнѣнія барона фонъ-Котена „чтобы русскій языкъ въ учебныхъ планахъ для лицеевъ занялъ мѣсто равное съ однимъ изъ туземныхъ языковъ, и чтобы допускался выборъ между однимъ, еще незнакомымъ, туземнымъ языкомъ и русскимъ". „Финны содрагаются,"—ораторствовалъ одинъ изъ представителей крестьянскаго сословія, Меуерманъ,—„отъ такихъ ледяныхъ словъ которыя родное, разъ оно предоставляется выбору, ставятъ на одну доску съ чѣмъ-то чужимъ (русскимъ). Мертва та нація которая относится такимъ образомъ къ своему родному, и ни одинъ честный человѣкъ не стерпитъ того."

Вотъ каковъ былъ фонъ-Котенъ и какъ къ нему относились.

Получивъ мѣсто начальника Духовной Экспедиціи Сената, фонъ-Котенъ „тотчасъ обнаружилъ свое отвращеніе отъ законныхъ формъ". Онъ задумалъ сдѣлать предварительный докладъ государю объ основаніяхъ для общаго преобразованія элементарныхъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ выработать прямо въ Духовной Экспедиціи, начальникомъ которой самъ состоялъ, полный проектъ такого преобразованія. Другими словами, иронизируетъ профессоръ Доннеръ, „генералъ фонъ-Котенъ бралъся выполнить и войти въ Сенатъ съ надлежащимъ проектомъ, каковой, со сдѣланными на него Сенатомъ замѣчаніями, и долженъ былъ поступить на утвержденіе государя". Созывать комитетъ свѣдущихъ по данному вопросу людей, входить въ соглашеніе съ Сенатомъ, духовенствомъ и другими сословіями страны, казалось фонъ-Котену „въ высшей степени неподходящимъ".

„Подъ свѣдущими людьми въ данномъ случаѣ разумѣютъ обыкновенно учителей,"—говоритъ фонъ-Котенъ въ сенатскомъ протоколѣ отъ 3 января 1854 года,—„но они не могутъ имѣть того истиннаго пониманія которое дается высшими гражданскими и административными взглядами. Такого рода пониманіе предполагается, однако, въ тѣхъ кто, по высокому Его Императорскаго Величества довѣрію, призваны къ дѣламъ правленія. Что касается до того чтобы Сенату нужно было вызнать мнѣнія о предметѣ со стороны духовенства и другихъ сословій, то въ законахъ, лежащихъ въ основаніи дѣятельности Сената, я не могъ найти на то указанія. Я со своей стороны не нахожу никакого дѣйствительно серіознаго основанія къ тому чтобы желать такого рода порядка, при которомъ Сенату приходилось бы справляться въ данномъ случаѣ съ мыслями подчиненныхъ властей и такимъ образомъ вмѣшивать ихъ въ дѣла общаго значенія, съ тѣмъ чтобъ эти дѣла въ концѣ концовъ были предметомъ собственнаго обсужденія правительства. Развѣ такимъ участіемъ земскихъ чиновъ можно пріобрѣсти бо́льшую прочность нашего общественнаго строя? Эту прочность, которая во всякомъ благоустроенномъ обществѣ должна бы сообщаться силами высшаго правительственнаго органа,—эту прочность Сенатъ, по моему мнѣнію, подрывалъ бы такимъ образомъ дѣйствій который могъ бы быть истолкованъ какъ извѣстная неувѣренность въ себѣ со стороны правительства. Къ тому же, подобнымъ порядкомъ обыкновенно не достигается ничего другаго кромѣ ни къ чему ненужной задержки дѣлопроизводства; и такъ какъ представители сословій въ большинствѣ случаевъ, для поддержки своихъ мнѣній, требуютъ различными происками мнѣній своихъ

подчиненныхъ, которымъ, въ свою очередь, мнѣнія диктуются людьми посторонними дѣлу,—то ясно какимъ недостойнымъ образомъ подвергаются всеобщимъ пересудамъ важныя государственныя дѣла, и какимъ образомъ привносятся въ нихъ ложныя мнѣнія, обезсиливающія благія намѣренія правительства.“ *

„Это крайнее неуваженіе къ уставамъ страны и способу ихъ развитія“, говоритъ профессоръ Доннеръ, „вызвало въ Сенатѣ величайшее изумленіе.“

Дѣло устроилось на этотъ разъ по желанію большинства сенаторовъ: различнымъ комитетамъ было поручено выработать проекты новаго школьнаго устава и, на основаніи ихъ, возникъ школьный уставъ 1856 года. По этому уставу учреждались, между прочимъ, гимназіи для гражданскихъ чиновниковъ. Преподаваніе латинскаго языка въ этихъ школахъ отмѣнялось, а русскому и французскому языкамъ отводилось много времени, причемъ въ старшихъ классахъ гимназій вводились факультетскія дѣленія съ преподаваніемъ спеціальныхъ предметовъ.

„На столько этотъ разъ смогло дать себя знать господствующее настроеніе.“

При Викторѣ Фуруельмѣ, занявшемъ мѣсто фонъ-Котена (участвовавшаго въ Крымской компаніи), въ Сенатѣ были, однако, отмѣнены многія *существенныя* положенія устава 1856 года: *русскій языкъ пересталъ быть обязательнымъ* предметомъ въ высшихъ элементарныхъ школахъ и гимназіяхъ. Правительство дозволяло и поощряло учительскіе съѣзды. Печать распространяла проектъ новой школьной организаціи, оживились общественные толки о школьныхъ дѣлахъ—все въ противодѣйствіе системѣ фонъ-Котена. **

IV.

Но фонъ-Котенъ былъ опять назначенъ предсѣдателемъ вновь учрежденнаго Главнаго Управленія по школьному вѣдомству и немедленно приступилъ къ выработкѣ новаго училищнаго устава, не имѣя даже на это никакихъ порученій со стороны правительства. Живѣйшее безпокойство овладѣло всѣмъ финляндскимъ обществомъ, тѣмъ болѣе что Главное Управленіе, съ совершенную противоположность съ прежнимъ образомъ дѣйствій правительства относительно школьныхъ вопросовъ, не сообщало своихъ плановъ на общественный судъ. Высочайшее объявленіе отъ 30 ноября 1871 года касательно преобразованія элементарныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи мало чѣмъ устраняло опасность чрезмѣрно скораго и „съ истинными нуждами страны несогласнаго“ преобразованія школы. Всѣ эти „административныя“ мѣропріятія, отчасти уже проведенныя, отчасти только подготовляемыя фонъ-Котеномъ съ его единомышленниками, вызывали большое волненіе въ странѣ, которое и высказалось во множествѣ возникшихъ среди всѣхъ сословій петицій относительно школьнаго вопроса на Сеймѣ 1872 года. Главнѣйшія пожеланія, высказанныя въ этихъ петиціяхъ, между прочимъ, были:

1) Главное Управленіе по школьному вѣдомству должно быть преобразовано.

2) Земскіе чины должны получить право участвовать въ школьномъ законодательствѣ наравнѣ съ государемъ или, *по крайней мѣрѣ*, должно было спросить ихъ мнѣнія прежде чѣмъ начинать какую-нибудь важную реформу по школьному дѣлу.

3) Высочайшее объявленіе отъ 30 ноября 1871 года (появившееся тремя мѣсяцами раньше петицій) касательно преобразованія элементарныхъ училищъ страны не должно до времени входить въ дѣйствіе.

„Всѣ эти петиціи,“—по мнѣнію Финляндцевъ,—„старались поставить школьный вопросъ на твердую и вмѣстѣ съ тѣмъ законную почву.“

Но въ то время какъ на Сеймѣ по поводу школьнаго вопроса изливался цѣлый потокъ патріотическаго краснорѣчія земскихъ чиновъ, Главное Управленіе тоже не дремало. Происходитъ интересное зрѣлище:

„Съ одной стороны, фонъ-Котенъ, съ нѣсколькими единомышленниками, съ

---

* *Vår styrelse...* af Bergh. II, p. 109—110. Вольный переводъ.

** *Vår styrelse,* af Bergh, II, p. 112.

опрометчивою поспѣшностію преобразовываетъ школу, сообразуясь при этомъ не съ тѣми мнѣніями которыя были бы популярны въ странѣ, и даже не со взглядами отдѣльныхъ политическихъ партій (!), а единственно со своими прихотями и фантазіями; съ другой стороны, несутся сердечныя просьбы всѣхъ сословій къ Его Императорскому Величеству о томъ чтобъ онъ не одобрялъ „„разрушительныхъ“„плановъ школьной администраціи. Положеніе дѣла становится еще болѣе натянутымъ и въ конституціонномъ отношеніи значительнымъ, когда узнается что во время обсужденій земскими чинами школьнаго вопроса Сенатъ уже представилъ Его Величеству новый проектъ всеобщаго для Финляндіи школьнаго устава, который поступилъ къ государю незадолго *до* окончанія сословныхъ преній, но былъ утвержденъ уже *долго спустя послѣ* закрытія Сейма.“

Произошло это такимъ образомъ.

10 мая 1872 года докладывался въ Сенатѣ въ первый разъ проектъ Главнаго Управленія относительно новаго школьнаго устава, а 28 мая вопросъ былъ уже окончательно рѣшенъ „безъ голосованія“. 8 августа уставъ былъ, по всеподданнѣйшему представленію Сената, Высочайше утвержденъ, а 25 августа Сенату уже пришлось думать о томъ что̀ сдѣлать съ запоздавшими петиціями сословій. Затрудненіе, казалось, было еще тѣмъ больше что еще только 15 марта Высочайшій рескриптъ земскимъ чинамъ Финляндіи, между прочимъ, говорилъ:

„Напоминаемъ земскимъ сословіямъ что ежели Мы признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на Наше воззрѣніе петиціи на основаніи утвержденнаго Нами сеймоваго устава, то этимъ вящимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно Намъ принадлежащее право иниціативы по вопросамъ касающимся основныхъ законовъ края, а потому время и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависятъ исключительно отъ Нашего благоусмотрѣнія.“

Правда, этотъ Высочайшій рескриптъ не особенно стѣснялъ представителей сословій на Сеймѣ. Неувѣренные въ томъ что Его Величеству будетъ угодно, вопреки рескрипту, уступить Ему одному до сихъ поръ принадлежавшее право школьнаго законодательства, они, однако, „не находили своихъ петицій“ по этому предмету „неправильными“. Сознанія незаконности своихъ дѣйствій въ данномъ случаѣ почти ни въ комъ изъ „представителей“ не было замѣтно: нѣкоторые совѣтовали только—„не ломить такъ сразу со всевозможными желаніями и безпокойствами, чтобъ у кого-нибудь (?) не родилась мысль что новоданный сеймовый уставъ былъ ошибкой. Къ чему спѣшить, если можно быть увѣреннымъ что *понемногу* (efterhand) не кто иной какъ представители народа станутъ участвовать въ законодательствѣ, конечно, съ добраго согласія правительства, которое во многихъ случаяхъ сниметъ *со своихъ плечъ бремя* отвѣтственности.“ *

Но если представители Сейма забылись до недостойнаго отношенія къ Высочайшему рескрипту, то это, конечно, не давало права забываться и Сенату, тѣмъ болѣе что въ собственноручно государемъ подписанной рѣчи, адресованной къ представителямъ Финляндіи и прочтенной генералъ-губернаторомъ при *закрытіи* сейма, между прочимъ, говорилось:

„Объяснивъ уже предъ симъ Мой взглядъ касательно предметовъ петицій подаваемыхъ земскими сословіями, Я признаю нужнымъ, при настоящемъ случаѣ, вновь выразить желаніе чтобы земскими чинами было на будущее время принято за правило ограничивать свои петиціи въ указанныхъ предѣлахъ, ибо

---

* *Vår styrelse...* af Bergh, II, p. 117 och 128.

разработка такихъ вопросовъ которые, по самому существу дѣла, не могутъ быть Мною приняты, лишь напрасно увеличиваетъ многосложныя ваши работы и, кромѣ того, возбуждаетъ несоотвѣтственныя возраженія и несогласіе.“

И послѣ такихъ Монаршихъ словъ Императорскій Финляндскій Сенатъ, зная о состоявшемся уже Высочайшемъ утвержденіи школьнаго устава, входитъ, однако, хотя и въ искусной формѣ, къ государю съ представленіемъ о сеймовыхъ, извѣстныхъ намъ, петиціяхъ по школьному вопросу:

„Не соблаговолитъ ли,“ спрашиваетъ Сенатъ, „Его Императорское Величество впредь, при болѣе важныхъ измѣненіяхъ въ школьномъ уставѣ, принять во вниманіе представленныя всеподданнѣйшія мнѣнія сеймовыхъ сословій по этому предмету.“

V.

Его Величество чрезъ министра-статсъ-секретаря изволилъ объявить что разъ школьный уставъ утвержденъ, всѣ дальнѣйшія обсужденія его должны прекратиться. Но Финляндцы не стѣсняются на слѣдующемъ же Сеймѣ 1877 года вновь утруждать государя своими петиціями по школьному дѣлу, впрочемъ, опять безуспѣшно:

„Земскіе чины послѣдняго (1877 года) Сейма“,—читаемъ въ рѣчи Императора Александра III къ земскимъ чинамъ Финляндіи при открытіи Сейма въ Гельсингфорсѣ 12 января 1882 года,—„земскіе чины послѣдняго Сейма представили всеподданнѣйшія ходатайства о такихъ измѣненіяхъ въ программахъ элементарныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи которыя дали бы воспитанникамъ лицеевъ возможность пріобрѣтать болѣе основательное знаніе туземныхъ языковъ края... Составленный вслѣдствіе сихъ ходатайствъ проектъ кореннаго преобразованія существующихъ училищъ Мною не могъ быть одобренъ, и Я призналъ за благо повелѣть Финляндскому Сенату предначертать, согласно съ Моими указаніями и сообразуясь съ желаніями земскихъ чиновъ, новыя предположенія по сему предмету.“

Уже въ 1883 году, по поводу всеподданнѣйше представленныхъ земскими чинами Финляндіи разныхъ петицій, и во вниманіе ко всеподданнѣйшимъ представленіямъ Сената, были сдѣланы „существенныя“ измѣненія въ положеніяхъ касающихся элементарныхъ учебныхъ заведеній.

„Только въ томъ случаѣ,“—разсуждаютъ Финляндцы,—„если нормальный (?!) ходъ развитія школьнаго законодательства вновь возстановится, можно на будущее время избѣгнуть того возмущеннаго настроенія народа которое теперь растетъ съ одного сейма на другой, такъ что голоса противъ „„административныхъ преобразованій““ школы раздаются все явственнѣе. Такого рода агитація, конечно, не приноситъ счастья обществу.“ *

Агитируя съ цѣлью присвоенія себѣ права школьнаго законодательства и не достигая въ этомъ смыслѣ прямымъ и открытымъ путемъ желательныхъ имъ результатовъ, Финляндцы, однако, не складываютъ оружія, а втихомолку, „непримѣтно“ (efterhand), работаютъ для своей цѣли, если не издавая законовъ, то, по возможности, нарушая или извращая данные законы, иногда даже, въ силу оппозиціоннаго задора, заходя, быть-можетъ, нѣсколько далѣе чѣмъ подсказываетъ имъ собственное благоразуміе, потому что вѣдь „Финскій народъ имѣетъ уже слишкомъ сильное чувство своего самостоятельнаго единства чтобы безъ гарантіи подчиняться Россіи“. **

---

* *Om ständernas rätt*, p. 24.

** *La Finlande*, par A. Meuerman, p. 17.

VI.

Нынѣ дѣйствующія постановленія по школьному вѣдомству, какъ извѣстно, не удовлетворяютъ Финляндцевъ въ самыхъ существенныхъ своихъ чертахъ. Школьный уставъ 1872 года возникъ „административнымъ путемъ“, а потому оскорбляетъ конституціонное чувство Финляндцевъ. Главное Управленіе по школьному вѣдомству хотя, съ одной стороны, и согласуется съ желаніемъ страны изъять школу изъ вѣдѣнія церкви, но, съ другой стороны, возбуждаетъ въ Финляндцахъ „сильныя опасенія“ „олигархическимъ и административнымъ характеромъ ствоего устава“. Въ самомъ дѣлѣ, члены Главнаго Управленія назначаются по представленію генералъ-губернатора, а не такъ де какъ велось изстари (?) и предписывалось § 10 „Формы Правленія“ 1772 года—по предложенію самой коллегіи. Наряду съ предсѣдателемъ (главнымъ директоромъ) и главными инспекторами стоитъ еще одинъ совѣщательный членъ, избираемый на неопредѣленное время изъ свѣдущихъ и опытныхъ должностныхъ лицъ *, и, въ довершеніе всего, „Главному Управленію, на половину получающему свое содержаніе изъ чрезвычайныхъ на Сеймѣ земскими чинами опредѣленныхъ средствъ, вмѣнялось въ обязанность, между прочимъ, имѣть строгій надзоръ за дисциплиной въ учебныхъ заведеніяхъ и наблюдать за тѣмъ чтобъ учащимся сообщались правильныя понятія относительно вѣрноподданническаго долга и почтенія къ начальствующимъ“. ** Все это давало пищу финляндской „агитаціи“, главными результатами которой до сихъ поръ были измѣненія состава Главнаго Управленія и отнятіе того пособія на его содержаніе которое шло первоначально изъ чрезвычайныхъ, опредѣленныхъ сословіями, средствъ. ***

Вотъ существенныя черты существующаго школьнаго положенія:

Главному Управленію по школьному вѣдомству, въ силу § 70 устава 1872, порученъ надзоръ надо всѣми элементарными учебными заведеніями края и вмѣняется въ обязанность тщательно наблюдать чтобъ эти заведенія соотвѣтствовали своей цѣли, и чтобъ учителя и учительницы исполняли свои обязанности. Отсюда вытекаетъ право Главнаго Управленія распоряжаться чрезъ подлежащихъ оберъ-инспекторовъ о производствѣ постоянныхъ осмотровъ училищъ, а также разсматривать и рѣшать всѣ дѣла касающіяся до службы или вообще поведенія преподавателей элементарныхъ учебныхъ заведеній.

Главное Управленіе дѣлаетъ представленія Хозяйственному Департаменту Финляндскаго Сената относительно: 1) назначенія особаго экзаминатора для наблюденія за изученіемъ въ школахъ русскаго языка, 2) введенія новыхъ учебниковъ, 3) назначенія ректора лицея или реальнаго училища о четырехъ классахъ изъ числа лицъ принадлежащихъ къ штатнымъ учителямъ заведенія.

Своею властію Главное Управленіе назначаетъ: 1) проректора полнаго лицея и ректора реальнаго училища о двухъ классахъ, 2) начальницъ женскихъ учебныхъ заведеній (по прошеніямъ), 3) преподавателей и учительницъ элементарныхъ школъ.

На Главномъ же Управленіи лежитъ обязанность составлять учебные планы и курсы, опредѣляющіе порядокъ учебныхъ предметовъ въ какомъ они должны входить въ преподаваніе и сколько учебныхъ часовъ въ недѣлю въ каждомъ учебномъ заведеніи и различныхъ его классахъ назначать каждому изъ этихъ предметовъ, равно и объемъ каждаго предмета въ разныхъ классахъ.

По Высочайшему постановленію отъ 23 августа 1883 года, общія элементарныя учебныя заведенія въ Финляндіи составляютъ:

---

* Постоянный членъ въ качествѣ помощника главнаго директора былъ отчасти замѣненъ въ послѣдствіи камериромъ.

** *Vår styrelse*... af Bergh, II, 33—34.

*** Помимо книги Берга (Bergh's) *Vår styrelse*, объ „агитаціи“ Финляндцевъ въ данномъ случаѣ можно прочесть и въ *Ecklesiastik expeditions i Keiserliga Senaten för Finland Berättelse 1870—87*, p. 90—97. („Отчетъ духовной экспедиціи.“)

А) Лицеи, которые преимущественно имѣютъ цѣлью основаніе научнаго образованія, развиваемаго далѣе въ университетѣ. Лицеи бываютъ двухъ родовъ: классическіе и организованные для практическаго образованія учительскихъ кандидатовъ, какъ „нормальные“ лицеи. Всѣ лицеи состоятъ изъ 8 классовъ, каждый съ годичнымъ курсомъ.

В) Элементарныя школы, которыя соотвѣтствуютъ низшимъ классамъ лицеевъ и приготовляютъ воспитанниковъ или къ высшимъ школьнымъ курсамъ, или къ особымъ спеціальнымъ училищамъ. Элементарныя школы имѣютъ частью четыре, частью два класса, съ годичнымъ курсомъ каждый.

Отмѣтимъ вкратцѣ нѣкоторыя отличія финляндской школы, сравнительно съ нашею:

1) Дешевизна обученія: въ лицеяхъ около 12, а въ элементарнымъ школахъ около 6 рублей въ годъ.

2) Недоимки по взносамъ за ученіе взыскиваетъ, по представленію школы, мѣстный губернаторъ.

3) Родители или опекуны исключаемыхъ изъ школы воспитанниковъ могутъ въ этомъ случаѣ обжаловать Главному Управленію рѣшеніе педагогическаго совѣта школы.

4) Начальникъ школы имѣетъ полномочіе вызывать, для объясненія по дѣлу ученика, всякаго кто для этого понадобится.

5) Замѣщеніе учительскихъ мѣстъ при школахъ чрезъ публикаціи.

6) Необходимость для учителей (кромѣ учителей новыхъ языковъ, гимнастики, пѣнія, рисованія и чистописанія) быть лютеранами и финляндскими гражданами.

7) Требованіе практической подготовки къ дѣлу ото всякаго учительскаго кандидата.

8) Право обжаловать Хозяйственному Департаменту Финляндскаго Сената рѣшеніе Главнаго Управленія относительно замѣщенія извѣстной учительской должности.

9) Отрѣшеніе учителей отъ должности по суду.

10) Меньшій (сравнительно съ нашимъ) окладъ учительскаго жалованья, но бо́льшая пенсія.

11) Занятія въ учебное время происходятъ въ школахъ обыкновенно въ два пріема: отъ 8 до 10 часовъ утра и отъ 12 до 3 часовъ пополудни.

Отчетностью своею элементарныя школы обязаны Главному Управленію, а это послѣднее — Сенату. Документы этой отчетности, * доступные болѣе или менѣе всякому желающему, издаются на шведскомъ и финскомъ языкахъ, иногда съ французскимъ ** переводомъ.

VII.

Ставши въ оппозицію къ Высочайше утвержденнымъ школьнымъ уставамъ, появившимся „административнымъ путемъ“, и „агитируя“ въ пользу „вѣковаго“ строя своей школы, „господствующее настроеніе“ Финляндцевъ не могло съ теченіемъ времени не повліять болѣе или менѣе на школьное законодательство, а въ силу § 5 устава 1872 года—и прямо на дѣло преподаванія въ школахъ. Этотъ параграфъ предоставляетъ Главному Управленію составлять учебные планы и курсы учебныхъ предметовъ. Правда, эти планы и курсы идутъ затѣмъ на утвержденіе въ Хозяйственный Департаментъ Сената, который совѣщается по этому предмету съ генералъ-губернаторомъ. Но это „совѣщаніе“ едва ли можетъ быть серіознымъ препятствіемъ финляндскому хозяйничанью. Генералъ-губернатору, за массой крупнѣйшихъ административныхъ дѣлъ, немыслимо единолично, безъ сколько-нибудь дѣльныхъ и безпристрастныхъ помощниковъ, услѣдить за курсами и планами преподаванія, различными почти-что въ каждой школѣ.

Какъ же сказалось вліяніе Финляндцевъ на школьномъ законодательствѣ, и какъ распоряжаются они въ предоставленныхъ имъ учебныхъ планахъ и курсахъ своихъ элементарныхъ школъ?

Если сравнить уставъ 1843 года съ уставомъ 1872 года (уставъ 1856 года,

* Ниже (стр. 512—514), въ „Приложеніяхъ“ къ этой статьѣ приведены нѣкоторыя данныя изъ этихъ отчетовъ.

** А русскимъ? *Прим. Ред. „Моск. Вѣд.“*

кромѣ классификаціи школъ, почти-что сходенъ съ уставомъ 1843 года), то встрѣтишь во второмъ изъ нихъ нѣкоторыя характерныя новости, проникнутыя однимъ общимъ духомъ. Въ уставѣ 1872 года *пропущены* § 6 устава 1843 года и *часть* § 37 того же устава.

Въ этихъ пропущенныхъ мѣстахъ содержится предписаніе устроить преподаваніе учебныхъ предметовъ такъ чтобъ оно *не внушало* юношамъ *ложныхъ понятій о религіи и общественномъ порядкѣ*, причемъ въ элементарныхъ школахъ вообще *не должно касаться незрѣлыхъ мнѣній и теорій*.

Причина исчезновенія этихъ предписаній изъ позднѣйшаго устава станетъ понятною, если припомнимъ какъ протестовали Финляндцы противъ организаціи Главнаго Управленія, между прочимъ, и за то что на обязанности этого Управленія, „на половину получающаго содержаніе изъ чрезвычайныхъ, опредѣленныхъ земскими чинами, средствъ“— лежало, въ числѣ прочаго, „имѣть строгій надзоръ за дисциплиной подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеній и наблюдать за тѣмъ чтобъ учащимся внушались *правильныя понятія о вѣрноподданническомъ долгѣ* и уваженіи къ начальствующимъ“.

Такого рода обязанность показалась Финляндцамъ несоотвѣтствующею ихъ конституціонной свободѣ и политическимъ отношеніямъ къ Россіи.

VIII.

Небезынтересно сопоставить § 7 устава 1843 и § 5 устава 1872 года, а также замѣнившее данную часть § 5 постановленіе отъ 23 августа 1883 года. Здѣсь вездѣ дѣло идетъ о томъ какіе предметы въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаются.

§ 7 устава 1843 года читается такъ:

„Въ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподавать только одни нижепредписанные предметы.

„Въ низшихъ элементарныхъ училищахъ, за исключеніемъ таковыхъ Выборгской губерніи: катехизисъ, священную исторію, ариѳметику, геометрію, географію, всеобщую и отечественную исторію, латинскій языкъ, грамматику шведскаго и финскаго языковъ, съ упражненіемъ учениковъ въ чистописаніи, а въ училищѣ на Аландѣ преподавать и *русскій языкъ*. Въ низшихъ элементарныхъ училищахъ Выборгской губерніи преподавать: катехизисъ, св. исторію, начальныя основанія ариѳметики, географіи и исторіи, общія правила грамматики шведскаго, финскаго и латинскаго языковъ и чистописаніе; сверхъ того, въ низшихъ элементарныхъ училищахъ въ городахъ Кексгольмѣ и Сердоболѣ будетъ преподаваться и *русскій языкъ*...

„Въ высшихъ элементарныхъ училищахъ преподавать: 1) Религію. Въ сей предметъ входятъ св. исторія, краткій и пространный катехизисъ и толкованіе Ветхаго и Новаго Завѣта. 2) Географію. Начальныя основанія математической, физической и политической географіи, частное прохожденіе географіи европейскихъ державъ и *Россійской Имперіи въ особенности*. 3) Исторію. Общее обозрѣніе всемірной исторіи древней, средней и новой, съ показаніемъ новѣйшихъ событій. 4) Естественную исторію. Начальныя основанія. 5) Ариѳметику. Полный курсъ съ приложеніемъ ариѳметическихъ правилъ къ практической геометріи. 6) Геометрію и начальныя основанія алгебры. 7) Физику. Начальныя основанія. 8) Латинскій языкъ. Для воспитанниковъ избравшихъ духовное или ученое званіе въ возможной полнотѣ; а для прочихъ грамматику и чтеніе легкихъ прозаическихъ писателей. 9) Греческій и еврейскій языки для учениковъ готовящихся въ духовное званіе. 10) *Русскій*, финскій, нѣмецкій и французскій языки. Грамматику, переводы съ сихъ языковъ и на оные, и, сверхъ того, *упражненія въ русскомъ языкѣ, такъ чтобы воспитанники по окончаніи курса понимали русскія книги, а во* Фридрихсгамскомъ высшемъ элементарномъ училищѣ *(Выборгской губерніи) столь основательно чтобъ окончившіе курсъ ученики совершенно понимали русскія книги и довольно свободно выражались на семъ языкѣ изустно и письменно*. 11) Чистописаніе, пѣніе и гимнастику.

„Въ гимназіяхъ преподавать: 1) Богословіе и Законъ Божій. Для воспитанниковъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, готовящихся въ духовное званіе, на латинскомъ, а для принадлежащихъ къ православному исповѣданію *на русскомъ языкѣ, по программѣ принятой для сего предмета въ губернскихъ гимназіяхъ Имперіи.* Законъ Божій преподается, равно какъ и церковная исторія, въ возможной подробности и полнотѣ. 2) Географію въ подробности, *особенно описаніе Россійской Имперіи* и, вмѣстѣ съ нею, 3) статистику европейскихъ державъ, *въ особенности же Россійской Имперіи.* 4) Исторію; новѣйшую въ возможной подробности, *преимущественно же отечественную.* 5) Математику и физику. Алгебру съ рѣшеніемъ уравненій 2-й степени, аналитику, плоскую тригонометрію, коническія сѣченія и физику въ большей подробности. 6) Естественную исторію. Повтореніе сего предмета въ большей подробности, съ начальными основаніями химіи. 7) Нравоученіе, психологію и логику; воспитанникамъ готовящимся въ духовное званіе на латинскомъ языкѣ. 8) Латинскій языкъ для воспитанниковъ готовящихся въ ученое званіе такъ основательно чтобъ они умѣли хорошо переводить сочиненія Виргилія и Цицерона. Для прочихъ же столько чтобъ они могли понимать нетрудныхъ прозаическихъ писателей. 9) Греческій и еврейскій языки воспитанникамъ гстовящимся въ духовное званіе въ той подробности чтобъ они умѣли правильно переводить Новый Завѣтъ и книгу Бытія. 10) *Русскій языкъ.* Повтореніе грамматическихъ правилъ; *упражненія въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ, такъ чтобъ окончившій курсъ могъ правильно выражаться на семъ языкѣ изустно и письменно; въ Выборгской же гимназіи особенно преподавать на русскомъ языкѣ русскую словесность* (о которой теперешніе гимназисты-Финляндцы наивно спрашиваютъ: „да развѣ есть русская словесность?“), риторику и начальныя основанія логики, *и притомъ въ такой степени упражнять воспитанниковъ въ письменныхъ сочиненіяхъ чтобъ окончившіе курсъ могли совершенно свободно и правильно выражаться на русскомъ языкѣ изустно и письменно.* 11) Финскій, французскій и нѣмецкій языки. Грамматику, переводы, чтеніе и письменныя упражненія“...

Нынѣ дѣйствующее постановленіе, отъ 23 августа 1883 года, по формѣ выраженія совершенно сродное съ § 5 устава 1872 года, читается такъ:

„Въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаются нижеслѣдующіе предметы и упражненія:

„1) въ классическихъ лицеяхъ: Законъ Божій, логика, оба туземные языка (то-есть шведскій и финскій), латинскій, греческій, *русскій*, нѣмецкій и французскій языки, географія и исторія, математика, физика и естественная исторія, чистописаніе, пѣніе и гимнастика,

„2) Въ реальныхъ лицеяхъ: Законъ Божій, оба туземные языка, *русскій*, нѣмецкій, французскій и англійскій языки, географія и исторія, математика, физика, химія и естественная исторія, чистописаніе, рисованіе, пѣніе и гимнастика.

„3) Въ четырехклассныхъ элементарныхъ школахъ: Законъ Божій, оба туземные языка, *русскій языкъ*, географія, исторія, математика, естественная исторія, чистописаніе, пѣніе и гимнастика, а также или нѣмецкій языкъ и рисованіе, или же, взамѣнъ того, латинскій языкъ въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ классическаго лицея.

„4) Въ двухклассныхъ элементарныхъ школахъ: Законъ Божій, оба туземные языка, нѣмецкій языкъ, *а при возможности и русскій*, географія, исторія, математика и естествовѣдѣніе, чистописаніе, пѣніе и гимнастика.

„Преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ общее для всѣхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ разрѣшаемаго въ трехъ высшихъ классахъ классическихъ лицеевъ *права выбора между русскимъ и греческимъ языками*, а въ четырехклассныхъ элементарныхъ школахъ, въ мѣстностяхъ гдѣ нѣтъ классическаго лицея, *между* нѣмецкимъ языкомъ и рисованіемъ, во второмъ же классѣ— *русскимъ языкомъ, съ одной стороны, и латинскимъ, съ другой*“...

Не безъ намѣренія выписаны здѣсь in extenso соотвѣтствующія узаконенія:

самая форма выраженія имѣетъ въ данномъ случаѣ значеніе. Такъ, занесеніе русскаго языка въ отдѣльную рубрику отъ общей рубрики финскаго, нѣмецкаго и французкаго языковъ, какъ это дѣлаетъ § 7 устава 1843 года, говоря о предметахъ преподаванія въ гимназіяхъ,—ясно указываетъ на первостепенную роль русскаго языка сравнительно съ другими преподаваемыми въ гимназіяхъ новыми языками. § 7 устава 1843 года не только, какъ видно, перечисляетъ преподаваемые въ школахъ предметы, но часто опредѣляетъ и объемъ ихъ, указываетъ что̀ сравнительно важно въ изученіи даннаго предмета. Особенно замѣтно это касательно русскаго языка и вообще знакомства финляндскаго учащагося юношества съ „Россійскою Имперіей“: не упускается нигдѣ случая высказать желаніе относительно „преимущественнаго“ изученія того что̀ касается Россійской Имперіи: ея языка, географіи, статистики, исторіи,* словесности. Изученіе русскаго языка стоитъ не только впереди иностранныхъ, но даже, какъ, напримѣръ, въ гимназіяхъ, впереди финскаго языка: требованія по русскому языку гораздо обширнѣе чѣмъ по финскому. Обоихъ „туземныхъ языковъ“ въ гимназіяхъ даже нѣтъ. Наконецъ, уставъ 1843 года замѣтно выдѣляетъ Выборгскую губернію, именно съ цѣлью усилить требованія въ ея школахъ по русскому языку и вообще привить къ нимъ побольше русскаго элемента.

§ 5 устава 1872 года и приведенное выше мѣсто постановленія 1883 года не опредѣляютъ ни объема, ни желательныхъ сторонъ изученія данныхъ предметовъ. Насколько, впрочемъ, можно судить по этимъ узаконеніямъ, русскій языкъ долженъ играть въ финляндской школѣ совершенно второстепенную роль: онъ уничтоженъ въ женскихъ школахъ, только „желателенъ“ въ двухклассныхъ элементарныхъ школахъ, его можно отчасти замѣнять другими предметами. О школахъ Выборгской губерніи, какъ школахъ съ русскимъ элементомъ,—нѣтъ и помину. А между тѣмъ, если справиться теперь въ какой изъ финляндскихъ губерній больше всего школъ относительно народонаселенія, то окажется что, кромѣ Нюландской (столичной), именно въ Выборгской. Но во всѣхъ этихъ школахъ русскимъ духомъ уже и не пахнетъ.

IX.

Въ силу § 33 устава 1843 года требуется чтобы, для споспѣшествованія изученію русскаго языка въ Финляндіи, Хозяйственный Департаментъ Сената опредѣлялъ изъ *русскихъ уроженцевъ*, основательно знающихъ свой языкъ, по одному экзаминатору для каждой епархіи (тогда школы были еще въ вѣдѣніи церкви). Экзаминаторы эти ежегодно должны посѣщать всѣ учебныя заведенія гдѣ преподается русскій языкъ, чтобъ удостовѣряться въ успѣхахъ воспитанниковъ по этому предмету. Уставъ 1856 года своимъ § 33 требуетъ *двухъ* такихъ экзаминаторовъ. § 79 устава 1872 года говоритъ также объ экзаминаторѣ, но уже о національности его нѣтъ здѣсь ни одного слова.

Уже не одно замалчиваніе, а прямую отмѣну стариннаго закона въ угоду финляндскимъ тенденціямъ можно замѣтить, сопоставляя § 40 устава 1843 года съ соотвѣтствующимъ параграфомъ даже устава 1856 года.

40 § устава 1843 года гласитъ:

„На мѣста старшихъ и младшихъ лекторовъ русскаго языка, исторіи, геогра-

* Говоря о преимущественномъ изученіи „отечественной исторіи“, уставъ 1843 года разумѣетъ подъ этимъ именемъ, конечно, не финляндскую исторію, какъ было бы угодно Финляндцамъ, а именно русскую исторію. Это ясно изъ § 40 того же устава 1843 года, гдѣ предписывается опредѣлять въ учителя русскаго языка, *исторіи* и географіи въ низшихъ элементарныхъ училищахъ однихъ только русскихъ уроженцевъ, или Финляндцевъ окончившихъ курсъ Выборгской (какъ извѣстно, почти русской) гимназіи. Такого же пониманія дѣла требуютъ весь духъ устава 1843 года и аналогія словеснаго выраженія его § 7. Наконецъ, въ женскихъ училищахъ, гдѣ уставъ предписываетъ проходить *краткій* курсъ исторіи, требуется, однако, относительно „исторіи и географіи Россійской Имперіи“ „должная подробность“.

фіи и статистики въ Выборгской гимназіи, равно и на мѣста учителей сего языка и вышеупомянутыхъ предметовъ во Фридрихсгамскомъ высшемъ элементарномъ училищѣ, опредѣлять *однихъ только Русскихъ уроженцевъ*. Равнымъ образомъ, *одни только Русскіе уроженцы*, если сіе будетъ возможно, имѣютъ быть опредѣляемы въ учители русскаго языка, исторіи и географіи въ низшихъ элементарныхъ училищахъ Кексгольмскомъ, Сердобольскомъ и Аландскомъ, и *вообще на мѣста учителей русскаго языка въ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ назначать однихъ только Русскихъ уроженцевъ*, или Финляндцевъ окончившихъ курсъ въ Выборгской (русской) гимназіи. За исключеніемъ означенныхъ въ семъ § должностей, мѣста лекторовъ и адъюнктовъ гимназій, ректоровъ, конректоровъ и коллегъ, равно учителей въ низшихъ элементарныхъ и дѣвичьихъ училищахъ имѣютъ быть отдаваемы однимъ уроженцамъ той епархіи гдѣ находится учебное заведеніе.“

Въ § 40 устава 1856 года сказано уже такъ:

„Мѣста лекторовъ (стало-быть и лекторовъ русскаго языка), адъюнктовъ гимназіи, ректоровъ, конректоровъ и коллегъ, а равно учителей въ низшихъ и дѣвичьихъ училищахъ имѣютъ быть замѣщаемы только уроженцами той епархіи въ которой находится учебное заведеніе. При замѣщеніи же другихъ должностей, раздѣленіе на епархіи не принимается въ уваженіе.“

Ясно что еслибъ учитель русскаго языка разумѣлся даже въ числѣ „другихъ должностей“, то и тогда онъ долженъ быть уроженцемъ какой-либо финляндской епархіи: вѣдь „въ уваженіе не принимается“ лишь „раздѣленіе на епархіи“, а не національность.

Въ уставѣ же 1872 года не заходитъ даже и рѣчи о національности учителей: тамъ говорится уже о финляндскомъ гражданствѣ ихъ.

Итакъ, всѣ измѣненія позднѣйшихъ школьныхъ уставовъ сводятся въ общемъ къ одной цѣли—къ уменьшенію русскаго элемента въ финляндской школѣ: облегченіемъ ли требованій по русскому языку, уклоненіемъ ли отъ „преимущественнаго“ знакомства съ „Россійскою Имперіей“ въ пользу преимущественнаго знакомства съ Финляндіей и даже Швеціей, вытѣсненіемъ ли, наконецъ, русскихъ уроженцевъ изъ числа преподавателей и „экзаминаторовъ“ въ финляндскихъ школахъ. Дѣйствуя „непримѣтно“, но дѣйствуя систематически противъ всякаго сближенія съ Россіей, Финляндцы имѣютъ еще духъ надѣвать на себя личину угнетаемой невинности и жаловаться на пристрастныя нападки русской печати, какъ это дѣлаетъ въ своей, нарасхватъ распроданной, книжкѣ г. Меуерманъ. Но... по русскому присловью,—все минетъ, одна правда останется.

X.

Въ § 38 Устава 1843 года, между прочимъ, сказано:

„Епископу же и духовной консисторіи представить на утвержденіе (Сенату) свои предположенія касательно объема и метода преподаванія учебныхъ предметовъ въ каждомъ заведеніи и классѣ. Но распредѣлять, по представленію отъ кого слѣдуетъ, учебные предметы по днямъ и часамъ и составлять расписаніе уроковъ для всѣхъ учебныхъ заведеній, равно и раздѣлять занятія между учительницами дѣвичьихъ школъ предоставляется епископу и духовной консисторіи.“

Хотя, извѣстный уже намъ, § 5 устава 1872 года,—поручающій составлять учебные планы и курсы для элементарныхъ школъ Главному Управленію, при условіи утвержденія этихъ плановъ и курсовъ Хозяйственнымъ Департаментомъ Сената въ соглашеніи съ генералъ-губернаторомъ,—ставитъ вопросъ, повидимому, на болѣе „административный путь“, но на самомъ дѣлѣ это оказывается не такъ. О фиктивности значенія „соглашенія“ Сената съ генералъ-губернаторомъ уже было сказано. Верховною утверждающею учебные планы и курсъ элемен-

тарныхъ школъ инстанціей въ дѣйствительности является Сенатъ, который въ своемъ рѣшеніи по данному вопросу уже не связанъ даже тѣми краткими указаніями объема и направленія преподаванія извѣстныхъ предметовъ которыя были даны въ § 7 устава 1843 года и въ тѣхъ „расписаніяхъ еженедѣльныхъ часовъ преподаванія“ которыя можно найти въ приложеніяхъ къ уставамъ 1843 и 1856 годовъ, но которыхъ уже нѣтъ при уставѣ 1872 года.

Слѣдствіемъ такой свободы дѣйствія Финляндцевъ является то что составленные Главнымъ Управленіемъ и „утвержденные Императорскимъ Сенатомъ надлежащимъ порядкомъ“ учебные планы элементарныхъ школъ, прежде всего, отводятъ громадное число классовъ (42 и даже 44 часа въ недѣлю) на изученіе „туземныхъ языковъ“, главнымъ образомъ на счетъ изученія языка русскаго, „чужаго“, которому уставъ 1843 года отводилъ *46* часовъ въ недѣлю въ четырехклассныхъ высшихъ элементарныхъ училищахъ и служащихъ имъ продолженіемъ *двухклассныхъ* гимназіяхъ, то-есть *при шестилѣтнемъ курсѣ* обученія, тогда какъ теперь, *при восьми- и девятилѣтнемъ курсѣ обученія*, отводится на русскій языкъ всего *20* уроковъ въ недѣлю, и притомъ съ правомъ замѣны большей части этихъ уроковъ изученіемъ другихъ предметовъ. А въ учебномъ планѣ женскихъ училищъ, составленномъ Главнымъ Управленіемъ, *русскій языкъ совершенно исключенъ изъ числа преподаваемыхъ предметовъ*, но за то является неслыханный дотолѣ предметъ: „основанія общественнаго устройства отечества“. * Между тѣмъ уставъ 1843 года предписывалъ въ дѣвичьихъ училищахъ преподавать, между прочимъ, и русскій языкъ, тогда какъ уставъ 1856 года предоставлялъ уже право выбора двухъ языковъ изъ трехъ: русскаго, нѣмецкаго и французскаго.

* Какія это „основанія“ можно заключить уже изъ того что иногда этотъ предметъ проходится по пресловутой книжкѣ Мехелина: *Précis du droit public du grand duché de Finlande*.

Не правда ли, какую правильность и „постепенность“ соблюдаютъ Финляндцы, домогаясь освобожденія своей школы ото всего русскаго?! Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ „существенное“ измѣненіе школьнаго дѣла къ лучшему.

XI.

Каковы же проходимые въ финляндскихъ элементарныхъ училищахъ курсы?

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Финляндцы нападали на барона фонъ-Котена, между прочимъ, за то что онъ хотѣлъ уклониться отъ типа „латинской школы“. „Надо было немного лѣтъ опытности,“ говоритъ профессоръ Доннеръ, „чтобы доказать печальными фактами что воспитанники новой школы, которая „„не нуждалась бросать время на безплодную латынь““, на студентскомъ экзаменѣ по всѣмъ предметамъ оказывались не только слабѣе своихъ товарищей изъ другихъ школъ, но и вообще чрезвычайно слабыми въ наукахъ.“

Судя по такого рода взглядамъ, можно было бы предположить въ Финляндцахъ приверженцевъ классицизма... Но уставъ 1872 года, а еще болѣе постановленіе 23 августа 1883 года, вовсе этого не подтверждаютъ. Несмотря на то что названное постановленіе явилось по поводу всеподданнѣйше представленныхъ разныхъ петицій и во вниманіе ко всеподданнѣйшему представленію Императорскаго Сената, стало-быть, „соотвѣтствовало желаніямъ и потребностямъ страны“, именно въ силу этого постановленія, сверхъ реальныхъ лицеевъ являются еще элементарныя школы безъ классическихъ языковъ; въ трехъ старшихъ классахъ *классическихъ* лицеевъ предоставляется ученикамъ выборъ между *греческимъ* и русскимъ языками, а въ четырехклассныхъ элементарныхъ училищахъ между *латинскимъ* и русскимъ, нѣмецкимъ и рисованіемъ. Латинскій языкъ въ классическихъ лицеяхъ преподается лишь со II класса. Греческій начинается лишь въ V классѣ.

Нѣтъ, финляндская элементарная школа, со своими 44 недѣльными учебными

часами по „туземнымъ языкамъ“, никакъ не можетъ быть названа просто классическою, а развѣ „туземно-классическою“.

Тому же злополучному фонъ-Котену Финляндцы ставили нѣкогда въ вину его желаніе отступить отъ общеобразовательной (гуманистической) къ спеціальной школѣ, преслѣдующей утилитарныя цѣли. И что же? Теперь, когда школа устроена сообразно съ „нуждами и желаніями страны“, процвѣтаетъ чуть ли не бо́льшая многопредметность и утилитарность школы чѣмъ во время оно. Такъ-называемой „концентраціи“ преподаванія не существуетъ, какъ мы видѣли, даже въ классическихъ лицеяхъ Финляндіи: изученіе „туземныхъ языковъ“ перевѣшиваетъ занятія по языкамъ классическимъ и въ настоящее время, а Финляндцы не прочь и еще усилить штудированіе „туземнаго“. Наиболѣе многопредметныя школы не только не пугаютъ, но даже замѣтно привлекаютъ симпатіи Финляндскаго общества; особенно гордятся Финляндцы, какъ послѣднимъ словомъ культуры, * своими, все увеличивающимися въ числѣ, такъ-называемыми, „samskolor“ (совмѣстными школами), гдѣ сидятъ въ однихъ классахъ переваливше за двадцать лѣтъ ** gossar (мальчики) и flickor (дѣвочки), и гдѣ преподаются премудрости въ родѣ стенографіи, ремеслъ, гигіены, ботаники, зоологіи и пр., всего въ количествѣ двадцати слишкомъ предметовъ.

Такимъ образомъ, вся война которую вели Финляндцы противъ фонъ-Котена, будто бы за его „педагогически несообразныя идеи“, происходила въ сущности вовсе не по какимъ-нибудь серіознымъ педагогическимъ соображеніямъ, а просто изъ желанія во что бы то ни стало стать въ оппозицію „администраціи“ и противодѣйствовать руссофильскимъ тенденціямъ „генерала“, какъ Финляндцы иронически называютъ фонъ-Котена.

Что касается размѣровъ курсовъ проходимыхъ въ элементарныхъ финляндскихъ школахъ, то они уступаютъ соотвѣтствующимъ курсамъ нашихъ учебныхъ заведеній, и прохожденіе ихъ состоитъ, гдѣ только возможно, въ простомъ заучиваніи тощихъ учебниковъ, составляющихъ, по числу страницъ, лишь половину нашихъ. Экзаменный контроль пройденныхъ въ году курсовъ отличается въ финляндскихъ школахъ чрезвычайною поверхностностью. Понятно, пожалуй, совершенное отсутствіе переводныхъ экзаменовъ; но совершенно непонятно существованіе экзаменовъ въ томъ ихъ видѣ какъ они практикуются въ финляндскихъ школахъ. Всѣ экзамены происходятъ здѣсь въ одинъ день и по нарочно выбраннымъ предметамъ, напримѣръ, такъ, какъ происходили 31 мая 1890 года экзамены въ нормальномъ Гельсингфорсскомъ лицеѣ:

Часы и мин.	I	II	III	IV	V	VI	VII
9 — 9.10	М о л и т в а.						
9.10— 9.35	Шведскій ...	Законъ Божій	Латинскій...	Геометрія ...	Нѣмецкій ...	Исторія.....	Зак. Божій.
9.35—10	Гимнастика .	Ариѳметика .	Ботаника....	Законъ Божій	Латинскій...	Нѣмецкій....	Исторія.
10 —10.10	Р е к а ц і я.						
10.10 – 10.35	Ариѳметика .	Финскій	Математика .	Зоологія	Исторія	Математика .	Финскій.
10.35—11	Законъ Божій	Географія...	Финскій	Гимнастика .	Математика .	Латинскій...	Математика.
11 —11.10	Р е к а ц і я.						
11.10—11.35	Финскій	Геометрія...	Шведскій ...	Латинскій...	*Стенограф.*	Греческій или Русскій...	Шведскій.
11.35—12	Географія...	Латинскій...	Русскій.....	Исторія	Финскій	Естествовѣд.	Физика.
12	О б ѣ д.						

Мнѣ довелось недавно присутствовать при подобномъ „хоровомъ“ экзаменѣ. Десятковъ пять юношей и дѣвицъ галдѣли свои отвѣты на предлагаемые (съ подсказомъ) вопросы учителя. Только очень немногіе изъ экза-

* См. статью въ этомъ смыслѣ въ газетѣ *Hufvudstadsbladet* отъ 11 іюля 1890.

** Высшій возрастъ въ лицеяхъ показанъ отчетомъ Главнаго Управленія въ 27 лѣтъ (въ Ювяскюльскомъ классическомъ лицеѣ). 23лѣтній возрастъ воспитанниковъ финляндскихъ лицеевъ вовсе не составляетъ одиночныхъ явленій.

миновавшихся отвѣчали, хотъ и видимо безсознательно, но все же до нѣкоторой степени впопадъ; другіе же, разъ сбившись, теряли всякій смыслъ въ своемъ отвѣтѣ и старались только догнать своихъ товарищей, а третьи просто кричали и открывали рты, дѣлая видъ что отвѣчаютъ. Впечатлѣніе получалось удручающее.

—

Да, не боясь осужденія въ пристрастіи, по совѣсти нужно сказать что финляндская элементарная школа съ ея политиканствующею „агитаціей“, съ ея узкимъ руссофобствомъ и, наконецъ, съ поверхностностью и мизерностью ея курсовъ, представляетъ явленіе, если только не останавливаться на одной внѣшней чистотѣ и аккуратности, очень печальное. Не слѣдъ бы этой школѣ такъ безразсудно и дерзко отворачиваться отъ того „административнаго“ и русскаго элемента который могъ бы способствовать сближенію Финляндіи съ великимъ Русскимъ народомъ и его школой.

Ю. Н. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ «ФИНЛЯНДСКАЯ ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ШКОЛА ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ».

1.

	Учебные годы.									
	1876—1777	1877—1878	1878—1879	1879—1880	1880—1881	1881—1882	1882—1883	1883—1884	1884—1885	1885—1886
Населеніе Финляндіи	—	—	—	—	2.061.782	2.081.612	2.111.240	2.143.301	2.176.421	2.203.358
Число казенныхъ элементарныхъ школъ.	57	51	49	47	47	46	45	46	55	50
Число частныхъ элементарныхъ школъ.	—	36	34	45	51	47	46	53	53	53
Число учащихся въ казенныхъ школахъ.	4.182	4.255	4.371	4.507	4.553	4.629	4.583	4.609	4.915	4.947
Число учащихся въ частныхъ школахъ.	—	2.271	2.490	3.027	3.460	3.554	3.859	4.337	4.241	4.277
Казенныя субсидіи частнымъ школамъ.	—	61.200	120.900	129.666	135.100	167.050	221.900	274.300	297.400	347 550
Содержаніе казенныхъ школъ	1.146 529	1.161.764	1.194.671	1.205.023	1.214.138	1.233.467	1.248.153	1.326.848	1.519.151	1.627.001

2.

ФИНЛЯНДСКІЯ ЧАСТНЫЯ ЭЛЕМЕНТАРНЫЯ ШКОЛЫ ЗА 1888—89 УЧЕВНЫЙ ГОДЪ.

(По отчетамъ Главнаго Управленія).

Школы.	Школъ.			Казенная субсидія.		Число учащихъ.	Число учащихся мальчиковъ.	Число учащихся дѣвочекъ.	Родной языкъ ученик.		
	Число шведскихъ.	Число финскихъ.	Число нѣмецкихъ.	Марки.	Пенніи.				Шведскій.	Финскій.	Иной.
Лицеи	8	4	—	121.500	—	179	826	283	838	221	50
Женскія и приготовительныя	31	13	2	148.700	—	408	637	2.086	1.794	840	80

ФИНЛЯНДСКІЯ КАЗЕННЫЯ ЭЛЕМЕНТАРНЫЯ ШКОЛЫ ЗА 1888—89 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

(По отчетамъ Главнаго Управленія.)

	Школы по языку преподаванія.	Число школъ.	Число учителей.	Число учениковъ.	Родной языкъ учениковъ.			Число выбывшихъ до окончанія курса.			Окончивш. курсъ.	Поведеніе.			Успѣхи.		
					Шведскій.	Финскій.	Иной.	Со свидѣтельствомъ.	Исключен.	Умершихъ.		Похвально.	Удовлетвор.	Неудовлетвор.	Похвальные.	Удовлетвор.	Неудовлетвор.
Элементарн. и реальн. школы.	Шведскія	9	61	287	273	13	2	38	5	—	47	254	8	—	9	229	24
	Финскія	13	84	632	103	524	5	83	—	2	99	597	7	—	58	522	24
	Шведско-Финскія	1	4	23	4	17	2	2	—	—	11	20	1	—	2	18	1
Лицеи.	Шведскія	8	144	1.439	1.362	28	49	172	3	8	96	1.224	75	3	120	1.164	18
	Финскія	9	130	1.881	496	1.379	9	160	2	8	111	1.636	68	7	249	1.426	36
	Шведско-Финскія	1	16	112	48	62	2	6	—	—	9	105	2	—	8	89	10
Женскія школы.	Шведскія	7	90	852	795	23	34	30	—	5	138	824	—	—	204	620	—
	Финскія	5	63	598	134	460	4	21	—	2	91	578	1	—	138	440	1

	Школы по языку преподаванія.	Штатъ школъ.		Часть этой суммы идетъ изъ: Казны.		Коммунъ.		Пожертвов.		Училищныя библіотеки. Число книгъ.	Годов. ассиг.		Число учениковъ платящихъ за ученье.		Число учениковъ освобожденныхъ отъ платы за ученье.	
		Марки.	Пенни.	Марки.	Пенни.	Марки.	Пенни.	Марки.	Пенни.		Марки.	Пенни.		%		%
Элементарн. и реальн. школы.	Шведскія	196.484	43	181.269	—	—	—	2 320	92	8.550	2.600	—	182	65	96	35
	Финскія	233.256	3	228.776	3	—	—	4.480	—	8.615	3.525	—	408	65	223	35
	Шведско-Финскія	10.600	—	10.600	—	—	—	—	—	102	100	—	13	57	10	43
Лицеи.	Шведскія	580.779	47	578.779	47	—	—	2.000	—	66.199	7.700	—	991	70	427	30
	Финскія	539.192	22	539.192	22	—	—	—	—	26.530	8.653	67	1.346	72	532	28
	Шведско-Финскія	61.213	33	61.213	33	—	—	—	—	1.777	1.000	—	73	65	99	35
Женскія школы.	Шведскія	208.945	84	203.374	40	571	44	—	—	4.876	2.734	40	557	66	293	34
	Финскія	156.969	89	156.969	89	—	—	—	—	1.909	2.300	—	396	67	196	33

Общій годовой бюджетъ Финляндіи за 1888 годъ 42.664.101 марокъ 52 пенни, а за 1889 годъ 46.351.261 марокъ 80 пенни.

СЪ ФИНЛЯНДСКОЙ ГРАНИЦЫ.*

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“.

Недавняя поѣздка въ южную часть Выборгской губерніи дала мнѣ возможность ознакомиться съ условіями этой мѣстности. Я остановился на станціи Теріоки, второй отъ Финляндской границы, и оттуда проѣхалъ, верстъ за пятнадцать, въ небольшое имѣніе моего петербургскаго знакомаго.

Мѣстность находится уже внѣ болѣе густо населеннаго дачнаго района, но и здѣсь жители Петербурга значительно подняли цѣны на землю. Мѣста удобныя для поселенія, не болотистыя и на берегу моря, продаются рублей по 100 за десятину, несмотря на то что почва не плодородна и хозяйство приноситъ одинъ убытокъ. Мой знакомый былъ счастливъ, купивъ участокъ въ нѣсколько десятковъ десятинъ въ одной окружной межѣ. Онъ разсказалъ мнѣ два слѣдующіе случая характеризующіе здѣшніе порядки.

Одинъ изъ крестьянъ нашелъ было покупателя на удобный участокъ, десятинъ въ пять, вблизи моря; онъ провелъ желавшаго купить участокъ отъ дороги черезъ два чужія владѣнія и, на вопросъ какъ же проѣзжать въ участокъ, получилъ отвѣтъ „что иного пути нѣтъ“, мы де всегда тутъ проходимъ. Покупатель справился, и оказалось что финляндскій законъ не содержитъ никакихъ постановленій въ этомъ отношеніи, и что его сосѣди имѣли бы полную возможность отрѣзать ему доступъ къ большой дорогѣ и предоставить ему на выборъ: ѣздить на свой участокъ въ воздушномъ шарѣ, или моремъ.

Другой случай еще забавнѣе. Богатый петербургскій купецъ Нѣмецъ, большой любитель сельскаго уединенія, узналъ что одинъ изъ здѣшнихъ крестьянъ продаетъ хорошій участокъ въ 30 десятинъ за дешевую цѣну; онъ посмотрѣлъ мѣсто, оно ему понравилось, и онъ поторопился заключить запродажную запись. Частный повѣренный взялъ съ него рублей 25, переводчикъ рублей 15, да нѣсколькимъ свидѣтелямъ пришлось заплатить по 1 рублю, и всѣ увѣрили его что все обстоитъ благополучно. Онъ положился на честность Финляндцевъ. Воротился къ женѣ и сказалъ: „Истратилъ послѣдній рубль, но за то купилъ прекрасный участокъ.“

Въ слѣдующее воскресенье мужъ съ женой отправились туда, взяли опять переводчика, и съ нимъ и съ продавцомъ,

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 286, отъ 16 октября.

отправились на участокъ. Посмотрѣли гдѣ построить домъ, развести садъ и огородъ, и лишь тогда замѣтили что два чужіе забора стоятъ что-то очень близко.

— Гдѣ же тутъ тридцать десятинъ? спросили они мужика:—тутъ не болѣе четырехъ будетъ.

— Совершенно вѣрно, отвѣтилъ онъ.—Пожалуйте, я вамъ покажу остальную землю.

Пошли версты за двѣ, гдѣ имъ показали болотистый участокъ, заросшій одною брусникой; затѣмъ, верстъ за пять или за шесть, оказался другой черезполосный участокъ-выгонъ, заросшій довольно плохою травой. Наконецъ, еще верстъ за десять, оказалось чистѣйшее моховое болото, въ немъ было десятинъ пятнадцать.

— Вотъ вамъ весь участокъ, извольте сосчитать, сказалъ мужикъ,—счетъ вѣренъ.

Нѣмецъ, конечно, не захотѣлъ покупать такой участокъ и лишился задатка.

Черезполосица здѣсь большая, и произошла она совсѣмъ не отъ той причины отъ которой произошла черезполосица, напримѣръ, въ Германіи, Франціи или Малороссіи, то-есть не отъ семейныхъ раздѣловъ. Здѣсь она произошла вслѣдствіе межеванія и невѣжества финляндскихъ землемѣровъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, крестьянскіе участки были нарѣзаны узкими полосами діагонально къ морю. Когда было рѣшено строить Финляндскую желѣзную дорогу и явилась надежда на продажу участковъ петербургскимъ жителямъ, то рѣшено было произвести межеваніе и нарѣзать участки перпендикулярно къ морю и дорогѣ. Сказано—сдѣлано, но землемѣры нарѣзали участки такъ неумѣло что большинство крестьянъ получили въ одной окружной межѣ значительно менѣе земли чѣмъ прежде, и внѣ нарѣзки остались небольшіе участки разной формы, которые отводились крестьянамъ въ дополненіе къ большимъ участкамъ. Многіе лишились удобныхъ земель, полей удобренныхъ отцами и дѣдами, и получили нѣсколькими десятинами болѣе моховаго болота. Кто сумѣлъ заплатить вовремя, получилъ участокъ лучше прежняго, а кто прозѣвалъ, тотъ получилъ 4 или 5 клочковъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ крестьянинъ о которомъ была рѣчь выше. Жалобы администраціи не повели ни къ чему, а финляндская юстиція до такой степени затруднительна и дорога что въ судъ никто не жаловался.

Вблизи Теріокъ и Черной Рѣчки межеваніе было произведено лѣтъ двадцать тому назадъ, а до самой пограничной полосы Петербургской губерніи оно дошло лишь въ прошломъ и нынѣшнемъ году. Невѣжество и произволъ землемѣровъ невѣроятны. Приходятъ въ лѣсъ, рубятъ просѣку, производятъ измѣреніе, затѣмъ вычисленіе, и находятъ крупную ошибку. Просѣка проведена не тамъ гдѣ слѣдуетъ быть межѣ. Затѣмъ такъ же безцеремонно рубятъ вторую и третью просѣку, пока, наконецъ, измѣреніе сойдется.

У насъ распространено мнѣніе что Финляндцы, особенно чиновники, очень не любятъ Русскихъ. Относительно финляндскихъ землемѣровъ это не совсѣмъ справедливо: русскія деньги они несомнѣнно любятъ, и нѣкоторые землевладѣльцы изъ петербургскихъ жителей значительно округлили свои владѣнія и получили цѣнныя земли вмѣсто болотъ, благодаря своевременному приношенію землемѣрамъ, а иные крестьяне совсѣмъ лишились земли, на томъ основаніи что они де самовольные поселенцы жившіе на казенной землѣ и лишь терпимые до поры до времени.

Я навелъ справки у знакомаго офицера-геодезиста въ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ Главнаго Штаба. Онъ также удивлялся невѣжеству финляндскихъ землемѣровъ и сказалъ мнѣ что недавно одинъ изъ очень заурядныхъ топографовъ поступилъ въ Финляндское межевое вѣдомство, гдѣ теперь считается авторитетомъ, и гдѣ его, что называется, на рукахъ носятъ. Онъ единственный что-нибудь смыслящій въ дѣлѣ съемокъ.

Но возвратимся къ Теріокамъ. Мѣста о которыхъ была рѣчь выше находятся далеко отъ станціи желѣзной дороги, и къ нимъ ведетъ лишь проселочная дорога, мѣстами идущая по сыпучему песку. Мѣстность на берегу моря, ближе къ станціи желѣзной дороги, почти сплошь застроена дачами

на значительное разстояніе, и земля на берегу моря, на разстояніи отъ $1^1/_2$ до 3 или 4 верстъ отъ станціи, пріобрѣла огромную цѣнность. Нѣкоторые участки сданы въ долгосрочную аренду подъ постройку дачъ до полутораста рублей въ годъ. Когда мнѣ сказали эту цифру, я переспросилъ: не покупная ли это цѣна? оказалось что цифра вѣрна, и что петербургскіе жители платятъ такія цѣны за сыпучіе финляндскіе пески, кое-гдѣ заросшіе рѣдкими, тощими соснами. Это объясняется тѣмъ что до Петербурга всего 45 верстъ, дачное движеніе превосходно устроено, поѣзда ходятъ часто, пассажировъ не тѣснятъ, и въ III классѣ отдѣляютъ чистую публику отъ грязной, такъ что большинство дачниковъ постоянно ѣздитъ въ III классѣ безо всякаго неудобства.

А таможни? спрашиваю я у знакомыхъ дачниковъ, и получаю отвѣтъ что финляндскія таможни хотя и взимаютъ пошлину со многихъ необходимыхъ для дачниковъ съѣстныхъ припасовъ, напримѣръ, чая, сахара, вина и т. д., но что ловкіе люди ни копѣйки не платятъ. Фактически пошлина взимается лишь съ того что сдано по товарной или багажной квитанціи: со всего этого приходится платить полностію въ Теріокахъ, но никто не заботится о тѣхъ вещахъ которыя пассажиры провозятъ въ вагонахъ, а подъ лавками III класса такъ много мѣста что можно провезти большіе кули съ виномъ, сахаромъ и прочею провизіей, не платя ни копѣйки финляндской казнѣ. Тѣ жѣ порядки существуютъ на русской таможнѣ: и тутъ никто не заботится о пассажирскихъ вещахъ не сданныхъ въ багажъ.

У финляндскихъ дачниковъ есть ходячій анекдотъ о совѣстливомъ пассажирѣ предъявившемъ въ Бѣлоостровѣ, русской пограничной станціи, ящикъ сигаръ купленный въ Гельсингфорсѣ. Пошлину съ него взяли, и таможенныя обрядности продолжались такъ долго что онъ пропустилъ поѣздъ. Много надъ нимъ смѣялись знакомые, приговаривая: „Вотъ вамъ и наука не безпокоить таможенныхъ чиновниковъ“. Ихъ обыкновенно и не безпокоятъ въ Бѣлоостровѣ, такъ какъ багажъ или товаръ обыкновенно сданы до Петербурга, гдѣ и досматриваются на станціи желѣзной дороги.

Ф. Г.

ВЪ ВИДУ ПРЕДСТОЯЩАГО ФИНЛЯНДСКАГО СЕЙМА.

1.

Финляндскіе сеймовые церемоніалы.

(Передовая статья № 286 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 15 октября.

Въ началѣ будущаго года опять открывается Финляндскій Сеймъ. * Въ Высочайшей грамотѣ данной по этому случаю финляндскимъ земскимъ чинамъ 28 (16) марта текущаго года въ Петербургѣ, между прочимъ, сказано:

«Согласно съ намѣреніемъ выраженнымъ Нами при открытіи Сейма 1888 года, и на основаніи Высочайше утвержденнаго Сеймоваго Устава 3 (15) апрѣля 1869 года, Мы повелѣваемъ открыть 8 (20) января будущаго 1891 года очередной Сеймъ въ Гельсингфорсѣ.» Грамота скрѣплена финляндскимъ министромъ-статсъ-секретаремъ К. Эрнротомъ.

Такимъ образомъ, новое собраніе земскихъ чиновъ Финляндіи созывается черезъ три года послѣ предшествовавшаго Сейма, открытаго 17 (5) января 1888 года. Если обратимся къ только-что упомянутому Сеймовому Уставу, то во второмъ его параграфѣ прочтемъ что «урочный сеймъ созывается по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ».

До 1882 года такъ и бывало. Какія затѣмъ были побудительныя причины приведшія къ созыву земскихъ чиновъ почти вдвое чаще, мы обсуждать не станемъ; намъ не извѣстно, равнымъ образомъ, предусматривается ли необходимость и при открытіи Сейма 1891 года подготовить новое созваніе финляндскихъ земцевъ не чрезъ нормальныя по уставу пять лѣтъ, а на два года ранѣе.

Мы, конечно, могли бы отнестись совершенно безразлично къ тому будутъ ли эти сеймы чаще или рѣже, еслибъ они ограничивались своею ролью мѣстнаго совѣщательнаго собранія, результаты дѣятельности коего шли бы правильнымъ путемъ на разсмотрѣніе и окончательное

* См. выше, стр. 255—257, 463, 473—474.

утвержденіе высшей государственной власти. Но, къ прискорбію, этого далеко нѣтъ, и сеймовыя мнѣнія, или рѣшенія, какъ вошло теперь въ привычку называть ихъ, въ своемъ послѣдовательномъ движеніи для облеченія силой закона, идутъ исключительно чрезъ финскія учрежденія, а если случайно и бываютъ на разсмотрѣніи русскихъ властей, то при окончательной обработкѣ все-таки остаются всецѣло въ финляндскихъ рукахъ, причемъ отзывы русскихъ установленій подвергаются иногда удивительнымъ метаморфозамъ. Въ результатѣ каждаго Финляндскаго Сейма является нѣсколько новыхъ постановленій все болѣе и болѣе ограничивающихъ права не только Русскаго народа, но и самого Русскаго Государя. Это фактъ не подлежащій сомнѣнію и спору. Понадобились бы цѣлыя страницы для одного только перечисленія тѣхъ захватовъ кои сдѣланы Финляндцами въ ущербъ этимъ правамъ и интересамъ, начиная съ возобновленія финляндскихъ сеймовыхъ собраній разрѣшеннаго довѣріемъ покойнаго Государя четверть вѣка назадъ. *

Поэтому учащенныя собранія земскихъ чиновъ Финляндіи, ни кѣмъ не контролируемыя, а теперь пріобрѣтшія даже и право законодательнаго почина, имъ по Сеймовому Уставу не принадлежавшее,—такія учащенныя собранія не могутъ не вызывать въ Русскихъ людяхъ большихъ опасеній. Еслибы, напримѣръ, отъ послѣдняго Сейма 1888 года осталось одно только знаменитое «Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго», ** распространяющее финляндскую юрисдикцію и на чисторусскія губерніи и подставляющее Русскихъ людей, даже изъ среды привилегированныхъ сословій, подъ розги финляндской полиціи, въ прямомъ смыслѣ этого слова, то и одного этого было бы съ избыткомъ довольно для того чтобы намъ, Русскимъ, глядѣть на Финляндскіе Сеймы съ большимъ недовѣріемъ.

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ намѣренія входить въ сущность гельсингфорсскихъ сеймовыхъ дѣлъ, сколь ни оскорбительны они для русскаго имени и достоинства. Мы коснемся на этотъ разъ только чисто внѣшней стороны собраній Сейма. И въ ней, при всей ея, повидимому, малозначительности, найдется не мало любопытнаго, а для человѣка вникающаго въ сущность вещей и не мало наводящаго на размышленіе.

Вскорѣ надо ожидать, по прежнимъ примѣрамъ, появленія въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* «Церемоніала» открытія Сейма. Законъ, то-есть Сеймовый Уставъ 1869 года, на который сдѣлано указаніе въ самой Высочайшей грамотѣ, *нигдѣ* не упоминаетъ ни о какомъ церемоніалѣ, тѣмъ болѣе что въ восьмидесяти двухъ параграфахъ составляющихъ Уставъ разсѣяно очень много такихъ подробностей которыя принадлежатъ именно къ сферѣ «церемоній». Съ другой стороны, законъ этотъ отнесенъ къ числу *основныхъ* и повелѣваетъ *буквальное* его исполненіе. * Конечно, такое требованіе направлялось составителями-Финляндцами главнымъ образомъ противъ Русскаго Государя, однако, волей-неволей финляндскіе чиновники обязаны примѣнять его и къ себѣ. Но эти господа, особенно

---

* См. выше, стр. 71, 131—142.

** См выше, стр. 262—276, 297—315, 381—383, 469—472, 483—489.

* „Мы... принимаемъ къ руководству Сеймовый Уставъ слѣдующаго содержанія и *буквальнаго* смысла." (*Сб. Пост. В. Кн. Финл.* за 1869 годъ, № 11, стр. 2.)

новѣйшихъ формацій, вовсе не стѣсняются буквальными предписаніями своего закона и свободно сочиняютъ церемоніалы, «основнымъ» закономъ не установленные. Отдѣльные церемоніалы для нихъ сущій кладъ: они увеличиваютъ вѣсъ, они даютъ особый блескъ собраніямъ сеймовыхъ законодателей. Поэтому церемоніалы не только издаются, но и сопровождаются выразительною надписью: «публиковать въ церквахъ».*

При такомъ послабленіи не удивительно что стремленія извѣстныхъ вожаковъ—быть во что бы ни стало «государствомъ»—находили въ церемоніалахъ Сейма удобные пути выраженія и какъ бы осуществленія. И дѣйствительно, представители четырехъ финляндскихъ сословій, составляющіе Сеймъ и въ Сеймовомъ Уставѣ совершенно опредѣленно именуемые *земскими* чинами, въ церемоніалахъ не разъ превращались въ *«государственные»* чины. Подобнымъ образомъ и залъ въ Императорскомъ дворцѣ, гдѣ эти чины собираются для открытія и закрытія Сейма, получилъ названіе «государственнаго» зала,—конечно, не русскаго, а финляндскаго.

Въ послѣднее время, правда, такихъ свободныхъ переименованій болѣе не встрѣчалось, но характеръ церемоніаловъ не былъ отъ того умѣреннѣе и скромнѣе. Напротивъ, отъ Сейма до Сейма появляются порой новыя подробности направленныя все къ той же цѣли: къ возвеличенію и усиленію блеска сеймовъ и къ приданію имъ характера государственныхъ законодательныхъ собраній. Судите сами.

Объ объявленіи, напримѣръ, созыва земскихъ чиновъ § 26 Сеймоваго Устава говоритъ просто, хотя и своеобразно: «Государь Императоръ и Великій Князь, или кто имъ будетъ вмѣсто Себя (!) назначенъ, объявляетъ сословіямъ о днѣ назначенномъ для открытія Сейма.» Вотъ и все. Обыкновенно исполненіе этой и другихъ формальностей поручается генералъ-губернатору Финляндіи. *Ему* и слѣдуетъ, по уставу, объявить «сословіямъ», то-есть депутатамъ, о назначенномъ днѣ. Но Церемоніалу же (беремъ таковой 1888 года) это постановленіе получаетъ такую, совсѣмъ особенную форму:

»17 января, въ день всемилостивѣйше назначенный Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ для созванія Сейма, общій референдарій-секретарь Финляндскаго Сената, въ качествѣ герольда, имѣя ассистентами двухъ протокольныхъ секретарей или другихъ чиновниковъ Сената, является къ генералъ-губернатору, которому Всемилостивѣйше поручено отъ имени Его Величества Государя Императора и Великаго Князя открыть Сеймъ. По передачѣ генералъ-губернаторомъ общему референдарій-секретарю созыва на Сеймъ, съ приказаніемъ тотчасъ провозгласить собраніе онаго, общій референдарій-секретарь, при своихъ ассистентахъ, отправляется къ Сенатскому дому, гдѣ онъ съ параднаго крыльца, у котораго имѣетъ быть выстроена рота лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго баталіона съ хоромъ музыки, при звукахъ трубъ публично прочитываетъ сеймовое созваніе на шведскомъ и финскомъ языкахъ, съ приглашеніемъ земскихъ чиновъ края явиться въ установленныя мѣста для записки ихъ и сдачи своихъ полномочій.“

Такимъ образомъ, прежде всего оказывается объявленіе не «сословіямъ», то-есть депутатамъ Сейма, какъ постановлено въ законѣ подлежащемъ буквальному исполненію, а народу, толпѣ, изъ которой

* См. выше, стр. 424—426.

бо́льшая часть даже не имѣетъ вовсе никакихъ своихъ представителей на Сеймѣ. Далѣе, объявляетъ не генералъ-губернаторъ, а сенатскій чиновникъ, въ качествѣ «герольда», при ассистентахъ. Еще далѣе оказывается почетный караулъ изъ цѣлой роты русской Императорской гвардіи, караулъ—при сенатскомъ чиновникѣ или, въ лучшемъ случаѣ, при Финляндскомъ Сенатѣ. Герольдъ читаетъ объявленіе съ «парадная крыльца»—чьего? Не генералъ губернаторскаго дома, и не Императорскаго дворца, а Финляндскаго Сената, какъ бы объявленіе исходило отъ сего послѣдняго, чѣмъ, конечно, въ понятіи толпы должно возвышаться его значеніе и величіе. Въ довершеніе блеска, раздаются звуки трубъ – этотъ символъ побѣды.

По всему такому аппарату торжественности, человѣкъ не знающій въ чемъ дѣло легко могъ бы подумать что онъ присутствуетъ при оглашеніи великаго, исключительнаго событія, восшествія на престолъ новаго монарха, или священнаго его коронованія, или завершенія побѣдоносной войны. А на самомъ дѣлѣ—это лишь новый созывъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, заурядная собранія земскихъ представителей четырехъ сословій, даже, въ сущности, не всего народа...

Кромѣ «герольда», въ § 2 Церемоніала является еще особый «церемоніймейстеръ» Сейма, а въ § 3—«придворные кавалеры». Ни о комъ изъ этихъ лицъ въ Сеймовомъ Уставѣ нѣтъ и помина. Какіе это придворные кавалеры? Судя по мундиру, оказываются русскіе придворные; въ добавокъ, эти «придворные кавалеры», какъ видно изъ § 27 Церемоніала, занимаютъ въ шествіяхъ самое послѣднее мѣсто, ниже лицъ свиты генералъ-губернатора. Сколько извѣстно, о включеніи русскихъ придворныхъ, хотя бы и изъ Финляндцевъ, въ сеймовые церемоніалы не дѣлается никакихъ предварительныхъ сношеній съ управленіемъ Императорскаго Двора. Но во всякомъ случаѣ слѣдовало бы оберечь достоинство этого Двора, представителямъ котораго, конечно, не мѣсто въ хвостѣ свиты хотя и высокопоставленнаго, хотя и русскаго, но все-таки не августѣйшаго лица, а не болѣе какъ генерала.

Но всѣхъ этихъ герольдовъ, церемоніймейстеровъ и даже придворныхъ кавалеровъ, составителямъ финляндскихъ церемоніаловъ оказывается мало. «Государство» финляндское все-таки еще не для всѣхъ очевидно. Этому горю помогли привлеченіемъ къ церемоніи «консуловъ иностранныхъ державъ», какъ явствуетъ изъ § 26 Церемоніала. Ихъ не полагалось приглашать не только по Сеймовому Уставу, но и по прежнимъ церемоніаламъ. Еще при открытіи Сейма 1882 года они отсутствовали. Но когда финляндскіе дѣльцы понеслись къ сепаратизму на всѣхъ парахъ, то, по образцу европейскихъ «государственныхъ парламентовъ», понадобилось и присутствіе дипломатическаго корпуса. Только въ Европѣ онъ присутствуетъ въ качествѣ зрителя, въ особой ложѣ, а Финляндцы отвели иностраннымъ консуламъ мѣсто въ самой залѣ, за Императорскимъ тономъ, наравнѣ *и вмѣстѣ* съ русскими генералами: и тѣхъ, и другихъ поставили на одну доску, слѣва; финляндскимъ чиновникамъ отведена болѣе почетная правая сторона...

Послѣ всего сказаннаго не удивительно что и другія, не менѣе существенныя части Церемоніала пишутся въ томъ же духѣ. Въ Сеймовомъ Уставѣ, напримѣръ, сказано (§ 26): «Государь Императоръ, или кто Имъ будетъ вмѣсто Себя назначенъ, *привѣтствуетъ* земскіе чины

и объявляетъ сеймъ открытымъ». А въ Церемоніалѣ, вмѣсто «привѣтствія», то-есть простаго даже поклона со стороны лица открывающаго Сеймъ, оказывается уже «*рѣчь*», притомъ отъ лица Монарха, которая, при извѣстныхъ широкихъ толкованіяхъ, прямо обращается въ парламентскую «тронную» рѣчь...

Во второстепенныхъ деталяхъ церемоніалы почти цѣликомъ списываются съ церемоніаловъ дѣйствующихъ при Высочайшемъ Дворѣ. Напримѣръ:

„§ 4. Когда всѣ подлежащія лица такимъ образомъ собрались и заняли свои мѣста, и церемоніймейстеръ Сейма донесетъ о томъ генералъ-губернатору, его сіятельство выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемную залу."

Или:

„§ 14. Когда всѣ займутъ опредѣленныя имъ мѣста и церемоніймейстеръ доложитъ о томъ генералъ-губернатору, его сіятельство входитъ въ залу."

Или:

„§ 11. При вступленіи генералъ-губернатора въ церковь начинается церковная музыка." И т. д.

Но очень заблуждаются тѣ кто думаетъ что подобными фразами Церемоніала возвышается значеніе въ Финляндіи русской власти. Напротивъ, иныя изъ нихъ прямо ее унижаютъ. Возьмемъ для примѣра § 5 Церемоніала, по которому ландмаршалъ (предсѣдатель Сейма) и вице-ландмаршалъ «приносятъ *предъ генералъ-губернаторомъ* (заступающимъ Особу Русскаго Государя) *присягу, читаемую на шведскомъ языкѣ*», то есть на языкѣ котораго онъ не понимаетъ... *

Ограничимся сказаннымъ. Неужели для блага Финляндіи такъ необходимы, съ одной стороны, подобное пренебреженіе къ русскому главному начальнику края, а съ другой—такіе ни съ чѣмъ несообразные пышность и блескъ, которые въ простодушныхъ людяхъ возбуждаютъ только высокомѣріе, порождающее и усиливающее сепаратистскія стремленія?..

2.

Русскія права и „рѣшенія" Финляндскихъ сеймовъ.

(Передовая статья № 300 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 29 октября.

Говоря о пышныхъ и несогласныхъ съ Уставомъ церемоніалахъ открытія и закрытія очередныхъ Финляндскихъ сеймовъ, ** мы упомянули что въ результатѣ каждаго сейма является нѣсколько постановленій все болѣе и болѣе ограничивающихъ права не только Рус-

* Надо замѣтить что Сеймовый Уставъ ничего не постановляетъ о языкѣ на которомъ должна приноситься присяга, и вообще объ языкѣ для сеймовыхъ документовъ. А ознакомленіе Финляндцевъ съ русскимъ языкомъ предустанавливалось еще со временъ Спренгтпортена, перваго финляндскаго генералъ-губернатора, назначеннаго покорителемъ Финляндіи, императоромъ Александромъ Павловичемъ.

** См. выше, стр. 518—522. (Еще см. выше, стр. 261.)

скаго народа, но и самого Государя. Уже знаменитый Сеймовый Уставъ 1869 года * представляетъ собою вопіющее ограниченіе Верховной Власти; но сеймовыя «рѣшенія» идутъ въ этомъ направленіи съ каждымъ новымъ сеймомъ все дальше и дальше.

Само названіе «рѣшеній», которымъ титулуются сеймовыя мнѣнія или заключенія, есть своего рода посягательство, ибо заключенія земскихъ чиновъ по дѣламъ ими разсматриваемымъ, конечно, никакъ не должны называться рѣшеніями: это не болѣе какъ совѣщательные отзывы, не имѣющіе никакой силы до тѣхъ поръ пока не послѣдовало утвержденія ихъ Верховною Властію.

Между тѣмъ, по заведенному порядку, эти самозванныя «рѣшенія» издаются особо и офиціально именно подъ этимъ названіемъ и, мало того, помѣщаются въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго.* Въ этихъ рѣшеніяхъ земскіе чины, говоря о себѣ, пишутъ: «Мы», «Насъ», «Намъ», «Свои», «Себѣ» и пр., съ большой буквы, что, — по крайней мѣрѣ по-русски, — присвояется только Особѣ Императора. Все это, конечно, обстоятельства второстепенныя; однако, они принадлежатъ къ числу тѣхъ, не крупныхъ, но многочисленныхъ проявленій, которыми финляндская интеллигенція старается, худо ли, хорошо ли, проводить свою, ни на какомъ дѣйствительномъ законѣ, ниже на исторіи не основанную, теорію о существованіи въ Финляндіи «двухъ государственныхъ властей» — två statsmakterna.

Въ связи съ этою же теоріей, конечно, стоитъ и то что финляндскіе земцы не стѣсняются, напримѣръ, употреблять выраженіе: «Мы уполномочили правительство», * — хотя извѣстно, да и сами они постоянно это повторяютъ, что правительственная власть въ Финляндіи сосредоточивается именно въ Особѣ Монарха, отъ лица и именемъ Котораго дѣйствуютъ правительственные органы. Подобная, прямо дерзкая, фраза есть продуктъ другой новѣйшей финляндской теоріи, по которой Русскій Императоръ въ этомъ краѣ есть будто бы только *исполнительная* власть, то-есть, такъ сказать, только высшее должностное лицо...

Глядишь на все это, и глазамъ не вѣришь до чего можно дойти, съ одной стороны, при дерзости и нахальствѣ, съ другой — при послабленіяхъ и незнаніи!

Но возвратимся къ сеймовымъ «рѣшеніямъ» и, не касаясь пока захватовъ ими верховныхъ правъ, взглянемъ насколько сеймы Финляндіи постепенно выживаютъ изъ нея русскаго человѣка, стѣсняя его гражданскія права. Ограничимся тремя-четырьмя узаконеніями, состоявшимися въ силу «рѣшеній» послѣдняго Сейма 1888 года. Отличительная ихъ черта — «умолчаніе» о русскихъ людяхъ въ Финляндіи: пріемъ очень удобный дабы не привлечь вниманія, или, по крайней мѣрѣ, ослабить его, при разсмотрѣніи узаконеній въ высшихъ сферахъ.

17 декабря 1888 года гельсингфорсскіе сенаторы издали, — «съ согласія земскихъ чиновъ» и отъ Высочайшаго Имени, — «постановленіе о взиманіи временнаго налога съ *иностранцевъ*, занимающихся въ Финляндіи торговлей или инымъ промысломъ, въ теченіе 1889, 1890 и 1891 годовъ».

---

* См. выше, стр. 71, 131—142.

* *Сборн. Пост. Вел. Кн. Финл.* за 1888 годъ, № 44: „Рѣшеніе Земскихъ Чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго, состоявшееся на очередномъ сеймѣ въ Гельсингфорсѣ, 31 мая 1888 г.", § 34, стр. 10.

Но заголовку узаконенія, а также и по тождественной вступительной его части, слѣдуетъ думать что оно касается только иностранцевъ и вовсе не касается собственно Русскихъ людей. Между тѣмъ текстъ постановленія имѣетъ совсѣмъ другое, обширнѣйшее значеніе.

«Всякій»—гласитъ этотъ текстъ (§ 1, п. 1)—кто, «*не будучи финляндскимъ гражданиномъ*, пребываетъ въ краѣ болѣе трехъ дней и производитъ въ свою пользу или, въ качествѣ агента, въ пользу другаго торговлю иностранными товарами, за исключеніемъ привезенныхъ съ собою сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и издѣлій домашней работы, *обязанъ*, за время производства таковой торговли свыше означеннаго срока, *платить* временный промысловый налогъ въ размѣрѣ *120 марокъ въ мѣсяцъ*, внося оный за цѣлый мѣсяцъ, хотя бы его пребываніе въ краѣ по торговымъ дѣламъ продолжалось и менѣе мѣсяца.»

«Если подобный *не финляндскій гражданинъ* будетъ, свыше трехъ дней по прибытіи въ край,» дѣлать свое дѣло, «упустивъ надлежащимъ порядкомъ внести установленный сборъ», то онъ подвергается взысканію въ размѣрѣ сбора и, кромѣ того, уплатѣ налога.»(§ 2, п. 4.)

Такой же налогъ (въ разныхъ размѣрахъ) взимается съ того, «кто, *не будучи финляндскимъ гражданиномъ*», устраиваетъ за плату въ свою пользу зрѣлища, даетъ представленія, концерты и пр. (§ 1, п. 2.)

Итакъ, вотъ какихъ «иностранцевъ» касается узаконеніе 1888 года. Тотъ кто «не финляндскій гражданинъ,»—слѣдовательно и Русскій не пожелавшій сдѣлаться ренегатомъ и принять финляндское подданство,—подлежитъ дѣйствію закона о временномъ налогѣ «на иностранцевъ»: эти послѣдніе оказались нужными только для отвода глазъ.

Слѣдуетъ добавить что хотя этотъ налогъ и именуется временнымъ, но въ сущности есть налогъ постоянный, ибо онъ возобновляется на каждомъ сеймѣ уже десятки лѣтъ. Ясно, поэтому, что постановленіемъ о временномъ налогѣ на иностранцевъ запираются наглухо финляндскія двери предъ Русскими, особенно не крупными, торговцами. Очень не легко, дѣйствительно, за право на небольшую торговлю платить 1.440 марокъ, то-есть 360 руб золотомъ въ годъ.

Совершенно того же свойства другое постановленіе, состоявшееся въ тотъ же день, 17 декабря 1888 года по сеймовому «рѣшенію» объ измѣненіи § 3 постановленія 1879 года «о промыслахъ», подъ которыми разумѣется и торговля.

Собственно это частное измѣненіе не касается прямо Русскихъ людей, но все прежнее постановленіе 31 марта 1879 года получило новое подтвержденіе,—а оно именно направлено противъ Русскихъ, бывъ издано въ самый разгаръ всяческихъ финляндскихъ захватовъ на счетъ Россіи.

«Всякій *финляндскій гражданинъ*», говорится въ этомъ узаконеніи (§ 1, п. 1), «какъ мущина, такъ и женщина, имѣетъ право, на условіяхъ, ниже сего постановленныхъ, заниматься промыслами по собственному своему выбору.»

Но что же говорится о «русскомъ» гражданинѣ, съ которымъ ведется бо́льшая половина финляндской торговли? О немъ *ничего* не говорится, а на дѣлѣ онъ долженъ руководиться § 12 постановленія о промыслахъ, имѣющимъ въ виду «иностранцевъ»:

«Если иностранецъ», — значится въ этомъ параграфѣ,—«пребываю-

щій въ краѣ съ надлежащаго разрѣшенія, пожелаетъ открыть торговлю или фабрику, или же начать иной промыселъ въ городѣ или уѣздѣ, то онъ обязанъ» и т. д.

Требуется, между прочимъ, представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи и обезпеченіе въ уплатѣ казенныхъ и общинныхъ повинностей въ теченіе трехъ лѣтъ, чего Финляндецъ исполнять не обязанъ.

Постановленіемъ даннымъ въ Гельсингфорсѣ 11 ноября 1889 года измѣнены, по сеймовому рѣшенію, нѣкоторыя правила финляндскаго Морскаго Устава. И здѣсь, въ новой уже редакціи, тѣ же двѣ категоріи лицъ признаваемыя закономъ: иностранецъ и туземецъ; о Русскихъ же нѣтъ и помина, хотя и говорится о плаваніи въ россійскіе порты Финскаго залива, Балтійскаго моря и Ладожскаго озера, а также извѣстно что финляндскія суда плаваютъ подъ русскимъ флагомъ. Новыя правила настолько увеличили стѣсненія для Русскихъ людей (иностранцевъ) что имъ не дозволяется на будущее время быть даже пайщиками въ правѣ собственности на финляндское судно: «въ случаѣ же такого отчужденія, оно считается *не дѣйствительнымъ*». (§ 9, п. 1.)

Тутъ же, очевидно, и средство наживы для ловкихъ Финлянцевъ на счетъ иностраннаго, и въ особенности русскаго, кармана: «Если иностранецъ наслѣдуетъ подобную долю», то онъ «обязанъ до истеченія трехъ мѣсяцевъ передать свою долю туземцу.» (§ 9, п. 1.)

По § 31-му:

«Главное начальство на финляндскихъ судахъ, занимающихся перевозкой пассажировъ или торговымъ судоходствомъ, можетъ быть ввѣряемо *только финляндскому гражданину.*»

Итакъ: русскій флагъ — и полное воспрещеніе доступа Русскому человѣку къ управленію подъ этимъ флагомъ. Говоримъ: «полное» воспрещеніе, ибо изъ дальнѣйшихъ параграфовъ явствуетъ что Русскіе люди не могутъ занимать на финляндскихъ судахъ даже и второстепенныхъ должностей.

Другое дѣло Финлянецъ: ему открыты всѣ входы не только на свои, но и на всѣ русскія суда, притомъ въ роли даже и самыхъ большихъ начальниковъ.*

Упомянемъ еще объ одномъ узаконеніи, изданномъ по сеймовому же постановленію 15 апрѣля 1889 года, притомъ въ области не бывшей еще предметомъ финляндскаго законодательства, а потому, казалось бы, вовсе не стѣсненной прежними нашими ошибками. Имѣемъ въ виду постановленіе «о частныхъ желѣзныхъ дорогахъ открываемыхъ для общественнаго движенія». ** Здѣсь, съ оника, Русскіе люди рѣшительно устраняются отъ дѣла:

§ 2. «Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ можетъ быть разрѣшаемо *лишь финляндскимъ гражданамъ*, проживающимъ въ краѣ, мѣстныхъ общинамъ, и, по прошенію финляндскаго уроженца, финляндскимъ акціонернымъ обществамъ.

«Финляндскимъ признается акціонерное общество, правленіе котораго находится въ предѣлахъ края и болѣе чѣмъ на половину состоитъ изъ проживающихъ тамъ *финляндскихъ гражданъ.*»

Ограничимся пока приведенными примѣрами. Читатель и изъ нихъ увидитъ насколько финляндское законодательство, *на одномъ только сеймѣ*, урѣзало права Русскаго народа въ промышленной и торговой его дѣятельности. А между тѣмъ покори-

* См. выше, стр. 334—335.
** См. выше, стр. 146.

тель Финляндіи, Александръ I, торжественнымъ манифестомъ 1 октября 1809 года, объявляя объ этомъ покореніи всенародно, удостовѣрилъ что «торговля наша воспріиметъ новое расширеніе»...

Слѣдуетъ, однако, оговориться по поводу вышеизложеннаго. Если большая вина въ противорусскихъ узаконеніяхъ падаетъ на земскіе чины Финляндіи, то еще бо́льшая отвѣтственность лежитъ на финляндскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Главнѣйшая часть этихъ узаконеній имѣла въ основаніи своемъ правительственныя предложенія Сейму, исходившія по почину Финляндскаго Сената и по одобренію Финляндскаго Статсъ-Секретаріата и Комитета Финляндскихъ Дѣлъ въ Петербургѣ. Эти же учрежденія разсматривали и заключенія земскихъ чиновъ, причемъ имѣли, конечно, полную возможность представить о томъ чтобы несогласныя съ русскими правами мнѣнія Сейма подверглись или нужнымъ перемѣнамъ, или же и новому пересмотру. Но ничего этого не было сдѣлано,—и въ концѣ концовъ Русскаго человѣка тѣснятъ и гонятъ въ Финляндіи теперь такъ же точно какъ тѣснили и гнали во времена не скрывавшихъ своей ненависти къ Россіи Армфельтовъ и Шернваль-Валленовъ.*

---

* См. выше, стр. 38, 43, 46, 48, 54, 59, 70—72, 86, 89, 95—96, 104—106, 132, 136—139, 197, 206, 240—241, 491.

ПРОПОВѢДНИКИ СЕПАРАТИЗМА

и

ФИНСКІЙ ПРОСТОЙ НАРОДЪ.*

Письмо къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей“.

За финляндскою печатью, хотя и слабо, но все-таки слѣдитъ цензура, въ случаяхъ надобности хоть нѣсколько стѣсняющая неумѣренную ея свободу; но устныхъ произведеній лицъ дѣйствующихъ среди народа въ одинаковомъ направленіи съ публицистами, естественно, не въ состояніи ограничить никакая цензура.

Помѣщая въ своихъ газетахъ извѣстную уже вашимъ читателямъ прокламацію,** „представители общенароднаго мнѣнія въ Финляндіи“ всячески старались придать видъ правдоподобности своему вымыслу объ ея дѣйствительномъ происхожденіи изъ среды простаго народа. Затѣмъ газета *Uusi Suometar*, въ задорной передовой статьѣ, помѣщенной въ № 237, по поводу отзывовъ русской печати о прокламаціи, съ торжествующимъ видомъ указываетъ на прокламацію, какъ на неопровержимое доказательство ложности мнѣнія русской печати относительно того что простой народъ въ Финляндіи смотритъ на введеніе объединительныхъ реформъ иначе чѣмъ финляндская интеллигенція и газетные представители „общенароднаго“ мнѣнія.***

Не подумайте, однако, что простой народъ въ Финляндіи на самомъ дѣлѣ держится тѣхъ взглядовъ которые приписываютъ и стараются навязать ему мѣстные публицисты. Не вѣрьте и тому, будто бы простые поселяне въ Финляндіи рѣшились составить упомянутую прокламацію. Появленіе отъ имени простаго народа подобной вещи до очевидности ясно свидѣтельствуетъ лишь о существованіи въ средѣ народа пропагандистовъ сепаратизма, старающихся, изъ ненависти къ Русскимъ и всему

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 301, отъ 31 октября.

** См. выше, стр. 473—474 и 490.

*** См. выше, стр. 180—183 и 254.

русскому, подзадоривать мирныхъ поселянъ противъ Русскихъ и подстрекать ихъ идти противъ мѣропріятій Русскаго правительства.

Такими дѣятелями являются прежде всего финляндскіе студенты, а вслѣдъ за ними въ томъ же направленіи работаетъ сельская „аристократія“, состоящая изъ сельскихъ чиновниковъ и людей разныхъ профессій: учителей народныхъ школъ, окружныхъ врачей, пасторовъ и т. п. Къ этой „аристократіи“ можно также причислить крестьянъ-помѣщиковъ, да и то лишь тѣхъ изъ нихъ которые успѣли получить образованіе гдѣ-нибудь подальше чѣмъ въ народной школѣ.

Изъ крестьянскихъ головъ не много найдется такихъ которыя бы могли переварить „премудрость“ называемую „сепаратизмомъ“.* Выраженная же болѣе понятными для простаго мужика словами, она не укладывается въ его головѣ.

Для примѣра привожу здѣсь разказъ лично слышанный мною отъ одного крестьянина, притомъ не совсѣмъ простаго крестьянина, а обладающаго значительнымъ состояніемъ, имѣющаго нѣсколько собственныхъ пароходиковъ, совершающихъ рейсы на одномъ изъ внутреннихъ бассейновъ Финляндіи, имѣющаго свои лѣсопильные заводы и кое-что знающаго, такъ какъ онъ человѣкъ пожилой, видавшій виды и наслышавшійся отъ „господъ“ всякой-всячины. Разказъ его интересенъ, между прочимъ, и тѣмъ что онъ рисуетъ характеръ угрюмаго по природѣ, мало, но вѣско говорящаго, простаго Финна-поселянина.

„Ѣздилъ я нынѣшнимъ лѣтомъ въ Гельсингфорсъ по своимъ дѣламъ“, такъ разказывалъ онъ,—„сижу тамъ на скамейкѣ въ одной аллеѣ. Со мной рядомъ сѣлъ одинъ господинъ. Въ это время проходилъ мимо по улицѣ гельсингфорскій финскій стрѣлковый батальонъ. Я говорю сидѣвшему рядомъ со мной:

„— Вотъ нашихъ молодцовъ учатъ „маршировкѣ чтобъ умѣли маршировать, когда пойдутъ въ русскіе лагери.

„На это господинъ сердито отвѣчаетъ:

„— Мы не какіе-нибудь русскіе подданные: у насъ свое войско. *

„Разсердился я отъ такихъ словъ и говорю:

„—Какъ такъ мы не русскіе подданные? Чьи же мы тогда? Царь у насъ Русскій. Что мы можемъ безъ него сдѣлать? Какъ мы не русскіе подданные?

„Разсердился я и ушелъ прочь, оставилъ его одного сидѣть.“

Такой же взглядъ на Верховную Власть имѣютъ и всѣ крестьяне. О сеймѣ они, конечно, имѣютъ понятіе,—вѣдь они же участвуютъ въ выборахъ представителей на сеймъ. Но понятіе о сеймѣ у нихъ совершенно другое чѣмъ у людей „образованныхъ“.

Характерно самое названіе сейма на финскомъ языкѣ болѣе употребляемое среди простаго народа чѣмъ другое названіе на томъ же языкѣ, выражающее понятіе „образованныхъ“ людей. Среди послѣднихъ онъ называется „valtiopäivät“ (буквальный переводъ: правительственные дни, во время которыхъ *управляютъ*). Народъ же называетъ сеймъ: „herrain päivät“ (дни господъ, или господскіе дни, на которые собираются господа).

По понятіямъ простаго народа, сеймъ есть собраніе господъ, царскихъ приказныхъ, для обсужденія и представленія Государю Государемъ же порученныхъ имъ на разсмотрѣніе дѣлъ. Во время засѣданій сейма можно зачастую слышать среди народа такіе вопросы:

— Какъ-то тамъ господа сумѣютъ представить дѣла? спрашиваетъ одинъ.

— Ну, неизвѣстно, отвѣчаетъ другой.

Въ случаяхъ когда дѣла обсужденныя и представленныя сеймомъ на Высочайшее утвержденіе не удостоиваются утвержденія, крестьяне толкуютъ:

— Вотъ и не сумѣли господа представить дѣла; вѣдь не утвердилъ же Государь.

* См. выше, стр. 420—421.

* См выше, стр. 171—177, 193—202, 446—468, 492—494.

А приходилось слышать отъ поселянъ и такіе вопросы:

— Зачѣмъ еще дѣла на сеймѣ разсматриваются? Вѣдь умѣлъ бы Государь и одинъ рѣшить. Есть вѣдь у Него тамъ и у Себя довольно совѣтниковъ.

Изъ этого видно что простой народъ въ Финляндіи вовсе не въ претензіи если дѣла рѣшаются, помимо сейма, Самимъ Государемъ. Напротивъ, народъ этого именно и желаетъ. А сепаратисты кричатъ: „народъ старается измѣнить несогласные съ его бытомъ законы „„законнымъ““ порядкомъ“. Этимъ они хотятъ внушить народу что законъ только тогда законенъ когда онъ предварительно поступаетъ на обсужденіе сейма, и если молъ сеймъ найдетъ что требуемый законъ годенъ, тогда только онъ долженъ поступить на утвержденіе Государя, и тогда только онъ законнымъ порядкомъ измѣненъ.

Если сельскимъ сепаратистамъ и удалось склонить нѣсколькихъ крестьянъ къ подписи пресловутой прокламаціи, составленной, понятно, не мужиками, а „господами“, то на такое дѣло согласились крестьяне,—если только изъ подписавшихся дѣйствительно былъ хоть одинъ крестьянинъ, что̀ еще подлежитъ сомнѣнію, — послѣ не малыхъ усилій господъ. Они—эти господа—не жалѣя красокъ расписали предъ мужиками такую непривлекательную картину будущности (въ томъ, конечно, случаѣ если будутъ введены объединительныя реформы и „дѣла“ впредь будутъ представляться Государю русскими чиновниками), такъ настращали ихъ русскимъ кулакомъ что простодушные мужички и въ самомъ дѣлѣ подумали: „Да ужь не правду ли говорятъ господа? Быть-можетъ, и подлинно угрожаетъ намъ опасность? Защитимъ родину, попросимъ Государя помиловать насъ.“

Что сельскіе господа дѣйствительно застращиваютъ народъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слова одного пастора, который, въ объясненіе нынѣшняго положенія дѣлъ въ Финляндіи, позволилъ себѣ выразиться такъ:

— Что̀ дѣлать, времена такія: нынѣ землевладѣлецъ норовитъ притѣснить бѣднаго торпаря живущаго на его землѣ, такъ же и тутъ: сильный и великій народъ стремится къ поглощенію слабаго, маленькаго народа.

Но послушаемъ опять что̀ мужички толкуютъ.

Вотъ мужичекъ на дальнемъ сѣверѣ Финляндіи, у самой Шведской границы, везя русскихъ путешественниковъ, говоритъ:

— Зачѣмъ это завели у насъ свои деньги, одно только разоренье бѣдному отъ этого. Да, это господскія затѣи. Вонъ наши господа задумали было разъ на сеймѣ толковать о томъ чтобы на русскую муку наложили пошлину. Вотъ-то было бы горе еслибъ ихъ желаніе исполнилось.

А когда этому мужичку сказали что въ Финляндіи будутъ введены опять русскія деньги, а таможня между Россіей и Финляндіей уничтожится, такъ что изъ Россіи можно будетъ везти что̀ угодно безъ пошлины, то мужичекъ радостно воскликнулъ:

— Вотъ-то хорошо будетъ. Дай Богъ чтобы Государь такъ сдѣлалъ.

Еще примѣръ. Крестьянинъ, содержатель постоялаго двора, съ мѣсяцъ тому назадъ, везетъ русскаго проѣзжающаго и заводитъ рѣчь:

— Теперь, говорятъ, насъ Царь хочетъ освободить изъ-подъ власти господъ: то-то хорошо будетъ.

А интеллигентное лицо въ той же самой мѣстности увѣряетъ: „Всѣ мужики возбуждены, всѣ какъ одинъ противятся обрусенію.“

Интеллигентное населеніе Финляндіи, особенно чиновники и учители учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и учителя народныхъ школъ, боятся что ихъ заставятъ учиться по-русски. Въ народѣ же слышно совсѣмъ другое.

— Какая польза намъ отъ шведскаго языка? Со Швеціей мы вовсе не имѣемъ дѣла. Другое дѣло еслибы нашихъ дѣтей, вмѣсто шведскаго, учили русскому языку. Вѣдь мы составляемъ одно царство съ Русскими и съ Русскими имѣемъ разныя дѣла.

Изо всего сказаннаго слѣдуетъ что простой народъ въ Финляндіи, несмотря на подстрекательства со стороны своей интеллигенціи, живетъ довольствуясь

настоящимъ и имѣетъ свѣтлыя надежды на будущее. Онъ знаетъ что, благодаря Русскому Царю, родина его благоденствуетъ, и никто и ничто не можетъ поколебать его увѣренности въ томъ что ни Русскій Царь, ни Русскіе его не обидятъ.

Сепаратисты же финляндскіе, составленіемъ и опубликованіемъ проклама-

ціи отъ имени народа и своими увѣреніями въ единомысленномъ де сопротивленіи народа объединительнымъ реформамъ, ни болѣе, ни менѣе какъ взводятъ на свой народъ клевету.*

ФИНЛЯНДСКІЙ УРОЖЕНЕЦЪ.

---

* См. выше, стр. 216—217.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

60.

Пересмотръ финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“. *

Слава Богу!

Тяжелый камень лежалъ на сердцѣ у всѣхъ кто понималъ значеніе новаго финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“ и потому боялся какъ бы это Уложеніе, торжественно опубликованное въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* и затѣмъ прочитанное во всѣхъ финляндскихъ церквахъ въ качествѣ якобы окончательно утвержденнаго закона, имѣющаго вступить въ дѣйствіе съ 20 декабря сего года (1 января 1891 года по новому стилю),—какъ бы это невозможное и незаконное Уложеніе въ самомъ дѣлѣ не сдѣлалось закономъ. Теперь этотъ камень свалился съ сердца, и можно вздохнуть свободнѣе. Мы можемъ, наконецъ, подѣлиться съ читателями крупною новостію, доброю вѣстію. По докладу Министерства Юстиціи, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой коммиссіи изъ четырехъ членовъ для пересмотра финляндскаго Уголовнаго Уложенія.

Получивъ это извѣстіе изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, дополняемъ его сообщеніемъ газеты *Свѣтъ* о томъ что „въ особой коммиссіи, состоящей изъ представителей Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ и Министерства Юстиціи, идутъ въ настоящее время дѣятельныя работы по пересмотру и измѣненію тѣхъ статей новаго проекта Уложенія Финляндіи который не находятся въ соотвѣтствіи съ постановленіями Свода Законовъ“.

Намъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, не разъ приводилось останавливаться на финляндскомъ Уголовномъ Уложеніи, подробно и обстоятельно разбирать разныя его стороны, ** подвергаясь, между прочимъ, горячимъ нападкамъ съ которыми набрасывались на насъ и финляндская печати, и ея союзники въ русской печати, въ родѣ *Новостей* и *Гражданина*,*** да и одна ли только печать? Тѣмъ отраднѣе намъ читать нынѣ въ газетахъ согласные съ нашими отзывы по дѣлу надъ которымъ намъ, прежде другихъ, привелось не мало поработать. Приведемъ отзывъ газеты *Свѣтъ:*

„При Государственномъ Совѣтѣ учреждена особая коммиссія, на кото-

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 298, отъ 28 октября.

** См. выше, стр. 262—276, 297—315, 381—383, 469—472.

*** См. выше, стр. 359—368, 375—380.

рую возложено разсмотрѣніе новаго финляндскаго Уголовнаго Уложенія, въ его соотвѣтствіи съ общими законами Имперіи. Извѣстіе это будетъ съ радостью привѣтствовано всѣми Русскими людьми, потому что оно служитъ доказательствомъ что священные интересы Русскаго государства охраняются зорко, и финляндскому сепаратизму въ его наиболѣе вредномъ и опасномъ проявленіи положенъ предѣлъ. О новомъ финляндскомъ Уложеніи, которое должно воспринять свою силу съ 1 января будущаго года, мы уже имѣли случай говорить. Оно принципіально было основано на ложномъ положеніи совершенной отчужденности Финляндскаго Княжества отъ Россіи. Не только это „Уложеніе“ не согласно съ духомъ русскихъ законовъ, но въ нѣкоторомъ отношеніи имъ оскорблено русское народное чувство и пренебрежены самые существенные интересы Россіи. Достаточно припомнить ту глубоко возмутительную снисходительность съ которою финляндскіе законодатели отнеслись къ государственнымъ преступленіямъ, карая наиболѣе тяжкія изъ нихъ непродолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, или же наказаніе установленное за сообщеніе непріятелю плановъ русскихъ крѣпостей, которое не должно превышать денежнаго штрафа въ размѣрѣ 200 марокъ. Эти чудовищные факты, такъ хорошо характеризующіе принципы и взгляды финляндскихъ сепаратистовъ, безъ сомнѣнія, глубоко возмутили русское народное чувство...

„Теперь, съ передачей финляндскаго Уложенія на разсмотрѣніе высшаго государственнаго учрежденія Имперіи, всѣ такія аномаліи будутъ уничтожены, и законодательство это, въ тѣхъ частяхъ въ которыхъ оно соприкасается съ интересами Русскаго государства, будетъ согласовано съ основными законами Россіи.“

61.

Неблагопристойный поступокъ въ церкви. *

Подъ такимъ заглавіемъ, въ выборгской газетѣ *Östra Finland*, отъ 23 (11) октября, сообщено слѣдующее извѣстіе:

„Въ вокресенье, во время вѣнчанія свадьбы въ здѣшнемъ (Выборгскомъ) русскомъ каѳедральномъ соборѣ, вошелъ туда одинъ изъ нашихъ городскихъ ремесленниковъ, по занятію своему сапожникъ, и, купивъ церковную свѣчку, зажегъ отъ нея *папиросу* и, къ общему удивленію, не стѣсняясь *продолжалъ курить*. Онъ будетъ привлеченъ за это къ законному наказанію, которое, можно надѣяться, не будетъ для него слишкомъ мягко.“

Одинъ изъ Русскихъ пишетъ намъ по поводу этого факта слѣдующее:

„Русское религіозное чувство въ высшей степени возмущается такимъ поступкомъ Финна - сапожника, посягнувшаго оскорбить дорогую для русскаго сердца святыню—православный храмъ Божій, притомъ въ присутствіи многихъ молящихся и во время совершенія святаго таинства брака. Не можетъ быть чтобъ этотъ сапожникъ не зналъ о всемъ безобразіи своего поступка, такъ какъ даже въ лютеранской киркѣ подобныхъ вещей не допускается. Правда, въ концѣ газетной замѣтки говорится о привлеченіи безобразника къ законной отвѣтственности, и даже выражена со стороны газеты надежда на строгость наказанія. Но зная симпатіи иныхъ финскихъ судей къ подобнымъ дѣяніямъ своихъ согражданъ, можно и усомниться въ достодолжномъ воздаяніи безобразнику. Желательно, поэтому, чтобы на дѣло было обращено вниманіе не однихъ финляндскихъ судей-лютеранъ, но и высшей православной церковной власти.“ **

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 298, отъ 28 октября.

** См. выше, стр. 235—236, 416—417, 442—447.

62.

Начало сближенія „финской“ арміи съ русскою. *

Въ Высочайшемъ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 ноября, между прочимъ, читаемъ:

„Переводятся: по кавалеріи: лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка ротмистръ *Григорковъ*—въ Финскій драгунскій полкъ, съ переименованіемъ въ подполковники...“

Безъ сомнѣнія, каждый Русскій, прочитавъ этотъ пунктъ приказа, порадуется отъ души и пожелаетъ чтобъ этотъ первый примѣръ перевода русскаго офицера въ финскій полкъ не былъ послѣднимъ; чтобъ онъ послужилъ началомъ необходимаго полнаго сліянія, —Богъ знаетъ зачѣмъ и почему отдѣльной,—„финской арміи“ съ Русскою.

Еще недавно *Московскія Вѣдомости* указывали на эту мѣру какъ на весьма желательную; ** настоящій случай служитъ доказательствомъ что эта мѣра вполнѣ возможна. Дѣйствительно, если не встрѣтилось затрудненій въ назначеніи одного, не можетъ ихъ встрѣтиться и при назначеніи многихъ.

Не будемъ справляться съ финскимъ законодательствомъ. Великій Князь Финляндскій есть Государь неограниченный; признанное имъ за благо не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій... Но и помимо того, въ тѣхъ случаяхъ гдѣ въ законѣ нѣтъ прямыхъ указаній относительно той или другой мѣры, у насъ принято дѣйствовать, выражаясь канцелярскимъ языкомъ, „на основаніи прежде бывшихъ примѣровъ“. Переводъ Григоркова, теперь состоявшійся, можетъ уже служить въ будущемъ такимъ примѣромъ.

Будемъ ждать что, по мѣрѣ надобности, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, мы прочтемъ въ приказахъ и переводы русскихъ пѣхотныхъ офицеровъ въ финскіе стрѣлковые баталіоны. Повторимъ сказанное нами недавно: такіе переводы не могутъ встрѣтить препятствій въ незнаніи русскими офицерами финскаго или шведскаго языка... Командный языкъ въ финскихъ баталіонахъ есть русскій. Если въ строю солдатамъ Финнамъ, въ ожиданіи моментальнаго и согласнаго исполненія, можно командовать по-русски, то нѣтъ и не можетъ быть никакого затрудненія окончательно установить чтобы все дѣлопроизводство этихъ баталіоновъ велось на русскомъ языкѣ.

Въ разноплеменной Австріи, несмотря на десять нарѣчій которыми говорятъ солдаты Цислейтаніи, „служебнымъ языкомъ“ признается нѣмецкій.

Что возможно въ Австріи, то, безъ сомнѣнія, вдесятеро возможнѣе въ Россіи, и тѣмъ болѣе въ той ея области гдѣ, въ сущности, не могутъ разобраться, какой языкъ—шведскій или финскій—слѣдуетъ считать мѣстнымъ.

63.

„Николайстадъ“ или „Ваза“? ***

Въ царствованіе императора Николая Павловича сгорѣлъ до тла финляндскій городъ Ваза, на берегу Ботническаго залива. Тогда же Финляндцы испросили у Государя разрѣшеніе назвать новый городъ, въ честь императора, Николайстадомъ, на что и послѣдовало разрѣшеніе.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 310, отъ 9 ноября.

** См. выше, стр 492—494.

*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 310, отъ 9 ноября.

Новый городъ выстроенъ въ десяти верстахъ отъ стараго и официально называется новымъ именемъ; но финляндскіе сепаратисты попрежнему называютъ его Вазой, чему потворствуютъ и мѣстныя административныя власти, дающія разрѣшенія на открытіе въ городѣ различныхъ учрежденій, изданіе газетъ, основаніе разныхъ обществъ и т. д., которыя всѣ носятъ названіе „вазаскихъ“. *

Въ настоящее время, по слухамъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратило вниманіе на это обстоятельство и приняло мѣры къ точному выполненію указа состоявшагося на этотъ предметъ въ царствованіе Императора Николая I.

---

* См. выше, стр. 369—380.

ВОПРОСЪ ОБЪ ОЗДОРОВЛЕНІИ ФИНЛЯНДСКИХЪ ШКОЛЪ

(Передовая статья № 308 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 6 ноября.

Время, когда только-что возникъ вопросъ объ урегулированіи политическихъ отношеній Финляндіи къ Россіи, быть-можетъ, не совсѣмъ благопріятно для обсужденія школьнаго дѣла въ Финляндіи. Такъ какъ злобу дня составляютъ столь крупные и серіозные вопросы, то можетъ показаться что менѣе де важный школьный вопросъ долженъ отступить до времени на второй планъ. Но такъ ли это? Не школа ли и давала, и даетъ, и дастъ въ Финляндіи людей съ такими убѣжденіями съ которыми приходится теперь считаться и бороться въ дѣлахъ первостепенной политической важности? Можно ли пренебрегать корнемъ, когда рѣчь идетъ о побѣгахъ?

Мы уже дѣлали указанія на существующія въ финляндскихъ школахъ злоупотребленія, — особенно злоупотребленія всѣмъ тѣмъ что̀ касается Россіи. Въ свое время эти указанія были подтверждены неопровержимыми фактами* (финлядскія газеты только *голословно* отрицали ихъ). Теперь, припомнивъ эти указанія въ самыхъ общихъ чертахъ, остановимся на средствахъ которыми, по нашему мнѣнію, можно пресѣчь замѣченныя злоупотребленія финляндскихъ школъ.

Финлядская школа отличается вообще своимъ противорусскимъ направленіемъ:

I. Въ дѣлѣ преподаванія это сказывается двоякимъ образомъ: 1) Русскій языкъ, литература, исторія, географія, словомъ все что̀ касается знанія Россіи, находится у финляндской школы въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Если тамъ и говорится

* См. выше помѣщенныя обстоятельныя статьи Ю. Н. Верещагина „Знакомство съ Россіей въ Финляндскихъ школахъ“ (стр. 318—332) и „Финлядская элементарная школа въ ея прошломъ и на стоящемъ“ (495—514).

что-нибудь о Россіи, то главнымъ образомъ съ цѣлью указать на чуждость этой страны для Финляндіи. Ученикъ финляндской школы имѣетъ обо всѣхъ европейскихъ державахъ (не говоря уже о Швеціи, этой второй отчизнѣ Финляндцевъ) болѣе обширныя и вѣрныя свѣдѣнія чѣмъ о Россіи. 2) Все финляндское обособляется и превозносится, особенно въ ущербъ всему русскому, съ такою неумѣренностью и односторонностью что учащіеся въ концѣ концовъ должны выносить изъ школы совершенно превратныя понятія о политическомъ и вообще культурномъ отношеніи Финляндіи къ Россіи, въ ущербъ достоинству и значенію этой послѣдней.

II. Въ дѣлѣ школьнаго законодательства въ Финляндіи вотъ уже около сорока лѣтъ идетъ безпрерывная и все возрастающая агитація въ смыслѣ домогательства ограничить Верховную Власть въ изданіи школьныхъ уставовъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ народныхъ представителей.

Если до сихъ поръ Финляндцамъ еще не удалось заручиться вожделѣннымъ въ этомъ смыслѣ закономъ, то отчасти они все-таки успѣли выхлопотать себѣ такія школьныя постановленія которыя во многомъ дѣлаютъ ихъ хозяевами и предоставляютъ имъ возможность дѣйствовать иной разъ ничуть не лучше чѣмъ еслибъ они сами были законодателями для своихъ школъ. Пусть эта свобода дѣйствій возможна теперь лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, но Финляндцы твердо убѣждены что наступитъ время когда «Русское правительство», по ихъ выраженію, «найдетъ для себя удобнымъ снять со своихъ плечъ излишнюю тяжесть своихъ административныхъ правъ въ Финляндіи». Для этого нужно де только дѣйствовать втихомолку (efterhand,—какое презрѣнное слово!), осторожненько, словомъ, такъ чтобы въ Петербургѣ и вообще въ Россіи до поры до времени ничего и ни о чемъ не знали...

Такія тенденціи не могутъ быть терпимы въ школѣ: это вредно и въ политическомъ, и въ педагогическомъ смыслѣ, что̀ хорошо сознаютъ и сами Финляндцы, которые, поэтому, и хлопочутъ изо всѣхъ силъ разъ навсегда захватить въ свои руки школьное законодательство во всемъ его объемѣ. Помѣха имъ тутъ лишь та что Русскій Царь рѣшилъ «ни въ чемъ не измѣнять единственно Ему принадлежащее право иниціативы по вопросамъ касающимся основныхъ законовъ Финляндіи»,—а вопросъ о школьномъ законодательствѣ долженъ быть отнесенъ, по признанію самихъ же Финляндцевъ, къ основнымъ законамъ края.

Но если Финляндцы дерзали и дерзаютъ агитировать на своихъ сеймахъ и въ своей печати вопреки волѣ и рѣшенію Русскаго Монарха, то, естественно, не съ ихъ же стороны ждать искренней и живой реформы финляндской школы въ смыслѣ уничтоженія ея тенденціознаго и враждебнаго Россіи характера. Такая реформа должна идти изъ Россіи, и проводить ее, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ ея частяхъ, должны люди Русскіе, для которыхъ слово ихъ Государя есть непререкаемая святыня, не допускающая тѣхъ кривотолковъ на которые такіе мастера гг. финляндскіе политиканы, столь много трубящіе о своей преданности Государю и столь мало показывающіе ее на дѣлѣ. Да, реформа финляндской школы, и реформа неотложная, должна быть выполнена въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ непремѣнно людьми Русскими, уже по тому одному что въ Финляндіи нѣтъ людей на которыхъ можно было бы въ этомъ случаѣ положиться. Но какъ намъ, Русскимъ, преобразовать школу въ Финляндіи?

Населеніе Финляндіи распадается на двѣ совершенно различныя народности, далеко не равныя по числу своихъ представителей; Шведовъ почти въ пять разъ меньше чѣмъ Финновъ. Это обстоятельство не мѣшаетъ, однако, финляндскимъ школамъ требовать отъ своихъ учениковъ обязательнаго знанія своихъ обоихъ «отечественныхъ» языковъ. На изученіе незнакомаго «отечественнаго» языка (,въ шведскихъ школахъ — финскаго, а въ финскихъ — шведскаго) отводится въ финлядскихъ школахъ чрезвычайно много учебнаго времени, болѣе чѣмъ на изученіе древнихъ языковъ въ классическихъ гимназіяхъ. Если спросить Финляндцевъ, отчего они не знаютъ и не учатся языку русскому, то они обыкновенно жалуются на трудность русскаго языка и на то что они и безъ этого должны изучать множество языковъ. Неосновательность *подобныхъ* жалобъ очевидна для Финна, неизвѣстно зачѣмъ изучающаго шведскій языкъ, и для Шведа, тоже неизвѣстно зачѣмъ изучающаго финскій языкъ. Врядъ ли труднѣе было бы изучать русскій языкъ, хотя бы для одного того чтобы дать средство не только объясняться Финнамъ со Шведами, а Шведамъ съ Финнами, но и сближаться тѣмъ и другимъ, духовно и матеріально, съ тою великою державой, съ тѣмъ великимъ историческимъ народомъ, съ которымъ Финляндцы призваны навсегда соединить свою жизнь и свои политическіе интересы.

Изучай Финляндцы, вмѣсто ни зачѣмъ, кромѣ сепаратизма, не нужнаго имъ «другаго отечественнаго языка», изучай они языкъ русскій, — былъ бы рѣшенъ вопросъ и относительно государственнаго языка иначе чѣмъ онъ рѣшенъ теперь для Финляндіи. Разъ будетъ произведена замѣна одного изъ финляндскихъ «отечественныхъ» языковъ *отечественнымъ русскимъ* языкомъ,—сама собой явится возможность болѣе широкаго и правильнаго пониманія «отечества» чѣмъ то которое въ ходу у Финляндцевъ въ настоящее время: они, вѣроятно, перестали бы смѣшивать понятіе о своей финляндской «родинѣ» съ понятіемъ «отечества», какъ они дѣлаютъ это теперь. Ненависть къ русскому языку, существующая въ Финляндіи въ наше время, при такихъ измѣненныхъ обстоятельствахъ мало-по-малу исчезла бы, и школьный уставъ, по всей вѣроятности, самъ собою измѣнился бы въ духѣ устава 1843 года, который дѣлалъ изученіе русскаго языка обязательнымъ, притомъ до степени практическаго умѣнья владѣть правильною русскою рѣчью.

Такихъ результатовъ въ оныя времена предполагалось достигнуть обученіемъ финляндскаго юношества *русскими* людьми, на *русскомъ* языкѣ, *русскимъ* предметамъ: русской грамматикѣ, литературѣ, исторіи и географіи, подъ контролемъ *русскихъ* инспекторовъ. Появись теперь школьный уставъ подобный уставу 1843 года, окажется, пожалуй, излишнею та сложность школьной администраціи которая существуетъ теперь въ Финляндіи. Это упрощеніе явится совершенно естественнымъ и тѣмъ болѣе желательнымъ что имъ устранятся многія вопіющія несообразности въ отношеніяхъ двухъ существующихъ теперь совершенно различныхъ видовъ финляндскихъ школъ: русскихъ и шведско-финскихъ.

Въ Финляндіи есть нѣсколько русскихъ школъ, которыя руководятся постановленіями и правилами русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, причисляются къ Петербургскому учебному округу и ревизуются окружнымъ петербургскимъ

инспекторомъ.* Шведскія и финскія школы находятся въ вѣдѣніи Главнаго Управленія по школьнымъ дѣламъ въ Финляндіи, а во второй инстанціи—въ распоряженіи Хозяйственнаго Департамента Финляндскаго Сената: общаго у этихъ школъ со школами русскими нѣтъ ничего.

Такая рознь особенно вредна для русскихъ школъ края. И безъ того малочисленныя и бѣдныя, онѣ оказываются совершенно изолированными и даже нежелательными учрежденіями въ глазахъ туземнаго населенія; противъ нихъ, какъ противъ оплота русскаго духа въ Финляндіи, ведется борьба, лишившая эти школы всякихъ правъ въ краѣ. Такъ, ученики окончившіе курсъ русской Александровской гимназіи въ Гельсингфорсѣ не имѣютъ права поступать, какъ это дѣлается въ Россіи, безъ экзамена въ Гельсингфорскій университетъ. Въ виду подобныхъ поставляемыхъ Финляндцами преградъ, года два тому назадъ въ русской Гельсингфорсской гимназіи было открыто особое отдѣленіе для гимназистовъ желающихъ изучать шведскій и финскій языки, вмѣсто греческаго, дабы имѣть хоть какую-нибудь возможность поступить въ мѣстный, Финлядскій, университетъ.

Но неужели *русская школа* въ Финляндіи содержимая на русскія деньги, а главное, имѣющая своимъ прямымъ назначеніемъ охранять и укрѣплять національное чувство и православіе въ сердцахъ дѣтей тѣхъ Русскихъ которыхъ судьба забросила между инородцами и иновѣрцами, подавляющими ихъ своею численностію и привилегіями,—неужели, говоримъ мы, эта русская школа должна превращаться въ какую-то полу-чухонскую? И почему? Потому единственно что Финляндцы втихомолку, разными окольными путями, беззастѣнчиво успѣли добиться того что въ ихъ среднихъ и высшихъ ученыхъ заведеніяхъ нѣтъ больше мѣста добросовѣстному и дѣльному обученію русскому языку, — тому языку, знаніе котораго признавалось обязательнымъ для всѣхъ состоящихъ въ Финляндіи на государственной службѣ (а стало-быть и для учителей и профессоровъ) еще тѣмъ Государемъ котораго сами Финляндцы признаютъ положившимъ начало ихъ пресловутой гражданской свободы? Вытѣснять изъ своей школы и страны знаніе русскаго языка, учить дѣтей враждебно относиться къ Россіи, урѣзывать права и оскорблять достоинство русскихъ школъ въ Финляндіи,—согласно ли все это съ тою гражданскою свободой къ которой Императоръ Александръ I призвалъ Финляндію?!

Не хочется вѣрить чтобы Россія могла терпѣть долѣе подобное положеніе вещей. Если еще въ 1816 году Русскій Государь, столь много по заботившійся о Финляндіи и столь много ждавшій отъ нея, нашелъ возможнымъ обязать всѣхъ находящихся на государственной службѣ въ Финляндіи знать русскій языкъ; если въ 1843 году Высочайше утвержденный школьный уставъ предписывалъ особенно тщательно знакомить финляндское учащееся юношество со всѣмъ что́ касается Россіи и требовалъ отъ учащихся изряднаго знанія русскаго языка,—то почему же теперь, когда Финляндія должна была бы еще болѣе сблизиться и сжиться съ Россіей, считать такія требованія незаконными и неумѣренными?

Да, надо сознаться, мы, Русскіе, по своему добродушію и довѣрчивости, слишкомъ долго допускали Финляндцевъ, говоря словами Курбскаго, «плести сатанинскіе силлогизмы»,

* Почему бы, однако, всѣ безъ исключенія финляндскія школы, а равно и Гельсингфорскій Университетъ, не подчинить Петербургскому учебному округу? *Ред.*

ма и теперь еще, когда уже всему Діру стала извѣстна злокозненность финляндскихъ политикановъ по отношенію къ Россіи, мы, быть-можетъ, слишкомъ равнодушны и неосторожны въ нашихъ финляндскихъ дѣлахъ, особенно въ дѣлахъ школьныхъ. Такъ, учительскій персоналъ нашихъ «русскихъ» школъ въ Финляндіи и до сихъ поръ зачастую состоитъ на половину изъ инородцевъ и иновѣрцевъ, причемъ иногда даже начальники русскихъ учебныхъ заведеній и преподаватели русскаго языка оказываются людьми не-русскими. А между тѣмъ главнѣйшее назначеніе русской школы въ Финляндіи состоитъ именно въ укрѣпленіи и охраненіи того, чего, по словамъ поэта,—

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Чуждый взоръ иноплеменный...

ФИНЛЯНДСКІЕ „СЕЙМЫ“

И

ПРАВА „КОРОНЫ.“

(Передовая статья № 311 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 9 ноября.

Читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на то что въ послѣднее время мы часто обращаемся къ дѣламъ нашей Финляндской окраины—и особенно къ Гельсингфорсскимъ сеймамъ и къ плодамъ ихъ дѣятельности.* Думаемъ что именно теперь время сосредоточить на нихъ вниманіе: съ одной стороны, собирается новый очередной Сеймъ, на воздѣйствіе котораго, какъ видно изъ мѣстной печати, возлагаетъ надежды все что̀ есть въ Финляндіи враждебнаго Россіи;** съ другой стороны,—наше правительство приступило къ подробному разсмотрѣнію новаго финляндскаго «Уголовнаго Уложенія»*** и, въ особенности, проекта своеобразной кодификаціи финляндскихъ «основныхъ законовъ», то-есть конституціи, въ тайнѣ выработаннаго финляндскими дѣльцами.**** Русская публика не можетъ не интересоваться дѣломъ такой капитальной, государственной важности, и мы, поэтому, считаемъ своимъ долгомъ знакомить ее съ тѣми характерными подробностями которыя до сихъ поръ оставались, къ сожалѣнію, подъ спудомъ.

Мы уже представили примѣры того какъ финляндскіе сеймы съ каждымъ новымъ своимъ собраніемъ прово-

---

* См. выше, стр. 518—526.

** См. выше, стр. 255—257, 288—289, 335—336, 408—415, 418—421, 427—428, 457—465, 473—477.

*** См. выше, стр. 531—532, и ниже, стр. 556.

**** См. выше, стр. 56—59, 93, 107—108, 186—187, 193—195, 340.

дятъ все новыя мѣры къ тому чтобы все болѣе и болѣе устранять Русскаго человѣка ото всякой производительной и полезной дѣятельности въ Финляндіи,—какъ, съ каждымъ новымъ сеймомъ, Русскаго человѣка легально стѣсняютъ и офиціально выживаютъ вонъ.

Таковы шаги финляндскихъ земцевъ и сенаторовъ въ отношеніи къ Русскому народу; Не менѣе смѣлы эти шаги и по отношенію къ Русскому Государю. Каждый сеймъ выпускаетъ рядъ постановленій которыя повторяютъ и, такъ сказать укрѣпляютъ прежнія незаконныя ограниченія Верховной Власти, а равно установляютъ по отношенію къ ней и новыя стѣсненія.

Всему этому придается какъ бы законный характеръ, ибо подобныя постановленія въ большинствѣ случаевъ имѣютъ своимъ основаніемъ правительственныя предложенія, сочиненныя въ Финляндскомъ Сенатѣ, прошедшія чрезъ канцелярію финляндскаго генералъ-губернатора и разсмотрѣнныя Комитетомъ Финляндскихъ Дѣлъ въ Петербургѣ.

Послѣдній Сеймъ, 1888 года, дѣйствовалъ при финляндскомъ министрѣ-статсъ-секретарѣ баронѣ Брунѣ, который, и по образованію въ Петербургскомъ университетѣ, и по долгой, тридцатилѣтней службѣ въ русскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, долженъ бы былъ, кажется, проникнуться истиннымъ пониманіемъ верховныхъ правъ нашего Государя въ Финляндіи: тѣмъ не менѣе, однако, и Сеймъ 1888 года не болѣе оберегъ эти права чѣмъ сеймы ему предшествовавшіе.

И въ крупныхъ, и въ мелкихъ дѣлахъ, направленіе было одно и то же: вносить ихъ на сеймъ *подъ предлогомъ лучшаго будто бы ихъ обсужденія.* Оказывалось, такимъ образомъ, что при внесеніи дѣлъ на сеймъ, сему послѣднему приписывалось,—въ объясненіяхъ гдѣ слѣдуетъ,—дѣйствительное его свойство, то-есть совѣщательное, чѣмъ и облегчался весь ходъ проектовъ. Но лишь только съ сейма выходили его заключенія или отзывы,—они обращались въ «рѣшенія»,—по крайней мѣрѣ на языкѣ финляндской офиціальной печати,—а самъ сеймъ дѣлался законодательною палатой, въ рѣшеніяхъ которой Верховная Власть не властна де, будто бы, измѣнить ни единой буквы безъ его, сейма, новаго разсмотрѣнія.

Такимъ-то путемъ получалось въ результатѣ что дѣла бывшія въ шведскія времена предметомъ разрѣшеній даже не власти короля лично, а только его министровъ или коллегій,—что даже такія дѣла теперь уже вышли изъ круга самоличной власти Русскаго Государя и представляются будто бы обязательно подлежащими внесенію на сеймъ и его рѣшеніе. Только при такихъ условіяхъ и могли явиться на свѣтъ сеймовыя постановленія объ отмѣнѣ, напримѣръ, прежнихъ королевскихъ резолюцій, то-есть единоличныхъ повелѣній королей, или же о третьестепенныхъ полицейскихъ мѣрахъ, о какой-нибудь пастьбѣ жеребятъ или о храненіи архивныхъ дѣлъ.* А такъ какъ вносимыя на сеймъ предложенія, какъ сказано, пишутся обязательно,—если не по закону, то по установившемуся за двадцать пять лѣтъ обычаю,—въ Финляндскомъ Сенатѣ, то въ общемъ итогѣ весь такой ходъ дѣлъ направленъ, съ одной стороны, къ умаленію державныхъ правъ Государя Императора, съ другой—къ возвеличенію Сената, а также, конечно, и Сейма.

Изложенная система примѣнялась, какъ сказано, не къ однимъ только

---

* См. выше, стр. 69—78, 82—89, 96—98, 99—108.

мелкимъ дѣламъ: пріемы «ловкости, выдержки, и дипломатической тонкости»,—помощію которыхъ, по хвастливому признанію финляндскаго историка, выбиралась постепенно власть изъ рукъ Русскихъ Монарховъ,—эти пріемы примѣнялись и къ дѣламъ крупнымъ. Къ ихъ числу принадлежатъ, напримѣръ, такъ-называемыя *регаліи*.

Въ шведскія времена, регаліи были всегда предметомъ непосредственнаго примѣненія королевской власти. Ей принадлежали всѣ распоряженія и постановленія по податямъ съ винокуренія, пивоваренія, съ табаку, съ игральныхъ картъ, такъ же какъ по таможеннымъ и гербовымъ пошлинамъ. Не только провинціальное, но и государственное представительство не имѣло права въ нихъ вмѣшиваться: это прямо выражено въ шведской конституціи 1772 и 1789 годовъ, которая, какъ по крайней мѣрѣ претендуютъ финляндскіе книжники, и доселѣ сохраняетъ въ Финляндіи свою силу.

Они не смѣли, поэтому, прямо посягнуть на эти первостепенныя права короны. Но есть разные крючки за которые ловкость, тонкость и выдержка могутъ хорошо цѣплятся, особенно при коллективной стойкости, и, въ концѣ концовъ, сеймовые гельсингфорсскіе земцы не только получили доступъ къ «регаліямъ», но и прямо забрали ихъ въ свои руки.

Пріемъ для сего употребленный былъ очень ловкій. Финляндскіе сенаторы, которые, наперекоръ парламентскимъ обычаямъ, не воюютъ со своимъ народнымъ представительствомъ, а напротивъ, играютъ ему въ руку, имѣя въ виду одинъ общій объектъ нападенія, Россію,—сенаторы воспользовались принадлежащимъ сейму правомъ *самообложенія* налогами. Подъ этимъ флагомъ явилось предложеніе обложить «себя» *временно* и «дополнительно» по всѣмъ тѣмъ сборамъ которые составляютъ предметъ регалій. Такъ и сдѣлалось. А затѣмъ, отъ сейма до сейма, эти «временные» налоги постоянно возобновлялись и тѣмъ самымъ обратились de facto въ налоги постоянные, которыхъ Государь (несмотря на свое неотъемлемое, даже по буквѣ конституціи безспорно принадлежащее Ему право), ни измѣнить, ни отмѣнить до назначеннаго сеймомъ срока не можетъ,—конечно, опять-таки по толкованію финляндскихъ законниковъ.

Разумѣется, и послѣдній Сеймъ 1888 года не замедлилъ пойти, въ дѣлѣ захватовъ, по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, что засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ изданныхъ Сенатомъ постановленій о взиманіи въ 1889—91 годахъ «временныхъ» налоговъ на производство напитковъ изъ солода (даже не на самые напитки, а на ихъ производство), о временномъ налогѣ на табакъ, тоже на игральныя карты, о временномъ гербовомъ налогѣ.

Любопытнѣе и назидательнѣе всего здѣсь та откровенность съ которою финляндскіе Сенатъ и Сеймъ, не стѣсняясь тѣмъ что они говорятъ только о временныхъ налогахъ, уже прямо вступаютъ въ полное регулированіе всѣхъ подробностей во всѣхъ частяхъ регалій. Напримѣръ, по поводу такъ-называемаго временнаго гербоваго сбора они прямо составили полный уставъ о гербовомъ сборѣ, въ составѣ семи главъ и сорока двухъ параграфовъ. Очень хорошъ особенно послѣдній, 42й, параграфъ: этимъ параграфомъ земскіе чины косвенно закрѣпили за собой право непосредственно владѣть гербовымъ сборомъ и на будущее время:

Это постановленіе имѣетъ служить къ руководству съ 1 января 1889 по

исходъ 1891 года, *если только земскими чинами до того* не будетъ опредѣлена новая гербовая пошлина.

О Государѣ Императорѣ, единственномъ законномъ хозяинѣ въ этомъ сборѣ, нѣтъ даже упоминанія, а все обусловлено единственно тѣмъ—«если земскими чинами не будетъ опредѣлена» до истеченія 1891 года новая пошлина. А она, въ томъ или другомъ размѣрѣ, непремѣнно будетъ опредѣлена, потому что предстоящій Сеймъ и начнетъ, и окончитъ свои занятія далеко до этого срока.

Вотъ они, лойяльные Финляндцы...

Приводить ли другіе аналогичные примѣры? Для большей наглядности остановимся на двухъ «временныхъ» налогахъ.

Въ постановленіи о временномъ налогѣ на пивовареніе, которое также приняло видъ цѣлаго устава въ двадцать четыре параграфа, имѣется такой пунктъ:

§ 4. При ввозѣ солодовыхъ напитковъ изъ другихъ странъ (читай: и изъ Россіи) въ Финляндію, взимается таможенная пошлина за оные, какъ о томъ особо установлено, *но съ тѣмъ* чтобы сія пошлина составляла *не менѣе* 15 пенни съ литра при привозѣ товара въ бутылкахъ, и не менѣе 12 пенни при доставкѣ онаго въ бочкахъ.

Если припомнить что таможенное законодательство принадлежитъ въ Финляндіи прямо къ числу прерогативъ короны, то ясно будетъ въ какой мѣрѣ дерзко врывается Сеймъ въ эти прерогативы, и какъ благодушно глядитъ на то мѣстная правительственная власть.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Сеймъ 1888 года являетъ и еще болѣе крупное доказательство. Земскіе чины *«приняли на себя»* временный налогъ на табакъ, и, благодаря этому, явилось новое узаконеніе, опять вторгающееся въ прерогативы таможеннаго законодательства, притомъ еще въ большей мѣрѣ и прямо въ ущербъ намъ, Русскимъ:

Съ 1 января 1889 года,—гласитъ § 1,—по 31 декабря 1891 года включительно, за табакъ ввозимый въ Финляндію имѣетъ быть взимаемъ временный налогъ въ нижепоказанномъ количествѣ, а именно:

Табакъ *не въ дѣлѣ*: *изъ Россіи:* а) листья со стебельками или безъ оныхъ, со 100 килогр. 35 марокъ; б) стебельки, тоже, 17 мар. и т. д. Табакъ въ дѣлѣ: *изъ Россіи и изъ другихъ странъ:* а) табакъ курительный, крошеный или сученый и пр. съ килограмма 2 марки 30 пен., б) табакъ тертый—2 м. 80 п., в) сигары и пр. 4 марк. 70 п., д) папиросы и т. д. 4 м. 70 п. съ килогр. и пр.

Здѣсь обходъ закона представляется во всей своей рельефности. И табачная регалія, и таможенное законодательство принадлежать непосредственному усмотрѣнію Государя, и Сеймъ тутъ ни при чемъ. А Сеймъ не только полноправно вступилъ и въ то, и въ другое, но и прямо подавилъ русскую промышленность...

Вотъ что значатъ финляндскіе сеймы. Будетъ ли подобная дѣятельность свободно развиваться и на предстоящемъ Сеймѣ, и какія пройдутъ еще ограниченія для Верховной Власти и стѣсненія для Русскихъ людей,—это вопросъ, на который намъ, конечно, затруднительно отвѣтить.

РУССКІЯ „КОЛОНІИ“

ВЪ ФИНЛЯНДІИ.*

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“.

Выборгъ, 7 ноября.

До чего пагубно вліяніе финскаго общества на Русскихъ заброшенныхъ сюда случайностями судьбы, видно, напримѣръ, изъ того что многіе изъ этихъ Русскихъ совершенно утратили свои природныя качества, стыдятся именоваться Русскими, считаютъ своимъ долгомъ коверкать русскую рѣчь, если ея нельзя вовсе избѣжать, подписываютъ свои фамиліи на шведскомъ или финскомъ языкѣ, нерѣдко прибавляя къ ней свойственное Финнамъ окончаніе на *нен*.

За примѣрами ходить недалеко. Не считая нужнымъ называть фамилій, — nomina sunt odiosa,—мы позволимъ себѣ указать, напримѣръ, на одного изъ выборгскихъ купцовъ съ чисто-русскою фамиліей который продѣлываетъ все вышеизложенное. Къ крайнему стыду его, нужно прибавить что этотъ чисто-русскій купецъ, какъ и многіе другіе ему подобные, выражаютъ свои симпатіи Финляндіи не изъ убѣжденій, не потому чтобы Финляндскій народъ, его управленіе, порядки, обычаи, складъ жизни, или что-либо иное, были имъ дѣйствительно симпатичны. Дѣлаютъ они это просто потому что, попавъ въ чуждую среду и, съ одной стороны, не будучи въ состояніи удержать самостоятельность своихъ взглядовъ и убѣжденій, а съ другой—видя что подобная измѣна всему родному не только не порицается, но до извѣстной степени поощряется общественнымъ мнѣніемъ и нѣкоторою частью даже русской печати,**—они также легко сдѣлались Финнами, какъ легко способны теперь отречься отъ своихъ убѣжденій.

Еще недавно отъ упомянутаго купца приходилось слышать, въ отвѣтъ на наши упреки въ его отступничествѣ, такія рѣчи на ломаномъ русскомъ языкѣ:

— Какіе же мы Русскіе? говорилъ

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 314, отъ 13 ноября.

** Хороша „русская“ печать! *Ред.*

этотъ ярославскій уроженецъ.—Въ Финляндіи испоконъ вѣковъ живемъ, финскій хлѣбъ ѣдимъ, финскія денежки наживаемъ, — что намъ послѣ того до Русскихъ!

Однако, теперь этотъ же quasi-Финляндецъ запѣлъ иную пѣсню, когда понялъ, или, скорѣе, почуялъ чутьемъ что въ послѣднее время повѣяло совершенно инымъ духомъ, и увидѣлъ, что все русское въ Финляндіи за послѣдній годъ значительно пріободрилось и подняло голову, чувствуя за собой могущественную и законную поддержку. Теперь и по-русски говоритъ онъ охотнѣе, и выговоръ его чистъ, и рѣчи его не тѣ что прежде, и покупателя-Русскаго встрѣчаетъ опъ любезно, а не какъ прежде...

Впрочемъ, подобныя явленія, сами по себѣ крайне прискорбныя, все-таки до извѣстной степени оправдываются нѣкоторымъ недостаткомъ развитія этихъ лицъ, отсутствіемъ прочно установившихся убѣжденій и воззрѣній, столь свойственнымъ Славянской народности вообще; да и примѣръ подобныхъ людей, незначительныхъ по своему развитію, общественному положенію и дѣятельности, не можетъ быть особенно заразительнымъ, не можетъ сильно вліять на другихъ. Но не то нужно сказать про лицъ занимающихъ видное общественное положеніе, или такихъ чья дѣятельность заключается именно въ томъ чтобы такъ или иначе вліять на другихъ, на массы.

Въ такомъ положеніи находятся, напримѣръ, священники. Какъ это ни прискорбно, а приходится констатировать фактъ что зерно финляндскаго сепаратизма, брошенное коноводами въ русское общество Финляндіи, дало всходы и здѣсь, правда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Въ Выборгѣ намъ извѣстенъ одинъ пастырь русской Православной Церкви который не стыдится чуть ли не громогласно заявлять свои симпатіи финляндскимъ сепаратистамъ и ихъ порядкамъ, говоритъ на финскомъ языкѣ и подписываетъ на немъ же свою фамилію. Это такого рода явленіе на которое нужно было бы обратить вниманіе кого слѣдуетъ, тѣмъ болѣе что противоположная точка зрѣнія, кажется, не особенно популярна, что подтверждается отчасти недавнимъ перемѣщеніемъ отсюда одного досточтимаго пастыря въ совершенно иную мѣстность, только благодаря тому что онъ вздумалъ громко говорить о томъ о чемъ не желали здѣсь слышать.

Въ здѣшнемъ обществѣ за послѣднее время носятся какіе-то совершенно уже невозможные слухи о предстоящемъ будто бы подчиненіи *православныхъ священниковъ* Финляндскому Сенату, состоящему изъ *мотеранъ*, и хотя этотъ слухъ, конечно, чистѣйшій абсурдъ, выдумка досужихъ доморощенныхъ политикановъ и, разумѣется, не имѣетъ подъ собою ни малѣйшей почвы,** однако сепаратисты не пренебрегаютъ и имъ чтобы трубить побѣду и кричать объ умаленіи русскаго вліянія, о непопулярности чисто-русскихъ воззрѣній на Финляндію русской печати и Русскихъ людей. Впрочемъ, пусть себѣ тѣшатся: rira bien, qui rira le dernier.

Л. П.

** См. выше, стр. 437—453.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

РУССКАГО ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей." *

Гельсингфорсъ, 16 (28) ноября.

Необыкновенно странное чувство приходится испытывать всякому Русскому ѣдущему въ первый разъ по Финляндской желѣзной дорогѣ. Чувство это мало-по-малу начинаетъ охватывать васъ съ первыхъ же шаговъ вашего вступленія въ Петербургскій вокзалъ Финляндской желѣзной дороги и постепенно растетъ, по интенсивности и въ объемѣ, по мѣрѣ того какъ вы глубже подвигаетесь внутрь Финляндіи. Вы чувствуете себя крайне неловко и странно по причинѣ какой-то невольной, происходящей въ васъ самихъ, раздвоенности.

Съ одной стороны, вы не перестаете сознавать что вы Русскій, что вы продолжаете и въ Финляндіи находиться *у себя*, въ Россіи; для васъ, какъ для человѣка родившагося въ Россіи, получившаго образованіе въ русской гимназіи, гдѣ еще въ географіи вамъ говорили о Финляндіи наравнѣ съ Польшей, Крымомъ, Кавказомъ и прочими окраинами обширнаго нашего отечества,—для васъ совершенно недоступна иная точка зрѣнія, немыслимо допущеніе хоть на минуту мысли что Финляндія есть нѣчто отдѣльное, нѣчто обособленное, до того глубоко у насъ убѣжденіе что эта окраина лишь часть цѣлаго—Россіи, одинъ изъ ея округовъ, одно изъ ея генералъ-губернаторствъ. Съ другой же стороны, вамъ на каждомъ шагу даютъ чувствовать совершенно обратное, даютъ понять безмолвно, но столь краснорѣчиво и доказательно какъ подчасъ и словомъ не выразить,—что вы не хозяинъ у себя, не Русскій въ русской провинціи, а совершенно чужой, и къ тому же несимпатичный, человѣкъ въ нѣкоемъ чужомъ государствѣ...

Между прочимъ, вамъ приходится ощущать почти то же что̀ испытываешь всякій разъ когда нужно переѣхать русскую границу направляясь въ Германію, Австрію или другое государство: тотъ же размѣнъ денегъ, обыкновенно

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 322, отъ 21 ноября.

со значительною потерей въ курсѣ, тотъ же таможенный осмотръ съ перерываніемъ вашихъ вещей, тотъ же новый языкъ, который намъ исключительно приходится слышать вокругъ и даже говорить на немъ самому, тѣ же новые для васъ нравы, обычаи, костюмы и лица.

Но въ положеніяхъ туриста ѣдущаго въ Европу, или вообще въ за границу, и Русскаго ѣдущаго въ Финляндію, нерѣдко по дѣламъ службы, та существенная разница что одинъ можетъ спокойно и даже не безъ любопытства взирать на проходящую предъ его глазами картину превращеній и перемѣнъ, другой же не можетъ относиться къ явленіямъ этого порядка съ тѣмъ же спокойствіемъ, если только онъ дѣйствительно *Русскій* человѣкъ, дѣйствительно любитъ свою родину и гордится тѣмъ что принадлежитъ къ числу ея подданныхъ. Не говоря уже о тѣхъ чисто внѣшнихъ неудобствахъ которыя неизбѣжны когда въ одномъ и томъ же государствѣ имѣются двѣ самостоятельныя денежныя системы, существуютъ внутреннія таможни, есть нѣсколько языковъ и отсутствуетъ одинъ общеобязательный государственный языкъ,—просто, помимо всего этого, грустно становится на душѣ когда наталкиваешься на такого рода факты что *русскій подданный* Финляндецъ смотритъ на Русскаго съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ, видитъ въ своемъ покорителѣ исконнаго врага, забывая что исключительно этому только „врагу“ обязанъ онъ и своею „конституціей“, и всѣми своими правами и преимуществами...

Однако, какъ ни грустно у васъ на сердцѣ, какъ ни готово подчасъ слетѣть съ вашихъ устъ слово негодованія, а все-таки поневолѣ подчиняешься всѣмъ финляндскимъ правиламъ и порядкамъ, ибо „одинъ въ полѣ не воинъ“, „сила солому ломитъ“ и т. п.,—и вотъ такимъ-то образомъ, даже помимо желанія, происходитъ это раздваиваніе. Это-то раздвоеніе и служитъ источникомъ того необыкновенно страннаго чувства которое испытываешь ѣдучи въ первый разъ по Финляндской желѣзной дорогѣ.

Еще до Выборга вы до нѣкоторой степени чувствуете себя дома, хотя родная почва уже сильно ускользаетъ изъ-подъ вашихъ ногъ. Выборгъ всего въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Петербурга, въ двухъ часахъ отъ русской границы, населенъ массой русскихъ войскъ, имѣющихъ постоянныя сообщенія и сношенія со столицей; это городокъ небольшой, съ преобладаніемъ въ образованномъ кругу Русскихъ, а потому не носитъ на себѣ того выдающагося отпечатка сепаратизма которой присущъ всѣмъ другимъ городамъ Финляндіи. Но стоитъ вамъ проѣхать по желѣзной дорогѣ еще часа два,—и вы сразу окунаетесь въ чистокровную Финляндію, васъ сразу перестаютъ понимать даже среди поѣздной прислуги.

Вообще, надо отдать справедливость Финляндцамъ, они съ замѣчательною послѣдовательностью и единодушіемъ проводятъ свою идею сепаратизма и на словахъ, и на дѣлѣ, даже въ мелочахъ. Какъ иллюстрацію, нельзя не привести здѣсь хоть бы слѣдующаго, незначительнаго самого по себѣ, факта, который, однако, характеризуетъ что за народъ Финляндцы и до какихъ мелочей доходятъ они въ дѣлѣ своего „обособленія“.

Что въ Финляндіи все и вездѣ только финляндское,—это понятно само собою. Финляндская желѣзная дорога, конечно, также вся построена финляндскими инженерами изъ финляндскаго матеріала, а подвижной составъ ея сдѣланъ весь въ финляндскихъ заводахъ и мастерскихъ. Даже тотъ участокъ дороги который пролегаетъ по русской территоріи также построенъ изъ финскаго матеріала и финляндскими рабочими. Всѣ служащіе на всѣхъ станціяхъ линіи—природные Финляндцы, носятъ свою особую форму съ голубыми кантами, отличную отъ формы русскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ финляндскимъ гербомъ на пуговицахъ и на уродливыхъ шапкахъ съ прямымъ козырькомъ, или одѣты въ свой особый финскій костюмъ. Всѣ машины, телеграфные и сигнальные аппараты, станціонные часы, лампы, даже мелочи въ родѣ градусниковъ и прочее,—все это изъ Финляндіи, изъ Гельсингфорса или другихъ городовъ. Словомъ, болѣе строго-финляндскаго выбора всѣхъ предметовъ желѣзнодорожнаго обихода

и хозяйства невозможно было бы и придумать.

Такое желаніе исключить съ этой желѣзнодорожной линіи, даже въ предѣлахъ Петербургской губерніи, все русское—бросается въ глаза даже самому ненаблюдательному человѣку и поневолѣ наводитъ на грустныя размышленія. Финляндцы словно поклялись не дать нажить съ себя Русскому человѣку не только у себя въ Финляндіи, но даже и у насъ въ Россіи, и только этимъ, да еще развѣ необыкновенною неустойчивостію убѣжденій Русскаго человѣка вообще, и объясняется то постоянно встрѣчающееся грустное явленіе, не разъ уже заявленное въ печати, что всякій русскій купецъ поселившійся въ Финляндіи необыкновенно быстро отрекается отъ всего русскаго, не исключая и языка, и ассимилируется съ тѣмъ обществомъ куда онъ попалъ. Намъ не разъ приходилось слышать здѣсь отъ рускихъ торговцевъ, въ видѣ оправданія, что въ Финляндіи немыслимо торговать, невозможно получить ни одного подряда или поставки, если не быть Финляндцемъ хотя по внѣшности, а такъ какъ у купца все цѣнится на деньги, то становится понятнымъ почему они такъ легко поступаются всѣмъ русскимъ, воспринимая все финляндское. *

Да, поѣздка по Финляндской желѣзной дорогѣ во многихъ отношеніяхъ полезна для Русскихъ и можетъ отрезвляюще дѣйствовать на нихъ, хотя, къ несчастію, не на всѣхъ. Но на свѣжаго человѣка она во всякомъ случаѣ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе не въ пользу Финляндіи и тѣхъ порядковъ, той отчужденности отъ Россіи, которыя здѣсь въ большомъ ходу.

Л. П.

---

* См. выше, стр. 544—545.

ПИСЬМА О ФИНЛЯНДІИ.*

Письмо четвертое и послѣднее. **

I.

Государственное денежное хозяйство Финляндіи ведется въ такомъ порядкѣ что получить точное представленіе о немъ по офиціальнымъ даннымъ невозможно. Въ Финляндіи нѣтъ единства кассы, приходъ и расходъ казенныхъ суммъ исчисляются по нѣсколькимъ отдѣленіямъ, безъ сведенія въ одну общую роспись. Суммы перечисляемыя изъ одного отдѣла въ другой иногда показываются доходомъ только по тому отдѣлу куда перечислены, что вполнѣ правильно, иногда же остаются на приходѣ въ обоихъ мѣстахъ, слѣдовательно вдвойнѣ. Напримѣръ 3.147.064 марки 40 пенни изъ отдѣла временныхъ податей перечислены въ отдѣлъ милиціонный, и въ обоихъ значатся на приходѣ и въ расходѣ. Понятно что при такомъ порядкѣ (или безпорядкѣ) годовой бюджетъ страны, по нѣкоторымъ частямъ, фиктивно увеличивается вдвое. Изъ года въ годъ въ сумму поземельнаго дохода включается 146.000 марокъ, которыя не только не собраны, но завѣдомо и по закону не могутъ быть собраны, почему тутъ же выписываются въ расходъ, какъ подлежащія сложенію. Одинъ желѣзныя дороги даютъ прибыль, другія убытокъ; доходомъ, конечно, слѣдовало бы показать разницу между прибылью и убыткомъ, но на самомъ дѣлѣ доходъ показанъ на 96.000 марокъ больше, и этотъ придатокъ тутъ же сносится въ расходъ.

При помощи такихъ пріемовъ, бюджетъ 1886 года исчисленъ въ 45.287.719 марокъ 18 пенни, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ равняется 41.027.654 мар. 78 пенни, или 10.247.413 р. 69½ коп. металлическихъ.

Изъ этой суммы доходъ казны составляютъ собственно 9.301.384 руб. 88⅔ коп., остальные же 972.428 руб. 81½ к.—остатокъ отъ прежняго года.

Главныя статьи казенныхъ доходовъ состоятъ изъ таможеннаго сбора — 3 милл. или 32,¼%; питейнаго акциза (съ ведра спирта 2 р. 85)—1.251.000 (13½%); поземельной подати (которой приходится 1 р. 50 к. мет. на десятину воздѣланной земли, тогда какъ въ Россіи государственнаго и земскаго сбора на десятину полагается въ 1885 году 73 к.)—1.146.000 р. (12,₁₃%); въ Финляндіи существуетъ подушная подать—387.000 р. и подоходный налогъ—237.000 р. (2%).

За тотъ же годъ государственный расходъ является въ цифрѣ *9.349.000* рублей. Главныя статьи расхода: вознагражденіе и пенсіи служащимъ (29%),

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 323.

** См. выше, стр. 223—228, 352—358, 393—397.

расходъ по военному вѣдомству (16,5%), сооруженіе желѣзныхъ дорогъ (14,2%), уплата по займамъ (10,3%), учебная часть (10,4%).

Въ росписи оказывается дефицитъ. Какимъ образомъ управились съ дефицитомъ при исполненіи росписи, осталось неизвѣстнымъ, ибо отчеты по исполненію росписи не обнародываются.

Финляндскіе займы начинаются съ 1859 года, когда русское Государственное Казначейство ссудило Финляндіи 2½ милл. рублей по 4%, платя само въ то же самое время по своимъ займамъ значительно больше. По 1886 годъ Финляндія заняла 27 милл. рублей, изъ коихъ оставались непогашенными 18 милл., что составляетъ сумму почти равную двухгодичному бюджету. Проценты и погашеніе поглащаютъ почти ⅛ бюджета. Замѣтимъ что Финляндіи не представлялось необходимости напрягать всѣ свои жизненныя силы: ея долгъ этого оправданія не имѣетъ.

II.

Финляндскіе займы были вызваны преимущественно постройкой желѣзныхъ дорогъ, протяженіе которыхъ дѣйствительно возрастало съ замѣчательною быстротой. Первая дорога (100 верстъ) была открыта въ 1863 году, а въ 1886 году ихъ было уже 1.453 верстъ (казенныхъ 1.422 верстъ), стоимостью въ 29.841.741 рублей.

Постройка дорогъ обходилась сравнительно дешево, отъ 13 до 28 тысячъ за версту, въ среднемъ около 22 тысячъ рублей. Такая дешевизна обусловливается обиліемъ рабочихъ рукъ свободныхъ отъ земледѣлія, повсемѣстнымъ обиліемъ камня и лѣса, отсутствіемъ капитальныхъ зданій, большихъ техническихъ сооруженій и большихъ насыпей и выемокъ, незначительнымъ протяженіемъ разъѣздныхъ и запасныхъ путей и малочисленностью подвижнаго состава.

Всѣ дороги не менѣе какъ на три четверти своей стоимости построены въ долгъ, для погашенія котораго ежегодно приходится платить не менѣе 5%. Поэтому, чтобы дороги сами погашали этотъ долгъ, необходимо имѣть чистаго дохода отъ нихъ никакъ не менѣе 3¼%. Но чистый желѣзнодорожный доходъ не превышаетъ 2½%; недостающее приходится собирать съ населенія въ видѣ податей.

Доходность финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ ничтожна. За четыре отчетные года, 1883—1886 годы, средній доходъ на версту оказывается:

Петербургско-Гельсингфорсской дороги.....	+	1.192 р. 62 к.
Вѣтви на Таммерфорсъ..	+	592 „ 56 „
Улеаборгской за два мѣсяца эксплуатаціи....	+	6 „ 25 „

Другія двѣ линіи дали убытокъ:

Хювинге-Ганге.....	—	172 „ 50 „
Таммерфорсъ-Ваза.....	—	43 „ 31 „

Такимъ образомъ только Петербургская линія, особенно до Выборга, работаетъ удовлетворительно, принося 4,98% дохода. Въ общемъ выводѣ, по всѣмъ вышеозначеннымъ дорогамъ, кромѣ Улеаборгской, доходъ на версту равняется 604 руб.

За тѣ же четыре года средняя доходность русскихъ желѣзныхъ дорогъ (25.557 верстъ) равняется 3.773 руб. на версту, что превышаетъ доходность финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ болѣе чѣмъ вшестеро. Доходность же Николаевской дороги (19.923 р. на версту) въ пятнадцать разъ болѣе доходности самой доходной изъ финляндскихъ дорогъ—Петербургско-Гельсингфорсской.

При этомъ доходность русскихъ желѣзныхъ дорогъ постоянно возрастаетъ: съ 1880 по 1886 годъ она поднялась съ 1.966 р. до 3.451 р. на версту, или на 75%, а въ 1888 до 4.828 руб., или на 146%. Наоборотъ, доходность финляндскихъ дорогъ падаетъ: въ 1880 году она равнялась 821 р., а въ 1886 году только 676 р., то есть уменьшилась почти на 18%.

Вообще въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ и въ развитіи школьнаго дѣла, въ Финляндіи замѣчается то же несоотвѣтствіе учредительской дѣятельности съ дѣйствительными нуждами и потребностями края и, пожалуй, такое

же стремленіе щегольнуть воображаемымъ ростомъ народной культуры.

Желѣзныя дороги въ Финляндіи расположены вдоль береговъ Финскаго и Ботническаго заливовъ, пуская внутрь страны лишь незначительныя вѣтви. Береговая линія соединяетъ наиболѣе плодородныя приморскія равнины, издавна заселенныя преобладающимъ по количеству шведскимъ населеніемъ. Внутренность страны дика, болотиста, малолюдна, малопроизводительна и постоянно нуждается въ прокормленіи.

Такое распредѣленіе населенія и производительности обусловливало значительное развитіе торговаго флота. Въ 1878 году онъ простирался до 1.997 судовъ, емкостью каждое отъ 20 тоннъ и болѣе, общей вмѣстимости до 302.798 тоннъ; паровыхъ судовъ было 161, вмѣстимостью 8.710 тоннъ.

Въ этомъ дѣлѣ, однако, какъ и въ большинствѣ случаевъ, въ Финляндіи замѣчается остановка: съ 1878 по 1887 число и емкость паровыхъ судовъ, удвоились, но число парусныхъ судовъ осталось безъ измѣненія, да и то потому только что къ нимъ присчитаны суда прежде не входившія въ счетъ, именно емкостью отъ 10 до 20 тоннъ. Но и несмотря на это, вмѣстимость судовъ уменьшилась: вмѣсто 1.836 судовъ, имѣвшихъ въ 1878 году вмѣстимость 294.088 тоннъ, въ настоящее время налицо 1.835 судовъ, поднимающихъ только 251.142 тоннъ, то-есть получилось уменьшеніе на 15%. Весь флотъ въ 1878 году поднималъ 302 тысячъ тоннъ, теперь—268 тысячъ тоннъ: на 11% меньше, несмотря на увеличеніе числа судовъ съ 1.997 до 2.153.

Сравнивая финляндскій флотъ съ русскимъ, увидимъ что первый меньше по числу судовъ въ 11 разъ, а по вмѣстимости въ 33 раза. Паровой флотъ въ Россіи составляетъ $^1/_3$, въ Финляндіи—$^1/_{15}$ часть всего флота.

Медленный ростъ финляндскаго флота есть прямое послѣдствіе расположенія желѣзныхъ дорогъ, на всемъ протяженіи конкуррирующихъ съ морскою перевозкой и съ судоходствомъ по внутреннимъ каналамъ. Страна слишкомъ бѣдна чтобъ ея производительность нуждалась въ такихъ параллельныхъ путяхъ сообщенія, и потому заработокъ судоходства долженъ былъ въ значительной части отойти къ желѣзнымъ дорогамъ.

Ни морскіе, ни желѣзнодорожные пути въ Финляндіи не могутъ, однако, содержать себя и развиваться на средства доставляемыя торговлей и промышленностью страны. Въ этомъ отношеніи мы вновь видимъ любопытное указаніе на малое знакомство мѣстной администраціи, состоящей изъ туземцевъ, съ дѣйствительными потребностями провинціи.

III.

Затѣи финляндскихъ земцевъ предопредѣлены фантастическими представленіями о способности страны къ быстрому и пышному развитію населенія и эксплуатаціи природныхъ богатствъ, которое де въ скорости покроетъ расходы на вспомогательныя учрежденія, имѣющія цѣлью не только облегчить наличную дѣеспособность края, но и вызвать къ жизни ту которую желательно видѣть. Таковая предусмотрительность переходитъ иногда въ утопію, за которую приходится тяжело расплачиваться живущему поколѣнію, или же патріотамъ является необходимость отказываться отъ своихъ надеждъ и конфузливо сокращать благодѣтельныя учрежденія навязанныя ими странѣ, какъ, напримѣръ, въ области народнаго просвѣщенія—закрывать открытыя лишнія школы.

За политическою подкладкой, за нескрываемою враждой къ Россіи, въ финляндской автономіи можно подмѣтить важную черту, до сихъ поръ мало изученную, но едва ли не самую важную—неудовлетворительность мѣстнаго самоуправленія и его разорительность для страны, то-есть именно тѣ обстоятельства которыя въ Россіи послужили поводомъ къ нынѣшнимъ преобразованіямъ земскаго самоуправленія.

Широкая автономія, которою пользуется наша Финляндская провинція, все болѣе и болѣе проявляетъ свою несостоятельность. Мы уже отмѣтили несообразности и недостатки административнаго и судебнаго устройства

съ точки зрѣнія организаціонной. О практикѣ этихъ учрежденій извѣстій мало, но то что̀ извѣстно доказываетъ настоятельную необходимость какъ органическаго переустройства, такъ и очищенія личнаго состава. Законодательная дѣятельность правящихъ классовъ достаточно зарекомендована „Уголовнымъ Уложеніемъ.“ * Данныя рекрутскихъ наборовъ опровергаютъ хвастливое заявленіе о всеобщей грамотности, а малолюдность школъ, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ о ложномъ пути по которому идутъ администраторы народнаго просвѣщенія и въ Великомъ Княжествѣ, и въ Выборгской губерніи. Высшее учебное заведеніе, Гельсингфорсскій университетъ, стоитъ не на высотѣ своего призванія. Въ числѣ главныхъ чиновниковъ Княжества множество лицъ на отвѣтственныхъ постахъ не имѣютъ университетскаго образованія. Научныя теоріи государственнаго права гг. Коскинена, Мехелина, Германсона и т. п., отличаются не столько научнымъ безпристрастіемъ, сколько опаснымъ для страны политиканствомъ.

Да, нынѣшняя финляндская автономія подлежитъ ликвидаціи. Преобразованія, устраняющія странную *государственную* обособленность Финляндіи въ таможнѣ, монетѣ и почтѣ, уже начались. За ними логически должны послѣдовать перемѣны въ администраціи и судѣ и возрожденіе и оздоровленіе Гельсингфорсскаго университета въ политическомъ отношеніи. Дѣятельность „ученыхъ юристовъ“ Финляндіи даетъ основаніе думать что Гельсингфорсскій университетъ нуждается въ такомъ же обновленіи какое было произведено въ Варшавской Главной Школѣ и совершается въ Дерптскомъ университетѣ. Равно и прочія учебныя заведенія нуждаются въ упорядоченіи. **

IV.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о Финляндіи въ военномъ отношеніи. *

Съ присоединеніемъ къ Россіи, Финляндія была освобождена отъ содержанія своихъ войскъ. Съ 1812 по 1835 годъ она содержала всего семь баталіоновъ, но и это число иногда уменьшалось до одного баталіона. Нынѣ число мѣстныхъ войскъ простирается до девяти баталіоновъ, или до 5.000 человѣкъ и, кромѣ того, 12.000 запасныхъ, собираемыхъ на три мѣсяца въ годъ, то-есть на содержаніи находится еще 3.000 человѣкъ въ годъ, всего—8.000 человѣкъ, или 0,35% народонаселенія, тогда какъ въ Европѣ подъ ружьемъ стоитъ $1^1/_2$%, или даже $1^3/_4$%, а въ Россіи 1%. По русской нормѣ, Финляндія должна содержать не менѣе 22,250 человѣкъ и расходовать на нихъ не $1^1/_2$ милліона рублей (6 милліоновъ марокъ), а не менѣе 4 милліоновъ рублей (16 милліоновъ марокъ), да сверхъ того участвовать въ расходахъ на содержаніе техническихъ и спеціальныхъ учрежденій, мастерскихъ, складовъ и т. п., а равно и военнаго флота; на эти потребности опредѣлилась бы сумма около 2.000.000 рублей. Для покрытія расхода въ 24.000.000 марокъ пришлось бы всѣ подати, пошлины и налоги уплачивать въ полуторномъ размѣрѣ. А въ военное время расходы удваиваются.

Кто же несетъ теперь эти тяжести, которыя, при нынѣшнемъ политическомъ положеніи Европы, несутъ всѣ европейскія націи? Кто платитъ за право Финляндіи считаться въ составѣ великой державы?

Платитъ русское казначейство, Русскій народъ.

Мало того, Россія имѣетъ несомнѣнное право требовать чтобы Финляндія въ военное время участвовала въ тягостяхъ войны на ряду съ другими провинціями. Послѣ покоренія Финляндіи, Россія въ теченіе 80 лѣтъ не разъ

---

* См. выше, стр. 262—276, 297—315, 469—472, 483—489, 531—532, и ниже, стр. 556.

** См. выше, стр. 318—332, 495—514, 535—539.

* См. выше, стр. 9—11, 32, 171—177, 193—202, 466—468, 490, 492—494.

жила напряженною боевою жизнью, и только въ послѣднюю Турецкую войну изъ Финляндіи былъ вызванъ... *одинъ баталіонъ!*

Политическая необходимость оградить Петербургъ отъ непріятельскаго нашествія вынудила Русское правительство сдѣлать такое невыгодное пріобрѣтеніе какъ Финляндія. Въ настоящее время Швеція, отъ которой мы отгораживались Финляндіей, сама по себѣ не составляетъ предмета опасеній. Но такъ какъ единоборство съ Россіей немыслимо ни для одного государства въ Европѣ, какого бы то ни было, то въ особомъ ходу мысль о всеобщей коалиціи противъ Россіи, а въ коалиціи Швеція можетъ имѣть свое значеніе,* и это обстоятельство сохраняетъ за Финляндіей ея стратегическую важность.

Всѣ наши войны со Швеціей, послѣ Великой Сѣверной, происходили въ приморской Финляндіи; только война 1808 года охватила собой внутреннія земли. Эта война велась съ замѣчательнымъ упорствомъ, съ участіемъ мѣстнаго финскаго населенія. Партизанскія дѣйствія и участіе Финновъ были, впрочемъ, и въ предпослѣдней войнѣ. Народное возстаніе въ мѣстности изрѣзанной озерами и горами, покрытой лѣсами и болотами, причиняло намъ серіозныя затрудненія, придало борьбѣ ожесточенный характеръ и затянуло кампанію.

Въ послѣдующее время, вмѣсто того чтобъ эманципировать Финновъ отъ Шведовъ путемъ государственнаго обрусенія, посредствомъ русскихъ законовъ, русскихъ учрежденій, русскаго языка въ управленіи и школѣ, освободительное движеніе совершалось путемъ поднятія финскаго элемента, уравненія его со шведскимъ: о русскомъ же какъ-то забывалось. Конечно, все это произошло благодаря обособленію финляндскихъ дѣлъ въ особомъ учрежденіи наполненномъ исключительно Шведами. Шведской интеллигенціи не составило особаго труда заговорить по-фински и прививать Финнамъ шведскія симпатіи и антипатіи въ школѣ, въ киркѣ, въ литературѣ. Препиранія между этими племенами — домашнее дѣло, тотчасъ отходящее на второй планъ коль скоро дѣло касается отношеній къ Россіи. Никто не напомнитъ Финну что только подъ русскимъ владычествомъ онъ сталъ дѣйствительнымъ сыномъ своей родины, былъ уравненъ со Шведомъ предъ закономъ и получилъ гарантіи противъ прежней безпощадной „легальной“ эксплуатаціи.

Пропаганда сепаратистовъ — Шведовъ по преимуществу — находитъ у Финновъ, судя по одинаковому тону шведскихъ и газетныхъ политикановъ, судя по именамъ объявившихся вождей сепаратизма, весьма благодарную почву. Поэтому, — особенно въ виду той провинціальной слѣпоты и политической близорукости которая обнаружилась въ шестидесятыхъ годахъ въ Привислинскомъ краѣ, а въ послѣднее время въ Остзейскомъ,—нѣтъ основаній, видя то что теперь происходитъ въ Финляндской окраинѣ, отвергать возможность мѣстнаго пособничества непріятелю, если Швеція будетъ втянута въ коалицію противъ Россіи. (А какъ снисходительны финляндскіе взгляды на государственную измѣну ярко сказалось въ финляндскомъ „Уголовномъ Уложеніи“. *)

Еслибъ это случилось, бунтъ, конечно, будетъ задавленъ; но не лучше ли своевременно вспомнить о разумно-необходимомъ, законно-справедливомъ переустройствѣ края на русскихъ основаніяхъ? Рано или поздно это должно же совершиться, ибо не въ духѣ русской государственности терпѣть долгое время въ составѣ государства такую провинціальную автономность какая существуетъ въ Финляндіи.

М. ПЕТРОВЪ.

---

* См. выше, стр. 405—407.

* См. выше, стр. 262—266 и 297–309.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

64.

Книжка финляндскаго профессора Даніэльсона. *

Книжка эта называется по-шведски *Finlands förening med Ryska riket*, или, какъ переводитъ самъ авторъ, *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой*.

Уже давно финская печать возвѣщала что г. Даніэльсонъ, профессоръ исторіи въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, готовитъ серіозный историческій трудъ по поводу книги К. Ф. Ордина *Покореніе Финляндіи*. Теперь книга, или, правильнѣе, брошюра, г. Даніэльсона вышла въ Гельсингфорсѣ на шведскомъ и финскомъ языкахъ. Публикуя о ней въ *Nya Pressen*, авторъ предпослалъ ей такой Avis: „Книга необходимая каждому согражданину!“ (En bok för hvarje midborgare.)

Какое впечатлѣніе получается по просмотрѣ этой „ученой“ книжки? Въ ней, оказывается, нѣтъ и тѣни того спокойствія, объективности и безпристрастія которыхъ требуетъ „научное“ сочиненіе. Въ своей книжкѣ, на всѣхъ 190 разгонистыхъ страничкахъ, г. Даніэльсонъ весь—гнѣвъ, буря, страсть. Съ первой строки до послѣдней все въ этой книжкѣ дышетъ такою ненавистью къ русскому изслѣдователю что приходится только недоумѣвать какъ могъ профессоръ университета,—въ трудѣ, которому его единомышленники пытаются придать значеніе ученаго,—до такой степени отдаться своей личной и партійной непріязни?

Эта ненависть ясна уже съ первыхъ словъ его предисловія: „Въ 1887 году К. Ординъ, нынѣ гофмейстеръ Императорскаго Россійскаго Двора“, и т. д. Тѣмъ же указаніемъ книжка и оканчивается; слово „гофмейстеръ“ употребляется не разъ и въ другихъ мѣстахъ текста. Для чего это понадобилось, когда всѣ изданія г. Ордина имѣютъ характеръ совершенно частный, безъ малѣйшаго соотношенія съ его офиціальнымъ положеніемъ? Оно понадобилось для того чтобы стрѣлы были ядовитѣе, чтобы сдѣлать скандалъ, чтобы можно было, въ концѣ концовъ, взвести на русскаго автора и сильнѣе подчеркнуть обвиненіе—въ чемъ бы вы думали?—въ оскорбленіи величества... **

Благодаря этому и всѣмъ другимъ пріемамъ, книжка г. Даніэльсона на-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 224, отъ 23 ноября.

** „Crimen laesae majestatis“, это у финляндскихъ публицистовъ послѣдній резервъ аргументаціи, когда, прижатые къ стѣнѣ силою русской правды, они не находятъ чѣмъ бы зажать рты Русскимъ людямъ и заставить молчать русское слово. См., между прочимъ, выше, стр. 203—215.

сквозь пропитана красками не ученаго сочиненія, а памфлета направленнаго всѣми мѣрами къ тому чтобы стереть русскаго описателя съ лица земли.

Въ самомъ началѣ книжки собраны всѣ ошибки и погрѣшности встрѣчающіяся у г. Ордина въ краткомъ очеркѣ древнѣйшихъ отношеній Россіи и Финляндіи, бѣгло написанномъ по нашимъ историкамъ, лѣтописямъ и проч. Финляндскихъ историковъ нашъ авторъ, какъ извѣстно изъ его предисловія, по возможности избѣгалъ, въ виду ихъ тенденціи игнорировать Россію и все толковать въ пользу „государственной“ самостоятельности Финляндіи. Подобраны эти „ошибки“ съ величайшею тщательностью. Г. Даніэльсонъ, конечно, не даетъ понять что онѣ—свойства третьестепеннаго, и что добросовѣстный критикъ отвелъ бы имъ мѣсто развѣ гдѣ-нибудь въ выноскахъ. Но финляндскій памфлетистъ живописуетъ ихъ съ нарочитою рельефностію и съ глумленіемъ грубаго цеховаго подъ скромнымъ вольнымъ мастеромъ. Онъ тычетъ въ глаза всякою царапиной и—не обмолвится ни словомъ о томъ что въ вещи есть хорошаго и солиднаго.

Слѣдя далѣе за ходомъ событій по книгѣ г. Ордина, профессоръ минуетъ цѣлыя главы и сотни страницъ, или же разказываетъ ихъ сжато, не имѣя что сказать въ осужденіе, пока не встрѣтится, наконецъ, гдѣ-нибудь какое-нибудь выраженіе или мелкій фактъ на которомъ опять можно сорвать досаду.

Въ послѣдующемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше разгораются страсти гельсингфорсскаго профессора. Приведенные имъ нѣсколько документовъ, которыхъ нѣтъ у г. Ордина, даютъ ему вполнѣ достаточный поводъ обвинять нашего автора въ томъ что онъ де намѣренно скрылъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, финляндскій профессоръ старательно обходитъ тѣ цѣлыя сотни новыхъ документовъ на которыхъ г. Ординъ основалъ свой трудъ. Съ другой стороны, довольно сличить Даніэльсоновскія новости съ Ординскими, чтобы видѣть всю незначительность первыхъ. Онѣ нисколько не измѣняютъ сущности дѣла, прибавляя лишь нѣсколько штриховъ къ отдѣлкѣ картины. Но до сличенія съ двумя толстыми томами далеко, а желаемый эффектъ произведенъ...

Г. Даніэльсонъ, очевидно, требуетъ отъ русскаго изслѣдователя чтобъ онъ безконечно, по всему свѣту, искалъ дополнить свой и безъ того богатый матеріалъ, и не издавалъ бы его,—предоставляя тѣмъ временемъ финляндскимъ писателямъ полный просторъ наводнять Россію и Европу ихъ жиденькими брошюрами, въ которыхъ будетъ разказано то что они хотятъ и какъ хотятъ.

Въ особенности на послѣднихъ главахъ *Покоренія Финляндіи*, на описаніи Боргоскаго Сейма, этого мнимаго фокуса финляндской государственности, раздраженіе г. Даніэльсона доходитъ до своего апогея. „Злостный клеветникъ“,—восклицаетъ онъ, передергивая совершенно спокойныя и вѣрныя соображенія русскаго писателя по поводу присяги лютеранскаго епископа Тенгстрёма. А по поводу доказательствъ въ пользу того что шведская конституція не могла быть дана Финляндіи Александромъ I, г. профессоръ сочиняетъ цѣлое обвиненіе, о которомъ мы упомянули выше, и очень наглядно даетъ понять что „г. гофмейстера“ слѣдовало бы отдать подъ судъ...

Но довольно. Копаться въ грязи памфлета мѣшаетъ намъ естественная брезгливость честныхъ людей. Впрочемъ, можетъ-быть, мы, пересиливъ свое отвращеніе, еще и вернемся къ этому произведенію сепаратистской „учености“. Но пока пусть авторъ ищетъ подходящихъ читателей своей книжонки въ тѣхъ кружкахъ на которые разчитываетъ какъ на единомышленные. Можетъ-быть, „каждому согражданину“ г. Даніэльсона и впрямь необходимо знать какую брань сочинитель *Соединенія Финляндіи съ Россійскою державой* сыплетъ на автора *Покоренія Финляндіи*.

65

Что́ дѣлается съ финляндскимъ „Уголовнымъ Уложеніемъ“? *

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, вопросъ о приведеніи въ дѣйствіе извѣстнаго новаго „Уголовнаго Уложенія Финляндіи“ (къ которому *Московскія Вѣдомости* обращались не одинъ разъ),** равно о недостаткахъ этого закона, подвергнутъ былъ обсужденію особаго совѣщанія изъ гг. министра Юстиціи, главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ, финляндскаго генералъ-губернатора и финляндскаго министра-статсъ-секретаря. Затѣмъ была образована, подъ предсѣдательствомъ сенатора Таганцева, коммиссія изъ русскихъ и финляндскихъ юристовъ, которая въ 12 засѣданій пересмотрѣла главы и статьи Уложенія относящіяся до Россіи.

Съ финляндской стороны принимаются всѣ мѣры къ тому чтобы не допустить пріостановки введенія Уложенія въ дѣйствіе, назначеннаго, какъ извѣстно, на 20 декабря (1 января 1891). Муссируютъ всѣми мѣрами такой принципъ что „корона“ *не имѣетъ де права* пріостанавливать узаконеніе бывшее на разсмотрѣніи Сейма.

Между тѣмъ, если справиться даже съ Сеймовымъ Уставомъ,—этимъ „святая святыхъ“ финляндскихъ сепаратистовъ,—то и тамъ не найдется ничего въ поддержку такой нелѣпой претензіи. Но „лойяльные“ Финляндцы ни предъ чѣмъ не останавливаются, благо у насъ мало знакомы и съ ними самими, и съ ихъ дѣлами.

66.

По вопросамъ о таможенномъ и монетномъ объединеніи. ***

Корреспонденція *Московскихъ Вѣдомостей.*

Петербургъ, 22 ноября.

Работы особой коммиссіи учрежденной, подъ предсѣдательствомъ графа Ѳ. Л. Гейдена, по вопросу о таможенномъ объединеніи Финляндіи съ Россіей **** дѣятельно подвигаются, такъ какъ должны быть закончены ко времени окончанія работъ Тарифной Коммиссіи.

По слухамъ, Гейденовская коммиссія остановилась на мысли временно примѣнить къ Финляндіи дифференціальный тарифъ, и въ то же время совершить немедленно полное объединеніе финляндскихъ таможенныхъ учрежденій съ общеимперскими. Вообще коммиссія находитъ что полное упраздненіе таможенной черты между Княжествомъ и Имперіей должно составлять вопросъ весьма недалекаго будущаго, такъ какъ обрабатывающая промышленность и по ту, и по другую сторону этой черты нисколько не пострадаетъ отъ подобнаго рѣшенія вопроса; но оно можетъ быть осущест-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 324, отъ 23 ноября.

** См. выше, стр. 262—276, 297—315, 381—383, 391—392, 469—472, 483—489, 531.

*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 325, отъ 24 ноября.

**** См. выше, стр. 157—162, 166—170, 289, 335—336, 384, 473—474.

влено лишь послѣ передачи финляндскихъ таможень въ вѣдѣніе нашего таможеннаго управленія, когда выяснятся въ достаточной мѣрѣ наилучшія условія и способы для приведенія этого дѣла въ исполненіе. До тѣхъ же поръ необходимо озаботиться охраненіемъ Имперіи отъ наплыва иностранныхъ продуктовъ и произведеній подъ видомъ финляндскихъ, о чемъ возбудило вопросъ Министерство Финансовъ.

Далѣе, коммиссія признала необходимымъ, одновременно съ рѣшеніемъ таможеннаго вопроса, установить однообразныя правила и однообразные сборы для торговыхъ флотовъ Княжества и Имперіи, такъ какъ существующіе нынѣ въ этомъ отношеніи порядки отличаются большою неравномѣрностью и даже прямо несправедливостью, что̀, между прочимъ, крайне вредно отражается на развитіи русскаго торговаго судоходства.

Таковы намѣченныя коммиссіей основныя черты рѣшенія таможеннаго вопроса.

Что касается объединенія монетнаго обращенія,* то въ этомъ отношеніи, помимо сдѣланнаго уже перваго шага,** намѣчены только главныя черты рѣшенія этого вопроса. Но въ принципѣ уже рѣшено закрыть Финляндскій Монетный Дворъ и ввести въ Княжествѣ золотую и серебряную монету обращающуюся въ Имперіи, такъ какъ финляндская монета отличается отъ общеимперской только названіями, а по цѣнности вполнѣ ей соотвѣтствуетъ.

Затѣмъ, что касается до обращенія въ Княжествѣ кредитныхъ билетовъ, то этотъ вопросъ еще разрабатывается.

N. N.

---

* См. выше, стр. 245—248, 289, 335—336, 384, 433—436, 473—474.

** См. выше, стр. 428—429.

ОФИНЛЯНДИВШІЕСЯ РУССКІЕ

И

НЕОШВЕДИВШІЕСЯ ФИННЫ.

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“. *

Гельсингфорсъ, 17 (29) ноября.

Какъ ни прискорбно, а приходится констатировать тотъ фактъ что среди русской колоніи Гельсингфорса ** есть такіе члены ея которые окончательно отказались ото всего русскаго, измѣнили русскому дѣлу въ Финляндіи и даже!—увы!—примкнули къ лагерю сепаратистовъ. Еще среди здѣшняго купечества это явленіе до извѣстной степени—если не извиняется, то, по крайней мѣрѣ, объясняется чисто матеріальными выгодами, чисто денежнымъ разчетомъ, который связанъ для нихъ съ такимъ образомъ дѣйствій: если не измѣнишь русскому дѣлу, не сдѣлаешься Финляндцемъ,—ничего не продашь, прогоришь въ пухъ и прахъ. Но что можно до извѣстной степени простить торговцу, человѣку нерѣдко необразованному, должно быть сугубо вмѣнено человѣку образованному, а тѣмъ болѣе человѣку состоящему, вдобавокъ, на русской службѣ.

А между тѣмъ, къ стыду нашему, такія лица встрѣчаются здѣсь не только среди мелкихъ служащихъ, не пользующихся ни вліяніемъ, ни властью и не могущихъ, ео ipso, служить примѣромъ для другихъ, но бываютъ и среди болѣе видныхъ представителей здѣшней русской администраціи. Намъ неоднократно приходилось, напримѣръ, слышать объ одномъ изъ здѣшнихъ Русскихъ который занимаетъ видное мѣсто по службѣ, носитъ чисто русскую фамилію и, однако, до того успѣлъ офинляндиться что не только говоритъ въ своей семьѣ не иначе какъ по-шведски, но даже настолько забылъ свой родной языкъ что говоритъ на немъ—въ необходимыхъ, конечно, случаяхъ—съ сильнымъ не-русскимъ акцентомъ,

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 325, отъ 24 ноября.

** См. выше, стр. 544—548.

подчасъ даже затрудняясь въ выраженіяхъ и словахъ.

Но это все бы еще ничего: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать чтобы человѣкъ непремѣнно говорилъ у себя дома по-русски, а не на какомъ-либо другомъ языкѣ, который ему больше нравится. Въ Россіи у насъ, какъ извѣстно, это заурядное явленіе: многіе, даже власть имущіе, лучше говорятъ по-французски чѣмъ на родномъ своемъ языкѣ, ибо въ высшемъ обществѣ на это, какъ и на многое другое, господствовала, да и донынѣ еще не прошла, мода, и дѣтей ранѣе всего научаютъ лепетать на иностранныхъ языкахъ, нисколько не интересуясь судьбой языка русскаго. Но что особенно прискорбно въ данномъ случаѣ, такъ это то что помянутый русскій чиновникъ мирволитъ Финляндцамъ подчасъ положительно во вредъ интересамъ Русскихъ. Во всѣхъ столкновеніяхъ Русскихъ съ Финляндцами, на какой бы почвѣ они ни происходили, виновными всегда остаются Русскіе, и подобный образъ дѣйствій, конечно, не можетъ не вліять деморализующимъ образомъ какъ на Русскихъ, заброшенныхъ сюда судьбой, такъ и на Финляндцевъ, и безъ того мнящихъ о себѣ болѣе чѣмъ слѣдуетъ.

Русскіе, чувствуя со всѣхъ сторонъ недружелюбное, нерѣдко враждебное къ себѣ отношеніе, не находя себѣ поддержки даже въ начальствующихъ лицахъ и видя въ то же время какъ хорошо здѣсь живется всѣмъ Финляндцамъ и офиніяндившимся Русскимъ, по неволѣ, по человѣческой слабости, воспринимаютъ мало-по-малу сначала всѣ тѣ внѣшніе признаки по которымъ узнаются Финляндцы, между прочимъ, языкъ, а затѣмъ, незамѣтно для самихъ себя, начинаютъ и думать, и смотрѣть на вещи такъ же какъ и окружающіе ихъ Финляндцы. А отсюда недалеко уже и до полнаго единомыслія съ многочисленною кликой сепаратистовъ, которая имѣетъ здѣсь наибольшее число приверженцевъ среди мѣстной учащейся молодежи и вообще интеллигенціи.

Такимъ-то образомъ, вмѣсто того чтобъ являться въ краѣ насадителями русскаго духа, проводниками русскаго дѣла, болѣе мелкія лица русской администраціи и вообще члены русской колоніи очень часто подпадаютъ подъ вліяніе финляндскихъ quasi-патріотовъ только вслѣдствіе отсутствія поддержки со стороны мѣстныхъ русскихъ властей, благодаря или полному равнодушію ихъ къ этимъ вопросамъ, или даже, какъ указано выше, явному и подчасъ вопіющему пристрастію ко всему финляндскому, не исключая даже и политики. Это съ одной стороны.

Съ другой стороны, Финляндцы вообще, а финляндскіе сепаратисты въ особенности, не встрѣчая ни со стороны здѣшняго русскаго общества, ни даже со стороны многихъ представителей русской власти въ краѣ никакого противодѣйствія своимъ взглядамъ и стремленіямъ, и видя нерѣдко даже полное себѣ сочувствіе, а подчасъ и активное содѣйствіе, конечно, только выше поднимаютъ голову, съ большею безцеремонностью и большимъ нахальствомъ дѣйствуютъ во имя идеи сепаратизма, искусственно раздувая это неудачное дѣтище мѣстнаго высшаго общества, непопулярное среди простаго, въ особенности сельскаго, населенія страны.*

Вообще идея сепаратизма крайне непопулярна среди здѣшнихъ Финновъ, а въ особенности въ сельскомъ населеніи края, въ чемъ неоднократно лично приходилось убѣждаться изъ разспросовъ сельчанъ и разговоровъ съ ними. Меньшинство ихъ, на наши разспросы по этому предмету, добродушно заявляло что для нихъ совершенно все равно находиться ли подъ владычествомъ Шведовъ, которые по преимуществу составляютъ въ Финляндіи правящій классъ и высшее общество, или же подъ властію Русскихъ. Ихъ симпатіи скорѣе даже лежатъ на сторонѣ послѣднихъ, такъ какъ на Русскихъ имъ до сихъ поръ не приходилось еще жаловаться, между тѣмъ какъ отъ своихъ первоначальныхъ покорителей, Шведовъ, имъ пришлось перенести не мало всякихъ невзгодъ, несправедливостей, неудовольствій.

---

* См выше, стр. 216—217, 254, 420 - 421, 431—432, 458—465, 473—474, 527—530.

Большинство же тѣхъ Финновъ съ которыми намъ приходилось бесѣдовать по этому вопросу, прямо-таки, не задумываясь, говорили что они ждутъ-не-дождутся когда наступитъ, наконецъ, моментъ ихъ полнаго освобожденія ото всякой зависимости отъ Шведовъ, нынѣшнихъ заправилъ дѣлами Финляндіи, и когда, наконецъ, Русскіе станутъ полными хозяевами въ этой покоренной ими странѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ насъ къ убѣжденію что въ настоящее время, когда умы здѣсь сильно возбуждены не въ нашу пользу, намъ въ особенности слѣдовало бы обратить вниманіе на надлежащій составъ русской администраціи въ Финляндіи, на пополненіе ея рядовъ людьми способными высоко держать русское знамя въ своихъ властныхъ рукахъ, на выборъ и назначеніе сюда людей истинно-Русскихъ, горячо преданныхъ Россіи и вообще русскому дѣлу. Всѣхъ же сомнительныхъ въ этомъ отношеніи служащихъ, а тѣмъ болѣе такихъ которые даже не скрываютъ своихъ симпатій идеямъ сепаратизма, слѣдовало бы, хоть до поры до времени, или вовсе удалить, или перевести въ другія, болѣе спокойныя мѣста нашего обширнаго отечества.

Въ заключеніе, не можемъ воздержаться чтобы не привести еще одного, незначительнаго самого по себѣ, факта, который все-таки довольно рельефно характеризуетъ отношеніе финляндскаго общества къ идеямъ сепаратизма, показывая какъ всѣ здѣсь вооружены противъ всего истинно-русскаго.

Въ качествѣ вашего сотрудника, мнѣ, по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ и другіе города Финляндіи, конечно, интересно было продолжать чтеніе вашей газеты, и потому первый вопросъ, который я вездѣ предлагалъ, былъ о томъ гдѣ можно достать въ городѣ *Московскія Вѣдомости*. Къ немалому удивленію, мнѣ вездѣ приходилось выслушивать отвѣтъ что эта газета въ Финляндіи не выписывается, по крайней мѣрѣ въ финляндскія гостиницы, рестораны, кафе, библіотеки и т. п. учрежденія, такъ какъ она осмѣлилась открыто разоблачать всѣ выходки финляндскихъ quasi-патріотовъ и ихъ клевретовъ и, вмѣстѣ съ другою русскою газетой, громко заявляла объ опасности угрожающей русскому дѣлу въ Финляндіи, а не примкнула къ остальной части печати, равнодушно взирающей на всѣ тѣ безобразія которыя творятся здѣсь во имя нелѣпой идеи сепаратизма.

Изъ русскихъ газетъ здѣсь можно получать только одну... *

Л. П.

---

* Должно-быть, *Новости* г. Нотовича, съ ихъ корреспондентомъ-сотрудникомъ, г. Гракомъ (см. выше, стр. 8, 90—91, 365—368). А впрочемъ, можетъ-быть, и *Гражданинъ* князя Мещерскаго, „Дневники“ коего, въ №№ 149 и 163 за текущій 1890 годъ (см. выше, стр. 359—364, 375—380), должны были придтись по сердцу финляндской сепаратистской кликѣ. Напоминаемъ объ этомъ, въ надеждѣ что это прибавитъ *Гражданину* въ Финляндіи подписчиковъ, въ которыхъ, какъ явствуетъ изъ разосланнаго имъ циркулярнаго письма, князь Мещерскій столь нуждается (см. *Моск. Вѣд.* 1890 года, № 321). *Ред.*

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ

ПО ФИНЛЯНДСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

1.

„Отповѣдь финнофобамъ“. *

Какъ будто для иллюстраціи словъ г. Иловайскаго о нашихъ „интеллигентахъ“ возстающихъ противъ мнимыхъ „излишествъ“ нашего національнаго, *Новости* печатаютъ, подъ видомъ „отповѣди финнофобамъ“, размышленія о „человѣконенавистничествѣ“ Русскихъ, которые смѣютъ де желать чтобъ ихъ родина жила, а не претворялась всѣми племенами земнаго шара въ разлагающуюся, безразличную кучу какого-то матеріала удобнаго для всевозможныхъ космополитическихъ и революціонныхъ пропагандъ.

Весьма характерно что „отповѣдь финнофобамъ“ произносится г. Нотовичемъ, достойнымъ представителемъ тѣхъ инородныхъ элементовъ которые дѣлаются наружно нашими и тѣмъ удобнѣе насъ разлагаютъ.

Въ чемъ же дѣло? Нашелся одинъ Русскій человѣкъ, достаточно русскій чтобы думать объ интересахъ Россіи, достаточно знающій Финляндію чтобы дать отпоръ сепаратистскимъ подвохамъ. Это К. Ф. Ординъ. Много онъ напортилъ финляндскимъ „интеллигентамъ“, сильно подорвалъ ихъ паутину. Они рѣшились уничтожить такого вреднаго человѣка, и за это взялся Финляндецъ, да еще гельсингфорсскій профессоръ, г. Даніэльсонъ. Онъ издалъ книгу *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой* и позаботился перевести ее на русскій языкъ.

Новости въ восторгѣ. Наконецъ-то нашелся ихъ человѣкъ!

Газета объявляетъ г. Ордина уничтоженнымъ:

> Знакомство хотя бы съ одною этою полемическою статьей г. Рих. Даніэльсона, безъ сомнѣнія, должно было бы сильно расхолодить Академію Наукъ относительно „выдающагося пріобрѣтенія“ и „безпристрастія“ такъ поспѣшно усмотрѣнныхъ ею въ сочиненіи г. Ордина.

И газета обѣщаетъ—

> познакомить читателей съ сущностью разбора г. Рих. Даніэльсономъ сочиненія г. Ордина, — что и будетъ сдѣлано въ особой статьѣ.

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 307, отъ 6 ноября

Посмотримъ. А пока одно только обѣщаніе уже даетъ *Новостямъ* предлогъ на полутора столбцахъ распинаться въ пропагандѣ передовыхъ идей въ родѣ слѣдующей:

Каждой господствующей націи естественно стремиться къ *слiянію, объединенію* всѣхъ племенъ населяющихъ государство. И эта великая государственная цѣль тѣмъ быстрѣе, полнѣе и совершеннѣе достигается чѣмъ болѣе благъ предоставляется всѣмъ національностямъ входящимъ въ составъ даннаго государства,—чѣмъ болѣе оказывается уваженія ихъ религіи, языку, складу жизни и пр.

Объединеніе Россіи будетъ тѣмъ сильнѣе чѣмъ больше въ ней окажется *отдѣльныхъ* самостоятельныхъ національностей! * Нужно быть очень увѣреннымъ что Русскій былъ и останется дуракъ-дуракомъ чтобъ имѣть смѣлость увѣрять его въ такой нелѣпости...

---

* Процессы національнаго гніенія всѣ состоятъ именно въ разложеніи, разъединеніи „составныхъ частей“. *Новости* рекомендуютъ намъ примѣръ Австріи. Отмѣчая уступки (!) сдѣланныя Поляками галицкимъ Русскимъ („Русинамъ“ по не-русской терминологіи *Новостей*), газета восклицаетъ:

„Мы и не думаемъ упрекать Австрію въ томъ что она заботится объ удовлетвореніи и примиреніи интересовъ всѣхъ тѣхъ народовъ и народностей которые входятъ въ составъ государства. Нѣтъ, эта политика исполнена здраваго смысла и удовлетворяетъ самымъ безусловнымъ началамъ нравственности. Политическая мудрость всегда на сторонѣ той системы дѣйствій которая сближаетъ, сроднятъ населеніе съ государствомъ, а не разъединяетъ ихъ; противоположная система разстраиваетъ государственную цѣлость и заставляетъ даже крупныя части населенія искать своихъ идеаловъ за предѣлами даннаго строя или, по меньшей мѣрѣ, относиться равнодушно къ государственнымъ интересамъ и даже опасностямъ; Австро-Венгрія поняла эту опасность и старается сблизить съ государствомъ, заинтересовать въ его существованіи и судьбахъ всѣ разнородныя части своего населенія.“

Россія, по мнѣнію *Новостей*, дѣйствуетъ въ противоположномъ духѣ. Она не „примиряется“ съ Поляками, она не отдаетъ себя во власть Евреямъ, она не поощряетъ финляндскаго сепаратизма, не развиваетъ украйнофильства и т. д. *Новости* скорбятъ что Австрія будто бы выхватываетъ у Россіи объединительную роль, потому что отрицается отъ австрійскихъ способовъ дѣйствія.

Новости — одинъ изъ нашихъ живыхъ обращиковъ „гніенія“ Россіи, и поэтому онѣ не понимаютъ что между Россіей и Австріей нѣтъ ничего общаго. Австрія не нація, а династія, Австрія не можетъ дать никакого общаго типа народамъ и осколкамъ народовъ соединенныхъ подъ скипетромъ Габсбурговъ. Единственный типъ который Австрія пытается навязать этимъ народамъ есть типъ германскій, но эта задача невозможная, по слишкомъ большой противоположности германскаго типа остальнымъ народностямъ Австрійской имперіи. Поэтому Австріи не остается ничего другаго какъ балансировать на принципѣ *divide et impera*. Она ничуть не объединяетъ своихъ народовъ, а только *противополагаетъ* ихъ одинъ другому. Вѣдь и „Русиновъ Стадіонъ выдумалъ“, какъ выражаются Поляки, для ослабленія польскихъ претензій.

Для Австріи эта политика умна, за невозможностью лучшей, хотя въ концѣ концовъ она приводитъ къ распаденію. Но съ какой стати Россіи брать съ нея примѣръ въ этомъ? Мы живемъ совершенно обратнымъ процессомъ, мы ростемъ руссификаціей, объединеніемъ, не внѣшнимъ, а внутреннимъ развитіемъ одного общаго національнаго типа. Еслибъ у насъ когда-нибудь не хватило на это силы, у насъ также начался бы тотъ процессъ разложенія который рекомендуютъ *Новости*, у насъ также начали бы на разлагающемся тѣлѣ *нашемъ* грибами расти всякія Украйны, Балтіи, Сибирій, Арменіи, Черемисій, Финляндіи, Оренбургій и т. д. Тогда, чтобы продлить агонію, настала бы пора и намъ посовѣтовать политику Австріи, дабы погибнуть не въ двадцать лѣтъ, а въ сотню или въ двѣ сотни лѣтъ.

Но совѣты *Новостей* будутъ годиться не раньше какъ съ момента начала агоніи, разложенія Россіи. А пока мы еще живы, пока намъ предстоитъ еще *объединить*, слить, можетъ-быть, еще вдвое больше народа чѣмъ у насъ есть,—до тѣхъ поръ нашъ путь иной. (*Моск. Вѣд.* 1890 годъ, № 325, отъ 24 ноября.)

2.

Русскіе въ Финляндіи. *

Въ *Новое Время* сообщаютъ изъ Выборга объ очень отрадномъ проявленіи дѣятельности мѣстнаго русскаго общества:

Часть здѣшняго русскаго общества, интеллигенціи и купечества, соединилась въ дружныхъ усиліяхъ къ содѣйствію распространенія грамотности среди бѣднѣйшаго русскаго населенія города. На первыхъ порахъ приступлено къ устройству семейныхъ вечеровъ, концертовъ и спектаклей, сборы съ которыхъ идутъ на улучшеніе матеріальнаго положенія выборгскихъ русскихъ народныхъ школъ. Публика (русская, конечно) относится съ большимъ сочувствіемъ къ этимъ вечерамъ и спектаклямъ и посѣщаетъ ихъ охотно, внося, такимъ образомъ, свою лепту на благое дѣло просвѣщенія русскаго простолюдина.

3.

Освѣженіе Финляндіи. **

Мы много разъ указывали что финляндскій сепаратизмъ могущественно поддерживается изгнаніемъ Русскихъ изъ службы въ финляндскихъ учрежденіяхъ. На всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, независимо отъ какихъ бы то ни было мѣстныхъ особенностей, мы имѣемъ одинъ и тотъ же персоналъ правительственныхъ чиновниковъ. Грузинъ, Татаринъ, Полякъ или Якутъ также служатъ въ Москвѣ или Саратовѣ, какъ Москвичъ или уроженецъ Саратова служитъ въ Казани, Варшавѣ или Якутскѣ. Мѣстныя особенности по крайней мѣрѣ не вносятъ раздробленія въ орудія правительственнаго механизма. Одна Финляндія составляетъ въ этомъ случаѣ странное исключеніе:

Освѣженіе финляндскихъ административныхъ, судебныхъ и другихъ учрежденій, путемъ введенія въ нихъ русскихъ служащихъ, вопросъ ближайшаго будущаго, говорятъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*.

Нельзя не видѣть что въ любой мѣстности можно въ немного десятковъ лѣтъ развить духъ обособленности, если систематически назначать на всѣ должности исключительно мѣстныхъ уроженцевъ. Но въ отношеніи Финляндіи „освѣженіе“, о которомъ говорятъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, имѣетъ еще другое значеніе:

По свѣдѣніямъ собраннымъ Министерствомъ Юстиціи, въ финляндскихъ гофгерихтахъ и городскихъ судахъ, замѣняющихъ наши окружные суды, почти совсѣмъ не имѣется людей съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Даже предсѣдатели и вице-предсѣдатели всѣхъ юридическихъ учрежденій Финляндіи принадлежатъ къ обыкновеннымъ судейскимъ чиновникамъ, получившимъ самое минимальное образованіе; что же касается до 250 судей и членовъ судовъ въ городскихъ судахъ и гофгерихтахъ Финляндіи, то изъ нихъ съ университетскимъ образованіемъ не болѣе 20 человѣкъ. Это-то обстоятельство и заставляетъ правительство обратить серіозное вниманіе на контингентъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находится важное дѣло отправленія правосудія, нерѣдко соединяемаго въ княже-

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 311, отъ 10 ноября.

** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 319, отъ 18 ноября.

ствѣ съ жестокими истязаніями виновныхъ, о чемъ мы имѣли уже случай сообщать ранѣе. Все что сказано выше о чинахъ судебнаго вѣдомства, вполнѣ приложимо и къ чинамъ другихъ финляндскихъ учрежденій.

Провинція вообще бѣдная, Финляндія не обладаетъ достаточными средствами для достаточно широкаго развитія высшихъ учебныхъ заведеній, а по искусственной отчужденности отъ Россіи, русскими учебными заведеніями пользуется мало. Такимъ образомъ поддерживается, къ невыгодѣ массы населенія, сравнительно низкій уровень служебнаго персонала, и прямая обязанность Россіи придти на помощь населенію, измѣнивъ положеніе выгодное только для небольшаго слоя мѣстной интеллигенціи. Что казается этой послѣдней, она, понятно, дорожитъ положеніемъ, которое предоставляетъ въ ея руки всѣ мѣста, не требуя даже предварительнаго пріобрѣтенія серіознаго образованія.

ФИНЛЯНДСКІЕ ПОРТЫ

И

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

(Передовая статья № 332 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Нѣтъ, конечно, надобности доказывать какое значеніе для экономическаго быта и развитія цѣлыхъ обширныхъ площадей государства имѣетъ опредѣленіе конечныхъ пунктовъ и направленія желѣзнодорожныхъ линій. Всѣмъ памятна, напримѣръ, оцѣнка того вреда (не говоря уже о вредѣ стратегическомъ) которымъ угрожало торговлѣ нашихъ балтійскихъ портовъ проведеніе желѣзной дороги на Лыкъ,— дороги, отдававшей наши многомилліонные грузы прусскому Кенигсбергу.

Повтореніе того же, только въ иной формѣ, усматривается въ желѣзнодорожной политикѣ нашей «самостоятельной» финской окраины. Вотъ рядъ наблюденій и соображеній по этой части, переданный намъ однимъ изъ знатоковъ тамошнихъ дѣлъ.

Подъ предлогомъ что пути сообщенія относятся къ области мѣстнаго законодательства, съ нашей стороны въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія на то *какъ* и *куди* проводились и продолжаютъ проводиться все новые и новые желѣзнодорожные пути на Финляндской территоріи.

Оставляемъ въ сторонѣ стратегическое значеніе этихъ желѣзныхъ путей. При слабой охранѣ ихъ русскими войсками,—всего одна пѣхотная дивизія, безъ кавалеріи, на всю Финляндію,—тамошнія желѣзныя дороги легко могутъ попасть въ руки непріятеля,* и въ такомъ случаѣ русская столица была бы скоро и сильно угрожаема съ сѣвера и съ сѣверо-востока. Этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія. Но мы хотимъ говорить теперь не объ этомъ, а о торгово-промышленномъ значе-

* См. выше стр. 146, 196—201, 277—280, 296, 301, 304, 306—309, 405—407, 546—548, 552— 553.

ніи финляндскихъ дорогъ, и не для самой Финляндіи, а въ отношеніи прочихъ областей Россіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ *Новомъ Времени* приведены были изъ желѣзнодорожной статистики Финляндіи интересныя свѣдѣнія,—свѣдѣнія, подтверждающія то что еще въ 1889 году было высказано нашимъ гельсингфорсскимъ корреспондентомъ *, а именно, что Петербургъ-Гельсингфорсская линія кормитъ всѣ финляндскія желѣзныя дороги. Сто верстъ этой линіи прилегающія къ Петербургу даютъ 11.000 марокъ на версту, между тѣмъ какъ другія едва даютъ какую-нибудь тысячу. Петербургская линія выручаетъ $5^1/_4\,\%$ чистаго дохода, тогда какъ наиболѣе дѣятельная изо всѣхъ другихъ линій, Або-Таммерфорсская, проходящая по самой цвѣтущей и производительной части Финляндіи, даетъ лишь $3^1/_4\,\%$, прочія же едва сводятъ концы съ концами, или же, какъ линіи на Гангэ и на Улеаборгъ, хронически работаютъ въ убытокъ, несмотря на то что и строенія, и подвижной составъ на нихъ доведены по числу до игрушечно-малыхъ размѣровъ.

Финляндскій Сенатъ всѣми мѣрами старается вывести свое «государство» изъ такого комическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критическаго положенія. Вѣдь на дѣлѣ выходитъ что если Петербургъ вздумаетъ перестать трудиться для Финляндіи и предоставитъ ее себѣ самой, то придется ликвидировать эти ненужныя и дорогія, даже при своей дешевизнѣ, линіи. Кромѣ скандала,—и это едвали не главное,—благородные отпрыски дворянскихъ фамилій Финляндіи, сидящіе теперь на тепленькихъ мѣстахъ при ничего не возящихъ желѣзныхъ дорогахъ, лишатся, пожалуй, этихъ мѣстъ и останутся, при своей полуграмотности, безъ насущнаго хлѣба.

При обстоятельствахъ такого рода, стремленія Сената, а за нимъ и Сейма, направляются къ крупной цѣли. Они думаютъ если не совсѣмъ парализовать Петербургъ, то отнять у него что только можно и, прежде всего, оттянуть у Петербургскаго порта возможно большее число грузовъ и направить ихъ къ своимъ финляндскимъ портамъ. Въ такихъ видахъ всѣ новыя линія, которыя предлагаетъ Сенатъ и «рѣшаетъ» Сеймъ, направляются къ мѣстнымъ портамъ. За ними предъ Петербургомъ большое преимущество: они замерзаютъ позже и открываются раньше Петербургскаго порта; кромѣ того, они ближе его къ Балтійскому морю.

На послѣднемъ Сеймѣ постановлено было устроить еще двѣ большія желѣзнодорожныя линіи: одну отъ Коувала, средины Петербургской линіи, до Коткэ, на Финскомъ заливѣ, у устья рѣки Кюмени, бывшей въ прошломъ столѣтіи пограничною русскою рѣкой (теперь эта граница, какъ извѣстно, отодвинута на востокъ, назадъ къ русской столицѣ, на цѣлыя 220 верстъ). Другая линія пройдетъ отъ Таммерфорса къ Бьернеборгу на Ботническомъ заливѣ.

По выполненіи сего, съ Петербургскимъ портомъ будутъ конкурировать одиннадцать, соединенныхъ съ русскою столицей желѣзными путями, финляндскихъ портовъ при Финскомъ и Ботническомъ заливахъ: Выборгъ, Коткэ, Гельсингфорсъ, Гангэ, Борго, Або, Бьернеборгъ, Николайстадъ (Ваза), Якобстадъ, Гамле-Карлебю, Улеаборгъ. Конечно, послѣдніе, находясь въ сѣверной части Ботническаго залива, имѣютъ въ отношеніи Петербургскаго порта сравнительно меньшее значеніе; но пер-

* *Моск. Вѣд.* 1889 года, № 152, „Нѣчто по поводу *Записки* графа Гейдена“ (см. выше, стр. 118—119). См. также „Письма о Финляндіи“, письмо четвертое, въ № 323 *Моск. Вѣд.* 1890 года. (См. выше, стр. 549—553.)

первые шесть портовъ находятся на пути петербургской морской торговли и прямо ее перехватываютъ, тѣмъ болѣе что финляндскіе желѣзнодорожные тарифы, даже на русской территоріи, находятся въ полномъ распоряженіи Сената «независимой» Финляндіи.

Такое направленіе финляндскихъ линій не имѣло бы вреднаго для Россіи значенія въ томъ только случаѣ еслибы, по слову императора Александра I,* финляндскіе порты сдѣлались русскими гаванями. Но разъ этого нѣтъ, и всѣ сборы портовые, таможенные, желѣзнодорожные и прочіе поступаютъ въ особую финляндскую казну, а портовые города будутъ богатѣть на пользу обособляющейся, на счетъ ихъ и мѣстной казны, Финляндіи, въ ущербъ Россіи, то, конечно, съ нашей стороны должна отпасть всякая забота объ ихъ процвѣтаніи: эту заботу слѣдуетъ сосредоточить исключительно на охранѣ чисто-русскихъ интересовъ.

Финляндцамъ мало настроить путей ко своимъ портамъ; нужно еще ихъ питать, а своимъ скуднымъ финляндскимъ добромъ и убожествомъ напитаешь ихъ немного, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ. Гдѣ же взять этого питанія? Конечно, у той же ненавистной «сосѣдней страны», именуемой Россіею. И вотъ они замыслили, ни больше, ни меньше, какъ притянуть къ своимъ портамъ и на свои рельсы при-Ладожскую, при-Онежскую, а по возможности и при-Архангельскую, области добродушнаго Русскаго Царства. **

Задумано и сдѣлано, благо и русское начальство въ Гельсингфорсѣ, и самъ Петербургъ оставались все при томъ же мнѣніи что желѣзныя дороги Финляндіи — дѣло внутренняго финляндскаго законодательства, и что въ это дѣло мѣшаться не слѣдуетъ. И вотъ этими мѣсяцами открыта, въ присутствіи финляндскаго генералъ-губернатора, большая линія идущая отъ упомянутой станціи Коувала, Петербургской дороги, на С.-Михель и на Куопіо. Эти города такимъ соединеніемъ отвлекаются отъ Петербурга и ставятся, прямою линіей, въ соединеніе съ упомянутымъ портомъ въ Коткэ, къ которому устраивается новая желѣзная дорога. Но для насъ еще существеннѣе то что названной линіи назначено продолженіе далѣе на Нурмисъ, гдѣ она будетъ уже не въ дальнемъ разстояніи отъ границы Олонецкой губерніи, которая именно здѣсь вдается клиномъ въ финляндскую территорію.

Еще большее въ подобномъ же смыслѣ значеніе получаетъ другая линія, къ исполненію коей уже приступлено, именно линія отъ Выборга на Сердоболь и Іоенсу. Эта линія обогнетъ всю сѣверную часть Ладожскаго озера, пройдя по старинной русской Финляндіи (Кореліи), а въ Сердоболѣ прямо примкнетъ къ Ладожскому озеру. Бассейнъ этого древняго русскаго Нево дѣлается такимъ образомъ достояніемъ финляндскихъ желѣзной дороги и портовъ.

Наши бывшія Министерства Путей Сообщенія не удосужились соединить рельсами Ладожскій бассейнъ со столицей по южному Ладожскому побережью, оставляя этотъ край въ зимней спячкѣ на цѣлые полгода: Финляндская желѣзная дорога приберетъ въ близкомъ будущемъ ладожскую торговлю себѣ. Въ виду зимняго движенія, ладожскіе и свирскіе грузы, вмѣсто того чтобъ идти на югъ, по направленію къ Петербургу, пойдутъ на сѣверъ, къ Сердоболю, а оттуда направятся или на удовлетвореніе нуждъ Финляндіи, или же чрезъ

---

* Высочайшій манифестъ 1 октября 1809 года.

** См. выше, стр. 51—52.

Выборгъ за границу. Столичный портъ будетъ обойденъ. Размѣръ этого движенія еще болѣе усилится когда желѣзнодорожная вѣтвь примкнетъ еще къ Кексгольму (древней Корелѣ-городу) на западномъ берегу Ладожскаго озера.

Этой же линіи предусмотрѣно не только продолженіе къ Іоенсу, но и далѣе, къ Вяртжила, тоже по направленію къ нашей Олонецкой губерніи, но къ еще болѣе южной ея части, чѣмъ отъ Нурмиса. Если же будетъ принято во вниманіе высказываемое нѣкоторыми изъ высшихъ финляндскихъ чиновниковъ предположеніе, и если, согласно ему, будетъ исходатайствовано въ Петербургѣ соединеніе съ этой линіей Петрозаводска, то не одна Олонецкая губернія, а пожалуй и Архангельскій край войдетъ въ районъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, отвлекая торговое движеніе, со всѣми его выгодными послѣдствіями, и отъ далекаго бѣломорскаго, и отъ близкаго Петербургскаго порта.

Вотъ къ чему ведетъ то равнодушіе, если не попустительство, съ которымъ у насъ до сихъ поръ смотрятъ на финляндскія, такъ-называемыя, «внутреннія» мѣры.

Что сочинитъ еще Финляндскій Сенатъ для предложенія въ этой области предстоящему Сейму, въ видахъ дальнѣйшаго захвата русскаго достоянія,—мы не знаемъ; все это хранится въ строгой тайнѣ. Знаемъ только одно, что во время Боргоскаго Сейма, когда, будто бы, на русскую власть надѣли финляндскія путы, желѣзныхъ дорогъ не было, а слѣдовательно на Россію не могло быть возложено по этой части никакихъ обязательствъ. Слѣдовательно Русское правительство во всякомъ случаѣ имѣетъ полное право наложить свое veto на очень уже разыгравшіеся финляндскіе аппетиты. Съ другой стороны, естественно желать чтобы наше вѣдомство Путей Сообщенія, такъ же какъ и Министерство Финансовъ, обратили вниманіе на конкуррирующее значеніе финляндскихъ портовъ, если они не станутъ наконецъ русскими гаванями, что, конечно, представляется естественнымъ и вполнѣ законнымъ.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

67.

Толки объ отставкѣ финляндскаго сенатора Р. Монгомери. *

Финляндскія газеты вообще становятся чрезвычайно краснорѣчивыми разсыпаясь въ восторженныхъ похвалахъ тѣмъ завзятымъ и вліятельнымъ сепаратистамъ которые, по той или другой причинѣ, должны оставлять свои высокіе служебные посты. Примѣры такого краснорѣчія финляндскихъ публицистовъ были даны, между прочимъ, по поводу выхода въ отставку извѣстныхъ финляндскаго сенатора Л. Мехелина и прокурора Финляндскаго Сената, А. фонъ-Вейсенберга. ** Новый примѣръ патетической эпитафіи,—на этотъ разъ сенатору Роберту Монгомери,—даетъ намъ передовая статья въ № 330 газеты *Hufvudstadsbladet*.

Въ этой передовой статьѣ рѣчь идетъ о прошеніи сенатора Р. Монгомери объ отставкѣ. Г. Монгомери участвовалъ въ петербургской коммиссіи по пересмотру *** того пресловутаго новоиспеченнаго финляндскаго Уголовнаго Уложенія, которое предсѣдатель этой коммиссіи, извѣстный русскій сенаторъ и профессоръ Н. С. Таганцевъ, охарактеризовалъ какъ несогласное съ достоинствомъ Русской Имперіи.

„Прошеніе сенатора Р. Монгомери“,—говоритъ газета,— „новость которую узнаютъ съ печалью и сожалѣніемъ во всѣхъ частяхъ страны. Имя Р. Монгомери, болѣе чѣмъ какое-либо другое имя еще живущихъ дѣятелей, связано съ исторіей нашего конституціоннаго развитія. Еще свѣжо у всѣхъ въ памяти какъ онъ въ концѣ 1886 года отказался отъ сенатской прокуратуры, потому что его представленіе Монарху по вопросу о законности одной правительственной мѣры

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 333, отъ 2 декабря.

** См. выше, стр. 338—348, 475—477.

*** См. выше, стр. 531—532, 556.

не заслужило Высочайшаго вниманія. * Есть поэтому основаніе предполагать что теперешнее рѣшеніе Монгомери покинуть свое мѣсто въ Петербургскомъ Комитетѣ по финскимъ дѣламъ должно происходить по подобной же причинѣ.

„Изъ многихъ законодательныхъ работъ, въ которыхъ сенаторъ Монгомери, въ продолженіе своей плодотворной политической карьеры, игралъ выдающуюся роль, наше новое Уголовное Уложеніе, ** безъ сомнѣнія, было особенно близко его сердцу. Стоя на высотѣ современнаго юридическаго образованія, онъ чувствовалъ гораздо живѣе многихъ другихъ несоотвѣтствіе между нашею прежнею, устарѣвшею уголовною системой и болѣе высоко развитымъ правовымъ сознаніемъ. Его пониманіе значенія конституціонныхъ формъ въ государственной жизни не могло, разумѣется, соотвѣтствовать, насколько мы знаемъ, взглядамъ на тотъ же предметъ которыхъ придерживаются лица вліятельныя и высокопоставленныя. Легко, поэтому, догадаться что разногласіе мнѣній членовъ Комитета могло произойти и достигнуть такой степени что Монгомери счелъ своею обязанностью, по чести службы, оставить свое мѣсто въ монаршемъ совѣтѣ (monarkens radkammare).

„Однако, это все лишь предположенія. Но что̀ совершенно достовѣрно, и во что̀ каждый Финляндецъ твердо вѣритъ,—это то что Монгомери сдѣлалъ такой шагъ только по внушенію совѣсти и долга. На его отставку, такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, нужно смотрѣть какъ на полное значенія знаменіе времени. Такъ и понимаетъ эту, теперь распространяющуюся по всей Финляндіи, новость каждый здравомыслящій человѣкъ. Но Р. Монгомери во всякомъ случаѣ для Финляндіи не потерянъ; онъ, пожалуй, еще сильнѣе теперь связанъ съ нашею страной чѣмъ прежде... Судьбы Финскаго народа во власти Провидѣнія; но если что̀ можетъ давать намъ спокойствіе и мужество, когда насъ окружаетъ непроницаемый мракъ, то это—сознаніе что у насъ есть еще люди подобные Монгомери. Мы увѣрены что какое бы мѣсто ни занималъ онъ въ обществѣ, его дѣятельность будетъ имѣть значеніе и будетъ достойна благодарности и благословенія его отечества.“

---

* Г. Монгомери, извѣстный своею сепаратистскою пропагандой въ парижской печати, будучи прокуроромъ Сената, обжаловалъ непосредственно предъ Государемъ Императоромъ дѣйствія графа Гейдена по поддержкѣ финскаго языка, едва ли не потому только что самъ принадлежалъ къ партіи свекомановъ. Когда протестъ его былъ оставленъ безъ послѣдствій, г. Монгомери покинулъ прокурорство. (См. выше, стр. 344.)

Особенно зарекомендовалъ себя Монгомери въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ двухъ финскихъ баталіоновъ на лагерные сборы въ Красное Село, и Финляндцы стали протестовать. Въ газетахъ появились статьи о нарушеніи *основныхъ законовъ* („конституціи“). Нѣкоторые сенаторы угрожали выходомъ въ отставку. Тогдашній прокуроръ Сената, Монгомери, подалъ на Высочайшее Имя протестъ въ формѣ жалобы на незаконное распоряженіе генералъ-губернатора...

Впрочемъ, несмотря на всѣ эти протесты, Высочайшая воля была подтверждена, и баталіоны отправились въ Красное Село, гдѣ и до сихъ поръ ежегодно (по-очереди) бываютъ два финскіе баталіона. (См. выше, стр. 202.)

** См. выше, стр. 262 — 278 297—315, 331—333, 391—392, 469—472, 483—489.

68.

Нѣчто о финляндскихъ газетахъ. *

(Изъ письма къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей.*)

Газеты въ Финляндіи, можно сказать, дѣйствительно руководятъ общественнымъ мнѣніемъ. Ихъ читаютъ не только интеллигенты и городскіе жители, но и мало-мальски состоятельные крестьяне: почти во всякомъ домѣ финляндской деревни выписываютъ газету, если не въ однѣ руки, то хоть въ компаніи. Живя прошлымъ лѣтомъ въ одной изъ захолустныхъ финляндскихъ деревень, я имѣлъ возможность наблюдать съ какимъ интересомъ и нетерпѣніемъ ожидается тамъ ежедневный приходъ почты, привозящей, главнымъ образомъ, газеты для этой деревни и ея окрестностей.

На два съ половиной милліона населенія Финляндіи можно насчитать до 120 періодическихъ изданій, добрую половину которыхъ составляютъ газеты. Стоимость финляндскихъ газетъ, можно сказать, не велика; такъ, напримѣръ, двѣ большія шведскія газеты, *Hufvudstadsbladet* и *Nya Pressen*, стоятъ за годъ съ пересылкой въ предѣлахъ Финляндіи: первая 16 мар. 94 пенни (около 6 руб. съ полтиной), а вторая—24 марки (около 8 руб. съ четвертью).

Любопытно что тѣ же газеты, особенно *Nya Pressen*, весьма значительно повышаютъ свою стоимость для Россіи, даже для Петербурга, который, какъ извѣстно, находится всего въ тридцати верстахъ отъ финляндской границы: стоимость *Nya Pressen* въ Финляндіи, какъ сказано, равняется 8¼ руб. (6 руб. металл.), а стоимость ея въ Россіи—10 руб. Кромѣ того, мѣсячной подписки на эту газету для Россіи не обозначено, тогда какъ для заграничныхъ странъ она полагается.

Вообще финляндскія газеты не особенно спѣшатъ дѣлиться съ Россіей своими извѣстіями и свѣдѣніями. Правда, у насъ найдется очень немного людей которые стали бы читать эти газеты, но все-таки подобные люди есть, особенно въ Петербургѣ, а между тѣмъ достать финляндскую газету, если самъ ея не выписываешь, не говоря уже о другихъ русскихъ большихъ городахъ, даже въ Петербургѣ почти невозможно. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, особенно за текущее время, финляндскихъ газетъ не имѣется. Финляндцы слишкомъ осторожный народъ, чтобы стараться о гласности тамъ гдѣ она можетъ оказаться не совсѣмъ имъ по нраву. А можно пожалѣть что намъ остается почти совершенно неизвѣстною газетная дѣятельность въ Финляндіи. Укажемъ въ этой дѣятельности одну-другую черту характерную для современной Финляндіи.

„Работа газетнаго дѣятеля въ нашей странѣ“,—заявляетъ газета *Hufvudstadsbladet*,— „болѣе чѣмъ многія другія работы требуетъ труда и жертвъ. Это тяжело и отвѣтственно даже въ обычное время. Въ настоящее же время газетному дѣятелю тяжело это вдвойнѣ, такъ какъ ему стараются помѣшать дѣлать то чего́ требуютъ отъ него любовь къ отечеству и чувство долга. Цензурная строгость давитъ не только одного газетнаго дѣятеля, она давитъ весь Финскій народъ, который съ напряженіемъ и надеждой ожидаетъ прочесть въ газетѣ о наградѣ за свою, вошедшую въ поговорку, вѣрность, свою

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 333, отъ 2 декабря.

любовь къ отечеству и преданность законному государственному устройству.“

Но, какъ оказывается, финляндскаго публициста не такъ-то легко отклонить отъ исполненія того что̀ внушаютъ ему его sui generis „любовь къ отечеству и чувство долга“: запрещаетъ цензура какую-нибудь статью извѣстнаго нумера газеты,—въ этотъ же, или, самое дальнее, на другой день въ газетѣ помѣщается извѣстіе объ этомъ запрещеніи, напечатанное жирнымъ и крупнымъ шрифтомъ, даже съ изображеніемъ указательныхъ перстовъ, долженствующихъ привлечь читателей къ увѣдомленію о томъ что цензура запретила статью подъ такимъ-то заглавіемъ, а заглавіе бываетъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ очень хлестское: „*Если еще не поздно*“, „*Нестерпимая система*“, и т. п.

Представьте себѣ что подобнаго рода извѣщеніе попадается на глаза читателей хоть того же маленькаго Гельсингфорса (не болѣе 60.000 жителей), гдѣ издается газета, гдѣ помѣщается цензура, и гдѣ всѣ и обо всемъ происходящемъ въ городѣ очень хорошо знаютъ. Ну, при такихъ обстоятельствахъ, скажите: не сдѣлается ли по городу извѣстна—и даже въ лучшемъ для „газетнаго дѣятеля“ видѣ—эта его запрещенная статья? Какъ угодно, а цензурныя стѣсненія въ подобныхъ случаяхъ, въ сущности, даже очень на руку различнымъ газетнымъ писакамъ. Эти стѣсненія помогаютъ, быть-можетъ, ничтожнѣйшимъ самимъ по себѣ „дѣятелямъ“ драпироваться въ тогу какой-то мнимой гражданской доблести и обдѣлывать съ успѣхомъ свои подпольныя и темныя дѣлишки. Увѣряя „Финскій народъ“ что онъ долженъ получать какія-то награды за его баснословную вѣрность, любовь къ отчизнѣ и къ законному ея государственному строю,—финляндскія газеты не перестаютъ сѣтовать на то что имъ не позволяютъ де жаловаться на отсутствіе этихъ наградъ. Имъ остается де одно: оплакивать удаленіе отъ дѣлъ такихъ личностей которыя, какъ Мехелинъ, Вейсенбергъ и другіе, хлопотали о „наградахъ Финскому народу“.

Имѣя обширный кругъ читателей и, между прочими, многихъ лицъ изъ простаго народа, который до сихъ поръ, быть-можетъ, еще довольно индифферентенъ и равнодушенъ къ вопросамъ политическимъ,* финляндскія газеты прилагаютъ всѣ старанія облечь эти политическіе вопросы въ такую форму чтобы задѣть ими народъ за живое: и вотъ начинаются толки о какихъ-то наградахъ, на которыя имѣетъ право Финскій народъ „за свою любовь къ отчизнѣ и законному государственному строю“. Лица, хлопоты которыхъ объ этихъ „наградахъ“ не удостоились Высочайшаго вниманія, лица считающія себя въ правѣ просить по этому поводу увольненія отъ своихъ высокихъ служебныхъ постовъ,—такія лица окружаются ореоломъ гражданской доблести. Финляндскіе сенаторы, „стоящіе на высотѣ современнаго юридическаго образованія“, *конечно,* не могутъ имѣть такихъ взглядовъ какъ русскіе сенаторы и профессора, а благодаря де вліянію этихъ отсталыхъ русскихъ сенаторовъ-профессоровъ, Финскій народъ не будетъ имѣть возможности прочесть въ своихъ газетахъ о должныхъ ему „наградахъ“!...

Будетъ ли дѣйствительною „наградой“ Финскому народу то что̀ въ данномъ случаѣ разумѣютъ финляндскіе публицисты—вопросъ едва ли сомнительный для каждаго кто̀ понимаетъ куда гнутъ и чѣмъ руководятся финляндскіе интеллигенты. Но не надо ли предохранить простой народъ, не искушенный въ подобныхъ тонкостяхъ интеллигентнаго эгоизма, отъ такихъ газетныхъ просвѣтителей и доброжелателей?

Ю. В.

---

* См. выше стр. 527—530, 558—560.

69.

Забастовка типографщиковъ. *

Минувшею весной мы сообщали что пресловутая, всѣхъ, кромѣ Россіи, заранѣе пугавшая, соціалистская демонстрація 1 мая отозвалась въ Финляндіи цѣлымъ рядомъ стачекъ или приготовленій къ нимъ, причемъ рабочимъ, во многихъ случаяхъ, удалось добиться нѣкоторыхъ уступокъ со стороны работодателей **. Въ настоящее время въ Гельсингфорсѣ въ ходу новая стачка—типографщиковъ, вслѣдствіе которой, между прочимъ, пріостановилось временно изданіе гельсингфорсской газеты *Hufvudstadsbladet*. Изъ разосланнаго ею подпищикамъ объявленія видно что причиной тому именно стачка типографщиковъ. Это проявленіе европейскаго „прогресса“ въ Финляндскомъ „государствѣ“ принимаетъ, повидимому, крупные размѣры. Изъ сообщенія въ *Nya Pressen* видно что три другія газеты, изъ нихъ двѣ на шведскомъ и одна на финскомъ языкѣ, выходятъ съ задержкой и не вполнѣ. Къ гельсингфорсскимъ типографщикамъ присоединились абоскіе, которые телеграммами поощряютъ своихъ забастовавшихъ сотоварищей. Выборгъ также откликается. Толпа собирается на вольномъ воздухѣ и бродитъ по окрестностямъ.

70.

Финляндская жалоба Англичанамъ. ***

(Изъ гельсингфорсской корреспонденціи, отъ 4 декабря (22 ноября), въ *Gulignani Messager*.)

Финляндецъ жалуется на то что политическій горизонтъ Финляндіи все темнѣетъ, и нѣтъ надежды на его прояснѣніе. Русскій орелъ все болѣе сжимаетъ свои лапы, и Финляндцы боятся его когтей. Одинъ за другимъ выдающіеся національные люди Финляндіи вытѣсняются; на дняхъ вышелъ въ отставку Робертъ Монгомери, членъ Финляндскаго Комитета, въ видѣ протеста противъ руссификаціи. Часть русской печати, *Московскія Вѣдомости* и *Новое Время*, „продолжаютъ писать въ самомъ антифинскомъ духѣ“. Но величайшій финнофобъ—это г. Ординъ, пытающійся чрезвычайно смѣло потрясти основы конституціонныхъ правъ Финляндіи. Ему прекрасно де отвѣтилъ профессоръ Гельсингфорсскаго университета, г. Даніэльсонъ, въ книгѣ: *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Имперіей*“. **** Но обратитъ ли на себя вниманіе и произведетъ ли вліяніе его книга?!

„Ландтагъ (то-есть Сеймъ) долженъ собраться въ январѣ. Не разъ говорилось что онъ не соберется.

„Это неправда. Онъ соберется, но, говорятъ, лишь въ качествѣ совѣщательнаго собранія. Это новое прямое

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 333, отъ 2 декабря.

** *Моск. Вѣд.* № 121. (См. выше, стр. 289—290.)

*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 336, отъ 5 декабря.

**** См. ниже, стр. 554—555.

нарушеніе финской конституціи. Но что до этого за дѣло Россіи? Ни одна держава не заступится за Финляндію!“

Назначена коммиссія для пересмотра финской конституціи. „Можно понять что она сдѣлаетъ, когда секретарь ея— корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*“ (?!). Повидимому, дни „Великаго Княжества“ Финляндскаго сочтены; его мѣсто займетъ „провинція“ Финляндія.

„Поспѣшность съ которою Русское правительство отвѣчаетъ на антифинскія статьи извѣстныхъ газетъ доказываетъ что эти статьи появились по распоряженію и наущенію (!) Русскаго правительства (!) и что за нихъ заплачено (!) наличными деньгами правительствомъ же (!)“...

Нѣчто въ томъ же родѣ говорила въ минувшемъ мартѣ газета *Hufvudstadsbladet* (№ 68) въ статьѣ „Законность и терроризмъ“, которая цѣликомъ воспроизведена въ № 75 *Московскихъ Вѣдомостей* за текущій годъ.* А какъ, однако, думаютъ господа Финляндцы,— ужъ не было ли намъ заплачено правительствомъ и за статьи по поводу „Всеподданнѣйшей Докладной Записки“ графа Гейдена, ** и за данное намъ 24 апрѣля предостереженіе? ***

Какой, однако, смыслъ этого финляндскаго плача предъ Англичанами? Какая его цѣль? Ужъ не ожидается ли что Англичане и для Финляндцевъ повторятъ комедію Гильдгольскаго митинга, разыгранную якобы ради Евреевъ?

---

* См. выше, стр. 213—215.

** См. выше, стр. 82—84.

*** См. выше, стр. 281.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ

ПО ФИНЛЯНДСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

4.

Какъ Финляндія спасала Россію. *

Читатели знакомы уже съ книгой гельсингфорсскаго профессора Даніэльсона, ** которую у насъ начали было рекламировать *Новости*, и которая, при помощи всякихъ подвоховъ, старается доказать равноправность Россіи и Финляндіи въ ихъ „спорѣ“ и то что Русскій Царь—для Финляндіи Государь *не* самодержавный. *** *Сынъ* посвящаетъ этой тенденціозной книжонкѣ пространную статью, обличая извращеніе фактовъ, на которомъ она построена:

Въ общемъ книга Даніэльсона представляетъ сводъ всѣхъ тѣхъ извращеній которыми сепаратисты пользовались, чтобъ установить миѳъ „лойальнаго, самостоятельнаго“ со стороны Финляндіи, договора съ императоромъ Александромъ I, будто бы состоявшагося на Боргоскомъ сеймѣ, въ силу котораго императоръ преображается въ великаго князя, съ властію ограниченною земскими чинами... Надо имѣть дерзость финляндскаго сепаратиста чтобы такъ подводить итоги извращеніямъ, какъ это дѣлаетъ Даніэльсонъ. Но эта дерзость идетъ далѣе...

Выпуску книги Даніэльсона гельсингфорсскія газеты посвятили цѣлые столбцы, подъ заглавіемъ „Ниспроверженіе Ордина“, **** а нѣкоторые изъ легковѣрныхъ читателей ея

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 334, отъ 3 декабря.

** См. выше, стр. 554—556, 561—562.

*** Это доказывалось Финляндцами уже много разъ; см., между прочимъ, выше (стр. 287—288) выдержку изъ газеты *Valvoja* въ статьѣ: *Почему Финляндцы измѣнили общерусскую присягу на вѣрноподданство?* Всякія же доказательства съ русской стороны что Русскій Самодержецъ не можетъ не быть Самодержцемъ и въ Финляндіи, которая, по *„непреложному“* Царскому слову, вступила „въ составъ Имперіи“, отъ котораго „ничто отторгнуть ее не можетъ“,—всякія такія доказательства признаются финляндскими сепаратистами,—начиная съ бывшаго прокурора Финляндскаго Сената, г. А. фонъ-Вейсенберга, и кончая авторомъ памфлета о которомъ рѣчь, профессоромъ Даніэльсономъ,—за „crimen laesae majestatis“. И никто изъ этихъ господъ не способенъ даже понять какимъ абсурдомъ являются подобныя обвиненія!

**** *Nya Pressen* №№ 307 и 308.

присылаютъ автору-„патріоту“ изъ разныхъ городовъ Финляндіи такія телеграммы, печатаемыя въ тѣхъ же газетахъ: „Хорошо сдѣлано! побѣда вѣрна, будемъ на стражѣ“; * или: „Ваша работа даетъ намъ увѣренность въ побѣдѣ праваго дѣла, благодаримъ сердечно за вашу честную защиту правды и правъ нашего народа“ ** и т. п. Кромѣ того, выпускъ книги, какъ намъ извѣстно, былъ обставленъ всевозможными рекламами.

Вотъ любопытный образчикъ „историческихъ фактовъ“ въ томъ освѣщеніи въ какомъ они выставляются у финляндскихъ профессоровъ:

Отъ финляндскаго „педагога“ Топеліуса мы знаемъ, напримѣръ, что Финляндія (Делагарди съ шведскимъ войскомъ) въ смутное время на Руси *спасла Россію отъ Поляковъ* (!), *** а у Даніэльсона проведены такіе „патріотическіе“ взгляды:

„Несмотря на капитуляцію Свеаборга, побѣды Финляндцевъ, въ связи съ народными возстаніями въ различныхъ частяхъ края, а также попытки Шведовъ высадиться въ тылу русской арміи, поставили Русскихъ въ крайне затруднительное положеніе“ (стр. 55)....

Здѣсь Даніэльсонъ силится доказать что удостовѣреніе „финляндской конституціи“ императоромъ Александромъ I вынуждалось обстоятельствами. У императора Александра I въ 1809 году было де предчувствіе что ему придется воевать съ Наполеономъ; онъ тогда уже предвидѣлъ что въ 1812 году будетъ подъ Москвой сражаться съ Наполеономъ; поэтому, чтобъ оградить Петербургъ отъ нашествія Шведовъ, онъ и заручился де симпатіями Финляндіи и обратилъ ее въ заядлаго врага Швеціи.* Сила Финляндіи въ 1812 году стала де столь великою что могла, помѣряться со Швеціей,** такъ что „Россія *могла обратить всѣ свои силы противъ непріятельскаго нашествія* (Наполеона), тѣмъ болѣе что Финляндія добровольно (?) предложила со своей стороны выставить отрядъ для защиты Балтійскаго прибрежья... *Финскія войска, подъ начальствомъ финскихъ офицеровъ, несли гарнизонную службу (?) въ столицѣ Имперіи* въ то время когда всѣ силы державы были заняты борьбой съ Европой. Устранивъ всякое риторическое преувеличеніе“, восклицаетъ затѣмъ Даніэльсонъ, „нельзя не признать значительной доли правды въ утвержденіи *что исторія едва ли представляетъ другой примѣръ завоеванія которое принесло бы такіе плоды*“ (стр. 144).

Какія великія заслуги, какіе необыкновенные плоды: спасти Россію въ 1812 году!

Этотъ образчикъ историческаго открытія сдѣланнаго финляндскимъ ученымъ—сама прелесть. По этому образчику можно судить что такое финляндскіе „профессора“ и что такое финляндская „наука“. Такія blagues какъ историческія аргументаціи профессора Даніэльсона также нелѣпы какъ и извѣстная книжонка *Не любо не слушай*.

Да, своею книгой г. профессоръ Даніэльсонъ далъ наглядную иллюстрацію къ высказанной уже въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мысли, *** что „Гельсингфорсскій университетъ стоитъ не на высотѣ своего призванія“ и потому „нуждается въ такомъ же обновленіи какое было произведено въ Варшавской Главной Школѣ и совершается въ Дерптскомъ Университетѣ“.

---

* *Nya Pressen* № 321.

** *Hufvudstadsbladet* № 371.

*** См. выше, стр. 380.

---

* См. выше, стр. 326—329.

** См. выше, стр. 32 и 194.

*** См. выше, стр. 352.

5.

„Либеральный“ совѣтъ финляндскимъ сепаратистамъ. *

Вѣстникъ Европы, конечно, въ восторгѣ отъ памфлета профессора Даніэльсона. Самою собою—всѣ Русскіе возмутительны, и г. Ординъ, и профессоръ Дубровинъ, разсматривавшій его книгу, и Академія Наукъ, удостоившая ее премій. Правъ только г. Даніэльсонъ. Но *Вѣстникъ Европы* все-таки не можетъ не понимать что историческіе факты и логика на сторонѣ г. Ордина, а не г. Даніэльсона, и потому даетъ г. Даніэльсону и финляндскимъ сепаратистамъ совѣтъ вести антирусскую агитацію на иной почвѣ:

Мы думаемъ что слишкомъ настаивать на документахъ—было бы ошибкой со стороны финляндскихъ публицистовъ..... Финляндскіе публицисты имѣютъ предъ собой болѣе легкую и благородную (?) задачу.

Именно—перенести полемику на почву общаго сравненія конституціонныхъ и—какъ ихъ назвалъ бы *Вѣстникъ Европы?*—ну, положимъ, просто „русскихъ“ порядковъ. Пусть финляндскіе публицисты, говоритъ *Вѣстникъ Европы*, прямо укажутъ насколько состояніе Финляндіи выше сравнительно съ Россіей. **

Одинъ этотъ фактъ рѣшитъ спорный вопросъ въ пользу Финляндіи съ гораздо большею несомнѣнностью чѣмъ всякіе историческіе документы. Финляндскіе законы и учрежденія оказались въ высшей степени цѣлесообразными *** не только съ финляндской, но и съ русской (??) точки зрѣнія,—вотъ главный и непоколебимый доводъ на который твердо могутъ опереться финляндскіе публицисты.

Съ этой точки зрѣнія наши „либералы“, пожалуй, не были бы прочь стоять даже за болѣе тѣсное сліяніе Россіи съ „Финляндіей“ въ тотъ смыслѣ чтобъ и у насъ привился „финляндскій“ взглядъ, напримѣръ, на самодержавную власть Русскаго Государя.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 335, отъ 4 декабря.

** См., между прочимъ, выше, „Письма о Финляндіи“ г. М. Петрова (стр. 223—228, 352—358, 393—397 и 549—553), статьи Ю. Н. Верещагина о финляндскихъ школахъ (стр. 318—332 и 495—514), статьи: „Финляндскіе судебные порядки“ Гельсингфорсскаго Старожила (стр. 402—404), „Съ Финляндской Границы“ Ф. Г. (стр. 515—517) и др.

*** Напримѣръ, „Уголовное Уложеніе“?

ФАБРИКАЦІЯ ФИНЛЯНДСКАГО

„ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ“.*

Исторія книги Р. Даніэльсона, *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой*, не лишена нѣкоторой назидательности.

Давно уже гельсингфорсская печать оповѣстила что собралась к о м м и с с і я мѣстныхъ ученыхъ съ цѣлью написать книгу въ корнѣ подсѣкающую почтенный трудъ К. Ф. Ордина.** Повидимому, книга *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой* и есть именно плодъ совмѣстныхъ усиленныхъ занятій передовыхъ сепаратистовъ. Какъ бы то ни было, но если финляндская печать считаетъ книгу Р. Даніэльсона тою тяжелою артиллеріей которою собирались разрушить до основанія работу К. Ф. Ордина, то поздравляемъ финляндскихъ патріотовъ: Р. Даніэльсонъ, гремя, подобно Калхасу въ *Еленѣ Прекрасной*, кровельнымъ желѣзнымъ листомъ, полагаетъ что устрашаетъ вселенную, тогда какъ въ дѣйствительности пугаетъ только воронъ и возбуждаетъ удивленіе лишь въ средѣ мелкоты ничего не видѣвшей и ничего не слышавшей.

Печальное явленіе эти дѣтскія радости и дѣланные, искусственные восторги населенія коими встрѣчено было въ Финляндіи нищенски-бѣдное, ребячески-задорное, тенденціозное писаніе гельсингфорсскаго профессора. Какъ иначе отнестись къ „общественному мнѣнію“, когда оно высказывается по дѣлу совершенно ему неизвѣстному? Что финляндская публика знаетъ о книгѣ К. Ф. Ордина? Читала она ее? Изучила ли ее какъ слѣдуетъ? Она и по переплету съ нею незнакома.

По выходѣ въ свѣтъ труда К. Ф. Ордина, финляндская печать тотчасъ стала сквернословить,*** затѣмъ обрушилась на пару отдѣльно выхваченныхъ строкъ, потомъ опять принялась поносить автора и инсинуировать; но ни одной толковой выдержки изъ книги не было сдѣлано, не было даже краткой, но обстоятельной, передачи содержанія двухъ томовъ, изобилующихъ массой новыхъ свѣдѣній и новыхъ документовъ.

Явился Р. Даніэльсонъ, надергалъ кое-что изъ двухъ томовъ К. Ф.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 335, отъ 4 декабря.

** См. выше, стр. 153—156.

*** См., между прочимъ, выше статью „Финляндскія каррикатуры“, стр. 349—351.

Ордина, пересыпалъ свои 172 страницы бранью, вмѣсто доказательствъ, — и толпа зааплодировала его находчивости. Восторгамъ нѣтъ конца! Автору шлютъ телеграммы и подносятъ адресы. Такъ, напримѣръ, финская газета *Päivälehti* (*Päivälehti*) опубликовала, а другія газеты повторили, — подъ громкимъ заглавіемъ: „Что думаетъ народъ“, — выдержку изъ протокола Сентъ-Михельской крестьянской общины, въ которой „крестьяне“ шлютъ Р. Даніэльсону свою благодарность за его мужественный подвигъ! По словамъ газеты, община—

„единогласно постановила послать профессору Даніэльсону сердечную благодарность, какъ выраженіе уваженія, по поводу его недавно опубликованной работы *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Имперіей*, построенной на *политическихъ и историческихъ документахъ*, — работы, въ которой авторъ съ такимъ мужествомъ и такъ убѣдительно доказалъ всю неосновательность тѣхъ полныхъ ненависти поношеній и наговоровъ кои русскія газеты, *Московскія Вѣдомости* и *Новое Время*, вмѣстѣ съ ихъ поденщикомъ, г. Ординымъ, возводятъ на насъ. Для благодарственнаго адреса имѣется тѣмъ болѣе основаній что названныя русскія газеты дерзко утверждаютъ что мы, крестьяне Финляндіи, должны быть довольны ихъ планами по измѣненію нашего положенія, и что мы будто бы готовы оставить наши законы и соціальныя учрежденія, подъ охраной коихъ мы развивались и совершенствовались, и за которыя мы питаемъ глубокую признательность къ нашимъ монархамъ.“

На составленіе сего протокола единогласно изъявили свое согласіе 200 крестьянъ, прибавляетъ газета *Hufvudstadsbladet* (№ 321).

Картина выходитъ очень умилительная и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектная: 200 крестьянъ С.-Михельской общины, узнавъ о выходѣ ученаго сочиненія, усѣлись штудировать его. Взвѣсили они всѣ историческія обстоятельства, порылись въ документахъ, сличили французскій текстъ съ подлинникомъ и переводами и единогласно рѣшили что трудъ Р. Даніэльсона составленъ правильно, согласно „съ политическими и историческими документами“, и присудили ему „благодарственный адресъ“.

Очень, очень назидательно и трогательно! *

Интересно бы знать, какъ „честные и лойяльные“ Финляндцы въ глубинѣ души своей относятся къ подобной комедіи? Кого хотятъ они морочить: себя или другихъ, статьями подобными статьѣ „Что думаетъ народъ?“ или „протестами“ и прокламаціями ** представителей „общенароднаго мнѣнія“ въ Финляндіи? Какимъ отталкивающимъ самовосхваленіемъ отдаетъ всякая ихъ подобная затѣя! Какая надменная заносчивость и кичливость сквозитъ во всѣхъ ихъ писаніяхъ, начиная съ брани Р. Даніэльсона и кончая учеными „протоколами“ полуграмотныхъ мужиковъ! А намъ отлично извѣстно что фабрикантами и поставщиками разныхъ прокламацій и адресовъ являются сельскіе сепаратисты, сельскіе аристократы: чиновники, учителя, пасторы.

Вся исторія съ книгой т. Даніэльсона и вообще весь ходъ полемики между русскою и финляндскою печатью показываетъ какъ послѣдняя старается уклониться отъ основнаго вопроса спора.

Русская печать, за исключеніемъ либеральныхъ и инородческихъ орга-

---

* Остается лишь т. Стасюлевичу въ *Вѣстникѣ Европы* поставить С.-Михельскихъ крестьянъ въ примѣръ и поученіе нашей Академіи Наукъ, которая, по неспособности къ здравымъ сужденіямъ, удостоила трудъ К. Ф. Ордина Макаріевской преміи. А вѣдь *Вѣстникъ Европы* тоже читается, и его статьи преподносятся иной разъ вліятельными друзьями, такъ-сказать, въ поученіе, лицамъ высокаго положенія и даже у власти стоящимъ! *Ред.*

** Напримѣръ, см. выше, стр. 473—474.

новъ, ратуетъ противъ *сепаратизма* и желаетъ вырвать его съ корнемъ, гдѣ бы развѣтвленія сего корня ни показывались. Она стоитъ на стражѣ политическаго объединенія *государства*, здравой внѣшней и внутренней національной политики. Принципъ ея простъ: русскіе *государственные* интересы должны стоять выше и впереди всякихъ мѣстныхъ провинціальныхъ особенностей. Россія, дабы оставаться могучею и грозною извнѣ и внутри, должна быть единою, нераздѣльною; а потому всякія поползновенія окраинъ играть *государственную* роль должны быть преслѣдуемы, никакое стремленіе къ умаленію *государственнаго* престижа не можетъ быть терпимо.

Финляндскіе же сепаратисты, чувствуя подъ собой колеблющуюся почву, пробуютъ перенести споръ въ область мѣстныхъ особенностей, раздувая въ Финляндскомъ народѣ ложное мнѣніе, будто бы русская печать добивается уничтоженія тѣхъ „законовъ и соціальныхъ учрежденій подъ охраной коихъ Финны развивались и совершенствовались“. *

Тамъ гдѣ мѣстныя особенности не вредятъ государственному интересу, гдѣ онѣ плодотворны для развитія Финляндіи,—эти особенности не вызовутъ съ русской стороны никакого протеста; на тѣ отрасли мирнаго внутренняго совершенствованія, въ коихъ Финляндецъ скромно и честно работаетъ для себя, безъ притязаній на государственность, русская печать, сколько намъ извѣстно, никогда не простирала своего слова осужденія. Неужели все это нужно повторять и доказывать? Одна озлобленная сепаратистская ослѣпленность не желаетъ признать справедливости этого.

Финляндцы говорятъ, напримѣръ, что императоръ Александръ I, на сеймѣ въ Борго, утвердилъ за ними основные государственные законы Швеціи, а потому, молъ, Финляндія — государство состоящее въ уніи съ Россіей: противъ такого извращенія исторіи истинно-русская печать протестуетъ. Гельсингфорсскіе ученые, при помощи упсальскаго юридическаго авторитета, составили „Уголовное Уложеніе“, статьями коего нарушаются коренные принципы русской національной политики,— и *Московскія Вѣдомости* опять возражали. Монетная и почтовая обособленность Финляндіи зашли такъ далеко что клонились въ явный ущербъ русской государственности,—и русская печать съ радостью привѣтствовала Высочайшія повелѣнія и Манифестъ о реформѣ относящихся сюда отраслей управленія, надѣясь что эта реформа поведетъ ко благу Русскаго государства, стало-быть и той его части которая именуется Финляндіей. Но что касается до финской національности, до внутренняго распорядка мѣстныхъ особенностей, поскольку онѣ не переходятъ извѣстныхъ границъ и не нарушаютъ государственныхъ интересовъ, русская печать первая готова искренно пожелать имъ всякаго успѣха и преуспѣянія.

Финляндскіе сепаратисты въ своихъ листкахъ умышленно извращали и извращаютъ заявленія русской печати, ложно истолковывая и комментируя ихъ народу, и вотъ въ результатѣ—дѣланное „общественное мнѣніе“, понимающее борьбу русской печати противъ сепаратизма какъ желаніе будто бы разрушить всѣ мѣстныя особенности, всѣ финляндскія „соціальныя учрежденія“ и т. п.

Съ самаго начала спора мы, по возможности, зорко и внимательно слѣдили за финляндскою печатью. И вотъ что мы, между прочимъ, замѣтили.

Финляндская печать никогда не высказывается открыто и прямо, въ настоящей же полемикѣ выработала цѣлый рядъ общихъ выраженій, кои и служатъ ей щитомъ въ тѣхъ случаяхъ когда аргументація изсякаетъ,—а это случается сплошь и рядомъ. Общій пріемъ ея полемики таковъ: „Намъ дарованы права, мы имѣемъ свои законы; мы крѣпко держимся закона и чтимъ нашихъ монарховъ!“ Эти слова не сходятъ съ газетныхъ столбцовъ и постоянно въ устахъ озлобленныхъ оппонентовъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

* См. выше, стр. 420—421, 529.

Нельзя не признать что приведенныя слова красиво подобраны и эффектны въ рѣчахъ финляндскихъ „народныхъ трибуновъ“. Но когда ихъ произносятъ сепаратисты, въ нихъ не хватаетъ бездѣлицы: недостаетъ яснаго опредѣленія какой именно законъ они чтутъ; не имѣется полнаго опредѣленія сего закона; отсутствуетъ точно обозначенная исходная точка. Финляндцы сфантазировали себѣ „основные законы“, не въ мѣру расширили ихъ и говорятъ; вотъ это наши законы, и ихъ только мы признаемъ. Но въ томъ-то и дѣло что такъ поступать нельзя. Угоднаго себѣ закона произвольно создавать не полагается; подданнымъ не дано растягивать и раздувать законъ по собственному произволенію и влагать въ него свои государственныя фантазіи и политическія мечтанія.

НЕ-СЕПАРАТИСТЪ.

МЕРТВОРОЖДЕННОЕ ФИНЛЯНДСКОЕ ГОСУДАРСТВО.*

По поводу книги Р. Даніэльсона: „Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой“.

I.

Въ Финляндіи ликованіе! Празднуется мнимое опроверженіе гельсингфорсскимъ профессоромъ, г. Даніэльсономъ, доводовъ изложенныхъ въ трудѣ К. Ф. Ордина *Покореніе Финляндіи*.** Мѣстныя газеты неистовствуютъ и сквернословятъ, забывая всякія правила приличія. Витрины книжныхъ магазиновъ заняты одною только книгой Даніэльсона: *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой*, изданною на трехъ языкахъ: шведскомъ, финскомъ и русскомъ. Каждаго финляндскаго гражданина и патріота приглашаютъ пріобрѣсти это новое политическое евангеліе Финляндіи. Финляндская печать оповѣстила что „отъ паутины сотканной г. К. Ординымъ ничего не осталось“; всѣ его доводы опровергавшіе „государственную“ самостоятельность Великаго Княжества разбиты де и уничтожены, самъ онъ компрометтированъ, а Академіи Наукъ, дерзнувшей наградить его сочиненіе, сдѣлано де на первый разъ серіозное внушеніе... Къ сонму финскихъ знаменитостей послѣдняго времени, къ коимъ относятся Л. Мехелинъ, А. фонъ-Вейсенбергъ, Ирье Коскиненъ, Р. Монгомери и др., причисленъ отнынѣ, въ назиданіе потомству, и Рихардъ Даніэльсонъ.

Что же представляетъ собою книга г. Даніэльсона, давшая поводъ къ ликованію Финляндцевъ? Быть-можетъ, она дѣйствительно положила конецъ всякимъ недоразумѣніямъ по вопросу о „государственной самостоятельности“ Финляндіи? Нѣтъ. Книга его не болѣе какъ сводъ воедино всѣхъ тѣхъ аргументовъ коими финляндскіе сепаратисты порядочно успѣли уже надоѣсть всѣмъ кто слѣдилъ за ихъ политически неразумными домогательствами. Авторъ книги въ сотый разъ пережевываетъ старое и извѣстное; даже хлестаковская развязность, которою щеголяетъ г. Даніэльсонъ, и та не нова: къ безастѣнчивости финляндскихъ ученыхъ и публицистовъ послѣдняго времени мы достаточно уже привыкли. Всѣ они

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, №№ 336, 338 и 339.

** См. выше, стр. 153—156, 554—555, 561—562, 575—576, 578—581.

теперь, какъ и прежде, продолжаютъ выдергивать изъ исторіи отдѣльные факты и строки, кои укладываются въ ихъ государственную теорію, тщательно обходя основной вопросъ или исходную точку всего настоящаго спора. Они игнорируютъ принципы и пробавляются мелочною софистикой.

Они, напримѣръ, старательно тычутъ пальцемъ на слово „конституція“ въ единственномъ числѣ, вовсе не поясняя какимъ образомъ во многихъ документахъ слово это употреблено во множественномъ числѣ. Или оставляютъ безъ комментаріевъ Высочайшій Манифестъ 15 марта 1809 года, составленный первоначально на русскомъ языкѣ, и гдѣ употреблено выраженіе „по конституціямъ“ и т. д. Г. Даніэльсонъ подчеркиваетъ тѣ мѣста гдѣ Финляндія опрометчиво, и то лишь косвенно и безъ малѣйшаго основанія, наименована государствомъ, и не видитъ тѣхъ кои свидѣтельствуютъ о ея настоящемъ званіи „провинціи“, края, губерніи, области. А вѣдь сихъ послѣднихъ такое множество что уничтожить ихъ нѣтъ возможности. *

Г. Даніэльсону по-сердцу видъ Финляндскаго „престола“, — и онъ умилился, прочтя, въ одной черновой бумагѣ на французскомъ языкѣ, свѣдѣніе о томъ что въ лютеранской киркѣ въ Борго къ трону Императора Александра I въ 1809 году былъ прикрѣленъ гербъ Финляндіи. Изъ этого г. Даніэльсонъ выводитъ заключеніе что Императоръ Александръ I основалъ особый „престолъ Финляндіи“! Несомнѣнно что „Sa Majesté Imperiale assis sur le trône“.

Конечно, императоръ Александръ I въ торжественныхъ случаяхъ возсѣдалъ на своемъ *императорскомъ* тронѣ; но тѣмъ не менѣе Финляндскаго-то трона нѣтъ и не было; исторія, при раздачѣ престоловъ, безжалостно обошла бѣдную страну, наградивъ ее только титуломъ Великаго Княжества. Въ манифестахъ самого же императора Александра I (см., напримѣръ, манифестъ 16 августа 1823 года) говорится о „*единомъ* нераздѣльномъ престолѣ Всероссійской Имперіи“. Въ манифестахъ императоровъ Александра II и Александра III (19 февраля 1855 года, 1 марта 1881 года) тоже говорится о вступленіи „на прародительскій *престолъ* Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“. *

Объ этомъ г. Даніэльсонъ намѣренно умалчиваетъ. Умалчиваетъ точно также какъ и о томъ что слово „конституція“ не имѣло въ то время нынѣшняго опредѣленнаго значенія, а обозначало также учрежденія, установленія, устройство. Въ Регламентѣ Правительственнаго Совѣта (на шведскомъ языкѣ) говорилось, напримѣръ, о „конституціяхъ“ университета; „конституціями“ назывались нѣкоторые Аракчеевскіе указы и т. д.

Мы признаемъ тотъ фактъ что императоръ Александръ I, созвавъ сеймъ въ городѣ Борго, трижды лично выступалъ предъ сословными представителями края съ рѣчами, въ которыхъ говорилось и о „конституціи“, и о „свободѣ“, и о „желаніяхъ народа“ и т. д.

---

* См. письмо Александра I къ Наполеону въ 1808 году, Манифестъ 5 іюня 1808 года; Фридрихсгамскій мирный трактатъ 5 сентября 1809 года, и др.

* Единственное исключеніе составляетъ манифестъ 12 декабря 1825 года о восшествіи на престолъ императора Николая I. Но вотъ какъ объяснено это обстоятельство К. Ф. Ординымъ:

„Извѣстно, однако, въ какую смутную эпоху и при какихъ обстоятельствахъ манифестъ спѣшно написанъ. Упоминалось въ немъ о бывшемъ еще престолѣ Царства Польскаго; въ неудачно составленную фразу попалъ и престолъ Великаго Княжества Финляндскаго. Но эту редакціонную ошибку поспѣшили, однако, исправить въ слѣдующемъ же 1826 году, и во всѣхъ послѣдующихъ манифестахъ говорилось уже о *единомъ престолѣ* Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ *съ нею* Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Ими признавалось, слѣдовательно, полное инкорпорированіе Россіей той и другой области при *единомъ престолѣ*.“

См. выше, стр. 250—251.

Но во всемъ этомъ мы усматриваемъ лишь одну необыкновенную деликатность побѣдителя, и находимъ что онъ этимъ лишь платилъ неизбѣжную дань сильному потоку времени, модѣ и любви къ „приличной обстоятельствамъ фразѣ“. Далѣе, мы не можемъ не раздѣлить взглядовъ осторожнаго К. Ф. Ордина, когда онъ, *вникнувъ во всю совокупность историческихъ событій 1808—1809 годовъ*, убѣдился что со словомъ „конституція“ вообще обращались небрежно, что то время влагало въ него другой смыслъ и другое значеніе, что брошенное здѣсь и тамъ слово „конституція“, еслибъ его понимать въ современномъ смыслѣ, вовсе не вяжется съ остальными дѣйствіями лицъ произносившихъ его и не стоитъ въ органической связи съ окружающими историческими обстоятельствами и т. п.

Эти и другія подобныя заявленія К. Ф. Ордина основаны не на одномъ отдѣльномъ, выдернутомъ, фактѣ, доводѣ, соображеніи,—а на цѣломъ ихъ рядѣ, и, главное, на ихъ гармоническомъ соотношеніи со всѣми остальными фактами и съ послѣдующею исторіей. И теперь, чтобы, по возможности, договориться до чего-либо опредѣленнаго, до какого-нибудь яснаго результата, мы предполагаемъ, оставивъ всякія мелочи, держаться тѣхъ общихъ принциповъ, историческихъ фактовъ и положеній международнаго права кои всѣми понимаются однообразно, и пригласить г. Даніэльсона и его сотоварищей, финляндскихъ сепаратистовъ, попутно, отвѣтить намъ на нѣкоторые наши вопросы.

II.

Начнемъ съ начала.

Надѣемся, г. Даніэльсонъ согласенъ что до 1808 года Финляндія была провинціей Швеціи, причемъ провинція эта *никакими* особыми правами и преимуществами не пользовалась; она не имѣла ни отдѣльнаго генералъ-губернатора, ни особыхъ мѣстныхъ учрежденій. Финляндія была въ *полной* зависимости отъ своей метрополіи, отъ высшихъ властей и центральныхъ государственныхъ учрежденій Швеціи, кои всѣ сосредоточивались въ Стокгольмѣ. Къ Финляндіи Шведы относились скорѣе какъ къ своему пасынку, слугѣ, чѣмъ какъ ко младшему брату или равному, словомъ, не слишкомъ ласкали и не баловали ея. Затѣмъ, между Россіей и Швеціей возгорѣлась война, окончившаяся покореніемъ Финляндіи.

Все это несомнѣнные факты, и г. Даніэльсонъ ихъ не оспариваетъ.

Далѣе. Гуманный императоръ *призналъ за благо*, какъ сказано въ Высочайшемъ манифестѣ 15 марта 1809 года, жителямъ вновь присоединенной къ Россіи страны сохранить „религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ *досель* пользовались“...

Призналъ за благо;—выраженіе это въ устахъ Александра I надо признать вполнѣ соотвѣтствовавшимъ обстоятельствамъ, такъ какъ онъ былъ *побѣдителемъ* и даровалъ права *прежде* чѣмъ у него попросили ихъ.

Кажется, все это одинаково послѣдовательно и по русской, и по финской логикѣ.

Сословные представители края еще разъ, уже послѣ принесенной ими ранѣе, вмѣстѣ съ прочими жителями, общей присяги на „вѣрное и вѣчное скипетру Россійскому подданство“, присягаютъ и обязываются сохранять фундаментальные законы и конституціи края, *въ томъ видѣ, какъ они въ настоящее время* (1809) *приняты и дѣйствуютъ*. Совершенно согласно съ изложеннымъ, въ Высочайшемъ манифестѣ 23 марта (4 апрѣля) 1809 года опять повторено милостивое обѣщаніе сохранить религію, законы, права и преимущества, коими „жители Финляндіи вообще пользовались *до сего времени*“.

Приведенныя цитаты взяты изъ подлинныхъ документовъ; слѣдовательно, г. профессоръ не будетъ возражать намъ.

Значитъ, продолжаемъ мы, императоръ оставилъ Финляндіи тѣ права и преимущества коими она пользовалась. Какими же правами она обладала до 1808 года? Правами *провинціи*, а *не*

государства. Возможно ли спорить о подобныхъ фактахъ? Г. Даніэльсонъ споритъ. Въ такомъ случаѣ, выслушаемъ его доводъ; это тѣмъ болѣе необходимо что въ семъ доводѣ сразу сказывается его исключительная профессорская и сепаратистическая логика, совершенно не похожая на логику другихъ, обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ пишетъ:

„Къ правамъ которыми населеніе Финляндіи пользовалось во время шведскаго владычества принадлежало также право, въ лицѣ своихъ законныхъ представителей, участвовать, вмѣстѣ съ государемъ, въ рѣшеніи общихъ государственныхъ дѣлъ. Но финско-шведское (?) народное представительство имѣло сословный характеръ и, въ числѣ правъ отдѣльныхъ сословій, важнѣйшее касалось участія сословія въ народномъ представительствѣ, въ установленіи законовъ и налоговъ. Слѣдовательно, утверждая права и преимущества коими каждое сословіе въ особенности и все населеніе вообще до того времени пользовалось, императоръ тѣмъ самымъ утверждалъ политическія права Финляндскаго народа, то-есть государственное устройство Финляндіи.“ (Стр. 121.)

Просимъ теперь обратить вниманіе, на эту „подставочную“ аргументацію. Г. Даніэльсонъ говоритъ что императоръ, утверждая политическія права Финляндскаго народа, тѣмъ самымъ утвердилъ государственное устройство Финляндіи. Такъ ли это? Народъ можетъ имѣть свои сословныя права, имѣть право собираться на сеймъ и т. п.; но, спрашивается, составляютъ ли эти права политическое право страны?

Судя по приведенной выпискѣ изъ 121 страницы, г. Даніэльсонъ отвѣтитъ на нашъ вопросъ утвердительно. Мы же отвѣчаемъ отрицательно. Мало того, мы идемъ далѣе и заявляемъ что пусть даже страна имѣетъ политическія права, но и при такомъ условіи она не всегда является государствомъ; политическія права цѣлой страны не всегда обусловливаютъ ея государственное устройство, сколь это ни желательно для г. Даніэльсона.

Не будемъ голословны. Г. профессору, конечно, извѣстно что на бѣломъ свѣтѣ существуетъ Канада; она имѣетъ даже независимый парламентъ; провинціи канадскихъ англійскихъ владѣній имѣютъ свою законодательную власть для мѣстныхъ нуждъ. Канада управляется генералъ-губернаторомъ назначеннымъ Англійскимъ правительствомъ. Пусть ученый мужъ отвѣтитъ намъ: государство ли Канада, или нѣтъ? А если нѣтъ, то какъ могло случиться что страна, имѣя политическія права, не имѣетъ государственнаго устройства?

Еще примѣръ: Индія съ 1877 года, по мысли Биконсфильда, называется нынѣ даже имперіей, имѣетъ своего вице-короля, свои центральныя управленія, свое войско и пр. и пр.,—и все-таки Индія не государство.

Особую конституцію и парламентъ (альтингъ) имѣетъ съ 1874 года и Исландія, причемъ альтингъ „пользуется въ отношеніи Исландіи въ сущности тѣми же правами какъ для остальной Даніи риксдагъ“ (*Groos und Hansen*, Н. Коркуновъ). *

Эти примѣры, надѣемся, наглядно покажутъ какъ аргументируетъ г. Даніэльсонъ, позволяющій себѣ всякую инсинуацію противъ тѣхъ кто не раздѣляетъ его дутыхъ доказательствъ „государственнаго“ положенія Финляндіи.

Итакъ, на первый разъ, г. Даніэльсонъ хотѣлъ пустить въ оборотъ ложное заявленіе что коль скоро народъ имѣетъ политическія права, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже имѣетъ будто бы и государственное устройство. Это заявленіе г. Даніэльсона настолько характерно что мы предполагаемъ не скоро еще разстаться съ нимъ, тѣмъ болѣе что центръ тяжести всѣхъ его возраженій К. Ф. Ордину сводится къ положенію которое можно формуловать такъ: императоръ Александръ I далъ Финляндіи конституцію, слѣдовательно Финляндія—государство.

Г. Даніэльсонъ поцеремонился почему-то назвать свою книгу *Унія* Фин-

---

* Въ статьѣ Н. П. Коркунова „Великое Княжество Финляндское“ въ журналѣ *Юридическая Лѣтопись* (№ 4 1890 года) прекрасно доказано что объ уніи Финляндіи съ Россіей и рѣчи быть не можетъ. (См. выше стр. 249—253).

ляндіи съ Россійскою державой; онъ замѣнилъ слово *Унія* словомъ „соединеніе“, и тѣмъ мысль его все-таки высказана, хотя болѣе деликатнымъ манеромъ. Итакъ, императоръ Александръ I утвердилъ „политическія права Финляндскаго народа, *то-есть* государственное устройство Финляндіи“.

Это *то-есть* ученаго мужа Гельсингфорсскаго университета безподобно! Видно что Вассеръ не умеръ въ Финляндіи. Какъ Вассеръ, праотецъ финляндской „государственности“,* однимъ взмахомъ пера преобразилъ Финляндскія губерніи въ государство, заявивъ что „для Финляндіи достаточно было самой себя провозгласить государствомъ“, такъ точно и г. Даніэльсонъ, поставивъ „*то-есть*“, сразу отыскалъ „государственное устройство“ Финляндіи.

Пользуясь его словами (стр. 120), скажемъ:

Положимъ что неразумный выводъ г. Даніэльсона разуменъ; тогда окажется, между прочимъ, что императоръ Александръ I оставилъ въ Финляндіи порядокъ существовавшій въ ней до 1808 года, оставилъ „государственное устройство Финляндіи“, какъ настаиваетъ г. Даніэльсонъ: слѣдовательно Финляндія до 1808 года была государствомъ (!!!), ибо императоръ утвердилъ только прежде существовавшія права и привилегіи всѣхъ и каждаго.

Такъ какъ г. Даніэльсонъ, попавшій въ національные герои Финновъ, очень прытокъ посылать по адресу другихъ напоминанія подобныя изреченію Базиля: „calomniez, calomniez...“, то мы, со своей стороны, напомнимъ ему древне-римское изреченіе: „est cujusvis hominis errare, nullius vero nisi insipientis perseverare in errore“.

А что г. Даніэльсонъ одинъ изъ тѣхъ кто не желаетъ покаяться въ своемъ упорствѣ, это будетъ видно изъ послѣдующаго нашего изложенія.

III.

Императоръ Александръ I сохранилъ права и привилегіи коими Финляндцы „доселѣ“, то-есть до покоренія края Россіей, пользовались, а затѣмъ еще созвалъ Сеймъ, какъ совѣщательное, вполнѣ подчиненное ему собраніе, далѣе—разрѣшилъ открыть Правительственный Совѣтъ, переименованный въ 1816 году въ Сенатъ и т. д. Въ манифестѣ 15 марта 1809 года Императоръ писалъ: „Мы рѣшились управлять этою страной какъ свободнымъ народомъ, пользующимся правами обезпеченными за нимъ его конституціей.“

Всѣ подобныя обстоятельства и неопредѣленныя выраженія въ родѣ: „свободный народъ“, „конституція“, и т. д., даютъ финляндскимъ сепаратистамъ поводъ выставлять что въ ихъ краѣ водворена „государственная организація“; но, по нашему крайнему убѣжденію, изъ указанныхъ фактовъ можно сдѣлать только одинъ выводъ—что Русскій Монархъ показалъ много заботы объ устройствѣ въ Финляндіи *мѣстной* провинціальной *автономіи*.

Г. Даніэльсонъ, конечно, съ нами не согласенъ. Тогда пусть онъ намъ докажетъ что созваніе Сейма, учрежденіе Сената и т. п. неизбѣжно вытекали изъ прежняго шведскаго законодательства дѣйствовавшаго въ Финляндіи, а не были добровольно пожалованы императоромъ и заведены имъ лишь въ видахъ удобства управленія вновь присоединеннымъ краемъ. Для насъ же ясно что Императоръ, даруя Финляндіи Сенатъ, вполнѣ могъ предписать основать его въ Петербургѣ, и тогда вышло бы по Даніэльсону что Финляндія такое государство, центральное управленіе котораго находится въ другомъ царствѣ.

Однако, настаиваетъ профессоръ, такъ не вышло, и потому, молъ, Финляндія государство имѣющее свое центральное управленіе въ своей странѣ.

---

* Когда профессоръ Вассеръ, а слѣдомъ за нимъ и другія горячія головы, затѣяли толковать о Верховной Власти въ ограничительномъ смыслѣ, ссылаясь на Шведскихъ королей, то самъ профессоръ Вассеръ былъ высланъ изъ края, а генералъ-губернаторомъ, вмѣсто слабаго, ошведившагося Нѣмца Штейнгеля, назначенъ былъ энергическій Закревскій съ повелѣніемъ „унять ихъ“. Совершилось это въ двадцатыхъ годахъ, въ царствованіе Александра Перваго. (См. выше, стр. 86). *Ред.*

Прекрасно; помимо прежнихъ нашихъ указаній на Канаду и Индію, попросимъ теперь г. Даніэльсона заглянуть въ манифестъ 9 (21) февраля 1816 года, объ именованіи Правительствующаго Совѣта Финляндскимъ Сенатомъ, дабы узнать какъ самъ Императоръ смотрѣлъ на дѣло учрежденія Сената. Въ манифестѣ читаемъ:

„Нынѣ... достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе *внутреннимъ дѣлами Государства Нашего*, а въ числѣ оныхъ и касающимися *особенно до Финляндіи*, находимъ Мы, для вящаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ *мѣстномъ управленіи края сего*... дать Финляндскому высшему правительству названіе Финляндскаго Сената.“

Кажется, ясно что Императоръ, покончивъ съ войнами, былъ озабоченъ внутреннимъ управленіемъ Россіи, и къ числу дѣлъ внутренняго устроенія Россіи онъ отнесъ также дѣла Финляндіи, гдѣ, предпринявъ реформу мѣстнаго управленія, устроилъ Сенатъ. Здѣсь, между прочимъ, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство что императоръ Александръ I, упоминавшій въ рѣчахъ и манифестахъ о „конституціи“, уже въ 1816 году употребляетъ выраженія которыя не оставляютъ мѣста никакимъ притязаніямъ Финляндцевъ на государственность.

Изъ того что Финляндія получила въ изобиліи мѣстныя льготы, получила внутреннюю организацію, совершенно не похожую на организацію ея новой метрополіи, сохранила религію, законы, права и преимущества, никоимъ образомъ не слѣдуетъ чтобъ она была возведена въ рангъ государства, какъ это проповѣдуютъ г. Даніэльсонъ и клика финляндскихъ сепаратистовъ. Если разсуждать такъ какъ г. Даніэльсонъ, то всѣ тѣ провинціи, округа, губерніи, окраины Россіи и другихъ государствъ, кои имѣютъ свою гражданскую, полицейскую, торговую, уголовную и т. п. обособленность, слѣдовало бы признать самостоятельными государствами. Такимъ образомъ Россія, по теоріи гельсингфорсскаго профессора, сейчасъ должна быть разбита на столько самостоятельныхъ частей, сколько имѣется мѣстныхъ льготъ и привилегій. Кавказъ, Туркестанъ, Земля Войска Донскаго и т. д., какъ имѣющія свои характерныя мѣстныя особенности въ административномъ, религіозномъ, судебномъ или другихъ отношеніяхъ, пришлось бы признать частями состоящими лишь въ реальномъ соединеніи съ Россіей.

До такихъ глубокомысленныхъ выводовъ договорились пока только финляндскіе ученые—Даніэльсоны, Л. Мехелины и др. Весь же остальной ученый міръ находитъ что реальное соединеніе или унія можетъ имѣть мѣсто только между двумя „полноправными политическими организмами“. Все это азбука международнаго права, и остается только удивляться какъ не хотятъ ея понять финляндскіе профессора и сенаторы. „Самоуправленіе какой-нибудь провинціи или области отнюдь не устанавливаетъ и не служитъ доказательствомъ реальнаго ея соединенія съ государствомъ, котораго въ дѣйствительности она является органическою частью.“ (*Современное международное право;* Ф. Мартенса, т. I.)

Императоръ Александръ I оставилъ неприкосновенными законы, обычаи, гражданское устройство края, то-есть, преимущественно все то что такъ или иначе соприкасается съ народными особенностями Финляндцевъ, ихъ индивидуальными качествами выработанными исторіей и мѣстными условіями. Однако, народность и государственная форма все-таки два совершенно особыя явленія; мы согласны даже что эти явленія тѣсно между собою связаны, но категорически протестуемъ противъ того чтобъ одно изъ нихъ неизбѣжно обусловливало собою необходимость втораго. „Свободное вѣроисповѣданіе, официальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта“ могутъ вполнѣ существовать и существуютъ (въ Канадѣ и Индіи, напримѣръ) безъ политической самостоятельности. „Наличность цѣльной народной стихіи не даетъ еще права предполагать. или требовать государственной самостоятельности.“ (Юрій Самаринъ, т. I.)

Все это, конечно, выше разумѣнія г. Даніэльсона, который только твердитъ голословно что разъ императоръ „сохранилъ права финляндскаго населенія относительно религіи, законовъ, сословныхъ преимуществъ и т. п., то съ этими правами неразрывно связано и государственное устройство Финляндіи". Неизбѣжности подобной взаимной связи онъ намъ въ свой книгѣ не доказалъ ни единымъ словомъ.

Напротивъ, самъ же г. Даніэльсонъ признаетъ что „въ 1808 году въ основныхъ законахъ Швеціи заключались положенія которыя не могли быть примѣнямы къ Финляндіи по соединеніи ея съ Россійской Имперіей; напримѣръ, параграфы о престолонаслѣдіи, о томъ что Государь долженъ быть лютераниномъ и т. п. Многія основныя положенія закона не могли имѣть мѣста въ Финляндіи уже въ силу одного того что она въ 1809 году не имѣла, и въ послѣдствіи не получила, многихъ учрежденій которыя предполагались сими законами" (стр. 126 и 127). Среди сихъ учрежденій одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ безспорно риксдагу. Финляндцы во время шведскаго владычества пользовались правомъ „въ лицѣ своихъ законныхъ представителей, участвовать, вмѣстѣ съ Государемъ, въ рѣшеніи общихъ государственныхъ дѣлъ".

Эти общегосударственныя дѣла вершились на риксдагѣ Шведскаго государства, коего Финляндія была только провинціей; но Россія риксдага не имѣла: кажется, логика здѣсь достаточно опредѣленно подсказываетъ что право это для Финляндцевъ отпадало само собой, послѣ присоединенія ихъ къ Россіи. Государь изволилъ милостиво даровать Финляндцамъ сеймъ или ландтагъ; но здѣсь само названіе ясно опредѣляло и кругъ власти сейма. Риксдагъ означаетъ государственный сеймъ, а ландтагъ—съѣздъ, собраніе земскихъ чиновъ.

Финляндцы любятъ иногда указывать на то что относительно созванія ландтага (сейма) и дѣлопроизводства во время его совѣщаній служили къ руководству законоположенія относившіяся къ шведскому риксдагу. Но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ; это обстоятельство все-таки не переносило на ландтагъ прерогативъ риксдага. Императоръ разрѣшилъ созваніе сейма, и такъ какъ никакихъ готовыхъ прежнихъ положеній для сейма у Финляндцевъ не имѣлось, то одна необходимость заставила прибѣгнуть къ положеніямъ о риксдагѣ и воспользоваться правилами кои хоть нѣсколько могли нормировать новое для края учрежденіе.

Г. Даніэльсонъ, конечно, сознаетъ что, съ отдѣленіемъ Финляндіи отъ Швеціи, у Финляндцевъ остались только мѣстныя власти, а высшія власти,—главный судъ, центральныя и государственныя учрежденія,—остались въ Стокгольмѣ. Было бы абсурдомъ даже для г. Даніэльсона допустить что Александръ I, обѣщая сохранить права Финляндіи, имѣлъ въ виду сохранить также и главныя, центральныя учрежденія,—а безъ нихъ государственныя прерогативы Финляндіи сводятся къ нулю. Чтобы вновь пріобрѣсти высшія учрежденія, нужно было создать риксдагъ, Государственный Совѣтъ, государственныя коллегіи и пр., но Русская Державная Власть не пожелала этого сдѣлать, почему всякія узаконенія о центральныхъ управленіяхъ Швеціи болѣе нигдѣ не упоминались и не примѣнялись.

Въ теченіе 1811—1857 годовъ, въ Финляндіи были заведены новыя учрежденія, какъ-то: Финляндская коммиссія, статсъ-секретаріатъ, комитетъ по дѣламъ Финляндіи; однако, всѣ они нисколько не походили на тѣ шведскія центральныя учрежденія коихъ Финляндія лишалась по присоединеніи ея къ Россіи. Слѣдовательно, Финляндія, какъ была, такъ и осталась въ положеніи провинціи, и ни одинъ законодательный актъ въ государство ея не преобразовалъ.

Напомнимъ при этомъ гг. сепаратистамъ еще одинъ фактъ,—очевидно, намѣренно упускаемый ими изъ виду,—что ни въ присягѣ чиновъ Боргоскаго сейма, ни въ финляндскомъ законодательствѣ, вплоть до шестидесятыхъ годовъ, когда впервые стала разрабатываться теорія финляндской государственности, вовсе не упоминалось объ

основныхъ государственныхъ законахъ Швеціи, то-есть о Формѣ Правленія 1772 года и объ Актѣ Соединенія и Охраненія 1789 года, коими собственно и устанавливался государственный строй—не Финляндіи—а прежней ея повелительницы.

IV.

Когда финляндскіе „патріоты“ задумали созданіе своей теоріи, имъ естественно было желать исторически и научно обосновать самый моментъ зарожденія Финляндскаго „государства“. Попытки эти очень оригинальны и воочію свидѣтельствуютъ что фундаментъ „молодаго государства“ стоитъ на болотѣ беззастѣнчивыхъ софизмовъ.

Профессоръ медицины Абоскаго университета, Израэль Вассеръ былъ первый, по времени, изъ числа надрывавшихся въ усиліяхъ создать моментъ зарожденія „Финляндскаго государства“. Бойкій Шведъ, Вассеръ пробовалъ перескочить встрѣченное препятствіе тѣмъ что, съ апломбомъ непогрѣшимаго авторитета, безо всякаго подтвержденія своихъ словъ аргументами, заявилъ: на сеймѣ въ Борго, по сепаратному миру заключенному де представителями финляндскихъ сословій съ Русскимъ Императоромъ, „Финляндія перестала быть не только шведскою провинціей, но даже перешла въ состояніе особаго государства“ (sic!).

За Вассеромъ слѣдуютъ Кастренъ и Л. Мехелинъ; первый былъ полнымъ эхомъ Вассера, а второй—его подражателемъ. Послѣдній писалъ въ своемъ сочиненіи *Précis du droit public du grand duché de Finlande:* „Церемонія (присяги на Боргоскомъ сеймѣ) заключилась рѣчью Императора... она свидѣтельствовала что совершился „„актъ соединенія““. Въ послѣдующемъ своемъ изложеніи Л. Мехелинъ уже прямо называетъ Финляндію „молодымъ государствомъ“, упоминаетъ о бюджетѣ „новаго государства“ и т. д. (стр. 12, 13, 15).

Финляндія была шведскою провинціей, но стоило ей только выслать своихъ представителей на сеймъ въ Борго, какъ она стала равноправною договаривающеюся стороной! Все творится какъ по щучьему велѣнью: царство выросло какъ грибъ въ лѣсу!

Наконецъ, взялся за рѣшеніе сего вопроса богатырь исторической науки, г. Даніэльсонъ. Вспомнилъ онъ, не кстати для себя, слова патріота Калоніуса, который, въ эпоху покоренія Финляндіи Русскими, вразумлялъ своихъ увлекавшихся соотечественниковъ что, пока исходъ войны неизвѣстенъ, и повелитель Швеціи самъ не отказался отъ своего права на Финляндію, „отъ воли подданнаго не зависитъ отказаться отъ своего долга, если онъ не захочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны“. Но, по ученію сепаратистовъ, Финскому народу необходимо было такъ или иначе выступить на сеймѣ въ Борго договаривающеюся стороной: въ противномъ случаѣ, ихъ государственная теорія лишилась бы своей исходной точки, не было бы ничѣмъ прикрыто названіе „провинціи“, котораго они теперь стыдятся, и которое имъ желательно подмѣнить титуломъ „государства“ и такимъ образомъ составить Русско-Финскую монархію. А если надо, то къ чему стѣсняться какими-то логическими или историческими препятствіями? Долой ихъ! И вотъ г. Даніэльсонъ обходитъ ученіе Калоніуса посредствомъ такого маневра: „Сила вещей“, говоритъ онъ, „привела депутатовъ къ тому убѣжденію что Финляндскій народъ, истощавшій свои силы въ неравной борьбѣ за сохраненіе соединенія со Швеціей и потерявшій надежду на возстановленіе этого соединенія, со спокойною совѣстью и безъ ущерба для своей чести *могъ* слѣдовать инстинкту самосохраненія и обезпечить свою будущность *самостоятельно заключивъ лойяльное соглашеніе съ побѣдителемъ*“ (стр. 78).*

---

* Не въ этихъ ли и подобныхъ соображеніяхъ „финляндскихъ ученыхъ“ слѣдуетъ искать данныхъ для разъясненія что именно имѣли въ виду авторы извѣстнаго финляндскаго „Уголовнаго Уложенія“, когда въ статьи этого своего „закона“ вносили оговорку объ *особенно смягчающихъ* вину *обстоятельствахъ* въ случаяхъ государствен-

Эта тирада также недурной образчикъ историческихъ взглядовъ, гельсингфорскаго ученаго и „честнаго его отношенія къ дѣлу“.*. Сперва онъ согласился съ мнѣніемъ Калоніуса (на 78 стр.) что отъ воли подданныхъ не зависитъ отказаться отъ своего долга, а потомъ тѣми же устами продолжаетъ что Финляндцы могли распорядиться по своему усмотрѣнію, не боясь позора измѣны...

Но не въ томъ дѣло. Лучше всего здѣсь то что патентованный профессоръ исторіи находитъ возможнымъ для Финляндцевъ „самостоятельно заключить лойяльное соглашеніе съ побѣдителемъ“ (sic). Очень жаль что г. Даніэльсонъ, толкователь финляндской лойяльности и исторической истины, не просвѣтилъ насъ, почему именно, въ силу какихъ основаній, Финляндцы могли „самостоятельно“ заключить соглашеніе съ побѣдителемъ? Неужели только потому что успѣхъ войны склонился въ пользу Русскихъ, и разрушены были мечты Финляндцевъ о возможности остаться шведскою провинціей?

Конечно, нѣтъ. Но и г. Даніэльсонъ, и его единомышленники, взявшіеся вести борьбу противъ К. Ф. Ордина, разъ навсегда предрѣшили брать съ размаху всѣ историческіе и логическіе барьеры. Г. Даніэльсона не огорчаетъ и то обстоятельство что Россія въ 1808—1809 годахъ воевала со Швеціей, причемъ, по правиламъ международныхъ сношеній всего міра, только Шведское правительство могло вступать въ переговоры и договоры съ Русскимъ Дворомъ.

Г. Даніэльсону, конечно, не безызвѣстно что Россія воевала не для того чтобы сдѣлать Финскій народъ „самостоятельнымъ“, а изъ желанія пріобрѣсти безопасную границу на сѣверѣ и стать хозяиномъ на восточномъ берегу Балтійскаго моря. Г. Даніэльсонъ цитуетъ документы, но не желаетъ видѣть обозначеннаго въ нихъ всѣми буквами, а именно что Александръ I *„призналъ за благо“* утвердить права и т. д. (Маниф. 15 марта 1809 г.); что императоръ, познавъ нужды, не умедлилъ „простереть руку помощи и облегченія“ (Маниф. 5 іюня 1808 г.); что онъ обезпечилъ *„по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія“* (ст. VI Фридрихсгамскаго трактата) за населеніемъ Финляндіи права собственности и пр. Еслибы г. Даніэльсонъ относился къ исторіи 1808—1809 годовъ безъ предвзятыхъ взглядовъ, онъ замѣтилъ бы что Всемилостивѣйшій Манифестъ 15 марта былъ объявленъ *послѣ* того какъ Финляндцы уже принесли свою присягу на вѣрноподданство, и что титулъ Великаго Князя Финляндскаго императоръ принялъ *раньше* этой присяги; что же касается учрежденія Сената, Статсъ-Секретаріата, войска, монеты и проч., то Финляндія получила ихъ *не* на сеймѣ въ Борго, а въ послѣдствіи; наконецъ, право законодательнаго почина предоставлено было сейму *только въ 1886 году*.

Все это такіе факты которые никакъ не укладываются въ рамки договорной теоріи сепаратистовъ. Наконецъ, „честному“ изслѣдователю эпохи присоединенія слѣдовало бы обратить вниманіе на то что на сеймѣ въ городѣ Борго сословія правильно взглянули на манифестъ 15 марта, приняли и поняли его какъ „драгоцѣнный *подарокъ великодушно* имъ дарованный“ Императоромъ. (См. протоколы бюргерскаго сословія.) Всѣ подобные факты и принципы г. Даніэльсонъ игнорируетъ или извращаетъ. Только финляндская „смѣлость“ могла зайти такъ далеко что, вопреки всякой логикѣ, стали считать обѣщанія, милостивые манифесты и заключенія сословныхъ представителей какими-то актами взаимнаго соглашенія двухъ государствъ!!

И подобное отношеніе г. Даніэльсона къ своей задачѣ мѣстная печать превозноситъ до небесъ, называя „ч е с т н ы м ъ и патріотическимъ подвигомъ“! Нѣтъ, гг. „честные“ финляндскіе уче-

---

ной измѣны выразившейся, напримѣръ, въ поднятіи оружія противъ своего отечества, или въ выдачѣ измѣнникомъ ввѣренной ему государственной тайны? *Ред.*

* Такъ славятъ телеграммы славословящія г. Даніэльсона за его подвигъ состоящій въ „блистательномъ опроверженіи“ К. Ф. Ордина.

ные, еслибы вы добросовѣстно отнеслись къ историческимъ событіямъ и документамъ эпохи присоединенія Финляндіи къ Россіи, вы не преминули бы усмотрѣть и правдиво объяснить соотечественникамъ что всѣ ваши привилегіи не выговорены сословіями на сеймѣ въ Борго, не добыты ни въ честномъ бою, ни мирными переговорами, а суть всецѣло актъ милости Русской державной власти. Когда вы, гг. ученые и сенаторы, говорите о „государствѣ“ Финляндскомъ, или о „договорѣ сословій“ съ Русскимъ Императоромъ, вы распространяете завѣдомую ложь, обманываете соотечественниковъ, слѣпо довѣряющихъ вамъ на-слово, какъ занимающимъ каѳедры и высокіе административные посты; вы съ легкимъ сердцемъ черните изслѣдователей разоблачающихъ ваши подтасовки; вы ищете дешевой популярности, потакая инстинктамъ quasi-интеллигентной толпы...

Кстати приведемъ еще одинъ образчикъ добросовѣстнаго отношенія „лойяльныхъ ученыхъ Финляндцевъ“ къ вопросу о политическомъ положеніи Финляндіи.

Г. Бореніусъ въ мартѣ сего года издалъ сборникъ документовъ, озаглавленный: *Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго* *. Въ этотъ сборникъ введены рѣчи императора на Боргоскомъ сеймѣ, церемоніалъ присяги на вѣрноподданство, принесенной въ томъ же городѣ Борго сословными представителями, манифестъ о финскихъ войскахъ, инструкція коммиссіи финляндскихъ дѣлъ и пр.; но самаго главнаго въ сборникѣ не ищите: о Фридрихсгамскомъ трактатѣ г. Бореніусъ *забылъ*. Книга г. Даніэльсона написана, какъ говорится на ея обложкѣ, „по поводу сочиненія К. Ордина *Покореніе Финляндіи*“, съ цѣлью доказать „государственное“ положеніе Финляндіи и опровергнуть К. Ф. Ордина. Г. Даніэльсонъ началъ, какъ и г. Ординъ, съ древнѣйшихъ временъ, силится изобличить ненавистнаго ему автора во всякой незначительной мелочи, рылся и во введеніи, и въ приложеніяхъ, критиковалъ даже имѣющуюся при книгѣ карту, но... *забылъ* только объ одномъ — о Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ, несмотря на то что названному миру г. Ординъ отвелъ обширную заключительную главу въ 50 страницъ.

Ясно что этотъ финальный аккордъ К. Ф. Ордина звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ среди сладостныхъ напѣвовъ Финляндцевъ объ ихъ „молодомъ государствѣ“. Фридрихсгамскій трактатъ является для финляндскихъ ученыхъ, историковъ и публицистовъ какимъ-то непріятнымъ призракомъ, отъ котораго они всѣ спѣшатъ отвернуться, дабы продлить свои мечтанія и сны объ „уніи“ съ Россіей; они дали аннибаловскую клятву не допускать сего трактата на страницы своихъ писаній и „замолчать его до смерти“.

Основаній къ такому непривѣтливому отношенію ко Фридрихсгамскому миру много: прежде всего, Фридрихсгамскій трактатъ 5 сентября 1809 года есть важнѣйшій документъ выясняющій истинное политическое положеніе Финляндіи. Именно этотъ документъ имѣетъ и международное, и историческое значеніе.

„Со Швеціей велась война 1808—1809 года, со Швеціей только и могъ быть заключенъ мирный трактатъ имѣвшій значеніе документа въ международныхъ сношеніяхъ. Нѣтъ смысла заключать договоры съ несамостоятельною страной, какъ нѣтъ резона входить въ письменныя условія съ несовершеннолѣтними“, читаемъ въ *Русскомъ Архивѣ* (1890, VIII). * Финляндія была провинціей Швеціи, и съ ней никакихъ договоровъ не заключалось; императоръ воленъ былъ давать ей свои милостивыя обѣщанія — и только!

---

* См. выше, стр. 386.

* Маленькій куріозъ. Цитуемая статья „Начало Финляндскихъ притязаній“ перепечаталась финляндскою печатью главнымъ образомъ потому что *Русскій Архивъ* выходитъ въ Москвѣ и печатается въ той же типографіи гдѣ и *Московскія Вѣдомости!* Финляндцы были безсильны представить противъ статьи какіе-нибудь другіе доводы.

Во Фридрихсгамскомъ трактатѣ имѣется рядъ такихъ категорическихъ указаній о которыя совершенно разбиваются всѣ софистическія подтасовки государственныхъ теорій финляндскихъ ученыхъ, сенаторовъ, публицистовъ и пр. Покоренныя финляндскія губерніи состоятъ „въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи“ и пользуются „свободнымъ отправленіемъ своей вѣры, правами и преимуществами единственно въ силу великодушнаго побужденія Его Величества Императора Всероссійскаго“ (стт. IV и VI трактата). Вотъ что должно быть первою заповѣдью политическаго катехизиса Финляндцевъ, а не праздная и пустая болтовня финляндскихъ сенаторовъ и профессоровъ ищущихъ себѣ дешевой популярности.

Возьмите затѣмъ любой трактатъ, любой документъ, имѣющіе значеніе въ международныхъ сношеніяхъ,—и въ нихъ Финляндія всегда обозначена какъ „нераздѣльная часть Россійской Имперіи“, или о ней упоминается какъ о „провинціи“ и „губерніи“ наравнѣ съ герцогствомъ Курляндскимъ и другими русскими губерніями Имперіи.

Однако, довольно на сей разъ, ибо—

И погромче насъ были витіи,
Да не сдѣлали пользы перомъ...

Б. Л.

О ФИНЛЯНДСКОМЪ ТЕАТРѢ.*

Письмо къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей“.**

Христіанія, ноябрь.

М. г.,—Будучи хорошо знакомъ съ дѣлами въ Финляндіи и особенно въ Гельсингфорсѣ, я осмѣливаюсь указать вамъ еще одинъ пунктъ гдѣ коренится и откуда распространяется ненависть къ Россіи и къ Русскимъ. Это—шведскій театръ въ Гельсингфорсѣ, артисты котораго вербуются *исключительно изъ Шведовъ изъ Швеціи*. Труппа эта существенно поддерживается „государственными“*** средствами. Такимъ образомъ правительство **** поддерживаетъ иностранцевъ и, такъ-сказать, изгоняетъ изъ отечества своихъ артистовъ, если только эти артисты не ярые свекоманы, викинги. Также и печать, то-есть газеты *Nya Pressen* и *Hufvudstatsbladet*, старается всевозможными средствами сдѣлать этихъ иностранцевъ популярными и вредить Финнамъ.

Пока эта сорная трава не вырвется съ корнемъ, до тѣхъ поръ ненависть, ложь и издѣвательство надъ Россіей и всѣмъ русскимъ будутъ существовать въ Гельсингфорсѣ. Народъ, конечно, думаетъ что такъ и быть должно, коль скоро правительство поддерживаетъ учрежденіе, вѣроятно, для пользы страны. Отнять субсидію Шведамъ то же что̀ „прочь Шведовъ“.

Эти Шведы стараются всевозможными способами поносить Россію и все русское какъ въ общественной, такъ и въ своей частной жизни, чтобы сдѣлаться популярными и поддѣлаться къ театральнымъ директорамъ. Чтобы преградить доступъ *финскимъ элементамъ въ это учрежденіе, поддерживаемое Финляндіей*, режиссеры, артисты и даже капельмейстеры ангажируются *въ Стокгольмѣ*.

Въ надеждѣ что эти строки будутъ вами приняты во вниманіе, остаюсь и пр.

W.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 338, отъ 7 декабря.

** Считаемъ долгомъ печатно поблагодарить автора письма за сообщенныя имъ намъ въ немъ свѣдѣнія. Письмо писано по-шведски и печатается въ сдѣланномъ нами переводѣ. *Ред. Моск. Вѣд.*

*** То-есть, конечно, финляндскими. *Ред. Моск. Вѣд.*

**** Финляндское. *Ред. Моск. Вѣд.*

ПЕРЕВОДЪ РОТМИСТРА ГРИГОРКОВА ИЗЪ „КОННАГО“ ВЪ „ФИНСКІЙ“ ПОЛКЪ.

(Передовая статья № 339 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 7 декабря.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ*, отъ 4 декабря, напечатанъ циркуляръ Главнаго Штаба, отъ 23 ноября (№ 255), объявляющій, для свѣдѣнія русскихъ людей, что, «на основаніи плана постепеннаго формированія Финскаго драгунскаго полка, полкъ этотъ 20 октября сего года *сформированъ* (курсивъ нашъ) въ трехъэскадронномъ составѣ, по штату объявленному въ приказѣ по военному вѣдомству 1889 года № 121».

Итакъ, дѣло на половину сдѣлано, прославляемая берлинскою военною газетой «финская кавалерія» возстановлена. Хоть и на русскихъ бракованкахъ, но все-таки «финское войско» * получило собственную кавалерію... Въ этомъ фактѣ всѣ сочувствующіе преуспѣянію Финляндіи въ духѣ обособленія отъ Россіи могутъ найти достаточный предлогъ радоваться.

Былъ моментъ, однако, когда порадовались и мы, прочитавъ въ приказѣ по военному вѣдомству что лейбъ-гвардіи Коннаго полка ротмистръ Григорковъ переводится въ новосформированный Финскій полкъ съ переименованіемъ въ подполковники... Нашу радость по этому поводу,—по поводу перевода русскаго человѣка въ запретное для Русскихъ Финское войско,—мы выразили въ № 310 *Московскихъ Вѣдомостей*, * замѣтивъ что переводъ г. Григоркова можетъ послужить прецедентомъ, или, какъ выражаются въ нашихъ канцеляріяхъ, законнымъ «преждебывшимъ примѣромъ», для дальнѣйшихъ переводовъ такого же характера.

Долго радоваться намъ не пришлось. Чрезъ нѣсколько дней мы

* См. выше, стр. 171—177, 193—202, 466—468, 490, 492—494.

* См. выше, стр. 533.

получили анонимное, подписанное словомъ «*Финляндецъ*», открытое письмо, въ которомъ говорилось:

„Слишкомъ рано обрадовались! Переведенный въ Финскій драгунскій полкъ... ротмистръ Григорковъ природный *Финляндецъ* (курсивъ письма); иначе не могъ бы быть переведеннымъ.“

Итакъ, г. Григорковъ уроженецъ Финляндіи, тамошній «гражданинъ». Но—будемъ думать что онъ все-таки Русскій человѣкъ. Назначеніе его въ Финскій полкъ есть все-таки успѣхъ, все-таки доброе дѣло. Не будь назначенъ Григорковъ, его мѣсто занялъ бы какой-нибудь Шведъ изъ большаго числа тѣхъ кои прикомандировываются къ русскимъ полкамъ для ознакомленія съ русскимъ языкомъ.

Полученное нами анонимное письмо интересно не передачей факта къ какой изъ областей Русской Державы приписанъ г. Григорковъ, а своими послѣдними словами, фразой: «*Иначе не могъ бы быть переведеннымъ.*»

Мы не понимаемъ и не хотимъ понимать этой нелѣпости. Григорковъ переведенъ въ Финскій полкъ *Высочайшимъ приказомъ*,—и мы до сихъ поръ знали и знаемъ что Высочайшей волѣ въ предѣлахъ «Россійской Державы», въ составъ которой навсегда включена Финляндія, нигдѣ, никогда и ни въ чемъ препонъ и ограниченій не положено. Или Финляндцы въ самомъ дѣлѣ вѣруютъ въ то что Самодержавная власть Русскихъ Царей прекращается на тридцатой верстѣ къ сѣверу-западу отъ Петербурга?

Если такіе люди есть въ Финляндіи,—мы видимъ и знаемъ что они есть,—то они не совсѣмъ въ добромъ здоровьѣ: и совершающееся понимаютъ превратно, и бывшаго не помнятъ. Казалось же Финляндцамъ—такой моментъ былъ—что ихъ финскіе стрѣлковые баталіоны «никто не имѣетъ права требовать въ Красносельскій лагерь», и что вообще «выводъ финскихъ войскъ за предѣлы Финляндіи недозволенъ»...

Былъ такой моментъ. Дѣйствительно, многіе думали такъ въ Финляндіи,—но было достаточно одного почерка пера чтобъ это думанье, эта вздорная претензія, несмотря на демонстративный выходъ въ отставку блюстителя финляндской конституціи, г. Монгомери,—разсѣялась «яко дымъ»... Финскіе баталіоны теперь ежегодно, по очереди, приходятъ въ Красносельскій лагерь...

Какъ оказалось что финскіе баталіоны могутъ, по Высочайшей волѣ, выходить за предѣлы Финляндіи и учиться въ Красносельскомъ лагерѣ, такъ точно всякій офицеръ, не только русской, но даже иностранной службы, можетъ быть переведенъ въ туземныя войска Финляндіи «Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству».

И это было бы только проявленіемъ высшей справедливости. Нѣсколько сотъ Финляндцевъ служатъ въ «русскихъ» войскахъ, занимаютъ высокія должности, считаются за «русскихъ подданныхъ», а не за иностранцевъ. Совершенно непонятно почему бы не могъ Русскій служить въ туземныхъ войскахъ Финляндіи, еслибъ это было «признано за благо».

И надо чтобы господа «*Финляндцы*» съ этою мыслію вполнѣ освоились, вполнѣ поняли что перемѣщеніе русскихъ офицеровъ въ «финскія», а финскихъ въ «русскія» войска можетъ быть только величайшимъ благомъ для Финляндіи въ смыслѣ общенія съ Россіей, въ смыслѣ военнаго преуспѣянія тѣхъ нѣсколькихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ которыми располагаетъ Финляндія. Безъ этого общенія финскія

войска даже и существовать не могутъ.

Или Финляндцы думаютъ что нѣкоторыя особенности въ административномъ устройствѣ и управленіи Финляндіей даютъ имъ право ждать и требовать особыхъ преимуществъ по службѣ въ ущербъ уроженцамъ всѣхъ остальныхъ мѣстностей въ Россіи?

Существуетъ особый Финляндскій кадетскій корпусъ. Питомцы этого учрежденія, мѣстные уроженцы, получаютъ право на производство въ офицерскій чинъ во всѣ безъ изъятія войска «Россійской Имперіи», въ томъ числѣ и въ туземные финскіе баталіоны. Финляндскій корпусъ имѣетъ даже особое, привилегированное положеніе. Онъ даетъ право на выпускъ офицерами въ полки «Императорской гвардіи», каковымъ правомъ не пользуются у насъ военныя училища, за исключеніемъ Пажескаго корпуса и Николаевскаго кавалерійскаго училища...

Казалось бы, довольно этой привилегіи; но Финляндцамъ все мало: они хотятъ служить вездѣ, но не хотятъ чтобы Русскіе служили въ Финляндіи...

Такой привилегіи не требовали себѣ даже Варяжскія дружины, приходившія «княжить и володѣть нами»..

ЦАРСКОЕ СЛОВО

„О ФИНЛЯНДСКОМЪ УГОЛОВНОМЪ УЛОЖЕНІИ".

1.

Первая вѣсть о Высочайшемъ Манифестѣ 1 (13) декабря.

(Передовая статья № 340 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 8 декабря.

Въ № 291 финляндской *офиціальной* газеты *Finlands Allmänna Tidning*, отъ 3 (15) декабря, опубликованъ, конечно по-шведски * (воспроизводимъ въ русскомъ переводѣ):

Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ

касательно пріостановки введенія въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 декабря 1889 года и относящихся къ нему постановленій отъ того же числа, а также о передачѣ земскимъ чинамъ Финляндіи на предстоящемъ Сеймѣ Высочайшаго предложенія относительно измѣненій въ помянутомъ новомъ уголовномъ законодательствѣ.

Данъ въ Гатчинѣ 1 (13) декабря 1890 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

царь польскій, великій князь финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе: [illegible]

Для предотвращенія тѣхъ неудобствъ и затрудненій кои могли бы возникнуть отъ предстоявшаго 20 декабря 1890 года (1 января 1891 года) введенія новаго Уголовнаго Уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго, вмѣстѣ съ относящимися къ нему постановленіями, Мы поручили Нашему министру Юсти-

* Настоящій, офиціальный, русскій текстъ Манифеста см. ниже, стр. 603—604.

ціи и главноуправляющему Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ войти въ соглашеніе съ генералъ-губернаторомъ и министромъ-статсъ-секретаремъ относительно мѣръ которыя должны быть приняты для достиженія сказанной цѣли.

По одобреніи Нами выработанныхъ ими съ сею цѣлію въ особомъ совѣщаніи предположеній, Мы признали за благо постановить:

1) Въ Высочайшемъ предложеніи созываемымъ къ 8 (20) января 1891 года земскимъ чинамъ Финляндіи должно быть сдѣлано сообщеніе о тѣхъ измѣненіяхъ въ новомъ финляндскомъ уголовномъ законодательствѣ какія вызываются необходимостью.

2) Вступленіе сего законодательства въ дѣйствующую силу отлагается впредь до утвержденія Нами всеподданнѣйшаго представленія земскихъ чиновъ Финляндіи по упомянутому въ предыдущемъ пунктѣ предмету.

3) Предписанія заключающіяся въ нынѣ дѣйствующемъ постановленіи относительно производства по преступленіямъ чинимымъ въ Финляндіи россійскими, а въ Россіи финляндскими обывателями, должны оставаться въ силѣ и послѣ введенія въ Финляндіи новаго Уголовнаго Уложенія, причемъ власти и чиновники въ Великомъ Княжествѣ, при постановленіи и исполненіи приговоровъ касающихся обывателей Имперіи, обязаны принимать во вниманіе права и преимущества коими они пользуются по законамъ Имперіи.

Для вящшаго удостовѣренія подписали Мы сіе Собственноручно, что̀ учинено въ Гатчинѣ 1 (13) декабря 1890 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

Министръ-статсъ-секретарь К. ЭРНРОТЪ.

Съ отраднымъ чувствомъ,— со славословіемъ Богу, въ Его же рукѣхъ сердце Царево,— встрѣтятъ всѣ истинно-Русскіе люди эту новую важную мѣру по упорядоченію дѣлъ въ нашей Финляндской окраинѣ.

Съ начала весны сего 1890 года, когда въ *Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* появилось составленное и изданное Финляндскимъ Сенатомъ и Сеймомъ, безо всякихъ сношеній съ подлежащими русскими властями, новое «Уголовное Уложеніе», намъ часто приходилось бесѣдовать о немъ съ читателями. * Мы указывали на его крайне сепаратистскій характеръ, на противорѣчіе многихъ его постановленій кореннымъ русскимъ интересамъ, даже чести и достоинству Россіи. Читатели припомнятъ также и ту агитацію какую вели всевозможными способами финляндскіе сепаратисты, дабы удержать за собою свой дерзкій захватъ и ввести это свое «Уголовное Уложеніе» въ дѣйствіе съ начала предстоящаго новаго года.

Но дѣло обратило на себя вниманіе правительства, и состоявшееся нынѣ рѣшеніе Верховной Власти должно положить конецъ сепаратистскимъ притязаніямъ въ этомъ отношеніи.

---

* См. *Моск. Вѣд.* №№ 95, 102, 108, 115, 116, 121, 125, 142, 156, 168, 179, 253, 275, 283, 298, 324, 331. (См. выше, стр. 205, 262—276, 297—315, 381—383, 391—392, 469—472, 483—489, 531—532, 556, 569—570).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ Манифеста, Верховная Власть,—полагаясь на благоразуміе еще не вполнѣ, быть-можетъ, увлеченныхъ сепаратистскою агитаціей сословныхъ представителей Финляндскаго края,—оказываетъ имъ милостивое довѣріе: объ измѣненіяхъ какія необходимо сдѣлать въ «Уголовномъ Уложеніи» сообщено будетъ на предстоящемъ Сеймѣ, и сословнымъ представителямъ предоставлено войти со всеподданнѣйшимъ по сему предмету представленіемъ.

Возможно, что сепаратистскіе кружки Финляндіи, съ очевиднымъ неудовольствіемъ встрѣтившіе Высочайшій Манифестъ, постараются истолковать его въ томъ смыслѣ что Сеймъ имѣетъ де право и не согласиться на измѣненія въ «Уголовномъ Уложеніи», и тогда де никакихъ измѣненій и не будетъ. Но если сословные представители, паче чаянія, поддались бы такому толкованію, то они этимъ показали бы только что не заслуживаютъ оказаннаго имъ Высочайшаго довѣрія. Необходимыя измѣненія, конечно, могутъ быть тогда установлены Верховною Властью и помимо Сейма.

Мы сказали выше что финляндскіе политиканы встрѣтили Высочайшій манифестъ 1 (13) декабря съ очевиднымъ неудовольствіемъ. До такихъ дерзкихъ отзывовъ, какими финляндская печать сопровождала опубликованіе Высочайшаго Манифеста 31 мая (12 іюня) по почтовой части, * дѣло пока не дошло; гельсингфорсскія газеты выразили свое неудовольствіе пока чисто-мальчишескимъ способомъ: они *не перепечатали* Манифеста изъ офиціальной газеты и упомянули лишь въ нѣсколькихъ словахъ объ его появленіи, помѣстивъ рядомъ съ этимъ, на видномъ мѣстѣ, извѣстіе о томъ что въ день появленія Манифеста *спектакли* въ гельсингфорсскихъ театрахъ (шведскомъ ** и финскомъ) *были отмѣнены* въ знакъ печали.

Въ газетѣ *Nya Pressen* въ тотъ же день, на видномъ мѣстѣ, напечатано предложеніе пасторамъ гельсингфорсскихъ кирокъ говорить на этой недѣлѣ проповѣди на текстъ Священнаго Писанія гласящій что «мракъ объялъ народъ».

Въ газетѣ *Hufvudstadsbladet*, на первой страницѣ, въ широкой траурной каймѣ, помѣщено объявленіе (очевидно сочиненное самою редакціей) о продажѣ въ гельсингфорсскихъ магазинахъ траурныхъ матерій, которыя де годятся и въ видѣ подарковъ къ нынѣшнимъ рождественскимъ праздникамъ...

Какое стереотипное повтореніе извѣстныхъ польскихъ манифестацій начала шестидесятыхъ годовъ,—какое безумное и жалкое подражаніе польской *жалобѣ* (трауру) эпохи послѣдняго польскаго повстанья!

---

* См. *Моск. Вѣд.* №№ 173, 188, 193, 200, 211, 218, 237, 245, 247, 258, 266. (См. выше, стр. 387—388, 398, 408—415, 418—421, 424—426, 430, 456—465, 473—477.

** См. выше, стр. 593.

2.

Опубликованіе Высочайшаго Манифеста 1 (13) декабря въ „Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго“.

(Передовая статья № 341 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 9 декабря.

Вчера мы напечатали Высочайшій Манифестъ 1 (13) декабря въ русскомъ переводѣ со шведскаго (сталобыть *не* офиціальнаго) текста опубликованнаго въ финляндской офиціальной газетѣ.* Сегодня, печатаемъ *офиціальный* русскій текстъ означеннаго, столь многознаменательнаго Манифеста,** который мы получили возможность воспроизвести изъ № 27 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго*, благодаря прислашему его намъ одному изъ нашихъ постоянныхъ корреспондентовъ.

Препровождая намъ офиціальный текстъ Манифеста, нашъ корреспондентъ, въ своемъ письмѣ по поводу его, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Настоящимъ проявленіемъ высокой мудрости и авторитета Верховной Власти оказывается справедливое вниманіе и государственному достоинству Россіи, и ея національному чувству, до послѣдней степени возмущенному финляндскимъ посягательствомъ на русскія права въ пріостановленномъ нынѣ финляндскомъ уголовномъ законѣ.

„Пересмотръ Уголовнаго Уложенія произойдетъ на предстоящемъ Финляндскомъ Сеймѣ, открытіе котораго назначено менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 8 (20) января приближающагося 1891 года. Въ основу пересмотра будетъ положено Высочайшее предложеніе, то-есть новый проектъ который долженъ быть составленъ Финляндскимъ Сенатомъ и финляндскимъ же статсъ-секретаріатомъ, соотвѣтственно даннымъ въ Манифестѣ указаніямъ.

„Возможно что Сеймъ, особенно подбираемый теперь въ духѣ рѣзкаго противодѣйствія Россіи и ея правительству, приметъ всѣ мѣры къ тому чтобъ устранить измѣненія въ законѣ сочиненномъ на прошедшемъ Сеймѣ 1888 года, законѣ тѣмъ болѣе драгоцѣнномъ для сепаратистовъ что онъ топчетъ въ грязь основные русскіе интересы и права. Возможно, далѣе, что не только къ сеймовыхъ заключеніяхъ, но и въ самомъ „предложеніи“, которое будетъ теперь спѣшно составлено, могутъ опять проскользнуть тѣ или другія нарушенія безспорныхъ правъ Имперіи. На этотъ счетъ необходима тѣмъ бо́льшая осторожность что опытъ прошедшаго вполнѣ убѣдительно доказываетъ что финляндскіе дѣятели умѣютъ именно въ тексты этихъ предложеній, передаваемыхъ отъ Высочайшаго Имени, включать такіе пункты, которыхъ государственныя права Имперіи никакъ допустить не могутъ. Такъ именно было и съ пріостановленнымъ нынѣ Уголовнымъ Уложеніемъ, Высочайшее предложеніе о которомъ проходило, въ свое время, чрезъ Финляндскій Сенатъ и чрезъ статсъ-секретаріатъ. Во главѣ послѣдняго состоялъ тогда баронъ

---

* См. выше, стр. 597—598.

** См. ниже, стр. 603—604.

Брунъ *, казалось бы, весьма свѣдущій русскій юристъ, проведшій почти всю свою жизнь на государственной службѣ Россіи, и, тѣмъ не менѣе, въ качествѣ Финляндца, онъ былъ увлеченъ съ должнаго пути давленіемъ финляндской среды,—и результаты у всѣхъ предъ глазами. Было бы крупною ошибкой думать что въ настоящее время это вліяніе финляндской интеллигентной среды будетъ менѣе сильно и настойчиво.

„Сдѣланнымъ теперь крупнымъ шагомъ въ признаніи государственныхъ правъ Россіи на Финляндію Русскій народъ во многомъ обязанъ гражданской доблести министра Юстиціи Н. А. Манасеина ** и главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ Э. В. Фриша. Это удостовѣряютъ и слова самого Манифеста.

„Тѣмъ съ большею увѣренностью возлагаемъ мы надежды на то что и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла столь крупной государственной важности какъ финляндское Уголовное Уложеніе, мужественная и просвѣщенная бдительность русскихъ государственныхъ дѣятелей не ослабнетъ, и что, какъ въ предложеніи Сейму, такъ и при окончательномъ разсмотрѣніи сеймовыхъ заключеній, высшая государственная идея будетъ стоять незыблемо на стражѣ правъ и интересовъ Россіи и Русскаго народа.“

Съ полнымъ сочувствіемъ приводя эти слова нашего корреспондента, не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не выразить надежды что, можетъ-быть, и въ дѣятельности предстоящаго Финляндскаго Сейма окажется поворотъ отъ мнимой къ дѣйствительной лойяльности, соотвѣтственно повороту, признаки коего можно уже усмотрѣть въ дѣйствіяхъ Финляндскаго Сената. Признаки такого поворота можно усмотрѣть пока въ слѣдующемъ:

Намъ уже двукратно приводилось отмѣчать рѣзкое различіе въ томъ какъ относится Финляндскій Сенатъ, титулуемый Императорскимъ, къ актамъ исходящимъ непосредственно отъ Высочайшей Власти, смотря по тому нравится ли ему Царское слово, или не нравится. Такъ, въ № 210 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1889 годъ, * былъ нами отмѣченъ слѣдующій фактъ:

Первый созванный въ Гельсингфорсѣ Сеймъ ознаменовался двумя рѣчами покойнаго императора Александра II: вопервыхъ, рѣчью произнесенною по-французски 6 (18) сентября 1863 года, при открытіи Сейма, и, вовторыхъ, рѣчью, за собственноручною его величества подписью, прочитанною по-русски 3 (15) апрѣля 1864 года, при закрытіи того же Сейма.

Первая изъ этихъ двухъ рѣчей, упоминавшая о ‹принципѣ конституціонной монархіи›, весьма понравилась господамъ финляндскимъ сенаторамъ,—и вотъ, помимо включенія ея въ протоколъ, подлежавшій въ послѣдствіи опубликованію, она была еще опубликована въ *Сборникѣ Постановленій* немедленно и съ надписью ‹Публиковать въ церквахъ›.

Вторая же царская рѣчь, въ которой почившій монархъ выражалъ ‹сожалѣніе о томъ что нѣкоторыя пренія Сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи›, говорилъ о ‹неразрывномъ соединеніи Финляндіи съ Россіей› и напоминалъ что Финляндцы должны стремиться ‹къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію тѣсной связи съ Россіей›, — эта

---

* См. выше, стр. 53—54.

** См. выше, стр. 531—532, 556.

* См. выше, стр. 131—134.

вторая царская рѣчь господамъ финляндскимъ сенаторамъ крайне не понравилась, и они не признали ея достойною ни немедленнаго опубликованія въ *Сборникѣ Постановленій*, ни постановки надъ нею надписи «Публиковать въ церквахъ». Рѣчь была только занесена въ протоколъ, а опубликованіе сего протокола (по-русски) состоялось лишь 25 февраля 1865 года, спустя почти цѣлый годъ послѣ прочтенія царскихъ словъ не пришедшихся по-сердцу финляндскимъ сенаторамъ.

Нѣчто въ томъ же родѣ повторилось и съ извѣстнымъ Высочайшимъ Манифестомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, отъ 31 мая (12 іюня) сего 1890 года. Этотъ Манифестъ, объединившій областныя финляндскія почтовыя учрежденія съ общегосударственными русскими, тоже не понравился гг. финляндскимъ сенаторамъ, — и вотъ, какъ и заявлено о томъ въ № 211 *Московскихъ Вѣдомостей* за сей годъ, * этому Манифесту тоже было отказано и въ немедленномъ помѣщеніи въ *Сборникѣ Постановленій* (онъ напечатанъ въ этомъ *Сборникѣ* лишь $^{6}/_{18}$ іюля, то-есть, съ промедленіемъ на цѣлыя пять недѣль), и въ надписаніи «Публиковать въ церквахъ»,—хотя таковыя надписанія щедро ставятся надъ всевозможными постановленіями, со включеніемъ и пресловутаго распоряженія «о пастьбѣ жеребятъ».... *

Но это было минувшимъ лѣтомъ, а въ текущемъ декабрѣ Финляндскій Сенатъ, повидимому, уже пришелъ къ убѣжденію что, по отношенію къ актамъ исходящимъ отъ Высочайшей Власти, тѣ поступки, которые онъ еще недавно считалъ для себя дозволенными и приличными, какъ бы входящими въ его конституціонныя права,—что такіе поступки, по своей явной и черезчуръ дерзновенной неумѣстности, допускаемы быть не могутъ. И намъ отрадно заявить что поведеніе Финляндскаго Сената по отношенію къ Манифесту 1 (13) декабря ни въ чемъ не напоминаетъ поведенія того же Сената по отношенію къ Манифесту 31 мая (12 іюня). Сенатъ на этотъ разъ,—по собственному ли почину, или по данному ему предписанію,—не умедлилъ напечатать Манифестъ въ № 27 *Сборника Постановленій*, поставивъ надъ Манифестомъ и надлежащее надписаніе: «Публиковать въ церквахъ».

Пожелаемъ же и будемъ надѣяться что и поведеніе сословныхъ представителей предстоящаго Сейма ни въ чемъ не будетъ напоминать прежнихъ сеймовъ. Раскаяніе никогда не поздно.

---

* См. выше, стр. 424—426.

* См. выше, стр. 77.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ чрезъ сіе:

Въ видахъ устраненія неудобствъ и затрудненій кои обусловливаются предстоящимъ 20 декабря 1890 года (1 января 1891 года) приведеніемъ въ дѣйствіе новаго Уголовнаго Уложенія Великаго Княжества Финляндскаго и дополнительныхъ къ сему Уложенію узаконеній, Мы возложили на министра Юстиціи и главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ войти въ сношеніе съ генералъ-губернаторомъ и министромъ-статсъ-секретаремъ Финляндіи относительно опредѣленія мѣръ которыя надлежало бы принять для достиженія означенной цѣли.

Нынѣ, одобривъ заключеніе выработанное по сему предмету въ особомъ совѣщаніи изъ упомянутыхъ выше лицъ, Мы признали за благо повелѣть:

1) Объ измѣненіи вновь изданныхъ для Финляндіи уголовныхъ узаконеній, въ чемъ сіе вызывается необходимостью, предложить земскимъ чинамъ созваннаго къ 8 (20) января 1891 года Сейма.

2) Приведеніе въ дѣйствіе сихъ узаконеній пріостановить впредь до утвержденія Нами представленія земскихъ чиновъ по указанному въ предшедшемъ пунктѣ предложенію.

3) Постановленія дѣйствующихъ законоположеній касающіяся производства дѣлъ, по преступленіямъ и проступкамъ совершаемымъ въ Имперіи жителями Великаго Княжества Финляндскаго и въ семъ краѣ жителями Имперіи, сохранить въ силѣ и по введеніи въ ономъ новаго Уголовнаго Уложенія, съ тѣмъ чтобы присутственныя мѣста и должностныя лица Финляндіи, при постановленіи и исполненіи приговоровъ о жителяхъ Имперіи, принимали въ соображеніе права и преимущества коими обвиняемые пользуются по законамъ Имперіи.

Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы сіе Собственноручно. Въ Гатчинѣ 1 (13) декабря 1890 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

Контрасигнировалъ: Министръ-статсъ-секретарь К. ЭРНРОТЪ.

НЕПОНЯТНОЕ ЗАМАЛЧИВАНІЕ

ВЫСОЧАЙШАГО МАНИФЕСТА.

(Передовая статья № 342 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 10 декабря.

Сѣверное Телеграфное Агентство снова заставляетъ говорить о себѣ: что̀ оно такое, чье, кому и чему служитъ?

Совершается актъ величайшей важности. Государь Императоръ властнымъ словомъ Своимъ ограждаетъ Русскихъ людей, Россію и ея государственные интересы отъ тяжкихъ обидъ которыя были уготованы имъ сочиненнымъ въ Финляндіи «Уголовнымъ Уложеніемъ»,—и что̀ же? *Сѣверное Телеграфное Агентство* безмолвствуетъ. Оно и само какъ бы знать не хочетъ, и Русскихъ людей оставляетъ въ невѣдѣніи совершившагося...

Цѣлую недѣлю тому назадъ, 3 (15) декабря, Высочайшій Манифестъ опубликовывается въ официальной *Finlands Allmänna Tindning*, * а *Агентство*—ни слова, ни одного удара телеграфнаго аппарата. Финляндскія газеты начинаютъ дерзкую агитацію, успѣваютъ уже указать публикѣ магазины гдѣ пріобрѣтать для демонстраціи надлежащія траурныя одѣянія. Мы успѣваемъ *по почтѣ* получить официальныя и неофиціальныя финляндскія газеты, а *Агентство*—ни гу-гу. *Почта* приноситъ свѣдѣнія являющіяся для Россіи новостью изъ новостей, а *Телеграфное Агентство* молчитъ и молчитъ!...

Что̀ же это, наконецъ, значитъ? Чѣмъ объяснить такое невѣроятное поведеніе «русскаго» *Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства*?

Или ужъ весь его наличный рабочій персоналъ до такой степени занятъ извѣстными искусными извращеніями рѣчей императора Германскаго * что ему положительно

* См. выше, стр. 597—599.

* Поведеніе *Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства* все болѣе и болѣе возбуждаетъ не-

недосугъ остановить вниманіе даже на Манифестѣ Русскаго Царя?

Нѣтъ, тяжело уживаться съ такимъ, фактически монопольнымъ, телеграфнымъ агентствомъ которое цѣлые годы, чуть не изо дня въ день, наводняло и наводняетъ русскія газеты муссированными, спѣшными извѣстіями о томъ когда, какъ и при какихъ обстоятельствахъ чихнулъ или зѣвнулъ Фердинандъ Кобургскій, какихъ политическихъ событій и переворотовъ можно или слѣдуетъ ожидать отъ прыщика вскочившаго на носу Стамбулова, и—не только не спѣшитъ сообщить, а находитъ вовсе не нужнымъ и не интереснымъ сообщать русской публикѣ вѣсть о о многознаменательномъ актѣ Русской Самодержавной Власти, о Высочайшемъ Манифестѣ!

Что же это такое? Случайный ли промахъ, обычная ли, непростительная, халатная небрежность, или ужъ какая-нибудь необъяснимая система дѣйствій?

Вѣдь уже не въ первый разъ зарекомендовываетъ себя *Сѣверное Агентство* подобнымъ образомъ—и именно по отношенію къ актамъ Высочайшей Воли, и именно по отношенію къ актамъ касающимся Финляндіи.

Въ январѣ сего 1890 года, именно 15 (27) числа, въ той же офиціальной *Finlands Allmänna Tidning* было возвѣщено Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи извѣстныхъ Гейденовскихъ коммиссій по вопросамъ о таможенномъ, монетномъ и почтовомъ объединеніи Финляндіи съ Имперіей *. Сочло ли *Агентство*, со своими агентами и распорядителями, такую вѣсть достойною того чтобы поторопиться передачей ея русской публикѣ? Нѣтъ, оно спохватилось

удовольствіе печати. Касаясь недавней фальсификаціи рѣчи императора Вильгельма, *Варшавскій Дневникъ* замѣчаетъ:

„Но *Сѣверное Агентство* не только въ подобныхъ случаяхъ заставляетъ газеты задавать себѣ вопросъ какъ имъ быть и помочь себѣ въ этой трудной задачѣ имѣть телеграфныя сообщенія вѣрныя, точныя, немногословныя и аккуратныя, подобранныя съ умомъ и согласно съ потребностями минуты.“

Въ циркулярныхъ или общихъ телеграммахъ *Агентства*, говоритъ газета,—

„все зависитъ отъ произвола или вкуса агентовъ. И вотъ, вздумается *Сѣверному Агентству* разослать поддѣльную телеграмму, какъ это недавно случилось съ извлеченіемъ изъ рѣчи Германскаго императора, или какъ это случилось со сказаніемъ столичныхъ газетъ о слухахъ будто образуется Холмская губернія, о чемъ мы получили, кажется, цѣлыя двѣ депеши въ свое время, *которыхъ, конечно, не печатали*, или сообщить въ Варшаву телеграмму изъ Варшавы же, иногда даже составленную по сообщеніямъ варшавскихъ газетъ,—и редакціи получаютъ, само собою разумѣется, никуда негодный матеріалъ. Бываетъ и такъ что циркулярныя депеши представляютъ собою весьма лаконическія сообщенія о событіяхъ имѣющихъ особенно важное значеніе, а иногда получаются свѣдѣнія только о невыдающихся фактахъ и вовсе умалчивается о важныхъ.“

Въ спеціальныхъ депешахъ, продолжаетъ газета, точно также—

„нерѣдко допускается удивительный произволъ. Намъ случалось получать одну за другой телеграммы, одну на иностранномъ, а другую въ переводѣ на русскомъ языкѣ; плата, конечно, взимается по договору за слово, съ каждой, слѣдовательно, двойная.“

Что еще хуже:

„однѣ газеты пользуются его благоволеніемъ и получаютъ вовремя извѣстія, интересами же другихъ *Агентство* какъ будто пренебрегаетъ.“

Приводя примѣры такого „неблаговоленія“ *Агентства* къ *Варшавскому Дневнику*, газета замѣчаетъ:

„Не пора ли петербургской журналистикѣ и капиталистамъ основать новое *Телеграфное Агентство* и хоть немного облегчить узы и тиски провинціальной русской печати и всѣхъ тѣхъ кто желаетъ и можетъ пользоваться услугами телеграфа для того чтобы наблюдать за ходомъ жизни?...“

(*Моск. Вѣд.* 1890, № 344, отъ 13 декабря).

* См. выше, стр. 157—158.

только черезъ пять дней и послало изъ Петербурга свою убогую телеграмму о возвѣщенной Царской волѣ лишь 20 января.

Тогда, отмѣчая это агентское безобразіе, мы (*Моск. Вѣд.* № 24) * ограничились лишь слѣдующимъ ироническимъ замѣчаніемъ:

Быстрота телеграфныхъ сношеній, опредѣляемая для разстоянія между Гельсингфорсомъ и Петербургомъ *пятью днями*, позволила *Сѣверному Телеграфному Агентству* оповѣстить и русскую публику *вкратцѣ* о томъ, о чемъ публика финляндская была оповѣщена, много *пространнѣе*, пятью днями ранѣе.

Но можно ли ограничиться подобною легкою ироніей въ настоящемъ случаѣ, въ виду замалчиванія *Агентствомъ*—въ теченіе цѣлой недѣли—Высочайшаго Манифеста?

Молчитъ о Манифестѣ *Сѣверное Телеграфное Агентство*, молчатъ о немъ цѣлые семь дней и разные наши «органы прессы». Ну, и пусть ихъ. Но крайне прискорбно что этотъ Манифестъ, которымъ съ высоты Русскаго Престола засвидѣтельствовано Высочайшее вниманіе къ русскимъ правамъ, къ государственному достоинству Россіи и къ ея національному чувству, — Манифестъ, которымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвѣщено одобренное самимъ Царемъ исполненіе Его вѣрными слугами, русскими государственными людьми, Высочайше возложеннаго на нихъ порученія, — крайне прискорбно что этотъ Манифестъ, опубликованный финляндскою областною офиціальною газетой, замедленъ опубликованіемъ въ общегосударственной русской офиціальной газетѣ... Казалось бы, опубликованіе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* столь важнаго для всей Россіи государственнаго документа должно предшествовать опубликованію его въ какой бы то ни было провинціальной газетѣ.

Невозможно допустить чтобы причина сего прискорбнаго факта крылась въ чемъ-либо зависящемъ отъ редакціи *Правительственнаго Вѣстника*, или отъ того вѣдомства при которомъ онъ издается. Возможно тутъ, полагаемъ, только одно объясненіе—неполученіе редакціей русскаго офиціальнаго изданія надлежащаго офиціальнаго сообщенія отъ Финляндскаго статсъ-секретаріата. А между тѣмъ подобнымъ сообщеніемъ сей статсъ-секретаріатъ, думаемъ, нисколько не принизилъ бы своего значенія: *Правительственный Вѣстникъ*, хотя и издается при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, не есть, однако, органъ одного только этого вѣдомства,— это органъ всѣхъ русскихъ правительственныхъ вѣдомствъ и, стало-быть, долженъ бы быть органомъ также и пребывающаго въ русской столицѣ статсъ-секретаріата, представляющаго собою не что иное какъ русское правительственное вѣдомство по управленію Финляндскою областью Россіи.

* См. выше, стр. 159.

РУССКІЙ СѢВЕРЪ

И

ФИНЛЯНДСКІЕ АППЕТИТЫ.

Письмо къ издателю «Московскихъ Вѣдомостей». *)

М. г.,—Не безъ изумленія прочиталъ я въ № 299 *Московскихъ Вѣдомостей* нижеслѣдующую отповѣдь *стремленію Финляндцевъ построить желѣзную дорогу отъ Выборга къ Бѣлому Морю*, то-есть, вѣроятно, къ Сумскому посаду, или къ городу Кеми:

Мы слышали что Финляндцы снова возбуждаютъ вопросъ о проведеніи желѣзной дороги отъ Выборга чрезъ Сентъ-Михель и Повѣнецъ къ Бѣлому Морю. Говорятъ что значительная компанія мѣстныхъ капиталистовъ прислала въ Петербургъ депутацію ходатайствовать предъ правительственными учрежденіями по этому вопросу. Мы не сомнѣваемся, однако, что это настойчивое домогательство будетъ и на этотъ разъ отклонено, *какъ вредящее Петербургу*, отъ котораго, въ противномъ случаѣ, отошла бы къ финляндскимъ портамъ бо́льшая часть транзита. Гораздо больше пользы для всей Россіи принесетъ *соединеніе Архангельска* рельсовымъ путемъ *съ Москвой и Поволжскимъ бассейномъ*, о чемъ вопросъ поднятъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія, которое по этому поводу вноситъ особый докладъ въ Комитетъ Министровъ.

Здѣсь редакція *Московскихъ Вѣдомостей* видимо не замѣтила или не пожелала высказать сущность финляндскихъ видовъ во всемъ ихъ объемѣ. Постараюсь выяснить что здѣсь *дѣло идетъ* вовсе *не объ отвлеченіи части торговли отъ Петербурга* къ финляндскимъ портамъ, а *о захватѣ Мурманскаго берега*, то-есть о подрывѣ морскаго могущества Россіи на Сѣверномъ Океанѣ.

Теперь, когда болѣе прежняго думаютъ о національныхъ задачахъ Россіи, представляется надежда на устройство, если не *военнаго порта*, то *значительной морской станціи на Мурманскомъ берегу*,—пункта, который далъ бы опору для развитія и защиты русской колонизаціи на побережьяхъ Сѣвернаго Океана. Но, очевидно, такой военный портъ или морская станція, какіе бы милліоны ни затратило правительство на ихъ учрежденіе, будетъ такою же безполезною для русскаго могущества мѣрой какъ блаженной памяти *береговая черноморская линія* (которая была снята нами предъ Крымской войной, и

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 343, отъ 12 декабря.

отъ которой не осталось не только полезныхъ результатовъ, но и малѣйшихъ слѣдовъ), если будущій сѣверный портъ не будетъ состоять въ тѣсной связи со всѣми прибрежными поселеніями и съ центральною Россіей. А эта *тѣсная связь можетъ быть достигнута* только постройкой *желѣзной дороги* которая соединила бы будущій портъ, чрезъ Кемь и Сумскій посадъ, съ нашею желѣзнодорожною сѣтью.

Лучшимъ направленіемъ для такой линіи было бы: *Кемь, Сумскій посадъ, Повѣнецъ, Петрозаводскъ, Лодейное Поле Новая Ладога* и *Тосна*. По такой дорогѣ, построенной казною, двинется изъ Петербурга и вообще изъ Россіи рабочее населеніе, то-есть *русская колонизація*, которой мы до сихъ поръ не можемъ привлечь на побережья Сѣвернаго Океана, почему *вынуждены* дозволять селиться тамъ Норвежцамъ и Финляндцамъ.

Вынуждены! Мы не хотимъ видѣть одного, что эта печальная необходимость вызывается лишь *фактическою невозможностью добраться* сюда *русскому человѣку*, вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія изъ внутренней Россіи. Если же мы построили бы сюда желѣзную дорогу, по указанному направленію, она не только не отвлекла бы отъ Петербурга части торговаго движенія, но напротивъ, увеличила бы таковое, введя въ районъ нашего главнаго сѣвернаго и даже центральнаго московскаго рынка обширную страну, нынѣ недоступную для нашей эксплуатаціи, а между тѣмъ представляющую выгодный рынокъ не только для нашихъ фабричныхъ, но и для земледѣльческихъ произведеній, даже для хлѣба, который тамъ не растетъ. По этой дорогѣ повезутъ на петербургскій и московскій рынки добычу рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ и продадутъ тамъ съ выгодой. По этой дорогѣ повезутъ изъ Петербурга дешево доставленный водой хлѣбъ, а также соль, паруса, канаты, гвозди, желѣзныя подѣлки для судостроенія, якоря, цѣпи, словомъ, все, что можетъ облегчить сооруженіе коммерческаго флота и улучшить удобства жизни и благосостоянія прибрежныхъ жителей.

Безъ этого нельзя усилить населеніе на Мурманѣ и побережьѣ Бѣлаго Моря и дать ему наконецъ *русскій характеръ*, чему именно желаютъ противодѣйствовать Финляндцы, не отсѣявшіеся домогаться чтобъ имъ отдали лучшую часть Мурманскаго берега, съ землями отдѣляющими его отъ современной границы Финляндіи.

Эта затѣя, какъ извѣстно, потерпѣла фіаско: Финляндцамъ не удалось водворить свою колонизацію на лучшей части Мурманскаго берега, но они видимо не унываютъ, разчитывая на наше добродушіе и индифферентность къ политическимъ задачамъ будущаго, а потому и начинаютъ прежнюю исторію, прежнюю затѣю, только съ другаго конца, какъ будто бы это совсѣмъ новое предложеніе. Но если финляндская дорога даже *подъ самымъ столичнымъ городомъ Петербургомъ* служитъ для насажденія финляндской колонизаціи и культуры съ цѣлью прибавить силы такъ-называемому „финляндскому государству“, то каждому должны быть вполнѣ *понятны неизбѣжныя послѣдствія* того если *финляндская дорога отъ Выборга зигзагомъ* чрезъ С.-Михель (то-есть удалившись отъ Петербурга и приблизившись ко всѣмъ приморскимъ и промышленнымъ городамъ Финляндіи) направится на Повѣнецъ и *Бѣлое Море, захвативъ въ сферу финляндскаго вліянія добрую часть Архангельской губерніи.*

Пріобрѣтая полную возможность прочно водворить свою колонизацію по проектируемой ими желѣзнодорожной линіи, откуда она распространится далѣе на весь Мурманскій берегъ, Финляндцы этою проектируемою желѣзною дорогой отрѣжутъ отъ Россіи весь ея сѣверъ. Дорога эта представитъ какъ бы стволъ того *дерева* финляндскаго могущества которое быстро разрастется на Мурманскомъ берегу, захватывая отъ С.-Михеля сѣтью желѣзныхъ дорогъ, какъ бы корнями, всю почву „финляндскаго государства“ и наиболѣе населенные, промышленные и торговые его города. Если русскихъ коробейниковъ не пускаютъ черезъ финляндскую границу, а русскіе пассажиры испытываютъ всякія трудности и непріятности

при поѣздкахъ по финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ и таможнямъ,—то дорога, построенная съ политическою цѣлью, очевидно самымъ основательнымъ образомъ отрѣжетъ наши побережья на Сѣверномъ Океанѣ отъ остальной Россіи и предоставитъ всю отрѣзанную часть безраздѣльно эксплуатаціи „финляндскаго государства“.

На основаніи всѣхъ этихъ аргументовъ должно думать что настойчивое домогательство Финляндцевъ вредно *не только торговому значенію Петербурга*, но еще болѣе *вредно для общегосударственныхъ интересовъ Россіи*, а потому и требуетъ самаго энергическаго противодѣйствія съ русской стороны.

Авторъ вышеприведенныхъ строкъ, напечатанныхъ въ вашей газетѣ, находитъ что, вмѣсто соединенія Петербурга съ Бѣлымъ Моремъ, будетъ полезнѣе для нашего сѣвера и для всей Россіи *соединеніе Архангельска съ Москвою и поволжскимъ бассейномъ*. Нѣтъ, конечно, возможности отрицать великаго значенія для сѣвера Россіи постройки желѣзной дороги изъ Казани до Котласа, но, при томъ колоссальномъ пространствѣ которое занимаетъ сѣверъ Россіи, нѣтъ также возможности думать чтобъ *одна желѣзнодорожная линія могла удовлетворить всѣ потребности этой обширной страны и осуществить всѣ многочисленныя политическія и торговоэкономическія задачи правительства въ этомъ краѣ*.

Очевидно, напримѣръ, что постройка желѣзной дороги изъ Казани въ Котласъ возстановитъ хоть отчасти прежнее значеніе Архангельска, но она нисколько не оградитъ интересы Россіи на Мурманскомъ берегу отъ посягательства смѣлыхъ финляндскихъ политикановъ. Этому можетъ воспрепятствовать лишь то что они считаютъ самымъ могущественнымъ средствомъ для достиженія вѣрнаго успѣха своей интриги, именно: *постройка желѣзной дороги къ Бѣлому Морю*,—только *не отъ Выборга* и всѣхъ финляндскихъ портовъ лежащихъ на Финскомъ заливѣ, а *отъ Петербурга* или, правильнѣе, отъ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ Петрозаводскъ на Сумскій посадъ и Кемь.

О важности этой линіи былъ читанъ въ Обществѣ Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ особый докладъ, подъ заглавіемъ: „О развитіи сѣвера Россіи“, напечатанный въ XIV томѣ *Трудовъ Общества* (Петербургъ, 1884), но его, разумѣется, постигла та же участь какъ и всѣ прочія патріотическія благопожеланія объ удовлетвореніи нашихъ національныхъ нуждъ и потребностей: онъ давно забытъ.

Н. Ш.

Тифлисъ, 20 ноября 1890.

РУССКІЯ ГИМНАЗІИ
ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“. *

Гельсингфорсъ, 1 декабря.

Въ Гельсингфорсѣ, какъ извѣстно, имѣются русскія мужская и женская гимназіи, единственныя (за исключеніемъ развѣ Выборгской губерніи) русскія среднія учебныя заведенія въ этомъ краѣ—нашемъ, но столь чуждомъ намъ по языку, нравамъ, обычаямъ и религіи. Уже одно это обстоятельство даетъ до извѣстной степени право предполагать что эти два учебныя заведенія стоятъ на высотѣ своего призванія, что, — являясь среди подрастающаго русскаго поколѣнія Финляндіи насадителями и проводниками не только свѣта просвѣщенія, но и русскаго духа, русскаго образа мыслей и любви къ своей родинѣ, Россіи,—гимназіи эти соотвѣтственнымъ образомъ обставлены учебнымъ персоналомъ и снабжены надежными руководителями.

Весьма естественно предполагать что на этой окраинѣ, которая, вдобавокъ, не очень-то расположена къ Россіи и не только будируетъ, но нерѣдко фактически выказываетъ свое къ ней недоброжелательство,—естественно предполагать что на такой окраинѣ весь составъ преподавателей подобранъ особенно осмотрительно, что при назначеніи лицъ въ Александровскую гимназію въ Гельсингфорсѣ обращалось особое вниманіе не на одну только основательность знаній посылаемыхъ туда лицъ, но не упускались изъ виду также и ихъ политическіе взгляды вообще, а по отношенію къ Финляндіи въ особенности,—не говоря уже, конечно, про *обязательное, коренное и основательное, знаніе ими русскаго языка.*

Таковы должны быть апріорныя сужденія всякаго здравомыслящаго человѣка, таковы тѣ предположенія которыя ни на минуту не покидаютъ человѣка истинно-Русскаго, которому впервые приходится имѣть какое-либо дѣло съ этими русскими учебными заведеніями. Подобныя предположенія, вполнѣ осно-

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 344, отъ 13 декабря.

вательныя по отношенію ко всякому русскому учебному заведенію, имѣютъ за собой еще болѣе основаній именно въ Финляндіи, гдѣ, какъ извѣстно, и безъ того сильная партія сепаратистовъ дѣйствуетъ съ энергіей, достойною лучшаго примѣненія, въ направленіи совершенно противномъ интересамъ Россіи, не пренебрегая для достиженія своихъ цѣлей никакими средствами, не стѣсняясь вербовать въ свои ряды лицъ всѣхъ народностей, всѣхъ классовъ и всѣхъ возрастовъ безъ исключенія.

Такія мысли лелѣяли мы въ своемъ воображеніи когда проѣзжали мимо прекраснаго зданія Александровской классической гимназіи. „Вотъ мѣсто откуда выйдутъ будущіе проповѣдники и бойцы русскаго дѣла въ Финляндіи“, думалось намъ невольно. „Вотъ откуда Русскіе, заброшенные въ Финляндію и притѣсняемые въ покоренной ими провинціи зазнавшимися побѣжденными,— вотъ откуда Русскіе будутъ постоянно черпать новыя и новыя силы для болѣе успѣшной нравственной борьбы со лжепатріотами-сепаратистами. Вотъ тѣ молодыя свѣжія силы которыя будутъ ратовать за русскую правду, за историческую истину“, думалось намъ, когда приходилось встрѣчаться съ питомцами этого учебнаго заведенія...

Но, при первомъ же знакомствѣ съ нимъ, всѣ радужныя мечты наши разлетѣлись какъ дымъ, и дѣйствительность оказалась ниже самыхъ скромныхъ даже ожиданій.

Составъ преподавателей заведенія, не оставляющій желать, можетъ-быть, ничего лучшаго въ научномъ отношеніи,— этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ,—не удовлетворяетъ, однако, необходимымъ требованіямъ съ иной стороны.

Что можно, дѣйствительно, сказать, если станетъ извѣстнымъ что значительный процентъ учителей въ этой „*русской*“ гимназіи—люди съ не-русскими фамиліями и даже—horribile dictu!— не совсѣмъ владѣющіе русскою рѣчью? Что можно возразить намъ, если мы скажемъ что, напримѣръ, *учитель русскаго языка*, то-есть преподаватель наиболѣе важнаго предмета въ гимназіи подобной Гельсингфорсской, не только носитъ чисто-нѣмецкую или шведскую фамилію (Дамбергъ), не только воспитанникъ нѣмецкаго Дерптскаго университета, но даже по-русски говоритъ, ео ipso, настолько не удовлетворительно что Пушкина называетъ, напримѣръ, *Пючкинъ*, и т. п.?

Это уже такой фактъ далѣе котораго некуда идти. Если ужь преподаватель русскаго языка въ русской гимназіи говоритъ *Пючкинъ*, или нѣчто въ родѣ того,—притомъ, замѣтьте, въ краѣ, гдѣ и безъ того русская рѣчь на улицѣ заставляетъ васъ оборачиваться и присматриваться какъ за границей, до того она рѣдко слышна въ Финляндіи,— если такого учителя держатъ въ учебномъ заведеніи находящемся въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, то что же дальше возможно еще въ этомъ направленіи?

Съ грустію приходится намъ писать объ этихъ фактахъ, которые бьютъ въ глаза своею ненормальностію и такъ прискорбны для русскаго національнаго чувства, особенно въ виду всеобщаго подъема русскаго духа и русскаго самосознанія въ Финляндіи за послѣдніе два года.

Заговоривъ о мужской Александровской гимназіи, нельзя обойти молчаніемъ и гимназію женскую, которая, хотя и не играетъ въ краѣ столь важной роли какая выпала на долю первой, однако, также не лишена извѣстнаго значенія въ смыслѣ нѣкотораго вліянія на русскую политику въ Финляндіи. Всякій согласится что женщины играютъ не послѣднюю роль въ жизни человѣческой вообще, а въ ходѣ историческихъ событій и въ политикѣ въ частности: на это есть масса примѣровъ въ исторіи, да, впрочемъ, это настолько извѣстная истина что ея даже никто никогда не оспаривалъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Дѣвушка, какъ будущая жена и мать, можетъ являться во многихъ вопросахъ жизни до извѣстной степени тѣмъ deus ex machina который за кулисами приводитъ въ дѣйствіе сложные механизмы невидимые простому зрителю, но безъ коихъ пропала бы самая сущность дѣла...

Припомните хоть иныхъ Русскихъ женатыхъ на Полькахъ.

Въ виду такихъ соображеній, и на женское воспитаніе въ извѣстномъ направленіи слѣдуетъ обращать хотя бы нѣкоторое вниманіе во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, а въ Финляндіи, по соображеніямъ высказаннымъ выше, въ особенности.

Воспитательное и руководящее значеніе въ женской гимназіи имѣетъ по преимуществу, конечно, начальница ея, которая одна можетъ давать тонъ всему персоналу классныхъ дамъ и вообще всему заведенію, отъ личныхъ взглядовъ и симпатій которой зависитъ то или иное направленіе всего ввѣреннаго ей учебнаго заведенія,—нерѣдко только въ мелочахъ,—но въ дѣлѣ воспитанія юношества нѣтъ мелочей. Вліяніе начальницы гимназіи подчасъ сказывается съ ея стороны совершенно непроизвольно, помимо ея желанія и нерѣдко безъ ея вѣдома. Что такое вліяніе существуетъ, объ этомъ не можетъ быть и спора, если только начальница не есть полная бездарность, полное ничтожество, что̀ уже почти немыслимо у насъ, гдѣ выборъ начальницъ производится всегда съ нѣкоторымъ вниманіемъ и осмотрительностію. Итакъ, отъ соотвѣтственнаго выбора начальницы гимназіи до извѣстной степени зависитъ, хотя бы съ перваго взгляда и ничтожное, вліяніе на дѣло воспитанія ввѣренныхъ ея попеченію дѣвушекъ, вліяніе, которое нерѣдко имѣетъ рѣшающее значеніе для всей будущности кончившихъ курсъ заведенія, и которое придастъ подчасъ ту или иную окраску убѣжденіямъ, взглядамъ и симпатіямъ вышедшихъ изъ рукъ этой начальницы будущихъ женъ, матерей, сестеръ...

Начальницей Гельсингфорсской женской гимназіи состоитъ теперь почтенная дама, но чистокровная Нѣмка, госпожа Паулина Гутъ. Боже насъ сохрани осуждать въ чемъ-либо гжу Паулину Гутъ на это мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, ни какого-либо повода, да, наконецъ, ни малѣйшаго желанія. Можетъ-быть, гжа Гутъ является образцомъ добродѣтелей, ума, знаній, образованности и т. п.; можетъ-быть, она какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ,—все это намъ неизвѣстно, и, съ другой стороны, вѣроятно до тонкости извѣстно кому вѣдать надлежитъ,—но, повторяемъ, уже однѣ ея имя и фамилія, *сопоставленныя съ ея религіей и происхожденіемъ*, невольно заставляютъ вкрадываться въ вашу душу чувства недовѣрія къ ней, къ ея *русской* стойкости,—видя ее, такъ сказать, на боевомъ посту за русское дѣло среди мѣстной интеллигенціи враждебной всему русскому.

Все высказанное нами по этому поводу—не наше только личное пожеланіе, а выраженіе вожделѣній многихъ чисто-Русскихъ людей въ краѣ. Это—мысль при всякомъ удобномъ случаѣ высказываемая всѣми не по фамиліямъ только Русскими людьми, близко принимающими къ сердцу интересы Россіи въ Финляндіи и хорошо знающими положеніе дѣла. Насъ могутъ упрекнуть въ преувеличеніи и въ утрировкѣ, но намъ кажется что въ вопросахъ гдѣ затронуты интересы нашей родины, гдѣ рѣчь идетъ о вредѣ который такъ или иначе можетъ быть нанесенъ ей въ извѣстномъ случаѣ, нѣтъ такой мелочи, нѣтъ такого незначительнаго, само по себѣ, обстоятельства которое не пріобрѣтало бы выдающагося значенія, коль скоро оно хоть сколько-нибудь можетъ неблагопріятно вліять на ту или другую сторону русской жизни, русскаго значенія, русскаго могущества и величія...

Л. П.

ФИНЛЯНДЦЫ И РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

(Передовая статья № 345 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 13 декабря.

Народонаселеніе въ Финляндіи распадается на двѣ далеко не равныя части: на Шведовъ (около $^1/_5$ всего населенія) и на Финновъ. Шведамъ, до школьнаго ихъ обученія, совершенно незнакомъ и чуждъ языкъ финскій, а Финнамъ точно также незнакомъ и чуждъ языкъ шведскій. Только поступая въ школу, дѣти знакомятся съ другимъ туземнымъ языкомъ, который финляндскими сепаратистами нелѣпо называется «другимъ *отечественнымъ* языкомъ». На изученіе этого «другаго отечественнаго языка» въ каждой низшей и средней финляндской школѣ затрачивается масса учебнаго времени, дабы сообщить учащимся не только теоретическое знаніе, но и практическое умѣніе владѣть этимъ вторымъ «отечественнымъ» языкомъ.

Какой смыслъ этого явленія? Зачѣмъ, напримѣръ, Финнамъ, составляющимъ значительное большинство населенія Финляндіи, усиленно изучать языкъ меньшинства, Шведовъ?

Объяснить это исключительно практическими цѣлями никакъ нельзя, ибо въ практическомъ отношеніи для каждой изъ двухъ разноплеменныхъ частей населенія Финляндіи русскій языкъ оказался бы нужнѣе чѣмъ незнакомый другой туземный языкъ. Обучай финляндская школа русскому языку до той степени знанія до какой она обучаетъ Финновъ шведскому, а Шведовъ финскому, и—какъ Шведы, такъ и Финны будутъ имѣть средство не хуже чѣмъ теперь сообщаться другъ съ другомъ, да сверхъ того получатъ еще возможность, которой теперь у нихъ нѣтъ,—возможность болѣе близкаго и непосредственнаго сношенія съ тою страной съ которою всего тѣснѣе связаны практическіе и матеріальные интересы Финляндіи—съ Россіей.

Но если не практическія, то еще менѣе педагогическія, воспитательныя соображенія могутъ заставлять Финляндцевъ предпочитать въ своей школѣ изученіе другаго туземнаго языка языку русскому. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить что

изученіе русскаго языка и труднѣе, и менѣе воспитательно для Финна чѣмъ изученіе шведскаго, а для Шведа—труднѣе и менѣе воспитательно чѣмъ изученіе финскаго.

Русскій языкъ, въ качествѣ языка арійскаго, есть языкъ родственный шведскому, не то что финскій, принадлежащій совсѣмъ къ иному семейству языковъ. Въ силу этого, Шведу гораздо легче изучить языкъ русскій чѣмъ финскій, который онъ теперь изучаетъ; а Финну русскій языкъ, какъ языкъ наиболѣе молодой и свѣжій изъ арійскихъ, долженъ быть легче чѣмъ такой отвлеченный, засушенный языкъ какъ шведскій.

Къ тому же, какъ-ни-какъ, а все-таки знаніе языка великаго народа, играющаго одну изъ первостепенныхъ ролей въ современной всемірной исторіи, должно быть во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе знанія языка такой сравнительно малозначительной страны какъ Швеція.

Что касается до содержательности и воспитательности русской словесности, то она, имѣя общеевропейское значеніе, конечно, не уступитъ шведской, а тѣмъ болѣе финской, которой даже, можно сказать, и не существуетъ: не далѣе какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, еще сами Финляндцы спорили и сомнѣвались относительно годности финскаго языка даже для преподаванія въ школахъ...

Итакъ, чрезвычайное усердіе финляндской школы въ обученіи своихъ воспитанниковъ неизвѣстному имъ до вступленія въ школу другому «отечественному», а не русскому, языку не можетъ быть объяснено ни практическими, ни педагогическими соображеніями Финляндцевъ. Оно объясняется совершенно иначе. Русскій языкъ, по толкованію финляндскихъ педагоговъ, есть де «чуждый языкъ» для Финляндца, тогда какъ оба де туземные языки ему «отечественные», несмотря на то что одинъ изъ нихъ становится извѣстнымъ Финляндцу лишь по вступленіи его въ школу.

Такимъ образомъ, подъ «отечественнымъ» языкомъ Финляндцы разумѣютъ не родной материнскій и отцовскій, природный языкъ, а, насколько можно судить, языкъ людей живущихъ подъ однимъ юридическимъ правомъ. Русскій языкъ оказывается «чуждымъ» для Финляндцевъ языкомъ, потому что онъ есть языкъ людей пользующихся другими юридическими правами чѣмъ Финляндцы. Какъ видно, финляндская школа, такимъ образомъ, вовсе не чуждается политики.

«Знаніе одного изъ туземныхъ языковъ»,—говорятъ намъ финляндскіе педагоги,—«не можетъ быть замѣнено знаніемъ чужаго русскаго языка, какія бы преимущества отъ этого ни оказались»; «Только при нормальныхъ условіяхъ»,—прибавляютъ другіе изъ этихъ педагоговъ,—«только при полномъ сохраненіи законовъ и гражданской свободы можетъ русскій языкъ войти въ употребленіе въ Финляндіи». Другими словами, если вѣрить Финляндцамъ, русскій языкъ никогда не замѣнитъ въ финляндской школѣ для Финна совершенно ему неизвѣстнаго языка—шведскаго, а для Шведа—финскаго, какія бы преимущества ни представляла таковая замѣна. Русскому языку въ Финляндіи, даже въ лучшемъ случаѣ, предстоитъ войти только въ нѣкоторое употребленіе, да и то лишь подъ условіемъ «полнаго сохраненія законовъ и гражданской свободы» Финляндцевъ...

Но вѣдь извѣстно что школьная организація и законодательство, со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи, всегда составляли и составляютъ прерогативу Русскаго Царя... И, тѣмъ не менѣе, успѣшность распространенія русскаго языка,—мыслимая главнымъ образомъ, особенно

для Финляндцевъ, чрезъ посредство школы,—стоитъ, по заявленію финляндскихъ педагоговъ, будто бы въ зависимости отъ какого-то «полнаго дѣйствія законовъ и гражданской свободы Финляндцевъ»!

Такое различеніе дѣйствій Государя отъ «полнаго дѣйствія законовъ и гражданской свободы Финляндцевъ» основается на той, уже давно высказанной профессоромъ Доннеромъ, а затѣмъ подхваченной всѣми либеральными Финляндцами, мысли что законодательная прерогатива Русскаго Императора въ школьныхъ дѣлахъ Финляндіи есть будто бы незаконная узурпація Русскихъ Государей, потому что де шведскіе короли въ дѣлахъ школьной организаціи и законодательства были ограничены сеймами. Словомъ, Финляндцы разсуждаютъ приблизительно такъ: пусть Русское государство поступится въ пользу нашихъ сеймовъ своимъ правомъ школьнаго законодательства: тогда школьное дѣло будетъ де развиваться при условіяхъ «полнаго сохраненія законовъ и гражданской свободы Финляндцевъ»... ну, и — тогда русскій языкъ можетъ разчитывать, при возрастающей въ немъ потребности, войти въ нѣсколько бо́льшее чѣмъ нынѣ употребленіе въ Финляндіи.

Софистика такого рода отличается больше наглостію чѣмъ остроуміемъ. Если теперь господа Финляндцы считаютъ русскій языкъ «*чуждымъ*» и непопулярнымъ для своей школы и страны, въ силу того что Русскіе—люди другихъ гражданскихъ и «политическихъ» правъ чѣмъ они, то, спрашивается, какимъ же образомъ русскій языкъ сдѣлается популярнѣе въ Финляндіи, когда она, оттягавъ у Русскихъ Царей ихъ право въ пользу своихъ сеймовъ, еще болѣе отдѣлится отъ Россіи, какъ «конституціонное *государство*», о чемъ собственно и мечтаютъ такъ горячо финляндскіе «патріоты»?

Нѣтъ, чтобы русское слово въ Финляндіи перестало быть чуждымъ, нужны отнюдь не поблажки сепаратистскимъ бреднямъ отдѣльныхъ лицъ. Русское слово не должно быть имъ чуждымъ, потому что оно слово Монарха, Котораго сами Финляндцы, когда это имъ нужно, называютъ своимъ благодѣтелемъ; потому что это слово есть слово того народа который даетъ Финляндіи историческую жизнь; потому, наконецъ, что сами Финляндцы клялись составлять съ Россіей на вѣки одно государственное цѣлое, которое съ теченіемъ времени должно, конечно, все болѣе и болѣе скрѣпляться и вызвать въ Финляндіи потребность въ русскомъ языкѣ, какъ языкѣ общегосударственномъ. И эта потребность скажется, естественно, тѣмъ сильнѣе чѣмъ болѣе Финляндцы проникнутся русскимъ государственнымъ смысломъ.

А это дѣло для Финляндіи есть прямая необходимость: вѣдь *она* вошла въ «составъ» Русскаго государства, вѣдь у *нея* не было и нѣтъ самостоятельнаго государственнаго смысла, и ей, конечно, надо жить, въ государственномъ отношеніи, русскимъ смысломъ, создавшимъ могущество Русскаго государства.

Да, прочь, всякія сепаратистскія и конституціонныя фантазіи ложнаго quasi-патріотическаго себялюбія Финляндцевъ, посягающихъ разными незаконными и кривыми путями на то чтобъ ограничить Русскую Верховную Власть въ Финляндіи. Не Русскому Царю поступаться своимъ правомъ, дарованнымъ Ему Богомъ и взятымъ силами и кровью Его Русскаго народа,—поступаться въ пользу... Финляндскаго Сейма! Да, бросить бы вамъ, господа Финляндцы, свои сепаратистскія и конституціонныя бредни,—и тогда русскій языкъ

не показался бы вамъ чуждымъ. А изученіе русскаго языка, ничѣмъ лишнимъ не обременяя курса вашихъ школъ, принесло бы вашимъ дѣтямъ, не посягая на ихъ дѣйствительный «природный» языкъ, несомнѣнно бо́льшую пользу не только въ практическомъ, но и въ духовномъ отношеніи: они скорѣе и успѣшнѣе прониклись бы истиннымъ государственнымъ смысломъ и поняли бы свою неразрывную связь съ тѣмъ народомъ съ которымъ они призваны Богомъ и Царемъ навсегда жить одною историческою и практическою жизнію.

ПИСЬМО ПАСТОРА БРУБЕРГА

И

ОТВѢТЪ Ю. Н. ВЕРЕЩАГИНА.*

1.

Замѣтка редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“.

Въ началѣ іюля 1890 года, по поводу статьи Ю. Н. Верещагина „Знакомство съ Россіей въ финляндскихъ школахъ“, ** получено было нами письмо отъ финляндскаго пастора Бруберга, состоящаго директоромъ одной изъ популярнѣйшихъ гельсингфорсскихъ частныхъ школъ. Мы рѣшили не печатать этого письма, такъ какъ оно, въ качествѣ критическихъ замѣчаній на статью Ю. Н. Верещагина, показалось намъ слишкомъ голословнымъ и неосновательнымъ. Не такъ взглянули на это дѣло Финляндцы. Самъ ли пасторъ Брубергъ, или одинъ изъ его довѣренныхъ,—написавшій въ газетѣ *Hufvudstadsbladet*, отъ 23 (11) ноября, статью подписанную словомъ „Учитель“,—жалуется на то что письмо не было напечатано и, очевидно, придаетъ этому „документу“ чрезвычайное значеніе.

„*Московскимъ Вѣдомостямъ*“ говорится въ упомянутой статьѣ *Hufvudstadsbladet*, „насколько мы знаемъ, было послано *по крайней мѣрѣ одно* опроверженіе *грубой лжи* касательно количества недѣльныхъ уроковъ русскаго языка въ одномъ изъ гельсингфорсскихъ учебныхъ заведеній. Опроверженіе, естественно, не было принято въ печать. Но на нѣкоторое время *Московскія Вѣдомости* замолчали“, оставивъ въ покоѣ финляндскую школу.

Итакъ, по толкованію Финляндцевъ, *Московскія Вѣдомости* „естественно не приняли“ опроверженія пастора Бруберга—(смѣемъ увѣрить гг. Финляндцевъ что касательно статей Ю. Н. Верещагина *только одно* это „опроверженіе“ и было нами получено),—потому что оно было де до того неотразимо и постыдно для нихъ что имъ, несмотря на все ихъ безстыдство, пришлось на время замолчать о финляндской школѣ, подъ страхомъ обличенія въ утайкѣ сдѣланнаго имъ серіознѣйшаго опроверженія по вопросу о финляндскихъ школахъ.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 346, отъ 15 декабря.

** См. выше, стр. 318—332).

По счастію, письмо пастора Бруберга сохранилось у насъ * и, дабы угодить нашимъ финляндскимъ оппонентамъ, мы печатаемъ его, вмѣстѣ съ замѣтками на него сдѣланными Ю. Н. Верещагинымъ. Пусть судятъ читатели, правы ли были мы что не особенно торопились опубликованіемъ письма пастора Бруберга, не придавая ему никакого, мало-мальски серіознаго, значенія.

---

* Сожалѣемъ что не можемъ сказать того же о письмѣ къ намъ бывшаго прокурора Финляндскаго Сената А. фонъ-Вейсенберга, полученномъ нами отъ него въ августѣ, либо въ сентябрѣ 1889 года,—письмѣ, котораго мы не напечатали по нежеланію сдѣлаться органомъ финляндскихъ сепаратистическихъ злукубрацій, хотя насъ и соблазняло желаніе предать это письмо гласности, какъ образчикъ куріозной аргументаціи по части обвиненія въ crimen laesae majestatis всѣхъ тѣхъ,—сталобыть и насъ,—кто дерзаетъ считать Русскаго Царя Самодержцемъ на всемъ протяженіи Россійской Имперіи, со включеніемъ Финляндіи, а самую Финляндію—не особымъ, независимымъ отъ Имперіи, государствомъ, а просто—русскою областію.

2.

Письмо пастора Бруберга.

Г. редакторъ!

По поводу помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, нѣсколько времени тому назадъ, статей о школьномъ дѣлѣ въ Финляндіи, заключавшихъ въ себѣ много ложныхъ, но до сихъ поръ еще не опровергнутыхъ свѣдѣній, я имѣю честь сообщить, относительно ввѣреннаго мнѣ училища для совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ, слѣдующее:

что училище не восьмиклассное, а имѣетъ девять классовъ;

что учебный курсъ русскаго языка обнимаетъ 20—22 недѣльныхъ уроковъ, а не 11½;

что преподаваніе русскаго языка, съ большою пользой для предмета, сосредоточено въ старшихъ классахъ;

что преподаваніе этого языка, начиная уже съ перваго года, ведется порусски и, наконецъ,

что двери училища, какъ раньше были, такъ и теперь стоятъ открытыми для всякаго кто пожелаетъ добросовѣстно вникнуть въ его дѣятельность.

Гельсингфорсъ, 15 (3) іюля 1890.

Директоръ училища для совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ, пасторъ К. Т. БРУБЕРГЪ.

3.

Отвѣтъ Ю. Н. Верещагина.

Обвиняя статьи *Московскихъ Вѣдомостей* о школьномъ дѣлѣ въ Финляндіи въ томъ что эти статьи „заключаютъ въ себѣ много ложныхъ свѣдѣній“, пасторъ Брубергъ сознается, однако, что эти свѣдѣнія до сихъ поръ (да и не только до іюля, когда писалъ г. пасторъ, а и до декабря, когда пишутся эти строки) „еще никѣмъ не опровергнуты“. Не значитъ ли это быть совершенно голословнымъ въ своихъ обвиненіяхъ?

Но, можетъ-быть, пасторъ Брубергъ дѣйствительно доказалъ „ложность свѣдѣній“ упомянутыхъ статей по отношенію къ своей школѣ?

Увы, несомнѣнная разница въ показаніи количества классовъ и числа недѣльныхъ уроковъ въ моей статьѣ и въ письмѣ пастора Бруберга происходитъ отъ того что я говорилъ о времени болѣе раннемъ чѣмъ пасторъ Брубергъ: онъ имѣетъ въ виду тотъ отчетъ своей школы который вышелъ только за день до появленія моей статьи въ печати, и который сталъ мнѣ извѣстенъ лишь спустя двѣ-три недѣли послѣ его выхода. Затѣмъ, я въ своей статьѣ не разсуждалъ ни о томъ насколько полезно „сосредоточивать преподаваніе русскаго языка въ старшихъ классахъ“, ни о томъ на какомъ языкѣ ведется это преподаваніе въ школѣ г. Бруберга. Смѣю *теперь*, однако, сообщить что *пасторъ Брубергъ говоритъ неправду*, утверждая что преподаваніе русскаго языка въ его школѣ, „начиная уже съ перваго года, ведется по-русски“.

Только пять дней тому назадъ я говорилъ съ одною ученицей, перешедшею въ седьмой классъ школы пастора Бруберга и, стало-быть, уже второй годъ изучающею русскій языкъ.

— На какомъ языкѣ ведется у васъ въ классѣ преподаваніе русскаго языка? спросилъ я.

— Конечно, не по-русски: мы еще такъ мало знаемъ этотъ языкъ, былъ отвѣтъ.

И, какъ хотите, онъ наивнѣе, но правдоподобнѣе того что̀ утверждаетъ въ своемъ письмѣ г. директоръ: вести преподаваніе на томъ языкѣ котораго учащіеся совсѣмъ не знаютъ — вещь едва ли мыслимая.

Да и въ послѣднемъ школьномъ отчетѣ, гдѣ пасторъ Брубергъ выражался пообдуманнѣе чѣмъ въ письмѣ, такого категорическаго заявленія о преподаваніи въ его школѣ русскаго языка по-русски — нѣтъ. „Undervisningsspråk“, сказано въ отчетѣ 1889—90 учебнаго года, „har nästan uteslutande varit ryskan“, то-есть, языкъ обученія *почти* исключительно былъ русскій: это далеко не то что̀ сказано въ письмѣ.

Что касается до заявленія пастора Бруберга о его готовности познакомить съ дѣятельностью подвѣдомственной ему школы всякаго кто „добросовѣстно пожелалъ бы въ нее вникнуть“, то это лишь одни „жалкія слова“, на которыя такіе мастера гг. Финляндцы. Вѣрить такимъ трогательнымъ заявленіямъ намъ, Русскимъ, едва ли возможно.

Вотъ, хоть бы и въ данномъ случаѣ. Я лично, хотя и не коротко, но все же знакомъ съ пасторомъ Брубергомъ; онъ относился ко мнѣ всегда очень вѣжливо и хорошо, я даже обязанъ ему, его вѣротерпимости. И, однако, достаточно мнѣ было написать статью въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, какъ выражаются Финляндцы, „mot Finnland“, чтобы тотъ же самый, вѣжливый и любезный въ отношеніи ко мнѣ, человѣкъ вдругъ сталъ обзывать меня публично, совершенно бездоказательно, лживымъ и недобросовѣстнымъ.

Это не все. Для одной моей статьи о финляндскихъ школахъ я именно хотѣлъ „вникнуть въ дѣятельность“ школы пастора Бруберга, какъ новаго типа школы, и обратился къ нему съ письмомъ именно въ этомъ смыслѣ, въ отвѣтъ на присланный имъ мнѣ (съ критическою замѣткой, по

поводу моей первой статьи, на самомъ адресѣ) отчетъ. Но никакого отвѣта на письмо мое, *навѣрно дошедшее*, я не получилъ.

Куріознѣе всего то что относиться такимъ образомъ къ „сотрудникамъ ненавистныхъ *Московскихъ Вѣдомостей*“ считаютъ своею обязанностью всѣ Финляндцы, начиная съ профессоровъ и до простецовъ. Когда появилась въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* моя первая статья о финляндскихъ школахъ, моя бывшая квартирная хозяйка въ Гельсингфорсѣ, предобрѣйшая и, до того времени, очень расположенная ко мнѣ женщина, сочла себя чрезвычайно мною обиженною:

— Развѣ ему дурно у меня жилось? съ горечью спрашивала она.—Зачѣмъ же онъ пишетъ противъ Финляндіи (mot Finnland)?

Да, удивительная, какъ подумаешь, солидарность мышленія и пріемовъ у знаменитаго директора извѣстнѣйшей въ Гельсингфорсѣ школы и у бывшей моей скромной квартирной хозяйки въ Гельсингфорсѣ...

Ю. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ФИНЛЯНДСКІЯ НОВОСТИ.

71.

Отставка сенатора Монгомери. *

Въ финляндской оффиціальной газетѣ *Finlands Allmänna Tidning*, въ нумерѣ отъ 29 (17) декабря, объявлено о послѣдовавшемъ 1 (13) декабря – (день подписанія Манифеста объ Уголовномъ Уложеніи)—Высочайшемъ соизволеніи на увольненіе отъ должности, по прошенію, члена Судебнаго Департамента Финляндскаго Сената и Комитета по финляндскимъ дѣламъ при статсъ-секретаріатѣ, Роберта Монгомери. **

72.

Заграничные друзья финляндскихъ притязаній. ***

Въ теченіе нынѣшняго года, ведя борьбу противъ объединительныхъ реформъ и сближенія съ Россіей, финляндскіе сепаратисты не разъ дѣлали попытки пріобрѣсти себѣ союзниковъ и защитниковъ за границей. Для этого пускались въ ходъ разныя средства: и личныя знакомства, какъ, напримѣръ, во время посѣщенія Финляндіи членами Тюремнаго Конгресса, **** и корреспонденціи въ заграничныя, враждебныя Россіи, газеты. Отмѣченная недавно въ печати рѣчь г. Гладстона показываетъ что такого рода попытки не пропали даромъ. Но больше всего, при этомъ исканіи заграничныхъ союзниковъ, сепаратисты старались, конечно, о привлеченіи на свою сторону симпатій въ Скандинавскихъ государствахъ.

Въ шведскихъ, норвежскихъ и датскихъ газетахъ часто попадаются корреспонденціи и статьи о Финляндіи въ крайне сепаратистскомъ духѣ. Финляндскія газеты обыкновенно съ особеннымъ удовольствіемъ оповѣщаютъ объ этомъ своихъ читателей, и то что̀,

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 358, отъ 28 декабря.
** См. выше, стр. 54—56, 202, 344, 569—570.
*** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 358, отъ 28 декабря.
**** См. выше, стр. 381—383, 391—392.

по цензурнымъ условіямъ, нельзя печатать въ самой Финляндіи, преподносится финляндскимъ читателямъ издаваемыми въ Швеціи газетами, имѣющими многочисленныхъ подпищиковъ и въ Финляндіи. До чего доходитъ въ нѣкоторыхъ сферахъ въ Швеціи искусственно подогрѣтое такимъ образомъ сочувствіе къ притязаніямъ сепаратистовъ, и какъ относятся къ этому сами финляндскіе сепаратисты, показываетъ слѣдующее сообщеніе напечатанное на дняхъ въ гельсингфорсскихъ газетахъ *Nya Pressen* и *Hufvudstadsbladet*:

„Нынѣшнее тяжелое положеніе нашей страны вызываетъ, какъ видно, въ старой братской странѣ (gamla broderlandet) по другую сторону Ботническаго залива чувства живѣйшаго участія. Это видно изъ отзывовъ какъ періодической печати, такъ и при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, на состоявшемся недавно годичномъ актѣ Шведской Академіи, профессоръ Тегнеръ, въ своей возвышенной рѣчи, сказалъ между прочимъ:

„„Волны бьющіяся о нашъ берегъ „приносятъ къ намъ подавленные вздохи „показывающіе какъ чувствуетъ себя „одинъ народъ внезапно увидѣвшій что „у него *отнимаютъ* унаслѣдованные „отъ отцовъ обычаи и порядки. При„слушаемся къ этимъ вздохамъ! Имен„но потому что они доходятъ сюда „столь подавленными, они тѣмъ громче „кричатъ въ наши уши свое слово „предостереженія (sitt varningsord). Не „послышатся ли когда-нибудь подобные „же вздохи и съ нашего берега? И не „смѣшаются ли эти вздохи тогда съ „горькими, неумолимыми упреками за „то что мы, *пока еще было время*, такъ „мало сдѣлали для предотвращенія опас„ности!““

73.

Общество распространенія сепаратистской лжи.*

Въ Финляндіи, по словамъ мѣстныхъ газетъ, проектируется основаніе особаго общества имѣющаго цѣлью распространеніе за границей „правильныхъ понятій“ о „правахъ“ Финляндіи и ея положеніи, другими словами имѣющаго задачей вести сепаратистскую агитацію. Проектъ исходитъ отъ газеты *Nya Pressen*. Почетными членами этого „общества“, когда оно образуется, будутъ, конечно, избраны гг. Мехелинъ и Монгомери, не мало уже потрудившіеся для распространенія въ Европѣ финляндскихъ сепаратистскихъ взглядовъ.

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 358 отъ 28 декабря.

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ

И

ФИНЛЯНДСКІЙ СЕЙМОВЫЙ УСТАВЪ.

(Передовая статья № 359 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года.)

Москва, 28 декабря.

Въ виду Высочайшаго Манифеста отъ 1 (13) сего декабря,—коимъ пріостановлено введеніе въ дѣйствіе «Уголовнаго Уложенія» Финляндіи и повелѣно передать сдѣланныя въ немъ въ Петербургѣ перемѣны на новое разсмотрѣніе гельсингфорсскаго Сейма,—возникаетъ вопросъ котораго мы до сихъ поръ еще не касались. Именно: что̀ послѣдуетъ, еслибы финляндскіе земскіе чины отвергли переданныя имъ измѣненія?

Для отвѣта надо обратиться прежде всего къ Сеймовому Уставу Финляндіи, изданному 3 (15) апрѣля 1869 года.

Этотъ актъ представляетъ собою документъ наиболѣе возмущающій русское сознаніе и чувство, документъ, который финляндскіе интеллигенты сумѣли заполучить въ пору крайняго къ нимъ довѣрія, въ пору наибольшаго увлеченія у насъ вѣяніями несогласимыми съ русскимъ государственнымъ достоинствомъ и единствомъ. То была пора когда у насъ съ легкимъ сердцемъ отступались отъ Россіи, отъ русскаго языка и отъ русской православной вѣры, и охотно дѣлали изъ Балтійской окраины, по словамъ Самарина, остзейскую Финляндію...

Въ эту-то пору, пробуя разные ходы къ проведенію въ жизнь идеи финляндской самостоятельности, которымъ далъ толчокъ новый, послѣ цѣлаго полувѣка, созывъ сейма, финляндскіе политиканы усердно взялись за изданіе устава для сеймовыхъ собраній, справедливо находя что уставъ шведскихъ государственныхъ сеймовъ 1617 года былъ

теперь непригоденъ. Не успѣвъ провести своихъ конституціонно-ограничительныхъ стремленій въ задуманной и на половину исполненной уже попыткѣ «сочинить» кодификацію финляндскихъ законовъ, — попыткѣ рушившейся послѣ извѣстнаго гражданскаго подвига генералъ-губернатора барона Платона Ивановича Рокасовскаго, * — финляндскіе дѣльцы сосредоточили тогда свои старанія и надежды на Сеймовомъ Уставѣ. Это было тѣмъ легче что, при тогдашнихъ вѣяніяхъ, второстепенному мѣстному регламенту пройти было не затруднительно.

Такъ или почти такъ оно и случилось. Благодаря Сеймовому Уставу, Верховная Русская Власть оказалась во многихъ частностяхъ ограниченною противъ власти шведскихъ королей конца прошлаго столѣтія. Ее *обязали* собирать финляндскіе сеймы каждый пятый годъ, тогда какъ у Шведовъ даже государственные риксдаги созывались лишь когда король признаетъ то нужнымъ; обязали собирать сеймы именно въ Гельсингфорсѣ и ни въ какомъ случаѣ не внѣ Финляндіи, тогда какъ у Шведовъ короли всегда собирали сеймы тамъ гдѣ находили удобнѣйшимъ и пр. Сеймовый Уставъ стѣснилъ Монарха и указаніемъ разныхъ порядковъ для изданія, отмѣны и измѣненія нѣкоторыхъ законовъ и пр. Наконецъ, явилась совершенно исключительная особенность, хотя и чисто формальная, но тѣмъ болѣе возмутительная. Финляндскіе политики давно добивались какого-нибудь случая имѣть нѣчто *договорное* между покоренною Финляндіей и Русскимъ Государемъ. Они сами всегда чувствовали, что подъ ихъ такъ-называемыми «Боргоскими» договорами нѣтъ никакой почвы. И вотъ случай представился: статсъ-секретарь Армфельтъ изловчился провести у покойнаго Государя Сеймовый Уставъ—какъ бы въ формѣ договора, за подписью и Русскаго Императора, и предводителей сословій, съ приложеніемъ ихъ печатей. Дико, конечно, слышать, что Уставу, то-есть простому регламенту которымъ узаконяются разные внутренніе порядки собранія, присвояется форма договора; но финляндскіе законники хватаются за всякую возможность облечь въ желаемую форму свои беззаконныя стремленія.

Что этотъ «договоръ» былъ не по дѣйствительному праву, и не по правдѣ, а по «ловкости» Армфельта, явствуетъ изъ того что было четыре года назадъ. Когда, въ 1886 году, были измѣнены §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава, то Финляндскій Сенатъ представилъ объ этомъ свой проектъ тоже въ договорной формѣ. Эта форма, однако, *допущена не была*, и измѣненіе именуемаго договора состоялось въ видѣ обычнаго Манифеста, который и подписанъ 13 (25) іюня того года единолично Государемъ Императоромъ, лишь за скрѣпой товарища статсъ-секретаря Эрнрота, въ чемъ и можно удостовѣриться изъ № 22 *Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго за 1886 годъ*.

Въ оборудованномъ такимъ порядкомъ Сеймовомъ Уставѣ удалось провести многое, но, однако, не все: въ самыхъ существенныхъ пунктахъ авторы его не могли дойти до вѣнца своихъ желаній. Въ законахъ, какъ и въ другихъ человѣческихъ дѣлахъ, конецъ вершаетъ дѣло. Именно этотъ-то конецъ и ускользнулъ изъ рукъ гельсингфорсскихъ государственниковъ. Стѣснивъ Верховную Власть въ разныхъ деталяхъ, они, однако, не могли исхитить изъ Ея рукъ главнѣйшаго, того что̀ касается окончательныхъ

* См. выше, стр. 70—71, 104—106, 135—139.

дѣйствій, которыми всѣ предварительныя сужденія и рѣшенія облекаются въ силу положительнаго закона: несмотря на все, финляндскіе сеймы все-таки, подобно Боргоскому сейму 1809 года (съ которымъ они ведутъ, кстати сказать, общую нумерацію), остаются лишь *совѣщательными собраніями*.

Избалованные незаконными послабленіями, финляндскіе государственники, при каждомъ упоминаніи объ этомъ, встаютъ на дыбы, тѣмъ болѣе что въ своихъ мечтахъ, коимъ всегда давали полный просторъ во всю ширь, они донеслись до желанія порядковъ чуть ли не Норвежскаго (государственнаго) сейма, предъ которымъ власть короля уже совершенно безсильна. Тамъ, въ этой республиканской quasi-монархіи, если предложеніе короны было три раза отвергнуто сеймомъ, то, безъ дальнихъ разговоровъ, вступаетъ въ силу закона сеймовое рѣшеніе, *вопреки* волѣ монарха. Но вѣдь это только мечты, которыя разлетаются предъ самою жизнью какъ мимолетный сонъ. Тамъ, между Швеціей и Норвегіей, въ 1814 году, былъ настоящій договоръ равнаго съ равнымъ, а здѣсь, въ Финляндіи — одни лишь картонные мечи и доспѣхи рыцарей Сеймоваго Устава.

И дѣйствительно, въ самомъ этомъ Уставѣ, послѣ сотенъ мелочей которыми регулируются внутренніе сеймовые распорядки, — что мы видимъ въ концѣ концовъ? Уставъ говоритъ о сеймовыхъ *рѣшеніяхъ*, но въ то же время (въ § 72) не могъ не признать что рѣшеніемъ земскихъ чиновъ по всѣмъ вопросамъ считается только «согласное *заключеніе* сословій». Значитъ, дальше «заключеній», то-есть мнѣній, дѣло не идетъ. Такъ, дѣйствительно, было и на Боргоскомъ сеймѣ, въ чемъ несомнѣнно убѣждаетъ цѣлый рядъ документовъ приведенныхъ въ *Покореніи Финляндіи* К. Ф. Ордина, которые критикъ его, финляндскій профессоръ Даніэльсонъ, благоразумно обошелъ молчаніемъ. *

Въ Уставѣ множество подробностей о томъ какъ добиться «согласнаго» заключенія въ этой неуклюжей машинѣ именуемой четырехсословнымъ сеймомъ. Но что же дальше? Когда же и какъ это заключеніе или рѣшеніе облекается «силой закона»? Вѣдь до тѣхъ поръ оно не имѣетъ никакого значенія, кромѣ развѣ удовольствія ощущаемаго его составителями.

На это намъ отвѣчаетъ § 76 Устава:

„Рѣшенія составляющія отвѣты на сообщенныя Земскимъ Чинамъ Высочайшія предложенія, а также представленія на Имя Государя Императора, состоявшіяся по совокупному заключенію Чиновъ, повергаются *на Высочайшее обсужденіе* посредствомъ письменныхъ донесеній.“

Но этотъ параграфъ принадлежитъ къ категоріи процессуальныхъ подробностей. Гдѣ же установлены дальнѣйшія послѣдствія «Высочайшаго обсужденія»? Гдѣ параграфы объ облеченіи сеймовыхъ заключеній силой закона?

Ихъ нѣтъ, читатель. Вы тщетно будете пересматривать всѣ, какъ предыдущіе, такъ и остальные параграфы Устава: вы не найдете въ нихъ ничего соотвѣтственнаго. За § 76 слѣдуютъ пункты о томъ кѣмъ пишутся и какъ подписываются исходящія отъ сейма бумаги, какъ и что печатается, какъ покрываются расходы по сейму, какъ онъ закрывается, въ какой мѣрѣ, наконецъ, Сеймовый Уставъ обязателенъ.

---

* См. выше, стр. 153—156, 554—555, 578—592.

Итакъ, сеймовыя заключенія поступаютъ на «Высочайшее обсужденіе»,—и этимъ все, по Уставу, ограничивается. Что происходитъ далѣе, о томъ въ Сеймовомъ Уставѣ ни слова. Все, значитъ, остается въ произволеніи Императора Всероссійскаго.

Въ добавокъ, по недосмотру ли сочинителей Устава, или по волѣ судебъ, въ цитованномъ 76 параграфѣ даже нѣтъ обычной въ другихъ случаяхъ формулы: «Государь Императоръ и Великій Князь», а говорится только о Государѣ Императорѣ». Все остается въ державныхъ рукахъ—не финляндскаго Великаго Князя, котораго стремятся конституціонно ограничивать, а—Самодержавнаго Русскаго Императора.

И дѣйствительно, только Всероссійскому Монарху могутъ принадлежать окончательное обсужденіе и послѣдующія мѣропріятія по областнымъ, хотя бы и сеймовымъ, заключеніямъ. Только съ высоты единой, объемлющей всю Россію, Верховной Власти можно правильно видѣть что въ сеймовыхъ «рѣшеніяхъ» и желаніяхъ допустимо и согласно съ общегосударственными интересами Россіи, и что должно быть устранено.

Такъ понимались дѣла и во времена родоначальника нынѣшнихъ финляндскихъ сеймовъ, Сейма Борго-скаго: одно въ его ходатайствахъ было принято, другое видоизмѣнено, третье вовсе устранено. Императорская власть благожелательно выслушивала то что представляли земскіе чины, но окончательно останавливалась на томъ что признавала за благо.

Такъ было и въ новѣйшее время съ «Уголовнымъ Уложеніемъ» Финляндіи: въ ту минуту когда финляндскіе дѣльцы мнили, повидимому, торжествовать побѣду, ожидая дня введенія этого закона въ силу,—воля Государя передала его въ руки Своихъ министровъ, и сеймовое рѣшеніе 1888 года оказалось только въ своихъ нормальныхъ предѣлахъ заключенія или мнѣнія, которое отчасти принимается во вниманіе, отчасти подвергается перемѣнамъ, сообразно общегосударственной потребности. Отъ воли Монарха, выслушавшаго уже голосъ Сейма въ сейчасъ упомянутомъ его заключеніи, зависѣло прямо ввести нужныя перемѣны, и если онѣ еще разъ даны на просмотръ Сейма, то въ этомъ усматривается исключительно проявленіе Монаршей милости, а никакъ не требованіе Сеймоваго Устава.

Въ этомъ заключается и отвѣтъ на поставленный въ началѣ статьи вопросъ. Еслибы предстоящій Сеймъ дошелъ до той степени безумія чтобъ отвергнуть умѣренныя и только справедливыя измѣненія сдѣланныя, съ Монаршаго *одобренія*, нашими министрами въ Уголовномъ Уложеніи, то, по существу Сеймоваго Устава, все затѣмъ останется въ полномъ благоусмотрѣніи Его Величества, которое всегда направлено только на охрану блага и достоинства Россіи, въ составѣ которой и Финляндія занимаетъ свое мѣсто.

ФИНЛЯНДСКАЯ ПЕЧАТЬ

И

РУССКОЕ ЦЕНЗУРНОЕ ПРАВО.

(Передовая статья № 360 *Московскихъ Вѣдомостей* 1890 года).

Москва, 29 декабря,

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не разъ уже было говорено о памфлетѣ гельсингфорсскаго профессора г. Даніэльсона, * изданномъ въ свѣтъ, ради изящнаго демонстративнаго эффекта, почти разомъ на нѣсколькихъ языкахъ (и по-шведски, и по-фински, и по-нѣмецки, и по-англійски, и по-французски, и по-русски—подъ заглавіемъ *Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державой*), и рекламированномъ повсемѣстно—и за границей, и въ Петербургѣ (гдѣ памфлетъ превознесенъ *Новостями* г. Нотовича, ** причемъ сильно досталось Императорской Академіи Наукъ), и, съ наибольшимъ трескомъ, въ самой Финляндіи. Поэтому, вновь распространяться объ этомъ памфлетѣ было бы излишне: читатели уже знаютъ и его сущность, и тѣ, недозволительные для профессора сколько-нибудь дорожащаго своимъ достоинствомъ, пріемы, помощію которыхъ авторъ силится во что̀ бы то ни стало доказать ту давно изобличенную ложь будто бы Финляндія вовсе не составляетъ части Россійской Имперіи, а есть якобы самостоятельное политическое цѣлое,—государство,—находящееся де лишь въ условной связи съ Россійскою Державой, съ ея Монархомъ...

Итакъ, не будемъ говорить объ этомъ пустозвонномъ, хотя и злокозненномъ, памфлетѣ. Но нельзя не остановиться на вопросѣ который напрашивается самъ собою въ виду усиленно-муссируемаго распространенія названнаго памфлета именно въ настоящее время, при настоя-

---

* См. выше, стр. 554—555, 578—592.

** См. выше, стр. 561—562.

щихъ обстоятельствахъ и, такъ сказать, наканунѣ открытія Финляндскаго Сейма.

Всего менѣе, конечно, можетъ интересовать насъ при этомъ широкое распространеніе Даніэльсоновской книжки за границей, въ переводахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Положимъ, это одно изъ средствъ пускаемыхъ въ ходъ финляндскими политиканами для внушенія «всей Европѣ» пропагандируемыхъ ими превратныхъ понятій о русско-финляндскихъ отношеніяхъ. Но, много раньше Р. Даніэльсона, тѣ же превратныя понятія пропагандировали среди «европейской публики» и бывшій сенаторъ Л. Мехелинъ (раздѣлившій съ бывшимъ прокуроромъ Финляндскаго Сената А. фонъ-Вейсенбергомъ сомнительную честь выхода въ отставку по случаю объединительныхъ реформъ) въ своихъ *Précis du droit public de la Finlande*,* и бывшій сенаторъ Р. Монгомери (вышедшій въ отставку въ самый день подписанія Высочайшаго Манифеста о финляндскомъ «Уголовномъ Уложеніи) въ своихъ *Notices* по сеймовому законодательству, и иные финляндскіе публицисты-государственники. Для вразумленія «Европы» въ «лойяльности» финляндской сепаратности пускалось въ ходъ все возможное и на послѣднемъ Тюремномъ Конгрессѣ въ Петербургѣ, ** и на послѣдней Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ, и при всякомъ подходящемъ случаѣ. Въ тѣхъ же видахъ льются дождемъ финляндскія корреспонденціи и въ шведскія, и въ норвежскія, и въ датскія, и въ англійскія, *** и въ иныя заграничныя газеты. Проектируется даже учрежденіе особаго «Общества» для распространенія за границей правильныхъ (!) понятій» о «правахъ» Финляндіи и ея положеніи...* Но что̀ намъ до всего этого? На много ли теплѣе или холоднѣе станетъ намъ или нашей Финляндской области отъ того что въ тѣхъ или другихъ заграничныхъ газетахъ будутъ повторяться и варіироваться возгласы о томъ, будто «Швеція согласилась на уступку Финляндіи лишь послѣ того какъ Русскій Царь далъ торжественное обѣщаніе (!) сохранить за Финляндцами ихъ политическую самостоятельность», и что, такъ какъ «теперь Россія безо всякихъ причинъ начинаетъ лишать Финляндцевъ гарантированныхъ имъ правъ», то «Швеція по нравственному праву обязана признать что Россія нарушила (!) заключенный съ нею договоръ объ уступкѣ Финляндіи»,—возгласы, которыми отличилась *Крестовая Газета* (органъ графа Вальдерзее) почти наканунѣ послѣдней поѣздки императора Вильгельма II въ Россію... **

На все это можно не обращать вниманія. Но можно ли относиться столь же равнодушно къ распространенію превратныхъ понятій о дѣлахъ и вопросахъ касающихся русскихъ государственныхъ правъ, когда таковыя превратныя понятія распространяются не среди иностранцевъ, а среди русскихъ подданныхъ, въ самой Россіи, въ ея Финляндской области?

Хорошо или дурно, полезно или вредно что памфлетъ, пропагандирующій противогосударственную идею, усиленно распространяется въ какой-либо части Русскаго государства,—и притомъ въ то самое время когда недавніе акты изданные отъ лица и за собственноручною подписью Государя Импе-

* См. выше, стр. 17—40.

** См. выше, стр. 381—383, 391—392.

*** См. выше стр. 573—574.

* См. выше, стр. 623.

** См. выше, стр. 405—407.

ратора ясно говорятъ именно противоположное пропагандируемымъ гг. сепаратистами идеямъ?

Припомните Манифестъ 31 мая (12 іюня) о почтовой части,* припомните только что изданный четыре недѣли назадъ Манифестъ о пересмотрѣ Уголовнаго Уложенія Финляндіи:** что это какъ не утвержденіе единой государственной власти, единыхъ государственныхъ требованій во всемъ единомъ Россійскомъ государствѣ, объемлющемъ и Финляндію?

Между тѣмъ, въ книжкѣ г. Даніэльсона внушаются, гдѣ и какъ только возможно, самыя противныя этому единству понятія; внушаются тѣмъ легче что небольшая и всѣмъ доступная брошюра соткана на основѣ брани и скандала, на который такъ падко огромное большинство полуобразованныхъ читателей, особенно въ Финляндіи, гдѣ общественные интересы наиболѣе узки и мелки. И распространеніе такой-то книжки въ Финляндіи, на обоихъ «отечественныхъ» (!!), шведскомъ и финскомъ, языкахъ, усиленно муссируется: говорятъ уже о готовящемся третьемъ изданіи. Пропаганда вредной въ государственномъ смыслѣ, противорусской идеи бойко ведется въ классахъ населенія ничего не знающихъ о дѣйствительной сути дѣла, но интересующихся грубымъ глумленіемъ книжонки надъ личностью нашего изслѣдователя, которому возражаетъ «профессоръ»...

Мы говоримъ, конечно, не о томъ, тепло или холодно К. Ф. Ордину отъ общей травли его разными финляндскими борзописцами, продолжающейся уже четвертый годъ. Мы спрашиваемъ лишь: хорошо ли чтобы ложная и вредная сепаратистская идея широко и гласно распространялась и открыто вкоренялась—особенно въ тѣхъ слояхъ которые представляютъ собою исключительно грубую силу, которые, при своемъ невѣжествѣ, могутъ путемъ пропаганды быть обращены въ послушное орудіе въ рукахъ злобно-враждебной Россіи финляндской quasi-интеллигенціи? Можно ли признать это соотвѣтственнымъ пользѣ и правамъ Россіи?

Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ что цензура въ нашей Финляндской области должна сообразоваться съ принципами Русскаго Государства: что не терпимо въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, то не терпимо и въ финляндскихъ. Несмотря на всѣ восхваленія этихъ финляндскихъ губерній, народъ въ нихъ вовсе не настолько разуменъ и правильно развитъ чтобы для него была допустима безграничная свобода политической печати, особенно при обиліи вредныхъ подстрекателей. Напротивъ, тамъ требуется скорѣе усиленіе нежели ослабленіе цензурнаго надзора. Во всякомъ же случаѣ, Финляндія ни на шагъ въ этомъ отношеніи не можетъ считаться впереди прочей Россіи?

Это и признавалось во все время русскаго владычества въ этомъ краѣ: мѣстныя узаконенія неизмѣнно проводили одно и то же правило, именно — что цензурные порядки тамъ должны быть въ своихъ основаніяхъ тѣ же что и вообще въ Имперіи. Для большей наглядности сошлемся на документы.

Первый разъ цензура и книжная торговля въ Финляндіи были регулированы въ 1829 году. Постановленіе о семъ императора Николая Павловича, отъ 2 (14) октября, начиналось такими словами:

„Объявляемъ чрезъ сіе: что Мы, желая привесть узаконенія дѣйствую-

---

* См. выше, стр. 387—388.

** См. выше, стр. 603—604.

щія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ по части цензуры и книжной торговли *въ надлежащую согласность* съ постановленіями въ семъ же отношеніи *для прочихъ частей* Имперіи Нашей, и дабы чрезъ то отвратить неудобства могущія произойти отъ противодѣйствія разнообразныхъ учрежденій по предмету въ существѣ своемъ *одинаковому для всѣхъ частей Государства*, признали за благо" и т. д.

Установлены были: Главное Правленіе цензуры, цензурные комитеты, отдѣльные цензоры и пр.

Это было въ 1829 году. Но вотъ наступила злосчастная эпоха вѣяній шестидесятыхъ годовъ; все шло прямо къ разчлененію и ослабленію Россіи. Финляндія, какъ извѣстно, не только не отставала, но шла на всѣхъ парахъ впереди. Тамошній сеймъ возмнилъ себя верховною государственною властію, наравнѣ, если даже не выше Государя, и не замедлилъ предъявить свои самозванныя права, между прочимъ, и на цензурное законодательство. Что же, однако, отвѣтила ему русская Верховная Власть въ лицѣ столь благорасположеннаго къ Финляндцамъ покойнаго Императора Александра Николаевича? Вотъ что читаемъ въ рескриптѣ «Земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго», данномъ 27 (15) марта 1872 года:

„Намъ доложена была всеподданнѣйшая петиція ваша, объ изданіи, по взаимному Нашему съ земскими сословіями соглашенію, закона о печати въ Финляндіи; но какъ *мѣропріятія по сему предмету* въ Великомъ Княжествѣ, по законамъ края, *зависятъ исключительно только отъ единой Нашей власти*, и Мы не имѣемъ намѣренія уступать ни одного изъ присвоенныхъ Намъ законами правъ; притомъ не усматриваемъ повода измѣнить существующее нынѣ постановленіе о печати въ Финляндіи, тѣмъ менѣе что подобныя же основанія указаны Нами для печати *въ прочихъ частяхъ Нашего Государства*, то Мы на помянутую петицію Монаршаго соизволенія не изъявляемъ." *

Изъ сего акта Верховной Власти съ полною очевидностію явствуетъ, прежде всего, то что Монархъ не имѣлъ намѣренія уступать *ни одного* изъ присвоенныхъ ему по законамъ правъ; другими словами,—что всѣ ограниченія которыми Русскіе Государи выставляются стѣсненными въ Финляндіи противъ правъ бывшихъ шведскихъ королей, достигнуты узаконеніями изданными *вопреки* намѣренію покойнаго Государя. Въ отношеніи же собственно цензуры остается неподлежащимъ сомнѣнію то что Финляндцамъ, черезъ цѣлые 43 года послѣ того какъ состоялось постановленіе императора Николая I, было вновь категорически повторено что цензура въ этомъ краѣ должна оставаться на тѣхъ же общихъ основаніяхъ какъ и «въ прочихъ частяхъ Нашего Государства».

Кажется, ясно. Въ дополненіе къ этому нужно еще сказать что и въ Высочайшемъ Манифестѣ нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора, данномъ 13 (25) іюня 1886 года,—Манифестѣ, даровавшемъ земскимъ чинамъ «право вносить на Сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ» разныхъ законовъ,—твердо оговорено что «*не могутъ быть* однако *возбуждаемы предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ* основныхъ законовъ, или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и мор-

* *Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго* за 1872 годъ, № 12.

скихъ военныхъ силъ, а также *законовъ о печати*».

Финляндская печать и ея прислужники въ русской печати, конечно, опрокинутъ на насъ, по поводу этихъ разъясненій, цѣлый ушатъ грязныхъ обвиненій въ обскурантизмѣ, доносѣ и прочихъ милыхъ вещахъ: но мы этимъ ни мало не смущаемся, ибо долгъ нашъ, какъ и всякаго честнаго гражданина, бодро и бдительно стоять на стражѣ единства и достоинства Россіи. Полагаемъ что вообще Русскіе люди, и во власти и не во власти, не посѣтуютъ на насъ за то что мы вспомнили о документахъ которые служатъ основаніемъ дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній о печати.

А кстати,—въ этихъ актахъ заключаются какъ разъ и для г. Даніэльсона удостовѣренія въ томъ *насколько теорія «уніи»*, проповѣдуемая этимъ профессоромъ и всѣми его собратіями по единомыслію, *признавалась существующею* какъ императоромъ Николаемъ I, такъ и императоромъ Александромъ II, когда они, съ совершенною опредѣленностію и ясностію, въ непререкаемыхъ актахъ, *говорили о Финляндіи какъ объ одной изъ частей Россіи, наравнѣ «съ прочими частями Имперіи», «съ прочими частями Нашего Государства»*.

Пора, гг. Даніэльсоны, давно пора бросить ваше недостойное и вредное для вашей же Финляндіи дѣло...

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ

ПО ФИНЛЯНДСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

6.

Добросовѣстность „Новостей“. *

Вѣрные друзья Финляндіи, *Новости*, не затрудняются дѣлать передержки *pour la bonne cause*. Читатели помнятъ письмо пастора Бруберга съ поясненіями г. Верещагина. ** Вотъ въ какомъ видѣ передаютъ этотъ случай *Новости:*

Продолжая съ неистощимою злобностью травить Финляндцевъ, *Московскія Вѣдомости* политично, хотя *весьма не благородно*, уклоняются помѣщать у себя фактическія возраженія да свои инсинуаціи.

На эту рыцарскую особенность ихъ полемики *имъ указали*, и вотъ, теперь, въ видѣ оправданія (?), онѣ напечатали одно возраженіе, полученное ими еще въ началѣ прошлаго іюля... Своевременно!

Вполнѣ въ духѣ своей роли, *Новости* скрываютъ отъ читателей что, во-первыхъ, письмо пастора Бруберга мы не печатали не потому что оно составляетъ *опроверженіе*, а по совершенной незначительности его, какъ опроверженія; во-вторыхъ, что и напечатали-то мы его ничуть не для какого-то „оправданія“, а потому что вся исторія съ письмомъ, если ея не перевирать, какъ дѣлаютъ *Новости*,—доказываетъ лишь, какъ мало вѣры можно давать финляндскимъ „опроверженіямъ“.

Въ передѣлкѣ *Новостей* исторія пріобрѣтаетъ иное значеніе. Газета г. Нотовича перепечатываетъ только письмо пастора, а затѣмъ совершаетъ подлогъ съ приведенными далѣе объясненіями г. Верещагина. Г. Верещагинъ объясняетъ: „Я говорилъ о времени болѣе раннемъ чѣмъ пасторъ Брубергъ: онъ имѣетъ въ виду тотъ отчетъ своей школы, который *вышелъ только за день до появленія моей статьи въ печати*, и который сталъ мнѣ извѣстенъ три недѣли послѣ его выхода.“ *Новости* перепечатываютъ эти строки, но *выпускаютъ* тѣ изъ нихъ которыя мы только что отмѣтили курсивомъ, такъ что объясненіе г. Верещагина получаетъ у нихъ слѣдующій видъ, выпуская подчеркнутое:

Я говорилъ о времени болѣе раннемъ чѣмъ пасторъ Брубергъ: онъ имѣетъ въ виду тотъ отчетъ своей школы, который *сталъ мнѣ извѣстенъ* три недѣли послѣ его выхода...

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890, № 350, отъ 19 декабря.

** См. выше, стр. 618—621.

И затѣмъ газета г. Нотовича восклицаетъ:

Корреспондентъ оправдывается тѣмъ что ему „неизвѣстенъ“ былъ тотъ отчетъ о данномъ сюжетѣ, о которомъ онъ настрочилъ кляузную корреспонденцію, то-есть, значитъ, писалъ о томъ, чего онъ не зналъ... Хорошо оправданіе.

Далѣе. Г. Верещагинъ объясняетъ что пасторъ Брубергъ и теперь говоритъ неправду, что въ дѣйствительности у него въ школѣ преподаваніе русскаго языка не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ ведется не такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ... Это *Новости* уже *совершенно опускаютъ*, не упоминая ни звукомъ объ этомъ объясненіи г. Верещагина!

7.

Что̀ читать Финляндцамъ?*

По газетнымъ слухамъ,—

согласно недавнему распоряженію финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго Финляндскаго военнаго округа графа Гейдена, всѣ баталіоны финляндскихъ войскъ должны выписывать по одной, по крайней мѣрѣ, русской газетѣ.

Интересно знать, на чемъ остановится выборъ финляндскихъ баталіоновъ: на *Новостяхъ* г. Нотовича, или на *Гражданинѣ*, князя Мещерскаго? А впрочемъ, допускается и нѣсколько газетъ,— могутъ быть выписываемы и обѣ.

8.

Таможенное объединеніе Финляндіи.**

Новое Время посвящаетъ пространную статью гельсингфорсской брошюрѣ г. Неовіуса „Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіей“. Само собою, г. Неовіусъ находитъ что—

таможенный вопросъ, въ связи съ вопросомъ монетнымъ и почтовымъ, долженъ былъ возбудить сильную тревогу во всѣхъ классахъ общества, особенно въ виду упорной, ничѣмъ не брезгающей агитаціи противъ Финляндіи,

и что —

средство тревогу прекратить, это сохранить таможенную черту, отдѣляющую Финляндію отъ Россіи.

Съ настоящею финляндскою развязностью, г. Неовіусъ,—

разказываетъ исторію таможеннаго тарифа Финляндіи. Понятно, о періодѣ когда тарифъ былъ общій упоминается лишь вскользь, за то съ любовью и подробностью излагается какъ обморочили Финляндцы послѣ Крымской войны русскія власти для исходатайствованія ряда уступокъ упрочившихъ отличіе Княжества отъ Россіи. Пока существовало еще до Крымской войны, нѣкоторое сближеніе, Финляндія была бѣдна, непросвѣщенна и неустроена; съ тѣхъ поръ же какъ шведская „Форма Правленія“ стала будто бы основнымъ закономъ страны (чего въ дѣйствительности, какъ извѣстно, никогда не

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года № 352, отъ 21 декабря.

** *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 353, отъ 22 декабря.

было), водворились миръ и общее благоденствіе.

Введеніе Финляндіи въ обще-русскую таможенную черту, по г. Неовіусу, было бы разорительно для края, такъ какъ жителямъ придется, дескать, платить дороже за европейскіе товары. *Новое Время* замѣчаетъ на это:

Разсматривая же статьи дохода въ отдѣльности, оказывается что двѣ трети дохода даютъ поваренная соль, сахаръ и табакъ, то-есть такіе предметы которые моремъ изъ южной Россіи Финляндія могла бы имѣть безпошлинно и дешевле чѣмъ получаетъ она теперь изъ-за границы. Затѣмъ и другія статьи дающія доходъ, напр., азіятскій хлопокъ, маргаринъ, сало, кожи, стеаринъ, рыбій жиръ, крупу, солодъ, отчасти виноградное вино, цементъ и кирпичъ (на всѣ эти товары указываетъ г. Неовіусъ какъ на идущіе изъ-заграницы безпошлинно, когда въ Россіи они обложены пошлиной) Финляндія могла бы получать безпошлинно изъ Россіи, нисколько не нарушая существенно своихъ интересовъ и не платя дороже нынѣшняго.

Впрочемъ, г. Неовіусъ, возставая противъ таможеннаго объединенія, находитъ полезнымъ, для сближенія „обѣихъ сторонъ“, *облегчить доступъ финляндскимъ товарамъ въ Россію.*

Довольно остроумная комбинація.

9.

Польскія и шведскія сочувствія финляндскому сепаратизму. *

Безпокойные Поляки, — которыхъ единственная, кажется, задача соваться не въ свое дѣло, вездѣ сѣять смуты и раздоры, эти *безсильные* враги Россіи съ *сильною* къ ней завистью и ненавистью, затрогиваютъ отношенія Русскаго правительства къ Финляндіи. *Gazeta Narodowa* ораторствуетъ:

Финляндія имѣетъ значительную автономію, свою особенную таможню, имѣетъ сеймъ съ законодательною (?) властью.

Но вотъ, вслѣдствіе распоряженій Русскаго правительства,—

въ Петербургѣ образуется коммиссія съ цѣлію измѣненія финляндской конституціи. Сеймъ Финляндскій останется и на дальнѣйшее время, но сохранитъ право (!) только совѣщательнаго собранія, а не законодательнаго. Нынѣшній финляндскій уголовный кодексъ будетъ значительно измѣненъ.

Всѣ эти распоряженія называются у Поляковъ *покушеніемъ* на мѣстную конституцію, воображеніемъ созданную и украшенную.

Такую же пѣсню затягиваетъ стокгольмская газета *Stockholms Dagblad* по поводу выхода въ отставку финляндскаго сенатора Монгомери:

Знаменитѣйшіе мужи (!) Финляндіи одинъ за другимъ оставляютъ свои важныя мѣста что служитъ, очевидно, грустнымъ признакомъ что „дурно идутъ дѣла въ нашемъ старинномъ *братскомъ* краѣ“.

Дурно ли, хорошо ли идутъ дѣла, объ этомъ судить не чужеземнымъ и корыстнымъ „друзьямъ“ Финляндіи...

---

* *Московскія Вѣдомости* 1890 года, № 360, отъ 30 декабря.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Замѣченныя опечатки.

Страница,	колонна,	строка.	*Напечатано:*	*Смѣдуетъ читать:*
30	2я	13 сверху	Колоніуса	Калоніуса
54	2я	7 „	Юрво Коскиненъ	Юрье-Коскиненъ
186	—	3 „	1889	1890
249	—	3 „	№ 88	№ 98
284	2я	11 „	этотъ	этомъ
289	1я	12 „	Хёкертъ	Хёккертъ